Михаил Лост

ПРИНЦЕССА КРОВИ

фэнтезийный роман
V часть

© Авторские права защищены

Оглавление:

Часть V 3
– 1 – 3
– 2 – 52
– 3 – 99
– 4 – 156
– 5 – 197
– 6 – 246
– 7 – 294
– 8 – 339
– 9 – 389
– 10 – 453
– 11 – 501
– 12 – 544
– 13 – 586
– 14 – 634
ЭПИЛОГ 670

Часть V
ДОЧЕРИ СВЕТА

Демоны бегут,
когда ангел жертвует собой.

– 1 –

Всходило солнце. Его золотая кромка, показавшись из-за горизонта, щедро одарила лучами величественный город. Эти лучи заблестели на куполах и шпилях тысячами ярких бликов, пробежали по заалевшим крышам домов, заглянули в окна, заиграв на стеклах искрящимися огнями. Цветные витражи зажглись словно овеянные колдовством. Зеркала, завидев показавшееся светило, немедленно вспыхивали, отражая потоки света в окружающее пространство. Солнечные зайчики запрыгали среди таявших теней, своими шаловливыми скачками празднуя очередную победу дня над ночью. Они проникали в самые темные закоулки светлыми пятнышками, разносившими задорные блестки утреннего привета. Загорелись струи фонтанов, засверкав хрустальными каплями. Гладь водоемов накрыло сияющее покрывало. Флаги и вымпелы на мачтах и флагштоках наполнились красками. Краски оживали в садах и скверах, пламенели на прекрасных барельефах, озаряли чело величественных статуй.

Вслед за солнечным светом приходили звуки. Город, раскинувшийся на десятки миль, просыпался. Хлопали ставни, открывая окна навстречу новому дню, сдвигались засовы многочисленных дверей. Лавки и магазины распахивали витрины, пробуждались торговые ряды. Рынки наполнялись шарканьем шагов, цокотом копыт и стуком колес катившихся повозок. Гремели бидоны молочников. Зеленщики, постукивая коробками, раскладывали на лотках свежий товар. Раздались крики первых зазывал, смешавшись с криками погонщиков и водоносов. Зашуршали бесчисленные метлы, очищая дворы и мостовые от мусора и пыли. Где-то зазвенел кузнечный молот, и этот звон немедленно подхватили заработавшие ремесленные цеха. На улицах и площадях быстро прибавлялось прохожих. Людской гомон нарастал, сливаясь в один привычный неразборчивый гул.

Лучше всего за стряхивавшим дрему городом было наблюдать из огромного величественного дворца. Точнее, из того, что входило в дворцовый комплекс, поскольку он состоял не только из корпусов, стен и башен. Над четырьмя секторами великолепного чертога висели в воздухе большие платформы, на которых располага-

лись архитектурные ансамбли, ничуть не уступающие по красоте наземным. Они символизировали стороны света и назывались соответствующим образом. Пятая, центральная платформа, парила гораздо выше остальных, находясь прямо над главным куполом с тронным залом. В ее середине тянулась к небу высокая башня, выполненная из того же материала, что и весь дворец — темно-фиолетового импрезиториума, известного так же как нерушимый колдовской обсидиан. Башня увенчивалась обзорной площадкой, окруженной перилами из белого металла с золоченой насечкой. С этой площадки открывался потрясающий вид. Весь огромный город лежал как на ладони, а за его пределами расстилались богатые поля и зеленели рощи, блестели озера и колыхались травами сочные луга. На петлявших лентах дорог движущимися пятнышками виднелись пешие путники и всадники, цепочками тянулись караваны, бугорками выделялись экипажи. Речную гладь, уходившую к горизонту, усеивали паруса лодок и кораблей. Пригороды и небольшие деревушки, невидимые даже с городских стен, с вершины башни казались не такими уж и далекими.

За всем этим великолепием молча наблюдал рослый человек в тяжелой пурпурной мантии, отороченной белоснежной каймой с черными вставками. На его шее, поверх одеяния из сапфирового бархата, висел круглый белый медальон с кроваво-красным рубином, выполненным в виде обращенной вниз капли. Голову венчала зубчатая корона, где в основании центрального зубца горел еще один рубин диаметром с куриное яйцо. В лучах восходящего солнца корона переливалась игрой бесчисленных драгоценных камней идеальных цвета и формы, а рубин светился так ярко, будто у него внутри сияла настоящая звезда. Лицо человека в мантии выражало глубокую задумчивость. Оно принадлежало мужчине неопределенного возраста, чьи волосы вроде бы тронула седина, поселившаяся как на висках, так и среди волнистых черных прядей, однако не выглядело достаточно постаревшим, чтобы им соответствовать. Мужчина, вне всякого сомнения, был зрелым, и эта зрелость читалась во всем — от выражения степенного величия в правильных чертах лица до затаенной мудрости в глубоких сиреневых глазах. При этом его кожа почти не имела морщин, обыкновенно сопутствующих седине, и лишь небольшие складки залегли подле переносицы да в уголках глаз. По одним признакам высокому человеку можно было дать лет тридцать пять, по другим явно больше пятидесяти. Однако тот, кто пытался бы таким образом сыграть в угадайку, узнай он его истинный возраст пришел бы в благоговейный трепет. Ибо этот возраст исчислялся даже не веками.

Опершись руками на перила, мужчина неторопливо обводил взором раскинувшиеся вокруг просторы. Прекрасный город, окружавший дворец, возник с незапамятных времен и постоянно рос, впитывая в себя все совершенные чудеса цивилизации. Некогда состоявший всего из нескольких кварталов, ныне он насчитывал около тридцати миль в поперечнике, неторопливо поглощая продолжавшие увеличиваться пригороды. Город был столицей огромного государства. Дворец был его душой, а сам он стал сердцем великой империи. Той империи, что вобрала в себя всю землю, омываемую мировым океаном, и что существовала уже многие тысячи лет под властью своего могущественного властелина. Население выросло многократно. Закладывались новые поселения, увеличивались уже существующие. Столицы это касалось в первую очередь, и ее старые границы мог различить лишь наметанный глаз, скользивший по домам и районам. Вон там прежде стояла крепостная стена, а там когда-то расстилалось чистое поле, где паслись стада и пастухи лениво дремали на залитой солнцем земле. Теперь поля и луга сместились гораздо дальше, съежившиеся рощи превратились во внутренние парки, а где некогда бродил скот лежит брусчатка мощеных улиц. Часть старого города уцелела, став своеобразным памятником старины, часть исчезла без следа. Для прогресса порой было гораздо проще целиком перестроить квартал с нуля, нежели тратить время и средства на его не слишком эффективную модернизацию. Это касалось не только лачуг, а и богатых особняков, не отвечавших перспективам стучавшегося в двери прогресса. Тесные улочки, неудачные архитектурные решения были обречены перед инновациями, выводивших город на новый уровень развития. Гражданам этого столетия трудно было представить, что некогда в их жилищах отсутствовал центральный водопровод и забор стоков. Раньше вода добывалась в колодцах, а для мытья существовали общественные бани. Последние, правда, сохранились до сих пор, превратившись в оздоровительные комплексы, но любой гражданин поворотом крана открывал у себя дома как холодную, так и горячую воду. Даже самый неимущий. Что же касалось стоков, то они давно уже приняли упорядоченную структуру. Сарайчики уличных уборных и выгребные ямы остались архаичным воспоминанием о примитивной древности. Каждое жилое строение оснащалось всеми удобствами для нормальной повседневной жизни. Под столицей раскинулся целый подземный город, где система тоннелей и технических приспособлений обеспечивала нужды города наземного. Доступность воды и решение проблемы удаления отходов придала столице резкий скачок в дальнейшем развитии. Следующим этапом стало ос-

вещение. Некогда жители жгли свечи и масляные лампы, да и вообще боролись с темнотой кто во что горазд. Ныне к таким средствам прибегали лишь по случаю. Везде, на улицах и площадях, в скверики и тоннелях горели многочисленные фонари, и чем темнее становилось на улице, тем ярче они сияли. Такие же фонари украшали любое крыльцо, располагались во внутренних двориках, озаряли убранство комнат. Уличные светильники целиком и полностью являлись заботой городских властей, поддерживаясь в отличном состоянии. В зависимости от места установки, их внешний вид имел определенное оформление, соответствующее окружению. На площадях одни, в парках другие, подле фонтана со скульптурным ансамблем третьи. Уход за домашними оставался за их владельцами. В городе существовали целые магазины, торгующие исключительно осветительными приборами, и на какие только изыски не пускались мастеровые, поставляющие товар продавцам и на заказ. При этом самая главная особенность городского освещения заключалась отнюдь не в его количестве и качестве. Все оно сводилось в единую сеть, начиная от самых незначительных фонарей в переулках и заканчивая огромными люстрами в богатых особняках. В светлое время суток все светильники накапливали солнечную энергию как самостоятельно, так и передавая ее на центральный узел. С наступлением темноты она шла на отдачу, никогда не позволяя мраку захватить улицы. Поворот регулятора в комнате — и вот уже не требуется никакого открытого огня. Городскую энергетическую сеть наполняли не только светильники. Крыши зданий могли выглядеть совершенно поразному, однако всегда имели между собой кое-что общее. В них был встроен особый материал, собиравший солнечную энергию и передававший ее через специальный канал в единый накопитель. Таким образом, каждая кровля в столице представляла собой некую декорированную панель для сбора дневного света, излучаемого обратно с наступлением ночи. Налаженное освещение в свою очередь толкнуло город на следующий виток развития. Он обзавелся массой полезных механизмов. Система подъемников раз и навсегда решила проблему доставки тяжелых грузов на значительную высоту и, как следствие, сняла ограничения с малоэтажного строительства. Люди и вещи поднимались с первого этажа на последний в невиданные сроки. Мучительный перенос многопудовых нош остался в прошлом. Посетители гостиниц и ресторанов взлетали на верхние площадки с такой же легкостью, как астрономы на вершины своих башен. Грузчики перемещали огромные тюки с небывалой простотой. Механизация проникала в каждый уголок городской жизни, значительно облегчая повседневные буд-

ни граждан. От порта до складов и ремесленных цехов ходили повозки на энергетической тяге, доставлявшие массу товаров в обе стороны. Продукты в лавках и магазинах надежно сохранялись на ледниках, сделанных отнюдь не по принципу "зарой меня поглубже в землю". Новые строения возводились с применением самых последних технологий, позволявших создавать невиданные конструкции за малое время. Порой они висели прямо в воздухе, расположившись на небесных платформах, и частенько отправлялись к пункту назначения перелетом. Уровень над землей определялся регламентом, которому подчинялись все воздушные объекты столицы. Как правило, платформы не забирались слишком высоко и уж точно никогда не пытались догнать парившие в небе ансамбли императорского дворца. Между собой они сообщались не только системой подъемников. Чудесные крылатые существа представляли весьма любопытное зрелище, особенно в глазах неискушенного наблюдателя. Впрочем, сие обыкновенно относилось к наиболее удаленным провинциям. Жители крупных городов настолько привыкли к летающим животным, что уже много поколений не обращали на них внимания. Одиночные всадники, небесные экипажи, целые грузовые или пассажирские поезда то и дело взмывали ввысь и направлялись кто куда. Запретная зона для полетов существовала только вокруг императорского дворца и некоторых государственных учреждений. В остальном все имевшие право вылета путешествовали где хотели. Перечисленные элементы стали неотъемлемыми звеньями цивилизации, непрерывно двигавшейся вперед, и правитель, стоявший во главе великой империи, уверенно смотрел в будущее. По меркам простых обывателей столь отдаленное, что они даже не задумывались когда настанет его час. Правитель, между тем, имел все основания ожидать его прихода еще при своей жизни. Однажды гражданам империи станет тесно в существующих пределах и им потребуется осваивать пределы совсем иные. Прошло двадцать тысяч лет — и мир людей изменился до неузнаваемости. Еще через двадцать тысяч ныне живущие также не узнали бы родные края, переродившиеся в новых горизонтах. Могущественный правитель и понятия не имел, что его прогнозы в точности сбудутся, да только в совершенно ином свете...

Мужчина в короне продолжал глядеть на прекрасный город, за которым расстилались не менее прекрасные дали. В его воображении одновременно существовали как минимум три реальности, наслаивающиеся друг на друга. Настоящее представало в своем истинном виде, однако на его месте проступало не только прошлое, но и грядущее. Причем означенные три реальности были

числом довольно-таки условным, поскольку даже нынешнее воплощение имело несколько вариаций перед внутренним взором наблюдателя в пурпурной мантии. Только прошлое неизменно, но это прошлое могло породить массу разных действительностей, и рослый мужчина видел их все одновременно. Видел, каким сегодняшний мир мог бы стать, если бы он предпринял те или иные шаги, некогда сделал другой выбор. Будущее же и вовсе представало в несметном множестве, где лишь условно вычленялись наиболее вероятные события. Умению предвосхищать, анализировать и помнить человек в мантии научился за свою долгую жизнь. Он давно уже мыслил совсем другими категориями, нежели простые граждане, и оперировал величинами иного порядка. Он не обращался к истории, листая старинные рукописи и манускрипты — он сам был ее до сих пор живущим творцом. Он жил не просто завтрашним днем, составляя великие планы — он предвидел целые эпохи. Он мог себе это позволить. Его власть была абсолютной, а воля непреодолимой. Однако сейчас, стоя на вершине центральной башни, человек в короне хоть и созерцал широкие просторы, видя их сразу во множестве реальностей, подлинно его мысли занимало нечто совсем другое. Его лицо по обыкновению выглядело величественным и спокойным. Ни одна дрогнувшая жилка, ни движение ресниц не указывали даже на малейшее волнение. Пальцы неподвижно лежали на парапете, а грудь привычно вздымалась в ровном дыхании. Между тем сердце в груди учащенно билось, а в душе царила незримая буря. Ведь впервые за все эти века, складывавшиеся в тысячелетия, в собственной жизни венценосного человека вот-вот произойдет редчайшее событие.

Позади, практически беззвучно, вышла из шахты и остановилась подъемная площадка. Рослый мужчина даже не пошевелился. Он прекрасно знал, что она доставила только одного человека, осмелившегося нарушить его одиночество. Глаза на затылке тут были не при чем, тем более что и отсутствовали как таковые. Мужчина в мантии уловил появление посетителя еще до того, как подъемник достиг вершины башни. Его внутренний взор позволял видеть всех живых существ на определенном радиусе, несколько менявшимся в зависимости от задумчивости и концентрации. Причина визита также не оставляла сомнений, тем паче что великолепно читалась по эмоциональному фону. В нем не было ни печали, ни страха за дурную весть. Строго наоборот — от прибывшего исходили волны совсем другого сорта. Известие, вне всяких сомнений, было радостным, и мужчина в мантии понял что сейчас услышит еще до того, как был произнесен первый звук.

— Ваше величество… — позвал прибывший гонец.

— Ну?! — в порыве внезапно нахлынувших чувств воскликнул человек в короне, резко повернувшись на месте.
— Ваша супруга благополучно разрешилась от бремени. У вас родилась дочь! — сообщил сияющий гонец.
И чуть не потерял сознание от волны жизненной энергии, ударившей колоссально мощным напором. Позабыв о степенности и величии, мужчина в пурпурной мантии устремился к подъемной площадке. Всего через несколько секунд она уже опускалась в глубины башни, паривший высоко над дворцом вместе с окаймлявшим ее архитектурным комплексом. А еще через несколько минут по всему городу ожили все колокола, перекликаясь звонким праздничным перезвоном. Запели трубы герольдов, зазвенели хрустальными голосами сигнальные кристаллы. Вся столица узнала, что в венценосной семье произошло долгожданное прибавление.

В этот час император специально держался подальше от покоев, где находилась его жена. Оттого он и проводил время в одиночестве на вершине самой высокой башни, чтобы своим внутренним взором не видеть того, что происходило за закрытыми дверями. Таинство рождения ребенка он предпочитал оставить природе и принять его лишь в тот момент, когда дитя появится на свет. Император начал ощущать его присутствие задолго до сегодняшнего дня, но миг рождения, миг перехода в самостоятельную жизнь впервые вызывал у него безмерный трепет. Трепет настолько сильный, что он удалился прочь, чтобы не нарушать его волшебство. Теперь, подходя быстрым шагом к покоям супруги, он явственно ощущал новую жизнь, покоившуюся у нее на руках. Ощущал ее отличное здоровье и таившуюся, пока еще нераскрытую силу. Ему не надо было быть ни медиком, ни чародеем, чтобы установить эти нехитрые истины даже через толщи дворцовых стен. Его дочь, его долгожданное сокровище унаследовала дар отца, и в этом не имелось ни малейших сомнений. Рождение детей у Повелителей Крови — величайшая редкость. Рождение ребенка сразу от двух из них — редкость поистине астрономическая. Император по праву назывался Властелином Крови, ибо могущество его дара многократно превосходило всех прочих. Его супруга также была им наделена, и наделена в немалой степени. Их союз длился долгие тысячи лет и до недавних пор оставался бесплодным. И вот, несколько месяцев назад, император, находясь подле жены и занимаясь обыденными государственными делами, вдруг осознал, что в ее теле появилось некое разделение. Теперь оно принадлежало не только одному человеку, а сразу двум, и сразу два источника жизни отчетливо пульсировали перед его внутренним взором. Император, до глубины души потрясенный сделан-

ным открытием, поднял взор на жену, и та ответила ему не менее смятенным взглядом. Передать всю бурю всколыхнувшихся у них эмоций не представлялось возможным. Тогда никто из придворных так и не понял, отчего официальный прием неожиданно прервался без всяких на то предпосылок. Только что супруги восседали рука об руку на стоявших рядом тронах — и вдруг, прямо посреди собрания, следует приказ немедленно очистить зал. Приказ, отданный непривычно взволнованным голосом повелителя. И едва он был выполнен, венценосные супруги немедленно удалились в свои покои, где смогли без посторонних глаз предаться трепетному восторгу по поводу удивительного события. Какая-либо ошибка исключалась. Оба Повелителя Крови не могли ошибаться насчет беременности. Для такого диагноза им не требовалась чья-либо сторонняя помощь. Не требовалось и наблюдение врачей, ибо Повелители сами были лучше всех врачей вместе взятых. Под бдительным присмотром отца и матери плод развивался наилучшим образом. С волнением в сердце император и императрица прислушивались к жизненной пульсации формировавшегося дитя, боясь уловить какую-нибудь патологию. Но их страхи были напрасны. Оно росло совершенно здоровым без каких-либо врожденных дефектов, и вскоре стало ясно, что это девочка. У Властелина Крови на сей счет не имелось никаких предубеждений. Он был счастлив любому ребенку, вне зависимости от его пола. У него хватало оснований считать, что брак с другим Повелителем Крови останется бесплодным. Теперь же он смел надеяться на уникальные черты будущего дитя, рожденного в столь редком союзе. Он практически не сомневался, что оно унаследует дар родителей, но окончательно уверился в этом после его появления на свет. Этот дар, видимый пока только супругам, заявил о себе достаточно, чтобы понять всю его грядущую силу. До ее подлинного пробуждения было далеко, но Повелители Крови на то и Повелители Крови, чтобы уметь распознавать такие вещи. Войдя в покои супруги, император направился прямиком к ее постели, где она полусидела на подушках, держа на руках новорожденного младенца. Придворные склонились в низком поклоне, окружавшие ложе чародеи и чародейки расступились. Император не замечал их, он видел только жену и свое дитя. Дитя, в котором еще не проснулся разум, но которое однажды вырастет и станет великим человеком, унаследовав дар своего отца. В первую очередь именно отца, поскольку его дремавшая сила не оставляла ни малейших сомнений. Сев на край постели, император нежно облобызал жену и прикоснулся к щечке ребенка. Он сделал это безбоязненно. Дочь не могла заболеть опасной инфекцией, и ничто попавшее на кожу ей не грози-

ло. Ее иммунитет уничтожал любую агрессивную субстанцию. Ни бактерии, ни яд, ни злое колдовство были не в силах причинить ей сколь-нибудь заметного вреда. С колдовством, впрочем, сейчас все обстояло не столь гладко. Пока девочка мала, она сопротивляется ему менее эффективно, чем отец и мать. Поэтому с того дня, как родители узнали о скором пополнении в семье, к императрице приставили могущественных чародеек, посвященных в тайну ее чрева. Они должны были бдительно оберегать ребенка вплоть до его рождения и далее на протяжении первых лет жизни. В остальном иммунитет девочки отлично работал уже сейчас, отчего ее не взяла бы даже легочная чума, а стрихнин или цианиды принесли бы не больше ущерба, чем аптекарские пилюли от несварения желудка. Император отлично это сознавал, чувствуя исходившую от дочери жизненную силу. Ребенку требовалось дать имя, и с этим он не затянул. У императора было много лет, чтобы придумать как он назовет детей, и теперь оставалось лишь во всеуслышание огласить свой выбор. Он сделал это без малейшей запинки, однако имя прозвучало совсем не то, что он вынашивал до сих пор. Оно возникло из ниоткуда, вынырнуло в последний момент, озаренное лучезарным событием. Император, гладя дочь по крохотной головке, где пробивались первые золотистые волосы, произнес его с выражением величайшего счастья, присовокупив к нему красноречивое свидетельство могущества:

— С днем рождения, Илиана! С днем рождения, дитя мое! С днем рождения, Принцесса Крови!

Девочка, словно услышав обращенные к ней слова, приоткрыла крошечные глазки, такие же сиреневые, как у ее венценосного родителя. При виде этого очевидного сходства император окончательно растаял и позволил себе расчувствоваться при посторонних, чего за ним давно уже не водилось.

— Юстелий, любовь моя, когда же ты выбрал для дочери это имя? — мягко произнесла роженица, подняв на супруга удивленный взгляд.

— Только что, — улыбнулся тот. — Я услышал весть о ее рождении в лучах золотого рассвета. Она — новое солнце нашей империи. Зажегшись сегодня, оно будет сиять на мировом небосводе долгие годы. Все склонятся перед ее могуществом, а ее воля станет определять развитие цивилизаций.

— Что ж, я одобряю твой выбор, — опустила ресницы новоиспеченная мать. — Одобряю и надеюсь, что наша дочь унаследует что-нибудь и от меня. Что новое солнце империи будет не только повелевать, но и одаривать людей теплом и любовью, заботой и добротой.

Она не оспаривала мнение супруга. Во-первых, имя уже публично произнесено и поздно его менять. Во-вторых, оно понравилось ей самой, так что даже будь у императрицы возможность, она не стала бы переубеждать мужа. Переубеждать того единственного человека, на которого ее дар убеждения не действовал.

— Так и будет, моя обожаемая Триниона, так и будет! — уверенно заявил император. — Наше дитя вберет все наши качества и явит миру поистине великую правительницу!

Будущая великая правительница пошевелилась. Пожевав губами, она изъявила ясное желание подкрепиться. Младенца не передали на попечение кормилицы, как это обыкновенно принято в знатных семьях и тем более в венценосных. Императрица была не простой женщиной, а Повелительницей Крови. Кормить своего ребенка она намеревалась самостоятельно. Столько, сколько потребуется. Император, нежно поцеловав жену, выразил ей душой и сердцем бесконечную признательность, причем безмолвно куда красноречивее и сильнее, нежели прозвучавшими словами. Затем оставил ее на попечение придворных дам и чародеек, удалившись решать государственные вопросы, связанные с появлением наследницы.

Илиана Ардарианская, Принцесса Крови по праву рождения и по праву могущества — так официально звучало имя новорожденной в государственных бумагах, навеки закреплявших ее высокое положение и правящий статус. Девочка еще спала первым крепким сном, а во все концы империи уже понеслись срочные депеши, извещавшие провинции о знаменательном событии. Вне зависимости от расстояния, депеши доставлялись мгновенно через сферы прямой пространственной связи, в кругах чародеев именовавшихся Конту-Фенеструм. Разумеется, речь шла об устном сообщении, поскольку письменные отправления передавались более традиционным образом при помощи гонцов на крылатых животных. Эти гонцы, сотнями взмывая в небо над Сангвиторией — столицей Ардариании, — ринулись во все концы мира, отвозя пакеты с оттиском большой императорской печати. Сама же столица ликовала, продолжая заливаться колокольным перезвоном. По указу императора, оглашенному на всех улицах и площадях, с этого дня начинался праздничный месяц, посвященный рождению принцессы. Сам день Властелин Крови не сделал календарным праздником только потому, что его все равно станут отмечать по всей империи каждый год с подобающим размахом. Для повелителя и месяц был не срок, но слишком продолжительные торжества не лучшим образом скажутся на состоянии казны, за счет которой они организованы. Империя процветала, но процветала в том чис-

ле благодаря развитой экономике и эффективному управлению. Ее правитель мог позволить подданным отдохнуть и развлечься на государственные средства целых четыре недели, но затем следовало вернуться к обычным будням.

Салюты, взлетавшие над Сангвиторией, были подготовлены заранее. Даже в ярком свете солнца они выглядели вполне красиво, созданные лучшими чародеями, однако подлинная феерия красок ждала граждан с наступлением темноты. До вечера было еще далеко, но никто не оставался внакладе. По всему городу выкатывались столы с угощением, имевшимся в достаточном количестве, чтобы граждане не устраивали давку. Играла живая музыка, наполняя кварталы заливистыми мелодиями. Фонтаны забили высоко в небо, образуя настоящие сказочные миражи в свете каждой переливавшейся в каплях радуги. Увеселительные заведения распахивали двери для всех желающих, поскольку все расходы были заведомо предусмотрены. Расцветали колдовские растения, в изобилии появившиеся на каждом свободном клочке земли. Взмывали воздушные шары, кружившие в небесной лазури целыми стаями, то и дело складывавшимися в различные фантастические фигуры. С больших и малых летающих платформ сыпались искрящиеся блестки, будто с их краев проливались на землю водопады из сверкавших на солнце крупинок золота. Повсюду развивались цветастые ленты, от изумительных ароматов, в единочасье наполнивших столицу, пьянела голова. Кругом росли как грибы палатки и навесы, где в изобилии выставлялись еда и питье на самые разные вкусы. Из огромных бочек рекой лилось вино, лотки со снедью непрерывно наполнялись, никогда не пустея. В яствах не отказывали никому, не делая разницы между богатыми и бедными, горожанами и гостями города. Любой мог подойти и взять что душа пожелает, и это касалось абсолютно всего, что открыто предлагалось народу без всяких ограничений. Праздники в провинциях император предоставил на откуп губернаторам, но в собственной столице велел все организовать по высшему разряду. И его желание было в точности исполнено. Оно включало и подарки для малоимущих, раздаваемые адресно и в зависимости от потребностей. Император хотел, чтобы рождение его дочери запомнилось надолго не только как воспоминание о великом пире и торжествах, но и в повседневных вещах, служащих людям долгие годы. Хорошая посуда, добротные одеяла, предметы обихода — все это вручали нуждавшимся гражданам. Империя процветала, однако и в ней существовали не только богатые, но и бедные. Таков был естественный порядок вещей, но повелитель заботился обо всех подданных. Никто не становился нищим и голодным без вес-

ких на то причин. Потерявший кров всегда имел возможность обратиться к властям за помощью, оставшийся без средств на пропитание — не умереть от истощения. Другое дело, что сами люди порой выбирали путь вне общепринятой системы, предпочитая вести специфический образ жизни. Таких никто не неволил, пока они не совершали преступления, но и не поощряли. Двери государственных учреждений всегда оставались для них открыты, только некоторые не входили в них принципиально, предпочитая бродяжничать или отказываясь платить вполне посильным трудом за еду и крышу над головой. Принудительная работа была законодательно запрещена. Любой гражданин империи от рождения обладал полной свободой, и таковой он владел до тех пор, пока не нарушал права другого человека, либо же не вступал в конфликт с государством. Если человек по доброй воле становился бродягой, никто не имел права запретить ему скитаться из провинции в провинцию и спать под сенью деревьев возле проезжего тракта.

Впрочем, с правами и свободами следовало сделать немаловажную оговорку. За них особенно ратовал не столько император, сколько его супруга. Юстелий Ардарианский, человек суровый и властный, правил достаточно долго, чтобы перестать интересоваться судьбами отдельных подданных. Он оперировал массами, не заостряя внимание на отдельных винтиках мирового механизма. Его волновали города и огромные регионы, развитие экономики и прогресс цивилизации. В глазах императора существовали сухие цифры статистических сводок, подкрепляемые либо опровергаемые его собственным ощущением людей. Он следовал им для счастья и процветания большинства, при этом с каждой новой тысячей лет все меньше обращал внимания на то, какими путями оно достигается. Императрица же проявляла подлинную заботу о людях, с годами все еще не исчезнувшую в ее сердце. Она и стояла за многими социальными законами, действовавшими на всей территории государства. Император прислушивался к мнению жены и периодически уступал ей в вопросах, которые считал не слишком значительными и которые кардинально не противоречили проводимой им политике. Триниона Ардарианская обеспечивала подданным те права, которые без ее инициативы давно канули бы в лету. Так они и правили рука об руку. Властелин Крови занимался глобальными проблемами империи, а его царственная супруга пеклась о нуждах и радостях ее граждан.

Маленькой дочери венценосной четы пока не было забот до всего того, что происходило за пределами дворца. Посапывая в колыбельке, сейчас она мало чем отличалась от всех остальных детей, разве что обладала идеальным здоровьем и отменным аппети-

том. Там, за стенами из фиолетового импрезиториума, гудел огромный город, празднуя ее появление на свет, а виновница торжества и в ус не дула, видя одним лишь младенцам доступные сны. Колыбелька стояла подле ложа матери, и за ней непрерывно приглядывал кто-нибудь из доверенных лиц, особенно если императрица отлучалась по важному делу. Также при девочке всегда находился кто-нибудь из чародеек. Не простых — старших. Тех, что сами носили венцы, свидетельствующие об их положении и могуществе. Об этом могуществе ходили настоящие легенды, и почти все они происходили из действительности. Эти женщины могли обращать реки вспять, вздымать целые скалы и строить новые башни быстрее тысячи рабочих. Причем башни, парившие прямо в воздухе и способные выдержать натиск целой армии. Еще до рождения дочери император определил круг лиц, которым заранее поручил о ней заботиться. Ее воспитанием и образованием должны были заниматься лучшие умы эпохи, а где их сыскать, как не среди чародеев и чародеек? Особенно последних, живущих до двух тысяч лет и ввиду этого обладавших чрезвычайно обширными познаниями в самых разных областях. Именно им, помимо избранных служанок и нянек, доверили величайшую ценность императора, и именно они должны были обеспечить Принцессе Крови все необходимое на пути к величию. Для новорожденной крошки уже вовсю готовили целое крыло дворца, изначально и планировавшееся для наследников, включая паривщую над ним восточную платформу. Она переедет туда как только выйдет из грудничкового возраста, перестав нуждаться в непрерывном присутствии родительницы. Там она и начнет долгий путь восхождения в качестве нового солнца империи, а до тех пор всех ее забот — есть и спать под тихое пение матери, хранимой самыми могущественными чародейками.

Большинство граждан искренне радовались редчайшему событию в семье императора. Властелин Крови воспринимался как нечто само собой разумеющееся, что было, есть и будет. Его правление длилось столь долго, что стало неотъемлемой частью привычного существования. На этом фоне рождение наследницы с одной стороны действительно выглядело ярчайшей звездой на небосводе огромной страны, а с другой делало великого бессменного монарха ближе к простым смертным. Почти все население Ардарианского континента с островами и архипелагами выражало верноподданнические чувства правящей чете, поздравляя ее словом и делом. Ведь империя и была континентом, взяв производную Ардарианя от его названия. Однако нашлись и те, кто отнесся к появлению принцессы совершенно иным образом.

В нескольких тысячах миль к востоку от Сангвитории раскинулся еще один крупный город, не слишком уступавший столице по занимаемой площади и численности населения. Он входил в состав большой провинции, которой традиционно управлял губернатор. Только в отличие от других этот губернатор имел очень важную особенность. Как и император, он принадлежал к числу избранных, наделенных особым даром. Попросту говоря, он тоже был Повелителем Крови, хоть и менее могущественным, чем Юстелий Ардарианский. Последним из них, если не считать супруги венценосного владыки. Теперь лишь сами Повелители Крови знали сколько их было изначально, ибо для остальных история жизни этих долгожителей терялась в глубине тысячелетий. Осведомленности губернатора хватало, чтобы понимать всю специфику своего положения. За минувшие тысячи лет император обрел абсолютную власть, сокрушив всех, кто стоял на его пути. И не в последнюю очередь всех обладавших таким же, как у него даром. Начав с одной страны, он постепенно расширял ее границы, поглощая регион за регионом, государство за государством. Он никуда не спешил, ибо в его распоряжении имелись столетия. Там, где не помогала дипломатия, он брал войнами, порой очень кровопролитными и продолжительными; когда не удавалось решить дело миром, в ход шла армия. И последний вариант применялся все чаще, поскольку с ростом империи росли и возможности ее правителя. В других Повелителях Крови, отнюдь не всегда стоявших во главе государств, Юстелий видел прямую угрозу своей власти, если и не сейчас, так в будущем. Ведь только они могли противостоять его необоримой воле и управлять людьми схожим с ним образом. Их армии император не способен взять под контроль, и хотя его могущество имело неоспоримое превосходство, города не открывали перед ним ворота, если их защищал обладатель уникального дара. Именно поэтому император устанавливал власть над всем континентом долгие тысячи лет и фамилию Ардарианский взял когда последнее независимое государство вошло в состав его страны. К тому времени Повелителей Крови осталось всего ничего, ибо император прозорливо побеспокоился об устранении конкурентов. Выступавших против него открыто он не щадил, опираясь на законные основания и положение победителя. Гораздо сложнее было с теми, кому он не мог предъявить каких-либо обвинений или убить во время большой войны. С теми, кто не перечил ему публично, отринув амбиции власти и посвятив свой дар служению людям. Император, при всех своих талантах, не рисковал идти в одиночку против всего общества. А общество наверняка отреагирует не лучшим образом, если почитаемых им светил подвергнут

гонениям, а то и вовсе уничтожат. Приходилось действовать хитрее. Юстелий Ардарианский растянул ликвидацию уцелевших Повелителей Крови на очень долгий период, во время которого обставил все должным образом. Он не желал оставлять их в живых, прекрасно понимая, что эти люди — единственная реальная угроза его правлению. И в своем намерении он преуспел. То, что было невозможно сделать сразу, постепенно стиралось из памяти поколений, позволяя спустя века осуществить задуманное. Император сделал исключение лишь дважды. Женщина по имени Триниона, обладавшая невероятным даром убеждения, стала его женой. Сам себе Юстелий мотивировал такой союз большой выгодой для империи. Там, где нежелательно действовать силой, стоит пойти по пути уговоров. Зачем принуждать человека к чему-либо, если иной раз проще убедить его в своей правоте? Освободившись от воли императора, человек по-прежнему способен идти против него. Разделивший же его убеждения становится верным слугой. Однако на деле существовала еще одна причина, побудившая Властелина Крови сберечь жизнь Тринионы. Ее дар не него не действовал, чего никак нельзя было сказать о женских чарах, пленивших сердце сурового монарха. Он попросту полюбил свою избранницу и однажды разделил с ней трон империи. Так и образовался уникальный союз двух Повелителей Крови, в то время как остальные один за другим канули в лету. Император отлично обставил их уход со сцены, и лишь немногим были известны истинные причины постепенного исчезновения обладателей великого дара. К числу посвященных принадлежал и упомянутый губернатор Таунсторм.

Известие о рождении наследницы Юстелия Ардарианского не вызвало у него столь же искренней радости, как у большинства подданных. Оно вообще не вызвало у него радости. Получив депешу из столицы, как губернатор он немедленно издал соответствующие распоряжения и вел себя подобающим образом. В душе, однако, предавался тягостным раздумьям. Таунсторм не строил иллюзий касательно своего положения. Он не разделил участь остальных Повелителей Крови по двум простым причинам. Во-первых, некогда согласившись принять власть императора, он ни разу не вызвал его нареканий, служа верой и правдой. Такая мощная опора, столь эффективный помощник как преданный Повелитель Крови был Юстелию чрезвычайно полезен, отчего он все еще и держал его при себе. Увы, при всех своих плюсах губернатор оставался опасен. Таунсторму было прекрасно известно, что император неоднократно подумывал его устранить, дабы избавиться от последней реальной угрозы. От незавидной судьбы губернатора спасало второе обстоятельство. Юстелий смотрел в бу-

дущее. Если кроме него там не останется других Повелителей Крови, для империи, выстроенной на абсолютной власти монарха, это очень плохо. Детей у него не было, и если он удалит с мировой доски Таунсторма, то таким образом собственноручно рискует исключить из грядущей истории всех Повелителей, без которых не мыслил существование цивилизации. Юстелий, разумеется, собирался пережить и жену и губернатора, однако у последнего могли быть собственные потомки. Потомки, которым однажды достанется трон, причем по желанию и с благословения самого императора. Фактически, как бы ни грубо это звучало, Юстелий оставлял Таунсторма на развод, если ему самому так и не удастся обзавестись наследниками. Означенные два обстоятельства надежно хранили губернатора от посягательств со стороны его величества. И одному из них пришел конец, когда герольды возвестили о рождении Принцессы Крови. Устранение Таунсторма теперь становилось лишь вопросом времени. Когда дочь окрепнет, император перестанет нуждаться в существовании еще одного Повелителя Крови.

Таунсторм не знал, сколько пройдет лет, прежде чем император решится на очевидное. Он лишь понимал, что это наверняка произойдет. Он уступал Властелину Крови в могуществе, но ума у него хватало, чтобы осознать неизбежность вполне определенного будущего. Каким именно образом Юстелий Ардарианский от него избавится — какая, собственно, разница? Важно, что это однажды случится, и скорее раньше, чем позже. Скорее всего, в течение ближайших нескольких лет, как только принцесса выйдет из младенческого возраста. Бежать, скрываться было бесполезно. Император найдет его везде: достанет из-под земли, отыщет в самой последней дыре, обнаружит на необитаемом острове. Бросить ему сейчас открытый вызов и вовсе сродни чистейшему безумию. Император пользовался достаточной поддержкой и популярностью, чтобы с легкостью сломить любое восстание. Недовольных действующей властью откровенно не хватит для ее свержения. Особенно если учесть, что львиную долю этих недовольных Юстелий распознает за милю и устранит быстрее, чем те успеют что-либо предпринять. Отдавая распоряжения о празднествах по поводу рождения принцессы, Таунсторм заодно мог распорядиться готовить собственные похороны. Вероятно, какой-нибудь менее искушенный человек на его месте отправился бы прямиком к императору и поговорил начистоту. Губернатору этот путь был заказан. Все, что он скажет, в чем заверит и чем поклянется, император уже предвидел и обдумал точно так же, как и он сам. И сделал соответствующие выводы. Принял решение задолго до того, как по-

добный разговор вообще состоялся. По всему выходило, что судьба Таунсторма оказалась предрешена, едва дочь императора появилась на свет. Впереди вырисовывался безнадежный тупик, в лучшем случае заканчивающийся пышными речами над не менее пышным надгробием. Однако Таунсторм был Повелителем Крови, прожившим достаточно долго и набравшим немало бесценного опыта, чтобы сдаваться без борьбы. И раз уж у него не оставалось пути под властью императора, значит, следовало найти иной выход не пасть его очередной жертвой.

Сложнее всего в отношениях с Властелином Крови было то, что он ощущал эмоциональный фон людей. Таким образом, от ока императора не мог укрыться какой-либо дурной умысел, если его носитель оказывался в пределах радиуса воздействия. Юстелий не умел читать мысли, однако человека всегда выдавал его настрой, вполне достаточный, чтобы привлечь к нему внимание. Почуяв неладное, император обращал на цель пристальный взор и легко выводил ее на чистую воду. Не ответить на его вопросы не представлялось возможным. Воля Властелина Крови была необорима. Казнокрад сознавался в воровстве, взяточник в стяжательстве, несостоявшийся цареубийца — в планируемом покушении. Император без труда улавливал любое недовольство, и в случае необходимости умело определял его характер. К примеру, гражданин, умеренно раздраженный каким-то конкретным законом, сам по себе не опасен. Всем людям что-нибудь да не нравится, поэтому нельзя подозревать их в государственной измене только за то, что им не по душе новый налог, или указ правителя нарушил их личные планы. Совсем иначе дело обстояло с теми, кто ощущал перманентную неудовлетворенность самим императором. Их Юстелий немедленно брал на заметку, и если не сразу, то позже изыскивал случай заняться ими обстоятельнее. Таким образом, злоумышлять против него становилось крайне сложным и хлопотным делом, а откровенная измена становилась практически невозможной за самой невозможностью скрыть враждебные намерения. Разумеется, если злоумышленник не находился от императора достаточно далеко.

Непосредственно Таунсторма это не касалось. Как и остальные Повелители Крови, он не владел отличительной чертой императора и не видел эмоциональный фон людей, но и способность монарха на него не действовала. Губернатор позволял ему читать себя, но оба знали, что это потенциальная фальшивка. Что он способен скрывать истинные помыслы, генерируя лживый фасад, не отличимый от настоящего. Для Юстелия Ардарианского сие обстоятельство новостью отнюдь не являлось, поскольку и прочие

Повелители Крови обладали точно таким же иммунитетом. Включая его жену. Но Триниона была единственным человеком, которому император верил просто потому, что верил, тем паче, что неоднократно убеждался в ее искренности. Таунсторм такой привилегией не располагал. С одной стороны, велика беда? Губернатор имел возможность думать что угодно и оставаться безнаказанным. С другой — много ли с того толку? Обзаведясь сторонниками, он автоматически сделает их мишенью для незримого сонара императора. Уловив нечто большее, чем простое недовольство, Властелин Крови не оставит его без внимания. А ведь достаточно допросить одного подозреваемого, чтобы заполучить весь круг его контактов. Заполучить без всяких допросов третьей степени, поскольку никто не в силах противостоять воле императора, отвечая ему как на духу. Выявив одного заговорщика, Юстелий автоматически выявит всех тому известных. Собственно, так неоднократно и происходило прежде, отчего император до сих пор правил и здравствовал, а сами заговоры стали чрезвычайной редкостью. Во всяком случае, мало-мальски серьезные. Для губернатора это означало следующее: что бы он ни задумал, ему потребуются как минимум помощники, а лучше единомышленники. Но сам факт их привлечения тут же превращал любой замысел в карточный домик, который неминуемо рухнет на голову хозяина с первым же дуновением ветра.

Таунсторм, как и любой сановник, обладал кругом доверенных лиц, от слуг до генералов. Не всем выпадало счастье оказаться в фаворе у самого императора, но его покровительство тоже стоило многого. Отличительной чертой Таунсторма, как Повелителя Крови, был широкий круг приближенных заклинателей. Так для удобства именовались все обладатели колдовского дара, невзирая на пол и принадлежность к тому или иному классу. Император, само собой, был об этом прекрасно осведомлен, однако такое положение вещей считалось естественным. Повелители Крови многократно усиливали возможности людей, особенно колдовской натуры. Этим занимались сам Юстелий Ардарианский и его супруга. Этим занимался и Таунсторм, причем не просто с ведома, а даже по велению императора, переложившего на помощника немалую часть собственных забот. Таким образом, не было ничего удивительного, что вокруг губернатора сформировалось устойчивое общество заклинателей, привыкших иметь дело именно с ним. И если где и следовало искать себе сторонников, то в первую очередь среди этих могущественных людей. Собственно, они у Таунсторма и так уже имелись. Не нашедшие места возле престола вступали в свиту Повелителя Крови, недовольные императором поступали

точно так же. Вероятно, монарха это устраивало, ибо проще держать всех потенциальных бунтарей в одном месте. До поры. При этом Таунсторм понимал очень важную особенность. Сторонники сторонникам рознь. Одно дело — ворчать на императора, критиковать его законы и принцип действующей власти. Совсем другое — всерьез подумывать пойти против нее, либо же замышлять нечто такое, что Властелину Крови точно не понравится.

Сама по себе оппозиция в империи все еще существовала, как существовала часть либеральных законов, а также немало прав и свобод. Вот только с годами всего перечисленного становилось все меньше и меньше. По правде говоря, если бы не Триниона, император уже давно упразднил бы разрешенное бродяжничество, сделав трудовую занятость обязательной на благо всего общества, ликвидировал неприкосновенность частной жизни и вообще кардинально изменил свод законов. Императрица все еще служила главным оплотом от растущей тирании своего супруга, но этот оплот постепенно сдавал позиции. Следовало отметить, что Юстелий сам позволял жене влиять на жизнь в империи и находил ее политику вполне разумной и допустимой. Просто, с его точки зрения, в ней постепенно отпадала надобность. Та же оппозиция все еще имела право выражать несогласие с решениями властей по тому или иному поводу, озвучивая свое мнение по тем или иным вопросам. Влиятельные граждане, публичные фигуры, видные представители разных классов до сих пор находились в законном поле, печатая в газетах и журналах критикующие статьи и обсуждая насущные проблемы империи. Только их деятельность, незаметно для них самих, становилась все более показушной. Император считал, что достаточно изучил человеческое общество, чтобы хорошо разбираться в его нуждах и чаяниях. Он отнюдь не причислял себя к узурпаторам-самодурам, поступающим исключительно по собственной прихоти. Юстелий Ардарианский искренне верил, что правит во благо подданных. Просто он лучше знает, что им на самом деле нужно. Он способен о них позаботиться лучше кого бы то ни было, включая их самих, как умудренный годами отец о несмышленом ребенке. Дитя капризничает, но в конечном счете становится достойным человеком только благодаря надлежащему воспитанию со стороны родителя, когда поощряющего его, а когда и наказывающего. Именно поэтому император постепенно упразднял излишние права и свободы, находя их не просто бесполезными, а даже вредными для успешного развития общества. Зачем подданным забивать голову ненужными мыслями, если их монарх видит далеко вперед. Зачем топтаться на распутье, когда следует уверенно идти в будущее мудро проло-

женной дорогой. Мнение простых смертных о судьбах мира не может идти ни в какое сравнение с опытом Властелина Крови, насчитывающим десятки тысяч лет. Близорукий человек не способен увидеть свой собственный путь зрением орла. Значит, орлу и следует стать его проводником, пока близорукий не угодил в болото и не утащил за собой в придачу кого-нибудь еще.

Императрица, разумеется, знала все замыслы супруга, ибо у них не было друг от друга тайн. Она прекрасно понимала к чему идет дело и старалась умерить его абсолютизм. Юстелий по-прежнему к ней прислушивался, но с течением веков было нетрудно заметить, что Триниона постепенно утрачивает свои позиции. Решая, стать ли оппонентом своему мужу или верной спутницей, императрица выбрала последнее, и император высоко это ценил. Именно поэтому он до сих пор позволял ей сглаживать наиболее суровые черты своего характера и принимать участие в управлении государством и его подданными.

Однако к чему идет дело понимал и кое-кто еще. Во-первых, губернатор Таунсторм. Во-вторых, долгожители из числа чародеев и чародеек, а также ряд наиболее прозорливых людей, от природы наделенных немалой мудростью и отличным аналитическим мышлением. Впрочем, что касалось Повелителя Крови, то он вряд ли повел бы себя на месте императора иначе, однако это был хороший повод привлечь на свою сторону недовольных. Абсолютизм, в перспективе вырождавшийся в тиранию свобод и духа, представлялся не таким уж и светлым будущим, каким его видел Юстелий Ардарианский. Вот только мнения о способах предупредить наиболее неблагоприятное развитие событий разнились. Таунсторм, размышляя как ему избежать неминуемого устранения императором, остановил свой выбор на тех, кто считал, что компромисса достичь не удастся.

Чародеек он исключил сразу. Эти женщины, обладавшие наибольшим влиянием и могуществом, а также жившие дольше всех прочих, как назло не слишком подходили на роль заговорщиц. Вероятно, всему виной было их природное происхождение, которому претил дурной умысел и откровенно силовое решение вопросов. Иными словами, предложи чародейке цареубийство — и она в лучшем случае не сдаст тебя с потрохами. Таунсторм иногда называл их нежелание прибегать к насилию патологическим, но поделать с ним ничего не мог. Таким образом, в его распоряжении оставались только чародеи. С ними было проще. Во-первых, мужчины сами по себе значительно агрессивнее и куда чаще предпочитают кулаки, а не дипломатию. Во-вторых, их природа, в отличие от чародеек, имела более человеческий характер, где отчетли-

во проступали присущие ему качества. Чародея уже априори не отталкивала мысль об устранении того же монарха или кровавой резне ради великой цели. Стало быть, если среди кого и искать надежных людей для какого-либо неоднозначного умысла, то именно среди них. Оставалась лишь одна маленькая проблема: как укрыться от всевидящего взора императора? Заговорщики, что бы они ни задумали, неминуемо попадутся все вместе, как только кто-нибудь из них окажется в области воздействия Властелина Крови.

Император, само собой, отдавал себе отчет, кто представляет для него наибольшую опасность помимо уже устраненных. Речь шла о людях наделенных колдовским даром. Они были способны обратить день в ночь, перемешать небо и землю, и уж всяко стереть в порошок один-единственный дворец, пусть даже очень большой. Опираясь на могущество чародеев и чародеек, Юстелий Ардарианский одновременно их опасался, и опасался небезосновательно. За минувшие тысячелетия насчитывалось немало прецедентов, когда кто-нибудь из колдовских кругов по тем или иным причинам пробовал избавиться от монарха-долгожителя. И всегда Властелина Крови выручали преданные ему заклинатели. Армия, какой бы большой она ни была, просто не способна добраться до человека с непреодолимой волей. Стоит ему выйти на балкон — и явившиеся убить его обратятся друг против друга. С чародеями все было куда сложнее. Им незачем приближаться к монарху на опасное расстояние — достаточно совместными усилиями наколдовать что-нибудь особо разрушительное, чтобы с гарантией не оставить камня на камне. Там, где не преуспеет миллион солдат, вполне управится всего десяток одаренных колдунов. Император, не будь дураком, отлично сознавал свои уязвимые стороны. К примеру, во время сна он был совершенно беспомощен и полностью зависел от доверенной охраны, куда подбирались только самые надежные и проверенные лица. Сознавал он и возможности заклинателей, имевших в сравнении с ним определенные преимущества. Юстелий Ардарианский никогда об этом не забывал, и с годами серьезно поднаторел в обеспечении собственной безопасности. Именно поэтому весь дворец, от фундамента до крыш, был выполнен из импрезиториума — особого вида вулканического стекла, полученного в результате сложных колдовских преобразований. Он был тверже алмаза, и при этом у него отсутствовала хрупкость, присущая означенному драгоценному камню. Ведь многие люди наивно верят, что удар молотком — лучшее средство доказать драгоценный ли перед ними минерал или простая стекляшка. Для них становится настоящим откровением, что крупный

алмаз способен расколоться даже при падении на каменную плиту, причем не из заоблачной выси, а с каких-нибудь четырех-пяти футов. У импрезиториума такой недостаток отсутствовал. Он обладал запредельной твердостью, и при этом его было совершенно бесполезно бить даже самым большим кузнечным молотом. Обсидиан, доведенный сложными продолжительными чарами до совершенства, могла расколоть лишь поистине чудовищная нагрузка. Ни один колдовской шторм, ни самая лютая буря были не властны над дворцом из фиолетового импрезиториума. Там, где любой другой объект неминуемо сдался бы в яростных завываниях ветра, пал жертвой взбесившихся стихий, уступил безумным перепадам температур чародейский обсидиан оставался целехонек. У него имелся лишь один существенный минус — даже небольшое количество производилось очень долго. Однако долго жил и император. Потребовалось две тысячи лет, чтобы дворец, в незапамятные времена появившийся в центре Сангвитории, полностью преобразился. Сначала из импрезиториума был выполнен тронный зал — самая древняя часть всего комплекса. Затем постепенно строители заменили все внешние контуры, все несущие опоры. Сталь, камень, гранит и мрамор уступили место непробиваемому колдовскому минералу. Когда был положен последний фиолетовый блок, дворец превратился в нерушимую твердыню, способную выстоять почти перед чем угодно. Находясь внутри, император мог не опасаться неожиданной атаки даже всех заклинателей вместе взятых. Конечно, рано или поздно они пробились бы и через чародейский обсидиан, но у монарха хватило бы времени принять ответные меры.

В свиту императора всегда входила дюжина чародеек и столько же чародеев. Разумеется, старших, обладавших наибольшим могуществом. Император лично их отбирал и совершенствовал на протяжении всей жизни. Это служило ему некой порукой, что избранные никогда его не предадут, поскольку не будет Властелина Крови — не будет и могущества. С одной стороны, в этом имелись плюсы. Юстелий Ардарианский контролировал производство того же импрезиториума, ибо без его прямого участия в виде запредельного накачивания энергией создать сверхпрочный минерал ни у кого не получалось. С другой — порождало несправедливость. Император, безусловно, развивал способности многих заклинателей, но его окружение имело неоспоримые преимущества. Уровень развития состоявших в нем лиц был недоступен никому другому, а продолжительность жизни также заметно превосходила остальных. Такое привилегированное положение выглядело отнюдь не в пользу императора, но у него хватило ума развивать

достаточно других высокопоставленных заклинателей, чтобы избежать излишней напряженности. Тем не менее, можно было с уверенностью утверждать, что во дворце из импрезиториума одновременно сконцентрирована немалая доля самых одаренных чародеев и чародеек. Вздумай кто напасть на императора — и помимо непробиваемых стен ему пришлось бы иметь дело с двумя сотнями могущественных людей, способных испепелить целую армию. И их число стало еще больше, когда родилась Принцесса Крови.

Крошечная девочка еще сладко спала в колыбельке, а вокруг нее уже воздвигались огромные бастионы государственной власти. С самого ее рождения была сформирована свита и распределены многочисленные должности. Всякую ерунду вроде подателя рубашки, все обязанности которого состояли в подношении поутру означенного предмета гардероба, он не практиковал. Конечно, у дочери, как и у ее матери, будет достаточно служанок, чтобы обеспечить насущные нужды, но чем плодить бездельников за казенный счет куда лучше заранее приставить к наследной принцессе действительно полезных людей. В первую очередь — охрану. Охрану, которая будет подчиняться только ей, исключая самого императора. Эти преданные люди должны целиком и полностью посвятить себя только одной задаче — обеспечению безопасности Принцессы Крови. Ее жизнь станет для них целью собственной жизни и высшим приоритетом во всем мире. Весь свод законов для личной охраны императорской дочери должен сводиться к главенствующей истине: забота о ее величестве превыше всего. Юстелий Ардарианский заранее прощал окружению своей наследницы любые прегрешения, если их причиной послужит ревностное исполнение должностных обязанностей. Однако на одной только охране далеко не уедешь, поэтому во вторую очередь требовались очень хорошие наставники. Наставники всего на свете. Повелители Крови обладали уникальной памятью и были способны чрезвычайно быстро усваивать любую информацию. При грамотно составленном курсе обучения уже к пяти годам девочка будет знать больше любого из профессоров императорского университета, а к двадцати — совершеннолетию по меркам Ардариании — в несколько раз больше, чем весь его преподавательский состав. Причем без всяких перегрузок и круглосуточного вдалбливания теорем и терминов. Вся хитрость в том и состояла, чтобы развивающийся мозг Принцессы Крови цеплял одно с другим, существенно ускоряя и облегчая процесс запоминания данных и постижения наук. Иными словами, если начать преподносить девочке ничем не связанные друг с другом вещи в лоб, как это делается в

типичной школе, она их все равно запомнит, но дольше и хуже. Оторванные от действительности теоремы, никуда не ведущие формулы, сухие исторические выкладки, нюансы биологических процессов выглядят осмысленно лишь в глазах наставника, в то время как развивающийся мозг упорно ищет ответы на кой ляд все это нужно. И это если вообще ищет, а не старается абстрагироваться от назойливой нагрузки. Правильно составленная программа, вне зависимости от ее сложности, позволяла достигать колоссального ускорения. Над ней, само собой, успели потрудиться лучшие умы своих эпох, пока император ожидал наследника, и вскоре ей наконец-то найдется применение. К примеру, довольно наглядной выглядела следующая цепочка. Два плюс два равно четыре. Число четыре хорошо характеризует квадрат, а также ромб. Ромб можно наблюдать на небе в виде примечательного созвездия. Входящие в него звезды не просто огоньки, а исполинские небесные тела, излучающие потоки света. Света, похожего на тот, что умеют испускать чародейки и чародеи, причем только они, потому что такова их природа. Если обычному человеку, чтобы сложить вместе две и две палочки, требуется сделать это руками, то чародею либо чародейке не обязательно к ним прикасаться. Касание — очень важная часть не только общения, но и окружающего мира, однако оно может быть как зримым, физическим, ладошка к ладошке, так и невидимым, духовным. К духовному можно причислить все то, что мы ощущаем внутри себя не дотрагиваясь до какого-либо объекта. К физическому, помимо прочего, относится перекладывание палочек, чтобы из двух кучек по две сделать одну в четыре.

Подавляющее большинство людей нашло бы такую цепочку крайне неподходящей для двухлетнего ребенка, и так бы оно и было, иди речь не о Повелителе Крови. Тем более Принцессе Крови, унаследовавшей могущество венценосного родителя. Целью столь специфического преподнесения информации было не сиюминутное внушение устройства небесных тел и прочего, а закладывание глубоких, далеко идущих направляющих. Тех, к которым впоследствии начнут гроздьями цепляться, стремительно разрастаясь, все новые познания. Заблаговременное создание распределенных путеводных нитей позволит одновременно овладеть как геометрией, так и сложнейшей астрофизикой. Причем расчеты движения небесных тел будут казаться такими же простыми, как вычисления энергетических полей в непрерывно изменяющемся не явно выраженном пространстве Сунастийских пределов. Император сам читал любые книги по диагонали. Со стороны казалось, что он их бегло пролистывает, в то время как монарх усваи-

вал каждое написанное там слово. И он был уверен, что дочь вскоре сумеет делать точно так же, отчего ее программа обучения изначально ориентировалась не на что-то конкретное, а вообще на все. Император собирался вырастить свою наследницу и преемницу. Будущую повелительницу мира. Она не только должна уметь им править, логически мыслить и разбираться в тонкостях человеческой натуры. Она должна знать об этом мире как можно больше. Ведь даже сам император продолжал знакомиться со всеми научными открытиями и регулярно черпал новые сведения в академиях заклинателей, не скупясь на финансирование самых разных исследований.

Само собой, на одних наставниках, как бы полезны они ни были, свет клином не сошелся. Со временем дочери потребуются и доверенные люди в управлении страной, однако с этим Юстелий Ардарианский как раз не спешил. Стоя у колыбели малютки, над которой кружили созвездия и сверкали звездочки, он мысленно подсчитывал, сколько сменится поколений, прежде чем ей понадобится внедрять своих ставленников. Пока хватит с нее и подчиненных отца, беспрекословно исполняющих все приказы монарха без всякого принуждения. Но кое-чему ей, безусловно, в этом плане придется учиться. Как минимум, самоконтролю и умению управлять присущим ей от рождения даром. Представьте себе младенца в люльке. Он видит погремушку в руках у нянечки и тянется к ней, желая получить вещицу. Допустим, нянечка в силу каких-то причин погремушку не дает. Что сделает обычный ребенок? Как максимум, начнет хныкать и капризничать. Что сделает Повелитель Крови? Он ПОЛУЧИТ игрушку, даже не осознавая себе отчета, как это сделает. И с непредсказуемыми последствиями для нянечки. Ведь мозг малыша еще не способен адекватно оценивать происходящее, равно как и свою собственную опасность для окружающих. Вообразите, что юное создание окажется среди множества людей. Его всегда будет что-то интересовать, а сопротивляться излучаемой им воле невозможно. Если кому случалось наблюдать, как маленькие дети изгибают конечности кукол в разные стороны — подумайте, что в роли этих кукол рискуют выступить живые люди. Причинно-следственная связь у юной Принцессы Крови будет достаточной, чтобы осознать исполнение любых своих желаний. Захотела — и вот оно. Только моральное осознание совершаемых поступков придет гораздо позже. Куклу можно починить, вернув ей в правильное положение руки и ноги. С живым человеком так не получится… Император не то чтобы так уж дорожил чьей-то отдельно взятой жизнью, однако не считал допустимым причинять кому-либо вред без веских на то оснований. Ес-

ли малышку сызмальства приучить к полному беспределу без понимания ответственности за свои поступки, вместо мудрой правительницы империя получит чудовище, способное ради собственного развлечения воздвигнуть гору переломанных тел. Таким образом, следует избежать отрицательных проявлений могущественного дара, унаследованного Принцессой Крови. К счастью, этот дар соответствовал уровню развития малютки, и сейчас она просто не могла повелевать армиями. Однако вскоре ей станет вполне по силам толкнуть рассердившую ее нянечку в направлении открытого окна, заставить учительницу выпить кипяток, а то и вовсе остановить чье-нибудь сердце. И ничего подобного произойти не должно! Глядя в личико сладко сопящей дочери, Юстелий Ардарианский не мог сдержать как счастливой улыбки — редчайшее для него явление, — так и откровенного беспокойства. Воспитание Повелителей Крови всегда отличалось большой сложностью. Хорошо что у императора было предостаточно времени, чтобы заранее побеспокоиться на сей счет и не дать своему отпрыску играючи перебить всю челядь до того, как тот осознает масштабы содеянного. Или, что еще хуже, привыкнет к ним. Юстелий Ардарианский был Властелином Крови, поэтому имел возможность сделать то, на что не способны самые могущественные заклинатели вместе взятые.

Дочь распахнула веки. Император почувствовал ее пробуждение за секунду до того, как встретился взглядом с сиреневыми глазками. Малышка проголодалась и возжелала перекусить. Отец ощутил отчетливый импульс ее воли, намеревавшейся получить желаемое. Импульс посланный неосознанно, но от этого еще более опасный. Трудно сказать, к каким последствиям он приведет, окажись на месте Властелина Крови обычный человек. Дочка просто хочет есть и вкладывает в свой взгляд желание. Желание, которому невозможно сопротивляться никому кроме обладателей такого же, как у нее дара. Прислушиваясь к излучаемой малышкой силе воли, император невольно усмехнулся. М-да, вот уж точно дочь своего отца. Для младенца воля была намного выше, чем следовало ожидать. Ох и доставит принцесса хлопот, если не принять меры. Глядя на венценосного родителя, наследница отчетливо посылала импульс за импульсом, возраставшие в мощности по мере отсутствия желаемого. Ожидаемым продолжением стал младенческий плач. Император не проронил ни единого слова. Находившаяся рядом жена чувствовала состояние малышки не хуже его самого, поэтому предупреждать ее о чем-либо было попросту бессмысленно. Что действительно стоило сделать — это сообщить о своих наблюдениях. Юстелий все также беззвучно наблюдал, как

супруга берет дочь на руки и устраивается с ней на кровати. Усевшись рядом, он окинул обеих задумчивым взором. Больше в спальне никого не было, поэтому он мог говорить открыто.
— Илиана сильнее, чем я смел надеяться, — сообщил император, когда дочь, довольная предложенным угощением, жадно припала к материнской груди.
Все ее беспокойные метания тут же сменились выражением полнейшего удовлетворения.
— М-м? — уточнила императрица.
— Ты бы знала, какие она мне сейчас слала настойчивые приказы! — гордо улыбнулся счастливый отец, но тут же вновь посерьезнел.
— Если оставим все как есть — проблем не оберемся. Мы же не можем находиться возле дочери круглосуточно, пока она не научится управлять своей силой.
— Когда? — коротко осведомилась Триниона.
Ей не требовалось объяснять что подразумевал Юстелий. Супруги давно уже все обсудили, основываясь на собственных знаниях и консультациях ведущих заклинателей.
— Полагаю, чем раньше, тем лучше, — отозвался муж. — Ты же знаешь, со взрослым Повелителем Крови такой номер уже не пройдет. И кто знает когда не пройдет он и с нашей дорогой Принцессой. А рисковать нельзя. Сейчас ее разум открыт и чист как лист нетронутой пером бумаги. Однако даже я не берусь утверждать, что так останется и через месяц.
— Тогда не будем тянуть, — кивнула императрица. — Если ты даешь слово, что это ей не повредит…
— Клянусь! Я знаю, что говорю! — истово перебил ее супруг.
— …тогда сделаем это сразу, как Иля поест и уснет, — договорила Триниона.
— Отлично, любовь моя! Я знал, что могу на тебя положиться! — ласково сказал император, послав жене мощный чувственный импульс.
Малышка все слышала, но ничего не понимала. Она продолжала безмятежно тянуть молоко и вскоре, наевшись до отвала, спокойно заснула. Однако и осознай девочка каждое слово, опасаться ей было решительно нечего. Ничего худого родители не задумывали. Скажем так, они лишь предпринимали некие профилактические меры, до поры ограничивающие дар Принцессы Крови.

Идея пришла в голову императору. Он ведь мог не только развивать способности людей, но и урезать их по собственному желанию. Причем не навсегда, а как бы выстраивая некие одному ему видимые и подвластные барьеры. Применительно к дочери это означало, что ее дар будет дремать несколько дольше, чем по-

ложено природой, пробуждаясь постепенно под чутким контролем отца и матери. Да, и матери, ибо ее участие было обязательным. Осуществить такое лучше обоим родителям, невзирая на собственное могущество Властелина Крови. Разумеется, никакого ущерба для талантов Принцессы Крови не последует, иначе император ни за что не пошел бы на такое ограничение. Дочь станет расти как обычно. Как обычно станет расти и ее дар, просто доступ к нему она начнет получать в более-менее осознанном возрасте, вооруженная соответствующими знаниями и готовая к его применению. Задержка в несколько лет — вот и все. Затем дар быстро вступит в полную силу, развиваясь в естественной гармонии со своей хозяйкой. Однако поставить такой барьер можно лишь на чистый, еще не начавший формироваться разум. В противном случае даже Властелин Крови наткнется на непробиваемый иммунитет, сопротивляющийся любому вмешательству извне. Когда девочка научится контролировать свои поступки и нести за них ответственность, отец и мать ослабят барьер, пробудив спящую в ней силу. А затем и вовсе его снимут, убедившись, что Принцесса Крови соответствует своему высокому званию и распоряжается им как подобает.

Император был уверен в своих силах. Вместе с женой он без труда справился с поставленной задачей. Отныне дочь, спавшая на его руках, на какое-то время стала обычным ребенком, если не считать царственного происхождения и феноменального иммунитета. Что ж, сладких снов, обожаемая дочурка. Тебе еще представится случай пустить свой дар в ход, повелевая народами. А пока спи и расти большой и умной. Положив наследницу в колыбельку, император удалился, оставив Илиану на попечение матери. И весь путь до тронного зала досадовал, что был не в состоянии проделать то же самое с другими Повелителями Крови. Особенно с оставшимся, губернатором Таунстормом. С ним следовало что-то решать. И неприятней всего было то, что губернатор понимает это не хуже самого императора.

Маленькая принцесса и понятия не имела, сколько бурных скрытых течений всколыхнуло ее рождение. Оно, так или иначе, затронуло практически каждого жителя империи, но некоторых — в особенности. Вряд ли ей хотелось стать причиной разгоревшейся враждебности к отцу или же источником раздоров за место возле себя. Таковое представляло огромную ценность, и за него были готовы побороться очень многие. Причем не только жители столицы, продолжавшие празднование, а и представители отдаленных регионов. Ведь помимо государственных привилегий и сопутствующих материальных благ окружение императорской дочери будет

обладать ее непрерывным воздействием. Воздействием Повелителя Крови. В частности, Принцессы Крови, и этот титул никого не оставил в заблуждении. Запредельный рост собственных возможностей и долгая жизнь — вот что это означало для приближенных ее высочества, а с такими дарами все остальное уж точно приложится. Император, разумеется, лично подбирал будущему наследнику подходящих людей, но ведь время шло, и их состав менялся. Чародейки жили долго, чего никак не скажешь о простых людях. Тех же колдунах. Кроме того, составлять весь многотысячный штат от первого до последнего человека Юстелий Ардарианский не считал необходимым. Его интересовали вполне определенные кандидатуры на вполне определенные должности. Часть из них он отдал на откуп собственной супруге, предоставив ей право выбора, а часть оставил на конкурентной основе, чтобы выбрать из наиболее достойных. Таким образом, охрана принцессы была сформирована заранее — здесь никакие заведомо неизвестные лица не допускались, — преподавательский состав укомплектовали на две трети, а прислугу, включая нянечек, на треть. Оставшиеся вакантные места требовалось заполнить без проволочек, поскольку время бежит быстро. Не пройдет и пары лет, как принцесса станет бегать как минимум по всему восточному крылу дворца, и туда требовался постоянный персонал. Персонал, служащий лично ее высочеству. В империи возник редчайший прецедент, когда ввиду очередного витка истории должны были появиться новые могущественные кланы. Ведь те, кто имел честь состоять при особах Повелителей Крови, обычно служили им и жили при них целыми поколениями, как частенько бывает в знатных семьях. Сороковое колено баронов в каком-нибудь замке живет бок о бок с таким же коленом слуг, и корни их семейств уходят в одну и ту же эпоху древности. Рождение императорской дочери автоматически предполагало создание новых приближенных родов, как колдовских, так и самых обычных. Потомственные слуги по-своему ценились не меньше потомственных заклинателей и обладали как немалыми привилегиями, так и влиянием в обществе. Конечно, император следил, чтобы в окружение высших лиц государства регулярно добавлялась новая кровь, но львиную долю его костяка обычно составляли потомки тех, кто некогда начал служить владыкам в далеком прошлом. Таким образом, за право занять должность как при самой малютке, так и в ее части дворца всколыхнулась нешуточная борьба, приводившая подчас к большим страстям. Император на сей счет только посмеивался. Человеческие жизни в единичном исчислении давно перестали его волновать, исключая действительно выдающихся личностей и соб-

ственную семью. Он полагал здоровую конкуренцию крайне полезной для дела и не видел ничего зазорного в столкновении множества интересов за исключительное положение возле его дочери. Заодно под этим соусом императору открывалось множество интриг и незримых течений, позволявших лучше оценить обстановку в самых разных социальных слоях государства.

У ведьм и колдунов, к примеру, имелись все основания желать прочного положения возле Принцессы Крови. Иногда они обладали очень развитым колдовским даром, приближавшимся к непревзойденному могуществу чародеек, однако короткая жизнь сводила все это на нет. Короткая в человеческом приближении, ибо жили ведьмы и колдуны ни больше, ни меньше простых граждан империи. Их всегда огорчала такая несправедливость, но тут уж ничего не поделаешь. Против происхождения не попрешь. Зато подле Повелителей Крови эта жизнь существенно увеличивалась, обычно как минимум вдвое, что позволяло достичь за ее время куда большего. Лишняя сотня лет для ведьмы представлялась гораздо более ценной, чем пусть даже целых пять сотен для какой-нибудь чародейки. Чего и удивляться, что ведьмы были согласны работать хоть нянечками, хоть простыми служанками, лишь бы оказаться поближе к мощному источнику жизненной энергии. Император относился к таким желаниям снисходительно. Несмотря на ничтожную продолжительность жизни, он находил ведьм и колдунов полезными, и имел на то немало оснований. Как раз из-за проблем с долголетием эти люди частенько пускались на такие эксперименты, на какие не шли долгожители и в особенности светоносные чародейки. Ведьмы и колдуны своими изобретениями оказали серьезное подспорье в техническом развитии империи. И даже из Сунастийских пределов порой притаскивали нечто крайне занимательное. Правда и хлопот от них также хватало, однако император предпочитал видеть в стране несколько различных колдовских течений, конкурирующих за власть и влияние. Ведь в процессе здоровой конкуренции всегда рождаются наилучшие идеи, производятся наиболее качественные продукты, формируются самые выдающиеся умы. Застой во взглядах и отсутствие соперничества губительны для цивилизации. Парадоксально, но к себе Юстелий Ардарианский подобное мировоззрение отчего-то не применял, оставаясь единоличным правителем целого мира, вызвавшегося решать его судьбы исключительно по собственному усмотрению.

К малютке принцессе выстроилась очередь, когда император устроил смотрины. В особые часы всех получивших дозволение по одному допускали к ее колыбельке, установленной в тронном зале

подле венценосных родителей. Властелин Крови, обладавший уникальной возможностью читать эмоциональный фон людей, внимательно прислушивался к тому, что творится в душе у посетителей. Можно было не беспокоиться, что кто-нибудь причинит ребенку вред. Император глядел в оба. Малейший намек на враждебность — и человек утратил бы над собой контроль до выяснения всех обстоятельств. И это не считая утроенной охраны, готовой испепелить на месте любого, кто сделает враждебное движение. Одновременная атака трех десятков могущественных чародеев и чародеек пробьет любые защитные барьеры со всеми вытекающими. Лишь самоубийца мог бы рискнуть причинить зло ребенку, за что немедленно наступила бы расплата. Впрочем, сыскать такого при случае вполне реально, только личное присутствие императора заведомо исключало успех злодеяния. Убить крошечную Принцессу Крови было несравнимо проще, чем взрослого Повелителя, однако зоркое око отца, чутко улавливающего малейшие изменения эмоций, сводило шансы преступного умысла к круглому нулю. Император ведь подозревал, что кое-кому придет в голову столь гнусная идея. Например, губернатору Таунсторму. Избавившись от наследной принцессы он отведет от своей головы неминуемую угрозу и поди докажи его причастность. Само собой, губернатор и впрямь как следует обмозговал означенный вариант, однако пришел к выводу о его неосуществимости. Более того — предположил, что император устроит ловушку. Так оно и вышло. Не будучи уверен, решится Таунсторм на отчаянный шаг или нет, он исходил из вероятности что да. И в принципе прощупывал всех посетителей на смотринах, пожелавших увидеть представленную миру наследницу трона империи. В тронный зал в порядке очереди допускались не только желающие получить место в штате принцессы. Увидеть ее высочество собственными глазами пожелали многие, и император, как обычно совместив приятное с полезным, предоставил им такую возможность. Люди шли, а он ставил на заметку всех неблагонадежных, кого-то и вовсе приказывая арестовать по выходу из дворца.

Счастливчики из числа соискателей по результатам смотрин получали заветное приглашение, пополняя число избранных. Восточное крыло дворца наполнялось народом. Помощь в уходе за малюткой легла на плечи ведьм и чародеек, отобранных лично императрицей. Здесь император предоставил жене полный карт-бланш, целиком положившись на ее женское чутье. Большинство других претендентов утверждал лично он. Впрочем, при каких-либо возражениях со стороны Тринионы кандидаты немедленно отсеивались, поскольку император считал обязательным полное

единодушие супругов в вопросе окружения дочери. Процесс шел, и вот уже на парящей платформе вышли на работу новые садовники, в залах сменилась прислуга, а в личных покоях принцессы закипела жизнь. Самой принцессы там, правда, еще не было, но ее часть дворца вступала в новый распорядок дня, соответствующий грядущим нуждам наследницы повелителя. Звенела доспехами лейб-гвардия, деловито проходили колдуны, суетились слуги. Чародейки проплывали едва касаясь пола, а ведьмы изощрялись в своем искусстве, стараясь создать лучшие на свете колдовские сады. Штат Принцессы Крови приносил торжественную присягу императору и крошечной девочке. Отныне он служил своей госпоже, делая исключение лишь для прямых указаний ее венценосных родителей. Сама же принцесса по-прежнему находилась в покоях матери и все так же не ведала о завертевшихся вокруг нее событиях. Событиях, положивших начало изменениям судеб всего мира…

Эти изменения отчетливо прослеживались в большинстве предсказаний, сделанных после рождения наследницы престола. Император им не особо верил. Точнее как: за свою долгую жизнь он убедился, что пророчество предвещает лишь вероятное будущее, которое, вполне возможно, и вовсе никогда не осуществится. Да, порой провидцы угадывали, но то могла быть простая случайность. Император неоднократно приходил к выводу, что будущее находится исключительно в его руках и он сам хозяин своей судьбы. Что же касалось ясновидящих, то они в первую очередь обладали искусством нагнать невероятного туману; подать ситуацию таким образом, что под нее могло попасть едва ли не что угодно. Правда, наиболее одаренные из них время от времени действительно выдавали довольно примечательные предсказания, и лишь их император принимал к сведению. На сей раз большинство провидцев практически хором заявляли об уникальной судьбе дочери повелителя и ее грядущем влиянии на весь мир. С этим Юстелий Ардарианский охотно соглашался. Он и сам был абсолютно уверен в великом будущем наследной принцессы, способной превзойти его собственные деяния. Вот только означенное будущее у предсказателей разнилось. Подавляющее их число говорило о великих переменах и расписывало райские кущи, толкуя крайне неоднозначные знамения и высказывания в благоприятную сторону. Однако некоторые видели море огня и бесчисленные жертвы, гибель нынешней цивилизации и весьма неопределенные перспективы. И они называли вещи своими именами, полагая, что разрушительный огонь в данном случае представляется именно тем, чем он и является. Императрица, бледнея, хваталась за грудь, а император

хмурился, но ясновидящих ничуть не одергивал. Зная, что имеет дело именно с вероятным будущим, он был почти уверен, каким именно образом оно возникнет. Таунсторм! Последний Повелитель Крови! Если его не устранить, если ему удастся скрыться, однажды он развяжет войну против наследницы императора, и эта война охватит всю Ардарианию. Почти наверняка он решится на такое, едва принцесса взойдет на престол. Нет, здесь прорицатели совершенно правы — такое огненное, гибельное будущее вполне возможно, если не уничтожить угрозу еще в зародыше! Что бы о них ни говорили, а толк в предсказаниях все-таки есть! И уж кто-кто, а живущий десятки тысяч лет император отлично понимает, о чем идет речь и что ему следует предпринять. У императрицы, правда, на сей счет имелась своя точка зрения, но Юстелий не слишком к ней прислушивался. Он точно знает кто виновник возможной катастрофы, и остается лишь придумать как ее предотвратить.

Когда Таунсторм, наконец, явился в тронный зал, воспользовавшись своим правом взглянуть на наследную принцессу, император встретил его очень любезно. По правде говоря, губернатор предпочел бы не появляться вовсе, однако его отсутствие будет гораздо хуже присутствия. Что же касалось императора, то он не отказался бы убить Таунсторма на месте, но такая мера недостойна повелителя мира даже перед лицом великой угрозы. В конце концов, Властелин Крови обладает достаточным могуществом, чтобы обойтись без столь варварских методов. К тому же Таунсторм, как Повелитель Крови, окажет серьезное сопротивление и умрет очень много полезных людей, прежде чем его жизнь наконец-то прервется. Адресуя губернатору приветливые слова, император жалел, что не способен немедленно остановить его сердце, защищенное от внешних посягательств непробиваемым иммунитетом. Таунсторм отвечал ему полнейшей взаимностью. Император изо всех сил пытался уловить в эмоциональном фоне гостя что-нибудь дурное, но тот, черт его дери, прямо-таки лучился симпатией и целым букетом теплых чувств, особенно всколыхнувшихся при виде крошки принцессы. На деле губернатор ощущал нечто совершенно иное. Эдакий дьявольский коктейль из страха, злобы и даже ненависти. Он и сам удивился насколько сильны в нем могут быть эти эмоции, когда взглянул на малышку, чье появление на свет стало ему смертным приговором. Всего одно движение и… Да, Таунсторм был единственным, кто сумел бы погубить ребенка, и даже император не успел бы ему помешать. Но Таунсторм хотел жить. Убить принцессу означало немедленно умереть самому, а это не входило в его планы. Именно поэтому Юсте-

лий Ардарианский даже позволил врагу положить руку на колыбельку, логично рассудив, что тот не осмелится на отчаянный поступок. Впрочем, чужая душа потемки. Чтобы подстраховаться, император накрыл всю охрану незримым куполом своей воли, а сам встал напротив губернатора, чтобы в случае чего схватить его за руку. Ничего страшного не произошло. Таунсторм, искусно скрыв подлинные эмоции, как ни в чем не бывало адресовал несколько ласковых и почтительных слов спящей девочке. Затем, церемонно поклонившись колыбельке, отошел с повелителем в сторону, где еще раз принес личные поздравления и наскоро обсудил парочку связанных с рождением принцессы важных дел.

Удаляясь, губернатор не без сожаления бросил прощальный взгляд на императрицу, оставшийся незамеченным. Он знал, что Триниона по своей доброте ему симпатизирует и заступается за него перед супругом. Увы, ее выбор между императором и дочерью против Таунсторма был все же очевиден. Губернатор это почувствовал, увидев, как потупились глаза императрицы, когда она отвечала на его приветствие. Он был искренне признателен Тринионе за ее нежелание избавляться от последнего Повелителя Крови, однако решение уже явно принято. Что ж, чисто по уму Таунсторм ее понимал и не винил. На ее месте он поступил бы точно так же, однако чувства делали Тринионе честь и губернатор это оценил. Жаль, что Юстелий не обладает таким же добрым сердцем. Впрочем, не означало бы это, что тогда уже сам Таунсторм захватил бы власть? Да, сложная штука жизнь. И подлая. Ведь уходя из дворца, Таунсторм, шагая по плитам из импрезиториума, на деле пошел по такому пути, по которому доселе идти и не помышлял.

Визит губернатора оставил императора в некотором удивлении. Ну, не сам визит, а его анализ. Властелин Крови и не рассчитывал прочитать Таунсторма так, как читал всех остальных. Однако он надеялся уловить истинный настрой врага в его свите. Ведь губернатор явился в сопровождении доверенных лиц: чародеев, колдунов, военачальников… Причем не первых попавшихся, а долгое время состоявших в его окружении и обладавших всей полнотой доверия. Император скорее ожидал, что Таунсторм прибудет с малознакомыми людьми, а то и вовсе придет один, чтобы случайно себя не выдать. Вышло с точностью до наоборот, и император ломал голову, отчего ни в ком из сопровождения губернатора он не уловил и тени враждебности. Недовольство персонально монархом, давние обиды и не сбывшиеся ожидания, безусловно, традиционно присутствовали, но откровенно дурных намерений не прослеживалось. Странно. Очень странно. Неужели Таун-

сторм не понимает всей серьезности ситуации и не пытается избежать неминуемого? Неужели он ни с кем не обсуждал неизбежное будущее и хотя бы гипотетически не планировал его предотвратить? По всему выходило, что так. Однако что это означало? Что Таунсторм смирился с судьбой или что он своей искренностью рассчитывает добиться снисхождения императора? Увы, старина. Теперь, после пророчеств о море пламени и гибели цивилизации, твоя судьба окончательно решена. Юстелий Ардарианский никогда не поставит на карту будущее целого мира, если оно зависит всего лишь от жизни одного человека. Император оставит дочери прочный трон, заранее избавив ее от грядущей угрозы. Земля не расколется, и реки огня не пожрут цветущие долины. Таунсторм умрет, и пророчество не сбудется никогда!

Секрет необъяснимого настроя свиты губернатора был известен лишь самому губернатору. Узнай о нем император — и он поднял бы легионы, чтобы немедленно избавиться от чрезвычайно опасного врага, пусть даже до конца времен он прослывет кровавым и беспринципным тираном. Таунсторм овладел искусством прятать помыслы людей от ока Властелина Крови.

Терять губернатору было уже нечего. Без помощников всяко не обойтись, а если уж когда и пускаться на опасные эксперименты, то именно сейчас. Таунсторм, сам обладая защитой от пронизывающего взора императора, давно уже подумывал как обеспечить защиту и для других. Прежде такие эксперименты грозили ему неминуемой смертью, проведай император, чем он занимается. Но теперь-то хуже не будет. Все свои тайные исследования, все свои секретные опыты Таунсторм пустил в ход, и на сей раз пустил на вполне конкретных людях. Людях, которых он готовился привести в тронный зал. Людях, которые непременно себя выдадут, если эксперимент губернатора пройдет неудачно. Как говорится, пан или пропал. Наметив круг заговорщиков, Таунсторм сообщил им такие вещи, которые просто не могли пройти незамеченными перед незримым сонаром Властелина Крови. И если все сойдет благополучно, если тот ничего не заподозрит, значит у Повелителя Крови появится реальный шанс обыграть императора в той игре, в которой он априори считал себя абсолютным победителем.

О проверке свита Таунсторма даже не подозревала. Было слишком опасно бить в лоб открытыми призывами к каким-либо действиям против монарха. Не потому, что губернатор опасался немедленного выявления крамольных замыслов. Просто без предварительной подготовки кто-нибудь вполне мог на него донести из страха, малодушия или желания выторговать себе преференции. А

предварительная подготовка требует значительного времени, чтобы определить круг главных сообщников, которые в свою очередь предложат новые кандидатуры. Таунсторм лишь возмутил умы своих приближенных, чтобы вызвать в них достаточное волнение для привлечения внимания императора. Реакции не последовало. Возможно, губернатор действительно преуспел. Либо император схитрил и решил обождать развития событий, чтобы ударить по заговорщикам как раз тогда, когда они станут чувствовать себя в полной безопасности. Зная императора, Таунсторм не стал форсировать события и затаился как змея в стоге сена, потихоньку прощупывая верных людей и направляя помыслы по доселе запретной стезе.

Не форсировал события и император. Открытое устранение Повелителя Крови было крайне нежелательно. Оснований обвинить в чем-либо губернатора попросту не имелось, поскольку тот ввиду вполне понятных причин заведомо побеспокоился нигде не наследить. Конечно, императору с его-то возможностями под силу сфабриковать великолепное дело, составленное вплоть до таких мелочей, что большинство ничего и не заподозрит. К сожалению, ему не удастся провести как раз тех, кто значительнее всего пострадает от ликвидации Таунсторма. А именно приближенных к нему заклинателей. Как Повелитель Крови, он служил незаменимым источником энергии для очень и очень многих, и очень и очень многим помогал развивать их таланты. Какую-то часть император и императрица сумеют взять на себя, но часть, по правде говоря, весьма незначительную. У них хватало и своих чародеев, а очередь на сеанс с императором тянулась на несколько лет вперед. Юстелий Ардарианский при всем желании не сумел бы в равной степени обеспечить потребности всего колдовского сословия, поэтому вынужден был расставлять приоритеты. Его собственное окружение получало максимум внимания. Столько же получали крупные колдовские центры в лице академий и университетов. Все остальные — постольку поскольку, на равных и зачастую конкурентных условиях. Император же не мог разорваться, а в сутках только двадцать четыре часа, если не считать Сунастийские пределы или, тем паче, Эруанские. Стало быть, устранив Таунсторма, император автоматически получит массу недовольных заклинателей, которые наверняка обнаружат подлог и раструбят о нем на всю страну. После личной гвардии Юстелий Ардарианский опирался на центры колдовской силы, и ссориться с кем-либо из них представлялось не самым лучшим развитием событий. Насчет чародеек он был спокоен. С этими женщинами он обычно находил общий язык, поэтому тут беспокоиться особо не о чем. Чего, увы,

никак не скажешь об адептах темных искусств, льнувших к Таунсторму как пчелы к цветку.

Чародеи, ведьмы и колдуны охотно практиковали самые разные заклинания, подчас крайне сомнительного свойства. Их регулярно ловили на чем-то совсем уж из ряда вон, однако если дело не получало широкой огласки, никаких излишне серьезных санкций не налагалось. Большинство случаев относилось к соответствующим колдовским течениям. Тенебрисцентное акцентировало внимание на том, что предпочитало существовать вне яркого света, а попросту говоря во мраке. Это было ни хорошо, ни плохо. Многие выдающиеся ведьмы и чародеи принадлежали к этому течению, занимаясь исключительно созданиями ночи и заклинаниями естественного природного происхождения. Проберианское заявляло о своем неприятии каких-либо границ между пространствами и реальностями, и по факту регулярно встревало в какие-нибудь неприятности. Не во все миры стоило соваться, а некоторые брали за неосмотрительные визиты неподъемную плату. Изменения кадров в этом течении были самые большие. Слишком многие поплатились жизнью или рассудком за желание добраться до запретных знаний и постичь недоступное остальным. Проберианцы даже неоднократно подавали заявку в колдовские сеймы на выделение третьего типа пределов из уже существующих Сунастийских и Эруанских. Но каждый раз получали отказ. Им доходчиво объясняли, что их так называемые "миры" уже входят в состав известных пределов, а специфика этих миров не дает им достаточных оснований войти в отдельную категорию. Проберианцы, какое-то время повозмущавшись, успокаивались на век-другой, а затем все начиналось сызнова. В этом отношении адепты Тенебрисцентного течения выглядели куда адекватнее и доставляли намного меньше хлопот, принося при этом немало пользы. Например, уникальный сорт пшеницы, способной уверенно расти даже при остром дефиците света, вывела одна из тамошних ведьм. В широтах с невысокой продолжительностью дня и долгими зимами такой сорт оказался очень кстати. Он заметно уступал традиционным сельскохозяйственным культурам, зато давал урожай там, где те вообще бы не взошли. Следующим этапом Тенебрийцы обещали создание плодоносящих растений, способных круглый год произрастать в глубоких пещерах. С этим, правда, у них который век все еще не клеилось, но исследования на месте не стояли. Конечно бывали и казусы. Один предприимчивый некромант как-то наладил производство дешевой рабочей силы в виде поднятой нежити, в результате чего один из островов удаленной провинции едва не превратился в кошмар наяву. Некроманта повязали, но поскольку

он напрямую не навредил живым, власти ограничились ссылкой и трудовой повинностью.

Юстелий Ардарианский старался поддерживать все колдовские течения, если те держались в более-менее разумных границах. Сказать то же самое об их адептах было нельзя. Тут-то и выступал на сцену Таунсторм, пригревавший всех обделенных вниманием императора. Учитывая характерную специфику, представителей Тенебрисцентного и Проберианского течений среди них насчитывалось больше всего. Поспешно и безосновательно избавившись от губернатора, император рисковал вызвать серьезное неодобрение в колдовских кругах, активно поддерживаемых Таунстормом. Получилась палка о двух концах. С одной стороны, Властелин Крови сам позволил губернатору собрать вокруг себя всех тех, кого в силу разных причин желал видеть в одном месте. С другой, теперь это стало серьезной помехой на пути быстрого устранения врага. Вряд ли дело дойдет до открытых столкновений между заклинателями, но без возмущений уж точно не обойдется. А эти возмущения, выраженные как минимум в форме отказа от всякого сотрудничества, способны серьезно повредить империи в ее благополучии и развитии. Разом потерять поддержку трети заклинателей и львиной доли двух колдовских течений — лучше на эти грабли не наступать.

Стоя у все того же парапета самой высокой центральной башни, император размышлял как лучше всего решить его маленькую проблему. К сожалению, дар убеждения Тринионы здесь бесполезен. В теории, императрица могла заговорить кого угодно, но обещания всегда требовалось подкрепить делом. А оба супруга заведомо знали, что им не удастся взять на себя все окружение Таунсторма без серьезного ущерба для своего собственного. Отняв огромный пряник, они не способны предложить взамен ничего равноценного. Нет, здесь такой подход не годился. Обводя взглядом огромную столицу, император отчитывал самого себя за недальновидность. Он, разумеется, заблаговременно имел наготове несколько вариантов устранения губернатора, даром что планировал их на протяжении нескольких веков. Вот только как раз из-за возраста и привычки мыслить масштабно Юстелий Ардарианский упустил из виду временные рамки. Все эти способы отлично работали на протяжении десятилетий. Более короткий срок реализации им совершенно не подходил. Банальное убийство Таунсторма профессиональным агентом и вовсе отпадало. Император, так и быть, решился бы пойти на столь варварский шаг уровня худо-

родного дворянчика, однако прервать жизнь Повелителя Крови не так-то просто. Охрана у него не намного хуже монаршей. Может, попросить Триниону уболтать кого-нибудь из окружения Таунсторма прикончить своего господина? Соблазнительно, черт побери! Правда, такая история будет шита белыми нитками. Придется избавляться от исполнителей, от всех их контактов. Потянутся концы. Нет, с могущественными чародеями такие дешевые номера не пройдут. Лучшие умы эпохи на раз-два распознают откуда уши растут, и грянет настолько жуткий скандал, что сфабрикованный процесс в сравнении с ним покажется детской шалостью.

От раздумий императора отвлекло легкое характерное движение. Он ведь сегодня стоял на вершине башни не один. На его руках безмятежно спала дочь, с которой он поднялся проводить заходящее солнце. Опустив взор на ее личико, император увидел, что она пробудилась. Впрочем, он и так это почувствовал, уловив изменение в пульсации бесценной жизни. Открывшиеся сиреневые глазки глянули на родителя, а губки пошевелились, не то ища чего ухватить, не то для собственного удовольствия. Как и пальчики, отнюдь не прикрученные наглухо к телу, а выглядывавшие из кружевных рукавчиков кофточки. Принцессу Крови можно было не пеленать так, как обычных детей. Девочка не боялась инфекции, и сквозняки ей также ничем не грозили. Она смотрела безмятежным взглядом, не слишком характерным для едва родившегося младенца. Обычно на первых неделях жизни они и глаз особо не открывают, взывая к миру исключительно по самым насущным нуждам. Впрочем, удивляться этому не приходилось, поскольку малышка была дочерью своего отца. Того человека, что склонился к ней на фоне голубого неба с плывущими по нему бело-розовыми облаками. Император в очередной раз поразился, насколько сильны в нем еще могут быть чувства, которые он считал давно исчезнувшими. Крошечный комочек на руках олицетворял для него целую вселенную, открывал путь в далекое будущее. Но не это было главное. Не власть, которую император передавал по наследству, и не великие замыслы, связанные с долгожданной наследницей. Просто она была его дочерью и самым дорогим существом во всем мироздании. Император, обуреваемый притоком эмоций, испустил такую мощную волну жизненной энергии, что у стоявшей поодаль охраны голова пошла кругом, а у чародеек засияли очи и заискрили пальцы. Девочка, прекрасно уловив суть овеявшего ее энергетического потока, улыбнулась. Теперь император уже не сомневался, что она унаследовала его уникальный дар. Чувства отца передавались ей напрямую в подсознание, окутывая теплыми лучами бесконечной любви и нежности.

— Смотри, Илиана! Смотри, дочь моя! Погляди, какая ширь! Какая красота! — сказал император, переложив крошку на руках.
Взору девочки представилась столица Ардарианнии, уходившая на десятки миль окрест, и плодородные земли, тянувшиеся к горизонту.
— Однажды все это станет твоим! — продолжал говорить отец, показывая наследнице великолепный вид. — Однажды ты взойдешь на трон великого государства, чтобы сделать его еще более великим!
Малышка, распахнув глазки, смотрела на расстилавшиеся вокруг красоты. Да, там было на что поглядеть. Город и его окрестности выглядели особенно хорошо на восходе и на закате. В небе и на земле расцветали багряные и розовые тона. Стволы и кроны деревьев становились будто из красного золота, и из такого же золота казался выткан шелк парусов. В окнах домов отражалось заходящее солнце, горевшее в них тысячами ярких звезд. Горели и идеально отполированные купола, озаряясь настоящим мистическим ореолом, порожденным клонившимся к горизонту светилом. Император, держа малютку на руках, неторопливо шел с ней вдоль всего парапета. Та же с неподдельным интересом смотрела в огромный мир, казавшийся ей сейчас чем-то поистине бесконечным. Впрочем, в известном смысле так оно и было, только пройдет немало лет, прежде чем она узнает насколько ничтожно открывавшееся с башни пространство в сравнении с тем, что сокрыто за его пределами. Но сейчас крошке было достаточно и нынешнего зрелища. С неподдельным интересом она глазела на крыши домов, комплексы воздушных платформ, плывущие в небе облака и чудесных крылатых животных, порхавших с легкостью стрекозы. Император, показывая дочери ее будущие владения, чутко прислушивался к излучаемому ребенком фону и откровенно радовался тому, что ощущал. Малышка не просто таращилась в никуда. Она реагировала на увиденное. Придя в мир, она начинала впитывать его с первых же дней своей жизни. Трудно было сказать, как именно ей сейчас представлялось все это великолепие природы, архитектуры и красок. Однако, как бы там ни было, оно вне всяких сомнений ей очень нравилось, и Принцесса Крови источала массу положительных эмоций. Император, проводя для дочери такую незапланированную экскурсию, и сам был едва ли не на седьмом небе. Водопады, низвергавшиеся на землю с воздушных платформ, представлялись в неком новом свете, а радуга над облаком их брызг виделась зарей великой эпохи.

Охрана, непрерывно находившаяся поблизости, старалась ничем не выдавать своего присутствия. Часть приближенных

стояла в центре площадки возле подъемника. Часть бесшумно следовала за повелителем на некотором отдалении. Многие заняли позиции по периметру, невидимые взором. Кое-кто парил на миаласах, мавригалах и антреминах. Иные расположились вокруг башни, от ее вершины до основания, устроившись на выступах, козырьках и возле статуй. Ну или тех, кто только казался статуями, а на деле являлся колдовскими существами вроде горгулий, маркеронов, свиристолей и лаундранов. Заклинатели не боялись упасть и разбиться. Они прекрасно перемещались в пространстве с помощью чар левитации, а крылатые существа лишь увеличивали скорость этого перемещения. Охраны вокруг центральной башни сейчас было вдвое больше, поскольку половина относилась к особе императора, а половина служила его дочери. И вся эта внушительная компания умудрялась оставаться не слишком заметной. Сказывались долгие годы опыта и практических наработок, а новички быстро усваивали уроки ветеранов. Венценосная семья всегда должна быть максимально защищена, и при этом никому из охраны не следует докучать ей своим присутствием, каким бы порой неосуществимым ни казалось такое условие.

Многие проплывавшие облака имели довольно необычную форму. Неудивительно, что они регулярно приковывали внимание крошки принцессы, ибо над ними хорошенько постарались ведьмы и чародейки. В небе курсировали не только причудливые комбинации из воздушных шаров. Даже облака изображали то или иное животное или фигуру. Столица продолжала праздновать знаменательное событие, отчего до вершины башни доносились музыка и песни, которым пробовал подпевать разношерстный набор голосов. Заклинатели приложили руку и к стайкам разноцветных птичек, порхавших по улицам и скверам, садам и паркам. Они то облюбовывали какой-нибудь куст и оглашали пространство изумительными трелями, а то взмывали ввысь и парили над городом. Иной раз их можно было наблюдать на скатах крыш или воздушных платформ сродни волнующейся цветастой окантовке. Некоторое время они сидели совершенно спокойно, перекликаясь звонкими руладами, а затем вдруг срывались и принимались купаться в изгибах какой-нибудь протянувшейся над водопадом радуги. Властелин Крови, показывая дочери красоты вечерней столицы, отдавал должное искусству устроителей праздника. Не иначе как кто-то из них, заприметив на вершине центральной башни императора с наследницей, направил большую стайку птичек прямиком туда. К вящей радости встрепенувшейся малютки, птички задорно носились невдалеке от парапета, выделывая замысловатые кульбиты, а их оперение играло в лучах заходящего

солнца настоящим волшебством. По мановению чьей-то руки вокруг парапета вдруг стали распускаться из ниоткуда колдовские цветы, а над ними, выскочив из искрящихся золотистых облачков, появились красивые бабочки. Послышалось отчетливое журчание бегущих ручейков, и вдруг с перил протянулись гирлянды пышных растений, источавших пьянящие ароматы. Меж них, невесть каким образом, струились капли воды, сверкавшие алым в лучах заходящего солнца. Малышка, судя по излучаемым эмоциям, пришла в полный восторг и шевелила ручками, не иначе как мечтая ухватить всю эту красоту. Император удивился. Даже для самых могущественных чародеек такое было чересчур. Они мастерски умели наводить иллюзии, но происходящее вокруг на мираж както не походило. Желая убедиться в природе любопытного представления, император коснулся рукой ближайшего пышного соцветия, и его пальцы наткнулись на всемделишные лепестки, существовавшие в подлинно физической форме. Ого! Юстелий Ардарианский знал не так много тех, кому было по силам воплощать подобное из ничего. Призвать несколько цветов из колдовских садов — это одно, а заставить вырасти за считанные секунды целый сад — совсем другое. Император машинально оглянулся, как бы ища ответа у безмолвно стоявшей позади охраны, среди которой хватало искусных чародеек. Те и сами отметили необычность происходящего, и, судя по эмоциональной реакции, уличить их в причастности к нему не получалось. Разгадку подсказала поднявшаяся на вершину башни площадка. Объявившаяся чародейка передала императору, что супруга ожидает его по важному делу.

— По какому? — осведомился монарх, ощущая крайне непривычный фон от посланницы.

— Ее светозарность Дин'Юлемиона выразила желание принять ваше приглашение, — взволнованно объявила чародейка.

Лицо императора озарилось радостью, которую он даже не пытался скрыть. Затем его осенила догадка. Повертев головой, он выразительно повел пальцем по сторонам, как бы задавая немой вопрос. В ответ, не пойми откуда, послышался тихий смех, подобный звону серебряного колокольчика. В воздухе взметнулись миллионы золотистых искорок, плавно осыпавшихся на вершину башни. Затем все стихло. Птички, испустив напоследок заливистые трели, упорхнули прочь, бабочки исчезли, а журчавшая вода прекратила свой сверкающий бег. Лишь изумительные цветы попрежнему обвивали парапет, спускаясь с него живыми гирляндами. Император не проявил неучтивости и не стал ни до кого докрикиваться. Если это была та, о ком он подумал, то она покажется лишь когда сама захочет, и ни мгновением раньше. Переложив на

руках малютку принцессу, которая, кажется, начинала хотеть есть, Юстелий Ардарианский направился к подъемнику. Часть перешептывавшейся охраны последовала за ним. Обычно она помалкивала, но на сей раз случай был исключительным и император не стал делать кому-либо замечаний. Он и сам пришел в большое волнение, поскольку отнюдь не все в мире подчинялись его желаниям. Особенно те, кто относился к означенному миру довольно-таки условно. Некоторых приходилось просить и смиренно ждать благосклонности. И если таковая действительно последовала, то это большая удача, поистине добрый знак! Спустившись с центральной платформы, император поспешил к супруге — вручить ей проголодавшуюся дочь и узнать подробности чрезвычайно волнующего известия.

Жизнь в империи меж тем текла своим чередом. Празднования по поводу рождения Принцессы Крови помаленьку подходили к концу, сменяясь привычными трудовыми буднями. Граждане, вволю хлебнув угощений вкупе с развлечениями, возвращались к повседневным занятиям, сетуя, что дети у императора не появляются хотя бы каждые несколько лет. Еще бы! После двух-четырех недель недурного отдыха, полного различных приятных и занимательных событий, любая работа покажется утомительной. Здесь император не перегнул палку, ограничив безделье подданных максимум одним месяцем. Продли он празднование еще на один — и люди окончательно выбились бы из привычного жизненного ритма. Полгода же простоя, даже будь на него средства, нанесли бы экономике и социуму империи сокрушительный удар не хуже глобальной войны на уничтожение.

Войн, кстати, не было уже давно. Нынешнее поколение граждан слыхало о них лишь из старинных книг и сказаний. Когда Юстелий Ардарианский подчинил себе весь континент с прилегающими к нему архипелагами, воевать его огромной армии стало попросту не с кем. Во всяком случае, здесь и сейчас. Однако император не распустил войска и даже не стал снижать их численность. Угроза его власти могла прийти откуда угодно, учитывая отличную осведомленность монарха о Сунастийских пределах и их пограничных состояниях. К примеру, группе могущественных заклинателей вполне по силам призвать оттуда легионы, способные причинить немало бед при отсутствии боеспособных воинских формирований. Правда, злые языки поговаривали, что подлинные намерения императора диктовались отнюдь не соображениями защиты. Завоевав этот мир, он подумывал начать экспансию в какой-нибудь другой, для чего ему и требовалась огромная вышколенная армия. Эта идея лишь казалась чистейшим безумием, а

на деле, учитывая продолжительность жизни монарха и его возможности, выглядела вполне осуществимой. Не случайно Юстелий Ардарианский мирился с адептами Проберианского течения, активно практикующих исследования самых запретных закоулков мироздания, и не желал с ними ссориться. Именно от них он ожидал подходящих открытий, способных положить начало массовому переселению людей в Сунастийские пределы. Ведь они были доступны очень немногим, учитывая общую численность населения. Талимы — высшие мастера путешествий через иные миры, — обучали этому важному умению всех подходящих кандидатов. Проблема заключалась в том, что натаскать кого угодно они были не в состоянии. За редким исключением, будущий странник обязан принадлежать к колдовскому сословию, иначе он просто не пройдет через Трансталл. Иными словами, император не сможет отправить армию куда-нибудь за пределы окружающей реальности, поскольку та не преодолеет довлеющий над ней барьер. И даже если бы талимы все как один наловчились тренировать обычных солдат, на обучение миллионов ушли бы десятилетия. Даже с прямой помощью императора. Нет, здесь однозначно требовался иной подход. Какой-нибудь амулет, позволяющий его носителю свободно проникать в другие миры, какое-нибудь принципиально новое колдовство. Император способен лично провести в Сунастийские пределы кого-нибудь из тех, кто не обладает колдовским даром. Протащить с собой целую армию ему не по силам. Вероятно, именно в ожидании подходящей возможности Юстелий Ардарианский и не распускал войска. Более того, он продолжал их тренировать, совершенствуя экипировку. Для этих целей он отводил целые регионы, превращаемые в поле боя между условными противниками. Какие страсти там кипели — тема для целого эпоса. Сколько полезных нововведений сделали заклинатели, трудившиеся на благо армии, лучше всех ведали библиотекари, заполнявшие полки многочисленными справочниками.

Простые граждане по войнам уж точно не скучали. С тех, кто не шел в солдаты, вполне хватало обычных забот. Кстати сказать, не таких уж и неподъемных. Рабский труд в империи был запрещен под страхом очень сурового наказания. Отнюдь не потому, что человеколюбивый император воспылал любовью к ближним. Такой труд считался экономически невыгодным, отчего всякие попытки вовлекать в него людей карались жестко и беспощадно. Рабовладельцы и все замешанные в их деятельности сами в известном смысле становились рабами, отправляясь на каторгу. Что же касалось свободных граждан, то они не слишком напрягались. Сплошь и рядом им помогали достижения технического и колдов-

ского прогресса. Каменщикам не приходилось ворочать огромные глыбы исключительно за счет собственной силы, как и грузчикам расплачиваться за подъем здоровенной ноши собственной спиной. В шахтах и то люди трудились пополам с драддами, оказывавшими поистине неоценимую помощь. И те и другие работали бок обок, хоть и на разной основе. Прирожденные рудокопы, драдды подчинялись своим старшинам, а те, в свою очередь, прислушивались лишь к чародейкам. Таким образом, имперские чиновники не имели на существ из иного мира прямого влияния, и император был вынужден мириться с данным положением вещей. На что он точно не желал закрывать глаза, так это на человеческую лень. Драдды помогали людям, а не делали за них всю работу. Шахтерам из числа граждан империи предписывалось перенимать технологии и добросовестно исполнять свои обязанности. Уличенные в злоупотреблении помощью драддов и имитации обучения несли заслуженное наказание. Здесь, однако, Юстелий Ардарианский также руководствовался отнюдь не заботой о ближних. Сегодня драдды есть, а завтра нет. Его подданные должны и сами уметь добывать нужное количество ценной руды, переплавлять ее и производить искусные изделия. Для не желающих участвовать в этом процессе отыщется и другое применение, только уже не на добровольных началах. Император всерьез подумывал о всеобщей трудовой повинности. Каждый гражданин империи обязан уметь что-либо делать и вносить свою лепту в общий котел. Даже богатый, который вроде бы имеет возможность вести праздную жизнь и не отягощать себя какими-либо продуктивными занятиями. Такому тоже найдется место, хочет он того или нет. Да, общественное положение и финансовое состояние будет играть свою роль, но сидеть сиднем Юстелий Ардарианский никому не даст. Правда столь радикальное изменение общественных свобод требовало времени и немалой подготовки. Именно поэтому император до сих пор позволял гражданам строить свою жизнь по собственному усмотрению, хотя и находил это не слишком эффективным. При грамотном распределении трудоспособных масс экономика могла бы вырасти минимум вдвое, что автоматически ускорило бы и прогресс цивилизации. И позволило бы надеяться вдвое быстрее колонизировать иные миры.

Граждане обо всех этих замыслах бессменного монарха не ведали. Они продолжали жить и работать как обычно, в то время как Юстелий Ардарианский, баюкая крошку принцессу, делился с ней своими грандиозными замыслами. Та, разумеется, еще ничего в них не понимала и по большей части спала под речи венценосного отца. Тот же просто не мог дождаться, когда дочь повзросле-

ет и станет ему незаменимой помощницей, отчего и несколько забегал вперед. Он представлял, как станет учить ее всему, что знает, посвящать в свои планы, воспитывать достойную преемницу. Как она станет расти у него на глазах, обретая полную силу Принцессы Крови. И как воплотит мечты отца в великое и доселе никому недоступное будущее. Триниона, слушая эти монологи, ничуть не ревновала. Она понимала надежды и чаяния супруга, отчетливо сознавая разницу между собой и наследницей престола. Император считал жену верной спутницей и очень ценил ее вклад в дела государства, включая свою собственную жизнь. Однако дочь была для него вторым "я". Я, которое превзойдет его в делах и достигнет невиданного величия. Я, чьи власть и влияние распространятся далеко за пределы известного мира. Триниона лишь надеялась, что дочь унаследует что-нибудь и от нее. Император, кстати, тоже на это очень рассчитывал. Если в Принцессе Крови воплотится могущество отца и его умение читать людей вкупе с даром убеждения матери, это будет поистине легендарная правительница.

Следовало отметить, что рассчитывали на это и чародейки. Власть Повелителя Крови мало-помалу вырождалась в откровенную тиранию, и они желали, чтобы его преемница была куда более мудрой и справедливой. Для этого ей требовалось дать надлежащее воспитание, внушить определенные ценности. Именно поэтому они активно поддержали стремление императора заполучить для дочери особого покровителя. Цели у чародеек и Юстелия Ардарианского были разные, но в непосредственном исполнении они сходились. Чародейки приложили немало усилий, чтобы их совместное желание осуществилось, и хотя император выразил им глубокую благодарность, старались они отнюдь не для него. Солидарная просьба множества родственниц не осталась безучастной. В один прекрасный день, к вящей радости венценосной четы и нескрываемому восторгу всех остальных, произошло событие еще более неслыханное, чем рождение Принцессы Крови. Дворец из импрезиториума почтила своим присутствием ее светозарность Дин'Юлемиона.

* * *

Это было очень странное ощущение. Ощущение одновременного присутствия в нескольких местах. Органы чувств сообщали противоречивую информацию, сплошь и рядом полностью не соответствующую друг другу. Как будто смотришься на себя в зеркало, состоящее из множества раздельных сегментов. Причем от-

ражение в зеркале не плоское, а объемное, и каждое тамошнее "я" живет своей собственной жизнью. Отражение разнилось, вследствие чего и формировалось некое невообразимое впечатление, будто держишь в руках морскую звезду и тут же видишь ее у своих ног на теплом песке. А песка на самом деле и нет. Вместо него прохладный мраморный пол, только и руки не пусты, занятые большим круглым предметом. Шум прибоя соответствует пляжу, и даже по щиколотку порой набегает волна, хотя она вроде бы напрочь отсутствует. Зато мяч — тот самый большой круглый предмет, — проворно укатывается в сторону все по тому же полу, но уже из травы и цветов. Но всего этого тоже не может быть, поскольку вокруг — открытое пространство, до самого горизонта заполненное удивительным, захватывающим дух видом. И мысли... Совершенно разные, они текли одновременно. Одновременно в одной и той же голове, принадлежавшей словно разным людям и при этом одному и тому же человеку. Человеку, который видел себя изнутри и со стороны, глазами других и своими собственными. Все это походило бы на всеобъемлющий, безумный кошмар свихнувшегося воображения, если бы не окутывалось мягкой, спокойной уверенностью, созданной теплом и светом. Да, даже когда там, в одном из зеркал становилось холодно и неуютно, самое большое из них продолжало излучать свет и покой. Но как же непостижимо, как же невероятно понимать, что вот ты находишься здесь и сейчас, и при этом одновременно в другом месте! В этом месте видишь ты, и видят тебя, и эмоции, переживаемые там, эхом отзываются в голове здесь. Это уже не дежавю — это нечто большее. Нечто реально существующее, просто застывшее где-то в бесконечном океане событий, доселе скрываемое незримой завесой, а ныне обретшее свободу. Но как же трудно сконцентрироваться в этой круговерти, в этом неслыханном потоке видений! Которое из них настоящее? Как определить, откуда диктуются подлинные чувства? Вероятно, никак. Все они подлинные. Все они существуют по-настоящему, просто разделены между собой неким небольшим и вместе с тем громадным промежутком, недоступным человеческому восприятию. Каждый фрагмент зеркала показывал частичку мозаики, складывавшуюся в единое целое. Здесь не было правды или лжи, иллюзии или реальности. По-своему все было реальностью, даже если происходила она не из собственных чувств, а из чужих ощущений, диктовалась не своими глазами, а представала взглядом со стороны. В том числе взглядом тех, кого хотелось бы еще хоть раз увидеть. Тех, кто воочию то и дело представал в других фрагментах зеркала, и кого при этом увидеть было все же невозможно. Поначалу это вызывало щемящую печаль, никак не

соответствующую ощущению счастья из других потоков. Затем печаль сменялась жгучей болью, сдавливающей сердце так, что становилось совсем плохо. И тогда видения ослабевали. На смену ярким, четким картинкам приходили расплывчатые образы. Глаза малютки видели лишь склонившийся над ней силуэт, давно забытый и вместе с тем совершенно незабываемый. И в ушах вновь звучало тихое пение, принадлежавшее самому замечательному на свете голосу. Оно успокаивало, изгоняло прочь все тревоги, дарило радость и надежду. Исполинские деревья накрывали голову душистым куполом. Удивительные цветы шептались о тайнах мироздания. Шелковистые травы колыхались мягкими волнами, убаюкивая смятенный разум в такт покачиваниям заботливых, бесконечно любящих рук. Сознание умиротворялось. Оно начинало вспоминать, кем является и что происходит. Начинало отличать одну реальность от другой, чужие чувства от собственных, свое подлинное "я" от его многочисленных воплощений. А затем, когда тихое пение восстанавливало душевную гармонию, путешествие в мир зеркал начиналось вновь, еще более глубокое и насыщенное. Зеркал, не состоявших из физических материалов, а сотканных из нитей живых эмоций, биений сердец и подлинных воспоминаний. Но как же непросто было синхронизировать множество образов с совершенно разными тактильными и слуховыми ощущениями, не говоря уже о мыслях и переживаниях. Раздвоение личности — детский лепет в сравнении с таким калейдоскопом. Сколько бы их ни было, этих личностей, все они сменяют друг друга последовательно, а здесь — здесь и сейчас, — все происходило одновременно в одной и той же точке пространства, и при этом в самых разных. И разделяло их не только расстояние, формировало отнюдь не единственное восприятие.

Вероятно, привыкнуть к такому до конца было все же невозможно. Все-таки каждому свое. Есть вещи, которые при всем желании не запихать в голову человеку, если он к ним попросту не готов, если его нынешнее состояние делает их обработку и понимание неосуществимой. Объять необъятное. Эта фраза регулярно выныривала из памяти. Вызывая досаду, она же на удивление помогала сконцентрироваться, и среди полноводных рек множества образов вылавливать, как золотых рыбок, наиболее важные фрагменты. Хотя попробуй тут сконцентрироваться… Все, что удавалось охватить казалось одинаково бесценным. Как вообще можно делать выбор между этими чудесами, воскресшими в глубине совершенно не ожидавшего их разума! Как вообще можно желать выбраться отсюда, где можно увидеть и почувствовать то, то больше нигде недоступно!

Перерывы становились все продолжительнее, в то время как вихрь впечатлений нарастал. Сознание постепенно адаптировалось к череде параллельных событий, связанных и не связанных чем-либо единым. Возрастала и проистекавшая на него нагрузка. Хор голосов, к которым примешивался собственный, произносимый сомкнутыми устами, был просто ничто в сравнении с сердечными объятиями, хотя руки покойно лежали на мягкой траве, созданной из чистой энергии и произраставшей из сплетения энергий. Эмоции зашкаливали. Эмоции того существа, что подлинно купалось в этих бесконечно дорогих и ставших недоступными объятиях. Эмоции существа переживавшего этот момент вновь и вновь, будто намереваясь довести себя до нервного срыва. И отзыв. Отзыв на них. Отзыв по другую сторону, охватывавший всю душу изумительной, неповторимой волной любви и счастья. Предохранители перегорали.

На волнах бессмертия, как ни старайся, умереть нельзя. Даже если регулярно доводить себя до ручки. Вылететь из глубин энергетического потока очень даже можно. Перегореть не означало сгинуть навсегда, утратив способность восприятия. Это лишь означало вынужденную паузу, во время которой доведенный до изнеможения мозг восстанавливался, пытаясь выпутаться из клубка переплетенных реальностей. Любая физическая структура подвержена разрушению, любая имеет свой предел нагрузки. Даже пресловутый импрезиториум. Лишь чистое сознание обладает возможностью беспрепятственного сохранения сущности, не подверженной внешним изменениям. До тех пор, пока оно зависит от каких-либо факторов материальной основы, с этим приходится считаться.

Золотые искорки щелкали по носу, звонко рассыпаясь по лицу невесомой пудрой. Слышался тихий мелодичный смех, такой далекий и вместе с тем такой близкий. Как вообще можно не помнить о столь удивительном создании? Каким образом способны затеряться впечатления о совместных играх и проделках? Все эти люди, места, события, потрясающие виды и феноменальные открытия просто не способны исчезнуть в никуда, как будто их и не было! Они и не исчезли. Ничто не исчезает бесследно. Просто оно меняет воплощение, перетекает из одной формы в другую. Но где-то там, в непрерывно звучащих струнах мироздания хранится отголосок каждого события. Лист, упавший с ветки, соловьиная трель, строчки никому не ведомой поэзии и круги на воде в лучах заходящего солнца — все это остается навсегда, и все это по-своему влияет на все последующие события. Просто осознать это до поры не представляется возможным. Особенно если тебе мало

лет и больше всего на свете хочется играть со своей любимой подружкой, хотя отчего-то кажется, что ты уже совсем взрослая и тебя интересуют совершенно другие вещи.

Еще один звонкий щелчок! Золотые искорки взвились в воздух, сверкнув в лучах просачивавшегося в спальню солнца. Принцесса вскочила, потирая ладошкой нос и отчаянно зевая во весь рот. Ее заспанные глаза машинально обшарили окружающее пространство, выискивая источник неожиданного, но типичного пробуждения. Через полузадернутые шторы настойчиво пробивалось утро. Довольно позднее, исходя из положения косых потоков света, в которых танцевали поблескивавшие пылинки. Звездное небо под потолком померкло, уступив место проплывавшим по нему пушистым облакам. Большой полосатый кот, растянувшийся на одном из них, сладко дрых, безмятежно раскинув лапы. Судя по его виду, погода обещала быть хорошей, что означало массу развлечений на свежем воздухе. В спальню проникал легкий ветерок, колыхавший тонкие, как лунная дорожка, занавески. Под его дуновением покачивались чашечки цветов, над которыми порхали большие красивые бабочки. Эти цветы в изобилии украшали покои принцессы, взбираясь гирляндами до самого потолка и обвивая всамделишные, растущие прямо в комнатах деревья. Их очень любила Дина. Растения были неотъемлемой частью ее существования, и принцесса уж точно ничего не имела против. Пыльца ее ничуть не беспокоила, тем более что эта пыльца носила колдовской характер, словно созданная для всевозможных проказ и шуток, для чего регулярно и использовалась. Оттолкнув ногами сбившееся одеяло, принцесса сладко потянулась, окинув беглым взором хрустальную люстру. Ее переливавшиеся кристаллы отбрасывали блики на все внутреннее убранство, начиная от прекрасных гобеленов на панелях из голубого мрамора и заканчивая предметами изысканной мебели. Это было настолько реально, что даже сама принцесса не отдавала себе отчет, которая из них сейчас обводит взглядом свою любимую спальню.

– 2 –

Это только говорят, что феи ранние пташки. Вскакивают спозаранку и порхают в лучах восходящего солнца, шурша крылышками над водами журчащего ручья. На деле они тоже очень даже любят поспать и понежиться. За примерами далеко ходить было не надо. Илиана частенько просыпалась раньше своей подружки, а просыпалась она точно не с первым проблеском зари. Если принцессу не будил щелчок золотых искорок по носу, то уже

она тормошила любимую фири, безмятежно почивавшую где-нибудь неподалеку.

Так было и в тот раз. Открыв глаза, Илиана потянулась, окончательно столкнув на пол тонкое одеяло, куда до него успела отправиться львиная доля подушек. На одной из них уже с комфортом устроилась большая глазастая ящерка, а другую утаптывал упитанный кот, смахивавший на того, что бродил на колдовском потолке. Помахав рукой отлично ладившим питомцам, принцесса огляделась, выискивая Дину.

В спальне царил привычный упорядоченный хаос, присущий скорее роще, нежели покоям ее высочества. Большие, почти в пол, окна выходили на юг, откуда солнце еще не добралось до всей спальни. Их створки были раскрыты, впуская внутрь потоки свежего воздуха, колыхавшие невесомые занавески, сотканные лучшими прядильщиками. На широких подоконниках обосновалась уйма всяких растений, над которыми тихо гудели пчелы. По бокам каждого подоконника росли густые кусты, откуда тянулись настоящие деревья. Вокруг, в мраморной окантовке, расстилался дерн, поросший травой и полевыми цветами. На ветке ближайшего дерева устроилась певчая птичка, выводившая заливистые трели. Птички залетали регулярно. Присутствие Дины притягивало их как магнитом, равно как притягивало бабочек, косуль, ящериц, зайцев и, одним словом, уйму всякой живности. Все обитавшие на платформе животные регулярно заглядывали в окна. Порой в зеркале отражалась голова могучего оленя, а иной раз на шкафу с одеждой совсем по-кошачьи устраивался тигр, свешивая с него хвост и лапы. Сейчас в обозримой видимости никого не наблюдалось, исключая уже замеченную принцессой троицу. Кроватка, по вполне естественным причинам смахивавшая на кукольную, была пуста. Она стояла в центре большой выпуклой клумбы, разбитой напротив окон спальни. Вокруг клумбы журчал в мраморном полу кружной ручеек, питавшийся от нескольких миниатюрных фонтанчиков. Растущее рядом дерево протянуло над кроваткой пышную лиственную лапу, служившую своеобразным балдахином, но под ним никого не было.

Поискав глазами и не обнаружив желаемый объект, Илиана обратила взор к пернатой солистке. Птичка, откликнувшись на зов, прервала пение и вытянула крылышко. Посмотрев в указанном направлении, Илиана заметила свисавшую с пальмового листа ножку, одетую в башмачок из тончайшего шелка. Пальма в громадной кадке грозила подпереть потолок своей пышной верхушкой, а до него было целых двенадцать ярдов. Обосновавшись возле чайного столика, она плодоносила круглый год, а спускавшиеся

вдоль ствола лианы служили подруге принцессы отличными качелями. Пошарив рукой, Илиана нащупала под подушкой палочку из белого дерева с золотой звездой на конце. Она выглядела как пресловутая волшебная палочка из сказок, хотя для настоящего колдовства подобные приспособления были нужны так же, как птицам колеса. Тем не менее, изделие принцессы кое-что умело. Прицелившись, Илиана махнула им в направлении обнаруженной цели. Из кончика палочки вырвалась струйка золотистых искорок. Промелькнув в воздухе, она достигла свисающей с пальмы ножки и успешно по ней промазала, впечатавшись в широкий лист. Со звонким щелчком от листа отскочила тучка сверкающей взвеси. Лишь с четвертого раза выстрел попал куда требовалось. Ножка в шелковом башмачке исчезла, втянувшись на зеленое ложе. На этом, однако, все и закончилось.

— Дина! — позвала принцесса.

Ответа не последовало. Только жмурившийся кот, приоткрыв один глаз, оценил обстановку и вновь прикинулся спящим. Илиана, спрыгнув с кровати, подбежала к пальме. Обхватив ствол, она попробовала его тряхануть, да только не с ее силенками было пошевелить внушительное дерево.

— Дина! — снова воскликнула Илиана.

Никакой реакции. Оглядевшись, принцесса поискала вокруг, соображая, чем бы привлечь внимание почивавшей особы. Ее взор наткнулся на все те же упавшие на пол подушки. Илиана не отказала бы себе в удовольствии запустить вверх одну из них, да попробуй добрось ее на такую высоту. Вот кота, свернувшегося клубком, запустить было очень даже можно. Не в том, конечно, смысле, как раскрутить за хвост и закинуть на пальму эдаким завывающим бумерангом. Тюльп, несмотря на свои внушительные габариты, отлично умел карабкаться на верхотуру. Вот и кандидат взобраться на дерево! Недолго думая, Илиана озвучила ему свою идею. Коту она не слишком понравилась, но принцесса проявила настойчивость, тормоша пушистого питомца и не давая ему дремать. Удирать от нее он даже не пробовал — все равно достанет. Лучше уж согласиться. Всем своим видом выражая неудовольствие, помятый Тюльп проследовал к пальме и принялся покорять ее со сноровкой опытного скалолаза. Не прошло и минуты, как он достиг верхушки. На лист кот не полез — с его-то весом столь неосмотрительная попытка живо закончилась бы ожидаемым падением. Однако поручение следовало исполнять. Попрочнее обосновавшись на пальме, Тюльп выгнул спину и раззявил пасть.

— Ма-а-а-а-у-у-у! — грянул под потолком утробный вопль, сделавший бы честь и взбесившемуся павиану.

От такого впечатляющего звука спящая на листе особа вскочила как ужаленная. Край зеленой постели оказался слишком близко для ее неожиданного пробуждения, и подружка принцессы, взмахнув руками, с писком кувырнулась вниз. Падение с высоты одиннадцати ярдов это вам не шутки, однако она не пролетела и двух, как за ее спиной раскрылись прозрачные стрекозиные крылышки. Еще мгновение — и вот уже она зависла в воздухе, сердито разглядывая сидевшего на пальме кота. Впрочем, причина столь возмутительной выходки быстро стала понятной, когда крылатая особа перевела взгляд на покатывавшуюся со смеху принцессу. Сняв обвинения со стушевавшегося Тюльпа, она плавно спустилась вниз.

— Доброе утро, Дина! — воскликнула Илиана, явно довольная своей проделкой.

— Ай-яй-яй! — укоризненно покачала головой крылатая особа, опускаясь перед принцессой на чайный столик.

На ней красовался розовый наряд из блузки и шортов с белой оторочкой, а сама она была всего полутора футов росту. В золотистых волосах виднелся красивый жемчужный обруч, а на шее поблескивал изумрудный медальон в цвет глаз своей владелицы. Ушки украшали две искрившиеся капельки, похожие на капли воды. Ну просто ожившая кукла, если не считать кем она была на самом деле.

— А ты не просыпалась! Я послала Тюльпа! — пояснила, продолжая смеяться, принцесса.

Она вполне могла бы послать наверх и птичку, но послала кота, дав ему вполне определенные инструкции. Это ведь веселее!

— Иля, разве можно так обращаться с лучшей подругой? — строго осведомилась крылатая особа. — Тебе почти пять лет, а ты ведешь себя как маленькая!

Строгость была напускная, и Илиана отлично это знала. Подругу выдавали задорные искорки в прищуренных глазах.

— Можно! — хихикнула она. — Как тазик!

Уточнять не требовалось, поскольку упомянутое слово красноречиво относилось к Дине. Принцесса как-то раскапризничалась и не хотела вставать. Подружка подсунула ей к кровати внушительный таз с водой. Затем заколдовала кровать, и та, постепенно наклоняясь, кувырнула Илиану в заботливо приготовленную для нее ванну. Принцесса потом несколько минут гонялась за Диной по всей спальне, опрокидывая все что подворачивалось по пути. Дина хохотала до упаду, а под конец засмеялась и Илиана, когда споткнулась и второй раз шлепнулась в тот же самый таз. Припомнив этот случай, крылатая особа улыбнулась, и окончательно стало по-

нятно, что она ничуть не сердится.
— Ладно, проказница, давай умывайся и завтракай! — заявила Дина, взмахнув рукой.
В ней она держала нечто похожее на палочку Илианы, только вместо звездочки на конце находился изумрудный с алым цветок. Сноп золотых искр тут же щелкнул принцессу по носу. Преспокойно уворачиваясь от ответных выстрелов, Дина порхнула к двери и распахнула ее настежь, не прикоснувшись к створкам и пальцем.
— Ее высочество проснулась и ожидает вашего внимания! — возвестила она находившимся в соседней комнате людям.
Те, ничуть не удивленные подобным приглашением, немедленно устремились на зов и занялись утренним моционом принцессы.

Спустя час в коридорах дворца объявился хорошо знакомый его обитателям экипаж. На небольшом пушистом облачке в форме округлой тележки сидела Илиана, державшая в руках поводья от маленькой крылатой лошадки. Лошадка, несмотря на миниатюрные габариты, обладала недурной прытью, которую и развивала на радость девочке. Дина летела впереди, распахивая двери и создавая в воздухе всевозможные цели. Через одни надо было пролететь, другие обязательно обогнуть, третьи поразить выстрелом из палочки со звездой. Полет этой компании сопровождал перелив колокольчиков, надетых на лошадку, и звуки жизнерадостного веселья. Столкновений с кем-либо обычно не происходило. Во-первых, Дина обозначала траекторию полета характерной подсветкой и кристаллическим звоном, так что даже самые нерасторопные люди успевали сообразить, что к чему. Во-вторых, Илиана отлично научилась управляться со своим удивительным экипажем, недоступным даже чародейкам. В крайнем случае облачко бесследно исчезало, никому не причинив вреда, причем исчезало вместе с лошадкой, а принцесса кувыркалась в невидимом защитном куполе. Купол бдительно поддерживала Дина, не допуская ни лобовых столкновений, ни вообще каких-либо критических ситуаций. Последние месяцы, благодаря совершенствованию навыков, такое происходило крайне редко и обычно ограничивалось сбитым подносом, доспехами или статуей. Доспехи с грохотом разлетались по полу, а статуи порой разбивались вдребезги, но Дина живо приводила их в изначальный вид. Илиана обожала такие прогулки, тем более что подружка регулярно придумывала что-нибудь новенькое. Заслышав приближавшийся экипаж принцессы, обитатели дворца на всякий случай жались к стенам и не без облегчения вздыхали, провожая взглядом пронесшуюся мимо парочку. Кому же охота некстати подвернуться ее высочеству, однажды разгромившую огромный витраж из-за непредвиденного

свидания с гигантским тортом и тремя тащившими его слугами? Принцесса вместе с тортом отправилась прямиком в шедевр стеклодувного искусства, устроив в приемном зале изумительный разгром. Лишь благодаря Дине происшествие обошлось без членовредительства. Впрочем, именно благодаря ее присутствию подобные увеселения и становились вообще возможны, иначе охрана ее высочества давно бы уже поседела и уволилась.

Император относился к таким забавам дочери очень снисходительно. К своим пяти годам Илиана обладала великолепной координацией, выработанной головокружительными игровыми упражнениями. Она умела летать на крылатых существах, управлять экипажем, хорошо двигалась и быстро соображала в самых разных ситуациях. Недурно для такой крошки, что и говори! Впрочем, все-таки она не обычный ребенок, а Принцесса Крови. Неслучайно в отведенном ей крыле дворца ошивался целый зоопарк из самой разной живности, начиная от кроликов и заканчивая львами. Правда, порой ее развлечения выглядели не слишком безопасно, но император не особо беспокоился. Он знал, кто неотступно присматривает за его дочерью, а посему лишь добродушно посмеивался над проделками неугомонной парочки. И не возмущался даже тогда, когда облачный экипаж, явно промазав мимо заданной траектории, вламывался в тронный зал и вихрем проносился невдалеке от трона. Любому другому столь беспардонное отношение к центру государственной власти с рук бы не сошло. Наследной принцессе прощались любые выходки, равно как и их обыкновенному инициатору. Ведь это только Илиана звала свою подружку Диной. Для всех остальных она именовалась несколько иначе. Дина была ни кто иная, как ее светозарность Дин'Юлемиона — бессмертная фея, вызвавшаяся стать покровительницей Принцессы Крови.

На языке Ардарианской империи словом "фири" обозначались феи, хотя как не назови, суть от этого не менялась. Создания чистого света, они жили сами по себе и никому не подчинялись. Они не лезли в мирские дела, ограничиваясь заботой о природе, и показывались людям лишь по собственному желанию. Собственно, они и к миру людей-то относились весьма условно, появляясь в нем только в собственных интересах, мало понятных непосвященным. Обычно феи покровительствовали какой-нибудь роще или водопаду, острову или озеру. Куда реже — человеку. Мало кто удостаивался чести дружить с таким удивительным существом, не мешавшим людям, но и не помогавшим им. В известном смысле, феи держались нейтрально, опекая растения и животных, но как бы не замечая всех остальных. Их видели нечасто, но все же виде-

ли. Не настолько, чтобы они перешли в разряд легенд, но настолько, чтобы встреча с ними становилась предметом гордости и многочисленных рассказов. Заслужить благосклонность феи считалось редчайшей удачей. Вызвать ее неудовольствие охотников особо не находилось. Рубить деревья в лесу, который облюбовало одно из этих удивительных существ, было довольно опрометчивым поступком. Поссориться с феей означало навлечь на себя гнев всех чародеек, чего не пожелал бы даже сам император. Ему приходилось мириться с тем, что феи ему неподвластны, но тут уж ничего не поделаешь. Они были существами совершенно иного порядка. Император имел на них влияния не больше, чем на восход и заход солнца. На его счастье, феи не совались в дела государства, ограничиваясь одним им ведомыми заботами о природной основе мира. Давным-давно Юстелий Ардарианский издал указ, объявляющий места присутствия фей заповедной зоной. Вот охранять самих фей уж точно не требовалось. Каждая из них была способна на такое, что не снилось даже наиболее могущественным чародейкам. Именно поэтому император и упросил чародеек похлопотать за его наследницу, надеясь заполучить ей лучшего на свете опекуна. И был несказанно рад, когда его просьба неожиданно увенчалась успехом.

Аудиенция у императора как раз была в самом разгаре, когда в тронный зал произошло очередное вторжение. Сначала облачный экипаж шумно пронесся снаружи. Судя по доносившимся хлопкам, принцесса громила воздушные цели, старательно создаваемые Диной. Затем, заложив резкий вираж, принялась громить витражи. Вероятно, она набрала слишком большую скорость, в результате чего при развороте зацепила огромное цветастое окно. Окна выходили из тронного зала в великолепные сады, пропуская потоки света и благоухание цветов. Центральная платформа, парившая высоко над его куполом, солнце не заслоняла, как не заслоняли его и другие платформы, опускаясь и поднимаясь по мере необходимости. Одного разбитого окна принцессе явно показалось мало, поэтому она живо зацепила второе и третье, а затем и вовсе лихо ввалилась под своды огромного купола. Пространство наполнил мелодичный звон, сопровождавший это эпическое безобразие. Впрочем, осколки никому вреда не причинили. Подхваченные чарами Дины, они завертелись в стремительном вихре, возвращаясь на прежнее место. Сама же принцесса, кружась на экипаже вокруг своей оси, не менее стремительно спикировала в направлении венценосного родителя. Столкновения не произошло. За десяток ярдов экипаж исчез, а девочка, окутанная пушистым облачком, снизила скорость и плавно приземлилась на колени к отцу.

Тот даже бровью не повел, наблюдая за быстро развернувшимся действом. Поймав разгоряченную наследницу, он поцеловал ее в макушку, а она в ответ заключила его в объятия. Шуршание стрекозиных крылышек прекратилось. С легким хлопком полуторафутовая фигурка Дины исчезла. Вместо нее подле трона теперь стояла среднего роста молодая женщина в зеленом платье из тончайшего шелка. На ее голове по-прежнему виднелся жемчужный обруч, разве только амулет на шее стал красным. В пряди волос были вплетены живые цветы. Не сорванные, а именно живые. Сверкавшие возле ушей капли воды оказались тем, чем и выглядели — каплями воды, невесть каким образом излучавшими свет и сохранявшими форму. Чародейки, присутствовавшие при этой сцене, почтительно склонили головы.
— Полагаю, нет необходимости представлять мою дочь Илиану, наследную Принцессу Крови, и ее досточтимую покровительницу, светозарную Дин'Юлемиону, — произнес император, усаживая на коленях ребенка и делая жест в сторону молодой женщины.
Те, кто еще не догадался последовать примеру чародеек, после этих слов также выразили свое почтение. Включая губернатора Таунсторма.
— Большая честь встретиться с вами лицом к лицу, — произнес он, выпрямляясь. — Его величество часто рассказывал о вас, но до сих пор мне не удавалось засвидетельствовать свое уважение лично.
Его свита выразила солидарность со словами Повелителя Крови.
— Благодарю, губернатор, — певуче отозвалась молодая женщина, будто чьи-то незримые пальцы пробежали по струнам музыкального инструмента. Обычный человек не мог воспроизвести подобную речь — так умели разговаривать только феи. — Сожалею, что наш маленький визит прервал явно важный разговор, но Илиана очень хотела увидеть отца.
— Ничего страшного! — приветливо заявил император, упредив ответ Таунсторма. — Я всецело полагаюсь на ваше усмотрение. Но что вы там делали снаружи? Я слышал какие-то хлопки.
— Мы повторяли карту звездного неба, — невозмутимо пояснила Дин'Юлемиона. — Илиане требовалось попадать во все созвездия кроме видимых над нынешним горизонтом. Ошибка меняла задачу на противоположную. Она отлично справлялась, пока не всполошила несколько притворившихся статуями маркеронов. Они шарахнулись кто куда, из-за чего и произошел небольшой инцидент с окнами. Не волнуйтесь, Илиане ни на мгновение ничего не угрожало.
Девочка смущенно засопела. Все было не совсем так. На самом де-

ле это именно она едва не снесла означенных существ, восседавших вдоль барельефа. Маркероны не хуже горгулий изображали неживые объекты, но выглядели как представители семейства пернатых. Изваяние большого орла на деле вполне могло оказаться колдовским существом, охранявшим вверенный ему объект. Пытаясь избежать столкновения с переполошенными маркеронами, принцесса по касательной ушла в направлении окон тронного зала, где окончательно потеряла управление. Однако она не сказала ни слова, стыдясь своей нерасторопности. Версия, что ей очень хотелось увидеть отца, Илиану очень даже устраивала. К тому же, это в известной степени соответствовало действительности. Озвученная версия устраивала и императора.

— Какие пустяки! Я знаю, что в вашем обществе моей дочери не грозит никакая опасность! — приветливо кивнул он, искоса глянув на губернатора. — Неужели кто-то всерьез может считать вашу опеку недостаточно надежной?

Эти слова адресовались не столько фее, сколько Таунсторму. Специфический визит ее светозарности оказался даже кстати. Губернатору будет не лишне лицезреть под чьей защитой и покровительством находится Принцесса Крови. Интересно, появление Дин'Юлемионы чистая случайность или она все это подстроила? С феи станется. Поди пойми что у них на уме. Как бы там ни было, император и не подумал ворчать на беспардонное нарушение всех протоколов аудиенции, а воспользовался случаем в своих интересах. Ого, как изменились физиономии кое-кого из свиты Таунсторма! Что это? Неужели они испугались? Неужели они боятся светозарной покровительницы Илианы? На внутреннем сонаре императора обозначились вполне определенные чувства, источаемые четырьмя людьми. Черт побери, да они и впрямь ее боятся! Но с чего бы? Какой сумасброд станет бояться фею, не имея на то веских оснований? Гость и его свита почтительно молчали, пока император занимался сидевшей на коленях дочерью, расспрашивая, хорошо ли та спала и позавтракала. А заодно прислушивался к источаемому людьми фону. Страх резко пошел на убыль. Вот только что он чувствовался совершенно отчетливо и вдруг быстро угас, сменившись обычным невозмутимым настроем. Странно. Император искоса взглянул все на те же лица. Гм. А по ряду едва уловимых признаков и не скажешь, что эти четверо успокоились. Да, очень странно. Император не любил странности. Он им не доверял. Но он доверял своей способности читать эмоциональный фон, а та не подавала подозрительных сигналов. Похоже, непродолжительный испуг был вызван бесцеремонным вторжением в тронный зал и сопровождавшими его эффектами. Император ук-

радкой взглянул на фею. Та стояла с совершенно невозмутимым видом. То ли ждала когда Илиана закончит общение с отцом, то ли сама изучала губернатора и его свиту. Феи умели прятать взгляд под опущенными ресницами, поэтому было совершенно невозможно определить куда она смотрит. Ох, какая жалость, что ее светозарность нельзя использовать по собственному усмотрению! Впрочем, стоит попросить Илиану узнать мнение покровительницы о сегодняшних гостях. Авось та что и скажет. Дочка со своей Диной на короткой ноге. Везет же некоторым…

— Все, доченька, папе пора заняться государственными делами. Съезди пока к маме, а за обедом мы обязательно увидимся еще раз, — вслух сказал император, ссаживая дочь с колен. — Только будь, пожалуйста, аккуратнее при езде, а то тронный зал у меня всего один.

— Да, Иля, поехали, — поманила девочку фея. — Мы с тобой с огнем не играем и другим не советуем.

Негромкий хлопок — и вот рядом с троном появился облачный экипаж с поводившей ушами лошадкой. Еще один — и молодая женщина вновь стала размером в полтора фута, зашуршав стрекозиными крылышками. Поднявшись в воздух, она сделала несколько кругов вокруг запрыгнувшей в повозку Илианы. Задорно вскрикнув, девочка схватила поводья и лошадка рванула с места в карьер, отчего наездница едва не вылетела на пол. Парочка не удосужилась покинуть тронный зал как полагается. Сделав на подъеме петлю, принцесса направила экипаж прямо в большое центральное окно. По велению феи оно раздалось, пропуская Илиану и ее покровительницу, а затем вновь приняло прежний вид.

Когда дочь исчезла за пределами видимости, император возвратил себе прежнее спокойствие. Небольшая передышка позволила ему скрыть внезапный прилив волнения. Юстелий Ардарианский полагал, что отлично умеет держать себя в руках, но все-таки вздрогнул при последних словах Дин'Юлемионы. Едва заметно, но все же. Сами по себе они прозвучали совершенно невинно, если бы не тема, ради которой Таунсторм запросил аудиенцию. Что это, простое совпадение? Иди речь о ком-то другом, император именно так бы и подумал. Но с феей ничего нельзя утверждать наверняка. Примечательно, что Таунсторм при означенной реплике и вовсе окаменел. Эх, знать бы наверняка зачем ее светозарность обронила свою фразу про огонь! Ведь появление губернатора имело к нему самое прямое отношение.

Вечер Илиана провела на краю восточной платформы, относившейся к ее крылу дворца. Часть тамошнего парка переобору-

довали под учебный комплекс для принцессы, где она могла заниматься науками в ненавязчивой обстановке. Ведь куда приятнее постигать всякие премудрости на симпатичной полянке под сенью древесных крон, а не часами торчать в замкнутом пространстве. Из беседки, возвышавшейся меж густых кустов, открывался изумительный вид на город и пригороды, а деревья тихо шелестели ветвями как в настоящем лесу. Собственно, парк и напоминал лес. В нем водились всякие животные, круглый год произрастали грибы и ягоды. С одной стороны он плавно перетекал в сады, а с другой опоясывал архитектурный комплекс.

Наставники принцессы хорошо потрудились, чтобы обеспечить учебный процесс наглядными и удобными пособиями, и вообще иметь под рукой все необходимое. Илиана не переходила из класса в класс, чтобы сменить обстановку. Полсотни ярдов по дорожке — и вот уже ее окружает необходимый инвентарь, а атмосфера соответствует заданной тематике. Среди бела дня она могла оказаться в открытом павильоне с подвижным звездным небом, оставлявшим далеко позади возможности самого технически продвинутого планетария. Либо же усесться в лодку и пуститься по волнам истории, открывавшейся перед ней объемными иллюзиями по обе стороны судна. География оживала в виде уникальных колдовских макетов, а точные науки обретали наглядное воплощение в искусно созданных моделях. Причем мановением пальцев можно было изменять те или иные параметры, чтобы наглядно убедиться в результате и правильности сложных расчетов. Учебная программа Илианы никак не соответствовала пятилетней девочке, однако та усваивала ее с необычайной легкостью. Другое дело, что малышка пока не умела этими знаниями оперировать так, как это делает сформировавшийся разум, но к моменту взросления уровень ее образования достигнет космических масштабов. Как и все дети, принцесса любила играть и веселиться, однако тяга к знаниям, присущая Повелителям Крови, проявлялась во всей красе. Илиана обладала неплохой усидчивостью и глотала книги с жадностью птенца. В свои юные годы она уже умела разделять час потехи и час для важных дел. Не последнюю роль в этом сыграла Дина, умудрявшаяся быть девочке покровительницей и подругой одновременно. Что и говори, а фея на роль постоянной спутницы принцессы подходила идеально. Вечно молодые создания света обладали колоссальной мудростью и набором знаний, умели быть серьезными и рассудительными, и при этом во многом оставались детьми. Иной раз могущество Дин'Юлемионы напрочь не вязалось с шалостями и проделками, от которых она явно получала не меньшее удовольствие, чем ее малолетняя подо-

печная. Илиана считала фею своей подружкой, и на то у нее имелись все основания. Но фея умела быть и наставницей, поэтому разделяя с принцессой игры, она заодно и учила ее уму-разуму. В том числе слушаться других наставников и наставниц, а также регулярно посещать учебную часть парка. Там, вверив девочку заботам преподавателей, как правило, из числа чародеек, Дина удалялась. На весь период занятий забота об Илиане ложилась на плечи учителей, а фея отправлялась по своим делам. Отправлялась так, как умела. Ей не требовалось улетать за тридевять земель и картинно исчезать в лучах заходящего солнца. Она просто растворялась в пространстве. Это людям для путешествия в Сунастийские пределы необходимы Трансталлы и прочие заумные приспособления. Феи, как создания света, ни в чем подобном не нуждались. Чем там занималась ее светозарность и в каких мирах ее носило — никто и понятия не имел, однако когда занятия Илианы подходили к концу, она исправно появлялась вновь, частенько совершенно незаметно для окружающих. Вот только что ее не было и в помине, а вот она уже полеживает наверху какой-нибудь планеты, плавно кружащейся в хороводе изучаемой звездной системы. Или прыгает по объемному макету искусно выполненной местности, внося в него свои шаловливые коррективы.

Последний урок как раз подошел к концу, когда объявившаяся Дина уселась на перила беседки и принялась выдувать мыльные пузыри. Каждый пузырь выглядел как смешная рожица, а когда лопался, то испускал смех. Учитывая количество пузырей и их регулярные хлопки, поляна вокруг беседки наполнилась разноголосым хихиканьем. Илиана, закрыв тетрадку, посмотрела на ведущую занятие чародейку. Та, кивнув, подтвердила, что на сегодня уроки закончены. Во-первых, это было действительно так. Фея обычно не нарушала учебный процесс без веских на то причин. Во-вторых, даже если бы наставница вздумала принцессу задержать, поведение ее светозарности говорило, что у нее на подопечную другие планы. Вежливо попрощавшись с чародейкой, Илиана вскочила и подбежала к Дине. Та ловко увернулась от детских пальчиков, намеревавшихся схватить ее поперек талии. Ничего зазорного в такой попытке не было. Раздавить фею не сумел бы даже громадный Нереймит, сколько бы ни старался, поэтому девочка была не способна повредить миниатюрной покровительнице. Вскочив на перила, Илиана перемахнула через них вслед за удиравшей феей и плюхнулась на материализовавшуюся в воздухе черепаху. Наблюдавшая за ними чародейка завистливо вздохнула. Ей бы такие возможности!.. Дина тем временем уже о чем-то щебетала с принцессой. Сделав круг по поляне, черепаха, степенно

загребая лапами, полетела к краю платформы вместе с восседавшей на ней Илианой и усевшейся у нее на плече феей. Миновав парапет, парочка резко взяла вверх и унеслась неведомо куда. Чародейка погасила стенды и притушила огни. Затем покинула беседку и известила всех кого следует, что ее светозарность взяла принцессу на вечернюю прогулку.

Предупреждение было не лишним, так как прогулка не обязательно проходила на территории дворца, и охрана рисковала сбиться с ног в поисках исчезнувшей дочери императора. Это был один из тех случаев, когда принцесса оставалась только в компании покровительницы. Для обеспечения ее безопасности больше никто не требовался. Фея стоила целого отряда чародеек, обладая недоступными никому другому возможностями. В ее обществе девочке ничто не угрожало. Император частенько сожалел, что у него самого нет подобного спутника, но искренне радовался за дочь, обретшую в жизни чрезвычайно надежную опору. Означенное "ничто", конечно, подразумевалось в разумных пределах. В жерло вулкана никто нырять не собирался, и сражаться с ордами нечисти тем более. Фея могла подстраховать Илиану от практически любой случайности и при какой-либо угрозе оперативно доставить в безопасное место. Этого было вполне достаточно, чтобы венценосные родители не переживали, когда она брала их сокровище на прогулки по собственному усмотрению. Потом Илиана взахлеб делилась о них впечатлениями, и император, переглядываясь с супругой, вовсю подозревал, что их путешествия одним окружающим миром не ограничиваются. Что ж, если так, то это просто замечательно! Если Принцесса Крови с раннего детства привыкнет к Сунастийским пределам, со временем там она будет как миалас в небесных просторах.

Компания девочки накладывала на фею определенные ограничения, но она блестяще их преодолевала. Илиана и моргнуть не успела, как черепаха развила запредельную скорость и Сангвитория осталась далеко позади. Колдовство Дины создало вокруг наездницы невидимый пузырь. Внутри было тихо и спокойно, дышалось легко и не чувствовалось ни малейшего дуновения. Однако и снаружи передвижение Илианы не напоминало полет метеора, а ведь именно так оно и обязано было выглядеть из-за огромной скорости. Фея впитывала свечение, рассеивая выделявшееся тепло в воздухе. Лично ей такое было вообще ни к чему, но принцесса обладала физическим телом, зависящим от законов окружающего мира. Даже чары Дин'Юлемионы не могли сделать девочку нематериальной, но они позволяли хитро обходить препятствия в рамках существующей небесной механики. Чем-то подобным пользо-

вались и чародейки, окружая своих миаласов защитным барьером, но в несравнимо меньшей степени.

Со стороны полет черепахи не прослеживался. Фея направляла потоки света таким образом, что они обтекали воздушный пузырь, скрывая все находившееся внутри. Лучшей маскировки и не придумаешь. Чародейки, опять же, прибегали к маскировочным заклинаниям на схожей основе, но то, что им удавалось воплотить лишь в грубом приближении, фея делала идеально простым щелчком пальцев. Что же касалось черепахи, то к выбору именно этого животного Дина подошла с присущим ей юмором. Уж сколько шуток ходило про медлительность этих рептилий, поэтому она нарочно воплотила колдовской транспорт в столь забавной форме. Илиана не трогала поводья. Черепаха отлично знала куда лететь, а девочка вскоре и сама догадалась о цели путешествия.

Под водой, в полутора тысячах миль от южного побережья, раскинулся прекрасный коралловый риф. Наверху бежали тяжелые океанские волны, а в сотне футов под ними дно расцвело настоящим буйством красок. Стайки рыбок сновали там и сям, то забираясь в глубокие гроты, а то скользя между причудливыми образованиями кораллов. Морские коньки водили хороводы; по дну, перебегая от впадины к впадине, семенили осьминоги. Медузы, большие и малые, величественно проплывали между дном и поверхностью. Небольшие пятнистые акулы, размером со среднюю собаку, неторопливо кружили поодаль, высматривая, чем бы поживиться. Солнце садилось, но жизнь на коралловом рифе не замирала. Скорее наоборот, дневной свет сменялся миллионами разноцветных огоньков, озарявших подводное царство настоящим волшебством.

Подводный мир — не самая привычная среда обитания фей, однако Дина любила здесь появляться и иногда привозила с собой Илиану. Самой фее кислород не требовался, да и с водой она дружила. Воздушный пузырь она создавала специально для подопечной, чтобы та могла дышать и общаться. Место было выбрано не случайно. Феи любили все красивое и цветущее, а этот коралловый риф прямо-таки являл собой образец природного буйства красок, походил на настоящие подводные сады. Кроме того, на этом рифе у Дины имелись хорошие знакомые. Принцессе и так было ужасно интересно наблюдать за жизнью океанских обитателей, а компания русалок доставляла поистине громадное удовольствие. Это были удивительные особы, сочетавшие в себе две стихии: воды и света. Они могли появляться и на суше, но в основном проводили время за пределами берегов. Русалок частенько приписывали к

колдовским существам наподобие горгулий или драддов, но это было громадное заблуждение. Они, как и феи, являлись созданиями высшего порядка, но если одни предпочитали купаться в лучах солнца, то других манили океанские глубины. Пока феи заботились о наземных обитателях, русалки приглядывали за жизнью в подводных просторах. Они обладали своим набором возможностей, позволявших им творить настоящие чудеса не хуже покровительницы Илианы. Двойственность природы наделяла их своими преимуществами и недостатками. Людей русалки сторонились еще больше, чем феи, отчего на их счет и расплодилось многочисленное количество ошибочных суждений. К юной подопечной Дин'Юлемионы, однако, это не относилось. Принцессу принимали вполне радушно, когда фея вместе с ней заявлялась в гости. Специально для них возводился большой воздушный пузырь, увитый водорослями, внутри которого было очень даже уютно. Вокруг светился колдовскими огнями коралловый риф, а на образовавшейся песчаной лужайке компания неземных существ вела занимательные разговоры. Русалки, обретя вид обычных женщин, рассказывали девочке об устройстве мирового океана, сопровождая повествование занимательными историями. Причем не только здешнего, но и тех, что раскинулись в Сунастийских пределах. Дина, увеличившись до габаритов чародейки, сидела рядышком и поддакивала, время от времени вставляя свои реплики. Фея не случайно познакомила Принцессу Крови со своими приятельницами. Юстелий Ардарианский видел себя правителем империи людей и мыслил, увы, исходя из строго антропоцентрической точки зрения. Дин'Юлемиона желала, чтобы его наследница овладела мышлением совершенно другого уровня. Чтобы видела в других формах разумной жизни не подчиненных, а равных. Сызмальства научилась хранить интересы всех живых существ и не действовать в ущерб множеству видов ради суетных прихотей какого-то одного. И если уж ей однажды будет суждено обрести великую силу, то пусть она обращается с ней мудро и справедливо. Император мечтает о Сунастийских пределах, но лишь по-настоящему просвещенный человек с добрым сердцем, умеющий любить и сострадать, достигнет в них подлинного величия. Величия, в делах своих дарующего бессмертие.

Илиана пока всего этого не знала. Она лишь радовалась потрясающей поездке и с удовольствием болтала с улыбающимися русалками. Их тончайшие одежды отливали как чешуя рыб в лучах солнца и состояли из множества сотканных друг с другом фрагментов. Русалки отлично знали что это за девочка. Знали даже лучше ее собственных родителей, а посему откликнулись на

просьбу Дин'Юлемионы и знакомили принцессу с такими вещами, которые не открыли бы никому другому. Со стороны казалось, будто маленькая Илиана сидит в компании обычных женщин, ведь никаких отличительных телесных особенностей у тех не наблюдалось. Даже жабры русалкам были ни к чему, поскольку им, как и феям, не требовалось обеспечение потребностей физического воплощения жизни. Природную сущность русалок выдавали только гирлянды водорослей, вплетенные в волосы, и глаза, где в стороны от зрачка разбегались волны.

То путешествие было особенным. Через неделю Илиане исполнится пять лет. Родители готовили для дочери очередной праздник, да и вообще ее график станет чрезвычайно насыщенным, поэтому Дина и привезла подопечную на коралловый риф несколько раньше дня рождения. Русалки приготовили ей подарок. Илиана носила круглый медальон из белого металла. С его лицевой стороны располагался каплевидный рубин идеального качества. Красный драгоценный камень и его форма как бы недвусмысленно намекали на дар владелицы медальона, урожденной Принцессы Крови. На обратной стороне имелась надпись, выглядевшая как вязь, составленная сложными дезорианскими письменами. Только тот, кто уже с ними знаком, мог прочесть, что обладатель этой вещицы принадлежит к императорскому дому Ардариании. Письмена были выбраны не случайно. Сам по себе медальон не содержал никаких чар, но они придавали ему неразрушимость. Император торжественно подарил его дочери, когда той исполнилось три года, и наказал никогда не снимать. Русалки решили добавить кое-что от себя. Одолжив у девочки вещицу, они унеслись с ней в глубины океана и там наложили свое удивительное колдовство. Колдовство, недоступное никому другому и не определяемое никаким способом. Если Илиана однажды попадет в беду, ей достаточно опустить медальон в воду и нажать на рубин пальцем. Русалки тут же услышат ее зов и придут на помощь.

Это был поистине бесценный подарок, которым до сих пор не мог похвастаться ни один человек. Дин'Юлемиона оценила его по достоинству и выразила русалкам свою личную благодарность. Принцесса, само собой, тоже была им признательна, но русалки прекрасно понимали, что девочка сейчас не способна по-настоящему осознать обретенную возможность, и поэтому вручили ей дополнительный презент. Им оказалось коралловое ожерелье, способное светиться в темноте и образовывавшее вокруг головы владельца заколдованный воздушный пузырь. С таким украшением Илиана могла нырять без необходимости задерживать дыхание. Девочка, само собой, немедленно опробовала обновку и пришла от

нее в полный восторг. Можно было не сомневаться, что она регулярно станет пользоваться красивым и полезным вторым подарком. Улыбавшиеся русалки, скрестив пальцы, мысленно пожелали, чтобы принцессе никогда не потребовалось воспользоваться первым.

Под водой вся компания просидела до темноты. Обратный путь занимал всего четверть часа, так что с возвращением во дворец фея могла не торопиться. В половину одиннадцатого принцесса будет в своих покоях — умываться и готовиться ко сну. Поужинала она в обществе русалок, так что вечерний прием пищи состоялся вполне себе вовремя. Судя по начинавшимся позезываниям, уже в одиннадцать Илиана заснет как убитая. Это став взрослой она сможет сутками обходиться без сна, а сейчас, будучи ребенком, Принцесса Крови растет как и все дети, требуя необходимое количество часов на отдых.

Когда гостеприимный, освещенный огнями коралловый риф остался позади, принцесса начала зевать во весь рот, и лишь полученные впечатления не давали ей клевать носом. Черепаха, загребая лапами, неслась над океанскими просторами, где отражалось разверзшееся над головой звездное небо. Выскочив из воды, она по дуге поднялась в небо и прочерчивала его настоящей кометой со скоростью около десяти тысяч миль в час.

— Тебе не понравился папин гость? — спросила вдруг Илиана, отвлекая фею от размышлений о будущем подопечной.

— С чего вдруг такой вопрос? — встрепенулась Дин'Юлемиона.

— Они говорили про какой-то огонь. Это с ним нельзя играть? — потерев лоб ладошкой, уточнила принцесса.

Вспоминая недавнюю игру огоньков на рифе, она вспомнила и слова отца, произнесенные за обедом, о которых совсем было позабыла. Фея внимательно окинула ребенка взглядом.

— Это тебя отец надоумил, да? — осведомилась она, залетая перед лицом девочки и глядя ей в глаза.

— Да, — совершенно бесхитростно ответила Илиана.

Лгать она не умела. Фея усмехнулась и уселась обратно ей на плечо. Император, само собой, желал бы узнать от Дин'Юлемионы очень многое, но он давно уже убедился, что фея прибыла персонально к Илиане, а не для того чтобы удовлетворять его любопытство. Не сумев зайти в лоб, он старался действовать окольными путями. Все его потуги фея замечала за милю, но неудачи императора ничуть не смущали. Судя по всему, сегодня он предпринял очередную попытку, но на то, признаться, у него имелись некоторые основания. Ее светозарность намеренно очутилась возле трона, чтобы взглянуть на Таунсторма и его свиту, никак не ожидав-

ших появления феи. Она обладала абсолютным слухом, и от нее не укрылась суть разговора в тронном зале, благо что облачный экипаж принцессы проносился поблизости. Дин'Юлемионе был хорошо известен тот огонь, о котором Таунсторм толковал императору. Липкий огонь. Огонь, созданный в недрах преисподней.

Втолковывать пятилетней девочке, пусть даже Принцессе Крови, сложные особенности взаимоотношений между непримиримыми сущностями, обитавшими в принципиально разных мирах, было явно рановато. Фея, ловко переключив тему разговора, на деле о нем ничуть не забыла. Илиана уже вовсю сопела, зарывшись в груду подушек, когда Дин'Юлемиона, порхая в лунном свете, размышляла как ей поступить. В бледных лучах стрекозиные крылышки отливали таинственным серебром. Таким же серебром светились и глаза феи, гулявшей по лунной дорожке. Дин'Юлемиона, как и все ей подобные создания, не вмешивалась в дела людей. Покровительницей Принцессы Крови она стала в виде исключения и по причинам неизвестным даже императору. Люди постоянно заигрывали с различными силами, суясь куда не следует. К этому давно все привыкли. Их жажда знаний и власти частенько заводила на кривую дорожку, за что сплошь и рядом приходилось серьезно расплачиваться. В Проберианском колдовском течении хватало любителей заглядывать в преисподнюю, а некоторые колдуны и вовсе злоупотребляли общением с векстрами. Заканчивалось это обычно не лучшим образом, хотя в глазах императора и такие заклинатели приносили известную пользу. Страсть к разрушительным силам, увы, свойственна человечеству. Даже животворящие стихии воды и света оно регулярно умудряется использовать отнюдь не во благо, но порой дело касалось и впрямь слишком опасных вещей. К одной из них и относился так называемый Липкий огонь. Это было творение векстров. Все его компоненты не имели отношения к колдовству. Колдовство вообще отсутствовало на всех этапах его создания. Набор химических веществ, обработанных по хитроумной технологии — ничего более. Додуматься до такой дьявольской смеси поистине могли лишь в преисподней. Сами по себе все ее части были совершенно безвредны, однако смешанные в правильных условиях и пропорции порождали раскаленное пекло, пожиравшее любую материю. Даже импрезиториум. Пропустить мимо ушей разговор об этой кошмарной субстанции Дин'Юлемиона не могла. В погоне за властью и могуществом люди регулярно обращались к векстрам за всякими разрушительными штучками. Однако нельзя попросить того, о чем и понятия не имеешь. Что-то побудило векстров предложить Липкий огонь самим, и оставалось только гадать, с какой целью это

было сделано. Векстры ничего не делают просто так. Какую цену они собирались взять за это чрезвычайно опасное знание? В своих ошибках люди виноваты сами, но в данном случае фея нутром почуяла враждебное чужеродное вмешательство с неясными намерениями. И больше всего ее настораживала причастность Таунсторма — последнего, кроме семьи императора, Повелителя Крови. У фей, разумеется, не было иллюзий куда подевались все остальные — этот груз несла совесть Юстелия Ардарианского. Груз, который определит его дальнейший путь, отнюдь не заканчивающийся в императорской усыпальнице. Но сейчас это к делу не относилось. Таунсторм — сам, или через свое окружение, — каким-то образом замешан в тайну Липкого огня. Возможно, он руководствовался некими благими целями, однако фея хорошо знала, что у векстров наверняка имеется свой расчет. И он наверняка заключается не в благополучии и процветании человечества. Да, создания света не вмешивались в дела людей, но Липкий огонь способен уничтожить все, что было фее дорого. Уничтожить чудесные рощи, прекрасные луга, погубить массу животных, испарить кристально чистые реки и озера. Изменить ландшафт до неузнаваемости, испепелив все живое и обратив его в безжизненную пустыню. Так может ли она в таком случае проигнорировать происходящее?.. Фея оглянулась на спящую Илиану. Будь та на месте императора, покровительница бы ее незамедлительно предупредила. Когда принцесса подрастет и повзрослеет, Дин'Юлемиона обязательно введет ее в курс дела и станет надежной советчицей во всех делах касательно того, что выходит за рамки окружающего мира. Но толку сейчас забивать голову ребенку вещами, которые он все равно не в силах понять?

Фея бодрствовала до глубокой ночи. Когда лунный свет скрылся за набежавшими тучами, она приняла форму взрослой женщины и уселась на подоконник. Из полумрака — огни вокруг покоев принцессы были притушены, — неслышно выскользнула черная, как смоль, пантера. Подойдя к фее, она устроилась рядом и положила голову ей на колени. Дин'Юлемиона машинально принялась почесывать громадную кошку, разразившуюся блаженным мурлыканьем. Откуда-то из глубины комнаты вынырнул Тюльп и ревниво потребовал свою долю ласки. Крупная хищница и бровью не повела. Удивительный зоопарк принцессы, обитавший на восточной воздушной платформе, вел себя чрезвычайно миролюбиво. Фея учила Илиану любить всех живых существ, развивая в ней уникальный дар общения. Дин'Юлемиону понимали и слушались все звери и птицы. Принцессу Крови тоже. Под чутким руководством покровительницы девочка постигала глубину своего талан-

та и делала в этом большие успехи, искренне любя природу и ее разношерстных представителей. Глядя, как ведет себя принцесса и что при этом чувствует, фея имела все основания надеяться, что однажды из воспитанницы получится действительно достойный и выдающийся человек.

Утро застало Дин'Юлемиону в маленькой кроватке посреди клумбы. Забравшись на хлопковую перину, она крепко спала, завернувшись в одеяло из цветочных лепестков.

Император никак не ожидал, что фея неожиданно затронет живо интересовавшую его тему. Через дочь ему так ничего добиться и не удалось, поэтому надежды вытянуть из Дин'Юлемионы хоть словечко бесследно растаяли. Спрашивать напрямую было бесполезно, а из Илианы шпиона упорно не получалось. Император как раз отдавал последние распоряжения по поводу дня рождения дочери, когда виновница грядущего торжества объявилась вместе со своей покровительницей. Свалившись как снег на голову, она объявила, что Дина приглашает их обоих прогуляться по парку, где хочет показать что-то интересное. Император живо навострил уши. Предложение звучало недвусмысленно. До сих пор за феей не водилось привычки звать его величество поразмяться на свежем воздухе. Гадая, чем вызвано такое необычное внимание, император пообещал прийти через полчаса в условленное место.

День рождения принцессы превращался в непростую задачку. Не так-то просто подарить что-нибудь девочке, у которой формально и так все есть. В игрушках недостатка нет, животных сколько хочешь, развлечений, благодаря фее и вовсе хоть отбавляй. Илиане шили красивые наряды, делали искусные украшения, создавали подборки книжек в изумительных переплетах, строили новые аттракционы, устраивали костюмированные и театральные представления. На время праздника весь дворец превращался в один огромный увеселительный центр, набитый к удовольствию Илианы всякой всячиной. Император, посмеиваясь, представлял хлопоты организаторов вечеринок ближайшие десять лет, пока принцесса не начнет взрослеть и интересоваться совсем другими материями. Они уже сбивались с ног, устанавливая фонтаны с напитками, налаживая воздушных китов, сыпавших леденцами, и возводя сказочные подвижные конструкции. В том числе в парке на восточной платформе, где имелась большая поляна, со всех сторон окаймленная деревьями. Обычно она служила для спортивных игр на свежем воздухе, для чего неподалеку имелся соответствующий инвентарь. Там Илиана осваивала мячи, махала ракеткой и гоняла всевозможные шары, причем делала это в самой

разной компании. Само собой, эти игры обычно серьезно отличались от доступных простым смертным. Ворота нахально ползали вокруг стадиона, регулярно захлопывая сеточные пасти, дабы не позволить в себя забить. Целевые кольца меняли диаметр. Лунки выплевывали мячи, если те не соответствовали изменявшимся на ходу параметрам, а сама местность изобиловала динамично меняющимися ловушками. Сами же игры сплошь и рядом проходили не на плоскости, а в трехмерном пространстве. Например, бильярд превращался в крайне необычное развлечение, когда его шары висели в воздухе, а лузы располагались на разных ярусах, включая верх и низ. Сферы диаметром около трех футов в зависимости от правил требовалось загнать в определенные лузы, приносившие либо очки, либо выстраивавшие последовательность. Подлетая к облюбованному шару, игрок прицеливался специальным кием и бил в желаемом направлении. Начиналось настоящее светопреставление, если шар вследствие промаха начинал носиться по игровому полю. Столкновения с другими объектами сопровождались разнообразной иллюминацией и забавными звуками. Игроку при этом следовало всячески избегать касаний разлетавшихся сфер, чтобы не заработать штраф.

В тот день на спортивной поляне ничего подобного не наблюдалось. На ней красовались четыре крепости, выполненные весьма и весьма искусно. Каждая обладала богатым наступательным арсеналом и каждая имела в своем распоряжении набор средств защиты. Игрок, забираясь в крепость, с вершины центральной башни управлял ходом боя, стараясь достать противников и в свою очередь защититься от их атак. Принцесса, как будущая правительница, играла ведь не только в куклы. Идея батальных игр, само собой, принадлежала императору, но к ним лояльно относилась и фея. Она не желала видеть в Принцессе Крови безжалостную воительницу, покоряющую миры подвластными ей легионами, но не была настолько наивна, чтобы не понимать необходимости соответствующего воспитания. Во вселенной хватает того, чему надо уметь противостоять. Илиана должна быть не только мудрой, но и сильной. Должна уметь защитить себя и все народы, что обретут в ее лице могущественного покровителя. Рассуждая таким образом, фея вносила в замысел императора свою лепту, исключая из него заведомо ненужную жестокость и очевидные перегибы в плане реализма. Юстелий Ардарианский ничего не имел против. Он опасался, что фея вообще не станет одобрять эту сторону воспитания принцессы, а когда обнаружил ее содействие, то был вполне удовлетворен и не мешал некоторым коррективам.

Судя по всему, фея основательно потрудилась и на этот раз.

Император не обнаружил на поляне того, что ожидал. Крепости ничуть не соответствовали запланированным. В одном углу возвышался могучий горный массив, где роль башен играли седые пики, а вместо катапульт стояли Нереймиты. В другом расположился лесной чертог, усиленный стихийными заслонами. Его основу составляли тесно сплоченные исполинские деревья, дававшие фору любому железу, а крыши окутывали клубы разноцветных туч, готовых разразиться колдовством. В третьем, к удивлению императора, оказалась точная копия его собственного дворца, дополненная боевыми башнями и машинами. Четвертый занимала внешне самая обычная крепость, разве что выполненная по всем правилам военного дела. Император, взяв дочку за руку, обошел все четыре боевых сооружения, с интересом знакомясь с их характеристиками. Они были выведены на большом щите, стоявшем подле каждой постройки: вооружение и его типы, особенности защиты, прочность конструкции и тому подобные данные. Горы воплощали твердость камня, но их основным достоинством была масса. Пробиться сквозь миллионы тонн упрямой породы представлялось поистине нетривиальной задачей. Лесной чертог символизировал воплощение стихий и колдовства. Вроде бы не такой прочный, как остальные, в умелых руках он представлял очень гибкий набор возможностей для победы. Императорский дворец отличался запредельной прочностью. Усмехаясь, Юстелий Ардарианский отметил старательность феи, ничуть не преуменьшившей надежность импрезиториума. Для сохранения баланса дворец обладал существенно урезанными наступательными средствами, однако, по мнению монарха, именно он и предназначался принцессе для ожидаемого выигрыша. Последняя крепость имела относительно средние характеристики, но в самом низу информационного щита имелась интригующая приписка: "секретное оружие".

— А кто будет четвертым? — осведомился император, поскольку на поляне находились только он с дочерью, да порхавшая рядом фея. — Нас же трое.

Охрана, рассредоточившаяся в парке, была не в счет.

— Я! — послышался хорошо знакомый голос, и над центральным пиком горной крепости показалась голова Тринионы.

— Какой приятный сюрприз! — воскликнул император. — Мне никто не сказал, что ты тоже придешь. Мне все больше нравится эта затея. Полагаю, лесной оплот предназначен для ее светозарности, а мне отведена вон та воинственно настроенная крепость.

— Не-а, папа! Дворец твой! Ты же император! Крепость Дина сделала для меня! — сообщила Илиана.

— А ты не боишься проиграть, дорогая? — улыбнулся монарх, выразительно посмотрев на фею.
— У Или будет секретное оружие. Это наш маленький сюрприз, — отозвалась та, помахивая крылышками.
— Ну что ж, пусть будет так, — кивнул император. — Полагаю, нас всех ждет какая-нибудь примечательная неожиданность.
— Так и есть, — сверкнула глазами Дин'Юлемиона.

Баталия развернулась поистине зрелищная. Фея постаралась на славу. На поляне кипели нешуточные страсти, сопровождавшиеся световыми вспышками, гулом и вполне себе натуральными раскатами грома. Сухо трещали молнии, посвистывал ветер, набегали штормовые тучи, а боевые машины самого разного типа регулярно атаковали ту или иную крепость. Башенные орудия стреляли друг в друга прямой наводкой, по периметру возводились защитные барьеры, а колдовство сталкивалось с колдовством. Формально противники могли объединяться как угодно, в том числе втроем против одного. Однако чтобы игра стала интереснее, были предусмотрены режимы усиления. Крепость, оставшаяся в одиночестве, становилась мощнее пропорционально раскладу сил. Противостояние два на два этот расклад не менял, а две крепости против одиночек развивали преимущество последних в полтора раза. Конечно не исключалось и коварство, но одиночка, присоединившийся к нападению двух союзников, уже не мог вступить с ними в альянс, зато увеличивал характеристики атакованной цели еще значительнее, а сам не получал ничего. Альянсы заключались путем обмена предложениями. Успешно подтвержденные обозначались в виде флагов над крепостями. Фея, на удивление, не заключила союз с подопечной, а сговорилась с Тринионой. Император, недолго думая, принял предложение дочери, вследствие чего над дворцом и ее крепостью поднялись их стяги.

Потеха длилась с четверть часа. Игра была спроектирована таким образом, чтобы она не слишком затягивалась, но и не заканчивалась в считанные секунды. Редко когда удавалось завершить ее менее чем за пять минут. Над тактическими характеристиками крепостей работали лучшие математики, просчитывавшие баланс с высочайшей точностью. Фея, правда, своим вмешательством многое поменяла, но там, откуда они черпала знания, считать явно тоже умели. Сражавшимся сопутствовал переменный успех. Император и императрица, пользуясь мощной защитой своих крепостей, наносили неторопливые расчетливые удары. Принцесса и Дин'Юлемиона вели сбалансированную войну, выкладывая целый ворох боевых и защитных средств. На поле боя образовался некоторый перевес в пользу Тринионы и феи, когда

неожиданно произошел кардинальный перелом. Вокруг крепости Илианы появились язычки пламени, полыхнувшие из раздавшейся земли, а сама она подсветилась красным.
— Доступно секретное оружие, — произнес откуда-то из разлома гулкий жутковатый голос.
В следующее мгновение принцесса привела в действие все метательные боевые машины. Воздушные юниты, подхватив новый груз, ринулись в масштабную атаку.

Горный массив, охваченный яростным огнем, таял как раскисавшее сливочное масло. Снаряды, исторгавшие хищное пламя, лавиной падали на неподатливый камень и прожигали в нем глубокие язвы. Один за другим выходили из строя Нереймиты, лишая крепость атакующего потенциала. Защитный, доселе казавшийся практически незыблемым, сдавал на глазах. Императрица пробовала сбивать снаряды дочери колдовством, но та бросила все свои чары на его развеивание и продолжала массированную бомбардировку. Горная крепость пала.

Следующим досталось лесному оплоту. Ему удалось продержаться дольше за счет обилия заклинаний, способных отражать заряды с огнем и уменьшать эффект его распространения. Однако, в конечном счете, и он не устоял под напором огненной стихии, пожиравшей все, к чему она только ни прикасалась. Крепость Дин'Юлемионы, исчерпавшей все средства защиты, поглотило пламя.

По правилам игры, победителем мог стать альянс или одиночка. Последнее считалось намного сложнее, поскольку союзники вынуждены были действовать с оглядкой. Потрепанный, потративший слишком много ресурсов напарник становился легкой добычей после разрыва союза. В тот раз победу требовалось завоевать кому-то одному. Устранив Триниону и фею, император и принцесса пошли войной друг на друга. К тому моменту Юстелий Ардарианский уже вовсю подозревал неладное. Дочь, конечно, должна была выиграть, но реверанс от феи выглядел чрезвычайно сомнительно. Секретное оружие кое-что напоминало. То, что император еще не видел, но о чем уже слышал, и слышал совсем недавно. Ему стало особенно не по себе, когда копия дворца из импрезиториума не выдержала бомбардировки. Бреши в стенах и башнях образовывались еще быстрее, чем в горном массиве. Вконец распоясавшийся огонь делал их похожими на сыр, невзирая ни на какие препятствия. Император на полном серьезе пытался отразить разрушительную атаку, но потерпел фиаско. Дворец обратился в оплавленные руины.

После боя наступило традиционное примирение сторон.

Принцесса, выскочив из своей крепости, побежала обниматься с родителями, делясь впечатлениями от одержанной победы. Ее тактика отличалась простотой и коварством одновременно. До поры удерживая натиск противника, она подкопила достаточное количество ресурсов и перевела все мощности на создание огненных снарядов. Боевые машины перешли на непрерывный обстрел. Интенсивная бомбардировка с воздуха довершила ошеломительный эффект.

— Отличная работа, доченька! — похвалил император.

Подхватив девочку, он несколько раз подбросил ее на ладонях, качая заливавшегося смехом триумфатора. Дин'Юлемиона, успевшая принять облик молодой женщины, присоединилась к процессу вместе с императрицей. С рук отца Илиана перекочевала на треугольное золоченое полотнище, с которого взмывала над поляной не хуже чем с батута. Несмотря на все колдовские штучки, такие маленькие семейные радости были чрезвычайно важны для эмоциональной близости.

— Хорошо, что такого оружия не существует на самом деле, — добавил император, когда потеха закончилась и принцесса упала ему в объятия. — Иначе мне всерьез пришлось бы пересмотреть всю оборонную стратегию. К счастью, через настоящий импрезиториум так просто не пробьешься.

— Липкий огонь сожрет любую крепость еще быстрее, чем эти игрушки. Сожрет леса и горы. Это лишь вопрос количества. Творению векстров импрезиториум не помеха, — обронила вдруг фея.

Император вздрогнул как от удара током. С вытянувшимся лицом он воззрился на ту, кто только выглядел как обычная женщина. Ее невозмутимость никак не соответствовала произнесенным словам. Как ни в чем не бывало, Дин'Юлемиона отошла в сторонку и принялась колдовать, приводя крепости в исходный вид. Похоже, говорить что-либо еще она не собиралась. Но императору этого и не требовалось. Он понял, что означал сегодняшний спектакль.

Таунсторму было невдомек отчего Властелин крови неожиданно изменил отношение к новому достижению алхимиков. Изначально он отнесся к нему весьма благосклонно, но затем вдруг насторожился и взял время на размышление. Губернатор подозревал, что здесь каким-то образом замешана Дин'Юлемиона, исходя из слов, произнесенных в тронном зале. Но те слова могли быть простым совпадением, а Таунсторм не хуже других знал, что феи в мирские дела не вмешиваются. Как существа другого порядка, они интересовались совершенно иными материями. Заботы Юстелия Ардарианского их волновали не больше, чем парящего в небе орла суетливая возня земляных червей. Таунсторму со своими за-

мыслами особенно следовало этому радоваться, ибо заполучить в противники фею — едва ли не самое худшее, что только можно представить. Когда Дин'Юлемиона стала опекуном Принцессы Крови, губернатор окончательно отбросил мысли каким-либо образом избавиться от ребенка. Но защита феи не распространялась на императора, так что здесь имелись определенные перспективы. К ним как раз и относилось вещество под названием Липкий огонь, ради которого губернатор и испросил личную аудиенцию монарха. И все шло хорошо до тех пор, пока черт не принес ее светозарность. Императора как подменили. Неужели фея все-таки проболталась? В отличие от остальных, она вполне могла знать, о чем идет речь. Причем знать даже лучше Таунсторма. Впрочем, не исключено что императором движет присущая ему подозрительность. Время покажет. Конечно, если оно у губернатора будет. К сожалению, планы приходилось серьезно корректировать.

Если фея осведомлена про Липкий огонь, то ей также было известно, что он даже близко не изобретение алхимиков Таунсторма. Секрет этого уникального вещества происходил из преисподней, откуда весть о нем и принесли приближенные колдуны. Губернатор сперва не ведал, с кем разговаривал. Один из колдунов поставил перед ним особый инструмент под названием Око. По другую сторону этого Ока находился неизвестный собеседник, не пожелавший представиться. По крайней мере, до тех пор, пока стороны не придут к какому-либо соглашению. Таунсторм желал получить средство, способное избавить его от опасности со стороны императора. У собеседника в пламеневшем Оке такое средство имелось. Вопрос заключался лишь в том, какая ему от этого последует выгода. Ему — это демону. В происхождении собеседника сомневаться не приходилось, разве что оставалось неясным, кем именно он был, и какое положение занимал в иерархии преисподней. Прежде Таунсторму и в голову бы не пришло связаться с представителями этой братии. Ныне он считал, что для него все средства хороши, почему и ступил на запретный путь. Это отметил и собеседник. Означенное средство он был готов предложить только Повелителю Крови и никому другому, отчего никто из Проберианцев и демонологов о Липком огне до сих пор и слыхом не слыхивал. Но предложить не просто так. Демона интересовало что он получит взамен.

— Я уничтожу императора! Разве этого недостаточно?! — с жаром заявил Таунсторм.

— Нам-то что с того? — произнес голос из Ока.

Оранжевый глаз внутри стоявшей на столе сферы окутывали языки пламени. Узкий вертикальный зрачок внимательно изучал со-

беседника. Сферу окружал красноватый ореол, из-за чего казалось, что она вот-вот вспыхнет.
— Нам абсолютно без разницы кто из Повелителей Крови захватит престол и захватит ли вообще. Убийство императора нужно именно тебе. Нам требуется нечто более существенное, — снисходительно разъяснил демон.
— Чего же вы хотите? — напряженно осведомился губернатор.
— Вопрос в том, как далеко готов зайти ты сам, — отозвался голос. — Заключенный договор расторгнуть будет нельзя, даже если тебе вдруг покажется, что цена слишком высока.
— Это не ответ, — заметил Таунсторм.
— Скажем так: мы готовы помочь тебе избавиться от врага. Липкий огонь — лишь средство. Его не обнаруживает ни одно колдовство, поскольку его компоненты не имеют к нему ни малейшего отношения, — неторопливо изрек демон. — Но способ уничтожить императора мы желаем оставить на собственное усмотрение.
— Минуточку! Это звучит как кот в мешке! — обеспокоенно воскликнул губернатор.
— Твои опасения справедливы, а потому все должно быть указано в договоре, — согласился демон. — Давай рассуждать логично. Мы открываем тайну Липкого огня, ты производишь достаточное его количество, после чего, как я понимаю, организуешь покушение на императора. Но что если ты не преуспеешь? Что если тебя поймают и казнят? Липкий огонь будет передан людям, а мы останется с носом. Думаю, ты не станешь возражать, что такое вполне возможно и нас совершенно не устраивает.
Губернатор был вынужден признать справедливость слов собеседника. Однако разговор немедленно вернулся к цене, за которую демон согласится предоставить обещанное средство.
— Давай начистоту. Если ты рассчитываешь убить одного лишь императора, то это, по меньшей мере, наивно. Сопутствующего ущерба не избежать. Если ты не готов ради своего спасения сжечь императорский дворец, то нам больше не о чем разговаривать, — сообщил голос из пламенеющего Ока.
— Дворец из импрезиториума? Это невозможно! — покачал головой Таунсторм.
— Не для Липкого огня, — усмехнулся демон. — Но пострадает, скорее всего, не только дворец. Властелин Крови — не обычный человек, и его охраняют лучшие заклинатели. Удар должен быть достаточно мощным, чтобы стать неотразимым.
— Это я понимаю, — пробормотал губернатор. — Но целый дворец… Там много людей.
— Вот поэтому я и предлагаю тебе хорошенько обдумать какую

цену ты готов заплатить, — напомнил демон. — Во сколько ты оцениваешь собственную жизнь? Сколько готов отдать за престол Ардариании?
Губернатор озадаченно промолчал.
— Позволь напомнить тебе еще вот о чем. У императора есть жена. Она тоже Повелитель Крови. А теперь еще и дочь. Которая однажды вырастет и, возможно, станет еще более могущественной, чем Юстелий Ардарианский. Как ты думаешь, они обе просто забудут убийство мужа и отца? — вкрадчиво произнес демон.
От этих речей Таунсторму стало совсем не по себе. Он, разумеется, уже думал об этом, но полагал, что сперва следует избавиться от основной угрозы. С Тринионой и крошкой принцессой он уж как-нибудь да управится.
— Крайне неосмотрительное суждение, не присущее умудренному годами Повелителю Крови, — в голосе демона послышались едкие нотки. — Императрица — возможно. С ней ты, так или иначе, сладишь. Но ты, видимо, забыл кто опекает принцессу. Фея тебе не по зубам. Особенно после того, как станет настороже после убийства императора. И ты попросту отсрочишь свою смерть, максимум лет на двадцать. Принцесса вырастет и пожелает отомстить за отца. Как ты думаешь, на чью сторону встанут чародейки, если тебе бросит вызов воспитанница феи?
— Тогда я не понимаю что мне делать! — воскликнул сбитый с толку губернатор.
— Для начала — подумать какую ты готов заплатить цену, — в очередной раз наставительно заявил демон.
И исчез. Красное свечение прекратилось. Сфера Ока была совершенно пуста.

Следующий разговор состоялся нескоро. Таунсторм обдумывал различные выходы из положения, но самый реалистичный сводился к Липкому огню и прямому устранению императора. Слова демона были более чем понятны. Юстелия Ардарианского требовалось ликвидировать вместе со всей семьей. В противном случае Таунсторм лишь откладывал свой конец, причем настраивая против себя огромное количество людей и могущественных заклинателей. Вывод напрашивался сам собой: взявшись за дело, его следовало сразу довести до конца. Тогда губернатор останется последним Повелителем Крови, с которым, хочешь не хочешь, заклинателям придется договариваться. Если же фея спасет принцессу и вырастит ее невесть где, Таунсторму и впрямь не избежать кары. Но губернатор никак не мог представить, каким именно образом ему удастся нанести столь эффективный удар даже при помощи Липкого огня. Когда демон вновь соизволил

выйти на контакт, губернатора заботило вполне конкретное обстоятельство.
— Ваше оружие способно преодолеть защиту феи? — спросил он, едва в Оке появился оранжевый глаз.
— Вот ты и начал задавать правильные вопросы, — усмехнулся голос с той стороны. — Да. Вопрос лишь количества. А также кто и как его будет применять.
Демон обстоятельно разъяснил. Десяток-другой зарядов в покоях принцессы или где-либо еще ничего не дадут. У феи достанет сил оградить девочку защитным барьером. Огонь не успеет ее поразить пока фея открывает Трансталл для своей подопечной. А как только она это сделает — поминай как звали.
— А если взорвать заряды пока фея спит? — озабоченно потер подбородок Таунсторм.
Демон расхохотался. Губернатор понял причину веселья когда собеседник снизошел до комментариев. Выяснилось, что во сне Дин'Юлемиона охраняет свою подопечную ничуть не хуже чем когда бодрствует. И если она сладко нежится где-нибудь неподалеку, это ничуть не означает, что кто-нибудь вот так запросто доберется до Принцессы Крови.
— Ничего не понимаю. Получается, что мне девчонку вообще не достать?! — нахмурился Таунсторм.
— Именно так, — подтвердил демон. — Если ты еще не понял, в этом и заключается вся серьезность опеки феи. Я понятия не имею, с чего вдруг ей приспичило возиться с дочкой императора, но если уж она в это ввязалась — поверь, тебе с ней не совладать.
— Значит, все мои замыслы изначально обречены на провал! Зачем тогда вы морочите мне голову?! — осерчал губернатор.
— Это значит, что ты подходишь к делу не с того конца, — невозмутимо сообщил демон. — Не можешь справиться сам — доверь это тому, в чьих возможностях преуспеть.
— О чем это ты? — осведомился Таунсторм.
— А какую цену ты готов заплатить? — снова изрек демон.
И снова исчез, оставив губернатора в крайне возбужденном состоянии.

Ни демонологи, ни все путешественники в преисподнюю ничем не могли помочь. Без участия демонов узнать секрет Липкого огня возможным не представлялось. А те соглашались предоставить разрушительное средство только в случае договора с Повелителем Крови. Договора, развивавшегося совсем не по тому сценарию, который предполагался изначально. Таунсторм себе чуть голову не сломал, пытаясь сообразить, что к чему. Демон дал ясно понять: никакой Липкий огонь губернатору не поможет, даже если

он спалит весь дворец из импрезиториума до основания. Демон то и дело повторял, что Липкий огонь лишь инструмент, но, похоже, не подразумевал этим средство устранения императора и его семьи. И упорно отказывался озвучить желаемую плату. Впрочем, последнее постепенно становилось очевидным. Цена устанавливалась за нечто вполне конкретное, а Таунсторм до сих пор так ни о чем и не договорился. Посулив Липкий огонь, демон при этом поставил под сомнение все идеи губернатора по его использованию. Однако диалог все еще продолжался. Следовательно, у него имелся какой-то план, и вопрос цены задавался не просто так. Похоже, демон хотел, чтобы Таунсторм хорошенько осознал свое положение и согласился пойти на такие условия, которые изначально мог посчитать неприемлемыми.

Губернатор оказался недалек от истины. Когда колдуны передали на ту сторону его желание выслушать конкретное предложение, демон соизволил объявиться вновь.

— Я весь внимание! — изрек Таунсторм при виде оранжевого глаза в озарившемся красным Оке. — Только давай не будем играть в угадайку про цену. Выкладывай: что вы можете сделать и что за это хотите.

— Вот теперь ты говоришь разумно, — изрек демон. — Что ж, у меня есть чем тебя заинтересовать.

В тот день до Таунсторма окончательно дошло, что подразумевал безымянный собеседник, когда называл Липкий огонь инструментом. С его помощью губернатор сумеет открыть устойчивый Разлом в преисподнюю. Разлом достаточно большой, чтобы явившиеся оттуда демоны покончили с правлением императора.

Голос из Ока был немногословен. Он коротко излагал суть, не затуманивая внимание человека ненужными подробностями. Его непродолжительная речь, однако, произвела ошеломительный эффект. Таунсторм, осознав, что именно ему предлагают, здорово растерялся. Демон на него не давил, позволяя разложить услышанное по полочкам, и охотно отвечал на уточняющие вопросы.

— Да, ты правильно меня понял. Устранение императора и его семьи мы берем на себя. Ибо только нам такое и под силу, — заявил он помимо прочего.

— Как? — машинально осведомился Таунсторм.

— Ну, это уж наша проблема, — усмехнулся демон.

Губернатора, понятное дело, такой ответ не устроил. Собеседник был к этому готов, а посему пустился в обстоятельные объяснения. Сделка есть сделка. Демоны не уйдут, пока не доведут работу до конца — в этом Таунсторм может быть уверен. Явившись за императором и его семьей, они приложат все усилия, чтобы выпол-

нить обещанное. Выполнить максимально быстро и эффективно.
— А если что-то пойдет не по плану? Так и до войны недалеко! — не удержался губернатор, бегло представив в уме происходящее.
— Потому я и задавал вопрос: какую цену ты готов заплатить? — напомнил демон. — Изменить условия после заключения договора ты уже не сможешь.
С точки зрения Таунсторма, война была явно чересчур. Демон на это сухо заявил, что тогда клиенту следует заказывать надгробный памятник и не отнимать чужое время. Подозревая, что он сейчас вновь исчезнет, губернатор поспешил заговорить о гарантиях.
— Все будет упомянуто в договоре, — заверил демон. — Как Повелитель Крови, ты должен хорошо знать, что мы всегда выполняем каждый его пункт.
— Как Повелитель Крови я также знаю, что вы ничего не делаете просто так! — заметил губернатор.
— Разумеется, — согласился демон. — Плату за свои услуги мы возьмем в процессе выполнения твоего желания. Весь сопутствующий ущерб — а такой непременно последует — мы запишем на свой счет.
Таунсторм немедленно насторожился. Демоны могли специально затянуть реализацию задания, чтобы снять более обильную жатву. Собеседник на это возразил, что ничего подобного не позволят условия договора. Как бы им ни хотелось, демоны не смогут пренебречь основным требованием, занимаясь чем-то другим. Все их присутствие сведется к непременному и максимально эффективному выполнению взятых на себя обязательств. Выражаясь иносказательно, в отличие от людей демоны не берут плату за постройку здания, чтобы промотать средства на стороне, и стараются на совесть, не отклоняясь от поставленной цели ни на йоту. Да, возможно семью императора не удастся устранить с первого же удара, однако если этого не сумеют демоны, то сам Таунсторм уж точно не преуспеет. И они, в отличие от губернатора, не зависят от единственной попытки, чреватой разоблачением и казнью.
— Пусть так, — подумав, кивнул Таунсторм. — А если фея спасет девчонку? Ты, помнится, сам об этом говорил.
— Не беспокойся, мы тебя не бросим. Мы доведем дело до конца, — усмехнулся демон. — Ты будешь под нашей защитой, пока от семьи императора не останется лишь воспоминание. Договор не позволит нарушить данное тебе слово. Вся преисподняя не успокоится, пока сделка не будет выполнена. Таковы существующие законы, которыми даже мы не в силах пренебречь.
— Довольно самонадеянно — говорить за всю преисподнюю, — скептически заметил губернатор.

— Это смотря кто говорит, — величественно изрек собеседник. Я — могу, ибо я Арферон!
Таунсторм вздрогнул. И было от чего. Его собеседником оказался ни кто иной, как властелин всей преисподней. Ошеломленный губернатор не мог не спросить, отчего до него снизошло наивысшее лицо в иерархии демонов. Арферон в свою очередь отметил, что ни с каким другим человеком кроме Повелителя Крови действительно разговаривать бы не стал, и уж тем паче предлагать Липкий огонь. Собственно, только в нынешнем формате сделка стала вообще возможной. Обратись к Арферону кто-нибудь из колдунов — и архидемон проигнорировал бы его запрос, как от фигуры не того уровня. Разломы в мир людей просто так не открываются. С этим Таунсторм, подумав, согласился. Однако личность собеседника заставляла снова поднять вопрос об его интересах. То, что вполне подходило демонам помладше, для самого могущественного из них выглядело слишком мелко.
— Сопутствующий ущерб, — напомнил Арферон. — Одним лишь Властелином Крови ты бы меня не впечатлил. Но его окружает масса чародеек. Для тебя же не секрет, что мы непримиримые враги. Поверь, я не откажу себе в удовольствии уничтожить всех, кто осмелится встать у меня на пути. А они осмелятся — уж будь уверен. А заодно постараюсь прихлопнуть и фею. У этой пигалицы будет выбор: спастись самой или сгинуть, защищая девчонку. Полагаю, она предпочтет последнее. И если ей на помощь придут подружки — тем лучше. Давно мечтал отыграться на ком-нибудь из этой светозарной своры. Так что, мой друг, твое предложение мне действительно интересно. Ты получишь свое, а я свое. Энергия, которая достанется преисподней за рейд во исполнение нашего договора, с лихвой компенсирует все затраты.
В устах архидемона "мой друг" звучало довольно пугающе, хотя формально должно было соответствовать выраженному им благоволению. Тут, пожалуй, впору бояться, а не гордиться. Таунсторму бы меньше слушать, да больше думать. Он и думал, да только совсем не о том, о чем следовало бы. Все точки над і были расставлены. От губернатора требовалось дать предварительное согласие, чтобы архидемон приступил к непосредственной реализации плана. Или отклонить предложение, почти наверняка поставив на своей жизни жирный крест. Таунсторм попросил время на размышление. Арферон отнесся к его желанию с пониманием и велел известить, когда собеседник наконец-то созреет. Затем снова исчез из Ока, словно его и не было.

Аудиенция у императора была одной из первых ласточек на пути достижения цели. Губернатор собирался предложить повели-

телю новое перспективное и мощное средство, способное служить как оружием, так и техническим инструментом. К примеру, с его помощью можно не только бомбардировать крепости, но и прокладывать дороги через горные массивы. Об истинном происхождении новинки Таунсторм, разумеется, не сообщил. По его версии секрет изготовления разрушительной смеси постигли алхимики из числа Проберианцев, наверняка забравшиеся в запретные просторы, о чем лучше всем подряд не сообщать. Следовало начать серию экспериментов, и губернатор обращался к его величеству за одобрением и покровительством. Предварительная переписка закончилась личным визитом Таунсторма в Сангвиторию. Губернатор привез документальные свидетельства существования вещества, доклад о его возможностях и нескольких человек из числа своего окружения, обещавших освоить производство. Ознакомившись с секретным докладом, переданным лично, а не почтой, император очень заинтересовался сделанным открытием. Качественные характеристики действительно впечатляли. Таунсторм про себя уже праздновал первый успех, когда появление феи неожиданно осложнило весь план. А он состоял в том, чтобы император подписал распоряжение об опытах с Липким огнем. Ведь губернатор обратился к монарху отнюдь не из-за служебного рвения. Ему следовало получить официальное одобрение Юстелия Ардарианского на все работы с новым веществом. Работы, об истинной цели которых он даже не догадается. Все шло к подписи на соответствующих документах, пока Дин'Юлемиона не сунула палку в колеса. К чему бы она ни ляпнула тогда про огонь, ее светозарность, возможно, что-то почуяла. Как-то уж больно странно она поглядывала на губернатора и его свиту. В частности, на него самого и тех четверых, кто был причастен к тайне Липкого огня. Впрочем, стопроцентная уверенность в этом отсутствовала — поди разбери, куда именно фея смотрит и что у нее на уме. Те четверо идиотов едва не выдали всю затею с потрохами, испугавшись внимания Дин'Юлемионы! Таунсторму насилу удалось спрятать их страх от Властелина Крови, наверняка уловившего всплеск эмоций на своем внутреннем сонаре. В итоге, что бы ни заподозрила фея, что-то заподозрил сам император. По результатам аудиенции вместо зеленого света на проект он взял время на размышление, велев до поры ничего не предпринимать. Таунсторм, честя фею на все корки, вернулся в свою цитадель и принялся дожидаться высочайшего решения.

Оно пришло лишь после дня рождения принцессы, отпразднованного с большой помпой. Губернатор уже вовсю подумывал, что план провалился, но император, похоже, все-таки не сумел ус-

тоять перед соблазном обрести могучее оружие. Предупреждала его о чем-нибудь фея или нет — осталось неизвестным. Вероятно, все-таки о чем-то предупредила, потому что император категорически отклонил изначальное предложение Таунсторма, внеся в него свои коррективы. И эти коррективы стали неприятным сюрпризом. Ведь одобрение и поддержка монарха губернатору требовались не просто так. Он вполне мог начать производство сам и какое-то время держать его в секрете, однако что толку соорудить хоть озеро Липкого огня где-нибудь за тридевять земель? А Юстелий Ардарианский рано или поздно об этом пронюхает и тогда пиши пропало. Оттого Таунсторм и пошел на хитрость. Ввиду государственной важности открытия, он предлагал начать эксперименты под крылышком самого императора. То бишь не где-нибудь, а в подвалах его дворца, где Юстелий Ардарианский хранил все секреты империи и собственной власти. Таунсторм подчеркивал, что столь важное открытие должно находиться под личным контролем его величества, дабы не попасть в чужие руки. Император, ознакомившись с докладом, с приведенными доводами охотно согласился, а потом вдруг взял и передумал. Не отринув всю идею в целом, он велел начать эксперименты по созданию смеси, но начать их в цитадели самого Таунсторма.

Отложив письмо с большой императорской печатью, губернатор, откинувшись в кресле, размышлял над создавшимся положением. С одной стороны, одобрение все же получено. С другой — совершенно не там, где планировалось. Возможно, подозрительный император сначала хотел убедиться в безопасности производства и хранения зарядов, прежде чем перевести их в подземелья своего дворца. Если так, то это еще неплохо, поскольку имелась и иная трактовка поведения Юстелия Ардарианского. Он учуял ловушку и затеял свою игру, намереваясь вовлечь в нее Таунсторма и погубить. Поразмышляв несколько часов, губернатор пожелал обратиться к тому, кто наверняка подскажет оптимальное решение.

Арферон не заставил себя ждать. Колдуны, игравшие роль связистов, принесли Око, где объявился оранжевый глаз. Тот, кому он принадлежал, вводил их в благоговейный трепет, а его благосклонное внимание к Повелителю Крови наделяло последнего еще большим авторитетом, чем императора. Колдуны гордились своей причастностью к происходящему и завидовали Таунсторму. Но каждый видит со своей колокольни. У Дин'Юлемионы на сей счет наверняка имелась бы совершенно другая точка зрения. Внимание архидемона ничего хорошего не означает и добра его объекту не несет. Увы, в погоне за своими интересами, порожден-

ными различными страстями, люди не замечают очевидного.
— Пусть все идет как идет! — заявил Арферон, выслушав Таунсторма.
— Но мы хотели все сделать совсем иначе! — осмелился еще раз подчеркнуть тот.
— Конкретный вариант реализации нашего договора не важен. Это уже моя забота как его выполнить. Твоя — заключить сделку, — изрек архидемон. — Готов ли ты к этому?
— Но император пишет, что желает не только убедиться в эффективности технологии, но и получить копии всех документов. Все результаты опытов, вся рецептура, все производственные нюансы должны быть надежно зафиксированы и переданы его доверенным людям, — заметил Таунсторм.
— И что? — с полнейшим безразличием произнес Арферон. — Изначальный план нечто подобное и предполагал. Или ты всерьез вообразил, что император позволит твоим алхимикам производить Липкий огонь в подземельях своего дворца и сам останется в полном неведении обо всех тонкостях дела?
— А тебя разве не беспокоит, что тайну Липкого огня узнают не участники нашего с тобой договора? — удивился губернатор.
— Нет, — отозвался архидемон. — Какая разница кто станет владеть этой тайной, когда мы... когда ты захватишь власть? Если тебе не по силам навести порядок в империи после свержения императора, значит, я связался не с тем человеком.
Таунсторм благополучно пропустил мимо ушей эту оговорку про "мы и "ты", списав ее на справедливое замечание собеседника. Оно чувствительно кольнуло самолюбие Повелителя Крови. И в самом деле, когда все будет кончено, губернатор, заняв престол, вернет себе единоличный контроль над Липким огнем, а всех ненужных свидетелей устранит.
— Хорошо, пусть так, — кивнул он, стараясь принять величественный вид. — Каковы наши дальнейшие действия?
Дальнейшие действия Арферон видел в заключении договора. Без этого какие-либо реальные шаги попросту исключались, поскольку нет Липкого огня, нет и необходимой базы. До сих пор архидемон и Повелитель Крови обсуждали сделку лишь на словах. Пришло время закрепить ее на деле.

Подробности этого договора остались в секрете. Архидемон не желал присутствия посторонних. Все должно было остаться только между ним и Таунстормом. У Арферона имелись на то веские основания. Губернатор предполагал, что секрет Липкого огня архидемон поведает кому-то из его доверенных алхимиков. Выяснилось, что это невозможно. Уровень секрета был настолько велик,

что разум простых людей его попросту не выдержит. Расплата любого демонолога за поверенное ему знание наступит немедленно и неотвратимо. Единственным, кто мог услышать о Липком огне относительно благополучно, был Повелитель Крови. Его жизненной энергии хватит перебороть последствия слов архидемона в рамках существующих законов мироздания. Для Таунсторма, разумеется, такая специфика взаимоотношений новостью отнюдь не являлась. За гранью привычной реальности хватало того, что человеческий разум воспринять просто не способен. Иначе те же чародейки давно уже овладели бы всеми тайнами вселенной. С другой стороны, принять на себя удар слов Арферона губернатору ничуть не улыбалось. Он был отлично осведомлен о типичной судьбе демонологов и разделять ее не желал. Архидемон заверил губернатора, что прекрасно понимает его опасения, однако у них, во-первых, все равно нет выбора. Во-вторых, Арферон и сам заинтересован в благополучии Таунсторма, без которого не может быть никакой сделки. А раз так, то есть все основания поверить ему на слово. Если Арферон говорит, что Повелитель Крови переживет открытое ему знание и не сойдет с ума, значит, так оно и есть. При этом уже не важно, что с полученным знанием сделает сам Таунсторм. Сообщив секрет доверенным алхимикам, он уже не нанесет никакого вреда ни им, ни себе — плата взимается только при первичном контакте с преисподней.

Когда губернатор, слегка пошатываясь, передал своим колдунам и чародеям подробно записанную технологию изготовления Липкого огня, те поняли, что договор заключен. Они склонились перед ним в глубоком поклоне, ведь отныне жизнь и интересы Повелителя Крови защищала сама преисподняя.

К сожалению, предположения Таунсторма касательно заинтересованности императора оказались справедливы. Юстелий Ардарианский внял предупреждению феи, но внял, увы, по-своему. Он решил обезопасить себя, но не отказаться от идеи в целом. Именно поэтому император и велел Таунсторму развернуть экспериментальное производство в столице управляемой им провинции. Этот большой город не сильно уступал Сангвитории по размерам и развитию. Фактически он являлся вторым центром цивилизации всей империи, не считая структур чародеек. Отдавая приказ о работах с Липким огнем под боком у губернатора, император преследовал еще одну цель. Если что-то пойдет не так, у него появятся основания для законного изобличения и преследования Таунсторма. Иными словами, Юстелий Ардарианский намеревался пожать плоды успеха сам, а любую неудачу списать на губернатора, тем паче что причины для этого уж точно найдутся. Ведь император

очень хорошо усвоил сказанное Дин'Юлемионой и не строил иллюзий касательно происхождения Липкого огня. Вот только вместо того, чтобы немедленно пресечь затею на корню, он решил переложить всю ответственность за связь с демонами на Таунсторма, которого все равно собирался устранить. Пускай послужит напоследок, а заодно и сам выроет себе подходящую яму. Император воспользуется результатами его трудов, а недальновидного вассала отправит на свалку истории, причем не исключено, что как раз за проявленное рвение.

Будь фея личным советником императора, она приложила бы все усилия, чтобы убедить его отказаться от подобного замысла. С векстрами договориться нельзя. Что бы они ни задумали, это обязательно выйдет боком. Юстелий Ардарианский это знал, однако считал, что всех перехитрил. Что Таунсторм примет удар на себя, а он безнаказанно вытащит каштан из огня чужими руками. И из-за своей уверенности император сделал еще хуже. Он не потрудился поставить Дин'Юлемиону в известность о своем решении, хотя ему следовало бы хорошенько призадуматься, отчего ее светозарность вдруг снизошла до предупреждения. Не последнюю роль в этом сыграла и простая человеческая гордыня — не идти на поклон к той, которой будто до твоих забот и дела нет. Таким образом, фея осталась в неведении касательно того, чему, знай она несколько больше, вполне вероятно попыталась бы воспрепятствовать. В Руандале — городе-оплоте губернатора Таунсторма, — началось тайное производство адской смеси.

Илиана, которой исполнилось пять лет, тем паче ни о чем таком и понятия не имела. Из-за юного возраста подопечной фея при всем желании не могла разделить с ней свою озабоченность. Истинная подоплека того сражения крепостей осталась для девочки неизвестной. Дин'Юлемиона продолжала о ней заботиться, одновременно прикидывая когда наступит время посвящать ее в сложные материи. Воспитание Принцессы Крови требовало особого подхода. Кстати, именно поэтому император серьезно ограничивал круг ее сверстниц, отчего Илиана значительную долю времени проводила только с феей и наставниками преимущественно из числа чародеек. Маленькие девочки вырастут во взрослых женщин. Затем состарятся и умрут. А Принцесса Крови так и останется в глазах окружающих двадцатипятилетней девушкой. Император решил с малолетства приучить дочь к мимолетности человеческой жизни, а заодно избежать ее душевных травм из-за излишних детских привязанностей. Не стоит тесно сходиться с теми, кто у нее на глазах превратится в столетних старух и вскоре отойдет в мир иной. Сам Юстелий Ардарианский к такому давно привык и

к жизни простых людей относился довольно условно. Юная же принцесса станет тяжело переживать уход друзей детства, так что пускай их и вовсе не будет. Ей уготована великая судьба в которой нет места ненужной сентиментальности. Фея не разделяла такую позицию императора, однако прекрасно знала, что воспитывать Илиану как обычную девочку действительно нельзя. Вот только и лишать ее подружек тоже. Дин'Юлемиона хотела с точностью до наоборот — приучить принцессу ценить любую жизнь, вне зависимости от ее скоротечности и происхождения. Векстры и иже с ними, разумеется, были не в счет, но с ними разговор особый. Илиане требовалось нормальное человеческое общение для полноценного психологического развития. Навыки коммуникации и социального взаимодействия зарождаются как раз в раннем возрасте, когда ребенку необходимы продуктивные контакты с внешним миром. Если император намеревался вырастить ни с кем не считающегося тирана-эгоиста — он выбрал верный путь. Фея полагала, что Юстелий Ардарианский делает ошибку. В том числе желая оградить дочь от эмоциональных потрясений. Не стоит скрывать от нее естественные стороны жизни — надо лишь подать их в правильном свете, научить принимать как должное и относиться к ним со всей ответственностью. И Дин'Юлемиона пускалась на хитрость. Периодически увозя принцессу за пределы дворца, она заводила ей друзей на стороне. Порой за тысячи миль от Сангвитории. Это были самые разные ребята: дети фермеров, торговцев, художников и музыкантов. Шумные и спокойные, задиристые и миролюбивые. И эти друзья не знали кем была их подружка с сиреневыми глазами. Все, что им было известно — это имя, и то, что сопровождавшая ее женщина была чародейкой. Вырастая в размерах, фея вполне успешно ей прикидывалась, а Илиана старательно хранила их маленький секрет, как хранила его и от всех во дворце. Кроме неразлучной парочки никто и понятия не имел, что пока Властелин Крови вершит дела империи в тронном зале, его дочь резвится на какой-нибудь ферме, а во время торжественного приема как ни в чем не бывало купается с детьми простого лодочника. Правда, природные особенности принцессы порой доставляли немало хлопот. Дети ведь ставят себе синяки во время игр, разбивают коленки, получают царапины. На Илиане все это заживало слишком характерно и достаточно зрелищно, чтобы пройти незамеченным. Фее приходилось держать ухо востро, иначе подопечная рисковала выдать себя с потрохами. Пользуясь своим статусом чародейки, Дин'Юлемиона ловко маскировала все странности Илианы под колдовство, а ребятишки вовсю завидовали, что у них нет такой замечательной тетушки,

каковой по легенде представлялась фея. Им и в голову не приходило, кем на самом деле являлась так называемая Дина и кем была сама Илиана. Та же получала несравненное удовольствие от такой двойной жизни и еще больше любила фею, дарившую ей то, чего без нее она была бы лишена. Принцесса уже это понимала, а посему научилась хранить секрет. Научилась хранить все, во что ее посвящала удивительная подруга и наставница.

Объяснить маленькой девочке подлинную разницу между ней и сверстницами было не так-то легко. Дин'Юлемиона отложила это на потом, давая ей возможность провести нормальное детство. Придет еще время, когда Илиана осознает свое подлинное место в мире. Пока же она была ребенком. Пусть им до поры и останется. На ее долю еще хватит забот; радостей и горестей, свершений и разочарований. Не стоит торопить события, лишая девочку прелести юных лет. Уж кому это знать, как не фее.

* * *

Воспринимать часть событий было очень непросто. Они шли отрывочно, расплывчатыми образами и далекими голосами. Эффект полного погружения отсутствовал, как и ощущение одновременного пребывания в нескольких местах. Когда яркие впечатления, воскресавшие в сознании многоголосым эхом, сменялись тусклыми видениями, с непривычки это казалось совершенно неестественным. В известном смысле, так оно и было. В зависимости от источника, поток событий мог иметь первозданную основу, а мог быть в определенной степени реконструирован. И чем сложнее была эта реконструкция, тем абстрактнее она выглядела, особенно если подавалась параллельно с живым и красочным действием собственного отраженного я. Такие перепады получались особенно контрастными, будто вы смотрите сразу во множество окон, где разворачиваются захватывающие действия, а кто-то на разные лады неуверенно пытается читать вам лекцию. Но суть этой лекции была чрезвычайно важна, поэтому разум цеплялся за нее как умел, стараясь заполнить имевшиеся пробелы. Собственно, реконструкция для того и служила, основываясь на всех имевшихся источниках. И ее качество напрямую зависело от их уровня и достоверности.

По мере развития событий чувство счастья и безмятежности сменялось ощущением надвигавшейся беды. Беззаботно играя с Дин'Юлемионой принцессе все чаще хотелось ее окликнуть. Схватить за руку и потащить туда, в Руандаль, где тень Таунсторма внимала коварным речам из Ока. Голос из него звучал глухо и не-

естественно, но звучал он так лишь для Илианы, потому что ее там не было. И лишь для нее он был предвестником чего-то поистине ужасного. Чего-то такого, чему следовало немедленно помешать, предотвратить во что бы то ни стало! Принцесса пробовала кричать, однако из ее уст вырывался лишь смех маленькой девочки, веселившейся со своей подругой. Но Дина! Неужели она не видит?! Неужели она не чувствует?! Принцесса, проносясь с феей над океанскими просторами, едва не сорвала голос, пытаясь привлечь ее внимание, и одновременно прекрасно себя чувствовала, наслаждаясь полетом над гребнями волн. Эта двойственность начинала доводить до отчаяния. Сознание, все больше постигавшее цепочку событий, отказывалось мириться с их неизбежностью и непроизвольно старалось вмешаться, чтобы предотвратить приближавшуюся катастрофу. Такой побочный эффект порождал сам принцип этих событий, предоставлявший разуму и телу все ощущения и не давая возможности на что-либо повлиять.

И предохранители снова перегорали. И снова наступали долгие часы покоя и умиротворения в объятиях шелковистой травы, качающейся в такт любящим рукам и словам оставшейся в далеком прошлом колыбельной.

О чужих поступках проще всего рассуждать впоследствии. Легко быть сильным задним умом, когда ошибки других кажутся очевидными, как кажутся очевидными и наиболее подходящие действия в анализируемой ситуации. Но так ли это на самом деле? Возможно ли исправить свершившийся факт, подвернись кому-нибудь такой шанс? Не сделает ли он еще большую ошибку, стараясь не допустить предыдущую? Ведь каждое действие рождает противодействие, а события начнут развиваться по иному пути, отнюдь не обязательно лучшему. Вряд ли ответ на этот вопрос знала сама Дин'Юлемиона. Что сделано, то сделано, и все последующие рассуждения в духе "если бы да кабы" не более чем сотрясение воздуха. Фея точно знала одно, о чем неоднократно говорила Илиане: из всего произошедшего следует извлекать урок, чтобы не наступать на те же грабли. Учиться на своих промахах, а еще лучше учиться на промахах других. Конечно, это проще сказать, чем сделать, но принцесса пыталась следовать усвоенной когда-то философии, хотя казалось, что эту философию ей преподали буквально накануне. Дин'Юлемиона, восседая на ветке, наставительно поясняла внимавшей принцессе как важно не только смотреть, но и видеть. Ведь слова смотреть и видеть лишь звучат синонимами, а по смыслу бывают отнюдь не одним и тем же. Орлиное зрение и внимание к мелочам — ничуть не показатель понимания, и самый бдительный дозорный на деле может оказаться подлинным

слепцом. Окунувшись в водоворот событий, Илиана старалась не упустить ни одну деталь. Стремилась не просто познать доселе неизвестные и одновременно хорошо знакомые вещи, а тщательно вникнуть в самую их суть, выявить и оценить все перипетии происходящего.

Вопрос о чужих поступках задавался не просто так. Фея продолжала играть с Илианой и заниматься ее воспитанием, в то время как император желал прихлопнуть одним ударом сразу несколько зайцев. Сама же Илиана, беспечно проводя время в обществе Дины, мучительно соображала, как же так вышло, что два наиболее влиятельных лица в государстве умудрились допустить столь жестокий просчет. Каждый руководствовался своими помыслами, и эти помыслы, вступая в очевидный конфликт друг с другом, делали сотрудничество невозможным. Император не посвятил фею в свои планы, справедливо рассудив, что ее светозарность не одобрит продукт демонического происхождения. На то у него имелись все основания, поскольку в арсенале империи и прежде водились всякие сомнительные штучки, от которых воротили нос даже чародейки. Юстелий Ардарианский держал демонологов в ежовых рукавицах, но не считал зазорным пользоваться результатами их трудов, если сами по себе они не являлись источником прямой угрозы. Адепты Проберианского колдовского течения регулярно натыкались на что-нибудь полезное, и отбрасывать их открытия лишь потому, что они принесены откуда-нибудь не оттуда — крайне непродуктивное отношение. Взять тот же Липкий огонь. Уникальнейшая субстанция, обладавшая огромным потенциалом. Да, чрезвычайно опасная — факт, но чем именно опасная-то? Тем, что попадет не в те руки. Что некто воспользуется ей в дурных целях. Император себя к таковым не относил, а производство смеси в Руандале — явление временное, и долго не продлится. Без намеренного вмешательства Липкий огонь не взорвется и неисчислимых бед не принесет. Так чего же его бояться? При должном отношении к делу он сослужит империи добрую службу. А уж Юстелий Ардарианский всяко найдет ему применение. Фея, в свою очередь, полагала, что в достаточной мере дала понять императору, с чем ему предлагают связаться. Свой же ум в голову не вложишь. Да, она могла поставить на уши всех чародеек, которые не стали бы игнорировать рекомендации ее светозарности, только какой в этом смысл? Предупредив императора, Дин'Юлемиона предупредила того единственного, кто принимал решения. Если уж он не послушает фею, то слова всех остальных вообще не сыграют никакой роли. Возможно, ее светозарность не проявила должной настойчивости, но ведь она осталась в заблуж-

дении относительно замыслов императора. Кроме того, имелось и еще одно немаловажное обстоятельство. На тот момент никто и понятия не имел, к чему приведет создание Липкого огня. Даже сама Дин'Юлемиона. Относясь к порождению демонов со всей серьезностью, она предвидела что угодно, но только не то, что в конечном счете произошло.

Первые опыты произвели на императора большое впечатление. Илиана знала это очень хорошо, поскольку он присутствовал на полигоне лично, хотя сама принцесса находилась от него за тысячи миль, играя на океанском побережье в обществе ребятишек и феи. Заряды Липкого огня срабатывали как часы, заложенные около цели, либо же доставляемые к ней при помощи боевых машин. О, каким до боли знакомым выглядел механизм, расположенный внутри снаряда! Хитроумное достижение механиков смешивало компоненты адской смеси, создавая эпицентр всепожирающего раскаленного пекла. Механизм либо срабатывал при ударе, либо приходил в действие от иных обстоятельств. Например, это могла быть заводная пружина или освобожденный от груза спусковой рычажок. Опаснее всего выглядел маятник. Стоило толкнуть заложенную бомбу с заранее просчитанным усилием, как качнувшийся маятник замыкал окружающий его контур, приводя к взрыву только того и ждавшего устройства. Разумеется, каждый снаряд снабжался предохранителем, отличавшимся в зависимости от условий применения, однако их основная техническая начинка, созданная чьим-то гением, оставалась практически неизменной. И тогда, наконец, Илиане стало ясно, откуда именно происходил этот гений, и чья "светлая" голова умудрилась сварганить столь заумную и чрезвычайно эффективную конструкцию. Заглядывая внутрь демонстрационных материалов, Принцесса Крови испытывала чувство дежавю, которое таковым не являлось, ибо она действительно видела все это прежде. Только в другой хронологической последовательности.

Внимательно изучив все представленные ему модели, император выразил свое одобрение. Результат проведенных экспериментов окончательно утвердил его в мысли, что он принял правильное решение, не отказавшись от Липкого огня. Также Юстелий Ардарианский еще больше уверился в справедливости опасений касательно собственной безопасности. Иметь такую штуку у себя под боком чревато всякими неприятными неожиданностями. Затребовав копии всех документов о производстве смеси и ее носителей, император распорядился продолжить работу непосредственно в Руандале. Сам же туда отнюдь не стремился, не желая оказаться даже рядом с экспериментальными лабораториями и

складскими помещениями. Оттого Илиана и видела копившиеся там зловещие снаряды совсем в другом свете. А копилось их много. Очень много. Таунсторм мотивировал наращивание производства необходимостью проведения множества различных опытов и совершенствованием оборудования. Император ничего не имел против, пока на этом огнедышащем вулкане сидел лично губернатор. Если что и рванет, то лишний Повелитель Крови собственноручно решит проблему своего существования. Оттого, пожалуй, даже хорошо, если рванет. Таунсторм сгинет в вихре пламени, а император, избавившись от его персоны, останется единственным владельцем секретного оружия. Так что пускай на его складах копятся заряды с Липким огнем. Пока они находятся в Руандале, для императора они не представляют никакой угрозы, а в случае чего отвечать придется губернатору.

Остановить отца у принцессы не было никакой возможности. К тому же Юстелий Ардарианский воображал, что держит все под контролем, отчего все равно не прислушался бы ни к каким аргументам. Верные ему люди наблюдают за экспериментами и ведут учет всем манипуляциям с новой смесью. Пределы Руандаля она покидает только в направлении секретного полигона, так что опасаться какой-либо диверсии в адрес монарха не приходилось. Кроме того, учитывая уровень охраны дворца из импрезиториума, Таунсторму понадобится нечто большее, чем десяток-другой мин, которые еще надо незаметно для всех заложить. Вот если бы Липкий огонь производился непосредственно под императорским дворцом, да еще многими тысячами — вот тогда у Юстелия Ардарианского действительно появился бы повод для беспокойства. А пока вся эта субстанция находится подле губернатора бояться решительно нечего. Даже если тот вдруг рехнется и вздумает пойти на императора войной. Никакой Липкий огонь ему не поможет, даже если он умудрится набить им весь Руандаль до отказа. Император бросит против бунтовщика такие силы, которые сотрут его в порошок вместе с дьявольским изобретением.

Так рассуждал император. Кто знает, как рассудила бы фея, однако она по-прежнему оставалась в неведении. Всем причастным к экспериментам как в Руандале, так и на полигоне было запрещено разглашать государственную тайну, к каковой причислили Липкий огонь. Чародейки, безусловно, нарушили бы клятву и поведали обо всем их светозарности, но ведь они и понятия не имели с какими силами связался император и кто вступил в игру на стороне Таунсторма. Хотя вот это самое "на стороне" было глубочайшим заблуждением, которое, к сожалению, разделял и сам Повелитель Крови.

Илиана, холодея от тревожного предчувствия, наблюдала, как заполняются тайные склады Руандаля, как громоздятся один на другой контейнеры с адскими снарядами. Она еще не ведала к чему это приведет, в какую именно форму выльется беда. Но само ее приближение становилось очевидным. Очевидным потому, что принцесса знала наверняка — она обязательно произойдет. Просто не знала как и когда. Гуляя вместе с Диной по колдовским садам Великого Архипелага, она мысленно видела как растет, зреет незримая угроза, и как ее приближение становится все более неотвратимым.

Великим Архипелагом назывался главный центр чародеек. Высоко в небесной выси, недоступной простым смертным, раскинулась целая гряда искусственных островов, поднятых над землей могуществом заклинательниц. Вокруг большого острова, где находился их Высший Совет, расположилось два десятка образований поменьше. Здесь обитало, училось, работало и совершенствовалось множество чародеек. Здесь заседали Старшие сестры, стажировались взрослевшие послушницы, хранились бесчисленные знания и происходили удивительные вещи. Жизнь била ключом. Острова соединяли перекидные мосты для тех, кто не обладал чарами левитации. Протянувшись над бездной, они казались невесомыми, и при этом не были подвержены воздействию ветра. Летающие существа во множестве поднимались на крыло, перевозя всадников и всадниц. Изящные дома, башни, плавающие платформы, необычной архитектуры замки казались сделаны из хрусталя и чистого света, которым дышало все окружающее пространство. Свет был везде. Он пронизывал сами острова, сочился из белоснежного мрамора, сиял на куполах и шпилях, отражался от огромных окон. Сама его сущность была вплетена в это колдовское царство. Оно жило им и источало его. Свет был его прародителем, основой и производной. Величественные колонны, поддерживавшие своды хрустальных сводов, наполнялись им до отказа. Фонтаны и водопады, повсеместно журчавшие по всему Великому Архипелагу, подсвечивались изнутри самой водой. Здесь никогда не бывало полностью темно, даже если бы вдруг погасли все фонари. При этом столь необычные свойства ничуть не мешали глядеть по ночам в бездонное звездное небо. Главная обсерватория, занимавшая один из островов, функционировала без всяких помех.

У чародеек было много всяких владений, но сюда, в эту заветную вышину, допускали только избранных. К ним, само собой, относилась Принцесса Крови и особенно ее покровительница. Для феи открывались все двери, и если она что-нибудь желала, то это немедленно исполнялось. Ведь Дин'Юлемиона поддерживала оп-

ределенный контакт с чародейками, хоть и как всегда по-своему. Все-таки свои люди, не чужие. И когда привозила с собой Илиану, никто не осмеливался отказывать ее светозарности в какой-либо просьбе.

Колдовские сады Великого Архипелага отличались особой пышностью и тем, что напрямую связывались через многочисленные Трансталлы с иными мирами. Дин'Юлемиона периодически привозила Илиану в это особое место, насыщенное различными материями мироздания. При встрече с феей чародейки почтительно склоняли головы и приветствовали юную принцессу. Их появление давно уже никого не удивляло, тем более что сестры сами выпрашивали для дочери императора лучшую на свете покровительницу. Что же касалось самой Илианы, то каждый визит в цитадель чародеек приводил ее в неизменный восторг не хуже поездок на коралловый риф и иже с ним. Острова, парящие высоко над заснеженной горной системой, были набиты всякими чудесами и служили неизменным источником открытий и приключений. Далеко в Трансталлы фея девочку не заводила — слишком рано, — но в целом к их воздействию принцесса привыкла с раннего детства. Как привыкла к множеству колдовских существ, происходивших из других миров. Скромфы регулярно попадались ей и во дворце, драдды также не были редкостью, но здесь, на Великом Архипелаге, присутствие созданий иной сущности просто зашкаливало. Дина, порхая вокруг подопечной, мало-помалу объясняла как устроена цитадель чародеек и почему им не живется на земле подобно обычным людям. Небесные острова, поднятые сплетением заклинаний, насквозь пронизывало колдовство. Оно достигало такого высокого уровня, что иной уровень имели и открытые там Трансталлы, держа границы реальности размытыми. Это в свою очередь наполняло цитадель чародеек потоками энергии, подпитывая парившие в небе острова и снимая нагрузку с самих сестер. Возникшая положительная обратная связь сама держала их над облаками, требуя от чародеек минимального вмешательства. Великий Архипелаг принадлежал не одному миру, а сразу нескольким, и пользовался всеми их преимуществами одновременно.

Илиана неоднократно находила, что чародейки похожи на фей. Не только потому, что выглядят практически неотличимо, когда их светозарности принимают вид взрослой женщины. Какая-нибудь ведьма, к примеру, сплошь и рядом смотрится точно так же, и тоже умеет колдовать. Вопрос заключался в том, что и как. Феи и чародейки творили очень близкие по сути заклинания, недоступные остальным, и делали это очевидно схожим образом. У

принцессы было с чем сравнивать. Ее всегда окружали многочисленные обладатели колдовского дара, а Дин'Юлемиона иногда встречалась с другими феями, в том числе в компании Илианы. Последняя регулярно сообщала о своих наблюдениях наставнице. Та лишь улыбалась, отделываясь шутливыми репликами. Все-таки пятилетнему ребенку, пусть даже такому одаренному, рановато объяснять откуда что взялось. Илиана же, морща лоб, выдвигала свои теории, порой настолько забавные, что фея покатывалась со смеху. Правда иногда она бывала близко к истине, поэтому Дин'Юлемиона вовсю прикидывала в уме, когда подопечная достаточно созреет для порции новых сведений об устройстве мира. Так-то в них недостатка не было. Даже обычная чародейка нашла бы, чем занять живой ум девочки. Фея же обладала колоссальным объемом знаний, превосходившим все библиотеки Великого Архипелага вместе взятые, и при этом умудрялась передавать их девочке в доступной и интересной форме. Игры и проказы, свойственные ее вечно молодой светозарности, отлично помогали поддерживать с ребенком живой доверительный контакт. Илиана обожала свою удивительную подружку Дину, любя ее всем сердцем.

Изумительные красоты и устройство Великого Архипелага производили на Принцессу Крови двоякое впечатление. С одной стороны, она жадно впитывала все происходящее, наблюдая, задавая вопросы и даже просто играя с какими-нибудь очаровательными существами. С другой, никак не могла взять в толк куда все это подевалось. От края какого-нибудь острова открывался потрясающий вид, пробуждавший в душе восторг и одновременно вызывавший щемящее чувство ничем не заполненной пустоты. Цитадель чародеек существовала и отсутствовала одновременно — как мираж, просто настолько реалистичный, что его порой удается потрогать. Даже дворец из импрезиториума вместе со всей Сангвиторией не вызывал подобного чувства. Осколки колдовского обсидиана и песок на плитах из голубого мрамора были какой-никакой реальностью, в то время как Великий Архипелаг отсутствовал как таковой. Илиана хорошо знала где он находился, потому что усвоила уроки пространственной географии назубок. Группа островов парила над Граунборгом. Имея точные координаты можно было туда наведаться, тем более с помощью миаласа. Наведаться и попробовать отыскать царство чародеек, парившее над величественными горными просторами в океане облаков.

Тройственное ощущение привнесло нараставшее в Руандале зло. Хотя какое там тройственное… Руки Илианы, лежавшие на мраморном парапете края чудесного острова, одновременно ощу-

щали шелковистую траву, сотканную из чистой энергии. Ее глаза, внимательно смотревшие на Дину, параллельно видели как заполняются закрома цитадели Таунсторма. Принцесса внимала фее, рассказывавшей увлекательные вещи, и одновременно слышала Повелителя Крови, совещавшегося с тем, кто являлся в Оке. Здесь, в краю света Великого Архипелага, жизнь шла своим чередом, и речи Дин'Юлемионы захватывали воображение. Там, за тысячи миль к востоку, сгущалась тьма, грозившая исторгнуть лютый всепоглощающий огонь. Илиана, слушая наставницу, непроизвольно силилась ее прервать, хотя такое желание на фоне открывавшихся тайн выглядело настоящим кощунством. Увы, у нее ничего не получалось, да и не могло получиться. Услышав эхо, уже невозможно изменить породивший его звук. Свет, дошедший до нас из глубины космоса, кажется живым и способен многое поведать об испустившей его звезде. Он и есть живой — настоящий, всамделишный, существующий здесь и сейчас, — вот только сама звезда исчезла давным-давно. Докричаться до Дины упорно не выходило, хотя казалось бы вот она — только протяни руку. Принцесса порой и протягивала, норовя схватить проворную фею, однако та обычно ускользала. Но иногда и позволяла девочке преуспеть. Тогда дело, как правило, заканчивалось объятиями, когда Илиана крепко стискивала обожаемую подружку, прижимая ее к груди. Похоже, фее это нравилось ничуть не меньше, и обоюдная волна искренней привязанности наполняла все восторженное существо Принцессы Крови. Все страхи, все тревоги отступали. Оставалась лишь чистая любовь, которую она испытывала к Дине и получила шанс пережить ее вновь. В такие моменты мрачные тени растворялись. Не было больше ни призрака Таунсторма, начинявшего прекрасный и ничего не подозревавший Руандаль ужасной смесью, ни того существа в Оке, готовившегося привести в исполнение свой коварный план.

Как бы странно это ни звучало, приливы трепетного восторга, позволявшие вновь испытать самые дорогие эмоции, таили в себе подлинную опасность, в отличие от готовившегося зла. Зло уже не причинит вреда, зато желание снова и снова окунаться в чудесные впечатления чревато серьезными последствиями. Но как же трудно устоять перед материнскими объятиями, потерянными навсегда и одновременно такими доступными! Как же нелегко отказаться от хрустального смеха Дины, от ее задорных шалостей и светлой улыбки! И даже суровый император предстает в глазах дочери совсем другим человеком. Не таким, каким он кажется всему миру, а заботливым, любящим отцом, желающим ей только добра и счастья. Неужели вот так запросто можно отринуть воз-

можность посидеть рядом с ним, покачаться у него на руках, послушать знакомый, запавший глубоко в сердце голос? Неужели кто-то способен добровольно отказаться от всех этих изумительных мгновений?! А между тем все предупреждения давались отнюдь не случайно. Предупреждения о том, насколько непросто преодолеть собственное я, очутившееся в плену доселе неведомых соблазнов. Прочность их невидимых сетей нарастала тем больше, чем сильнее становился эффект погружения, чем неистовей этого желало познавшее чудеса сознание. И тем сложнее становилось вырваться, стряхнув с себя самим же надетые оковы. А они постепенно крепчали, пока принцесса, окутанная сказкой детства, становилась живым свидетелем вершившейся истории.

– 3 –

Подлинные масштабы разразившейся катастрофы в империи осознали не сразу. Когда полыхнул Руандаль, это казалось локальным бедствием, порожденным деятельностью губернатора. К тому моменту император уже заподозрил неладное. Совсем не то, что происходило на самом деле, но вполне достаточное, чтобы отдать приказ о начале расследования. Его посланники из Сангвитории прибыли опечатать склады и лаборатории, а также допросить всех причастных к тайне нового вещества. Они вошли в цитадель Таунсторма без всяких препятствий и даже успели приступить к выполнению приказа, когда сотни тысяч снарядов исторгли Липкий огонь. В считанные секунды цитадель охватило ревущее пламя. Она не просто сгорела — она просела в глубину, где разверзлось раскаленное пекло, и испарилась в нем без следа. От величественной вотчины Повелителя Крови не осталось даже песчинки. Уцелели лишь те, кто успел взмыть в воздух, находясь подле крылатых созданий, и отлететь достаточно далеко. У всех остальных не было ни единого шанса. Безумный жар, порожденный чудовищным количеством адской смеси, не выдерживали никакие защитные чары. Цитадель со всем ее содержимым фактически провалилась в распахнувшееся под ней жерло и растаяла как кусок масла. Но это было только начало. Следом за ней огонь пошел в город. Не просто пошел — ринулся его пожирать. Эпицентр стремительно разрастался. Парившие в небе всадники в ужасе наблюдали, как от него протянулись длинные изогнутые разломы, откуда на поверхность вырвалось хищное пламя. Липкий огонь, заложенный под улицами Руандаля, взрывался по спирали, обрушивая в растущий кратер дом за домом, квартал за кварталом. И эта страшная спираль быстро увеличивала образовавшуюся в земле огромную пылающую

дыру. Ничто не могло устоять перед безумием адского изобретения. Особняки, соборы, дворцы и амфитеатры разваливались на куски, низвергаясь с наползавшего обрыва. Сады и парки вспыхивали как свечки, поглощенные ширившимся пожаром. Площади и фонтаны испарялись за какие-то мгновения, а деревянные постройки с треском обращались в пепел. Гибнущий город наполнили истошные крики, слышимые за множество миль. Люди в ужасе разбегались кто куда и умирали в жестоких объятиях взбесившегося пламени. Оно не щадило никого, вгрызаясь в любую материю без остатка. Стены и башни обрушивались в него как карточный домик, и как карточный же домик пылали так, будто действительно были сделаны из лощеной бумаги. Все заклинатели оказались бессильны и почти поголовно сгинули в красно-оранжевом вихре. Пытаясь спасти то, что спасти было уже нельзя, они обрекали и себя и других на смерть. Уцелели лишь те немногие, кто догадался покинуть зону поражения, прихватив с собой хоть кого-нибудь. Остальные пали, не сумев сдержать натиск порождения злого гения преисподней. Горожане с окраин, успевшие убежать за пределы Руандаля, также избежали страшной участи. Но их было очень мало. Просто капля в море в сравнении с общим населением города и его гостями. Всего за несколько минут в море разъяренного огня сгинуло пять миллионов человек.

На месте Руандаля образовался глубокий кратер тридцати миль в диаметре, залитый бурлившим огнем. Дьявольская смесь продолжала пожирать все подряд, испаряя песок, глину и камни. Дым и пар, исторгаемые лютым пеклом, поднялись на несколько миль в атмосферу. Кратер увеличивался в ширину, но несравнимо быстрее он рос в глубину. Ужасающий объем раскаленного вещества стремительно прогрызал себе путь в недра земли, выбрасывая вверх черные клубы сажи. Пламенеющая дыра начинала напоминать гигантский вертикальный тоннель, поставивший себе задачу прокопаться как можно дальше от поверхности и достичь неведомой цели. И долго ему стараться не пришлось. Землю, мерно дрожавшую из-за напора огненного вихря, сотрясла серия мощных толчков, а откуда-то из глубины проседавшего жерла донесся могучий грохот. Бушующий огонь, уже провалившийся довольно далеко вниз, неожиданно вскипел новой силой и устремился обратно наверх. Воздушные всадники, в невыразимом ужасе наблюдавшие за гибелью города, увидели, как уровень жидкого пламени резко повышается, как будто где-то под ним выплеснулось целое море лавы. Это пламя еще не достигло обожженной поверхности, когда прогремел еще один взрыв, гораздо более оглушительный, чем первый. Из раскаленного жерла вырвалось несколько сотен

пылающих метеоров и разлетелось во все стороны. Затем еще и еще. Падая и ударяясь о землю, метеоры также взрывались, поджигая все вокруг. Но взрывались они и в воздухе. Небесные всадники, не успевшие отлететь подальше, гибли поодиночке и целыми группами. Ударная волна пробивала защитные барьеры, кого опаляя жгучим огнем, а кого и вовсе разрывая в клочья. Добравшись до края исполинского провала, жидкое пламя хлынуло из него как из переполненного ведра. Все, кто до сих пор не убежал подальше от немыслимого кошмара, сгорели заживо.

Когда императору доложили о чудовищной гибели Руандаля, он поначалу решил, что события явно преувеличены. В его воображении рисовались сильные пожары, уничтожившие несколько кварталов вместе с цитаделью Таунсторма и ее владельцем. Изображение в Конту-Фенеструме явило иную действительность. Руандаля больше не было. На его месте образовался гигантский кратер, продолжавший увеличиваться в размерах и заметно выпячиваться из земли. Изменившись в лице, император ошеломленно созерцал огненную панораму, показываемую ему несколькими уцелевшими заклинателями. Держась на безопасном расстоянии, они позволили повелителю оглядеть все собственными глазами. От увиденного императору стало здорово не по себе, поскольку он получше других знал про Липкий огонь, ставший причиной беды. По всему выходило, что Юстелий Ардарианский напрямую причастен ко всем его жертвам, не рассчитав ужасающую мощь дьявольского изобретения. Виновен в гибели множества подданных, прозевав страшную угрозу в погоне за новым оружием и желанием уничтожить опасного соперника. Император клял себя за недальновидность, стараясь быстро сообразить как минимизировать последствия кошмарного происшествия. Ему, пораженному масштабом огненной катастрофы, даже в голову не пришло, что это только начало.

По приказу императора в регионе было объявлено чрезвычайное положение. Туда немедленно выдвинулись ближайшие воинские подразделения — взять в оцепление зону бедствия, чтобы избежать дальнейших жертв, ухудшения ситуации и пресечь панические слухи. Также Юстелий Ардарианский велел заклинателям ликвидировать очаг возгорания и разобраться что именно там произошло. Последнее, впрочем, он упомянул скорее для виду, надеясь, что истинная причина гибели города так и не всплывет. Во всяком случае, та ее часть, где он лично одобрил все манипуляции с Липким огнем в пределах Руандаля. Различные силы в империи приводились в действие очень оперативно благодаря слаженному и эффективному функционированию министерств и ведомств.

Властелин Крови сам веками выстраивал государственный механизм до последнего винтика, поэтому мог надеяться, что его приказ с должным старанием выполнят в кратчайшие сроки. Так оно и вышло. К Руандалю буквально в считанные часы прибыло несколько армейских корпусов. Еще быстрее туда вылетел крупный отряд очень опытных и могущественных заклинателей. Но даже они не успели застать огненную дыру в прежнем ожидаемом виде. Еще издалека глазам воздушных всадников представилось невероятное зрелище. Провал переставал быть провалом. Невесть каким образом он постепенно поднимался над землей. Жерло, доселе бурлившее на месте уничтоженных городских улиц, теперь бушевало пламенем на высоте в две сотни ярдов, сочась стекавшей по склонам лавой. И эти склоны продолжали увеличиваться, не иначе норовя превратиться в огнедышащую гору. Земля содрогалась от шедших в ней могучих процессов, свирепо гудя потревоженными недрами. Вокруг раскаленного очага протянулись глубокие характерные трещины, тлевшие подступавшим огнем. Заклинатели растерянно переглядывались. Несмотря на весь свой опыт и знания, такое они наблюдали впервые. Старшим чародейкам было вполне по силам создать котловину для нового озера или поднять в небо гору, но то, что они сейчас наблюдали, оказалось явлением совершенно другого порядка. Судя по ряду признаков, в районе Руандаля происходили мощные тектонические процессы, вызванные воздействием невероятного выброса энергии. Первые же опыты, проделанные в окрестностях взбесившегося огня, подтвердили сделанные предположения.

Гора росла настолько быстро, что это не поддавалось никакому внятному объяснению. Не минуло и суток, как она начала напоминать настоящий вулкан, продолжавший увеличиваться в размерах. Громадный столб дыма и копоти достиг верхних слоев атмосферы, по округе посыпался серый пепел. В воздухе потянуло химией. Резкий запах непрерывно усиливался, вблизи от пламенеющих склонов становясь поистине удушливым. Исполинские глыбы с грохотом взмывали в небо сродни залпам боевых машин, разносясь все дальше по окрестностям. Многие начинали падать за десятки миль, создавая угрозу гибели людей и сильных пожаров. Область вокруг растущей горы становилась недоступной для полетов, поскольку всадники все чаще рисковали подвернуться под разрывы странных выбросов. Все попытки воспрепятствовать распространению лавы ни к чему не приводили. Заклинатели пробовали замораживать огромные площади, насыпать валы и даже снижать давление в клокотавшем жерле — бесполезно. Лава вытекала все новыми наслоениями, уничтожая плодородную почву и

пожирая предместье за предместьем. Одна за другой вспыхивали рощи. Цветущие сады превращались в царство огня и пепла. Зона поражения неумолимо ширилась, несмотря на все усилия заклинателей, а гора все увеличивалась, выпячиваясь из земли стремительно растущим новообразованием. Во все концы империи одно за другим сыпались тревожные донесения. Специалисты в разных научных центрах внимательно наблюдали за тем, что некогда было Руандалем, через множество Конту-Фенеструмов. По решению властей к месту бедствия были направлены дополнительные силы. Колдовские круги присылали своих людей. На Великом Архипелаге объявили желтый код опасности.

Фее стало известно о происходящем когда скрывать разраставшуюся трагедию было уже невозможно. Весь день накануне она, как обычно, провела с принцессой и только утром узнала об ужасном происшествии. Ей сообщили об этом чародейки из числа охраны императорской дочери. Дин'Юлемиона сразу заподозрила нечто очень плохое, живо припомнив разговоры про Липкий огонь. Но фея знала, что даже такая штука не могла породить настоящий вулкан. Пожрать при должном количестве огромный город — да, но не более. Липкий огонь умел разрушать, но не созидать. Воздвигнуть огнедышащую гору он не способен по определению. С чувством величайшей тревоги фея оставила Илиану на попечение чародеек и полетела прямиком к императору. Тот как раз созвал очередное чрезвычайное совещание, когда двери распахнулись и в зал ворвалась ее светозарность, от волнения принявшая облик взрослой женщины. Остановить ее никто не посмел, да и не рискнул. Даже император, сообразивший, что у феи имеются все основания для такого визита, а этот визит сам по себе явно не просто так.

— Вы производили там Липкий огонь?! — без обиняков спросила фея, подойдя к Властелину Крови.

Тот, замявшись, машинально поглядел по сторонам, не горя желанием раскрывать секретные сведения, приведшие к тяжелым последствиям.

— Не скрывайте ничего, пока не стало еще хуже! — веско заявила Дин'Юлемиона, догадавшись о причинах замешательства монарха. — Так я права?

— Да, — нехотя ответил император.

— Сколько?! — коротко осведомилась фея.

— Н-ну… Я точно не знаю. Когда мне доложили о чрезмерном росте производства, я велел остановить работы и начать расследование… — произнес Юстелий Ардарианский, стараясь не встречаться с ее светозарностью глазами.

— СКОЛЬКО? — выразительно повторила Дин'Юлемиона.
— Мне говорили о десятках тысяч носителей. Может быть, сотнях… — без всякого энтузиазма ответил монарх.
Фею он не одергивал. Во-первых, грубо с ней обойтись означало проявить неуважение к таким силам, с какими Властелин Крови ссориться не желал. Во-вторых, он нутром чуял, что от любой помощи ее светозарности сейчас лучше не отказываться. Пусть даже фея накинется на него с кулаками — лучше выслушать все, что она скажет и ответить на любые ее вопросы. Дин'Юлемиона совсем человеческим жестом схватилась за голову. Ее лицо побледнело и вытянулось, когда она вгляделась в изображение, транслируемое в зал заседаний через огромный Конту-Фенеструм.
— Я же вас предупреждала… — прошептала она. — Почему вы ко мне не прислушались?..
— Неужели все так плохо? Это же всего лишь огонь, пусть даже Липкий! — вконец посерьезнел император, наблюдая за реакцией феи. — Если он спровоцировал магматическую катастрофу — уверен, мы с ней справимся.
— Страшен не сам Липкий огонь, а те, кто вам его подсунул! — воскликнула Дин'Юлемиона, так гневно сверкнув глазами, что императору стало не по себе.
— Что вы этим хотите сказать? — вздрогнув, спросил он в установившейся тишине.
— Я немедленно лечу туда! И помоги вам люмеане, если я не ошибаюсь! — вместо ответа воскликнула фея.
Ударил порыв упругого ветра, раскидавший все бумаги. Убранство зала озарила белая вспышка. Дин'Юлемиона, уменьшившись в размерах, окуталась свечением и вылетела в большое распахнувшееся окно. Через какие-то секунды она ярким метеором неслась к тому, что некогда было Руандалем.

Скорость перемещения созданий света была людям недоступна. Спустя всего несколько минут после отбытия из императорского дворца Дин'Юлемиона объявилась у последнего кордона извергавшегося новообразования. То уже достигло настолько внушительных размеров, что перешагнуло порог гор малой категории и семимильными шагами приближалось к средней. Невиданный процесс неумолимо продолжался к полному ошеломлению собравшихся в округе заклинателей. Они только что получили весть о грядущем визите ее светозарности и высматривали покровительницу принцессы во все глаза. Прибывшая фея немедленно оказалась окружена множеством людей, засыпавших ее вопросами. Чародейки едва ли не висли на ней, прося помочь разобраться в ситуации.

— Оставайтесь здесь! — велела Дин'Юлемиона, напряженно ловя малейшие изменения в пространстве.
Химические запахи встревожили ее пуще прежнего. Серый пепел пробуждал в груди подлинную тревогу. Огненные глыбы, вырывавшиеся из жерла, кое-что напоминали. Однако, в отличие от людей, повредить бессмертной фее они не могли. Порхнув к разраставшейся горе, Дин'Юлемиона шустро достигла раскаленного провала и глянула через край в море бушующего пламени. Еще на подлете она уловила нечто очень недоброе. Нечто чужеродное, враждебное и настолько хорошо знакомое, что ошибка практически исключалась. Теперь, в упор от бурлившего огнем кратера, ее худшие опасения подтвердились. В пространстве отчетливо ощущалась быстро распространявшаяся скверна. Фея похолодела. Ее сердце, сотканное из нитей чистого света, болезненно сжалось. Как она и подозревала, этот вулкан имел необычную природу, не имеющую ничего общего с естественным происхождением. Шурша неопаляемыми крылышками, Дин'Юлемиона все еще глядела в пылающую чашу, силясь уловить что скрывается в ее незримых недрах, когда оттуда ударил мощный поток концентрированной скверны. Настолько мощный, что испускаемый феей свет потускнел, а сама она едва удержалась в воздухе. Вскрикнув, Дин'Юлемиона схватилась за грудь и отшатнулась, задрожав всем телом. Затем, крутанувшись на месте, опрометью метнулась к дожидавшимся ее людям. Те вновь засыпали ее вопросами, из-за чего фея не слышала ни их, ни даже себя. Вскинув руку, она испустила яркую вспышку, сопровождавшуюся упругим напором воздуха. Ее звонкий окрик проник в душу каждого, заставив застыть с открытым ртом. И еще до того, как фея произнесла хоть слово, люди, уловив источаемую ей тревогу, почувствовали, что происходит нечто очень страшное.
— Векстры! — громко и отчетливо произнесла Дин'Юлемиона, обводя пронзительным взглядом окружающих. — Зовите всех, кого можете! Если еще не слишком поздно…
Но было поздно.

Чародейки, поднятые по оранжевому коду опасности, еще только держали путь к Руандалю, как вулкан, поднатужившись, разразился серией взрывов. Потоки лавы с утроенным напором плеснулись разом во все стороны, сжигая то, до чего еще не успели добраться. Огненные метеоры разогнали всех воздушных всадников на два десятка миль. Земля затряслась так, будто вот-вот готова была разломиться на множество обломков и осыпаться в неведомую бездну так, как осыпался погибший город. Произошел колоссальный выброс пепла, затмивший дневной свет словно на-

ступило солнечное затмение. А потом хлынули ОНИ. Хлынули широким, непрерывным потоком. Выскакивая из бурлящей лавы, перемахивая через края кратера, по склонам огнедышащей горы устремились тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч демонов. В небо, кружа в столбе поднимавшегося дыма, взвились несметные стаи лапургов. Среди них, оглашая пространство утробным ревом, замелькали исполинские Кошмары. Демоны шли настолько плотными волнами, что под ними едва было видно раскаленную лаву. Они шагали по ней как жук-водомер по воде, не обжигаясь и не проваливаясь, поскольку лава являлась частью их исконной стихии. Нет, не шагали — бежали. Вулкан исторгал рогатых чудовищ как полчища термитов из термитника, но термитов не простых, а очень больших и злых, желавших истребить все живое.

Появление невообразимого количества демонов и их натиск были настолько молниеносны, что шансов хоть как-то притормозить жестокую атаку попросту не имелось. Армейские корпуса оцепления, несмотря на все свои снаряжение и подготовку, оказались перебиты практически поголовно. Заклинатели сопротивлялись что есть мочи, но их числа было и близко недостаточно, чтобы противостоять вторжению пламенеющих легионов преисподней. Большинство из них погибли, защищая себя и воинов. Уцелевшие отступили, держась плотными группами. Фея успела спасти всех, кто очутился поблизости, уведя их подальше от демонов, но на этом ее прямая помощь закончилась. Отнюдь не потому, что она не желала воевать и, как обычно, вмешиваться в дела людей. Зашкаливающая концентрация скверны, источаемая полчищами векстров, делала само ее существование едва возможным. Создание света, она могла успешно противостоять извечному врагу, но только не там, где его количество превосходило все мыслимые пределы. В обычных условиях фея без труда обратила бы в прах сотню-другую демонов потоком первозданного света. Враги это прекрасно знали и почем зря к таким как она никогда не совались. Но картина диаметрально менялась на противоположную, когда векстры действовали в своей стихии. Феи не переносили высокую концентрацию скверны. Они слабели в ней словно от тяжелой болезни, задыхались как в облаке яда. А когда демоническая отрава достигала критического уровня и вовсе исчезали, не в силах находиться в ее удушающем царстве.

Оттащив спасенных людей подальше, Дин'Юлемиона велела им держаться вместе и по возможности собрать всех выживших. Не для того, чтобы пуститься в бесполезную и самоубийственную атаку, а чтобы отойти на безопасное расстояние и ждать помощи, регулярно докладывая куда следует о продвижении демонов. За-

тем, убедившись, что все хорошо уяснили текущее положение дел, покинула окрестности Руандаля, превратившегося в исполинский Разлом. Разлом в преисподнюю. Вновь прочертив небо яркой кометой, фея унеслась прямиком в Великий Архипелаг, чтобы лично объяснить Высшему Совету чародеек суть происходящего.

Илиана, почувствовав общее напряжение, спросила у наставниц что происходит и куда подевалась ее обожаемая Дина. Девочке отвечали как-то странно, натянуто улыбаясь и отводя глаза. Меж тем во дворце отчетливо прослеживалась непривычная суматоха, не укрывшаяся от Принцессы Крови. Илиана, недовольная полученными ответами, пожелала увидеть отца. К ее небывалому удивлению, ей отказали. Император был занят важными делами и сейчас его беспокоить никак нельзя. Даже дочери. Само собой, принцесса встревожилась еще больше и, никого не слушая, побежала к матери. Но и той нигде не оказалось. Как Повелительница Крови, императрица приняла участие в разрешении чрезвычайной ситуации и находилась совсем в другом месте. Окончательно сбитая с толку Илиана вернулась на свою воздушную платформу и подошла к краю — посмотреть что творится в окрестностях дворца. Вокруг царило заметное оживление. Количество летающих существ, привозивших и увозивших всадников, кратно выросло. Численность охраны резко увеличилась. Колдовские существа из числа стражи также все чаще попадались на глаза. Обеспокоенная девочка подозвала ближайших животных и спросила у них что происходит. Животные ведь лучше людей порой ориентируются в ситуации. Те ничего не смогли толком ответить. Да, жители и гости дворца очень взволнованы и источают множество эмоций, однако их причина оставалась для обитателей зоопарка неизвестной. В остальном все выглядело совершенно обычным и никаких причин для тревоги не ощущалось.

Илиана очень хорошо запомнила тот день, впервые и одновременно навсегда покончивший с ее беззаботным существованием. Переживать его вновь было очень тяжело, поскольку эффект двойного восприятия и понимание происходящего наполняли все существо Принцессы Крови невыносимой горечью. В парке на восточной платформе все по-прежнему дышало свежестью и покоем, но в нескольких тысячах миль к востоку уже расползалась страшная язва, собиравшаяся погубить целый мир. Скрытый процесс, порожденный чистым злом, превратился в явный, и тогда еще никто не ведал насколько он необратим. Даже фея, наконец-то вернувшаяся к своей подопечной. Илиана испытывала великие душевные муки, расспрашивая ее о том, что случилось, и одновременно зная ответ. Ей бы самой сообщить Дине об истинной

подоплеке происходящего, рассказать о том, к какой ужасающей катастрофе оно приведет. Увы, это было невозможно. Илиана уже не очень-то горела желанием лицезреть развитие катастрофы, но между причиной и исходом все еще оставалась масса важных сведений. Сведений, заставлявших наблюдать, как гибнет прекрасный цветущий мир, а великая развитая империя исчезает в небытие. Принцессе хотелось закрыть глаза, отрешиться от всего, переключиться на что-нибудь другое. Нельзя! Там, среди стен из импрезиториума и демонических орд скрывалось нечто чрезвычайно важное. Сделав над собой усилие, принцесса вновь обращалась к Дине, выпытывая у нее причины неожиданной суматохи.

Фее было непросто объяснить девочке всю суть и размах грянувшей беды. Особенно если учесть, что ее корни уходили к императору и его амбициям, а Илиана вообще была не в курсе ни кто такой Таунсторм, ни кто такие векстры, ни даже кто она сама. Но и держать принцессу в неведении Дин'Юлемиона не решилась. Старательно подбирая слова, она в общих чертах поведала девочке о демонах и преисподней, подведя базу под гибель Руандаля. Фея избегала жестоких подробностей и вообще не заостряла внимание на лишних деталях. Илиана узнала, что в других мирах, настоятельно не рекомендованных к посещению, порой живут очень плохие существа. Плохие и злые. Они любят заманивать людей соблазнительными обещаниями, чтобы затем, воспользовавшись их слабостями, причинить боль и страдания. И сейчас эти существа пришли в мир людей. Там, на востоке. Их, конечно, обязательно остановят, но для этого следует хорошо поработать. Оттого родители Илианы и заняты, занимаясь очень важными делами. Потому отсутствовала и сама фея, летая сначала к месту происшествия, а затем на Великий Архипелаг. Принцессе не о чем беспокоиться. Пока с ней рядом Дина, она защитит ее от любой напасти. Но им обоим придется изменить свой ежедневный график, сократив время на игры и увеселительные поездки.

Илиана отнеслась к словам подружки и наставницы со всей серьезностью, неожиданной даже для Принцессы Крови. Фея, удивленная реакцией и пониманием девочки, рассказала ей гораздо больше, чем планировала. Пугать ее историями про сгинувший в пламени город она не стала, зато подробнее поведала кто такие векстры и почему они особенно опасны для людей, а таких как феи и вовсе ненавидят. Слушая Дин'Юлемиону, принцесса видела сразу две картинки, порожденные разными восприятиями, и переплетала между собой два разных знания. Мозаика продолжала складываться в единое целое, однако в ней еще хватало значительных пробелов, требующих обязательного заполнения. Илиа-

на пообещала слушаться Дину и не капризничать, если та станет уделять ей меньше внимания. Фея никогда не бросит свою любимую принцессу, но сейчас ее помощь очень нужна в другом месте.

Положение резко ухудшалось. К тому моменту, когда имперские войска сумели подойти в достаточном количестве, демоны уничтожили территорию радиусом в двести миль. Первое столкновение с ними, поскольку бойня у Руандаля была не в счет, едва не закончилось разгромом людей. Огромный вулкан успел исторгнуть более десяти миллионов рогатых тварей, наступавших неослабевающими волнами. Воздух потемнел от количества крылатых чудовищ. Но и это было еще не все. Тектонические процессы продолжались. Вулкан, выросший до неимоверных размеров, начал порождать соседние образования. Теперь уже не только во всей провинции, некогда управляемой Таунстормом, а и в прилегающих регионах была объявлена всеобщая эвакуация. И было из-за чего. Само по себе наступление армии демонов выглядело более чем серьезной угрозой, но образование огнедышащей горной системы смахивало на подлинный геологический кризис. Да, именно новой горной системы. Наблюдения многочисленных дозорных показывали насколько далеко распространились магматические процессы. Движения земли фиксировались в радиусе тысячи миль, а вблизи от эпицентра они приобретали лавинообразный характер. За получаемые сведения дозорные регулярно расплачивались жизнью, ибо концентрация демонов непрерывно нарастала, а пространство возле Руандаля превратилось в зону смерти. По приказу Властелина Крови силы империи оставили значительные территории и концентрировались поодаль, намереваясь дать врагу решительный отпор. Со всех сторон стягивались войска. Заклинатели формировали собственную армию, тесно взаимодействующую с регулярной. Чародейки, оставив все дела, переключились на сдерживание пламенеющих легионов, сжигавших милю за милей. Казалось, могучая империя, занимавшая целый континент, была не по зубам даже таким полчищам демонов. Но ситуация продолжала изменяться не в пользу людей. Феи, помогавшие чародейкам, давали очень неутешительные прогнозы. Если соседние горы, выраставшие рядом с вулканом, также превратятся в Разломы, положение ухудшится в несколько раз. К их светозарностям прислушивались безоговорочно. Даже император, решивший, что с него хватит и одного самонадеянного просчета. Когда Дин'Юлемиона сумела привлечь около тридцати других фей, Юстелий Ардарианский выразил готовность выполнить любое их указание. Трех десятков фей было явно недостаточно, чтобы противостоять двадцати миллионам демонов, но их бесценный опыт и

возможности оказывали существенную помощь. Помощь, которую феи, не скрывая, предоставляли отнюдь не людям, а гибнущей природе. Из них только Дин'Юлемиона старалась ради своей принцессы. Остальные участвовали постольку поскольку. Именно поэтому их и было так мало. На зов пришла только часть фей, периодически появлявшихся в Ардариании. Остальных мир людей вообще не слишком интересовал. Явись они дружной толпой — и демонам пришлось бы туго, столкнувшись с миллионами созданий света. Увы, законы мироздания гораздо сложнее, чем они виделись людям. Его существа и материи, находящиеся между собой в непрерывном взаимодействии, сплошь и рядом не находили у человечества понимания. Поведение отдельных созданий порой не поддавалось никакой логике. Принцесса Крови потихоньку начинала разбираться что к чему, хотя все наиболее важные открытия ей только предстояло сделать. На тот удручающий момент толку от них не было. Тридцать фей обосновались в наиболее ключевых местах, ограждая природу и ее жителей от жестокой агрессии. Большинство из них возглавляло крупные отряды чародеек, слушавшихся их светозарностей как солдаты полководца. Дина взяла на себя взаимодействие с императором, поскольку другие феи относились к нему довольно прохладно, возлагая на Властелина Крови вину за вторжение демонов. По-своему они были правы, но ведь и сама Дина проглядела угрозу чуть ли не у себя под носом, отчего уговорила подруг проявить снисходительность. Кроме того, ее опека над Принцессой Крови налагала на Дин'Юлемиону определенные обязательства, и другие феи, зная что это за девочка, пошли ей навстречу.

Миллион фей сумел бы противостоять растущему натиску скверны. Три десятка были вынуждены держаться подальше от линии соприкосновения. Демоны ведь времени даром не теряли. Вся захваченная область поражалась их ядом в такой чудовищной концентрации, что там в кратчайшие сроки погибала любая жизнь. Ей на смену небывалыми темпами приходила чужеродная флора и фауна. В известном смысле это тоже была жизнь, но у фей язык не поворачивался называть ее таковой, а следом за ними и у чародеек. Экспфернум рогатых тварей также рос небывалыми темпами. До того, что они могли вытворять у себя в преисподней, им было еще далеко, но феи уже не сомневались, что появление новых гор это в чистом виде их рук дело. Не следствие, не побочный эффект, а целенаправленное воздействие. Исполинский Разлом, возникший на месте погибшего Руандаля, стал широченным каналом для векстров, позволявшим им лавиной вторгаться в мир людей. Но одного этого было мало. Чтобы продвигаться впе-

ред, демонам требовались подходящие условия, иначе они не смогут выбраться далеко за пределы извергавшегося вулкана. Собственно, именно это в первую очередь и ограничивало их наступление, позволяя империи стянуть к зоне вторжения как можно больше сил. Похоже, это же и служило причиной дальнейших геологических преобразований. Векстры создавали себе мощный плацдарм, собираясь превратить в него целый регион. Если им это удастся, уровень скверны станет настолько значительным, что в области отравленных гор возможности империи существенно ограничатся. Феи уже не могли приблизиться к бывшему Руандалю. Если обстановка ухудшится, следом за ними туда перестанут летать и миаласы. Чародейки испытывали в крови чрезвычайное возмущение, но благодаря своей природе выдерживали натиск отравы, извлекая из нее немалую энергию. В этом у сестер перед феями было неоспоримое преимущество. Жаль, что возможности оказывались несоизмеримы, иначе чародейки сумели бы задавить зло в зародыше. К сожалению, надежды справиться с бедой в кратчайшие сроки быстро таяли. Руандаль породил такое ужасающее количество демонов, что справиться с ними тотчас было попросту нечем. А когда империя собрала внушительный воинский контингент, язва преисподней значительно разрослась, делая малореальным решительный блицкриг и уничтожение демонического очага.

Изначально император и его полководцы именно так и собирались поступить — остановить наступление рогатых тварей, а после решительным ударом отбросить их назад, загнать к кратеру и ликвидировать Разлом. Феи сразу отнеслись к этой идее с большим скептицизмом. Сами по себе Разломы такого размера не появляются, и закрыть их на раз-два также не выйдет. Даже если ценой великих усилий имперская армия действительно пробьется к вулкану, вполне вероятно, что это ровным счетом ничего не даст. Нет, это не означает, что векстрам следует позволить вытворять что заблагорассудится. Просто идти в безрассудную атаку без полной ясности происходящего — не самое удачное решение. Натиск демонов, само собой, следует остановить. Затем, без лишних жертв и сумасбродных вылазок, теснить их обратно, исцеляя зараженную землю. И лишь возле Разлома, надежно взяв очаг в непробиваемое кольцо, начать мероприятия по его обезвреживанию. Которые, кстати сказать, невесть на сколько растянутся, пока не выяснится точная причина его образования.

Император и все остальные прислушивались к мнению их светозарностей. К сожалению, приходилось констатировать, что разумный совет с каждым днем все дальше от практической реа-

лизации. Ведь то, что приходило в голову феям, наверняка уже обдумывалось и демонами. Неслучайно они так старательно преобразовывали местность. Центральный Разлом, защищенный со всех сторон сотнями миль отравленных огнедышащих гор, станет практически неуязвим, а для быстрого натиска противника и вовсе недоступен. Новые горы росли настолько быстро, что земной рельеф менялся уже не по дням, а по часам. Вокруг Руандаля теперь вздымалась целая цепь, а ее ближайшие вершины угрожали разразиться собственными извержениями. Погибший город и его окрестности теперь уже официально считались пиками средней категории, и останавливаться на этом они явно не собирались. Феи и чародейки, оценивая все поступающие данные, моделировали географическую модель мира, уступавшую оригиналу в основном только тем, что все это была иллюзия. Результаты выглядели не просто тревожно, а пугающе. Если прогнозы верны, то вся Асталийская провинция превратится в огромную горную систему отнюдь не естественного происхождения. Непригодная ни для каких форм местной жизни, она станет очень даже подходящей для порождений скверны. Отрава, губительная для всего живого, будет надежным прибежищем тварей из преисподней, а вулканы грозят стать новыми Разломами. Во всяком случае, те, что находятся подле Руандаля, учитывая тамошний уровень демонического яда и экспфернума. Имея основной породивший их Разлом, векстры могут открывать вторичные, уступающие первоисточнику по масштабам, зато суммарно способные кратно его превзойти.

Все бомбардировки Руандаля с воздуха ни к чему не приводили. Крупные соединения заклинателей забирались в верхние слои атмосферы и сбрасывали большое количество зарядов, ориентируясь на высоченный столб дыма. Клокочущий вулкан атаковали таким арсеналом, что можно было разнести в труху целый город. Канал в преисподнюю выдерживал любое воздействие. Сам его размер и чудовищная температура изначально играли векстрам на руку, а само количество рогатых тварей довершало дело. Оперативно закрыть Разлом так и не получилось, однако следовало быстро что-то предпринять. Худшие опасения фей подтверждались — горы вокруг Руандаля по всем признакам готовились к собственным извержениям. Император, после продолжительного чрезвычайного заседания, одновременно принял три стратегии, основанные на трех разных вариантах развития событий. Первый подразумевал тот самый опасный блицкриг, от которого предостерегали феи. Юстелий Ардарианский, глядя Дин'Юлемионе прямо в глаза, заявил, что не станет отдавать такой приказ, если ее светозарность воспротивится. Ее светозарность, принимавшая участие

в совещании, была не в восторге от подобного предложения, однако проигнорировать его не могла. Чуть разведя руками в стороны, она вызвала перед собой несколько светившихся сфер, внутри которых появились лица других фей. Вопрос был поставлен ребром, и на него следовало дать ответ. Феи, посовещавшись, вынесли вердикт. Операция строго не рекомендована, поскольку чревата большими потерями. При этом складывающаяся ситуация такова, что второго шанса оперативно добраться до Разлома может уже не быть. Если Руандаль окажется в кольце извергающихся вершин, каждая из которых в свою очередь станет каналом в преисподнюю, о планах пробиться туда одним решительным ударом можно будет забыть. Феи не хотели брать на себя ответственность за жизни людей, но и остановить их уже не решались, прекрасно понимая, к чему идет дело. Империя не успела нарастить достаточно сил, чтобы достигнуть вулкана с минимальным риском. Дальнейшее же промедление грозило резким ухудшением положения. Выслушав Дин'Юлемиону, император отдал приказ наступать.

Сперва все шло более-менее хорошо. Клин имперских войск при решительной поддержке заклинателей пробил в армии демонов глубокую брешь и быстро ее расширял, продвигаясь в направлении Руандаля. Солдаты, одетые в лучшие на свете доспехи, рубили демонов направо и налево. Более того, их снаряжение позволяло наносить врагу стихийный урон и обстреливать на расстоянии. Сражавшийся врукопашную воин легко рассекал ближайших демонов светившимся клинком, после чего, направляя его острие, всаживал молнии в подбегавших, а затем добивал уцелевших круговой волной холода. Однако и демоны кое-что умели. И чем ближе становился Руандаль, тем серьезнее это проявлялось. Они вздыбливали землю, раскидывая наступавших солдат, вздымали огонь, вызывали из почвы черные, похожие на сталагмиты пики, порой превращая какой-нибудь участок в лес длинных острых зубьев. Их ядовитое дыхание создавало клубы красной и зеленой взвеси, смертельной без средств защиты. Пламенеющие выстрелы сыпались со всех сторон. До поры имперские солдаты без особого труда выдерживали колдовство врага. Пики не пробивали броню, раскалываясь о нее с характерным звоном. Воины рубили их как тростник, прокладывая себе путь через заросли демонических полей. Огонь под ногами, даже становясь в рост, не причинял вреда, поглощаясь гасившими его хватку контрчарами. Заклинатели, сопровождавшие армию, уверенно сдерживали стихийный урон, нивелируя его последствия. Яд причинял минимальные неудобства, снимаемые противоядием и колдовством. Отброшенные солдаты ловко приземлялись на ноги, подхваченные чарами левитации,

и продолжали атаку. Однако чем дальше углублялся прорыв, тем больше росло сопротивление демонов. Молнии от клинков уже не прожигали в них зияющие дыры, а доспехи солдат все чаще подавались под сыпавшимися на них ударами. Ядовитые испарения начинали здорово досаждать, а эффективность заклинателей существенно снизилась, натолкнувшись на активное противоборство векстров. Увы, этому имелось самое прямое объяснение. Чем ближе был Руандаль, тем значительнее становилась концентрация скверны, достигая каких-то запредельных значений. Экспфернум демонов начинал представать совсем в ином виде, создавая серьезную угрозу. Опустошители, доселе не вызывавшие особых проблем, исторгали такие снопы огня, что находиться рядом с ними стало по-настоящему опасно. Кошмары, доселе сбиваемые как рябчики на охоте, превращались в подлинную напасть. Даже рядовые демоны прибавили в силе. Их огненная защита теперь выдерживала скользящие удары, а эффективный радиус средств массового поражения заметно сократился. При схватке один на один это ничего бы не изменило, но рядовые демоны брали численностью. Векстры вообще лезли как саранча, не считаясь ни с какими потерями. Затыкая бреши, они с легкостью теряли тысячи Опустошителей, а те, кто поменьше вообще не поддавались никакому учету. На этом фоне начинали серьезно досаждать и стаи лапургов. Они, как тучи москитов, также делали ставку на количество. Несмотря на все меры защиты, из миллионов назойливых кровососущих тварей хоть несколько да долетят, а из них хоть одна да укусит. Чародейки жгли их десятками тысяч, а крылатая нечисть все летела и летела, рано или поздно добираясь до кого-нибудь из людей. С каждой пройденной милей ситуация ухудшалась. Имперские войска все еще продвигались вперед, отбрасывая врага и вклиниваясь в его полчища широким фронтом, однако теперь это давалось с немалым трудом, а потери продолжали расти.

До Руандаля оставалось тридцать миль, когда наступление армии людей практически остановилось. Склоны вулкана, покрытые извергавшейся лавой, заслоняли соседние горы, ставшие для имперских войск внушительным препятствием. Еще до них солдаты уже перемещались по геологическим новообразованиям, а на означенном рубеже тактическое расположение окончательно сложилось не в пользу атакующих. Благодаря колоссальной концентрации скверны экспфернум векстров вырос до опасно высокого уровня. Блокируя проходы между горами, сочившимися огнем из расползавшихся трещин, демоны продолжали наседать мощными волнами. Они лезли из Руандаля как саранча, и теперь имперским солдатам приходилось прямо-таки прорубаться через них как че-

рез джунгли. Силы начинали уравниваться. Окружающая местность создавала для демонов крайне благоприятные условия.

Казалось, наступление окончательно увязло, когда положение резко изменили воздушные платформы. Люди умели действовать не только на земле, но и над ней. Из тыла неторопливо подтянулись настоящие небесные крепости, окруженные мощной защитой. Доселе они действовали на флангах, обеспечивая армии продвижение. Теперь пришло время выдвинуться вперед, чтобы расчистить ей дорогу. Основу крепостей составляли базальтовые плиты, скованные не только цементирующим раствором, но и толстыми пластинами титанового сплава. Внутри них, на равном удалении друг от друга, входящий урон распределяли кристаллы Плетения. Также в основании платформы виднелись люки, обрамленные бойницами, откуда велся прицельный обстрел. Сверху располагалось нечто вроде небольшого замка, окруженного бастионами. По внешнему периметру находилось множество малых орудий, сбивавших воздушные цели. Непосредственно на бастионах стояли тяжелые установки, извергавшие сокрушительные залпы, от которых содрогались земля и небо. Войдя в зону гор, небесные крепости добрались до передовой и открыли по демонам ужасающую бомбардировку. Ущелья между пиками превратились для векстров в зону смерти. Там сверкало и гудело так, будто среди камней вдруг объявились сверхновые. Не забыли летающие крепости и про вершины со склонами. Тяжелые орудия отрабатывали их как на учениях, сметая врагов пачками. Малые боевые машины устроили в небе настоящее светопреставление. Длинные разноцветные трассы выстрелов, разрывные сферы, цепные молнии, облака колдовских взвесей — все это разносило воздушные силы врага в клочья, не оставляя им ни малейшего шанса подступиться к крепостям. А вокруг последних уже развернулись воздушные подразделения заклинателей, вовсю уничтожавшие демонов под столь мощным прикрытием. Армия, наконец-то получив долгожданную поддержку, немедленно продолжила наступление.

Имперские войска пробились к Руандалю ближе к закату. Они не задавались целью установить вокруг него блокаду — окружить очаг диаметром в сорок миль им было попросту нечем. Командование велело армии выйти к цели и закрепиться подле нее с восточной стороны. Пока наземные части станут держать оборону, воздушные соединения приступят к массированной бомбардировке кратера. Солдаты, достигнув границ того, что некогда было столицей Асталийской провинции, действовали в соответствии с полученными приказами. Расширив клин, они заняли оборонительные позиции, сдерживая натиск демонов. Заклинатели замо-

раживали потоки наползавшей лавы, превратившей окрестности вокруг вулкана в гигантское огненное озеро. Армейские корпуса фактически стояли на застывшей магме и из нее же заклинатели возводили для них защитные укрепления. Тем временем воздушные платформы выдвинулись к извергавшемуся жерлу. Когда оно оказалось в зоне досягаемости, тяжелые установки открыли по ним шквальный обстрел.

Руандаль упорно не хотел сдаваться. Более того, казалось, что чем активнее люди стараются подавить очаг, тем хуже у них это получается. Поначалу им даже удалось заморозить часть раскаленной поверхности, но затем эффективность заклинаний стала снижаться прямо на глазах, в то время как численность демонов непрерывно росла. Небесные крепости, сперва начавшие бомбардировку без особых осложнений, теперь с трудом отбивались от наседавшего врага, атаковавшего их прямо из кратера. Опустошители непрерывно стреляли здоровенными огненными сгустками. Исполинские Кошмары, взвиваясь вверх из глубин бурлившей лавы, устремлялись на оплоты людей, тративших все больше энергии не на атаку, а на оборону. Солдатам на земле доставалось все больше. Векстры регулярно старались расколоть землю многочисленными трещинами, зиявшими хищным пламенем. Заклинатели бдительно противодействовали всем их попыткам, но напряжение росло и врагу все чаще удавалось поразить какое-нибудь подразделение. Первой ласточкой неблагоприятного развития ситуации стал крупный пролом на стыке двух рукавов замороженной лавы. Векстры, перебросив энергетические потоки, коварно обошли сопротивление заклинателей и создали большой очаг огня. Земля раздалась, образовав длинное ущелье, дышавшее нестерпимым жаром. Часть укреплений, возведенных из застывшей магмы, рухнула в разверзшееся жерло. Половина армейского корпуса угодила в него вместе с рушившимися скалами. Лишь стараниями чародеек потери людей не составили вчетверо больше, поскольку разрушения удалось остановить, а солдат подхватить чарами левитации. К сожалению, в условиях кипевшего сражения даже секундное замешательство было чревато большими жертвами. Упавшие в раскаленное пекло погибли все до единого.

Натиск векстров упорно нарастал, в то время как бомбардировки Разлома так ни к чему и не приводили. Демоны, казалось, вообще никак не реагировали на потери, а людям между тем приходилось все тяжелее. Оценив обстановку, командование перегруппировало войска, сократив площадь обороны, но зато усилив ее периметр. Небесные крепости разделили роли. Одни продолжали обстреливать кратер Руандаля пока другие переключили весь

доступный им арсенал на полчища врага. Положение имперских войск вновь улучшилось. К сожалению, ненадолго.

Феи, наблюдавшие за ходом противостояния через Конту-Фенеструмы, заподозрили неладное. Складывалось впечатление, что векстры нарочно допустили людей до Разлома и теперь зачем-то удерживают их там как можно дольше, не позволяя противостоянию переломиться в чью-либо пользу. Их светозарности немедленно сообщили о своих наблюдениях чародейкам, призвав проявлять максимальную осторожность. Феи не могли появиться возле Руандаля сами, поскольку тамошний уровень скверны это исключал. Им приходилось опираться на донесения разведчиков и панорамные обзоры через средства колдовской связи. Вероятно, это сыграло не последнюю роль в дальнейшем развитии событий. Ведь из всех присутствующих у огненных склонов только феи были способны улавливать направление энергетических потоков, в том числе экспфернума. Увы, находясь оттуда далеко, они оказались лишены такой возможности. Конту-Фенеструм передавал картинку и звук, но не более. Лишь позже поведение демонов стало понятно. Тогда, когда, разумеется, уже ничего нельзя было изменить. Впоследствии анализируя произошедшие события, все пришли к единодушному заключению: блицкриг на первый Разлом был худшим, что только могли сделать люди. К сожалению, все допускают ошибки. Даже бессмертные феи.

Каким-то образом создав центральный Разлом на месте погибшего Руандаля, демоны обрели мощный устойчивый канал в преисподнюю, позволивший им сразу перебросить в мир людей внушительный контингент. С его помощью они тут же начали преобразование местности, чтобы организовать себе надежный плацдарм как для атаки, так и защиты. Разлом, окруженный горной цепью, сочащейся отравой преисподней, становился тем менее досягаем для людей, чем больше росла цепь. Горы вокруг Руандаля, готовившиеся стать вулканами, и впрямь задумывались как вторичные Разломы, чтобы кратно увеличить приток энергии и самих демонов. Вот только здесь возникала небольшая загвоздка. Для воплощения замысла не хватало жертв. Чтобы открыть новые каналы в преисподнюю, векстрам требовались жизни тех, к кому они вторгались неослабевающей лавиной. И люди сами предоставили им столь необходимый ресурс, пойдя в решительную атаку. Чем больше их гибло в окрестностях Руандаля, то бишь у подножия соседних гор, тем значительнее те насыщались желанной энергией. Демоны намеренно допустили прорыв людей, справедливо рассудив, что пока те не знают особенностей образования исходного Разлома, им не удастся закрыть его с первого же наско-

ка. Зато чем дольше они остаются поблизости от Руандаля и чем больше их там умирает, тем ближе векстры к реализации своей цели. Демоны сознательно поддерживали ситуацию на таком уровне, чтобы армия людей продолжала натиск. В этом имелся известный риск, если ресурсы векстров исчерпаются до того, как их план осуществится. Вовремя не отбросив людей, они могли ослабнуть до такой степени, что все позиции вокруг Разлома окажутся утрачены, а приток новых демонов будет подавляться прямо на ходу. Увы, тактика врага полностью оправдалась. Феи с чародейками слишком поздно разгадали коварный замысел, в то время как все лобовые попытки закрыть Разлом так и не увенчались успехом.

Взрыв одного из соседних пиков раскатился таким оглушительным грохотом, что ненадолго заглушил собой звуки масштабной битвы. Вершина северной от Руандаля горы разлетелась в клочья, образовав внушительный кратер. Оттуда, сердито бурля, немедленно хлынули потоки раскаленной лавы. Оттуда же, выскакивая из моря огня, выплеснулись волны демонов. В столбе дыма и пепла, ударившего в небо, взвивались стали лапургов и ревели поднимавшиеся Кошмары. И еще не успел стихнуть гул от взрыва горы, ставшей огнедышащей, как второй взрыв превратил ее соседку в еще один вулкан. Вулкан, исторгавший не только заходившуюся жаром магму, но и полчища обитателей преисподней. Тут же, повинуясь раздавшейся команде, демоны перешли в контратаку по всей линии соприкосновения, бросив на нее все доступные им силы.

Векстрам больше не имело смысла таиться. Наоборот — теперь в их задачу входил максимальный ущерб людям, развиваемый за счет двух новых Разломов. Каждый из них исторгал заметно меньше рогатых чудовищ, чем сам Руандаль, но в сумме приток пламенеющих легионов удвоился. Стянув в зону битвы все имевшиеся резервы, полководец преисподней бросил подчиненных в решающую атаку, ставшую для имперской армии полнейшей неожиданностью. С тяжелыми потерями она теряла позиции, отступая под свирепым натиском демонов. Последние тоже несли урон, порой становившийся поистине колоссальным. Они сгорали в сиянии света, застывали ледяными статуями, обращались в камень, рассыпались в прах, взмывали в небо, подхваченные штормами, и вообще истреблялись миллионами. Но они продолжали убивать людей. Число жертв в имперской армии кратно возросло. Как солдаты, так и заклинатели серьезно страдали от натиска врага, уверенно сокращавшего их ряды. К сожалению, командование сделало серьезную ошибку. Находясь так близко к заветной цели,

оно не желало ее покидать. К Руандалю подходили крупные резервы, и все что требовалось сражавшимся войскам — это продержаться еще немного. Еще раз перегруппировав наземные и воздушные соединения, командование полностью сосредоточило их на обороне занимаемых позиций. К тому моменту все феи уже в один голос кричали о необходимости немедленно отступать, но люди пошли на риск, надеясь продержаться всего один час, а чародейки просто не могли их бросить. Хорошо обученные и экипированные воины встретили врага лицом к лицу, а заклинатели выложились на полную катушку. Казалось, ситуацию вновь удалось взять под контроль, и люди удержат позиции до прибытия заветного подкрепления. Последовательный взрыв сразу четырех горных вершин, слившийся в продолжительный грохот, окончательно превратил критическую ситуацию в катастрофу. За счет роста человеческих жертв демоны получили остатки недостающей энергии. К уже имевшимся трем огромным Разломам добавилось еще четыре. Имперские войска очутились под мощным перекрестным огнем.

Орды демонов, скатывавшихся по пламенеющим склонам, были не самой страшной угрозой. Поднатужившись, жерла всех семи вулканов исторгли ужасающий залп из тысяч огненных метеоров. Затем еще и еще. Небесные крепости не умели перемещаться очень быстро и стали для интенсивного артобстрела легкой мишенью. Ударная сила множества метеоров была такова, что ее не сдерживали никакие кристаллы Плетения. Крепость могла выдержать десятки, сотни, даже тысячи попаданий. Но не десятки тысяч. Не прошло и минуты, как первая из них взорвалась, окутавшись чудовищной вспышкой пламени. Все, кто находился на этой платформе, погибли в какую-то секунду. Следом за ней взорвалась еще одна крепость, не успевшая уйти от сыпавшихся на нее глыб. Глыб не простых, а порожденных недрами самой преисподней. Фактически, это был концентрированный экспфернум — колдовство векстров, доступное им при надлежащем уровне скверны и достаточном размере Разлома. Небесные крепости больше не могли помогать войскам — они сосредоточились лишь на собственной защите. Это немедленно сказалось на всех наземных и воздушных подразделениях. Потери людей выросли еще больше, в то время как уже третья небесная крепость накренилась и перешла в неконтролируемое снижение, а от четвертой оторвался внушительный кусок, рассыпаясь на мелкие фрагменты

От полного истребления имперскую армию спасли эффективные действия чародеек. Они уже не слушали никого кроме фей, порой творя, казалось бы, не слишком подходящие заклина-

ния и совершая неоптимальные поступки. Объяснение этому имелось самое простое: ни о каком уничтожении врага уже не шло и речи. Следовало сконцентрировать все усилия на защите и спасении людей, а феям было виднее, чем и как именно сдержать экспфернум векстров. Небесные крепости перешли под полный контроль сестер. Все орудия из прямой атаки перешли в режим заградительных заслонов. Чародейки больше не использовали боевое колдовство — все силы они отдавали на блокирующие заклинания и подпитку Тексенумов. Снижаясь, крепости забирали на борт отчаянно отбивавшиеся армейские корпуса, а затем, прикрывая друг друга, покидали окрестности Руандаля. Последнее, впрочем, проще было сказать, чем сделать. Вконец озверевшие демоны, хлебнувшие крови, лезли как сумасшедшие. Огненные метеоры взрывались так часто и с такой плотностью, что все воздушные соединения империи были вынуждены уйти под защиту небесных крепостей, а те и сами едва держались, продолжая нести потери. Уцелеть все они уже попросту не могли. Каждая попадавшая под интенсивный обстрел гарантированно погибала, но своей гибелью продляла жизнь остальным. Платформы, доселе считавшиеся непробиваемыми, взрывались одна за другой, либо же падали на землю, раскалываясь на части и взрывая опаленную почву. А там уже вовсю пробуждалась лава, прежде сдерживаемая колдовством заклинателей. Реки раскаленной магмы устремлялись на отступавшие войска людей. Упавшая платформа уже не могла подняться в небо. В лучшем случае ее гарнизон оставался в живых, но только до тех пор, пока к нему не подбирались орды демонов. Если по бокам оказывались другие небесные крепости или армейские корпуса, выживших порой удавалось спасти. Если же падала платформа из последнего ряда, участь ее гарнизона была решена. Стиснув зубы, солдаты и заклинатели бились до последнего, наведя уцелевшие орудия прямой наводкой на наступавшие полчища демонов, и гибли в потоках ревущего пламени. И их жертва не проходила напрасно, давая товарищам дополнительное время на спасение.

Вырваться из огненного кольца, порожденного шестью новыми Разломами, удалось менее половины попавшей в ловушку армии. Около сорока процентов небесных крепостей было уничтожено, что на тот момент казалось чем-то совершенно неслыханным. Воздушные соединения заклинателей также понесли значительный урон, доселе просто небывалый. Потери резко снизились, едва все уцелевшие платформы выбрались из перекрестного огня. Когда ближайшие Разломы стали отдаляться, крепости перешли из режима глухой обороны в режим атаки. Залпы тяжелых установок

живо отбили у демонов всякую охоту к неистовому преследованию, превратившемуся из непрерывного натиска в назойливое сопровождение. Однако лишь соединившись с подкреплением выжившие люди облегченно вздохнули. Тем подкреплением, что собиралось принять участие в ликвидации демонического очага, а на деле едва успело спасти хотя бы половину ударной армии. Демоны выдвигались промеж извергавшихся вулканов невиданной прежде армадой, поэтому объединенные войска людей, решив не искушать судьбу, отошли на прежние позиции. Туда, откуда совсем недавно выступили навстречу столь удручающей судьбе.

В тот раз Илиана впервые почувствовала как погрустнела Дина. Прежде фея всегда лучилась светом и радостью, прямо-таки источала озорство и веселье. И вот в ней словно подкрутили фитилек, из-за чего лампада ее жизни потускнела. Даже на лице у Дины поселилось выражение затаенной печали, а голос стал менее звонким. Тогда Илиана еще не знала, что это были первые признаки растущего влияния векстров. Чем сильнее их зло проникало в мир, тем больше слабел свет феи; чем интенсивнее становилась их отрава, тем тяжелее было ей противостоять. Скверна векстров распространялась как зараза, принимая лавинообразный процесс. Чем значительней она росла, тем больше в пораженной зоне появлялось исчадий преисподней. Те, в свою очередь, увеличивали уровень породившего их яда, чья выросшая концентрация порождала новые волны мерзости. Экспфернум демонов, воздвигавший отравленную горную систему, сказывался на всем мире, начиная докатываться до самых отдаленных его уголков. После тяжелого поражения у Руандаля феи постоянно ощущали его на себе, чувствовали, как он наступает и растет. Для них это было равносильно приближению зимы для гелиотропных цветов. Листья желтеют, удивительные, всегда следующие за светом соцветия замирают. И вот они уже стоят понуро опустив головы, а шапка снега, накрыв лепестки тяжелым куполом, окончательно пригибает их к замерзшей земле. Одновременное существование фей и векстров было невозможно. Непосвященному казалось, что в таком случае порождениям преисподней заведомо недоступны те места, где уже присутствуют их заклятые враги. Увы, если бы это было так. Найдя способ проникнуть в какой-либо мир, демоны стремились насытить его своей отравой, чтобы выжить из него созданий света, с которыми в прямом столкновении они всегда терпели поражение. Для этого векстры регулярно пускались на всякие хитрости, стремясь добиться своего не мытьем, так катаньем. Соблазны, которым они подвергали людей, относились к этой категории самым непосредственным образом.

Илиана, не выдержав, однажды стала допытываться у подружки и наставницы чем вызвана ее печаль, прежде отсутствовавшая и в помине. Фее было непросто ответить на вопрос девочки. Тяжело признаться, что ее связь с окружающим миром слабеет. Как такое объяснишь пятилетнему ребенку, который души в тебе не чает и считает всемогущей? Разрушить его веру в твою непобедимость — что может быть хуже? Поставить под сомнение обещание всегда быть рядом с ним — это смахивало на предательство. Растущая угроза реально его нарушить выглядела как настоящий кошмар. От этого Дин'Юлемионе становилось еще тяжелее, что никак не добавляло ей радости. В конце концов, она призналась, что дела на востоке идут не лучшим образом, и ей очень непросто это пережить.

— Те гадкие существа делают тебе плохо? — насупившись, спросила Илиана. — Это из-за них ты уже не светишься так, как прежде?

— Да, вроде того, — вздохнула фея.

— А если они придут сюда? — озабоченно потерла лоб принцесса.

— Мы сделаем все, чтобы этого не допустить! — отозвалась Дина.

— Твой отец этого не допустит. Я этого не допущу.

— Но если все-таки придут? — настаивала девочка.

— Тогда уйдем мы с тобой. Не волнуйся, я никогда тебя не брошу! — ответила фея, заключив ее в объятия.

В ее словах прозвучала едва уловимая решимость, которую Илиана тогда интерпретировала по-своему.

Тот, кто заключил сделку с Таунстормом, услышь он этот разговор, непременно возрадовался бы. Из двух предполагаемых вариантов — спастись самой или погибнуть вместе с Принцессой Крови — фея явно выбирала последнее. Люди не могут быть слишком долго оторваны от своего мира. Даже если она уведет Илиану через Трансталл, рано или поздно им придется вернуться. Или же фея досрочно прекратит естественный жизненный путь своей подопечной, на что она вряд ли пойдет по доброй воле. В любом случае, архидемона устраивали все варианты развития событий. Заполучить Принцессу Крови и ненавистную фею — хорошо. Избавиться от них другим путем — тоже неплохо. Императорская дочь, утратив человеческую природу, станет считаться мертвой, но Арферону это ничуть не помешает. Ведь даже если семья Властелина Крови будет уничтожена, а его род прекратится, как того требовал договор, демоны все равно не уйдут. Таунсторм, скрепляя соглашение, так и не распознал ловушку, расставленную повелителем преисподней. Легионы Арферона уверенно наступали. Сделка обязывала архидемона выполнить обещанное, но он

выполнял его с большой охотой, поскольку необходимое прикрытие полностью вписывалось в конечный замысел. Таунсторм воображал, что демоны покончат с императором и удалятся восвояси. Ничего подобного Арферон делать не собирался. Уничтожение Властелина Крови и ликвидация центральной имперской власти окончательно сломит людей, лишит их уверенного сопротивления и обречет на поражение. Демоны пройдутся по всему континенту огненной волной, сожгут его плодородные земли, воздвигнут опаленные скалы, разверзнут пламенеющие ущелья. День обратится в ночь, огонь заменит свет солнца, и дым навечно затмит некогда голубое небо. Океаны воды испарятся от жара, сменившись бушующим морем лавы. В ней станут бродить новые поколения демонов, а весь мир людей превратится в филиал преисподней, присоединившись к ожерелью ее завоеваний. Разломы прочно свяжут их вместе двусторонними каналами, откроются сквозные проходы, реальности сольются воедино. Арферон, выполняя исходную сделку, прилагал все усилия, чтобы воплотить свой ужасающий план. План, который он вынашивал целую вечность, пока, наконец, не подвернулся подходящий случай.

Первая стратегия императора провалилась. Блицкриг обернулся тяжелым поражением. Хуже того — как показал последующий анализ произошедших событий, он значительно усилил векстров, только того и ждавших. Но Юстелий Ардарианский не ставил все фишки на одно число. Его вторая стратегия основывалась на неудаче с быстрой ликвидацией демонического очага, отчего имперские силы заранее собирались в единый кулак. Со всей Ардариании стягивались большие и малые гарнизоны, объединяясь в крупные корпуса, в свою очередь выраставшие до огромных армий. Все боеспособные воины направлялись в зону противостояния, продолжавшую угрожающе расширяться. Воздушные подразделения, следуя к местам боев, заслоняли собой солнце. Среди заклинателей была объявлена мобилизация. Все, кто не принимал участия в жизненно важных мероприятиях, шли на фронт, наращивая имперскую армию. Это была настолько великая сила, что она, казалось, была способна сломить кого угодно, а любая попытка вторжения в мир людей выглядела совершенным безумием. Теперь уже никто не жалел о решении императора содержать огромные войска, тратя уйму времени и средств на их подготовку и снаряжение. Если бы не прозорливая политика Властелина Крови, державшего в полной боеготовности несметные легионы, демоны просто смяли бы людей, не способных оказать им должного сопротивления. Бросив на врага имперскую мощь, Юстелий Ардарианский рассчитывал покончить с внезапным нападением и загнать

рогатых чудовищ туда, откуда они явились. Но демоны уступать не собирались.

Погибший Руандаль, превратившийся в исполинский Разлом, остался в тылу пламенеющих легионов. Вторжение, поглотив Асталийскую провинцию, перекинулось на соседние регионы. Сама же бывшая провинция Таунсторма становилась зловещей горной системой, источавшей не только лаву и пепел, но и тлетворный яд преисподней. Плацдарм, образованный демонами, позволил им перейти в полномасштабное наступление, одновременно обезопасив его источник. В то время как чужеродные горы продолжали расползаться по лику земли подобно ветряной оспе, рогатые чудовища лавиной шли на запад. Во всех остальных направлениях они не выбирались за пределы пораженной местности, растянувшейся на сотни миль в поперечнике. Имперские войска регулярно вступали с ними в схватки, сдерживая натиск, но вскоре стало совершенно ясно, что вектор основного удара врага смотрит только в одну сторону. В сторону Сангвитории. Возможно, это был ловкий отвлекающий маневр, чтобы люди неправильно сгруппировали силы, но все наблюдения за ходом вторжения свидетельствовали в пользу версии об атаке на столицу Ардариании. Продолжая наращивать горную систему, векстры упорно не выходили за ее пределы нигде, кроме западного края, откуда лезли в невообразимых количествах. Ориентируясь на их поведение, император сосредоточил основную армию на встречном направлении, и противники вступили в яростные затяжные бои.

Сражение не прекращалось ни на один день. От взрывов и могучих заклинаний раскалывалась земля, с ее поверхности исчезали целые города. В воздухе носилось такое количество пыли и пепла, что солнечные лучи с трудом пробивались к растениям, гибнущим от недостатка света и распространявшегося яда. В зоне поражения демонов умирало все живое. Серый пепел, источаемый извергавшимися вулканами, накрывал мир отравленным покровом, порождавшим мерзость преисподней. Имперская армия вновь и вновь бросалась на демонов, а тех словно и не убывало. Вместо тысячи Опустошителей приходило две, на смену миллиону уничтоженных Пожирателей являлось три. Шторма, поражавшие воображение своей свирепостью, ревели днем и ночью, не утихая неделями. Они повергали демонов громадным числом, заклинания света сияли так, что заменяли собой солнце. Тяжелые орудия накрывали области настолько убийственными залпами, что делали ее безжизненной не хуже самих демонов. Вторжению преисподней противостояла львиная доля имперской мощи, и эта мощь вал за валом обрушивалась на пламенеющие легионы, давя их как тара-

канов. Больших рогатых тараканов, пышущих огнем и злобой. Но как и эти пресловутые насекомые, демоны казались неистребимы. Их можно было замораживать холодом, жечь светом, испепелять молниями, обращать в камень, разрывать на части, сносить волнами чудовищных взрывов и рубить в капусту, а они все лезли и лезли бесконечным потоком. И этот поток постепенно становился все значительнее. Имперскому командованию, несмотря на все предпринимаемые усилия, приходилось признать очевидное: люди постепенно отступают. Шаг за шагом, миля за милей, город за городом и область за областью фронт постепенно сдвигался на запад, оставляя на востоке выжженную бесплодную землю. Имперской армии порой удавалось перехватить инициативу и отбросить врага назад, вклинившись на каком-нибудь участке, но тот словно нарочно тут же развивал наступление на другом. Линия соприкосновения в конечном счете выравнивалась. И опять не в пользу людей. Демоны отвоевывали ярд за ярдом, и империя все еще ничего не могла с этим поделать.

Юстелий Ардарианский пробовал различные тактические ходы. Сгруппировавшись на севере, вторая ударная армия пробила оборону врага и двинулась в направлении Руандаля. Поначалу ей сопутствовал успех, тем более что концентрация демонов на ее пути была не слишком значительной. Затем ситуация стала напоминать печально известный блицкриг. Уровень скверны увеличивался, достигая запредельных значений, возможности векстров росли, а люди увязали в затяжном противостоянии. Миаласы все чаще отказывались залетать далеко в новые горы, лишая чародеек привычного вида транспорта. Небесные крепости, дополнительно усиленные после тяжелого поражения, громили врага удвоенным арсеналом, но того, казалось, это не слишком беспокоило. Лишь пройдя в глубину гор на четыреста миль люди поняли, отчего демоны едва ли не игнорировали их продвижение. Наступавшим это ровным счетом ничего не давало. Находиться в отравленном регионе неограниченно долго имперские войска не могли, а пробиться к эпицентру вторжения недостаточным числом — тоже. Вокруг погибшего Руандаля образовался мощный заслон из цепочки вулканов, окруженных естественными препятствиями и ордами векстров. Лишь вся армия Ардарианнии была способна достичь эпицентра вторжения и попытаться заткнуть адское жерло, но она вела бои на западе, а все менее значительные силы оказались попросту бесполезны. В итоге, приблизившись к извергавшим вершинам, но так их и не достигнув, вторая ударная армия повернула назад. То же самое сделала и третья, наступавшая с востока, где до океанского побережья оставалась все меньшая полоска зем-

ли. Горная система теснила людей не хуже демонических полчищ, угрожая сбросить их в волны. Кажется, она наконец-то замедлила свой рост, однако радоваться на сей счет в империи никто не спешил. Векстры, обеспечив себе надежный плацдарм, сосредоточились в наступлении на запад, куда и направляли весь свой экспфернум. Феи высказывали мнение, что они незамедлительно возобновят преобразование земли и вообще мира, едва у них появится на это достаточно свободных ресурсов. Связав демонов боями, имперская армия сковывала их силы, лишая таким образом возможности тратить энергию по своему усмотрению. Вопрос заключался в том, отчего демоны не меняли тактику. Достигнув определенных успехов в завоеваниях, они вполне могли откатиться назад, чтобы нарастить в тылу новый рубеж обороны. То есть продолжить свое ужасающее преобразование захваченной территории. Это подсказывала элементарная логика, но векстры упорно ей не следовали. Вероятно, их поведение основывалось на принципиально ином мышлении, но феи считали, что это не так. Векстров что-то толкало вперед. Что-то заставляло их наседать именно таким образом, посвящая натиску все имеющиеся средства. Плацдарм, который они образовали, был строгой необходимостью, без которой сама атака становилась невозможной. Обеспечив себе базу, векстры ринулись вперед и теперь развивали завоевание только в одном направлении, не считая постепенно расползавшейся горной системы. Таким образом, феи вновь поднимали вопрос о первопричине появления векстров. И ее следовало установить, пока не стало слишком поздно. Императору приходилось признать, что все попытки сокрушить демонов быстрым и мощным напором провалились. С каждым днем война приобретала все более глобальный характер. Это уже была не схватка с зарвавшимся врагом, которому следовало преподать хороший урок. Это было нечто большее…

Благодаря четкому взаимодействию всех войсковых подразделений люди несли умеренные потери. Но все же несли. Демоны же напоминали пресловутую гидру, у которой вместо одной срубленной головы вырастало две. Чародейки, внимательнее других фиксировавшие ход противостояния, давно сбились со счета, сколько векстров отправилось обратно в преисподнюю. Кстати, последнее звучало отнюдь не для красного словца. Люди обычно употребляли означенное словосочетание как констатацию смерти недруга. Вот только векстров это не касалось. Как существа иного порядка, они были бессмертны. Феи нехотя признавали, что по-своему векстры их превосходят, во всяком случае, старшие. Векстры претендовали на уровень люмеан, то есть высший уровень,

существовавший в мироздании. К счастью, сама их суть делала невозможным подобное возвышение, но могущество архидемонов и их ближайших приспешников намного опережало даже таких созданий, как феи. Оттого-то векстры, сраженные людьми и заклинателями, и не исчезали насовсем. Лишившись физической оболочки, они отправлялись обратно в свой мир сгустком энергетической сущности. Потерпев поражение, этот сгусток на какое-то время оставался лишен тела, без которого был совершенно бессилен. Продолжительность столь неопределенного состояния зависела от причин условной гибели демона. Если он сворачивал себе шею сам, ее длительность была минимальной. Поражение от рук человека было чревато тысячами лет простоя, заклинателя — десятками тысяч. Больше всего векстры не любили чародеек, способных выбить их из колеи на сотни тысяч лет, но по-настоящему опасались фей и им подобных, поскольку тогда счет шел на миллионы. Впрочем, что такое десять тысяч лет или даже пара миллионов в глазах бессмертного демона? Именно поэтому они и атаковали не считаясь ни с какими потерями. Демоны не просто брали числом исходя из грубой, но эффективной тактики — они делали это сознательно и без всякого страха, ибо не умирали, а лишь выбывали из мира до лучших времен. Общее же количество обитателей преисподней было неизвестно даже феям. Создания света только предполагали, что потеря ста миллионов для векстров просто капля в море, жалкий огонек в океане бурлящей лавы. Люди же таким неограниченным ресурсом не обладали, отчего их положение в комплексе всех складывавшихся факторов выглядело отнюдь не радужно.

Поражение было неприемлемо. Векстры не принимали капитуляции и не шли на переговоры — это было им попросту не интересно. Дин'Юлемиона заранее предупредила императора, что любые дипломатические контакты с этим врагом бесполезны. Миролюбивая фея, всегда избегавшая насилия, на сей раз была вынуждена констатировать, что людям придется сражаться до конца. Альтернативы попросту не имелось. Демоны не станут порабощать людей, чтобы властвовать над завоеванной цивилизацией или обкладывать их данью. В лучшем случае они будут разводить их как овец для бойни, низведя до скотского состояния. Император, разумеется, ни о каких переговорах и не помышлял. Враги, кем бы они ни были, посягнули на его подданных, поставили под сомнение само существование долго и скрупулезно создаваемой им империи, бросили вызов ему лично. Никаких уступок здесь и быть не могло. Фея, разумеется, ничуть не разделяла убеждений чрезмерно властного человека, основанных скорее на его эго, нежели под-

линной заботе о благе людей, но в данном случае был важен результат, а не то, как его обосновывают. Оттого она и продолжала оказывать содействие императору, хотя в ином другом случае давно бы отступилась, предоставив человечеству самому решать свои проблемы. Юстелию Ардарианскому требовалось правильно вдохновлять людей, и кому это было делать как не Властелину Крови с его верной супругой? Их энергия, направленная на солдат и заклинателей, творила настоящие чудеса. Раненые исцелялись целыми подразделениями, колдуны и чародейки аж заходились от переполнявшей их мощи. Лично прибыв на фронт, император и императрица отдавали все силы армии. И результат не заставил себя ждать.

В противостоянии наконец-то наступил долгожданный перелом. Длинные ряды небесных крепостей обрушили на врага колоссальный шквал огня. Наземные и воздушные части перешли в полномасштабное наступление. Наступление невиданной силы благодаря личному вмешательству Властелина Крови. Юная Илиана, находясь во дворце из импрезиториума, ощущала далекие всплески его изливавшегося в пространство могущества. Одновременно она наконец-то осознала, что означали слова беса о разнице между ней и отцом. Император, стоя на вершине командной платформы, ослепительно сиял алой звездой диаметром в несколько сотен футов. Ее лучи протянулись более чем на милю. И они протянулись не просто так, распространяясь строго по прямой как от обычного небесного светила. Император контролировал бившие из него потоки жизненной энергии, направляя их изгибавшимися рукавами. Вырываясь из эпицентра, они скользили по небесным крепостям, овевали шеренги воинов, охватывали воздушные соединения заклинателей. Бурной волной и широкими реками они накрывали ударный кулак имперской армии, неистово атаковавшей демонов с удесятеренными силами. И демоны дрогнули, не сдержав запредельный натиск.

Властелин Крови источал сумасшедшее количество жизненной энергии. До сих пор он не принимал прямого участия в сражениях, ограничиваясь поддержкой издали. Нельзя было сбрасывать со счетов опасность коварного нападения векстров, чреватого непредсказуемыми последствиями. Небесные крепости, взрывавшиеся у Руандаля как петарды, служили красноречивым тому доказательством. Кроме того, выкладываясь на максимум, император обессиливал себя, становясь чрезвычайно уязвимым. Один просчет — и жизнь длинною в десятки тысяч лет могла прерваться как жизнь самого обычного человека. Однако положение обязывало. Оказавшись перед выбором отсиживаться в безопасном двор-

це, теряя регион за регионом, или возглавить войска, император предпочел последнее. И теперь отдавал верным солдатам и заклинателям всю свою энергию до последней капли.

Демонов сносило как волной цунами. Они даже не успевали добраться до людей, разносимые в клочья чем ни попадя. Колдовские шторма, и прежде пугавшие своей масштабностью, превратились в нечто поистине немыслимое. С ревом взмывали в небо исполинские пласты земли вместе с полчищами демонов. Обратно же обрушивались не просто гроздья льда, а настоящие айсберги, расколотые на множество фрагментов. Молнии трещали и взрывались так, что испепеляли на месте даже Опустошителей, а бесов и Пожирателей выкашивали целями толпами. Сияние света обжигало демонов даже в задних рядах, не говоря уже об исчезавших в нем без следа передних. Ударный кулак имперской армии двинулся в море врага неудержимым катком, сметавшим на своем пути все живое и неживое. Казалось, ничто не могло остановить его ужасающий натиск. Именно так Властелин Крови сокрушал любого врага, и именно так надеялся однажды покорять иные миры, не согласные принять его власть и волю добровольно. Исполинские Кошмары, прежде изрядно досаждавшие людям, теперь даже не долетали до линии соприкосновения, обращаясь в пепел. В месте личного присутствия императора участок фронта превратился в разгул разъяренных стихий, в сравнении с которыми даже клокочущее жерло вулкана казалось едва тлевшей свечкой. Выброс энергии был просто невообразимым и ощущался далеко за пределами битвы.

Успех наступления центра вовсю развивали и на флангах. Полностью утратив инициативу в одном месте, демоны ослабли и в других, не имея возможности эффективно перегруппировываться и наращивать силы в направлении сыпавшихся на них атак. Прорыв людей серьезно сотряс их позиции и ситуация продолжала усугубляться, угрожая перейти в развал всей обороны. Непрерывный подход нескончаемых пламенеющих легионов потерял всякий смысл, поскольку эти легионы попросту сгорали в лютой ярости стихий как бумага в печке. Нападение превратилось в откровенное и бессмысленное самоубийство. Демоны, окончательно прекратив бесполезный натиск, стали пятиться назад, отступая перед сжигавшим все неодолимым валом. Бессмертие бессмертием, а понапрасну исчезать из мира на неопределенное время — откровенная и ничем не оправданная глупость. Вместе с тем демоны продолжали оказывать яростное сопротивление на флангах, тормозя продвижение тамошних соединений людей. В результате ударный кулак имперских войск заметно вырвался вперед, про-

бив в ордах врага глубокую брешь и образовав в его море нечто вроде полуострова.

Любой даже очень искушенный наблюдатель мог с уверенностью заявить, что империя полностью перехватила инициативу. Не просто перехватила — развила решающее наступление, сломив упорство неистового противника. В обозримой видимости тому уже нечего было противопоставить могучему натиску людей, овеянных энергией Властелина Крови. Империя выложила свой лучший козырь, который до сих пор никому не удавалось переиграть. Ход битвы уверенно складывался таким образом, что демонам грозило не просто поражение, а откровенный разгром. Отступая, они сдавали позиции и продолжали усугублять свое тактическое положение. Их боевая мощь критически снижалась, превращаясь из забрасывания камнями в закидывание трупами. Теперь уже никто не сомневался, что исход сражения предрешен. Империя наконец-то преодолела натиск пламенеющих легионов и теперь погонит их обратно до самого Руандаля. Воспрянули духом даже потускневшие феи, с надеждой наблюдавшие за ходом противостояния через средства колдовской связи. Казалось, победа над злобным противником предрешена. Но векстры не были обычным противником. С присущим им коварством и хитростью они следовали заранее составленному плану, и любым своим поражением предваряли очередной успех.

Когда раскололась земля, раздался такой гул, будто ее недра собирались взорваться, поглотив извержением весь континент. На передовых позициях ударных имперских частей разверзлась огромная дыра с расходившимися от нее разломами, куда немедленно ухнуло два армейских корпуса. Ее раздавшиеся края еще осыпались, когда на поверхность выбралось поистине исполинское чудовище. Не целиком, а только по пояс, поскольку все остальное, сотканное из жидкого огня, скрывалось где-то в глубинах провала. Провала, объятого бушующим пламенем. Достигая поверхности земли, оно плясало над ней длинными языками и казалось, что возникший из бездны исполин по пояс стоит в красном волнующемся море. Размеры чудовища поражали воображение, измеряясь не ярдами, а милями. В сравнении с ним Опустошители выглядели букашками, а Молоты просто невзрачными кочками. В природе громады можно было даже не сомневаться. Ее голову украшали плотно закрученные по спирали рога, а в глазах, каждый примерно с домну, полыхало вечное пламя преисподней. Из осклабленной пасти вырывался лютый огонь, сопровождавший движения вздымавшейся груди. Тело выше пояса состояло из черной камнеобразной субстанции, вместо вен испещренной дорожками

разбегавшейся лавы. Гора демонической плоти взревела так, что стало больно ушам, и без того едва выдерживавшим звуки неистовой битвы. Затем протянула руку и ухватила ближайшую небесную крепость. Да, именно так, и никак иначе. Происходящее можно было сравнить с песочницей, где ребенок поддевает лопаткой сделанные куличики. Вспышки света, удары молний и вся ярость стихий не причиняли новоявленному чудовищу сколь-нибудь заметного вреда. Подтянув к себе небесную крепость так, будто это был простой пирожок, гороподобный демон сжал ее двумя руками и раздавил как картонную коробку. Затем размахнулся и снизу вверх ударил кулаком по другой воздушной платформе сродни выполняющему апперкот боксеру. Страшный удар расколол крепость на части, улетевшие в заоблачную высь. Еще удар — на сей раз в бок третьей небесной крепости — и ее отшвырнуло вдоль линии фронта, сшибая соседние платформы как кегли. Подобной немыслимой атаки никто не предвидел. Держась плотными рядами, воздушные платформы неожиданно оказались в чрезвычайно уязвимом положении. Третья небесная крепость внесла в позиции соседей настоящий хаос, в лучшем случае выбивая их из равновесия, а в худшем направляя к земле. Пока одни небесные крепости сталкивались друг с другом и разлетались в стороны, другие как подбитые птицы пикировали вниз, врезаясь в опаленную почву и давя воинские подразделения. А исполинский демон продолжал наносить удар за ударом, и каждое движение его ручищ сопровождалось яростным гулом потревоженного воздуха. Небесные крепости раскалывались как глиняные горшки, самые тяжелые орудия были бессильны против неодолимой мощи чудовища. Ведь это было непростое чудовище. Пламенеющие легионы, дождавшись подходящего момента, призвали архидемона Неомольфа — генерала преисподней, предпочитавшего действовать кулаками, а не колдовством. И призвали не просто так, чтобы уничтожить десяток-другой небесных крепостей и раздавить несколько армейских корпусов. Последние, впрочем, уже сгорели в кольцах пламени, исторгнутых демонической плотью. Они разбегались высокими стенами такой плотности, что от их напора трескались даже камни. На три мили вокруг архидемона образовалось безжизненное пространство. Те же, кто уцелел в свирепой хватке огня преисподней, были уничтожены сокрушительными ударами. Нереймитов Неомольф прихлопнул как глиняные фигурки, а самые защищенные объекты лопались под его ладонями подобно яичной скорлупе. Но не солдаты были приоритетной целью архидемона, не Каменные Стражи и даже не небесные крепости, отчаянно пытавшиеся покинуть зону досягаемости страшного врага. К

сожалению, их неповоротливость опять сыграла свою удручающую роль. Схватив очередную воздушную платформу, Неомольф не стал ее давить. Размахнувшись, он швырнул ее прямиком в эпицентр алого сияния.

Командная небесная крепость, где расположился Властелин Крови, отличалась увеличенными размерами и повышенной надежностью. Ее орудия были ориентированы на оборону, а защита превосходила защиту других воздушных платформ втрое. Но и она не была рассчитана на столь невероятное столкновение. Столкновение, раз за разом происходившее с огромной скоростью. Ведь единственным броском архидемон не ограничился, хватая платформы одну за другой. Вероятно, Неомольф не мог появиться прямо под оплотом императора, державшегося в нескольких милях от сдвигавшейся линии фронта, иначе бы он вылез из провала непосредственно под ним. Объявившись в передних рядах имперской армии, архидемон произвел достаточно разрушений, чтобы насытиться собственным экспфернумом, а затем обратил его против Властелина Крови. Первая врезавшаяся крепость едва не кувырнула императора с башни, и лишь охрана сумела удержать его от рокового падения. Из-за столкновения массивная воздушная платформа подалась назад, хоть и не полетела так же, как те, что поменьше. Гарнизон императорской крепости попадал с ног, орудия заискрили, несколько Тексенумов вышло из строя. Повторное столкновение чуть не раскололо командный центр, придав ему вращение в пространстве. Всех, кто был на открытом пространстве и кого не удерживали чары левитации, выбросило прочь центробежной силой. Платформа угрожающе накренилась. Плиты по ее краям стали раскалываться и осыпаться, ощеряясь лопнувшими стяжками из титанового сплава. Третья брошенная архидемоном крепость произвела серьезные разрушения. Конструкции командного центра разваливались на части, а сама она потеряла управление. Сообразив что происходит, все ближайшие подразделения имперской армии, забыв про собственную безопасность, воздвигли между Неомольфом и Властелином Крови шквал заградительного огня, возводя все мыслимые и немыслимые барьеры. Но архидемону, казалось, все было нипочем. Четвертая крепость, окутанная пламенем экспфернума, на подлете к цели взорвалась как бомба, раскидав воздушные подразделения ринувшиеся спасать императора. Командная платформа затрещала, раздавшись зияющими брешами. Обломки зданий и бастионов сыпались вниз. Большие и малые орудия взрывались, не выдержав напора скрещивавшихся энергетических потоков. Колдовские огни гасли. Еще один удар — и империя окажется обезглавлена.

Императора удалось спасти только ценой героизма людей. У его охраны, разумеется, был разработан план эвакуации, предусматривающий разные чрезвычайные ситуации, но он с самого начала дал сбой. Архидемон, используя небесные крепости в качестве снарядов, насыщал их своим экспфернумом, вступавшим с энергией творения людей в активное противоборство. В результате получалась гремучая смесь, детонировавшая при сильном ударе. Брошенная крепость не просто врезалась в командный центр — она взрывалась, разлетаясь на куски и поражая его утроенным уроном. Первое же столкновение вывело из строя малые эвакуационные Трансталлы, поддерживаемые чародейками. От обычных они отличались тем, что перемещались вместе с платформой, отчего носили не стационарный, а динамический характер. Резкое энергетическое возмущение и чрезвычайная нагрузка на контуры защиты нарушили работу хрупких устройств, а затем и вовсе их разломали. Колдовские барьеры защищали Властелина Крови почти от чего угодно, но только не от уничтожения всей командной крепости экспфернумом архидемона. Охрана, подхватив императора, спустила его с центральной башни, окружив плотным строем и переведя в относительно безопасное место. Накренившаяся, кружившая платформа, трещавшая по всем швам, уже таковым не являлась, однако все еще предоставляла защитный купол. Порхнуть за ее пределы охрана не рисковала, и правильность ее решения красноречиво подтвердилась, когда очередная атака архидемона уничтожила все оказавшиеся поблизости воздушные соединения. Над императором нависла угроза неминуемой гибели. Оставаться на платформе, способной взорваться в любой момент, было нельзя, а выбраться за ее пределы представлялось едва ли не безумием. Но из двух зол выбирают меньшее. Дальнейшее пребывание в разрушаемой командной крепости означало гарантированную смерть. Воплощая все доступные чары, охрана императора повлекла его прочь, надеясь проскользнуть между молотом и наковальней. Никто не оглядывался и не видел, как снова размахнулся Неомольф и снова швырнул в командный центр еще одну небесную крепость. До последнего аккорда в разыгравшейся драме остались считанные секунды. И тут произошло чудо. На траектории поражения сошлись встречным курсом несколько других крепостей. Сошлись намеренно, приняв на себя удар и прикрывая императора. Они погибли мгновенно. Взрыв был настолько чудовищной силы, что за его вспышкой даже сам Неомольф не сразу сумел разобрать, удалось ему поразить желанную цель или нет. Лишь когда бурное свечение рассеялось, а обломки воздушных платформ рухнули на землю, стало ясно, что охрана благополучно

унесла Властелина Крови за пределы досягаемости архидемона. Его отряд, успев покинуть зону поражения, теперь виднелся вдали быстро удалявшимися точками. Падение погибающей командной крепости уже не доставило архидемону никакого удовольствия. Он даже не потрудился ее добить, когда понял, что птичка упорхнула. Взрыхляя землю, крепость прочертила в обугленной почве борозду длинной в полторы мили и развалилась на несколько дымящихся частей. Одну из них разнесло в клочья напором вырвавшейся энергии. Обломки искореженных конструкций охватил буйный пожар. Неомольф снова взревел, не иначе как досадуя на неудачную попытку добраться до императора. Затем, испустив очередное кольцо пламени, принялся крушить все, до чего получилось дотянуться.

Архидемон неистовствовал недолго. Вероятно, его призвали в наиболее подходящий момент, чтобы он нанес максимальный урон и постарался достать Властелина Крови. К счастью для людей, генерал векстров все еще не мог пребывать в их мире слишком долго. Когда запасы энергии оскудели, а связь с преисподней стала слабеть, Неомольф окутался клубами дыма. Изрыгнув напоследок длинные струи огня, скользнувшие по окрестностям вихрящимися реками, он опустился обратно в пролом и скрылся в неведомой бездне вместе с озером пламени. Земля сотряслась, и края огромной дыры сомкнулись, словно ее и не было. Лишь разгромленные крепости, валявшиеся тут и там грудой обломков, опаленные тела и многомильная брешь в позициях людей напоминала о визите исполинского чудовища.

Ударный кулак имперской армии понес чувствительные потери. Слаженное наступление расстроилось. Оставшись без Властелина Крови, солдаты и заклинатели уже не могли обеспечивать прежний десятикратный натиск. К тому же сыграло немалую роль и ошеломление, вызванное непредвиденным появлением архидемона. Взаимодействие подразделений нарушилось, а перегруппировка требовала времени. Эффективность заклинаний резко снизилась, местами аж на порядок, а кое-где и вовсе упала до минимума. Поврежденные небесные крепости выходили из боя, чтобы не взорваться и не рухнуть на головы наземных подразделений. Потрепанные воздушные отряды едва удерживали натиск живо обнаглевших Кошмаров. А векстры уже перешли в контрнаступление, пользуясь нанесенным уроном и образовавшейся неразберихой. Расстроенные ряды небесных крепостей и внушительная прореха в линии фронта позволили им вторгнуться в позиции имперской армии, создав для нее опасную ситуацию. Фигуральный полуостров в море демонов стал рассыпаться, рискуя быть полно-

стью поглощенным огнем. Не пострадавшие фланги уверенно держались, но основная ударная сила людей была сконцентрирована в центре, и теперь она оставляла желать лучшего. Дальнейший натиск стал невозможен. Более того, потеря командной крепости и разрушение атакующей структуры создали угрозу ответного прорыва врага и развала всего фронта. Векстры же явно того и ждали. Появление архидемона произошло строго по расчету. Сам по себе он хоть и разносил в клочья все, до чего дотягивался, но зона его поражения была достаточно ограниченной. Несмотря на все свои габариты и непробиваемую мощь, в ходе обычного противостояния он не нанес бы людям непоправимого урона. Выход Неомольфа на сцену подле самого императора, которого он едва не убил, принес в десять раз больше тактической пользы, не говоря о потерях среди элитных подразделений империи. Демоны, доселе намеренно прогибавшиеся под натиском наступавших людей, дабы создать желаемый изгиб в линии фронта, прекратили пятиться и с новым рвением ринулись вперед. Утратив инициативу, войска Ардариании стали отходить сплоченными рядами. Значительная площадь в десятки квадратных миль была потеряна сразу. Через несколько часов векстрам удалось вернуть себе большинство прежних позиций. Еще через сутки имперская армия уже отступала с того рубежа, откуда начала свое уверенное шествие в стан врага.

Теперь уже Илиана подбадривала Дину, продолжавшую утрачивать присущую ей жизнерадостность. Игры и дурачества уже не приносили покровительнице и подружке прежнего удовольствия, а ее колдовство стало каким-то неохотным, заметно сдав в фантазии и насыщенности. Фея слабела. Появление архидемона произвело в мире значительные изменения, незримые для людей, но чутко ощущаемые созданиями света. Мощный выброс скверны, источаемой Неомольфом, подействовал на них очень удручающим образом. Вся сущность архидемона дышала первозданным злом, которое он привнес с собой и которое сеял подобно зернам на благодатной почве. Еще менее материальное, чем скверна и экспфернум, оно было для фей не менее губительно. Невесомая, невидимая, неосязаемая психологическая составляющая разрушала основу существования их мира. Чудовище, явившееся из сердца преисподней, ненавидело все светлое и цветущее, и эта ненависть обретала реальную форму, угнетая тончайшие струны сознания фей. Для них, бессмертных, натиск неистовой злобы был страшнее любой формы физического воздействия. Дин'Юлемиона, украдкой вздыхая, поглядывала на Илю, к которой привязалась всем своим сердцем, сотканным из чистого света, и размышляла что же будет

дальше.

Нападение архидемона показало насколько сильны стали векстры. Лишь потому, что вызов Неомольфа потратил значительную долю накопленного ими экспфернума, они не развили успех контратаки вплоть до тяжелых последствий для имперской армии. В каком-то смысле противостояние вернулось в прежнее русло. Люди, потеряв еще полсотни миль территорий, остановили продвижение врага и завязли с ним в упорных боях. Небесные крепости и различные механизмы проходили срочный ремонт, оперативно возвращаясь в строй. Подошедшие резервы и отдохнувшие подразделения восстановили пошатнувшуюся боевую мощь империи. Казалось, она вновь могла перейти в наступление даже без прямого участия императора. Однако наращивание боевого потенциала происходило и у демонов. Вероятно, визит архидемона вывел вторжение на новый уровень. Помимо лапургов и Кошмаров, в небе над пламенеющими легионами объявились Гангроны. Каждое такое чудовище напоминало нечто среднее между летучей мышью с кожистыми крыльями и Пожирателем, имеющим полноценные конечности. Их отличительной чертой являлись раздвоенный змеиный язык и змеиные же зрачки, направленные под углом к переносице. По габаритам Гангроны несколько уступали Опустошителям, зато беспрепятственно перемещались в воздушном пространстве. Их огненные мечи не только исторгали сгустки огня, но также изливали целые потоки пламени. Могучие шипастые крылья окутывали клубы дыма. Эти же клубы вились вокруг их коренастых туловищ, создавая впечатление, будто каждый Гангрон дымится как коптящая печка. Только ничего смешного в этом не было. Наоборот, эти летающие демоны выглядели очень зловеще и несли серьезную угрозу. Поодиночке они были не страшны, но их численность быстро нарастала. Взмывая в небо из жерла Руандаля, они летели на запад, концентрировались над пламенеющими легионами, а затем целыми соединениями бросались в бой. Также эти демоны стали накапливаться над всей чужеродной горной системой, существенно осложняя и без того непростую разведку.

С появлением Гангронов преимущество империи в воздухе значительно пошатнулось. Доселе стаи лапургов донимали людей скорее как назойливые мухи, нежели реальная сила. Исполинские Кошмары, несмотря на внушительные размеры, из-за размеров же и страдали. Гангроны, обладая куда большей проворностью, имели на вооружении еще одно чрезвычайно опасное оружие — ум. Это были очень развитые демоны, умевшие не только махать крыльями и мечом, но также тактически мыслить и — хуже того — кол-

довать. Фактически до сих пор во вторжении участвовало так называемое пушечное мясо. Никто из уже примелькавшихся демонов не относился к тем, к кому взывают алчущие знаний колдуны, к кому захаживают в гости адепты Проберианского течения. Гангроны же были из их числа. Они были младшими среди старших. Они были теми, кто являлся людям в колдовском дурмане и нашептывал соблазнительные вещи, суля власть и могущество. Преисподняя, доселе посылавшая людям простых солдат, исторгла тех, кто отдавал им приказы. В сравнении с людьми на стороне демонов появились офицеры.

Первая атака крупного соединения Гангронов сразу принесла плоды. Под прикрытием рядовых демонов новые твари эффективно противостояли атакующим заклинаниям. Избегая прямых атак и не суясь на рожон, они ловко маневрировали в небе, а затем, собравшись значительным числом, ринулись в нападение. Оно существенно отличалось от привычных действий других демонов. Гангроны колдовали. Атакованные небесные крепости окутали клубы дыма. Воздух загудел от расцветавших в нем вспышек пламени. Летучие отряды империи столкнулись с заградительным обстрелом врага, доселе являвшимся прерогативой орудий небесных крепостей. Стараний Гангронов не хватало пробить защиту могучих Тексенумов, не выдерживавших только метеоры из Разломов да удары архидемонов, но они к этому особо и не стремились. Главная опасность крылатых демонов заключалась в том, что они творили свое колдовство не снаружи защитных контуров, а внутри. Прямо в небесных крепостях возникали из ниоткуда сполохи тьмы с прожилками тлевшего огня. Оттуда, как из рога изобилия, сыпались эфемерные существа. Размером с футбольный мяч, они напоминали осьминогов, только обладавших щупальцами вокруг всего тела и перемещавшихся чрезвычайно быстро. Эти "осьминоги" не имели материального тела, являясь чистым порождением экспфернума, и умудрялись просачиваться в любую щель, втягиваясь в нее как вода. Выброс тьмы — и вот уже все вокруг кишит этими черными, как сажа, тварями, разбегавшимися не хуже спринтеров. А выбросов было много. И каждая тварь старалась причинить максимальный ущерб. То, что они кидались на людей, оказалось меньшим из зол. Колдовство Гангронов активно разрушало творения заклинателей. Чары служили осьминогам своеобразным маяком, на который они лезли как мотыльки на свечку. Добираясь до орудий, они проникали в их механизм и выводили его из строя. Гасли чародейские огни, испорченные гнусными тварями, ломались боевые системы. Но хуже всего было то, что осьминоги умудрялись портить Тексенумы. Если они успевали

добраться до кристалла Плетения, они вгрызались в его поверхность. Та шла трещинами, кристалл начинал мерцать и тускнеть, и мог полностью отказать, если никто оперативно не обезвреживал вредителей.

Колдовство чародеек успешно обращало осьминогов в ничто, но внезапность невиданной ранее атаки сыграла свою роль. Прежде чем защитники небесных крепостей сообразили что происходит, эфемерные твари натворили множество бед. Большие и малые орудия замолчали, и шесть боевых оплотов превратились в бесполезные летающие острова, только и способные что отбрасывать тень на землю. Двум другим крепостям повезло меньше. Их защита ослабла, а затем и вовсе исчезла. Результат не заставил себя ждать. Гангроны ринулись на них всем скопом, и тут выяснилось, что сокрушить этих демонов куда сложнее, чем Опустошителей. Слишком рассеянные чары света не причиняли крылатым демонам вреда. Мощный удар стихий поражал их вполне успешно, но его было очень трудно осуществить на территории крепости, не навредив ей самой. Гангроны, старательно избегая прямого столкновения с чародейками, окружали себя сферами огненных барьеров, сочившихся густым дымом. Продолжая плодить осьминогов, они не приземлялись на платформу, размахивая огненными мечами — они делали нечто совсем иное. Крепость, лишенная большинства защитных заклинаний, по сути представляла собой набор камней и сплавов. Гангроны применили то средство, с которым люди регулярно сталкивались на земле. Воздушная платформа содрогнулась и затряслась. В ней появились глубокие зияющие трещины, быстро увеличивавшиеся в размерах. Внутри этих трещин показались толстые черные образования, похожие на стержни. Их природа стала понятна позже, когда чародейки проанализировали произошедшее. Гангроны создали демонические сталактиты, через которые регулярно прорубались имперские солдаты, но создали их не на поверхности, а в структуре воздушной платформы. И эти сталактиты, начав взаимопротивоположный рост, попросту разрывали ее изнутри. Защита Тексенумов больше не сплетала платформу в единый монолит, и ее плиты лежали сами по себе, стянутые полосами титанового сплава. А они не могли устоять перед экспфернумом демонов-офицеров. Две небесные крепости развалились на куски прежде, чем их защитники сумели хоть как-то повлиять на разрушительный процесс. Часть из них спаслась, унесенная крылатыми существами и левитацией, часть погибла вместе с платформами.

Нерасторопность защитников, допустивших подобное развитие событий, объяснялась и кое-чем еще. Гангроны атаковали не

только укрепления людей, но и их разум. Сознание чародеек было им неподвластно, зато у ведьм, колдунов и простых солдат они вызывали галлюцинации. Реальность искажалась. Появлялись кошмарные видения и то, чего в действительности не существовало. В голове звучал навязчивый шепот сродни тому, что слышат разрушаемые скверной демонологи. Людей охватывал приступ необъяснимой тревоги и уныния. Жертвы, плохо понимая что происходит, теряли немалую долю боеспособности, а это немедленно сказывалось самым плачевным образом. К счастью, Гангроны вытворяли такое только на относительно близком расстоянии, но при нападении на небесные крепости это их умение сыграло значительную роль. Разумеется, одними лишь платформами они не ограничивались. Пока имперские войска несли потери в воздухе, демоны-офицеры творили свое злое дело и у земли. Проносясь неподалеку от имперских подразделений, они поражали сознание солдат точно таким же образом. Защитные заклинания, вплетенные в доспехи воинов, хорошо уберегали от физического и колдовского урона, но перед атакой на разум они были бессильны. Эффект оказывался скоротечным, если Гангрон быстро удалялся, но его вбросы подрывали моральный дух и снижали боевой потенциал. Психика людей и без того испытывала серьезную нагрузку, так что дополнительное вредоносное воздействие умело выбивало ее из колеи, делая их уязвимее. Атакованные подразделения приходили в замешательство и демоны, разумеется, успешно этим пользовались.

Имперской армии пришлось бы нелегко, кабы не выяснилось, что против отравы Гангронов хорошо помогают свиристоли. Эти небольшие существа некогда получили свое название отнюдь не просто так. Прослеживалась некая аналогия с созвучными ему певчими птицами. Заливистые, вибрирующие трели свиристелей — привычное явление для жителей широт с северным и умеренным климатом. Прыгая с ветки на ветку, эти симпатичные обитательницы лесов с завидным аппетитом поглощают ягоды и поют свое удовольствие. Внешне свиристоли на них ничуть не походили. Однотонные и малозаметные, они напоминали мохнатый шарик размеров около двух футов, откуда выглядывали большие влажные глаза. Ручки, прятавшиеся в мягкой шубке, казались детскими, а мягкие пальчики смешно хватали предложенное им угощение, таща в рот любые сладости. Свиристоли происходили из другого мира, попадая к людям через Трансталлы. Догадаться об этом было нетрудно, наблюдая, как кто-нибудь из шариков неторопливо перемещается по воздуху с карниза на карниз без всяких крыльев или иных видимых приспособлений для полета. Они лю-

били гулять по крышам, семеня короткими ножками с широкой четырехпалой стопой, и селиться на чердаках, из-за чего невежественные индивиды периодически путали их с домовыми. Однако свиристолей привозили отнюдь не для того, чтобы они шуршали над головой и сыпали крошками печенья. Свиристоли пели. Пели очень похоже на тех самых лесных пташек, чье название отличалось единственной буквой. Кардинальная разница в этом пении заключалась в том, что его никто не слышал. Во всяком случае, обычным способом. Казалось бы, на кой ляд тогда содержать этих сладкоежек, которые даже насвистывают в каком-то недоступном уху диапазоне? Смысл был очень даже большой. Трели свиристолей разрушали колдовской дурман в разуме тех, до кого доносились их рулады, и чем ближе был источник, тем сильнее становился эффект. Стоило свиристолю запеть подле объятого галлюцинациями человека, как тот живо приходил в себя, а его сознание прояснялось. Неслучайно в императорском дворце водилось множество этих существ, где только не обосновавшихся. Их массовое присутствие заведомо нивелировало любые попытки навести дурманящие чары. То, что пение свиристолей помогает и против воздействия Гангронов, выяснилось совершенно случайно. Некоторые чародейки взяли на борт небесных крепостей своих любимцев. Сами сестры не были подвержены пагубному влиянию крылатых демонов, зато все остальные, находившиеся поблизости от забавных созданий, ощутили, как что-то оперативно развеивает накатывавшие галлюцинации и необъяснимую тоску. Сообразив в чем тут дело, чародейки передали сведения на Великий Архипелаг, запросив в армию значительное количество маленьких стражей разума.

Также против новой разновидности врага нашелся и еще один эффективный помощник, что убедительно доказал ход последующих боев. Гангроны старались держаться подальше от антреминов. В отличие от миаласов и мавригалов, эти животные встречались несравнимо реже, поскольку для их устойчивого существования требовалось присутствие очень сильной чародейки. Последних было много в императорской лейб-гвардии, отчего в пределах дворца из импрезиториума недостатка в антреминах не ощущалось. Остальным же воинским подразделениям нечасто удавалось похвастаться столь гордыми и впечатляющими животными, неизменно приковывавшими внимание неискушенной публики. С кого бы некогда ни был списан сказочный дракон, в научных кругах ходили сильные и небезосновательные подозрения, что здесь не обошлось без антремина. Бежевый крылатый ящер здорово смахивал на своего фольклорного прототипа, разве что в ми-

ниатюре. Огнем, он, правда, не дышал, принцесс не крал и вообще никакого отношения к безобразиям не имел. Это было очень спокойное и аккуратное создание, державшееся с аристократичным достоинством. Из его глаз мягко струился белый свет, а хвост заканчивался радужной кисточкой, порой открываемой наподобие мини-паруса. Крепкие, но изящные лапы грациозно ступали по земле, а внушительные когти, словно обточенные пилочкой, отливали перламутром и не производили пугающего впечатления. Кружа в воздухе, антремин порой оставлял за собой разноцветный призрачный шлейф. Когда он встряхивался, будто выходя из воды, его чешуйки тихо переливались хрустальным звоном. Однако было крайне наивно полагать, что это удивительное существо совершенно безобидно. Немало недругов познало на себе всю силу его когтей и зубов, способных без труда рассекать толстую закаленную сталь. Самого же антремина не пробивали ни стрелы, ни большинство известных чар. Если он бросался в атаку, лучшей тактикой было бежать от него без оглядки. Демоны, разумеется, так никогда не поступали, однако регулярно и расплачивались за это сполна. Всего пятнадцати футов длиной, антремин со своим всадником врывался в ряды рогатых чудовищ и расшвыривал их как кегли, нанося ужасающие раны. Если бы каждый воин в империи обладал таким животным, векстры бы десять раз подумали, прежде чем начинать вторжение. Увы, это было невозможно. Численность антреминов была невысока даже в краях обитания, так что ограничение с обязательным присутствием чародеек особо ничего не меняло. Антремины позволяли ездить на себе не только чародейкам, но кто-то из них должен был находиться неподалеку. Таким образом, гвардейский отряд мог состоять из разных людей, но в его состав всегда входила одна из могущественных сестер. Причина столь специфического требования основывалась на природе этих существ, имевшей общую основу с феями. За пределами их родной среды наличие воплощенного источника света было строго необходимо. Его продолжительное отсутствие приводило к ослаблению, а затем и исчезновению антремина, попросту растворявшегося в воздухе. У Гангронов имелись все основания не любить этих животных. Колдовство демонов-офицеров не действовало ни на них, ни на их наездников. Огненные вспышки, осьминоги и прочие порождения экспфернума причиняли им вреда не больше, чем слону дробина. Однако на этом неприятности с антреминами для крылатых чудовищ не заканчивались. Оказавшись в области воздействия Гангрона, чудесное существо реагировало на него весьма примечательным образом. Его глаза вспыхивали белым сиянием, и оно поражало источник зла двумя мощными лу-

чами, живо отбивавшими у демона охоту колдовать. Три антремина и вовсе прожигали врага насквозь, будто солнечный свет через линзу. Имперские войска, наглядно узнав о такой способности редких животных, немедленно взяли ее на вооружение. Стоило Гангронам начать собираться в большую стаю, как им на перехват выдвигались гвардейские отряды на антреминах. Поспеть везде и всюду их наездники были не в состоянии, однако массированное нападение колдующих демонов обычно удавалось предотвратить. Столкновение с участием значительного количества светоносных животных всегда складывалось не в пользу Гангронов, поэтому те убирались подальше, предпочитая переключаться на другую цель.

Таким образом, с учетом очень кстати выявившихся свойств свиристолей и антреминов, баланс сил вновь уравнялся, из-за чего обе стороны продолжали ожесточенное противоборство без ярко выраженного успеха. Правда, если не считать того, что демоны потихоньку теснили людей, вынуждая то и дело оставлять какую-нибудь область. А это продолжало сказываться не лучшим образом. Во-первых, векстры расширяли отравленную зону, что автоматически наращивало их присутствие, делая его более уверенным. Во-вторых, на месте оставленных людьми городов и селений они пытались открывать новые Разломы. Для этого им требовалось определенное количество жертв, но потери в имперских войсках регулярно поставляли необходимое количество энергии. Людям пришлось бы действительно туго, если бы их не выручили адепты Клериального колдовского течения. Эти заклинатели посвятили свою жизнь изучению чар света, предпочитая заниматься только ими, и постепенно начинали игнорировать все остальные. С одной стороны, это лишало их многих возможностей, ограниченных узко выбранной спецификой. С другой, в своем деле они разбирались действительно хорошо и добились немалых результатов. Именно Клерианцам пришла в голову мысль забрасывать Разломы концентрированным светом. Обычные заклинания были не способны сжать его в достаточной степени подобно сжиженному газу. Последователи Клерианского течения научились насыщать светом различные субстанции. Самой простой и доступной из них была вода, но Клерианцы пошли дальше. За долгие годы они опытным путем подобрали немало веществ для разнообразных условий применения. Столкнувшись с таким явлением как Разломы, заклинатели света подошли к вопросу с должной ответственностью и всеми накопленными познаниями. Итоговым продуктом стали зачарованные снаряды с жидким азотом, насыщенные ненавистной векстрам стихией дальше некуда. Огромные сферы, до отказа начиненные этим веществом, сбрасывались в демонические прова-

лы. Достигнув критической точки, они взрывались, бурно выплескивая свое содержимое. Запредельный холод значительно усиливал воздействие света, и канал в преисподнюю немедленно разрывался. Даже очень большие Разломы, образованные векстрами на месте сожженных городов, разносило в клочья. Это давало надежду, что кратер Руандаля и его окрестные вулканы удастся заткнуть точно таким же образом. Правда, там еще предстоит преодолеть толстый слой бурлящей лавы, погрузив в него сферу на достаточную глубину, но это уже дело техники. К сожалению, проверить предположение в действии пока что не получалось. Демоны надежно защищали свой главный оплот. Сброс снарядов из верхних слоев атмосферы ни к чему не приводил. Враг успевал отклонить их или даже взорвать. Содержимое сфер проливалось не достигнув цели, причиняя демонам чувствительный урон, но совсем не тот, который хотелось бы. По всему получалось, что имперской армии следовало достичь источника вторжения, чтобы сломить оборону врага и осуществлять бомбардировку прямой наводкой. А вот с этим дела обстояли неважно, поскольку люди продолжали отступать. Тем не менее, своевременное изобретение Клерианцев позволяло империи оперативно уничтожать новые Разломы, лишая векстров опорных точек и дополнительных плацдармов.

Властелин Крови больше не рисковал слишком приближаться к передовой. Никто не мог предсказать, когда и где появится архидемон. Мало кто сомневался, что это произойдет вновь. Наиболее вероятной областью считалась линия соприкосновения с прилегающими территориями. Император продолжал бывать на фронте, но теперь источал жизненную энергию из безопасного тыла, находясь не менее чем в двадцати милях от зоны активных боев. Это было не так эффективно, как личное подстегивание неукротимой атаки, зато не угрожало обезглавить империю. Властелин Крови не пускал на передовую и Триниону, не желая остаться без верной супруги и помощницы. Как и прежде, императрица исцеляла раненых и возвращала в строй уставших заклинателей, но делала это из центрального госпиталя, расположенного на одной из гражданских воздушных платформ. Впрочем, Властелин Крови все равно не мог создавать столь бурный выброс жизненной энергии непрерывно. Его силы были велики, но покрывать участок в радиусе не меньше мили долгими часами даже он оказывался не в состоянии. Императору требовался отдых, тем более продолжительный, чем значительнее он выкладывался. Однако нельзя было сказать, что армия не в состоянии обойтись без своего повелителя. Следовало признать, что выиграть войну за счет вклада одного че-

ловека, пусть даже такого как Властелин Крови, попросту нельзя. Его присутствие, вне всяких сомнений, увеличивало ударный потенциал, но если вся армия Ардариании не способна управиться с врагом самостоятельно, то один лишь император ей все равно не поможет. Само собой, Юстелий Ардарианский не отсиживался без дела. Появляясь неподалеку от наиболее напряженных боев, он восстанавливал силы тамошним армейским корпусам и заклинателям, после чего немедленно отбывал в другую область. Таким образом, его пассивное участие в сражении становилось не намного хуже активного, а по-своему даже и превосходило его в эффективности. Быстро восстанавливать боеспособность воинских соединений в разных регионах, не выжимая себя досуха, получалось куда практичнее, чем единовременный локальный натиск.

Император уделял внимание не только боевым действиям. Например, при его поддержке чародейки пытались очистить пораженные земли от яда преисподней. Пока что им это вполне удавалось, поэтому вторжение демонов до сих пор носило обратимый характер. Эксперименты с чужеродной горной системой убедительно доказали, что геологический процесс все еще не свершившийся факт, с которым придется смириться. Конечно это не означало, что с отравленными вершинами и, особенно, извергающимися вулканами удастся управиться по щелчку пальцев. Придется хорошенько потрудиться, чтобы трансформированные земли вернули себе хотя бы часть прежнего облика, однако две уничтоженные горы и очищенные от скверны долины убедительно доказали, что это реально. Однако феи предупреждали, что бесконечно долго так продолжаться не будет. Присутствие векстров в мире людей непрерывно возрастало, и создания света чувствовали это лучше кого бы то ни было. Они продолжали тускнеть и чахнуть, и ничего хорошего это не предвещало.

С самого дня гибели Руандаля император не слишком задумывался о судьбе его губернатора. Таунсторм пал жертвой собственных же ошибок и одним из первых сгорел в дьявольском котле, образовавшемся на месте прекрасного города. Туда ему, в общем-то, и дорога. Жаль лишь, что от него удалось избавиться столь страшной ценой, но ничего не поделаешь. В конце концов, вина императора лишь в том, что он доверил столь опасный секрет явно не тому человеку. А всякие щекотливые детали пусть лучше так и останутся никому не известными, чтобы почем зря не выставлять Властелина Крови в неприглядном свете.

Трудно было сказать, отчего именно император рассуждал в таком духе. Илиана чувствовала, что его гложет чувство вины, которую он отрицал даже перед самим собой, загнав ее в глубины

подсознания. Послушай он тогда Дин'Юлемиону, прерви он должным образом все поползновения касательно Липкого огня — и ничего бы этого не произошло. Но император не признавал своих ошибок. Он считал, что мог поступить не оптимально, пойдя не по самому лучшему пути, но не более. А это не одно и то же. Великое эго, выпестованное веками абсолютной власти, не позволяло ему переступить через свое я и допустить, что он тоже не непогрешим. Однако списать все только на чрезмерную самоуверенность императора не получалось. С самого начала вторжения Властелин Крови был занят массой неотложных и чрезвычайно важных дел, так что проблема Таунсторма, де-факто разрешенная сама собой, довольно быстро отошла на второй план. Кроме того, император и помыслить не мог, что произошло в Руандале на самом деле. Он искренне думал, что губернатор где-то здорово оплошал, не рассчитав могущество сил, с которыми связался, в результате чего и произошла столь ужасающая трагедия. Кстати, в определенном смысле Юстелий Ардарианский был совершенно прав, разве что находил первопричину всех несчастий не там, где она была. Он уже вспоминал о Таунсторме лишь постольку поскольку, переведя его в разряд истории, когда в один прекрасный день ему открылась мрачная истина.

Фея проводила время с Илианой, в которой последнее время нуждалась еще больше, чем девочка в ней, когда явился гонец от императора. Даже по нынешним временам это означало нечто чрезвычайное, если люди осмеливались просить ее светозарность идти и разбирать их заботы. Дин'Юлемиона нехотя оставила подопечную, поскольку чувствовала себя не лучшим образом. Сказывались события минувших двух недель. Второе появление архидемона получилось еще неожиданнее, чем первое, хотя воины и заклинатели всячески к нему готовились. Вместо Неомольфа объявился Бивилекс. Он не махал кулаками и не швырял небесные крепости, сделавшие вывод из предыдущих ошибок и серьезно изменившие тактику построения. Бивилекс не был генералом преисподней, грубой ударной силой. Он возглавлял совсем другую касту демонов. В сравнении с чародейками, он был их королевой, председателем Высшего Совета. Тем, кто лучше всех владел экспфернумом и действовал только им. Тем, кто командовал векстрами, совращавшими умы людей. Демонологи, упоминая его имя, апеллировали к тому, чья милость у них считалась наивысшей честью. Архидемон-колдун в их глазах был самой могущественной сущностью из всех известных. Разумеется, после Арферона, но имя властелина преисподней заставляло трепетать даже самых черных заклинателей, а сам он астрономически редко снисходил

до простых смертных. Объявившись на передовой, Бивилекс не нападал на солдат, не громил боевые орудия, не сжигал воздушные платформы и вообще не атаковал позиции имперских войск. Он даже появился не как Неомольф, а возник из поднявшегося огненного вихря полуразмытой, сотканной из пламени фигурой. Люди и их игрушки этого архидемона не интересовали. Испустив запредельную волну скверны, Бивилекс в лучших традициях своей сущности наслал мор на колдовских существ и животных из других миров. Горгульи каменели, утрачивая подвижность. Скромфов охватила лихорадка. Миаласы выходили из строя целыми табунами, часто даже не доживая до оказания первой помощи. Маленькие забавные свиристоли гибли тысячами. Мавригалам повезло больше. Их мор затронул довольно незначительно. Крылатые кошки в основном отделались умеренным недомоганием. Химеры же пострадали и того меньше. Зло Бивилекса совсем не коснулось лишь антреминов, поскольку создания света ему не поддавались. Феи сбились с ног, выхаживая пострадавших. Их привозили к ним сотнями тысяч. Тех, кого вообще успевали привезти. Дин'Юлемиона оставляла Илиану и улетала спасать несчастных животных и жителей других миров. Оттого-то она и выглядела все печальнее, продолжая тускнеть и слабеть. Тяжесть увиденного действовала на фей даже больше, чем нараставшее влияние векстров. Чинимое ими зло угнетало саму основу их сущности. Потому Дин'Юлемиона и искала утешения в обществе любимой подопечной, частично сглаживавшей ее гнетущее состояние. Илиана, понимала, отчего фея не брала ее с собой. Зрелище множества умирающих животных и разумных существ не для пятилетней девочки, пусть даже Принцессы Крови. Даже взрослой Илиане было здорово не по себе, наблюдая страдания несчастных созданий. Если бы не феи, спасавшие немало жизней, смертность среди них возросла бы минимум на порядок. Но отдавая силы больным, они слабели сами, отчего Дин'Юлемиона и выглядела уставшей и осунувшейся, когда за ней пришел гонец от императора. Попросив Илиану подождать, фея полетела в малый зал заседаний. Принцесса, разумеется, осталась, и при этом последовала за любимой Диной, но та не могла ее ни видеть, ни слышать, ни вообще каким-либо образом узнать о ее присутствии.

Повод, по которому император позвал ее светозарность, действительно того заслуживал. Один из ближайших сообщников Таунсторма уцелел. Тех, кто был посвящен не только в тайну Липкого огня, но и в особенности появления зловещей субстанции. Звали этого человека Отремиан. Он был довольно могущественным чародеем, относившимся к Проберианскому колдовскому течению,

но без излишнего фанатизма. Как и многие другие, к Повелителю Крови он примкнул не сумев пробиться к персоне императора, а затем мало-помалу вошел в число его доверенных лиц. Когда выяснилось, что Таунсторм способен укрывать приближенных от всевидящего ока монарха, Отремиан согласился вступить в заговор. Заговор, ставивший целью свержение Юстелия Ардарианского. Обещания Таунсторма звучали в ушах приближенных райской музыкой. Еще бы — возвыситься до ближайших сподвижников будущего правителя Ардариании! Занять место тех, кто сейчас возглавляет колдовские сеймы! Войти в элиту колдовского мира! Кто же тогда мог представить, к чему этот заговор приведет на самом деле?

Когда все пошло наперекосяк, Отремиан испугался. Его напугали не столько императорские посланцы, прибывшие опечатать лаборатории и допросить всех по поводу Липкого огня, сколько поведение сообщников и рядовых исполнителей. Особенно последних. Отремиан достаточно хорошо разбирался в теме, чтобы с первого взгляда распознать одержимость. Эти люди себя не контролировали. Пока посланцы императора занимались своим делом, одержимые спускались в подвалы и уходили в туннели под Руандалем. Отремиан, пытаясь сообразить, что происходит, проследил за их действиями и с ужасом обнаружил — они запускали процесс детонации зарядов с Липким огнем. Всех сразу. Остановить их в одиночку не было никакой возможности. Отремиан кинулся обратно в цитадель — поставить в известность круг посвященных. Кого-то не оказалось на месте, кто-то встретил чародея таким взглядом, от которого мороз шел по коже. Почти все демонологи были одержимы. Те немногие из заговорщиков, кто сохранил ясность ума, бросились вместе с Отремианом к Повелителю Крови. Они застали его в личных покоях, куда он удалился сразу после визита посланцев императора. Зрелище было незабываемым. Таунсторм стоял в круге из стены огня, а от его ног расползались в стороны светившиеся красным трещины. Все помещение покрылось знаками на неведомом языке, среди которого угадывались используемые демонологами письмена. Они выступали сами по себе, прочерчивались на полу и стенах. От них не исходил жар, однако каждый знак словно выжигал в любой поверхности глубокие дорожки. В комнате чувствовалось необычайное напряжение как в эпицентре грозового шторма, только гораздо, гораздо сильнее. Стена огня полыхала совершенно бесшумно, да и вообще вокруг не раздавалось ни единого звука, отчего происходящее выглядело еще более зловещим. Опомнившись, Отремиан и другие бросились к Таунсторму, взывая к нему тревожными криками. Тот

ничего не говорил, словно и вовсе их не слышал. Его взгляд выражал живую мысль, но был где-то очень далеко. Отремиану почудилось, что до его ушей доносится чей-то шепот, исходивший откуда-то из огненного круга. Круга холодного пламени. Холодного пламени преисподней. Чародей, встряхнув головой, силился сообразить, мерещится ему или нет, как вдруг у входа послышались шаги, а затем в покои вошли посланцы императора. Все произошло в какую-то секунду. Под ногами Повелителя Крови разверзлась заполонившая огненный круг дыра, озаренная красно-оранжевым светом. Зависнув над ней на мгновение, Таунсторм провалился в неведомую бездну.

В поднявшейся суматохе Отремиану удалось ускользнуть. Он еще не понимал что вообще творится в цитадели Таунсторма, однако становилось очевидно, что ничем хорошим дело уже не кончится. Выбравшись по потайной лестнице на посадочную площадку, чародей вскочил на первого попавшегося мавригала и рванул в небо, уносясь прочь из города. Обернувшись, он увидел, как на посадочную площадку выбегают какие-то люди. Обернувшись еще раз, Отремиан стал свидетелем того, как цитадель обуяло пламя, а сама она погрузилась в огненный ад. Последовавшая затем гибель Руандаля навсегда отпечаталась в его памяти мучительным кошмаром, а крики погибающих жителей будут преследовать его до конца жизни. Уносившегося за горизонт Отремиана всего трясло. Он бежал без оглядки, подгоняя и без того несущегося во всю прыть мавригала, и уже не видел во что превратилась прекрасная столица Асталийской провинции.

Все случившееся держало чародея в животном страхе. Укрывшись далеко на севере, он влачил жалкое существование, боясь справедливого возмездия. Возмездия и сам не понимая за что. Да, Отремиан участвовал в заговоре против императора и был свидетелем разговоров Таунсторма с тем существом в Оке. Только все остальное происходило как в дурном сне и закончилось чем-то поистине ужасающим. Впрочем, нет, не закончилось. Судя по новостям, которые осмеливался узнавать беглый чародей, ненадолго вылезая из своего убежища, дальнейшие события разворачивались весьма удручающим образом, постепенно затрагивая всю империю. Первое время Отремиан боялся, что его схватят. Выследят, схватят и заставят отвечать за содеянное. Он шарахался от каждой тени и выходил к людям лишь по необходимости, прикидываясь удалившимся от дел отшельником. Чародей даже не догадывался, что его нехитрый обман давно бы раскрыли, если бы кому-то действительно было для него дело. Первые недели он прожил как в аду, страшась неминуемого возмездия. Затем, мало-помалу,

стал успокаиваться. Дрожь в пальцах унялась, в голове прояснилось. Нервная горячка, бившая его особенно сильно по ночам, отступила. Приведя в порядок мысли, чародей стал соображать куда лучше. Следующие несколько недель он провел в тягостных раздумьях.

Отремиан сдался страже добровольно, желая сообщить о причинах вторжения. На сей шаг его сподвигло раскаяние, а также сожженный родной городок, до которого добрались продолжавшие натиск демоны. Важность известия довольно быстро провела чародея по всем инстанциям, и вот он, наконец, предстал перед очами самого императора и его советников. Рассказал все как на духу тому, против кого принимал участие в заговоре.

Этот рассказ императору очень не понравился. Слушая преступного чародея, он несколько раз менялся в лице. Таунсторм мог прятать от него чувства людей! Немыслимо! Все это время губернатор не только искусно имитировал смирение и преданность, но и наловчился создавать их иллюзию у других! То-то императору порой казалось, что одно не совпадает с другим. Что глаза подсказывают ему совсем другое. Увы, Юстелий Ардарианский доверял в первую очередь своему чутью. Элементарная логика делала выбор в пользу уникального дара. Проклятье, если бы он только знал!.. Хватаясь за голову, император понимал, что упустил несколько возможностей не допустить столь критического развития ситуации. Предупреждение феи, коварство губернатора, недостаточно серьезная реакция, когда стали поступать подозрительные вести о производстве Липкого огня… Обводя взглядом беглого чародея, Юстелий Ардарианский спрашивал себя, не лжет ли этот человек? Ведь до этого, получается, императора уже неоднократно обманывали. Но нет, он говорил правду. Говорил правду, потому что действительно этого хотел и потому что так ему велел император. От его воли противоядия не было, и сопротивляться ей никому не удавалось, исключая других Повелителей Крови.

Фея слушала чародея довольно спокойно, ни разу не прервав его повествование. Тот даже не понял кто эта женщина, приняв ее за важную чародейку. Лишь слова императора пролили свет на ее подлинную сущность.

— Ну, ваша светозарность, что вы об этом думаете? — осведомился Властелин Крови, когда чародей закончил излагать события.

Отремиан затрепетал, сообразив, кто находится рядом с ним и отчего у этой женщины радужная оболочка глаз похожа на лепестки цветов. Гнев императора уже не так его страшил, но очутиться перед феей после всех заигрываний с векстрами стало новым душевным потрясением. Чародей задрожал и потупился.

— Я помню тебя. Ты стоял в заднем ряду во время аудиенции в тронном зале, — произнесла Дин'Юлемиона
— Да, госпожа, — сглотнув, ответил Отремиан.
Он понятия не имел, как наказывают феи за содействие векстрам, и боялся неизвестности. Однако голос ее светозарности звучал на удивление ровно, без всяких признаков гнева. Чародей осмелился поднять голову и встретил взгляд феи. В нем была только печаль и никакого намека на злость или, хотя бы, презрение. Впрочем, нет, не только. Кажется, в нем еще была жалость. От этого Отремиану окончательно стало не по себе. Он предпочел бы пинки и оскорбления.
— Почему ты все-таки решился обо всем рассказать? — спросила ее светозарность.
— Я надеялся, что все уляжется само собой. Что демонов прогонят обратно в преисподнюю, а обо мне так никто и не вспомнит, — помедлив, отозвался чародей. — К сожалению, с каждым днем мои надежды таяли. Новости, которые мне сообщал один из служащих того маленького городка, в окрестностях которого я скрывался, говорили о том, что империя проигрывает в начавшемся противостоянии. И что о его причинах до сих пор никто не знает. Разумеется, простого служащего могли не посвятить в государственную тайну, если истинную причину вторжения решили засекретить. Я осмелился написать двум своим знакомым, которые наверняка были бы осведомлены о происходящем. Их ответ окончательно уверил меня, что о событиях в Руандале, приведших к появлению армии демонов, никто и понятия не имеет. И я осознал, что больше молчать нельзя. Зная правду, лучшие умы империи попробуют найти способ остановить весь этот кошмар.
— А правда в том, что вы заключили сделку с дьяволом для того, чтобы занять мой трон! — гневно изрек император.
Если бы его взгляд мог испепелять, преступный чародей уже превратился бы в угольки.
— Это только в грубом приближении, — заметила фея. — Я надеюсь, мы все сейчас одинаково хорошо поняли этого человека, чтобы разночтением причин еще больше не усугубить ситуацию.
— Разве? А как вы считаете? — быстро остыл Юстелий Ардарианский, переведя взор на Дин'Юлемиону.
Фея располагалась справа от венценосной четы, сидя рядом с двумя самыми могущественными чародейками в мире, не считая нескольких старших сестер из Высшего Совета на Великом Архипелаге. Всего за большим полукруглым столом собрались наиболее влиятельные люди империи. Во всяком случае, на время военных действий. Допрашиваемый чародей стоял внутри полукруга на-

против кресел Юстелия Ардарианского и Тринионы.
— Отремиан, сформулируйте, пожалуйста, отдельно и по возможности наиболее четко, о чем именно Таунсторм договаривался с тем старшим векстром. Возможно, для некоторых из нас точный смысл этой сделки укрылся внутри вашего повествования, — вместо ответа сказала фея.
— Таунсторм хотел избавиться от императора. Архидемон убедил его, что этого недостаточно. Что ему следует покончить со всеми Повелителями Крови, каковыми также являются жена и дочь его величества, иначе нет смысла затевать переворот, — подумав, сообщил чародей.
— Что было потом? — мягко спросила Дин'Юлемиона, подняв свою изящную тонкую руку.
Когда она так делала, никто не осмеливался ее перебивать, даже сам император.
— Потом он убедил Таунсторма принять все сопутствующие жертвы, которые архидемон собирался взять себе в качестве платы, — глухо отозвался Отремиан. — В конце концов, Таунсторм согласился, хотя их заведомое число демон под разными отговорками так и не назвал. Кажется, теперь понятно, почему.
— И последнее. Как я понимаю, вы присутствовали во время всех разговоров через Око. Когда заключалась сделка, произошло что-нибудь необычное? — в голосе феи послышалось едва заметное напряжение.
— Этого никто не знает, — без запинки сообщил чародей. — Тогда был единственный сеанс, который Таунсторм провел с архидемоном с глазу на глаз. Архидемон мотивировал это невозможностью раскрыть тайну Липкого огня кому-нибудь кроме Таунсторма.
— Благодарю вас, Отремиан. Полагаю, ваш рассказ соответствует истине и поможет справиться с происходящим. Также полагаю, что император проявит к вам снисхождение за честность и раскаяние, — закончила расспросы Дин'Юлемиона.
В зале заседаний установилась тишина, нарушаемая только урчанием голубей за окном да хлопаньем крыльев пролетавших снаружи животных. На ее фоне торопливые шажки свиристоля, перебиравшегося с места на место, казались дробным топотом. Присутствующие переглядывались с той или иной степенью смущения и растерянности. Никому не хотелось показаться глупцом. Судя по тому, как ее светозарность подвела черту, она все поняла, в то время как про остальных утверждать то же самое не приходилось. Помалкивал даже император, не желавший публично демонстрировать недостаток своей общеизвестной мудрости. Положение спасла Триниона.

— Прошу вас, ваша светозарность, не соблаговолите ли вы дать мне свои пояснения? Я не обладаю столь же острым умом как мой супруг, поэтому мне все еще многое непонятно, — чарующе бархатистым голосом произнесла она, обращаясь к фее. — Если вас не затруднит, изложите, пожалуйста, все своими словами, иначе боюсь, что я так и останусь в неведении.
Фея, встретившись взором с императрицей, улыбнулась ей в ответ. Она не могла отказать матери своей любимой Илианы.
— Хорошо, если вы хотите, я объясню вам, как все произошедшее представляется лично мне, — кивнула Дин'Юлемиона.
По залу заседаний прокатился тихий облегченный вздох, а император благодарно сжал руку супруги. Однако настроение людей резко ухудшилось, когда фея изложила свою трактовку событий.
— Таунсторм считал, что его устранение императором неминуемо, — негромко говорила она в звенящей тишине. — Желая спасти свою жизнь, от отчаяния он обратился к таким силам, к каким прежде никогда бы не пошел. Те же только того и ждали. Им нужен был такой, как Таунсторм, чтобы воплотить собственные замыслы. Закинув ему наживку, предводитель векстров малопомалу убедил его согласиться на все поставленные условия. Чувствуя себя в патовой ситуации, губернатор внял коварным речам демона и заключил договор на якобы взаимовыгодных условиях. Стоит заметить, что только тогда сеанс связи состоялся без свидетелей. Ведь прежде Таунсторм никогда не оставался с Оком наедине, небезосновательно опасаясь какой-нибудь коварной ловушки со стороны собеседника. Предводитель векстров не желал, чтобы при заключении сделки присутствовали посторонние, и придумал для этого подходящий аргумент. Точное содержание договора осталось тайной за семью печатями. Однако его основа нам известна — векстры обязались погубить императора и его семью. Что же касалось Липкого огня, то он, как и утверждал предводитель векстров, стал лишь средством. Трудно сказать, контролировал ли ситуацию Таунсторм на последнем этапе исполнения, когда векстры захватили разум всех причастных демонологов, чтобы взорвать заряды Липкого огня. Полагаю, нет. Полагаю, внимая речам предводителя векстров, он утратил контроль над развитием событий гораздо раньше. Коварный враг убедил его начинить новой смесью все тоннели под городом. Потом достаточно было бы заманить в Руандаль семью императора — и дело в шляпе. Где бы ни оказались венценосные гости, под ними хватило бы Липкого огня, чтобы осуществить убийственный замысел. В любом случае, теперь мы вряд ли об этом узнаем, поскольку недостающие части мозаики Таунсторм унес с собой в преисподнюю. Ведь именно ту-

да он и сбежал, когда за ним пришли посланники императора. Или его забрали. Как бы там ни было, на месте Руандаля открылся огромный Разлом. Его размеры позволили сразу же начать интенсивное вторжение, которое в противном случае империи удалось бы задавить в зародыше. Это заставляет меня утвердиться в мысли, что предводитель векстров задумал гибель огромного города с самого начала, а все его рассуждения преследовали цель лишь заморочить Таунсторму голову. Легионы преисподней явились выполнить условия договора и не уйдут, пока живы император, его жена и его дочь.

Когда фея закончила, Властелин Крови встряхнул головой, словно сгоняя охватившее его наваждение. До сих пор он опасался предстать в дурном свете из-за своего намерения избавиться от Таунсторма. Намерения, в конечном счете и спровоцировавшего катастрофу. Теперь же выяснилось, что в сравнении с истинными причинами вторжения это были сущие пустяки. Однако вопросы все еще оставались, и здесь Илиана была с отцом согласна. Фактически, его уста изрекли то, что она желала бы спросить у феи сама.

— Мы все, безусловно, доверяем вашему мнению, ваша светозарность, — произнес Юстелий Ардарианский после обсуждения сказанного Дин'Юлемионой со всеми присутствующими. — Однако мы никак не можем понять, отчего ничего подобного не случалось прежде. Сомневаюсь, что до сих пор никто не желал моей смерти и не обращался по этому поводу к демонам.

— Разумеется, обращались, — тихо отозвалась фея. — Но векстрам не так-то просто проникнуть в другие миры, в том числе и ваш.

— Но тогда почему получилось на этот раз? — продолжали недоумевать Илиана и император.

Дин'Юлемиона вздохнула. Мысленно она поклялась вырастить Принцессу Крови человеком совсем другого уровня и посвятить ее во все тайны мироздания, которые способны будут вместить ее тело и разум. Илиана ощутила эту клятву, овеявшую ее теплом и решимостью.

— Одно потянуло за собой другое. В этом и состоял план предводителя векстров. С помощью Липкого огня он сумел получить достаточно жертв, чтобы открыть ОГРОМНЫЙ РАЗЛОМ. Настолько огромный, что его не успела заткнуть даже великая Ардарианская империя. Но тайну этого вещества доверить абы кому он не мог. Не потому, что не хотел, а потому что ее уровень был настолько велик, что немедленно и необратимо повредил бы любой человеческий разум. Знания преисподней никому не даются просто так. На все и везде существуют определенные ограничения. Разум По-

велителей Крови превосходит разум обычного человека. Вам же прекрасно известны их удивительные способности к обучению. Также Повелители Крови владеют уникальной возможностью самовосстановления. Они могут пережить вред, который убил бы любого другого. Таунсторм, заключив договор с предводителем векстров, узнал секрет Липкого огня и передал его подчиненным, поскольку это уже не относилось к прямым контактам с преисподней. Таким образом, предводитель векстров добился того, чего дожидался давным-давно, — опустив ресницы, неторопливо объяснила Дин'Юлемиона.
— Но почему именно Таунсторм? — помедлив, уточнил император.
— Технически, векстрам подходил любой Повелитель Крови. Проблема заключалась в том, что они не шли на контакт. Давайте быть честными — вы загнали Таунсторма в угол. В страхе и отчаянии он решился на такое, что до сих пор считалось невозможным, — тихо ответила фея.
— Почему невозможным? — машинально спросил император.
— Именно потому, что он был Повелителем Крови, — изрекла ее светозарность, окончательно сбив с толку вообще всех присутствующих в малом зале заседаний.
— Простите, ваша светозарность, но мы не понимаем, — взмолилась императрица, к которой присоединились все чародейки.
— Суть кроется в самом происхождении Повелителей Крови, — помедлив, нехотя произнесла Дин'Юлемиона, сделав над собой видимое усилие. — Вы действительно этого не знаете. Никто из вас. Вообще никто из людей. Возможно, и я не вправе говорить об этом, как никогда не говорили другие. Но ввиду чрезвычайных обстоятельств…
Она умолкла и, вероятно, все-таки не произнесла бы более ни слова, если бы не Триниона.
— Прошу вас, ваша светозарность, если вам есть что сказать — не держите нас в неведении. Хотя бы ради моей дочери, которой вы оказали честь своим покровительством, — произнесла она таким проникновенным голосом, что никого не оставила равнодушным.
— Если ей угрожает опасность, я хочу сделать все, чтобы защитить ее, даже если мне придется отдать за нее жизнь!
— Вы знаете, откуда появились чародейки и откуда, таким образом, происходит их дар. Дар Повелителей Крови происходит от люмеан, некогда наделивших их частичкой своего первозданного света. В Илиане он выражен сильнее всего, отчего я и согласилась стать ее покровительницей. И я не позволю векстрам до нее добраться. Не они зажигали этот свет, не им его и задувать, — с какой-то тихой торжественностью изрекла фея.

Ее слова произвели ничуть не меньший шок, чем весть о причинах вторжения демонов. О последнем, впрочем, никто не забыл, поэтому когда первое потрясение улеглось, собрание кое-как вернулось к исходной теме.
— Стало быть, теперь, когда основа и цель нападения врага ясны, вопрос заключается в том, как нам правильно ему противостоять. А это напрямую проистекает из того, хватит ли у архидемона сил выполнить обещанное, — произнес император.
— Хватит, — сообщила мрачная дальше некуда Дин'Юлемиона.
— Почему? — осторожно осведомился Властелин Крови.
— Отремиан, как зовут архидемона, с которым Таунсторм заключил договор? — неожиданно обратилась фея к беглому чародею. — Я ведь не случайно называла его предводителем векстров, только никто не обратил внимания, полагая, что это синонимы. До сих пор вы избегали упоминать его имя, страшась возможной мести. Император велел вам говорить правду, но вы обходили его волю, пользуясь отсутствием прямого вопроса.
— Арферон, — потупившись, выдавил чародей.
Присутствующие испытали очередной шок. Все услышанное сегодня грозило подорвать их душевное здоровье.
— Таким образом, вынуждена констатировать, что Ардарианской империи противостоит не какой-то отдельный архидемон со своими приспешниками, а вся преисподняя, — размеренно сказала Дин'Юлемиона, хотя предпочла бы никогда в жизни не произносить этих ужасных слов.
— Мы сможем их остановить? — тихо спросила императрица.
— Не знаю, — честно сказала фея, чувствуя, как сжалось ее сердце. — Правда не знаю. Давайте сделаем все возможное.
Говоря так, она действительно не могла предсказать чем закончится это противостояние. Она не хотела давать ложных надежд, вселяя в людей уверенность, которой отнюдь не испытывала, но и не считала, что все заведомо потеряно. Власть векстров не безгранична. Их останавливали раньше, будут останавливать и впредь. Вопрос заключался лишь в том, удастся ли это сделать сейчас. Ардарианская империя находилась на пике своего развития, обладая огромной армией и очень могущественными заклинателями. Но она не сможет тягаться с преисподней, если Арферон продолжит наращивать присутствие векстров в мире людей. Если не прервать этот процесс пока он не достиг критической точки, победить демонов в лоб станет попросту невозможно.

Так думала Дин'Юлемиона, покидая малый зал заседаний и возвращаясь к юной принцессе. Увы, Илиана уже знала, что худшие опасения Дины подтвердятся. В одно печальное утро на гори-

зонте Сангвитории показался дым пламенеющих легионов.

– 4 –

В императорском дворце ничего особенно не изменилось. Жизнь шла своим чередом. Вельможи, чиновники и военные приходили и уходили, принимали участие в заседаниях и выполняли свои обычные обязанности. Разве что личные покои императрицы теперь по большей части пустовали, если не считать рабочего кабинета. В остальном везде царило привычное оживление, не шедшее на убыль даже ночью. Сердце империи пульсировало круглые сутки, ни на час не усмиряя своего биения. Со всех сторон туда стекались вести, люди и грузы, а в обратном направлении по дорогам и по воздуху уносились бесчисленные курьеры и повозки. Воздушное сообщение использовалось все чаще. Не успели стать привычными миаласы и мавригалы, как чародейки наловчились составлять целые грузовые поезда, подчас превращавшиеся в длинную вереницу площадок подобно каравану верблюдов. Порой в небе неторопливо скользил целый холм, сложенный из всякой всячины. Его основание составляла зачарованная платформа, а сверху перевозились совершенно разные товары от мешков с зерном до гранитных и мраморных блоков. Последние теперь использовались в основном по военному назначению, поскольку строительство гражданских объектов было приостановлено. Исключение не сделали даже для дворца вице-королевы. Талара вполне обходилась своими покоями возле покоев Илианы, а воздвигнуть собственные хоромы еще успеется — не до того сейчас. Возглавив империю на период отсутствия подруги, она отнюдь не собиралась пользоваться полученными привилегиями и даже заморозила часть запущенных Илианой процессов, касающихся ее персоны. Все ресурсы огромного государства шли на войну, и Талара считала недопустимым растрачивать их на роскошь и бытовые нужды. Крупные празднества она также не поощряла. Гражданам не воспрещалось отмечать что-либо за собственный счет, но государственное участие на период военных действий исключалось. Салюты, маскарады, накрытые столы, увеселительные мероприятия и прочие атрибуты особых календарных дней, столь часто появлявшиеся в мирное время, теперь не финансировались империей и даже не планировались. Праздник настанет, когда свалившееся на мир бедствие закончится, а до тех пор не стоит почем зря расхолаживаться. Пока вино льется рекой, взмывают разноцветные ленты и поднимаются заздравные чаши, непримиримый враг не теряет ни минуты. Враг, с которым нельзя договориться и заклю-

чить перемирие. Враг, который не примет даже безоговорочную капитуляцию. Но капитулировать никто и не собирался. Талара, приняв бразды правления, прилагала все усилия, чтобы империя достойно встречала полчища рогатых чудовищ, отправляя их туда, откуда они явились. Не только империя. Гелиондара и Пардионика должны были объединиться, чтобы раз и навсегда покончить с вторжением, и вице-королева из кожи вон лезла, чтобы воплотить мечту своей подруги. Да и свою тоже. Еще ее отец, Гийюр ад-Сейдин, видел Железные земли основой будущей империи, которая однажды вберет в себя весь Восток и обратит взор на Запад. Фолькон в лице маркиза дю Бренталя, герцога Шеронского, внебрачного сына короля Лонгобарда XII, выглядел отличным союзником, способным положить начало поистине великой династии и великому государству. Так и произошло. Ну, не совсем так, как виделось хану, но империя действительно образовалась, пусть и не оттуда, откуда он хотел, а дю Бренталь и впрямь стал ее вернейшим другом, и в первую очередь для принцессы Железных земель. А, кстати, вот и он! Отложив перо, Талара обернулась, заслышав знакомые шаги. Она предпочитала работать в кабинете Илианы, сооруженном по последнему слову инженерной и колдовской техники. Перед своим уходом в Последний Приют императрица настроила оборудование на вице-королеву, чтобы та могла эффективно пользоваться всеми инструментами. Но в остальном покои Илианы оставались нетронутыми, разве что Талара бывала на балконе. Все-таки личное есть личное. У Талары есть свои апартаменты. Трогать вещи подруги и вторгаться в ее индивидуальное пространство она считала неприемлемым. Как говорится, чувствуй себя как дома, но не забывай что в гостях.

— Тали, извини, что беспокою, но есть дело, — сообщил дю Бренталь, объявившись на пороге кабинета.

Вице-королева проводила время за составлением планов на ближайшие три дня, записывая все соображения аккуратным витиеватым почерком. Рядом с ней стоял поднос с чайником и чашками, которыми она то и дело пользовалась. Сервировку дополняли вазочки с сухофруктами, конфетами и печеньем. Вице-королева не относила себя к сладкоежкам, но сладости помогали ей думать, и можно было частенько наблюдать, как она, размышляя, сосредоточенно грызет какую-нибудь вкуснятинку.

— Даже не сомневаюсь, — усмехнулась Талара, отодвигая исписанные листы бумаги. — Выкладывай, что там у тебя.

Реплика, несмотря на шутливость, имела под собой очень даже серьезную основу. Вице-королева умела разделять личные симпатии с государственными делами. Маркиз был ее другом, дове-

ренным лицом и будущим мужем, но империей правила Талара. Дю Бренталь представлял собой ценнейшего союзника и хорошего военачальника, но главой государства мог быть только один человек, и им Илиана назначила принцессу Железных земель. Талара старалась оправдать оказанное ей доверие. Дю Бренталь, несмотря на всю их близость, участия в управлении страной не принимал. На заседаниях совета вице-королева прислушивалась к нему так же, как и к другим, и выраженного приоритета не отдавала. Разумеется, если речь не шла о судьбах Фолькона и иже с ним, где герцог Шеронский имел преобладающее право голоса. В остальном Талара не позволяла личным эмоциям взять верх над чувством долга и голосом разума. Никто не мог вмешиваться в проводимую ей политику, будь то муж или отец. Поначалу дю Бренталя такое положение вещей удивляло и даже обижало. Он рассчитывал, что разделит все дела будущей жены и был несказанно озадачен, когда она открывала перед ним двери своего будуара, но при этом не пускала за порог рабочего кабинета. Однако дулся он на Талару недолго. С подлинно женским искусством увещевания та усмирила своего энергичного рыцаря, ловко сочетая обольщение и дипломатию. Уроки Илианы не прошли даром. Горячие объятия вице-королевы принадлежат только ему, но кому как не королевскому сыну понимать, что в стране должно быть единоначалие. В противном случае ее начнут раздирать всевозможные страсти, порожденные слабостями правителя и прихотями его фаворитов. А вот только этого сейчас и не хватало, когда империя, не успев родиться, переживает столь тяжелый период своей истории.

Хорошенько обработав любимого герцога, Талара под конец отправила его к отцу, составив родителю секретное послание. Ад-Сейдин, возглавляя армию Железных земель, продолжал завоевывать себе славу, вновь распространившуюся далеко за пределы империи. Его войска, удвоившись в численности за счет пополнений и резервов, были вооружены по последнему слову техники. Он достиг немалых успехов на поле брани и вернул себе звание великого полководца, однако никогда не забывал свое место и даже не помышлял оспаривать власть собственной дочери. Строго наоборот — он всячески блюл ее интересы, и худо приходилось тому, кого хан уличал в отсутствии лояльности короне. Получив письмо Талары, ад-Сейдин принял маркиза и практически зятя с распростертыми объятиями. Дю Бренталь вышел из них совсем другим человеком. Авторитет хана Гийюра был не пустым звуком даже на Западе, и уж кто-кто, а он хорошо разбирался в государственных делах и в том, как следует править огромной страной. Герцог хорошо усвоил, что либо он и Талара станут делить власть, и тогда

империю в лучшем случае ждет посредственное будущее, либо кому-то придется уступить, и в этом случае страна обретет подлинное могущество. Причем лишь последний вариант развития событий не только объединит Гелиондару и Пардионику, но и прочно удержит их вместе. Быть мужем императрицы и сидеть рядом с ней на троне не то же самое, что быть императором самому. Вернется Рубистелла или нет — суть от этого не меняется. Алой звезде нужда надежная правая рука, каковой Талара не сможет стать, если начнет путать сердечные дела с государственными. И дю Бренталь никогда не будет левой рукой, пока не научится тому же. Талара и Арман могут и должны идти по жизни рука об руку, но главным в империи может быть лишь кто-то один.

Выслушав речи человека, которого он уважал не меньше своего отца, герцог нашел в себе силы усмирить тщеславие и принять власть собственной жены. Формально будущей, поскольку бракосочетание еще не состоялось, но кольцо уже прочно сидело на пальце, а искусные мастерицы вовсю вышивали вещи двойным супружеским вензелем. Таким образом, Талара действительно знала, что Арман явился к ней по какому-то важному поводу, поскольку беспокоить ее в рабочем кабинете ни по каким другим вопросам было нельзя.

Усевшись подле стола царственной нареченной, теперь носившей корону целой империи, дю Бренталь не стал ходить вокруг да около. Его права на Талару проявились лишь в том, что он позаимствовал с подноса горсточку сухофруктов.

— Есть дело. Точнее, даже два, — сообщил он под внимательным взглядом вице-королевы.

— Чаю? — спросила та, показав на поднос.

Герцог предпочел бы что-нибудь покрепче, но кивнул. Приняв от Талары чашку, он невозмутимо достал плоскую серебряную флягу и налил в чай ложечку отменного коньяка. Полученная смесь устроила его гораздо больше. Глотнув, он одобрительно крякнул и зажмурился, наслаждаясь растущим в груди теплом.

— Что, ты и твои рыцари еще не весь эль в Тал-Амине вылакали? — усмехнулась Талара, наблюдая за этими манипуляциями.

Суженый периодически устраивал со своими офицерами шумные попойки, но всегда держал себя в руках и за рамки не выходил, поэтому вице-королева относилась к его мужским забавам снисходительно.

— Как ты хорошо знаешь, у меня в армии есть могучие рыцари, которые бьются как львы именно когда пьяны в стельку. К ним тогда лучше и близко не подходить. Очень многие враги сделали ошибку, сочтя их нетрезвость за проявление слабости, но они уже

никому об этом не расскажут, — заметил дю Бренталь. — Кстати, демоны тоже хлебнули от них сполна.
— Знаю, — кивнула Талара. — Помнится, эти доблестные рыцари действительно сокрушили немало демонов, но вместе с ними разнесли в щепки и батарею наших тяжелых орудий, с пьяных глаз приняв их за воплощение самого дьявола.
— Долго ты еще будешь об этом вспоминать? — скривился герцог.
— Я тогда принял меры для того, чтобы подобное впредь не повторилось.
— Так, выкладывай, зачем пришел, — миролюбиво предложила вице-королева.
— Дело в нашем рогатом друге, который томится в секретном подземелье. И я не имею в виду кого-то из своих рыцарей, кому изменила жена, из-за чего он наломал дров и угодил под арест, — заявил дю Бренталь.
— А что с ним не так? — живо насторожилась Талара.
На период своего отсутствия Илиана доверила подруге не только трон, но и беса, носившего с трудом произносимое имя Зильберд-рейнуаг-рен-Дег. Собственно, именно поэтому его никто и не произносил, ограничиваясь сокращением Зиль, неизменно приводившим младшего демона в немалое раздражение.
— Чародейки говорят, что не знают, сколько он еще протянет. Чахнет, паршивец, на глазах, — сообщил герцог, жуя сухофрукты после еще одного глотка чаю с коньяком.
— Я в курсе, — озабоченно кивнула Талара. — Если Илиана в ближайшее время не объявится, придется принимать меры, иначе бес и впрямь околеет, а это слишком ценный экземпляр, чтобы вот так им разбрасываться.
— Вот я и подумал: нельзя ли устроить ему свидание с клериками? Литореус меня уже достал своими просьбами взглянуть на пленного врага. Он едва пережил известие о том, что в императорском дворце обитает живой бес, и с тех пор изводит меня желанием изучить это исчадие ада поближе, — сказал дю Бренталь. — Я вообще не понимаю, на кой ляд его поставили в известность о существовании Зиля, но если сейчас не удовлетворить просьбу прелата, позднее она может стать неосуществимой. Буквально давеча он опять просил меня похлопотать за свой интерес у твоего величества. Уж коли ты поставила меня своим доверенным лицом на Западе и сделала ответственным за контакты с клериками, передаю тебе его прошение.
С этими словами дю Бренталь сунул вице-королеве свернутый пергамент, запечатанный личной печатью Литореуса.
— О бесе рассказала ему я, и сделала это по указанию Илианы, —

неторопливо произнесла Талара, ознакомившись с содержанием бумаги. — Илиана посчитала, что лучше Литореус узнает о нем от нас, нежели вдруг самостоятельно выяснит, что во дворце ходил с подносом самый настоящий бес, в то время как империя с демонами вроде бы воюет и пытается заручиться помощью клериков. Доверие прелатов было бы серьезно подорвано, а так Литореус хоть и испытал немалое потрясение, однако сумел смириться с необходимостью наблюдения живого врага для пользы дела. Честность, как и предсказывала Илиана, стала лучшим оружием, просто для нее следовало выбрать наиболее подходящее время. Однако ты прав. Если Зиль окочурится, предъявить нам будет нечего и у прелата появятся все основания на нас обижаться. Если же бес сбежит, то и тем более. Только я пока не знаю как обставить их встречу. А ну как Литореус от избытка чувств шарахнет по бесу заклинанием света? Илиана мне такую головомойку устроит!
— Эбби не видит в этом препятствий. На Литореуса надо нацепить мощный Нейтрал, чтобы почтенный прелат случайно не нарушил обещания воздержаться от членовредительства. Беса же следует держать за прозрачной стенкой, не давая ему добраться до зоны свободной от заклинаний, — сообщил дю Бренталь и живо выложил подробности гипотетического свидания.
Клерик и впрямь надеялся лицезреть одного из врагов рода человеческого, чтобы задать ему несколько вопросов. Даже до закоснелого фанатичного прелата дошло насколько это уникальный случай, ведь благодаря приказу Принцессы Крови бес, хоть и крайне неохотно, но все же снисходил до беседы с приходившими к нему людьми. Кроме того, Литореус желал получить образцы крови и тканей живого демона, но эту его просьбу чародейки уже удовлетворили в полном объеме.
— Что-то ты слишком подкован в вопросах содержания беса. С чего это вдруг Эбби столь подробно посвятил тебя в такие тонкости? — заметила Талара.
— Эбби как никто другой отлично знает, чем грозит бесу продолжительное отсутствие Илианы, — заметил дю Бренталь. — Ты же в курсе, я же только что из Абериджа. Обсуждал с Эбби особенности новой экипировки для моих рыцарей. Клянусь, они будут в восторге!
— Ближе к делу, дорогой, ближе к делу. Я узнаю руку этого хитреца и подозреваю, что все сказанное тобой лишь прелюдия, — мурлыкнула Талара, прищуриваясь на суженого.
— Так что с бесом? Что мне передать Литореусу? — осведомился герцог, излишне внимательно занимаясь чаем.
— Я все устрою. Передай ему, что он получит долгожданное сви-

дание и даже сможет прихватить с собой пару других клериков из числа лояльной нам партии, — подумав, изрекла Талара. — А теперь давай говори что там на уме у Эбби! — добавила она повелительным тоном.
— Да собственно, ничего, — мотнул головой герцог. — Просто он слегка обеспокоен и просил кое-что тебе передать. Это и есть мое маленькое второе дело.
Вице-королева живо навострила уши. Уставившись на дю Бренталя, она олицетворяла немой вопрос, на который лучше бы поспешить ответить.
— Это касается Сирелины, — произнес герцог и немедленно растерял всю уверенность в себе, заметив, как блеснули глаза Талары. Ее пальцы забарабанили по столу, а она подозрительно спокойным тоном предложила ему продолжать. Это напускное спокойствие было дю Бренталю хорошо знакомо. Оно напоминало тихий залив, на чьих подводных рифах разбилось немало опрометчиво сунувшихся туда кораблей.
— Сирелина уже несколько дней не выходила на связь, — продолжил дю Бренталь, начиная чувствовать себя явно не в своей тарелке. — Эбби говорит, что волноваться пока не о чем, и что она наверняка скоро даст о себе знать, однако хотел, чтобы ты как наместница императрицы была в курсе.
— И поэтому он не сообщил мне об этом лично, хотя Конту-Фенеструм работает вполне себе исправно, а заслал тебя, — ласково улыбнулась Талара.
Герцогу очень даже нравилось, когда его избранница улыбалась, но сегодняшний раз входил в число исключений. На его фоне ощутить себя в прицеле целого десятка арбалетов выглядело как-то уютнее.
— Просто Эбби не хотел почем зря тебя беспокоить и счел, что вполне может передать сообщение со мной, пока и ты и он занимаетесь важными делами, — пояснил дю Бренталь.
— Да неужели? — приятно удивилась вице-королева. — А мне кажется, что дело обстоит несколько иначе.
— И как же? — осведомился герцог, и немедленно об этом пожалел.
Гибкой пантерой Талара перемахнула через стол и плюхнулась ему на колени, но отнюдь не для того, чтобы выразить любовь и нежность. Ее ладони охватили светловолосую голову рыцаря королевских кровей, а острые коготки чувствительно впились в затылок. Объятия Талары напоминали кошачью хватку, вырваться из которой можно было только ценой глубоких царапин в собственной шкуре.

— Думается мне, дорогой, что хитрый Эбби просто подставил одного бронированного балбеса под удар, заведомо зная, что я его не придушу. Сам же отправился туда, откуда связь со мной в принципе невозможна, — изложила свою версию Талара, приблизив лицо к лицу дю Бренталя.
В руках своей властной амазонки герцог вел себя как котенок, поэтому даже не возмутился столь бесцеремонному обращению. Кроме того, сопротивляться все равно не стоило, поскольку он хорошо знал всю силу хватки тренированных рук Талары. Обрученная парочка по-прежнему упражнялась в поединках, и герцогу регулярно доставалось от подруги своего сердца. Впрочем, к чести доблестного воина следовало отметить, что вообще мало кому было по силам тягаться с той, чьи способности многократно развила Принцесса Крови.
— Любовь моя, ты слишком бурно реагируешь! — воскликнул герцог, чувствуя, как коготки все чувствительнее впиваются в кожу.
— Есть только одна причина, по которой Эбби мог надолго уйти в Трансталл, поставив меня в известность таким вот образом, — неторопливо произнесла вице-королева.
Она выпустила дю Бренталя, и тот с облегчением вздохнул, однако выяснилось, что весьма преждевременно. Перескочив ему за спину, Талара произвела захват, и герцог почувствовал, что ему начинает недоставать кислорода.
— Тали, прекрати свои шуточки! Ты же меня прикончишь! — просипел краснеющий дю Бренталь.
— А ты не делай из меня дуру! — сердито заявила та, усиливая нажим. — А ну живо признавайся что произошло в Аберидже! Если с Сирелиной что-то случилось, Илиана с меня шкуру спустит! Да я и сама себе не прощу!
— Эбби говорил, что волноваться еще рано и что он все уладит, — кое-как выдавил герцог.
— Что уладит?! — воскликнула Талара. — Арман, если ты сейчас же не сознаешься что там случилось у Эбби, пеняй на себя!
Дю Бренталь понял, что шутки кончились. Рассерженная вице-королева, всерьез обеспокоенная судьбой очень небезразличной ей чародейки, давила все сильнее. Ну его к черту, этого Эбби! Пусть сам и расхлебывает свою кашу! Подослал к Таларе герцога за здорово живешь, а сам сбежал подальше от ее гнева. Хорош приятель, ничего не скажешь! Нет уж, пусть сам перед ней и отдувается, а он, дю Бренталь, и так сделал все что мог, прикрывая оплошавшего чародея.
— Эбби ушел в Сунастийские пределы искать Сирелину. Он не теряет надежды ее найти, но боится, что чародейка вошла в По-

следний Приют, — придушенным голосом сознался герцог Шеронский.
Охнув, Талара разжала хватку. Дю Бренталь, потирая шею, следил, как она вернулась на свое место за рабочим столом Илианы. Снова вытащив флягу, он протянул ее вице-королеве, и та основательно приложилась к крепкому содержимому.

Последнее время Сирелина часто давала поводы для беспокойства. Отсутствие Илианы тревожило ее все сильнее. Она подолгу пропадала в Сунастийских пределах, дожидаясь воспитанницу, и появлялась в Фортумагуме все реже, сократив пребывание в родном мире до минимума. Эбби заявлял, что так нельзя, и что чародейке необходим отдых. Человек не способен полностью переселиться в Сунастийские пределы без необратимых последствий. Ему требуется возвращаться в естественную среду, иначе дело может закончиться непредсказуемым образом. Сирелина, казалось, слушала чародея краем уха. Наскоро перекусив и вздремнув пару часиков, она отправлялась обратно — бродить по бескрайним прериям в ожидании Илианы. С каждым разом она подходила к заветному лесу все ближе, прислушиваясь к доносившимся оттуда звукам и созерцая таинственные огни. Она не возвращалась вовремя не первый раз, но до сих пор Эбби всегда удавалось ее отыскать. Порой чародейка дремала в густой голубой траве на теплой почве, сквозь которую проглядывали далекие галактики. Иногда ее силуэт обнаруживался у горизонта среди пробегавших там неведомых существ. В прериях на краю Последнего Приюта происходили удивительные вещи, и чародейка, высматривая Илиану, погружалась в них все больше и больше. Само по себе это не несло никакой угрозы, если не считать, что она предавалась своему занятию с каким-то фанатизмом, отрешаясь от всей остальной реальности. Кажется, Сирелина таким образом пыталась заглушить растущее в ней чувство тревоги, заставлявшее постепенно приближаться к Последнему Приюту. Однажды Эбби, обеспокоенный ее слишком продолжительным отсутствием, разыскал Сирелину на большой опушке, где голубая трава вплотную подходила к стене невиданных деревьев. Чародейка стояла от них всего в сотне футов, глядя на лес каким-то отсутствующим взглядом. Судя по примятой траве, она провела здесь много часов, перебираясь все ближе к заветной границе. Эбби кое-как удалось увести ее обратно в прерии, поскольку Сирелина упиралась и не хотела покидать насиженное место. Взволнованный поведением чародейки, Эбби пригрозил не пускать ее в Трансталл. Сирелина в ответ заявила, что тогда сбежит туда сама и обратно уже не явится, пока не встретит Илиану. Эбби, сообразив, что с нее вполне станется, под-

ключил Талару. Вдвоем им удалось убедить чародейку быть благоразумнее. Наотрез отказавшись прервать вахту у Последнего Приюта, та обещала стать осмотрительнее и не подвергать себя испытаниям понапрасну. Некоторое время так и происходило, но потом Эбби заподозрил, что Сирелина просто ловко водит его за нос. Отсутствие Илианы беспокоило очень многих, но Сирелина винила себя в том, что не пошла вместе с ней. Никакие аргументы в бесполезности такой самоотверженности на чародейку не действовали. Чем больше проходило времени, тем сильнее в ней росло желание отправиться вслед за Илианой. Она никому в этом не признавалась, но близкие догадывались, что творится у нее в душе, и соображали как лучше всего поступить. Изгнать Сирелину из Сунастийских пределов было бы слишком жестоко. Оставлять ее там без присмотра становилось попросту опасно. Эбби незаметно отправлял приглядывать за ней кого-нибудь из ведьм или чародеек. Талара в качестве дополнительного средства влияния использовала Бэйла. Гладиатор, проникшись словами вице-королевы и чародея, искренне старался образумить Сирелину. Та вроде бы послушалась и стала чаще бывать в Фортумагуме, где Эбби устроил ей и Бэйлу отличное гнездышко. Казалось, дело наконец-то пошло на лад. Тревоги Сирелины никуда не делись, однако она выглядела куда лучше, относясь ко всему спокойно и рассудительно. Эбби, введенный в заблуждение ее поведением, в конце концов отозвал своих наблюдателей и доложил Таларе, что волноваться не о чем. Пару-тройку раз Сирелина все же пропадала, но чародей всегда находил ее в пределах заранее обговоренного маршрута, занятую каким-нибудь делом. Но однажды Сирелина все же не вернулась. Совсем. Поиски ни к чему не привели, и когда Талара лично прибыла в Фортумагум, Эбби был вынужден признать, что ему так и не удалось обнаружить чародейку. Судя по всему, она вошла в Последний Приют.

Талара, выслушав доклад Вертория ван Грааса, не прибила его на месте лишь потому, что у того был чрезвычайно удрученный вид. У вице-королевы имелись все основания винить Эбби в халатности, ведь он заверил ее, что чародейка держит себя в руках. Одно время Талара даже подумывала забрать Сирелину из Фортумагума, для чего планировала привлечь тяжелую артиллерию — Высший Совет Альмирстала, однако Эбби счел эту меру излишней и дал свои гарантии. Гарантии, которые теперь вылетели в трубу. Рассказывая вице-королеве о результатах поисков, ван Граас старался на нее не смотреть, а на Бэйла и вовсе боялся поднимать глаза. Гладиатор все еще надеялся, что его обожаемая подруга просто куда-нибудь забрела. Куда-нибудь особенно дале-

ко, куда прежде не заходила. Эбби было чрезвычайно тяжело разбивать эти надежды. У него хватало опыта путешествий в Сунастийских пределах, чтобы с минимальной погрешностью установить очевидное. Присутствие Сирелины нигде не прослеживалось. Обшарить бескрайние прерии было попросту невозможно, но продолжительные поиски убедительно доказали, что чародейка как в воду канула. С учетом оставленных ей следов, которые талим Сунастийских пределов отыскивал не хуже заправской ищейки, вывод напрашивался только один. Сирелина ушла в Последний Приют, причем сделала это не спонтанно, а с заранее обдуманным намерением. К такому же выводу пришла и Уна, привлеченная к розыску Сирелины как одна из лучших нынешних странниц.

Сгоряча Талара хотела отправить за чародейкой спасательный отряд, но быстро сообразила насколько идиотской была эта идея. Стараясь казаться спокойной, она поинтересовалась, каковы у Сирелины шансы вернуться.

— Один из тысячи. В лучшем случае, — нехотя отозвался Эбби, опасаясь какого-нибудь импульсивного поступка со стороны Бэйла.

Гладиатор лишь глухо застонал и грузно опустился в кресло. Во-первых, он умел держать себя в руках. Во-вторых, Бэйлу было прекрасно известно на что способна его своевольная подруга. Если уж ей что взбрело в голову, она ни перед чем не остановится. Чародея он особо не винил и куда больше корил себя за недостаточную бдительность и внимание к чародейке.

— Но там Илиана. Она же Принцесса Крови. Если что, она поможет Сирелине выйти обратно, — напомнила Уна.

— Илиане самой бы вернуться, — мрачно заметил Эбби. — Как видишь, что-то она не торопится. Даже если они там встретятся, растратив силы на двоих, Илиана рискует остаться в Последнем Приюте навсегда.

— Холера мне в бок! Надо было открыть Трансталл прямо во дворце! Будь Сирелина у меня постоянно под боком, я бы сумела удержать ее от столь опрометчивого поступка! — воскликнула Талара.

— Я уже говорил, что быстро обеспечить устойчивый проход столь близко к Последнему Приюту я мог только в Фортумагуме. Необходимый колдовской уровень был и в Альмирстале, но здесь-то мне стократ привычнее и удобнее, — напомнил Эбби.

Вице-королева огорченно вздохнула. Не владея колдовским даром, она регулярно забывала об особенностях всяких чародейских штучек.

Трансталлы подчинялись своим законам, и Таларе было не так-то просто усвоить хотя бы их базовые принципы. Например, у

нее как-то появилась блестящая идея создать из них целую сеть для перемещения если уж и не людей, то хотя бы грузов. Допустим, Эбби открывает Трансталл из Кронентоля в какую-то точку Сунастийских пределов. Затем открывает еще один, но уже в Тал-Амине, причем там, в Сунастийских пределах, обе Двери находятся рядом. А затем еще и еще, таким образом связывая всю империю каналами едва ли не мгновенного перемещения в пространстве. Это ж какие потрясающие возможности — отправить контейнер с товаром за тысячи миль в считанные минуты! Эбби тогда изрядно повеселился, слушая, как Талара сосредоточенно излагала ему свой замысел. Обидевшись, вице-королева сердито осведомилась о причинах столь возмутительной веселости. Отсмеявшись, чародей извинился, однако предложил царственной собеседнице поразмыслить: неужели столь замечательная мысль до нее никому не приходила в голову? Талара, сообразив, что здесь и впрямь кроется какой-то подвох, сменила гнев на милость и потребовала объяснений. В ходе дальнейшей лекции выяснилось, что открывать Трансталлы слишком близко друг к другу не так-то просто. И даже если это удастся, конкретному человеку пользы ничуть не прибавится. Любой Трансталл создавал связь между мирами. Пройдя через него, материальные объекты становились частью этой связи, и войти в другую Дверь уже не могли. Чтобы использовать следующий Трансталл требовалось вернуться через предыдущий. Исключение составлял особый случай, когда исходный Трансталл в силу каких-либо причин разрушался. Тогда все зависело от взаимодействия пространственных координат. Новую Дверь следовало открыть в точности там, где она и была. Тогда утраченная связь восстанавливалась и страннику ничего не грозило. Иначе он оказывался заперт в Сунастийских пределах. Со всеми вытекающими. Именно поэтому все путешествия туда требовали серьезной подготовки и умения восстановить проход при возникновении чрезвычайной ситуации. За застрявшими в далеких просторах всегда посылали талимов. Они умели определять необходимые координаты непосредственно по объекту и создавали спасительный Трансталл для незадачливого путника, если он был не в состоянии сделать это самостоятельно. Таким образом, использование цепочки Дверей оставалось недостижимой мечтой, отчего талимы никогда и не прыгали в Сунастийских пределах из одной реальности в другую. Талара, хорошенько обдумав слова Эбби, еще раз просияла, решив, что все же нашла ускользавшую от всех лазейку. С ее точки зрения, раз уж люди не могли перемещаться через два Трансталла подряд сами и передавать грузы, они вполне способны обмениваться сообщениями. Один курьер пере-

дает другому устное послание, и оно за считанные минуты преодолевает десятки тысяч миль. Эбби согласился, что препятствий к этому действительно нет, но нет также и ни малейшего смысла. Конту-Фенеструмы обеспечивают связь в реальном времени, и работают, кстати, по схожему принципу. Заодно чародей добавил, что обо всем этом уже говорил с Илианой и старшими сестрами, едва те познакомились с Трансталлами. Талара махнула рукой и больше не совалась туда, в чем разбиралась в лучшем случае посредственно.

Обсуждение инцидента с Сирелиной слегка выбило вице-королеву из колеи, отчего она вновь и затронула тему пространственных Дверей. Конечно, было бы чрезвычайно удобно иметь под рукой целый набор проходов и перемещаться по ним как душа пожелает. К сожалению, даже возможности такого великого чародея как Эбби были не безграничны.

— Итак, какие будут предложения? — строгим тоном произнесла Талара, решив сосредоточиться на решении проблемы, а не как ее можно было избежать.

С ними оказалось туго. Собственно, а что тут предложишь, если Последний Приют считался едва ли не билетом в один конец? Эбби, правда, заявил, что готов рискнуть и отправиться за Сирелиной в надежде найти ее и уговорить немедленно повернуть обратно. Он прозевал ее опрометчивый поступок — ему и расплачиваться. Талара, несмотря на свой высокий статус наместницы императрицы, показала ему самую простецкую фигу. Потеря Эбби была бы для империи слишком тяжелым ударом. Илиана правильно рассудила, когда решилась на сделку с тогда еще Сферой. Если бы не новые возможности, которые бывший Верторий ван Граас наращивал с каждым днем, пламенеющие легионы уже наверняка сломили бы сопротивление людей. Текущее положение по-прежнему оставляло желать лучшего, но имперская армия сводила невосполнимые потери к минимуму. Ее экипировка серьезно усовершенствовалась, в сражение были брошены ранее недоступные боевые средства, а ведьмы и чародейки непрерывно наращивали атакующий потенциал, постигая тайны Фортумагума. Летающие форты, впервые примененные в столкновении со второй волной демонического вторжения, немедленно доказали свою эффективность. Хорошо защищенные тяжелые орудия уверенно громили врага, накрывая его концентрированным огнем. Отсутствие жесткой привязки к местности давало колоссальное преимущество. Защитники оборонительных рубежей обрели возможность оперативно перебрасывать крупные силы с одного участка сражения на другой. Ударные войсковые соединения использовали прикрытие

с воздуха ничуть не хуже. Армия Красной Саламандры регулярно атаковала демонов с периметра, вклиниваясь в их ряды как нож в масло. Нанеся чувствительный урон, ад-Сейдин всякий раз отводил солдат, когда враги концентрировались для ответного удара. Затем, пройдя быстрым маршем две-три сотни миль, вновь нападал на рогатых чудовищ, не давая им покоя. В результате, благодаря слаженным действиям всех сил империи, вторжение развивалось намного медленнее, чем бы хотелось демонам. Но все же, увы, развивалось. Потеря Эбби, фактически контролировавшего все Трансталлы Фортумагума, сказалась бы на боевой мощи людей самым удручающим образом. Из Абериджа, как с конвейера, шла бесценная помощь. Также Ван Граас усердно передавал свой опыт ведьмам и чародейкам, чтобы те, в крайнем случае, могли поддерживать хотя бы основы функционирования древнего оплота Ормунделла. К сожалению, научить их всему за столь короткий промежуток времени было попросту невозможно. Кроме того, талим Сунастийских пределов был совершенно незаменим по ту сторону Трансталлов. Лишь благодаря ему удалось наладить поставки от многочисленных племен драддов, обеспечить значительный приток колдовских существ и кратно увеличить производство самых разных вещей. Верторий ван Граас взывал к таким силам и находил такие источники помощи в иных мирах, о которых никто и понятия не имел. Следовательно, ни о каком риске для Эбби не могло быть и речи.

— Мы поставим дежурных ввиду Последнего Приюта и будем их регулярно менять, чтобы они не впали в соблазн. Боюсь, больше мы ничего не в состоянии сделать, — подала голос Алеада. — Или Илиана с Сирелиной вернутся сами, или мы все равно только ухудшим ситуацию, пытаясь на нее повлиять.

— Я первая в дозор! — тут же вызвалась Флея.

Хотя уровень ее колдовской силы давным-давно превосходил прежних старших сестер, послушницу все еще не произвели в чародейки из-за возраста и недостатка знаний. Все-таки юный ум существенно отличается от взрослого, и Флее требовалось еще многое постичь из книг и от наставниц. К ее чести следовало сказать, что она старалась на совесть, не разбрасываясь предоставленной ей привилегией изучать секреты Фортумагума. Собственно, потому послушница и принимала участие в экстренном совещании, что находилась в непосредственной близости от места его проведения. Близость к Сирелине, Илиане и Таларе давала ей такое право. Кстати, ввиду чрезвычайных обстоятельств в Альмирстале всерьез подумывали снизить возрастной порог приема в чародейки. Флея с Ладой и Аширой могли войти в число самых молодых

сестер в истории обители.
— Нет уж дудки, милочка моя! Хватит с нас одной Сирелины! — покачала головой Алеада. — Я прекрасно знаю как ваша троица к ней привязана. Верторий, проследи, чтобы их и близко не подпускали к этому Трансталлу!
Флея надулась, но участники совещания были непреклонны. И так забот хватало, чтобы их еще усугублять. Послушницы вполне способны впасть в соблазн и отравиться в Последний Приют из геройских или иных соображений. После непродолжительного обсуждения было решено, что группу наблюдения возглавит Уна. Она же и станет менять дозорных по собственному усмотрению. Ведьме в этом вопросе было проще. Ее, безусловно, тоже манили сокрытые в заповедном месте знания, но и только. В отличие от чародеек, у нее в Последнем Приюте не было ушедших туда сестер.
— Стало быть, нам остается только ждать, — подвела итог Талара.
— Между прочим, именно это мы и собирались делать с самого начала, — неожиданно подал голос Ульм. — Я понимаю, уход Сирелины всех расстроил, но сам по себе он ничего не изменил.
На время отсутствия Илианы северянин перешел в личную охрану вице-королевы, и теперь уже та удивлялась, каким образом воин умудряется постоянно находиться где-то поблизости. Человек не горгулья — сутками сидеть, прикинувшись каменным истуканом, не может.
— Ты когда последний раз календарь видел? — сухо осведомилась Талара. — У нас есть все основания для беспокойства. Илианы все нет и нет. Ее бес вон и то скоро дуба даст. Она нужна нам. Она нужна империи. Как Илиана и предсказывала, мы пока справляемся с натиском, но положение постепенно ухудшается. Мы бросаем на врага все новые силы, а тот с каждым днем только прибывает.
— Я полагаю, Илиана вернется, когда узнает все, что нужно. Не раньше не позже. Я говорил это тогда, повторяю и сейчас. Можете считать меня безрассудным оптимистом, но вы увидите ее вновь, или я буду не я, — совершенно спокойно произнес Ульм.
— А Сирелина?! — воскликнул Бэйл. — Мы же сейчас собрались по поводу исчезновения Сирелины!
— Да, она в Последнем Приюте, — кивнул северянин с такой уверенностью, будто встречал ее там лично. — Мы этого не планировали. Она сделала собственный выбор. Понимаю, звучит довольно жестоко, но что это меняет? Вряд ли она вот так сразу вернется обратно, если не получит то, зачем пришла. В любом случае нам остается только ждать.
— Она пришла за Илианой и теперь, наверное, останется там на-

всегда. А все из-за того, что мы за ней не доглядели! — в сердцах шлепнула ладонью по столу Талара.
Стоявшая на нем вазочка с колдовскими цветами жалобно задребезжала и вице-королева окинула ее таким взглядом, будто именно эта посудина и была во всем виновата.
— Это одна из причин, — к всеобщему удивлению сказал Ульм.
— А что, тебе известна и другая? — помолчав, осведомилась Талара.
— Войти она могла за Илианой, а вот задержаться совсем по другому поводу. О нем вы при встрече узнаете от самой Сирелины, — невозмутимо отозвался северянин.
Ясное дело, его заявление вызвало массу вопросов, но Ульм сообщил, что ему больше нечего добавить к уже сказанному. Талара, бросив взгляд на Бэйла, истолковала поведение северянина по-своему. Вероятно, тот желал смягчить удар для гладиатора, скорее всего потерявшего свою любимую чародейку. Просто манера Ульма изъясняться оставляла желать лучшего. Что ж, посыл вполне понятный — надежда еще есть, и всем следует верить в лучшее. Именно это вице-королева всем и озвучила, велев оставить Ульма в покое. Затем закрыла тему и переключила собрание на обсуждение других важных вопросов.

Их, к сожалению, хватало. Отсутствие императрицы мало-помалу начинало сказываться. Запущенная ей государственная машина работала исправно, но Рубистелла не могла предусмотреть все наперед. Оставшимся без нее людям приходилось выпутываться самим. Таларе помогали чародейки. Это была наиболее ценная помощь, на которую она могла рассчитывать, однако ни вице-королева, ни сестры Альмирстала не располагали возможностями Принцессы Крови. Они не умели читать эмоциональный фон, не владели даром убеждения и не подчиняли людей одним усилием воли. Им следовало обходиться своими силами, а те порой значительно уступали в результативности. Дипломатические усилия на Западе приносили плоды, но медленнее, чем хотелось бы. Без Рубистеллы потихоньку нарастали протестные настроения, и держать под контролем противоборствующие группировки становилось все труднее. Подписание многих договоров затягивалось, а до полноценного союза было и вовсе далеко. Внутреннее напряжение в империи также вызывало беспокойство. Вторжение демонов, пядь за пядью отбиравшее у людей их родную землю, сказывалось на настроениях граждан не лучшим образом. До сих пор они верили в способность империи защитить их от любой угрозы, и эту веру нельзя было подвергать сомнению. В противном случае моральный дух людей упадет, что неминуемо скажется на всех го-

сударственных процессах и вызовет волнения в провинциях. Особенно прилегающих к области противостояния с рогатыми чудовищами, продолжавшей расти как раковая опухоль. Армия, верная присяге, слушалась вице-королеву беспрекословно, но Талара прекрасно понимала, что не способна воодушевить воинов так же, как их легендарная Рубистелла, которой они едва ли не поклонялись. Не могла она и исцелять, отчего в госпиталях постоянно увеличивалось число раненых, а количество смертельных исходов существенно возросло. Заклинатели лишились уникального источника восстановления энергии, и никто больше не отправлял пернатых и четвероногих помощников с уникальными заданиями. Ведь императрица засылала их прямо в стан врага, где они умудрялись добывать бесценные сведения. Демоны не реагировали на низших существ, поэтому какой-нибудь ворон, сидящий в кроне дерева, преспокойно наблюдал за действиями рогатых чудовищ, не привлекая их внимания. Волки беспрепятственно патрулировали периметр вторжения, а кабаны забредали туда, куда всем остальным вообще путь был заказан. Благодаря Илиане, у ведьм и чародеек невероятно расширились возможности в общении с животными, служившими им верой и правдой. К примеру, дозорные орлы Альмирстала превратились в нечто само собой разумеющееся. Однако следовало признать, что кроме императрицы никто не способен поднять на ноги целый лес, а о прямом общении с любым живым существом приходилось только мечтать.

Но Таларе и ее приближенным все же было чем гордиться. Для столь тяжелого периода в империи они справлялись вполне достойно. Благодаря их совместным усилиям, клерики начали оказывать значительную помощь. Колдуны Запада также направили в империю своих людей, поступавших в распоряжение ведьм и чародеек. Открывались новые посольства, а дружественные государства присылали ограниченный воинский контингент, получавший уникальный опыт боевых действий. Несмотря на шедшую войну, а может именно благодаря ей, связи между Гелиондарой и Пардионикой постепенно крепли. Рос товарооборот и пассажирские потоки. В порты Шиалы и Идлиса прибывало все больше кораблей, а имперская армия непрерывно увеличивалась за счет притока дополнительных ресурсов. Наращивались производственные мощности; материальное и продовольственное обеспечение армии и населения поддерживалось на должном уровне. Было даже удивительно наблюдать, как социальные и экономические связи на континенте заметно идут в гору, хотя на востоке разгоралась небывалая война. В мирное время Талара прекрасно справилась бы с ролью верховной правительницы, но даже в столь экстре-

мальных условиях она достойно выдерживала свалившееся на нее испытание. Конечно, за вице-королеву стояли весь Альмирстал, Гексенсталь и Солтенстил, а это дорогого стоило, однако бездарный правитель, получив в наследство не только трон, но и гору проблем, развалил бы все государство в кратчайшие сроки. Вернувшейся императрице было бы просто нечего восстанавливать, поскольку демоны сожгли бы все то, что люди не успели погубить самостоятельно. К сожалению, императрица все не возвращалась и вице-королева гадала, сколько она еще протянет на своем посту, пока демоны не поставят на ее правлении жирную точку. Положение пока нельзя было назвать критическим, но никто не знал, как долго это продлится и чем вообще закончится. Если Илиана слишком задержится, грохот боев однажды докатится до Тал-Амина и тогда наступит настоящая катастрофа.

Именно это и случилось, когда пламенеющие легионы показались ввиду столицы империи. Катастрофа. Более подходящего слова попросту не существовало. Илиана была бессильна ее предотвратить. Все ее знания, все полученные ответы на вопросы никак не влияли на происходящее. Гибель десятков миллионов людей, уничтоженные города, сожженные регионы — все это представало перед ее глазами ужасающей действительностью, свершавшейся вновь. Там, где некогда бежали прохладные воды, теперь текли реки огня. На месте цветущих садов лежал пепел. Деревья поднимали к небу обугленные кости ветвей. Овраги превратились в сочащиеся лавой трещины. Серый пепел, кружа в отравленном воздухе, оседал на скрюченные, опаленные трупы. Дожди прекратились. Вместо них наползали тяжелые свинцовые тучи, изливавшие на мир людей осадки преисподней. По пылающим долинам, по тлеющим холмам, по дымящимся развалинам шли и шли бесчисленные орды рогатых чудовищ. От концентрации скверны мутилось в голове. Присутствие демонов усилилось чрезвычайно. Настолько, что они теперь появлялись не только из строго обозначенных Разломов. Глубокие трещины, исторгавшие жаркую лаву, то и дело выплевывали бесов, и все чаще из них выбирались твари пострашнее. На месте глубоких чистых озер, некогда изобиловавших рыбой, плескался неугасимый огонь. Из него, показываясь над поверхностью, поднимались Опустошители, бредя к берегу как возвращавшиеся из глубины ныряльщики. В небе, приобретавшем отчетливый бордовый оттенок, проплывали не только стаи крылатых чудовищ, но и целые скалы, порожденные экспфернумом чужого мира. Мира, настолько проникшего в мир людей, что он начинал устанавливать в нем свои законы. До драматического финала оставалось совсем немного. Илиана это чув-

ствовала. Неизбежность поражения империи была очевидна с самого начала, но она и представить себе не могла, что кошмар наяву достигнет таких масштабов. Ее прекрасная столица — жемчужина всего цивилизованного мира — должна была стать последним аккордом в финальном акте разыгравшейся трагедии.

* * *

Третья стратегия императора заключалась в долгосрочном планировании. Сделав выводы из первого столкновения с демонами, Властелин Крови велел подготовить принципиально новый эшелон обороны, способный выдержать удар наступавшего врага. Пока имперские войска вели ожесточенное противостояние с векстрами, колдовские центры поднимали в воздух целые острова. Небесные крепости не шли с ними ни в какое сравнение. Это были огромные тяжелые сооружения, поражавшие воображение своей мощью и размерами. Они не предназначались для неожиданного нападения и быстрого продвижения в стан противника. В их задачу входило надежное удержание плацдармов и зачистка местности. Защита летающих Колоссов выполнялась с учетом всего опыта, полученного в сражении с демонами. Она состояла из нескольких уровней, чьи раздельные контуры переплетались и поддерживали друг друга. При выходе из строя какого-нибудь одного его нагрузку распределяли все остальные, в то время как ремонтные бригады в кратчайшие сроки устраняли неисправность. Внутреннее строение Колосса также существенно отличалось. Он был разделен на герметичные сегменты, которые в случае опасности наглухо блокировались, исключая распространение проникшего врага. Каждый сегмент оборудовался системами обеззараживания внутреннего пространства. Боевые установки, многократно превосходившие все известные аналоги, конструировались таким образом, чтобы наносить максимальный урон именно векстрам. Их расположение создавало вокруг Колосса зону смерти, в которую также превращалась и область куда нацеливались орудия. Арсенал содержал все известные средства против демонов, причем содержал в таких количествах, что даже одна исполинская крепость могла вести многодневный бой с ордами наседавших тварей. Прежде в имперской армии не имелось ничего похожего на подобные рукотворные чудовища — в них не было смысла. Ардарианию не планировала вести чрезвычайно разрушительные боевые действия в глубине собственной территории. Ей было попросту не с кем. В нынешних обстоятельствах приходилось срочно модернизировать вооружение, создавая принципиально новые

средства нападения и сдерживания. Ведь это была не просто война — это была война на уничтожение.

Первый же опыт использования Колоссов показал их высокую эффективность. Демоны разбивались об их неприступные стены как волны о гранитный мол. Грохот залпов уносился далеко за горизонт. Земля плавилась от ужасающих выбросов энергии, превращаясь в невнятный мелкодисперсный порошок. Вместе с демонами распадалась сама материя. Потуги Гангронов, пытавшихся преодолеть многочисленные уровни защиты, приносили очень незначительные результаты. Во-первых, демоны-офицеры обычно вообще не долетали до цели. Во-вторых, конструкция Колосса позволяла эффективно бороться с их экспфернумом, быстро нивелируя все попытки повредить крепости. Таким образом, исполинское воздушное сооружение становилось для врага по-настоящему непробиваемым, в то время как само наносило ему фантастический урон. Однако даже не это было главным достоинством новинки, созданной в поистине феноменальные сроки. Колосс выдерживал атаку архидемона! С трудом, но все же выдерживал! Его огромная масса уже не позволяла швырять себя с такой легкостью, как простую небесную крепость, хотя слово "простую" звучало довольно-таки условно. Навстречу удару немедленно включалось собственное движение, гасившее действие противодействием. Фактически наползавший на удар Колосс сопротивлялся отбрасыванию, а колдовские барьеры поглощали энергию столкновения. Это было как бить боксерскую грушу — она дрожит и качается, а все-таки остается на месте. Находившихся внутри людей трясло как при сильном землетрясении, но они удерживались на боевых постах, а про разрушение конструкций не шло и речи. Архидемон, конечно, мог схватить Колосса руками, но и здесь его ждал неприятный сюрприз. Как только он пытался это сделать и вообще оказывался в опасной близости, крепость трансформировала всю доступную энергию в потоки света, излучаемые из панелей внешней обшивки. Она превращалась в ослепительно сияющую звезду, чьи лучи не выдерживал даже архидемон. Ненадолго, но и тот появлялся на небольшой период времени, так что Колосс успевал отразить нападение самого страшного врага. Затем, когда угроза исчезала, отползал в тыл, чтобы восстановить потраченные энергетические запасы.

К сожалению, создание Колоссов требовало немалых усилий и ресурсов, а срок их производства также оставлял желать лучшего. Если бы император заблаговременно не велел начать их разработку и внедрение, армия не успела бы получить спасительное подкрепление тогда, когда демоны прорвались сразу в двух местах и

успешно развивали наступление. Отходя, люди потеряли тысячу миль территории и потеряли бы вообще все, если бы на помощь не подоспели первые исполинские крепости. Их появление вновь восстановило баланс сил и даже позволило отбросить врага назад, частично вернув утраченные земли. Однако о переходе в полноценное контрнаступление речь не шла. Несколько Колоссов позволило имперской армии уверенно закрепиться на позициях, но их было явно недостаточно, чтобы развернуть мощный атакующий фронт. Следовало нарастить количество исполинских крепостей, полностью взяв на вооружение первую партию, а затем как минимум вторую, а лучше даже третью.

Колдовские центры поставляли в армию не только Колоссов. Снаряжение всех имперских подразделений непрерывно модернизировалось. Это касалось не только людей, но и животных, а также существ из иных миров. Их требовалось оградить от губительных нападок Бивилекса. Мор, насланный им при первом появлении, был чрезвычайно губителен, но он же позволил сделать выводы и принять соответствующие меры. Заклинатели сумели разработать колдовскую вакцину, вводившуюся в момент атаки архидемона как вручную, так и элементами экипировки. Кроме того, часть удара скверны принимала на себя ее специальная органическая подложка, позволявшая уменьшить ущерб живому существу. Теперь моровые веяния архидемона не убивали верных спутников людей в ужасающих количествах. Потери в их рядах снизились многократно. Также были существенно преобразованы и всевозможные големы, адаптированные к противостоянию с демонами. Прежде векстры фактически рассыпали целые колдовские полки, разбивая чары своим экспфернумом. Особенно хорошо это получалось у Гангронов. После серии экспериментов ученые заклинатели научились создавать новый вид големов, сделав их куда устойчивее к воздействию демонов. Бездушные солдаты из камня и глины, поднимаемые в невиданных количествах, оказывали существенное подспорье имперским солдатам. Нереймиты также получили немало усовершенствований. Их кулаки теперь были окованы пластинами из колдовского сплава, способного испускать световой импульс в момент удара — совершенно бесполезная штука при сражении с кем угодно, но только не с векстрами. Скверна Каменным Стражам была безразлична, как и огонь, но вот жар представлял для них серьезную угрозу. Чародейки перестроили защитные контуры своих творений, внедрив в них специальные Тексенумы. Высокую температуру они преобразовывали в световое излучение. Таким образом, чем сильнее Нереймиты нагревались, тем больше они светились, причиняя демонам дополнитель-

ные неприятности.

Увы, все технические и колдовские новшества, несмотря на всю их несомненную эффективность, лишь отсрочили приближение конца. Векстры ведь тоже не дремали. Как и предсказывала Дин'Юлемиона, не сокращая долю присутствия демонов в мире людей, победить их силой было попросту невозможно. А это присутствие, несмотря на все прилагаемые усилия, постепенно росло. Даже у такой империи как Ардариания не хватало ресурсов сдерживать натиск врага и одновременно восстанавливать пораженные им земли. Вместо двух очищенных от скверны регионов демоны отравляли три. На смену одному разрушенному пику вырастал другой. Чужеродная горная система окончательно поглотила Асталийскую провинцию и раздалась далеко за ее пределы. Шедшие там процессы свидетельствовали о том, что векстры начинают превращать ее в полноценный форпост преисподней, истончая незримую границу между мирами. Фея убеждала чародеек и императора перераспределить усилия, не позволяя векстрам наращивать губительный экспфернум вокруг Руандаля. Те бы и рады ее послушаться, да выше головы не прыгнешь. Пробиться к эпицентру вторжения становилось поистине нетривиальной задачей, а регулярные бомбардировки Разломов приносили все меньше пользы. Появление Колоссов должно было наконец-то исправить ситуацию, но на это требовалось время. Их численности едва хватило остановить продвижение врага. Император попросту не мог снять исполинские крепости с фронта и отправить на вулканические Разломы. Медлительные сооружения даже не доберутся до Руандаля, когда демоны вплотную подойдут к Сангвитории. Дин'Юлемиона, тускнея с каждым днем, отчаянно боялась, что люди не успеют подавить растущее влияние векстров. Несколько фей уже покинули мир людей, не выдержав происходивших изменений. И число уходивших созданий света продолжало расти. Они не дезертировали, бросая всех на произвол судьбы — само их существование в царстве ширившегося зла становилось невозможным. Дин'Юлемиона была сильнее многих других и все еще держалась, не теряя надежду на благополучный исход. Надежда рухнула, когда появились Жнецы.

Одним из наиболее ужасных открытий Илианы было то, что предсказуемое распространение демонов на деле таковым не являлось. С самого начала вторжение вроде бы развивалось по довольно простому сценарию. Наращивая плацдарм вокруг исходных Разломов, рогатые твари следовали строго в направлении своей цели. Обеспечивая необходимую внешнюю среду, они преобразовывали захваченные регионы, попутно стараясь открыть новые

каналы в преисподнюю, но делали это по неизменной схеме. Иными словами, пламенеющие легионы никогда не разворачивались на девяносто градусов. Они расширяли фронт и площадь зараженной местности, но ни разу не меняли вектор атаки, за исключением второстепенных действий на периферии. Обращая вторжение на запад, демоны также увеличивали присутствие и в другие стороны света, но в неизмеримо меньшей степени. За все время противостояния не случалось так, что они вдруг перебрасывали силы в другой регион и начинали наступать там, где их совсем не ждали. Фактически, чем больше разрастались захваченные врагом территории, тем яснее становилось его дальнейшее поведение. Исходя из полученных наблюдений, людям было куда проще выстраивать собственную стратегию, планируя атаку и защиту. Основные имперские войска сосредотачивались в области ожидаемого натиска. Вспомогательные подразделения распределялись вдоль периметра зараженной зоны. Первые сражались с наступавшими ордами преисподней, принимая на себя основной удар. Вторые противодействовали локальному расползанию скверны, нанося врагу кинжальные удары и стараясь свести площадь отравленных земель к минимуму. Император не разделял войска на две-три крупные ударные армии. Опыт проникновения в чужеродные горы убедительно доказал, что толку от этого немного, в то время как главному оборонительному рубежу требовалось как можно больше подкреплений. Разумеется, Властелин Крови изменил бы тактическое построение имперских сил, если бы предвидел неожиданный поворот в ходе вторжения. Открытие Илианы как раз и заключалось в том, что его означенный простой сценарий с самого начала создавал ложное ощущение предсказуемости поведения демонов.

Арферон не лгал, когда говорил, что легионы преисподней будут максимально стремиться к выполнению задач, поставленных условиями договора. Они были обязаны следовать к цели, однако это отнюдь не означало один лишь лобовой штурм всех препятствий, встававших у них на пути. Нет, демоны действительно не могли отказаться от непрерывного натиска в заданном направлении, но кто сказал, что они параллельно не станут ничего предпринимать? Закон вторжения подчинялся следующему принципу: если точка А, которую обязательно необходимо пройти, защищена точкой В, и сокрушение точки В сделает падение точки А быстрее, чем упорная атака только на точку А, то точка В становилась естественной целью. Следовало лишь дождаться наиболее благоприятного момента, чтобы падение точки В произошло наиболее оптимально относительно основной задачи в точке А. Никто в империи

не ожидал появления Жнецов, и тем более их не ожидали у Великого Архипелага.

Фея, разумеется, была осведомлена о различной нечисти, обитавшей в краю вечного огня. Немало сведений о враге имелось и у чародеек. Однако даже Дин'Юлемиона не могла предсказать когда и как поступят векстры. Их нападки на другие миры всегда носили разный характер. Они появлялись и исчезали в зависимости от внешней среды, тактика менялась относительно текущих условий. Людям было трудно это представить, но где-то Опустошитель наносил куда больше вреда, чем Гангрон. В мирах с низким колдовским присутствием доминировала грубая сила, а чары задвигались на задний план, а то и вовсе не работали. Порой бывало строго наоборот — польза от огромного пешего демона сводилась к практически нулю. Фея понятия не имела, кого и когда Арферон выставит на поле боя. Преисподняя изобиловала всякими гнусными тварями, так что на выбор ее властелину жаловаться не приходилось. Само существование Жнецов для Дин'Юлемионы и чародеек не было сюрпризом, но их вторжение в Ардарианию произошло непредвиденным и удручающим образом.

Появление в небе огромных скал, на каждой из которых, как столб, торчала длинная тощая фигура, казавшаяся завернутой в длиннополый плащ, не прошло для дозорных незамеченным. Многочисленные патрули держали под наблюдением все воздушное пространство возле демонического вторжения, исключая окрестности Руандаля. О веренице новообразований, вынырнувших из пелены свинцовых туч, немедленно доложили по всем инстанциям. Илиана со своей любимой Диной неторопливо летала над дворцом, когда подскочившая на миаласе чародейка сообщила ее светозарности последние новости. Фея так изменилась в лице, что принцессе стало не по себе. Тревога, охватившая Дину, передалась и ее воспитаннице. Заметив реакцию девочки, Дин'Юлемиона передумала оставлять ее на попечение охраны. Развеяв облачко, на котором они сидели как на мягкой подушке, фея схватила Илиану за руку и вместе с ней унеслась в малый зал заседаний. Со стороны это было довольно занятное зрелище — маленькая, фута полтора, пигалица как воздушный шарик шустро тянула за собой ребенка. Настроение у принцессы сразу же улучшилось, поскольку Дина давненько уже не баловала ее подобными развлечениями. Перемещение собственными силами феи действовало на Илиану необычным образом — она словно лишалась веса, не чувствуя привычной силы тяжести.

Император во дворце отсутствовал. Он отбыл на фронт, куда из-за засилья векстров путь фее был заказан. Оттого

Дин'Юлемиона и направилась прямиком туда, где всегда находился кто-то из старших чародеек, наблюдавших сразу за парой десятков Конту-Фенеструмов. Там же фея очень кстати застала Триниону. Зрелище в Окнах пространственной связи не предназначалось для глаз юной принцессы, поэтому Дина была рада передать ее с рук на руки матери. Та как раз вернулась из центрального госпиталя повидать дочь и уладить кое-какие дела. При виде Илианы императрица просияла и открыла объятия, где радостно вскрикнувшая девочка немедленно и очутилась. Оставив их вдвоем за порогом малого зала, фея порхнула внутрь и впилась глазами в разворачивавшееся действие.

Долго Илиане с матерью пообщаться не удалось. Триниона, словно никакой войны и не было, ласково расспрашивала дочь о том, как она проводит день, что они с феей делали и какие строят планы. Илиана, забравшись к ней на колени, увлеченно повествовала о своих грандиозных замыслах, когда императрице передали, что Дин'Юлемиона срочно просит ее вернуться в зал. Поцеловав свою ненаглядную принцессу, Триниона попросила ее подождать и ушла на зов. На фее прямо-таки лица не было.

— Жнецы! — коротко сообщила она, указывая на длинные тощие фигуры.

Панорамы сразу нескольких Конту-Фенеструмов показывали плывшие в небе красные скалы, в полмили каждая, на вершине которых виднелись длинные существа. Теперь ошибка в опознании исключалась. Скалы уверенно приближались к линии фронта и им наперехват уже выдвигались воздушные отряды. Император, извещенный о появлении новой напасти, отдал приказ атаковать, не дожидаясь, пока это сделает враг. Каким образом тот сумел так близко подойти к передовой, оставшись незамеченным — это уже отдельный вопрос, а сейчас требуется остановить его до того, как он нападет первым. Все присутствующие в малом зале наблюдали, как Колоссы дали залп, зачищая огромное пространство, а затем вперед двинулись небесные крепости, окруженные крупными соединениями на миаласах и мавригалах. Векстров, казалось, это ничуть не заботило. Выныривая из пелены свинцовых туч, красные скалы, растянувшись цепочкой, плыли навстречу людям. Было во всем этом что-то очень странное, что-то совершенно неестественное.

— Не понимаю! — вслух размышляла Дин'Юлемиона. — Жнецы не воины. Что они здесь делают?

Длинные существа, каждое высотой около ста ярдов, также являлись векстрами, но особого порядка. В воображении обывателя грозное название рисовало исполинскую фигуру, которая по пояс

в пламени шагает на поле боя и взмахами огненного серпа собирает страшную жатву. Нечто подобное и впрямь имело место быть, но к Жнецам оно не имело ни малейшего отношения. Векстры, выглядевшие схожим образом, назывались Деаморхами. Как и Гангроны, они были офицерами, и каждое их появление становилось настоящей головной болью. Что же касалось Жнецов, то они действительно снимали жатву, но отнюдь не кровавую. Эти векстры подчинялись непосредственно Арферону, контролировавшему энергетические потоки преисподней. Они принадлежали к одному из самых высоких рангов в иерархии демонов, однако, как и сказала Дин'Юлемиона, воинами не были и в сражениях непосредственного участия не принимали. Жнецы занимались сбором энергии, передавая ее в преисподнюю. Столкновение могущественных сил обычно сопровождали ее мощные выбросы, где и появлялись эти демоны, привлеченные желанной добычей. Вот только нынешнее сражение ардарианской армии с векстрами на него, мягко говоря, не тянуло. Высвобождавшейся энергии демонам хватало открывать Разломы и наращивать свое присутствие, но не более. Жнецам требовалось нечто совсем другого уровня, поэтому их прибытие к линии фронта ставило фею в тупик. Это выглядело совершенно бессмысленным, однако она знала, что векстры никогда ничего не делают просто так. В появлении Жнецов имелся какой-то расчет, который следовало разгадать, пока враги не начали его реализацию. Дин'Юлемиона напряженно глядела в Конту-Фенеструмы, стараясь не пропустить ни одной детали. А там происходили какие-то совсем уж непонятные вещи.

Атаки на красные скалы не приносили ни малейшего результата. Дело было не в том, что приближавшиеся объекты оказались надежно защищены — все выстрелы и заклинания попросту проходили сквозь них. Скалы будто не имели материальной основы, уподобляясь миражу. Как мираж они колыхались, пропуская сыпавшиеся на них удары, но при этом и двигались, уподобляясь призракам. Воздушные отряды, кружа около Жнецов, поливали их колдовством и стрелами, и с таким же успехом могли нападать на пустое пространство. Небесные крепости обрушивали на подползавшего врага залп за залпом, и эти залпы, проносясь сквозь бесплотное видение, рвались далеко позади него. Все выглядело так, словно имперская армия имеет дело с иллюзиями, невесть зачем напущенными демонами. Догадку тут же проверили, однако развеять глыбы красного камня вместе с тощими фигурами не удалось. Впрочем, это ничуть не означало, что люди ошиблись в своих предположениях. К примеру, тот же Нейтрал, успешно блокировавший любое колдовство заклинателей, на экспфернум векстров

вообще не действовал. Уничтожить демоническую иллюзию порой оказывалось намного сложнее, чем избавиться от реальной угрозы. На красных скалах опробовали даже свиристолей, но либо мохнатых шариков требовалось куда больше, либо скалы все же никакого отношения к дурману не имели.

Дин'Юлемиона замерла, когда цепочка Жнецов приблизилась к Колоссам. Все имперские соединения, сопровождавшие неуязвимого врага, убрались подальше, чтобы не очутиться в зоне поражения собственных орудий. Когда Колоссы изрыгнули залп, казалось, что разорвалась сама материя. Яростные вспышки на какое-то время полностью закрыли собой атакуемое пространство, не давая возможности разглядеть что там происходит. Когда они наконец-то унялись, стало совершенно ясно — никакого вреда красным скалам они не причинили. Поднатужившись, Колоссы вновь ударили из всех тяжелых калибров, но и вторая попытка оказалась ничуть не продуктивнее предыдущей. Однако поведение Жнецов изменилось. Перестав идти на сближение с исполинскими крепостями, они свернули под прямым углом и двинулись параллельно линии фронта. Колоссы исторгли третий залп, силясь достать не желавшего издыхать противника, и снова не преуспели.

— Прекратите огонь! — воскликнула вдруг фея. — Возможно, именно этого они и добиваются!

Ее идея была проста. Новое оружие людей производило значительные выбросы энергии, а именно она и служила предметом интереса Жнецов. Правда, в догадке Дин'Юлемионы имелись серьезные нестыковки. Во-первых, несмотря на ужасающие разрушения, Колоссы обладали слишком незначительным потенциалом, чтобы всерьез привлечь служителей Арферона. Во-вторых, они необъяснимым образом оставались нематериальны, будто им не хватало влияния векстров для полноценного воплощения.

Следуя указанию ее светозарности, переданному через Конту-Фенеструмы, обстрел немедленно остановили. Красные скалы неторопливо продолжали свое странное движение, держась ввиду Колоссов и явно не собираясь удаляться от них слишком далеко. Похоже, соображение феи было небезосновательно. Словно желая подтвердить его самым наглядным образом, пламенеющие легионы, доселе старавшиеся почем зря не соваться в зоны смерти, лавиной ринулись напролом. Тяжелые установки Колоссов встретили их ужасающим огнем, раскладывая на атомы все живое и неживое. Призрачные Жнецы тут же переместились поближе к эпицентрам взрывов, что не могло не вызвать очевидных подозрений. Но Колоссам нельзя было прекращать стрельбу, иначе полчища демо-

нов прорвались бы за оборонительный рубеж. Раз за разом их орудия сносили врага, не оставляя от него даже пепла. И, видимо, раз за разом Жнецы собирали высвобождаемую энергию, передавая ее неизвестно куда. Так продолжалось около трех часов, и практически все в империи, затаив дыхание, прильнули к Конту-Фенеструмам, дожидаясь, чем кончится эта необычная атака. А кончилась она совсем не тем, что могло предположить даже самое богатое воображение.

Лобовой штурм все еще продолжался, когда в одном из пространственных Окон неожиданно появилась до крайности встревоженная чародейка. Ее слова повергли всех слушателей в глубокий шок.

— Внимание! Оранжевый уровень тревоги! Над Великим Архипелагом замечены Жнецы! — едва ли не кричала она, даже не пытаясь сдержать охватившее ее волнение.

Дин'Юлемиона остолбенела. Спустя всего несколько секунд два новых Конту-Фенеструма, раскрытых старшими сестрами, показали небо над главным оплотом чародеек, откуда практически вертикально спускались уже хорошо знакомые красные скалы. Их было ровно тринадцать — столько же, сколько находилось в зоне обстрела Колоссов. Фея, став белой как лепестки ромашки, ухватилась за край стола, интуитивно почувствовав, что сейчас произойдет нечто непоправимое.

Армия не охраняла Великий Архипелаг, находившийся далеко к северо-западу от вторжения, поэтому на перехват врагу поднялись собственные силы чародеек. Впрочем, их цитадель и так была защищена даже лучше дворца императора, поэтому они не слишком чего-либо опасались. Вот только на сей раз все возможности сестер оказались бессильны. Напрасно всадницы на миаласах и антреминах кружили вокруг снижавшихся Жнецов, забрасывая их несметным количеством заклинаний — они не приносили ни малейшего эффекта. Излучатели, расположенные на островах, непрерывно обстреливали неуязвимого врага, прочерчивая в небе длинные светящиеся линии, а тот на них никак не реагировал. И вот уже красные скалы снизились настолько, что достигли защитных куполов, невидимых глазу, но блокировавших любую известную агрессию. Все наблюдавшие за происходящим ожидали, что могучие Тексенумы, воплощавшие в себе все доступные чародейкам оборонительные заклинания, сейчас наконец-то остановят призраков преисподней. Кристаллы Плетения остались безучастны к бесплотным миражам необъяснимой природы. Красные скалы беспрепятственно проходили через все барьеры, опускаясь прямо на острова Великого Архипелага.

Включились еще два Конту-Фенеструма, показавших картинку с другого ракурса. Дин'Юлемиона, бросив туда взгляд, приглушенно вскрикнула. Ужасная догадка молнией промелькнула у нее в голове, когда она увидела, куда именно направляются Жнецы.
— Закройте Трансталлы! Скорее! ЗАКРОЙТЕ ИХ ВСЕ! — закричала она так, что в зале едва не посыпались стекла.
Чародейки, услышав ее громогласный призыв, опрометью ринулись исполнять приказ. Но было поздно.

На большинстве островов Великого Архипелага были открыты пространственные Двери. Настолько огромные, что благодаря им цитадель чародеек принадлежала не одному миру, а сразу нескольким. Это было ее гордостью и это же давало уникальные преимущества, недоступные никому другому. Никто и представить не мог, что однажды это окажется и ее уязвимым местом. Трансталлы, некогда созданные прямо над поверхностью островов, входили в саму основу Великого Архипелага и были такого размера, что закрыть их за несколько секунд становилось невозможно. Чародейки старались изо всех сил, но шансов успеть у них попросту не имелось. Красные скалы практически синхронно достигли широко раскинувшихся Трансталлов и вошли в область их действия. То, что произошло потом, навсегда изменило историю чародеек.

Скалы отнюдь не были призрачными. Жнецы, проникнув в мир людей, не воплотились в нем до конца — для этого им действительно недоставало должного уровня присутствия векстров. Этот эффект носил временный характер, однако Арферон со свойственной ему поистине дьявольской расчетливостью обратил его себе на пользу. Полезная отдача Жнецов, не обретших физическую форму, была чрезвычайно низка, но ее вполне хватало для задуманного. Курсируя вдоль Колоссов, они в самом деле собирали их энергию, но направляли отнюдь не в преисподнюю, а транслировали другим Жнецам. Собственный экспфернум демонов не мог укрыть тринадцать красных скал от взора многочисленных наблюдателей. Их чужеродную сущность было попросту не спрятать. Энергия, полученная от людей, помогла создать маскировочный барьер, срони тому, каким пользовались чародейки. Враги не стали невидимыми, но этого вполне хватило, чтобы скалы незаметно прошли в верхних слоях атмосферы и достигли Великого Архипелага. Тринадцать Жнецов-сборщиков обеспечили прикрытием такое же количество Жнецов-диверсантов. На последнем этапе маскировка перестала работать, поскольку влияние Трансталлов нарушало энергетические потоки векстров, но в ней уже не было необходимости. Когда чародейки заметили в небе снижавшегося врага, им оказалось нечего ему противопоставить. Ведь демоны

прибегли к скрытности не просто так. У людей имелось средство предотвратить нападение. Бесплотные красные скалы не могли проходить сквозь твердую материю. Все, что требовалось делать людям — это ставить у них на пути подходящие заслоны. Например, передвигать небесные крепости или хотя бы поднимать большие пласты земли. Такое столкновение привело бы к полному и бесполезному разрушению структуры Жнецов. Наблюдая, как вереница скал направляется к Великому Архипелагу, кто-нибудь вполне мог догадаться соорудить перед ними препятствие, сорвав всю затею Арферона. Прибегнув к маскировке, архидемон свел вероятность обнаружения к минимуму. Никем не остановленные Жнецы прибыли к Великому Архипелагу в точно рассчитанное время. Время, когда присутствие векстров в мире людей стало достаточным, чтобы красные скалы обрели материальное воплощение.

Каждый Трансталл представлял собой соприкосновение миров, где их материи, зримые и незримые, переплетались между собой в едином пространстве. Кроме того, он был сложным транспортным узлом, насыщенным потоками пересекавшейся разнородной энергии, ее своеобразным преобразователем и одновременно концентратором. В обычном состоянии Жнецы не смогли бы подойти к открытому Трансталлу, поскольку путь на другую сторону им был недоступен. Условная бесплотность также не позволяла им проникнуть за грань иного мира, однако дала возможность очутиться в самом центре Двери. Там они и материализовались, когда присутствие векстров позволило это сделать. Человеку столь хронометрически точный расчет казался попросту недостижимым, однако следовало понимать, что выполнял его не кто-нибудь, а Арферон. То есть властелин преисподней — существо высшего порядка, владеющее возможностями космического масштаба. Жнецам было необходимо обрести физическую форму в строго заданном месте. Внутри плотной субстанции их структура подлежала немедленному разрушению. Очутиться внутри холма или стены для этих демонов было равносильно самоликвидации без какого-либо вреда для означенных препятствий. Трансталл принадлежал к явлениям совсем другой природы. Воплотившись внутри него, Жнецы столкнули энергию преисподней с энергией переплетения разных миров. Ведь красные скалы не были простым нагромождением гранита или иного камня. Жнецы стояли на частичках своих родных краев — монолитах, рожденных в океане вечного пламени и насквозь пропитанных экспфернумом векстров. То, что в принципе не могло пересечься, неожиданно оказалось в одном месте в одно время.

Аннигиляция была настолько бурной, что в ее эпицентре образовалась плазма температурой в миллионы градусов. Чудовищная вспышка мгновенно сожгла всю органику в радиусе нескольких миль. Ударная волна сокрушила то, до чего не дотянулся выброс раскаленной материи. Часть величественных, прекрасных зданий попросту испарилась. Оставшиеся разнесло в пыль, раскиданную ураганным ветром до самого горизонта. Огромный центральный остров Великого Архипелага, где находился Высший Совет чародеек, практически стерло из реальности. Все, что от него осталось, искореженными, бесформенными обломками сыпалось вниз, разбиваясь о горные кручи. Большинство других островов практически одновременно разделило участь главного. Серия плазменных вспышек, сотрясших уникальное творение чародеек, слилась в унисон, объединяясь в ревущее море огня. Все Тексенумы вместе взятые были не в состоянии сдержать цепную реакцию распадавшегося вещества. Пораженные страшным ударом, они взрывались сами, как взрывалось все то, что содержало в себе хоть какие-нибудь запасы энергии. В одно мгновение исчезли чудесные колдовские сады — гордость многих поколений сестер. За долю секунды испарились дома и парки. Башни, увенчанные золотыми и хрустальными куполами, разлетелись на бессвязный набор атомов. Воздушные гавани и производственные корпуса пожрало жестокое пламя. Изумительные колдовские комплексы, создаваемые тысячелетиями, обратились в ничто. В страшном огненном вихре погибло все живое. Ужасного конца не избежали даже всадницы на миаласах и антреминах. Интенсивность вспышек была такова, что они сгорели в них как свечки. Запредельный выброс тепла погубил все в диаметре десяти миль от каждого эпицентра. Всех, кому повезло не сгинуть в адском пекле, смела убийственная ударная волна.

Огромные Трансталлы имелись не на каждом острове, поэтому не все из них уничтожила свирепая аннигиляция. Увы, потоки раскаленного воздуха, наполненного всепожирающим пламенем, справились с разрушительной задачей не намного хуже. Малые острова, находившиеся слишком близко к источникам взрывов, разнесло на куски. Берега других овеяло немыслимым жаром. Защитным барьерам удалось блокировать часть поступающего урона, но конечный результат все равно был плачевен. Здания лежали в руинах, деревья полыхали трескучими кострами. Обожженная земля растрескалась, как растрескались гранит и мрамор. Формально уцелев, эти острова превратились в большие парящие кладбища.

Наименьшим разрушениям подверглись острова на перифе-

рии Великого Архипелага. Три из них не затронуло вовсе, а остальные получили повреждения той или иной степени. Увы, немногим живым существам посчастливилось находиться в момент катастрофы именно там. Кроме того, в общем масштабе произошедшего это уже ничего не меняло. От всего уникального небесного комплекса осталось едва ли двадцать процентов, и то в большинстве своем не относилось к основным ресурсам чародеек. Погибли практически все ученые сестры. Единый архив, вобравший в себя несметное количество знаний, был уничтожен, как были уничтожены бесценные лаборатории, производственные комплексы и все чудеса колдовской техники. Вместе с ними отправились в небытие три недостроенных Колосса. Великий Архипелаг перестал существовать.

Когда Дин'Юлемиона пришла в себя, она увидела склонившееся над ней взволнованное личико юной принцессы. На фею не действовали традиционные средства лечения людей, поэтому девочка освежала ее виски и губы нектаром полевых цветов, разбавленным утренней росой. Дин'Юлемиона отнюдь не упала в обморок, впечатленная душераздирающей драмой. Гибель цитадели чародеек немедленно сказалась на всем мире людей. Доля света в нем значительно уменьшилась, в то время как концентрация скверны существенно подскочила. Этот скачок ударил по фее сильнее боксера на ринге, отчего она едва не растаяла в воздухе, осев на мраморный пол. Последнее, что ей запомнилось, это горящие острова Великого Архипелага и зияющая пустота в том месте, где располагалась небесная гряда. Между этим тяжким зрелищем и созерцанием Илианы имелся очевидный пробел. Приподнявшись на локте, фея сообразила, что лежит в ворохе подушек на постели принцессы, под боком мурчит упитанный Тюльп, а над головой, на спинке кровати, сидят попугай и несколько белок. Распушив хвосты, последние обеспокоенно цвиркали и выразили явную радость, когда ее светозарность наконец-то пришла в себя. В распахнутом окне шумно выдохнул олень, тряхнув поистине королевскими рогами. На соседнем подоконнике громко мяукнула крупная пантера. Стайка попугайчиков сделала по комнате круг и примостилась неподалеку от кровати, оживленно попискивая.

— Что произошло? — нетвердым голосом осведомилась фея, принимая сидячее положение.

— Ты упала прямо там, в зале. Все так испугались! Меня хотели увести, но я тебя не отпускала. Ты была такая холодная! — ответила принцесса.

— Как я здесь очутилась? — уточнила Дин'Юлемиона, силясь восполнить прореху в памяти.

— Я попросила принести тебя сюда и оставить нас одних. Все думали, что ты от нас уйдешь. Ты… ты едва не растаяла… — запнувшись, объяснила Илиана.
— Ну уж нет, так просто им от меня не отделаться! — мрачно изрекла фея, окончательно уяснив себе что к чему. — Однако мне следует кое-что проверить.
С этим словами она сделала легкое движение рукой. Раздался тихий хлопок, и вместо взрослой женщины вновь появилось миниатюрное создание ростом в полтора фута.
— Ладно, с этим порядок, — усмехнулась Дин'Юлемиона. — А то, знаешь ли, бывали случаи, когда у фей из-за различных потрясений не получалось превратиться обратно. Чародейки об этом могут многое порассказать.
Воплотив перед собой круглое зеркало из глади зачарованной воды в обрамлении цветочной чашечки, она глянула в свое отражение и скривилась. Слегка поколдовав, фея убрала болезненную бледность и придала себе более жизнерадостный вид. Затем, подумав, сменила стрекозиные крылышки на пару больших и красочных, как у бабочки. Крылья у Дины играли скорее вспомогательную роль, нежели были обязательной частью тела. Покрутившись перед зеркалом, фея поправила прическу и переоделась. Ей было достаточно окутаться облачком, чтобы вместо одной одежды появилась другая.

Илиана с любопытством следила за манипуляциями подружки и наставницы. Убедившись, что та пришла в норму, она заулыбалась, а ее сиреневые глаза радостно заблестели.
— Постой-ка! — воскликнула вдруг Дина, застыв с гребнем в руке. Пока она расчесывала волосы, слова девочки вдруг навели ее на одно соображение. — Ты что, там была?!
— Где? — не поняла принцесса, плюхнувшись рядом с ней на большую расшитую подушку.
— Там, в зале, — уточнила фея, окинув подопечную беспокойным взглядом.
Тут все окончательно прояснилось. Во время всеобщего переполоха, вызванного появлением Жнецов возле Великого Архипелага, Илиана, заскучавшая в одиночестве, прошмыгнула за дверь и прокралась к своей Дине. Там она и находилась до тех пор, пока фея не упала без чувств, едва не утратив связь с окружающей реальностью.
— Значит, ты все видела? — помолчав, тихо спросила Дин'Юлемиона.
Враз посерьезневшая принцесса утвердительно кивнула. Зрелище в Конту-Фенеструмах было явно не для пятилетнего ребенка, по-

этому фея осторожно попыталась определить, что девочка поняла и как это на нее повлияло. Реакция Илианы оказалась на удивление взрослой. В ее глазах сквозила совсем не детская печаль, а скупые слова, которые она роняла, свидетельствовали о глубоком переживании всего случившегося. Ее маленькая головка, вероятно, еще не осознавала всей глубины трагедии и количества жертв, но Илиана отдавала себе отчет, что Великий Архипелаг она уже никогда не увидит. Никогда не прогуляется по его чудесным садам вместе с Диной, и тех женщин в красивых одеждах, что неизменно оказывали им самое радушное гостеприимство, ей также больше не встретить. Не менее стоически юная принцесса восприняла и изображение с фронта, где Колоссы поливали огнем орды наступавших демонов. Тринадцать тамошних Жнецов материализовались вместе с теми, что погубили цитадель чародеек, и немедленно попали под ураганный обстрел тяжелых орудий. Казалось, их тут же разнесло в клочья, однако у феи имелись все основания считать, что это было не так. Взрывы, поглотившие красные скалы, против ожидания выглядели недостаточно обширными и носили крайне примечательный характер. Не успев распространиться далеко в стороны, пламя вдруг устремилось обратно в эпицентр и исчезло, будто его втянуло в какую-то точку. Следовало принять во внимание кем были Жнецы и чем занимались. В отличие от остальных векстров, они имели дело с чистой энергией и обладали специфическими возможностями. Собственно, именно это и позволило им совершить рейд далеко за пределы присутствия скверны, куда не могли забраться другие участники вторжения. Это же, судя по всему, помогло Жнецам вернуться обратно в преисподнюю. Использовав энергию взрыва, они прихватили ее с собой. Во всяком случае, те тринадцать, что находились на линии фронта. Вот напавшие на Великий Архипелаг вряд ли уцелели. Аннигиляция, спровоцированная столкновением несовместимых энергий, принесла максимальный ущерб, не сдерживаемый никакими силами. Но что за беда Арферону пожертвовать тринадцатью вечными прислужниками, когда в его распоряжении их имелась тьма-тьмущая?

Фея провела с Илианой самый серьезный разговор за все время их знакомства. Принцесса внимательно слушала объяснения Дины и задавала вопросы. На некоторые было весьма непросто ответить. Особенно те, что касались будущего, которое фея теперь считала весьма удручающим.

— Как ты думаешь, мы победим? — спросила девочка, поставив покровительницу в чрезвычайно сложное положение.

На сей раз не получалось так, что Илиана знала и не знала ответ

одновременно. Ардарианская империя канула в лету, и теперь Принцесса Крови воочию убедилась, куда подевался Великий Архипелаг. Это были свершившиеся исторические факты, и отрицать их, надеясь на чудо, просто бессмысленно. Однако история свидетельствовала и о том, что вторжение прекратилось, иначе Нирелин, Солтенстил, Альмирстал и Тал-Амин никогда бы не существовали. Эту драму следовало пережить до конца, чтобы расставить все точки над i.

— Я знаю, что защищу тебя, чего бы мне это ни стоило! — сказала, подумав, фея. — Прости, дорогая, но это все, в чем я сейчас могу тебя заверить.

— Ты сегодня меня чуть не оставила! — напомнила Илиана, и губы ее задрожали, а в глазах появилась подозрительная сырость.

— Больше этого не повторится, — слабо улыбнулась Дина, порхнув к принцессе и погладив ее по щеке своей кукольной ручкой. — Свет, который в тебе живет, удержал меня в этом мире. Теперь я это понимаю. Пока мы вместе, мы защищаем друг друга.

— Какой свет? — живо осведомилась Илиана с присущей ей любознательностью.

Подступившие было слезы высохли, так и не пролившись. Она вообще не относилась к плаксивым детям, и если уж прятала лицо в подушку, то действительно по серьезному поводу.

— Возможно, однажды ты все узнаешь, — загадочно отозвалась фея.

Илиана, переживая эту сцену, решила, что Дин'Юлемиона говорит об особенности происхождения Повелителей Крови, которую она поведала императору и императрице, и которую юная принцесса еще не знала. Принцесса Крови даже не догадывалась, что фея подразумевает нечто совсем другое.

Еще одно потрясение ждало Дин'Юлемиону по выходу из покоев Илианы, когда она поняла, что осталась единственной феей в мире людей. Остальные не выдержали натиска зла и исчезли. Тото Дин'Юлемиона перестала ощущать искорки их жизней, на что поначалу, занятая непростым разговором с воспитанницей, не обратила внимания. Увы, такой печальный исход не удивлял. Дин'Юлемиона и сама не растворилась в пространстве лишь потому, что ее удержала Илиана. Удержала в прямом и переносном смысле, сжав становившуюся прозрачной руку и овевая своим сокрытым живительным светом. Окрепнув, фея теперь не боялась последовать вслед за соплеменницами, но оставаться в одиночестве ей было чрезвычайно тяжело. Однако она не жаловалась. Наоборот — как могла, поддерживала чародеек. Ведь состояние тех было поистине неописуемо. Они потеряли множество сестер,

практически весь цвет своего народа. Чародейки еще не осознали всю непоправимость удара векстров и оплакивали погибших. Фея очень хорошо чувствовала эту боль, поскольку их связывали более серьезные узы, нежели просто давнее знакомство.

Дин'Юлемиона не усугубляла страдания чародеек разговорами о всей критичности создавшегося положения. Лишившись Великого Архипелага, Ардарианская империя утратила самый мощный центр своей силы. Урон, нанесенный чародейкам, был невосполним, а в нынешней ситуации катастрофичен. С точки зрения личного состава, сестры, как бы жестоко это ни звучало, потеряли лишь пятую часть численности, но то была элита. В небесной цитадели сосредотачивались все знания, все достижения колдовского искусства. Там работали лучшие умы и творили самые одаренные чародейки. Их гибель резко подкосила рост всего цветущего древа, берущего начало с незапамятных времен. Становилось абсолютно очевидно, что это незамедлительно скажется на ходе противостояния с векстрами весьма плачевным образом. Создание Колоссов оказалось подорвано. Их делали и в других местах, но около половины всей производственной мощности было сосредоточено на Великом Архипелаге. Это же касалось и самых разных вещей, начиная от армейской экипировки и заканчивая предметами обихода. Основной приток существ из других миров происходил через Трансталлы погибшей цитадели. Оттуда же поступали всевозможные ресурсы и разносторонняя помощь. Путешественниц, застрявших в Сунастийских пределах, было не так уж сложно вытащить, но восстановить утраченные социальные, технические и экономические связи в ближайшее время не получится. Потенциал чародеек непоправимо снизился, в то время как векстры продолжали наращивать свое присутствие. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы осознать образовавшийся перекос в пользу врага и полученное им преимущество. Преимущество, которое теперь компенсировать решительно нечем, особенно с учетом полного исчезновения всех фей. Исход противостояния становился для Дин'Юлемионы очевидным. Ардарианская империя больше не могла остановить вторжение, и с этого момента все ее ресурсы лишь оттягивали неизбежное. Об этом фея переговорила с императором и императрицей, оставшись с ними наедине за закрытыми дверями.

Со дня откровений Отремиана все сведения о начале вторжения отнесли к высшей государственной тайне. Никто в империи не должен был знать о том, как появились демоны и зачем они пришли. В том числе потому, что последнее представлялось не таким уж однозначным. Формально демоны следовали условиям

сделки, однако ее точное содержание оставалось неизвестным. Таунсторм о чем-то договорился с Арфероном, и о сути этого договора приходилось судить исключительно со слов беглого чародея. Более поздние свидетельства, полученные из разных источников, косвенно подтвердили признание Отремиана, но даже если он говорил чистейшую правду, это давало не так уж много. Повелитель крови и архидемон скрепили сделку с глазу на глаз. Первый унес ее текст в преисподнюю, а второй и так уже там находился. Почти наверняка можно было утверждать, что Таунсторм добивался устранения Юстелия Ардарианского, его жены и дочери, но какие формулировки при этом использовались? Большинство людей употребили бы словосочетание "император и его семья" — короткое и точное описание желанной задачи. Но так ли это? Имей Таунсторм неосторожность выразиться именно таким образом, Властелин Крови немедленно передает корону какому-нибудь одинокому добровольцу, отдает его демонам — и вуаля! Договор исполнен, векстры убираются обратно в преисподнюю, а Юстелий Ардарианский снова объявляет себя правителем страны. Допустим, Таунсторм назвал императора по имени, но тогда упоминание семьи по-прежнему хромало на обе ноги. Монарх разводится с женой и отрекается от дочери. Формально семьи у него нет, а демоны даже по законам крови никоим образом не смогут добраться до Тринионы — по сути, чужому ему человеку. Убив Юстелия Ардарианского, они, опять-таки, убираются прочь, а Триниона становится регентом до совершеннолетия принцессы. Таунсторм, не будь дураком (если не считать самого его контакта с векстрами), наверняка подумал об этом и нашел более подходящую фразу для изложения цели. Но что же именно он пожелал? Перечислил всех по именам? Вероятно, однако и здесь хватало подводных камней. Что произойдет, если заданные жертвы станут зваться иначе, а их имена примет кто-то другой? Продолжать в таком духе богатая фантазия способна долго.

Для подобных рассуждений у Дин'Юлемионы имелись очень веские основания. Все ее примеры были призваны подчеркнуть важные нюансы гипотетической сделки. Если она составлена недостаточно корректно, можно найти просчеты Таунсторма и заставить Арферона сделать совсем не то, что предполагалось изначально. Эта идея выглядела очень даже неплохо, если бы не одно жирное НО. По мнению феи, ситуация обстояла с точностью до наоборот. Договор готовили векстры, и они наверняка постарались обставить все так, чтобы сам Таунсторм не заметил каких-нибудь мастерски завуалированных деталей. Дин'Юлемиона основывалась на элементарной логике. Арферон не был заинтересован

в быстром исполнении сделки и тем более ее срыве. Его выгода росла пропорционально длительности присутствия векстров в мире людей, вплоть до его полного порабощения. С одной стороны, он подчинялся законам мироздания и не мог намеренно поступаться взятыми на себя обязательствами, затягивая их реализацию. С другой — кто сказал, что он не придумал какую-нибудь хитрость?

Возможно, все эти допущения для кого-то выглядели не слишком полезной демагогией, однако в них крылась чрезвычайно важная суть. Допустим, граждане империи узнают, что пламенеющие легионы явились за императором и его семьей. Стало быть, если они их получат, то тут же уберутся восвояси. Разрушение городов, сожжение провинций и гибель людей немедленно прекратится. Какова будет реакция населения и его влиятельных кругов, особенно тех, кому есть что терять? Наверняка нашлось бы немало желающих потребовать от венценосной четы пожертвовать собой ради блага подданных. Тяжесть противостояния с векстрами немедленно усугубилась бы внутренними волнениями в империи. Стоило ли идти на поводу у демонов — отдельный вопрос. Вопрос сделки с совестью, потакания врагу и пресловутого предпочтения большему злу меньшего, частенько используемого малодушными индивидами в качестве оправдания своим трусливым поступкам. Проблема заключалась в том, что даже согласись император и его жена отдать свои жизни и жизнь своей дочери исчадиям преисподней — это запросто могло не принести желаемого результата. Собственноручно погубив последних Повелителей Крови, граждане Ардариании имели немалые шансы остаться все с теми же демонами, если сделка каким-либо образом не выполнялась. Зная натуру людей, фея понимала, что многие из них будут готовы рискнуть чужой головой, поэтому выразила свою позицию четко и категорично. Она заявила, что Илиану никому не отдаст, и пусть только кто-нибудь посмеет заикнуться о том, чтобы избавиться от Принцессы Крови. В итоге, по совокупности всех соображений причину гибели Руандаля засекретили, со всех посвященных в тайну взяли клятву о неразглашении, а вопрос о жертве даже не рассматривался. Однако это отнюдь не означало, что о договоре между Таунстормом и архидемоном тут же забыли и не предпринимали по его поводу никаких действий.

Разговор Дин'Юлемионы с императором и императрицей был напрямую связан с этой темой. Фея не ходила вокруг да около. Она без обиняков заявила венценосной чете, что остановить демонов силой уже не удастся. Она не бралась предсказать, в какую именно форму выльется поражение империи, но его неизбежность

стала для нее очевидной. По мнению Дин'Юлемионы, у людей оставался только один шанс попытаться предотвратить наихудшее развитие событий. Им следовало бросить как можно больше сил на то, чтобы узнать точное содержание сделки с Арфероном.

Говоря так, фея прекрасно понимала как это звучит и насколько призрачны шансы на успех. Допросы пленных демонов ни к чему не приводили. Юстелий Ардарианский не имел над ними власти. Его воля на векстров не действовала, а сами они не произносили ни единого слова, ограничиваясь презрительным хохотом. Кроме того, Арферон вряд ли посвятил приближенных во все тонкости соглашения, а расспрашивать его самого было тем более бесполезно, даже если бы представилась такая уникальная возможность. Вывод напрашивался сам собой — следовало отыскать Таунсторма и попытаться выведать у него точное содержание сделки. Иного способа попросту не было. Сделка не заключалась на неком волшебном пергаменте и не подписывалась кровью. Заветную бумагу не стерег огнедышащий дракон, и она не покоилась на дне моря в указанном картой месте. Означенного документа вообще никогда не существовало. В пустоте, вокруг которой текли волны самой основы мироздания, архидемон вычерчивал слова между собой и Повелителем Крови. Горя вечным огнем, они не имели физического воплощения, но их нерушимость была тверже любого вещества. Принимая написанное, каждая сторона делала эти слова частью себя. Превращаясь в поток энергии, они вливались в саму сущность участников сделки, создавая между ними нерушимую связь. Никто из них не мог разорвать заключенный договор, изменить его условия или отказаться от их выполнения — даже властелин преисподней. Таким образом, изначально только участники сделки и знали, о чем они договорились, и никаких документальных свидетельств этому не было.

Сцена исчезновения Таунсторма давала надежду, что он до сих пор жив. Если бы Арферон надумал его убить, пользуясь какой-нибудь лазейкой, он наверняка придумал бы что-нибудь попроще, чем забирать Повелителя Крови в преисподнюю. К чему такие сложности? Здесь как раз напрашивался вывод, что у архидемона имелись веские основания поступить именно таким образом. Похоже, он не желал, чтобы Таунсторма кто-нибудь нашел, и для пущей безопасности упрятал его под свое крылышко. Следовательно, как раз это и надлежало сделать — отыскать губернатора Асталийской провинции и вытянуть из него все обстоятельства дела. Конечно, не исключено, что Таунсторм, даже если удастся с ним встретиться, попросту откажется говорить. Не для того он заварил всю эту кашу, чтобы самому ее и портить. Однако

Дин'Юлемиона полагала, что молчать он все же не станет, если расписать ему в красках к каким последствиям привело его опрометчивое сношение с векстрами. Вот только поди найди Повелителя Крови во владениях Арферона. Это вам не Ардарианский континент, где и то пришлось бы хорошенько постараться. В сравнении с масштабами преисподней весь мир людей был размером с математическое понятие предела стремящегося к нулю. Уже само по себе это делало задачу едва ли выполнимой, а перечень сложностей здесь отнюдь не заканчивался. Даже если разведчики каким-то чудом наткнутся на Таунсторма, вряд ли он разгуливает в гордом одиночестве без всяких ограничений. Не исключено, что Повелитель Крови находится в каком-нибудь особо неприступном месте или его сторожит целая армия. А то и все сразу. Единственной путеводной нитью служила только сама сущность Таунсторма — живого человека отмеченного печатью света. Арферон не мог поступать с ним как угодно, вынужденный считаться с определенными ограничениями. Увы, людям это мало что давало. Фея, к примеру, способна уловить искру люмеан даже в царстве вечного огня, но помочь она, увы, не в состоянии. Ей туда путь заказан. Заклинателям, которые отправятся через Трансталлы в преисподнюю, придется рассчитывать только на себя.

Изложив свое видение ситуации императору и императрице, фея и не пыталась смягчить удар. Вероятность успеха была настолько призрачна, что она никогда не решилась бы настаивать на своем предложении, если бы оставалась хоть какая-то приемлемая альтернатива. По мнению Дин'Юлемионы, императору следовало привлечь как можно больше адептов Проберианского колдовского течения и всех тех, кто... согласится путешествовать в преисподнюю. Фее претила сама мысль просить кого-то отправляться в логово векстров, поэтому до сих пор она ни о чем подобном даже не заикалась. Заклинатели, уходившие в мир демонов, собирали сведения о вторжении по инициативе Властелина Крови. Это продвигалось ни шатко ни валко, как бы между прочим, но теперь Дин'Юлемиона полагала, что если уж кто-то из людей и так наведывается в преисподнюю, то самое время послужить доброму делу. И приложить к нему максимум усилий, пока еще не слишком поздно, ибо долго империя не выстоит. Говоря тет-а-тет с венценосной четой, фея не скрывала правду. По ее оценке, счет пошел не на годы или месяцы, а в лучшем случае на недели. Через четыре, самое позднее шесть недель векстры достигнут Сангвитории.

* * *

Илиана уже знала, что Дин'Юлемиона заранее готовилась к худшему. Фея, как и обещала, собиралась защитить ее любой ценой, и все остальное уже делала лишь постольку поскольку, не особо веря в успех, но и не отказывая людям в помощи. Помощи, на которую она никогда бы не пошла, если бы не воспитанница и если бы не бесчинства векстров. Принцесса, хоть и маленькая, а уже неоднократно примечала особенности поведения Дины и спрашивала ее, отчего она при всем своем могуществе что-то делает или, наоборот, не делает. Фея, как могла, пыталась в общих чертах обрисовать девочке основную суть, приводя наглядные примеры. По сравнению с лесными обитателями, Илиана сама была всемогущей. Она прекрасно их понимала, разговаривала с ними и о комто даже заботилась, а в ее дворце содержался целый зоопарк. Но отчего же девочка не проводит круглые сутки в лесу, не позволяя животным поедать друг друга и не возясь с каждым из них с утра до ночи? А жители города, который и вовсе за стенами дворца? Илиане вполне по силам лечить их от всяких недугов, кормить, поить и одаривать своим теплом. Почему же она не делает ничего подобного? Ни она, ни ее мама или папа. Во-первых, помочь всем и вся попросту невозможно. Во-вторых, это, как бы ни казалось странным, еще и вредно. Что делает медвежонок, привыкнув к человеку? Он утрачивает возможность жить и развиваться самостоятельно. Без своего кормильца и покровителя он уже не способен существовать, и в родной среде попросту не выживет. Если гипотетически предположить, что феи только и станут делать, что оберегать человечество от всяких опасностей и вообще носить его на руках, то это полностью остановит его в развитии. Люди превратятся в капризные тепличные растения, лишенные какого бы то ни было будущего. Феи заботились о рощах и лугах, ручьях и озерах как о первозданной основе природы — чистой красоте, лишенной какой бы то ни было направленности. Красоте, которая сама была порой не способна оградить себя от внешних угроз. Однако с чем более развитым обществом они имели дело, тем меньше вмешивались в его судьбу. Пчелиный улей мог рассчитывать на их неизменное покровительство. Медведя, попавшего в капкан браконьера, феи освобождали и лечили, но не водили его за ручку и не укрывали от непогоды. Человеку, как правило, не помогали вовсе. У людей предостаточно средств самим о себе позаботиться, а львиную долю своих возможностей они употребляют на уничтожение окружающей среды. Тут впору от них всех защищать, а не наоборот. Вторжение векстров — случай особый, хотя и здесь человечество умудрилось спровоцировать его самостоятельно. Если бы не Илиана, ни Дин'Юлемиона ни ее соплеменницы не стали бы

помогать империи. Увы, дело принимало настолько дурной оборот, что из всех фей осталась одна лишь покровительница принцессы. А ее главная задача — уберечь воспитанницу. Это была одна из двух причин, почему Дин'Юлемиона перестала улетать далеко от Илианы. Теперь она не спускала с нее глаз, не желая прозевать какую-нибудь опасность. Охране, несмотря на всю ее квалификацию, фея больше не доверяла. Чародейки потеряли собственную цитадель, и оставалось благодарить провидение, что Принцессу Крови в свое время не перевели туда. Из-за этого, оберегая девочку, Дин'Юлемиона не стала бы покидать пределов дворца, даже если бы могла. Ведь вблизи от Илианы ее удерживала и вторая причина — от пагубного влияния векстров фею защищало только близкое присутствие воспитанницы. И только благодаря принцессе она все еще не растворилась в пространстве, покинув наполнявшийся злобой мир людей.

Невозмутимость, с которой фея ждала трагической развязки, дарила Илиане душевное равновесие. В то время как гибла империя, Дин'Юлемиона оставалась стоически спокойна, и ее спокойствие передавалось девочке. Дина была единственным тихим островком в океане разраставшегося противостояния, чей штормовой прибой все громче накатывал на стены дворца из импрезиториума. Илиана чувствовала тревогу, исходившую от окружающих. Она увеличивалась с каждым днем, и только Дина поддерживала в воспитаннице уверенность в завтрашнем дне. Девочка полагала, что у феи есть какой-то план, который в решающий момент всех спасет, отчего не слишком тревожилась. Такой план действительно существовал. Именно поэтому фея и казалась спокойной — она ведь хорошо знала, как ей следует поступить. Она знала, что в состоянии сдержать обещание уберечь принцессу от беды. Илиана, дожидаясь кульминации самой тяжелой в ее жизни драмы, не сомневалась, что именно фея поставит точку во вторжении демонов. Однако она даже не догадывалась, что именно произошло в момент падения дворца из колдовского обсидиана, как не догадывался и тот, кто возглавлял легионы преисподней. Час пробил, когда Сангвиторию поглотил свирепый огонь.

– 5 –

В эвакуации из дворца отсутствовал какой-либо смысл. После Великого Архипелага он был наиболее защищенным местом в империи. Великий Архипелаг погиб, и сердце Ардариании стало последним оплотом императора. Если не устоит Сангвитория, значит всему конец, поскольку продолжать сопротивление где-то в другом

месте в принципе бесполезно. Векстры — не те, с кем можно вести партизанскую войну. Властелин Крови не оставит свою столицу, чтобы скрываться где-то за ее пределами как простой бродяга. Если уж и принять свою судьбу, то стоя к ней лицом, с мечом в руках и короной на голове. Именно поэтому, когда огонь подступил к стенам из колдовского обсидиана, император оставался внутри вместе с теми, кто решил защищать столицу до последней минуты.

Сражение за Сангвиторию продолжалось две недели. За это время демоны взяли ее в огромное кольцо, отрезав от всего остального мира. Пространство в десятки и даже сотни миль превратилось в выжженную пустыню, где шагали во вздымавшемся пламени легионы преисподней. Из глубоких провалов, насыщенных бурлящей лавой, вылезали все новые чудовища. Громадные исполины, собираясь несметным числом, вплотную подступали к цитадели императора. Лишив столицу Ардариании подкреплений извне, демоны брали ее измором, фактически дожидаясь, когда у людей кончатся ресурсы. Колоссы, постепенно отступив к погибающей столице, стояли насмерть, удерживая наседавших демонов до последнего заряда. Но и их энергетические запасы были не безграничны. Блокада лишила исполинские крепости возможности полного восстановления. Израсходовав весь боекомплект, осушив все источники колдовской силы, они превращались в летающие холмы, способные причинить врагу ущерб только своим падением. Несметное количество демонов уничтожили Колоссы, но однажды они дали свой последний залп, после чего замолчали навсегда. И вот одну из крепостей поглотил мощный взрыв. Ей, лишенной какой бы то ни было защиты, было больше нечего противопоставить бешеному натиску врага. Следом за ней исчез в яростной вспышке пламени и другой Колосс. Затем еще и еще. Исполинские крепости, досуха исчерпав запасы энергии, пали. К тому времени кварталы Сангвитории уже пылали. Ослабший оборонительный рубеж в какой-то момент перестал блокировать атаку исчадий преисподней. Большие и малые сгустки пламени проникли за защищенный периметр. Вместе с ними пришел нестерпимый жар. Сады и парки поглощал огненный вихрь. Плавились купола и мостовые. Одно за другим обрушивались здания. Ужасающий пожар пожрал огромный город менее чем за сутки. С гибелью последних Колоссов орды демонов ринулись к императорскому дворцу — последнему нетронутому острову в море всепожирающего огня.

В отличие от Руандаля, граждане Сангвитории не разделили печальную участь своего города. Император заблаговременно приказал эвакуировать всех жителей. Когда сомкнулось кольцо блока-

ды, практически все мирное население удалось переправить за пределы вторжения. В столице остались только солдаты и заклинатели, принимавшие участие в ее обороне, а также те, кто решил не покидать сердце Ардарианнии или ее императора. И они стояли до конца, стараясь прихватить с собой как можно больше рогатых чудовищ. Отступать все равно было некуда. Трансталлы уже не работали, подвергаясь сильному искажению из-за воздействия векстров. Невозможность их использования окончательно прервала восполнение энергетических ресурсов, ускорив падение Сангвитории. Но ее защитники добровольно выбрали свой путь, поэтому не думали о спасении и обращали против врага свои жизни до последней капли крови.

Зоопарк Илианы эвакуировали вместе с большинством мирных жителей. Во дворце, исключая самых преданных слуг, осталась только лейб-гвардия и все уцелевшие заклинатели. Залы и коридоры опустели. Воздушные платформы превратились в крепости, откуда гвардейцы обстреливали полчища демонов из тяжелых установок. Прозрачный защитный купол, окружавший дворец, все еще держался, как держался и колдовской обсидиан. Но близилась роковая минута. Истончались чародейские барьеры, тускнели мерцавшие голубым защитные контуры. Исчадия преисподней, осыпавшие последнее препятствие шквалом ударов, рвались в оплот Властелина Крови. Когда времени осталось совсем мало, фея подала условный сигнал. Та Илиана, которой было пять лет, не видела этот красноречивый жест. Устроившись в уютных объятиях матери, она слушала ее пение — мелодичное, успокаивающее и бесконечно прекрасное. Покачивая дочь, Триниона баюкала ее, будто та была еще малюткой. Той малюткой, которая совсем недавно лежала в колыбельке. Малюткой, которая росла у нее на глазах, и с которой теперь, так и не увидев, как она вырастет, надлежало расстаться навсегда. Взрослая Илиана прямо-таки ощущала материнские руки, обвивавшие с удивительным теплом, чувствовала запах волос, ниспадавших ей на лицо длинными волнистыми прядями, внимала чарующим переливам волшебного голоса. И вот была допета последняя песня. Мягко поставив дочь на пол, императрица взяла ее за руку и пошла вслед за феей. Илиана поняла, что слышала пение матери в последний раз.

В воздухе, сухом и душном как перед грозой, витало чрезвычайное напряжение. Снаружи доносился гул идущей битвы, подступившей вплотную к дворцовым стенам, от которого дрожала земля и звенели стекла. Фея старалась успокоить девочку, вздрагивавшую от каждого резкого звука. Это ей более-менее удавалось, но испуг ребенка рос пропорционально росту экспфернума

векстров, просачивавшегося сквозь защитный купол. Илиана стояла рядом с Диной в центре тронного зала, беспокойно оглядываясь по сторонам. Кроме них там находились только отец с матерью, а также двенадцать заклинателей. Шестеро длиннобородых старцев в мантиях до пят были лучшими чародеями в империи. Столько же женщин в тончайших платьях, будто сотканных из света и воздуха, принадлежали к кругу наиболее могущественных чародеек. Одеяния императора и императрицы отличались особой пышностью, присущей скорее торжественному приему, а не военному положению. Богатые мантии дополняли парадные короны. У Тринионы она осталась прежней, но Юстелий Ардарианский после рождения дочери заказал себе другую. Вместо одного рубина там красовалось три — по числу Повелителей Крови в правящей династии. Каждый из них имел лучистую форму, отчего зубчатая корона выглядела трехзвездной. Сама Илиана была облачена в простое синее платьице, словно собиралась с феей на очередную прогулку к тайным друзьям. Из всех драгоценностей при ней находился лишь фамильный медальон, и тот зачем-то перевесили на более длинную цепочку не иначе как на вырост.

Девочка не приставала к Дине с вопросами, хотя ее лицо, несмотря на волнение, выдавало явное любопытство. Фея заблаговременно предупредила воспитанницу, что в тронном зале состоится особый ритуал и научила как следует себя вести. Собственно, от принцессы не требовалось ничего особенного — только встать где велит Дина и не двигаться, что бы ни произошло. Великое дело! Суть ритуала фея объяснила просто — она обещала защитить свою любимую Илю и сделает это. В чем именно сие будет заключаться, Дина не сказала, сославшись на сложности колдовского искусства. Илиане только и оставалось смотреть, как вокруг нее рассредоточиваются по кругу старцы и чародейки, становясь через одного. Когда они заняли свои места, к девочке, подле которой порхала фея, приблизились отец с матерью. Присев рядом с ней, они, казалось, завели какой-то бестолковый разговор, суть которого ускользала от понимания юной принцессы. Лишь теперь, вновь переживая его в своей взрослой ипостаси, Илиана поняла, что родители с ней прощались. И вот умолкли их голоса. Запечатлев на челе дочери последний поцелуй, отец с матерью вышли за круг заклинателей. Император встал с его северной стороны, императрица с южной. Все в тронном зале ожидали знака феи, а та внимательно прислушивалась к чему-то за пределами дворца. Илиана, переминаясь с ноги на ногу, старалась сохранять терпение, памятуя наказ своей подруги и наставницы.

— Пора! — сказала вдруг Дина.

Порхнув вплотную к девочке, она взяла ее за руку. Если бы не драматизм момента, то это было бы так забавно — наблюдать, как кукольная ручка ухватила детскую ладошку. И тут фею окутал мягкий белый свет. Разом озарив все ее тело, он перекинулся на Илиану и окружил ее колеблющимся ореолом. Девочка, удивленная происходящим, забыла об обещании не двигаться и хотела поднять свободную руку, чтобы рассмотреть свечение поближе. Тут-то и выяснилось, что пошевелиться она, оказывается, не в состоянии. Удивившись, Илиана хотела спросить у Дины чего это с ней такое, однако язык также не повиновался. Принцессе показалось, что она вообще застыла на месте будто статуя, и даже перестала дышать. Но девочка не боялась. Окруживший ее свет был насыщен таким удивительным покоем, что испарились все страхи, развеялись все тревоги. Краем глаза Илиана успела отметить как воздели руки заклинатели, а ее родители, вспыхнув алыми звездами, обдали их волнами жизненной энергии. Затем все заполонил белый свет.

Юная принцесса уже не видела, как в центре тронного зала, вокруг которого колдовали двенадцать человек, образовалась непроницаемая светящаяся сфера, где исчезли Дин'Юлемиона и ее воспитанница. Это видела взрослая Принцесса Крови, наблюдавшая ритуал вплоть до его кульминации. Энергетический вихрь нарастал. Чета Повелителей Крови выжимала себя досуха, отдавая все силы чародеям и чародейками. Те, в свою очередь, воздвигали поразительный барьер, о котором им прежде и слышать не приходилось. Тронный зал задрожал, словно становясь бесплотным. Сквозь него проступил бескрайний космос, где сияли галактики и рассыпались далекие туманности. Неведомые миры проплывали мимо в бесконечном хороводе. Зажигались и гасли звезды, будто вся их жизнь длиной в миллиарды лет проносилась мимо за несколько секунд. Казалось, реальность растворилась, а тронный зал, обратившись в мираж, летел сквозь глубины мироздания. Мгновения превратились в вечность.

Но последний оплот Сангвитории все еще существовал. Прозрачный защитный купол отражал удары врага, истончаясь на глазах. Целые скалы, брошенные рукой исполинских чудовищ, разбивались об него на куски и осыпались грудой дымящихся обломков. Миллионы лавовых камней бились и бились о колдовской барьер, разлетаясь раскаленными каплями, и его голубое мерцание становилось все слабее и слабее. Грохот разрывов перемежал громогласный рев, издаваемый миллионами глоток. Рогатые чудовища торжествовали. Усеяв свой путь несчетным количеством трупов, они сожгли цветущие долины и густые леса, испарили

полноводные реки и глубокие озера. И теперь, наконец-то, вот-вот падет сердце империи людей. Падет, обращенное в прах, как и вся их доселе прекрасная, а ныне лежащая в руинах столица. Сегодня она — завтра весь мир.

В рядах демонов, окутанных вихрем гудящего пламени, возникла исполинская фигура, будто сотканная из его красно-желтых завитков. При виде нее рогатые чудовища взревели еще громче, приветствуя появление своего полководца и властелина. В минуту долгожданного торжества на поле боя явился сам Арферон. Широко разведя руки, он взмахнул ими так, словно направлял что-то вперед. Море огня, заливавшее Сангвиторию, вздыбилось, а затем, повинуясь приказу верховного архидемона, могучей приливной волной ринулось на стены из колдовского обсидиана.

Внутри императорского чертога сверкнула вспышка. Землю, и без того дрожавшую как при землетрясении, хорошенько тряхануло. Из центральной части дворца, где располагался тронный зал, ударил столб белого света. Возносясь к небу, протянувшись в стороны, вырываясь из каждого окна и каждой бойницы ослепительные лучи полились так, будто под куполом из колдовского обсидиана полыхнула сверхновая. Эти лучи проникали повсюду, заливали каждую впадину и очерчивали каждую щелочку. Они заполоняли собой все вокруг, и демоны, закрываясь руками, без следа сгорали в потоках нестерпимого света. Это длилось всего несколько секунд. Затем неведомая звезда взорвалась, разорвав пространство и принеся забвение.

Илиана, пошатнувшись, шлепнулась на пол. Белая сфера исчезла. Исчезли двенадцать заклинателей, раскачивавшихся в такт творимому колдовству, пропали император и императрица. Вокруг был все тот же тронный зал, но с ним произошла какая-то необъяснимая метаморфоза. Кругом лежала печать полнейшего запустения. Прекрасные витражи были разбиты, статуи сильно повреждены, чародейские светильники угасли. Колонны уходили в никуда — купол куда-то подевался. Вместо величественных сводов над головой зияло высокое голубое небо. Почти все просторное помещение заполнял песок, проникавший из пустых оконных проемов. Лишь к центру зала его слой сходил на нет, образовывая идеально ровную окружность по периметру бесследно растворившейся сферы света. Там, на плитах из голубого мрамора и сидела озиравшаяся Илиана. Повертев головой по сторонам, она провела рукой по лицу, будто стряхивая наваждение. Девочка не понимала как здесь оказалась и что вообще произошло. Она растерянно хлопала глазами, силясь припомнить хоть что-нибудь, но у нее ровным счетом ничего не получалось. Продолжая сидеть на теплом

полу, она морщила лоб, озадаченно потирая его ладошкой.

Откуда-то со стороны донеслись чьи-то приглушенные голоса, а затем послышались неторопливые шаги. С тихим шелестом посыпались струйки песка, потревоженного ногами приближавшихся людей. И вот их голоса, в которых сквозило откровенное изумление, раздались совсем рядом. Илиана, повернув голову, глянула в проем главного входа. В тронный зал, ошеломленно созерцая открывшееся зрелище, вошли караванщики Нирелина.

Вскрикнув, Илиана вскочила, словно подброшенная пружиной. Воспоминания давно забытого прошлого слились с воспоминаниями недавнего настоящего. Илиана помнила, как маленькой девочкой удивленно глядела на караванщиков, а те таращились на нее, округлив глаза и потеряв дар речи. Вот только до того момента она не помнила ничего. Теперь она помнила все. История ее жизни воссоединилась. Пелена забвения, скрывавшая глубины памяти, развеялась.

— Здравствуй, Иля! — произнес вдруг чей-то до боли знакомый голос, в котором, казалось, звучит мелодичный звон серебряных колокольчиков.

Встряхнув головой, Илиана машинально протерла глаза. Перед ней была все та же лужайка шелковистой травы, сотканной из чистой энергии. Ноздри щекотали ароматы удивительных цветов, рожденных первозданным светом, а величественные деревья — суть само переплетение всех судеб мира — простилали над ними густые ветви. Каждый их лист содержал в себе какое-то воспоминание, ставшее ясным как безоблачный день. Под ними, всего в пяти футах от Принцессы Крови, шурша стрекозиными крылышками парила Дин'Юлемиона.

— Дина! — ошарашено воскликнула Илиана. — Как я могла тебя забыть?!

— Ничего удивительного. Ведь я сама и была причиной твоего забвения, — улыбнулась фея. — Надо же, какая ты стала большая! — добавила она, окинув воспитанницу любопытным взглядом. — Жаль, что я пропустила те годы, за которые ты так вымахала! Сколько тебе сейчас? Десять тысяч лет? Двадцать?

— Немного поменьше, — невольно усмехнулась Илиана. — Около девятнадцати лет, если считать по нынешним меркам, и двадцать с учетом того, что мне в действительности было пять, а не четыре, когда меня нашли. Я надеялась, хотя бы здесь кто-нибудь объяснит мое быстрое взросление.

— Вот оно что… — протянула Дин'Юлемиона. — Время обмануть не так-то просто. Видимо, сказались те годы, что тебя в нем было.

— Это как это?! — изумилась Илиана.

— Я забрала тебя в контур Забвения. Само мироздание плыло мимо нас своим чередом, а мы находились в великом и бесконечном ничто, — пояснила фея.
— А почему я ничего не помнила с тех пор, как оказалась в разрушенном тронном зале? — потерла лоб Принцесса Крови.
— Потому что твоя память все еще была скована контуром Забвения. Сбросить его узы нелегко, — пояснила Дин'Юлемиона.
— А почему тогда я вернулась, а ты нет? — все еще недоумевала Илиана.
— Потому что я сама являлась этим колдовством. Все прошедшие годы я была с тобой, но не могла появиться, пока ты меня не вспомнишь. Явившись в Последний Приют чародеек, ты восстановила память и узнала историю своего прошлого, хранившуюся в самой вселенной, — поведала фея, подлетев к воспитаннице вплотную.
Та каким-то непроизвольным жестом, пришедшим из далекого детства, попыталась ее поймать, сама поразившись этому движению. Дин'Юлемиона со смехом увернулась. Затем с тихим хлопком приняла форму взрослой женщины.
— Полагаю, так тебе будет гораздо проще, — рассмеялась она, заключая в объятия упавшую в них Илиану.
Так эти двое стояли несколько минут, испытывая ничем не измеримую радость от встречи.
— Слушай, а что это у тебя за корона на голове? — осведомилась фея, наконец-то обратив внимание на венец в волосах воспитанницы.
— Да я теперь вроде как императрица, — несколько смущенно ответила Илиана, купаясь в исходившем от феи волшебном свете.
— Не расскажешь? Полагаю, нам стоит многое друг другу рассказать. Я ведь не знаю что произошло с того момента, как ты выбралась из контура Забвения, поскольку застряла в нем вместе с твоей памятью, — предложила Дин'Юлемиона.
Соорудив пышное облачко, она привычно устроила на нем Илиану, а сама уселась рядышком. Говорили они долго.

Вся двойственность, тройственность и вообще множественность восприятия Илианы, погружавшейся в далекое прошлое, объяснялась спецификой воспоминаний.

Какие-то были ее собственные. Она одновременно смотрела на мир глазами маленькой девочки и молодой женщины. Юная Илиана еще не знала о грядущей катастрофе, погубившей Ардарианию. Для той Илианы, что стала императрицей, это был свершившийся факт, просто о его подробностях она и понятия не имела. Оттого Принцесса Крови регулярно и оказывалась в ситуации,

когда спрашивая о чем-нибудь Дину, и знала и не знала ответ. Это были две разные Илианы, маленькая и взрослая. Одна из них только начинала постигать мир. Другая уже выросла, хотя и умудрилась забыть о своем детстве. Обе, по мере развития истории, шли к одной и той же точке во времени, где должны были слиться воедино.

Чуть менее яркими казались воспоминания отца и матери. Не все, а только те, что возникали по ходу открывавшихся ответов. Это глазами отца Илиана умудрилась увидеть Сангвиторию за час до своего рождения и видела себя же глазами матери, когда совсем крошкой лежала в колыбельке. Вот с совсем чужими воспоминаниями было хуже. Многочисленные чародейки, подарившие Принцессе Крови свои частички истории, справлялись с задачей очень даже неплохо, однако четкая картинка от других людей, как правило, отсутствовала. К примеру, события в цитадели Таунсторма фактически реконструировались, отчего и выглядели совсем не так, как невероятно реалистичные эпизоды с Диной или родителями. Память бывшего губернатора Асталийской провинции, равно как и многих других прямых свидетелей тогдашней драмы, оставалась недоступной. Все связанное с трагедией в Руандале уже сами чародейки в свое время собирали по кусочку. В Последнем Приюте имелась восстановленная хронология произошедшего, а не детальное и живое воспроизведение всех сцен. Память Дины открывалась Илиане потому, что та была ее феей покровительницей, и потому что она, как выяснилось, свою воспитанницу никогда и не покидала. Император и императрица приходились Илиане ближайшими родственниками, а по сути относились к Повелителям Крови. В какой бы точке мироздания, в какой бы форме они сейчас не находились, их мысли и воспоминания не исчезли бесследно и предстали перед Принцессой Крови в ответ на ее просьбу узнать свою историю. С чародейками было совсем просто. Они сами пребывали в Последнем Приюте и делились с молодой императрицей всем, что касалось ее желания.

Илиане, внимательно слушавшей свою вновь обретенную Дину, было невероятно тяжело узнать, что отец и мать пожертвовали собой, чтобы спасти ее. Фея готовилась к худшему еще до того, как поражение империи стало очевидным. К сожалению, гибель Великого Архипелага, вызвавшая резкий рост влияния векстров, существенно подорвала исключительные возможности Дин'Юлемионы. Ближе к роковому часу она осознала, что у нее не хватит сил заключить Принцессу Крови в контур Забвения. А просто увести ее в один из Трансталлов было нельзя. Девочка, хоть и таила в себе сияние высшего света, все же была из плоти и крови.

Живой человек не в состоянии бесконечно долго находиться в Сунастийских пределах. Его условная трансформация была равносильна смерти. Рано или поздно Илиану пришлось бы вернуть обратно в ее мир. Мир, наполненный демонами. И это также означало убить ее собственными руками. Оттого и оставался только один выход — выдернуть девочку из реальности с помощью контура Забвения. Не удивительно, что люди о нем никогда не слыхали — на то он так и назывался. Векстры, разумеется, в силу своей условно высшей сущности обладали этим знанием, но особенность работы Контура была такова, что сокрытое в нем ускользало от внимания всех существ во вселенной. Оттого даже сам Арферон не подозревал, что в действительности произошло с Принцессой Крови, и созерцая ее из Ока не догадался кто перед ним стоит.

Дин'Юлемиона, скрепя сердце, сообщила родителям Илианы о контуре Забвения. Она нуждалась в помощи. Помощи, которую она не имела права требовать, но без которой уже нельзя было обойтись. Триниона не колебалась, узнав, что есть способ обезопасить ее единственную дочь. Не колебался и император. Он ценил собственную жизнь превыше всего на свете, но был готов отдать ее за свое единственное дитя. Оставалось заручиться помощью могущественных заклинателей, поскольку сами Повелители Крови колдовать не умели, а их дар на фею не действовал. Шесть лучших чародеев и шесть непревзойденных чародеек почли за честь помочь их светозарности сберечь Принцессу Крови от ненавистных векстров. В назначенный час Дин'Юлемиона открыла им тайну контура Забвения. И до последнего позволяла Илиане побыть с отцом и матерью, прекрасно сознавая, что больше они никогда не увидятся. У феи чуть сердце не разорвалось, когда она была вынуждена подать сигнал и разлучить Триниону с дочерью. Вместе они отправились в тронный зал, где заклинатели уже все подготовили. Близился кульминационный момент. Защита дворца стремительно таяла под натиском демонов. Повелители Крови не тратили оставшуюся жизненную энергию на бесполезную оборону — они берегли ее для двенадцати заклинателей. В них они ее и направили максимально возможным напором, создавая для Дин'Юлемионы приток недостающей колдовской силы.

Фея ждала решающего удара векстров. Для пламенеющих легионов следовало создать иллюзию, что это они спровоцировали взрыв, унесший жизни Повелителей Крови. Кроме того, ей требовалась волна экспфернума как важная составляющая защитных чар контура Забвения. Он должен был вернуть Илиану обратно лишь тогда, когда демоническое присутствие снизится до необходимого минимума. И фея очень рассчитывала, что однажды это

произойдет. Для векстров, как и для всех остальных во вселенной, Принцесса Крови перестанет существовать. Если ее жизнь была одним из условий сделки с Таунстормом, эта сделка окажется в неопределенном состоянии. С одной стороны, условие будет зачтено, поскольку контур Забвения вычеркивал дочь императора из реальности. С другой — наоборот, оно станет невыполнимым, если учесть невозможность до нее добраться. Дин'Юлемиона не могла предсказать точные последствия столь необычного случая, а посему надеялась, что вторжение векстров с большой вероятностью прекратится. Если же нет, контур Забвения вечен, а в бесконечной вселенной возможно всякое. В том числе и то, что Илиана куда-нибудь, да вернется. Вернется, когда всякая опасность для нее минует, чтобы прожить свои годы так, как сложится ее судьба.

План Дин'Юлемионы удался, но удался частично. Она защитила девочку, но дальнейшее развитие событий показало, что ничего еще не кончилось. Обсуждая с воспитанницей перипетии прошлого и нынешнего, фея пришла к нескольким важным соображениям. Вторжение векстров действительно прекратилось. Вероятно, все-таки их целью была семья Властелина Крови. Поток чистой энергии поглотил императора с императрицей — именно в такой форме фея тактично называла гибель родителей Илианы. Существа из плоти и крови не могли выдержать воздействие одной из величайших сил мироздания. Смерть всех находившихся рядом людей была мгновенной и безболезненной. Они добровольно пошли на эту жертву, предпочтя отдать жизни за спасение девочки, нежели бесполезно потерять их спустя несколько минут в сражении с демонами. Их как бы стер водоворот времени, в котором образовывалась крошечная пустота, скрывавшая от мира Принцессу Крови и ее наставницу. Илиане было от этого не намного легче, но она не винила фею, не имевшую возможности забрать всех троих. Ей, однако, пришлось выдержать паузу, чтобы смириться с гибелью родителей. Ведь для их дочери она произошла не сотни тысяч лет назад, а практически только что.

Пока воспитанница собиралась с духом, Дина помалкивала, обдумывая новые факты. А они были таковы, что с исчезновением Принцессы Крови, якобы умершей вместе с отцом и матерью, отродья преисподней все-таки убрались восвояси. Разломы закрылись, а пламенеющие легионы исчезли. Со временем людям удалось восстановить часть пораженных земель, но произошедшая катастрофа навсегда оставила свой неизгладимый отпечаток. И речь шла не только про пустыню Калихари и суровый Диртленд. Великая Ардарианская империя перестала существовать. Урон, нанесенный ей, был настолько велик, что развитие человечества

не только затормозилось, но, в конечном счете, оказалось отброшено вспять. Нынешняя цивилизация значительно отставала от Ардариании, хотя их разделяли сотни тысяч лет. Происхождение Мертвого Конца забылось так же, как люди позабывали огромное количество знаний, некогда известных любому заклинателю. Сестры Альмирстала — последнего прибежища чародеек, — о Великом Архипелаге и слыхом не слыхивали, да и сами превратились в бледные тени прежнего могущества. Появление Принцессы Крови всколыхнуло их угасающий род, возвращая к жизни былую колдовскую мощь. Однако само это появление ставило фею в тупик. Демоническая угроза давно исчезла, но отчего-то Илиана все это время оставалась в контуре Забвения. И появилась из него лишь тогда, когда над миром вновь нависла угроза Арферона. Получалось практически шиворот-навыворот — вместо того, чтобы вернуться в полной безопасности, Принцесса Крови объявилась в час очередного вмешательства векстров. Дин'Юлемиона нутром чуяла причастность верховного архидемона. Возможно, невольную. Возникнув у погибающего дворца, он нанес такой мощный удар своим экспфернумом, что тот проник сквозь исчезающий защитный купол и едва не расстроил чары феи. Она успела увести Илиану в контур Забвения, но теперь имела основания считать, что Арферон внес в него свою лепту, пускай и сам того не желая. Оберегающее колдовство, предполагавшее возврат Принцессы Крови в мир без векстров, стало учитывать архидемона. Это же хоть как-то объясняло поразительную особенность дара Илианы. Она ведь поведала наставнице о пленении беса и всех сопутствующих тому обстоятельствах. До сих пор никто из Повелителей Крови не имел над демонами ни малейшей власти. Это считалось невозможным. Однако контур Забвения — явление весьма специфическое. Очутившись в великом ничто в эдаком непроницаемом пузыре, Илиана осталась в замкнутом пространстве с немалой дозой экспфернума. А тому следовало куда-то деваться. Испариться наружу он не мог, как не мог витать и сам по себе. В результате энергия архидемона проникла в Принцессу Крови, которая поглотила злое воздействие властелина преисподней. Но вместо того чтобы причинить Илиане вред в условиях самой невозможности такового, оно наделило ее частичкой власти самого Арферона.

Воспитанница, продолжив разговор с Дин'Юлемионой, нашла ее соображения весьма любопытными. Даже если фея в чем-то ошибалась, некое влияние верховного архидемона подтверждалось примечательными событиями, слишком невероятными чтобы быть простым совпадением. Через свою пешку Дегониса Арферон как раз собирался поработить мир людей, когда неожиданное по-

явление Принцессы Крови полностью расстроило его планы. Властелин преисподней, заподозрив с кем имеет дело, поручил демонологу добыть каплю крови новой императрицы. Не просто добыть — бросить ее туда, откуда все началось. То есть в жерло вулкана, образовавшегося на месте погибшего Руандаля. Эта капля подтвердила Арферону личность Илианы. Чары контура Забвения были разрушены. Вторжение началось вновь. Казалось бы, все вернулось на круги своя, но слова, услышанные от пленного беса, заставляли предположить, что здесь кроется какой-то подвох. Если смерть Принцессы Крови действительно не играла для векстров никакой роли, значит Дин'Юлемиона была права с самого начала. Права в том, что необходимо узнать точное содержание договора между Арфероном и Таунстормом. Вторжение отнюдь не прекратилось с гибелью семьи императора — из-за контура Забвения его тогдашнее продолжение сделалось невозможным. Теперь векстрам все еще требовалось забрать жизнь Илианы, но с ее гибелью для них ничего не изменится, как не изменилось бы и сотни тысяч лет назад. Если бес не солгал, а догадка феи верна, вторжение в любом случае не остановится.

Илиана не знала сколько она проговорила с Диной. В Последнем Приюте время не шло в привычном человеческом понимании. Солнечные часы, некогда подаренные Сирелиной, показывали что-то явно не то. Скорости движения теней от деревьев не совпадали ни между собой, ни с полоской на циферблате. Кроме того, они то замедлялись, то ускорялись, а порой и вовсе начинали ползти в обратном направлении. Небо также было не лучшим советчиком по части суточного цикла, который, по правде говоря, в Последнем Приюте вообще отсутствовал. На нем творилось такое, что хоть в угадайку играй чего там объявится в следующий момент. Иногда оно становилось голубым как лазурь, иногда малиновым, словно перезрелая ягода. Цветовые шторма, расцветавшие как в калейдоскопе, были на небосводе отнюдь не редкостью. Порой по нему плыли пушистые облачка, состоявшие из частичек неведомых излучений, порой там проносились стаи невесомых птиц, рожденных чьими-то мыслями. Но чаще там представали сияющие созвездия и различные планетные системы, кружившие в пространстве в сложном гравитационном хороводе. Само же пространство пульсировало подобно биению сердца, и его колебания прослеживались в каждой частичке бесплотной материи. Здесь, в Последнем Приюте, было только движение. Только энергия и скорость ее распространения в том или ином слое мироздания и в самых разных направлениях. Оттого и получалось, что даже самый точный хронометр на свете оказывался не в состоя-

нии измерить привычные единицы. Нечего было измерять. Доведись Илиане окружить себя хоть сотней часов всевозможных конструкций — и все они показывали бы разный результат. Правда, ее это совсем не волновало. Встретив Дину, Илиана была готова пробыть с ней сколь угодно долго. Та, однако, вела себя куда рассудительнее. Радуясь обществу повзрослевшей воспитанницы, фея все же не забывала, что они находятся в Последнем Приюте. Им требовалось обсудить наиболее животрепещущие вопросы, ради которых Принцесса Крови и прибыла на границу пределов, но терять чувство меры не стоило. Именно поэтому, когда девушка получила основные ответы, Дин'Юлемиона повела ее на озеро. Само собой, такое же необычное, как и все остальное. Его искрящаяся вода состояла из чистой энергии, а берега сходили к нему чередой самых светлых надежд и чаяний. Водопад вдоль высокой скалы ниспадал из озера прямо в небо и растекался вокруг колец видневшейся там планеты. Прохладные волны освежили разгоряченное чело Илианы, после чего Дин'Юлемиона осведомилась сколько та здесь находится.

— Точно не знаю. Полагаю, где-то полторы недели, — неуверенно ответила воспитанница, потирая лоб и силясь припомнить собственные временные ощущения.

Фея слегка нахмурилась. Положив ладошки девушке на виски, она прислушалась к подрагиванию тонких жилок.

— Ты сильно истощена, — озабоченно произнесла она, всматриваясь в сиреневые глаза. — Это место здорово на тебя повлияло. Тебе говорили, что если пробыть здесь слишком долго, уйти уже не получится? Ты станешь его частью, и даже я не смогу вернуть тебя обратно.

— Я справлюсь. Я чувствую в себе достаточно сил и хоть сейчас пересеку границу, — уверенно заявила Илиана.

— Ты чувствуешь потоки энергии, с которыми мало-помалу сливаешься воедино. Еще бы ты не ощущала прилив сил. Только силы-то не те! — еще беспокойнее заявила фея. — А ну-ка, дорогая моя, отправляйся-ка назад! Еще не хватало потерять тебя тогда, когда мы снова обрели друг друга!

Но у Илианы все еще оставались вопросы, и она наотрез отказывалась уходить, пока не услышит на них ответы. Дин'Юлемиона, поразмыслив, предложила настырной воспитаннице продолжить беседу по пути к выходу.

Долина, через которую они шли, была, как и все здесь, наполнена светом и движением. Илиана не переставала удивляться, как многое менялось прямо у нее на глазах, но при этом вроде бы оставалось самим собой. Только что дорога вилась куда-то вдаль, а

вот она уже проходит через быстрый горный поток, хотя гор-то вблизи и не было. Океанский прибой вдруг сменяется тихим шелестом дубравы, а водная гладь возникает там, где виднелись обширные луга. Фея, с трудом подбирая слова, кое-как объяснила, что каждый шаг по дороге таковым не является, как и вообще нет никакой дороги. Все это особенности восприятия, доступные всем одновременно и каждому в отдельности. Дин'Юлемиона видит то же, что Илиана, но в своей интерпретации. Они и впрямь находятся рядом друг с другом, только не идут как путники из города в город, а с огромной скоростью перемещаются в пространстве, пересекая его формы и течения.

— А почему я не встретила других фей? — спросила вдруг Илиана.

— Ну, здесь же не музей и не парад. Они заняты своими делами, а показываться тебе у них не было необходимости, — пояснила Дина. — Кроме того, чем больше ты здесь увидишь и узнаешь, тем труднее вернуться обратно. Последний Приют не станет намеренно осложнять гостю эту нелегкую задачу, как, впрочем, не поможет из нее и выпутаться. По правде говоря, тут вообще никто даже не напомнил бы тебе о необходимости вернуться. Отнюдь не из дурного умысла. Просто это… ТВОЯ судьба. Никто не вправе принимать решения за тебя и подталкивать в каком-либо направлении.

— Но ты же мне помогаешь, разве нет? — удивилась Илиана.

— Я — исключение, — улыбнулась Дина, щелкнув ее по носу золотистыми искорками.

Принцессу Крови очень волновал еще один вопрос. Вопрос о том, что случилось, когда Дегонис едва не убил ее в развалинах родного дворца. Фея, выслушав эту историю, совсем человеческим жестом почесала в затылке.

— Помнишь то, что тебе открылось в процессе созерцания своей истории? Отец и мать до поры оградили твою волю, чтобы ты не натворила бед в слишком юном возрасте, — сказала она как бы размышляя на ходу. — Контур Забвения заблокировал большинство твоих знаний, а дар Повелителей Крови был запечатан родителями. Именно потому ты и предстала людям обычной маленькой девочкой — смышленой, но далеко не такой, какой могла бы быть. Какой была, когда мы с тобой жили во дворце из колдовского обсидиана — красы и гордости Сангвитории. Часть твоих способностей никуда не делась — к примеру, понимание всех живых существ и благотворное на них влияние, — но часть дремала, дожидаясь условного часа. А этот злодей Дегонис — попадись он мне, пощады пусть не ждет! — невольно ускорил их пробуждение. Он притащил тебя в развалины родного дома, воображая, что получит

ответы на те вопросы, которые укрылись даже от Арферона. Там хозяин и слуга сделали огромную ошибку, попытавшись тебя убить. Оставь они все как есть — и замысел верховного архидемона, намеревавшегося поработить мир руками Манипуляторов, почти наверняка удался бы. А убить тебя они не смогли, поскольку не знали кто ты. Твой дар уже просыпался. Тот случай с капитаном дворцовой стражи… Никто не способен сдерживать его неограниченно долго. Те призрачные фигуры… Это действительно были твои родители и двенадцать пожертвовавших собой заклинателей. На тебе и развалинах все еще лежала печать контура Забвения, где сохранилась частичка их жизненной энергии. Это было их последнее появление в прежней форме. Их настоящих. Время вокруг тебя еще раз застыло там, где некогда и остановилось, а для них это были последние мгновения жизни. Жизни, которую они пожертвовали тебе. Той жизни, что прервалась сотни тысяч лет назад и одновременно только в тот короткий миг, ибо для них этот путь был неразрывен. И они сняли со своей повзрослевшей дочери все ограничения, освободив ее дар. Затем исчезли. Уже навсегда. А ты вернулась в мир полновластной Принцессой Крови.

От прилива чувств Илиана чуть не разревелась, и фея была вынуждена сделать небольшой привал.

— Кстати, я бы хотела познакомиться с этим твоим Эбби, — заметила она, когда воспитанница более-менее пришла в себя. — Я еще не встречала человека способного нащупать отголоски контура Забвения. Удивительно, как он вообще смог уловить присутствие некоего колдовства, лежавшего на тебе и на развалинах дворца. Кстати, только благодаря контуру и уцелел тронный зал — маленькая частичка далекого прошлого. Ну, то, что от него осталось. Эбби, конечно, не понял, на что наткнулся, но сам этот факт кажется мне весьма примечательным. Должно быть, это очень одаренный чародей и ты можешь сделать его поистине великим.

Лицо девушки озарила слабая улыбка.

— Между прочим, вы тогда затеяли весьма рискованную игру с переселением сознания из Эруанского контура в живое тело, — добавила, помолчав, Дина. — Имей в виду — я таких штучек не одобряю! Хватит мне твоего отца, из-за своей самоуверенности связавшегося не с теми силами. Вам очень повезло, что все прошло гладко, и что Верторий ван Граас действительно освободился от уз зла. Обычно скверна своих жертв не оставляет. И это если не считать того, что тело, рожденное под свою душу, только для этой души и предназначено. Негоже менять его как одежду из гардероба. Создать себе свое — это одно. Высшие существа способны воплотиться во что угодно. Забрать чужое — совсем другое. Обещай,

что больше никогда так не сделаешь!
Илиана, утерев глаза ладонью, шмыгнула носом и дала слово.

Оставшуюся часть пути необычная пара проделала все в тех же разговорах. Молодая императрица успела выложить Дин'Юлемионе практически всю историю своей жизни после появления в Калихари. Фея, в свою очередь, продолжала отвечать на ее вопросы, поскольку недостатка в них по-прежнему не ощущалось. Они как раз заканчивали обсуждать один из них, когда впереди показалась долгожданная прогалина. Там деревья расступались, образуя нечто похожее на арку. За ней текла небольшая речка, а через нее был перекинут слегка изогнутый вверх мостик. Этим путем Илиана вошла в Последний Приют, ступая по белым, идеально гладким доскам моста, и этим же ей надлежало вернуться обратно. Она уже видела внутренним взором, как поблескивают в лучах света резные перила и как искрится, вихрясь в задорных бурунах, быстрая вода. Деревья расступились. Вода действительно искрилась и с журчанием бежала мимо заповедного леса. Моста не было.

До Илианы не сразу дошло что это означает. Озадаченно поглядев по сторонам, она сделала несколько шагов по берегу. Место явно было тем же самым, только переправы и след простыл. Обернувшись на фею, девушка хотела спросить, что это за штучки, и вопрос замер у нее на языке. Лицо Дин'Юлемионы выражало едва ли не ужас. Илиана почувствовала, как екнуло ее сердце, а в теле появилась предательская дрожь.
— Где мост? — стараясь казаться спокойной, все-таки произнесла она, страшась услышать становившийся очевидным ответ.
— У тебя не хватает сил… — прошептала фея. — У тебя не хватает жизненных сил вернуться…
Поначалу Илиана не уяснила всю серьезность своего положения. Сгоряча она даже хотела сунуться прямиком в воду, благо что речка была шириной всего ярдов двадцать. Дина схватила ее за шиворот и без особых церемоний оттащила брыкавшуюся девушку подальше. Нечто подобное в прошлом проделывал Бэйл, когда юные Талара с Илианой, расшалившись, рисковали свернуть себе шею. Фея доходчиво объяснила воспитаннице, что переплыть этот поток невозможно, зато окончательно потерять свое физическое воплощение — способ очень даже подходящий. С перелетом также не стоило пытаться. Если Дина вздумает перетащить воспитанницу на другую сторону, они обе ухнут прямиком в стремнину. Фее-то ничего не сделается. Вылезет, чихая и отплевываясь, на берег — сушить намокшие крылья. А вот девушка уже никогда не вернется в мир людей. Потому что умрет, просто не так, как обычно уми-

рают при естественном ходе вещей.
— Как я понимаю, мне же все равно крышка, если я здесь останусь! Так какая разница?! — пожала плечами старавшаяся храбриться Илиана.
— Это мы еще посмотрим, — пробормотала Дин'Юлемиона.
Схватив воспитанницу за руку, она отвела ее подальше от арки. Неподалеку виднелась небольшая опушка, окруженная цветущим вереском. Приведя туда Илиану, фея усадила ее на ковер из мягкого мха и заставила дать клятву не пытаться пересечь реку. Затем явно куда-то собралась.
— А ты куда? — спросила девушка.
— Поговорить кое с кем. Я, знаешь ли, здесь не последняя фигура, — сурово отозвалась Дина.
— Может, я с тобой? — осторожно осведомилась Илиана.
— Это замедлит меня в миллион раз, а сейчас дорога каждая минута! Кроме того, тебе не всюду можно попасть, — коротко объяснила фея. — Жди меня здесь! — велела она не терпящим возражения тоном.
Казалось, Диной выстрелили как из пушки. Стартовав с бешеной скоростью, она под углом взлетела в небо, прочертив шлейф из золотистых искорок, и там нырнула в открывшийся перед ней проем, который сразу же и захлопнулся. Девушка осталась одна.

Сколько прошло времени с отбытия феи, Илиана понятия не имела. Вблизи от границы Последнего Приюта его неизмеримый ход в очередной раз сбил ее с толку, лишая возможности хоть както определить количество пройденных часов. Или дней. Принцесса Крови не испытывала чувство голода или жажды, хотя местная флора плодоносила, и на вкус ее дары были очень даже ничего. В Сунастийских пределах все физические процессы в теле замедлялись, а в Последнем Приюте и вовсе останавливались. С одной стороны, это избавляло от массы хлопот с обеспечением естественных потребностей. С другой — как раз и приводило к постепенной трансформации. Телесная оболочка исчезала, и странник переставал принадлежать к своему миру. В известном смысле он умирал и двигался дальше в бесконечном течении мироздания. Илиана, поглядывая на свои руки, порой ощупывала пальцами тело, словно желая удостовериться, во плоти она все еще или нет. Так себе, между прочим, проверочка, учитывая, что даже при худшем развитии событий она все равно в пространстве не растворится. Коротая время, Принцесса Крови укладывалась прямо среди зарослей вереска и отдавалась течению энергии. Здесь она не могла задавать те же вопросы, что и раньше, но на границе Последнего Приюта хватало и своих видений. Стараясь не слишком

углубляться в неведомые дебри, девушка ограничивалась желаниями попроще, и наблюдала интересные эпизоды из жизни людей и чародеек. А также открывала для себя некоторые особенности иных миров. Мало-помалу она погрузилась в мягкую дрему, грезя наяву.

Разбудил ее звук чьих-то шагов, шуршавших по кустикам вереска. Очнувшись, Илиана рывком села. Встряхнув головой, она провела рукой по лицу, стряхивая разбегавшиеся иллюзии.

— Дина, это ты?! — спросила она, озираясь.

И замерла, вытаращив глаза.

— Хорошо, я смотрю, устроилась, — раздался знакомый голос.

Голос того, кого здесь никак нельзя было увидеть. Перед Илианой, глядя на нее с легкой полуулыбкой, стоял Ульм.

Дин'Юлемиона вернулась не одна. Едва ли не силком она притащила с собой слегка упиравшуюся женщину в невесомом платье из зеленого света с серебряной оторочкой из лунных дорожек. Изумрудные глаза этой особы выражали некоторое недовольство навязчивостью феи. Накручивая на палец локон платиновых волос, женщина сердито бормотала, что ее присутствие совершенно необязательно. Илиана встретила приближавшуюся парочку сидя все на той же вересковой опушке. Спутница Дины была ей знакома. Это она встретила Принцессу Крови в Последнем Приюте, и она же устроила ей все необходимое. Звали эту женщину Либиола.

— Сестра, я не понимаю, зачем ты меня сюда привела. Я сочувствую твоей воспитаннице, но таков естественный порядок вещей. Тебе прекрасно известно, что исключений никогда не было, — сказала она, вежливо поприветствовав девушку.

— Сестра?! — невольно воскликнула Илиана. — Ты что, тоже фея?!

— Нет. Но она одна из первых чародеек, что делает нас близкими родственницами, — пояснила Дина. — Слушай, ты мне голову не морочь! — сердито добавила она, обращаясь к спутнице. — Я тебе сто раз уже объяснила, почему эта девочка... тьфу ты!.. девушка мне дорога, и почему вы все хоть убейтесь, а должны ей помочь!

— Сестра, не я устанавливаю правила. Я сама обязана им следовать. Да, я вижу, что у Илианы не хватает сил вернуться обратно. Она пробыла здесь слишком долго. Но это был ее выбор. Такую историю как ей открылась в одночасье не охватишь. Если ты хотела, чтобы я подтвердила сей факт, то ты меня услышала. Мост ее жизни разрывается, и ничего тут не поделаешь, — обстоятельно произнесла Либиола.

— Либи, ты бы поосторожнее с выражениями! — рассердилась фея. — Хоть мы и в Последнем Приюте, а я закачу тебе такую

трепку, что мало не покажется! А ну живо наведи переправу, пока я тебя саму в воду не скинула!
— Не могу! — мотнула головой женщина.
— Ну что же, тогда я сама! — воскликнула Дин'Юлемиона. — Я, в конце концов, фея, и кое на что способна! Я найду способ доставить Илиану обратно и наплевать что мне за это будет!
— Прости, Дина, но я тебе не позволю! — нахмурилась Либиола.
— Силенок не хватит! — заявила фея. — К тому же ты просто не сможешь, потому что именно тебя я и использую в качестве подходящего средства. Как тебе поработать мостом, госпожа Встречающая?
— Сестра, это неприемлемые речи, не присущие созданию света! Мне кажется, ты слишком долго пробыла в мире людей! — возмутилась женщина.
— Когда-то это был и твой мир, дорогуша! — язвительно заметила Дина. — Немного же у тебя сочувствия, пусть ты человек только наполовину. Я так и вовсе нет, а и то не намерена отмахиваться от одной из лучших его представительниц!
— Достаточно! — подняла ладонь Либиола. — По эту сторону границы я окажу Илиане любую помощь, но тему с ее возвращением считаю закрытой.
Она повернулась, чтобы удалиться. Плавное движение пальцами — и перед ней открылся проход, раздвинувший границы пространства. Фея взмахнула рукой — и он немедленно захлопнулся, а в воздухе появилось легкое дуновение.
— Никуда ты не уйдешь! — решительно заявила Дин'Юлемиона. — Я тебе не дам! Ты знаешь, я вполне в состоянии это сделать.
Женщина в зеленом платье развернулась и хотела было бросить какие-то резкие слова, однако, обведя взглядом девушку и ее наставницу, смягчилась.
— Сестра, давай не будем ссориться, — примирительно сказала она. — Со мной как с чародейкой ты действительно управишься, но тебе никогда не совладать с Встречающей. Не ты меня поставила на этот пост, не тебе мной и командовать. Сила, которая мне дана, мне не принадлежит. И я не могу использовать ее в нарушение существующего уклада.
— Я готова рискнуть! За Илиану я и жизнь отдам, так что терять мне особо нечего! — упрямо вскинула голову Дин'Юлемиона.
Чуть разведя руки в стороны, она начала наливаться свечением. Либиола, сразу насторожившись, сделала шаг назад. Ее губы что-то беззвучно шепнули, и фигуру в зеленом платье тут же окружило слабое мерцание. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не произошло нечто совершенно неожиданное.

— Эй, дамы, а ну прекратите! Только вашей драки еще не хватало! — раздался вдруг чей-то строгий голос.
Фея и чародейка, как по команде, обернулись и увидели невесть откуда взявшегося воина в кольчужных доспехах.
— Это еще что за новости?! — хором выпалили они, живо забыв про выяснение отношений.
— Это моя галлюцинация. Я, кажется, все-таки спятила — вот она и объявилась, — совершенно спокойно пояснила Илиана. — Ее… то есть, его зовут Ульм. Это воин из моей личной охраны. Дина, я тебе о нем уже рассказывала. Хороший человек и надежный товарищ. Вот только здесь его не может быть. Для Последнего Приюта это ведь нормально — воплощать свои видения?
Дин'Юлемиона и Либиола переглянулись. Порхнув к воину, фея сделала вокруг него несколько кругов, а затем откровенно ткнула в крепкую фигуру пальцем.
— И давно он здесь? — осведомилась она с явным недоумением.
— Не знаю. Я все время была на этой опушке, а он появился после твоего ухода, — сообщила Илиана.
Следом за феей приблизилась к воину и чародейка. Пристально оглядев его с головы до ног, она озадаченно покачала головой.
— Не похож твой охранник на галлюцинацию, — заметила Либиола, снова переглядываясь с феей. — Ерунда какая-то!
— Почему? — удивилась, вставая, девушка. — Я в Последнем Приюте и не такое видала! Разве все мои мысли, чувства и воспоминания не станут проявляться в этом месте схожим образом, если я… сольюсь с ним?
— Не в этом дело! Он слишком реален! — подняла палец чародейка. — Иллюзий здесь действительно хватает. Практически все, что ты видишь вокруг — своеобразная иллюзия, но другого типа. Уж кому как не мне в этом разбираться.
— Так что ты хочешь сказать?! Он настоящий?! — ахнула Илиана, невольно схватив Ульма за руку.
— Тогда Либиола почувствовала бы его появление. Она ведь Встречающая. То есть та, кто первой выходит навстречу всем людям, пришедшим в Последний Приют, вводит их в курс дела и обеспечивает все необходимое, — объяснила Дин'Юлемиона. — В общем, Либи здесь большая шишка, отчего я и притащила ее тебе на помощь. А она упорно отказывается.
Щелкнув пальцами, фея осыпала воина целым ворохом искорок, и те рассыпались по его плечам золотистой лавиной.
— Ничего не понимаю! Я готова поклясться, что это реально существующий человек, — пробормотала она, не удержавшись и потрогав Ульма за щеку. — А ты, Либи?

— Дамы, это не слишком-то вежливо — говорить обо мне так, будто меня здесь нет или я какая-то кукла, — заметил воин. — Я рад, что вы прекратили вашу маленькую ссору, грозившую войти в историю Последнего Приюта, однако вам не приходило в голову спросить непосредственно меня?
— О чем? Если ты не реален, то я еще не чокнулась — беседовать с чьей-то галлюцинацией, — снизошла до ответа Либиола. — А Дина права. Я не могла не почувствовать твоего прибытия, ибо я Встречающая. С другой стороны, на плод воображения ты тоже никак не тянешь. Пожалуй, стоит попробовать тебя распылить — тогда и ясно станет!
Судя по тому, как чародейка потерла руки, она и впрямь собиралась проделать сей нехитрый эксперимент. Воину ее затея явно не понравилась.
— Вы, дамы, забываете о чьей галлюцинации речь! — наставительно сказал он, косясь на пальцы Либиолы. — Меня породило сознание не кого-нибудь, а Принцессы Крови. Я эдакий защитный механизм, включившийся в трудную для нее минуту. Я ее самый верный страж, и таковым остался даже здесь. Оттого ее разум и воплотил меня тогда, когда больше всего нуждался в помощи. Развеете меня — и лишите мою императрицу возможности вернуться назад.
Чародейка, призадумавшись, опустила руку. Фея приземлилась воину на плечо и для пущей уверенности попрыгала на нем, желая убедиться, что ей все-таки не мерещится.
— Допустим, — протянула Либиола. — Но даже если это так, то каким образом продукт мышления Принцессы Крови может помочь ей вернуться?
— Таким. У нее больше жизненных сил, чем вы обе думаете. Обратившись ко мне в экстремальной ситуации, она обратилась к собственному скрытому резерву. Про второе дыхание слыхать доводилось? — усмехнулся Ульм. — Давайте пройдем все вместе к мосту, благо что он близко, и вы увидите, что я прав.
— Иля, а ты чего молчишь? Сама-то ничего не хочешь сказать? — осведомилась Дина, порхнув к воспитаннице.
— Так он мне примерно все то же самое и сообщил, — пожала плечами Илиана. — Я думала, это вы мне что-нибудь объясните.

Речка журчала там, где и полагалось. Фея, не веря своим глазам, вырвалась вперед и подлетела к краю берега, омываемого плескавшейся водой. Мост был на месте. Его идеально гладкие доски отливали белизной, столь же ослепительной, как посохи чародеек или снег горных вершин. Резные перила и не думали растворяться в воздухе, да и в самой переправе не наблюдалось ни

малейшего изъяна.
— Чудеса, — прошептала Дин'Юлемиона. — Впрочем, можно только радоваться, что моя Иля преподносит такие замечательные сюрпризы! Вероятно, в ней сокрыто куда больше, чем я предполагала.
Примерно в том же духе она выразилась и тогда, когда к мосту подошли остальные — заинтригованная Либиола и немного взволнованная Илиана под руку с традиционно невозмутимым Ульмом. Удивленная чародейка, подойдя к мосту, убедилась, что он и впрямь существует. Она нечасто приближалась к самой границе, поэтому с некоторым любопытством оглядела противоположный берег, словно видела там то, чего другим было недоступно. Когда она повернулась к Илиане, ее лицо выражало искреннюю приветливость.
— Что ж, я за тебя рада, что бы там ни говорила Дина. В Последнем Приюте никому зла не желают. Просто и за ручку не водят. Впрочем, не вижу смысла повторять одно и то же по сотому разу. Итак, Илиана, имею честь лично пожелать тебе доброго пути. Полагаю, мы еще увидимся, раз ты настолько сильна, что так долго пробыла здесь и все-таки можешь вернуться, — изрекла Либиола, грациозно разведя руки в церемонном приветствии. — У меня только один вопрос, если позволите. А почему ты сразу не ушла, если иллюзия твоего стража восстановила мост?
— Илиана хотела непременно дождаться Дин'Юлемиону. Не для того она обрела ее спустя столько лет, чтобы вот так бросить. Тем более что фея улетела искать помощь, — пояснил за девушку воин.
— У меня, кстати, тоже есть вопрос, — неожиданно сказала Илиана. — Почему плод моего воображения обрел форму именно Ульма? Нет, я не говорю, что мне это не нравится. Его появление вполне логично, и я ему очень рада. Ну, не ему, а такой хорошей иллюзии. Просто мне казалось, что в первую очередь я бы все же представила Сирелину. Она ведь с детства была мне вместо Дины, хотя обстоятельства слишком часто и надолго нас разлучали.
— Кто ведает секреты своего подсознания, — немного подумав, сказала фея. — Возможно, ответ куда проще, чем тебе кажется. Ульм — мужчина. Возможно, я сейчас слишком банальна и стереотипна, но нельзя отмахиваться от предположения, что именно он и ассоциировался у тебя с призывом о помощи. Преданный, опытный воин никогда не отходящий от тебя ни на шаг — чем не образец желанной защиты? В мире навалом куда более могущественных женщин, взять хоть ту же Сирелину. И интересы у всех людей разные. Но для тебя, для твоего подсознания, именно образ этого Ульма и воплотился в надежную опору. Лично я не нахожу в этом

ничего удивительного. Даже мои сестры порой заводили романы с такими вот интересными экземплярами. Ну, вы же знаете историю происхождения чародеек.
При своих последних словах Дин'Юлемиона слегка порозовела и подмигнула Либиоле.
— Да, звучит правдоподобно, — согласилась та, смущенная намеком родственницы. — Однако, как мне кажется, ответ куда прозаичнее. Сирелина сама сейчас в Последнем Приюте, что могло повлиять на избыточность ее воплощения.
— Как?! — ахнула Илиана.
Она уже поставила ногу на белоснежный мосток, но отскочила от него как ошпаренная. Фея издала неопределенный возглас, сообразив, что неприятности еще не кончились. Дальнейшее поведение воспитанницы уже не стало для нее сюрпризом.
— Давно она здесь?! — воскликнула девушка, шагнув к Либиоле.
— Не столько, сколько ты. Она пришла гораздо позже. Но довольно долго, — прикинув в уме, сообщила Встречающая.
— Проводи меня к ней! Сейчас же! — заявила Илиана.
— Прости, но это невозможно, — покачала головой Либиола. — Никто не вправе мешать путешественникам. Особенно другие путешественники.
— Иля, она права, — обеспокоенно сказала Дин'Юлемиона, порхнув к воспитаннице. — Здесь и я не могу тебя поддержать. Тебе сейчас следует уходить самой, пока твой мост еще на месте. Второго шанса уже не будет.
— Я без Сирелины никуда не уйду! — отрезала Илиана. — Делайте что хотите, а я останусь с ней! Не поможете ее найти — отправлюсь искать сама!
— Вот я так и подозревал, — вздохнул Ульм, воздев очи горе.
— А вам, плод моего воображения, разве не полагается со мной соглашаться?! — возмутилась девушка.
— Отнюдь, — усмехнулся воин. — Когда это подсознание управлялось сознанием? Первое второму неподвластно. Так что я, в целом, согласен с Дин'Юлемионой — тебе следует выбираться самой.
— Ну и черт с вами, помощнички! — гневно воскликнула молодая императрица. — Сама справлюсь!
И с этими словами двинулась обратно в лес, более не обращая ни на кого внимания.
— Иля постой! Как же ты ее найдешь?! — воскликнула фея, устремляясь вслед за воспитанницей.
— Буду бродить наугад и орать до посинения. Авось кто-нибудь и откликнется. Кто-нибудь более добросердечный, — хмуро ответила Илиана, не сбавляя шаг.

— Вот ведь упрямая девчонка. Хлопот с ней не оберешься, — пробормотал Ульм.
Услышав эти слова, Либиола удивленно подняла брови. По ее разумению, плоду воображения следовало безропотно топать за своей хозяйкой, а не смотреть как она уходит и говорить столь странные вещи.
— Стойте, ваше величество! Прошу вас вернуться! У меня есть идея, которая, готов поклясться, сработает! — воскликнул Ульм, призывно махая рукой.
Обернувшись, Илиана остановилась и поглядела на верного стража. Затем, пожав плечами, двинулась обратно. Она упорно не понимала, почему этот северянин вызывает у нее чувство полного доверия и почему она его слушает, даже когда тот говорит нечто чрезвычайно необычное. Даже когда он всего-навсего иллюзия, порожденная ее собственным разумом.
— Н-ну? Выкладывай, — сердито предложила девушка, приблизившись к воину и Либиоле.
Последняя пока никуда не уходила, не иначе из чистого любопытства решив узнать, чем все это кончится.
— Думаю, что не ошибусь, если госпожа Встречающая сейчас проводит тебя к Сирелине, — сообщил воин, пристально глядя на чародейку.
— Э, нет, голубчик! Если в этом и заключалась твоя идея, то я уже сказала, что это против установленного уклада! Я не имею права его нарушать! — помрачнела чародейка.
— Вот как раз чтобы его не нарушить ты и проводишь мою Принцессу Крови, — совершенно спокойно произнес Ульм.
— Как прикажешь тебя понимать? — осведомилась Либиола, удивленная такому нахальному заявлению не меньше остальных.
— Для чего сюда пришла Сирелина? — все также невозмутимо поинтересовался воин.
— Получить ответ на свой вопрос. Именно этим она сейчас и занята, — пожала плечами чародейка.
— Разве? — прищурился Ульм. — Разве именно это привело ее сюда? Разве она именно это пожелала, когда встретилась с тобой? Спору нет, Сирелина хотела узнать ответ на свой вопрос. Но сразу ли?
— Сирелина спросила меня где Илиана, и когда я ответила, что с ней все в порядке, потребовала устроить с ней встречу. Я объяснила, что это невозможно, — подумав, нехотя сообщила Либиола.
— Стало быть, ее первым желанием было встретиться с моей… гм, императрицей. Ты поступила согласно правилам, отказав ей тогда, — спору нет, — но ты нарушишь правила сейчас, если откажешь

Илиане. Потому что по факту получается, что ты проигнорируешь первичное желание Сирелины, когда оно стало осуществимо, — неторопливо изрек Ульм, не сводя глаз с чародейки.
— Для плода воображения ты как-то подозрительно осведомлен, — проворчала, обдумав аргумент, Встречающая. — Что ж, вынуждена признать твою правоту.
— Ну, Либи!.. — задохнулась от возмущения Дин'Юлемиона. — Мы с тобой потом поговорим, сестрица! А сейчас живо веди нас к Сирелине! И имей в виду — если мост Илианы исчезнет из-за устроенной тобой задержки — пеняй на себя!
— Дина, если я Встречающая, это еще не означает, что я непогрешима, — буркнула Либиола. — Ладно, идемте. Тут не очень далеко.
Создав летающий ковер из травы и цветов, чародейка усадила на него всю компанию, включая явно не собиравшегося исчезать воина, и вихрем пустила его через неоднородное пространство.

* * *

Гибель Ардариании гулким эхом отдавалась на протяжении многих эпох, сменявших одна другую. Великий Архипелаг представлял собой единый центр знаний, власти и колдовской силы. С тех пор, как он канул в лету, административное устройство заклинателей стало носить децентрализованный характер, причем не только у чародеек. Чародеи, ведьмы и колдуны решили, что нельзя хранить все яйца в одной корзине, чтобы не наступить на те же грабли. Чародейки распределились по закрытым обителям, куда посторонние допускались все реже. Каждую возглавляла Настоятельница, избранная их собственными Высшими Советами. Все Настоятельницы были равны и собирались вместе для решения наиболее важных вопросов, затрагивающих всех чародеек. Чародеи и колдуны образовали колдовские сеймы, независимые друг от друга. Изначально сеймы подразделялись по региональному принципу, но все чаще бывало так, что и по колдовской направленности. Ведьмы группировались по анклавам, обычно не принадлежавшим какому-то государственному образованию. В этом отношении у них прослеживалось сходство с чародейками. К сожалению, на этом оно по большей части и заканчивалось. Разрыв, положенный между всеми колдовскими фракциями давней катастрофой, продолжал расти. Жизненный цикл ведьм и чародеек, мягко говоря, отличался. Ввиду продолжительности жизни, принципы обучения и интересы последних ведьмам подходили все меньше, а потом и вовсе перестали. Заклинатели больше не воспринимали как должное безоговорочное лидерство чародеек. Мол, мы уже ви-

дели, к чему оно привело, так что позвольте нам самим решать свои судьбы. Позиция несправедливая, ибо не чародейки несли ответственность за катастрофу Ардариании, но чем больше проходило лет, тем больше забывалось все с ней связанное. А сведения о тех событиях изначально оставляли желать лучшего из-за секретности, наложенной на причину вторжения, и последствий самого вторжения. Как бы там ни было, в колдовском сообществе уже не было единства. С одной стороны, такая децентрализация исключала вероятность повторения трагедии с Великим Архипелагом, нанесшей сокрушительный ущерб всему развитию чародейства. С другой — ее рост все чаще приводил к столкновению интересов, и с течением веков это проявлялось все значительнее. Колдуны, ведьмы, чародеи и чародейки все больше отдалялись друг от друга. К тому времени, когда между ними начались первые столкновения, все они уже основательно подзабыли о погибшей империи и о том, кто ей правил.

По отношению к жизни простых людей чародейки постепенно занимали довольно жесткую позицию — они переставали принимать в ней участие. Под властью императора они некогда были основой и залогом могущества всей огромной страны. С течением тысячелетий сестры играли все меньшую роль в судьбах мира, предпочитая наблюдать, а не вмешиваться, советовать, а не решать. Остальные не разделяли такие взгляды, за исключением отшельников, а посему активно делили континентальный пирог. Они когда координировались с монархами и прочими властителями, а когда и сами становились во главе стран. Сцепиться с соседями по какому-нибудь пустяковому поводу становилось, увы, обыденным делом. Некогда достигнутая стабильность в мирном сосуществовании разных регионов и народов оказалась полностью разрушена. После исчезновения Ардариании политическая карта мира столько раз перекраивалась, что в ней давно потерялись концы что откуда взялось.

Растущая децентрализация управления и власти плюс прогрессирующий раскол имели и еще одно крайне отрицательное последствие, выявившееся далеко не сразу. История не просто забывалась — она начинала иметь разное толкование. Архивные сведения и их интерпретация стали отличаться даже в обителях чародеек. Про остальных заклинателей, не обладавших такой продолжительностью жизни и единством, и вовсе говорить не приходилось. А вместе с историей забывались и знания. Те, что уцелели после давней катастрофы. Колдовские круги все еще были сильны и умели очень многое, но если кто-нибудь из их представителей сумел бы вернуться в прошлое и сравнить тогдашнее развитие с

нынешним, он пришел бы к весьма удручающим результатам. И однажды они все-таки стали заметны. Заметны тогда, когда количество путешественников в Сунастийские пределы резко сократилось, а из Последнего Приюта едва возвращались считанные единицы. К тому моменту Ардарианиа окончательно исчезла из живой памяти людей и сохранилась только в старинных летописях, волновавших лишь чародеек.

Первыми забили тревогу талимы. Усердие, с которым они готовили путешественников в другие миры, приносило необъяснимо слабые результаты. Качественный уровень адептов пошатнулся настолько серьезно, что почти никто из далеких краев обратно не приходил. Хуже того — там стали пропадать сами талимы, а это вообще уж из ряда вон. Вопрос был настолько серьезным, что к нему подключились все заклинатели, впервые за долгое время проявив единство. На поиск причин были выделены значительные ресурсы в людях и материальном обеспечении. Исследователи рьяно взялись за дело. Сначала они занимались только путешественниками в Сунастийские пределы, но мало-помалу обратили внимание на другие области, а затем и вовсе задействовали такие, казалось бы, не связанные вещи, как социум и демографию. Выводы многолетней кропотливой работы были крайне неутешительны: колдовское сообщество медленно, но верно деградировало. Проблема не заключалась конкретно в падении навыков к странствиям в Сунастийских пределах. Она носила глобальный характер. Природные силы заклинателей таяли, а это автоматически снижало их возможности. Чародейки рождались все реже, и все меньшее их количество развивалось до старших сестер. То же относилось и к чародеям, ощущавшим дефицит в качестве кадров. Колдуны и ведьмы откровенно мельчали. Перекос одаренности среди них достиг угрожающих масштабов в пользу серых посредственностей. И не было ничего удивительного в том, что это проходило незаметно. Разделение и раскол в колдовством сообществе долго не позволяли выявить эту проблему. Каждая группировка скрывала свои слабые места, не выносила сор из избы, а зачастую и вовсе отмахивалась от тревожных явлений, списывая их на житейские неурядицы. Лишь объединив усилия и обменявшись данными, заклинатели неожиданно осознали, что находятся на пороге серьезного кризиса. Если так пойдет и дальше, через несколько тысяч лет их возможности упадут минимум вдвое, а положение продолжит ухудшаться. Казалось бы, тут-то всем им и следовало совместно найти подходящее решение, не поря горячку и не ударяясь в сомнительные авантюры. Увы, все произошло с точностью до наоборот.

Обратившись к истории, колдовское сообщество вспомнило про неких Повелителей Крови. По нынешним временам им приписывались какие-то совершенно сверхъестественные возможности, однако кое в чем прослеживалась логика. Повелители одаривали людей жизненной энергией, развивая их способности до максимально возможного уровня. Последние из них сгинули в какой-то войне, перепахавшей весь континент, а с тех пор прошло столько времени, что и о самой войне уже толком никто ничего не знал. Вероятно, последствием их исчезновения и стало постепенное снижение талантов заклинателей. Больше никто не доводил их до предела. Дети, наделенные колдовским даром, рождались все реже, а сам дар становился уже не таким ярко выраженным. Во всяком случае, математические расчеты демографии свидетельствовали в пользу именно этой версии. Ведь чем меньше становится могущественных заклинателей, тем меньшее число одаренных потомков они производят, а среди этих потомков снижается количество уже и самих заклинателей. Раньше подобному развитию событий препятствовали Повелители Крови, наполняя мир невероятно сильными носителями колдовского дара. Теперь их не существовало, и некому было вызывать новый демографический всплеск.

Верна была эта версия или нет — никто наверняка не знал, поскольку сами Повелители Крови уже воспринимались скорее как миф, в основу которого легли какие-то давние исторические реалии. Как бы там ни было, проблему требовалось как-то решать. Знания, некогда приносимые из Последнего Приюта, уже не могли помочь, поскольку оттуда уже давно никто не возвращался. Тут-то все и ударились кто во что горазд.

Адепты Проберианского колдовского течения в большинстве своем выродились в черных колдунов и демонологов. Со времен вторжения векстров на все связи с преисподней был наложен категорический запрет. Также запрет наложили и на многие миры, куда прежде хоть и с опаской, но ходили. Исходная причина этого запрета теперь была неизвестна, поскольку тайна гибели империи и все тогдашние события окончательно сгинули во мраке истории. Колдовские круги стали трактовать установленные ограничения по-своему. Мол, все из-за того, что влияние скверны и прочих разрушительных сил губительно для людей и вызывает необратимые последствия как для них самих, так и для окружающих. В принципе, это действительно было так. Уровень развития заклинателей снизился до такой степени, что они больше не выдерживали продолжительного воздействия демонической природы. Точнее, не выдерживали столько, сколько выдерживали прежде. Из-за этого

очень многие делали в корне неправильные выводы. Мол, просто и связываться с этими силами не стоит абы кому, а наиболее одаренным и могущественным колдунам вполне по плечу обращаться к запретному. Вооружившись столь опасным заблуждением, они начинали искать ответы там, где никоим образом не следовало.

Первым предвестником большой беды стал великий чародей по имени Ормунделл. Ему пришла идея бороться с ослаблением колдовской природы по-своему. Пока заклинатели ищут способ предотвратить ухудшение их колдовского дара, следует сделать это не фигурально, а самым буквальным образом. То есть зафиксировать существующий уровень развития, прекратив его деградацию. А там уж, остановив отрицательный процесс, будет куда проще изыскать возможность обратить его вспять.

Сперва его теории заинтересовали очень многих, но когда Ормунделл стал раскрывать основы практической реализации, отношение резко изменилось. Чувствуя, что утрачивает благосклонность колдовского сообщества, Ормунделл решил заручиться поддержкой не всех и каждого, а наиболее нужных ему людей. Убедив в своих идеях группу выдающихся колдунов и чародеев, он удалился с ними в свою крепость Фортумагум, где приступил к практическому воплощению замысла. Долгие годы он ставил эксперимент за экспериментом, заходя в своих работах все дальше и дальше, пока однажды окончательно не пересек красную черту. После этого Ормунделл и его сподвижники ударились в такие дела, что о них даже спустя века вспоминали с содроганием. По-своему они, конечно, достигли определенных успехов, однако за это была заплачена такая цена, что волосы вставали дыбом. Не исключено, что Ормунделл все еще верил, будто старается ради всеобщего блага, однако он уже не замечал чем стали не только все его начинания, но и он сам. Рассчитывая остановить деградацию колдовского мира и предотвратить всеобщий раскол, он сам лишь усугубил их, когда о трудах великого чародея стало известно за пределами Фортумагума. Большинство заклинателей пришло в ужас от плодов его деятельности, но у Ормунделла нашлись и сторонники. В результате всколыхнувшихся распрей его некоторое время никто не трогал. Ормунделл же не сделал из происходящего правильных выводов. Он решил закрыться от мира, раз тот не понимает его работ, и явить их только тогда, когда они будут завершены. Узниками Фортумагума стали тысячи людей, и судьба их была незавидна. Но шила в мешке не утаишь. Мало-помалу выплыли наружу все ужасающие масштабы творимых злодеяний. К тому времени исчезнувшие люди исчислялись даже не тысячами, а десятками тысяч. Изрядно исчерпав запасы собственных подданных, Ор-

мунделл вел чудовищный промысел в других регионах, и это ускорило выход всей истории наружу. Колдовские круги, окончательно разобравшись что происходит, объявили преступному чародею ультиматум, но тот не пожелал никого слушать. Тогда, не желая и дальше потворствовать кровавому кошмару, заклинатели собрали армию и двинули ее на Фортумагум. Гнев колдовского сообщества был столь велик, а преступления чародея столь ужасны, что даже сочувствующие Ормунделлу демонологи и черные колдуны не рискнули выступить в его защиту. Тогда и состоялось первое в истории крупное междоусобное сражение между заклинателями. Ормунделл был действительно очень могущественным чародеем, а его Фортумагум — настоящей крепостью, но и им было не совладать с выставленными против них силами. После продолжительных боев, когда, казалось, раскалывалась земля и низвергалось само небо, оплот преступного чародея пал. Победители, вошедшие в подземелья, были настолько поражены увиденному, что наложили секретность на все связанное с этим местом. Сам Ормунделл был убит при сопротивлении, а всех, кто уцелел вместе с крамольными знаниями и жуткими инструментами навечно запечатали в глубоких подвалах Фортумагума. И запечатали настолько хорошо, что однажды о нем позабыла сама история, а на древних развалинах поселились обычные люди.

Череда скандалов, по-своему похожих на случай с Ормунделлом, привела к тому, что демонология и черное колдовство сами по себе оказались под полным запретом. Поскольку запрет, ясное дело, соблюдался спустя рукава, среди заклинателей появились те, кто специализировался на борьбе с крамольными явлениями. На этом поприще особенно старались выходцы из Клерианского колдовского течения, к тому моменту уже не существовавшего. Также свои особые отряды создали чародейки, после чего у них немедленно начались конфликты с некоторыми анклавами ведьм. Последние считали своим неотъемлемым правом практиковать старинные обычаи, пусть даже это кому-то не нравится, и отказывались что-либо менять. Черные колдуны и демонологи тем более не собирались сдаваться без боя. У них было предостаточно сторонников, чтобы регулярно заявлять о себе с немалой уверенностью. Время, однако, показывало, что ничего хорошего из их деяний не получается, как не получается и договориться с ними по-хорошему. Локальные конфликты противоборствующих группировок набирали обороты и однажды привели к очень серьезной стычке, переросшей в скоротечную войну. Одно из государств-оплотов черных колдунов было практически стерто с лица земли. Было заключено перемирие. Как выяснилось, недолговечное. Чер-

ные колдуны и демонологи сделали выводы, подкопили сил и в свою очередь атаковали угрожавшие им оплоты противника. Вторая война, последовавшая в том же веке, была намного дольше и разрушительнее. Положение спасли чародеи. На тот момент они последний раз приняли сторону чародеек. Их союзные войска сокрушили врага, желавшего практиковать любые колдовские искусства, в том числе открыто использовать демонологию. Ведьмы тогда идеологически разделились примерно поровну, но в войну вступали не слишком охотно, полагая, что все само утрясется. Кроме того, у них получало широкое распространение отшельничество. Условно входя в какой-нибудь анклав, ведьмы начинали вести самостоятельный образ жизни как частное лицо без привязки к какой-либо структуре. Со временем эта тенденция только усиливалась, поэтому когда грянула следующая война, она частично обошла ведьм стороной. Впрочем, разрозненность вела к тому, что одинокие колдуньи страдали от борцов с силами тьмы гораздо больше, нежели остальные. А борцы, надо сказать, очень часто перегибали палку, видя зло там, где его порой и вовсе не было. Все это, само собой, настраивало ведьм не лучшим образом, и в конце концов они окончательно разругались с чародейками, прекратив всякое сотрудничество.

Эпоха опустошительных войн, сотрясавших некогда процветавшую Ардарианию, еще больше подорвала и без того слабевшую природу заклинателей. Вместо того чтобы совместными усилиями искать решение главной проблеме, они занялись истреблением друг друга, что резко усугубило ситуацию. Снова объявленное перемирие продержалось довольно долго. Конфликт между колдовскими фракциями приобрел скрытый характер и ушел глубоко в социум, где продолжал расти как раковая опухоль. Разлад коснулся даже чародеек. Особые центры, созданные для противодействия темным силам, стали приносить непредвиденные побочные результаты. Чтобы лучше познать то, с чем они имеют дело, сестры проходили специальную подготовку, постигая темные искусства. Иной раз настолько хорошо, что сами всерьез увлекались их практикой и становились очень могущественными ведьмами. Да, именно так, ни больше не меньше. Сущность света в такой чародейке угасала, а ее сила трансформировалась. Новоявленная ведьма лишалась положенного ей долгожительства и многих присущих от рождения способностей, зато обретала невероятные возможности на той стезе, с которой прежде пыталась бороться. Чародейки, столкнувшись с этим неприглядным явлением, сделали соответствующие организационные и структурные выводы. Они серьезно скорректировали программу обучения служительниц све-

та, ибо худшее, что только могло быть — это воевать против своих бывших сестер. Весь опыт, все теоретические и практические наработки положили начало новому учебному центру, а его филиалы открылись в каждой обители. Этот центр назвали Гексенхаммер. Со дня его появления ситуация заметно улучшилась. Действия его служительниц стали намного эффективнее, а сами они гораздо реже обращались на темный путь.

Тем временем, ситуация в мире продолжала ухудшаться. Начало очередному кризису положило резкое сокращение численности чародеев, грозившее их полным исчезновением. В отличие от ведьм и колдунов, чародеи могли происходить по потомственной линии только от чародеек, а тех и самих становилось все меньше. Но чародейки жили долго, чего никак нельзя было сказать об их отпрысках мужского пола. Отчаявшись перед лицом надвигавшегося конца, чародеи разделились на два лагеря. Одни увещевали действовать прежними методами, блюдя традиции, и принять неизбежное, ежели таковое наступит. Другие решили пойти на любую крайность, лишь бы окончательно не исчезнуть в истории. Между собой они не воевали, зато спровоцировали очередной раскол, в результате которого перессорились уже не только все колдовские фракции, но и их внутренние группировки. Результатом стал роспуск колдовских сеймов, превратившихся в набор недружелюбных друг другу альянсов, развал анклавов и окончательная изоляция обителей чародеек. Появлялось все больше фанатиков. Последние выходцы из Клерианского колдовского течения объявили себя новой фракцией — клериками — и сообщили всему миру, что отныне ведут борьбу против проявления любого вида чар, кроме чар света. Мол, все беды мира от искушения их могуществом, и лишь свет освобожден от этого тлетворного влияния, благословенно служа на пользу людям. Надо сказать, что слово у клериков действительно не расходилось с делом, и они здорово досаждали всем честным заклинателям. Тяжелее всего приходилось ведьмам-одиночкам, но и остальным регулярно доставалось от нападок новоявленных святош. В принципе, объединенные силы заклинателей вполне сокрушили бы клериков, но тому помешало два обстоятельства. Во-первых, и других проблем имелось хоть отбавляй, а клерики были скорее ноющим синяком, нежели опасной кровоточащей раной. Во-вторых, у клериков хватило ума не связываться с чародейками — наиболее могущественной фракцией. Хорошенько получив от них пару раз на орехи, клерики, посовещавшись, причислили чародеек к носителям света и объявили по отношению к ним нейтралитет. Чародеек это устроило, а к тому веку каждый уже был сам за себя.

Цивилизацию людей лихорадило. Она утратила былую мощь, присущую ей во времена Ардарианской империи. Властелин Крови пришел бы в ужас, если бы заглянул в этот промежуток отдаленной истории. Он-то рассчитывал, что люди уже обживутся в Сунастийских пределах, а вместо этого его глазам представились бы вереницы верблюдов, тащившихся через пески, и ишаки, крутившие подъемные механизмы портовых блоков. Технологический упадок привел бы императора в глубочайший ступор, а сознание того, что даже чародейки уже не поднимали в небо мало-мальски крупные объекты, заставила бы его усомниться в собственном душевном здоровье. Нет, сестры все еще могли отрывать от земли небольшие башни и платформы, но то была бледная тень прежнего величия. Воздушное сообщение катастрофически снизилось, как снизилась и численность колдовских существ. Трансталлы в некоторые миры уже не открывались. Антремины, свиристоли и многие другие верные спутники людей остались в далеком прошлом. Казалось, хуже уже и быть не может. Увы, самая большая беда притаилась впереди и приближалась семимильными шагами.

Последние чародеи создали группу Возрождение, воплощая в ее названии все свои надежды и чаяния. Это были действительно последние представители своего рода, ибо на появление новых рассчитывать уже не приходилось. В эту группу они включили многих наиболее одаренных колдунов, ведьм и даже чародеек. Доступные им время и ресурсы они посвятили поиску какого-нибудь средства, способного положить конец деградации. Изучив все перепробованное до нее, группа решила сконцентрировать усилия на чем-нибудь принципиально новом. Чем-нибудь таком, о чем доселе никто даже не задумывался. И в один несчастливый для заклинателей день их внимание остановилось на бактериях.

За все время существования колдовских кругов было изобретено немало средств, помогавших восстанавливать энергию, а также кратковременно увеличивавших способности заклинателей. В их состав регулярно входили различные органические соединения, в том числе на основе простейших. Проведя ряд сложных экспериментов, группа Возрождения выделила одну бактерию, способную жить в крови человека и оказывать на него непрерывное стимулирующее воздействие. Первые практические опыты воодушевляли, хотя это были лишь пробные наметки, далекие от реального воплощения конечного замысла. Последовало много лет упорного труда, принесшего интересные результаты, но однажды группа уперлась в потолок. На основе исходной бактерии им удалось создать принципиально новое простейшее, дарующее своему носителю желанный эффект. К сожалению, это простейшее упор-

но подавлялось иммунитетом людей, а его живучесть и скорость распространения также оставляли желать лучшего. Дальше прямой инъекции, хрупкой в хранении и капризной в производстве, дело не пошло. А требовалось достигнуть устойчивого существования продукта в крови, а еще лучше симбиоза. Группа Возрождения упорно билась над решением этой задачи, пытаясь усовершенствовать свое детище, но так и не смогла преодолеть возникший барьер. Последние чародеи ушли в небытие, а плоды их трудов в виде нового, действительно интересного, но не слишком долговечного средства достались в наследство другим заклинателям.

Грянула очередная опустошительная война. На сей раз колдовские фракции никак не шли на мировую, желая окончательно поставить точку в затянувшемся многотысячелетнем противостоянии. Война не прекращалась даже тогда, когда затихали прямые боевые действия, сменяясь мелкими стычками, партизанщиной и диверсиями. Состояние конфликта как бы раскачивалось, напоминая маятник, то снижаясь к минимальному накалу страстей, а то расходясь дальше некуда. Стороны пускали в ход все доступные им методы и не гнушались изобретать новые. Клерики, к примеру, наловчились влиять на шторма ведьм, насыщая их своими чарами. До полноценной святой воды каплям влаги в таком шторме было далековато, но для ведьм творение их рук все равно становилось довольно опасным. Чародейки, в свою очередь, создали Витчстант, а также несколько других совершенно новых колдовских инструментов. Витчстант, выглядевший как помесь компаса и часов, довольно точно указывал на эпицентр темного колдовства. В том числе того, кто его породил. Правда, в последнем случае требовалась настройка на живой источник чар, находящийся поблизости, а это вызывало вполне естественные затруднения. Но если таковую удавалось провернуть, цели было практически невозможно скрыться. Витчстантами вооружали служительниц Гексенхаммера, что делало поиск и обезвреживание злых ведьм и колдунов более эффективным.

Не дремали и демонологи. Стараясь отыскать наиболее действенный метод в борьбе с врагами, они обратили внимание на незаконченное изобретение группы Возрождения.

И вновь свою коварную роль сыграли демоны, которых к тому времени уже никто не называл векстрами, ибо это слово пришло из языка созданий света. По их наущению могущественные демонологи скрестили творение последних чародеев с отравой преисподней. Конечным продуктом стал вирус искусственного происхождения. Вирус и бактерия — разные вещи, и сами экспериментаторы в жизни бы не додумались сделать так, как им на-

шептали из колдовского дурмана. Выделив из бактерии геном взаимодействия с чародейским даром, они добавили к нему цепочки размножения и выживаемости, после чего внедрили все это в подарок из преисподней. Полученная органическая структура была чрезвычайно опасна, но якобы только для тех, против кого применялась. Когда война разгорелась с новой силой, демонологи не замедлили пустить ее в ход.

Выпущенная в мир зараза немедленно принялась за дело. Обычных людей она поражала не страшнее редкой формы гриппа. От нее умирали, но умеренно и, как правило, без последствий. Иное дело заклинатели. Вирус убивал почти всех, в ком не находил хотя бы капельки темных сил или скверны. Понятное дело, чародейки, ведьмы и колдуны вскоре сообразили что к чему и приняли меры. Количество жертв пошло на убыль, а счет к демонологам многократно вырос. Те, само собой, решили не останавливаться на достигнутом. При помощи тех же демонов они модифицировали заразу таким образом, чтобы врагов она ослабляла, а их наоборот — усиливала. Новый продукт не замедлил проявить себя самым блестящим образом, в результате чего демонологи существенно упрочили свои позиции. Чародейки, однако, были не лыком шиты и успешно противостояли очередной напасти, разрабатывая вакцину и эффективные методы борьбы с заражением.

Третье изменение структуры вируса, инициированное по предложению демонов, существенно меняло его поведение. Инкубационный период протекал очень скрытно, делая его обнаружение почти невозможным. И протекал достаточно долго, чтобы инфицированный человек заразил как можно больше окружающих. Затем он приводил к скоротечной болезни, поражавшей нервную систему заклинателей.

Чародейки, прибегнув к помощи колдунов и клериков, научились справляться и с этой напастью, так что демонологи в итоге все же потерпели фиаско. Их основные силы в конце концов разгромили, а преступные лаборатории уничтожили. Но было поздно. К тому времени численность заклинателей уже сократилась более чем вдвое, что нанесло по колдовскому миру очередной тяжелый удар. И это, увы, было еще не все. Зловещее творение преисподней, притаившееся в крови ничего не подозревавших жертв, лишь дожидалось своего часа. Демоны, как обычно, обманули явившихся к ним людей. Вирус, созданный руками черных колдунов, никуда не делся. Все это время он лишь совершенствовался, набирая скрытую силу и вырабатывая иммунитет ко всем средствам лечения. Увеличивая число носителей, он долгое время маскировался под обычные болезни, зачастую протекая и вовсе бессимптомно.

От творения последних чародеев в нем давно уже ничего не осталось. Структура действительно полезной бактерии была полностью поглощена и перестроена порождением преисподней. Долгие годы вирус мутировал, внешне оставаясь практически безвредным. И в один крайне печальный день для всех носителей колдовского дара сделал свое черное дело.

Сначала никто не мог понять, отчего одна из обителей чародеек перестала выходить на связь. Отправленные туда гонцы обнаружили ее в ужасающем состоянии, будто внутри пронеслась опустошительная война. Здания, лежавшие в руинах, сожженные книги, погибшие колдовские сады, уничтоженные архивы и множество искалеченных тел — все это вызывало оторопь, смешанную с жутью. Неведомый враг, кем бы он ни был, нагрянул внезапно и полностью разгромил хорошо защищенную обитель. Расследование еще не закончилось, когда из другой обители неожиданно пришел отчаянный зов о помощи. Прибывшие туда сестры наткнулись на все ту же картину и никого не застали в живых. С третьим случаем все более-менее прояснилось, поскольку разразился он не в удаленной и закрытой среде чародеек, а в городе колдунов. Свидетели, уцелевшие в том хаосе, описывали происходящее как массовое безумие. Люди полностью утрачивали над собой контроль. Они во всех видели врагов, кидались на все живое и воевали даже с неодушевленными предметами. Силы безумцев вырастали многократно. Они крушили и жгли все подряд, вызывали ужасающие шторма прямо в домах, убивали направо и налево, испепеляли бесценные кладези знаний и не оставляли камня на камне от прежде самых дорогих им вещей. Встревоженные и озадаченные заклинатели отнеслись к трагедии со всей серьезностью, однако никто и охнуть не успел, как вспышки массового безумия стали быстро распространяться, охватывая весь колдовской мир.

Постепенно клиническое течение болезни стало более-менее ясно. Поскольку вирус носил отнюдь не естественную основу, он и атаковал крайне специфическим образом. Стоило одному заклинателю впасть в безумие, как у остальных, находившихся поблизости и зараженных таким же штаммом, начиналась цепная реакция. Вирус как бы включал свои копии в их крови, заставляя вступать в активную фазу. Фактически все, кто сразу не успевал покинуть зону бедствия, становились жертвами дьявольской болезни. Утратив искру разума, они с удесятеренными силами принимались крушить все подряд. Если где-нибудь в отдаленной деревне такие вспышки приводили к незначительным жертвам, то колдовские центры полностью уничтожались.

Все заклинатели, осознав уровень угрозы, забили тревогу. В попытке справиться с демоническим безумием — а в его природе уже никто не сомневался — они еще раз в своей печальной истории попробовали объединиться. К сожалению, на сей раз именно объединение было наихудшей идеей из всех возможных. К тому времени носителей скрытой заразы было так много, что результаты поголовных анализов, наконец-то выявлявших дьявольский вирус, поистине ужасали. Колдовские центры вымирали один за другим. Колдуны, ведьмы, чародейки — никто не мог устоять перед вырвавшимся на свободу кошмаром, порожденным демонами безумия. Объединяясь, заклинатели автоматически увеличивали естественную среду поражения вируса и гибли прежде, чем успевали что-нибудь предпринять. Дотла сгорали целые обители чародеек. Города, насыщенные колдовством, обращались в развалины. Клерики громили собственные соборы. Ведьмы, сходя с ума, поджигали леса и обрушивали заповедные пещеры. Колдовской мир погрузился в хаос, стремительно выкашивавший носителей чародейского дара. Простые люди, в немалой степени задетые вспышками разраставшегося насилия, стали в каждом заклинателе видеть врага. Это породило к колдовству недоверие, быстро переросшее в откровенную враждебность. Всех уличенных в применении чар тут же считали злодеями, со всеми вытекающими. Стараясь уберечься от страшного вируса, заклинатели укрывались в своих крепостях, надеясь избежать печальной участи. Уцелевшие обители чародеек установили жесткий карантин. Так же поступили и ведьмы с колдунами. Частично это помогло. Но частично. Карантин позволял успешно избегать заражения извне, но если хоть одна душа оказывалась инфицированной внутри, избежав выявления анализом, колдовской центр был обречен. И полностью погибал вместе с личным составом и всеми накопленными знаниями.

Некоторые чародейки ушли на север и заперлись на пике Эрминдхайм. Лорданский перевал, ведущий в тамошние земли, защищала древняя крепость Данерхейм, построенная во времена жестоких колдовских войн. Некогда ее боевые орудия повергали исполинских троллей и рукотворных великанов, останавливая несчетные волны врагов. Теперь она послужила вновь. Чародейки перевели ее в автономный режим. Крепость, перекрывавшая всю долину у перевала, стала уничтожать всех людей, что пытались к ней приблизиться. Сестры не гордились этим непростым решением и предпочли о нем забыть. Зато они выжили. Целых два века они безвылазно отсиживались в своем северном убежище. Когда же угроза заражения миновала ввиду естественной смерти всех

носителей вируса, они сняли карантин и вновь осмелились показаться по ту сторону перевала. Тогда-то они и выяснили, что их северная обитель, называвшаяся Альмирстал, оказалась последней обителью чародеек.

Вместе с заклинателями погибли и все накопленные ими знания. Безумие, с которым жертвы дьявольской заразы предавались разрушению, поглотило старинные книги, уничтожило бесценные Кристаллы Памяти, стерло в порошок каменные скрижали и колдовские сосуды. Все, что осталось уцелевшим чародейкам, в ужасе осознавшим свое положение — немногочисленные запасы Альмирстала, никогда и не бывшим крупным центром колдовской силы. А так же все, что уцелело в их собственной живой памяти. Но уцелело там немного, поскольку тысячелетия бедствий, сотрясавшие колдовской мир, не прошли бесследно. Губительная зараза, созданная демонами безумия, попала на поистине благодатную почву. Ведь это был особый вирус. Колдовской. Порождение враждебного экспфернума. Его подогревали злоба и распри. Вызывала к жизни и множила сама ненависть людей друг к другу. В прежние времена само его существование было невозможным. Но те времена канули в лету. И разрушительное воздействие демонического вируса лишь опустило занавес в той драме, которая вошла в историю под названием Великий Упадок.

* * *

Сирелина наблюдала, как ее родной Альмирстал пытался приспособиться к новым реалиям. Реалиям, где от колдовского мира осталось всего ничего, а самих чародеек насчитывалось едва ли три тысячи. С великими предосторожностями сестры организовали вылазки по другим обителям, надеясь забрать оттуда все, что еще можно было спасти. Увы, их урожай был чрезвычайно скуден. Обители лежали в руинах, сожженные дотла обезумившими сестрами. Выжившие на пике Эрминдхайм похоронили останки умерших, а сами развалины обратили в склепы, навеки запечатав их от мира. Все, что удалось собрать, они свезли в Альмирстал, где попытались начать все заново. Уцелевшие знания бережно собирались в единый архив, аналогов которому более не существовало. Едва ли не с нуля воссоздавались лаборатории и производственные помещения. Строились новые здания, разбивались колдовские сады.

Мало-помалу чародейки наладили жизнь в своем новом доме, ставшем единственным и последним домом для всего их рода. Рода, который отныне грозил угаснуть навсегда. Сообразив, что

дальше отсиживаться в уединении смерти подобно, сестры вновь вышли в свет. Им ведь требовались не столько определенные ресурсы, сколько новые послушницы, без которых у чародеек не было будущего. Контакты с людьми, так или иначе, становились неизбежны.

С другими уцелевшими заклинателями дело сразу не заладилось. Ведьмы и колдуны относились к чародейкам враждебно, да и сами они отнюдь не видели в них друзей. Однако теперь нападать друг на друга было еще большим безумием, чем то, что уже отбушевало, поэтому стороны поддерживали нейтралитет, разграничив сферы влияния и практически не общаясь между собой. Южные земли и Запад встретили чародеек очень неприветливо, но северные народы приняли их вполне радушно. За добрососедские отношения сестры предложили им различную помощь, а неприглядную историю с Данерхеймом списали на древние злые чары, ныне развеянные. С тех пор так и повелось, что чародейки обосновались в северных краях, а во все остальные заглядывали постольку поскольку. У заклинателей установился принцип территориального и культурного обособления с прохладными и достаточно условными отношениями. Печальнее всего было то, что последние чародейки окончательно забыли даже собственную историю, что порождало излишнее недопонимание, в первую очередь с ведьмами. И те и другие видели, что они разные, но уже не знали почему. Ведьмы, как и все прочие, воображали, что чародейкам известен какой-то секрет долголетия. Чародейки же считали, что ведьмы — это павшие заклинательницы, выбравшие своим путем взаимодействие с темными силами. Ведь сестры, совращенные изучением темных искусств, действительно превращались в ведьм, что вводило и тех и других в величайшее заблуждение касательно их природы. А природа, меж тем, была такова, что ведьмы были простыми людьми, наделенными даром восприятия к особой ткани мироздания. Чародейки же обладали своим даром совсем по другой причине, о которой давно позабыли. Ведь некогда они произошли от одних из самых удивительных созданий на свете, ибо их прародителями были феи.

Сирелина уже и сама не испытывала радости, что проникла в тайну драмы длиной в десятки тысяч лет. И теперь, под занавес, наблюдала, чем она заканчивается. Ее любимая обитель, ее прекрасный родной дом оказался жалкой тенью былого могущества. Осколком, выброшенным на далекий берег прибоем океана истории. Крошечным фрагментом некогда великих свершений. И даже он, этот последний островок потомков созданий света, продолжал угасать. Демографический кризис и снижение уровня колдовского

дара никуда не делись. У чародеек, как они ни старались, уже не получалось поддерживать численность сестер хотя бы на имеющемся уровне. Шли века, а население обители неуклонно сокращалось. Сокращалось постепенно, неторопливо, но от этого не менее неумолимо. Некогда в Высшем Совете заседало сорок старших чародеек, причем этого места удостаивались наиболее мудрые, а в целом их было гораздо больше. Со временем состав Совета стал уменьшаться. Сначала появилось одно пустое кресло, затем два, затем сразу четыре. Проблема заключалась не в том, что сестры никак не могли занять их достойными кандидатурами — кресла вообще некому было занимать. С некоторых пор каждая старшая сестра автоматически становилась членом Высшего Совета, поскольку самих старших сестер осталось всего ничего. Обитель вырождалась естественным образом, а чародейки невольно этому способствовали, практически перестав заводить семейные отношения. Они уже не знали, что их дар передается только по наследству, и считали появление одаренных девочек случайностью, прихотью природы, отчего старательно искали их в семьях простых людей. Это было в корне ошибочно. У чародеек не обязательно рождались дети с уникальной колдовской силой. Некогда из десяти ребятишек дар матери наследовала примерно половина, если отцом был обычный человек. В процессе Великого Упадка это число всю дорогу снижалось пропорционально силе колдовских способностей. И со временем привело к обманчивому впечатлению, что чародейки производят на свет таких же детей, как и все остальные. Да, не все рожденные ими девочки становились чародейками, однако у каждой девочки с чародейским даром, появившейся в каком-либо уголке мира, некогда в роду была чародейка. Если бы сестры Альмирстала не отгораживались от света, а активно заводили семейные узы и приносили большое потомство, они могли бы несколько улучшить складывавшуюся ситуацию. Увы, чародейки, не зная деталей, делали с точностью до наоборот, не желая окружать себя скоротечными жизнями мужей и детей. Обычаи обители, призванные хранить душевный покой сестер, многократно снижали вероятность появления продолжательниц рода.

Но в мире все еще появлялись одаренные девочки, и чародейки через своих агентов всеми правдами и неправдами забирали их к себе на пик Эрминдхайм. Для них выстроили новые учебные чертоги, им посвящали свое время самые мудрые сестры. Новые поколения чародеек были залогом самого выживания, поэтому их готовили на совесть и берегли как зеницу ока. Чего и удивляться, что послушниц никогда не подвергали опасности, и даже когда

грянула большая война, держали в стороне от передовой. Кто бы мог подумать, что крепость Данерхейм вновь послужит защитой Альмирсталу. Послужит тогда, когда неожиданно, из ниоткуда, появится Повелитель Крови — девушка, обладающая древней, давно забытой феноменальной силой. Принцесса Крови, по праву дара и по праву рождения. Появится — и вновь вдохнет в чародеек былую мощь, развивая их способности до запредельного уровня. Но не успели они воспрянуть из пепла, гулкими шагами идя навстречу своему новому восходу, как из Мертвого Конца появились те, кто некогда послужил причиной их заката. И теперь даже самые мудрые сестры Последнего Приюта не могли предсказать, чем закончится этот очередной виток истории человечества.

Сирелина, мрачная как туча, устроилась в одном из кресел Высшего Совета. Старшие сестры о чем-то совещались. Это было задолго до Изабеллы, ставшей впоследствии Настоятельницей, ибо тогда она даже не родилась. Сирелина не могла принимать участие в обсуждении, но внимательно слушала, поскольку не хотела упустить ни одной детали из истории Альмирстала. Она уже узнала столько важных вещей, что их обязательно следовало всем рассказать, и продолжала внимать во все уши. Старшие сестры обсуждали некое опасное вещество, погребенное далеко на юге. Сведения о нем обнаружились в самых старых архивах обители, и попали туда еще до установки карантина. Кто и каким образом их туда поместил, теперь оставалось тайной, но содержание записей представляло большой интерес. Сирелина, навострив уши, начала подозревать, о чем идет речь, но не успела ее догадка подтвердиться, как у входа в зал Совета послышался громкий шум. Кто-то бесцеремонно вошел, не обращая внимания на стражу, и направился прямо к старшим сестрам. Сирелина, как и остальные раздраженная досадной помехой, глянула на визитера и к своему изумлению увидела Илиану. Илиану, которой здесь попросту не могло быть, ибо она еще не родилась. Ну, не появилась там, в Калихари. Игнорируя возмущение старших сестер, девушка подошла к наставнице.

— Идем, Сирелина, нам пора! — сказала она бархатистым голосом, протянув чародейке руку.

— Это недопустимо! — послышались со всех сторон гневные возгласы. — Немедленно покиньте это место!

Сирелина, встав с кресла, с каким-то оцепенением осмотрела Илиану с головы до ног. Что-то словно мешало ей положить свою ладонь на ладонь воспитанницы. Члены Совета так и вовсе вели себя страннее некуда. Они приближались с угрожающим видом, в то время как им надлежало сидеть на месте и заниматься своими

делами. Ведь это были всего лишь тени. Иллюзии, воплощавшие для вопрошавшей чародейки эпизоды истории. Эти иллюзии следовали строгому сценарию и не имели никакой возможности взаимодействовать с чем-то или кем-то вне существовавшей реальности. Или имели? Сирелина невольно обвела взглядом всех присутствующих. Они явно не лучились радостью из-за появления Илианы, и, кажется, собирались выразить ей свое величайшее неудовольствие.

— Пойдем, Сирелина. Это только иллюзия! Она держит тебя в плену, пока ты сама не захочешь ее покинуть! — сказала девушка, продолжая протягивать руку.

Старшие сестры заявили, что не потерпят столь вопиющего нарушения всех правил, и если незваная гостья сейчас же не уйдет, они сами ее выдворят.

— Ну же, Сирелина! Скорее! — уговаривала Илиана, мерцая сиреневыми глазами.

— Иля? — наконец-то произнесла, словно чужим голосом, чародейка. — Иля, это действительно ты?

— Да, это я! Хватайся за мою руку, и пойдем скорее, пока не пришла стража! Она попытается мне воспрепятствовать! — быстро пояснила девушка. — Сирелина! Это все не настоящее! Ты в Последнем Приюте! Находясь здесь, ты теряешь последние силы!

Голос Илианы, хоть и звучал гораздо тише гневных окриков старших сестер, проникал в разум Сирелины чистым и ясным потоком. Стряхнув оцепенение, она протянула руку и вложила пальцы в ладонь девушки. И тут же ощутила мощную волну теплой энергии, наполнившей все ее тело. Только тогда она и поняла, как сильно устала.

Раздался сухой треск. Старшие чародейки, наколдовав молнии, атаковали все разом, стремясь поразить нарушительницу. Илиана даже бровью не повела. Разряды не причиняли ей ни малейшего вреда.

— Как ты здесь оказалась? — выдохнула Сирелина, когда воспитанница повлекла ее к выходу.

— Пришла за тобой! — коротко ответила девушка, движением пальцев развеивая брошенные в нее заклинания.

— Стража! — звонко и страшно вскричали старшие сестры, видя, что их усилия не приносят никаких плодов.

— Скорее! — бросила Илиана, утягивая за собой чародейку. — Иначе мы рискуем застрять здесь навсегда!

До заветной двери оставалось всего ярдов десять, когда навстречу, звеня доспехами, вбежали вооруженные до зубов женщины. Их латы слегка светились голубым и белым, а мечи отливали колдов-

ским светом. Это была гвардия обителей из далекого прошлого — боевые чародейки, одинаково хорошо владевшие клинками и заклинаниями. Уж сколько минуло тысяч лет, как последние из них исчезли в глубине времен, а нет — вот они, тут как тут. В это же время прямо сквозь потолок стали падать здоровенные горгульи, лаундраны и антремины. Перед беглянками образовалась плотная шеренга из выставленных мечей, а по сторонам с крайне недружелюбным видом приближались колдовские существа.

— Это еще кто? — опешила Сирелина, невольно вытаращившись на невиданных животных.

Посвящать в бестиарий было особо некогда, поэтому Илиана в двух словах объяснила кто такие антремины. Что же касалось лаундранов, то вид этих бесплотных гончих и так говорил сам за себя. Принцесса Крови вдоволь насмотрелась на них в юности, поскольку ее отец очень любил собак, и в довершении к обычным сворам завел целые псарни колдовских. Лаундраны, как порождения иного мира, обладали рядом уникальных достоинств. Обычно они перемещались как призраки, свободно пробегая как по полу, так и по воздуху. Их длинные светящиеся гривы плавно колебались, будто водоросли в речном потоке. Два обычных глаза ловили малейшее движение в окружающем физическом мире, а третий — в мире незримом. Чутье гончих отлично работало на все связанное с колдовством, от заклинателей до животных из Трансталлов. Ни одна ведьма не могла прокрасться мимо бдительных лаундранов. Кроме того, они умели идти по следу сотворенного заклинания и безошибочно определяли его автора точно так же, как простые ищейки находили хозяина по одежде. Кусались, надо сказать, эти песики тоже крайне специфически. Вцепившись мертвой хваткой в цель, они ослабляли ее колдовские силы. Свора, выпущенная против заклинателя, не разрывала его на части, но, повиснув на конечностях, полностью лишала возможности к сопротивлению. Таким образом, добыча оставалась целой и невредимой, попадая в руки к владельцу лаундранов, а сами они никогда не рвали плоть и не страдали приступами кровожадности. В целом, это были довольно симпатичные и любопытные создания, если не использовать их по дурному назначению.

— Ах ты, чтоб вас всех с вашими правилами! — гневно воскликнула Илиана.

Резко взмахнув рукой, она испустила дугообразную алую волну. Хлестнув по стоявшей впереди страже, эта волна расшвыряла ее как кегли. Антремины, опешив, попятились. Горгульи присмирели, а лаундраны, поджав призрачные хвосты, вяло топтались на месте. Но женщины-воины и не подумали сдаваться. Вот только что

их смело словно ураганом, а вот они уже вновь материализовались там же, где и стояли.
— Взять ее! — завопили старшие сестры.
Колдовские существа, встрепенувшись, ринулись в атаку.

Выстрелы Сирелины ни на кого не действовали, равно как и по ней никто не попадал. С защитным механизмом воевала только Илиана, пытаясь вырвать из чародейского сна свою наставницу. Та, хоть и пошла на ее зов, все еще находилась во власти иллюзий, а они сопротивлялись постороннему вмешательству и так просто никого не отпускали. Всерьез разозлившись, Принцесса Крови распалилась как алая звезда, в честь которой ее и прозвали. Кольца, распространявшиеся вокруг тела, развеивали всех врагов, пытавшихся до нее добраться. Ударные волны и направленные потоки света, щедро раздаваемые Илианой, отправляли их неведомо куда. Но из этого "неведомо куда" противники упорно возвращались, и число их непрерывно росло. Речь ведь не шла о живых врагах хотя бы в приближенном понимании. Противники девушки были чистым воплощением энергии, приобретавшей форму наиболее присущую этому месту. Последний Приют подчинялся своим правилам, и обойти их, даже формально следуя полученному разрешению, было не так-то просто. Чтобы досрочно вывести чародейку, девушке требовалось преодолеть хранителей ее искусственного сна или успеть удалиться до того, как они среагируют на постороннее вмешательство. Сирелина, пытаясь очнуться от грез, ожидаемо замешкалась, и дело закончилось столкновением со стражей.

Илиана, увлекая за собой Сирелину, не успела добраться до двери, как их все же оттеснили. Отступив к центру зала, девушка продолжала отбиваться, распаляясь с каждой секундой. Сдаваться она не собиралась, хотя острия мечей все чаще оказывались от нее в опасной близости. Умереть она не могла, зато в случае поражения все придется начинать сначала, а ее жизненная энергия и так была далека от максимума. Илиане играло на руку то обстоятельство, что антремины, не иначе как почуяв ее сущность, нападали скорее для виду. Это же относилось и к лаундранам, не наседавшим в полную силу. Неистовствовали только горгульи, как верные слуги своих хозяек, да фербинтиды. Особенностью последних было то, что существовали они только в мыслях, и нападали исключительно там же. Ночной кошмар, дурман, навеянная иллюзия являлись для них естественной средой обитания. Они расползались по различным поверхностям плоскими блинами, способными проникнуть в любую щель. Затем, выбрав подходящее место, собирались в плотную желеобразную массу и атаковали, делая стреми-

тельный бросок в сторону цели. Тело фербинтида состояло из серой эфемерной субстанции, порожденной пограничным состоянием сознания, а длинные кинжалообразные когти глубоко разили самыми потаенным страхами. Было до дрожи жутко наблюдать, как этот серый блин сначала быстро ползет по стене, а затем, собравшись в плотный сгусток, кидается на тебя подобно пауку из засады. В центре сгустка раскрывалась круглая зубастая пасть, а по периметру выдвигались мерзкие членистые лапы, увенчивавшиеся означенными когтями. В такой момент фербинтид напоминал воланчик для бадминтона, только размером в пару футов, и свидание с ним строго не рекомендовалось. Формально эти существа вообще не появлялись, если человек ничего не боялся. Однако потаенных страхов хватало даже у Принцессы Крови, особенно теперь, после познания тайн далекого прошлого, отчего недостатка в кишевших вокруг фербинтидах не ощущалось. С одной стороны, было странно — наблюдать таких жутковатых тварей в Последнем Приюте. С другой — фербинтиды не имели какой-либо положительной или отрицательной направленности. Они просто были, и защитный механизм использовал их для изгнания вторгшейся в чужой сон Илианы. А та держалась молодцом, желая забрать с собой ту, за кем пришла. Раз за разом она отбивала волны атакующих, используя всю мощь своей жизненной энергии. Гвардия чародеек наседала с неизменным упрямством, но Принцесса Крови сносила ее как ураган, стараясь ослабить враждебный напор и пробиться к выходу. В зале Совета творилось нечто невообразимое. В нем бушевал такой могучий алый вихрь, что существуй он в реальности, колдовская сила всех оказавшихся рядом чародеек сдвинула бы гору. Именно таким вихрем Юстелий Ардарианский некогда овевал имперские войска, пока не появился Неомольф. Теперь он кружил закованных в доспехи женщин, пытавшихся добраться до неподдающейся цели. Старшие сестры, продолжавшие швыряться заклинаниями, регулярно развеивались в дым, но быстро появлялись вновь, поскольку были всего лишь сгустками энергии.

Трудно сказать, чем кончилось бы это побоище, в которое, казалось, постепенно вовлекалась вся призрачная обитель, если бы у входа неожиданно не объявилась еще одна фигура.

— А ну прекратить безобразие! — грянул чей-то властный голос.

Стража застыла как вкопанная. Колдовские существа поникли и попятились. Старшие сестры в изумлении воззрились на нового посетителя. Иллюзия Сирелины превращалась в какой-то проходной двор, но на сей раз их реакция была далека той, которой они встретили Илиану.

— Посторонись! — велел все тот же голос.
Стража немедленно расступилась, образовав широкий проход. Антремины, горгульи, лаундраны и прочая набежавшая живность шустро расползлись кто куда. Илиана, глянув в освободившееся пространство, уже знала, кого там увидит, поскольку голос звучал очень знакомо.
— А ты как здесь оказался?! — воскликнула она.
— Это кто, Ульм?! — разинула рот Сирелина.
— Он самый, — кивнула девушка. — И разрази меня гром, если я хоть что-нибудь понимаю!
Сестры из призрачного Совета хотели что-то сказать, но северянин, бросив на них молниеносный взгляд, сделал предостерегающий жест. Старшие чародейки застыли так же, как и только что бушевавшая стража.
— Давайте поторапливаться! — предложил воин, поманив к себе Илиану и Сирелину. — Или вас опять оставить наедине с этой теплой компанией? Кажется, разговор был очень даже по душам.
Дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят. Решив, что для вопросов найдется более подходящее место и время, Илиана за руку с чародейкой живо оказалась подле Ульма.
— Хлопот с тобой не оберешься, твое величество, — сообщил он добродушно, протянув ладонь в сторону выхода.
Видневшаяся там стража бочком-бочком отошла в сторонку.
— Мы еще поговорим, — сообщила Илиана, поспешая с чародейкой к открытым дверям.
Ульм только улыбнулся.

Уже на пороге Сирелина, увлекаемая воспитанницей, обернулась и увидела, как следовавший за ними воин сделал что-то очень странное. Ей показалось, что он, наблюдая, не преследуют ли их члены призрачного Совета, приложил палец к губам. Однако чародейка не была в этом уверена, поскольку в тот же миг ее залили потоки яркого света. Илиана переступила заветный барьер и втянула ее на другую сторону.

Когда чародейка открыла глаза, она лежала все на том же уютном ложе из мха и цветов, где погрузилась в колдовской сон. Рядом, держа ее за руку, сидела Илиана, а у той за спиной стояли две женщины. В одной из них Сирелина тут же признала Либиолу. Другая была ей незнакома. Припомнив последние события, чародейка села и впилась взглядом в лицо девушки. Ей ответил живой блеск сиреневых глаз.
— Ну и доставила ты мне забот, дорогая наставница! — воскликнула Илиана, заключая ее в объятия. — Можешь не волноваться — это все по-настоящему! Ну, не считая того, что мы все еще в По-

следнем Приюте.

Когда они поднялись на ноги, Илиана внимательно осмотрела Сирелину и нашла, что та здорово ослабла. Видимо, она слишком долго находилась в Последнем Приюте.

— Еще бы! Я такое повидала! — воскликнула, схватившись за грудь, наставница. — Я знаю, что такое Великий Упадок! Я знаю, как возник Альмирстал! Силы небесные!.. — тут ее голос от волнения прервался. — Я знаю, откуда появились чародейки!

— Вы все — потомки фей, — улыбнулась Илиана. — Я давно это подозревала, но моя память спала, выбрасывая лишь отрывочные образы и смутные видения. Оттого я вам и не говорила, не будучи уверенной на все сто.

— Но ведь фей не существует! Это все сказки! — пораженно воскликнула Сирелина, все еще не веря в то, что ей открылось.

— Дина, — чуть повернув голову, произнесла девушка.

Незнакомая чародейке женщина с легким хлопком исчезла. Вместо нее перед ошеломленным взором Сирелины объявилось хрупкое создание фута полтора ростом, шуршавшее стрекозиными крылышками. Подлетев к чародейке, оно приветливо помахало ей рукой.

— Сирелина, разреши тебе представить ее светозарность Дин'Юлемиону. Она самая настоящая фея, моя покровительница и первая наставница, — указала на кукольную фигурку Илиана, поведя открытой ладонью.

Дина, плавно расставив руки, сделала изящный реверанс. Это было уж слишком. Фея заранее приняла вид взрослой женщины, чтобы сперва подготовить чародейку. Но ни она, ни Илиана не сумели удержаться от столь эффектного появления. Его результат не заставил себя ждать, произведя должное впечатление. Сирелина грохнулась в обморок.

Об Ульме вспомнили, когда чародейка пришла в себя, и они с Илианой обменялись самыми животрепещущими новостями. Либиола и Дин'Юлемиона, узнав о появлении воина в иллюзии Сирелины, удивленно переглянулись.

— Сначала он был рядом с тобой, а потом исчез, — сообщила фея, припомнив нехитрые детали.

— Именно так. Исчез, как и подобает плоду воображения, когда разум стало занимать нечто совсем другое. Это меня ничуть не удивляет, — поддакнула Встречающая. — Меня удивляет другое! Каким ветром его занесло в чужую иллюзию, и каким, простите, лешим, он нейтрализовал ее защитный механизм?! — добавила она.

— А что, он с тех пор так и не появлялся? — живо озаботилась

Илиана, машинально озираясь по сторонам.
— Нет, — качнула головой Либиола. — Твоя галлюцинация испарилась. Хотя жаль, поскольку у меня к ней масса вопросов, на которые ты сама осознанно вряд ли в состоянии ответить. Ох, дорого бы я дала, чтобы взглянуть на твоего охранника живьем!
— Так это недалеко. Его можно вызвать в Фортумагум. Если хочешь… — начала было Илиана и, охнув, смущенно умолкла.
— Да, мне мешает сущий пустячок — я не могу вернуться обратно, — рассмеялась Встречающая. — Прежняя форма жизни для меня закрыта навсегда.
— Я предлагаю поторопиться! — вмешалась Дин'Юлемиона, пока вся компания не ударилась в очередную дискуссию. — Их мосты не будут держаться вечно. Я вообще поражаюсь откуда у Илианы столько энергии, чтобы восставить не только себя, но и Сирелину. Чем бы ни был этот Ульм, он вызвал в ней невероятный всплеск жизненных сил. Пожалуй, стоит поблагодарить его при встрече, хотя он настоящий вряд ли поймет за что.
Совет звучал очень дельно. Впечатленная всем произошедшим, Либиола была настолько любезна, что снова предоставила в распоряжение гостей самоходный ковер из травы и цветов. К тому же она допустила пару оплошностей, поэтому считала своим долгом загладить вину. Да и Дина из нее всю душу вынет, если они опоздают к мосту. Погрузившись на необычное и красивое средство передвижения, все четверо полетели сквозь пространство прямиком к выходу.

К счастью, мост был там, где ему и полагалось. Вообще каждому страннику предназначался свой, но Илиана и Сирелина могли воспользоваться одним при условии, что у обоих хватало энергии для выхода. А ее явно хватало, поскольку и та и другая явственно наблюдали белоснежную конструкцию над искрившимися водами реки. Настала пора прощаться.
— Илиана, не забудь передать приветы сестер, — напомнила Либиола.
Это касалось просьбы чародеек, провожавших императрицу в Фортумагуме. Илиана честно ее выполнила и запомнила адресованные им послания от тех, кто навсегда ушел в Последний Приют.
— Да уж не забуду! — кивнула она. — Как такое забудешь? Помню слово в слово.
— И береги Сирелину, — добавила Встречающая. — На нее очень повлияло это путешествие. — По правде говоря, без тебя она вообще бы его не пережила. А ей еще рано навсегда уходить в Последний Приют. Через пару тысяч лет — возможно, но не сейчас.

Сирелина в свою очередь поблагодарила Либиолу за оказанную помощь. Та, улыбнувшись, ответила, что только выполнила свой долг. Говорить ей спасибо или ругать ее одинаково бессмысленно — она следует укладу Последнего Приюта, поэтому ничего такого особенного она не сделала.
— Дина, а ты разве не хочешь с ними попрощаться? — удивленно осведомилась Встречающая, когда речь дошла до феи. — Когда еще снова увидитесь!
— Нет, — отозвалась та. — Я иду с ними.
— Сестра, ты в своем уме? — оторопела Либиола. — Тебе сейчас туда и носа не сунуть! Там же все провоняло векстрами! Ты понимаешь, чем тебе это грозит? Ты можешь надолго вылететь из реальности!
— Ничем не грозит, пока я рядом с Принцессой Крови, — уверенно заявила Дин'Юлемиона. — А я больше не намерена ее оставлять. И не упущу случая поквитаться за мои любимые рощи Ардариании!
— Принцесса Крови не всесильна. Ее дар на тебя не действует, тем более что ты существо более высокого порядка. Ты что, в своем контуре Забвения все на свете позабыла? — вконец растерялась Встречающая.
Фея, прошелестев крылышками к ее уху, что-то туда шепнула. Либиола вытаращила глаза.
— Угу, — кивнула Дин'Юлемиона. — Только не вздумай проболтаться, сестрица!
— О чем это вы? — подозрительно осведомилась Илиана.
— Я сказала ей, что у нас с тобой особая связь. Помнишь, как ты удержала меня тогда, когда пал Великий Архипелаг? — пояснила фея.
Сирелина живо навострила уши и пожелала услышать подробности, но их отложили до возвращения в Фортумагум.
— Ну, сестра, тогда да поможет тебе Свет! — сказала Либиола. — Да поможет он всем вам!

Когда все трое перешли мост и обернулись, Встречающей уже не было. По ту сторону расстилалась только густая трава, обрамлявшая дорожку к арке из деревьев. Последний Приют остался позади, впервые за долгое время выпустив сразу двух вошедших туда путешественниц. А впереди, с громкими радостными криками, к ним уже бежали, размахивая руками, какие-то люди. Это были дозорные, поставленные Уной.

– 6 –

Императрица отсутствовала почти полгода. Уйдя в начале марта, спустя несколько дней после помолвки вице-королевы, она вернулась только в конце августа. К тому моменту все надежды на ее возвращение угасли. Эбби старался выбирать выражения, но их суть все равно сводилась к одной печальной истине — вернуться после столь долгого пребывания в Последнем Приюте не могли даже величайшие чародеи, известные в его эпохе. Эбби и сам был удручен своим заявлением дальше некуда, поскольку считал, что новой жизнью обязан исключительно девушке с сиреневыми глазами. Увы, он оказался бессилен что-либо поделать. Все, что оставалось ему и остальным — это рассчитывать на чудо. Чудо Повелителей Крови. Вероятно, именно оно и произошло. Когда из Трансталла, в окружении дозорных, неожиданно объявилась Илиана собственной персоной, да еще с Сирелиной, Эбби чуть не свихнулся от счастья. На радостях он закатил такой бурный фейерверк, что содрогнулся весь Аберидж, переполошив его обитателей мыслями о конце света. Весть о возвращении императрицы немедленно разнеслась по всему миру. В Тал-Амин устремились многочисленные всадники, армия ликовала, а имперский парламент объявил текущий календарный день памятным и праздничным. Праздничным, правда, на будущее, поскольку дела в стране оставляли желать лучшего.

Положение было тяжелым. Бои с пламенеющими легионами не прекращались ни на день. Рогатые твари достигли немалых успехов и постепенно продвигались вглубь империи. Бранстоун, так хорошо послуживший зимой, пришлось оставить. Оставить не спонтанно, а по заранее составленному плану. Верховное командование подготовило новые рубежи обороны, и старый, нанеся демонам максимальный ущерб, в конце концов поглотили орды преисподней.

Единой линии защиты больше не было. Противостояние развивалось сразу на трех направлениях — северо-западном, юго-западном и южном. Речь не шла о полностью самостоятельных фронтах. Демоны, захватывая регион за регионом, усиливали давление строго в указанные стороны, что вынуждало имперскую армию создавать им области встречного противодействия. Внезапное изменение в поведении врага настораживало, ибо демоны уже не лезли напролом, а начинали использовать менее примитивную тактику. Две провинции и вовсе превратились в фигуральный переходящий приз. Выбив из них демонов, люди затем отступали, а потом наносили серию контрударов. В результате провинции напоминали набор пылающих очагов, то затухавших, а то разгоравшихся вновь. Прорываясь, колонны демонов открывали новые

Разломы, а люди, дав им отпор, отбрасывали врага и ликвидировали его оплоты. Сферы со святой водой успешно уничтожали каналы в преисподнюю, что существенно тормозило продвижение рогатых чудовищ. Концентрируясь возле Разломов, они воевали до последнего, но стоило имперской армии изгнать их из одного региона, как они начинали доминировать в другом. Зараза скверны постепенно разрасталась, несмотря на все усилия людей. Они были просто вынуждены мало-помалу отдавать демонам все новые территории, чтобы оптимизировать фронт и наносить им чувствительные ответные удары. Любой другой враг давно бы уже выдохся, неся неисчислимые потери, но волны демонов казались бесконечными. Собственные же потери людей сводились к минимуму благодаря многочисленным новшествам.

Стараниями Эбби и драддов из Сунастийских пределов, демонам противостояли целые полки големов сродни тому, с кем Бэйл некогда схватился в подземелье Абериджа. Отлично зачарованные доспехи выдерживали практически все удары врага и сами наносили ему сокрушительный урон. При этом даже гибель всего такого полка не приводила к смерти ни одного человека. Численность механических подразделений непрерывно росла, компенсируя продолжавшийся приток демонов. Через Трансталлы Фортумагума круглые сутки поступало самое разное снаряжение. Эбби практически не спал, накладывая чары, и ему помогало несколько десятков самых могущественных ведьм и чародеек. Заклинательницы теперь принимали гораздо меньше участия в прямых боях, делая исключения только для масштабных атак. Весь свой потенциал они обратили на создание нового вооружения и средств защиты. Колдовские доспехи, или Нируангмы, как их велел правильно именовать Эбби, целыми колоннами погружались на небесные платформы, доставлявшие их прямо на фронт. Големы, сооруженные из традиционных глины, песка и камня, производились в больших карьерах, а то и вовсе неподалеку от зоны боев. Они несравнимо уступали Нируангмам в качественных характеристиках, зато брали числом. Демонам приходилось прямо-таки прорубаться сквозь ряды неодушевленных защитников, созданных из самой земли. Защитников, не слишком восприимчивых к жару и выбросам пламени. Правда их медлительность не подходила для нанесения стремительных ударов. В последнем случае как раз задействовались Нируангмы. Армия Красной Саламандры практически удвоилась за их счет. Каждым механическим подразделением управляла ведьма или чародейка, в свою очередь выполнявшая приказы полководцев ад-Сейдина. Заколдованные доспехи принимали на себя основной удар врага, оберегая солдат,

а те в свою очередь развивали успех, круша демонов под надежным прикрытием столь необычных союзников. И воздушных фортов. Развитая сила чародеек, дополненная тайнами Фортумагума, позволила создать настолько крупные летающие объекты, что на них уместились внушительные боевые сооружения. Если прежде сестры Альмирстала поднимали в небо лишь относительно небольшие платформы, то теперь они смогли создать поистине грозные конструкции. Демонам отныне противостояли крепкие гранитные стены, опоясывающие несколько бастионов. Более того, каждый бастион содержал не только традиционные баллисты и катапульты, но и принципиально новое оружие — колдовские пушки, изрыгавшие во врага зачарованные сферы. Библиотеки и производственные мощности Фортумагума позволили в кратчайшие сроки овладеть этим чрезвычайно эффективным средством и наладить производство боеприпасов. Точность и дальнобойность пушек оставляли все прочие орудия далеко позади. Начиненные различными поражающими элементами, от стихий до разрывных субстанций, пушечные снаряды наносили демонам впечатляющий урон, сметая их целыми полчищами. Поскольку форт перемещался в воздухе, не имея жесткой привязки к местности, оборонительные рубежи тут же обрели значительную мобильность. Они быстро перестраивались исходя из текущей обстановки, успевали оперативно отступить и не менее молниеносно контратаковать. Форты, как и все остальное, создавались сразу в четырех стратегических местах: Альмирстале, Гексенстале, Солтенстиле и Тал-Амине. Армия получала их все больше благодаря оптимизации производства. Более того, на фронт вот-вот должна была отправиться первая небесная крепость — объект настолько большой и хорошо вооруженный, что назвать его иначе язык не поворачивался. Крепость обладала троекратной боевой мощью в сравнении с фортом, а ее защитный потенциал и вовсе поражал воображение. Форты периодически выходили из строя, сраженные полчищами демонов. Крепость должна была выдерживать любой их натиск. Ее вооружение состояло из тяжелых пушек, обладавших колоссальной дальнобойностью и убойной силой. До сих пор они ставились лишь по две на воздушный бастион, и каждое точное попадание разрывало группу Опустошителей в клочья. У небесной крепости только фронтальная сторона содержала три ряда таких орудий по двадцать штук в каждом. Простые математические расчеты предсказывали, что эта новинка вряд ли придется демонам по вкусу.

Никто не понимал, отчего императрица, слушая доклад про внушительные достижения колдовской техники, все больше мрачнела. Положение на фронте действительно оставляло желать луч-

шего, но всеми новшествами по праву можно было гордиться. Новшествами, без которых, кстати сказать, имперская армия уже потерпела бы поражение. В воображении людей, излагавших ее величеству все тонкости уникального оружия, рисовались поистине грандиозные картины. У Илианы же перед внутренним взором появлялось нечто совсем другое. Она все это уже видела. Все это уже было. Небесные форты, а теперь и небесные крепости не шли ни в какое сравнение с ужасающей мощью Колоссов, созданных в последние дни Ардарианской империи, но даже те не смогли остановить пламенеющие легионы. Куда более совершенные Нирангмы исчезали под натиском врага целыми армиями, а векстры уверенно продвигались вперед, пока не обратили в огненную пустыню все окрестности Сангвитории. Пустыню, которая впоследствии, спустя тысячи лет, получила название Калихари. Разумеется, Илиана поведала о результатах своего путешествия в Последний Приют, но позже, не всем и не все. Выслушав доклад о положении дел в империи, она собрала в Тал-Амине тех, кому надлежало знать особенности прошлого. Добытые сведения императрица разделила на две части. Первую она изложила прибывшему на ее зов большинству. Вторую, самую важную, рассказала лишь совсем близким людям. Эти сведения не подлежали широкой огласке, и публично афишировать их было ни в коем случае нельзя. В частности, моральный дух граждан оказался бы серьезно подорван, услышь они ответ Рубистеллы на вопрос вице-королевы.

— Так как же в прошлом остановили вторжение? — спросила, сгорая от нетерпения, Талара, когда в покоях Принцессы Крови остались только наиболее доверенные лица.

— Никак. Его не остановили. Империя погибла, а его всего лишь отсрочили, — четко выговаривая каждое слово, произнесла Илиана. — Это то же самое вторжение, а вовсе не новое.

Талара изменилась в лице, да и остальные, услышав эту ошеломительную весть, выглядели не лучше. Императрица намеренно не смягчала удар, чтобы показать всю серьезность положения. Лишь затем она сообщила подробности, посвятив друзей и близких в историю своей семьи, некогда правившей великой Ардарианской империей. На это у нее ушло куда меньше времени, нежели она сама провела в Последнем Приюте. Илиана ограничилась подробным пересказом, тогда как в заповедном краю она переживала долгие развернутые сцены. Кто-то мог бы спросить, зачем ответы в Последнем Приюте давались именно таким небыстрым образом. Ответ был чрезвычайно прост. Любой письменный или речевой пересказ — это изложение чьей-то точки зрения. Точки зрения его составителя или составителей. Наблюдая беспристрастные виде-

ния, вопрошавший формировал для себя собственное представление, лишенное чьей бы то ни было корректировки. Таким образом, искажение исторических реалий исключалось, поскольку ошибок летописцев в принципе не существовало.

Илиана нашла, что Талара отлично справилась с возложенной на нее ответственностью. В ее отсутствие управление империей поддерживалось на должном уровне. Более того, несмотря на всю тяжесть создавшегося положения, политические позиции государства существенно упрочились. Отлично сыграл свою роль дю Бренталь. В один прекрасный день он поднял всю свою армию и увел на восток, подав наглядный пример друзьям и недругам. Герцог Шеронский заявил, что более не в состоянии тратить время и ресурсы на междоусобицы, когда наступают враги всего рода человеческого. Если кто-то хочет захватить его земли — пожалуйста, но торжествовать он будет недолго. Ибо либо демонов не разобьют, и тогда захватчик станет следующим, либо вернется сам дю Бренталь, и вернется со всей имперской армией. Клерики немедленно благословили решение доблестного полководца во всех соборах и призвали остальных последовать его примеру. К тому времени их лояльность выросла до такой степени, что они подумывали вступить в войну на стороне империи невзирая ни на какие условия. Западные альянсы отозвали армии от границ Фолькона, сняв продолжительное напряжение. Не все из них торопились отправиться на восток вслед за дю Бренталем, но это позволило достичь главного. Империя наконец-то высвободила свой западный армейский контингент, перебросив его на фронт в полном составе. Что же касалось колдунов, то они начали вливаться в нее целыми кланами, внося немалый вклад в производство зачарованных вещей. Конечно, они и близко не обладали возможностями ведьм и чародеек, усиленных Принцессой Крови, зато их было гораздо больше. А на производстве хватало такой работы, где требовались колдовские руки, и при этом не выдвигалось чрезмерно высоких требований к их уровню. Взамен за свою помощь колдуны приобретали новые знания, и чем плодотворнее развивалось сотрудничество, тем больше их шло на службу империи. Предводители кланов под председательством Мехисфена готовили полноценный альянс, и на сей раз без всякого возражения со стороны клериков. Их Верховный Собор сам намеревался заключить с империей как минимум временный союз, после чего обе стороны смогут свободно обмениваться ресурсами и оказывать друг другу всестороннюю поддержку. Клерики уже принимали активное участие в войне с демонами, так что подписание соответствующего документа было не за горами.

Некоторое время после возвращения Илиана занималась насущными делами империи. Затем, убедившись, что все идет должным образом, обратилась к главному, для чего собрала в своем рабочем кабинете узкий круг лиц. Она вновь восседала на своем кресле, а Талара перебралась на боковое, подчеркивавшее ее особое положение. Также рядом с императрицей сидела Сирелина, а напротив стола устроились Уна, Арадора и дю Бренталь. У дверей дежурил Бэйл на пару с Ульмом, а Ювион присутствовал и как советник и как страж. Ему с Алдаром было поручено координировать бригады колдунов Запада, поэтому теперь они редко бывали вместе. Кто-нибудь всегда оставался с императрицей, в то время как напарник отправлялся нести доверенную службу. Повзрослевшие молодые люди, которым ныне шел четвертый десяток, благодаря Илиане стали настолько сильными колдунами, что прибывавшие с Запада заклинатели безоговорочно признавали их лидерство. Талара сочла полезным дать союзникам наглядный пример, чего они могут добиться, если станут друзьями империи. Про могущество Эбби речь, конечно, не шла, но тот все-таки был самым настоящим чародеем, то есть рожденным от чародейки. Сам он присутствовал на совещании через Конту-Фенеструм. Арадора представляла Альмирстал, Уна — ведьм. Собравшиеся слушали докладчика. Этот докладчик расхаживал взад и вперед по столу Илианы, запрыгивая на различные предметы и порой перескакивая через них будто через барьер. Подобное поведение выглядело бы совершенно неуместным для важного разговора, кабы не исходило от миниатюрной, выглядевшей как кукла особы, для которой такие манеры были вполне естественными. Дин'Юлемиона, прогуливаясь туда-сюда, традиционно умудрялась совмещать присущую ей живость вечной юности с очень серьезными речами. А в этот раз они были серьезнее некуда, поскольку фея рассказывала про особенности векстров, тонкости их проникновения в иные миры и отношения с созданиями света. Эти вопросы Илиана целиком отдала ей на откуп, ибо кому лучше всего в них разбираться, как не могущественной покровительнице. Дин'Юлемиону слушали с величайшим вниманием. Все неотступно следили за кукольной фигуркой, к чьей удивительной природе до сих пор не могли привыкнуть. Да и как тут привыкнешь, если перед тобой неожиданно предстает во всей красе сказочный персонаж, каким-то образом объявившийся в реальности. Исключение составляла только Илиана, вернувшая воспоминания детства, да традиционно невозмутимый Ульм. Его, кажется, вообще было сложно чем-то удивить. Даже феей, пожелавшей непременно увидеть живое воплощение иллюзий воспитанницы. Северянин был единственным, кто при

виде нее не вытаращил глаза и вообще не проявил ярко выраженного изумления. Точнее, он изобразил некий набор эмоций, но Илиана ни на грош им не поверила. Либо Ульма действительно было ничем не пронять, либо существование фей для него сюрприза не представляло.

Пока Дин'Юлемиона развивала свой доклад, императрица, уже осведомленная о его содержании, задумчиво поглядывала на северянина. Вскоре по ее прибытию в Тал-Амин у них состоялся занимательный разговор при участии феи и Сирелины. Все трое лицезрели Ульма в Последнем Приюте и никак не могли оставить такое без внимания. Кроме того, Илиана напомнила северянину его речи о заповедном крае и странную уверенность в непременном возвращении императрицы и чародейки. Правда, особого толку из этого разговора не вышло. У Ульма оказалось нерушимое алиби. Он практически непрерывно находился подле Талары, охраняя ее, как и обещал. Таким образом, он просто физически не имел возможности уйти в Трансталл, добраться до Последнего Приюта и проделать там все то, что якобы проделал. Даже если бы умел путешествовать в Сунастийские пределы и лично открывать туда пространственные Двери. В последнем, кстати, его вполне можно было заподозрить, но даже Дин'Юлемиона не обнаружила в воине ни капельки колдовства. Она прямо-таки облазила Ульма как ребенок детскую горку — прыгала по плечам, щелкала по носу искорками, тянула за волосы и вообще проявляла к его персоне весьма прикладное любопытство. Воин только посмеивался, глядя, как миниатюрное создание с крылышками проверяет его только что не на зуб. Ладошки феи, приложенные к щекам северянина, выглядели прямо-таки уморительно, особенно когда она заглядывала ему в глаза, рассчитывая обнаружить какой-нибудь секрет. Ничего не вышло. Дина была вынуждена признать, что Ульм — самый обычный человек, хотя по-своему, конечно, очень выдающийся, учитывая его телосложение и боевые навыки.

— Жаль, — вздохнула она, усаживаясь на серебряный кофейник. — Я была почти уверена, что в Последнем Приюте имела дело не с иллюзией. Видимо, моя Принцесса способна и не на такие сюрпризы. Кстати, поздравляю! Она безоговорочно тебе доверяет, раз верный защитник явился ей именно в твоем образе.

— Ну, я же обещал, что последую за моей императрицей куда угодно и никому не дам ее в обиду, — улыбнулся Ульм. — Стало быть, вам не в чем меня упрекнуть.

Преданность северянина сомнений ни у кого не вызывала, только вопросы-то остались. А вот с ответами не клеилось. Ульм не спешил выкладывать историю своей жизни, несмотря на настойчивое

желание всех трех собеседниц. Объяснение у него было простое — все знания воин почерпнул в своей общине. Рассказывать о ней он не хотел бы, поскольку это не только его тайна. Указать ее местонахождение и вовсе невозможно, так как братья дадут себя обнаружить только если сами этого захотят. Кроме того, он уже упоминал, что отправился к императрице по собственному желанию, и никто из его сородичей такой прихоти не одобрит, хотя и мешать не будет.

— Да все это я уже слышала много раз, — проворчала Илиана, не сводя с Ульма пристального взгляда. — Хоть бы что-нибудь новенькое сказал! Нашел время скрытничать. Перед моим уходом мы ведь с тобой договорились, что возобновим этот разговор.

— Вот и возобновили. Делаю вывод, что представления моей общины о Последнем Приюте совпали с вашими наблюдениями. Признаться, я очень этому рад. Но разве это плохо? То есть, если бы я ошибся, вы бы не обратили на мои слова никакого внимания. Я угадал, и теперь не заслуживаю вашего доверия? — погрустнел Ульм.

— Да не в этом дело. Никто тебя ни в чем не подозревает. Просто согласись, что было странно услышать от тебя об этом месте, когда в нынешнем мире про него все давно забыли. Только и всего, — поспешно уточнила императрица. — Оттого у нас и возникло желание узнать о твоей таинственной общине побольше.

— Там все, так или иначе, похожи на меня. Все, что знают и могут они, знаю и могу я. А я в вашем распоряжении. Они же занимаются своими делами, далекими от обычных мирских проблем, и вряд ли станут кого-то слушать, — сказал воин. — Вот, к примеру, ее светозарность Дин'Юлемиона. Ее подруги, если я правильно понял всю историю, тоже не спешили помогать Ардарианской империи. Но никому и не мешали. Чем же хуже мои братья?

— Сравнение некорректно! — насупилась фея. — Я уже объясняла, почему.

— При всем уважении, возможно корректнее, чем вам кажется, — с какой-то едва уловимой хитринкой заметил Ульм. — Нельзя судить о других только по себе. Монахи, закрывшиеся в уединенном монастыре, имеют право на мир и покой, если уж они избрали их уделом своей жизни. Я пришел предложить свои услуги моей Принцессе Крови, а вы за это хотите, чтобы я нарушил все обеты и сдал их с потрохами. И кому от этого станет лучше? Вам? Точно нет. Вы их даже не найдете. Им? Тем более.

— Кстати, когда ты к нам пришел, Илиану еще никто не называл Принцессой Крови, — подала голос Сирелина.

— Ну все, за эту оговорку меня точно стоит подвергнуть самому

суровому наказанию, — вздохнул северянин.
— Может, ты нас попросту дуришь, — обронила Сирелина.
— В том-то и дело, что нет, — покачала головой Илиана. — За все время нашего знакомства он ни разу не солгал. Не лжет и сейчас. Вот режьте меня на части — я ему верю. Верю каждому слову, не знаю почему. Я верю ему настолько, что даже не хочу заставлять его говорить своей волей. Результата, я, чую, все равно не добьюсь, зато бескорыстную преданность потеряю. Ульм может обидеться и уйти, а я не желаю лишаться такого воина. Он один стоит целого десятка моих лучших гвардейцев, и я не боюсь оставаться с ним наедине даже спящей.
— Самое удивительное, что я думаю точно так же, — проворчала фея. Вскочив с кофейника, она покружила вокруг северянина, оставляя за собой золотистый шлейф. — Он мне определенно нравится. А у меня далеко не каждый человек вызывает доверие. Я не чувствую в нем даже капельки чего-то дурного. Вряд ли мы с Илианой ошибаемся сразу обе.
— У меня к Ульму тоже нет никаких претензий, — поспешила добавить в свою очередь Сирелина. — Бэйл, к примеру, о нем очень высокого мнения. Насколько мне известно, они стали хорошими друзьями. Я лишь хотела в очередной раз отметить необычную осведомленность нашего доблестного воина — и только.
— Значит, разговор закрыт, — подвела черту императрица. — Захочет — сам расскажет все, что посчитает нужным. Я говорила это раньше, повторяю и сейчас. И не будем больше наседать на порядочного человека.

На том и порешили. Вотум доверия Ульму был вынесен искренне и без всяких оговорок, однако Илиана нет-нет, да и поглядывала на северянина, стараясь понять, что ее беспокоит. Впрочем, слово "беспокоит" здесь не подходило. Воин не вызывал никакой тревоги. Скорее, едва заметное ощущение, порожденное не иначе как шестым чувством и усилившееся после возвращения из Последнего Приюта. Гадая, с чем бы его лучше всего сравнить, Илиана удивленно приходила к выводу, что Ульм отчего-то кажется ей смутно знакомым. Как будто они когда-то уже виделись прежде. Как будто имели что-то общее. При всей уникальности своего дара, девушка как ни старалась, а больше ничего не могла выжать из его возможностей. Вот и сейчас, в процессе доклада феи, она искоса посматривала на северянина и пыталась разобраться в собственных чувствах. Как всегда безрезультатно. Ульм же невозмутимо глядел на Дин'Юлемиону, расхаживавшую по столу с детской непосредственностью, словно для него это было самое привычное зрелище. Впрочем, может и так. Илиана спрятала

улыбку в ладонь, припомнив, как фея, заинтересовавшись воином, уже несколько раз выказывала ему свое внимание и даже приглашала прогуляться. Возможно, любопытство Дины носило чисто поверхностный или даже исследовательский характер, но, возможно, когда-то ее подруги думали точно так же. Вот будет номер, если на свет появится еще одна перворожденная чародейка!

Фея, меж тем, перешла к главному, отчего императрица вернулась мыслями к ее докладу. Нынешнее вторжение векстров — по сути, не новое, а продолжение изначального, — заметно отличалось интенсивностью. Явись пламенеющие легионы в том же составе, в каком они в прошлом объявились из Руандаля — и они в кратчайшие сроки захватили бы весь мир людей. Оказать им сопротивление было бы попросту нечем. К счастью, канал в преисподнюю хоть и открылся, но не в прежних масштабах. Капля крови Илианы воскресила старый договор между архидемоном и Таунстормом, застрявший в неопределенном состоянии, но теперь для его выполнения Арферону следовало приложить куда больше усилий. На Серых горах все еще лежала печать старого зла, отчего миаласы и отказывались туда залетать, но от прежней концентрации скверны ничего не осталось. Вулкан на месте Руандаля давно потух, и теперь, пробудившись, обладал намного меньшим кратером, нежели при рождении. Фактически, векстрам приходилось начинать все с нуля, и на сей раз их плацдарм выглядел куда скромнее. Время было упущено; миллионы погибших граждан Руандаля уже не влияли на размер исходного Разлома. Появление Молотов и Отравителей говорило о том, что присутствие векстров усиливается, однако среди них еще не объявились Гангроны, не говоря уже о Деаморхах. Последние были сущим кошмаром, и дожидаться их прихода категорически не следовало. Слушатели сильно изменились в лице, когда фея предложила представить демона размером с Молота, но только с длинными огненными хлыстами вместо рук. Окажись такое чудовище на фронте прямо сейчас — и оно просто рассечет на части все воздушные форты в его досягаемости. Про людей на земле лучше и вовсе не говорить. Дин'Юлемиона отлично помнила некогда виденное в Конту-Фенеструмах, когда под ударами огненного хлыста разлетались как консервные банки целые полки лучших Нируангмов. Сейчас все силы новой империи едва ли остановят одного Деаморха. Если их придет несколько — пиши пропало. Пока что обнадеживало появление Бивилекса. Именно что обнадеживало. Архидемон вышел на сцену слишком рано, отчего воплотился в недостаточной степени и не нанес значительного урона. Следовательно, векстры еще

довольно слабы, чтобы выставлять на стратегическое поле крупные фигуры. С другой стороны, они могут усыплять бдительность, приберегая что-то очень серьезное в качестве элемента неожиданности. Так произошло с Великим Архипелагом. И закончилось очень и очень плохо. Нынешнее поведение врага уже заставляет задуматься о его намерениях. С давлением в юго-западном направлении было все просто — там находился Тал-Амин, столица Принцессы Крови. Северо-западное заставляло предположить, что векстры, по аналогии с прошлым, нацеливаются на Альмирстал. Ведь если им удастся сокрушить последнюю цитадель чародеек, империи уже не поможет никакой Фортумагум вместе со всеми его чудесами. Что же касалось южного направления, то здесь возникали вопросы. Формально векстры продвигались в район Далабада, но так ли уж был важен для них этот свободный торговый город? Вероятнее всего, они свернут к Солтенстилу, следуя только им ведомым маршрутом, ибо вряд ли властелин преисподней все еще пребывал в неведении относительно Абериджа. Один раз его марионетки — Манипуляторы — уже опростоволосились с этим местом так же, как проморгали у себя под носом Принцессу Крови. Второй раз Арферон столь вопиющей ошибки не допустит. Особенно теперь, когда императорская дочь, как назло, умудрилась откопать древнего чародея и с его помощью вернуть людям часть прежней колдовской силы. Вывод феи был прост: Альмирсталу и Солтенстилу требовалось усилить бдительность. Лучше перебросить на их защиту некоторую долю ресурсов, чем потом ужасаться невосполнимым потерям. Что же касалось Гексенсталя, то ему вряд ли что-то угрожало. Во всяком случае, раньше двух упомянутых оплотов. Векстры всегда отдавали приоритет ненавистным им чародейкам, и в этом плане у них почти наверняка ничего не изменилось.

Сделав небольшую паузу, Дин'Юлемиона позволила слушателям как следует все усвоить, после чего, сотворив небольшое облачко, уселась на него и продолжила. Кое-чему она уже научила сестер Альмирстала и продолжит учить, но следует понимать, что одна фея ничего с армией векстров поделать не сможет. Дине было очень лестно, как восторженно приняли ее чародейки, до сих пор прибывавшие чуть ли не как паломницы, но она все же не всесильна, и спасти всех и каждого физически не в состоянии. Задача Дин'Юлемионы — по-прежнему оберегать и наставлять Принцессу Крови, помогая ей справиться со свалившимся на нее испытанием. Именно этим она прямо сейчас и занята, рассказывая, как обстоят дела и что следует предпринять. Людям необходимо выступить против врага всем вместе, объединив Восток и

Запад. И прилагать для его сдерживания максимум усилий. Это, понятное дело, совершенно очевидные вещи, приходившие в любую мало-мальски неглупую голову. Казалось бы, для констатации сего факта никто особо одаренный вроде феи не нужен, однако, во-первых, это лишь обязательный плацдарм для дальнейших действий. Во-вторых, означенное якобы очевидное объединение, между прочим, до сих пор не произошло, что для Дин'Юлемионы отнюдь не неожиданность. Даже перед лицом величайшей угрозы человечество умудряется не проявлять единодушие, размениваясь на какие-то междоусобные мелочи. Чего и удивляться, что феи предпочитали иметь дело с рощами, цветами и ланями, а не хлопотать вокруг людей перегруженных собственными амбициями и суетными интересами. Но объединение — только первая фаза в противостоянии с векстрами. Здесь, кстати сказать, отдельной похвалы заслуживал Арман дю Бренталь, приведший свою армию на помощь империи. Конечно, в сравнении с двумя миллионами солдат Рубистеллы его тридцать тысяч воинов выглядели не слишком значительно, но сам факт их появления воодушевлял и подавал всей Пардионике яркий пример. Кроме того, они показали себя великолепным образом. Тяжелая кавалерия герцога, закованная в колдовскую броню, вклинивалась в позиции векстров как шпага в пуховую подушку. Арбалетчики, снабженные новым типом стрел, пробивали рядовых демонов навылет. В свое время еще ад-Сейдин присматривался к этим родам войск. К сожалению, новорожденная империя Принцессы Крови по ряду причин их недооценила. Теперь это упущение спешно исправлялось. Небесные всадницы получили портативные арбалеты, усовершенствованные совместными усилиями Альмирстала, Гексенсталя и Фортумагума. Кошмары уже успели испытать на себе их пробивную мощь. Больше сестрам не приходилось запрыгивать им на спину, рискуя жизнью. Самовзодящееся стрелковое оружие успешно разило летающих чудовищ, всаживая в них разрывные наконечники со святой водой. Армейские корпуса также взяли на вооружение новое средство и регулярно его применяли с высокой результативностью. С тяжелой кавалерией было сложнее, поскольку ее требовалось гораздо дольше снаряжать и обучать, поэтому рыцари дю Бренталя пока оставались единственными в своем роде. И они воевали просто отлично, координируя действия с войсками Красной саламандры. Ад-Сейдин со своим будущим зятем устраивали разгромные рейды на флангах векстров, и те наверняка уже пожалели, что вовремя не избавились от обоих.

Отдав должное суженому Талары, аж порозовевшему от похвалы, вполне, впрочем, заслуженной, фея продолжила развивать

тему. В первой фазе люди выстраивали мощную оборону, способную как можно дольше сдерживать натиск векстров. Стараниями Илианы, Эбби и самой Дин'Юлемионы они сумеют преподнести рогатым чудовищам массу неприятных сюрпризов, пользуясь возвращенными в мир знаниями. Вторая фаза посвящалась исключительно ликвидации вторжения, и здесь следовало сразу осознать, что грубой силой победить векстров НЕВОЗМОЖНО.

Фея сделала еще одну паузу, чтобы собравшиеся хорошенько поняли сказанное.

— То есть, как? — осторожно подала голос Арадора. — Ты имеешь в виду, что мы недостаточно сильны, чтобы с ними справиться?

— Нет, я имею в виду именно то, что сказала — справиться с ними в открытом бою нельзя в принципе, — твердо заявила Дин'Юлемиона. — Не забывайте, вы имеете дело с высшими существами, которые если кому и уступают, то лишь другим высшим существам, и то из-за выбранной ими стези. Ардарианская империя допустила фатальную ошибку, сделав ставку на армию. Ее повторение будет для вас смерти подобно. У меня есть все основания считать, что даже если бы императору удалось окружить погибший Руандаль, он все равно не смог бы закрыть первичный Разлом. А эта язва способна отравлять мир бесконечно долго и рано или поздно взять свое измором. Не мытьем, как говорится, так катаньем. Полагаю, вы преуспеете ничуть не больше, даже если прорветесь в Серые горы. Конечно, попытаться все-таки стоит, но без излишнего фанатизма, не ставя все на одну карту.

— Погоди-погоди! — обеспокоилась Уна. — Ты хочешь сказать, что мы обречены на поражение? Хорошенькие новости! Тогда понятно, отчего мы их не объявляем во всеуслышание!

— Я хочу сказать, что Арферон изыскал способ открыть Разлом со стороны мира людей. Атаковать его в лоб столь же продуктивно, как пытаться задуть звезду. Наша задача разрушить канал не силой, а умом, — неторопливо изрекла фея. — А для этого следует отправиться туда, куда я бы никогда не пошла по доброй воле.

— Минутку! Ты имеешь в виду… — ахнула, не договорив, Сирелина.

— Да, экспедицию в преисподнюю, — явно не испытывая восторга, закончила за нее Дин'Юлемиона. — Мне претит сама мысль об этом, но именно потому, увы, я предложила ее отцу Илианы слишком поздно.

— Но скверна преисподней погубит любого, кто туда сунется! — воскликнула Арадора. — Да, теперь у нас есть Трансталлы — как я понимаю, речь идет именно о них — но разве пример судьбы демонологов не очевиден? Или кому-то придется принести себя в

жертву?
— Не совсем так, — нехотя ответила фея. — Само по себе путешествие в преисподнюю, несомненно, опасно, и находиться слишком долго в царстве скверны нельзя. Но если ничего оттуда не выносить, то ее ядовитое воздействие обратимо. Демонологи губят себя потому, что поддаются соблазну и принимают посулы векстров, в конечном счете сулящие только погибель. Представьте себе сокровищницу, где каждый предмет отравлен. Взять его означает навлечь на себя неминуемое проклятье. Но прогуляться по самой сокровищнице все-таки можно. Понимаете разницу?
— Угу, — кивнула Талара, ибо этой искательнице приключений пример на сокровищах очень даже подходил. — А почему же тогда экспедиций в преисподнюю избегали, а то и вовсе их запрещали? Если я правильно поняла, это не слишком приветствовалось даже среди тех, кого некогда называли Проберианцами.
— А почему люди не возвращались из Последнего Приюта? — сухо отозвалась Дин'Юлемиона. — Им очень трудно удержаться от соблазнов, а в преисподней их специально будут выставлять напоказ. Лично я освобождена от их влияния. Илиана, возможно, тоже. Про остальных, увы, я так уже не скажу. Оттого я никогда никого и не посылала к векстрам, что в моих глазах почти приравнивалось к отправке на погибель. Странники ходили в царство вечного пламени по своей воле, и это был их выбор, но уж всяко не моя рекомендация. Теперь, боюсь, я вынуждена констатировать, что без визитов в преисподнюю нам не обойтись. Поверьте, эти слова чего-то да значат, если исходят от такой, как я.

В воцарившемся молчании было хорошо слышно звуки из Трансталлов откуда-то позади Эбби, перемежаемые собственными шумами Фортумагума. Тамошнее производство, набрав обороты, теперь напоминало внушительный завод пополам с лабораторными комплексами. Некогда небольшое подземелье раздвинулось настолько, что его невозможно было узнать. Часть комнат оказалась всего лишь запечатанной, и Эбби удалил колдовскую кладку, некогда воздвигнутую победителями Ормунделла. Но их было не так много в сравнении с тем, что добавилось с помощью восстановленных каналов в иные миры. Даже колдовской сад ныне занимал несколько гектаров и поставлял изумительные образчики уникальной флоры для алхимии, медицины и чародейства. Настолько уникальной, что ведьмы Гексенсталя и сестры Альмирстала более половины из них видели впервые. Трудились же в Фортумагуме не только люди с колдовским даром и без него. Судя по мелькавшим за Эбби теням, там хватало всякой живности. Могучие горгульи служили надежными помощниками с крепкими руками и спина-

ми. Им составляли компанию скромфы, непрерывно возившиеся с умопомрачительным количеством различной техники. Мастеровых драддов было столько, сколько на всем пике Эрминдхайм отродясь не водилось. Они ковали редчайшие сплавы, резали металл, создавали великолепные вещи и вообще трудились не покладая рук. Весь Фортумагум наполняло разнородное эхо, сопровождавшее кипучую деятельность рабочих и ученых. Где-то что-то усердно долбили, пилили, а так же весьма звучно таскали. Эбби, поморщившись, пошевелил пальцами, приглушая звук с заднего плана. Он бы его вообще убрал, но тогда и сам перестал бы слышать происходящее вокруг себя и управлять им. Ведь чародей, участвуя в важном совещании, продолжал заниматься делами Фортумагума, отдавая приказы письменами, начертанными в воздухе, жестами и прочими невербальными методами, умудряясь не отвлекаться от разговора по ту сторону Конту-Фенеструма. Он и нарушил молчание, задав вопрос, который у чародеек уже вертелся на языке.

— Прошу прощения за нескромность, но что именно нам предстоит сделать в преисподней? — неторопливо осведомился Эбби. — Не хочу показаться нескромным, но из всех ныне живущих проход туда могу открыть только я. Для этого, кстати, мне достаточно реанимировать Трансталлы, некогда созданные самим Ормунделлом. Методом исключения нетрудно догадаться, кому поручат эту почетную миссию. Оттого я бы и хотел заранее знать свои обязанности. Пока я торчал в Эруанском контуре, у меня, знаете ли, было предостаточно времени проанализировать всю свою жизнь, и те Трансталлы вызывают у меня не самые теплые воспоминания.

— Увы, ты прав, дорогой друг, — мягко ответила фея. — Учитывая твою историю, я догадываюсь как тебе это неприятно, но выполнить такую задачу действительно больше некому. Я многое могу, однако не в краях векстров. Мы же вроде антиподов. У меня есть свои непреодолимые ограничения. Но вы, люди, в данном случае ими не обременены. И способны сделать то, чего не подвластно даже мне.

— Это я уже понял, — усмехнулся чародей. — Не бойтесь — я вам не откажу. Просто мне следует наиболее точно усвоить конечную цель, чтобы оказать продуктивное содействие. Наводчик должен знать, куда и в кого палить.

— Илиана уже рассказала вам историю прошлого, поэтому я не стану сейчас напоминать ее целиком. Повторю лишь суть: нам следует узнать точное содержание договора между Арфероном и Таунстормом, а для этого существует только одна возможность — найти Таунсторма, — сообщила Дин'Юлемиона. — Теперь я просто уверена, что в тексте есть какая-то зацепка, которую использует

властелин преисподней. Нам нужно либо лишить ее актуальности, либо найти свою. Договор нельзя разрушить силой, но можно сделать его недействительным или невыполнимым. Разлом закроется сам собой, когда у Арферона исчезнут основания вторгаться в мир людей.
— Почему ты думаешь, что мы преуспеем? — помолчав, спросил Эбби.
В его диалог с феей никто не вмешивался. Все, включая Илиану, понимали, что сейчас именно этим двоим следует обо всем условиться, а затем уже подтянутся остальные.
— Я этого и не говорила. Но иного выхода у нас нет, — покачала головой Дин'Юлемиона. — Полагаю, Таунсторм все еще находится у Арферона. Векстры умеют сохранять чужую жизнь едва ли не вечно, если она им нужна. Обычно им это ни к чему, но не в данном случае. Забрав Повелителя Крови в преисподнюю, верховный архидемон невольно дал понять, что тот ему нужен. А нужен он ему может быть только для одного — непрерывного вторжения по сценарию векстров.
— Благодарю за полезное уточнение, но вообще я подразумевал совсем другое, — отозвался чародей. — Если я не ошибаюсь, император обладал колоссальными ресурсами, а у нас их и близко нет. Лучшие Проберианцы — опытные, великолепно обученные мастера своего дела, в сравнении с которыми я простой школяр — отправлялись в преисподнюю тысячами и не преуспели. Согласись, что наши шансы выглядят куда призрачнее.
Присутствующие невольно пошевелились, выражая немое согласие. Замечание Эбби шло строго по существу, подчеркивая более чем серьезные сомнения в успехе всего мероприятия. Фею, однако, такая реакция ничуть не смутила.
— Тогда у империи не было того, что есть у вас сейчас, — сообщила она с лукавым выражением лица.
Последующая угадайка ни к чему не привела. Никто так и не сообразил, о чем толкует ее светозарность, поскольку в обозримом настоящем отсутствовало что-либо такое, чего в свое время не имелось в Ардарианской империи. Трудно было сказать, для чего фея тянула с ответом, наблюдая, как люди ломают голову. То ли так проявлялась ее непосредственная натура, совмещавшая шалости со спасением мира, то ли она изучала собеседников.
— У вас есть я. И есть Принцесса Крови, — изрекла она, когда ни одна из версий так и не попала в цель.
— Минуточку! А разве вас обоих не было тогда, в последние дни Ардариании?! — тут же возразила Сирелина.
Дин'Юлемиона явно ожидала этой реплики, но заведомо не знала

от кого она последует. Вручив Сирелине пальму первенства в прямом и переносном смысле этого слова — перед чародейкой материализовалось небольшое симпатичное растение в торфяном горшочке — ее светозарность снизошла до объяснений.

Ни одна фея не способна выдержать значительное присутствие векстров, отчего они и поисчезали из мира людей к концу тогдашнего противостояния. Дин'Юлемиона стала исключением. Ее удержала юная принцесса. Удержала так, как это обычно делали Повелители Крови, исцеляя людей потоком жизненной энергии. Фея не была человеком, но и девочка влияла на нее иным образом. В ней оказалось достаточно первозданного света, чтобы воздействовать на одну из его дочерей, восстановить ее силы и помочь преодолеть отраву демонов. Именно это позволило Дине уцелеть тогда; это же дало ей возможность вернуться в мир людей сейчас. Пока она рядом с Илианой, фее ничего не грозит. К сожалению, это исключало привычное перемещение Дины в пространстве, зато все остальные ее умения сохранились. А тут-то и наступало самое интересное. В Таунсторме, как Повелителе Крови, также жила частичка света, просто не такая яркая, как в Илиане. Фея по самой своей природе могла чувствовать его источники на невообразимом для людей расстоянии. Особенно в тех краях, где света нет в принципе. Трудно разглядеть крошечную искру на фоне сияния солнца, но куда проще уловить ее в кромешной тьме. В означенном случае фраза "иголка в стоге сена" приобретала диаметрально противоположный смысл. Проберианцы, отправляясь в преисподнюю, искали бывшего губернатора Асталийской провинции практически вслепую. Окажись на их месте фея — и она довольно быстро определила бы, где находится Таунсторм, ибо даже Арферону неподвластно скрыть его сущность. Проблема заключалась в том, что таким как Дин'Юлемиона путь в царство векстров был закрыт ввиду непереносимости тамошней скверны. И эта проблема удивительным образом разрешалась за счет Илианы, способной поддерживать в фее жизнь.

Сообщив сногсшибательную новость, Дин'Юлемиона явно наслаждалась реакцией слушателей. Та, разумеется, вскоре последовала в виде посыпавшихся на фею вопросов. Точнее всего их суть сформулировал Ювион, всерьез озабоченный безопасностью предмета его давних воздыханий.

— Вы что, уважаемая, намерены утащить нашу императрицу в ад?! Вы, часом, пыльцы не перенюхали?! — возмутился он, от прилива чувств не слишком стесняясь в выражениях.

Дина ничуть не обиделась. Рассмеявшись, она объяснила, что уже обсуждала это с Илианой и та согласна на любой риск, лишь бы

избавить мир от векстров. Ювион может попробовать отговорить от замысла саму императрицу, но вряд ли преуспеет, поскольку ему хорошо известен ее характер.
— Хорошо, пусть так, — сдался заклинатель стихий, порозовев под взглядом Илианы. — Но отчего ты тогда не проделала такое раньше, до падения Ардариании?
— На это я отвечу тебе в твоем же духе. Ты, никак, колдовской наливки перебрал, если всерьез вообразил, что я потащила бы пятилетнего ребенка в логово векстров! Ребенка, которого я поклялась оберегать! — усмехнулась Дина, не без удовольствия отплатив оппоненту той же монетой. — Кроме того, тогдашние возможности Илианы физически не позволяли удержать меня в преисподней. Наша нынешняя Принцесса Крови — моя краса и гордость — стократ сильнее. В этом я уже убедилась, ощущая исходящую от нее энергию. Она подлинный потомок своего могущественного предка. Единственный в своем роде.
Применительно к отцу Илианы, Властелину Крови и повелителю великой Ардарианской империи, эти слова прозвучали несколько странновато, но все списали их на торжественный акцент в витиеватой речи Дин'Юлемионы.

Тут в разговор, наконец, вступила сама императрица, коротко изложив план своей покровительницы. Пока союзные войска держат оборону, необычный тандем отправится в преисподнюю. Трансталл, само собой, откроет Эбби. Точнее, серию Трансталлов. Оказавшись на той стороне, Дина попытается определить, где находится Таунсторм, и по возвращении станет сообщать чародею более точные координаты. Они уже нашли общий язык, и для талима Сунастийских пределов система исчисления пространственных переходов не проблема. Таким образом, как только фея сумеет напасть на след Повелителя Крови, каждый следующий Трансталл станет приближать их к цели вплоть до ее прямого обнаружения. Вот дальше — уже по обстоятельствам. Дина и понятия не имеет, что их ждет в процессе поисков и чем они вообще закончатся. Возможно, Таунсторма караулит такая армия, что к нему не пробилась бы и вся Ардариания. Ведь следует понимать, что демоны будут находиться у себя дома, в своей родной стихии, где каждый рядовой Пожиратель превратится в очень опасного врага. Даже для чародеек. А там хватает противников и похуже. Правда, здесь есть некоторая надежда. Искра света в Повелителе Крови делает его для векстров чрезвычайно неприятным соседом именно в преисподней. Существует некоторая вероятность, что рядом с Таунстормом вообще никого нет, а Арферон удерживает его какими-нибудь барьерами. Наверняка неразрушимыми изнутри, одна-

ко, согласно известной механике, это потенциально делает их уязвимыми снаружи, ибо в мире не бывает ничего идеального во всех отношениях. В целом, такое вполне возможно. Зачем Таунсторму стража, если верховный архидемон упрятал его неизвестно куда. Поди его найди в необъятной преисподней, а таким как фея туда в принципе не сунуться. Учитывая все перечисленное, шансы на успех отнюдь не около нуля и достаточно реальны. Другое дело, что процесс поисков чреват непредсказуемыми неожиданностями, и Илиане с Диной понадобится помощь. Для этого требуется набрать группу добровольцев. Приказывать императрица не вправе. Во-первых, фея категорически против принуждения, считая неприемлемым отправлять кого-то в преисподнюю силой. Во-вторых, сама Илиана также не желает прибегать к своей власти. Особенно в таких делах добровольный соратник несравнимо ценнее подневольного подчиненного.

Вот теперь все окончательно встало на свои места. Сделав пространный доклад, Дин'Юлемиона разложила все по полочкам. Императрица же коротко очертила саму суть. Вопросы у собравшихся все еще оставались, но теперь они приняли уточняющий характер. На них отвечала фея, а порой даже Эбби, когда речь заходила о технических нюансах и проходах в край вечного огня. Дина отметила серьезную подкованность чародея в столь опасной тематике и впервые в жизни обрадовалась, что кто-то хорошо владеет техникой путешествия к векстрам. В добровольцах же недостатка не оказалось. Каждый почитал за честь отправиться вместе с Рубистеллой и феей подложить свинью самому властелину преисподней. Точно так же наверняка отреагируют и Альмирстал с Гексенсталем. Оставалось подобрать наиболее подходящие кандидатуры из общего списка желающих.

Талару императрица исключила сразу, к великому неудовольствию ханской дочери.

— Ну, знаешь, подруга! Ладно меня в Последний Приют не взяла, но отказать в таком эпическом походе — это просто ни в какие ворота! — возмутилась вице-королева.

— Тали, это не приключение, это долг. Твой долг — управлять империей в мое отсутствие. Ты очень хорошо проявила себя на посту верховного правителя, и я рада, что вновь могу на тебя положиться, — ласково, но твердо изрекла Илиана.

— Если не возьмете меня хотя бы разок и недалеко, я тебе этого никогда не забуду! — насупилась Талара.

— Потом обсудим, — ответила императрица, давая понять, что торговаться сейчас не место и не время.

Следующей на очереди отказников была Сирелина. Илиана питала

к ней слишком теплые чувства и не желала рисковать любимой фири, как на языке Ардариании именовались феи. Ведь именно так она назвала ее когда-то давно, еще будучи в Нирелине, увидев колдовство и выхватив ассоциацию из глубин своей спящей памяти. Сирелина уперлась рогом, желая сопровождать Илиану несмотря ни на какие опасности. Они уже достаточно разлучались на всем протяжении их знакомства, пусть и ввиду непреодолимых обстоятельств. По собственной воле чародейки это больше не повторится, особенно когда воспитаннице вновь требуется помощь.

В конце концов, императрица сдалась, но следом за Сирелиной увязался Бэйл. Он заявил, что если с подругой его сердца что-нибудь случится, то ему все равно не жить, поэтому одну он ее не отпустит. Было очень трогательно слушать прочувственную речь из уст убеленного сединой гладиатора, которому в конце сентября исполнится шестьдесят два года. Благодаря влиянию Принцессы Крови он сохранял невероятные силу и бодрость, так что считаться обузой ни в коей мере не мог. Илиана, вздохнув, решила Бэйла от Сирелины не отрывать. Правда, ей предстояло хорошенько потрудиться, на пару с Эбби натаскивая гладиатора — человека, лишенного колдовского дара — на путешествия через Трансталлы, ну да она же Принцесса Крови, справится. Тут же выяснилось, что натаскивать придется как минимум двоих. Ульм заявил о своем непременном желании сопровождать императрицу в ее рискованной экспедиции. В Последний Приют, мол, он отпустил Илиану с чистой совестью, так как там ей бояться было нечего. Преисподняя — совсем другое дело. В тамошних краях, набитых всякой пакостью, помощь Ульма окажется весьма кстати. Еще не хватало, чтобы до Принцессы Крови добрались какие-то гнусные векстры. Ульм этого никогда не допустит!

Слушая воина, императрица невольно улыбнулась. Северянин говорил с такой уверенностью, будто достаточно одного взмаха его меча, чтобы раскидать целую толпу демонов. Что ж, нельзя обижать такую преданность. Тем более вот и Дина кивает, ничуть не возражая против компании Ульма. Она продолжала его обхаживать, и поди разбери с какой целью. То ли желала хитростью вытянуть то, о чем воин умалчивал, то ли имела на него какие-то виды. Ведь даже Илиана, несмотря на свою близость к фее, очень часто не могла понять что у той на уме.

Ювион был вне себя от восторга, когда императрица приняла его предложение. Заклинатель стихии холода отлично подходил для путешествия в гости к векстрам. Вот Алдару, отсутствовавшему на совещании, не повезло. Крылатое выражение "клин клином вышибают" в данном случае напрочь не подходило. С огнем

преисподней другим огнем не совладаешь, так что когда Ювион отправится с Илианой, Алдар останется командовать колдунами Запада.

Уна и Арадора, само собой, также желали принять участие в рискованной операции, однако решили не пороть горячку. Из всего Альмирстала и Гексенсталя требовалось выбрать наиболее сильных и доверенных заклинательниц. Отряд не должен быть слишком большим, чтобы почем зря не привлекать внимание демонов, но и маленький также не годился, поскольку его шансы преуспеть значительно снижались. Следовало вычислить золотую середину и подобрать под нее оптимальный состав. Ведьма и старшая чародейка пообещали заняться этим в ближайшее время, рассчитывая и самим попасть в будущий список. Уна традиционно рвалась в бой, и ее скорее следовало сдерживать, нежели воодушевлять. Что же касалось Арадоры, то она, несмотря на всю свою степенную рассудительность, также не могла отказать себе в соблазне отправиться в историческую экспедицию.

Откровенно не рвался в преисподнюю разве что дю Бренталь. Не потому что не одобрял эту затею или чего-то боялся. Просто он занял практичную позицию, исходившую из нынешних реалий. Во-первых, у него и так хватало приключений с демонами, которых он вместе со своими рыцарями регулярно крошил в капусту на полях сражений. Во-вторых, куда Талара, туда и он. Пойдут они вдвоем в логово к векстрам или останутся защищать империю — дю Бренталю, в общем-то, было все равно. Он везде намерен с честью выполнять свой долг и пусть Рубистелла решает, где от него больше пользы. Само собой, та решила, что как хороший военачальник герцог Шеронский куда важнее во главе армии, особенно с учетом остающейся на троне Талары. Еще не хватало угробить столь важную пару, олицетворявшую начавшееся объединение Гелиондары и Пардионики. Объединение всей Ардариании. Вернувшись из Последнего Приюта, Илиана немедленно ввела в обиход древнее название континента. Кроме того, глядя на флаг своего все еще безымянного государства, она невольно задумалась, чем было вызвано его невероятное сходство с флагом из прошлого. Тем флагом, что некогда гордо реял над прекрасной Сангвиторией. В центре синего, как летнее небо, полотнища алела большая звезда, разве что когда-то у нее насчитывалось шесть лучей в золотом обрамлении, а ныне семь, и окантовка у них была белая. Парламент давно настаивал на том, чтобы растущее государство Рубистеллы получило официальное название, но Илиана каждый раз отклоняла предложенные варианты. Теперь всякие колебания исчезли. Еще до того, как она отправится с

Дин'Юлемионой в преисподнюю, демоны узнают, что им бросает вызов Вторая Ардарианская империя.

К сожалению, в предстоящую экспедицию опять нельзя было взять с собой Эбби. Открывать новые Трансталлы, следуя указаниям феи, мог только он. Случись что с чародеем — и даже узнай Дин'Юлемиона точное местонахождение Таунсторма, от этого не будет ни малейшего толку. Однако если без Принцессы Крови и ее покровительницы поход в логово врага вообще не имел особого смысла, то отсутствие чародея все-таки не было столь же критичным. Впрочем, на сей раз вынужденная необходимость совпадала с желанием самого нынешнего хозяина Фортумагума. Прежний Верторий ван Граас натворил немало зла, утоляя у векстров растущую жажду знаний и могущества. Нынешний Эбби не испытывал энтузиазма возвращаться на тропы преисподней, оставившие в его душе тягостные воспоминания. Чародей был очень рад узнать, что фея с Илианой не потащат его туда, где он хотел очутиться меньше всего на свете. Что же касалось Трансталлов, то Эбби пообещал создать их настолько точно и надежно, на сколько вообще способен. Он и Дин'Юлемиона условились о встрече в Фортумагуме, чтобы осуществить предварительную подготовку. Фее, так или иначе, все равно требовалось заглянуть в древние подземелья, чтобы лично показать кое-что тамошним специалистам. К сожалению, она уже не могла летать раньше — одна нога здесь, другая там. Путешествие без Илианы стало для нее невозможным, поэтому сначала требовалось уладить несколько других дел, прежде чем они с императрицей отравятся в Солтенстил.

Одним из них был некий сомнительный элемент по имени Зильбердрейнуаг-рен-Дег. Из-за продолжительного отсутствия Принцессы Крови бес едва не отправился кратчайшей дорогой обратно в преисподнюю. Подпитывать его энергией было уже некому, поэтому он хирел и чах до тех пор, пока однажды чародейки не оказались перед выбором: дать ему загнуться или отвезти к скверне. Посовещавшись, они выбрали последнее. Беса запихали в зачарованный контейнер и доставили в северную часть Диртленда. Там его вытряхнули на землю в прямом смысле этого слова, куда он и шлепнулся, подняв облако серого пепла. С демоном особо никто не церемонился, отчего его ругательства остались без внимания. Вообще язык векстров понимала только Илиана, так что пленник специально выражался доступным для окружающих образом. Этим же образом, не переставая вворачивать грубые словечки, он пояснил, что одной такой коротенькой прогулки недостаточно. К великому неудовольствию его стражей выяснилось, что бесу требуется прогуляться ни много ни мало, как к главному

Разлому. Только там он сумеет восстановиться должным образом. В противном случае чародейки могут прикончить его на месте — все равно он долго не протянет. Ни то, ни другое в планы сестер никак не входило. Укрывшись в погибшем перелеске, где давным-давно вымерло все живое, они провели небольшое совещание. Вопрос оказался слишком серьезным, чтобы стражи пленного демона взяли на себя ответственность, поэтому они, так ничего и не решив, послали гонца. Две ведьмы на всех парах слетали к ближайшему Конту-Фенеструму и запросили дальнейшие инструкции. Тал-Амин дал добро на небольшой отпуск. Бес, понятное дело, откровенный враг, но что такого он может сообщить сородичам, чего они еще не знают? В государственные дела его не посвящали и ничего особенного, кроме части дворца и своего узилища он не видел, а это не такой уж великий секрет. Получив распоряжение сверху, чародейки велели бесу проваливать куда ему вздумается. Тот не заставил себя ждать и сообщил, что вернется ровно через неделю на это же самое место. Засады люди могут не опасаться — задумай бес их погубить, он наведался бы к ближайшему подразделению легионов Арферона, а не уходил далеко и надолго. Да и дюжина заклинательниц попросту не стоит его хлопот.

В возвращение демона мало кто верил, однако в назначенный срок он действительно объявился. Успел ли он сбегать туда и обратно до главного Разлома за семь дней, что пешему человеку было бы просто не под силу — кто его знает. Но бес и впрямь выглядел намного бодрее, оправдывая пользу от его небольшого отпуска. Чародейки, понятное дело, ожидали какой-нибудь каверзы и удивились, что пленник явился один без оравы жаждущих крови сородичей. Он безропотно дал упаковать себя в контейнер, и вскоре был водворен в прежнее узилище, запечатанное всеми известными уровнями защиты. Там и навестила его Илиана вскоре после того, как состоялось чрезвычайное совещание. Она, разумеется, уже навещала его и раньше, благополучно выбравшись из Последнего Приюта, но на сей раз пришла с особой гостьей.

— Чего за бабища? — неприветливо осведомился бес, искоса глянув на спутницу императрицы. — Я ее раньше не видел.

— Одна из моих чародеек. Желает познакомиться с тобой поближе, — сообщила Илиана.

Означенная особа, кстати сказать, уже вдоволь насмотрелась на пленника снаружи, используя для этого специальное окошко, но до сих пор на прямой контакт не шла. Теперь для него наступило самое время. Как и Принцесса Крови, она бдительно наблюдала за реакцией беса — почует тот что-нибудь или нет. Ведь "бабищей" была не кто иная, как Дин'Юлемиона, принявшая вид взрослой

женщины. Ввиду предстоящей экспедиции в край вечного огня следовало знать, заметят ли ее тамошние обитатели. Они же вряд ли останутся безучастными к появлению феи, особенно учитывая всю невероятность такого события. Еще не хватало, чтобы к лазутчикам сбежалась половина взбудораженной преисподней. Сама фея отлично вычисляла векстров за счет источаемой ими скверны, но удастся ли ей ввести в заблуждение врага, маскируясь под чародейку? Последние, конечно, в преисподнюю тоже не захаживали, но издали демоны вполне могли перепутать их с ведьмами, если не пускать в ход явно отличительные заклинания. Вот только феи все-таки существа другой природы, хотя и умели притворяться внешне обычными женщинами.

Окинув незнакомую посетительницу хмурым оком, бес не потрудился изречь какое-нибудь приветствие. Дин'Юлемиона, выглядевшая совершенно невозмутимо, приблизилась к извечному врагу с немалым внутренним трепетом. Бессмертному созданию света до сих пор не приходилось играть с векстрами в такие кошки-мышки. Как-то вот не возникало ситуации, когда она разгуливала перед носом у демона в человеческом облике. Да уж, с людьми, пожалуй, не соскучишься. Остановившись от беса в пятнадцати футах, фея невольно изучала его во все глаза, впечатленная уникальностью происходящего.

— Чего уставилась? — осведомился тот, поскольку пауза несколько затянулась.

Вспомнив, что она здесь все-таки не на экскурсии, Дина встрепенулась.

— Да вот, любуюсь на тебя, красавчик, — последовала ее обворожительная улыбка. — Никогда таких милашек вблизи не видела.

— Еще насмотришься, когда мы захватим ваш мир, — скривился демон, что, вероятно, тоже означало улыбку.

Дин'Юлемиона быстро переглянулась с Илианой. Кажется, первый раунд все-таки был за ними. Судя по реплике, бес ничего не заподозрил, не распознав стоявшую перед ним фею. Впрочем, он мог быть чем-нибудь отвлечен или отлично разыгрывал неведение. Следовало втянуть его в беседу и разок-другой спровоцировать.

— А скажи-ка мне Зиль, о чем ты беседовал со своими рогатыми подельниками, пока наслаждался отпуском в Серых горах? — ласково осведомилась Дина, шагнув к заклятому врагу.

— Ни о чем. Вообще-то меня изгнали, если ты не в курсе. Иначе какого бы рожна я торчал в этой клоаке, наслаждаясь обществом презренных людишек, — проворчал демон, следуя повелительному жесту Илианы.

— Ты вернулся в нее добровольно, — напомнила фея.

— У меня, знаешь ли, выбор небогатый. Я уже об этом рассказывал. А через вашу императрицу я получу хоть какую-то выгоду. К тому же в отличие от остальных ничтожеств она хотя бы не самый жалкий противник, — прогнусил демон. — Пожалуй, я сам посадил бы ее в клетку по возвращению домой. То-то выйдет потеха. Уж я поквитался бы за все унижения. К сожалению, ее жизнь нужна Арферону.
— Кстати об этом. А что он сказал, когда узнал о неожиданном появлении Принцессы Крови? Кажется, ваше вторжение уже разок не заладилось. Не боитесь снова сесть в лужу? — прищурилась Дина, сделав еще шаг вперед.
— Вот у него и спроси, — огрызнулся бес. — Мне он не докладывал. Что же касается "лужи", то на сей раз мы доведем начатое до конца, можешь не сомневаться.
— Ой ли? Смотри, дружок, не переоцени ваши силенки, — рассмеялась Дина, вызвав заметное раздражение демона.
Постепенно сокращая расстояние до собеседника, она продолжала его провоцировать, втягивая в задушевный разговор. Это ей вполне удалось. Не прошло и пяти минут, как злющий бес на разные лады честил нахальную женщину, подтрунивавшую над могуществом преисподней и ее обитателями. Та же, расчетливо вбрасывая нужные слова, ловко вытягивала из беса полезные сведения, используя хорошо проверенный Илианой метод. Забываясь, пленник выбалтывал гораздо больше, нежели собирался. В его угрозах вперемешку с бахвальством и фантазиями о жестокой расплате нет-нет, да и проскальзывало что-нибудь любопытное.

В попытке разговорить беса Дин'Юлемиона преуспела даже лучше Принцессы Крови. Язычок у феи был подвешен что надо, да и натура векстров не представляла для нее загадки. Пленник, вероятно, и сам не заметил, как косвенно подтвердил свое общение с сородичами во время недавней прогулки. Впрочем, на сей счет иллюзий никто особо и не строил. Было наивно предполагать, что изгнанник сунется в эпицентр вторжения и останется неузнанным. Так или иначе, он там с кем-то общался. Вопрос заключался лишь в том, о чем шла речь. Талара, отдавая приказ отпустить демона на все четыре стороны, следовала инструкциям Илианы. Императрица была уверена, что бес попытается за ней шпионить и при первом же удобном случае передаст добытые сведения своим дружкам. Она делала так, чтобы до слуха Зиля регулярно доносились разные вещи. С одной стороны, они должны были вводить беса в заблуждение касательно намерений Принцессы Крови. С другой — провоцировать его хозяев на ответную реакцию. Получалась довольно опасная игра, но она стоила свеч. Отнюдь не по-

свящая демона в важные тайны, Илиана потихоньку вытягивала из него информацию. Зиль ведь понимал, что ему необходимо поддерживать в Принцессе Крови интерес, иначе на кой он ей вообще сдался. Скармливая пленнику всякую липу, в ответ императрица тоже слышала неизвестно что, однако бес и понятия не имел, какую уникальную возможность он ей предоставлял. Вдумчивый анализ с участием ведьм, чародеек и Эбби позволял отсеять вероятную правду от очевидной лжи. Но то была лишь часть положительного результата, и не самая важная. Бес общался не с кем-нибудь, а с Принцессой Крови. Той, кто внимательно следил за каждым изменением в его реакции, прислушивался к незримому фону, ловил малейшие колебания в эмоциональном излучении. Илиана старательно оттачивала свой дар, пользуясь его влиянием на это чужеродное существо, привыкала обращаться с доселе неизвестной материей, прежде недоступной ни одному Повелителю Крови. Сопоставляя полученные ощущения с россказнями беса, Илиана училась читать его натуру так же, как читала людей. В известном смысле она действовала как дешифровщик. Чем больше поступало исходного материала, где постепенно выявлялись опорные точки, тем быстрее шло постижение шифра, а сам он переставал быть тайной за семью печатями. Дар Принцессы Крови непрерывно совершенствовался, расширяя ее возможности. Теперь, слушая, как бес запальчиво ругается с Дин'Юлемионой, Илиана уже точно знала, когда он лжет, а когда нет. Она обрела чрезвычайно мощный инструмент, открывавший новые горизонты. Правильно заданный вопрос позволял узнать истину вне зависимости от того, что именно ответит демон. Ложь или правда в его устах автоматически означали "да" или "нет". Не вмешиваясь в весьма оживленный разговор, императрица пристально наблюдала за поведением беса. Наконец, убедившись в своем уверенном чтении врага, она подала фее условный знак.

— Послушай, Зиль, а тот, кто заключил договор с Арфероном — он все еще жив? — спросила вдруг Дин'Юлемиона, прервав рогатого собеседника.

Между ними оставалось не более восьми футов, ибо она продолжала неторопливо приближаться к сидевшему на столе бесу. Тот, подавившись очередным затейливым сквернословием, оторопело глянул на женщину.

— С чего бы вдруг такой вопрос? — осведомился он, и императрица уловила смесь искреннего удивления с всколыхнувшейся подозрительностью.

— Так мне показалось из твоих рассказов. Если это правда и он жив, мы приготовим для него шикарную виселицу и устроим так,

что умирать он на ней будет долго! — заявила Дин'Юлемиона.
Сказануть такое, да еще с нужной интонацией, ей оказалось непросто, зато в ушах беса эти слова прозвучали едва ли не райской музыкой. Вероятно, он сам провернул бы мщение куда изобретательнее, но посчитал естественным жестокое желание чародейки и расслабился.
— Я тебя разочарую, но — нет. Люди же столько не живут, — усмехнулся демон.
В замысле, предполагавшем подтолкнуть его к какой-нибудь подходящей реплике, имелась уязвимость. Отсутствовала уверенность, что Зильбердрейнуаг-рен-Дег вообще осведомлен о личности Таунсторма и всем, что с ней связано. В том числе жив он или нет. В таком случае вопрос не достигнул бы желаемого результата и выстрелил вхолостую. Судьба оказалась милостива. Незримый фон, излучаемый бесом, не оставлял никаких сомнений.
"Лжет!" — торжествующе воскликнула про себя Илиана, едва не выпалив это вслух. Она едва удержала себя в руках, замерев как истукан и ловя каждое слово.
— Жаль, — изрекла фея, продолжая коварный разговор. — Этому мерзавцу следовало заплатить за свои преступления! К сожалению, он легко отделался, а то мы бы его даже из-под земли вытащили! Впрочем, не совсем. Есть только одно место, где нам, конечно, его не достать. Это твоя преисподняя Зиль — признаю. Там у нас власти нет. Ты меня хоть как-то утешил, сказав, что этого человека нет в живых. Но вы ведь не там его держите? Только не говори, что там! Даже для такого как ты это будет слишком жестоко.
— Там! Именно там мы его и держим! — расхохотался бес, обуянный приливом буйного веселья. — Заходи — гостьей будешь! То-то наши обрадуются! Устроят вас на пару, глазеть друг на друга целую вечность — вот повеселимся! Конечно там! Где же еще?! Ну, ты меня уморила! Ай, спасибо! Я уж думал тут со скуки загнусь, ан нет — устроила мне развлечение! В общем, закатай губки, радость моя! Тут тебе ничего не обломится!
Хохоча, демон едва не свалился со стола. Его физиономия так искривилась, а из пасти летели столь примечательные звуки, что от приступа этого веселья у нормального человека пошли бы мурашки. Ирония беса, заходившегося хохотом, казалась очевидной. Он откровенно потешался над чародейкой, уверяя ее в том, чего, судя по всему, ей меньше всего хотелось слышать. Никому бы и в голову не пришло, что здесь кроется нечто другое. Никому, кроме Илианы. Только она знала подлинную причину веселости демона. Он говорил ПРАВДУ!
— Зиль, дружок, ты просто чудо! — не выдержав, воскликнула

императрица.
— Лесть тебе не поможет, когда дойдет до расправы! — уже не смеялся, а прямо-таки стонал бес, совершенно не поняв, чем была вызвана ее фраза.
Ох вряд ли бы он продолжал потешаться, кабы узнал, как его сейчас провели. А вот Дин'Юлемиона поняла все. Улыбка ее принцессы сказала фее больше, чем самые громкие слова. Попался! Значит, она все-таки была права! Таунсторм действительно в преисподней! И он до сих пор жив! От нахлынувших эмоций Дина едва не сделала кувырок через голову, что обязательно и провернула бы, находись она в своем естественном облике.

Смех беса неожиданно стих так, будто ему сдавили глотку. Фея, находившаяся от него примерно в шести футах, заметила, как изменился взгляд младшего векстра. В его глазах всколыхнулось недоумение, быстро сменившееся жгучей ненавистью. Наливаясь оранжевым огнем, они пошли языками пламени.
— Р-р-х-ш-ш-ш-ш… — хрип быстро перешел в змеиное шипение.
Вздрогнувшую Илиану только что не смыло волной неистовой злобы.
— Нет!.. Невозможно!.. Ты же… Ты!.. Скалья! — шипение беса обрело членораздельную форму, перемежавшуюся чередой свистящих звуков.
Принцессе Крови не требовалось переводить, ибо она понимала любую речь со всеми ее нюансами. Слово, изреченное в великой ярости, отнюдь не относилось к ругательствам. На языке демонов оно означало то же самое, что в Ардариании фири. Зильбердрейнуаг-рен-Дег наконец-то учуял, кто стоял у него перед носом.
— А, догадался, голубчик, — холодно произнесла Дин'Юлемиона. — Поверь, я рада видеть тебя не больше, чем ты меня.
Издав неопределенное восклицание, бес спущенной пружиной метнулся к ненавистному существу. Похоже, появление феи полностью выбило его из колеи, раз он напрочь позабыл обстоятельства своего плена. Чувства взяли верх над расчетливостью. Впрочем, было не исключено, что демон решил не упускать даже малейший шанс добраться до исконного врага. Осклабив пасть и выставив острые когти, он жаждал вцепиться в чуждое ему тело, чтобы с наслаждением рвать его на куски. Но Принцесса Крови держала ухо востро, ловя каждое движение пленника. Бес был невероятно быстр, только она была еще быстрее. Прыжка не получилось. Застыв в скрюченной позе, демон грохнулся на пол к ногам Дин'Юлемионы. Не в силах пошевелиться, он лишь бешено сверкал глазами, источая запредельную злобу. Трудно было сказать, что могло произойти, если бы векстр преуспел в своем кровожад-

ном намерении. С одной стороны, убить бессмертное создание света не способен даже архидемон. С другой, Дина сейчас держалась в мире людей только за счет Илианы. Не исключено, что прямой контакт с порождением преисподней оказался бы чересчур, изгнав ее неведомо куда.
— Поразительно! — невольно вырвалось у феи.
Уставившись на поверженное чудовище, она воочию лицезрела власть Принцессы Крови над векстром, а ведь некогда это считалось невозможным. Надобность в маскировке отпала. Вернув себе естественный облик, Дин'Юлемиона зашуршала крылышками возле искривленной физиономии беса.
— Иля, он сам молчит или ты его заткнула? — спросила она, изучая мешком валявшегося врага.
— Минуточку. Сейчас я все устрою, — отозвалась девушка.
К великому изумлению феи, демон поднялся, проследовал обратно к столу и уселся там же, где и сидел. В его движениях не наблюдалось ни малейшей скованности, а ведь собственные желания беса категорически шли вразрез с тем, что вытворяло тело. Молчание прекратилось. Зубастая пасть разразилась целым набором законовыристых звуков. Пояснений не требовалась — Илиана вернула пленнику способность говорить. Правда, сам он обрел ее не сразу, по большей части издавая нечто совершенно бессвязное.
— Феноменально! — констатировала Дин'Юлемиона. — Я, конечно, верила тебе на слово, дорогая, но увидеть такое самой — это нечто! Ах, какая ты у меня умница! Наши все в обморок попадают!
Понятное дело, под "нашими" она подразумевала отнюдь не представителей человечества. Бес, прекратив издавать неразумный акустический шум, наконец-то эволюционировал до более цивилизованной речи — он переключился на ругательства. Императрица и фея поморщились, слушая его упражнения в сквернословии.
— Смени риторику, Зиль, если не хочешь, чтобы я тебя снова заткнула, — посоветовала Илиана. — Или ты говоришь нормально, или не обессудь.
Бес, поклокотав, заткнулся. Угроза была вполне реальна, и игнорировать ее не стоило.
— Так вот почему ты не вернула меня к себе в услужение, — протянул он, помолчав. — Из-за скальи!
— А ты догадливый, — прищурилась Дин'Юлемиона.
— Как ты вообще здесь оказалась? — насилу сдержав яростный выпад, осведомился демон. — Это же невозможно!
— Я могу задать тебе тот же вопрос, — заметила фея.
— Мне?! Не строй из себя дуру! Ты прекрасно знаешь, что... А-а!.. Понятно, — прервав гневную тираду, бес посмотрел на Илиану.

В его взгляде появилось нечто новое. Векстры никого не почитали, но то, что в нем сквозило, больше не относилось к какой-либо форме презрения. Видимо, бес окончательно перенес Принцессу Крови в категорию тех, с кем не считал зазорным иметь дело. Если дочери Властелина Крови под силу проделывать такое со скальей, следует относиться к ней со всей серьезностью. Похоже, все это время ее здорово недооценивали.
— Что ж, поздравляю. Все-таки не зря ты ходила в Последний Приют, — изрек демон. — Полагаю, собственное прошлое теперь для тебя не секрет. Что ж, хорошо. Тогда ты знаешь, что тебя ждет. Признаюсь, мне даже жаль, что Арферону придется убить столь уникальный экземпляр. Он бы наверняка предпочел забрать тебя к себе, ведь твоя кровь еще ценнее.
— Откуда тебе известно, где я была? — стараясь казаться спокойной, поинтересовалась Илиана.
— Да ладно, я же не идиот, — усмехнулся бес. — Сначала ты исчезаешь на полгода так, что меня вдруг отпускают к Разлому, а теперь вот объявляешься со скальей. Я должен сделать какие-то другие выводы?
Умозаключение пленника выглядело вполне логично, но императрице его осведомленность не понравилась. Кто знает, что этот поганец разнюхал еще.
— Послушай, Зильбердрейнуаг-рен-Дег, давай без обиняков. Почему ты говорил, что на сей раз вас не изгнать? Гибель дочери Властелина Крови действительно ничего не изменит? — скрывая волнение, спросила фея.
— С чего бы мне с тобой откровенничать, скалья? Только потому, что ты нормально произнесла мое имя? — скривился бес. — Убейте ее — сразу и узнаете.
В его оранжевых глазах по-прежнему пылала ненависть, разве что язычки пламени плясали уже не так бурно, как прежде.
— Чего тебе бояться? Неужели ответ на этот вопрос что-то изменит? — пожала плечами Дин'Юлемиона. — Сам же бахвалился, что вас не остановить. Или ты и впрямь рассчитываешь, что кто-то рискнет причинить вред императрице в надежде прекратить вторжение? Брось, этого не сделали даже в прошлом, а ныне люди вообще не в курсе происходящего.
— Что ж, изволь. Но толку тебе с моих слов не будет, — помолчав, прищурился демон. — Мы пожнем этот мир людей. Мы пришли, чтобы остаться навсегда. Так сказал Арферон. Ни больше, ни меньше. Деталей он не сообщил. Довольна?
Увы, бес говорил правду. На сей счет Илиана не испытывала ни малейших сомнений, о чем дала знать фее. Похоже, властелин

преисподней действительно никого не посвятил в тонкости сделки, отчего по-прежнему приходилось уповать только на Таунсторма. Что ж, так или иначе, Дина и ее принцесса все равно собирались его искать.
— Признание за признание, — сказал вдруг демон. — Ты ведь та самая скалья, что постоянно болталась в императорском дворце Сангвитории?
— Она самая, — сделала ироничный реверанс Дин'Юлемиона.
— На кой тебе сдалась императорская дочка? Это же совсем не в вашем духе! — сверкнул глазами младший векстр.
— Понравилась! — отрезала фея. — И я об этом ничуть не жалею!
— Ну-ну, — процедил бес.
Дальнейший разговор уже не принес какой-либо пользы.

На прощание демон неожиданно предложил Дин'Юлемионе захаживать в гости. Его ненависть никуда не делась, чего Зильбердрейнуаг-рен-Дег и не скрывал, однако он находил такие встречи куда интереснее, чем свидания с чародейками. В конце концов, бес тоже нечасто лицезрел вблизи кого-то из подобных фее, а уникальный опыт еще никому не мешал. Дина, впрочем, сразу заподозрила, что младший векстр себе на уме. Поступившись ненавистью, он надеется воспользоваться ситуацией и в свою очередь попытаться узнать у скальи что-нибудь полезное для Арферона. Что ж, если подумать, Дин'Юлемиона вполне может сыграть с ним в эту игру. Тем более что на ее стороне есть огромное, неизвестное врагу преимущество — в отличие от него, она будет знать, когда собеседник лжет, а когда говорит правду. Уж Илиана об этом позаботится.
— Кстати, Иля, ты заметила, насколько интересную фразу обронил наш рогатый друг? — задумчиво протянула фея, возвращаясь мыслями к прошедшему рандеву.
Вернувшись с воспитанницей в ее покои, она соорудила себе пушистое облачко и кочевала на нем вслед за девушкой, пока та занималась различными делами.
— Он много чего наболтал. Ты не могла бы выразиться чуть конкретнее? — произнесла, делая пометки в документах, императрица.
— Бес предположил, что Арферон, вероятно, предпочел бы не убивать тебя, а забрать к себе как уникальный экземпляр. Здесь я с ним полностью согласна — Повелитель Крови, воздействующий не только на векстров, да еще и на фей, на дороге не валяется, — неторопливо пояснила Дин'Юлемиона. — Но именно в этом контексте и прозвучала заключительная реплика, особо привлекшая мое внимание. "Твоя кровь еще ценнее" — сказал Зильбердрей. ЕЩЕ

ценнее, понимаешь? То есть, в распоряжении Арферона УЖЕ ЕСТЬ какая-то ценная кровь, в сравнении с которой твоя послужит ему еще лучше. Полагаю, я не ошибусь в предположении, что бес подразумевал Таунсторма.
— Ого! А ведь ты права! — воскликнула Илиана, согласившись с выводами Дины. — Эх, как же я сама этого не заметила, — озабоченно добавила она, смущенно потупив сиреневые глаза.
— Тебе не в чем себя упрекнуть. Ты и так сделала великое дело, научившись читать векстра как открытую книгу. Именно этим и было поглощено все твое внимание, — ласково сказала фея.
— Итак, мы получили еще одно доказательство, что Таунсторм жив и находится в преисподней, — заключила враз приободрившаяся императрица.
— Именно. А также свидетельство того, что верховный векстр использует его кровь для каких-то своих целей, — протянула Дина.
— Для каких? — тут же обеспокоилась Илиана.
— Уж всяко не для добрых дел. Одно соображение могу сообщить тебе прямо сейчас, — по-прежнему неторопливо произнесла фея. — Помнишь историю с Киндарианской крысой, с помощью которой демонологи добыли каплю твоей крови? Эбби мне все подробно рассказал. Придумали это хитроумное устройство в преисподней или нет, а усовершенствовали наверняка там. Имея в своем распоряжении Повелителя Крови, Арферон получил превосходную возможность проводить всяческие эксперименты. И не в последнюю очередь научиться удерживать образец его крови вне тела. Кто нашептал рецепт Киндарианской крысы, созданной Дегонисом и его Манипуляторами в Далабаде? Крысы, которая умела удержать неудерживаемое? Ответ, полагаю, очевиден. И кто знает, какие еще гнусные изобретения подарил векстрам Таунсторм, хотел он того или нет.
— Понятно, — пробормотала Илиана. — Ты знаешь, это наводит меня еще на одно соображение, доселе не имевшее хоть какого-то логического обоснования.
— Да? Какого? — живо встрепенулась Дин'Юлемиона.
— Дегонис и его Манипуляторы. Отчего скверна, до сих пор исправно разрушавшая всех остальных, умудрилась не погубить никого из этой братии? Ну, погубить в известном нам смысле, — пояснила императрица. — Дегонис, помнится, стал тем еще красавчиком, но он принял на себя основной удар. Каким образом другие не подверглись тлетворному воздействию? Мозги у Манипуляторов съехали набекрень, но они все же не сошли с ума — согласись, это не одно и то же. Ведь знай Арферон как этого достичь, он прибег бы к помощи демонологов гораздо раньше, защищая их,

само собой, отнюдь не из человеколюбия, а…
— …А чтобы до поры не угробить собственных марионеток! — закончила ее мысль фея. — Да, это и впрямь заслуживает внимания. Векстры презирают людей, но это не мешает им постоянно орудовать их руками. Значит, наиболее логичный ответ на ваше предположение только один — Арферон заполучил подходящее средство относительно недавно, иначе он успел бы пустить его в ход не дожидаясь нынешней эпохи.
— Вот и чародейки такого же мнения, — кивнула Илиана. — Только до сих мы даже не знали как демоны этого добились.
— Что ж, теперь знаем, — без всякой радости в голосе произнесла Дин'Юлемиона. — У властелина преисподней хватало времени на эксперименты. Какой-то из них однажды принес свои плоды. Хорошо бы выяснить какой. Как минимум чтобы придумать эффективное противоядие.
Идея феи была чрезвычайно проста. Она не собиралась использовать изобретение Арферона в собственных целях, как бы ни соблазнительно это выглядело. Скверна, даже не убив колдуна и не лишив рассудка, по-своему все равно сведет с ума. Любая попытка взрастить лояльных демонологов приведет к созданию еще одного отряда тех же Манипуляторов, разве что иначе натасканных. По природе лояльные векстрам, они быстро взбунтуются против учителей, со всеми вытекающими. В сравнении с этим, обрести средство, способное выводить демонологов из строя — куда перспективнее. Манипулятор, принявший противоядие, автоматически лишался бы дарованной ему защиты, кратчайшей дорогой отправляясь на стезю безумия. Как нормальный человек он все равно уже был вычеркнут из общества — вылечить прихвостней Дегониса, сросшихся со скверной, не под силу даже Принцессе Крови. Оставалось лишь вычеркнуть демонологов из списка полезных служителей Арферона.
— Звучит разумно, — одобрила, поразмыслив, императрица, выслушав соображения наставницы. — Конечно, все зависит от природы противоядия, включая сложность и массовость производства. Если каждое придется доставлять адресно — толку от него почти нуль. Однако водопроводная вода, начиненная нашим снадобьем, живо вывела бы из строя всех Манипуляторов в городе даже без знания их точного местонахождения.
— Не торопись с выводами, дорогая. Особенно с их внедрением в жизнь, — усмехнулась фея. Предлагаю пока не гадать на кофейной гуще и преждевременно не делить плоды недостигнутого успеха. Найдем Таунсторма — найдем ответы. Нет — значит, от всех наших догадок толку все равно не будет.

— Кстати об этом! — подняла палец императрица. — Как-то мне плохо верится, что нам вот так запросто позволят обшаривать закоулки преисподней!
— У нас по прогулкам в те края есть отличный специалист по имени Верторий ван Граас, обладающий колоссальным опытом и при этом не затронутый влиянием скверны. Настоящий подарок судьбы! Он расскажет тебе куда больше, чем я сейчас. Он же, в отличие от меня, там бывал, и неоднократно. Так послушаем его вместе, когда прибудем в Фортумагум, — рассудительно предложила Дин'Юлемиона.
Правда, до встречи в Фортумагуме еще следовало дожить. Дел у императрицы было хоть отбавляй, да и положение в стране становилось все тяжелее.

Из всех известных персон, отстаивающих интересы империи, только двое могли похвастаться высокой степенью неуязвимости. Первую звали Рубистелла. Ее было очень трудно убить, а некоторыми способами и вовсе невозможно, что автоматически делало те же попытки отравления бессмысленными. Что же касалось ее вновь обретенной покровительницы, то та вообще считалась бессмертной, и на нечто большее, чем изгнание рассчитывать в принципе не приходилось. Их образовавшийся тандем осложнял преступную задачу дальше некуда. Фея защищала императрицу, императрица защищала фею. Тут либо следовало каким-то образом убрать сразу обеих, либо никого. Если кто-то до сих пор и планировал ликвидацию Рубистеллы, то с появлением Дин'Юлемионы его замысел превратился в безнадежную иллюзию. Это же относилось и к гипотетическим попыткам избавиться от феи. Одна, в мире насыщенном злобой векстров, она не протянула бы и часа, но с Рубистеллой обрела невероятную устойчивость. Таким образом, теперь злоумышленникам пришлось бы провернуть нечто совершенно невообразимое, чтобы обезглавить Вторую Ардарианскую империю. С другой стороны, кто сказал, что именно это они и планируют? Обычные граждане, включая чародеек, не обладают феноменальными защитными возможностями. Стало быть, и достать их несравнимо легче, а два существа, пусть и столь уникальных как Принцесса Крови и ее покровительница, сами по себе в поле не воины. Что толку от полководца, если удастся вывести из строя его армию? Или, хотя бы, немалую ее часть. Другое дело, что и желающих провернуть масштабное злодеяние последнее время не находилось. Только это отнюдь не означало, что их не было вовсе.

Солтенстил редко когда мог пожаловаться на недостаток бурлившей в нем жизни. Горожане и гости вели кипучую деятель-

ность, отчего и в прежние времена некоторые кварталы никогда не погружались в крепкий сон. Восшествие Талары ад-Сейдин еще больше наложило отпечаток новой эпохи. Берега реки озаряло круглосуточное свечение, исходившее не только от множества фонарей, но также от фабричных зданий и бесчисленных судов. Производство вдоль стратегической водной артерии, ныне соединявшей Дарнейский океан с Тал-Амином и Шиалой, не останавливалось ни на минуту. Рабочие трудились в три смены, как трудились грузчики и обслуживающий персонал. Немалую часть продукции перевозили воздушные платформы, но немалая по-прежнему доставлялась кораблями. То, что не подлежало максимально быстрой и надежной транспортировке, отправлялось традиционным способом, поэтому флотилии на Идлисе до сих пор успешно конкурировали с новшествами чародеек. Впрочем, на кораблях этих новшеств также хватало, что позволяло многим из них ходить против ветра и не бояться мелководья. Производства и вовсе лишний раз упоминать не приходилось — они были прямотаки набиты чудесами техники самой разной природы. Гул работающих машин отдавался в гранитных берегах Идлиса, а сияние огней превращало ночь в день. Вокруг заводских корпусов царило величайшее оживление. Даже закончив трудиться, люди зачастую не сразу расходились по домам, а отправлялись отдыхать в какое-нибудь подходящее место. Таких вблизи от промышленного центра теперь было хоть отбавляй, ибо там, где круглые сутки идет работа, процветает и досуг. Правительство ничуть не возражало против подобного соседства, если оно шло на пользу делу. Если фабричные площади выкупила казна, причем зачастую за бесценок, то прилегающие жилые здания активно приобретались коммерсантами. Там открывались лавки и магазины, множилась сфера услуг. Все это вливалось в общегородскую жизнь насыщенным потоком. К огням и звукам производств добавлялись свет и музыка увеселительных заведений, шелк парусов соседствовал с купеческими тентами и палатками. За стенами промышленного центра раскинулось настоящее торговое царство, особенно бурно вскипавшее в пересменок.

На этом фоне как-то не слишком ярко выглядело то, что в немалой степени породило экономический бум. Аберидж стоял несколько поодаль, освещенный вполне себе умеренно, и если бы не армейские кордоны, то он ничем бы не выдавал своей особой роли. Воздушные платформы причаливали поодаль, загружаясь и разгружаясь со специальных станций, корабли так и вовсе обходили старинный комплекс на холме стороной. В Аберидже ныне обитали особенные воспитанники, наделенные колдовским даром.

Там росло новое поколение колдунов — колдунов Гелиондары. Там же воспитывались многие юные ведьмы до того, как их направят на стажировку в Гексенсталь. Только послушницы чародеек по-прежнему жили и обучались в Альмирстале, однако хватало их и в Аберидже. Ведь в глубине его старинных зданий находились еще более древние подземелья, именовавшиеся Фортумагум. Их-то и охраняли гвардейские полки, выставленные вокруг надежными постами — скромф не проскочит, не говоря уже о глустрах, кронусах и прочей куда менее дружелюбной живности. Аберидж был слишком ценен, чтобы подпускать к нему кого угодно, отчего солдаты дежурили по периметру, а небо патрулировали химеры и горгульи под предводительством кого-то из ведьм или чародеек. Однако внешне Аберидж выглядел вполне обыденно. Солдаты располагались в специально обустроенных для этого зданиях и казармах, для чего использовались все ближайшие к холму постройки. Заклинатели с воздушными дружинами также перед глазами особо не маячили, а гостей в колдовском учебном заведении бывало не так уж много. Все это создавало обманчивое впечатление спокойствия, ибо там, под землей, шла такая бурная активность, какая не снилась промышленным комплексам по берегам Идлиса.

Погрузка и разгрузка осуществлялась за пределами Аберидж. Стараниями заклинателей к его подземельям пробили широкие тоннели, по которым двигались настоящие грузовые поезда. Все полученное из Фортумагума они доставляли к товарным станциям, куда причаливали небесные платформы. Обратно на поездах отвозились припасы и всякая всячина. Например, снедь и металлы для драддов. Еду им поставляли десятками тонн, учитывая количество помогавших кланов. Металлы драдды могли добывать в Сунастийских пределах и сами, но по ободному согласию было решено, что это касается только редких, а дешевыми их и так обеспечат в требуемых объемах. Таким образом, в Фортумагум ввозились вагоны железа, свинца и цинка, а обратно эти же вагоны транспортировали полки Нируангмов и прочие высокотехнологичные изделия. Чтобы не пересекаться с товарными составами и не мешать производственному процессу, живые существа использовали выделенный тоннель с особой станцией. По этому тоннелю отправлялись колдовские создания, в том числе явившиеся из Трансталлов Фортумагума. По нему же прибывали смены заклинателей, без чьей помощи одному Эбби было при всем желании не управиться. Сперва чародей хотел соорудить у Абериджа несколько больших вертикальных колодцев, куда садились бы подвижные платформы. Идея уперлась в заведомую совместимость воздушных платформ с диаметром шахт, излишнюю заметность происхо-

дящего, а также очевидные сложности со структурой самого подземелья. Ведь оно продолжало разрастаться за счет Трансталлов и помещений двойственной природы, так куда же прикажете выводить огромные терминалы? Сообразив, что идея с колодцами оставляет желать лучшего, Эбби вместе с помощницами остановился на поездах. Тоннели, занимающие не так уж много места, способны обеспечивать транспортную доступность далеко за пределы Абериджа, где в свою очередь легко увязываются с иными средствами передвижения. И их протяженность всегда можно нарастить, чего о здоровенных дырах в земле никак не скажешь. К тому времени как Илиана вернулась из Последнего Приюта, система поездов и станций была отлажена до последнего винтика. Оценив ее преимущества, императрица стала пользоваться ей сама. Это позволяло прибывать в Аберидж незаметно, особенно если прибывала она не одна, а в сопровождении многочисленной свиты. Так она поступила и в тот день, когда настало время навестить Эбби по поводу экспедиции в преисподнюю. Илиана под ручку с Диной, успешно изображавшей чародейку, перешла с воздушной платформы на станцию и села в специальный вагон. Места в поезде хватило как охране, так и тем, кто имел самое прямое отношение к предстоящей экспедиции. Визит всей группы в Солтенстил остался никем не замеченным.

Состав, нырнув в тоннель, быстро и почти бесшумно доставил особых гостей в сердце Фортумагума. Базовая конструкция вагонов была позаимствована у драддов. Чародейки ее существенно усовершенствовали, увеличив не только размеры, но и качественные характеристики. Идеи Эбби добавили результативности, и в итоге получился самый настоящий поезд. В том числе вполне комфортный, если речь шла о перевозке пассажиров. О роскоши, разумеется, думали в последнюю очередь, но сиденья были вполне удобными, освещение приятным, а поездка все равно занимала совсем немного времени.

Императрица и ее светозарность приехали с северной станции, расположенной рядом с новым портом на Идлисе. Встречал их лично Эбби, а также дежурные, состоявшие из ведьм и чародеек. Фортумагум уже не запечатывали древние заклинания, так что спуск традиционным способом остался в прошлом. Там, за призрачным барьером, все еще находилась первозданная тьма, но соседние помещения преобразились до неузнаваемости. Эбби, вскрыв запертые прежде залы, устроил на их основе настоящий подземный замок. На нижнем этаже он соорудил огромный вокзал, куда прибывали поезда. Туда же на подъемниках и по наклонным тоннелям свозилась готовая продукция, а обратно под-

нимались привезенные ресурсы. Выше вокзала располагались складские и производственные помещения. Еще выше — комнаты для гостей со всем необходимым для их проживания. Все это сооружение дополнялось серией Трансталлов, которых в Фортумагуме было хоть отбавляй. Непосвященный взгляд вообще зачастую не мог разобрать, что принадлежит этому миру, а что находится за его гранью. Это порождало довольно любопытный эффект, помогавший осваивать азы путешествий в Сунастийских пределах. Люди, перемещавшиеся в подземельях, мало-помалу привыкали к тамошним порядкам и постепенно начинали забираться туда, куда прежде им путь был заказан. Пройдя из жилых помещений подземного замка, какая-нибудь ведьма спокойно удалялась в библиотеку посреди просторов из голубой травы, даже не замечая пространственного перехода. Выйдя обратно, она вполне себе обычными коридорами попадала в нижнюю часть замка, где производства раскинулись на множество миль окрест. Само собой, невиданные просторы сделал доступными Эбби, поскольку внутреннее пространство Фортумагума в сотни раз превышало его физический периметр. Задействовав те Трансталлы, что уже находились в древней крепости, он постепенно расширял их сеть, вовсю добавляя новые. Объемная карта подземелий, составленная в лучших традициях чародейства, представляла собой прелюбопытное зрелище. Впрочем, императрице и ее спутникам в тот раз было не до изучения новшеств, включая продолжавшееся строительство. Сопровождаемые Эбби, они поднялись на платформе в верхнюю часть замка и прибыли в хорошо знакомое Илиане вытянутое помещение с длинным столом. Оно располагалось между колдовскими садами и залом с арками, где некогда обнаружилась загадочная Сфера и девастаторы. Когда-то Илиана с Таларой и Бэйлом попали в него через южную дверь и впоследствии едва унесли оттуда ноги. Теперь Эбби привел гостей с восточной стороны, некогда сокрытой могущественными чарами вместе со всей тамошней частью Фортумагума. Путь всей компании закончился неподалеку от постамента Сферы, где виднелась одна из немногочисленных закрытых арок. Эбби остановился там не случайно. По его расчетам, именно отсюда и следовало начать не самую приятную экспедицию.

— А почему именно отсюда? — осведомилась Дин'Юлемиона.

Свободно порхая в своем естественном виде, она настороженно изучила арку и нашла, что даже в неактивном состоянии та ей очень не нравится. Эбби и чародейки постарались очистить весь Фортумагум от всякой мерзости, но некоторые вещи остаются неизменными долгие тысячелетия. Например, Следы, которые так

хорошо чувствовала Принцесса Крови. Это чувство позволило ей обнаружить секретные ходы во дворце ад-Сейдина. Оно же привело юную Илиану в потайную комнату Абериджа, служившую подъемником в подземелья. Правда, оно не объясняло, как девочка управилась с ключом, доступным только людям с колдовским даром. Мнения на сей счет до сих пор разнились, но ни одно не попало точно в цель. Ясность навела Дин'Юлемиона. Илиана не только видела Следы — она вступала с ними в контакт. Отпечаток, некогда оставленный кем-то из чародеев Ормунделла, а возможно и самим Ормунделлом, все еще сохранял достаточно колдовской силы, чтобы поддаться ее влиянию. Принцесса Крови не порождала чары, но могла с ними взаимодействовать. Для феи подобные вещи были вполне естественными, но в человеке она встречала их впервые. Впрочем, Дин'Юлемиона уже знала, насколько велика в ее воспитаннице частичка первозданного света, так что удивляться не приходилось. Доступное его созданиям нашло отголосок и в Принцессе Крови.

— Здесь нечто вроде основного коридора. Все искатели обычно начинают с центра переплетения сил, чтобы точнее определить желаемое, — пустился в объяснения Эбби.

Присутствующие слушали его с величайшим вниманием.

Любой отправлявшийся в преисподнюю всегда откуда-то начинал. Если он основывался хоть на каких-то знаниях, а не экспериментировал как самоучка, то почти наверняка открывал проход в такое место, какое опытные путешественники называли Дианоveум, то бишь Холл Новичков. Там неофитам было легче всего сориентироваться в окружающем, привыкнуть к нему и освоиться. А затем пойти туда, куда зовет их жажда запретных знаний. Последнее, кстати, оказывалось намного легче, чем звучало. Преисподняя сама подсовывала гостю желанные соблазны, выставляя их напоказ, о чем, кстати, упоминала Дин'Юлемиона. Очутившись в центре переплетения сил, гость как бы видел клубящуюся в воздухе нить, ведущую его в истинно верном направлении. Нить не столь материальную, сколь сотканную из заманчивых обещаний, будоражащих иллюзий и тихих нашептываний. Иными словами, желающий вечной жизни не пойдет по тропе тех, кто мечтает превращать свинец в золото или испепелять недругов одним усилием воли. Соблазнительные видения и манящий шепот поведут гостя как козла на поводке, причем поведут туда, куда это выгоднее самой преисподней. Дианоveум характеризовало очень важное отличие — демонов там встречалось очень мало и им строжайше запрещалось нападать на гостей первыми. Даже не просто нападать, а приближаться к ним, чтобы почем зря не отпугнуть потен-

циально полезного клиента.

Мастеров подобно Ормунделлу Дианоveум не интересовал. Они куда лучше знали что им требуется, поэтому отправлялись в иные уголки царства вечного огня, недоступные слаборазвитым неофитам. Один такой уголок назывался Тризианиум — особо мощное переплетение сил, где сведущий колдун сразу следовал в нужном направлении. Оно существенно отличалось от Холла Новичков. Здесь все было очень серьезно. Предполагалось, что забравшиеся в эти края хорошо знают, зачем туда пришли, поэтому никто их за ручку не водил. Неверный шаг — и путешественник запросто мог сгинуть в какой-нибудь невообразимой дыре сквозь реальность, либо же банально свалиться в реку кипящего пламени. Демоны в Тризианиуме встречались совсем другие и периодически проявляли к гостям опасное внимание. Опасное для того, кто не обладал возможностью дать им отпор. Логика была проста — если встреченный Пожиратель угадает в тебе не того, кем ты должен здесь являться — пиши пропало. Ормунделл и его ученики, приходя группой, легко ставили всякую мелочь на место и осаживали даже крупных демонов. Те, следуя заведенным порядкам, не бились до последнего и оставляли путешественников в покое, отнюдь не призывая подмогу. Преисподняя заведомо считала каждого гостя своей жертвой, но всему свое место и время. Это было нечто вроде испытания. Чем нагляднее путник доказывал сколько пользы он может принести, тем дальше его пускали. Конечно хватало и таких мест, куда соваться и вовсе не стоило. Если демоны заподозрят, что путешественник пришел не в поисках чего-то для себя, чего ему охотно отсыплют на его же погибель, а навредить им, то вот тогда гостю придется туго. В обычном же случае ни о каких тревогах и схватках до летального исхода речь не шла. Путник как бы сталкивался с препятствиями, проверявшими его на прочность, и преспокойно шел дальше, никем не преследуемый. Тех же, кто появлялся не в первый раз, местные обитатели узнавали и не трогали. Так ходил Ормунделл со своими учениками, которым со временем вообще особо никто не докучал.

Эбби считал, что Тризианиум идеально подходил для стартовой высадки. Чародей, косясь на фею, старался избегать излишне красочных описаний, но та уже в общих чертах представляла, о чем идет речь. Хранилища Знаний векстров не вызывали у нее живейшей симпатии, о чем красноречиво свидетельствовало состроенное ей личико. Если рогатые чудовища хотели соорудить извращенную пародию на Последний Приют — им это вполне удалось. У Эбби, однако, имелся аргумент в пользу означенного сомнительного местечка. Отличительной чертой Тризианиума было

то, что он располагался довольно близко к Эруанским пределам, только со стороны преисподней. Ормунделла интересовали вопросы сохранения колдовской сущности в неизменном состоянии, а где искать на них ответы, как не подле просторов для бессмертного разума? Ни один неофит не сумел бы открыть Трансталл в Тризианиум. К счастью, Эбби неплохо перенял мастерство наставника и теперь обладал возможностью реанимировать некогда закрытую Дверь.

— Послушай, гражданин талим, а не логичнее ли поступить наоборот? Не логичнее ли начать именно с Дианоveума? — с сомнением осведомилась Сирелина. — Если туда пускают всех кого ни попадя, то наше появление там с большей вероятностью пройдет незамеченным.

— Наоборот. Группа явно сведущих заклинателей в зоне для новичков привлечет излишнее внимание, — покачал головой Эбби.

— А демонам не покажется странным, что спустя столько времени группа заклинателей сразу сунется куда-то в дальние закоулки? — парировала Сирелина. — Им не покажется странным откуда они вообще взялись?

— Возможно. Но на что они точно обратят внимание, так это на переход из Дианоveума сразу в Тризианиум, — выдвинул свой аргумент чародей.

— Ой ли? Неужели тамошние демоны тут же оповещают всех сородичей кого и где они видели? И сравнивают свои наблюдения по всей преисподней? — усомнилась Сирелина. — Сам же говорил, что они никого не преследуют.

— Не преследуют, — согласился Эбби. — Но могут наблюдать. А лучше не давать им лишнего повода для подозрений. У нас и так не лучшие шансы преуспеть.

— Вы оба по-своему правы, — заметила Дин'Юлемиона, прекращая разгоравшийся спор. — Придется выбирать. Логичнее было бы довериться Верторию. В конце концов, из всех нас он единственный обладает достаточным практическим опытом, и его рассказы совпадают с моими знаниями. Однако я никогда не отмахиваюсь от аргументов, поэтому окончательное решение примем позже, когда как следует все обдумаем. Согласны?

— Как скажешь, Дина, — кивнула чародейка.

Кроме императрицы и вице-королевы только она пользовалась привилегией называть ее светозарность столь дружеским образом. Их связывала общая воспитанница, которую они в разное время защищали и учили уму-разуму. Илиана сперва побаивалась, что Сирелина и Дин'Юлемиона станут друг друга ревновать, но те, к счастью, быстро нашли общий язык и девушку не делили. Каждая

внесла в ее воспитание свой неоценимый вклад и каждая продолжала играть свою роль в жизни Принцессы Крови. Девочка выросла, но по-прежнему прислушивалась и к той и к другой, так что лучшее, что они могли сделать для общего блага — это прийти к единству, а не играть в перетягивание каната. Будь Сирелина феей или фея чародейкой — вот тогда могли возникнуть проблемы, а так они отлично поладили. Технически Дин'Юлемиона для Сирелины все равно была не соперница — кто вообще способен соперничать с феей? Обе это прекрасно понимали, но именно из-за этого и сильнее сблизились.

— Ты не могла бы не называть меня старым именем? — с досадой поморщился чародей. — Оно вызывает у меня не самые радужные воспоминания.

— Сожалею, дружище, но сейчас я сделала это нарочно, — совершенно серьезно отозвалась Дин'Юлемиона. — Сейчас нам нужен именно Верторий ван Граас, со всеми его знаниями и навыками.

— Верторий ван Граас завел бы вас в ловушку и выторговал себе у Арферона знатные преференции, — проворчал Эбби.

Фея в ответ только рассмеялась, и ее смех был похож на мелодичный звон серебряных колокольчиков.

Еще одна закрытая арка вела в совсем уж неприглядное место. Чародей надеялся, что открывать туда проход не придется, и намеревался использовать ее в качестве чередующейся Двери. На вопрос о пункте назначения этого Трансталла Эбби сухо ответил, что без кровавой дани в виде живой человеческой жертвы туда лучше не соваться, и о подробностях он предпочел бы умолчать. Когда Дин'Юлемиона сообщит ему примерные координаты, на месте второй арки чародей откроет новый Трансталл. Таким образом, вся группа сумеет быстро переходить из одной пространственной Двери в другую без перенастройки одной и той же.

— Шепни мне хотя бы на ухо! — потребовала фея, подлетая вплотную к Эбби.

Тот, вздохнув, наклонился к любопытному созданию и едва слышно произнес несколько слов. Вздрогнув, Дина невольно окинула чародея не самым приветливым взглядом, но быстро сменила гнев на милость, припомнив, какая разница между прежним ван Граасом и нынешним Эбби.

— Да уж, представляю, чем вы тут… чем занимался Ормунделл, — сделав поправку на чувства чародея произнесла она, поджав губки. — Неудивительно, что Фортумагум только чудом не раскатили по камешкам.

Лекция продолжилась.

Отдельный вопрос посвящался составу будущего отряда.

Предпочтительнее всего были бы колдуны, но кроме Алдара с Ювионом в распоряжении империи никого достаточно сильного не имелось. Алдар отпадал из-за своей стихии, так что приходилось довольствоваться только заклинателем холода. Стало быть, речь шла исключительно о ведьмах и чародейках. Первые подходили больше. Они регулярно имели дело с разными колдовскими направлениями, в то время как вторые обычно не злоупотребляли темными заклинаниями, а с преисподней и вовсе дел не имели. Если какая-нибудь чародейка выдаст себя сущностью света, векстры вряд ли отнесутся к такому событию безразлично. А ведь основная сила чародеек именно в свете и заключалась. В случае серьезной заварушки чародейки, вне всякого сомнения, окажутся куда полезнее, но как раз до нее дело лучше не доводить. Ведьмы будут вести себя естественно, не прибегая к какой-либо маскировке, а вот сестрам Альмирстала придется серьезно притворяться. Следовательно, логика подсказывала сформировать отряд только из ведьм. Однако и совсем без чародеек отправляться не стоит. Во-первых, при критическом развитии событий именно светом они могли ошеломить демонов, а это даст небольшую фору сбежать обратно в Трансталл. Во-вторых, сила чародеек в принципе превосходила силу ведьм. Потомки фей изначально обладали совершенно другим уровнем колдовского дара. Пренебрегать их участием в экспедиции было бы слишком опрометчиво, хотя и составлять отряд из тех и других поровну выглядело не самой удачной идеей.

Сложнее всего дело обстояло с самой Илианой. За себя-то фея не особо беспокоилась, выяснив опытным путем, что пока она держится подальше от векстров, те ее не почуют. Но как быть с Принцессой Крови? Как укрыть ее внутренний свет? Таунсторм, по предположению той же Дин'Юлемионы, был для демонов не самым приятным соседом, а Илиана намного его превосходила. Инцидент в торфяниках, где произошла памятная встреча с Зильбердрейнуаг-рен-Дегом, показывал, что векстры действительно могут учуять Принцессу Крови, но с относительно близкого расстояния. В преисподней, однако, все иначе. Как бы там она не засияла для них как факел. Нет, скорее как маяк, на свет которого сбежится половина тамошних обитателей. На сей счет следовало обязательно что-то придумать до того, как соваться волку в пасть. К сожалению, в идеях избытка не наблюдалось. Вся компания совещалась до часу ночи, только ничего толкового так и не придумала.

Когда колдовские часы Фортумагума показали четверть второго, Дин'Юлемиона закрыла собрание до завтра и отправила всех

отдыхать. Формально императрица могла накачивать присутствующих жизненной энергией целыми днями, но им следовало не столько выспаться, сколько спокойно поразмыслить над полученной информацией. Жилые комнаты содержали все необходимые удобства, а их обстановка позволяла с комфортом устроиться на длительное время. Шумы Фортумагума не проникали в личные покои, о чем Эбби заблаговременно позаботился, а система внутренней связи позволяла делать оперативные оповещения. Исключение фея не сделала даже для императрицы. Пускай хорошенько выспится, а то последние несколько суток она провела на ногах, занимаясь делами и щедро подзаряжая окружающих. Илиана согласилась, но напоследок отдала все запасы энергии ведьмам и чародейкам Фортумагума. После этого она удалилась в отведенные ей покои и заснула сном младенца. Убедившись, что охрана стоит на своих постах, а двери императрицы традиционно подпирает Ульм, Дина в компании Эбби отправилась инспектировать Фортумагум.

Илиану разбудило чье-то прикосновение. Кто-то настойчиво тормошил ее за плечо, дуя на лицо и волосы. Приоткрыв глаз, девушка увидела на подушке фею.

— Дина? Что, уже пора вставать? — сонно произнесла императрица, явно не будучи уверена, что она вообще проснулась.

— Иля, поднимайся! Скорее! Мне без тебя не обойтись! — взволнованно произнесла Дин'Юлемиона, наседая с неизменным напором.

— Что случилось? — зевнула, открыв второй глаз, Илиана.

— Пока что ничего. Но нам лучше поспешить, чтобы избежать возможной катастрофы! — сообщила фея.

— Что?! Какой катастрофы?! — приподнялась на локте девушка, впиваясь в наставницу взглядом.

— Вставай давай! Я все расскажу по дороге, — заявила Дина, и мановением руки направила к ней одежду.

Вскочив с постели, Илиана подхватила зависший перед ней походный наряд и спешно принялась одеваться.

* * *

Приближался долгожданный час. Первые недели упорного труда проходили в куда меньшем напряжении, нежели две последние. Боязнь неудачи, столь незначительная поначалу, под конец достигла апогея. Еще бы — когда до исполнения замысла рукой подать начинаешь вздрагивать от каждого шороха и шарахаться от каждой тени. Впрочем, волноваться, похоже, было все же не о чем. Если люди наверху до сих пор ничего не заподозрили, значит, они так и останутся в неведении до самой развязки. Но

кто же слушает голос холодной логики? Люди на то и люди, чтобы поддаваться эмоциям и беспокоиться там, где трепать себе нервы явно не стоило. Даже такие, как черные колдуны. Один из них скептическим взором осматривал плоды кропотливой работы, проделанной под самым носом у врага. Низкий, но широкий грот производил вполне благоприятное впечатление. Пробитый в твердой земле, он имел круглую форму с большим углублением в центре. Стены из обожженной глины уверенно не пропускали влагу и без скреплявших их заклинаний. Руны, испещрявшие гладкую поверхность, отсвечивали красным, но отнюдь не потому, что светились сами. Красное свечение наполняло весь грот, озаряя выходивший в него тоннель. Его испускали не колдовские светильники, в которых здесь вообще не было нужды. Оно исходило от небольшого озерца лавы. Это озерцо заполняло почти все внутреннее пространство грота. Лишь у стен бурлившую поверхность окаймляла ровная дорожка футов семь шириной, в свою очередь исписанная мудреными текстами. Труды демонологов угадывались в круглом подземелье повсюду. Удивляться этому не приходилось, поскольку оно было полностью создано их руками.

Группа работала с величайшей осторожностью, вынимая массы земли, камней и глины. Проходку приходилось осуществлять ниже уровня реки, что накладывало дополнительные трудности, а их и без того хватало. Следовало соблюдать тишину и незаметность, из-за чего арсенал инструментов существенно ограничивался. Это, в свою очередь, напрямую влияло на конечные сроки достижения поставленной цели. То, что при других обстоятельствах было бы сделано за неделю, растянулось на три месяца, не считая предварительной рекогносцировки. Тоннель прокладывался с осторожностью мыши, грызущей норку вблизи от кота. Затем, когда он наконец-то был завершен, началась поистине титаническая возня с созданием грота. Вынутую породу по ночам сбрасывали в реку, чтобы ее течение уносило следы копания прочь. Грот, учитывая его объемы, стал действительно нетривиальной задачей. Колдуны, как каторжные, таскали тележки с грунтом, поддерживая их заклинаниями, и ссыпали в воду. Они рыли землю едва ли не руками, чтобы шум работы не уловил кто-нибудь наверху. Пусти они в ход чары — и подходящее пустое пространство удалось бы создать в считанные часы, но тогда об их присутствии не узнал бы только глухой идиот. Когда срывался какой-нибудь пласт, гул от его падения казался настолько громким, что колдуны надолго замирали, ничего не слыша кроме биения собственных сердец. Затем их предводитель начинал приглушенно браниться, обещая каждому криворукому помощнику адские муки в случае срыва

замысла. Угроза, между прочим, вполне себе реальная, учитывая кем было выдано ответственное поручение. В конце концов, работы над гротом были завершены, что воодушевило колдунов на порядок. Раз их до сих пор никто не заметил, значит, все идет хорошо. Правда, физически им легче от этого не стало. Сам по себе грот не играл никакой роли. Он лишь представлял собой заготовку — пустое пространство, требующее соответствующего наполнения. А наполнить его нужной субстанцией оказалось еще сложнее, чем вынуть грунт. Колдуны чуть не свихнулись, творя заклинания на пределе слышимости и не позволяя себе ни единого лишнего звука. Более того, доставка необходимых компонентов превратилась в эпический подвиг. Если бы им предложили на выбор проделать такую же работу еще разок или отправиться на каторгу в каменоломню, они предпочли бы последнее. Однако положение обязывало. Хочешь не хочешь, а задачу следовало выполнять, и о дезертирстве никто не помышлял. Колдуны выбивались из сил, и будь они менее могущественными, результата им бы не достичь в жизни. Но они справились. Здесь работали лучшие из лучших — почти все, кто уцелел после победы Рубистеллы. Только им было по плечу создать огненное озеро, затратив на него колоссальное количество времени и усилий. Впрочем, какое там озеро… Так, прудик. Жалкое подобие того, что некогда бурлило в глубинах Аш-Гарона и носило гордое название Фламма-де-Лакудемоника. Но на войне все средства хороши. Того, что удалось создать в гроте, должно было хватить для реализации конечного замысла. Формально озерцо пламени обладало желанными свойствами, позволявшими запустить последнюю стадию операции. Следовательно, даже такая крошка диаметром в сотню ярдов вполне сойдет. Ненадолго приоткрыв канал на другую сторону, предводитель колдунов убедился, что это ему успешно удалось. Развеяв его до поры, он велел подчиненным приступать к заключительной фазе.

Теперь, стоя на островке, похожем на тот, что находился в центре разрушенной врагами Фламма-де-Лакудемоники, старший демонолог проверял степень готовности грота. Его глубина содержала достаточно колдовской лавы, чтобы обеспечить необходимый выброс энергии. Ширина канала на ту сторону также соответствовала расчетной и даже немного ее превосходила. Дело оставалось за малым — дождаться, когда огненное озеро наполнится требуемым количеством энергии. Шепот, отчетливо нараставший под низкими сводами, и неясные тени, возникавшие над пламенеющей поверхностью, свидетельствовали о нарастании процесса. По оценке предводителя колдунов он вскоре достигнет нужного рубежа, а тогда… Тогда и произойдет то, ради чего вся группа так

старалась и продолжает стараться, создавая в гроте и вокруг него энергетические линии грядущего действа. Враг до сих пор ничего не заподозрил. Учитывая обстоятельства, он вряд ли успеет обнаружить грот в оставшееся время. Следовательно, волноваться не о чем и легкая дрожь в руках всего лишь следствие перенесенного напряжения. Ведь осталось совсем немного, чтобы исполнить в этой пьесе финальный аккорд.

И вот колдуны встают на свои места, следуя точно расчерченным потокам энергии. Теперь они не боятся шума и творят заклинания во весь голос. Эхо искаженного колдовского наречия гулко отражается от низких сводов. Неважно слышит его кто-нибудь или нет, ибо Фламма-де-Лакудемоника налилась могучей силой, и она уже выплескивается на поверхность. Счет пошел на минуты. Задрожала земля, пронизанная насыщавшей ее мощью. Порог между мирами истончался. Над озером огня показались чьи-то сотканные из пламени фигуры. Демонологи, озаренные зеленоватым свечением, окончательно вошли в колдовской транс и больше не принадлежали окружающему, творя поистине неземные вещи. Раздался мощный гул. Настолько мощный, будто в горах произошел обвал, а люди в гроте находились недалеко от его эпицентра. Стены, исписанные рунами, пошли трещинами. Не везде, а только там, где это и планировалось. Огонь в огненном озере забурлил и поднялся. Он не вышел из берегов — он начал подступать к потолку. Предводитель колдунов подвел к краю заранее приготовленную тележку. Она дожидалась своего часа в подземном логове, сооруженном вблизи от входа в тоннель. Там же дожидалось своей судьбы и ее содержимое. Тринадцать человеческих тел беспомощно лежали одно на другом. Детских тел. И еще живых. Движением запястья старший демонолог поднял их в воздух и плавно распределил вокруг Фламма-де-Лакудемоники, чередуя с колдовавшими помощниками. Затем еще дышавшие тела, повинуясь его злой воле, пересекли границу дорожки и зависли над бурлившей лавой. Огонь, бурно вздымавшийся из озера, опалял волосы, заставляя их трещать и скручиваться. И вот столб жидкого огня в центре озера достиг потолка. Его жадные, ярко-красные языки лизнули исчерченные письменами своды. Старший демонолог резко опустил руку. Тринадцать несчастных ребятишек упали в раскаленную бездну. Жертва была принесена. В следующую секунду раздался оглушительный грохот. Земля раскололась. Огонь, взвившийся было до потолка, мгновенно пролился куда-то вниз вместе со всем озером. Стены грота разошлись точно посередине, осыпаясь крупными кусками породы. На его месте образовалось глубокое ущелье, уходившее далеко в стороны, где глубоко внизу

подступало красное свечение. Это светилась не пролившаяся в него лава Фламма-де-Лакудемоники — это светилась сама преисподняя. Еще один могучий удар, сотрясший все вокруг на много миль — и ущелье раздвинуло низкие своды, прорываясь к поверхности земли. Баратис открыл Разлом. В следующую секунду в его налетавшее вихрем пламя рухнула вся центральная часть Абериджа.

– 7 –

Группа Баратиса, затаившаяся после нападения на Верховный Собор клериков, пригодилась для решающего удара. Демонологам было по силам провернуть то, чего пока не могли их хозяева. Рогатые чудовища еще не обладали возможностью атаковать объекты далеко за пределами границ вторжения. Черные колдуны вполне на это способны. Диверсии по мелочам утратили всякую эффективность, зато каждая из них грозила Манипуляторам обнаружением и ликвидацией. Их следовало задействовать в чем-то очень значимом. Значимом настолько, чтобы всего одна атака подорвала стратегические ресурсы империи. Атака внезапная, но тщательно спланированная и хорошо подготовленная. Ее целью стал крупный объект в Солтенстиле, именовавшийся Аберидж. Долгое время он не привлекал внимание демонологов и их Покровителей, считаясь вполне себе рядовым колдовским заведением. И вдруг оттуда, как из рога изобилия, посыпались совершенно уникальные вещи. Ведьмы и чародейки каким-то образом обрели давно утраченные знания, тут же пущенные в ход. Имперская армия стала быстро пополняться различными новшествами, резко увеличившими ее потенциал. Всего за несколько месяцев ее защитные и ударные качества выросли на неимоверный уровень. Поток готовой продукции из Солтенстила приобрел невиданные масштабы, будто вместо одного промышленного центра в распоряжении империи оказалось сразу двадцать. Полки Нируангмов, поступавшие на фронт в сумасшедших количествах, было просто физически невозможно изготовить всеми доселе имевшимися у Рубистеллы способами. И это не говоря о том, откуда вообще взялись эти самые Нируангмы. А ведь кроме них армия бесперебойно получала новую амуницию, плюс чародейки ударными темпами создавали сотни воздушных платформ, на чьей основе сооружали один небесный форт за другим. Элементарная логика подсказывала, что империя обрела какой-то мощный источник ресурсов, позволявший ей выйти на невиданное прежде могущество. Могущество, опиравшееся на высококлассную рабочую силу, несметный объем ценного сырья, фантастические производственные мощно-

сти и набор очень ценных знаний. Знаний, считавшихся давно утерянными.

Отследить новую стратегическую точку для опытных наблюдателей не составило большого труда. Ей оказался Аберидж. Тот самый, где некогда укрывалась Принцесса Крови и где она загадочным образом исчезла, избежав плена. Его выдавал сам промышленный бум по берегам Идлиса и колоссальный поток грузов, который попросту невозможно было скрыть. Новые транспортные терминалы, начиная от портов и заканчивая станциями, росли как грибы после дождя. Воздушные платформы и корабли, причаливая в док, обменивались контейнерами с поездами. Воздушные платформы! Поезда! Стремительный скачок в развитии колдовской техники поражал воображение. Что бы ни вернуло людям часть былой мощи, оно находилось где-то там, в центре между всеми терминалами. А там находился Аберидж. Аберидж, окруженный таким мощным армейским кордоном, что он мог бы какое-то время выдерживать натиск даже пламенеющих легионов. Аберидж, над которым регулярно кружили усиленные патрули ведьм и чародеек, а химер и горгулий было явно многовато для охраны приюта юных заклинателей. Группе Баратиса нечего было и думать приближаться к защищенному периметру. Но они туда особо и не рвались. Определив источник новоявленной имперской мощи, Манипуляторы доложили куда следует. Вскоре пришел вполне логичный приказ — Аберидж должен быть уничтожен любой ценой, если и не весь, то хотя бы частично. Все внимание группы Баратиса отныне переключалось на эту единственную цель, которой требовалось нанести максимальный урон.

Это было проще сказать, чем сделать. У правой руки Дегониса осталось очень мало людей и еще меньше ресурсов. Любое проявление колдовской силы грозило немедленным разоблачением. Покровители, однако, ясно дали понять: риск для исполнителей их не заботит. Задание всего одно, но они обязаны выполнить его как угодно. Награда за успех будет велика, как велико будет и наказание в случае некомпетентного провала. Баратис, получив инструкции от учителя, немедленно приступил к делу. С величайшей осторожностью он собрал всех уцелевших Манипуляторов нужной квалификации. Затем приступил к рекогносцировке.

С одной стороны, Аберидж был очень хорошо защищен. Подступиться к нему каким-то известным транспортным каналом, придумав хитроумную лазейку, выглядело настоящим безумием. С другой, он оказался уязвимее того же Альмирстала или правительственного квартала Тал-Амина. Последние два объекта диверсантами рассматривались и прежде, но только теоретически. Нанести

им какой-либо вред в нынешнем составе они были не в состоянии. С Абериджем все вышло иначе. Со времен обитания в Нижних подземельях дворца ад-Сейдина у руководства черных колдунов имелись точные планы тоннелей под Солтенстилом. Они включали в себя часть древней подземной сети города, не попавшей на современные документы. Развернув свою преступную деятельность, Дегонис и компания активно задействовали сокрытые от всех коммуникации. Все, что они использовали, после победы Рубистеллы попало в руки чародеек, но слово "использовали" здесь было ключевым. Немало старых тоннелей, прежде не представлявших для колдунов никакого интереса, остались для победителей неизвестными. Один из них, протянувшийся под руслом Идлиса, проходил неподалеку от Абериджа. О его существовании все давно забыли, а старинные карты Дегонис предусмотрительно изъял из городских архивов. Баратис пользовался схемой самого учителя, где были нанесены спрятанные от посторонних глаз элементы. Даже зная, где начинается старый тоннель, колдун еле разыскал нужное место. Вскрыв запечатанную стену, его группа углубилась в проход, по которому сотни лет как никто не ходил, не забыв замаскировать за собой лаз. Тоннель законсервировали не просто так. Он ожидаемо оказался затоплен, отчего Дегонис не видел в нем какой-либо пользы, учитывая бесполезное расположение. Бесполезное прежде. Баратис и компания при помощи нагнетаемой воздушной подушки постепенно удалили из тоннеля всю воду, укрепив стены заклинаниями. Выход с другой стороны им не понадобился. Пройдя под рекой с восточного берега на западный, они очутились в трех милях от Абериджа, откуда и начали прокладку нового тоннеля. Припасы им поставлял свой человек из домика на восточном берегу, куда колдуны также проделали проход. Таким образом, древний тоннель под рекой по-прежнему остался в полной изоляции, не считая выхода у домика, и в конце концов закончился гротом под Абериджем. Гротом, где группа Баратиса успешно соорудила миниатюрную Фламма-де-Лакудемонику. Ведь именно это озеро демонического огня и придаст Разлому необходимую мощь после того, как будет принесена кровавая жертва. Его размеры существенно превзойдут тот, что некогда погубил всю верхушку правящего клана Кириона, хотя для нападения на Тал-Амин или Альмирстал его не хватило бы даже в отдаленном приближении.

Успех операции просто обязан был привести к прогнозируемому результату. Аберидж, не защищенный снизу должным образом, рухнул в Разлом. То ли его строители забыли обеспечить колдовскую цитадель подземными контурами защиты, то ли попросту

не успели. Как бы там ни было, обширные подземелья под холмом оказались бессильны перед разверзшейся под ними бездной. Она была недостаточно большой, чтобы поглотить весь комплекс, но ее вполне хватило, чтобы туда обрушилась вся центральная часть. Повреждения были поистине катастрофическими. Творение имперских заклинателей развалилось как карточный домик. В провал сыпались целые комнаты, распадаясь на многочисленные фрагменты. Разрушение конструкции сопровождала серия мощнейших взрывов, вызванных разбиваемыми источниками энергии. То, что не падало в ширившийся Разлом, сносило ударной волной, порожденной стихиями огня и электричества. Люди, техника, механизмы и кладези знаний исчезали либо в бездонном ущелье, либо пожирались сопутствующими бедствиями. Уникальная стратегическая точка империи, отлаженная до последнего винтика, в какие-то секунды превращалась в груду развалин. Под землю проседали обширные этажи, срывались пластами коридоры и помещения. Перекрытия складывались будто картонные, сплющивая все внутреннее пространство. Количество жертв прямотаки зашкаливало, ибо спасаться было просто некуда и некогда. Внутрь холма уходили башни наземных построек, отправляясь вслед за подземными. Лютый пожар, стремительно охвативший все секретные лаборатории, вышел наружу и ударил из окон уцелевшего периметра. С чудовищным грохотом рвались колдовские снаряды. Поезда, снаряженные чародейскими элементами питания, превращались в большие детонировавшие бомбы. Огонь, поднявшийся из Разлома, вливался в бушевавший пожар бурной рекой. Жар становился нестерпимым. Трескались камни, текли тугоплавкие стали. Защита чародеек, успевших окутать себя заклинаниями, не выдерживала запредельного урона различной природы. Все, кто очутился в зоне поражения провала, если не погибли сразу, то не прожили и минуты. Ущерб был невосполнимым. Даже если империи удастся восстановить хотя бы часть уничтоженного комплекса, уникальное производство надолго остановилось. При этом заменить убитых ведьм и чародеек Рубистелле было попросту некем. Всего одна успешная диверсия в Аберидже — и вот по всей империи нанесен сокрушительный удар, разом лишивший ее стратегического превосходства.

Но и это было еще не все. В распоряжении черных колдунов оставался Идлис. Полноводный Идлис, неспешно несущий свои волны на юг. В условленный момент группа Баратиса пустила его в тоннель, и вот уже речная вода хлещет в Разлом, испаряясь от чудовищного жара. Манипуляторы вернули Рубистелле должок за Аш-Гарон. Еще один взрыв сотряс земные недра. Столб пара, вы-

рвавшись на поверхность, окончательно поглотил весь Аберидж, уничтожив в нем все живое. Этот пар, смешиваясь с огненным вихрем, беспощадным напором разлетелся по всем уцелевшим подземным сооружениям. И вот уже взрывы разнесли грузовые терминалы, вышвыривая из них поезда как шарики из плевательной трубочки. Столбы пара рванулись в небо везде, где заканчивались тоннели из Абериджа, а следом за ними ударная волна поразила все соседние объекты. Холм содрогался от бушевавших в его недрах стихий. Армейские корпуса, рассредоточенные по внешнему периметру, бессильно взирали на чудовищное бедствие. Выжившие чародейки, находившиеся в момент кризиса в воздухе, в ужасе старались хоть как-то остановить невообразимый кошмар и еще даже не осознали масштабы приключившейся катастрофы. Аберидж был уничтожен. Уничтожен если и не целиком, то настолько, что его восстановление уже никогда не произойдет. Ибо прежде чем у империи хватит на это времени и ресурсов сама империя перестанет существовать, сокрушенная натиском пламенеющих легионов.

Баратис и его группа уцелели. Им было некуда отступать в разверзшемся аду, особенно когда из тоннеля хлынули воды Идлиса, но им этого и не требовалось. Их оберегал защитный контур самой преисподней, куда они и ушли, оставив позади бешеную ярость стихий. А люди продолжали гибнуть, и их жуткие крики вселяли страх в сердца еще живых. Огненный шторм пополам с паровым котлом бесновался так, что к нему нельзя было даже приблизиться, не то что попытаться укротить его разгул. Но колдунов все это не волновало, хотя они желали бы наблюдать уничтожение Абериджа до конца. Наблюдать, как имперские войска станут разгребать искореженные обломки, извлекая из-под них чудовищно обезображенные тела. Смотреть, как ненавистные чародейки станут выть и стенать, горюя о своих сестрах. Как инспекция, срочно присланная из Тал-Амина, с ужасом в глазах установит непомерность полученного ущерба. И апогеем стало бы лицо Принцессы Крови, по-прежнему недосягаемой, но осознавшей какой ей нанесли удар. Эх, прихватить бы и ее за компанию с Абериджем, ну да лучше синица в руках, чем журавль, который все равно упадет, когда его перья сожжет пламя преисподней. Преисподней, где Баратис уже получал награду из рук самого Арферона, ибо лично приблизил час торжества верховного архидемона.

Баратис прямо-таки млел, представляя себе все эти изумительные видения. Видения, которые обязательно воплотятся в действительность, когда он откроет Разлом и уничтожит находившийся наверху Аберидж. Разыгравшаяся фантазия колдуна уже

не замечала озаренного красным светом грота — перед ней стояли совсем другие образы. Образы, где умирали в муках ненавистные чародейки, горели заживо предательницы-ведьмы, и сама империя начинала рушиться в разверзшуюся под ней бездну. А в конце всего этого прекрасного, волнующего великолепия стоял Арферон. Арферон, протягивающий ему, Баратису, свою могущественную длань и навеки вводящий его в историю двух миров.

Вконец размечтавшийся демонолог как-то не ожидал, что перед его взором вместо благодарного властелина преисподней возникнет женская фигура. Возникнет невесть каким образом, ибо вход в грот был только один, а в тоннеле, судя по далеким приглушенным звукам, трудились Манипуляторы. Баратис, заморгав, протер глаза и к величайшему своему ошеломлению убедился, что ему отнюдь не мерещится. У стены грота, на каменной дорожке, стояла невысокая женщина, не сводившая с него пристального взгляда. Разинув рот, колдун уставился на нее как кролик на удава. Все его знания прямо-таки вопили о том, что материализоваться из ниоткуда чародейки не умеют. Не умеют не по причине недостаточной теоретической и практической подкованности, а в принципе не могут этого физически. Тем не менее, женщина появилась прямо из воздуха и при этом была очень даже всамделишная. Баратис, при всем охватившем его ступоре, сразу определил, что имеет дело отнюдь не с иллюзией.

— Ты еще кто такая?! — в величайшем изумлении изрек его рот, едва обрел способность произносить членораздельные звуки.

Вопрос, возможно, кому-то мог показаться совершенно идиотским. По идее, колдуну следовало немедленно кликнуть Манипуляторов, либо же швырнуть в женщину каким-нибудь заклинанием. Одним словом, немедленно перейти к активной деятельности, а не вступать с ней в беседу. Однако следовало помнить — Баратис находился в состоянии шока. Кроме того, у него мелькнула шальная мысль, что эта женщина прибыла из преисподней, чьи отголоски явственно ощущались над миниатюрной, бурлившей лавой Фламма-де-Лакудемоникой.

— Сейчас узнаешь, — как-то очень неприветливо отозвалась женщина.

Ответ Баратису не понравился чрезвычайно. Но еще меньше ему понравился результат его стремительной атаки, когда он все-таки ее провел. Женщина очень опрометчиво находилась на краю огненного озера. Озера, подвластного черному колдуну. Один резкий взмах рукой, сопровождавшийся искаженным колдовским наречием — и вот уже незваную гостью окатила волна раскаленной лавы. Самого Баратиса и его группу защищали от жара обереги пре-

исподней, что позволяло им работать внутри грота, однако даже они не уцелели бы в объятиях жидкого огня. Женщина же осталась к нему совершенно безучастна. Плеснувшаяся лава ударилась о стену, а затем, вскипев, стекла обратно в озеро. Незваная гостья осталась там, где стояла. Впрочем, нет, она уже приближалась к колдуну, сверкая глазами, где разгорался подозрительный свет. Очень сильный и очень белый. Такой частенько испускали служительницы Гексенхаммера, вот только этот не шел с ним ни в какое сравнение. Баратису стало здорово не по себе. Еще одна волна лавы, затем выстрел ядовитой жижей, корни, змеи и бросок концентрированного пламени принесли нулевой результат. Корни о ноги женщины попросту развеивались. Пламя, выпущенное из протянутой к ней руки, обошло ее фигуру как вода скалу. Не больше толку принесла и жижа. Невысокая женщина была уже в нескольких шагах от колдуна, когда тот оставил попытки ее сокрушить и с воплями бросился наутек, призывая подчиненных.

Он даже успел вбежать в тоннель, откуда послышались взволнованные голоса Манипуляторов, как чародейка вдруг возникла в десяти ярдах перед ним. С тихим хлопком возникла просто из ниоткуда. Баратис еле успел затормозить, отказываясь поверить в реальность происходящего.

— Далеко собрался? — насмешливо протянула женщина, но выражение ее лица было далеко от лукавства.

Колдун с проклятьем швырнул в нее Бесплотный удар, а затем, отступив на шаг, бросил ей под ноги разрывную сферу. Его собственная защита должна была выдержать мощный разряд, которым он надеялся поразить невероятного противника. Неуязвимых людей не бывает! Стены тоннеля немедленно сотряс грохот. Сверкнула яростная вспышка, высвобождавшая множество шарахнувших в разные стороны молний. Посыпались кусочки опаленной глины, из которой состояли стены тоннеля. Даже защищенные руническими письменами, они частично пострадали, как пострадал и колдун. Его защита сработала блестяще, отразив заряд электричества, но он едва не оглох от раздавшихся звуков. Единственной, кто совсем не пострадал, была неведомая женщина. Молнии пробежали по ее телу как по монолитной поверхности, очерчиваясь светящимися кружочками в местах соприкосновения. Выпучивший глаза Баратис решился на крайние меры. Выбросив руку к потолку, он хрипло проорал заклинание. Его своды, тут же последовав зову создателя, немедленно обрушились на голову чародейки. Колдун едва успел отскочить назад, чтобы самому не очутиться под завалом. Теперь перед ним была сплошная стена породы, осыпавшаяся под крутым углом. Баратис торжествующе улыбнул-

ся. Сам он как-нибудь выберется, зато с незваной гостьей наконец-то покончено. Неуязвимых не бывает! Однако радовался он недолго. Ядовитая улыбка застыла у него на лице, когда порода вдруг плавно взметнулась вверх, как будто ее падение прокрутили наоборот. В какие-то секунды тоннель обрел прежний вид, а на месте дезертировавшего завала стояла целая и невредимая чародейка. Вытянув вперед руки, демонолог бросил в нее воплотившийся в воздухе лес копий. Достигнув цели, они должны были пронзить ее не хуже настоящих, отравленных жгучим ядом, вызывавшим мучительную смерть. Женская фигура лишь чуть осветилась, и копья благополучно растворились в пространстве. Баратис, начинавший подозревать, что он попросту спятил, вконец растерялся. Весь его арсенал был бесполезен разве что против Принцессы Крови, а всех остальных он обязан поражать с той или иной степенью эффективности. Даже старших чародеек. Продолжая пятиться, колдун очутился на пороге грота, а женщина неумолимо приближалась, явно никуда не торопясь. Вдруг позади нее мелькнула какая-то тень. Послышался едва уловимый шорох. Еще мгновение и… Да! Тысячу раз да! Подкравшийся Манипулятор, сообразив, что колдовство здесь отчего-то не работает, всадил в правый бок чародейки нож. Зачарованный, покрытый письменами и злыми заклятьями, но все же сделанный из вполне себе физического сплава, обязанного убивать любое живое существо. Нож вошел в женщину по рукоятку, отчего Баратис и издал торжествующий вопль. Эхо этого вопля все еще гремело под сводами тоннеля, когда Манипулятор выдернул свое оружие, собираясь нанести еще один удар. И не нанес. В теле чародейки должна была остаться ужасная рана, но вместо нее там образовался небольшой разрез, откуда лилось ослепительно белое сияние. При виде его оба демонолога почувствовали внутреннее жжение, будто они проглотили горячие угли. Но то не горели их внутренности — то жгло их злую, отравленную скверной душу. Разрез на боку чародейки сомкнулся, словно его и не было. По-прежнему не оборачиваясь к напавшему сзади колдуну, она лишь небрежно отвела руку в сторону. Манипулятора подбросила к потолку вспышка света. Баратис видел, что на подчиненном была энергетическая защита и оберег, противодействовавший заклинаниям вроде Бесплотного удара, однако они не помогли. Ударившись головой о свод тоннеля, Манипулятор рухнул на пол. Судя по бессвязному мычанию, он не умер, однако полностью вышел из строя, и рассчитывать на его помощь не приходилось. Впрочем, какая там помощь?! Женщина сделала еще шаг к предводителю демонологов.

— Кто ты такая?! — испытывая душевную муку, возопил Баратис.

— От своих хозяев ты, возможно, слыхал про таких как я. Слово "скалья" тебе чего-нибудь говорит? — ответила женщина, озарившись сиянием.
Демонолог побелел, объятый невыразимым ужасом. Да, он знал кто это такие, как знал, что даже его Покровители предпочитают не сталкиваться с детьми первозданного света лицом к лицу. Баратис решил, что с него достаточно. Схватив заветный амулет, он разломил его пополам. Дегонис обещал, что в преисподней верный ученик будет в полной безопасности. Его там примут и вернут назад, однако прибегать к этому средству следует лишь в крайнем случае. Ну, куда уж крайнее?! Вокруг ступней черного колдуна очертились красные линии, а по полу зазмеились того же цвета трещины. Фея вспыхнула еще ярче. От ее фигуры пробежала легкая световая волна, отчего Баратис ощутил, что его будто поджаривают заживо. Все ближайшие поверхности тоннеля и грота блеснули мимолетной зарницей. Красное свечение исчезло. Спасительный проход в преисподнюю не открылся.
— Не в моем присутствии, дружок, — прозвенела фея.
Колдуна захлестнула паника. Перестав себя контролировать, он опрометью бросился прочь. Куда? Да куда глаза глядят! Он просто побежал по дорожке вокруг грота, объятый животным страхом, как бежит от флажков и загонщиков дикий зверь. Бежит прямо на охотника. Фея догнала его в мгновение ока. Схватив колдуна за шкирку, она подбросила довольно увесистое тело как пушинку, и уже в воздухе Баратиса настиг сноп ослепительного света. На пол колдун опустился уже без сознания.

Дин'Юлемиона могла бы разделаться с врагами в два счета, но она внимательно присматривалась к происходящему, и покончить с ними не торопилась. Она играла с демонологами как кошка с мышкой, стараясь определить, сколько их здесь и чего они поделывают. Убивать фея никого не собиралась. Не столько потому, что она вообще не любила отнимать жизнь, даже такую гнусную, сколько из-за желания захватить врагов живыми. Она знала одну особу, которая заставит их выложить даже то, чего эти прислужники векстров давно сами позабыли.

Сзади послышался топот бегущих ног. Дин'Юлемиона ощутила приближение десятка демонологов, от которых прямо-таки воняло векстрами. К чести этой братии, она хоть и запоздало, но поспешила Баратису на помощь. Правда вряд ли из чувства долга. Скорее, Манипуляторов гнал страх расплаты от Покровителей за срыв операции и позорное дезертирство. Фее это было на руку, поскольку слишком далеко от Илианы она удаляться не могла. Развернувшись, она спокойно стояла и ждала, пока в грот не вва-

лилось подоспевшее подкрепление тому, кто сейчас пребывал в стране забвения.
— А вот с вами, ребятки, я уже церемониться не собираюсь, — процедила Дин'Юлемиона, смерив предателей рода человеческого презрительным взглядом.
Манипуляторы, разумеется, ей ни на грош не поверили и разразились шквалом заклинаний. Грот содрогнулся от вспышек и разрывов, старавшихся поразить незваную гостью. В отличие от Баратиса, его демонологи еще не знали насколько бесполезны все их усилия. Им было просто нечем навредить бессмертной фее. Исчезнув из эпицентра гремевших стихий, она возникла прямо в группе колдунов. В то же мгновение грот залил сноп белого света. Манипуляторов раскидало как худых котят, и лишь стараниями самой Дин'Юлемионы их пропитанное скверной нутро не сожгло на месте. Фея смягчила мощь ударной волны, а заодно придержала падавшие в лаву тела, не желая терять пленников. Одного, поднявшись в воздух, она поймала словно куклу. Легкая встряска — и колдун открыл глаза, не успев провалиться в забвение.
— Сколько вас здесь всего?! Отвечай, если не хочешь, чтобы скалья жгла тебя светом вечно! — сурово заявила Дин'Юлемиона, сияя залитыми белым глазами.
Этот Манипулятор тоже знал значение этого слова. Его пришлось еще разок встряхнуть, чтобы ускорить разладившиеся мыслительные процессы.
— Тринадцать, — просипел он, трясясь от страха.
Хлопнув демонолога ладонью по лбу, фея отправила его в беспамятство.
— Тринадцать… — прошептала она.
Из строя ей удалось вывести ровно десятерых. Где-то в глубине тоннеля, судя по доносившимся звукам, кто-то удирал во всю прыть. Кажется, все-таки не вся группа явилась на помощь предводителю. Метнувшись в тоннель на два десятка ярдов, фея плавно взмахнула руками. От каждой ее ладони отделилось несколько ярких белых сфер и стремглав унеслось в наклонный изгибавшийся ход. Вперед она не пошла. Дин'Юлемиона уже здорово рисковала, удалившись от Принцессы Крови, но этот риск был оправдан. А вот убегать от нее еще дальше явно не стоило. Сущность феи и так усиленно боролась с натиском скверны, исходившей из Фламма-де-Лакудемоники. Энергетическая защита Илианы слабела по мере отдаления от источника и могла внезапно истощиться до критического уровня.

Откуда-то издали донеслись приглушенные вопли. Фея, плавно покачиваясь над полом, терпеливо ждала. Спустя пару минут в

тоннеле показалось свечение. Оно быстро приближалось, и вот уже из-за поворота вынырнуло два крупных объекта. Это были светящиеся клетки с пойманными колдунами. Узилища из чистого света, быстро летевшие в пространстве, были им столь же приятны, сколь скрежет ржавого гвоздя о грифельную доску. Прикосновение к бесплотным прутьям вызывало у демонологов нестерпимое жжение, не оставлявшее следов на теле, но от этого не менее болезненное. Подлетев к Дин'Юлемионе, клетки остановились. Пленники, уж на что были поглощены своими ощущениями, округлили глаза на порхавшую перед ними малютку. Лицо феи, вернувшей свой естественный облик, приняло озабоченное выражение.

— Эге! Да вас тут только двое! Кажется, последнего я все-таки упустила! — пробормотала она. — Что ж, надеюсь, он далеко не уйдет…

Пробить лаз в Фортумагум для Дин'Юлемионы не составило никакого труда. Поверженные демонологи лежали рядком на дорожке грота, когда фея поднялась наверх, явившись взволнованным донельзя людям.

— Принимайте добычу! — лукаво сообщила ее светозарность, вмиг обретя прежний жизнерадостный вид.

Чародейки, не заставив себя упрашивать, тут же отправились в проделанную ей скважину диаметром пять футов. Фея же была ненадолго обездвижена схватившей ее императрицей. Илиана так переживала за свою покровительницу, что первым делом прижала кукольную фигурку к груди, поскольку всерьез опасалась ее больше не увидеть. Дина не возражала, ощущая исходивший от Принцессы Крови мощный поток живительной энергии, пришедшийся как нельзя кстати. Сейчас она особенно хорошо видела то, что не видели другие — сияние первозданного света, сокрытого в человеческом облике.

Весь Фортумагум прямо-таки зашелся от радости, когда в одном из демонологов опознали Баратиса. Его исчезнувшая группа продолжала вызывать самые серьезные опасения. Теперь, стараниями феи, она была обезврежена, а второй по опасности демонолог — правая рука Дегониса и исполнитель его воли — оказался наконец-то пойман. Именно пойман! Благодаря Дин'Юлемионе его бегство в преисподнюю потерпело фиаско, и теперь злодею предстоял разговор по душам с императрицей. Разговор, которого так боялись все черные колдуны, и который любой ценой пытался предотвратить Дегонис. Он предпочел бы лично убить верного ученика, нежели позволить ему попасть в руки Принцессы Крови. Но против феи у него средства не было.

Памятуя о возможных защитных чарах, запечатывающих ус-

та Манипуляторов, Илиана не стала рисковать, сразу начиная с Баратиса. И правильно сделала. Быстренько приведя в чувство одного из его подельников, она применила испытанный метод. Колдун, воображая, что беседует с Дегонисом, чью роль отлично сыграл Эбби, стал выкладывать всю подноготную подкопа под Фортумагум, известный врагам только как Аберидж. Однако не успел он сообщить сколь-нибудь полезные сведения, как произошло нечто подобное тому, что однажды уже случилось в здешних подземельях. Ступор, короткая судорога. В глазах Манипулятора вспыхнул огонь. Оранжевое пламя, показавшись из глазниц, лизнуло брови. Такое же пламя объявилось в осклабленном рту и промеж пальцев. Вены колдуна набухли, выступив из-под кожи, а саму кожу испещрили красные линии и зловещие каббалистические знаки. Человеческое тело захватил демон. Издав глухой рык, он попытался броситься на Принцессу Крови, но у него ничего не вышло. Охрана императрицы не дремала, и это не считая других могущественных заклинателей. Чары всех присутствующих ударили во врага почти одновременно. От Манипулятора осталась горстка тут же развеявшегося пепла. Защита Дин'Юлемионы, мгновенно объявившейся между колдуном и Илианой, даже не понадобилась. Императрица, судя по реплике, осталась очень недовольна таким поворотом дела.

— Да что б тебя! Какого черта?! — всплеснула руками она, едва удержавшись, чтобы не выругаться покрепче.

— Да, что-то на сей раз пошло не так! — озабоченно подтвердила Сирелина. — И трансформация прошла почти без задержки.

Это как раз она восемь лет назад допрашивала в Аберидже похищенного Манипулятора. Успешно вытянув из него сведения об исчезновении Илианы, чародейка попыталась выведать и планы Дегониса. Она была единственным свидетелем одержимости пленника, нарушившего клятву молчания, и не без труда совладала с объявившимся демоном. Впоследствии ее опыт учла Илиана, навострившаяся разыгрывать с пленниками целое представление.

— Да я не об этом! Какого лешего вы его убили?! — возмутилась императрица. — Кто вас всех за руки тянул?!

Свита опешила. Присутствующие растерянно переглянулись, соображая, в чем они оплошали.

— Пока я рядом, ее величеству ничего не грозило! — пояснила фея, неверно истолковав слова воспитанницы.

— Дина, милая, я знаю. Но я и так контролировала это чудовище, кем бы оно ни было! А вы от него и кусочка не оставили! — воздела руки Илиана.

Эбби заметил, что небольшой клок шерсти вроде бы уцелел, улетев

куда-то в сторону, но девушка только возмущенно фыркнула, находя, что сейчас не время для таких шуточек.
— Что ж, у нас есть еще девять опытных образцов. Можем повторить, — хладнокровно заметила Уна.
Честолюбивая ведьма не забыла черным колдунам, как они ее, молодую наивную дуреху, едва не подвели под монастырь, и теперь с удовольствием отыгрывалась на них при каждом удобном случае.

Перед допросом второго Манипулятора императрица еще раз всех предупредила, чтобы никто во врага не стрелял. Фея, занявшая позицию возле своей воспитанницы, не позволит до нее добраться и целой толпе векстров, не говоря об одном одержимом колдуне. Свите, конечно, не возбраняется накладывать защитные чары, но чтобы никто даже не вздумал атаковать колдуна, если он не окажется от Илианы менее чем в семи футах.

Второй допрос развивался по тому же сценарию. Императрица старалась употреблять другие фразы и зайти как-нибудь со стороны, однако ничего у нее не вышло. Кажется, на сей раз печать на устах Манипуляторов касалась сведений не только обо всех планах, но и вообще любых приказах старших колдунов. И созерцание Дегониса упорно не мешало ей срабатывать. Судя по всему, нарушалось какое-то правило, придуманное верховным демонологом, и следовало понять какое. Понять раньше, чем в распоряжении императрицы останется один лишь Баратис.
— Как тебя звать, милейший? — осведомилась Илиана, не позволяя полыхнувшему пламенем колдуну пошевелиться.
— Принцесса Крови! — глухо прорычал тот, сверля девушку щелевидными зрачками в обрамлении оранжевого огня.
— Нет, это я Принцесса Крови, — усмехнулась императрица. — А вот как твое имя?
— У тебя нет надо мной власти! — зло прогудел демон. — Я тебе не Зильбердрейнуаг-рен-Дег!
— Да ну? Проверим? — прищурилась Илиана.
Демон, явно собиравшийся разразиться целой тирадой, неожиданно замолк, ограничившись неразборчивым клекотом. Из его вздымавшейся груди вырывались гулкие хрипы и низкое рычание. Пламя, струившееся из глазниц, рта и промеж пальцев, полыхнуло было с новой силой, а затем вдруг как-то поблекло. Лицо императрицы приняло отсутствующее выражение, будто мысленно она находилась где-то не здесь. Разинув пасть, демон проревел какое-то непонятное слово, а затем огонь исчез. Каббалистические знаки на коже Манипулятора пропали, как пропало и красное свечение. Безжизненное тело, более не управляемое императрицей, мешковато завалилось на пол. Колдун был мертв.

— Жаль, что ничего не получилось! — с досадой воскликнула фея.
— Наоборот, стало получаться! Я нащупала его сущность и начала устанавливать над ней контроль. Потому он и сбежал! — пояснила Илиана.
— Да ну?! — изумилась Дин'Юлемиона. — По моим ощущениям, это был минимум старший Гангрон, если не выше. Ты можешь контролировать старшего Гангрона?!
— Трудно сказать. Демон находился в человеческой оболочке, отчего был куда уязвимее, чем обычно, — неторопливо пояснила Илиана. — Жаль, что я не успела захватить его настолько, чтобы заставить говорить. Он это понял и предпочел удалиться, чтобы не разделить позор беса, о котором успел упомянуть.
— Повторим? — оживленно потерла ладошки фея.
— Да, но не для того, о чем ты сейчас подумала. Нам надо выбить сведения из колдунов, а не упражняться в допросе векстров, — напомнила императрица.
— Жаль, — вздохнула Дин'Юлемиона. — Однако ты права. Ну, где там следующий?

Лишь на седьмой раз допрос удалось провести без необратимой одержимости. Пытаясь разгадать какую хитрость придумал Дегонис, Илиана следовала логике. Как Манипулятор, находясь под управлением ее воли, отличал, подлинный ли перед ним верховный колдун или нет? Видимо, никак. Отсюда происходил простой вывод: кто-то из собеседников что-то не так делал, либо же наоборот — не делал. С этим соображением была согласна фея, внимательно следившая за ходом допроса. Она иногда водила пальцами в воздухе, будто пыталась уловить какие-то невидимые течения. Уже имевшиеся догадки подтвердились. Манипуляторы находились под воздействием печати молчания, скрепленной самой преисподней. Печать, как было известно, раскалывалась, если колдун заведомо сознавал, что выдает кому-то запретные сведения. И это гарантированно убивало проштрафившегося болтуна на месте. Дегонис хорошенько постарался, чтобы защитить секреты Покровителей от посторонних ушей. Он явно пытался усовершенствовать заклятье, используя двойной контур, одна половина которого заметно отличалась от другой. Пораскинув мозгами, Дин'Юлемиона предположила, что демонологи используют систему условных сигналов. Причем вряд ли сложную, иначе даже в простом разговоре между собой они постоянно рисковали бы непоправимо ошибиться по элементарной забывчивости. Скорее всего, при встрече колдуны обмениваются кодовым словом, которого никто кроме них не знает. Таким образом, Принцесса Крови, допрашивая пленника, автоматически попадет в ловушку и вызовет

реакцию защитного контура. Илиана, подумав, согласилась с рассуждениями Дин'Юлемионы, однако как узнать, верна ли их догадка? Лобовой вопрос пленнику ни к чему не привел. Проигнорировать волю императрицы он не мог, но и сообщить подробности не успел, захваченный демоном. Чертыхнувшись, Илиана закусила губу и принялась напряженно размышлять, пока окружающие строили свои версии. Неожиданно ее лицо просветлело.
— Тащите сразу троих! — велела она, аж заерзав от желания побыстрее проверить, сработает ли ее идея.
И она сработала. Три приведенных в относительное чувство колдуна воображали, что находятся в комнате, где кроме них никого нет. Их воспоминания прервались на моменте схватки с какой-то непостижимой чародейкой. Теперь, очутившись в запертом подземелье, они пытались восстановить ход событий. Лже-Баратис в лице Эбби велел дожидаться его возвращения и тут же исчез, оставив троицу наедине друг с другом. Манипуляторов окружали колдовские стены, видимые только им и надежно блокирующие все их заклинания. Фактически, они оказались изолированы от окружающей среды, но сами этого не знали. Внутри замкнутого пространства Илиана дала им почти полную свободу. Поддерживая в колдунах определенную долю иллюзии, она вернула им способность творить чары и даже связно мыслить. Всех троих ограничивало только заблуждение касательно того места, где они находятся. В остальном они принадлежали сами себе. Следуя приказу Баратиса, подчиненные терпеливо ждали его появления, а сами тем временем делились свежими впечатлениями. Им и в голову не приходило, что за серыми, поросшими плесенью стенами за каждым их движением жадно наблюдает уйма народу, а сами стены, напоминавшие стены тоннеля, не более чем творение искусного чародея. Императрица, внимательно прислушиваясь к разговору, потихоньку подталкивала колдунов, провоцируя их на обсуждение явно секретных сведений. Все присутствующие, затаив дыхание, следили за поведением Манипуляторов, а Эбби даже записывал происходящее в Кристалл Памяти.

Хитрость оказалась чрезвычайно проста. Обращаясь друг к другу первый раз, колдуны создавали за спиной небольшой огненный знак со своим именем. Но за спиной не у себя, а именно что у собеседника, поэтому сами его, как ни крути головой, никоим образом не видели. Лже-Дегонис в лице Эбби при допросе ничего подобного не сделал. Пленный Манипулятор, находясь под воздействием Принцессы Крови, также не преуспел в сотворении колдовства, причем остался на сей счет в неведении. Он ведь не знал, что лишен возможности воплощать чары, но сохранял об этом

полноту иллюзии. Таким образом, мало того что оба собеседника не выполнили условие защиты, само его существование прошло для многочисленных наблюдателей незамеченным. Вероятно, в этом состояла особенность замысла Дегониса. Даже сам Манипулятор не должен был знать, что разговор развивается по запретному руслу, чтобы не выдать себя поведением. Это было как раз в духе верховного колдуна — в случае постороннего вмешательства пожертвовать ничего не подозревающим подчиненным.

Сообразив, в чем тут было дело, императрице предложили воспользоваться уже созданной ситуацией для допроса. Та, подумав, отказалась. Для этого ей придется напрямую управлять кем-то из колдунов, что автоматически может нарушить целостность печати, если в его сознании блеснет понимание происходящего. Кроме того, только Дегонис да Баратис имеют право ТРЕБОВАТЬ беспрекословного подчинения, не объясняя причин, к чему относился и допрос. И из них двоих лучше выбрать Дегониса. Наконец, рисковать сразу тремя Манипуляторами — большая роскошь. Нет уж, лучше попытаться провести типовую беседу с пленником, вытянув из него сведения хорошо отработанным методом, дополненным новыми обстоятельствами.

Присутствующие не стали настаивать и вскоре убедились в мудрости такого решения. Как обычно, Илиана оказалась права. Когда представление в постановочной комнате было закончено, один из колдунов очутился пред очами Дегониса. Эбби без труда воплотил его имя за спиной Манипулятора, а все присутствующие также наблюдали малый огненный знак позади чародея. На сей раз Принцесса Крови не лишила врага способности творить заклинания, что прежде делала из соображений безопасности, и на что явно рассчитывал Дегонис. Ну, наконец-то дело пошло на лад! Решающий вопрос и… Колдуна объяло пламя, а его телесную оболочку захватил демон. Илиана была настолько ошарашена неудачей, что даже не предприняла попытку захватить контроль над врагом. С досады она гневно сжала руку в кулак, отчего тело колдуна с хрустом осело на пол, превратившись в бесформенную груду плоти. Демон, взревев, на мгновение показался в облике гудящего пламени и исчез, не обладая способностью существовать вне одержимого.

— Иля, ты меня пугаешь, — поежилась Дина, озабоченно заглядывая в сиреневые глаза воспитанницы.

— Сожалею. Не сдержалась, — ответила императрица, подавляя вспышку гнева.

— Что произошло?! — посыпались со всех сторон недоуменные вопросы. — Вы же вроде все сделали правильно!

Эбби с Илианой озадаченно молчали, соображая, где допустили ошибку. Ведь все было воспроизведено в точности! Приветствие, полнота иллюзии, имена…
— Постой-ка, а какое имя ты наколдовал?! — спросила вдруг Илиана, осененная внезапной догадкой.
— Дегониса, чье же еще! — пожал плечами чародей.
Следовало радоваться, что в свите императрицы оказался тот, кто умеет создавать огненный знак на демоническом языке. Формально это могла сделать любая служительница Гексенхаммера, но с бывшим демонологом надежнее. Эбби, правда, не лучился счастьем, прибегая к запретному колдовству, но положение обязывало.
— Холера мне в бок, как говорит моя дорогая Талара! Изобрази СВОЕ! — воскликнула императрица.
В глаза Эбби мелькнуло понимание. И впрямь, если правило второго защитного контура действительно основывалось на именах, то собеседники выводили имена друг друга. Это Манипулятор видел перед собой Дегониса, но по факту он имел дело с Верторием ван Граасом. Вряд ли чары содержали строгий перечень допущенных к тайнам, ведь тогда любой новый человек даже от верховного колдуна станет для собеседника смертным приговором. Что ж, догадку императрицы можно было проверить только одним способом…

Дрогнувшей рукой Эбби вывел свое имя за спиной седьмого по счету Манипулятора. Вывел прежнее имя, которое, хочешь не хочешь, все-таки было настоящим. Хорошо что он сам не видел демонический символ, воплощавший его некогда гордое звучание, иначе бедняге чародею стало бы совсем не по себе. Мысленно скрестив пальцы, он ждал контрольного вопроса императрицы, который до сих пор не прошел ни один колдун. И вот он задан. Задан еще тогда, когда не успели развеяться пламенные изгибы красного колдовского знака. Речь Манипулятора, раздавшаяся в ответ, потекла совершенно свободно, не прерываемая никакими эксцессами. Спустя минуту и еще один вопрос стало окончательно ясно — это победа! Все ухищрения Дегониса в противостоянии с Принцессой Крови опять потерпели поражение, что убедительно доказал допрос пленного врага, наконец-то избежавшего одержимости. Седьмой Манипулятор выложил все что знал о подкопе под Аберидж.

Чародейки и ведьмы, не теряя времени, уже вовсю исследовали использованные врагами тоннели, когда все не без облегчения узнали обстоятельства несостоявшейся диверсии. Кроме Фламма-де-Лакудемоники в гроте и сообщника в домике на восточном берегу Идлиса никаких других ресурсов у демонологов не

имелось. Тринадцать похищенных детей, предназначенных в качестве жертвы при открытии Разлома, нашлись живыми и невредимыми. Сообщника удалось скрутить до того, как он почуял неладное и сбежал. Тоннели немедленно опечатали и выставили стражу, а колдун, рассказавший про историю с подкопом все как на духу, отправился обратно в беспамятство.

— Ваша защита ни к черту не годится, дорогой Верторий ван Граас! — сурово заявила императрица, готовившая эту реплику еще задолго до рассказа Манипулятора. — Это что же получается?! Любой идиот с лопатой может подкопаться под Фортумагум и устроить саботаж?! Как вы это объясните, гражданин всезнайка?!

— Во-первых, не любой. Во-вторых, не сможет, — с нотками обиды ответил Эбби, ощущая на себе взор множества пар глаз, среди которых особенно выделились сиреневые.

— Тогда поведайте, каким образом Баратис и его свора едва не преуспели в своем намерении! Если бы не Дина, кто знает, чем бы все закончилось! — сердито воскликнула Илиана.

Она имела в виду чутье феи. Уникальное чутье. Чутье той, кого в нынешнем мире вообще не должно было быть, и кто все-таки объявился в нем на радость векстрам и черным колдунам. Ее светозарность, инспектируя Фортумагум пока воспитанница спала, уже привыкла, что в нем тянет всякой всячиной, включая не самые приятные вещи. Дин'Юлемиона смотрела на это сквозь пальцы, поскольку часть осадка дурной энергии осталась еще со времен Ормунделла, а часть привносили эксперименты с демонической сущностью. На особых складах Фортумагума имелось множество образцов, так или иначе отравленных векстрами: предметы обихода, фрагменты тел врагов и животных, погибшая и еще живая растительность, и тому подобное. С ними денно и нощно возились в лабораториях, выискивая наилучшие способы противодействия распространявшейся заразе преисподней. Однако кое-что все-таки привлекло к себе особое внимание феи. Спустившись на самый нижний ярус, находившийся под вокзалом, она отчетливо уловила возмущение скверны. Дина бы, как обычно, его проигнорировала, если бы не два важных обстоятельства. Фортумагум здесь заканчивался. Под ногами, откуда веяло ядом векстров, больше ничего не было, как не было этого ощущения в прошлый раз. Дин'Юлемиона уже бывала с Илианой в гостях у Эбби, а память у создания света очень хорошая. Озабоченно покрутившись туда-сюда, она установила, что ей отнюдь не мерещится. Где-то там внизу имелся источник излучения скверны, причем совсем недалеко от пола — не более чем в восьмидесяти ярдах. Схватив чародея за грудки, фея предложила покаяться, чего за гадость он

там прячет. Опешивший Эбби поклялся, что понятия не имеет о чем говорит Дин'Юлемиона, а внизу ничего нет. Он как раз собирается углублять Фортумагум еще на пару этажей, и данные геологической разведки не выявили даже малейших пустот. Фея, успевшая по-свойски проверить грунт, велела Эбби галопом сгонять за колдовскими инструментами, чтобы прямо здесь и сейчас убедительно доказать ей это утверждение. Чародей не заставил себя ждать. Через четверть часа они вдвоем с Дин'Юлемионой уже получали первые данные зондирования земли. Растерянный вид Эбби, озадаченно чесавшего затылок, окончательно убедил ее светозарность, что он тут не при чем. По всему выходило, что под Фортумагумом невесть каким образом взялось пустое пространство, откуда уверенно тянуло скверной. Вконец обеспокоенная фея потребовала притащить измерители температуры, вибрации, волновых излучений и даже уловители пространственных колебаний, по которым можно было угадать присутствие Трансталлов и им подобных каналов. Чародей, сообразив, что наклевывается нечто серьезное, обернулся в мгновение ока, утыкав нижний этаж всевозможной аппаратурой и приведя несколько своих помощниц из числа заклинательниц. Еще полчаса вся компания провела за мониторингом земных недр, после чего Дин'Юлемиона, сведя показания приборов со своими знаниями, сделала ошеломительный вывод. Под центром Фортумагума объявилась Фламма-де-Лакудемоника. Маленькая, но, тем не менее, самая настоящая. Эбби впопыхах едва не объявил всеобщую тревогу, но фея велела ему не поднимать шум, чтобы не насторожить потенциального врага, а потихоньку собрать на нижнем ярусе самых сильных заклинательниц. Сама же унеслась за Илианой.

План Дин'Юлемионы был прост. Она избегала перемещаться в пространстве, особенно вдали от Принцессы Крови, но на сей раз вышли исключительные обстоятельства. Когда все собрались в условленном месте, фея велела ждать, а сама исчезла, будто ее и не было. Никто уже не видел, как ее светозарность появилась там, внизу, в точно определенной пустоте на берегу огненного озера. К счастью, энергии, полученной от Илианы, хватило не только на такой опасный трюк, но и чтобы уверенно удержаться в мире людей вблизи от источника скверны. Баратис имел все основания опешить, узрев невесть откуда взявшуюся женщину. Ведь никто кроме таких как фея не мог появиться в закрытом гроте просто из воздуха. Той же не понадобилось осматриваться слишком долго, чтобы определить суть происходящего.

Эбби, которому в двух словах напомнили обстоятельства пленения Манипуляторов, скорчил скептическую физиономию.

— Допускаю, что я несколько недоглядел, но только несколько, — заговорил он не без чувства собственного достоинства. — Даже если бы этим красавцам удалось привести свой план в действие, серьезные разрушения Фортумагуму не угрожали. Это он с виду такой — простое подземелье. Голубчики не знали с чем связываются! Неужели Ормунделл в свое время не побеспокоился, чтобы враги не забрались к нему отнюдь не через парадные ворота? Вся верхняя область надежно оберегается от подобных эксцессов. Частично уязвимой является только наш новострой, но я ведь тоже не полный идиот, чтобы оставить его без защиты. Вокзальный комплекс покоится на такой мощной плите, что для ее разрушения демонологам пришлось бы открыть Разлом шире холма Абериджа при впятеро большей Фламма-де-Лакудемонике. Стало быть, все, что находится выше вокзала, не пострадает никоим образом. Да, самые нижние этажи из последнего расширения Фортумагума, осуществи Манипуляторы свой план, превратились бы в труху. Возможно, частично пострадали бы соседние помещения, кое-где просела кладка и побилась посуда. Ненадолго разладилась часть коммуникационных каналов. Но вряд ли более. Вполне себе умеренные разрушения сродни землетрясению средней силы. Несколько дней — и Фортумагум в полном порядке, причем без остановки производства и исследований. И у меня есть оправдание, почему не были должным образом защищены нижние этажи. Мы же постоянно расширяемся! Не только в стороны, но и в глубину, причем в глубину в несколько раз интенсивнее. Я уже дважды пересоздавал защитный контур, и последний проходит как раз под вокзалом. У меня нет ни ресурсов, ни времени выстраивать глухую оборону, а затем почти сразу ломать ее под новый этаж. Теперь, конечно, я учту сегодняшний опыт. Мы пробурим глубокие шахты, установим там датчики и станем регулярно проверять обстановку. Полагаю, этого будет вполне достаточно, чтобы впредь избежать даже самого незначительного ущерба. Так что я решительно отвергаю все обвинения в халатности и создании угрозы для Фортумагума! Манипуляторам пришлось бы собрать человек пятьсот, чтобы открыть достаточно большой Разлом, куда ухнул бы весь холм. И то основная часть Фортумагума, если вы не знали, способна некоторое время удерживаться в пространстве не хуже воздушной платформы!

— Сколько-сколько ты сказал? Пятьсот? — ни с того ни с сего переспросила Сирелина.

— А лучше тысячу! — очень серьезным тоном заметил Эбби, подозревая, что чародейка намерена его поддеть.

— Кажется, теперь я поняла как Дегонис и его компания собира-

лись сокрушить Альмирстал! — воскликнула вдруг Сирелина.
Поворот от исходной темы оказался неожидан, поэтому остальные не сразу сообразили, что она имеет в виду. Разгадка пришла быстро. Арадора, задав пару уточняющих вопросов, тут же поняла все. Затем обе чародейки объяснили идею остальным. Вопрос был отнюдь не праздным, поскольку до сих пор никто не знал, каким образом верховный колдун собирался добраться до обители чародеек во время северной кампании ад-Сейдина.

Манипуляторы намеревались открыть Разлом. Конечно, нечего было и мечтать обвалить в него весь пик Эрминдхайм, но этого и не требовалось. Точно выверенное место при действительно большом провале в преисподнюю обрушило бы незначительную часть склона. Сущую песчинку в общей массе горы, однако результативность обвала напрямую зависела от того, где именно он бы произошел. Альмирстал, расположившийся в укромном ущелье, отгораживала от внешнего мира глубокая пропасть, через которую сестры по необходимости поднимали колдовской мост. Мост подводил к окованным серебром вратам в базальтовой стене, протянувшейся вдоль пропасти меж горных круч. Вместе с пропастью она надежно перекрывала ущелье обители от любых посягательств извне. Пробить ее традиционными методами не представлялось возможным. Вот только Дегонис собирался использовать нечто очень специфическое. Стена стояла на отвесном склоне горы, а склон заканчивался на дне ущелья. Разлом, открытый под одним из участков склона, привел бы к его деформации и, в конечном счете, проделал бы брешь в стене. Вроде бы не такая уж и большая беда — что с того толку всей армии Красной саламандры? Но так казалось только на первый взгляд. Пробоина в стене, обвалившейся либо разошедшейся в зоне разрыва, нарушала целостность колдовских контуров. Невидимый защитный купол, раскинувшийся над всем Альмирсталом, не мог существовать фрагментарно. Это ведь вам не крышка от кастрюли, где взяли да вырезали кусок стекла или металла. В случае хотя бы частичного разрушения основы купол выходил из строя весь, как обычно происходит с различными электрическими, магнитными и прочими полями. А тут-то и вступила бы в бой армия кронусов. Кронусов, несущих заряды Липкого огня. Ведь с неба-то ущелье чародеек больше никто не прикрывал! Массированная бомбардировка тысячами сфер с дьявольской смесью превратила бы весь Альмирстал в пылающий ад. Внезапность нежданного нападения, помноженная на численность врага и его разрушительную силу, почти наверняка увенчалась бы если и не полным разгромом сестер, то, как минимум, их тяжелейшими потерями и утратой боеспособности. Затем

Альмирстал оставалось бы просто добить, раз и навсегда превратив его в прах и отправив во мрак истории.
— Так вот зачем Дегонису было так важно получить подкрепление из Аш-Гарона! — воскликнула Илиана.
— Да. Подкрепление, которое он, благодаря Сирелине, тебе и всем остальным участникам той самовольной и рискованной вылазки так и не дождался, — кивнула Арадора. — До Альмирстала, правда, Дегонис все равно не дошел, но ваших заслуг это ничуть не умаляет. Тысяча Манипуляторов вполне могла открыть настолько большой Разлом, чтобы в него провалилась часть стены обители. И этого было бы вполне достаточно для атаки кронусов с Липким огнем.
Присутствовавшие в зале чародейки невольно поежились, сообразив, какой участи избежали.
— Надо известить о нашем открытии сестер! — заявила Сирелина.
— Нынче у Дегониса нет столько Манипуляторов, но хватит с нас и примера Фортумагума. Если в защите Альмирстала нашлась уязвимость, ее следует устранить.
Против этого никто не возражал. Эбби с Арадорой ненадолго отлучились к Конту-Фенеструму, где старшая чародейка коротко сообщила в обитель новые важные сведения. Когда они вернулись, императрица уже успела сменить гнев на милость.
— Ладно, дорогой ван Граас, на сей раз я ограничусь устным предупреждением. Считай, что ты легко отделался, — сказала она с едва заметной улыбкой. — Я действительно делаю тебе скидку на колоссальную загруженность Фортумагума и принимаю во внимание твои доводы про нижний защитный контур. Но чтобы впредь никаких проколов! Рой шахты, утыкай все аппаратурой, запусти в тоннели дозорных драддов, но чтобы отныне к Фортумагуму и мышь не прокопалась!
— Сделаю все необходимое, ваше величество! — деловито отозвался чародей.
— Ну и хорошо, — заключила Илиана. — А теперь подайте сюда Баратиса! У меня к нему есть парочка вопросов.

Чародейки чуть не устали записывать. Ученик Дегониса, его правая рука и самое доверенное лицо, поведал много важных сведений. Верховный колдун, знай он сейчас что происходит, наверняка позеленел бы от ярости, меча громы и молнии. Принцесса Крови допрашивала Баратиса несколько часов, успешно обойдя защиту. То, что рассказывал этот мерзавец, заставляло ее бледнеть от ярости. Пальцы императрицы сжимались в кулаки, и она еле сдерживалась, чтобы не разорвать черного колдуна в кровавые клочья. Разорвать так, как она неоднократно делала в приливе

зашкаливающих эмоций. Дин'Юлемиона, видя состояние воспитанницы, положила руку ей на плечо, и чудодейственная сила феи повлияла на Илиану самым благотворным образом. Она стала спокойнее, гнев унялся. Ему на смену пришло праведное негодование, смешанное с презрением. Баратис, вне всяких сомнений, заслуживал суровой кары. Увы, этот злодей еще долго будет нужен, так что смертный приговор исключался. Однако не стоит по этому поводу огорчаться раньше времени, а ему, соответственно, радоваться. На свете есть вещи и похуже смерти.

Баратис выдал Принцессе Крови всю агентурную сеть черных колдунов, их тайные убежища, условные сигналы, каналы обмена грузами и корреспонденцией… В общем, все что знал. Впоследствии он наверняка поведает массу интересного про жизнь демонологов, историю их становления и прочие вещи, но сейчас в первую очередь следовало покончить с вредительством Манипуляторов. Всем присутствующим стало намного легче, когда они осознали, что черных колдунов осталось не так много, а группа Баратиса была самой серьезной угрозой. Угрозой ныне ликвидированной. Похоже, карта Дегониса наконец-то бита и теперь ему только и оставалось что прятаться за спинами Покровителей. Немного тревожили слова Баратиса о существовании неизвестных ему лично агентов, а также нескольких колдунов общавшихся исключительно напрямую с Дегонисом. В целом, однако, это вряд ли представляло значительную опасность, учитывая роль Баратиса, ибо только ему верховный колдун доверял все ответственные поручения и вообще держал в курсе дел.

Много чего поведал в тот день второй в иерархии врага демонолог, и многое стало куда яснее. В основном это касалось прошлых событий, но хватало сведений и про нынешние. Закончив допрос, императрица передала Баратиса на попечение чародеек. Негодяя следовало доставить в Тал-Амин и поместить в не менее надежное узилище, чем беса. Разумеется, черный колдун должен все время пребывать в беспамятстве, чтобы как минимум самому не спровоцировать смертельную реакцию одержимости. Баратис еще только покидал Аберидж, заботливо спеленатый стражей и охраняемый как зеница ока, а из разных концов Гелиондары и Пардионики уже выдвигались боевые отряды ведьм и чародеек. Через Конту-Фенеструмы летели приказы, поднимая гарнизон за гарнизоном, и даже дю Бренталь, спешно вызванный вице-королевой, передал в Фолькон необходимые распоряжения. Все выявленные змеиные гнезда требовалось раз и навсегда выжечь каленым железом, чтобы больше никто не пострадал от рук проклятых демонологов. По особому распоряжению императрицы

часть сведений передали Литореусу. Как она и предвидела, прелат прямо-таки загорелся желанием устроить прислужникам дьявола карательный рейд и немедленно отправился организовывать братьев. Можно было не сомневаться, что клерики хорошо справятся с обезвреживанием всех доверенных им объектов. Они еще не забыли про нападение на Верховный Собор и мечтали поквитаться с теми, кто приложил к этому руку.

— Кстати о Клерианцах! То есть, клериках, как они себя теперь называют, — подала вдруг голос Дин'Юлемиона, по-царски рассевшаяся на плече императрицы. — У меня есть идея как впечатлить эту компанию, чтобы она безоговорочно бросилась в объятия нашей дорогой Илианы. Учитывая все, что я успела о них узнать, она наверняка сработает.

— Какая идея?! — живо осведомилась императрица, скосив глаз на кроху.

— Потом расскажу. Сейчас давайте вернемся к делу, ради которого мы все вообще изначально прибыли в Фортумагум, — предложила фея, показывая пальчиком на Эбби.

— Весь к услугам вашей светозарности, — улыбнулся, церемонно поклонившись, чародей. — Между прочим, пока мы возились с нашими новыми друзьями, замышлявшими поправить допущенные мной архитектурные просчеты, мне пришла в голову пара интересных идей. Пришла именно благодаря им. Как говорится — нет худа без добра.

— Вот сейчас и расскажешь, — одобрительно кивнула Илиана. — Только давайте сначала сделаем перерыв на час. У меня же явно не одной пересохло в горле, да и в животе как-то уныло. Вон Жозефина с Каролайной уже который раз втихаря фляжкой обмениваются…

Небольшая передышка после нервотрепки и продолжительной возни с Манипуляторами пошла всем на пользу. В зоне отдыха для гостей накрыли великолепный стол, уставленный отличной снедью и освежающими напитками. Ведьмы и чародейки с удовольствием отдавали должное рецептурам Эбби. Сам он, разумеется, ничего не готовил, поскольку банально не имел на это даже минутки — ему помогали молодые заклинательницы, стажировавшиеся в Фортумагуме. Они же передавали полученные знания в Альмирстал и Гексенсталь, где никто не возражал против такого приятного опыта. Потягивая изумительное питье и уплетая изысканные угощения, гости вовсю обсуждали последние события и особенно откровения Манипуляторов. Эх, скольких бед удалось бы избежать, попадись Баратис раньше! Впрочем, стараниями заклинательниц многие и так удалось предотвратить, хотя спасение

прелатов Верховного Собора целиком принадлежало императрице. Интересно, что там придумала ее светозарность, чтобы хорошенько встряхнуть клериков?..

А ее светозарность, тем временем, сопровождала Илиану, жевавшую что-то прямо на ходу. Пользуясь паузой, императрица отправилась к Конту-Фенеструму, где провела сеансы с вице-королевой и командованием восточного фронта. Сражение с векстрами протекало в привычном темпе. Новые полки Нируангмов, высадившиеся на северо-западном направлении, отбросили наступавшего врага на двадцать миль. На юго-западном рогатую нечисть успешно громили небесные форты, усиленные двумя новыми звеньями. Южное направление старательно окучивал ад-Сейдин, регулярно получая подкрепления. Тамошние демоны уже дважды попадали в котел, организованный войсками Красной саламандры. Хан Гийюр успешно маневрировал, постоянно держа врага в напряжении, но сейчас взял небольшую паузу, перегруппировывая армию. Он дожидался дю Бренталя. Его тяжелая кавалерия, отойдя за линию соприкосновения, спешно перевооружалась. Ей доставили новые доспехи, обещавшие стать еще прочнее и функциональнее, чем у Нируангмов. Первый эскадрон намеревался вступить в бой в течение ближайших суток, и вскоре станет ясно насколько эффективно новшество, созданное специально для этого рода войск. Если все пойдет по плану, каждый тяжело бронированный всадник превратится в высокомобильную стальную крепость, непробиваемую даже для ударов Опустошителей. Три тысячи таких железных монолитов при поддержке вспомогательных сил превратятся для демонов в сущий кошмар, врываясь на их позиции рассекающим скальпелем. Главный недостаток тяжелой кавалерии заключался в ее низкой маневренности. Всадникам ни в коем случае было нельзя увязать в стоячей схватке, так как все их ударное преимущество тут же сходило на нет. Однако до тех пор, пока они неслись могучим клином, остановить их обычным соединениям демонов было просто нечем. Если же выяснится, что теперь и Опустошители для стальной конницы не противник, рыцари дю Бренталя обретут возможность громить и рассеивать особо крупные отряды врага, идущие к передовой. Ведьмы и чародейки позаботились, чтобы лошади не подворачивали ноги в ямах и выбоинах, а снизу их не доставало пламя. На каждом тяжелом всаднике ныне лежало столько чар, сколько до появления Рубистеллы не имелось даже на служительницах Гексенхаммера. Закованные в броню рыцари скакали по изрытому взрывами полю как по ровной дороге, благодаря парящим заклятьям, совмещенным с заклинаниями левитации. Копья, которые они с легко-

стью направляли перед собой, весили как целое бревно, и в иных обстоятельствах оказались бы совершенно неподъемны. Ударная сила всадников умножалась на их колоссальную массу плюс воздействие мощных чар. Врываясь в строй врага, они расшвыривали его как кегли, кого калеча, а кого и вовсе сокрушая в труху. С новыми доспехами, если все пойдет по плану, могучие Опустошители станут для них не опаснее соломенных кукол.

Императрица осталась довольна услышанным. Она не витала в облаках, рассчитывая вот так запросто сладить с векстрами силой, но явные успехи позволяли выигрывать много дополнительного времени при минимальном ущербе. С того момента, как из Фортумагума потекли горы технических новинок, невосполнимые потери имперской армии снизились в десять раз. Сейчас люди за месяц теряли меньше людей, чем при сражении у восточной границы империи. Сражении, которому скоро исполнится год.

— Неплохо у тебя все организовано! — констатировала фея, слушавшая доклады во все уши. — Давно хотела тебе сказать. С учетом, в какие кратчайшие сроки тебе удалось создать крепкое государство — это и впрямь впечатляет.

Илиана зарделась. Дин'Юлемионе было с чем сравнивать, учитывая богатый опыт в Ардарианской империи, так что ее похвала дорогого стоила.

— Нам самим следует выразить тебе отдельную благодарность за помощь с Фортумагумом. Насколько мне известно, у фей такие подвиги не приняты. Черные колдуны имеют все основания жаловаться на твое чрезмерное вмешательство, — подал голос Ульм, не то действительно с признательностью, не то подтрунивая.

— Я помогала не столько людям, сколько моей Принцессе, — заметила фея, решив не поддаваться на провокации. — Это не одно и то же.

— На твоем месте я сделал бы точно так же. Но я охранял мою императрицу и не мог покинуть свой пост, отчего действительно благодарен тебе за участие, — сказал северянин.

Дин'Юлемиона бросила на него быстрый взгляд и убедилась, что воин говорит совершенно серьезно. Он, как обычно, вел странные речи, но они, опять же традиционно, звучали в духе искренней преданности. Лицо феи озарила лукавая улыбка.

— Н-ну, возможно мы найдем способ как-нибудь выразить твою благодарность более продуктивно. Ты знаешь, я отлично умею устраивать пикники — Иля не даст соврать! Даже в безжизненной пещере мне под силу создать цветущий садик с фонтанами, — сообщила она щебечущим голоском, зашуршав крылышками в поле видимости северянина.

— Обязательно поблагодарю — в этом ты можешь даже не сомневаться, — все тем же серьезным голосом ответил Ульм.
Дина, удивленно подняв бровь, потерла нос, соображая, что бы это значило. Об одном ли и том же они говорят?
— Вот смотрю я на вас двоих, и мне кажется, что вы только что не родственники, взявшиеся опекать хорошо знакомую им императрицу, которая для них в первую очередь Илиана, а потом уже ее величество! — вступил в разговор Эбби.
Фея звонко рассмеялась переливчатым звоном серебряных колокольчиков. Ульм смутился и отвел глаза, что случалось с ним крайне редко.
— По-моему эти двое найдут общий язык, — обратился чародей к императрице. — За них можно лишь порадоваться, чего, увы, никак не скажешь о нас. Ведь до сих пор никто так и не придумал, как укрыть тебя от чутья демонов в преисподней. Если ты и впрямь станешь там сиять как маяк, наша экспедиция обречена на провал! Ее светозарность пугала нас половиной тамошних обитателей, но по мне так будет достаточно одного Арферона. А он непременно явится, едва ему доложат о появлении Принцессы Крови!
— Он прав! — тут же озаботилась Дин'Юлемиона, прекратив строить глазки Ульму. — По правде говоря, хватит любого из предводителей векстров. То есть, по-вашему, архидемонов. В преисподней я уже не смогу защитить Илиану ни от кого из них, ибо они будут у себя дома на пике могущества, а я там птица, мягко говоря, залетная. Меня они убить все равно не смогут, но…
Голос феи прервался, но все и так было понятно. Вся компания тут же помрачнела, обдумывая суровую действительность. Вся, кроме Ульма.
— Я бы на сей счет не переживал, — заметил он. — Одна голова хорошо, а вон сколько их сейчас в Фортумагуме! Помяните мое слово: день-другой — и кого-нибудь обязательно озарит удачная идея!
— Меня поражает твоя уверенность в благополучном исходе, — помолчав, заметила Илиана, внимательно посмотрев на Ульма. — Но еще больше меня поражает, что ты каждый раз оказываешься прав, — добавила она, мерцая сиреневыми глазами. — Таким образом, пожалуй, я бы поставила целое состояние, что так произойдет и теперь.
— Если он окажется прав, то я выпью за его здоровье целую бочку нектара! — заявила Дин'Юлемиона, озорно подмигнув северянину.

Вероятно, на сей раз все-таки Ульм перестарался с оптимистичными прогнозами. Сколько вся компания не билась над ре-

шением головоломки, а никто так и не придумал сколь-нибудь действенного метода. А ведь в Фортумагум съехались очень толковые заклинательницы, включая Жозефину, Арадору и Каролайну, и это уже не говоря о Верторие ван Граасе и самой настоящей фее. Заботивший всех вопрос уже передали ученым специалистам Альмирстала и Гексенсталя. В Запретном чертоге над обозначенной проблемой ломали голову ничуть не меньше, чем в подземельях Абериджа. Увы, время шло, а торчать в Фортумагуме бесконечно долго Илиана не могла. За время ее и так затянувшегося визита удалось обсудить и наметить практически все, кроме этого единственного пункта. Что ж, поразмышлять над ним каждый сможет на досуге сам, а пока следовало покинуть гостеприимные своды. Своды, некогда служившие логовом одним из самых ужасных демонологов в истории, а теперь ставшие еще одной цитаделью в противостоянии с векстрами.

Уже стоя на платформе у дожидавшегося ее поезда, Илиана на прощание обняла Эбби. Чародей, не жалея себя, столько всего сделал для империи, что заслуживал прижизненного памятника. Даже небольшая оплошность с подкопом Манипуляторов объяснялась его чрезмерной загрузкой на общее благо.

— А, право, не стоит, — сказал Эбби, выслушав теплые слова императрицы, но по всему было видно, что они ему очень приятны. — Кстати, мы тут с Уной приготовили для тебя один пустячок.

Означенная ведьма, стоявшая рядом с ним, вместе со многими другими оставалась в Фортумагуме — готовить предстоящую экспедицию. Копаясь в Сунастийских закромах колдовского подземелья, она наткнулась на любопытную вещицу и показала ее Эбби. Тот, изучив предмет, отметил его значительную ценность. Недолго думая, ведьма и чародей решили подарить находку Илиане. Уна, конечно, была бы не прочь оставить вещицу себе, но признательность к императрице оказалась выше собственных желаний. В небольшом ларчике, выложенном изнутри зеленым бархатом, лежали алмазные серьги в платиновой оправе. Каждая состояла из цельного грушевидного алмаза в десять карат, обладавшего идеальной чистотой с полным отсутствием цвета. Такие обычно называются камнями чистой воды. У императрицы, учитывая ее возможности и статус, хватало различных драгоценностей. На их фоне алмазы в десять карат не казались особо значительными, как и сами серьги чем-то выдающимся. Тем не менее, у них было целых два уникальных достоинства. Камни обретали окраску в зависимости от цвета вещества, которым к ним прикасались. Тронь их красным кораллом — и они станут алыми. Проведи по искрящейся поверхности зеленым листом — и каждый алмаз сам обретет изумрудный

оттенок. На тело владельца серьги не реагировали — только на стороннее прикосновение. Удивительный эффект позволял придавать украшению любую желаемую окраску, что выгодно отличало его от остальных. Однако это был лишь вторичный эффект основного свойства драгоценности. Серьги заметно нагревались, если рядом находился человек, обладавший чародейским даром, и холодели возле кого-то из колдовских существ. Даже если владелец их не видел. Причем если и тот и другой оказывались неподалеку одновременно, серьги распределяли индикацию, становясь одна горячее, а другая холоднее. Фактически, украшение являлось детектором колдовского присутствия, удачно замаскированным под ювелирное изделие. Эбби приходилось обращаться с такими штуковинами, называвшимися Теалоскоп, но он никогда не видел их в виде драгоценности. Каким образом серьги очутились в закромах Ормунделла, и кто их вообще изготовил — оставалось только гадать. Может чародей собирался их кому-нибудь подарить, а может сам получил в качестве подношения — кто ж его теперь знает. В любом случае, Эбби был очень удивлен находке Уны, рассказав ведьме какую уникальную вещь она откопала. Тогда же, посовещавшись, оба решили вручить серьги Принцессе Крови, не умевшей самостоятельно определять наличие колдовских существ. Людей-то она читала вместе с их сущностью, а вот создания иной природы вроде горгулий и кронусов оставались недоступны для ее взора.

Илиана, когда ей объяснили суть подарка, оценила его по достоинству. По нынешним временам ни ведьмы, ни чародейки, ни даже сам Верторий ван Граас до сих пор не могли изготовить для нее ничего подобного. Компасы Манипуляторов, отслеживавшие источники колдовской силы, работали по отдаленно схожему принципу, но только по отдаленно и только по схожему. Теалоскоп представлялся огромной ценностью без всякого учета составлявших его алмазов, а искусное выполнение в виде серег как раз отлично подходило для императрицы. Он, правда, не показывал направление, зато обладал немалым радиусом действия.

— Как мило! Спасибо, дорогая! — сказала императрица, обнимая Уну, нашедшую эту чрезвычайно полезную вещь и не присвоившую ее себе.

На последнее, кстати, ведьма имела полное право, так как все исследователи Фортумагума в качестве поощрения могли претендовать на часть находок.

— Ах, это такая мелочь в сравнении с тем, что ты для меня сделала. Я никогда не забуду твоего покровительства, — тихо отозвалась зеленоглазая ведьма.

Открыв свою изящную сумочку, Илиана собралась убрать туда подарок, и под ее пальцами что-то зашуршало. Удивившись, она заглянула внутрь и вытащила лежавший сверху листок бумаги. Брови императрицы поползли вверх. Развернув его, она пробежала взором содержавшиеся там строки, выведенные четкими крупными буквами несколько необычного шрифта. Затем, вконец изумившись, прочла их вслух:
— Три контура жизни могут скрыть истинную сущность создания света: цветения, воды и звездного луча. Семиалостапилона, собранная вокруг живого существа, сделает его непроницаемым для враждебного взора.
— Как ты сказала?! — ахнула Дин'Юлемиона, от волнения аж схватив Илиану за руку.
— Тут так написано, — ответила та, показывая ей бумагу.
Фея, выхватив документ, впилась в него глазами. Для такой крошки он казался великоват, но ее светозарность без труда подняла бы и целую тонну.
— Откуда ты это взяла?! — в величайшем смятении воскликнула Дина, убедившись, что ей ничуть не мерещится.
— Из моей сумочки. Я вообще понятия не имею как эта бумага там оказалась, — пояснила Илиана, изумленная ошарашенным видом наставницы. — А что?
— Семиалостапилона! Так называется одна из главных способностей фей. Способность воплощать жизнь! Способность, которой мы пользуемся, создавая ручьи на камнях и сады в пустыне! Так она называется на НАШЕМ языке! На языке детей света! — звенел голосок аж засветившейся от волнения Дин'Юлемионы. — Кто, кроме меня, вообще может об этом знать?!
Все, кто стоял на платформе — провожавшие и уезжавшие — озадаченно переглянулись.
— Семиалос… как? — попыталась выговорить Сирелина длинное и непривычное уху слово.
Но фея уже не слушала, приступив к деятельному допросу. Схватив Эбби за воротник, она потребовала признаться, откуда ему сие известно. Чародей, опешив, сообщил, что он здесь вообще не при чем и слышит о содержании записки впервые.
— Он не лжет, — отозвалась Илиана на вопрошающий взгляд феи.
— Дина, погоди, я…
— Но больше некому! — воскликнула Дин'Юлемиона, озабоченно оглядывая окружающих. — Больше просто некому! Хотя…
Подлетев к Ульму, она зависла перед его лицом, уставив ручки в бока.
— Скажи-ка, милок, не ты ли приложил к этому лапу? — осведо-

милась она, выразительно прищуриваясь.
— Ну понятно — чуть что, сразу Ульм, — вздохнул северянин. — Странно, что меня еще не заподозрили в создании Абериджа. Или Данерхейма.
— А кто давеча уверял, что все образуется? — допытывалась фея. — И вот вам, пожалуйста! Подано только что не на тарелочке!
— Я что-то не пойму: ты расстроена или нет? — в свою очередь удивился воин. — Если то, что там написано — правда, тогда разве это не хорошо?
— Я не знаю, — запнувшись, ответила Дин'Юлемиона. — То есть, я понятия не имею, сработает это или нет — ничего подобного мне прежде делать не приходилось. Меня поражает сам факт чьей-то осведомленности. Ведь про Семиалостапилону я не рассказывала даже Илиане! Не потому, что не хотела, а потому что тогда она была слишком маленькая, а теперь мне было, мягко говоря, не до этого. В общем, если это не ты, то кто? Кто подложил эту записку императрице?! Признавайтесь!
— Да никто! — воскликнула вдруг Илиана.
Фея, застыв в воздухе, с изумлением воззрилась на воспитанницу.
— Я пользовалась сумочкой четверть часа назад — никакой бумаги там не было! — пояснила императрица, вновь оказавшись в центре внимания. — А с тех пор к ней никто не прикасался.
Не поверить своей принцессе Дин'Юлемиона просто не могла. Оставив Ульма в покое, она подлетела к девушке и попыталась восстановить ход событий, спрашивая, кто дотрагивался до ее вещей. Тут, однако, императрицу единогласно поддержала охрана. Она с нее традиционно глаз не сводила, поэтому вероятность того, что кто-то сунул ее величеству какой-то предмет в карман или сумку просто исключалась.
— Но тогда я ничего не понимаю, — растерянно пробормотала фея, озадаченно почесывая в затылке. — Знать такие вещи может только кто-то очень осведомленный. Осведомленный настолько, что ему известны некоторые тайны мироздания.
— Вот тебе и ответ на твой вопрос, — негромко произнес Эбби. — Среди нас таких просто нет. Если в этом послании действительно содержится ответ, как укрыть Принцессу Крови от демонов в преисподней, значит, нам помог кто-то настолько могущественный, что мы ему и в подметки не годимся. Кто-то, кто предпочел сохранить инкогнито, и кому по силам подложить материальный лист бумаги в сумочку императрицы.
— И кто-то, кто все-таки может быть среди нас! — выразительно заметила Уна.
Присутствующие переглянулись так, будто видели друг друга

впервые. Не настороженно или с опаской — нет. Неведомый доброжелатель явно был союзником. Другое дело, кто он, и какими еще возможностями обладал.

Императорский поезд все-таки уехал, хотя Дин'Юлемиону подмывало остаться и распутать эту поразительную детективную историю. На отъезде настояла Илиана, поскольку дела в империи требовали ее безотлагательного присутствия. На прощание Эбби пообещал фее сохранить секрет, приняв для этого все необходимые меры. На платформе присутствовали только самые доверенные лица, поэтому на их счет беспокоиться не следовало. В целом, даже если содержание записки узнает весь внешний мир, это ничего никому не даст и ничего не изменит. Просто Дин'Юлемиона не хотела, чтобы жизнь и умения фей стали достоянием общественности. Чем меньше люди знают того, что их не касается — тем лучше. Все свидетели небольшого инцидента принесли клятву молчания, и Эбби пообещал зафиксировать ее документально. Немного успокоившись, Дина порхнула в вагон вслед за императрицей и вскоре они обе уже взмывали в небо на воздушной платформе.

— Знаешь, что в этом особенно меня удивляет? — протянула, глядя в смотровое окно, фея.

Они с Илианой устроились подле большого проема, где можно было наблюдать проплывавшие внизу достопримечательности. Императрица уже вовсю занималась поступившими ей документами, а Дин'Юлемиона все еще раздумывала над волнующим происшествием.

— Что? — подняла голову Илиана, оторвавшись от вороха государственных дел.

— Семиалостапилона. Именно это я собираюсь использовать, чтобы произвести впечатление на ваших клериков. Ты, наверное, помнишь, как я проделывала такие штучки, когда ты была маленькой? Они вызывали у людей восторг даже во времена Ардарианской империи. В день своего прибытия во дворец я сотворила для тебя маленькие чудеса, когда ты лежала на руках у отца на вершине башни. Бабочки, правда, были не настоящие, зато все остальное я создала без всякого обмана.

— Так это действительно была ты? Я видела это в Последнем Приюте, — улыбнулась Илиана, чей взор затуманили прекрасные, но грустные воспоминания.

— Да. Такое под силу только детям света — создавать живую материю практически из ничего. Даже самые могущественные чародейки Великого Архипелага не были способны мгновенно воплощать незримую энергию в живые клетки, — вполголоса уточнила

фея.
— А векстры? — подумав, спросила императрица.
— Нашла время вспомнить, — проворчала Дин'Юлемиона. — Да, эти твари тоже во многом преуспели, и особенно в том, что касается плоти. Попробую тебе объяснить покороче… Мы, дети света, создаем физические оболочки, но от них не зависим. Для векстров же это краеугольный камень. Мы выращиваем растения и цветы, потому что это прекрасно. Они воплощают груды извращенного мяса исключительно для собственных нужд. Жизнь, которую создаем мы, рождается из ничего и приходит к совершенству сознания. Векстры всю дорогу совершенствуют плоть, заключая свой бессмертный дух в оковы материи.
— Не уверена, что все поняла, — протянула, подумав, Илиана.
— Это долгий разговор. Раньше ты была еще слишком маленькой, чтобы я пичкала тебя историей взаимоотношений самых могущественных сущностей во вселенной. Теперь ты выросла и вскоре мы к нему вернемся, — пояснила фея. — Скажу лишь, что мое грядущее представление векстрам повторить не дано, и это сознают даже ваши клерики. Если они так фанатично поклоняются своим догмам о свете, им придется признать очевидную истину.
— А что насчет меня и Семиалостапилоны? — напомнила императрица.
— Сразу, как только вернемся из Тьерсоля, — ответила Дина. — Мне самой не терпится поскорее узнать, прав наш таинственный советчик или нет. К счастью, у нас есть тот, на ком я опробую сведения из записки.
— Если честно, я вообще не поняла ее содержание. Не похоже на рецепт заклятья, — пожала плечами Илиана. — Какая-то, простите, ерунда. В духе: возьмите горсть звездной пыли, смешайте ее с блеском лунной дорожки…
— В этом и состоит основная загадка. Никто из вас не понял, да и не мог! — усмехнулась фея. — Содержимое записки явно было адресовано мне, ибо только я знала, о чем там речь, и только я способна воплотить указанные контуры жизни. Оттого я и ума не приложу, КТО может быть настолько осведомлен?! Будь мы в прежние времена во дворце твоих родителей, я бы не так удивилась, но сейчас…
— А если кто-то сходил в Последний Приют и принес оттуда эти сведения? Сходил самовольно и вернулся, а инкогнито сохраняет чтобы ему не попало. Такое возможно? — предположила Илиана.
— Ну, в общем, да, — подумав, отозвалась Дин'Юлемиона. — Пожалуй, ты права. Либо кто-то там недавно побывал, либо бывал прежде.

Обе — наставница и воспитанница, — тут же вспомнили Сирелину, отправившуюся в заповедный край вслед за императрицей. А не эта ли чародейка узнала гораздо больше, чем успела сообщить? Но почему тогда она сразу не сказала? Не в духе Сирелины утаивать жизненно важные сведения. Нет, здесь что-то не клеилось. Эбби? Да, талим Сунастийских пределов вполне способен на любые сюрпризы, но его изумление было слишком искренним, что однозначно подтверждали чувства Принцессы Крови. Оставался еще Ульм, которого Илиана и Дин'Юлемиона наблюдали в Последнем Приюте как живого. Увы, воин за все время отсутствия императрицы не покидал Талару, так что его железобетонное алиби перечеркивало любые подозрения.
— Ничего, вот вытащу его на пикничок — я уж позабочусь, чтобы вытянуть из твоего верного стража все тайны, — сообщила, возвращаясь к игривому настрою, фея.
Однако она и сама уже не верила, что к записке приложил руку кто-то из простых людей. Бумага с загадочным посланием до сих пор покоилась в сумочке императрицы и буквы на ней никуда не делись. Это была обычная бумага с обычными чернилами. Если исключить какой-нибудь чрезвычайно хитрый фокус, то никто из ныне живущих не обладал способностью материализовать объекты из воздуха.

* * *

Дин'Юлемиона ничуть не преувеличивала, когда говорила, что ей удастся впечатлить клериков. Конечно, для пущего эффекта потребовалась небольшая подготовка и грамотно обставленный выход на сцену, но за этим дело не стало. У Илианы имелась подходящая кандидатура, способная обеспечить сцену и зрителей. Кандидатура, обладавшая достаточной надежностью и влиянием, чтобы блестяще выполнить порученную задачу, и при этом поддерживавшая с ней тесное сотрудничество. Мероприятие в Верховном Соборе организовал Литореус. Императрица вместе с Диной, до поры маскировавшейся под чародейку, навестили прелата в его тьерсольской резиденции. Сначала тот откровенно не поверил в преподнесенную ему историю с феей, полагая, что это какой-то розыгрыш. Тогда Дин'Юлемиона предстала перед ним в истинном виде и продемонстрировала кое-что из своих способностей. Она не слишком усердствовала, приберегая масштабные чары для главного действа, но и того, что она явила влиятельному клерику хватило с лихвой. Когда Литореус пришел в себя, он был поражен в самое сердце. Бухнувшись на колени, клерик протянул

руки к ее светозарности, мечтая облобызать чудодейственную длань; прикоснуться к этому сверхъестественному существу, олицетворявшему живое воплощение Света. Дина, прозорливо не отказав прелату в такой малости, тут же заметила, что настоящее чудо здесь Принцесса Крови. Та, чья воля побеждает даже демонов и кому помогают такие как фея. А если уж ей помогают такие как фея, значит, клерики просто обязаны безоговорочно делать то же самое, если их догмы чего-то стоят. Литореус проявил величайшую понятливость и тут же поклялся Рубистелле в безоговорочной преданности. Императрица милостиво приняла его клятву и сразу изложила свое дело. Прелат, выслушав замысел Дин'Юлемионы, горячо его одобрил и убежал организовать все необходимое, перепрыгивая через три ступеньки.

Фея постаралась на славу, припомнив былые деньки. Присутствие Илианы, чей внутренний свет поддерживал в Дине необходимый уровень силы, позволило провести все представление в лучшем виде и довести его до конца. Обычно феи не прибегали к театральным эффектам, но то был случай особый. На глазах пораженных прелатов весь комплекс Верховного Собора преображался как в ожившей сказке. То, чем Дин'Юлемиона впечатлила Литореуса, было лишь малой частью конечного замысла. От крошечного создания, легко порхавшего в воздухе, текли сияющие потоки света. Текли и как от звезды, и как рукава реки, плавно овевая окружающееся пространство физически невозможными изгибами. Ведь свет распространяется только по прямой, и изгибаться не может! У феи мог. И везде, где он касался какой-либо поверхности, пробегая хоть по железу, хоть по камню, немедленно возникала жизнь. Возникала из ниоткуда, расцветая как в волшебном сне, только сон происходил в реальности. Плавно взмахивая руками, фея словно дирижировала невидимым оркестром, и этот оркестр вместо мелодичной музыки создавал нечто поистине неописуемое. На мраморных полах, нарастая слоем плодородной почвы, появлялся газон из густой травы, где распускались изумительной красоты цветы. Бесплодный и холодный камень прямо на глазах превращался в прекрасный оазис. Деревья, проклюнувшись из крошечных ростков, в какие-то кратчайшие сроки поднимались к потолку, шумя под ним пышными кронами. Их стволы не содержали ни единого изъяна и при этом распространяли чудесный запах свежей смолы. Вокруг них, усеянные плодами, теснились заросли кустов, выступившие из травяного ковра как грибы после дождя. Сами же грибы в изобилии виднелись там и тут, красуясь шляпками всех мастей. Колонны обвили заросли растений, усеянных сложными соцветиями. Прожилки мрамора, испещрявшие гладко

полированные поверхности, покрыло сплетение зелени, перемежавшейся разноцветными лепестками. Шелест листьев смешивался с шуршанием хвои. Колыхавшиеся чашечки цветов испускали восхитительный аромат. Весь комплекс Верховного Собора залило пьянящее благоухание. Растительное изобилие в какие-то минуты превратило огромное возведенное людьми здание в полноценную рощу, наполненную таинственно витавшими огоньками. Клерики, дрожа от благоговейного восторга, прикасались к древесным стволам, дотрагивались до сочных листьев, приближали лица к головкам цветов. Под ногами колыхалась всамделишная трава, а где-то ноги утопали в мягком мху. И все это великолепие не имело ничего общего с иллюзией или колдовскими садами, искусно наводимыми чародейками. Роща была НАСТОЯЩЕЙ! Она взялась из ниоткуда и теперь кружила голову своим удивительным сочетанием запахов и красок, формы и чисто природного совершенства. Впрочем, не совсем из ниоткуда. Ее создало это крошечное, порхавшее над землей существо, испускавшее волны животворного света. Света, создававшего все из ничего. Промеж листьев, среди стебельков и веточек сверкнули алмазные капли. Под сводами собора прямо в пустоте образовывались тысячи галлонов воды. Нет, десятки тысяч! И вот они уже плеснулись среди зелени в виде прудов, покрытых лилиями и кувшинками. У древесных корней, протянувшихся там, где еще недавно был безжизненный камень, зажурчали ручьи. Влага, оседая на листья маленькими росинками, наполнила воздух приятной свежестью. В центральном дворе собора, среди тамошних стократно разросшихся насаждений, ударил фонтан высотой в несколько этажей. И все это — пруды, ручьи и столб воды также не имели никакого отношения к наваждению. Каждый ручей питал естественный ключ из земных пластов, и оттуда же под давлением появилась струя фонтана. Дин'Юлемиона не собиралась затопить сооружение клериков, поэтому прозорливо отвела всю воду небольшой речушкой, вливавшейся в канал уже имевшийся неподалеку от здания. Происходящее в Верховном Соборе было не под силу даже всем чародейкам вместе взятым. Они, конечно, могли постепенно создать нечто подобное, но уж точно не наколдовать настоящее озеро и не управлять водоносными пластами земли мановением пальцев. Наколдовать раз и навсегда, чтобы ручьи текли совершенно самостоятельно, фонтан вздымался без посторонней помощи, а роща — живая и абсолютно реальная — цвела и радовала глаз сама по себе. Повинуясь зову феи, в собор налетели певчие птицы, а над цветами запорхали многочисленные бабочки. Многоголосый переливчатый щебет эхом отражался от стен и уносился в анфилады заросших зеленью комнат.

Крылья бабочек прямо-таки светились в вездесущих огоньках, плававших среди развернувшегося чуда природы.

Прелаты, пребывая в абсолютном экстазе, последовали недавнему примеру Литореуса — они пали на колени, сраженные явлением сверхъестественного существа, олицетворявшего всемогущую силу Света. Дин'Юлемиона, доведя клериков до восторженного исступления, немедленно взяла быка за рога. Сначала она сообщила, что все ей созданное пробудет в стенах Верховного Собора ровно столько, сколько захотят сами клерики. Роща и ручьи требуют лишь обычного бережного обращения, как и вся живая природа. Затем фея наколдовала белоснежное ступенчатое облачко и возвела на него Илиану, явив ее в лучах ослепительной звезды. Под сводами собора хрустальными переливами зазвенели слова заранее подготовленной речи. В ней Дин'Юлемиона обстоятельно представила императрицу Рубистеллу как Принцессу Крови — носителя первозданного света, кого защищают сами феи, и чей род насчитывает сотни тысяч лет, уходя корнями в глубокую древность. Клерикам следует признать ее воспитанницу дочерью света, каковыми в меньшей степени также являются чародейки, происходящие от фей по прямой линии. И если дочери света сражаются с демонами, то святая обязанность клериков безоговорочно им помогать, иначе их идеалы и догмы ничего не стоят. Если сейчас они все плечом к плечу не выступят на стороне света, значит, они служат чему-то совсем другому.

Проникновенная речь Дин'Юлемионы, отлично построенная на состоявшемся представлении, произвела задуманный ей эффект. Прелаты Верховного Собора, не сходя с места, единогласно объявили Рубистеллу своей императрицей и поклялись защищать ее от всех нападок исчадий преисподней. Под светом очей ее светозарности они незамедлительно составили соответствующий документ и все до одного начертали под ним свои подписи. Что же касалось созданной феей рощи, то она тут же была объявлена священной. Отныне Верховный Собор станет беречь свой новый облик, благословенный столь удивительным существом, как зеницу ока.

Клерикам наконец-то открылась истина, отчего чародейки обладали столь непостижимыми природными качествами, от долголетия до обращения со светом. Родство с такими существами как феи все лучшим образом объясняло в полном соответствии с имеющимися догмами. Сама суть чародеек носила на себе печать высших существ, и это возносило их на небывалую высоту, недоступную простым смертным. Дин'Юлемиона, наблюдая произведенное впечатление, уже начинала подумывать, не перестаралась

ли она с психологическим воздействием. К счастью, благоговейный экстаз прелатов довольно быстро перешел в практичное русло. По предложению Литореуса и с общего согласия Принцесса Крови и ее светозарность возглавили экстренное заседание Верховного Собора, немедленно проведенное в новоявленной роще.

Прелаты составили послание Альмирсталу, где клялись в вечной преданности, называя чародеек своими старшими сестрами. Они выражали желание немедленно вступить с ними в союз без всяких дополнительных условий и сообщали, что уже присягнули на верность ее императорскому величеству. Также прелаты запросили у Принцессы Крови свое отдельное здание в правительственном квартале Тал-Амина для удобства координации с силами и задачами империи, на что тут же получили ее разрешение. Следующим шагом они составили приказ по всем Соборам. В нем объявлялась священная война атаковавшим империю демонам. Соборам предписывалось подготовить списки личного состава для грядущей отправки на фронт. Все подразделения клериков поступят в полное распоряжение императрицы, которая станет командовать ими по своему усмотрению. Затем прелаты подписали воззвание ко всем суверенам Запада, на которых имели влияние. В нем они призывали немедленно отвергнуть любые сомнения и вступить в союз с Рубистеллой, помогая ей всеми возможными способами. Воззвание тут же отправили с полномочными представителями Верховного Собора, чтобы те лично и без проволочек склонили правителей к подписанию исторических соглашений. По самым скромным подсчетам, это обеспечит императрице полную поддержку не менее чем пяти стран и предоставит ей миллионную армию союзников.

Дин'Юлемиона, улучив момент, напомнила прелатам, что у Принцессы Крови есть верные союзники не только среди чародеек. Ведьмы и колдуны, не совращенные черными делами, имеют такое же право на место подле ее престола, как и все остальные. Прелаты, внимая каждому слову феи, приняли ее предложение единогласно. Соответствующий билль был тут же составлен, подписан и разослан по всем Соборам. Отныне ни одна ведьма или колдун не осуждались без одобрения из Тал-Амина, и само по себе использование каких-либо заклинаний очевидно не демонической природы не являлось преступлением. Следуя воле создания чистого Света, Верховный Собор объявлял вековую вражду с колдунами Запада законченной и с этого дня официально не считал каждую ведьму средоточием зла.

Дегонис, должно быть, рвал и метал, когда узнал какого невиданного прогресса достигли Принцесса Крови и Дин'Юлемиона

всего за сутки. Баратис, провалив уничтожение верхушки клериков, так и не сумел погрузить Запад в кровавый хаос междоусобной войны. Он не преуспел совсем чуть-чуть, но в таких делах этого чуть-чуть вполне достаточно, чтобы остаться с носом. Вместо того чтобы заставить Принцессу Крови воевать на два фронта, теперь приходилось констатировать начавшееся объединение людей. Прелаты безоговорочно признали верховенство императрицы и ее светозарности, и составляли один исторический документ за другим. Союз Гелиондары и Пардионики семимильными шагами воплощался во Вторую Ардарианскую империю.

Талара, получив срочную весть от Илианы, в свою очередь достигла впечатляющих результатов. Колдуны Запада доверяли ей в полной мере, находя в лице вице-королевы заступницу и опору. Не теряя ни минуты, Талара взяла их в оборот. Мехисфен и предводители кланов, ознакомившись с ее экстренным посланием, тут же подписали аналогичный документ. Они в полной мере признавали власть императрицы и становились под ее начало, объявляли официальный союз с Альмирсталом, Гексенсталем и… с клериками. Верховный Собор еще не закончил заседание во главе с Принцессой Крови и ее светозарной покровительницей, как от колдовских кланов пришла соответствующая бумага. Прелаты, посовещавшись, приняли их предложение с одной лишь оговоркой — союз длится до тех пор, пока и те и другие служат империи Рубистеллы. Колдуны, ознакомившись с ответом, тут же согласились на поставленное условие. Тогда же все стороны договорились о торжественном подписании единого союзного документа в Тал-Амине. Когда забрезжил новый день, лучи восходящего солнца озарили многочисленные синие стяги с алой звездой в белом окаймлении. Эти стяги взвились над всеми Соборами, а также хорошо известными своей принадлежностью поместьями и особняками. Вся Пардионика узнала, что клерики и колдуны прекратили тысячелетнюю вражду и единодушно вступили под знамена императрицы Рубистеллы.

После столь потрясающей демонстрации того, что как раз и именовалось Семиалостапилона, фея отсыпалась под бдительной опекой Принцессы Крови. Завалившись на пушистое облачко, неотступно следовавшее за императрицей, ее светозарность сладко почивала, раскинув миниатюрные ручки и ножки. Она хорошенько потрудилась на общее благо, и теперь ее было не разбудить даже из пушек. Даже из тех, что поступили на вооружение новой небесной крепости, направлявшейся на фронт передать рогатым тварям привет из Альмирстала. Илиана, непрерывно занятая каким-нибудь делом, не беспокоила свою покровительницу и другим

этого не позволяла. Дин'Юлемионе предстояло еще одно важное свершение, от которого, вероятно, зависела судьба предстоящей экспедиции в логово врага. Императрица до сих пор не знала, что означает разложенная на составляющие Семиалостапилона, но это знала фея, и ей требовалось восстановить силы, чтобы опробовать совет неизвестного доброжелателя.

При эксперименте присутствовало лишь несколько самых близких Илиане людей, находившихся в тот момент в Тал-Амине. Изнывавшая от любопытства Талара ходила за Илианой хвостом. Вице-королева поднабралась степенности за время единоличного правления, но ее как водой смывало, когда речь заходила о приключениях. Она не присутствовала на собрании в Фортумагуме, замещая императрицу в Тал-Амине, но у подруг не было друг от друга секретов. Уяснив все обстоятельства дела, Талара вихрем принеслась на зов и теперь сгорала от нетерпения, желая узреть чудеса феи. Последние, кстати, сотворенные в Верховном Соборе, чародейки из охраны императрицы записали в Кристалл Памяти и распределили копии по всем основным архивам. Талара уже несколько раз пересматривала оживающую картинку и сокрушалась, что снова пропустила все самое интересное. Тут ее можно было понять: когда еще увидишь, как фея создает тенистую рощу из ничего? Соответственно, вице-королева не собиралась пропускать эксперимент, обещавший стать очень занимательным.

Также в покоях Илианы присутствовала Сирелина, а где была она, там был и Бэйл. Чародейка о чем-то шепталась с Дин'Юлемионой, а гладиатор традиционно составлял компанию Ульму. Северянин окончательно стал постоянным спутником императрицы, поэтому его невозмутимой физиономии, находившейся подле ее величества всегда и везде, давно уже никто не удивлялся. Судя по приглушенным репликам, Бэйл рассказывал Ульму про успехи тяжелой кавалерии дю Бренталя. Бронированные рыцари, прикрываемые с воздуха соединениями заклинательниц, расстроили наступление демонов на южном направлении. Ад-Сейдин, пользуясь возникшей неразберихой в позициях врага, наносил ему удар за ударом. Прогнозы по части новой амуниции оправдались наилучшим образом. Могучая конница сносила Опустошителей как манекены на тренировочном поле, оставаясь для рогатых тварей непробиваемой. Теперь демонам приходилось выстраивать серьезные заслоны, чтобы остановить налеты быстро передвигавшихся стальных крепостей. Ульм, слушая Бэйла, вставлял короткие комментарии, показывавшие его глубокую осведомленность в сути вопроса.

Арадора в основном помалкивала, слушая щебетание феи.

Выкроив несколько часов из напряженного графика, она выразила желание присутствовать при критически важном опыте. Само собой, ей никто не отказал. Умная и рассудительная наставница Сирелины всегда была желанным гостем во дворце Рубистеллы. Она и прежде, входя в Совет Альмирстала, оказывала непоседливой подопечной и ее юной воспитаннице всяческую помощь. Теперь, когда подопечная стала одной из самых влиятельных чародеек в мире, а ее воспитанница — великой императрицей, Арадора оставалась их верным другом и помощником. В нынешнем Высшем Совете, преобразованном из прежнего Совета ввиду структурных изменений, она продолжала блюсти интересы своих близких людей, с некоторых пор ставшие интересами мирового масштаба. В Тал-Амине Арадора представляла Альмирстал, а в Альмирстале Тал-Амин, и отлично справлялась с ролью такого связующего звена.

Дин'Юлемиона предупредила собравшихся, что особо зрелищного шоу не получится. Ей ведь не оазис в песках разбивать и не пускать водопад среди пустынных скал. Фею засыпали вопросами, но она отвечала на них уклончиво, не вдаваясь в какие-либо подробности. Чего она дожидалась также было не совсем ясно, пока в просторную комнату не проникли лучи вставшего солнца. Проходя через окно, они наискось падали на пол, и фея, потянув Илиану за руку, поставила ее в косом столбе света, где кружили крохотные пылинки. На императрице было тончайшее платье, сотканное по велению Дины паучками-прядильщиками. Практически невесомое, оно спускалось вдоль фигуры девушки почти до пола. Никто не понимал, зачем Дин'Юлемиона переодела в него императрицу, пока не выяснилось, что платье служило всего лишь подложкой в предстоящем эксперименте. Взмахнув руками, фея закружила вокруг Илианы, шелестя стрекозиными крылышками. Она кружила все быстрее, быстрее и быстрее, пока не превратилась даже не в метеор, а размытое кольцо наподобие тех, что опоясывают планеты. Послышался тихий хрустальный звон. Солнечный луч, в котором стояла императрица, неожиданно пошел всеми цветами радуги. Разложившись на отчетливо видимый спектр, он развернулся эдаким павлиньим хвостом, состоявшим из насыщенного свечения. Илиана, памятуя наставления феи, не шевелилась, хотя ее подмывало окунуть руку в водившие хоровод разноцветные световые волны. В воздухе потянуло свежестью. Тихонько зажурчали невидимые струи, а затем, на глазах всех присутствующих, девушку опоясало еще одно широкое кольцо, состоящее из миллионов отдельных искрившихся капель. Фея воплотила воду, тут же загоревшуюся всеми цветами уже созданной ра-

дуги. Зрелище напоминало колдовскую сокровищницу, внезапно открывшуюся взору кладоискателя. Вероятно, так должна гореть гора драгоценных каменьев, окажись они в сиянии солнца. Кружившаяся вода еще набирала скорость, когда комнату наполнило благоухание неведомых ароматов. Тихий звон, издаваемый Диной, значительно усилился и теперь звучал так, будто кто-то нажимал в разных местах пространства клавиши музыкального инструмента. Эти незримые точки все множились и множились, и в какой-то момент в каждой из них стал распускаться цветок. Всего несколько секунд — и область возле Илианы наполнилась раскрывавшимися бутонами, подхваченными вихрями воды и радуги. Присутствующие заворожено следили, как императрицу окружили три широких потока, олицетворявших упомянутые в записке контуры жизни. Они все вертелись и вертелись, а затем, буквально в какой-то миг, стали меняться местами, проходя один сквозь другой. Это казалось совершенно невозможным, но это происходило. Теперь все три контура не только заключали Илиану в какую-то фантастическую круговерть, но и пульсировали взад-вперед, перемещаясь друг относительно друга. И вот один из контуров изменился. Стремительно сжавшись к телу девушки, он заключил ее в свои плотные объятия. Все выглядело так, будто она внезапно переоделась. Вместо светло-серого платья из паучьего шелка на ней красовался переливавшийся всем спектром наряд, закрывавший фигуру до самого пола и спускавшийся на лицо капюшоном. Никто не мог сказать какого он цвета, но гадали зрители недолго. Второй контур последовал примеру первого. Цветы уменьшились до размера булавочной головки и густо облепили императрицу, покрыв ее цветастое одеяние тончайшим слоем не менее неопределимого оттенка. Их чашечки никуда не исчезли. Просто теперь они лежали вплотную друг к другу, превратившись в часть наряда девушки.

Последним аккордом стала вода. Вот только что она журчала вокруг Илианы стремительным потоком и в какое-то мгновение приникла к ней плотной пеленой. Солнечный луч, бивший через окно в комнату, сместился в сторону. Радужное свечение угасло. Заморгав, зрители осознали, что Дин'Юлемиона прекратила свое вращение и, зависнув в воздухе, вдумчиво созерцала творение собственных рук. Илиана же стояла по-прежнему неподвижно, а всю ее фигуру скрывала голубая мантия. Скрывала полностью, пряча носки туфелек под подолом, кончики пальцев в длинных рукавах, а лицо под низко надвинутым на него капюшоном.

— Порядок, — удовлетворенно заключила Дин'Юлемиона. — Теперь кто хочет, подходите. Иля, можешь перестать изображать

статую.
Упрашивать себя никто не заставил. Илиана, обнажив голову, принялась с любопытством рассматривать свое новое одеяние. То же самое делали и остальные, подступившие к ней вплотную.
— Потрогайте, не бойтесь. Это не ткань, и порвать то, что вы видите никому из людей не под силу, — предложила улыбавшаяся фея.
— В смысле не ткань? — удивилась Талара, ощупывая тончайшую материю.
— В прямом. Это контуры жизни. Верхний слой мантии состоит из воды — она и придает ей голубой цвет. Нити сплетены из ее тончавших потоков, и каждая струится подобно крови в венах, — неторопливо объяснила Дин'Юлемиона. — Промежуточный — цветение. Он сплетен из настоящих цветов, рождающихся из жизни и предваряющих новую жизнь. Там уже нет нитей — все чашечки плотно сложились в единое целое. Наконец, самый нижний — это тот самый звездный луч. Ведь привычное вам солнце не что иное как звезда. Последний контур составляют ниточки всего спектра радуги, переливающиеся вблизи, но издали выглядящие как чистый белый свет. Нижний слой мантии соткан из звездного света.
— А почему именно в такой последовательности? — спросила потрясенная Сирелина.
— А почему небо голубое? — усмехнулась фея. — Животворящий свет, смешиваясь с водой, порождает радугу. Цвета радуги превращаются в цветы. Семиалостапилона в действии. Правда в данном случае она разложена на составляющие, как и было указано в записке.
— Поразительный опыт, — негромко произнесла глубоко впечатленная Арадора.
— Фантастика! — воскликнула довольная великолепным зрелищем вице-королева. — А ты говорила, что смотреть будет особо нечего! Кстати, нельзя ли мне обзавестись таким нарядом?
— И личной феей в придачу! — рассмеялась Дин'Юлемиона. — Тебе-то он зачем? Все эти сложности нужны лишь для одного — скрыть от векстров истинную сущность Принцессы Крови. В ином случае обычное платье, на мой взгляд, куда предпочтительнее. Хотя лично для меня известная прелесть в такой одежде, конечно, есть.
— Кстати о векстрах! — подала голос императрица. — Не пора ли навестить нашего рогатого приятеля?

Когда фея с Илианой вошли в узилище беса, остальные прилипли к смотровым окнам, тщательно замаскированным во внешней стене. Они слышали каждый звук, доносившийся изнутри, и

отлично видели происходящее. Демон, положив когтистые ноги на стену, полеживал на столе, лениво листая один из принесенных ему фолиантов. Кажется, он просматривал какие-то ученые труды с теориями об устройстве мира и откровенно потешался над невежеством людей, будто читал комедийный комикс. Когда обе посетительницы приблизились, бес снизошел до того, чтобы окинуть их неприветливым взором. Все оттенки пренебрежения тут же покинули его физиономию, когда он узнал Дин'Юлемиону. Та снова выглядела как чародейка, но на сей раз отнюдь не пыталась ввести врага в заблуждение. Просто так было удобнее для эксперимента.

— А, это ты, скалья, — произнес бес, в чьих глазах тут же полыхнули языки оранжевого пламени.

Природная ненависть боролась в нем со здравым смыслом. Последний победил, поэтому Зильбердрейнуаг-рен-Дег решил принять менее нахальную позу. Усевшись на край стола, он внимательно оглядел фею и ее спутницу.

— Рад, что ты заскочила. Поболтать зашла, али просто меня проведать? — осведомился демон. — Кого это ты притащила? Только не говори, что еще одну скалью — такое будет уж слишком.

— Ты разве не удивлен, что я пришла без Принцессы Крови? — невозмутимо поинтересовалась Дин'Юлемиона.

— С чего бы вдруг? Она же не всегда сопровождает тех, кто ко мне приходит. Я бы даже сказал, как раз обычно и НЕ сопровождает. Сюда же ко мне кто только не таскается, — пожал плечами бес. — Кстати, а чего у нее морда закрыта? Страшная, что ли? Так мне на это наплевать. Меня люди только как ресурсы интересуют.

Было нетрудно догадаться, что его реплика относилась к Илиане, полностью скрытой под мантией Семиалостапилоны. Сердце девушки, ловившей малейшие изменения в эмоциональном фоне беса, лихорадочно билось. Неужели и впрямь ничего не почуял?! Шаг за шагом она постепенно сокращала расстояние до демона, следуя за феей, и не замечала у него какой-либо подозрительной реакции. Похоже, тот пребывал в полнейшем неведении относительно компаньонки ненавистного создания света.

— Ты себя в зеркало видел? Это у тебя морда, жертва планетарной трансформации! — фыркнула Дин'Юлемиона. — Эта девушка — послушница. Одна из тех, кого я хочу лично обучить иметь дело с вашей братией. Будет кому вам рога отшибать!

— Уматывала бы ты к своим подружайкам, скалья, — кисло посоветовал бес. — Это не твоя война. Какое тебе дело до людей?

— Никакого. А вот до моей Принцессы — очень даже большое. Или уже забыл? — холодно произнесла фея. — Кстати, мне уже начи-

нает нравиться доставлять вашей замечательной компании массу неприятностей. Вы сожгли мои любимые рощи, так что за вами должок, который я собираюсь взыскать с хорошими процентами. А их набежало много, за столько-то лет!
Демон, скривившись, отпустил замысловатое проклятье. Илиана, замирая от нахлынувших на нее чувств, находилась в пятнадцати футах от ничего не подозревавшего врага и слушала, как тот препирается с феей. Ближе ей Дина подходить не велела. На всякий случай. Бес не должен раскрыть ее инкогнито, что может произойти при чрезмерном сближении. Ведь тогда его уже нельзя будет никуда отпускать никогда и ни при каких обстоятельствах. Еще не хватало, чтобы в преисподней узнали о действенной маскировке Принцессы Крови!

Скрывая истинную цель визита, фея занимала демона болтовней около двадцати минут. Императрица тихонько стояла рядом, не произнося ни звука, и не спускала с рогатого пленника внутреннего взора, изучая его как энтомолог насекомое. Ведь ей не то что низко надвинутый капюшон, а и бетонная стена была не помеха. Так Илиана смиренно и проторчала весь визит чуть позади Дин'Юлемионы, пока та разыгрывала с бесом целое представление.

Едва за ними захлопнулась дверь секретного узилища, замкнувшая его сложнейшей сетью заклинаний, императрица сдернула капюшон.
— Ну?! — выдохнула Сирелина, от волнения схватив ее за руки.
Остальные, подступив гурьбой, жадно ждали ответа. За все время наблюдения никто не заметил в поведении беса ничего вызывающего подозрения, но последнее слово оставалось за чутьем Принцессы Крови. Илиана заметила, что даже Дина, вернувшая облик озорной малышки, не спускает с нее пристального взора, не меньше прочих желая узнать, чем увенчались ее усилия с мантией.
— Кем бы ни был тот, кто оставил в моей сумочке записку, похоже, он оказался прав. Бес ничего не заметил, — сообщила обрадованная императрица.
Фея, испустив тихое восклицание, сделала в воздухе сальто, рассыпав шлейф золотистых искорок.
— Нужно немедленно отправить весть в Фортумагум! Можно назначать дату экспедиции, — деловито заявила Сирелина.
Все мысли бывшей странствующей сестры немедленно обратились к предстоящей эпической вылазке.
— Надеюсь, в преисподней защита сработает столь же надежно, как и здесь, — взяла себя в руки восторженно кувыркавшаяся Дина. — Впрочем, теперь я верю нашему таинственному доброже-

лателю. Тот, кто лучше меня знал ТАКОЕ про Семиалостапилону, явно знает, что и зачем советовал. Я буду не я, если не выясню, кто это был! И для начала я…
— …выпью обещанную бочку нектара! — закончил за нее Ульм.
Фея покосилась на северянина, находя остроту не слишком уместной, но быстро сообразила, к чему относилась эта реплика. Им всем предстояло еще очень многое сделать, и тратить драгоценное время на детективную историю было недопустимо. Война никуда не делась. Она шла там, на востоке, где продолжали гибнуть люди, а отродья преисподней с каждым новым днем губили все больше плодородных земель. Любое легкомысленное занятие самых могущественных лиц в империи автоматически исчислялось чьими-то жизнями. Кивнув Ульму, Дин'Юлемиона предложила немедленно проследовать к Конту-Фенеструму и связаться с Фортумагумом.

– 8 –

Преисподняя явно не входила в перечень достопримечательностей, рекомендованных к посещению. По-своему, конечно, она представляла известный интерес, но малейшая беспечность в ней была чревата самыми печальными последствиями. И это уже не говоря о том, что само пребывание в тех краях постепенно отравляло визитеров ядом скверны. В Сунастийских пределах тоже хватало опасных мест, но в краю вечного огня все обстояло совсем иначе. Это был чужеродный мир для чужеродных существ, враждебный к гостям и не имевший с ними ничего общего. Это чувствовалось во всем: в материи, в воздухе, в энергии. В преисподней имелось множество форм жизни, но жизни крайне специфической, не похожей ни на одну другую. Не случайно она могла существовать только здесь, и для проникновения в иные миры ей требовалось создавать привычные для себя условия. Кроме того, домашний мир векстров отличала еще одна чрезвычайно важная особенность: в определенном смысле он был их частью, родителем и порождением одновременно. Люди, заселяя свой мир, относились к нему как есть. Они воспринимали его законы как нечто само собой разумеющееся, осваивая расстилавшиеся перед ними просторы в качестве колонистов. Они в нем жили, принимая дарованное природой и мечтая добиться большего. Конечно, по мере экспансии человечества природе здорово доставалось, но это также характеризовало суть исходных взаимоотношений. Людям было очень трудно восполнить ущерб, нанесенный окружающей среде, а подчас и вовсе невозможно. И самой средой они лишь пользовались, а не множили ее для себя. С демонами все обстояло ина-

че. Среда, некогда взрастившая этих существ, стала для них не только домом, но и частью жизни. Ныне не преисподняя порождала векстров, а векстры порождали преисподнюю. Они наращивали ее в пустоте, расширяли и без того бескрайние горизонты, и меняли по собственному усмотрению. Захватывая другие миры, демоны преобразовывали их под единый общий знаменатель, но дальше начинали распространяться как раковая опухоль. К примеру, люди физически не могли создать себе еще один континент, а то и еще одну параллельную реальность. Для демонов такие задачи давно перестали быть чем-то неординарным. Если предположить, что им удастся довести свой замысел до конца и наконец-то поработить Ардарианскую империю, то на такой малости они не остановятся. Этот мир людей станет для них всего лишь опорной точкой — местом, куда упали споры преисподней. Ввергнув весь Ардарианский континент в пламенеющий ад, векстры тут же начнут сооружать новую материю и расползаться как тифозные вши. Галактика, окружающая колыбель человеческой цивилизации, превратится для демонов в сочное поле, куда залетела стая саранчи. Впрочем, не совсем так. Саранча сожрет все и улетит. Векстры трансформируют все под себя и останутся. Навечно.

Как бы там ни было, преисподняя кардинально отличалась от всего привычного людям, отчего и производила гнетущее впечатление на клеточном уровне. Даже опытные путешественники в логово демонов никогда не могли до конца привыкнуть к тамошним ощущениям, ибо нельзя привыкнуть к тому, что в принципе чужеродно по самой своей физической и энергетической структуре. Чего уж было взять с лазутчиков, впервые сунувшихся в это неприветливое и смертельно опасное место. Оно прямо-таки дышало злобой и ядом. Тем, что для векстров было как вода для рыбы, а для легких человека — убивающей его жидкостью.

Ведьмы чувствовали себя более-менее приемлемо. Их натура не слишком критично реагировала на перепады внешней среды, а опыт сотворения темных чар помогал справиться с нахлынувшими ощущениями. Чародейкам пришлось куда хуже. Носительницам искры света было так же хорошо, как ныряльщику на огромной глубине, где давление становится настолько велико, что речь идет об элементарном выживании. Иммунитет служительниц Гексенхаммера прямо заходился от чудовищной нагрузки. Они чувствовали себя так, будто у них по венам течет жидкий огонь, пытающийся прожечь дыры в сосудах и спалить тело изнутри. Стискивая зубы, чародейки старались держать в себя в руках, но от болезненных ощущений у них аж в голове мутилось. А та и без того шла кругом от всплесков чуждой энергии и тяжести окружающей

действительности, давившей на сестер каждым атомом.

Относительно неплохо держался Ювион — единственный колдун из всей группы, включавшей восемь ведьм и шесть чародеек. Вероятно, мужчины по натуре менее чувствительны к психологическому воздействию, а оно в преисподней атаковало все человеческое существо как на клеточном, так и на душевном уровне. Ювион сохранял бодрость и внимательно поглядывал по сторонам, пока остальные по большей части боролись с приступами тошноты и головокружения. В пользу предположения о мужчинах свидетельствовали и Бэйл с Ульмом. Гладиатор, чего только не переживший на своем веку, вел себя молодцом и заботливо поддерживал опиравшуюся на него Сирелину. Что же касалось северянина, то складывалось стойкое ощущение будто на него вообще ничего не действует. Его все-таки покинула обычная невозмутимость, но сменилась она отнюдь не проявлениями болезненных симптомов. Лица некоторых чародеек выглядели так, словно те очнулись от двухнедельного запоя в тяжелейшем похмелье. Выражение на лице Ульма говорило о его заметной неприязни к окружающему — и не более.

Однако все ощущения людей не шли ни в какое сравнение с тем, что испытывала Дин'Юлемиона. На бедняжку было просто жалко смотреть. Побелев как покойник, она прямо-таки съежилась в комочек под тяжестью давившей на нее скверны. Представьте, что вы оказались под толщей воды на глубине десяти миль. Больно будет? Еще бы! Правда тамошнее давление вас немедленно раздавит в кровавые клочья и все мучения на этом прекратятся, но это вас. Бессмертную фею раздавить не могло, а чувствовала она себя в тысячу раз болезненнее. Изгнать ее прочь — другое дело, ибо никто и не предполагал, что дочь света однажды окажется в логове векстров. Скверна фактически выталкивала ее из окружающей реальности, где она вообще не должна была очутиться. Дин'Юлемиона держалась исключительно за счет Принцессы Крови, и это в принципе позволяло ей оставаться с людьми. Даже в преисподней. Вот только она здорово переоценила свои силы, что выяснилось очень скоро. Зашатавшись, фея непременно упала бы на темно-красную землю, если бы ее не подхватили спутники.

Первая экспедиция закончилась не успев толком начаться. Несчастную фею, заранее принявшую облик взрослой женщины, вынесли на руках к испугу и без того переживавшего Эбби. Дина едва дышала, если можно так выразиться, поскольку человеческого дыхания ей не требовалось. Илиана, крепко обхватив покровительницу, стала вливать в нее столько энергии, сколько у нее

обычно уходило на целый госпиталь. Слепящее алое сияние не производило на фею эффекта, но сама его интенсивность невольно порождала и особое излучение, дававшее Дин'Юлемионе живительную силу. Придя в себя фея обнаружила, что ее голова лежит на коленях у Илианы, а та сидит прямо на полу, в прямом и переносном смысле вытаскивая Дину с того света. Покинув чужеродную среду, выдавливавшую ее своими незримыми тисками, с помощью Принцессы Крови фея быстро пришла в норму. От стыда за такой провал она не знала куда и глаза девать, но все наперебой стали успокаивали ее как могли. Чем же фея виновата, что отрава скверны противоречит ее природе? Вообще чудо, что она попала в преисподнюю и смогла протянуть там хотя бы несколько минут, о чем прежде никому из ее рода даже мечтать не приходилось. Слыша обращенные к ней добрые слова и искреннее участие, Дин'Юлемиона воспряла духом и вернула себе утраченную живость. Увы, когда дело дошло до вопросов о Таунсторме, ей вновь пришлось засмущаться. Фея попросту не успела воспользоваться своим чутьем. Ей сразу же стало так плохо, что она прилагала все усилия только чтобы удержаться на ногах, и закончилось это глубоким обмороком.

— Не беда, попробуем еще раз, — предложил Эбби, стараясь приободрить приунывшую Дин'Юлемиону.

На лице феи отразился такой ужас, что и без слов стало ясно, насколько продуктивной окажется новая попытка. Следовало придумать, каким образом ее светозарности уверенно выдержать натиск скверны. Выдержать, сориентироваться в пространстве и воспользоваться своими способностями. Тут же, не сходя с места, вся компания ударилась в оживленную дискуссию.

— Да просто держись вплотную к нашей императрице — делов-то, — произнес вдруг Ульм, скептически слушая предложения одно безумнее другого.

— Я и так шла к ней ближе некуда! — сердито отозвалась фея.

— Это в человеческом облике. На кой ты его вообще приняла? — пожал плечами северянин.

— Чтобы меня векстры не учуяли! Или у тебя провалы в памяти?! — с досадой поморщилась Дин'Юлемиона.

— У меня ли? А кто тебе мешает спрятаться под мантию Илианы в своем истинном виде? Такая крошка там уж точно поместится. Если мантия работает для Принцессы Крови, с чего бы ей дать сбой на тебе, раз вы оба в той или иной степени дочери света? — флегматично изрек Ульм. — Тебя под этой мантией никто и не увидит, а тесный телесный контакт обеспечит необходимый уровень защиты. Ты ж не мужчина. Вряд ли наша императрица будет

против такого соседства.
Фея открыла было рот, чтобы разразиться язвительной тирадой, но так и застыла на месте, вытаращив глаза.
— Чтоб меня черти взяли! А ведь он, пожалуй, прав, — пробормотал Эбби, удивленный, как ему самому не пришла в голову эта нехитрая идея.
Остальные, переглянувшись, полностью разделяли его впечатление.
— Или я круглая дура, или ты гений, — пробормотала растерянная Дин'Юлемиона.
Догадку следовало немедленно проверить, благо что Трансталл в гости к векстрам никуда не делся. Впрочем, никто особо и не сомневался в ее эффективности, настолько логичным выглядело соображение северянина.

Места под широкой мантией действительно хватило. Сначала фея, шелестя крылышками, забралась под нее с головой и принялась устраиваться поудобнее. Илиана, которую щекотали скользящие прикосновения, чуть не надорвалась со смеху. Она не то чтобы боялась щекотки, но нервное возбуждение многократно увеличивало тактильную реакцию. В результате даже от небольшого движения Дины императрица отчаянно хихикала, а стоило фее начать ворочаться, как она и вовсе сгибалась в три погибели. Ясное дело, что к векстрам с таким бурным весельем лучше не соваться. Кроме того, фея ничегошеньки не видела под колдовской одеждой, а это ее не устраивало. В конце концов выход все же нашли. Дин'Юлемиона вскарабкалась Илиане за плечо, откуда могла выглядывать из-под низко надвинутого капюшона. Учитывая его размер и складки, миниатюрная фигурка полностью скрывалась мантией, и угадать ее присутствие не представлялось возможным. По крайней мере, визуально. Оставалось надеяться, что она останется недосягаемой и для чутья векстров. Покрутившись с четверть часа по Фортумагуму, императрица привыкла к цеплявшейся за нее Дине, а сама Дина освоилась со своим убежищем и наловилась изучать оттуда окружающий мир. Когда с этим было покончено, группа снова подошла к заветному Трансталлу.

Второй раз дело явно пошло на лад. Фея чувствовала себя несравнимо легче. Тесная близость Принцессы Крови хорошо оберегала ее от агрессивной среды векстров. Дин'Юлемиона прямо-таки чувствовала пульсацию света в теле воспитанницы. Прижимаясь к ней вплотную, она получала достаточно защитной энергии, чтобы уверенно существовать даже в преисподней. Жизненный контур Принцессы Крови овевал ее мягкими теплыми волнами, нивелиро-

вавшими пагубное влияние чужеродного мира. Совладав с отрицательными ощущениями и установив внутренний баланс, Дина осмелела и начала украдкой высовываться из-под капюшона, жадно изучая окрестности. Императрица, слыша шепот своей крошечной пассажирки, дала остальным знать, что все в порядке. Оставив Трансталл позади, отряд неторопливо двинулся вперед.

Все перемещения носили только две смысловые нагрузки. Первая заключалась в создании обманчивого впечатления для демонов. Истинная цель визита должна сохраняться в тайне, а как лучше всего ее замаскировать, если не под поиски чего-то другого? Вторая реализовывалась в процессе этих якобы поисков. Фея усиленно прислушивалась к своему чутью, стараясь уловить малейшие признаки Повелителя Крови. В грубом приближении это смахивало на попытку разглядеть некую звезду с другого конца вселенной. Вблизи она ослепительно яркая, но по мере отдаления излучаемого ей света становится все меньше и меньше, пока от него не остается один фотон на квадратную милю. Распространяясь сферообразно, его концентрация постепенно падает и в конце концов обращается в ничто. Формально этот фотон можно уловить где угодно, но ты поди на него наткнись, если речь идет уже не про квадратную милю, а невесть какие масштабы. Чем-то таким и объяснялась необходимость бродить по преисподней до тех пор, пока Дин'Юлемиона не почувствует хоть что-нибудь, что позволит установить примерное местонахождение Таунсторма. Конечно, если вообще почувствует, в чем не было никакой гарантии, но стоя на месте рассчитывать на успех уж точно не приходилось.

Эбби, как и собирался, открыл Трансталл в Тризианиум. То есть распечатал оставшийся от Ормунделла и поправил что-то в его настройках. Покинув Фортумагум, группа вышла у подножия высоченной, идущей под встречным наклоном скалы, подпиравшей нечто далекое и неразборчивое. Вокруг виднелись нагромождения утесов, меж которых топорщилась неприветливого вида растительность. Местность была холмистая, если не считать, что к холмам означенные образования не имели никакого отношения. Сначала чародей внимательно следил за путешественниками, готовый в любой момент броситься им на помощь. Вблизи от Трансталла все просматривалось очень хорошо. Вторая попытка проходила куда успешнее. Лазутчики постепенно отдалялись, подавая обнадеживающие условные сигналы. Пожелав им удачи, Эбби заблокировал Трансталл защитными чарами. Он не закрывал его насовсем, чтобы не лишать путешественников пути к отступлению. Просто подстраховался на случай, если с той стороны в Фортумагум надумает просочиться какая-нибудь живность. Да и демонам

не стоит лишний раз показывать канал проникновения в их вотчину.

Несколько попривыкнув к чужеродной среде, чародейки выглядели куда лучше. Их иммунитет по-прежнему заходился жжением, но они преодолели самые тяжкие симптомы, справившись с приступами тошноты и болезненной слабостью. Процесс адаптации протекал вполне неплохо, вселяя определенный оптимизм. Полностью привыкнуть к демоническому миру чародейки не могли по своей сути, но научиться терпеть его отрицательное воздействие им оказалось вполне по силам. В отличие от той же феи, только и спасавшейся что защитой Принцессы Крови. Говоря иносказательно, боль никуда не девалась, но можно было выработать в себе привычку ее не замечать.

Край вечного огня отнюдь не подразумевал, что преисподняя на все сто процентов состоит из жидкого пламени, источающего запредельный жар. Огня, само собой, там хватало, но хватало и много чего еще. Путешественники, осторожно продвигаясь вперед, внимательно рассматривали все подряд, стараясь ничего не упустить. Опыт вылазки был слишком ценен, чтобы разбрасываться им за здорово живешь.

Под ногами расстилалась сухая каменистая почва, имевшая выраженный темно-красный оттенок. Похожего оттенка были и скалы, разве что среди них встречались как почти черные образования, так и густо-фиолетовые. В воздухе нелицеприятно тянуло химией, включая хорошо знакомый запах серы. Ведьмы и чародейки, не удерживаясь от соблазна, наклонялись к земле, чтобы изучить ее поближе, и дотрагивались до ближайших камней. Земля выглядела очень необычно. В ее структуре прослеживались странные прожилки, похожие на трещинки, но трещинки заполненные неким веществом. Взяв щепоть чужеродной почвы, одна из ведьм потерла ее в пальцах, и образец рассыпался крошечными песчинками. С камнями все обстояло еще интереснее. Одни ощущались совершенно привычно, но при этом не имели веса. Казалось, будто в руке ничего не лежит, в то время как на ладони покоился довольно крупный булыжник. И стоило его отпустить, как он не зависал в воздухе, а с неестественным стуком падал на землю. Все бы ничего, да другие камни порой вообще не поднимались, словно весили целую тонну, а были и такие, чья форма изменялась от прикосновения пальцев. Какие-то сминались не хуже губки, какие-то на ощупь оказывались сродни осьминогу. Их студенистость вызывала невольное отвращение, непрерывно растущее по мере знакомства с прелестями царства скверны.

— Странные холмы, — тихонько сказала Сирелина.

Отряд неторопливо шел по пересеченной местности, петляя меж выпуклых образований, щедро усеянных каменистыми россыпями.
— Это не холмы, — отозвалась из-под капюшона Дин'Юлемиона.
У чародеек побежали мурашки. Происхождение почвы со странными прожилками и так слегка выбило их из колеи. Это была неестественная органика. Мертвая материя, разраставшаяся как живая. Она отдаленно напоминала клетки кожи и простейшие организмы, только ничего общего с традиционным понятием жизни не имела. Она и физически-то воплощалась лишь наполовину. Оторванная от общей массы, мертвая почва рассыпалась в прах, утрачивая единство структуры.
— А что же это тогда? — осмелилась спросить Уна, поскольку фея явно не горела желанием продолжать.
— Плоть, — послышался короткий ответ.
Люди ступали по нагромождению плоти, произраставшей из мертвой материи как нарыв. Этим и объяснялось странное впечатление, когда казалось, будто холмы шевелятся, повинуясь движению неведомых недр. Что же касалось камней, то они имели разную природу, отчего столь серьезно отличались и их свойства. Студенистые отпочковались от холмов, невесомые еще не закончили воплощение в физический облик, а чрезвычайно тяжелые и вовсе камнями не являлись, служа формирующими почву источниками гравитации. Не лучше дело обстояло и с той скалой, под которой путешественники выбрались из Трансталла. Она уходила в какую-то запредельную высь, где подпирала не то небосвод, не то небесный остров.
— Это ни то, ни другое. Здесь вообще нет того, что вы привыкли считать небом, — без особого энтузиазма поведала фея.
Там, наверху, на расстоянии всего-то четырехсот тысяч миль, располагалась опорная точка всего того места, где находились лазутчики.
— Мы идем вверх тормашками, если вам от этого знания легче, — пояснила Дин'Юлемиона.
Разумеется, никому от такого открытия легче как раз и не стало. Чародейки ощутили приступ сильнейшего головокружения, из-за чего отряд был вынужден остановиться на несколько минут. На телесную слабость и расшатанные нервы их реакцию списывать не приходилось. Осознав, откуда берутся нелицеприятные ощущения, вестибулярный аппарат человеческого организма тут же взбунтовался. Поплохело даже Бэйлу с Ювионом, и в меньшей степени ведьмам. Одному лишь Ульму, казалось, было решительно на все наплевать, ну и Принцессу Крови спасала собственная уни-

кальная природа.
— Вот потому я и стараюсь давать вам поменьше комментариев, — наставительно пояснила фея. — Если я начну все подробно раскладывать по полочкам, даже не знаю, что раньше случится: у вас зайдет ум за разум или же тело скрутит жестокий приступ рвоты.
— А что это за кустики? — улучив момент, прошептала Илиана, благо докрикиваться до Дины не приходилось.
— А что обычно растет на плоти? — проворчала наставница.
Девушка решила тему не развивать.

Вскоре состоялось и знакомство с местными обитателями. Лазутчики не слишком удалились от Трансталла, чтобы успеть наткнуться на кого-то из демонов. Те же не шныряли толпами по всей преисподней и не торчали по одному на каждый квадратный фут. Они занимались своими делами, и средняя вероятность встречи в данной области примерно равнялась встрече с диким животным в дремучем лесу. Само собой, рано или поздно отряд столкнется с кем-то из рогатых тварей, но первое рандеву приключилось не с ними. Взрыв неприятного вида бугорок, на поверхность выбралась некая туша, смахивающая на гусеницу. Ее складки ходили крупными волнами, а торчавшая из них щетина с тихим скрежетом цеплялась за камни.
— Что за живность? — осведомилась Ула, созерцая пятиярдовую тварь. — Смахивает на крустлера с наших полигонов.
— Сколах. Пластовый червь. Точит ходы в толще плоти как чесоточный клещ в коже, — послышался далекий от бодрости ответ. — Местный паразит. Крустлер их некое подобие.
— Опасен? — последовал вполне резонный вопрос.
— Нет, если один, — отозвалась фея.
— У меня ухо мерзнет, — сообщила императрица.
Судя по всему, Теалоскоп в виде серег работал даже в преисподней и появление жирной мерзости не прошло незамеченным. Вот только легкая прохлада резко сменилась серьезным холодом.
— Внимание! Сейчас их может стать очень много! Всем смотреть под ноги! — немедленно скомандовала Дин'Юлемиона, живо сообразив, что означает эта реплика.
Обычно фея заблаговременно улавливала источники скверны. В иных обстоятельствах она легко бы определила приближение червя и точно установила их количество, однако в преисподней ничего подобного не получалось. Здесь ВСЕ источало скверну, и различить в ней что-либо обособленное фея оказалась не в состоянии. Отряд, и без того державшийся начеку, пришел в полную боеготовность.

Черви полезли все разом. Вероятно, их притягивала живая

плоть, заметно отличавшаяся от материи "холмов". Первая гадина не иначе как служила наводчиком, направляя остальную братию на цели. Почва вокруг отряда вспучивалась десятками бугорков. Более того, эти бугорки образовывались прямо под людьми. Трудно было сказать, на что рассчитывали сколахи. Для тех, кто приходил в Тризианиум они не представляли угрозы даже большим числом. Скорее всего, безмозглые твари просто ползли на запах, не осознавая чем чревато нападение.

Чародейки воздерживались от заклинаний света, поэтому червей не испепелило на месте одной мощной волной. Молнии они также попридержали, чтобы почем зря не сотрясать окрестности громовыми раскатами. Сколахи разлетались от Бесплотных ударов, лопаясь гнилыми плодами, замерзали от заклинаний холода, обращались в труху и камень. Чтобы разделаться с нападавшими у отряда ушло чуть больше десяти секунд, и то он столь долго провозился из-за указанных ограничений. Уцелевшие черви поспешно ретировались. Подкоп под ноги людям не принес им никаких результатов. Во-первых, каждый член отряда был защищен чарами. Во-вторых, страховочное заклинание левитации исключало падение в какую-либо яму, пусть даже вырытую голодными тварями. Проделав в почве дыру, сколах раскрывал под человеком четырехфутовую круглую пасть, надеясь заглотить его целиком, и тут же получал в нее совсем другое угощение, нежели то, на которое рассчитывал. Их жирные туши неизменно натыкались на непреодолимые барьеры, хотя иной раз казалось, будто люди стоят в пустоте над открытым зевом высунувшегося из земли червя. В зев немедленно отправлялось какое-нибудь заклинание, ставившее точку в существовании паразита, а заклинатель, не поведя и бровью, тут же переключался на другой объект. Впрочем, "не поведя и бровью" звучало довольно-таки условно. Когда сколахи лопались, исторгая потоки вонючей жижи, лазутчики кривились от отвращения. Тошноту унимало предварительно выпитое снадобье, но даже оно не могло полностью сдержать регулярно подкатывавшие позывы. Желудки людей выдержали, но отряд поспешил покинуть место истребления червей, чтобы оказаться подальше от кошмарного запаха и омерзительных клочьев.

После небольшого инцидента лазутчиков основательно подмывало перемещаться исключительно при помощи левитации, причем желательно повыше над темно-красной поверхностью. К сожалению, это в немалой степени увеличит их заметность, а любого внимания следовало по возможности избегать. Именно поэтому отряд с самого начала шел по земле, воздерживаясь от применения многих заклинаний. Также на выбранный способ пере-

движения влиял и процесс адаптации к окружающей среде. Чародейкам было несравнимо проще справляться с тошнотой и головокружением идя на своих двоих, а не паря в воздухе. Даже ведьмы, поднимаясь вверх, чувствовали себя не в своей тарелке. Ощущения были столь непривычными, будто они не летели в каком-то одном направлении, а болтались как игральные кости в стакане. Фея объяснила этот эффект особенностью здешних пространственных законов. Мозг получал совсем не те отклики от органов чувств, к которым привык, и это вызывало серьезное координационное расстройство. Представьте, что вы видите перед собой ступеньку лестницы и делаете шаг вперед, чтобы на нее подняться. Визуально так и происходит, только ваше тело прямо-таки кричит, будто на самом деле шаг был сделан на ступеньку вниз, а вас при этом еще и под прямым углом завалило на бок. Звучит неправдоподобно? Возможно, но только не для тех, кто уже идет вниз головой по отношению к опорной точке здешнего региона и в случае отрыва от земли неизвестно куда должен падать — то ли на красную почву, то ли навстречу далекому объекту в несуществующем небе. Оттого-то весь отряд и избегал левитации, и даже свидание с червями ничего не изменило. Впрочем, по совету Дин'Юлемионы то одна, то другая ведьма или чародейка отрывалась от земли и некоторое время летела над ней в нескольких дюймах. Само собой не из приступа мазохизма, а чтобы постепенно приучать свое тело к специфике окружающего мира.

Отряд ненадолго остановился перед широкой расщелиной, уходившей в неведомую бездну. Кажется, где-то там, внизу, ее стены вообще исчезали, упираясь в ничем не заполненную пустоту. Без команды феи никто не рисковал пересекать возникшее препятствие, да и вообще не знал, стоит ли.

— Топаем, топаем, не стоим! — сказала Дин'Юлемиона, оглядев расщелину из-под капюшона.

Поскольку решительно никто не понял куда, собственно, топаем, фее пришлось объяснять. Препятствие существовало только зрительно. По какой-то причине в плоти образовалась ложная брешь. Вероятно, демоны где-то немного напахали с пространственным воплощением, раз в глубине провала виднелась пустота, либо же аномалия возникла сама собой, как сбойные клетки в теле. Так или иначе, по этой пустоте можно было идти точно так же, как и по окружающей ее почве.

— Ты хочешь сказать, что разрыва в земле на самом деле нет? — уточнила Илиана, стараясь усвоить сказанное Диной.

— Если упрощенно — да, — подтвердила та, снова юркнув под капюшон мантии.

Чародейкам, владевшим чарами левитации, было несложно шагнуть с обрыва где-нибудь в горах, с края глубокого каньона или высокой башни. Но в родном мире. Проделать то же самое в преисподней, ступив в неведомую бездну, оказалось куда сложнее. Пропасть была шириной ярдов сто, и первую ее часть сестры проделали только что не с закрытыми глазами. И только они возрадовались приближавшемуся концу этого испытания…

— Сто-о-о-о-ой! — пискнула фея, от возбуждения впившись ноготками в кожу Илианы.

Императрица традиционно передала ее команду отряду и сама замерла над провалом, уходившим в какое-то пугающее ничто. Далекие края обрыва волновались как северное сияние, а после них не было ни материи, ни свечения. Смотреть под ноги совершенно не хотелось, но именно туда, высунувшись из-под капюшона, уставилась Дин'Юлемиона.

Это было совершенно мимолетное ощущение. Когда отряд пересекал расщелину, она вдруг уловила далекое присутствие источника особого света. Настолько далекое, что оно показалось бы иллюзорным, кабы в преисподней таких явлений априори не наблюдалось. Эхо чьей-то светоносной жизни, многократно отраженное от невообразимой структуры преисподней, донеслось невесть откуда и едва заметным дуновением коснулось феи. Всего на мгновение, но та уже знала, что ей отнюдь не померещилось. Где-то бесконечно далеко находился тот, кого они мечтали найти, ибо такое излучение могло исходить только от Повелителя Крови. Следуя указаниям Дин'Юлемионы, императрица стала крутиться над провалом, а фея жадно прислушивалась к окружающему пространству, надеясь уловить новый импульс. У Илианы не было ни малейшего желания расхаживать над вселенской бездной, где даже у демонов что-то пошло не так, но, вероятно, именно этой аномалии отряд и был обязан случайному сигналу от Таунсторма. Не пробиваясь сквозь обычные пласты плоти, он запутался в нагромождении внутренних регионов преисподней и проскочил через их пограничное хитросплетение.

— Ну же, Иля, шевели ногами! — волновалась фея, заставляя воспитанницу только что не рысью носиться над жуткой пропастью.

Увы, ничто больше не привлекало ее взбудораженного внимания, зато сама группа внимание привлекла. Сирелина, издав приглушенный возглас, шагнула к Илиане и без всяких церемоний хлопнула ладонью по высовывавшейся фее, втолкнув ее обратно под капюшон. Ойкнув, та исчезла под укрытием и очень вовремя, поскольку в небе мелькнула какая-то тень. Ну, в том, что условно именовалось небом, поскольку как таковой привычный людям не-

босвод физически отсутствовал. Над головой расстилалось формально пустое пространство, заполненное отнюдь не воздухом. Помимо уже описанной скалы, подпиравшей некий далекий объект, хотя на деле все было наоборот, там чего только не виднелось. Иногда в вышине показывалось нечто похожее на обычный черный космос, где вместо типичных звезд плавали красноватые образования. Порой там возникала сплошная поверхность, испещренная горами и кратерами. Ее часть при этом могла исчезать в расплывчатых контурах пустоты, а могла пересекаться с насыщенно-красным свечением. Задрав голову, путешественники периодически видели подобие куска планеты, кружившего по непредсказуемой орбите и не иначе как норовившего свалиться на голову. Падения не происходило. Всего несколько шагов — и объект исчезал, сменяясь еще каким-нибудь безумным видением. Все это напоминало бред сумасшедшего, если бы не существовало в реальности. Одной из тех, которые множественно пересекались в преисподней. Ведь мир векстров состоял не из одного единственного пространства, наполненного всякой всячиной. Их экспансия распространялась на невообразимые для людей величины, а для удобства демоны попросту увязывали их между собой, по-своему сплетая преисподнюю в единое целое. Люди использовали Трансталлы. Векстры, приводя все захваченное к единому знаменателю, не разменивались на точечные Двери. Они растягивали их в бесконечно длинные и огромные ленты, склеивая ими регионы своего растущего мира. Кочан капусты, где листы не накладывались бы один на другой, а по замысловато изогнутой границе проходили друг сквозь друга отдаленно походил бы на структуру соседних регионов преисподней. Объекты, появлявшиеся в небе, были как бы частью таких листов. Но наибольшее впечатление на чародеек произвело видение чего-то красно-оранжевого, что, бурля и волнуясь, текло в невообразимой дали от горизонта до горизонта. Им показалось, будто они видят поток лавы из жерла вулкана, неторопливо огибающего островок, откуда торчала длинная исходная скала. Это и был тот самый пресловутый вечный огонь. Бесконечный океан вечного огня, над которым на расстоянии протянувшейся скалы парил фрагмент преисподней с находившимися там людьми.

Опознать промелькнувшее существо никто не успел. Фея, выслушав сбивчивые комментарии спутников, заподозрила, что это был Гангрон. Ей очень не хотелось уходить оттуда, где она наконец-то уловила далекий отголосок искры света, но и торчать на столь приметном месте не следовало.

— Вперед! — скомандовала она, задавая направление меж вид-

невшихся поодаль скал.
Гангрон, или кто там еще был, больше не объявлялся, но и дожидаться его повторного визита никто желания не испытывал.

Скалы покрывала чрезвычайно невоспитанная растительность. Она выглядела как буро-коричневые наслоения, однако при более близком знакомстве оказалось, что наслоения на самом деле не что иное, как ловчая сеть. Вот только что скалу на сотни квадратных ярдов застилало такое покрывало, а вот уже оно свалилось прямо на голову людям, соединяясь с основой тысячами длинных, извивавшихся как глисты жилок. Понятное дело, перекусить зазевавшейся добычей агрессивной флоре не удалось. "Покрывало" оперативно разложили на атомы, а заволновавшаяся по скале растительная мерзость пошла волнами, втянувшись в трещины и прорехи.
— Что они тут вообще жрут? — поморщилась Уна.
— Как и везде — друг друга, — усмехнулась Дин'Юлемиона. — Векстры здесь хозяева высшего уровня, но все остальное выживает как умеет. На сей счет даже мои соплеменницы наверняка не знают специально векстры плодят всю эту мерзость или это побочный эффект их отвратительных воплощений. Садовник выращивает розы, но вместе с ними постоянно пробиваются и сорняки, а на лепестках и листьях, если присмотреться, живут не только букашки, но и несметные колонии микроорганизмов. Хотел ли садовник вырастить и их? Вряд ли. Но он не растрачивает усилия на полное истребление сопутствующей органики, если та не мешает ему достичь цели.
— Кошка и блохи, — пробормотала Сирелина.
— Что-то в этом духе, — хихикнула фея, мимолетно осветившись озорной улыбкой.
Но она тут же посерьезнела и остальным велела быть настороже. Впрочем, вся бдительность испарилась, когда за поворотом подъем закончился, и вся группа очутилась подле крутого склона, за которым открывалась широкая панорама.

Склон уходил в долину, испещренную неглубокими оврагами и покрытую многочисленными, выбрасывавшими дымки наростами. Тут и там виднелись очаги булькавшей лавы, выходившей на поверхность небольшими озерцами. Вокруг озерцов вздымались черные изломанные структуры — местное подобие деревьев. Также в долине что-то посверкивало, и это что-то оказалось целым набором различных минералов, от кварца и полевого шпата до золота и палладия. Но не это приковало внимание людей. На фоне горной гряды, расплывавшейся в красно-черной пустоте, среди этого царства огня, дымов и химии неторопливо шествовало испо-

линское чудовище. Помимо типично привлекательной внешности, присущей большинству векстров, отличительной чертой были его руки. Начинаясь из шишковато выступающих плеч, они превращались в две огненные реки, где каждый палец напоминал изгибавшийся приток. Габариты исполина не поддавались никакому исчислению. Он выглядел как ожившая гора, оставляя за бортом все известные чародейкам типы демонов.
— Что это? — выдавил из себя Бэйл, невольно положивший руку на меч, от которого все равно не было бы никакого толку.
— Деаморх, — мрачно отозвалась фея, высунув нос из-под капюшона.
— Как?! Но ведь они размером с Молота! А тут… — потрясенная до глубины души, императрица, видевшая в детстве этих чудовищ через Конту-Фенеструмы, даже не договорила.
— Это в вашем мире. Здесь они в своем подлинном облике, — ничуть не бодрее пояснила Дин'Юлемиона. — Я же говорила, что в преисподней векстры у себя дома и находятся на пике могущества. Одна такая тварь в своей натуральной ипостаси — и всей вашей армии конец.
Отряд, потеряв дар речи, созерцал неторопливо шествующего через долину Деаморха. Он двигался по касательной, поэтому путешественники не сразу озаботились что произойдет, если чудовище их заметит. Тут и выяснилось, что исполину до жалкой кучки визитеров нет никакого дела. Он шел к пространственному переходу, а расстояние до него исчислялось десятками тысяч миль.
— До этой долины отнюдь не рукой подать, — слышался из-под капюшона голосок Дин'Юлемионы. — Попробуйте прогуляться по склону и увидите что будет. Здесь склеиваются различные регионы преисподней, создавая для вас такую оптическую иллюзию. Это чудовище, конечно, доберется до нас очень быстро, если захочет, но мы ему не интересны. Оно топает забирать совсем другие жизни.
Императрица насмерть перепугалась, немедленно вообразив, что Деаморх вскоре предстанет перед ее войсками.
— Иля, ты же умная девочка! Неужели ты и впрямь воображаешь, что вся неизмеримая преисподняя только и делает, что воюет с вашим крошечным миром? — не без иронии заметила фея. — Ты себе даже не представляешь сколько вторжений одновременно осуществляют векстры. Не обязательно путем войн на уничтожение. В данном случае под вторжением я подразумеваю непрерывное расширение преисподней в разные точки бесконечной вселенной. Собственно, оттого они так незначительно и реагируют на появление людей — им и без вас есть чем заняться. Безопасности

это, правда, не слишком добавляет, зато к нам без необходимости и не сбегутся все ближайшие легионы.
Как обычно, Дин'Юлемиона была совершенно права. Именно поэтому объявившийся отряд демонов не поднимал тревогу, а неторопливо приближался к сгрудившимся возле склона людям. Несколько бесов и Пожирателей подошли довольно близко к лазутчикам, прежде чем их наконец-то заметили. Созерцание долины оказалось настолько захватывающим, что зазевалась даже фея. Она ведь никогда не лично не присутствовала в таких местах, а посему ей было вполне простительно немного отвлечься. Сохранил бдительность один лишь Ульм. Его предостерегающий возглас вернул спутников к действительности. Тут чародейки слегка дали маху. Завидев вблизи рогатых чудовищ, они по привычке всадили в них заклинания. Спасибо хоть, что не света. Треск электрических разрядов смешался с гулом Бесплотных ударов и звоном ледяной стужи. Ближайших бесов отшвырнуло так, будто их пнул разгневанный слон. Нескольких пожирателей тоже раскидало кого куда. Еще три беса наполовину замерзли, захваченные взвившимся вихрем холода.

Схватка сразу же пошла нетрадиционным образом. Демоны отказывались разлетаться на молекулы. Молнии, пущенные в ход без всякого опасения грохота, не проделывали в них дыры, хоть и опаляли плоть. Вот холод действительно замораживал, но получалось нечто очень нестандартное. Бесы, превратившись в ледяные статуи, злобно вращали выкаченными глазами. Точно так же вели себя и попавшие под раздачу Пожиратели. Утратив подвижность, они оставались в живых, силясь растопить оковы ледяной корки. Остальные демоны и вовсе чувствовали себя куда лучше. Молнии и глыбы льда лишь отшвыривали их прочь, но не наносили критических повреждений. Заклятье, прежде исправно обращавшее в камень любое отродье преисподней, замедляло их движения, но и только. Впрочем, несколько бесов наполовину окаменели и были вынуждены поднатужиться, чтобы объявшие тела вихри пламени раскололи каменные панцири. Похожими вихрями стали окутываться и Пожиратели. Грозно рыча, они скачками старались добраться до отряда, и все заклинания людей упорно их не уничтожали. Ювион, широко взмахнув руками, выпустил на врага такой веер холода, что он плеснулся снежной лавиной, кристаллизующейся прямо в воздухе. Ближайших демонов оторвало от земли, пронесло над ней как на крыльях и припечатало к скале в пятидесяти ярдах позади. Но и они уцелели, разве что заиндевели дальше некуда. Примерзнув к скале, демоны вяло шевелились, пытаясь сбросить державшие их узы. До чародеек, осыпавших врагов за-

клинаниями, наконец-то дошло, отчего их привычные усилия приносили настолько слабый эффект. Вот про что говорила Дин'Юлемиона! Векстры у себя дома! А дома каждый рядовой Пожиратель превращается в очень серьезного противника. Что ж, видимо, без чар света не обойтись...

Какой-то бес, сделав серию головокружительных скачков, практически добрался до отряда, когда Бэйл встретил его в лучших традициях боев на ринге. Перехватив его в полете, он вполоборота отправил нападавшего прямиком с обрыва, благо что до того было совсем недалеко. Бес ласточкой промелькнул над его краем и исчез из виду. Судя по донесшимся звукам, он благополучно грохнулся на склон и шумно покатился вниз, прихватывая с собой все, что плохо держалось в грунте. Ведьмы и чародейки, увидев столь наглядный пример, тут же изменили тактику. Они больше не швыряли колдовство просто в цель. Теперь одни заклинательницы подбрасывали демонов в воздух, а другие боковыми ударами старались скинуть их с кручи. Группа Пожирателей, взлетев вверх тормашками, быстро последовала за первопроходцем. Следом за ними туда же отправилось несколько бесов, уподобившись крученым футбольным мячам. Остальные демоны сразу сбавили пыл и стали заходить в атаку так, чтобы находиться подальше от склона. Люди бы и сами покинули опасное место у его края, но сейчас он здорово их выручал, позволяя сталкивать туда врагов. Куда именно? Да какая разница! Лишь бы подольше не возвращались! Первый бес, судя по удалявшимся воплям, все еще катился вниз, постепенно нагоняемый Пожирателями.

Мимолетной зарницей сверкнул клинок. Ульм, сделав шаг в сторону, надвое рассек очутившегося неподалеку демона. Рассек от плеча до пояса. Воин не отходил от императрицы и рубил только тех врагов, которые к ней приближались, оставляя прочих на долю спутников. Бэйл также взмахнул мечом, но не успел он отсечь конечность ближайшему Пожирателю, как Ульм разрубил еще одного. Разрубил одним ударом. Упав на землю, поверженные демоны задергались в конвульсиях. Из разделенной плоти во все стороны поползли красные языки пламени, наполнявшего их будто бурдюки. Растекаясь вокруг, эти языки впитывались в почву как вода, и чем больше их вытекало, тем меньше шевелилась плоть. Когда последний покидал поврежденное тело, оно переставало двигаться, огонь в глазах потухал и демон превращался в безжизненные останки.

— Прекратить! — послышался вдруг чей-то очень необычный голос, донесшийся откуда-то с невидимой части возвышенности.

Демоны обычно рычали или говорили низким либо глухим голосом.

Эта же речь здорово смахивала на человеческую, изобилуя высокими тонами. Нападавшие немедленно остановили натиск и быстро отошли назад. Люди, держа оружие наперевес, старались сообразить что к чему.
— Перестаньте атаковать моих подчиненных! Они вас не тронут! — снова раздался тот же голос.
— Кто говорит?! — сурово осведомилась Уна, игравшая роль предводительницы отряда.
— Шаада Гдорстонхорстума, — последовал какой-то до странности певучий ответ.
— Покажись! Для меня твое имя ничего не значит! — решительно отозвалась ведьма.
Неизвестный громко рассмеялся. Его смех эхом прокатился над холмом и убежал куда-то между скал. Уна мрачно заметила, что не видит ничего забавного и разделять приступ бурного веселья не намерена. Зато она вполне способна преподать урок хороших манер, если уж собеседник не торопится показаться на глаза. Смех стих, сменившись характерным шорохом шагов. Промеж нагромождения камней, ярдах в тридцати от ближайших заклинательниц, мелькнул чей-то силуэт. Ведьмы и чародейки издали тихие возгласы. Бэйл с Ювионом разинули рты. Мужчинам было от чего. К ним, неторопливо ступая по шуршавшим камешкам, приближалась женская фигура. Одной рукой она небрежно придерживала край какой-то материи, перехватывавшей ее от плеча и вокруг бедер. Другая была выставлена чуть вперед. От этой руки исходило слабое красноватое свечение, окружавшее всю незнакомку целиком. Уверенность, с которой она шла, свидетельствовала о силе и чувстве собственного достоинства. Либо же превосходства, поскольку ее повелительный жест заставил всех демонов застыть поодаль как прикованных. Как бы там ни было, фигура спокойно подходила к готовым стрелять людям, словно те и не грозили ей ни оружием, ни заклинаниями. Когда она остановилась в пяти ярдах от Уны, стало окончательно ясно, что никакая это не женщина. Во-первых, росту в ней было десять футов. Во-вторых, ее красноватая кожа характерно сочеталась с видневшимися за спиной крыльями. В-третьих, глаза незнакомки горели оранжевым огнем, где в центре щурились вертикальные ромбовидные зрачки. Женщина была демоном. Вместе с тем только дураку становилось не очевидно, что демоном явно необычным. Ее сходство с человеком поражало. Изящность крыльев, чуть выставленных за спиной, также не шла ни в какое сравнение с грубыми и угловатыми чертами типичных векстров. Длинные когти на пальцах, отливавшие черным блеском, выглядели так, будто демонесса только что вы-

шла из маникюрного салона. Ее лицо и плечи украшал необычный узор из тонких линий, словно выполненный искусным татуировщиком. Вполне миловидную голову покрывали аккуратно уложенные густые волосы, такие же черные, как и когти. Рожки, чуть выступавшие над висками, — и те смотрелись на удивление привлекательно. Ноги, возможно, увенчивались копытами, но их скрывало некое подобие сапог.
— Шаада Гдорстонхорстума — это не имя, — бархатистым грудным голосом изрекла демонесса, неторопливо обводя взглядом отряд путешественников. — Шаада — это звание. Я старшая в оскольтратуме называемом Гдорстонхорстум. То есть месте, куда вы пришли. Таким образом, вы уже успели удивить меня дважды. Первый раз, когда я узнала о вашем прибытии. Люди сюда давненько не заглядывали. Второй — прямо сейчас, ибо вы, судя по всему, и понятия не имеете, где находитесь. Отсюда вопрос: каким ветром вас сюда занесло?
— С чего бы мне тебе отвечать? — подбоченилась Уна, демонстративно поглаживая посох.
— С того, что она здесь главная, — послышался голос Илианы, передававшей едва слышный шепот феи. — Оскольтратум — регион преисподней типа провинции у людей, только это не административная единица, а пространственная. Шаады — нечто вроде их губернаторов. Они предпоследние по старшинству перед архидемонами. Гдорстонхорстум — так называется здешний регион.
У ведьмы сразу пересохло во рту, но все же она сохранила достаточно невозмутимости, чтобы не показать свой испуг. Как-никак не каждый день сталкиваешься лицом к лицу с одной из шишек преисподней. Ведь по всему выходит, что эта демонесса здесь вроде Таунсторма в Ардарианской империи.
— Отрадно слышать разумную речь, — улыбнулась шаада. — Я уж думала, вы сюда случайно попали. Жаль. Так бы я скормила вас своим любимцам, но с толковыми гостями подобным образом не поступают.
— Да неужели?! — возмутился Бэйл. — Значит, на нас напали в качестве приветствия?!
— Вообще-то это вы напали на моих слуг, — заметила демонесса, окинув гладиатора странным взглядом. — Они защищались. Пожелай они вас убить — атаковали бы куда резвее. Неужели этого никто не заметил?
— Бэйла придержи, — негромко сказал вдруг Ульм, толкнув Сирелину. — И Ювиона тоже.
— Почему? — невольно спросила чародейка.
— Потому что это суккуб. Причем старший, — пояснил северянин.

— Глазом не успеешь моргнуть, как она их очарует.
А демонесса, похоже, и впрямь времени не теряла. Сделав плавный жест рукой, она чуть наклонила голову. Ее глаза, обращенные к гладиатору, замерцали. Тот, враз утратив всю враждебность, воззрился на шааду с удивленным выражением лица. Затем, качнувшись, шагнул вперед, как и заклинатель стихий. Сирелина, живо сообразив о чем толкует Ульм, схватила Бэйла за шиворот и потянула назад. Илиана, стараясь не высовывать пальцы из рукава, удержала Ювиона за пояс. В голове у обоих мужчин звучала какая-то изумительная мелодия и раздавался соблазнительный шепот — неразборчивый, зато сулящий все наслаждения мира. Не надо было знать слова. Содержавшаяся в них истина и так становилась понятнее некуда: этого шепота следовало безоговорочно слушаться, чтобы не упустить величайший шанс в своей жизни. Красноватая кожа, крылья, когти — все это лишь маскарад. Перед внутренним взором Бэйла и Ювиона демонесса обрела свой истинный вид. В розоватом сиянии, подобно ласкавшим ее тело лучам солнца, появилась самая прекрасная на свете женщина. Самая прекрасная и желанная.
— Так-то ты меня любишь! — прошипела Сирелина, впиваясь ноготками в загривок гладиатора.
Наваждение как рукой сняло. Бэйл, проведя ладонью по лицу, вытаращился на демонессу, игриво подмигнувшую ему левым глазом. Затем взглянул на чародейку и залился краской. Не лучше чувствовал себя и Ювион, спасенный от суккуба лично императрицей. В отряде даже не поняли что произошло, пока Сирелина не дала соответствующий комментарий.
— А у тебя хорошая сила воли, — заметила шаада, обращаясь к северянину. — Мужчины обычно не способны мне противостоять.
— Мы болтать будем или как? — хмуро осведомилась Уна, крайне недовольная коварной провокацией.
— Я еще не решила, пропускать вас или нет. Так что на вашем месте я бы предпочла беседу, — в голосе демонессы послышались холодные нотки. — Каждый сверчок — знай свой шесток.
Со стороны обрыва донеслись скребущие звуки. Люди невольно обернулись. Над краем склона показался один из Пожирателей. Вид у него был помятый. Его приятели, кубарем покатившиеся с кручи, все еще где-то задерживались. Завидев нерасторопного слугу, демонесса рассмеялась низким грудным тембром и велела ему отойти к остальным. Затем ее взгляд упал на два рассеченных тела неподалеку от Ульма и веселья сразу поубавилось. Однако она, на удивление, не злилась, горя жаждой мщения за поверженных демонов. Скорее, размышляла, внимательно оглядывая людей.

— Куда вы идете? — спросила, помолчав, шаада. — Я хочу услышать правильный ответ, иначе на этом ваше путешествие и закончится.
— К Фумаролам, — отозвалась Уна, вовремя вспомнив наставления Эбби.
— Такой кружной дорогой? У меня не настолько запутанный оскольтратум, — усомнилась демонесса.
Эбби явно был прав, когда говорил что следует придерживаться легенды, а не бродить абы где, рассматривая достопримечательности. У ведьмы хватило ума наплести про пластовых червей, а затем и расщелину в пустоту, чтобы оправдать подозрительную траекторию отряда. Мол, все-таки они тут в первый раз, поэтому выйти к желанной цели и не заплутать не так-то просто.

Демонесса, выслушав Уну, снисходительно кивнула. Видимо, рассказ в целом соответствовал ее представлениям о поведении новичков.
— Осмелюсь спросить: если ты та, за кого себя выдаешь, отчего ты занимаешься мелкими сошками вроде нас? Или здесь так всех встречают? — осведомилась Илиана, не поднимая капюшона. — Если я правильно понимаю, ты могла бы стереть нас в порошок, однако стояла и смотрела как мы задаем трепку твоим подчиненным.
Задрапированная в мантию, надетую поверх колдовства феи, она не показывала ни лица, ни даже кончиков пальцев. При иных обстоятельствах ее маскировка спровоцировала бы некоторые вопросы, но только не здесь и не сейчас. Внешний вид императрицы у шаады подозрений не вызывал, поскольку практически все женщины в отряде носили похожие одежды. Путешественникам в преисподнюю было свойственно прятать лицо хотя бы в силу жизненных привычек — вспомнить тех же Манипуляторов, большинство из которых старалось не обнажать голову публично.
— Хороший вопрос, — блеснула оранжевыми глазами демонесса.
Усмехнувшись, она снизошла до объяснений. Ее появление — чистая случайность. Оказавшись неподалеку, шаада решила лично взглянуть на тех людей, что спустя столько лет осмелились объявиться в ее владениях. Она не отдавала приказ нападать — люди начали первыми. Шаада же стояла и смотрела как они себя ведут и, возможно, позволила бы своим слугам разорвать их в клочья, кабы гости не показали зубы. Стихийные обморожения, падение со склона и отрубленные конечности — все это ее забавляло, пока не кончилось двумя телами, рассеченными Ульмом. Не успел клинок северянина сразить второго демона, как шаада решила вмешаться, чтобы избежать ненужных потерь. Пришельцы ее заин-

триговали, доказав свою компетентность. Мало кому под силу уложить ее прислужников так, что они отправились на перевоплощение.
— Клинки ваших воинов создавали мастера не из числа простых людей, — подытожила демонесса. — Можете мне не лгать — это бессмысленно. Наверняка здесь не обошлось без первородных чародеек. Я вас не виню. Меч — обычный инструмент, и лишь бы служил, а когда и против кого — личное дело его хозяина. Но у абы кого таких мечей не бывает. Беседа с вами это подтвердила. Вы знаете, куда и зачем пришли. Вашу нерасторопность я списываю на недостаток опыта путешествий в края подобные моим.
— Мы бы открыли Трансталл ближе к цели, но это почти нереально из-за тамошних энергетических вихрей, — пояснила Уна, припоминая рассказы Эбби. — С непривычки и заплутали, пока шли.
— На ваше счастье, именно так я и подумала. Иначе бы этого разговора не состоялось, — произнесла шаада, властно блеснув оранжевыми глазами.
— Так ты нас пропустишь? — осторожно осведомилась ведьма.
— Да, я позволю вам пройти. Но только к Кордраторусам. То бишь к тому, что вы зовете Фумаролами. Собьетесь с пути еще раз — пеняйте на себя. Здесь вам не туристический маршрут, — помедлив, изрекла шаада. — Впрочем, я могу вас проводить, если хотите. Со мной вам ничего не грозит.
Уна откровенно растерялась, не зная, что и сказать. Такой спутник, способный в любой момент раскрыть инкогнито людей под мантиями, был опаснее некуда. С другой стороны, не прозвучит ли отказ слишком подозрительно? Разве разумно отвергать помощь здешней всемогущей хозяйки?
— И во что нам обойдется твоя любезность? — спросила Илиана, выручив запнувшуюся ведьму. — Все имеет свою цену, не так ли? В бескорыстность твоей услуги я уж, прошу прощения, не верю.
— Я бы позаимствовала вот этого красавца, — изрекла демонесса, кивая на северянина. — Он меня заинтриговал.
Полагала ли она, что женщины обменяют воина на собственную безопасность, либо же надеялась спровоцировать дискуссию — кто ж ее знает. Вероятно, какой-то свой расчет у шаады наверняка был, но он остался неизвестным. К ее явному разочарованию сделка не состоялась. Илиана даже не стала выяснять, зачем суккубу понадобился Ульм. Вежливо, но твердо она сообщила, что никто и никем из отряда жертвовать не собирается.
— Что ж, дело ваше, — вздохнула демонесса. — Только не пожалейте. Надеюсь, дорогу вы знаете, иначе наша следующая встреча будет совсем иной.

Сказав так, она неожиданно взмыла вверх, раскрыв изящные крылья. Было очень странно наблюдать, как поднимаясь к небу шаада становилась не меньше, а больше. По мере отдаления десятифутовой фигуре следовало зрительно уменьшиться до размера грецкого ореха, а она превратилась в настоящего исполина. И этот исполин, сделав круг над людьми, стремглав унесся куда-то прочь. Когда отряд огляделся, вокруг не было видно ни одного демона.

Шаада выразилась более чем ясно, и пренебрегать ее словами не стоило. Хочешь не хочешь, а приходилось идти прямиком к Фумаролам, чтобы не вступать в конфронтацию с могущественной хозяйкой здешнего оскольтратума. Не теряя времени, лазутчики отправились в путь.

— В случае чего, мы бы с ней справились? — спросила Сирелина, обращаясь к фее, украдкой выглядывавшей из-под капюшона.

— Шутишь что ли? — отозвалась та. — Как максимум, я смогла бы защитить Илиану. Если бы шаада догадалась кто мы, она разорвала бы нас в клочья. Именно поэтому она отозвала слуг и спокойно подошла к нам в гордом одиночестве. Ей ведь ничего не угрожало. К счастью, наша маскировка сработала превосходно, в чем я, признаться, здорово сомневалась.

Фея неторопливо объяснила. Шаада была настолько высокоуровневым векстром, что даже пусти чародейки в ход все свои таланты, от них бы и мокрого места не осталось. В преисподней с такими как она шутки плохи. Хорошо что к гостям здесь относятся достаточно прагматично, отчего все закончилось благополучно. Эбби был совершенно прав, когда рассказывал о нравах местных обитателей, описывая опасности Тризианиума. Права была и Сирелина, считавшая, что лазутчикам следует начать с Дианoвеума. Не ошибся и Ульм, когда признал в шааде суккуба и вовремя посоветовал обратить внимание на спутников мужского пола.

— Кстати, голубчик, а как тебе удалось избежать ее чар? — осведомилась Дин'Юлемиона, обращаясь к северянину. — И вообще сообразить кто она такая?

Илиана невольно улыбнулась, заслышав в ее голосе ревнивые нотки. Фея сама строила глазки воину, и внимание суккуба ей пришлось не по нраву. Обычные женщины в окружении Ульма Дину не волновали, однако высокопоставленная демонесса невольно воспринималась ей как конкурентка. Кажется, северянин это понял, отчего ответил на вопрос феи очень тактично и развернуто. Перед нынешним путешествием ему довелось полистать соответствующий бестиарий в библиотеке Фортумагума. Не лишнее, надо сказать, чтиво для тех, кто собрался в край вечного огня. В преисподней не так уж много демонов, выглядящих подобным обра-

зом. Женщинам труднее распознать суккуба, чем мужчинам. Дело даже не в том, что они не подвержены воздействию ее чар — очень даже подвержены, просто по-своему. Суккуб всячески скрывает от них свою сущность, отчего способен находиться в женском обществе очень долго. Со стороны все выглядит так, будто одна из женщин привлекательнее для мужчин, чем остальные. Облюбовав себе жертву, суккуб очаровывает ее прямо у всех на глазах, и обычно никто ничего даже не подозревает. Особенно старший суккуб, обладающий несравнимо большими возможностями. Их простым людям, как правило, и вовсе не раскусить без вмешательства могущественных заклинателей. А каким же должна быть шаада, учитывая ее высокое положение, как не старшим? Не прошло и минуты, как Бэйл с Ювионом оказались в ее власти. Лишь прикосновение настоящей женщины нивелирует очарование суккуба, даруя мужчине временный иммунитет. Что же касается самого Ульма, то на него такие штучки давно не действуют. Он привык смотреть на женщин другими глазами, поэтому суккуб, пытаясь соблазнить его традиционным образом, попросту бил мимо цели.

— Это какими еще глазами? — беспокойно осведомилась фея, заподозрив неладное. — Тебе вообще… гм… кто нравится-то?

— Я в том смысле, что просто ни о чем таком не думаю, — невольно улыбнулся северянин. — Я владею своими чувствами в достаточной степени для того, чтобы мой разум не сворачивался набекрень при виде какой-нибудь красотки.

Бэйл, слушавший краем уха этот разговор, смущенно закашлялся. Впрочем, Сирелина на него уже не сердилась. Уняв первый порыв негодования, она решила не ставить гладиатору в вину чары могущественной демонессы. Демонессы, способной проникать в мир людей, вселяясь в какую-нибудь подходящую оболочку, и поглощать жизненную энергию жертвы не хуже вампира, выпивая ее досуха. В истории бывали случаи, когда суккуб играл со своей добычей недели, а то и месяцы, постепенно растягивая удовольствие. В таких случаях жертвы становились настолько зависимы от суккуба, что сами шли к нему как наркоманы, даже если под конец осознавали, с кем имеют дело. Заканчивалось это всегда одинаково. Оставалось радоваться, что появление суккуба зависит от целого ряда обстоятельств, иначе пламенеющие легионы наверняка наводнили бы ими мир людей. Их ведь вполне можно использовать как агентов, выполняющих функции разведчика и диверсанта. Однако до сих пор таких случаев чародейки не выявляли. Либо демонессы искусно избегали обнаружения, либо векстры, что вероятнее, из-за своего презрительного отношения к людям попро-

сту до этого не опускались. Посмотрев на Бэйла, Сирелина ободряюще сжала его руку, но тот все равно продолжал сокрушаться, что так легко поддался какому-то там суккубу, да еще в присутствии своей обожаемой подруги. Ювион тоже не лучился бодростью, понуро плетясь где-то позади императрицы. Ту, кстати, нельзя было упрекнуть в жестокосердии. Илиана сказала заклинателю стихий несколько теплых слов, чтобы он не терзался понапрасну, но Ювиону, кажется, доставляло особое удовольствие заниматься самобичеванием.

— О, значит ты у нас человек-скала? Любопытненько, — проворковала враз повеселевшая Дин'Юлемиона, раздразненная словами северянина.

Илиана начинала откровенно подозревать наставницу, что та, наткнувшись на очередное препятствие, всерьез вознамерилась раскусить этот крепкий орешек.

— Признаться, так было не всегда, — помолчав, добавил Ульм. — Но я дал себе слово, что больше никогда не позволю чувствам взять надо мной верх.

— Не поделишься? — аж заерзала фея, едва не свалившись с плеча императрицы.

— Это слишком личное, — отозвался северянин и умолк.

Дин'Юлемиона, как ни старалась, больше не вытянула из него ни слова. Илиана, поскольку миниатюрная наставница устроилась возле уха, слышала, как та пробормотала что-то насчет пикника, но в подробности вдаваться не стала. Следовало завязывать с лирическими разговорами и возвращаться к действительности.

В привычном смысле болота в преисподней исключались. Вода здесь отсутствовала как таковая. Вместо нее среди местных красот имелась некая жижа, снабжавшая мертвую и живую плоть питательными веществами. Именно эта жижа виднелась в подобии вен, пронизывавших псевдоземлю. Она же скрывалась в глубоких ямах, способных дать тысячу очков вперед самой страшной топи. Отряду следовало перебраться на другую сторону открывшейся перед ним низины, а та доверия не вызывала. Изрытая какими-то невнятными кочками, она изобиловала крупными углублениями, смахивавшими на отпечатки гигантских копыт. Там и сям расстилались области стоячей жижи, а где-то почва ходила ходуном, будто под ней кто-то ворочался. Чародейки, посовещавшись, предложили воспользоваться левитацией и махнуть к другому берегу. Раз уж их присутствие для демонов более не секрет, от кого им прятаться? Фея, скептически оценив расстояние, осведомилась, хватит ли у спутниц выдержки преодолеть восемь миль в поперечнике и не свалиться вниз. Чародейки храбрились, но бы-

ло видно, что особой уверенности они не испытывали. Подобие леса, который миновал отряд, спустившись с холма после встречи с шаадой, уже оставило в их душе тягостные воспоминания. Колючий кустарник и ползучая кристаллическая трава, усеянная ядовитыми иглами, не шли ни в какое сравнение с обросшими плесенью валунами и карикатурой на деревья. Валуны отвратительно пульсировали, а плесень оказалась коркой сочившегося из них гноя. Процессы, идущие в мертвой плоти, в зоне скопления органики выбрасывали наружу отработанные и вступавшие в конфликт субстанции. Одна из ведьм, выстрелив в какую-то опрометчиво напавшую на нее гадину, попала в такой валун разрядом молнии. Тот лопнул как самый обычный нарыв, выбросив из земли фонтан пенящейся массы вперемешку с мерзкими глистоподобными существами. Существа извивались как черви, попавшие на сковородку, а на месте валуна образовалась сочащаяся слизью скважина, курившаяся вонючим дымком. Чародейки позатыкали ладонями рты, борясь с приступом рвоты, и даже ведьмы, привыкшие ко всякой гадости, отводили глаза. Что же касалось "деревьев", то они прямо-таки соревновались кто из них тошнотворнее. В лучшем случае они шевелились множеством отростков, усеивавших ветви вместо листьев, причем каждый отросток напоминал сжимавшуюся и разжимавшуюся присоску. В худшем — вытягивались из земной плоти по направлению к проходившим мимо людям, мечтая достать их хлюпающим зевом похожей на актинию кроны. От напряжения структура стволов становилась полупрозрачной, отчего внутри можно было различить некую двигавшуюся туда-сюда темную массу. Местная живность, в основном смахивавшая на муравьев и гусениц, поедала друг друга и псевдоземлю, прогрызая в ней зияющие язвы. К примеру, Секвестров здесь было хоть отбавляй. Кусты и деревья жрали живность, включая летающую. На глазах у лазутчиков один из стволов, резко подавшись вверх, сцапал слишком низко проносившегося лапурга. Короткий хруст — и вот уже деревце сочно чавкает добычей, неторопливо втягиваясь обратно в почву. От такого зрелища кого угодно передернет. В сравнении с "лесом" топкая низина выглядела куда приятнее, отчего чародейки и воодушевились, рассчитывая перелететь ее по воздуху.

Фея велела идти на малой высоте, буквально в семи футах от поверхности. В случае чего отряд имел возможность оперативно приземлиться, чтобы перевести дух, и резкое падение никому не грозило. Как тут ходили сами демоны — никто и понятия не имел. Возможно, они следовали другим путем, либо же их экспфернум позволял ступать по поверхности топи как по мощеной дороге.

Как бы там ни было, людям разгуливать здесь без особой нужды не стоило. Во-первых, в болотах сновали здоровенные сороконожки и чешуйчатые улитки. Во-вторых, даже они не пребывали в безопасности. Отряд как раз пролетал над скоплением округлых впадин, когда пробегавшая там тварь оступилась и съехала в углубление. Углубление тут же раскрылось как диафрагма, обнажив уходивший в землю конус утыканного ворсинками зева. Тварь с визгом свалилась в ловушку, тут же сомкнувшуюся вновь. Поверхность слегка волновалась, пока утроба перемалывала жертву, а затем приняла обычный неподвижный вид. Был ли это хищник, или особая раковина в земной плоти — выяснять никому не хотелось, а фея помалкивала, сама борясь с нахлынувшими на нее впечатлениями. А их здесь хватало, куда ни глянь. Улитка, увязшая в густой жиже и медленно погружавшаяся в черную пучину, выглядела не столь кошмарно, как та, которую с хлюпаньем поглощала камышеобразная растительность. Обвив добычу цепкими корнями, стебли прокалывали тушу и начинали высасывать ее как вампиры до тех пор, пока не оставалась твердая внешняя оболочка. Людям стоило порадоваться, что они не идут там, внизу, пусть даже защищенные заклинаниями, однако и на их долю хватило приключений.

Отряд уже миновал большую часть пути, когда фея неожиданно почувствовала еще один бесконечно далекий импульс искры света. Повинуясь ее возгласу, лазутчики застыли на месте, а затем неторопливо начали кружить по спирали. Они постепенно поднимались все выше и, наконец, замерли в воздухе футах в восьмидесяти от топи, следуя командам Дин'Юлемионы. Та внимательно прислушивалась к незримому пространству, ловя в нем малейшие возмущения. С учетом первого опыта, ей оставалось совсем немного, чтобы определить пусть и в очень грубом приближении, но все же хоть какие-то координаты. Фея напряглась до крайности, стараясь засечь далекий источник знакомой энергии. Напряглась и болотина. Пока лазутчики бдительно посматривали по сторонам, выискивая малейшую опасность, из ее недр ударил толстый столб черной жижи. Ударил подобно гейзеру, долго копившему свою мощь и наконец-то сбросившему избыточное давление. Люди эту атаку откровенно прозевали. Часть из них фонтан подбросил высоко вверх, а часть раскидал закружившими волчками. В иных обстоятельствах чародейки преспокойно перенесли бы такой выброс, но они и так едва держались в состоянии левитации. Именно поэтому их хаотично закружило и отшвырнуло кого куда. Не в силах определить свое положение в пространстве, чародейки вертелись как в невесомости, где без точно выверенного противодейст-

вия погасить собственное движение невозможно. В итоге одна из них, очутившись вблизи от мелькавшей земли, убрала левитацию и грохнулась на заходившую ходуном почву. Другая, к ужасу Илианы, на полной скорости угодила прямиком в трясину, тут же скрывшую ее с головой. Императрица громко закричала, но Уна, быстро сориентировавшись в обстановке, уже ринулась на помощь. Спикировав к чавкнувшей жиже не хуже орла, она со всего маху всадила в нее заклинание. Болотина, не успев насладиться удачной охотой, плеснулась в стороны, расходясь поднимавшимися волнами. В месте падения чародейки образовалась пустота, ширившаяся с каждой секундой. Уна резким движением раскинула руки. Повинуясь ее колдовству, топь вздыбилась стеной небольшого цунами, а в ее черной глубине показалась уходившая туда чародейка. С коротким возгласом ведьма выбросила руку вверх, отчего тонувшую женщину выдернуло из трясины как пробку из бутылки. Охваченная сильнейшим душевным напряжением, Уна слегка перестаралась и едва не зашвырнула чародейку в далекую высь. Оставив в покое болотину, немедленно захлюпавшую в исходное положение, она вернула союзницу с небес в свои объятия. Тогда-то и выяснилось, почему чародейка не выбиралась сама. Из-за сумасшедшей болтанки и падения в жижу она потеряла сознание. От кошмарной топи ее спасли только автономные заклинания амуниции и оперативное вмешательство Уны. Другие ведьмы также времени не теряли. Переловив разлетевшихся чародеек, они привели их в адекватное состояние, причем та из сестер, что шлепнулась на землю, успела вступить в непродолжительный бой с повылезавшей местной фауной. Меньше всего досталось мужчинам. Их левитацию поддерживали ведьмы, так как они пока справлялись с этим куда лучше чародеек. Пространственные ощущения их тоже сбивали с толку дальше некуда, зато местную атмосферу они переносили гораздо легче. Именно поэтому ведьмы сумели не только быстро восстановить собственное равновесие, нарушенное гейзером жижи, но и помочь другим. Илиана так и вовсе не пострадала. Ее защищали чары Дин'Юлемионы, отчего фонтан из болота обогнул императрицу как скалу. Также фея помогла удержать всех ближайших спутников, оказав существенное подспорье ведьмам.

Несмотря на изначальный драматизм эпизода, в итоге никто не пострадал. Отряд потихоньку дотянул до конца низины, где устроил привал на подходящей возвышенности. Пока чародейки отдыхали, Илиана пришла к выводу, что выброс жижи не имел к целенаправленной атаке никакого отношения. Дина решила точно так же. Коротая время, она вместе с императрицей оглядывала

форсированный ландшафт. Там, вдали, сначала с одной стороны, а потом с другой вздыбились очень похожие гейзеры, причем вздыбились без всякой видимой причины. Вряд ли отряду исключительно повезло очутиться не в том месте не в то время. Скорее всего, выброс болотной массы каким-то образом спровоцировали чары лазутчиков, пока они по указанию феи кружили над относительно небольшой областью. Прочие гейзеры, изредка вырывавшиеся из трясины, вероятно, явились следствием прокатившегося в глубине возмущения. Хотя кто ее знает, эту мерзкую топь. Дин'Юлемиона, поежившись, поведала Илиане о своих подозрениях касательно волновавшихся участков почвы, выглядевших так, будто под ними кто-то шевелился. Не исключено, что здесь обитали Болотники. Те самые демоны, некогда успешно призываемые Манипуляторами в период северной кампании. Это подозрение и заставило фею сделать выбор в пользу полета над низиной. Болотники, ползающие в толще черной жижи, могли повести себя непредсказуемо, а прямого столкновения с ними следовало всячески избегать. Вряд ли гейзер выбросил кто-то из них, иначе упавших чародеек немедленно атаковали бы щупальца, но вот среагировать на шум зловонные демоны вполне способны. При иных обстоятельствах фея с императрицей обязательно покопались бы в трясине, выясняя, кто и как в ней скрывается. Когда еще добудешь подобные сведения по части устройства преисподней? Однако сейчас им было не до того. Лазутчики явились сюда не затем, чтобы проводить научные изыскания, поэтому едва чародейки перевели дух, отряд немедленно двинулся дальше.

Илиана не могла помогать спутникам как Принцесса Крови. Ее маскировка распространялась не только на наряд, надежно скрывавший от демонов сущность владелицы. Всякое воздействие жизненной энергией заведомо исключалось, чтобы не засиять в преисподней как маяк, на который вместо кораблей сбегутся полчища векстров. Оттого-то императрица была не в состоянии убрать все отрицательные ощущения людей, придать им сил и нивелировать пагубное воздействие окружающей среды. Спутникам приходилось справляться самим. Хорошо хоть они подобрались выносливые и опытные, поэтому задержки в пути сводились к минимуму. Несмотря на все проблемы с восприятием и адаптацией, чародейки преодолевали трудности вполне удовлетворительно и совершенствовались прямо на ходу. Еще лучше преуспевали ведьмы. Инцидент в низине продемонстрировал насколько они неплохо освоились. Особенно Уна, в критическую минуту показавшая себя великолепным образом. Ее поведение менялось прямо на глазах. В движениях появилась заметная уверенность, также

читавшаяся и в ставшем гораздо тверже голосе. Зеленоглазая ведьма начинала относиться к окружающему едва ли не с вызовом, всем своим видом источая растущую силу. И встречный вызов не замедлил поступить, когда лазутчики вышли к огненной реке.

Да, это была самая настоящая река мили две в поперечнике, только вместо воды ее наполняло жидкое красно-оранжевое пламя. До сих пор огонь попадался путешественникам лишь где-то в невообразимой дали, но вот он наконец-то предстал перед ними во всей красе, явив частичку подлинной преисподней. Мимо сгрудившихся лазутчиков текла светящаяся лава, но лава не простая, а насыщенная экспфернумом. Он и порождал колдовской огонь, хорошо знакомый даже в мире людей. Это его волны регулярно накатывали на опаленный берег, овевая его невесомыми завиточками. Он же вздымался над раскаленной массой, танцуя на ней бесчисленными язычками. Язычками, в которые вполне можно было опустить руку и не обжечься. Ведь эта субстанция не имела высокой температуры, хоть и гнездилась в чреве расплавленных минералов. Она вообще не имела температуры, отчего и называлась холодным огнем преисподней. Береговую линию опалил отнюдь не его прибой, а жар, исходивший от лавы. Самый обычный жар, от которого трескался такой же прозаичный базальт, окаймлявший густой поток. Мертвая земляная плоть здесь как бы одевалась в толстую жаропрочную шкуру, не позволявшую сгорать ей под воздействием чудовищного нагрева. Утес, где стояли люди, был явственно теплым, а почва позади него выглядела особенно сочно, будто хорошенько приправленная удобрениями. Примерно так оно и оказалось. Черная жижа снабжала плоть питательными веществами, но плоть уже разраставшуюся, а разрасталась она именно отсюда. Здесь находился ее источник, создававший саму возможность противоестественного существования извращенного подобия земли. Огненные реки пронизывали оскольтратумы как жилы, происходя из океана вечного пламени. Вокруг них и образовывалась демоническая органика, формируя холмы и равнины, горы и ущелья. По мере роста эти ландшафты заселялись всякой мерзостью, возникавшей из мертвой плоти в результате непрерывного воздействия скверны. Скверна обретала в ней свое физическое воплощение. Флора и фауна источала ее и сама ей жила, то ли как побочный продукт, то ли как целенаправленное творение векстров.

Дин'Юлемиона прочла столь жутковатую лекцию не только в познавательных целях. Когда впечатленные спутники хорошенько уяснили суть открывшегося их взорам, фея объяснила, что пере-

сечь огненную реку не так-то просто. Про левитацию в данном случае следует забыть. Дело отнюдь не в жаре, поднимавшемся высоко над пламенеющим потоком. Защитные заклинания вполне способны уберечь людей от воздействия высоких температур даже здесь. Но если огонь из реки каким-либо образом их достанет — пиши пропало. Гейзер из трясины лишь напугал лазутчиков до полусмерти, но не более того. В объятиях выброса пламени смерть будет мгновенной и настоящей. Ибо даже чары Дин'Юлемионы могут не выдержать натиск субстанции, вытекающей прямиком из вечного огня.

— Не понимаю, что нам помешает, если подняться повыше? — озабоченно произнесла Уна, потирая подбородок. — Мы вроде уже достаточно освоились, чтобы взлететь на несколько сотен футов.

— Чем выше вы подниметесь, тем тяжелее вам придется. Не забывайте, где мы находимся и что под нашими головами. Да, именно ПОД нашими головами, — напомнила фея. — Там океан пламени, и эти реки в какой-то точке оскольтратума поднимаются непосредственно оттуда. Поднимаются могучими струями, несущими в пустоту все новые и новые фрагменты преисподней, равно как и питающими уже созданные. Возможно, мы сумеем увидеть такой восходящий огнепад, если приблизимся к тому месту, где он вливается в здешний регион. Хотя вряд ли. Идти далековато.

— А почему тогда мы не видим его отсюда, раз он настолько большой и длинный? Раз он имеет поистине космические масштабы? — усомнилась Сирелина.

— Из-за пространственных наложений. Вспомните ту долину у крутого склона. Преисподняя не существует в привычном вам трехмерном измерении, — усмехнулась Дин'Юлемиона. — Скала, у подножия которой мы вышли из Трансталла — где она? Куда подевался объект четыреста тысяч миль длиной, когда мы отошли от него вроде бы всего ничего?

Чародейки озадаченно переглянулись. А ведь и правда! Исчезновения скалы, долгое время маячившей как указующий перст, ввиду развития событий никто не заметил.

— Оттого мы не видим и океан огня, хотя он до сих пор там, где и был, а мы по-прежнему идем относительно него вверх тормашками, — продолжила фея. — Ну, постоянно не видим, поскольку он нет-нет, да показывается. Кстати, вот как раз и он!

Спутники, задрав головы, снова узрели где-то там, в небесной бездне, бескрайнюю красноту, неторопливо плывшую из одной стороны вечности в другую. Тут же им вновь показалось, что они вот-вот оторвутся от земли и упадут туда, в сердце огня, древнего, как само мироздание. Одна за другой ведьмы и чародейки опус-

кали глаза в землю, стараясь побороть охватившее их головокружение. В груди стало тесно, а дыхание перехватило.
— Вот про это я и говорила! — наставительно заявила фея. — Там, высоко над рекой, эти ощущения станут в тысячу крат хуже. А может и в миллион. Доводилось слыхать про Лист Мебиуса? Это такой лист, у которого только одна сторона. В некотором смысле вы окажетесь окружены подобной структурой, поскольку океан вечного огня со всеми его течениями представляет собой единое целое, изгибающееся в многомерном пространстве. Что и где вы при этом будете видеть и куда начнете падать — не берусь предсказать даже я. Кроме того, это не единственная проблема.
Сведения о второй не заставили себя ждать. Примерно посередине реки лава без всяких предпосылок вздыбилась могучим буруном. Меж ее берегов прокатился низкий звук, сопровождавший выброс поднявшегося как торос пламени. Из этого тороса вырвался огненный метеор. Пламя тут же осело назад, расходясь крупными волнами, а метеор с сердитым гудением унесся куда-то ввысь, оставляя за собой дымный шлейф. Отряд еще следил за ним глазами, когда река точно так же исторгла второй метеор. Затем, помедлив третий. И вдруг, словно по артиллерийской команде, дала одновременный залп сразу множеством выбросов, отправив в пространство несколько десятков здоровенных пылающих шаров. Скала под ногами людей мелко дрожала, а в ушах стоял могучий гул от вздымавшихся к небу глыб.
— Где-то я это уже видела… — ошеломленно пробормотала Сирелина.
— Из Разломов. Когда канал в преисподнюю становится достаточно широким, через него проникают такие вот выбросы, направляемые векстрами. Чего и удивляться что вам они не по зубам, раз их попаданий не выдерживали даже небесные крепости Ардарианской империи, — мрачно изрекла Дин'Юлемиона.
Она едва успела договорить, как и без того внушительное зрелище увенчалось неожиданным эпизодом. Метеоры взлетали из реки под разными углами. Траектории двух из них пересеклись и пламенеющие глыбы столкнулись. Раздался такой грохот, будто раскололось небо. Яростная огненная вспышка плеснусь жидким огнем, рассыпавшимся на множество горящих осколков. Лазутчики с перепугу аж присели, вообразив, что сейчас на них прольются раскаленные осадки. Ничего похожего не произошло. Часть огня рассеялась еще в воздухе. Другая, судя по отдаленному стуку, упала на почву мелким камнепадом, слегка опалившим почву. Мелькнула какая-то крупная тень, и повеяло густым жаром. Еще один метеор добавил незабываемых впечатлений, разозленным шерш-

нем пронесясь неподалеку от скалы, где находилась группа. Вот теперь всем окончательно стало понятно, почему фея не советовала летать над огненной рекой. Также прояснилась и природа зарниц, периодически сверкавших где-то впереди, пока люди не ступили на опаленные берега. Пылающие метеоры, как и прочее, были видны только вблизи и лишь изредка издали, когда то позволяли искривления пространства. Прежде лазутчики не обращали особого внимания на взмывавшие где-то у горизонта глыбы. Теперь, столкнувшись с ними нос к носу, они всерьез озаботились как пересечь возникшую преграду. Иллюзий никто не строил. Малые метеоры из Разломов некогда едва не убили чародеек при первом знакомстве. Их прямое попадание грозило неминуемой гибелью. Здесь, в преисподней, взрыв огненной глыбы разложит заклинательниц на атомы вместе со всеми барьерами защиты. Фея, возможно, выдержит такое попадание, но если она захочет остаться наедине с Илианой, то у нее для этого найдутся менее испепеляющие способы. С учетом того, что метеоры вырывались из реки с непредсказуемыми интервалом, интенсивностью и траекториями форсирование пламенеющей преграды превращалось в смертельную рулетку.

— И что же нам делать? — окончательно растерялась Сирелина.

— Искать переправу. Она должна быть где-то недалеко. Векстры же тоже не таскаются через эту раскаленную жижу. Для них это не слишком удобно, — изрек Ульм, глядя куда-то на другой берег с откровенно возмутительным спокойствием.

— И откуда тебе сие известно? — осведомилась Дин'Юлемиона, высунувшись из-под мантии императрицы.

Судя по удивленным возгласам, остальные спутники полностью присоединялись к заданному вопросу.

— Я один что ли слушал Эбби? — пожал плечами северянин. — Через тот Трансталл демонологи Фортумагума ходили к Кордраторусам. То есть к Фумаролам. Ходили протоптанной дорожкой и всяко каждый раз не играли в лотерею со смертью. Очевидно, что Ормунделл и компания следовали какому-то проверенному пути, и вряд ли они сотворили его сами. Мы же сегодня намеренно отклонились от этого курса, поскольку изначально ставили перед собой другую задачу. Поэтому и вышли к огненной реке совсем в другом месте. Теперь, если пойти вдоль ее русла, мы наверняка наткнемся на мост или что-нибудь вроде того.

— Ну надо же! В самую точку! Между прочим, я сама как раз хотела сказать примерно то же самое, — певуче протянула фея. — Твоя сообразительность делает тебе честь, — добавила она, снова нырнув под капюшон.

Никто кроме Илианы уже не услышал, как Дин'Юлемиона отпустила в адрес воина несколько лестных слов, а также полушутя попросила воспитанницу одолжить ей своего верного стража.
— А зачем же тогда были все эти рассказы про огненную реку, если ты заранее знала про переправу? — последовал вполне резонный вопрос кого-то из заклинательниц.
— А чтобы вы, барышни, даже и думать не смели порхать над этой стремниной как мотыльки у свечки! — нравоучительно заявила фея. — Лучше один раз увидеть, чем сдуру окочуриться! Собирай потом ваш пепел по всему оскольтратуму.

Путешествие вдоль реки заняло не слишком много времени. Лазутчики периодически чихали и кашляли из-за резких запахов всякой химии и особенно серы, присущих вулканической активности. Некоторые, в конце концов, робко осведомились, обязательно ли следовать в такой близости от источника всяких вредных для здоровья элементов. Конечно, фее виднее, но она все-таки бессмертная, а вот люди побаиваются задохнуться ядовитыми парами. Дин'Юлемиона на сей счет напомнила, что на самом деле никто из отряда вообще не дышит. Грудь у людей вздымается исключительно по привычке. Да, им в нос и легкие проникают запахи и все такое, но их обычный обмен веществ в преисподней фактически останавливается, как и в Последнем Приюте. Или кто-то из спутников всерьез воображает, что векстры специально для них создали атмосферу, пригодную для человеческой жизни, и прочие удобства? Ни серой, ни фосфором сейчас лазутчики отравиться не могут, и не умрут даже если проглотят пригоршню цианида. Он непременно убьет их сразу по выходу из Трансталла, когда в теле запустятся привычные биологические процессы, но не ранее. Вот скверна, насквозь пронизывающая все здешнее пространство, действительно отравляет их каждую секунду, но с этим уж ничего не поделаешь. Оттого долгое пребывание в преисподней строго не рекомендовалось еще адептам Проберианского колдовского течения. При чрезмерной концентрации демонического яда, как и в случае с радиоактивным поражением, последствия становятся необратимыми. Спутникам императрицы пока что волноваться не о чем. Как Принцесса Крови она сумеет изгнать из них всю отраву, когда отряд вернется в Фортумагум. Только злоупотреблять ее возможностями все же не следует, поскольку даже она бессильна перед критическим изменением сущности. Тех же Манипуляторов исцелить уже нельзя.
— Но ведь местная живность жирует, размножается и в ус не дует, — заметила Сирелина, регулярно приставшая к фее с вопросами. — Как же она это делает, если обмен веществ здесь замира-

ет?
— Так то МЕСТНАЯ! — ничуть не рассердилась ее непонятливости Дин'Юлемиона. Ее тихий смех донесся из-под капюшона переливом хрустальных колокольчиков. — Ты еще спроси почему сами векстры вытворяют здесь что хотят, в то время как вы вынуждены мириться с целым рядом ограничений.
— А что собой представляет та переправа, куда мы идем? — вставила свой вопрос одна из ведьм.
— Дойдем — сама увидишь, — отозвалась фея. — Я ведь ее тоже в глаза не видала! Как и вы, я тут впервые, поэтому могу лишь предполагать, основываясь на своих знаниях. Меня лично беспокоит совсем другое. А именно, с кем мы можем там столкнуться, и что из этого выйдет…

При мыслях о переправе через огненную реку человеческое воображение привычно рисовало себе мостоподобную конструкцию или природную арку. Фермы, поддерживающие длинные пролеты, казались чем-то само собой разумеющимся. Они торчат из базальтовых опор, островами вздымающихся в течении лавы, а секции пролетов надежно скреплены между собой механическими узлами. Либо же берега соединяет мощная каменная перемычка естественного происхождения, под которой жидкое пламя течет через пробитые жаром и временем бреши. Такие сплошь и рядом имеются среди горных систем, особенно вулканического происхождения. Эти перемычки никто не строил — они там просто были, либо уцелев от прежних массивов породы, либо образовавшись в результате обвалов. Застывшая лава частенько принимала самые разные черты, смахивавшие не только на арочный мост, но и куда более вычурные объекты. В своих фантазиях лазутчики пытались сделать поправку на особенности преисподней, но они и близко не угадали форму искомого перехода на другой берег.

Перевалив через очередной пригорок, овеваемый волнами колдовского огня, отряд вышел к совершенно ровной прогалине. Ровной настолько, будто ее заливали при помощи специальных инструментов. После каменистых россыпей, набитых недружелюбным кустарником, она казалась образцом совершенства. Кустарник, кстати, в отличие от большинства здешней флоры ни на кого не нападал и вообще не проявлял какой-либо активности. Объяснялось это поведение отнюдь не избытком дружелюбия. Просто состоял он исключительно из металлических соединений. Его корни, ветви и подобие листьев вообще не имели органики. В красных и оранжевых отсветах реки поблескивали свинцовые, железные, вольфрамовые и титановые заросли. Произрастая из трещин в базальте, они расползались по округе цепким покровом,

с которым следовало избегать близкого знакомства. Ведь практически любая поверхность металлического сада либо представляла собой режущую кромку, либо была усеяна мелкими острыми шипами. Каким образом это неорганическое диво росло и ширилось — оставалось только гадать. Люди вздохнули с облегчением, миновав эти дебри, и после них ровная прогалина выглядела островком спокойствия и блаженства. Базальт здесь сменялся серым гранитом. На его фоне группа даже не сразу заметила, что справа от прогалины начинается довольно широкая дорога, уводящая куда-то меж скалистых холмов. Слева же по-прежнему бурлила река, разве что ее противоположный берег поднимался особенно высоко, скрывая тамошние достопримечательности. Ступив на прогалину, лазутчики установили, что ее центральная часть, ярдов двести в диаметре, была окружена черной каймой толщиной три фута. В ближайшем приближении стало понятно, что кайму испещряют многочисленные прожилки, сочившиеся красным светом. Навскидку прожилки выглядели хаотичной сеткой, но внимательный взгляд вскоре нащупывал в ней некую хитроумную закономерность.

Первым в круг вошел Ювион. Ему очень хотелось хоть как-то проявить себя, поэтому пока остальные колебались, соображая, с чем имеют дело, он просто миновал черную границу. Ничего не изменилось. Его примеру последовало несколько ведьм и две чародейки. Остальные бдительно поглядывали по сторонам.

— Дорога, по которой, вероятно, ходил Ормунделл, здесь заканчивается, — констатировала Сирелина, покрутившись туда-сюда. — Эта площадка — тупик. И на переправу ничуть не похожа. Идеи есть?

— Возможно, эта площадка и есть переправа, — сообщила Дин'Юлемиона, выглядывая из-под капюшона. — Просто мы не знаем как ей пользоваться.

— Эбби говорил, — заметил Ульм. — Просто вы его не поняли. Даже вы, ваша светозарность.

— Да ну?! — насупилась фея, повернув голову и созерцая северянина. — И что же ты, мой друг, уразумел, чего я упустила?

— Он говорил, что они прыгали на другую сторону. Пры-га-ли! Куда уж яснее? Нет, я привык, что люди невнимательны, но от… — тут Ульм прикусил язык, вовремя умолкнув, чтобы не сболтнуть лишнего.

Дин'Юлемиона в общих чертах догадалась о содержании второй части фразы воина. Она не то чтобы рассердилась, но и промолчать не сумела.

— То есть, вот эти вот слова ключ, да? То есть, надо просто

ПРЫГНУТЬ — и дело в шляпе?! Как же я сама, дура, не догадалась! — язвительно произнесла она, одновременно силясь сообразить, в чем тут подвох. — Я бы сейчас сама встала туда да подпрыгнула, только не могу вылезти из-под мантии!
— Я могу, — рассмеялась Уна, стоявшая в пяти ярдах от Илианы, но внутри черной границы.
Сказано — сделано. Отключив защитную левитацию, ведьма подпрыгнула, будто и впрямь надеялась взмыть в неведомую высь. Ничего подобного не произошло. Вместо этого Уна приземлилась обратно на серый гранит. И тут же исчезла из виду, провалившись сквозь него так, будто его поверхность была иллюзией. Обомлев, спутники уставились в опустевшее пространство, а затем разразились тревожными возгласами. Громче всех орала сама Уна, только ее уже никто не слышал. От улыбки, с которой она ухнула под площадку, не осталось и следа. Падая в неведомую бездну, ведьма вопила во всю силу легких. Еще бы! По периметру сперва промелькнули пласты пульсирующей плоти. Они выглядели как слои праздничного торта, показавшиеся в сделанном разрезе. Вены, наполненные черной жижей, мерзкие черви и еще невесть какие твари, роющие себе ходы в мертвой, но при этом растущей органике — выглядело это поистине отвратительно, зато зрелище долго не продлилось. Под ногами у ведьмы разверзлась пустота, куда она сваливалась с головокружительной скоростью. Попытки включить левитацию и затормозить падение ни к чему не привели. В пространственном ощущении творился какой-то невообразимый хаос, и заклинание не срабатывало. Уна просто не понимала куда его приложить и относительно чего ей надо оставаться неподвижно, а охватившая ее паника положение уж точно не улучшала. Там, внизу, возникла какая-то серая мгла. Возникла и начала тускло отдавать чем-то красным. Уна, живо представив себе океан вечного огня, окончательно потеряла над собой контроль и замахала конечностями, истошно вопя во всю глотку. Вокруг, сколько хватало глаз, ничего не было видно. Сплошная пустота с каким-то неясным оттенком в неизмеримой дали. Толку от барахтаний не наблюдалась, зато ведьма, завалившись на спину, узрела над собой как раз то, куда больше всего на свете боялась упасть. Означенный океан виднелся над головой, неторопливо катя свои волны с одного края бесконечности к другому. Уна же летела куда-то в противоположную от него сторону. Извернувшись в воздухе, она вдруг обнаружила, что под ней уже расстилается какая-то земля, куда она падает с поистине космической скоростью. Земля, с холмами, скалами, горами и долинами, вырастала в размерах прямо на глазах. Вот уже на ней отчетливо мелькнула и стала шириться

ярко-красная жила, опоясанная базальтовыми берегами. И там, внизу, появилась круглая серая площадка, приближавшаяся с каждым мгновением. Уна все еще орала, когда со всего маху врезалась в эту площадку будто комета и… продолжала орать, мягко шлепнувшись на ровный серый гранит. Вместо того чтобы размазаться в кровавую кашу, она сначала очутилась на нем головой вниз, то бишь как и падала, а затем просто завалилась на бок, поскольку ходить на голове ведьма не умела. Придя в себя, она обнаружила, что в полном одиночестве лежит точно на такой же площадке, с какой и отправилась в это неожиданное путешествие. На этой площадке, окаймленной высокими базальтовыми скалами, не было ни души. От нее также куда-то уходила дорога, откуда к хлопавшей глазами лазутчице неторопливо приближался громадный Опустошитель.

В отряде еще не решили, стоит ли повторять опыт Уны и проваливаться невесть куда, как она вдруг появилась снова. Появилась из ниоткуда, словно свалилась с неба. Ее фигура как бы стекла в крошечное мгновение сверху вниз, обретя присущую ей форму. Бурные дебаты тут же прекратились и ведьму засыпали вопросами. Второе путешествие Уна перенесла куда легче. Ее сердце бешено билось, а руки дрожали, но то больше относилось к первому падению в никуда, едва не доведшему ее до инфаркта.

— Там Опустошитель, — не своим голосом изрекла ведьма, ткнув пальцем совсем не туда, где в действительности шагал демон.

Ей пришлось потратить какое-то время, чтобы связно объясниться, поскольку от пережитых впечатлений ее слова, мысли и ощущения несколько разладились друг относительно друга.

Так называемое падение занимало всего несколько секунд. Подпрыгнув, Уна действительно скакнула на ту сторону, где располагалась точно такая же площадка. Возможно, это вообще была одна и та же площадка, находившаяся в разных визуальных точках многомерного пространства. Провалившись сквозь нее, ведьма на нее же и свалилась, переместившись относительно нескольких координат, но в других оставшись там же, где и была. В голове у женщины творилось черти что, однако у нее хватило ума, чтобы разобраться в случившемся, а также сил повторить путешествие. Повторить до того, как остаться наедине с огромным демоном. Подпрыгнув еще раз, ведьма унеслась в обратном направлении и приземлилась неподалеку от спутников, решавших, как им следует поступить. Некоторые хотели немедленно отправиться за Уной, но даже у них благоразумие все же взяло верх над первым порывом. Вдруг это не переправа, а ловушка? Кто знает, что поджидает путника на той стороне, если она вообще ведет на ту сто-

рону? Бросать товарища нельзя, только и опрометчиво соваться неизвестно куда тоже недопустимо. К счастью, спор о дальнейших действиях даже не успел разгореться, как Уна вернулась назад, живая и невредимая. Разве что нервы у нее были ни к черту и речь слегка заикалась.

Когда принцип работы переправы стал более-менее ясен, тут же возник вопрос с Опустошителем. Отойдя подальше от черного круга, лазутчики принялись обсуждать, перемещаться ли им всем вместе, либо же обождать здесь. Теперь если и прыгать на ту сторону, то всем вместе, однако столкнуться там нос к носу с исполинским демоном — не самое удачное развитие событий. Никто ведь толком не знал, зачем рогатое чудовище приближалось к Уне, равно как и понятия не имел, что оно поделывает в данную минуту. Скакнешь вот так через реку лавы да прямо под раздачу здоровенного векстра — то-то выйдет номер!

Неизвестно до чего договорились бы люди, если бы конец их дебатам не положил сам Опустошитель. Они вовсю совещались, когда в центре площадки возникла его громадная фигура. За время вторжения к их размерам порядка четырнадцати или восемнадцати футов росту все уже привыкли. Этот Опустошитель выглядел куда внушительнее. Навскидку в нем были все семьдесят футов, если не восемьдесят. Копыта окружало дымившее пламя, и такое же пламя взбиралось по всему его торсу, как бы создавая вокруг чудовища облачение из огня. Оно же окружало плечи и запястья, а в глазницах так и вовсе полыхало как в печи. Деаморх, шедший через долину, и то казался куда меньше из-за расстояния. Объявившийся рядом Опустошитель визуально был куда крупнее. Кстати, не просто рядом — в очень опасной близости! Парочка-другая прыжков этого чудовища и… Сделав шаг, громадный демон вдруг остановился и неторопливо повернул голову. Его глаза, заполненные вырывавшимся оттуда пламенем, оглядели жалкие человеческие фигурки, сгрудившиеся несколько поодаль. Из груди демона послышался низкий вибрирующий рык. Лазутчики, сообразив, что выбрали не самое удачное место для схватки, лихорадочно прикидывали как им рассредоточиться, чем атаковать и куда девать императрицу. Однако не успели они предпринять хоть что-нибудь, как Опустошитель все также степенно отвернулся и как ни в чем не бывало двинулся с площадки к дороге. Ступив на нее, он отправился куда-то по своим делам, более не удостоив людей ни единым взглядом.

— Пронесло! — пробормотала Сирелина. — Экое чудовище! Хорошо что у нас они все-таки поменьше!

— Думаю, дело не в везении. Либо ему просто не до нас, либо его

предупредила шаада, — высказалась Дин'Юлемиона. — Однако давайте не будем торчать столбами. Как я понимаю, путь свободен.

И еще не успел стихнуть гул шагов громадного демона, как отряд благополучно перебрался на противоположную сторону огненной реки.

Путешествие меж берегами проделали несколько раз, и отнюдь не для того, чтобы лазутчики попривыкли к демоническому аттракциону и перестали орать как сумасшедшие. Орать, впрочем, они действительно перестали, несколько освоившись в падении с запредельной высоты, но главная задача заключалась в другом. Дин'Юлемиона, переместившись вместе с Илианой, в процессе прыжка через пустоту вновь уловила далекую искру света. Их совместный прыжок прошел вполне успешно, хотя изначально вообще не было уверенности, как переправа поведет себя с двумя разными существами под одной мантией. Когда императрица с феей преспокойно приземлились на той стороне, Дина взволнованным голосом поведала о своих ощущениях и немедленно пожелала еще один скачок. Сразу отправиться в обратный путь не удалось. Большинство спутников были выбиты из колеи головокружительным маневром и несколько минут приходили в себя, а разделять отряд не стоило из соображений безопасности. Лишь когда все заклинательницы заявили о своей готовности, а бело-зеленый Бэйл вернул себе нормальный цвет, прыжок через реку повторили. Как назло, искомый импульс куда-то подевался, и только единственный раз за десяток перемещений фее удалось слегка скорректировать расположение его источника. Будь ее воля, она бы носилась туда-сюда хоть неделю, однако следовало вести себя естественно. Та же шаада вряд ли останется безучастной к таким внешне бессмысленным выходкам, особенно когда до Фумарол осталось, в общем-то, всего ничего. Трижды подряд не уловив в пространстве никаких новых возмущений, Дин'Юлемиона велела идти дальше.

То, что люди называли Фумаролами, у векстров именовалось Кордраторусами. Это были особые структуры, по форме напоминавшие означенные вулканические образования, отчего люди некогда их так и окрестили. Только ни газы, ни лаву, ни вообще какие-либо вещества Фумаролы не исторгали. В человеческий рост поднималось плотное, красное, склизкое вещество с белыми и желтоватыми прожилками. На верхнем конце конического нароста имелось крупное, фута три, отверстие. В боковых стенках виднелись отверстия поменьше. Таких Фумарол было явное большинство, но вокруг них частенько располагались выпуклости куда ми-

ниатюрнее, а кое-где возвышались настоящие громады от тридцати до пятидесяти ярдов высотой. Каждая Фумарола слегка покачивалась, будто под дуновением ветерка, порой то сжимаясь, то разжимаясь. Когда она так вела себя одна, то ничего особенного собой не представляла. Однако если подобным образом шевелилась целая "роща" выпуклых мясистых конусов, это производило не самое приятное ощущение, смахивающее на морскую болезнь. А там, куда пришли лазутчики, Фумаролами оброс целый кратер, чьи пологие склоны спускались к котловине невдалеке от дороги. Люди невольно замедлили шаг, когда узрели среди красно-белых холмиков довольно много демонов. В основном бесов и Пожирателей, но среди них нашлась и парочка Гангронов. Илиане и Дин'Юлемионе их внешний вид был хорошо знаком, но остальные лицезрели этих чудовищ впервые. Поглощенные созерцанием крылатой нечисти, они невольно напряглись, соображая как себя вести. А вести себя, кроме шуток, следовало как ни в чем не бывало. Ведь формально ничего необычного в такой встрече не происходило. Строго наоборот — было бы очень наивно прийти сюда рассчитывая не столкнуться ни с кем из демонов, поскольку те сами использовали Кордраторусы по прямому назначению. Кордроторусы передавали информацию. Через них векстры узнавали о событиях в разных регионах преисподней и за ее пределами. Конечно, они связывались друг с другом и иными способами, включая Спату-Фенеструмы, но Кордраторусы позволяли получить огромный объем сведений за малый промежуток времени. Что же касалось людей, то они тоже задавали этим красно-белым образованиям вопросы, только совсем другие. Вопросы, за которыми они сюда приходили. Фумаролы не имели никакого отношения к разумным существам, владеющим тайнами мироздания. Они были чем-то вроде интерфейса — точки подключения к нервной сети мертвой плоти, связывавшей между собой глобальные узлы преисподней. В Последнем Приюте путешественник выбирал себе место для погружения в чародейский сон, наполовину создаваемое собственным воображением. Там его окружала чистая энергия, способная подстраиваться под любую форму в рамках действующих правил. Здесь, в преисподней, бессмертный разум крепко переплетался с плотью, и эта плоть царила повсюду, выступая как землей, так и способом передачи сведений. В Последнем Приюте путник открывал свое сознание энергетическим потокам. Здесь ему следовало вступить в контакт с Фумаролой; слить хотя бы часть своего тела с неестественной сущностью порождения векстров.

Против ожидания, склизкие наросты не выглядели как-то уж слишком отвратительно. Во всяком случае, для ведьм. Чародейки

брезгливо оглядывали неровные ряды подрагивавших конусов, а ведьмы меж тем говорили какие-то странные вещи. По крайней мере, некоторые из них. Илиана, слушая эти разговоры, только диву давалась. Они что, всерьез полагают, что вон та красно-белая шевелящаяся пакость чем-то отличается от другой? Что какие-то Фумаролы лучше, чем прочие?! Да они все здесь одинаково мерзкие! Вот уж где пригодился бы Липкий огонь — разом выжечь дотла всю эту мясистую гнусь! Однако дело обстояло так, что мнение императрицы разделяло явно не большинство. Та же Уна, не иначе как вконец освоившись с новыми ощущениями, без всяких стеснений кружила подле Фумарол, постепенно забираясь все дальше и дальше.

— Прикажи им держаться вместе, а то сейчас разбегутся, — шепнул вдруг императрице Ульм.

Предупреждение последовало своевременно. Ведьмы и впрямь стали разбредаться кто куда, будто находились на индивидуальной экскурсии.

— А ну живо все сюда! Чтоб от меня ни шагу! — сурово скомандовала Илиана, быстро оценив обстановку.

Ведьмы, опомнившись, словно нехотя вернулись, продолжая поглядывать на Фумаролы. Складывалось впечатление, что они проявляли к ним совсем другой интерес, нежели чародейки. Дин'Юлемиона, подозвав Сирелину, велела передать всем сестрам, чтобы те бдительно приглядывали за союзницами. Пока чародейка выполняла поручение, фея украдкой осматривалась из-под капюшона.

Похоже, векстрам до людей не было ни малейшего дела. Один из Гангронов, закончив с Кордраторусом, свечкой взмыл в небо, но в миле от него почти сразу приземлился другой и сунул руку в боковое отверстие. Вдали из кратера поднималась целая группа бесов, а им навстречу спускалось несколько Пожирателей.

— Не отсюда ли топал тот Опустошитель? — негромко произнесла Илиана, угадав мысли Дины.

— Возможно, — отозвалась та. — Векстры здесь черпают различную информацию, а ее в преисподней каждую секунду генерируется чрезвычайно много. Ну, в человеческом понимании. Не исключено, что кто-то вон из тех красавцев в данный момент узнает новости о вторжении в ваш мир. А их соседям это безразлично, и они интересуются как идет образование новых оскольтратумов.

— Главное, что они не интересуются нами, а это уже хорошо! — резонно заметил Бэйл.

— Хорошо до поры, — озабоченно заметила фея. — Потому что если мы будем торчать без дела, глазея по сторонам, то вот как раз

тогда и привлечем к себе внимание.
Дополнительных пояснений от Дин'Юлемионы не требовалось. С учетом лекций Эбби и опыта нынешнего похода вся группа уже знала, что бесцельное блуждание в здешних краях, предназначенных отнюдь не для новичков — не самая удачная идея. Явившись к Фумаролам и проигнорировав их, люди автоматически заставят демонов задаться вопросом чего они вообще здесь делают. Нарушать существующие правила игры было смерти подобно. Пока гости направлялись по логически обоснованному маршруту с вполне понятной целью, векстры их без особой нужды не трогали. Ведь каждого пришельца они воспринимали как свою потенциальную добычу, способную в перспективе принести куда большую пользу, нежели одной лишь плотью и кровью. Путешественники, совращенные тягой к запретным знаниям, власти и могуществу, рано или поздно отравлялись скверной, становясь марионетками в руках демонов. И уже те задействовали их по собственному усмотрению, сея руками покорных слуг зло и разрушение. Если же путники вытворяли невесть что, то либо они глупые новички, от которых мало толку, либо у них на уме нечто совсем другое, потенциально не устраивающее хозяев преисподней. В первом случае неофитов преспокойно рвали на части, получая толику свежатинки. Во втором все зависело от дальнейшего поведения визитеров. Шаада, снизойдя до диалога, как раз и выяснила чего людям надобно. Ответы ее устроили, поскольку могущественная демонесса отпустила гостей к Фумаролам. Только на второй раз, если дать ей повод для сомнений, она может и передумать. Путешественники превратятся для нее в бестолковые куски мяса, либо же она решит пресечь их сомнительные намерения на корню. Оба варианта приводили к одинаковым последствиям. Отсюда проистекал простой вывод: добравшись до Кордраторусов и не уделив им должного интереса, люди поставят себя в очень сложное положение. Если никто за ними не наблюдает, то никакой проблемы нет. Достаточно покрутиться по кратеру, а затем уйти, не привлекая внимания векстров. Но если шаада, что вполне вероятно, велела приглядывать за гостями, то тогда она вряд ли отпустит странных путешественников восвояси. Лазутчики это прекрасно понимали, поэтому теоретических вопросов никто не задавал. Оставался лишь практический. Один, зато большой и крайне актуальный: что теперь, собственно, делать? Дин'Юлемиона на сей счет слегка растерялась. События развивались не по плану, скорректированному из-за вмешательства шаады. Путешествие к Фумаролам стало надежным прикрытием, однако оно же технически заводило в тупик. Никто ведь изначально не собирался вступать в контакт с

демонической плотью, чтобы не подвергать себя чрезмерному риску. Теперь приходилось ломать голову как выпутаться из создавшегося положения.
— Не разбредаемся, но и не ходим единой толпой, — велела, в конце концов, Дин'Юлемиона, внося поправки в приказ императрицы. — Фумаролы — цель нашего похода, и мы должны проявлять к ним интерес. Если будем держаться слишком близко друг к другу — мы как на ладони. Нашему отряду надо немного рассредоточиться, чтобы затруднить потенциальную слежку.
Идея феи была проста. Разойдясь на определенной площади, лазутчики станут бродить среди Кордраторусов, будто подыскивают желаемое. Не слишком отдаляясь от края кратера, они пройдут запутанным маршрутом, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей, а затем вернутся обратно на дорогу. Все петли, остановки, задержки и перемещения туда-сюда произведут впечатление активной деятельности, хотя по-настоящему никто в контакт с Фумаролами не вступит. Да, за них придется периодически хвататься, создавая необходимую видимость, но это относится только к ведьмам и мужчинам. Чародейкам же нельзя трогать Кордраторусы, чтобы не выдать свою сущность. Кто знает как отреагируют конусообразные наросты на прикосновение дочерей света.

Отряд, выстроившись в точном соответствии с указаниями Дин'Юлемионы, принялся неторопливо бродить по склону кратера, стараясь держаться подальше от демонов. Центр составляла императрица, прикрываемая Бэйлом, Ульмом и Сирелиной. Звеньевыми выступали чародейки, рядом с которыми держалось по одной-две ведьмы. Из центра отдавались команды кому и как себя вести. Лазутчики выполняли их добросовестно и безукоризненно, каждый играя отведенную ему роль. Судя по реакции векстров, а точнее ее отсутствию, все шло очень даже хорошо. Во всяком случае, до тех пор, пока не выяснилось, что некоторые члены группы уже ничуть не притворяются.

Первыми неладное заметили чародейки. Кое-кто из ведьм как-то уж слишком усердно проявлял внимание к Фумаролам, обхаживая их правдоподобнее некуда. На замечания быть поосторожнее ведьмы реагировали все хуже, а в их поведении появились заметные странности. Они подолгу прилипали к красно-белым конусам, взор туманился, а в речи появлялась задержка. Такая, будто разум ведьм был где-то не здесь, и ответ на обращенные к ним слова пробивался сквозь обуревавшие его мысли. Сперва чародейки не поднимали тревогу, полагая, что союзницы излишне увлеклись театральным представлением, совмещенным с редчайшей возможностью изучить демоническую структуру вплотную. Одна-

ко чем больше они наблюдали за состоянием нескольких ведьм, тем больше оно вызывало вопросов. А вслед за вопросами ширилось и беспокойство. Сестры как раз подумывали поделиться им с императрицей, когда события начали принимать неприглядный оборот. Одна из чародеек, всерьез взволнованная молчанием ближайшей ведьмы, направилась было к ней, как вдруг та плавным движением погрузила руку в Фумаролу.

Илиана не применяла свои обычные способности. Боясь разрушить инкогнито, она даже окружающие жизни слушала лишь поверхностно, в том числе и фон спутников. С самого начала похода ведьм обуревало множество эмоций, как, впрочем, и всех остальных. Растущее влияние скверны несколько изменяло их сложную гамму, но переломный момент, когда некоторые ведьмы стали поддаваться соблазну, императрица пропустила. Тревожный возглас чародейки привлек ее внимание как раз тогда, когда она уловила в пульсации одной из жизней резкое чужеродное возмущение. Илиана могла бы взять ведьму под контроль и заставить ее выдернуть руку, однако кто знает, к каким последствиям это приведет. Как бы через Фумаролу векстры не пронюхали о визите Принцессы Крови. Императрица колебалась, а рука тем временем все глубже увязала в структуре Кордраторуса. Отверстие, сомкнувшись вокруг живой плоти, присосалось к ней по всей поверхности. Фумарола не разрушала человеческое тело — она встраивала его в свою структуру. В нервную структуру преисподней.

— Я должна это знать!.. Должна знать… Должна знать… — шептали побелевшие губы ведьмы.

На ее лице блуждало отсутствующее выражение. Глаза подернулись дымкой так, будто она вот-вот отдаст концы. Чародейка, схватив союзницу за плечо, попробовала выдернуть ее руку силой, но из этого ничего не вышло. Фумарола крепко захватила конечность и отпускать явно не собиралась. Шлепки по щекам и отчаянные призывы не производили на ведьму ни малейшего эффекта.

— Я сейчас разнесу эту дрянь в клочья! — воскликнула чародейка, чувствуя вину за недостаток бдительности.

— Нельзя! Ты можешь повредить ее разум! И тут полно векстров! — быстро пояснила Дин'Юлемиона.

Однако и она понимала, что стоять и смотреть как ведьма, возможно, губит себя, недопустимо. Идея созрела моментально.

— Надо шарахнуть электричеством! — сообщила фея и еле удержала спутниц от немедленной реализации предложения самым радикальным образом.

Выяснилось, что фея подразумевает не испепеление Фумаролы и

не шок для застрявшей в ней женщины, а нечто совсем другое. Илиана, хорошенько прочитав внутренний фон ведьмы, протянула Сирелине руку. Та сунула пальцы к ней в рукав и крепко схватила ладонь императрицы. Всего несколько секунд — и вот уже чародейке передались ощущения, испытываемые пленницей Кордраторуса. Продолжая держаться за Илиану, Сирелина положила ладонь на плечо ведьмы и дала разряд. Разряд строго заданной частоты и силы. Не один — серию малых разрядов, повторяющихся с высокой интенсивностью. Ведьма задрожала. Плоть Кордраторуса, сомкнувшаяся вокруг ее конечности — тоже. Сочась слизью, она с хлюпаньем отпускала человека, и вот уже отверстие расширилось настолько, что рука женщины выскользнула оттуда безвольной плетью. Глаза ведьмы закатились, колени подогнулись, и она непременно рухнула бы на землю, не подхвати ее Бэйл.

— Она в порядке! — быстро констатировала Илиана. — Без сознания, но более-менее в порядке. Скверна не успела поразить ее слишком сильно.

Но радоваться было рано. Отвлеченные происходящим, все забыли про остальных ведьм. И вот уже примеру своей соратницы последовали сразу две из них, войдя в контакт с разными Фумаролами. Императрице казалось, что она движется как сквозь толщу воды. Ей хотелось бежать, а она шагала едва переставляя ноги, чтобы не вызывать подозрений у рогатых чудовищ. Прошла томительно долгая минута, прежде чем Илиана добралась до следующей жертвы соблазнов и помогла выдернуть ее из красно-белого нароста. А затем еще три, чтобы и последняя ведьма покинула объятия демонической плоти. К тому времени всех остальных ведьм уже согнали в кучку и держали под неусыпным присмотром. Две из них уверенно боролись с искушением, не сопротивлялись и помогали приводить в чувство соседок. Теряя над собой контроль, те делали вялые попытки добраться до Фумарол, пресекаемые на корню. Бесчувственных ведьм положили рядышком. Их состояние императрица оценивала как удовлетворительное, хотя одна из женщин вызывала у нее некоторое беспокойство. Та, что провела в контакте с Фумаролой дольше всего. В иных обстоятельствах Принцесса Крови в момент поставила бы всех троих на ноги, равно как и прояснила рассудок другим, но в кратере с векстрами приходилось действовать осторожно. Склонившись над лежавшими женщинами, она как раз собиралась привести их в сознание, как выяснилось, что неприятности еще не кончились.

— А где Уна?! — воскликнула вдруг Арадора, не досчитавшись одной из ведьм.

— И Ювион! — добавил Бэйл, ненадолго упустивший из виду за-

клинателя стихий.
Капюшон скрыл бледность Илианы, зато грубоватое словцо, произнесенное с глубоким чувством, поведало о ее эмоциях весьма красноречиво.
— Стойте здесь! — воскликнула Сирелина, хватая Арадору. — Мы их найдем! Бэйл! Ты со мной!
Однако искать им никого не пришлось.
— Стой! Стой, дура рыжая! — донесся до них крик Ювиона.
— Я должна это узнать! Должна! Должна-а-а-а! — прокатился эхом знакомый голос.
Илиана, оставив группу ведьм под присмотром чародеек и гладиатора, вместе с Сирелиной и Ульмом, наотрез отказавшимся покидать императрицу, поспешила на удалявшиеся вопли.

Заклинатель стихий всячески старался воспрепятствовать Уне, но так, чтобы не причинить ей вреда. Ведьма, к сожалению, ловко огибала воздвигаемые им препятствия, развеивала Бесплотные удары и всячески уклонялась от сдерживающих заклинаний. Она не огрызалась колдовством, ибо не настолько была охвачена соблазном, чтобы ненавидеть спутников, но упорно стремилась к своей цели. Ювион случайно заметил мелькнувшую поодаль мантию и без раздумий последовал за беглянкой. Сообразив, что дело дрянь, он закричал и пустил в ход чары. Ему удалось затормозить Уну, но не остановить. Илиана, поспешая вслед за ними, наблюдала, как Уна прожгла дыру в ледяной стене, воздвигнутой у нее перед носом, и кувырком удержалась от подсечки. Двух заклинаний она избежала небрежным зигзагом в траектории, а вздыбившийся земляной барьер перемахнула левитацией. Ювион был очень сильным колдуном, но он имел дело с одной из самых сильных ведьм на свете. Возможно, сильнейшей, благодаря личному влиянию Принцессы Крови. Он сделал все что мог, но без прямого членовредительства Уну ему было не остановить. Императрица видела, как та наконец-то достигла крупной, футов двенадцати в высоту Фумаролы. Казалось, она сейчас сунет туда руку, и тогда ее придется вытаскивать несколько неприятным, но надежным и проверенным способом — ан нет!
— Я должна это знать! — еще раз воскликнула Уна, взвившись в воздух.
Пробив ледяную корку, созданную Ювионом на ее пути, она перемахнула через вершину Кордраторуса и исчезла в его зеве.

Илиана, обомлев, забыла про все на свете и перешла на бег. Следом за ней побежали и Сирелина с Ульмом. Мысли у императрицы завертелись как в лихорадке. Что же теперь будет?! Куда эта дуреха Уна сунулась?! Чем это закончится?! Как ее спасать?! А

Фумарола меж тем заерзала, словно устраиваясь поудобнее. Вступив в контакт с объектом, она опутала его своими склизкими присосками, готовясь к передаче информации. До здоровенного конуса из плоти оставалось еще ярдов пятьдесят, когда заклинатель стихий подскочил к Кордраторусу и погрузил в него руку. Императрица, застонав, рванулась к нему как спринтер, увлекая за собой спутников, однако тут же выяснилось, что колдун не последовал дурному примеру ведьмы. Вокруг его руки образовалась толстая корка льда. Разрастаясь длинными множащимися дорожками, она быстро охватывала всю Фумаролу. Демоническая плоть замерзала в считанные секунды. В пространстве повеяло чудовищным холодом. Возле красно-белого мясистого холма посыпался иней. Земля вдоль него стремительно белела. Сам же Кордраторус все больше коченел, превращаясь в какой-то айсберг. В воздухе послышался тихий кристаллический звук, сопровождавший сжимавшуюся хватку морозных тисков. И вот уже оковы льда охватили всю структуру Фумаролы. Опоясав ее целиком, они рванулись вверх, достигли вершины конуса и накрыли ее снежной шапкой. Императрица была уже совсем рядом с колдуном, когда тот, выдернув руку, изрек гулкое слово на колдовском наречии и нанес Кордраторусу прямой удар кулаком. Раздался такой звон, будто портовые грузчики уронили целый контейнер с хрусталем. В тишине кратера он прозвучал оглушительным ударом соборного колокола, раскатившимся на множество переливов. Фумарола разлетелась на миллион больших и малых осколков, посыпавшихся на землю в сотне ярдов по всей округе. Падая, куски заледеневшей плоти раскалывались на более мелкие кусочки, отчего Кордраторус заведомо превратился в бесформенную кашу. На месте склизкого конуса уцелели только его торчащие изломанными краями останки, среди которых лежала бесчувственная ведьма.

Ругать Ювиона было никогда. Илиана коршуном пролетела мимо колдуна и упала на колени подле Уны, забрав ее руку к себе в рукав мантии. Ведьма выглядела как покойница, но все же была жива. Заклинатель стихий заморозил Фумаролу так, чтобы его холод не успел добраться до находившейся в центре женщины. Он здорово рисковал, однако сумел точно рассчитать момент и разбить лед до того, как тот поразил ведьму. Чуда здесь никакого не было. Мертвая плоть обладала несколько иным сопротивлением низкой температуре, нежели живое тело, а заклинатель стихии холода отлично умел с ней управляться, чутко контролируя свое колдовство. Его метод спасения ведьмы, придуманный прямо на ходу, оказался грубым, но вполне эффективным. Во всяком случае, для экстренной ситуации. Другое дело, что ледяной взрыв, звучно

уничтоживший большой Кордраторус, вряд ли остался без внимания многочисленных векстров, шатавшихся по всему кратеру. Именно об этом и подумала Илиана, оказав первую помощь бесчувственной Уне. Ведьма, затрепетав ресницами, только открывала глаза, а императрица уже вскочила на ноги, озираясь из-под низко надвинутого капюшона. Следовало отметить, что для этого Дин'Юлемиона создала перед ее глазами двойное зеркальное колдовство, напоминавшее вуаль. Первое преломляло лучи света, поступавшие под мантию. Второе переворачивало изображение обратно с поправкой на фокусное расстояние зрачков, и таким образом императрица могла видеть окружающее не высовываясь из-под маскировочного одеяния.

— Ох, что-то сейчас будет… — пробормотала Сирелина, сердце которой едва не выпрыгивало из груди. — Ювион, дубина стоеросовая, что ты натворил!

Колдун уже и сам понял, что перестарался, но винить его было поздно. Он действовал исключительно из лучших побуждений и в иных обстоятельствах заслуживал бы благодарности, спасая попавшую в беду спутницу. Вот только сейчас его благородство грозило обернуться для всех неминуемой гибелью.

— Живо назад, к остальным! — скомандовала императрица.

А те уже и сами выступили им навстречу, включая пришедших в себя ведьм, находившихся под бдительным присмотром чародеек. Соединившись, отряд занял круговую оборону, готовый ко всему.

Векстры приближались не слишком поспешно. Какая-то их часть, казалось, и вовсе проигнорировала разрушение Кордраторуса. Увы, и тех, кто направлялся к отряду людей, более чем хватало. Навскидку количество врагов оценивалось в несколько сотен — бесы, Пожиратели… Гигантских демонов не наблюдалось, однако один из Гангронов, взвившись в воздух, постепенно сокращал расстояние, словно выбирая подходящий момент для атаки. Лазутчики тесным строем продвигались к вершине кратера. Там, ближе к дороге, имелась внушительная россыпь камней, где можно было занять более удобную позицию. Впрочем, позицию для чего? Если демоны полезут всей толпой, да еще кликнут подмогу — пиши пропало. Без заклинаний света будет не обойтись, а едва чародейки пустят их в ход — и к кратеру сбегутся все окрестные соединения векстров. Включая Опустошителей и прочих гигантов. До Трансталла сейчас так далеко, что добраться до него с боями физически невозможно. Вся надежда оставалась на фею. В своем истинном обличье она переносила скверну куда легче. Схватив императрицу за руку, Дин'Юлемиона, возможно, сумеет долететь с ней до выхода, прежде чем демоны, сообразив, кто к ним явился,

созовут к месту событий всю преисподнюю. Остальным, увы, придется пожертвовать собой, но все были к этому готовы. Они с самого начала знали, на что шли, и собирались защищать императрицу до последнего вздоха. Ведь в ее лице они защищали свой мир и все, что им дорого. Мир, который демоны неминуемо разрушат, если он останется без Принцессы Крови и ее светозарной покровительницы.

Страха никто не испытывал. Ведьмы, поддавшиеся соблазну, после прямого контакта с вместилищем скверны вели себя храбрее и увереннее остальных. Так специфически действовала на них отрава векстров, позволявшая лучше ориентироваться в окружающей среде. Уна, целиком побывавшая в Кордраторусе, прямо-таки излучала силу, и только теперь Илиана догадалась об истинной причине изменений в ее поведении. Изменений, прослеживавшихся с самого начала экспедиции. Отряд, накладывая сложные заклинания, готовился дорого продать свои жизни во имя спасения императрицы и феи. Этот уникальный тандем следовало сохранить любой ценой, в том числе ценой гибели семнадцати человек. Демоны приближались, а люди создавали барьеры из холода и молний, чертили на земле различные заклятья, оставляли колдовские мины. Триста ярдов до рогатых тварей. Двести. Сто… По команде Арадоры заклинатели выпустили в воздух многочисленные стихийные шары. Ювион, горя желанием пожертвовать собой за девушку с сиреневыми глазами, собирался выпустить самый могучий ледяной шторм в своей практике. Пятьдесят ярдов… Заклинательницы подняли посохи, намереваясь дать дружный залп. До вершины кратера оставалось совсем немного, когда и там показались группы демонов. Илиана, готовясь сбросить защитное покрывало, чтобы придать спутникам максимум энергии, мельком взглянула на Ульма и поразилась выражению его лица. Оно по-прежнему хранило спокойствие, словно ничего особенного и не происходило, однако в его глазах появился какой-то странный блеск. Воин, положив руку на меч, выглядел так, будто именно демонам сейчас придется туго, а отнюдь не людям.

— Готовсь! — крикнула Арадора.

В пространстве отчетливо послышалось нарастающее гудение электричества и потянуло жутким холодом. Еще секунда и… Откуда-то со стороны раздался громкий протяжный гул, словно неведомый горнист взыграл на исполинской трубе. От неожиданности люди вздрогнули, невольно посмотрев в направлении источника звука. Удивительно, но то же самое сделали и демоны. Немедленно остановившись, они как по команде повернули головы. На противоположном краю кратера стояла огромная фигура, хо-

рошо различимая даже с расстояния в несколько миль. Расставив крылья, она сияла оранжевым светом очей, откуда вырывались языки пламени. Трудно было сказать, сколько в ней на сей раз было росту, но лазутчики тут же узнали в исполине шааду. Повелительно вытянув руку, она повторно издала тот самый трубный глас, эхом прокатившийся по всему кратеру Кордраторусов. Послышался шум множества шагов. Люди, собиравшиеся вступить в последнюю схватку, ошеломленно наблюдали, как векстры разворачиваются и уходят восвояси. Не прошло и минуты, как вблизи от людей не осталось ни одного демона. Издали донесся характерный звук машущих крыльев. Шаада, взметнувшись в воздух, поднялась высоко вверх и стремглав унеслась куда-то за горизонт.

— Не знаю, что на нее нашло, но я бы не стала разбрасываться такими любезностями! Полагаю, нам следует уносить ноги, пока эта громадная тетка не передумала! — заявила Сирелина, когда демонесса скрылась из виду.

Предложение прозвучало настолько разумно, что отряд, не теряя ни секунды, тут же пустился в обратный путь.

– 9 –

Небесные крепости подоспели на фронт очень своевременно. Без них пламенеющие легионы наверняка осуществили бы глубокий прорыв, причем сразу по двум направлениям: юго-западном и южном. Ввиду растущего натиска врага армия ад-Сейдина была вынуждена отступить. Она не перешла в оборону, но глубокие рейды в тыл рогатых тварей сменились ударами во фланги наступавших демонов. Шесть небесных крепостей, дополнив уже имевшиеся форты, составили надежный оборонительный костяк, способный быстро перемещаться вдоль линии соприкосновения. Это позволяло своевременно отражать мощные атаки исчадий преисподней, рассеивая их ударные группировки. Эффект был налицо, особенно если учесть, что значительную долю наносимого врагом урона принимали на себя не люди, а големы и Нируангмы. Тем не менее, радоваться было особо нечему. Вторжение поразило еще два региона, один из которых векстры взяли практически без сопротивления, заставив имперские войска отойти на запасные рубежи. Фактически, суммарно демоны уже поразили около пятой части империи, какие-то провинции затронув лишь частично, а какие-то целиком. Война приближалась к границам бывшего Черного буйвола, находившегося в опасной близости от ключевых районов государства. В южном же направлении пламенеющие легионы упорно лезли к Далабаду, захватывая милю за милей. Ад-

Сейдин достойно громил врага, но численность того постоянно росла, поэтому великий полководец нуждался в подкреплении. И оно подоспело в лице закаленных имперских частей. Из Пардионики наконец-то начала поступать долгожданная помощь. Тамошние страны, заключая союз с Второй Ардарианской империей, выдвигали свои армии на восточный фронт. Прямо на марше их забирали воздушные платформы чародеек, где солдатам предоставлялась новая экипировка. Несколько дней на ее освоение — и вот уже союзные части прибывали в распоряжение Верховного имперского командования. Союзники серьезно уступали в боевой подготовке воинам императрицы, но они могли выполнять второстепенные задачи. Высвобождавшиеся солдаты Рубистеллы переводились на важные участки фронта, что резко повышало эффективность всей армии. Неоценимый вклад приносили клерики. Обосновавшись на небесных фортах, они прямо там создавали цистерны святой воды и накладывали светоносные заклинания на боеприпасы. Конечно, клерики несравнимо уступали чародейкам по части владению светом, но для простых людей — бывших последователей Клерианского колдовского течения — они справлялись очень хорошо. А численность их, в отличие от сестер Альмирстала, была высока. Объявив мобилизацию, прелаты отправили на войну с демонами десять тысяч квалифицированных братьев и столько же соборных клериков. Последние представляли собой грозную силу, разившую рогатых тварей закаленной сталью и сиянием света. До сих пор даже народы Запада не представляли на что способны эти люди, обычно не сражавшиеся стенка на стенку. Против обычного противника от их умений было крайне мало толку, зато демоны ощутили на себе всю мощь тысячелетних учений клериков. Солдаты Рубистеллы крошили врагов в капусту, рассекая их зачарованными клинками. Соборные клерики испепеляли вокруг себя всю нечисть, ибо каждый взмах их мечей сжигал демонов только что не дотла, порой даже не касаясь плоти. Закованные в доспехи Фортумагума, они смахивали на пеших чародеек, истреблявших исчадия преисподней силой света. Не отсиживались и прелаты. Часть из них покинула Соборы и отправилась воевать с демонами, хорошо преуспевая в этом с летающих фортов и крепостей. Под прикрытием клериков эти оборонительные сооружения чувствовали себя куда увереннее, став практически недоступными для десанта врага. У чародеек попросту не хватало личного состава обеспечивать каждому небесному бастиону надежную защиту. Клерики успешно их заменили, взяв на себя безопасность воздушных фортификаций и эффективно совмещая атаку с обороной. Их помощь была не только бесценна, но и незаме-

нима, поскольку кроме чародеек только они владели светоносными заклинаниями. Просто чародейки владели ими от рождения, а клерики с ранней юности проходили долгие и порой очень мучительные истязания. Изгоняя из тела любое другое проявление колдовского дара, они взамен обретали способность творить чары света. Многие умирали, не выдержав испытаний, но выжившие становились полноправными клериками.

Не остались в стороне и колдуны Запада. Две трети их численности влились в производство зачарованных вещей, и это немедленно отразилось на общей выработке. Фортумагум заметно увеличил объем выпускаемой продукции, и теперь невдалеке от Абериджа возводилось сразу две небесных крепости, пришвартованных к башенным стапелям. Еще по две строили Альмирстал и Гексенсталь. И это не считая фортов, продолжавших поступать на фронт в прежнем объеме. Знамена Второй Ардарианской империи развивались на правительственных зданиях большинства стран Гелиондары и Пардионики, а люди наконец-то сплотились против общего врага. Все государства Транквитании уже подписали с вице-королевой союзный договор, имеющей такое право от имени Рубистеллы. Они входили в империю полноправными провинциями, и на сей раз никто на Западе им в этом не препятствовал. Практически все территории Граунборга теперь подчинялись Тал-Амину. Однако еще до этого знаменательного события из Транквитании пошел поток воинов-добровольцев, желавших доказать свою преданность не только словом, но и делом. Эмир Аешский, долгое время остававшийся камнем преткновения — и тот махнул на все рукой и принял власть Рубистеллы, предоставив в ее распоряжение людей и ресурсы. А последних у него хватало, учитывая обилие шахт и высококвалифицированных инженеров. Последних тут же подключили к строительству боевых машин и фортификационных сооружений, а металлы широким потоком пошли прямиком в Фортумагум. Что же касалось солдат Желтой пумы, то они отправились под командование ад-Сейдина, нашедшего им достойное применение.

Увы, все снова выглядело не столь радужно, как могло показаться. Объединение людей, несомненно, сыграло свою важнейшую роль, позволив затормозить вторжение как раз тогда, когда оно опять вступило в более интенсивную фазу. Поразив два новых региона, пламенеющие легионы разбились об имперские войска и перешли в стадию удержания завоеванных земель. Они накатывались непрерывными волнами, не давая людям передышки, и копили силы для очередного решительного натиска. А в том, что он последует, императрица даже не сомневалась. Она слишком хо-

рошо это видела там, в прошлом, и знала к чему идет дело. Люди будут изыскивать против векстров все новые и новые ресурсы, выжимая себя досуха и поддерживая видимость баланса. Векстры же будут непрерывно наступать, наращивая свое присутствие. И чем больше они его наращивают, тем сильнее становятся, а чем они сильнее становятся, тем значительнее его наращивают. Люди несут потери, в то время как демоны обретают могущество. И однажды чаша весов окончательно склонится в одну сторону. Сопротивление человечества, исчерпавшего все возможности для своей защиты, окажется сломлено. Демоны польются широкой рекой как вода через размытую плотину, и уже ничто их не остановит. И чтобы этого не произошло, императрице требовалось вернуться в преисподнюю. Занимаясь государственными делами, исцеляя людей и насыщая энергией заклинателей, она прекрасно понимала, что все это — лишь способ выиграть время. Выиграть для того, чтобы нанести смертельному врагу удар там, где он этого не ожидает.

Первая экспедиция, несмотря на все эксцессы, прошла вполне благополучно. Во-первых, никто не погиб. Во-вторых, инкогнито Принцессы Крови и Дин'Юлемионы осталось нераскрытым. В-третьих, фея все-таки сумела определить заветные координаты и сообщить их Эбби. Взрыв Кордраторуса, замороженного Ювионом, вызвал специфическое возмущение в окружающем пространстве. Оно осталось незаметным для людей, но не укрылось от существа иного уровня, каким была ее светозарность. Миллионы обрывков бессвязной информации, энергетические завихрения, всплеск чужеродной активности — в последовавшем выбросе фея почувствовала очередной далекий импульс. Сам ли выброс стал тому причиной, либо же лишь следствием — без разницы. Так или иначе, Дин'Юлемиона наконец-то сумела определить местонахождение искры света хотя бы в грубом приближении. А Эбби сумел усвоить, что фея пытается ему втолковать, благо чародей он был действительно образованный и толковый, эпохи все-таки предшествующей Великому Упадку. Убедившись, что бывший демонолог правильно ее понял, Дин'Юлемиона с чистой совестью отправилась с Илианой в Тал-Амин, а Эбби приступил к созданию нового Трансталла.

Сделать это оказалось куда сложнее, чем сказать. Координаты были именно что ПРИМЕРНЫМИ. В масштабах преисподней это означало допущение плюс-минус галактика. Конечную точку расположения Двери чародею приходилось додумывать самому, поэтому он был вынужден ступить на типичный путь проб и ошибок. В лучшем случае Трансталл открывался куда-то в пустоту,

черную как безлунная ночь, или мглистую, наполненную далекими подозрительными звуками. Пару десятков раз Эбби упирался в твердую материю, трижды в какую-то текучую субстанцию и дважды в жидкий огонь. У чародея, само собой, хватило ума вытворять свои эксперименты в отдельной и хорошо защищенной части Фортумагума, иначе пламя преисподней легко натворило бы дел. Как-то раз его чуть не втянуло на ту сторону, поскольку Трансталл открылся вблизи от могучего субматериального вихря, тащившего все что ни попадя. Еще в одном инциденте через Дверь просунулась чья-то здоровенная башка и вознамерилась перекусить обомлевшим чародеем. Когда же ей это не удалось, она сердито плюнула в него раскаленной лавой, не спалившей все вокруг лишь потому, что Эбби успел захлопнуть канал. С чародея семь потов сходило, так как он не только проводил опыты с Трансталлами, но и продолжал командовать в Фортумагуме, рысью носясь по лестницам и переходам. А Трансталлы, между прочим, не открывались по мановению пальцев. Их создание предварял сложный расчет и точная настройка на пространственные течения. Даже такой чародей как Эбби легко открывал Дверь лишь в уже известную точку, а к освоению принципиально новой готовился долго и тщательно. Он практически не спал, черпая силы в каком-то старинном стимуляторе, и работал на износ. Ведь Верторий ван Граас понимал, что чем раньше он достигнет успеха, тем быстрее отправится следующая экспедиция, а кто знает сколько их еще понадобится. Однако первый успех, несомненно, окрылял. Дин'Юлемиона все-таки уловила присутствие Таунсторма, ибо кому там еще быть, как не Повелителю Крови! Следовательно, она и впрямь способна подобраться к нему вплотную, постепенно сужая условную бесконечность области поисков до вполне приемлемого расстояния.

Состоявшаяся вылазка в преисподнюю сама по себе принесла бесценный опыт. Эбби активно участвовал в обсуждении, внимательно слушая рассказы лазутчиков и вставляя свои комментарии. Разумеется, сперва Принцесса Крови полностью избавила людей от последствий воздействия скверны. К счастью, его удалось нивелировать даже для Уны, умудрившейся забраться в Кордраторус целиком. Эбби объяснил это степенью желания. Для сведений попроще достаточно контакта с боковыми стенками. То, что собиралась познать ведьма, таким образом уже не вмещалось. Учитывая сущность человека, требовался полный телесный контакт, и Кордраторус поманил ее наиболее подходящим путем. Путем, видимым и слышимым исключительно индивидуально. Ювион вмешался очень вовремя. Такой контакт стал бы для Уны губи-

телен и необратим. Даже если бы ведьма выбралась из Фумаролы в здравом уме, ей уже никогда не бывать прежней. Возможностям Принцессы Крови тоже есть предел. Она способна исцелить тело, но не измененное скверной сознание. Кратковременное и умеренное воздействие принципиально отличалось от продолжительного или концентрированного. А уж если происходило и то и другое, то дело дрянь. Первый случай относился к поведению ведьм, в результате которого они подверглись великому соблазну. Адаптируясь к влиянию преисподней, ведьмы незаметно для себя начинали воспринимать его как нечто само собой разумеющееся. С одной стороны, они переносили все ощущения гораздо легче, осваиваясь в чуждой для человека среде. С другой — постепенно утрачивали над собой контроль, который ни в коем случае не потеряли бы за раз и внезапно. Отрава неторопливо проникала в их разум, окапываясь там как у себя дома, сливаясь с естественным течением мыслей и корректируя его под себя. Чародейкам, как потомкам созданий света, было несравнимо легче противостоять пагубному яду векстров. К тому же курсы Запретного чертога вырабатывали у них значительный иммунитет. Ведьмы не обладали таким же защитным механизмом и едва не стали жертвами рискованной вылазки. Правда, не все. Двух из них удалось удержать от слияния с Фумаролами и еще две вообще не поддались искушению, преодолев тягу к мясистым красно-белым конусам. Фактически, пострадали самые амбициозные ведьмы, и в особенности Уна. От стыда она не знала куда глаза девать, даже когда все присутствующие раз по десять сказали, что никто ее ни в чем не винит. Храбрость, растущая уверенность в себе и прочие, казалось бы, положительные качества проистекали из коварного влияния скверны, достигшего своего апогея в кратере. К тому моменту ведьма уже не отличала своих подлинных желаний от навязанных враждебной средой. Тайны, сокрытые в Фумаролах, раскрывались перед ней заманчивыми цветками, и она воспринимала это как нечто само собой разумеющееся. У людей всегда есть нечто такое, чего они обязательно захотели бы узнать. Уна, как и другие ведьмы, последовала на зов, потянувший ее за собой как ишака за морковкой. Потянувший как и большинство других ведьм. То-то векстры не препятствовали людям наносить визиты к Кордраторусам. Возникавшая тяга, сродни наркотической зависимости, завлекала путешественников в их сети, обрекая на погибель. Ведь не у каждого в прикрытии находились чародейки, вовремя приходившие на помощь. Уяснив все обстоятельства первой экспедиции, Эбби и Дин'Юлемиона пришли к выводу, что очень даже правильно распределили состав ее участников, взяв восемь ведьм

и шесть чародеек. Одни лишь сестры Альмирстала могли запросто сгинуть в какой-нибудь передряге — к примеру, в той же топи. Что же касалось ведьм, то Кордраторусы стали для них тяжелым испытанием, и без союзниц дело также грозило дурным оборотом, ибо только на фею рассчитывать не приходилось. Спасая спутников, она выдала бы себя с головой, со всеми очевидными последствиями.

— Что же ты такое хотела узнать? — без тени насмешки осведомилась императрица, когда Уна более-менее пришла в себя и перестала краснеть при упоминании Фумарол.

— Да так, ерунду всякую, — потупилась ведьма.

— Даже если это очень личное, лучше сказать, — посоветовала Дин'Юлемиона. — Тогда тебе станет легче справляться с собственными искушениями, а нам будет проще за тобой приглядывать.

Уна, собравшись с духом, выложила все как есть. С детства она мечтала овладеть способностью трансформации. Обращаться в зверей и птиц так, как это делали колдуньи из фольклорных сказок. Бегать по лесу дикой пантерой, взмывать в небо могучим орлом либо же скакать у всех на виду черной лошадью. Человеческое тело, в отличие от книжных историй, не имело возможности усыхать до размера муравья или перестраиваться по одному лишь желанию владельца. Даже если им была чрезвычайно могущественная заклинательница. Навести иллюзию — это одно, а вот в реальности обернуться птицей — совсем другое. Физические оковы плоти никто не отменял. Проблема заключалась в том, что способ все же существовал. Для этого следовало стать… не совсем человеком. Демоническое колдовство позволяло преодолеть существующие барьеры. Впустив в себя скверну, человек обретал присущие ей свойства по части изменения плоти. Правда, платил он за это очень высокую цену. Очутившись в кратере, Уна вдруг осознала, что находится в одном шаге от исполнения своей заветной мечты. Фумарола, хранившая этот секрет, искрилась в радужной дымке и звала ее далеким чарующим голосом. Протяни руку — и вот оно, твое навеки! Видения, открывавшиеся внутреннему взору, были одно прекраснее другого. Вот Уна парит в небесах, расправив могучие крылья, а вот бродит по темному лесу большой грациозной кошкой, принюхиваясь к волнующим запахам. Забыв про все на свете, ведьма ринулась в объятия Кордраторуса.

— Ясно, — подытожил Эбби. — Следует еще раз поблагодарить Ювиона. Конечно, он чуть не подвел под монастырь всю экспедицию, но Уну все-таки спас. Демоническая трансформация — чрезвычайно мощная штука. Ее опасался даже Ормунделл, предпочитая иметь дело со скверной в менее ударных дозах и с бОльшей

пользой. Насколько нам известно, ее избегали и Манипуляторы. Осуществи наша рыжая ведьмочка свою заветную мечту — и она навсегда утратила бы свое прежнее я. Даже если бы вы не оставили ее там, Уну пришлось бы запереть от всего света до конца ее дней. Вместо друга и надежного союзника из преисподней вернулась бы злая ведьма в полном смысле этого слова. Опасное, отравленное скверной существо, способное менять обличье — сущий кошмар из легенд, становящийся реальностью обывателей.

Упомянутый заклинатель стихий, коривший себя за неосмотрительный порыв, был тут же обласкан не только Уной, но и самой императрицей. Илиана заключила колдуна в объятия и овеяла потоками признательности за спасение подруги, обретавшими в ее случае прямое энергетическое воплощение. Ювион прямо-таки очутился на седьмом небе и наслаждался вниманием предмета своей мечты. Поцелуи на его щеках огнем горели, а в голове играла райская музыка.

— Эй, сообщницы по темным делам, а вас какая нелегкая кинула к Фумаролам? — спросила повеселевшая Уна у других ведьм.

В сравнении с ней, причины, побудившие их вступить в контакт с Кордраторусом, оказались куда прозаичнее, отчего и ограничились касанием руки. Одна, кроме шуток, хотела обрести пышную шевелюру, всю жизнь ненавидя свои некрасивые, по ее мнению, волосы. Колдовство, оказавшееся в шаговой доступности, прямотаки упрашивало овладеть им и решить проблему раз и навсегда. Другая желала видеть при любом освещении. Обычные заклинания и зелья имели свои плюсы и минусы, а универсальное средство стало бы настоящей панацеей. Еще двоих заманили сведения из истории: намерение узнать о древних оплотах ведьм, уцелевших и сокрытых от глаз, а также стремление выяснить всю правду о собственном происхождении. Последнее относилось к частной жизни без примеси какого-либо колдовства.

— Вот что, девочки, так дело не пойдет! — заявила Дин'Юлемиона, внимательно выслушав признания. — Нам предстоит новая экспедиция и к ней надо тщательно подготовиться!

Фея, порхая между собеседников, неторопливо объяснила. Казалось бы, она не должна брать с собой тех, кто поддался искушению, однако все обстояло с точностью до наоборот. Опыт, полученный путешественницами, ставил их в несравнимо выгодное положение относительно новичков. Адаптация к влиянию скверны и особенностям ее воздействия позволяла осуществить вторую вылазку, что называется, с места в карьер. Но ведьмам следовало сделать выводы и научиться бороться с собственными демонами. Соблазны, которым они уже подверглись — пройденный этап, и

вряд ли они попадутся на одну и ту же удочку дважды. Однако у каждого человека хватает потаенных мыслей, не ограничивающихся единственным секретом. Чтобы избежать чего-нибудь подобного инциденту с Кордраторусами, всей группе следует пройти то, что врачи называют сеансами психотерапии. Каждому стоит хорошенько обдумать свои страхи и желания, изложить их на бумаге и рассказать о них другим членам отряда. Как бы ни было тяжело или стыдно. Ибо если не сделать этого заранее, векстры почти наверняка нанесут удар в уязвимое место, скрываемое от товарищей. Обезоружив их заранее искренним разговором по душам, люди автоматически обретут серьезную защиту от своих слабостей.

Выслушав Дин'Юлемиону, Арадора обещала устроить все необходимое. По части психологии в Альмирстале имелись настоящие мастерицы, обосновавшиеся в Запретном чертоге. Немезия наверняка согласится лично заняться подготовкой группы, благо что посвятила воспитанию служительниц Гексенхаммера сотни лет.

— А можно теперь мне спросить? — подала голос Талара, когда и этот вопрос был улажен.

Она лично присутствовала на совещании, поскольку императрица, едва вернувшись в Фортумагум, тут же вызвала ее из Тал-Амина, откуда подруга прилетела быстрее ветра. Все равно вице-королеву, как второе лицо в государстве, следовало посвятить во все тонкости состоявшейся экспедиции. Так не лучше ли сделать это сразу, пригласив ее на обсуждение по горячим следам. А то время, пока она добиралась до Солтенстила, группа все равно потратила на отдых.

— Не знаю как вас, а лично меня беспокоит суккуб. Вы не находите его поведение несколько странным? — подняла палец Талара, когда ей дали слово.

Вопрос был очень даже по существу. До инцидента в кратере действия шаады казались вполне объяснимыми, вписываясь в известную концепцию. Уничтожив Кордраторус, гости вышли за всякие рамки и должны были за это поплатиться. Второе появление демонессы уже само по себе выглядело крайне примечательно. Учитывая размеры оскольтратума, у нее наверняка хватало более важных занятий, нежели личное наблюдение за жалкими людишками. Она же не просто появилась неподалеку, а снова вмешалась в происходящее, отозвав собиравшихся напасть демонов. Тут и семи пядей во лбу не надо, чтобы заподозрить какую-то подоплеку.

— Вероятно, у шаады на вас какие-то планы, — задумчиво пред-

положил Эбби.
Его обоснование звучало вполне правдоподобно. Гостей вроде группы заклинательниц у суккуба давненько не появлялось. Разорвать их в клочья она всегда успеет — явились раз, явятся и другой. А вот использовать пришельцев в своих целях как раз тогда, когда осуществляется вторжение в их мир — неплохая идея, способная ускорить давно запущенный процесс. Прочно опутав себя сетями скверны, визитеры попадут в зависимость от шаады, и та сможет вертеть ими как заблагорассудится. В этом контексте хулиганство с Фумаролой выглядело сущей мелочью. Крохотным ущербом, за который люди все равно расплатятся, просто позднее и более полезным образом.
— Да, логично. Если бы не одно НО! Подобная затея все равно не уровня шаады, — заметила Дин'Юлемиона. — Допустим, первый раз она действительно появилась случайно. На ее месте и я бы сделала небольшую остановку, заинтересованная редкими посетителями. Но дальше как-то не вяжется…
— Возможно, она знает что-то, чего и нам следовало бы знать, — вставил слово Ульм, стоявший за креслом императрицы.
— Чего, например? — воззрилась на него фея.
— Знал бы — сказал бы, — пожал плечами воин. — Но если вам интересно мое мнение — этот суккуб появился неспроста.
Само собой, мнение северянина было всем еще как интересно. Он говорил, что называется, редко, но метко. Его предположения с какой-то необъяснимой точностью попадали в цель, а наблюдательность заслуживала всяческих похвал. Для обычного воина он не уступал в рассудительности даже старшим заклинателям, хотя не обладал ни каплей колдовского дара, да и годами не вышел. Все, кто его знал, уже привыкли — если Ульм открыл рот, к нему стоит прислушаться.
— Я согласен, — кивнул Эбби. — Какой-то серьезный мотив у шаады точно есть. Только что это для нас меняет? Мы же все равно не откажемся от повторной вылазки. Можно строить сколько угодно версий чего этой демонессе от вас понадобилось, но факт остается фактом: новый визит в преисподнюю — неизбежная необходимость.
— Ты чего-то не договариваешь! — повернулась вдруг императрица к верному стражу.
— Да сказал-то я как раз все. Просто люди, как обычно, невнимательны, — проворчал Ульм. — Суккуб ПОЯВИЛСЯ там неспроста. Мотив, который вы ему приписываете — он двигал им до или после?
Присутствующие озадаченно переглянулись.

— Погоди-погоди! С твоих слов получается, что демонесса нас ждала?! — оторопела Дин'Юлемиона.
— Разве я это сказал? — скривился северянин.
Фея, вконец запутавшись, рассердилась и потребовала, чтобы воин прекратил изъясняться в своей обычной манере и объяснил все толком. Если уж он такой умный, а остальные глупы, как пробки, то пусть и разложит все по полочкам, а не делает из одного ребуса другой.
— Ульм имеет в виду, что шаада не обязательно ждала именно нас, если вообще кого-либо ждала. Но что-то ей все-таки было известно, отчего она лично отреагировала на наше появление, — неторопливо произнесла императрица. — Что-то — осмелюсь повторить, — чего и нам следовало бы знать.
— В точку, ваше величество! — одобрительно кивнул Ульм с непонятно к чему зазвучавшими нотками гордости.
Дин'Юлемиона, открыв было рот, не произнесла ни звука. Состроив мордочку, она придирчиво оглядела северянина, затем махнула рукой и вопросов ему больше не задавала.

Талара, наслушавшись рассказов об экспедиции, сгорала от зависти. Вернувшись с Илианой в Тал-Амин, она грезила просторами Фортумагума, завидуя тамошним обитателям. Тяга к приключениям была у нее в крови. Особенно к тем, которые обычный человек даже с натяжкой к таковым бы не отнес. Сундучное сидение в особняке Ин-Хашуф вице-королева давно уже перенесла из своих самых безрассудных выходок в разряд отлично проведенных операций. Да, она, безусловно, стала осмотрительней, но не для того, чтобы избегать неприятностей, а чтобы лучше к ним готовиться. Такая черта выглядела крайне неподходящей для государственного деятеля, уже второй раз вставшего у руля огромной империи. Тем не менее, Талара научилась разделять прихоти и необходимость. Принцесса Крови взрастила себе отличную помощницу. С одной стороны, прежняя ханская дочь никуда не делась, и была в любой момент готова пуститься во все тяжкие. С другой — она достойно справлялась с возложенными на нее обязанностями, принимая взвешенные решения и успешно контролируя множество сложных процессов. Тоскуя по таинственным подземельям и жарким битвам, Талара записала себе немало побед пером, умом и словами. Имперские вельможи, равно как и зарубежные, даже представить себе не могли, с какой кипучей натурой имеют дело и что вытворяла вице-королева всего несколько лет назад. И только Илиана досконально знала, какие чувства обуревают принцессу Железных земель и чего ей стоит укрощать их во имя интересов Ардариании. Именно поэтому она относилась к

настойчивым просьбам подруги снисходительно, делая ей не столько дружескую, сколько рациональную, вполне заслуженную скидку. А просьбы заключались в непременном желании хотя бы одним глазком поглядеть на преисподнюю. Шагнуть туда — в эти запретные края, где избегали бывать даже опытные заклинатели, и бросить вызов скверне.

— Я бы давно отпустила тебя в экспедицию, не будь мы связаны огромной ответственностью. Вдруг с нами обеими что-то случится? — увещевала Илиана.

Ох, сколько она уже раз это говорила… Поход в преисподнюю не приключение, а испытание. Потенциально смертельное, с непредсказуемым результатом. И у Илианы выбора не было, в отличие от Талары. Они даже местами поменяться не в состоянии, если уж вице-королева так жаждет впутаться в очередную дикую историю.

— Но неужели мне нельзя хотя бы проводить тебя? Хотя бы побывать на той стороне, вблизи от Трансталла? — вопрошала Талара, согласная даже на такую малость.

Она порой завидовала собственному жениху. Дю Бренталь регулярно бывал на фронте, воюя вместе с ее отцом, а она торчала в Тал-Амине, обремененная тяжестью короны. Пока готовилась вторая экспедиция, вице-королева лелеяла надежду если и не войти в ее состав, то принять участие в промежуточных вылазках. Эбби ведь ей не докладывал к чему приводили его эксперименты с налаживанием Трансталла, отчего у Талары создалось превратное впечатление о рабочем процессе. Вероятно, ей виделись стабильные проходы на ту сторону, куда чародей регулярно выходит, осматривается, собирает данные и возвращается в Фортумагум. Тот же постоянно рисковал жизнью, о чем не сообщал даже императрице. После инцидента с лавой и чьей-то огнедышащей головой та наверняка изменила бы порядок опытов, кратно увеличив их безопасность. А Эбби на это пойти не мог, поскольку пропорционально увеличилась бы и задержка в достижении результата. Он рвался к цели и замалчивал неприглядные стороны своей практики. И как раз тогда, когда Талара в очередной раз окучивала Илиану, он вызвал императрицу через Конту-Фенеструм и сообщил, что ему удалось создать устойчивый канал в вычисленную феей область.

Императрица, как назло, была не в состоянии прибыть в Фортумагум немедленно. Ее присутствие требовалось совсем в другом месте. Ведьмы и чародейки возводили громадный оборонительный вал на юго-западном рубеже, и Илиана собиралась накачивать их энергией. Талара, пользуясь случаем, вызвалась сле-

тать в Солтенстил и лично проверить готовность Трансталла, а затем проинспектировать состояние экспедиционного отряда. Последний в полном составе находился в Альмирстале. Запретный чертог впервые в истории открыл двери посторонним. Немезия сама проводила экспресс-курс для ведьм и заклинателя стихий, стараясь в кратчайшие сроки закалить их разум от воздействия скверны. Ювион ведь признался, что и сам испытывал соблазн войти в контакт с Кордраторусом, но его отвлекла убегающая Уна, переключив мысли колдуна в другую сторону. Само собой, эти занятия не могли обеспечить непрошибаемый иммунитет, гарантировав защиту от демонической отравы. Стопроцентной устойчивостью обладала только Принцесса Крови, которую яд преисподней просто не успевал поразить из-за ее абсолютного восстановления. Однако курс Немезии позволит дольше сопротивляться пагубному воздействию, что для лазутчиков было крайне важно.

— Ладно, — подумав, кивнула императрица. — Дуй! Возьми с собой Бэйла. Он за тобой присмотрит. Я бы дала и Ульма, но тот не отходит от меня ни на шаг.

Упомянутые воины в занятиях Запретного чертога не участвовали, оставаясь подле императрицы. Не наделенные колдовским даром, они были менее подвержены соблазнам, и им вполне хватило сеансов психотерапии с Алеадой и Арадорой. Чародейки констатировали высокую психологическую устойчивость обоих мужчин. Чувство долга гладиатора, вбившего себе в голову заботу о Сирелине и двух юных подругах, которые давно уже выросли, воздвигло у него в сознании неплохую психологическую броню. Исключая разве что суккуба, но на то он и суккуб. Что же касалось северянина, то того, казалось, и вовсе ничего не берет. Либо он был фанатично предан императрице и больше ни на что не обращал внимания, либо его натура вообще не поддавалась какому-либо обычному воздействию. Чародейки, заинтригованные редким случаем, пытались хоть чем-нибудь пронять Ульма, но все их попытки потерпели неудачу.

— Готова поспорить, Талара рассчитывает уговорить Эбби сводить ее на экскурсию! Сама знаешь куда, — вставила свою реплику фея, о чем-то ворковавшая с Шуей.

Со дня возвращения из Последнего Приюта остаться с Илианой наедине обычно означало остаться и с Дин'Юлемионой. Та отлучалась от воспитанницы недалеко и неохотно, предпочитая не делать этого без необходимости. Впрочем, во дворце уже привыкли, что она появляется из ниоткуда и точно также исчезает, отчего чародейки горели белой завистью.

— Пусть сводит. Я разрешаю. Но вблизи от выхода и недолго, —

изрекла императрица, своим тоном давая понять, что она не только разгадала маневр Талары, но и заранее все решила.
— Вот уж мечта всей жизни — путешествие во вселенский гадюшник, — проворчала фея, пожав плечами. — Шуя что-то туда не рвется, а она птица умная.
Сова негромко ухнула, прекрасно понимая о чем речь. Уровень развития птицы впечатлял даже Дин'Юлемиону. Регулярно участвуя в ответственных заданиях, Шуя успела насмотреться на демонов и последствия их вторжения, отчего воспылала к рогатым тварям глубочайшей антипатией. Пернатые патрули круглосуточно следили за периметром захваченных регионов, и личная сова императрицы играла роль своеобразного адъютанта. Она же неоднократно предпринимала вылазки в глубину пораженных территорий и ввиду своих уникальных умственных способностей приносила хозяйке бесценные сведения.
— Врага надо знать в лицо, — пояснила Илиана. — В том числе его логово. Что бы там себе ни воображала сама Талара, я позволяю ей маленькую вылазку отнюдь не для удовольствия. Пусть на себе прочувствует всю тамошнюю гнусь, чтобы в дальнейшей жизни чуять ее за милю.
Вице-королеву устраивало и такое обоснование. Дин'Юлемиона же только покачала головой, решив не вмешиваться в отношения царственных подруг. Она подозревала, что Илиана пошла Таларе на уступку в качестве подарка на день рождения, который был совсем скоро. В результате буквально через полчаса со взлетной площадки дворца взмыли сразу две кавалькады. Одна, побольше, унеслась в направлении фронта, а другая, поменьше, полетела прямиком в Солтенстил.

На сей раз Трансталл в преисподнюю открылся в принципиально иное место. Даже свечение, исходившее с той стороны, заметно отличалось от прежнего. Талара уже была обучена навыкам прохода через каналы в иные миры, поэтому без труда перешагнула барьер и ступила на темную землю. Ее сердце, от волнения сильно бившееся в груди, тут же замерло, в прямом смысле этого слова. Пульс остановился, как остановились и все прочие биологические процессы. Талара, наученная Илианой и Эбби, этого ожидала, однако резкий контраст ненадолго выбил ее из колеи. Вцепившись пальцами в рукоятку меча, вице-королева достойно выдержала первые минуты адаптации к молчаливому одобрению чародея. Он бы, разумеется, ее и близко к преисподней не подпустил, но разрешение дала сама императрица, а для Эбби это был абсолютный авторитет. Даже выше феи, поскольку отнюдь не Дин'Юлемиона дала ему шанс на вторую жизнь, а Принцесса Кро-

ви. Само собой, Талара прошла на ту сторону не одна, а в составе небольшой группы. В задачу Эбби входила проверка Трансталла не только на устойчивость, но и все виды безопасности. Он уже наведался через него трижды, собирая различные данные, после чего доложил в Тал-Амин. Выход с Таларой стал четвертым по счету. Стараясь не упускать ее из виду, чародей занимался своими делами. Ему помогали три ведьмы и столько же сестер Альмирстала из числа постоянных сотрудниц Фортумагума. Все заклинатели приглядывали за вице-королевой, а Бэйл и вовсе не отходил от нее ни на шаг. У него, как и у Эбби, имелись основания опасаться какой-нибудь шальной выходки Талары, но та вела себя на редкость послушно. Жадно блестя глазами, она изучала открывшееся перед ней зрелище. А там действительно было на что посмотреть.

Новый Трансталл выводил на относительно ровную площадку, окаймленную чем-то похожим на огромные сталагмиты. Они возвышались по периметру с трех сторон кроме одной — там зиял обрыв. Обрыв не куда-нибудь, а в бесконечное ничто. Другой край у него отсутствовал, так как земля здесь заканчивалась. Совсем. Вокруг, сколько хватало глаз, расстилалось черное пространство необъятной пустоты. Где-то в невообразимой дали виднелись крупные образования, испускавшие свечение красного спектра. К звездам они не имели ни малейшего отношения. Каждое выглядело так, будто из какой-то точки росла и разворачивалась сложная структура. Представьте себе смятый ком бумаги, чья поверхность находится в постоянном движении составляющего ее вещества и при этом распрямляется разом во все стороны, стремясь достичь некой формы. Перемещение массы происходило по чрезвычайно замысловатой траектории и не соответствовало каким-либо законам известной людям физики. Это же относилось и к свечению означенных объектов. Оно распространялось с неизменной постоянной, заполоняя бескрайнюю даль. Оно же озаряло и площадку с Трансталлом, на которой витали своеобразные сумерки. Точно так же освещались и все прочие земли. А их более чем хватало. Взору Талары открывались тысячи островов, витавших в пустоте, хотя островами их можно было назвать только в грубом приближении. Просто это слово наиболее точно описывало их внешний вид, хотя на деле многие "острова" превосходили размерами звезды. Они не имели присущую планетам округлую форму. Нагромождения породы выпирали из них куда угодно, порой создавая гигантские горные хребты. Плато и долины при этом также были повернуты в разные стороны, и одни Талара наблюдала как бы сверху, а другие под определенным углом. Иными словами, острова парили в пространстве развернутые абы как, не имея какого-либо общего ори-

ентира к центру притяжения. На многих из этих странных небесных тел бушевала вулканическая активность. Так или иначе, каждое из них содержало красные жилы рек и внушительные пятна морей, но некоторые прямо-таки воплощали собой фольклорный ад. Исполинские вулканы извергались высочайшими столбами. Потоки лавы, покидая дымящиеся склоны, ниспадали когда в океаны жидкого огня, а когда и в пустоту, обрушиваясь с обрыва могучим огнепадом. С таких островов стекали широкие красные рукава, частично развеивавшиеся в бездне, а частично застывавшие на покатых и отвесных склонах. Судя по всему, острова, как и лже-звезды, непрерывно росли, непонятно каким образом увеличивая объем и массу из ничего. Талара прихватила с собой отличную подзорную трубу, но сразу же выяснила, что толку от нее нуль. Объекты располагались по отношению друг к другу в космических масштабах. То, что вроде бы хорошо просматривалось с обзорной площадки, находилось на каком-то запредельном расстоянии. С таким же успехом вице-королева могла наблюдать в свою трубу за далекими звездами, а портативной обсерватории под рукой не имелось. Впрочем, многое было видно и без нее.

В отличие от вулканических, менее насыщенные огнем острова содержали немалое количество отличных друг от друга участков. Там шли какие-то активные процессы, далекие от магмы и высоких температур. Таларе показалось, что она видит поистине гигантские деревья либо что-то похожее на них, где в подножии раскинулся неоднородный покров. Берега огненных морей и рек окаймляли разнородные структуры, не похожие на скопление базальта. Периметр островов также представлял известный интерес. Кое-где во множестве кружили крупные фрагменты породы, составляя настоящий метеоритный пояс. Эти же обломки, хаотично кувыркаясь, порой падали на горы или в океаны пламени, вздымая волны огня или расколотого камня. Черную бездну то и дело прочерчивали метеоры. Появляясь из неведомой дали, они проносились над островами и исчезали в необъятной бесконечности. Таларе была известна скорость света. Учитывая приблизительную площадь открывавшегося перед ней пейзажа, эти метеориты ни во что ее не ставили. Впрочем, вскоре выяснилось, что это же относилось и к местному освещению. Приблизившись к вице-королеве, Эбби расположил у обрыва какие-то хитроумные колдовские и инженерные приборы. Затем, пока заколдованное перо самостоятельно делало в блокноте какие-то пометки, дал новоиспеченной путешественнице некоторые пояснения.

— Впечатляет, правда? — спросил он.

Талара усиленно закивала, даже не зная, о чем именно его спро-

сить. Но чародей и сам прекрасно понимал обуревавшие девушку вопросы.
— Все, что ты видишь, объединяет между собой одна общая основа. Так образовывается новый оскольтратум, — неторопливо изрек он, делая широкий жест рукой.
Талара, расставив уши, внимала каждому слову талима Сунастийских пределов, имевшему по части преисподней богатый опыт.

Светящиеся красным объекты были ничем иным, как выбросами из океана вечного огня. Метеоры, носившиеся через черную пустоту, происходили оттуда же. Каждый метеор потенциально порождал такой вот сгусток, начинавший расти и шириться. Достигая определенных размеров, сгусток начинал покрываться твердой коркой, превращаясь в вулканический остров. Его непрерывное извержение продолжало наращивать неорганическую массу, становившуюся костяком для дальнейшего развития. Там, где вулканическая активность постепенно спадала, вокруг огненных рек и озер появлялась мертвая плоть. Набирая объем, она расползалась по всему острову, порождая бум органической активности. Там, среди ее холмов и долин, уже вовсю возникали отвратительные существа, присущие преисподней. Пока лишь те, что попроще, поскольку до полноценного образования оскольтратума было еще далеко. Плоть распухала как дрожжевое тесто. Мало-помалу она станет увеличивать разрозненные острова до тех пор, пока они все не сольются в единое целое. Тогда же сольются и источники вечного огня, соединившись с породившим их океаном. Новая территория резко пойдет в рост и вот тогда, когда она заполонит собой все обозримое пространство, к преисподней прибавится еще одна провинция.
— А где этот океан вечного огня? — спросила Талара, сраженная масштабностью происходящего.
— Позади нас. Просто ты его сейчас не видишь из-за скал и сталагмитов, — пояснил Эбби. — Мы находимся на одном из островов, и ты смотришь в другую от него сторону.
Красное свечение, испускаемое космическими образованиями и прочими объектами той же природы, действительно обладало определенной спецификой. Оно распространялось мгновенно. Все, что Талара видела там, в невероятной дали, происходило в режиме реального времени. Вне зависимости от расстояния, излучение вечного огня всегда пронизывало всю преисподнюю в один и тот же момент, несуществующий с точки зрения измерений. Этим объяснялось постоянное наличие освещения при отсутствии его ярко выраженных источников. Площадка, где находились люди, озарялась исключительно за счет отблеска самой основы преис-

подней.
— Бр-р-р! — поежилась Талара, стараясь вникнуть во всю глобальность сказанного чародеем.
Ловко поддев носком сапога камешек, она подбросила его вверх и поймала в кулак. Затем, шагнув к пропасти, скинула нехитрую добычу вниз. Камень был виден сколько хватало чувствительности человеческих глаз пока не исчез крошечной точкой. Самой Таларе под бдительным присмотром заклинательниц свалиться вниз не грозило. Тем не менее, Эбби велел ей отойти назад, чтобы случайно не сорваться. Инфаркт никому из присутствующих не нужен, равно как и проверка защитных чар на прочность.
— А что будет, если я свалюсь? — осторожно поинтересовалась вице-королева, благоразумно отступая на три фута.
— Во-первых, я прыгну за тобой. Возвращаться к Илиане без тебя я не стану, — совершенно серьезно заявил Эбби. — Во-вторых, на легкую смерть можешь даже не рассчитывать.
Падение с края острова потенциально приводило либо к бесконечному болтанию в пространстве, либо к притягиванию в один из очагов бушующего пламени. В первом случае упавший рисковал выйти на орбиту острова и крутиться по ней невесть сколько лет. Или улететь в черноту. Во втором — сгореть в объятиях вечного огня. Не такая уж плохая перспектива, если не считать, что это могло стать отнюдь не концом, а началом чего-то совсем другого. В известном смысле, полет в черноту все-таки грозил минимальными ужасами. Удалившись от границ преисподней, человек утратил бы и присущие ей свойства, в результате чего задохнулся бы от нехватки кислорода или умер от обезвоживания. Возможно, его разорвало бы внутреннее давление. Так или иначе, Эбби полагал, что это всяко лучше, нежели стать частичкой мира демонов.
— Кстати о демонах! А почему я их не вижу? — осведомилась Талара, на всякий случай отойдя еще на пару шагов.
— Их здесь пока мало, — пояснил чародей, изучая индикаторы колдовских приборов. — Далекий от завершения оскольтратум не представляет для обычной деятельности демонов особого интереса. Там, в реках и океанах, сейчас бродят в основном те, кто контролирует его создание. Присмотрись — и может быть ты увидишь тощую фигуру какого-нибудь Жнеца, исполинской спичкой торчащую среди кипящей лавы. Кстати, концентрация скверны здесь также намного меньше, чем в том же Тризианиуме. Мы ведь сейчас где-то на окраине преисподней. Потому Илиана и разрешила тебе эту вылазку — меньше риска.
Талара фыркнула, выражая некоторое недовольство такой навязчивой заботой о ее безопасности. И тут же наморщила лоб, придя

к какому-то соображению.
— А почему тогда вы сразу сюда не явились, а предпочли рисковать жизнью в самой гуще всякой мерзости? — задала она вопрос, казавшийся ей вполне резонным.
Чародей напомнил о сообщенных феей координатах. Вице-королева даже слегка обиделась, что ее принимают за забывчивую идиотку. Она имела в виду совсем другое. Точные координаты Трансталла оставались на усмотрение Эбби. Дин'Юлемиона лишь указала область. Эбби открыл проход туда, где демоническая плоть еще не заполонила все видимое пространство. Гипотетически это давало возможность лучше почувствовать местонахождение Повелителя Крови. Отсюда Талара и сделала вывод: не проще ли было сразу зайти в преисподнюю в похожем месте, а не лезть на рожон в толпу демонов во главе с суккубом?
— Твои рассуждения звучали бы абсолютно верно, кабы не одно жирное НО — масштабы преисподней, — улыбнулся чародей. — Таких мест как это мне даже не сосчитать. Экспедиция в Тризианиум — очень активный регион вблизи от Эруанских пределов — имела несравнимо больше шансов на успех, нежели куда-то в полуосвоенную пустоту. В последнем случае вероятность условного выстрела вхолостую составляет едва ли не сто процентов. А вот когда мы уже обладаем хоть какими-то координатами — тогда высадка на подобный остров выглядит вполне целесообразной.
Талара, поразмыслив, согласилась с приведенными доводами. Но один вопрос у нее все же остался.
— Насколько я помню рассказ Или, фея когда-то советовала ее отцу отправить в преисподнюю как можно больше искателей, — неторопливо произнесла она, обращаясь к памяти. — Так вот, если я правильно тебя сейчас поняла, то шансы найти хоть какие-то следы Таунсторма у них попросту отсутствовали.
— Примерно так и есть, — без всякой иронии кивнул Эбби. — Величина не нулевая, но стремящаяся к нулю сродни теории математических пределов. Однако полагаю, что именно ты должна понять рекомендацию феи лучше многих. Бороться надо до конца. Какой бы безнадежной ни казалась ситуация. Я просидел в Эруанском контуре сотни тысяч лет и, как видишь, все-таки не зря. Какова была вероятность, что я обрету новую жизнь в новом теле? Что в мире уцелеет Повелитель Крови, способный помочь мне это сделать? Скажешь, что у меня не было выбора? Был. Я остался в здравом уме. Ну, если не считать моего несколько эксцентричного поведения. Я заставлял себя сохранять рассудок, чтобы не сойти с ума или, как минимум, не погрузиться в бесконечный сон, откуда никогда бы уже не выбрался. Я дремал, но поддерживал в себе

мыслительную активность. И теперь я здесь, с вами. Судьба любит упорных и дарит им шанс чаще, чем другим. Даже если этот шанс выглядит невозможным. Те, кто сдаются и перестают барахтаться — обречены утонуть в истории и быть преданы забвению. Тебе свойственна такая черта — добиваться своего до конца. Это хорошо, даже если приводит к регулярным попаданиям в неприятности. Но разве одно без другого бывает?

Таларе польстили слова чародея, хотя они были произнесены без всякого умысла подлизаться. Оторвавшись от созерцания окружающей бездны, она снизошла до вопросов о его работе.

Измерения чародей проводил отнюдь от скуки. Он выяснял стабильность окружающей материи, интенсивность энергетических вихрей, частоту волновых колебаний и уйму прочих вещей, звучавших для вице-королевы как набор бессмысленных слов. Выражаясь коротко, прежде чем тащить сюда императрицу, Эбби должен быть твердо уверен, что Трансталл не захлопнется сам собой, под ним не развалится скала, а остров не сгинет в какой-нибудь вселенской воронке. Таларой, конечно, он тоже не стал бы почем зря рисковать, но безопасность четвертого путешествия оценивалась им от восьмидесяти двух процентов. Чародей успел как следует осмотреться, прежде чем вновь явился в преисподнюю со вторым лицом в империи, и теперь продолжал исследования для пущего спокойствия. Он как раз заканчивал их на площадке и собирался проследовать вглубь острова. Талара, само собой, пожелала отправиться с ним.

— Вообще-то у тебя приказ императрицы не отходить далеко от Трансталла, — с сомнением потер подбородок Эбби.

— Там же не указаны точные числительные, — хитро прищурилась вице-королева. — Сколько это — недалеко? Сто ярдов? Миля? Две? О многочасовом путешествии нет и речи, но разве в твоем обществе мне что-либо угрожает, если мы отойдем от выхода в разумных пределах? А в случае чего — всегда успеем вернуться. Сам же говорил, что демонов здесь почти нет и они заняты созданием оскольтратума.

Чародей, почесав в затылке, согласился. Разделять и без того небольшой отряд он не хотел, чтобы половина заклинательниц пошла с ним, а половина осталась с Таларой. Конечно можно было отправить ее в Фортумагум, но в пределах полутора миль от Трансталла никаких сюрпризов не ожидалось. А даже если таковые объявятся, отряд сумеет быстро ретироваться. В итоге Эбби не стал расстраивать вице-королеву, и вся компания направилась через скопление сталагмитов.

Последние представляли собой эдакий гребень для волос ве-

ликана. Частый гребень, в результате чего через них постоянно приходилось прокладывать дорогу. Они состояли из различных пород с вкраплениями металлов, но уже сейчас на изгибах и выступах наблюдался налет органики. Пока еще смахивающий на плесень, однако это говорило, что споры растительности преисподней уже вовсю осваивали новое пространство. Эбби, проведя экспресс-анализ образцов, не нашел в них чего-либо опасного, но на всякий случай велел Таларе ни за что не хвататься. Та особо и не собиралась. Выхватив меч, она доблестно рубила сталагмиты поменьше, уподобляясь ребенку, воюющему с зарослями крапивы. Снося очередного неживого врага, девушка мечтала сцепиться один на один с кем-нибудь посерьезнее, вне зависимости от того, что на сей счет думают остальные. На удивление, ее желание сбылось быстрее, чем она надеялась. Пользуясь тем, что отряд замешкался, решая, где лучше всего пройти, она ринулась к ближайшему скоплению сталагмитов, напоминавших сказочное чудовище. Колдовской клинок, некогда добытый в Аберидже, отлично рассекал не слишком толстые наросты, отчего Талара уподоблялась путешественнику, прокладывающему дорогу в джунглях с помощью мачете. Эбби не обращал на ее беготню внимания, поскольку девушка вертелась рядом и далеко не отходила. Он лишь направлял ее энергию в нужное русло, позволяя крушить сталагмиты в заданном направлении. Талара уже заносила клинок над очередным врагом, как тот неожиданно пришел в движение. Сложив торчавшие в разные стороны выступы, он прыгнул прямо на нее.

Талара отреагировала мгновенно. Вряд ли ей что-то всерьез угрожало, учитывая защиту ведьм и чародеек, но ожившие сталагмиты, торчавшие из некого подобия тела как колючки из ежа, все равно промахнулись. Принцесса Железных земель показывала чудеса акробатики еще во времена занятий с Бэйлом, а теперь так и вовсе была одним из лучших бойцов на свете. Увернувшись от атаки, она махнула мечом, снося часть длинных острых наростов. Взбесившаяся каменная глыба против всяких ожиданий заверещала, чего неживой материи делать не полагается. Не успев приземлиться на невесть откуда взявшиеся лапы, она развернулась и вновь ринулась на Талару. Ведьмы и чародейки замешкались, не решаясь всадить в чудовище мощные заклинания — они боялись зацепить вице-королеву и своими же руками пробить собой же наведенные барьеры. Также им мешал и Бэйл, старавшийся перехватить тварь на себя, что ему не давала сделать уже сама Талара. Эбби, выразительно ругнувшись на колдовском наречии, действовал оперативнее. Тварь, едва не настигшую вице-королеву, подбросило вверх, отчего она благополучно перелетела через девушку

и шлепнулась поодаль, царапая когтями камни. Молнии, отправленные в демоническое отродье, прошли мимо. Чудовище как будто стекло вниз, неестественно меняя траекторию падения, и Талара вновь загородила его собой от заклинателей. Здравая логика подсказывала искать защиты за их спинами, но кто бы ей последовал, как не младшая ханская дочь. Крутанув мечом, Талара тигрицей прыгнула к врагу и вступила с ним в непродолжительный бой. От твари только клочья полетели. Ляская зубастой пастью, выдвигавшейся из туловища на длинной шее, демонический еж всячески силился достать проворную девушку. Та же молниеносно уворачивалась от всех его атак, а каждый удар меча отсекал от чудовища какую-нибудь часть. Иглоподобные сталагмиты не спасали его от натиска Талары и сами в нее не попадали. Клинок вице-королевы быстро избавил врага от колючей брони, обрив его до глубоких проплешин, а затем взялся за демоническое тело. Удар! Еще удар! Передние конечности, каждая в два сгибавшихся в разные стороны сустава, судорожно задергались на земле. Из ран чудовища показалось красное пламя. Это означало лишь одно — Талара схватилась не с низшим порождением преисподней, а с кем-то из демонов. И без того распаленная нежданным поединком, от сути врага она пришла в настоящее упоение. Ее мечта наконец-то сбылась! Жалкие попытки чудовища хоть как-то ее поразить Талара пресекла самым решительным образом. Клинок в руках вице-королевы мелькал с невиданной скоростью, равно как и сама она была способна дать фору мангусту. Заклинатели и охнуть не успели, как девушка и без помощи Бэйла искрошила колючую тварь в капусту, оставив от нее груду пламенеющей плоти. Вытекая из ран, огонь постепенно угасал, впитываясь в землю и развеиваясь в пространстве. Когда он исчез полностью, чудовище уже не подавало признаков жизни.

Очистив клинок, Талара молодцевато вложила его в ножны и тут же нос к носу оказалась с подскочившим Эбби. Физиономия чародея отнюдь не выражала поздравлений победительнице. Последовавшие за этим слова также не смахивали на одобрение. Лестными речами не одарил девушку и сердитый Бэйл, поскольку напрасно старался отогнать ее от чудовища. Пока ведьмы и чародейки быстро осматривали периметр, Эбби прочел Таларе небольшую лекцию об осторожности. Следовало отдать воительнице должное — он не стал вмешиваться в схватку, сообразив, что та прекрасно управляется сама. К тому же ей помогал гладиатор, мечтавший оттащить Талару за шкирку, но вместо этого работавший ее невольным напарником. Чародей лишь подстраховывал вице-королеву, готовясь в любой момент подбросить ее заклина-

нием, либо же шарахнуть нечисть ослепляющим колдовством. Тем не менее, он находил выходку Талары возмутительной. Той следовало сразу же нырнуть в центр группы или убраться с линии огня, а она ринулась на подвиги.
— Но я же справилась! — дулась вице-королева, недовольная нравоучительным тоном чародея. — Тварь меня даже не задела!
— На самом деле задела! — сердился Эбби. — Или мы все тут вообще зачем?! Она не смогла пробить наши защитные контуры, поэтому ни один шип тебя не поразил! То, что ты цела, объясняется не только твоей ловкостью, но и наложенными чарами. Убила ты врага вне всяких сомнений сама, но вот выжила ли бы после этого — неизвестно. Эта плоть насквозь отравлена скверной. Вонзись она в тебя — и кто знает, чем бы кончилось дело.
— Кстати, а кого я убила? — живо спросила Талара, стараясь перевести неприятную тему.
Задать такой вопрос у нее имелись все основания. Эта разновидность демонов ни во вторжении, ни в первой экспедиции еще не встречалась. Эбби, еще не закончивший нотации, не стал воротить нос и милостиво пояснил. Опытные путешественники в преисподнюю именовали их Многоликий. Плоть этих чудовищ была способна принимать самую разную форму. Преобразование занимало какое-то время, зато демон практически полностью менял облик, а при случае отлично сливался с ландшафтом. Неудивительно, что Талара приняла его за скопление близко растущих сталагмитов, торчащих из валуна. Нападение чудовища объяснялось просто. Спровоцированный девушкой, он бросился на нее не дожидаясь удара и полагая, что инкогнито раскрыто. Вот что он здесь вообще делал — заставляло призадуматься. С чего бы Многоликому торчать в каменистом лесу на окраине одного из пустынных островов создаваемого оскольтратума?

Пока Талара и Эбби выясняли отношения, попутно разбирая сущность опасного демона, вернулись ведьмы и чародейки. Внимательно исследовав местность, они доложили, что больше никто здесь не прячется. Им можно было верить, поскольку стихийные сферы, порхая промеж сталагмитов, осыпали все подряд струйками жалящих молний. Мера надежная, но слишком заметная, чтобы применить ее сразу по выходу из Фортумагума. Велев развеять стихийное колдовство, Эбби взял кусок плоти Многоликого для последующего анализа. Затем, размышляя, несколько раз красноречиво перевел взгляд с Талары на Трансталл, видневшийся поодаль.
— Я больше шагу от тебя не сделаю. Обещаю! — быстро сказала вице-королева.
— Хорошо, но больше предупреждений не будет! — сурово заявил

чародей. — Чуть что — и ты отправляешься домой!
Девушка без возражений согласилась.

Через милю лес сталагмитов кончился, разойдясь в стороны. Глазам путников открылась неровная долина, изобилующая дымками и россыпями металлических зарослей. Дымки, поднимавшиеся из небольших расщелин и скважин, свидетельствовали о наличии некой термальной активности здешних недр. Вулканов поблизости было не видать, и земля не содрогалась от их могучих выбросов, однако там, внутри острова все еще бушевали огненные океаны. Где-то они выходили и на поверхность, ибо вряд ли этот остров кардинально отличался от остальных, витавших в пустоте. Не исключено, что за скалистой грядой протекала очередная река пламени, а то и начинался берег расплавленного моря.

Талара честно старалась выполнять данное Эбби обещание, но не выдержала искушения и чуть отошла в сторону, завидев неподалеку металлические кустики. Они окаймляли отверстие в земле, откуда курились химические испарения, а вокруг были разбросаны блестящие предметы.
— Что это? — спросила она взволнованным голосом.
Чародей, бросив взгляд, не стал ворчать, сосредоточенный на других заботах. К тому же Талару подстраховывали Бэйл и одна из чародеек, буквально дышавшие ей в затылок.
— Золото, — сообщил он. — Золото и… Возможно, палладий. Отсюда точно не скажу, а анализ делать не собираюсь.
— Мать честная… — пробормотала Талара.
Наклонившись, она подняла крупный, с гусиное яйцо самородок, тускло светившийся в неизменно красном свете. На ощупь он казался теплым. Ладонь будто покалывало, отчего создавалось необычно приятное впечатление.
— Брось, — посоветовал Эбби.
— Почему? — нахмурилась вице-королева, сама не понимая охватившего ее недовольства.
— Потому что золото демонов никому добра не приносит, — веско произнес чародей. — У тебя и своих сокровищ хватает, чтобы жадничать.
— Я не жадничаю! Просто это был бы отличный сувенир! — упрямилась Талара, не желая расставаться с увесистой находкой.
— Все принесенное из преисподней несет в себе потенциальное зло, в той или иной степени. В том числе этот самородок, совращающий пороком алчности. Вспомни ту парочку, о которой вы мне рассказывали. Как бишь их там?.. Прус и Жиль, обитавшие у Серых гор. Они ради демонического золота чуть жизни не лишились. Если бы не Принцесса Крови, избавившая их от скверны,

участь золотоискателей была бы незавидна, — мягко сказал Эбби, не спуская глаз с вице-королевы. — В тебе сейчас говорит искушение. Осознай его и преодолей — тогда оно не будет иметь над тобой власти.

Талара, при всем своем упрямстве, все-таки не зашоривалась от здравых советов. Слова Эбби не прозвучали для нее как пустой звук. К тому же концентрация скверны, успевшая проникнуть в ее тело, была слишком мала, чтобы поработить волю принцессы Железных земель. Она и сама понимала всю неестественность охватывавших ее ощущений. Да, девушка любила сокровища, но как неотъемлемую часть приключений, а не непременный способ обрести несметное богатство. Она и так была богата, чтобы насмерть стоять за кучку золота. Кстати, судя по всему, его здесь целые тонны! Если собрать все эти самородки и выкорчевать кустики… Ох! Стиснув зубы, Талара нашла в себе силы прогнать соблазн, навевавший видения одно пуще другого. Резко размахнувшись, она что есть мочи зашвырнула тяжелый самородок куда подальше. Упав, он глухо прокатился по земле и свалился в расщелину. Оттуда тут же вынырнула какая-то потревоженная тварь, похожая на морского ската, только парящего в воздухе, а не толще воды. Лавовый скат, как он и назывался, свидетельствовал о том, что невдалеке и в самом деле находятся потоки горячей магмы. Он не представлял особой опасности, но заставлял призадуматься о близости жидкого огня. Спутницы, с которых хватило одного Многоликого, тут же разложили его на атомы. А так же еще дюжины две скатов, показавшихся вслед за первым. Эбби не стал их ругать, хотя в преисподней не стоило палить во все, что шевелилось, если оно тебе не угрожало. Вместо этого он обратился к Таларе.

— Знаешь что, посиди-ка ты пока на этой скале. У тебя просто дар натыкаться на кого-нибудь там, где никого вообще быть не должно! — велел он, показывая пальцем на искомый объект.

Означенная скала возвышалась футов на тридцать. С одной стороны она заканчивалась вертикальным утесом, а с другой имела пологую форму. Выбравшись из сталагмитов, отряд миновал ее покатые бока, отливавшие багрянцем, и сейчас кружил поблизости, проводя различные измерения. Чтобы Талара не встряла в очередные неприятности и не провалилась в какую-нибудь дыру сродни той, откуда вынырнул скат, Эбби решил поместить ее в надежное место. С вершины скалы под охраной Бэйла, одной ведьмы и двух чародеек, она вполне могла наслаждаться окрестными видами, пока остальные занимаются сбором данных. Девушка не стала упрямиться, чтобы ее, чего доброго, и вовсе не от-

правили на выход. Ворча, она забралась на скалу и уселась на самом краешке, свесив ноги. Скала состояла из самой обычной твердой материи, не угрожая превратиться в жуткое чудовище. Охрана, довольная вполне надежным прибежищем, бдительно смотрела по сторонам, а заклинательницы даже творили чары, издали помогая Эбби.

Созерцание окрестностей мало-помалу вернулось к созерцанию черного неба. Пока Эбби, шипя замысловатые ругательства, опускал в скважину зонд, явно обладавший собственным дурным нравом, Талара развалилась на камне. Закинув руки за голову, она лежала глядя в бездну. Это создавало очень специфическое ощущение, будто девушка и сама парит в бескрайнем пространстве. Приступ головокружения быстро прошел, равно как и страх от падения в неведомое. Уставившись вверх, Талара разглядывала видневшиеся там объекты. Это ей нравилось гораздо больше, нежели созерцание океана вечного огня. Последний оказался там, где и говорил чародей — впереди, за грядой скал. Точнее, он был там ВЕЗДЕ. Правда виден этот океан становился лишь время от времени, зато когда появлялся… Как выглядит то, что по сути бесконечно и не имеет начала и конца? Струхнувшей Таларе почудилось, будто за островом находится стена раскаленной лавы, испускающей равномерное свечение, а она и все окружающее вот-вот ухнет в эту кошмарную субстанцию. Океан преисподней — ее основа и сердце — был даже не стеной. Он просто был. Очутившись вблизи от звезды, вы будете видеть ее огромную массу, но она все же станет занимать лишь часть находящегося перед вами пространства, если не брать в расчет снижение. Та поверхность пламени, что предстала перед Таларой, занимала все. Вне зависимости от расстояния, она протянулась от горизонта до горизонта, отчего и казалась перекрывшей вселенную стеной. К счастью, это зрелище объявлялось только периодически и только если смотреть в его направлении. Во всех остальных случаях океан вечного огня исчезал из поля зрения, что Талару очень даже устраивало. Ее психика подверглась серьезному испытанию, когда она глядела в пламенеющую бездну, а та, казалось, глядела на нее. Помня о рассказах Эбби, умом девушка понимала, что океан находится невероятно далеко и между ними сейчас несметное количество других слоев преисподней, изогнутых в многомерном пространстве, но легче ей особо не становилось. Как тут станет легче, когда даже осознать, что он всегда повернут к наблюдателю одной и той же стороной, откуда бы на него ни смотрели, но при этом не является плоским, даже приблизительно не получалось. Уставившись в черное небо, где кошмарный океан не просматривался, Талара верну-

ла себе душевное равновесие и уже не жалела, что напросилась в экспедицию. Переводя взор с острова на остров, она разглядывала их далекие очертания, силясь распознать фигуры Жнецов, и следила за метеоритами. Последние стали представлять для нее известный интерес, когда один неожиданно осветился яркой вспышкой, после чего на его месте образовался объект сродни описанным Эбби лже-звездам. Собственно, это и был такой же объект в зародыше. Метеорит, как спора, породил у скопления островов еще один сгусток вечного пламени, который в свою очередь однажды станет островом. Талара, заинтригованная происходящим, переключилась на движущиеся космические тела и стала наблюдать за их траекториями, стараясь уловить хоть какую-нибудь закономерность. Эбби предполагал, что внутри каждого огненного странника находится Жнец, выискивающий наиболее подходящую точку пространства для развертывания нового фрагмента общей структуры. Вице-королева в такие теоретические дебри не вдавалась, ограничиваясь простым созерцанием. Оглядывая черный небосвод, она примечала каждую горевшую там точку, поэтому появление еще одной не прошло для нее незамеченным. Вероятно, это также был метеор. Обычно они объявлялись где-то в стороне и проносились в пустоте по диагонали, но этот показался прямо над головой, отчего Талара сперва приняла его за звезду. Поначалу совсем крошечная — эдакая красная искорка среди вселенского мрака, — она постепенно увеличивалась в размерах. Вскоре она уже выглядела как круглый фонарь, подвешенный над одним из островов. Фонарь, обрамленный волнующимся ореолом. Он продолжал расти, и заинтригованная Талара теперь смотрела только на него. Смотрела до тех пор, пока ей не пришла в голову беспокойная мысль. Если это действительно метеорит, постоянно прибавляющий в габаритах, и если он имеет столь необычную форму, то чем это, собственно, вызвано? Отсутствие хвоста, видимого во всех остальных случаях, может говорить только об одном, о чем также свидетельствует и означенный ореол. О том, куда метеорит, собственно, направляется.

— Эбби! — позвала Талара, когда небесное тело выросло до размеров апельсина.

Приняв сидячее положение, она нашарила глазами фигуру чародея.

— Ну что еще? — отозвался тот, колдуя вокруг скважины.

— Посмотри-ка туда, — предложила девушка, ткнув пальцем в приближавшееся свечение.

— И чего я там не видал? — ворчливо осведомился тот, задирая голову.

Талара быстро объяснила суть своих наблюдений. Пока она это делала, метеорит заметно прибавил в диаметре, явно не собираясь останавливаться на достигнутом. Он выглядел каким-то совсем уж большим, отчего девушка откровенно занервничала, рассчитывая, что Эбби сейчас ее успокоит. Ничего подобного не произошло. Чародей несколько секунд оторопело созерцал приближавшийся метеорит. Затем, вместо типичных комментариев, издал совсем не тот возглас, который желала услышать вице-королева.

— Бэйл! Хватай Талару! — взревел чародей трубным гласом. — Слушайте меня все! Бросаем все к чертовой матери и бегом в Трансталл! БЕГОМ!

Опешившие спутники застыли как вкопанные, не веря своим ушам.

— Бегом, я сказал! — заорал Эбби так, что содрогнулись скалы. — Сейчас от этого острова камня на камне не останется!

Талара почувствовала, как ее схватили чьи-то могучие руки. В следующее мгновение гладиатор уже тащил ее вниз, а их обоих оплетали заклинания спутниц.

Бегство было поистине стремительным. Подхваченные чарами, люди неслись огромными скачками, отрываясь от земли словно при уменьшенной силе тяжести. Последняя, кстати, в преисподней также была достаточно условной. Путешественника притягивало к определенной поверхности, служащей текущей плоскостью опоры — и не более. Не было ни уменьшенного тяготения, ни увеличенного. Оно исчислялось для всех одинаково, но не в плане гравитационной постоянной, а в плане ощущений. Гигантский Опустошитель двигался с таким же усилием, как и люди, где бы они все не оказались. Иными словами, все живые существа чувствовали привычный им вес, не изменявшийся ни при каких обстоятельствах. Ну, кроме тех, когда в окружающую среду вмешивалось колдовство. А оно еще как вмешивалось, пока группа Эбби на всех парах неслась к Трансталлу. Талара уж и не помнила, когда последний раз бегала такой спринт. Освободившись от хватки гладиатора, она прямо-таки летела как на крыльях, подгоняемая криками чародея. Благодаря чарам левитации, ноги касались земли с невероятной легкостью, а расстояние между этими касаниями измерялось в пару десятков футов. Позади Талары звенел кольчугой Бэйл, готовый поймать девушку, если та вдруг оступится. Рядом поспешали ведьмы и чародейки. Они избегали переходить на полную левитацию, опасаясь возможных осложнений, поэтому люди бежали как на воздушной подушке. Эбби, замыкая спасавшийся отряд, торопил всех не своим голосом, гремевшим среди сталагмитов и скал. И было от чего. Талара, поглядывая наверх,

видела там то же, что и остальные. А именно стремительно приближавшийся метеорит, пугающе выраставший в размерах. Тени вокруг исчезали. Его яркое свечение начинало подавлять другие источники света, наливаясь с каждой секундой. Диаметр огненного шара увеличивался на глазах. Обманчивость расстояния, плохо определимого невооруженным взглядом, сыграла дурную шутку. Талара окликнула Эбби тогда, когда метеорит уже вовсю приближался, обходя скорость света как гепард черепаху. До Трансталла было всего мили полторы и люди преодолевали их в невероятном темпе. Тем не менее, Талара боялась, что добежать до заветного выхода они не успеют. Боялся этого и Эбби. Каждые сто ярдов, проносившиеся в считанные секунды, казались бесконечной дорогой в крутую гору. Отряд едва миновал полпути, как воздухе отчетливо послышался нарастающий гул разъяренного пламени. Метеорит, став совсем большим, заполонял собой небо. Да, именно так, ибо его подлинные размеры были поистине огромны. Резко скакнула вверх температура. Талара почувствовала, как воздух стал гуще и плотнее, а в лицо повеяло жаром. Чародейки тут же окружили всех защитным барьером, блокировавшим нагрев. В воздухе замерцали частички стихии холода, вступавшей в конфликт с наступающим пеклом. Краем глаза Талара заметила, как задымилась органика на сталагмитах. Все, что имело низкую температуру плавления, стало переходить в вязкое состояние. По сталагмитам потекли капли терявшего форму вещества. Над поверхностью острова возникло марево.

— Живее! Живее! Живее! — гремел Эбби будто через огромную трубу, выдававшую могучие низкие частоты.

В иных обстоятельствах такие раскаты вполне были способны испугать, но сейчас, на фоне падавшего метеорита, они подходили как нельзя лучше, заставляя спутников выкладываться на полную катушку. А метеорит уже практически упал. Талара в ужасе наблюдала, как оседают тающие сталагмиты и как сами скалы начинают утрачивать твердость. Грунт под ногами стал вязким, расходясь лужами плавившейся породы. Если бы не защитные чары, люди бы давно сгорели как свечки, поскольку окружающая температура перевалила за две тысячи градусов. Поверхности острова достиг первый протуберанец. Заклинания ведьм и чародеек едва выдерживали растущую нагрузку. Стиснув зубы, они колдовали во всю мощь, пока что справляясь с дыханием раскалявшегося пекла, но надолго ли их хватит? Трансталл виднелся совсем рядом. Еще секунд десять — и люди спасены. Только есть ли у них эти десять секунд? Метеорит больше не закрывал небо — он и был самим небом, опускавшимся на поверхность острова. При желании мож-

но было детально рассмотреть замысловатое течение вихрей огня, составлявших его ядро, окруженное пламенным ореолом. Разумеется, никому такое и в голову не приходило. Глаза людей были прикованы только к одной точке — заветному выходу, где показались перепуганные лица дежурных. Встречные чары, направленные на беглецов, заметно ослабили растущий нагрев, становившийся совсем уж нестерпимым. Дежурные раскинули защитный купол, тут же обдавшийся яростно шипящим паром. Стихия холода вступила в лютую схватку с огнем налетавшего метеорита. Лес сталагмитов заканчивался. Вот уже и площадка, в середине которой распахнулся спасительный Трансталл. Но закончилось и время, отведенное людям. Эбби, глянув вверх, осознал, что удар наступит раньше, чем группа вбежит в Фортумагум. Ревущее пламя уже опускалось на остров финальным занавесом, своими сполохами застилая пространственную Дверь. Мысленно скрестив пальцы, чародей подскочил в воздух, развернулся и выбросил перед собой обе руки, выпустив всю энергию, на которую только был способен. За спиной убегавших людей возник чудовищный ледяной взрыв. Трудно было сказать что выглядело страшнее: его растущий эпицентр, жуткое облако пара или колючие ледяные иглы, метнувшиеся разом во все стороны. Раздавшиеся гул и грохот превзошли собой пламенеющий ад. Стихии столкнулись между собой с яростью двух обезумивших титанов. Ударная волна, расходясь от эпицентра взрыва, подхватила людей как перышки и швырнула их в Трансталл. В следующую секунду метеорит столкнулся с островом.

Эбби не потребовалось закрывать пространственный канал. Его уничтожила сила произошедшей аннигиляции. Он, конечно, попытался захлопнуть Дверь, но та и сама исчезла, едва ее поразил запредельный выброс энергии. Все, что Эбби успел сделать — это соорудить амортизационную подушку, чтобы вихрем летевшие люди не расплющились о камни Фортумагума. Навалившаяся перегрузка, вызванная выходом из преисподней, огромным ускорением и резким торможением, выбила его из сознания.

Талара очнулась от жуткого холода. Девушке казалось, что по ее телу пробежал табун лошадей, втоптав его в огромный сугроб. Приоткрыв глаз, она обнаружила, что никаких лошадей не видать и в помине, зато сугроб очень даже густой и реальный. Применив все свое искусство, Эбби сотворил в тамбурной комнате настоящую зиму, отчего едва заживо не заморозил всех находившихся там дежурных. Наколдованная воздушная подушка первой встретила горизонтально падавших людей. Миновав ее плотный слой, они грохнулись в толщу снега, до потолка возведенного чародеем.

К счастью, противоположная стена оказалась достаточно далеко, чтобы сугроб погасил их скорость, грозившую размазать тела в лепешку. Однако перегрузка никуда не делась. Внутренние органы могли ее не выдержать, убив людей своей деформацией. Но разве у Эбби был выбор? Впрочем, Талара на тот момент ни о чем таком не думала. Стуча зубами, она разгребала снег, силясь выбраться из его объятий и докрикиваясь до окружающих. Судя по тому, как сугроб ходил ходуном, а рядом раздавалось множество голосов, она не одна пребывала в этом царстве колючего холода. Чары быстро вернули помещению привычный вид. От горы снега остались лишь лужи да витавшая в воздухе сырость. Талара не успела оглядеться, как почувствовала схватившие ее заботливые руки. Вокруг — сидя, лежа и пытаясь встать, — виднелись ее спутники, к которым со всех ног устремлялись набегавшие в комнату люди.

Столкновение с метеоритом полностью уничтожило остров, разнесенный в мелкие клочья чудовищным выбросом энергии. То, что порождало материю преисподней умело ее и аннигилировать. Взрыв был такой силы, что от всего материкового образования остались лишь жалкие фрагменты расплавленного вещества, разбросанные на огромном расстоянии. Они разлетались в пространстве светящейся сыпью, сочившейся каплями лавы. Часть этой сыпи уже начинала формировать астероидные пояса вокруг других островов. Часть продолжала движение, уносясь в черную пустоту. Там, где были горы и каменистые долины, моря и пламенеющие реки лавы теперь зияло одно сплошное ничто. Спасшиеся люди не видели, как остров поглотила разразившаяся катастрофа, пожравшая его в считанные секунды. Они не видели ни ослепительной вспышки, ни ударной волны, ни исторгнутого во все стороны огня. Запредельный грохот, сопровождавший это происшествие космического масштаба, также прошел вне их ушей, не способных выдержать его напор. Ярость преисподней, пожравшая сама себя, осталась без свидетелей. О произошедшем Эбби и компания смогли судить лишь тогда, когда чародей рискнул восстановить Трансталл. Каменистая площадка и лес сталагмитов исчезли, как исчезла скальная гряда и далекие горы. Пространственная Дверь вела в пустоту.

— И что это было? — тихо спросила Талара, потирая ушибленный бок.

Без императрицы на моментальное лечение рассчитывать не приходилось. Ее немедленно известили о случившемся, но пока пострадавшим приходилось исцеляться традиционными методами. К счастью, никто не погиб, но одну чародейку и двух ведьм унесли в лазарет. У них были серьезно повреждены ткани тела и задет по-

звоночник. Таларе в этом отношении повезло. Она отделалась синяками и умеренным обморожением кожи. Наложенные мази и компрессы щипали и жгли, но вице-королева стоически терпела, отказавшись покидать экспериментальное помещение. С ней остался и Бэйл. Левая рука гладиатора, сломанная при падении, лежала на перевязи, но он искренне радовался, что обошлось только этим.

— Так векстры уничтожают части неправильно формирующегося оскольтратума, — отозвался чародей, осторожно изучая обстановку по ту сторону проема. — У них ведь тоже не всегда получается с первого раза. Аннигиляция — крайне простой и эффективный способ начать все заново.

— А начать, конечно, они решили именно с нашего острова и именно тогда, когда мы там появились, — поддакнула Талара.

Обернувшись, Эбби увидел на ее лице выражение иронии. Его губы тронула слабая улыбка. Тут и без комментария вице-королевы было о чем призадуматься.

По здравому размышлению, Эбби решил не создавать Трансталл на один из соседних островов. Ситуация в любой момент могла повториться и кто знает чем закончиться. Путешественникам неимоверно повезло, что Талара заметила опасность, грозившую всем неминуемой гибелью. Повезло, в том числе, потому, что метеорит прилетел сверху, а не врезался в остров откуда-нибудь сбоку. Хмурившийся Эбби находил в этом нечто странное, но досужих предположений не выдвигал, предпочитая растрачивать усилия на дело, а не болтовню. К прибытию императрицы он успел соорудить и опробовать другой Трансталл, ведущий в принципиально иной регион. Там падение метеоритов заведомо исключалось. Возможно, эхо далеких энергетических возмущений от этого пострадает, снижая чутье феи, зато ничего не свалится на голову, раскладывая окружающую материю на атомы. Впрочем, что-нибудь свалиться всегда могло, но это уже дело житейское. В преисподней в принципе не существует безопасных мест и люди везде так или иначе рискуют жизнью.

* * *

Императрица стоически приняла известие о том, что вице-королева и чародей едва не сгинули в огненном взрыве планетарного масштаба. Ругать было некого и не за что. Разве только Талару за чрезмерную беспечность с Многоликим, но ведь именно ей, в конце концов, все были обязаны спасением. Не напросись вице-королева в вылазку, ее последствия могли быть совсем иными.

Дин'Юлемиона, как и Эбби, находила приключившееся крайне странным. Особенно вкупе с тем, что больше ни один метеорит никуда не упал. Чародей, занимаясь новым Трансталлом, продолжал поглядывать в старый. Никаких взрывов, исчезновений островов и прочих катаклизмов в обозримой видимости не наблюдалось. Единожды столкнувшись с небесным телом, на котором в тот момент находились люди, метеорит оказался единственной ласточкой-камикадзе, примеру которой так никто и не последовал. Это нехитрое наблюдение очень тревожило фею, особенно после истории с Многоликим. Решив не искушать судьбу, она одобрила намерение Эбби соорудить Трансталл в другой регион, менее подверженный внешним эксцессам. Ее бы воля, так Дина и вовсе отменила бы экспедицию, да сама ее суть априори исключала разумную осторожность. Приходилось выбирать наименьшее зло, стараясь следовать не по самому убийственному пути. В том числе поэтому фея не решилась на вылазку в пустоту, куда теперь смотрела Дверь в преисподнюю номер два. Когда Илиана закончила исцеление пострадавших, ее светозарность, обернувшись женщиной, высунула нос на ту сторону, рассчитывая хоть что-нибудь уловить. К сожалению, у нее ничего не вышло. Вблизи от Трансталла пересечение энергетических потоков двух миров начисто глушило все далекие сигналы, из-за чего требовалось отойти от прохода подальше. А подальше уже не стоило. Одно время вся компания обдумывала идею с тросом, на котором Принцессу Крови вместе с феей можно забросить через Трансталл в черное ничто, а затем втянуть обратно. В конечном счете, от рискованной затеи отказались. Это вам не в колодец спускаться за упавшим ведром. Если трос вдруг оборвется, шансы на благополучный исход улетят к минимуму. Стабильность прохода, выводящего в пустоту, также никто не гарантировал. Неожиданный энергетический вихрь мог захлопнуть Дверь и унести императрицу с феей неведомо куда.

Трансталл номер три чародей проверял доскональнее некуда. Илиана, получив от него весточку, вернулась в Фортумагум только в начале ноября, через неделю после годовщины вторжения. Эта дата не самым приятным образом оказалась довольно близко с днем рождения Талары, которой в конце октября исполнилось двадцать пять лет. Ввиду этого обстоятельства и учитывая в каком положении находилась империя пышные торжества не устраивали. Совсем без праздника, конечно, не обошлось — как-никак, четверть века. Были и гости, и застолье, и приятные сюрпризы от друзей и близких, включая представления от колдовских кругов. Но — в меру. Государство вело войну на уничтожение, и

никакие излишества в такой час не допускались. Парадов не проводили, салютов не запускали, как в былые времена закатывал для дочери Гийюр ад-Сейдин, и города флагами не увешивали. Талара, разумеется, все понимала, и не думала обижаться. Избавленная от влияния скверны, она на сей раз даже не рвалась в глубины преисподней. Тепло попрощавшись с Илианой, вице-королева осталась в Тал-Амине, пожелав подруге удачи. Происшествие с метеоритом наглядно доказало ей всю серьезность ситуации. Отправься они тогда вдвоем да зайди чуть подальше… Фея, возможно, спасла бы обоих, но риск того явно не стоил. Нет уж, Илиана как всегда права. Вылазка в преисподнюю отнюдь не развлечение и Таларе следует помогать императрице, а не осложнять своими прихотями ее и без того нелегкую задачу. Проводив Илиану, она постояла на крыше дворца, глядя, как исчезают вдали всадники, а затем направилась выполнять свой долг. Трон Ардариании не должен пустовать. Особенно в период тяжелейшего кризиса. Вылазка в край вечного огня укрепила волю и рассудительность вице-королевы самым неожиданным образом. Отмечая в себе определенные изменения, заметно посерьезневшая Талара гадала, не этого ли эффекта добивалась Илиана. Ведь той было не впервой направлять людей и более расчетливым образом. Спланировать экскурсию подруги, вроде бы пойдя навстречу ее желаниям, но по собственным скрытым мотивам было как раз в духе императрицы. Ответ на этот вопрос знала только сама Принцесса Крови.

Оборонительный вал, воздвигнутый при прямом участии Принцессы Крови, достойно справлялся с возложенной на него миссией. Имперские войска, регулярно получая подкрепления, удерживали врага на всем периметре вторжения, нанося ему чувствительные контрудары. Кое-где рогатых чудовищ даже удалось потеснить, выбив из одной провинции и создав угрозу освобождения другой, но то был временный эффект. Обе стороны продолжали наращивать потенциал, схлестываясь в ожесточенном противостоянии. И оно ожидаемо складывалось не в пользу людей. Судя по последним донесениям разведки, там, в Серых горах, в окрестностях бывшего Руандаля появились первые Гангроны. Руководство Второй Ардарианской империи прекрасно сознавало к чему идет дело, осведомленное о том, какая катастрофа постигла ее предшественницу. Но разглашать эту тайну широкой общественности было ни в коем случае нельзя. Люди верили в Рубистеллу. Несмотря на отступление войск, они все еще верили и в империю. Верили даже на Западе, откуда продолжали прибывать войска и ресурсы, и все новые структуры вступали под синие знамена с алой звездой. Подрывать эту веру было недопустимо. Падение мо-

рального духа немедленно обернется катастрофой, способной погубить Ардарианию как раз тогда, когда надежда на победу становилась наименее призрачной, чем когда-либо. Ведь императрица и ее окружение не сидели сложа руки, кормя граждан сказками о счастливом исходе и стараясь отсрочить наступление неизбежного. Они рисковали жизнями в логове врага, желая не сломить вторжение, а устранить саму его основу. И в то время как вице-королева олицетворяла незыблемость государственной власти в Тал-Амине, лично контролируя ход всех процессов в государстве, императрица несла свое бремя входя в очередной оскольтратум.

Этот регион преисподней принципиально отличался от двух предыдущих. Прежде чем выпустить туда лазутчиков, Эбби прочитал им напутственную двухчасовую лекцию касательно его особенностей. Он бы с удовольствием показал им какую-нибудь подвижную иллюзию, записанную в Кристалле Памяти, но это было невозможно. Чародейки, пытаясь зафиксировать все происходящее на острове, в очередной раз убедились в тщетности своих усилий. При выходе из преисподней все Кристаллы Памяти стирались, отчего императрице, фее и всем остальным пришлось довольствоваться пересказом событий. Из мира векстров можно было вынести только свои мысли и их физическое воплощение на камне или бумаге. Любые энергетические носители информации оказывались бесполезны. Оттого в закромах Фортумагума не нашлось ни одной визуальной записи из края вечного огня. Их попросту не существовало. На фоне этого память Эбби становилась поистине бесценной. И он продолжал открывать друзьям и союзникам хранившиеся там сведения, интересные даже фее. Основываясь на опыте первой вылазки, чародей находил теоретическую подкованность лазутчиков недостаточной и вдалбливал им различные знания. Лишь убедившись, что слушатели хорошенько усвоили куда идут, Эбби дал добро на вылазку и распахнул Трансталл, заблаговременно созданный, но до поры надежно запечатанный.

На сей раз над головами путешественников не раскинулась бескрайняя даль, где виднелись обширные пейзажи. Теперь там либо витала серая мгла, порой отсвечивавшая привычным красноватым оттенком, либо виднелись своды из камней или плоти. Люди ступили не на поверхность оскольтратума, а в его недра, скрывавшие невообразимый лабиринт из пещер, залов и поистине громадных долин. Какой-нибудь спелеолог, услышав это описание, наверняка представит себе извилистую сеть узких переходов, порой сужающихся до крайности и временами выводящих в обширные гроты. Подземная часть преисподней, где очутились люди,

выглядела совершенно иначе. Каждый тоннель казался широким ущельем с закрытым верхом, а некоторые залы смахивали на горные плато, зажатые со всех сторон вздымающимися скалами. От стены до стены обыкновенно было порядка сотни-другой ярдов, хотя встречались и такие места, где проход сужался до шестидесяти футов. Иными словами, сгибаться в три погибели не приходилось, и протискиваться через бутылочное горлышко, рискуя застрять в нем навсегда, тоже. Люди вообще продвигались с известным комфортом, если не считать недружелюбной флоры и еще менее приветливой фауны. Даже здесь, в глубине оскольтратума, присутствовало традиционное красноватое освещение, по большей части лишенное темных областей. Таковы были как особенности излучения океана вечного огня, так и структуры различных залежей породы. Вокруг странников сновали небольшие огоньки, отчего вся группа отбрасывала зыбкие загадочные тени. Их на всякий случай выпустили ведьмы и чародейки. Огоньки подсвечивали ни шатко ни валко, зато обычно позволяли обнаружить какую-нибудь живность до того, как живность обнаруживала людей.

Надежды на исходный зал не оправдались. Покружив по его просторам, куда Эбби наладил Трансталл, лазутчики пришли к выводу, что им все-таки придется углубиться в лабиринт переходов. Впрочем, чародей изначально именно это и предполагал. Оскольтратум имел определенную специфику. На его поверхности бушевали настолько мощные энергетические шторма, что люди изжарились бы там быстрее, чем от убийственной радиации. Зато в глубине пещер было относительно безопасно, поскольку толща породы экранировала подавляющее большинство отрицательного излучения. Правда она же, как выяснилось, мешала и Дин'Юлемионе, пытавшейся уловить присутствие Повелителя Крови. Еще под сводами зала с Трансталлом фея взволнованно заявила, что чувствует искру света заметно ближе и отчетливее, чем в прошлый раз. Причем чувствует ее не редким одиночным импульсом, а с небольшими промежутками. Увы, пока от этого не было ни малейшего толку. Дин'Юлемиона, как ни старалась, никак не могла вычислить хоть какие-то координаты. Присутствие Таунсторма угадывалось гораздо увереннее — и не более. Судя по всему, определить что-либо точнее не позволяли творившийся наверху хаос и препятствие в виде земной толщи. Именно поэтому лазутчики все-таки отправились в пещеры, но отправились не бесцельно. Эбби посоветовал им искать колодцы на поверхность. Вблизи от таких скважин они все еще будут недосягаемы для смертоносного излучения, и при этом у феи появится хороший шанс уловить что-нибудь извне. А такие скважины наверняка бы-

ли, ибо Жнецы, орудовавшие снаружи, питались мощью вечного огня и закачивали в глубину оскольтратума потоки преобразованной энергии.

Карты здешних краев ни у кого не имелось, поэтому технически группа шла наобум, стараясь доверять интуиции. Никто не знал куда ведут все эти тоннели, а также когда попадется подходящая скважина. Возможно, ближайшая находилась всего в паре миль и люди сейчас удалялись от нее в противоположную сторону. А следующая располагалась в каком-то миллионе ярдов. Увы, повлиять на неопределенность этой ситуации было нельзя. Хочешь не хочешь, а приходилось рассчитывать исключительно на удачу. Однако лазутчики шагали довольно бодро, преисполненные оптимизма. Чутье феи уверенно улавливало искру света, и оставалось лишь набрести на точку, где она проявится с желанной ясностью. Правда бродить люди могли очень долго, совершая вылазку за вылазкой, но всем хотелось верить в лучшее.

Само путешествие не отягощалось значительными эксцессами. Лазутчики старались не шуметь и без необходимости разрушительные чары не применять. Используя левитацию, они довольно быстро проплывали над пересеченной местностью, огибая россыпи камней и перемахивая через змеившиеся трещины. При отсутствии препятствий скорость передвижения составляла порядка сорока миль в час, а порой и гораздо больше. К сожалению, препятствий все-таки хватало. Подземное ущелье имело очень извилистую структуру, что тормозило людей само по себе. Ведь нельзя было беспечно выскакивать из-за каждого поворота, понятия не имея что поджидает за углом. Следовало сбавить ход и осторожно осмотреться, прежде чем лететь на всех парах в объятия какой-нибудь злобной пакости. С тех пор, как в тоннелях отбушевала лава, в них поселилась различная флора и фауна, ведущая себя ничуть не лучше, чем в Тризианиуме. Оставив в остывающей породе внушительные ходы, раскаленная магма ушла, а пустоты стала активно осваивать местная живность. Черный кустарник, больше похожий на комья колючей проволоки, обычно стелился по полу тоннеля, но иногда вздымался вверх, а бывало и вовсе силился перегородить путь колючей стеной. В таких случаях люди без колебания прожигали в нем здоровенную брешь с приличным запасом по площади, чтобы остатки тлеющей растительности не достали их выстрелами ядовитых шипов. Та же участь постигала и хищные лианы, свисавшие с потолка подобно занавесу. Вместо обеда на их долю доставались заклинания, не оставлявшие ничего кроме пепла. Куда сложнее дело обстояло с флорой скрытого типа, атаковавшей добычу выбрасываемыми в пространство стрекалами. За-

нимая щели и впадины, она искусно пряталась, а при подходящей возможности старалась ухватить все что шевелилось. Лазутчикам, окруженным защитными чарами, ее потуги ничем не грозили, но нервы все-таки трепали, сказываясь на скорости передвижения. Все, что вскидывалось к людям, немедленно уничтожалось, однако они избегали применять мощные чары, а это вынуждало их возиться с каждым нападением отдельно. Заклинательницы были способны выжечь все ущелье дотла, но с таким же успехом они могли громко бить в барабаны, да так, чтобы их эхо раскатывалось на сотни миль окрест. Мы здесь, мол, встречайте нас с транспарантами! Правда, время от времени им все-таки приходилось задействовать серьезное атакующее колдовство, прокладывая дорогу через дремучие заросли. Такие пару раз блокировали дорогу в особо узких местах, а один поворот так и вовсе напоминал пробку в бутылке. К Мертвячницам — самым простым растениям преисподней — все давно уже привыкли, но плотные заросли Скабромы представляли собой крайне неприятное явление. Ведьмы и чародейки не стали церемониться и уничтожили означенную пробку подчистую, хотя она растянулась на добрых четверть мили. Судя по всему, демоны в этой части тоннеля не бывали, если вообще по нему ходили, раз свободный проход отсутствовал. Это было хорошим знаком. Обосновать шатание по здешним местам людям будет куда труднее, нежели в прошлый раз. Там, в Тризианиуме, находились более-менее известные Фумаролы. Здесь, вероятно, они тоже были, но где — Эбби понятия не имел, поскольку именно в этот оскольтратум не заглядывал и даже не знал как он называется. Единственное, что он предложил фее в качестве подходящей легенды — честно напирать на поиск канала к поверхности. Мол, для использования почерпнутых в Гдорстонхорстуме знаний требуется мощная подпитка энергией, отчего путешественники и забрели в эти пещеры. Демоны так сходу не сумеют определить, чего там такого набрались люди в Кордраторусах, что позволит выиграть время. Проблема состояла лишь в одном. Никаких разговоров с шаадами никто не гарантировал. Дело могло обернуться так, что лазутчики залезли куда не следует и их станет атаковать каждый встречный. Ведь демоны позволяли пришельцам бродить по своей вотчине только если понимали конечную цель их намерений, и она их устраивала. Таким образом, отсутствие рогатых чудовищ выглядело неплохо только с одной стороны. С другой — лучше бы отряду хоть кого-нибудь да встретить, чтобы определить возможную реакцию. Определить, прежде чем он забредет за сотни миль от выхода и столкнется с толпой разъяренных хозяев преисподней.

Ущелье вывело в просторную долину, раскинувшуюся под

высокими темно-красными сводами, испещренными блестящими прожилками. Промеж многочисленных каменистых островков стелилась темная почва. По мере отдаления от стен она становилась значительно мягче, а под ногами начинало хлюпать и чавкать. Среди сплетения растительных волокон выступала уже знакомая черная жижа. Люди, разумеется, не прекращали полет, чтобы пройтись по бурой поверхности и на личном опыте выявить все прелести такой прогулки. Их наблюдения основывались на местной живности, периодически появлявшейся в поле зрения. Все те же улитки, сороконожки, Секвестры и прочая гадость давным-давно освоили долину и успешно здесь плодились, пожирая окружающую биомассу и сами становясь ей, если попадали кому-нибудь на обед. К центру долина основательно заболачивалась, а тамошняя растительность становилась куда гуще и жирнее. Отряд, посовещавшись, решил лететь не напрямую, а вдоль стены, пока не подвернется подходящий боковой коридор. Опыт первой вылазки прошел не зря. Ведьмы и чародейки неплохо освоились с левитацией на небольшой высоте, но значительной по-прежнему старались избегать. Долина же по мере удаления от периферии начинала зарастать, изобилуя внушительными препятствиями. Чем связываться с извращенной природой преисподней, лучше ее по возможности обойти. Придя к такому здравому умозаключению, отряд взял влево и двинулся вокруг долины по часовой стрелке.

Лишь третий по счету тоннель группа сочла стоящим ее внимания. Остальные заросли дальше некуда, а он производил вполне приемлемое впечатление, если не считать умеренных образований на полу и стенах. Более того, он выглядел так, словно им регулярно пользовались. В центре имелось нечто похожее на широкую гладкую тропу. Она поблескивала как лакированная, свободная от Мертвячницы и прочих органических наслоений. Люди, недолго думая, взяли ее за ориентир и заскользили в десяти футах от каменистой поверхности, поспешив покинуть долину. Та оставила у них гнетущее впечатление, и в особенности у Дин'Юлемионы. Фея обожала густые, свежие рощи, наполненные светом и журчанием ручьев. Шершавая кора и душистый аромат смолы, мшистые покровы и стебельки цветов заставляли радоваться все ее существо, взиравшее на чудо зеленой жизни. Деревья преисподней приводили ее в ужас и отвращение. Дина знала об их наличии, но собственными глазами не видела никогда. И больше не хотела. Отряд правильно сделал, что не полетел через центр долины, где наверняка не обошлось бы без неприятностей. Там, на чавкающей болотине, раскинулся местный лес, тянувший корявые конечности к

высоким сводам. Именно конечности. Стволы и все остальное состояли из более развитой формы мертвой плоти, чем окружающая земля. Эта плоть умела не только шевелиться, но даже ходить. Выпрастывая зарытые в почву корни, дерево поднималось и неторопливо следовало куда ему заблагорассудится. Обычно на труп какой-нибудь твари, чтобы смачно усесться поверх и начать впитывать его в свою структуру. Имелись в таких деревцах и дупла, где обитали слизни. Также они становились пристанищем для дальних родственников лапургов, смахивавших на летучих мышей, но размером с кошку и телом ящерицы. Вся эта мерзость постоянно шевелилась, а под сенью лесочка так и вовсе кипело бурное подобие жизни. То ли векстрам доставляло особое удовольствие плодить пародию на флору и фауну из других миров, то ли они всерьез намеревались заселить вселенную в соответствии с собственным представлением о живых существах. Люди аж содрогнулись при мысли, что здешняя гадость может обосноваться в их родных краях, если остановить вторжение не удастся. Собственно, она уже обосновывалась, если припомнить засыпанные серым пеплом земли. Донесения разведчиков вселяли подлинную тревогу. Порождения преисподней разрастались, захватывая новое пространство, и начинали чувствовать себя вполне привольно.

Новый тоннель уходил градусов под тридцать левее от прежнего, то забирая вверх, а то заваливаясь под уклон. После прелестей долины фея была почти рада видеть чахлые наросты невнятной органики и незначительные скопления Скабромы, жавшейся в стороне от тропы. Куда она вела — да лишь бы подальше от недавних достопримечательностей! Впрочем, Дин'Юлемиона вскоре оправилась от нахлынувших на нее ощущений. Примерно тогда же стало понятно и происхождение блестящей дорожки. То, что показалось впереди, отряд изначально принял за холм, образовавшийся посреди тоннеля. Вот только быстро выяснилось, что холм очень даже активно двигается. Поджимая кольца и неторопливо накатывая их вперед, по центру дорожки ползла внушительных размеров тварь — эдакий гибрид гусеницы и опарыша. Ее серую плоть усеивали жесткие щетинки, а брюшные железы выделяли едкий секрет, лакировавший протертую до блеска тропу. Уяснив природу надвигавшейся громады, лазутчики порхнули вбок, взяв ближе к стене тоннеля и приготовившись к неприятностям. Их, на удивление, не последовало. Туша отнеслась к пришельцам совершенно флегматично. Она преспокойно проследовала мимо, направляясь не иначе как в долину. Какая-то порхавшая в воздухе мелочь ее явно не интересовала. Гора плоти ползла кормиться на болотину, не опасаясь накормить ее сама. Судя по отсутствию органики на

ее пути, едкая субстанция эффективно защищала брюшину, отбивая охоту пробовать жирное чудовище на зуб. Дин'Юлемиона ни за что не стала бы уделять внимание этому опарышу, но его поведение наводило на полезную мысль. Похоже, тварь путешествует по тоннелю с завидной регулярностью, только на кой ляд она это делает? Не проще ли сразу обосноваться вблизи от источника пищи, не утруждая себя излишними перемещениями? Должно быть, обитать она предпочитала в других условиях, кардинально отличных от долины. А что вступало в контраст с чавкающей болотиной, набитой гнусной органикой? Наблюдательная фея отметила характерные проплешины на щетине чудовища, словно слегка опаленной в нескольких местах как усы незадачливого курильщика. Где бы ни проползал опарыш, он наверняка бывал в непосредственной близости от огня. А огонь для лазутчиков означал реку лавы или озеро пламени, что в свою очередь предполагало потенциальную связь с поверхностью. Именно поэтому на ближайшей развилке Дин'Юлемиона велела следовать по тому пути, где имелась протертая чудовищем дорожка. И так она поступила еще дважды, уповая на то, что гора плоти вряд ли проделывает слишком большой путь, чтобы подкрепиться.

Догадка феи полностью подтвердилась. Вскоре температура заметно пошла вверх, а за очередным поворотом показалось нараставшее свечение. Тоннель, уходивший вдаль, словно вел в ярко освещенный грот. По мере приближения к его концу становилось все жарче, а оранжевый отблеск выглядел все интенсивнее. Когда же тоннель, наконец, завершился, перед лазутчиками открылось широкое плато, не имевшее никакого отношения ни к гроту, ни даже к прежней долине. Оно представляло собой каменный берег, изломанной линией подступавший к подземному морю пламени. Фламма-де-Лакудемоника под Аш-Гароном не шла с ним ни в какое сравнение. Другие берега этого гигантского образования терялись где-то вдали, равно как своды его потолка также не просматривались. Там, среди побулькивающей лавы, неторопливо бродили исполинские фигуры, в которых лазутчики тут же признали Термоников — бездушных творений огненного мира. В вышине мелькали какие-то тени, а над поверхностью пламенеющего моря сновали полупрозрачные образования, смахивавшие не то на ифритов, не то на призраков. Сирелина, памятуя о схватке под монастырем Манипуляторов, немедленно усомнилась в безопасности жаркого побережья. В голове у нее мутилось, а во рту появился металлический привкус. Иммунитет жгло очередным всплеском скверны, источаемой пламенеющей субстанцией. В ее волнах, аки тюлени на пляже, нежилось поодаль около дюжины опарышей,

как две капли воды похожих на ползущего в тоннеле.
— Спокойствие, — негромко произнесла фея, украдкой выглядывая из-под капюшона императрицы. — Нам пока ничего не угрожает.
Спутникам очень хотелось в это верить. Огненное море производило на них ошеломляющее впечатление, а уровень скверны прямо-таки зашкаливал. Несколько дней, проведенных на теплом бережку, где прямо на камнях можно было приготовить яичницу — и сонм Манипуляторов пополнится дюжиной добровольцев. Фигуры Термоников также не внушали доверия, не говоря уже о подозрительных тенях и туманных образованиях.
— Надо подойти к огню поближе, — велела Дин'Юлемиона.
— Ваша светозарность, вы часом не рехнулись? — опешила Уна.
— Мне это нравится не больше тебя. Но чем ближе мы к этой магме, тем отчетливее я чувствую искру света. Вероятно, море пламени все-таки связано с поверхностью, откуда поступают далекие отголоски, — пояснила фея.
Отряд, соблюдая максимальную осторожность, снизился до шести футов и неторопливо полетел к краю берега. Вблизи от лавы каменное плато здорово растрескалось, а жар там стоял такой, что без защитных заклинаний подрумянилась бы не только упомянутая яичница, но и сами повара. Зависнув в нескольких ярдах от огненного моря, лазутчики ждали дальнейших указаний феи. Та напряженно прислушивалась к своим ощущениям, но пока без особого результата. Искра света здесь действительно улавливалась гораздо лучше, но кошмарный уровень скверны дурно влиял на самочувствие Дин'Юлемионы, нивелируя достигнутый эффект. Кроме того, над пламенеющей поверхностью здорово искажались все энергетические потоки, и особенно внешние. Их поведение напоминало тысячекратное эхо без внятного начала и конца. Илиана вдруг ощутила, как плохо стало ее миниатюрной покровительнице. Фея мелко дрожала, стараясь справиться с навалившейся на нее тяжестью. Она не жаловалась, но Принцесса Крови нутром почуяла, что надо как-то ей помочь, пока дело не приняло дурной оборот. Понадеявшись на защиту мантии, она начала овевать Дину жизненной энергией, стараясь не пробивать ее интенсивностью маскировочного контура Семиалостапилоны. Фея сразу почувствовала облегчение. Тяжесть, грозившая раздавить ее жестокими тисками, ослабла. Свет Илианы придал существу его дочери необходимые силы.
— Только не перестарайся. Иначе нам несдобровать, — шепнула Дина, благодарно стиснув плечо девушки. — Нам туда! Направо вдоль берега! — добавила она спутникам, быстро сориентировав-

шись в обстановке.
Внутренний сонар феи подсказывал, что искомое излучение просачивается откуда-то оттуда.

К сожалению, дальнейшее путешествие сразу не заладилось. Отряд не успел проделать и мили, как перед ним, в паре сотен ярдов, на каменный берег выскочил бес. Выскочил прямо из моря огня, словно плавал там подобно крокодилу и надумал выбраться на сушу. Лазутчики немедленно сбавили ход, а затем и вовсе остановились, выполняя приказ Дин'Юлемионы. Они не спускали с беса глаз, а тот очевидным образом изучал невесть откуда взявшихся людей. И пока те соображали как им следует поступить, к нему явилось подкрепление. Еще десятка полтора бесов повыпрыгивали на камни упругими мячиками, выстраиваясь растянутым полукругом. Обернувшись, Сирелина тихо ойкнула. Там, позади, на берегу также объявилось несколько младших демонов.
— Уна, бери контейнер и наполняй его лавой, — тихо велела фея. — Делай это неторопливо, с таким видом, словно занимаешься чем-то совершенно естественным. Возьми с собой еще кого-нибудь. Остальным — приземлиться.
Расчет Дин'Юлемионы был предельно прост. Если векстры собираются напасть, они это сделают в любом случае. Если же рогатые чудовища изучают намерения людей, то им следует предъявить убедительные доказательства их интересов. Лава из огненного озера являлась мощным источником концентрированной скверны и демонологи неоднократно использовали ее для разных целей. Другое дело, почему именно эта и именно здесь, но уж приходилось играть с теми картами, что были на руках.

Уна, снедаемая внутренним напряжением, постаралась вести себя невозмутимее некуда. Пока отряд опускался на горячие камни, она кликнула двух помощниц и вместе с ними подошла к краю, за которым вздымалась языками пламени раскаленная магма. У рыжеволосой ведьмы аж сердце захолонуло, когда она представила, как сейчас оттуда вылетят чьи-то щупальца и утащат ее в страшную бездну. Защитные чары, как и страховочная левитация, продолжали исправно работать, но вряд ли они выдержат воздействие вечного огня преисподней. Ибо каждая пламенеющая река, каждое демоническое озеро происходили непосредственно оттуда и содержали в себе его частички. Раскрыв большой контейнер для образцов, способный выдержать высокие температуры, ведьма плавным жестом направила его прямиком в лаву, стараясь унять некстати разыгравшуюся фантазию. Две ее помощницы сделали то же самое.

Бесы, еще прибавив числом, пристально взирали на происхо-

дящее. Переговаривались они о чем-нибудь или нет, а расстояние-то постепенно сокращали, ступая маленькими шажками. Открытой агрессии они вроде бы не проявляли, но сам факт их приближения натягивал нервы дальше некуда. Люди старались не обращать на них внимания, якобы сосредоточенные на возне с морем огня. При этом готовились отразить нападение и пуститься наутек, если запахнет жареным. Бесы как-то подозрительно не спешили, не то и впрямь не желая ввязываться в схватку, не то ожидая подкрепления. В последнем случае все могло обернуться очень и очень плохо. Ведьмы, пытаясь соответствовать роли, навели вокруг контейнеров несколько визуально заметных чар. Также они зрелищно поколдовали и у кромки берега, пуская пыль в глаза. Ради этого Уна даже припомнила парочку темных заклинаний и пустила их в ход, стремясь обдурить рогатых наблюдателей. Два десятка бесов лазутчики раскидают даже в преисподней, но сколько их там еще, под этой пламенеющей рябью? Сотни, тысячи? Сотни тысяч? Термоники по-прежнему меланхолично бродили вдали, ничуть не активизируясь. Это вселяло надежду на благоприятный исход, иначе бесы почти наверняка кликнули бы их в качестве тяжелой артиллерии. Если только не рассчитывали разорвать гостей своими силами.

Наверху мелькнула какая-то тень. Там все время что-то мелькало, но на сей раз она была слишком хорошо заметна, чтобы проигнорировать ее движение. Подняв глаза, люди узрели спускавшегося Гангрона. В чудовище было футов пятьдесят, не считая размаха крыльев. Заложив плавный вираж, демон описал вокруг лазутчиков широкий круг, продолжая неторопливое снижение. Затем, ненадолго замедлившись, пошел на новый, сузив его радиус, и наконец оказался прямо над морем огня в паре сотен ярдов от путешественников. Глаза Гангрона горели недобрым оранжевым светом, а в руках он крутил длинный, сотканный из пламени хлыст, заканчивавшийся чьими-то зубастыми головами. Казалось, демон колебался, размышляя, что ему следует предпринять. Лазутчики, ожидая приказов Дин'Юлемионы, изготовились к худшему. Схватка с этим врагом ничего хорошего не предвещала. Фея как раз размышляла, не выслать ли к нему парламентера, когда из лавы, расправляя крылья, кружащейся свечкой вылетел второй Гангрон. Приблизившись к первому, он завис рядом с ним и до людей донеслись непередаваемые звуки. Демоны о чем-то переговаривались. Принцесса Крови прекрасно понимала язык хозяев преисподней, но у нее не получалось расслышать слова. Вскинутая рука первого Гангрона остановила бесов. Они не уходили, но и не двигались, продолжая таращиться на людей с неопределенным выра-

жением.
— Как-то все это странно, — пробормотала Дин'Юлемиона.
— Не знают что с нами делать, — подал голос Ульм, сохранявший возмутительное хладнокровие.
— Как векстры могут этого не знать? — усомнилась фея.
— Очень даже запросто, если их привычное поведение корректируется чьими-то приказами, — пояснил северянин. — Вспомни шааду.
Дина, обдумав сказанное воином, хотела что-то ответить, но не успела. Один из Гангронов неожиданно сложил крылья и нырнул обратно в море огня. Другой резко взмыл вверх и исчез в красной дымке, заменявшей небо. Бесы зашевелились. Они не бросились на людей, но и не вернулись в лаву. Развернувшись, они разбрелись по плато, будто намеревались прогуляться перед обедом. Сирелина предположила, что младшие демоны дружно заделались соглядатаями, и все спутники с ней согласились. Возник очевидный вопрос, что делать дальше. Поведение векстров настораживало, хотя и не содержало заметной агрессии. Они словно чего-то выжидали, а чего — поди пойми. Так или иначе, дальше торчать на плато людям уж точно не следовало. Значит, надо либо двигаться дальше, либо уходить восвояси.
— Возвращаемся! — велела Илиана, выслушав соображения феи. — Идем назад в Фортумагум!
Спорить никто не стал. Не потому, что приказы императрицы обсуждению не подлежали. Просто желающих искушать судьбу под носом у демонов не находилось. Когда отряд покинул жаркий берег и углубился в тоннель, лазутчики вздохнули с нескрываемым облегчением, убедившись, что их никто не преследует.

Вторично тащиться к пламенеющим просторам не пришлось, но не из-за связанных с ними опасностей. Дина не собиралась отказываться от замысла, особенно с учетом несостоявшегося столкновения с векстрами. Она не ведала что было у них на уме, зато подле моря огня ее чутье работало очень многообещающе. Раз демоны не напали сразу, лазутчики могли надеяться, что этого не произойдет и позднее. К тому же какой смысл искать очередную огненную артерию, если там наверняка повторится все то же самое. Исходя из этих соображений, фея решила продолжить экспедицию, но на основе достигнутых результатов. Именно поэтому новый Трансталл был открыт прямо на каменное плато.

На сей раз Дин'Юлемиона знала абсолютно точные координаты, поэтому Эбби без труда сумел наладить проход куда требовалось. Более того, он даже сделал нужное смещение по расстоянию в точном соответствии с указаниями феи. Она не желала высажи-

вать группу посреди бесплодного камня, не представлявшего для нее ни малейшего интереса. Само море также ее не волновало. Дина успела осмотреться достаточно для того, чтобы определить новую цель. И эта цель заключалась в огненной реке, впадавшей в лаву в едва различимой дали. Там каменный берег сужался, упираясь в зигзагообразный выступ, после чего уходил в плавный изгиб, а в центре зигзага как из тоннеля вытекал широкий поток пламени. Береговая линия вздымалась над ним длинной естественной аркой и шла дальше, а поток неторопливо вливался в море густой клокочущей массой. По мнению феи, лазутчикам было необходимо достичь его устья.

От Трансталла до реки оказалось всего полторы мили. Дина правильно оценила расстояние, а Эбби наладил канал всего лишь с третьей попытки, разок промахнувшись по высоте и разок едва не влетев в кипящую магму. Никаких предварительных заходов не требовалось, так как пункт назначения уже был изучен. Покинув пределы Фортумагума, группа деловито устремилась к реке, одновременно готовая в любой момент дать деру. Теперь, даже если демоны все-таки атакуют, точка эвакуации находилась в шаговой доступности. Враг, конечно, наверняка попытается ее развеять, но Эбби обещал восстанавливать Трансталл ровно столько, сколько потребуется. Все искренне надеялись, что до этого не дойдет, и предпосылок к тому действительно не наблюдалось. Демонов было не видать. Группа без помех добралась до устья и остановилась подле огненных волн, вытекавших из-под высокой арки. Фея, благодаря Илиане чувствуя себя вполне приемлемо, окончательно уверилась в направлении дальнейшего движения. Отряду необходимо следовать вверх по течению реки. Чем ближе Дина была к ней, тем больше ей казалось, что еще вот-вот — и завеса помех, мешавшая определить местонахождение искры света, развеется. У потока лавы, особенно заметно подернутого колдовским огнем, ощущение становилось еще отчетливее. Вероятно, Дин'Юлемионе годилась любая такая река, если она гипотетически соединялась с поверхностью, а эта подвернулась ближайшей.

Лететь над раскаленной жижей, несущей концентрированную скверну на невесть каком протяжении, представлялось крайне плохой идеей. В случае чего лазутчики неминуемо ухнут в жуткое пекло, да и вообще постоянно находиться над восходящими парами демонической реки категорически не рекомендовалось. К счастью, у потока имелись довольно широкие берега, поднимавшиеся к стенам тоннеля под небольшим уклоном. Императрица, изучая их строение, невольно припомнила сточные тоннели Солтенстила, где ей довелось скрываться после бегства из дворца и

познакомиться с ватагой беспризорных ребят. Обернувшись на Трансталл, она подумала насколько до них сейчас близко и одновременно далеко. Полторы мили плюс несколько минут — и она сможет провести вечер в компании друзей, всегда встречавших ее с неизменной теплотой и радостью. При этом они сейчас находились друг относительно друга в таких неизмеримо удаленных пространственных точках, что аж голова шла кругом. Оторвав взор от Трансталла, Илиана посмотрела на реку и увидела голову беса, выглядывавшую из огня близи от берега. Поняв, что его заметили, бес в мгновение ока скрылся в красно-оранжевых волнах.

— Дина! — тихо позвала императрица.

— Да, я тоже его видела, — откликнулась фея, из-за особенностей своего путешествия вынужденная смотреть туда же, куда и воспитанница. — Это, кстати, уже не первый.

Следили бесы за людьми или нет — главное, что не нападали. Вероятно, кто-то им все-таки велел приглядывать за нежданными гостями, а уж с какой целью — кто их знает. Как бы там ни было, лазутчикам следовало либо ретироваться, либо идти вперед. Они выбрали последнее.

По мере удаления от огненного моря берега реки расширились, а то, что изначально походило на тоннель превратилось в просторное крытое ущелье. В поперечнике поток пламени в среднем насчитывал не менее мили, а каменистые уклоны по бокам — сотню-другую ярдов. Люди уверенно летели над правым берегом, направляясь вверх по течению и надеясь, что их путешествие не упрется в глухую стену. В один прекрасный момент именно это и произошло, однако исчезнувший берег трансформировался в проход, идущий параллельно реке. Лазутчики, посовещавшись, направились туда и вскоре убедились, что его направление не слишком отклоняется от желаемого курса, периодически возвращаясь куда надо. Вероятно, некогда река была гораздо объемнее, и этот боковой тоннель был частью ее русла. Уровень лавы упал, и он остался не у дел, а вместе с ним опустели и все боковые переходы, встречавшиеся по пути. Осмелевший отряд набрал приличную скорость. Вблизи от огненной реки всякая живность практически отсутствовала. Жар, исходивший от потока, отпугивал любую органику, не способную выдержать воздействие слишком высоких температур. По соседству разрасталась лишь мертвая плоть, обвивая огненную артерию в соответствии с традиционными канонами. Все более развитое предпочитало держаться подальше, исключая особей вроде гигантских опарышей.

— Это характерно для всех низших форм жизни преисподней. Высшие не просто не боятся огня — он является их частью, — по-

яснила Дин'Юлемиона. — Поэтому бесы плавают в нем как рыба в воде, а любую каракатицу сожжет на месте.
— А на кой они там плавают? — уточнила Сирелина.
— Это их дом. Их стихия. Среда обитания. Все сразу, — отозвалась фея, стараясь не повышать голос, но чтобы ее слышали все спутники. — Вы строите дома и дворцы. Векстры живут в толще пламени. В Последнем Приюте ты видела луга и леса, космические просторы и водопады из чистой энергии. Сила мысли детей света воплощает энергию в осязаемую материю, не отягощенную бременем плоти. Векстры проделывают нечто похожее, но по-своему, с диаметрально противоположным подходом к роли последней. Луга и леса, конечно, они не возводят. У них свой вкус и свое видение окружающего мира.

Боковой тоннель то сливался обратно с ущельем реки, а то вновь отделялся параллельным образованием. Следуя неизменным курсом, лазутчики пролетели миль пятьдесят, прежде чем в окружающем пейзаже наступили изменения. Тоннель неожиданно раздался в стороны, и глазам людей предстало еще одно обширное плато. На сей раз без всякого моря, если не считать обосновавшегося в центре озерца, через которое протекала река огня. По размеру плато было несколько меньше болотистой долины, а по виду так и вовсе на нее не походило. Во-первых, очевидным отсутствием буйно расплодившейся живности. Во-вторых, огненными гейзерами. Они вздымались на нем повсюду, выстреливая длинными, гудящими рукавами, словно пытались достать далекие розовеющие своды. Каждый выбрасывал не раскаленную лаву, а столб гудящего пламени высотой в сотни ярдов. Плато, наполненное этими выбросами, напоминало взбесившуюся печь крематория, поскольку гейзеры били хаотично без какой-либо заметной системы. Лазутчики быстро сообразили, что от зияющих в грунте дыр следует держаться подальше. Лавируя между жаркими столбами, они продолжили следовать течению реки, стараясь от нее не отдалятьс я. Помимо гейзеров, долину наполняли заросли металлических кустиков, густо разросшихся по берегам пламенеющего потока, а также вокруг гудящих столбов. Признаки органической жизни на плато отсутствовали, за исключением дальней части, где наблюдалась какая-то активность. Припомнив лекции Эбби, лазутчики пришли к выводу, что там обосновались огненные муравьи. Встречаться с ними не стоило, но их гнезда были в стороне от маршрута группы, поэтому столкновение с ордами неприятных существ не грозило. Они ведь только носили привычное слуху название, а на деле соответствовали ему весьма отдаленно, и значительным числом представляли немалую угрозу.

Гарантии, что огненная река вскоре выведет к желаемому каналу на поверхность, не было никакой. Она могла петлять в недрах оскольтратума сотни и тысячи миль, проходя сквозь породу и мертвую плоть подобно вене в теле. Причем петлять, изгибаясь как угодно, ибо раскаленный поток явно не беспокоило, что временами он течет с уклоном вверх. Приходилось полагаться на чутье феи, уверявшей, что ощущение искры света становится все яснее. Лазутчики, по-прежнему не встречавшие на своем пути ярко выраженных затруднений, как-то даже расслабились. Бдительность им вернул донесшийся спереди гул, заметно нараставший с каждой минутой полета. Ущелье реки к тому времени раздалось и стало настолько широким, что через него пролезла бы и шеренга небесных фортов из числа состоявших на вооружении имперской армии. Вдали показался какой-то просвет. Отряд, сбавив ход, неторопливо лавировал среди скалистых выступов, прислушиваясь к набиравшему мощь гулу и наблюдая растущую интенсивность освещения.

Выход из ущелья напоминал леток пчелиного улья. Растянувшись на несколько миль, он выводил в громадное кольцеобразное пространство, опоясывавшее не менее исполинский колодец. В его центре полыхал широченный столб огня, ниспадавший откуда-то сверху и исчезавший где-то в глубине. От него, изгибаясь в воздухе, отделялся рукав, уходивший в ущелье и образовывавший ту самую реку пламени, вдоль которой прибыли люди. По ходу скважины колодца в недра оскольтратума устремлялись точно такие же рукава, формирующие другие реки. Виднелись они и сверху, а далеко над ними гремело всеми красками яростное сияние. Именно гремело и именно красками, ибо оно не только испускало тот самый гул, распространявшийся за пределы колодца, но и прямотаки давило на зрительный нерв своей мощью. В грубом приближении сияние напоминало привычное людям полярное, неторопливо колышущее цветные волны высоко в атмосфере. Но здешнее было чем-то совсем другим, хотя имело известное отношение к радиации. Сгрудившись у колодца, лазутчики наблюдали те самые энергетические вихри, бушевавшие на поверхности оскольтратума. Жнецы, поднимая чудовищные ураганы, сталкивали их между собой, прессуя, аннигилируя и преобразовывая энергию в разные формы. В том числе твердую, с помощью которой был некогда уничтожен Великий Архипелаг. Все это сопровождалось поистине адским излучением всех возможных и невозможных частиц, а также запредельным выбросом скверны. Дин'Юлемионе снова стало плохо, из-за чего Илиана была вынуждена усилить напор жизненной силы, овевавшей малютку спасительным дуновением.

На сей раз риск точно того стоил. Придя в себя, фея взволнованно сообщила, что начинает разбирать где находится источник света, и скоро установит точные координаты. Это известие немедленно воодушевило всех спутников. Обмениваясь радостными репликами, они рассредоточились вокруг императрицы с феей, готовые уложить на месте любого, кто осмелится их потревожить. И крайне вовремя, поскольку из бездны колодца выбралось несколько крупных тварей. Плоское тело краба и лапы паука сочетались с круглой головой на черепашьей шее и злобными красными глазами. Каждая самоходная тарелка была футов двадцать в длину и пяток в холке. Ловко перебирая когтистыми конечностями, твари шустро перемещались, постоянно меняя траекторию движения и при этом сокращая расстояние до людей. С какими намерениями — выяснять не стоило. Равно как отступать или ввязываться в бой как раз тогда, когда Дин'Юлемиона находилась в одном шаге от успеха.

— Клетку Изгары! — скомандовала Арадора.

Чародейки тут же вскинули посохи, расчерчивая вокруг императрицы безопасный периметр. Теперь им не требовалось обязательно касаться какой-либо поверхности. Нынешнее могущество заклинательниц позволяло делать это на расстоянии. Направлять канальные чары посохом порой было удобнее, нежели руками, поэтому сестры и пользовались им сродни колдовскому перу. Не прошло и полминуты, как в сотне ярдов вокруг отряда возник надежный барьер, отделявший его от приближавшихся чудовищ. А тех все прибывало. Перемахивая через край колодца, все новая и новая нечисть семенила к людям, смещаясь эдакими шашечками. И вот уже первые монстры достигли колдовского рубежа. В воздухе блеснула невидимая доселе стена, озарившись на камнях руническими знаками. Наткнувшись на препятствие, чудовища отскочили, испустив недовольное шипение. И вновь попробовали сунуться вперед, добившись точно такого же результата. Их лапы натыкались на непреодолимый барьер, мерцавший при каждом контакте, который они не могли ни пробить, ни забраться по нему вверх. Клетка Изгары была бессильна против колдовских тварей и низших существ преисподней, поэтому останавливать ей тех же Секвестров или Сколахов выглядело так же логично, как черпать воду ситом. Подступавших к отряду чудовищ она блокировала еще как, ибо из колодца вылезала наиболее преисполненная скверной сущность — демоны.

В сражении имперской армии с пламенеющими легионами означенный защитный трюк не проходил. Миллионы рогатых тварей пробивали энергетические барьеры в считанные минуты, по-

давляя их атакующей мощью. Здесь, возле гигантского огнепада, колдовской прием вполне себя оправдывал. Демоны бесплодно толкались возле упрямой стены, отказывавшейся пропускать их к людям. Сдерживать врага бесконечно долго у чародеек, конечно, не выйдет, но этой задачи и не ставилось. Клетка Изгары позволяла Дин'Юлемионе без помех закончить определение координат, на что требовалось совсем немного времени. И пока она внимательно прислушивалась к пространственным возмущениям, заклинательницы уверенно контролировали периметр, изучая нового противника. Как и Многоликий, он прежде нигде им не встречался, и на то имелись определенные основания. В соответствии с бестиарием Эбби, одобренным феей, крабы с паучьими ногами именовались Морхолонами. Они в основном обитали в сугубо технических местах преисподней, занимаясь техническими же вопросами. Приглядывать за энергоносной скважиной, убирая лишние наслоения плоти и регистрируя малейшие отклонения в процессах было как раз в их духе. Подобно Жнецам эти демоны не участвовали во вторжении, но это не означало, что они безобидны. Морхолоны умели преобразовывать материю и регулировать огненные потоки. В случае необходимости они запросто могли найти применение своим способностям и против незваных гостей. Ведьмы и чародейки, наблюдая за топтавшимися у преграды демонами, ожидали какого-нибудь подвоха. И он не заставил себя ждать. Несколько Морхолонов из числа наиболее недовольных препятствием, разззявили пасти и испустили странное дыхание. Оно выглядело как поток раскаленного воздуха сродни тому, что образует марево над песками пустыни, искажающее все видимые объекты. Но то была оптическая иллюзия, а вот камни с вкраплениями мертвой плоти деформировались по-настоящему. Они будто скукоживались от нестерпимого жара, разрушались в самой своей материальной основе. Всего несколько секунд — и там, где потрудились демоны, вокруг клетки Изгары объявилась внушительная дыра. Результатом они явно остались недовольны. Несмотря на проседание грунта, подлезть под барьер Морхолонам не удалось. Невидимая стена уходила не только вверх, но и вниз. Начертанные колдовские линии не уничтожались вместе с содержащей их поверхностью, иначе заклинание ломалось бы в два счета. Уяснив суть неудачи, демоны поддали жару, распыляя материю куда интенсивнее, но все равно не преуспели. К ногам людей протянулся довольно внушительный овраг, по-прежнему перекрытый чародейской стеной. Вероятно, именно так Морхолоны подчищали стратегически важные тоннели, а также пробивали новые. Последнее наводило на мысль, что они, учитывая масштабы оскольтратума, способны

рыть куда интенсивнее. Единственное объяснение, отчего демоны не разнесли всю область возле людей, заключалось в близости колодца. Вероятно, им не хотелось наносить ущерб важному участку, отчего они и не спешили с карательными мерами. Обмозговав сложившуюся ситуацию, Морхолоны сменили тактику, заодно прояснившую особенности их перемещения в пространстве. Тревожный окрик Бэйла заставил заклинательниц уделить внимание тому, что происходило у них над головой. А там творилось нечто примечательное. Часть демонов явилась не снизу, а сверху, перемещаясь по стенам колодца. И теперь пыталась спуститься оттуда на длинных нитях, состоявших из чистого пламени. Высота до свода кольцеобразной впадины, окаймлявшей скважину, была о-го-го, но Морхолоны прямо-таки неслись в пустоте, оставляя за собой полыхавшие красным линии. Причем не только вертикальные, а располагавшиеся под любым углом. Демон как бы выстреливал сам собой из любой опорной точки, и прочерчивал огненную траекторию в любом желаемом направлении.

Поведение чудовищ ничего хорошего не предвещало. Во-первых, клетка Изгары не уходила вверх бесконечно. Во-вторых, часть полукрабов спускалась прямехонько на головы людям, очутившись внутри защищенного периметра. Недолго думая, ведьмы и чародейки отправили навстречу вражескому десанту Восходящий поток. Тот самый, что использовала Сирелина в памятной схватке на Желтых холмах, после чего очутилась в Нирелине, где и познакомилась с юной Илианой. Тогда она и сама не могла приподняться над землей слишком высоко, но нынешние возможности заклинательниц выглядели куда внушительнее. Несущихся вниз Морхолонов швырнуло обратно вверх примерно с той же скоростью. Вот только что они вовсю приближались к людям, а вот уже напоминают раскидайчики, утянутые в противоположном направлении силой спружинившей резинки.

— Кажется, демоны все же решили до нас добраться! — озабоченно воскликнула Уна, наблюдая за кувыркавшимися врагами.

— Скорее это мы все же забрались куда не следует, — веско заметил Ульм. — У здешних векстров наверняка свои правила. Они охраняют вверенную им территорию.

— Как-то они довольно вяло это делают, — вступила в разговор Сирелина, начертившая второй эшелон клетки Изгары.

Первый уже выдыхался, и заклинательницы оперативно наладили новый.

— Я думаю это потому, что Морхолоны пытаются нас не убить, а прогнать, — предположила императрица. — В здешних разрушениях они сами не заинтересованы, да и подмогу, судя по всему,

пока не кликнули. Мы же не наносим никакого ущерба, поэтому и они пока не особо стараются задать нам жару.
— Верно подмечено, ваше величество! — одобрительно сказал северянин. — Прошу заметить, что векстры обступили нас не кольцом, а полукругом. Причем со стороны скважины. Если это не откровенный намек на то, чтобы мы уматывали отсюда быстро и по-хорошему, значит меня пора списывать в утиль.
— Надеюсь, ваша догадка верна. Иначе очень скоро мы окажемся нос к носу с целой толпой разъяренных демонов, — сказала Арадора, вызывая уже третий по счету Восходящий поток.
Морхолонов действительно все прибывало. Пришельцы упорно не уходили, что вызывало у них растущую враждебность. Было самое время спросить Дин'Юлемиону сколько ей еще нужно времени, но вопрос отпал сам собой.
— Есть! — воскликнула она так звонко, что даже демоны навострили уши. — Я его засекла! Засекла, чтоб мне пусто было!
Дополнительные объяснения возликовавшим спутникам не понадобились.
— Так, убираемся отсюда! — велела Арадора, взявшая на себя командование защитой. — По моему сигналу делаем вот что…

Клетка Изгары другим чарам не препятствовала. Она вообще ничему не препятствовала кроме налитых скверной сущностей, отчего хозяева преисподней не могли пересечь заветную черту — и только. Бесплотные удары, сотворенные разом всеми заклинательницами, без труда поразили демонов по ту сторону барьера. Выпущенные раскрытым веером, они смели их как веник тараканов. Расходившаяся дугой упругая волна отбросила Морхолонов не хуже чем ураган перекати-поле. Кувыркаясь в воздухе, крабообразные чудовища посыпались кто куда. Кого-то снесло обратно в колодец, где они пытались обрести равновесие, выстреливая линии пламени, кто-то грохнулся поодаль, покатившись по камням. Упавшие на спину повели себя очень примечательно. Они не силились перевернуться подобно крупным жукам. Лапы Морхолонов попросту развернулись на сто восемьдесят градусов, перестроившись в суставах. То же проделали и головы. Несколько секунд — и вот уже чудовище не лежит кверху брюхом, беспомощно шевеля конечностями, а уверенно стоит на земле, обращая взор к противнику. Но того и самого как ветром сдуло. Выпустив мощное колдовство, ставившее целью не перебить демонов, а внести в их стан побольше сумятицы, лазутчики на всех парах ринулись наутек. Сквозной канал на поверхность их больше не интересовал, как не интересовало вообще ничего в этом оскольтратуме. Фея получила то, зачем люди сюда явились. Все, что им теперь требова-

лось — это поскорее вернуться в Фортумагум. Клетка Изгары еще держалась, когда отряд стремглав покинул кольцеобразную область вокруг колодца и унесся вниз по течению реки. Никто его не преследовал. Морхолоны, оправившись от наглой выходки незваных гостей, быстро успокоились, сообразив, что те наконец-то убрались. Покружив некоторое время по освобожденной территории, они заделали бреши в грунте и расползлись кто куда, вернувшись к своим делам.

На радостях лазутчики летели раза в полтора быстрее, возвращаясь тем же путем, которым прибыли. Они возбужденно переговаривались, не в силах сдержать охватившее их волнение. Ошибки быть не могло — Дин'Юлемиона совершенно точно определила область, откуда исходил отчетливый импульс искры света. Это означало, что до обнаружения заветной цели осталось совсем немного. Новый Трансталл если и не выведет где-то под боком у Повелителя Крови, то всяко окажется неподалеку. Следовательно, нужно побыстрее сообщить полученные сведения Эбби, чтобы тот немедленно начал подготовку к созданию нового канала в преисподнюю. Сейчас лазутчикам еще меньше чем прежде хотелось ввязываться в какую-нибудь историю. Безжизненность прибрежной зоны была им очень даже на руку, чтобы не продираться сквозь орды всякой живности и почем зря не искушать своим присутствием демонов. Последние, исключая стражей колодца, по-прежнему не объявлялись, хотя в реке пламени почти наверняка кто-то из них да шнырял. Артерия огня была не только веной оскольтратума, но и транспортным каналом. Если демоны не показывались на глаза, это не означало, что их нет. Ведь серьги Илианы — и те периодически сигналили о наличии каких-то существ, хотя визуально их присутствие оставалось незаметным. Вероятно, где-то в толще породы извращенная жизнь шла своим чередом, и какой-нибудь Сколах привычно рыл себе ход, не имея ни малейшего представления о проносившихся неподалеку людях.

Плато с гейзерами лазутчики встретили чуть ли не как родное. Теперь они были совершенно уверены, что за ними никто не гонится. Наябедничай Морхолоны куда следует — и отряд уже догнала бы стая Гангронов, сражаться с которыми было бы столь же эффективно, как ломать киркой пик Эрминдхайм. Царившее вокруг спокойствие вселило в людей уверенность. Чего бы там ни задумывали демоны, они успешно прозевали истинные намерения лазутчиков. Конечно, праздновать победу еще рано, но больше людям не придется шататься по преисподней абы где, рискуя нарваться на неприятности и сложить головы без всякого результата. Теперь — только прямиком к цели, а там уж как судьба сло-

жится.

Вздыбившийся впереди гейзер заставил людей скорректировать курс, обходя его стороной. Они и так почем зря не совались вплотную к опаленным дырам, но этот участок плато был прямотаки испещрен ими как сыр, а огненный столб поднялся с утроенной яростью. Даже пролетая поодаль, люди ощутили его жар, распространявшийся далеко за пределы эпицентра. Новый выброс опять заставил их притормозить, меняя направление движения. Однако не успели лазутчики набрать потерянную скорость, как гейзеры начали бить один за другим, резко сократив интервал между выбросами и одновременно увеличив их интенсивность. Плато вокруг людей все больше напоминало люстру, где гроздьями вспыхивали большие свечки. Но это было еще не все. Столбы пламени, не успев уняться, быстро взметались вновь, из-за чего отряд будто угодил в оживавшую печь уже упоминавшегося фигурального крематория. Воздух уверенно нагревался. Становилось понастоящему жарко. Сами по себе выбросы ничем людям не угрожали, если те не окажутся в их испепеляющих объятиях, но возросшая активность плато вызывала беспокойство. Да и кто вообще останется равнодушным, очутившись посреди раскалявшейся печи? Отряд прервал полет, озираясь по сторонам и пытаясь оценить обстановку. Судя по состоянию плато, оно сформировалось давным-давно и прямо сейчас вряд ли возьмет и взорвется, распахнув пламенеющие недра оскольтратума. Гейзеры огня гудели в строго одних и тех же местах, не пробивая новых каналов на поверхность. Стало быть, люди в безопасности, если не будут соваться в испепеляющее жерло. Вероятно, им стоило обождать, пока активность плато не уляжется. С другой стороны, никто и понятия не имел сколько она продлится. Может, каменная равнина вступала в какую-нибудь цикличную фазу и собирается плеваться пламенем пару-тройку часов. Дней… Лет… Зрело оценив перспективу, лазутчики решили не дожидаться у моря погоды и наметили подходящий маршрут. Следуя малой скоростью, они сумеют обогнуть вздымавшиеся столбы пламени, словно соревнующиеся друг с другом в бешенстве напора. Их верхушки теперь взмывали несравнимо выше, чем прежде, равно как заметно прибавил и диаметр. Окутавшись защитным барьером стихии холода, люди неторопливо полетели дальше, старательно лавируя между смертельно опасными препятствиями. Те же будто сердясь, что их потуги проходят втуне, еще больше разъярялись, не иначе как рассчитывая достать пришельцев высокой температурой. Но ее нивелировали охранные чары, поэтому отряд уверенно продвигался в строгом соответствии с курсом. Гул и жар от гейзеров наполняли окре-

стности, здорово действуя людям на нервы, поэтому они испытали значительное облегчение, выбравшись на свободное пространство. Участок, наиболее испещренный огнедышащими скважинами, закончился. За ним тоже выстреливали столбы пламени, но их количество уже не представляло особой угрозы. Так, умеренное препятствие. Не тратя время на передышку, лазутчики тут же увеличили темп, беря с места в карьер. Но не успели они это сделать, как впереди взметнулась ревущая стена огня. Взметнулась из ниоткуда и почти мгновенно поднялась так высоко, что ее гребень поравнялся с вершинами гейзеров. Лазутчики затормозили что есть мочи, испытав все прелести перегрузки. Остановившись, они не без трепета взирали на новое явление. Нечего было и думать обогнуть эту стену где-нибудь поблизости. Она уходила далеко в стороны, смахивая на оборонительный вал. Не выясняя причины возникновения преграды, люди решили свернуть перпендикулярно прежнему курсу и взять далеко влево, пока еще одна стена не поднялась прямо под ними. Этого и не произошло. Она объявилась как раз там, куда двинулись лазутчики, отрезая им обходной путь. Почуяв неладное, те живо развернулись и устремились к реке. Лучше уж перемахнуть через нее на другой берег, не дожидаясь развития событий. Рев третьей огненной преграды, скрывшей за собой речной поток, пресек их намерение на корню.

— Живо назад! — скомандовала Дин'Юлемиона, чуя нечто очень и очень недоброе.

Но было поздно. Оставшиеся позади гейзеры, заходившиеся от выплескиваемой ярости, также оказались блокированы четвертой стеной, наглухо перекрывшей путь к отступлению. Отряд, зависнув в воздухе, беспомощно озирался внутри прямоугольника могуче гудевшего пламени.

— Ладно, хотите поиграть? Извольте! — выпалил Ювион.

Чуть выставив руки, он несколько раз взмахнул ими так, словно лихорадочно дирижировал оркестром, произнося речитатив на колдовском наречии. Последнее резкое движение вперед — и из колец воплощавшегося холода, искрившихся миллиардами снежинок, возник могучий вихрь. В стене пламени воздвиглась стена льда, которой колдун намеревался подавить одну стихию другой. Завывавший вихрь был поистине великолепен, а ледяная масса смахивала на айсберг, однако Ювион впервые в жизни увидел, как все его потуги не принесли ни малейшего результата. Не было даже привычного шипения, традиционно сопровождавшего выбросы пара. Стена льда попросту исчезла. Опешив, заклинатель стихий поднатужился и выдал все, на что только был способен, обрушив на препятствие всю доступную ему мощь. Эффект ока-

зался нулевым, словно он пытался погасить доменную печь иллюзией водопада.
— Что происходит? — осипшим голосом спросил Ювион скорее риторически, нежели и впрямь рассчитывая услышать ответ.
Его не последовало, поскольку ведьмы и чародейки также швырнули в огненные стены несколько заклинаний, преуспев ничуть не больше колдуна.
— Без паники! — воскликнула фея, хотя сама еще не знала как следует выпутываться из необъяснимой огненной ловушки. — Сейчас что-нибудь придумаем! Плато черпает энергию изнутри. Если подняться повыше…
— Дело не в плато. Просто у нас гости, — звучно изрек Ульм, глядя куда-то за пределы огненной завесы.
А та вдруг пришла в движение. Все четыре стены изогнулись, меняя форму. Всего несколько секунд — и в трех сотнях ярдов от людей образовалось непроницаемое горящее кольцо. И там, впереди, сквозь него появились очертания чьей-то приближавшейся фигуры. Дин'Юлемиона тихо охнула, ощутив всплеск неистовой злобы. Вцепившись пальчиками в плечо Илианы, она безмолвно глядела на проявлявшиеся в пламени контуры. Стена не раздалась — некто просто вышел из нее как из пустоты. Некто не такой уж и большой — всего двенадцати футов росту. Его широкий торс окружали сполохи огня и дыма, сплетавшиеся в некий доспех. Из могучих плечей спускались мускулистые руки, а не менее мускулистые ноги неторопливо шагали по плато, касаясь его двумя пламенеющими копытами. За спиной пришельца виднелись чуть расставленные крылья, увенчанные на стыках крупными шипами. Голова незнакомца покоилась на жилистой шее, полностью соответствовавшей атлетическому сложению тела насыщенно-вишневого цвета. Она выглядела ничуть не уродливо, если не считать торчавших из нее рогов, волнообразно загнутых назад, да излишне массивных надбровных дуг. По правде говоря, не выглядело уродливо все существо, имевшее известное сходство с человеком. Кем бы ни был этот демон, он явно не относился к низшим кастам, обладая определенной аристократичностью вроде суккуба из Гдорстонхорстума. Черты его лица носили отпечаток могущества, выраженного в резких, но не отталкивающих линиях и изгибах. Оранжевые глаза традиционно полыхали струями пламени, но било оно в основном по горизонтали, отчего змеиные зрачки словно исторгали его направо и налево. Приближаясь к людям, парившим в нескольких ярдах от поверхности плато, демон небрежно повел рукой сверху вниз. Отряд, сам того не желая, плавно опустился на темные камни, словно на нем и не было заклинаний

левитации.
— Кажется, мы влипли, — пробормотала Дин'Юлемиона, оглушаемая излучением скверны, исходившим от незнакомца.
— К нам что, пожаловала здешняя шаада? — нервно осведомилась Уна, направляя на рогатую фигуру вершину посоха.
Лазутчики, утратив левитацию, выстроились вокруг императрицы в оборонительный порядок.
— Шаада — это было звание того суккуба. Этот векстр не суккуб. И вообще не шаад, — изрек Ульм, положив руку на меч.
Сделав шаг, он встал чуть позади императрицы, не спуская как-то враз похолодевшего взора с подходившего демона.
— То есть как не шаад? — машинально спросила Илиана, поскольку демон своим видом заставлял предположить именно это.
— А вот так. Переговоров не будет, — отозвался северянин.
— Верно, человек! — громыхнул демон, до которого оставалось меньше ста ярдов. — Я не шаад! Я Ноктикорум! А ты — Принцесса Крови!
И с этими словами он сделал еще один жест рукой, резкий и повелительный. Мантии лазутчиков объяло пламя, но не целиком, а только верхнюю их часть. Опущенные капюшоны тут же обратились в пепел. В том числе и тот, что был соткан из Семиалостапилоны. Губы демона искривились в зловещей улыбке, когда его оранжевые глаза встретились с сиреневыми глазами императрицы, за правым плечом которой виднелась фея. Ведьмы и чародейки без всякой команды дружно ударили заклинаниями. Сестры Альмирстала больше не маскировались. Речь демона, узнавшего Принцессу Крови, освободила их от такой необходимости. В его торс вонзились мощные столбы света, при иных обстоятельствах способные испепелить на месте Опустошителя. Одновременно с ними врага поразили оглушительно громыхнувшие молнии, выпущенные ведьмами, и рой ледяных копий, созданный Ювионом. Демон даже бровью не повел, продолжая неторопливо сокращать расстояние до лазутчиков. Их колдовство развеялось вокруг него как мираж, не причинив ни малейшего вреда. Оно и не могло причинить, ибо эта цель оказалась людям не по зубам. Ноктикорум — это был не титул, это было имя. Так звали одного из самых могущественных векстров, архидемона-убийцу преисподней.

Чародейки были бессильны. Ведьмы с Ювионом — тем более. Бэйл, выхватив меч, заслонил собой императрицу, пока остальные всаживали в чудовище заклинания. Яростные вспышки света, стихийные разряды, Бесплотные удары, корни и даже клетка Изгары производили на демона не больший эффект, чем дуновение ветра на скалу. Он ступал нарочито небрежно, всем своим видом

давая понять кто здесь хозяин положения. Он никуда не торопился. Люди были в полной его власти.
— Иля, придай мне сил! — воскликнула Дин'Юлемиона, вспорхнув над плечом девушки.
Императрица среагировала мгновенно. Ее контур озарился интенсивным алым сиянием, быстро набиравшим мощь. Фея, ощутив прилив необходимой энергии, раскинула руки, изливая все доступное ей колдовство. Под ногами демона образовался столб белоснежного света шириной тридцать футов, испускавший хрустальный звон. Вокруг него ярдов на двести разошлась кольцевая волна той же природы, покрыв чужеродное плато тонким светящимся слоем. Из него, будто из плодородной земли, показалась белая призрачная трава, усеянная чашечками цветов. Дин'Юлемиона не строила иллюзий ни в прямом, ни переносном смысле. Она хорошо знала кто такой Ноктикорум. Победить его здесь и сейчас было невозможно. Она всего лишь хотела ослабить его перед тем, как совершить спасительный рывок, унося прочь Илиану. Но даже это у нее не получилось. Враг вышел из столба света точно так же, как из стены пламени. Этот столб, сотворенный где-нибудь в Ардариании, был способен уничтожить даже Деаморха, но только не архидемона в преисподней. Броня вокруг вишневого торса забурлила, слегка увеличившись в размерах, а от крыльев заструился едва уловимый дымок. Другой реакции на колдовство феи не последовало.
— Дина! Спасай Илиану! — рявкнула Сирелина, вздымая между врагом и императрицей все доступные ей защитные заклинания.
Воздух аж задрожал от количества и мощи энергетических контуров, пойдя всеми цветами радуги, поскольку Сирелина старалась не одна. Но все было тщетно. Клетка Изгары гасла в мгновение ока, едва ее касались пламенеющие копыта. Ледяные торосы не успевали образовываться, бесследно исчезая. Та же участь постигала и любое другое колдовство. Оно не просто не достигало архидемона — оно пресекалось им еще на стадии воплощения.
— Иля, держись! — воскликнула Дин'Юлемиона, схватив девушку за руку.
В следующее мгновение их обоих окружила ярко светящаяся сфера. Фея, до отказа выжав свои возможности, рванула с места как ракета, унося воспитанницу прочь. Точнее, попыталась это сделать. Казалось, еще миг — и она улетит с Илианой быстрее, чем когда-либо. Быстрее, чем в далеком детстве Принцессы Крови, когда они преодолевали тысячи миль за считанные минуты. Защитная сфера считалась непробиваемой, охраняя воспитанницу от любого внешнего воздействия, а скорость Дины придавала ей не-

уловимость. Но не на этот раз. Полет прервался едва начавшись. Сфера развеялась, окутавшись сполохами пламени, а Илиана и фея упали на плато, не успев преодолеть и десяти ярдов.
— Не так быстро, скалья! — громыхнул Ноктикорум. — Сегодня тебе не удастся спасти свою принцессу!
Дин'Юлемиона, собрав последние силы, предприняла еще одну попытку. Встречная волна огня была настолько жестокой, что фея едва не растворилась в пространстве. Ее крылышки поникли. Теряя сознание, Дина упала бы на камни, не подхвати ее императрица. Архидемон никого не сжег. Огонь был холодным, колдовским. Один из хозяев преисподней явно наслаждался происходящим, отчего не убивал людей, хотя мог бы сделать это движением пальцев. Он хотел, чтобы они видели момент его триумфа. Чтобы осознали всю горечь поражения и всю тщетность своих усилий. Принцесса Крови должна умереть у них на глазах. Ноктикорума не беспокоили жалкие попытки поразить его заклинаниями, но они стали мешать наглядности мизансцены. Архидемон взмахнул кистью так, будто отгонял назойливую мошку. Ведьм и чародеек, сплотившихся возле императрицы, отбросило как худых котят. Рухнув на плато, они попытались подняться, но не сумели. Их накрыло пламенеющими колпаками, достаточно прозрачными для того, чтобы видеть все вокруг и при этом прижимавшими их к нагретым камням. Для колдовства людей узы архидемона были нерушимы. Возле императрицы остались на ногах лишь Бэйл с Ульмом. Гладиатор занял боевую стойку, обнажив меч. Северянин свое оружие все еще не вынимал, положив ладонь на рукоятку. Ноктикорум, хохотнув, мановением руки толкнул Бэйла влево, а Ульма вправо. В следующую секунду из плато взвились толстые красные канаты, сотканные из чистого пламени. Обхватив запястья обоих воинов, они потянули их вниз, заставив опуститься на колени. Теперь императрица стояла одна, держа на руках едва живую фею. Она все еще испускала волны алого сияния, но они уже никак не влияли на ситуацию. Ее защитники были повержены, а колдовать сама Илиана не умела. Архидемон остановился в пятнадцати футах от нее, глядя на девушку сверху вниз. Та не убегала. Куда? Какой смысл? На ее лице не дрогнул ни единый мускул, когда она встретилась взглядом со смертельным врагом. Сиреневые глаза, заполоненные алым сиянием, вызывающе глянули в оранжевые, испускавшие струи пламени. "Империя родится заново. Будущее меняется. Принцессы Крови в нем нет", — вихрем пронеслось в голове императрицы пророчество Галаны. Что ж, вот оно и сбывается. Но этот демон не увидит ее страха! Не услышит ни единого крика!

— Долго же ты от нас бегала, Принцесса Крови! — гулко изрек архидемон.
— От вас бегать — себя не уважать! — отозвалась императрица в приливе отчаянной храбрости. — Как видишь, векстр, это я к вам пришла, а не вы ко мне!
От такого нахальства Ноктикорум на секунду опешил. Затем громко расхохотался.
— Все еще веришь в свою скалью?! Напрасно! — прогремел он. — Больше она тебе не поможет!
— Я верю, поганое чудовище, что вам все равно не победить! Неважно, что произойдет сейчас — важно, что будет потом! Люди справятся и без меня! Они разгромят ваши легионы и вышвырнут отродья преисподней туда, откуда они явились! — дерзко отчеканила Илиана.
Терять ей было нечего, а плюнуть в рожу торжествующему врагу она все еще могла. И тому ее поведение действительно не понравилось. Не это он желал увидеть и услышать. Некоторое время раздавался лишь гул пламени, окружавшего рогатое чудовище, мерявшее девушку взглядом.
— Это вряд ли! — заявил, наконец, Ноктикорум. — Но что будет дальше ты в любом случае не увидишь! Твоя смерть перед тобой, Принцесса Крови! Ты последняя в своем роду! Твоя история окончена!
С этими словами он поднял пылающий меч. И опустил на голову девушки.

Страшный удар не состоялся. Оружие демона неожиданно наткнулось на препятствие. Перед императрицей возникла человеческая фигура, державшая в руках обнаженный клинок. И этот клинок, подставленный под опускавшееся пламя, остановил его разящий бег. Ноктикорум настолько опешил, что еще дважды машинально повторил атаку, и каждый раз его огненный меч врезался в непреодолимую преграду. Преграду в виде меча самого обычного воина. Воина, только что стоявшего на коленях и вдруг невесть каким образом закрывшего собой Принцессу Крови.
— Что?! Как?.. — глухо вырвалось у архидемона, не верящего своим глазам.
— Не в этот раз, векстр! — холодно произнес Ульм.
Ноктикорум, взревев, нанес еще несколько ударов, словно отказываясь поверить в происходящее. Северянин отразил их не сдвинувшись даже на йоту.
— Ты! Человек! Как ты можешь мне противостоять?! — проревел архидемон, окутываясь пламенем.
Ульм не ответил. Его глаза вдруг наполнились белым светом, а фи-

гура озарилась мягким сиянием. Таким же сиянием налилось все его тело, плавно увеличившееся в размерах. Теперь напротив Ноктикорума стоял воин будто сотканный из чистого света. И за спиной у этого воина поднялись белоснежные крылья.
— Люмеанин! — произнес пораженный архидемон, невольно опуская пылающий меч.
Поражен был не только он. Ведьмы, чародейки, Бэйл и Ювион прекратили отчаянные попытки выбраться и вытаращились на светившуюся фигуру того, кого знали как верного стража императрицы. Илиана остолбенела, не в силах пошевелиться от охватившего ее трепета. Фея на ее руках, немедленно придя в себя, крепко сжала воспитанницу дрогнувшими пальчиками.
— Дай нам пройти, векстр! — в голосе того, кто называл себя Ульмом, зазвенела сталь.
— Ни за что! — прорычал, опомнившись, архидемон. — Я пришел за Принцессой Крови, и я ее получу!
— Нет! — отрезал сияющий воин. — Этого не будет! Или ты уйдешь сам, или я заставлю тебя уйти!
Ноктикорума обуяла безудержная ярость. Огонь охватил его гремучим шквалом. Меч превратился в пламенный вихрь. Взмахнув им вновь, он принялся наносить удар за ударом.

Свидетели этой невероятной сцены потеряли дар речи. Архидемон и светящийся воин вроде бы стояли друг напротив друга, и при этом их здесь не было. Вокруг обоих расстилалась бескрайняя черная бездна, усыпанная звездами, галактиками и туманности. Ноктикорум, объятый огнем, обрушивал свой адский клинок на извечного противника. Тот небрежно парировал его выпады, каждый из который раскатывался волновыми вспышками по всей галактике. Архидемон налетал, набрасывался, рубил с величайшим остервенением. Светящийся воин, чуть расставив крылья, уверенно останавливал его заходившееся огнем оружие, а его собственное мало-помалу начинало озаряться белым сиянием. И вот уже в руках у воина не меч, а сгусток чистого, первозданного света в форме клинка. Его движение прочерчивалось в космосе млечным путем, оставляя шлейф сродни тому, что тянутся за кометами. Этот клинок света, скрещиваясь с демоническим пламенем, начинал его гасить, развеивая клочьями по окружающему пространству. Архидемон удвоил напор, силясь превозмочь ненавистного врага, а воин лишь становился ярче, как становился ярче и его меч. Ярость исчадия преисподней была неутолима, питаясь лютой ненавистью. Ноктикорум исторгал потоки пламени, надеясь достать светившуюся фигуру, обрушивал на нее всю мощь своего экспфернума. Сотворенные им метеориты, способные распылить

звезды, градом врезались в противника, окутывая его чудовищными взрывами. И ниспадали прочь, уносясь в пустоту бесформенными осколками. Вокруг воина пытались материализоваться целые планеты, стремясь поглотить его в своих недрах. И вместо этого, не совладав с волнами света, исчезали в ужасающей аннигиляции. Архидемон разрывал пространство, стараясь зашвырнуть врага в ничто, опутывал его лоскутами межзвездной материи, сталкивал потоки энергии, пытаясь исказить слои самого мироздания. Светившийся воин оставался неуязвим. Более того, чем сильнее распалялся демон, тем ярче становилось его свечение, и тем большей мощью наливался клинок из первозданного света. Вокруг Ноктикорума стали появляться и вспыхивать звезды, опаляя его малиновую плоть жгучими объятиями. Выбрасывая шторма пламени, он гасил их одну за другой, но все новые и новые светила наполняли черный космос, окружая архидемона. Его крылья задымились, а от пламенеющего доспеха повеяло густой копотью. Пустоту уверенно заполонял ровный белый свет. Столь живительный для многих, но такой нестерпимый для архидемона. А светившийся воин уже и сам перешел в наступление, тесня неистовствовавшего врага. Его меч обрушивался на архидемона силой миллионов сверхновых, неудержимой лавиной неподвластной тому энергии. Удар! Еще удар! Оружие Ноктикорума дрогнуло, едва не рассеченное пополам клинком чистого света. Огонь густыми каплями брызнул в стороны. Архидемон, отпрянув, заревел с яростью тысячи буйволов, но на сей раз в его реве отчетливо сквозило бессилие.

— Почему?! — загремел он. — У нас договор! Вы не должны вмешиваться!

Схватка во вселенских просторах прекратилась. Завороженные люди вновь наблюдали лишь две стоявшие друг напротив друга фигуры, одна из которых сдвинулась назад.

— Мы не договариваемся с векстрами! Это вы с чего-то решили, что он у нас есть! — жестко отрезал светившийся воин.

— Но какое тебе дело до этих людишек?! — воскликнул архидемон.

— Мне есть дело до Принцессы Крови, — звучно отчеканил воин.

— Зачем она тебе сдалась?! — продолжал надрываться Ноктикорум, чье пламя кружило уже не столь бурно, как прежде.

Вероятно, у него появились серьезные основания прекратить схватку с сияющим противником, раз от активных действий он вернулся к словам. Иначе чем еще объяснить, что огненные колпаки над людьми исчезли, и они медленно поднялись на ноги, не сводя глаз с разворачивавшейся сцены.

— Я не позволю убить ее! — громыхнул в ответ воин.

— Но почему?! Вы же не встаете горой за людей! Она уже столько раз могла умереть, и ты не вмешивался! Почему ты вмешиваешься именно сейчас?! — возопил архидемон.
— Потому что я не позволю убить ее именно тебе, векстр! — раскаты голоса светившегося воина разносились над всем плато. — Мой потомок никогда не падет от руки такого, как ты!
Крылья воина широко распахнулись, а от его фигуры заструился настолько могучий поток света, что архидемон попятился, прикрывая рукой глаза. Лучи, проникавшие в его пламенеющие глазницы, нестерпимо жгли их словно каленым железом.
— Ульмаарандор! — глухо прорычал он, узнав давнего врага. — Будь ты проклят!
— С дороги, векстр! — в гремевших словах воина снова зазвенела сталь. — Или пожалеешь!
Подняв опущенный к плато меч, он направил его в грудь архидемона.
— Ты знаешь что будет, если я поражу тебя! — жестко добавил тот, кто называл себя Ульмом.
Ноктикорум, не вынеся столь сокрушительное унижение, заорал так, что содрогнулись далекие каменные своды. Пламя, кружившее вокруг его торса волнующимся вихрем, полыхнуло с новым напором. Светившийся воин коротко взмахнул мечом и нанес удар. Ноктикорум попытался отразить его, но огненный клинок распался, не выдержав мощь первозданного света. Удар пришелся в пустоту. За мгновение до того, как разящее острие коснулось вишневого торса, окутанного клубами дыма и сполохами пламени, архидемон исчез. Вместе с ним исчезло и кольцо огня, окружавшее группу людей. Унялись и гейзеры, прекратив интенсивные выбросы. Плато приняло свой обычный вид. Обычный вид принял и Ульм, если в его случае образ простого воина вообще можно было считать таковым. Крылья исчезли. Фигура перестала светиться, как перестал светиться и меч, обернувшись клинком из закаленной стали. Вложив его в ножны, воин развернулся, очутившись лицом к лицу с подошедшей к нему Принцессой Крови. Остальные благоговейно пожирали его глазами, не решаясь приблизиться.
— Кто ты? — спросила, дрожа от волнения, Илиана.
— Полагаю, ты уже поняла, — улыбнулся Ульм. — Мы слишком близкие родственники, чтобы ты этого не почувствовала. Где-то в глубине души ты всегда это чувствовала, отчего и верила мне с первой же нашей встречи.
— Он что… Ангел? — с трудом выдавила наповал пораженная Сирелина, не в силах до конца осознать происходящее.
— Люмеанин, — тихо отозвалась смятенная фея. — Ульмаарандор.

Такое имя носит один из высших люмеан. Да, по-вашему, он ангел. Архангел.
Императрица шагнула вплотную к Ульму, не отрывая своих сиреневых глаз от глаз воина. Она больше не видела цвет их радужной оболочки, тем более что на самом деле ее попросту не было. Для взора Илианы в них лучился чистый белый свет.
— Ты сказал, что мы… Что я твой… Так ты мой!.. — слова замирали у нее на устах.
— Я сказал, что надо поскорее убираться отсюда, пока Ноктикорум не созвал всю армию преисподней, — озабоченно прервал ее Ульм.
— А мы успеем? — выдохнула Сирелина.
— О да, — усмехнулся люмеанин.
Лазутчикам показалось, что вокруг них растеклось мягкое сияние. Оно обволокло весь отряд, окружая его чем-то вроде колеблющейся завесы. Очертания плато с огненными гейзерами размазались и исчезли в мерцающей дымке. За завесой что-то мелькнуло, вытягиваясь длинными невнятными линиями. Люди даже не успели понять, что происходит. Да и как бы они поняли, если не могли увидеть, как объявший их свет в какие-то секунды пронесся вдоль реки пламени и влетел в Трансталл подле моря лавы. Свечение исчезло, и лазутчики обнаружили, что находятся в Фортумагуме рядом с обомлевшим от их появления Эбби.

– 10 –

С точки зрения Ульма, преисподняя отрядила за Принцессой Крови именно Ноктикорума не просто так. Архидемон-убийца специализировался на охоте за головами, в том числе при выполнении сделок. За простыми людьми он, разумеется, не приходил. По его части было устранение наиболее важных персон, либо таких существ, которые обладали специфическими возможностями, требующими особого подхода. Объявиться где угодно он не мог, но там, куда дотягивалась длань преисподней, его визит обычно означал для жертвы неминуемую гибель. Арферон давно бы отправил Ноктикорума за Принцессой Крови, но уровень присутствия векстров в мире людей до сих пор не позволял проделывать ничего подобного. Однако императрица правильно поступала, что держалась подальше от фронта. Со времен падения Первой Ардарианской империи Арферон наверняка сделал кое-какие выводы. Теперь, окажись она в зоне досягаемости, он не станет посылать Неомольфа или Бивилекса. В отличие от этих двух, Ноктикорум неважно воюет против целой армии, зато прекрасно уничтожает

одиночные цели. Не атакуя по площади и не насылая злые чары, он приходит за чьей-то жизнью и забирает ее прежде, чем ему успевают помешать. А обычно не успевают. Могущество Ноктикорума сильнее всего проявляется на ограниченном расстоянии, но если уж он окружил кого-то огненной стеной — его песенка спета. Вырваться за ее пределы вам не удастся, а ваши чары для архидемона-убийцы не представляют никакой угрозы. Когда пала Сангвитория, Арферон наверняка выжидал ослабления защиты дворца, чтобы задействовать Ноктикорума. Тогда Дин'Юлемиона расстроила все планы, зато на этот раз властелин преисподней явно решил отыграться. Зная, что в его владения проникла Принцесса Крови, он не стал рисковать и натравил на нее Ноктикорума. Ибо последнему чары феи были нипочем, и спасти свою воспитанницу, попав в ловушку архидемона-убийцы, ей уже не удастся. Замысел Арферона выглядел вполне разумно. Бросив на отряд Принцессы Крови пламенеющие полчища, он почти наверняка убил бы всех кроме нее. В критическую минуту фея успеет вынести императрицу из окружения, и помешать созданию света будет довольно проблематично. Кроме того, нападение огромной толпы само по себе вызовет подозрения, что спровоцирует Дин'Юлемиону на побег. Нет, здесь требовалось действовать аккуратнее и бить наверняка. Что и произошло, когда Ноктикоруму сообщили где искать жертву. Возвращавшийся отряд попал прямиком в его руки, полностью оправдав расчет Арферона. Вот только появление люмеанина в него никак не входило. А тот старался сохранить инкогнито до последнего и раскрыл себя лишь тогда, когда ничего иного не оставалось. Властелин преисподней понятия не имел, что в охране Принцессы Крови под маской простого воина скрывается один из его заклятых врагов. План, гарантировавший успех в любом другом случае, пошел насмарку.

Такое развитие событий казалось вполне правдоподобным. В него не вписывалась лишь одна деталь: откуда Арферон вообще был осведомлен о визитах Принцессы Крови в край вечного огня? Ведь мантия из Семиалостапилоны работала вполне надежно, скрывая обеих дочерей Света. Так каким же образом векстры пронюхали, что среди лазутчиков, объявившихся в преисподней, скрываются фея и императрица? Догадались? Вряд ли.

Таковы были предположения Ульма. Поведение векстров, начиная с шаады Гдорстонхорстума, с самого начала вызывало у него вопросы. Теперь же оно обрело вполне разумное обоснование, которое он и сообщил слушателям. Однако Илиана ждала от него совсем других объяснений. Да и не только она. Дин'Юлемиона, оправившись от первого ошеломления, жаждала узнать некоторые

подробности, приведшие высшего люмеанина в Ардарианию. Остальные — ведьмы, чародейки, Бэйл, Ювион и Эбби — вообще смотрели на Ульма с открытыми ртами. Появление феи в свое время потрясло их до глубины души. Для нынешнего состояния, вызванного созерцанием архангела во плоти, точного определения и вовсе не имелось.

— Не это я хотела услышать, Ульмараандор, — неторопливо произнесла Илиана, мерцая сиреневыми глазами.

— Я буду тебе признателен, если ты как и прежде станешь звать меня Ульм. Да и не только ты, а и все остальные, — в тон ей отозвался люмеанин.

Вероятно, он подразумевал всех присутствующих. Всех, кто волей обстоятельств был посвящен в тайну его личности и сейчас находился невесть где. Не успел отряд прибыть в Фортумагум, как люмеанин переместил его невесть куда, не забыв прихватить Эбби. Вся компания очутилась на какой-то площадке из белого камня. Вокруг возвышались такие же белые колонны, украшенные резьбой, а в боковых галереях, увитых зеленью, виднелись великолепные статуи. Все это смахивало на некий храм под открытым небом, хотя вместо неба над головой зиял бездонный космос, усеянный звездами. В этих обстоятельствах журчание фонтанов, располагавшихся по периметру храма, казалось столь же поразительным, как и шелест зеленых листьев вкупе с благоуханием цветов. Понятное дело, что сперва никто и не подумал усесться на удобные деревянные скамеечки с мягкими спинками. Люди таращились по сторонам, пытаясь сообразить, что это за место и как они сюда попали. Догадка Дин'Юлемионы, ввиду своей природы отлично разбиравшейся в возможностях люмеан, попала точно в цель. Храм сотворил Ульм. Сотворил из ничего, прямо в космической пустоте среди бескрайних просторов какой-то далекой галактики одного из бесчисленного множества миров. Он расположил его на небольшом астероиде, опоясав по периметру парапетом из голубого мрамора. Вид с площадки открывался поистине завораживающий. Огромные туманности переливались яркими цветами, россыпи звезд горели ярче алмазов, а неподалеку вращалась какая-то большая планета изумрудного оттенка. Вокруг нее кружило множество метеоритов, а через их пояса то и дело пробегали длинные изломанные молнии. Планету освещала сиявшая за ней звезда, а астероид с храмом двигался так, чтобы она там и оставалась. Люди прямо-таки разрывались между созерцанием окрестностей и массой вопросов. Ульм же под шумок смотался в Тал-Амин, причем его отсутствия никто не заметил. Казалось, он стоит рядом с императрицей, а вот уже промеж них откуда-то взялась

изумленно озиравшаяся Талара. Люмеанин рассудил, что Илиана все равно введет ее в курс дела, и предпочел прихватить вице-королеву сразу, чтобы та услышала новости из первых рук. Когда ему при помощи императрицы и феи более-менее удалось привести всех присутствующих в чувство, Ульм немедленно изложил свое видение приключившегося в преисподней. Что же касалось храма в космических просторах, то он создал его специально для того, чтобы переговорить обо всем без помех и свидетелей. Для него не составило труда воплотить его из ничего, а уж переместить сюда людей — и тем более.

— А почему мы должны звать тебя как и прежде? — спросила фея, чувствовавшая себя куда увереннее остальных.

Для нее-то ни вид, ни существование люмеан секрета не представляли. Просто она никак не ожидала наткнуться на одного из них в мире людей, да еще в свите ее собственной воспитанницы.

— Во-первых, чтобы мое присутствие по-прежнему оставалось тайной. Во-вторых, чтобы вы старались относиться ко мне так же, как и раньше, — пояснил Ульмаарандор.

— Это едва ли возможно, — покачала головой Дин'Юлемиона. — К тому же, а с чего бы вдруг? Векстры все равно уже в курсе, так чего тебе прятаться?

— Векстры в курсе, а люди нет. Пусть так и остается! — спокойно, но твердо ответил люмеанин.

— Но почему?! — воскликнула, набравшись смелости, Сирелина. — Ты даже не представляешь, насколько их воодушевит твое присутствие! Ты даже не представляешь, как на них повлияет одна мысль о том, что императрица находится под защитой архангела!

— Вот именно что представляю, — чуть нахмурился Ульм. — Очень даже хорошо себе представляю. Оттого я и хранил инкогнито. Оттого я хотел бы сохранить его и впредь.

— Полагаю, тебе стоит объяснить все с самого начала, иначе никто здесь тебя попросту не поймет, — предложила Илиана. — Собственно, я и надеялась сперва услышать отнюдь не соображения про преисподнюю.

— Я думал, это важно, — развел руками Ульм.

— Конечно важно, — улыбнулась императрица. — Просто ты забыл, что даже у меня к тебе появилось множество вопросов, а остальные так и вовсе сейчас пребывают как в другой реальности. Ты не взял в расчет естественную человеческую реакцию, а она совсем другая, нежели у ангелов. Дина мне рассказывала про люмеан, но я никак не думала, что один из них…

— Да я и сама не думала! — не удержавшись, воскликнула фея. — Ох, какая же я идиотка! Как же я раньше не догадалась?!. Ведь

только это и объясняет все странности твоего верного стража! Все эти его речи, все упоминания про неких братьев… А Последний Приют?! Да он там действительно был! Он сам, собственной персоной, а никакая не галлюцинация! Провернуть такое для люмеан вообще не проблема! И все наши подозрения упорно разбивались о его природу — природу человека и простого воина. Но еще бы я сумела ее определить! Люмеане способны принять любой облик, какой захотят, и ты в жизни не поймешь кто перед тобой! Ох, мне стоило проявить больше прозорливости! Ведь еще тогда, когда я вызвалась стать покровительницей Илианы, я уже знала об особенностях ее сущности, отчего и откликнулась на зов чародеек. На вселенском небосводе зажглась новая искра Света, и мне бы, круглой дуре, давно бы сообразить в чем тут дело!

Для большинства присутствующих восклицания Дин'Юлемионы привносили больше вопросов, чем ответов. То, что фее теперь стало яснее некуда, остальных вконец запутало, и это отчетливо читалось на их недоумевающих лицах. А ведь даже Дина все еще наверняка не знала какие именно узы связывают Илиану и Ульмаарандора.

— Скажи им, — мягко попросила императрица.

— Ты же и сама уже поняла, разве нет? — удивился Ульм.

— Пусть лучше они услышат от тебя. К тому же предлагаю именно с этого и начать свой рассказ. Полагаю, тебе многое предстоит объяснить, — предложила Илиана. — Так давай же проясним все здесь и сейчас, раз уж ты заблаговременно перенес всех в это межзвездное пространство.

Присутствующие, выразив с императрицей полнейшую солидарность, обратились в слух. Ульм неторопливо обвел взглядом усевшихся на скамьях людей, как бы соображая с чего начать. Сам он стоял немного впереди Илианы, сидевшей в центре, а остальные расположились вокруг нее.

— Ваша императрица — мой прямой потомок, — изрек, наконец, Ульмаарандор. — Я отец ее отца.

Дар Повелителей Крови происходил от люмеан, некогда наделивших их частичкой первозданного света. Это знала Дин'Юлемиона, о чем однажды и поведала родителям Илианы, когда подводила черту под допрос Отремиана — спасшегося из Руандаля чародея. Чего она не знала, так это что Властелин Крови своим появлением обязан им не так, как остальные, что и объясняло его ярко-выраженные способности, намного превосходившие способности других Повелителей Крови. Его отцом был Ульмаарандор — один из высших люмеан. В истории людей Юстелий Ардарианский появился из ниоткуда, что всегда представлялось за-

гадкой для тех, кто некогда его знал. Впоследствии живых свидетелей эпохи его рождения не осталось, а сам Властелин Крови о днях своей юности не распространялся. На то у него имелись свои причины, не связанные с личностью его настоящего отца. Она была ему неизвестна, как неизвестна она была и для его матери. Ульмаарандор не открыл ей тайну своего происхождения и навсегда остался для нее таинственным незнакомцем. Незнакомцем, которого она встретила совершенно случайно и которого полюбила всей душой. Ульмаарандора же пленило ее доброе сердце, живой ум и бескорыстность, с которой девушка относилась к окружающему миру.

Люмеанин заглянул в мир людей по небольшому делу и задержался, решив изучить его изнутри. В глазах бессмертного существа Ардарианиа была на заре своего происхождения, но ее население неплохо развилось и многого достигло. Ульмаарандору стало любопытно прогуляться среди городов и пашен, чтобы сопоставить услышанное с собственными наблюдениями. Прежде ему не доводилось контактировать с людьми Ардарианиии лично, и он решил восполнить пробел, устроив себе небольшой перерыв в делах.

Выводы он сделал неоднозначные. С одной стороны, слишком рано требовать высоких материй от тех, кто только недавно вступил в разумную жизнь. С другой, люди запросто могут этих высоких материй никогда и не достичь, если станут зацикливаться на суетных мелочах, убивать друг друга ни за что и не видеть дальше собственного носа. Существенный вклад в развитие Ардарианиии вносили чародейки, но они, как дочери света, имели иное происхождение, объяснявшее их менталитет, далекий от меркантильности и изначально чистый в помыслах. Свое могущество и долгую жизнь они не посвящали алчному обогащению и не стремились к власти исключительно ради самой власти, чем так грешили люди. К счастью, не все. Среди них Ульмаарандор периодически встречал достойных граждан, вселявших надежду на будущее, причем во всех слоях населения. Это могли быть простолюдины или дворяне, ремесленники, ученые, заклинатели, деятели культуры и иногда даже правители. Тех, кто растрачивал жизнь на личный успех и стяжательство люмеанин сразу мысленно вычеркивал, ведя про себя некий статистический подсчет. Туда же он относил и индивидов достигавших своих целей на чужих плечах. Его внимание привлекали такие люди, в ком просматривалась широта взглядов и забота не только о себе, но и об окружающих. Забота без всякой корысти и честолюбия. Она могла выражаться поразному, но люмеанин всегда ее замечал, даже если человек сам

не осознавал подоплеки своего поведения. Также Ульмаарандор привечал и тех, кто обращал помыслы не в землю, на блеск золота и каменьев, а на далекие звезды, мечтая не о пуховой перине и богатой шубе, а о небесных просторах. Мечтая не с целью подмять их под себя, чтобы навязать свою волю и изменить по своему образу и подобию, а в стремлении познать необъятное.

В одном из путешествий люмеанин встретил девушку по имени Меландигора. Дочь чародея, она жила в башне на берегу озера, где по ночам часами смотрела на звезды, ведя астрономические наблюдения. Ульмаарандор заметил ее случайно, когда неторопливо пролетал неподалеку, любуясь, как луна озаряет рябь водной поверхности и серебрится кромка густого леса. Бесшумно приземлившись на башенном зубце, он некоторое время наблюдал за молодой астрономшей, заинтересовавшись ее работой. Люмеанину было достаточно нескольких приглушенных слов и беглого взора в лежавшие рядом записи, чтобы понять — девушка упорно пытается доказать то, что пока еще не принимало научное сообщество. И совершенно напрасно, поскольку ее предположение соответствовало истине. Возможно, та встреча так и осталась бы единственной, если бы Ульмаарандор не наткнулся на эту девушку еще раз, прогуливаясь по городку, располагавшемуся на берегу того же озера в нескольких милях от башни. Она куда-то спешила, и люмеанин, признав знакомую фигуру, из любопытства последовал за ней. Девушка скрылась в дверях больницы, куда, как выяснилось, пришла не лечиться, а лечить. Ульмаарандор без особых хлопот выяснил подробности. Помимо наблюдения за вселенной юная астрономша увлекалась медициной и нашла применение своим талантам в качестве приходящей медсестры. Врачебного образования у девушки не имелось, но ее собственноручно изготовленные мази и настойки местные лекари одобряли, а в больнице не хватало рук. За свою работу Меландигора получала сущие копейки, но была несомненно горда и счастлива, что ее походы по лесам и лугам приносят практическую пользу, а копание в толстых фолиантах не проходит бесплодно. В лесу Ульмаарандор и встретил ее в третий раз, но уже не случайно, а намеренно. Точнее, на опушке, где девушка старательно копала какие-то корешки. Люмеанину, прикинувшемуся обычным путником, не составило труда завязать с ней разговор. Его осведомленность в темах, живо интересовавших Меландигору, сработала лучше любой приманки. Всего несколько дней — и Ульмаарандор уже гостил в ее доме, а она была счастлива обрести в лице незнакомца замечательного и сведущего собеседника. Для своих двадцати семи лет девушка оказалась на удивление умна, и люмеанин мало-помалу выбалты-

вал ей различные сведения касательно знахарства и космических просторов. Из-за этого его инкогнито едва не рассыпалось, но Меландигора решила, что он странствующий дворянин, покинувший чопорную семью из-за тяги к науке. Ульмаарандор не стал развеивать ее заблуждение, устраивавшее их обоих. Девушка относилась к нему с явной симпатией, а он получил возможность говорить всякое разное, не опасаясь вопросов, откуда ему сие известно. В разумных, конечно, пределах, но Меландигора была просто в восторге, находя словам гостя немедленное подтверждение. Ее небесный атлас быстро пополнялся новыми заметками, равно как знахарские записи целой чередой трав и настоев. Про звезды люмеанин рассказывал девушке исходя из собственных знаний. Вот в здешней флоре он разбирался куда хуже, но память высшего существа хранила беседы с феями, а те были настоящими доками по части растений.

Хрупкая девушка обладала эстетичной привлекательностью, которая Ульмаарандору несомненно нравилась. Густые каштановые волосы обрамляли тонкие черты лица. Убирая сползавшие на него завитушки, Меландигора казалась особенно милой, а ее пальцы сквозили природным изяществом. Легкая и проворная как певчие птицы, которых она кормила на балконе, девушка порхала подобно облачку, едва касаясь ступенек ножками в простых кожаных туфлях. Обычно люмеанин не обращал особого внимания на внешность людей, хотя она сплошь и рядом влияла на их характер. В случае с Меландигорой он находил, что одно отлично соответствует другому. В какой-то момент Ульмаарандор уже и сам не знал, что его привлекает больше. Что такое три месяца для высшего бессмертного существа? Миг, не более. Но для Меландигоры за эти три месяца он превратился из случайного знакомого в возлюбленного. Очарованная своим удивительным странником, она прониклась к нему чувствами, и люмеанин не смог ее оттолкнуть. Разбить сердце милой и умной девушки ему показалось слишком жестоким. Однако не только из-за этого он стал с ней так близок, как никогда раньше. Плененный ее сиреневыми глазами, Ульмаарандор позволил себе то, что в качестве самообмана называл новым опытом, а на деле просто отдался простому человеческому счастью.

Увы, длилось оно недолго. В отличие от сказок, в реальной жизни все редко заканчивается хорошо. Прошло еще полгода. Люмеанин мог себе позволить провести их подле девушки. Та ведь не знала, что он, запершись на часок в ванной или отправившись в город, на самом деле исчезал в неведомых просторах Сунастийских и Эруанских пределов. Он провел бы с Меландигорой и го-

раздо больше времени — столько, сколько понадобится, но тут вернулся ее отец. Тот редко бывал дома, вращаясь в колдовских кругах, поэтому за башней следила дочь, занимаясь науками и управляя немногочисленной прислугой. Ульмаарандор был поражен как у такого злого и алчного человека вырос настолько не похожий на него удивительный цветок. Присутствие в башне постороннего мужчины чародею Бьюликандру сразу не понравилось. Высший люмеанин при всех своих вселенских познаниях и возможностях как-то упустил из виду, что его отношения с Меландигорой могут восприниматься людьми отнюдь не доброжелательно. Конечно, раскрой он свое инкогнито или хотя бы прикинься каким-нибудь богатым принцем — и чародей немедленно переменил бы свои взгляды на личность незваного гостя. Увы, первое исключалось, а лгать Ульмаарандор не хотел. Меландигору устраивала таинственность, окутывавшая ее возлюбленного, а вот ее отец мириться с ней не пожелал. У него были свои планы на дочь, и отказываться от них из-за какого-то проходимца он не собирался. Люмеанин мог бы урезонить злого, тщеславного человека движением мысли, но вся беда заключалась в том, что злой и тщеславный человек был у себя дома. И он был отцом Меландигоры, с которым она, не желая ссориться с родителем, обещала уладить все сама. Люмеане и так не вмешивались в жизнь людей, а этот человек находился в своем праве, каким бы презренным и жалким он при этом ни выглядел.

Послушавшись девушку, Ульмаарандор покинул башню, договорившись вернуться через несколько месяцев. Мол, к тому времени все уляжется, и они снова смогут быть вместе. Меландигоре было очень трудно с ним расстаться, но она держалась, рассчитывая либо переубедить отца, либо подготовить свой отъезд из отчего дома. Люмеанин, испытывая искренние чувства к девушке с сиреневыми глазами, также не хотел ее покидать, но с ним сыграло злую шутку иное восприятие. Для высшего существа полгода это не срок, и он относился к ним совсем иначе, чем Меландигора. Ульмаарандор ни за что бы не улетел, знай он в тот момент, что им не суждено снова увидеться. Он честно сдержал обещание и на условленный период отправился заниматься своими делами в другие миры, а затем прибыл в точно назначенный день. Люмеанин был настолько наивен, что выполнил договор буквально, ни разу не заскочив к Меландигоре, чтобы не скомпрометировать ее в глазах отца и ничего не испортить.

Башня была пуста. Удивленный и озадаченный, Ульмаарандор обыскал ее сверху донизу, а затем наведался в город, рассчитывая выведать какие-нибудь подробности. То, что он в итоге ус-

лышал, заставило его пожалеть о самой возможности слушать. Меландигора недооценила своего отца — жестокого и деспотичного корыстолюбца. У него на дочь имелись свои планы, в которые ее романтические отношения абы с кем никак не вписывались. Он и слышать ни о чем не желал, но и это было еще полбеды. Ситуация резко ухудшилась, когда выяснилось, что Меландигора в положении. Бьюликандр чуть с ума не сошел от гнева и бессильной злобы, когда дочь наотрез отказалась избавиться от зревшего в ее чреве плода. В припадке ярости он едва не убил девушку и выгнал ее из дома, отобрав все ценности и оставив без средств к существованию. Та, уняв слезы, отправилась в город, где продолжила работать медсестрой в больнице для бедных. Скудного жалованья ей едва хватало на скромное существование, но Меландигора решила не покидать родные края, рассчитывая дождаться возлюбленного. В этой больнице она и умерла при родах, произведя на свет мальчика.

Ульмаарандор ужаснулся, узнав, что опоздал всего на три недели. Ведь он мог бы ее спасти! Вы когда-нибудь видели плачущего ангела? Там, над могилой девушки с сиреневыми глазами, сложив невидимые крылья плакала отнюдь не статуя. И каждая слеза, падая на еще совсем свежую землю, превращалась в цветок.

Бьюликандр не только бросил дочь, но и отказался от ее новорожденного ребенка. Более того, он выставил башню на продажу, а сам сбежал в другую страну — подальше от позора. Ульмаарандор не стал его преследовать, ибо месть не в привычках люмеан. Кроме того, Меландигора наверняка была бы против, и он следовал зову ее доброго сердца, оставившего в его душе только самые светлые воспоминания. Все, что оставалось люмеанину — это позаботиться о ее сыне. И очень своевременно, поскольку мальчик родился с даром Повелителя Крови.

Сообразив, кем является сын Меландигоры, Ульмаарандор, действуя инкогнито, нашел для него подходящих опекунов. И долгое время присматривал за ним, чтобы обеспечить ребенку все необходимое. Память о Меландигоре обрела в нем живое воплощение, и люмеанин надеялся однажды открыть мальчику все обстоятельства его рождения. Юстелий — так нарекла его мать, и это имя было последним, что произнесли ее уста. Но вот имени своего отца мальчик так и не узнал.

С юности будущий император Ардарианнии проявлял совсем не те качества, какие хотел бы в нем видеть Ульмаарандор. Властность, жестокость, расчетливость — все это было присуще скорее его деду, чародею Бьюликандру, а уж никак не доброй и отзывчивой Меландигоре, и уж точно не архангелу. Однако живой ум ма-

тери он все же унаследовал, равно как и дарованное люмеанином могущество. В результате получилась настоящая гремучая смесь, с одной стороны приведшая Юстелия на трон величайшей Ардарианской империи, но с другой окончательно разочаровавшая истинного отца. И еще задолго до того, как чело его отпрыска увенчала имперская корона, Ульмаарандор перестал навещать мир людей, предоставив Властелина Крови его судьбе.

Рождение Илианы не прошло для люмеанина незамеченным. Однако из-за ее отца он настолько охладел к Ардариании, что так и не нанес визит в Сангвиторию. Вместо этого Ульмаарандор послал весточку одной из фей. Та не должна была понять от кого пришло известие. Оно лишь обращало ее внимание на дитя императора — и не более. Звали эту фею Дин'Юлемиона. Как дочь света, она и сама определила необычную сущность девочки. По отцовской линии принцесса Илиана была прямым потомком Ульмаарандора. По материнской она также имела самое непосредственное отношение к люмеанам. В результате получилось то, чего никогда в истории не случалось. Дочь Властелина Крови унаследовала от люмеан даже больше, чем Юстелий Ардарианский. Оттого-то ее внутренний свет влиял даже на фею, чему у Дин'Юлемионы были все основания изумляться. Нареченная Принцессой Крови, девочка немного уступала отцу в определенной части могущества, зато обладала такими возможностями, которые тому были недоступны. Разумеется, в перспективе. Но Ульмаарандор заранее решил доверить воспитание внучки кому-то из созданий света, и был очень рад, что Дин'Юлемиона согласилась взвалить эту ношу на себя. Люмеанин не слишком верил в успех, имея перед глазами наглядный пример Юстелия, но лучше уж с опекой феи, чем без нее. Возможно, он все-таки решился бы нанести Илиане визит, однако последующие события заставили его отказаться от этой мысли. Дин'Юлемиона извещала детей света о происходящем в Ардариании, общаясь с другими феями. Таким образом, от Ульмаарандора не укрылись обстоятельства вторжения векстров. Ему было тяжело сознавать, что в нем косвенно оказался замешан его собственный отпрыск. Ульмаарандор решил не вмешиваться в конфликт, спровоцированный страстями людей, что вполне соответствовало привычной концепции люмеан.

Самоотверженность Дин'Юлемионы, защищавшей воспитанницу, и удивительный дар последней, удержавшей фею в Ардариании, привели к развитию событий по непредвиденному руслу. Империя погибла, но и векстры остались ни с чем. История людей пошла своим путем, где дети света играли в ней все меньшую роль. И однажды почти полностью исчезли, за исключением горст-

ки чародеек. Тогда-то искра Принцессы Крови вспыхнула вновь, вернувшись из Контура Забвения. Векстры этого не почувствовали, в отличие от Ульмаарандора. Внучка быстро росла, наверстывая минувшие годы, и ее пробудившаяся сила также стремительно шагала в гору. Люмеанину стало интересно, когда звезда Илианы начала заметно влиять на ход истории людей. Прибыв в Ардарианию, он некоторое время присматривался к девушке, к тому времени уже прозванной Рубистеллой, а затем нашел способ войти в ее окружение. Для архангела это не такая уж непосильная задача. Поначалу Ульмаарандором двигало чистое любопытство, но мало-помалу Илиана произвела на него впечатление. Впечатление отличное от того, что некогда произвел Юстелий. Она унаследовала лучшие качества Меландигоры, при этом сочетая их с могуществом Принцессы Крови. Старания Дин'Юлемионы, а впоследствии шейха Арбаха ан-Бакира и чародейки Сирелины также не прошли даром. Воспитание Илианы разительно отличалось от Юстелия, как отличались манеры и отношение к окружающим. Мало-помалу люмеанин начал испытывать гордость за свое дитя и с какого-то момента стал хранить его как зеницу ока. Однажды он уже покинул дорогого ему человека и горько об этом пожалел. Осознав на примере той утраты хрупкость человеческой жизни, Ульмаарандор уже не оставлял Илиану ни на миг. Люмеанина несколько беспокоили ее черты, характерные для отца, Властелина Крови — холодная расчетливость, манипулирование людьми и умение добиваться своего, — однако пока что они выражались в девушке заметно меньше, чем в императоре. Возвращение Дин'Юлемионы оказалось очень кстати. Влияние феи не позволит воспитаннице пойти по стопам Юстелия Ардарианского, который, наделенный абсолютной властью, не столько служил своим подданным, сколько перекраивал их под себя. Ульмаарандор позаботился, чтобы Илиана не просто отправилась в Последний Приют, но и выбралась оттуда целой и невредимой. Это он подсказывал внучке нужные видения, и он же раскрыл перед ней некоторые обстоятельства, связанные с ее рождением. Собственных сил Илианы все же не хватило, чтобы объять нужный период истории и выйти из Последнего Приюта. Слишком долго она там пробыла, так как слишком многое ей следовало увидеть. Но на сей раз Ульмаарандор не остался безучастным к судьбе своего потомка и пришел ему на помощь. В Последнем Приюте существовали определенные правила, только над высшим люмеанином они были не властны. Однако и действовать напролом Ульмаарандор все же не хотел. Пока Дин'Юлемиона искала возможность преодолеть неумолимый барьер, он появился возле внучки и одарил ее жизненной энергией,

ловко прикинувшись галлюцинацией. Обратный путь был открыт, но Илиана едва все не испортила, наотрез отказавшись покидать Последний Приют без Сирелины. Люмеанину пришлось вмешаться еще раз. По большому счету, он мог бы приказать Либиоле что угодно, чтобы не раскрывать инкогнито хотя бы перед спутниками, считавшими его воображаемым стражем императрицы. К счастью, ему удалось избежать и этого. Встречающая так и не поняла, с кем имеет дело. Ульмаарандор, ничем себя не выдав, умудрился вытащить Илиану и чародейку Сирелину из колдовского сна, а затем благополучно вывести их из Последнего Приюта.

Появление феи стало третьим увесистым камнем на чаше весов противостояния людей и векстров. Первой была сама Принцесса Крови, а вторым переродившийся демонолог Верторий ван Граас, взявший новое имя Эбби. Перенос сознания из Эруанского контура в чужое тело люмеанин не одобрял, но закрыл на него глаза, позволив Илиане решать самой. Сперва Ульмаарандор не спускал с Эбби глаз, и реплика о том, что в случае чего он найдет чародея даже в Эруанских пределах, полностью соответствовала действительности. Эбби оправдал доверие императрицы. Люмеанин убедился в его искренней преданности и перевел в разряд надежных союзников. Вместе с Дин'Юлемионой и Принцессой Крови чародей образовал мощное ядро, способное переломить ход вторжения. Ульмаарандор не отходил от внучки ни на шаг, гордясь ее успехами. Он по-прежнему почти не вмешивался в дела людей, но опекая внучку нет-нет, да и подкидывал ей какую-нибудь идею, давал совет или обеспечивал прикрытие. Ко времени первой экспедиции в преисподнюю люмеанин уже знал, что ни за что не позволит Илиане сложить там голову. Однако он по-прежнему не раскрывал себя, считая, что это скажется на людях очень неблагоприятным образом. Нападение Ноктикорума вынудило Ульмаарандора сбросить маску, но выбора у него не оставалось. И теперь, пока люмеанин рядом, его внучка никогда не умрет от руки презренного векстра.

Когда Ульм умолк, до слушателей не сразу дошло, что его повествование окончено. Даже до Илианы с Дин'Юлемионой, поскольку у них оставалась масса вопросов. Впрочем, люмеанин понимал, что одной этой историей не отделается. Он лишь подвел некую базу под дальнейшую дискуссию, которая наверняка последует. И она не заставила себя ждать.

— А что дальше?! — жадно спросила Талара, восхищенная услышанной легендой, тем более уникальной, что она произошла в действительности.

— А дальше все, как и прежде, в ваших руках, — пожал плечами

Ульм. — Я остаюсь тем, кем и был — верным стражем моего потомка. Достойного потомка. Но она должна сама вершить свою судьбу. Потому никому и не следует знать о моем присутствии. Людей охватит нездоровая истерия, крайне отрицательно влияющая на их поступки.
— В каком смысле? — озадаченно подняла брови Арадора.
— В прямом. Люди будут ждать, что я брошусь с сияющим мечом крушить их врагов, и перестанут бороться изо всех сил, в то время как я ничего подобного делать не собираюсь, — неторопливо ответил Ульм.
Присутствующие переглянулись, силясь переварить услышанное. Все, кроме императрицы и феи, прекрасно понявших, что люмеанин имеет в виду. Ульмаарандор намеревался оставить все как есть. Он защитил Принцессу Крови от архидемона и собирается делать подобное и впредь, однако открыто вмешиваться в ход противостояния не станет.
— Как?! — ахнула Сирелина. — Ты не будешь нам помогать?!
— Вот знаете, что я заприметил за годы изучения вашего мира? — спокойно произнес Ульм. — Люди всегда уповают на высшие силы. Почти все. А с проблемами надо разбираться самостоятельно! Нет ничего плохого, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью, однако люди тут же перестают делать что-либо сами, едва только эта помощь поступает. Случилась какая нужда? Ангел помоги! Заболел? Ангел спасай! Захотелось устроиться в жизни? Ангел выручай! Война, работа, житейские неурядицы, — везде ангела подавай на блюдечке! Чтобы все уладил в лучшем виде. И волки сыты, и овцы целы. Невозможно? Ну дык на то ангел и ангел, чтобы думать за простых смертных! Для него-то невозможного нет — как-нибудь все устроит. Да чего уж там — плохая погода? И тут бы ангел не помешал!
— Как-то это нелицеприятно звучит, — насупился Ювион.
— А что, я не прав? Полагаю, Дин'Юлемиона уже прочитала вам не одну лекцию о вмешательстве. И о пользе самостоятельного развития, — заметил Ульм. — У вас, поди, у каждого есть или когда-нибудь был домашний питомец. Ухоженный, упитанный, обласканный и окруженный всяческим вниманием. Ну и? Долго такой питомец протянет во внешнем мире, даже если он когда-то пришел оттуда? Да он там и недели не проживет! Хотите стать такими же?! У детей света хватило ума не водить вас за ручку с самого начала. Оттого-то вы сейчас и достигли неплохого уровня развития. И достигнете еще большего, если продолжите идти в будущее сами, не оглядываясь на высшие силы.
— Ну спасибо за сравнение! — обиженно фыркнула Уна.

— Я понимаю, что это звучит неприятно, но пример очень даже удачный, чтобы точно подчеркнуть жизненные реалии, — развел руками Ульм. — Кстати, одна из самых глупых вещей на свете — обижаться на правду.
— Но неужели ангелы совсем не могут помочь? Хотя бы иногда, — подал голос Бэйл.
Гладиатор был глубоко впечатлен осознанием того, с кем дружил все последние годы, и до сих пор до конца не пришел в себя. Боевой товарищ, с которым он столько раз бок обок защищал императрицу, оказался архангелом, в существование которых и верили-то не все.
— Мы и помогаем. Просто вы этого не видите, — неожиданно ответил Ульм. — За время существования вашей цивилизации мы уже трижды отвели от Ардариании огромные метеориты и один раз погасили нейтронную звезду, способную убить в вашем мире все живое. Вот ЭТО — наша забота и наша помощь. Нас никто и не просил — мы сами уберегли вас от гибели. А уж свои житейские проблемы улаживайте сами.
— В том числе и вторжение демонов? — уточнила Сирелина.
— Да. Не люмеане привели векстров в ваш мир, а собственные поступки людей. И защищать себя людям следует самим. Впредь будут знать с кем связываются, — твердо заявил Ульм.
— Но почему остальные должны страдать из-за действий отдельных индивидов?! — возмутился Эбби, доселе хранивший молчание.
— Вот уж кому как не тебе, Верторий ван Граас, знать это на собственном примере! — веско заметил люмеанин. — Такова жизнь. Когда на государственный пост избирают не того, за кого вы голосовали и вам плохо от проводимой им политики — кто в этом виноват? Задайте этот вопрос тем, кто позволил кандидату встать у власти. Чудес не бывает. Человеческий социум сам порождает тех, кто доставляет ему проблемы. Демонологи не берутся ниоткуда, и если никто из сограждан их вовремя не остановил, то при чем тут люмеане? Если вы допустили появление жестокого тирана, то исключительно ввиду собственного бездействия. Если вы позволили опасному преступнику вернуться в общество, а он принялся за старое — на ком лежит ответственность за его злодеяния? Этот мир принадлежит людям. Людям своей судьбой и управлять. И даже я не должен приказывать им как жить и что делать. Однако это же означает, что не мне и решать их самими же созданные проблемы.
— Они лишь надеялись, что ты облегчишь свалившуюся на них ношу, — тихо сказала фея, сидевшая на плече императрицы. —

Это вполне можно понять, учитывая масштабы бедствия.
— Я никого и не порицаю, — покачал головой Ульм. — Но ведь тебе известно не хуже меня как важно уметь отвечать за свои поступки, самому вершить свою судьбу и рассчитывать в первую очередь на себя, а не на высшие силы. И не перекладывать ответственность на чужие плечи, даже если ты сам вроде бы ни в чем не виноват.

Людям было непросто осознать слова архангела. Он ассоциировался у них несколько иначе. После первой эйфории, наступившей от созерцания высшего существа, наступало отрезвление. Тутто чародейки вдруг и ощутили справедливость замечания Ульма. Они уже успели размечтаться как архангел активно займется их заботами и взвалит наиболее тяжкие на себя. Но ведь Ульмаарандор, как бы это ни было неприятно, прав. С чего они решили, что им кто-то что-то должен? Должен только потому, что может. Только потому, что более могуществен и способен на то, чего люди сделать не в состоянии. По крайней мере, сделать таким же образом. Призадумались даже ведьмы во главе с Уной. Архангел, не вменяющий им в преступление практику темных чар — уже хорошо. Видимо, императрица была права, когда говорила о естественном балансе сил природы и о том, что сами по себе они нейтральны. Вектор добра или зла им придают люди. Как придают их собственным поступкам, за которые только они и несут ответственность. Некогда часть ведьм примкнула к черным колдунам Дегониса, а часть им воспротивилась, выступив совместно с чародейками. И те и другие принимали решение самостоятельно, и никакие силы не делали это за них. Стало быть, и к его последствиям именно ведьмы имеют самое прямое отношение, а не векстры или люмеане. Уна свой выбор сделала, как сделала его Жозефина и многие другие. И теперь, в том числе благодаря им, Вторая Ардарианская империя все еще держится. А ведь ее могло бы и вообще не быть, если бы все ведьмы дружно поддержали Манипуляторов.

Эбби также ушел в глубокие размышления. Некогда он натворил дел, в определенной степени ускорив наступление Великого Упадка, и теперь старался искупить причиненные беды в новом мире. Никто его за руку в преисподнюю не тянул и с демонами якшаться не заставлял. При этом именно колдовское сообщество допустило злодеяния Ормунделла, своевременно не отреагировав на тревожные сигналы. Так кто несет ответственность за все случившееся тогда, и с какой стати тому же Ульмаарандору спасать людей от самих себя?

Никто не знал сколько времени прошло с того момента, как Ульм перенес всю компанию в космос — часы здесь вели себя не

лучше, чем в Последнем Приюте. Люди лишь понимали, что разговор длился долго. Развившись из одной темы, он продолжал ей следовать, но затрагивал различные ответвления. В том числе собственные отношения между люмеанами и векстрами.
— Я вам на это вот что скажу. Если начнете следовать исключительно собственному "я" без оглядки на окружающих, видеть себя центром вселенной, а свои желания достаточным и безапелляционным основанием для изменения мирового порядка вещей — тогда вы пойдете по пути тех, кого называете демонами, — подумав, сообщил Ульм. — Если же вам удастся превозмочь антропоцентризм и выйти за рамки привычного восприятия мира, достичь в нем гармонии и развиваться исходя из многообразия вселенной — она откроется вам навстречу всеми своими гранями. Перестав относиться к ней потребительски, удовлетворяя суетные прихоти, вы познаете ее чудеса во всем их бесконечном многообразии. Отказавшись от материального, вы обретете куда больше, чем может показаться. И возможно, когда-нибудь, достигнете уровня детей света. Или даже превзойдете их. Будущее покажет. И оно в ваших руках. Я бы посоветовал начать с самих себя. Думать не только о собственном благополучии, но принимать во внимание и нужды других. Тот, кто готов строить собственную жизнь любой ценой и идти ради этого по головам — уже готовый кандидат для отравы векстров. Когда я говорил, что рассчитывать следует в первую очередь на себя, я не имел в виду законченный эгоизм. Это означает, что вам априори никто ничего не должен, и чем раньше вы избавитесь от уверенности в обратном, тем лучше. Рассчитывать на себя — не то же самое, что преследовать лишь собственные интересы, игнорируя внешний мир. Ни от кого ничего не требовать и при этом совершать поступки на благо окружающих — вот необходимая ступенька, кардинально выводящая разумную жизнь на новый уровень. Ступенька, которую векстры так и не сумели преодолеть.
— Как-то ты отклонился от вопроса, — подумав, заметила Илиана.
— Ну я же не буду прямо сейчас вам выкладывать все тайны мироздания и историю люмеан с векстрами. Все равно не поймете, — улыбнулся Ульм. — Я попытался коротко охарактеризовать наши отличия с прицелом на людей. Формально мы с векстрами равны, но люмеане пошли по пути чистой энергии мысли, сбросив оковы физического мира. Векстры же зациклились на материи, сделав ее основой своего могущества. Плоть действительно придает им определенные возможности, но она же их и ограничивает. И пока они не стряхнут ее узы, то так и останутся условно высшими существами, уступающими люмеанам. Векстров это ужасно злит.

Они ненавидят нас за то, что мы их превосходим, но они не способны избавиться от тех рамок, в которые сами себя загнали. Плоть никогда не победит чистый разум. Пока векстры этого не поймут — им не суждено сравняться с нами. Но они упорствуют в своем заблуждении, отчего ненавидят всех и вся еще больше. Вместо того, чтобы измениться и отказаться от своего пути, они пытаются доказать что он единственно верный, для чего с невообразимым упорством перекраивают вселенную под себя. И каждый раз терпят поражение, когда сталкиваются с люмеанами.
— Ноктикорум упоминал какой-то договор, — напомнила императрица.
— Нет никакого договора. Мы не договариваемся с векстрами. Я сказал это Ноктикоруму, повторяю и сейчас, — заявил Ульм со стальными нотками в голосе. — То, что мы не вмешиваемся в какие-то процессы и позволяем векстрам мутить воду, не означает, что мы о чем-то там с ними договорились, разделив сферы влияния. Яркий пример — ваш собственный мир. Векстры уверены, что мы не помогаем людям согласно некоему уговору, в то время как я уже изложил вам подлинные причины. Свет в мироздании просто есть, и распространяется на всех, кто захочет его принять. Векстры не хотят, и они загребают под себя то, что само, так или иначе, позволяет им это сделать. А люмеане не вмешиваются, никому не навязывая свою волю. Надеюсь, вы сейчас поняли все, что я хотел сказать, поскольку точнее выразиться не получится.
— Кстати! А почему Дина не может находиться среди скверны и держится здесь только благодаря Илиане, а ты вот так запросто заявился сначала в Северные земли, а давеча в преисподнюю? — воскликнула вдруг Талара.
— Люмеане — старшие дети света. Поэтому для них вообще не существует таких ограничений, — ответила за Ульма фея. — Они не бывают в преисподней потому, что им это попросту неприятно, а векстры ошибочно воображают о некоем разделении пространства. Люмеане вообще не считаются с векстрами, что тех ужасно бесит.
— Кажется, кто-то недавно говорил, что нельзя исходить только из собственных интересов, — лукаво заметила Уна.
— Не в случае с векстрами! — сурово заявил Ульмаарандор. — Они сеют зло и ненависть, несут погибель мирам и отравляют звезды. Мы не навязываем свою волю, позволяя созданиям вселенной самим выбирать свою судьбу, но с векстрами не церемонимся. Это они нас ненавидят. Мы их… игнорируем, а для них это хуже презрения.

Мало-помалу разговор вернулся в русло нынешних событий.

Третья вылазка в преисподнюю увенчалась успехом, хотя выводы из нее следовали неоднозначные. С одной стороны, фея довольно точно определила местонахождение Таунсторма. С другой, столкновение с Ноктикорумом наводило на неприятные размышления. Никто не решался задать архангелу прямой вопрос, памятуя обо всем им сказанном, а императрица о чем-то задумалась, глядя отсутствующими глазами.
— Слушай, Ульмаарандор… То есть, Ульм. Ты не мог бы… Я хотела узнать… В общем, я права в своей теории с Повелителем Крови или нет? — обратилась, наконец, к люмеанину сама Дин'Юлемиона.
— Да, — кивнул тот. — Вы уже достаточно близко к цели, самостоятельно пройдя весь трудный путь, поэтому я не вижу ничего плохого вас подбодрить. Искра света, которую ты ощущала в преисподней, исходит от Таунсторма. Арферон действительно удерживает его там, а как и почему — этого не знаю даже я. Таковы особенности заключенного между ними договора, поэтому не спрашивайте меня в чем там дело — я не отвечу вам даже если очень захочу. Твой замысел хорош, Дин'Юлемиона, и дает людям надежду. А благодаря моей… вашей императрице он стал вполне осуществим.
— Так вот откуда происходила твоя оговорка, когда ты запинался, сказав в адрес Илианы "моей"! — звонко рассмеялась фея, наконец-то озарившись светлой улыбкой. — Итак, большое облегчение знать, что я все-таки не рехнулась, предлагая Иле свой безумный план. Вся беда в том, что теперь про него наверняка знают и векстры, — добавила она, посерьезнев.
— Ну, если они сложат два и два, то догадаются, зачем Принцесса Крови и ее светозарность пожаловали в преисподнюю, — кивнул Ульм. — С другой стороны, векстров неоднократно подводила самоуверенность. Их презрение ко всем, кто слабее их, уж сколько раз не позволяло им адекватно оценивать ситуацию и проигрывать там, где они могли бы преуспеть. К примеру, тот же Липкий огонь — зловещее изобретение преисподней. Подсунув его людям, сами векстры эту смесь не используют, считая прибегать к таким штучкам ниже своего достоинства. А ведь какие неисчислимые беды он способен принести, если векстры вместо лобового штурма армии людей поступятся идиотским чувством собственного превосходства и пустят его в ход. Но векстры на то и векстры, чтобы регулярно наступать на одни и те же грабли. Арферон никогда не использует то, что сам же дал низшим существам.
— Так ты думаешь, что мой план еще осуществим? — осторожно уточнила Дин'Юлемиона.

— Поживем — увидим, — качнул головой Ульм. — Хорошенько все обдумайте, сделайте надлежащие выводы и следуйте поставленной задаче.
— А если я открою Трансталл куда скажет Дин'Юлемиона, а там нас поджидает половина армии преисподней? — потирая подбородок, с сомнением произнес Эбби.
— Мы этого наверняка не знаем, не так ли? Давайте решать проблемы поступательно. Векстрам через твой канал все равно не проникнуть, как бы они ни старались, так что бояться их вторжения в Фортумагум не стоит. Сначала создай этот канал, а там и поглядим, — предложил Ульм. — Кстати, у меня у самого есть вопрос, — добавил он, помолчав. — Мы договорились насчет сохранения моего инкогнито или нет? Я не стану вас принуждать и расточать угрозы — вы вольны разболтать обо мне всему миру, только последствия останутся на вашей совести.
Присутствующие переглянулись.
— Можно мы немного посовещаемся? — спросила Арадора, о чем-то пошептавшись с Уной и Сирелиной.
— Для того я и перенес вас сюда. Здесь можно спокойно уладить все насущные вопросы, — улыбнулся люмеанин.
Вся присутствующие, включая фею, сдвинулись на скамьях теснее и принялись что-то обсуждать. Все, кроме императрицы. Поднявшись с места, она подошла к Ульму.
— Я бы хотела поговорить с тобой наедине, — тихо произнесла Илиана, глядя ему в глаза.
Люмеанин не ответил, но сделал приглашающий жест в сторону прохода между колоннами из белого камня. Сирелина, заметив, что воспитанница удаляется, хотела последовать за ней, но ее остановил предупреждающий жест Дин'Юлемионы.
— Не надо, — шепнула она на ухо чародейке, подлетев к ней шурша крылышками. — Иля с ним в полной безопасности. Архангел защитит ее от чего угодно. А то, что они друг другу скажут, касается только их двоих.

Остановившись у парапета, за которым расстилался бескрайний космос, императрица несколько минут смотрела на звезды, мерцавшие далекими загадочными огнями. Ульм ее не торопил, ожидая вопросов. У них в распоряжении было достаточно времени, чтобы пообщаться.
— Расскажи мне о моей семье, — сказала вдруг Илиана. — Я знаю о ней намного меньше, чем хотела бы, а сегодня выяснила, что не знаю практически ничего.
— Боюсь показаться жестоким, но уже сейчас ты знаешь даже больше, чем следует, чтобы это знание не начало сказываться на

принятии тобой решений, — мягко изрек люмеанин. — Неслучайно Последний Приют открыл тебе не все.
— Не можешь или не желаешь? — без обиняков спросила девушка.
— История происхождения твоего отца тебе теперь известна, — помолчав, отозвался Ульм. — Что же касается матери… Триниона была хорошим человеком. Одним из лучших Повелителей Крови. Но ее родословная отсутствовала в генеалогическом древе императорского дома, ибо оно было пустым. Твой отец, как ты понимаешь, не мог вписать туда своих предков, поэтому решил не вписывать никого. Согласись, было бы странно наблюдать в генеалогии только ветвь Тринионы, если Юстелий Ардарианский считал корнем династии именно себя. Твоя мать происходила от самых первых Повелителей Крови. Этот дар передавался только по наследству, вне зависимости от пола родителя или ребенка. Вторым родителем всегда был обычный человек. История не знала потомства двух Повелителей Крови. Не знала до тебя. Твой отец постарался скрыть не только свою биографию, но и биографию супруги. Поверь, у него были на то причины, и я не хотел бы тебе их озвучивать.
— На маме или ее родителях лежало какое-то темное пятно? — не удержалась от вопроса Илиана, ощутив внутренний трепет.
— Нет. Как я уже сказал, она была хорошим человеком, и ее семья также заслуживала уважения. Но ее отцом, твоим дедом, был Повелитель Крови. А благодаря моему отпрыску, ставшему императором, их всего и осталось что Триниона, которую он взял себе в жены, да Таунсторм, — помрачнел люмеанин. — Мне продолжать, или ты предпочтешь сохранить об отце светлые воспоминания? Ведь он действительно тебя любил и отдал за тебя жизнь, а Властелин Крови ценил ее превыше всего на свете.
Илиана побледнела, стиснув пальцами парапет из голубого камня. Еще бы архангел не разочаровался в своем сыне и всему, что от него исходило!..
— Мама знала? — едва слышно выдавила она.
— Нет. Ее совесть чиста. Юстелий был мастером обтяпывать такие дела, чтобы никто ничего не заподозрил. Уж в чем-чем, а в уме и расчетливости ему не откажешь, — вздохнул Ульм. — Вот почему я не хотел тебе говорить. Надеюсь, тебе станет легче, если я добавлю, что он не приложил руку лично и не отдал прямого приказа. Скажем так, он просто создал ситуацию, которая…
— Достаточно! — вскинула ладонь императрица. — Я уже жалею, что спросила. Больше — ни слова! Пусть все остается как есть.
Она надолго умолкла, созерцая завораживающий космос. Ульм терпеливо ждал когда девушка заговорит вновь. Ангелы вообще

умеют ждать, поскольку в их распоряжении целая вечность.
— А семья моей бабушки, Меландигоры? — тихо произнесла Илиана, не отводя взгляда от красочной туманности.
— Меландигора была последней в своем роду, если не считать вас с Юстелием. У тебя ее глаза, — голос люмеанина чуть дрогнул.
Это было едва заметно, но от внимания девушки не укрылось. Взглянув на Ульма, она вдруг подумала, что под маской обычной невозмутимости тот скрывает гораздо больше чувств, нежели хочет показать.
— Надеюсь, жизнь наказала ее жестокого отца, пусть он и был моим прадедом, — процедила императрица.
— О да! Наказала еще как! Бьюликандр дожил до глубокой старости, умерев богатым и влиятельным человеком! Правда, он остался вдовцом и других детей не завел, но его это и не беспокоило, — усмехнулся Ульм.
— Не смешно! — нахмурилась девушка.
— А я и не смеюсь, — покачал головой люмеанин. — Откуда вообще взялась эта фраза "жизнь накажет"? Никогда она никого не наказывает. Формально можно притянуть под нее такое поведение, когда поступки дурного человека в перспективе сами роют ему яму. Порой так действительно случается, но, как правило, все обстоит иначе. Как правило, злодей живет припеваючи, владея нажитым за чужой счет имуществом, плюет на всех и вся и не испытывает угрызений совести о разрушенных им судьбах. Пока пострадавшие от его действий вздыхают "жизнь его накажет" он и в ус не дует, наслаждаясь этой самой жизнью. Обзаводится потомством и растит себе подобных, следующих его достойному примеру. Прощение — великая добродетель, но всепрощение порождает зло. Следует понимать разницу!
— Ты же сам не стал мстить Бьюликандру! — удивилась Илиана.
— Ни о каком мщении я и не говорил. Речь о другом. Либо ты кого-то действительно прощаешь, либо добивайся правосудия. Ибо ничего не произойдет само по себе, — наставительно изрек Ульм.
— А ты простил? — пытливо спросила девушка.
— Простил за что? За то, что Меландигора умерла при родах? Но она точно так же могла умереть и в своей постели. За то, что оставил ее без средств к существованию? Она зарабатывала сама. Мало, но зарабатывала. За то, что выгнал дочь из дома? Но не это стало причиной ее смерти, — неторопливо произнес люмеанин. — Лучше спроси, простил ли я себя. Ибо я-то как раз мог спасти твою бабушку, если бы…
Ульм не договорил, оборвав фразу на полуслове. Илиана решила воздержаться от предложенного им вопроса.

— Ты ее навещал? — только и сказала она.
— Нечего больше навещать, — печально ответил Ульм. — Теперь над тем местом бегут волны огромного озера, а от могилы не осталось и следа.
— Как-нибудь сводишь меня туда? — попросила девушка, почувствовав, как сжалось ее сердце.
Сжалось от грусти за судьбу Меландигоры и... за архангела. Архангела, столкнувшегося с горечью чисто человеческой утраты и, кажется, до сих пор с ней не примирившегося.

В следующее мгновение все изменилось. Только что императрица касалась рукой парапета белокаменного храма, парившего в неведомом космосе, а вот уже под ее ногами расстилаются синие воды. Вдали вместо звезд и туманностей виднеются поросшие лесом холмы, а где-то на горизонте маячат паруса рыбачьих лодок. Волны, поблескивающие в лучах солнца, с тихим плеском обтекают стоящих среди них Ульма и Илиану, а в небе кружат перекликивающиеся чайки. Девушка сразу догадалась куда перенес ее люмеанин, и медленно оглядывала окружающие просторы. Затем посмотрела в толщу воды.
— Вон там когда-то находилась ее башня. Та, на чьей вершине она проводила ночи в свете звезд, и где я впервые ее встретил. Та, где мы провели вместе три месяца, и где я видел ее в последний раз. Теперь от этой башни тоже ничего не осталось. А мы сейчас стоим как раз над местом последнего упокоения Меландигоры, — тихо пояснил Ульм. — Я мог бы опустить тебя на дно, но могилы там все равно нет. Эта толща воды подобна сотням тысяч лет скрывшей ее истории, в которую Меландигора ушла навсегда.
Сиреневые глаза Илианы наполнились слезами. Глаза, унаследованные от той, кто теперь остался лишь в памяти ее любимого. А теперь и в памяти внучки. Щеки императрицы прочертили влажные дорожки, и маленькие прозрачные капли упали в глубокую озерную воду.
— Возьми. Он сплетен из ее любимых цветов. Они настоящие, — сказал Ульм, протягивая девушке тяжелый венок, мгновенно воплощенный им из ниоткуда.
В основании его обвивала ленточка, где мягко светящимися буквами была выведена надпись: "Единственной и неповторимой Меландигоре от Илианы и Ульмаарандора, скорбящих внучки и возлюбленного". Два имени, которые девушка из башни при жизни так и не узнала. Императрица некоторое время постояла молча, словно силилась разглядеть что-то под неторопливо бегущими волнами. Затем опустила венок в озеро, где он лег на дно точно в том месте, где некогда был холмик поросшей цветами земли.

Потом Илиана и Ульм долго бродили среди плещущихся просторов, разговаривая о далеком прошлом и о тех днях, что люмеанин провел с дорогой ему Меландигорой. И для Ульмаарандора этот разговор оказался не менее важен, чем для Илианы, ибо впервые он оживил вслух светлые воспоминания и поделился тем, что до сих пор не рассказывал ни единой душе. Фея была права — все, что тогда прозвучало над водами озера, принадлежало только им двоим, и никому больше. Оно и осталось только между ними двумя, поскольку о содержании того разговора императрица впоследствии никому не распространялась.

Когда люмеанин и Принцесса Крови вернулись, люди в космическом храме уже обо всем условились. Они поклялись оберегать секрет, но Арадора попросила разрешения известить Совет чародеек, а Уна руководство ведьм. Скрывать такую уникальную информацию от тех и других они посчитали как несправедливым, так и исторически недопустимым. Пусть архангел сохранит свое инкогнито, но записи об этих невероятных событиях останутся в летописях Альмирстала и Гексенсталя, чтобы однажды стать достоянием истории. Ульмаарандор, подумав, согласился, предупредив заклинательниц, что ответственность за тех, кого они посвятят в тайну, лежит на них. В этом смысле Бэйлу было проще всех. Те, от кого он не хотел бы что-либо утаивать, находились сейчас здесь — его обожаемая Сирелина, Илиана и Талара. Ювион же пожелал рассказать обо всем только Алдару. Можно было не сомневаться, что он все равно поделится с другом величайшим секретом той, о кой они оба до сих пор воздыхали, сразив его наповал, так что колдун получил на это общее добро. Насчет Дин'Юлемионы беспокоиться и вовсе не стоило. У детей света не принято сплетничать за спиной друг у друга, и тайна Ульмаарандора не станет достоянием гласности Эруанских пределов. Кроме того, фею и люмеанина объединяла привязанность к Принцессе Крови, так что они оба были заинтересованы в благополучном исходе всей истории.

— А я еще хотела затащить тебя на пикничок! Вот был бы номер! — рассмеялась Дина, кружа вокруг архангела.

Осмелев и свыкнувшись с тем, кем является верный страж императрицы, она обрела свой обычный настрой, присущий вечно юному существу.

— Знаем мы ваши пикнички. И откуда взялись чародейки, — проворчал Ульмаарандор, косясь на мелодично звеневшее крылышками озорное создание.

— Ох, кто бы говорил! — картинно закатывая глазки, воскликнула фея. — Твое счастье, что я честная барышня и никому не разбол-

таю твой маленький секретик!
— Давайте уже вернемся к делу! — заявил Ульм, не обращая внимания на провокацию.
— А мы разве не закончили? — удивилась императрица.
— Нет, если вы желаете послушать мои дальнейшие соображения про вылазки в преисподнюю. Я же не договорил, когда был вынужден переключиться на обстоятельства своего появления, — объяснил люмеанин.
— Еще как желаем! — с жаром воскликнул Эбби. — Но не лучше ли нам вернуться в Фортумагум, пока наше отсутствие не наделало переполоха?
— Я бы об этом не беспокоился, — улыбнулся Ульм. — Когда я вас верну, с момента вашего исчезновения пройдет всего несколько секунд.

Люмеанин действительно не закончил. С его точки зрения, поведение векстров имело только одно разумное объяснение — они знали, что среди проникших в преисподнюю людей могут скрываться фея и императрица. Это доказывали слова Ноктикорума. Он пришел за Принцессой Крови целенаправленно и уже осведомленный, что ее оберегает Дин'Юлемиона, хотя присутствие феи в краю вечного огня считалось невозможным. Вопрос заключался в том, как векстрам это стало известно, и на простую догадку, с учетом вышеизложенного, списывать не приходилось. Они именно ЗНАЛИ. Просто не знали кто из лазутчиков кто, что и объясняло их странные поступки. Шаада Гдорстонхорстума и впрямь появилась не случайно. Извещенная о прибытии отряда людей, она пыталась выяснить кто пожаловал в ее оскольтратум. Будь она сразу уверена, что под одной из мантий скрывается Принцесса Крови, отряд не успел бы добраться до Кордраторусов, наткнувшись на Ноктикорума. Однако, как старший суккуб ни старалась, раскрыть инкогнито всех членов группы ей не удалось. Именно поэтому шаада и отозвала векстров, собиравшихся выразить людям свое неудовольствие по поводу уничтожения Фумаролы. Она не хотела спугнуть Принцессу Крови. Ее могло не быть среди пришельцев, а действовать следовало наверняка. Нападение на лазутчиков даже под бдительным присмотром архидемона грозило обернуться серьезным проколом. Если Принцесса Крови среди них — хорошо. Ноктикорум вмешивается в схватку и не дает ей сбежать. А если нет? Перебив людей почем зря, векстры рисковали дать императрице пищу для подозрений и лишиться отличного шанса устранить ее без особых усилий. Шаада отпустила отряд восвояси, проследив, чтобы его никто не трогал.

Вторая вылазка существенно отличалась от первой, отчего и

пошла по другому сценарию. Пока Эбби налаживал Трансталл, кто-то его заметил и сделал соответствующие выводы. В место очередной вылазки людей векстры направили Многоликого. Он шпионил за открытым каналом, и когда оттуда появился не один чародей, а большая группа, известил кого следует. Векстры по-прежнему не знали наверняка, есть ли среди лазутчиков нужная цель, раз нанесли удар по Таларе, но они ничем не рисковали. Падение метеорита в формирующемся оскольтратуме — обычное дело. Тот, кто умудрился открыть туда Трансталл, наверняка подтвердил бы это всем заинтересованным лицам, невольно подыграв хозяевам преисподней. Что же касалось траектории падения, то она была выбрана не случайно. Столкновение метеора с обратной, невидимой людям стороны острова грозило предоставить в распоряжение феи несколько лишних секунд. А их дочери света вполне бы хватило, чтобы вытащить Принцессу Крови. Зато при ударе сверху протуберанец вечного огня заранее лишал фею львиной доли сил, как раз и делая невозможной стремительную эвакуацию.

Когда отряд объявился в третий раз, векстры убедились, что попытка не удалась. Они по-прежнему не нападали, не будучи уверены в личностях пришельцев. Вынырнув из озера пламени, второй Гангрон предупредил первого, удержав его от опрометчивых действий. Велев бесам приглядывать за гостями, оба крылатых векстра как ни в чем не бывало удалились. Явившись к огненному озеру повторно, отряд существенно облегчил врагу задачу. Весь регион уже был напичкан соглядатаями, следившими за округой во все глаза. Следившими практически отовсюду. Трудно с уверенностью утверждать были ли о чем-либо осведомлены Морхолоны, наседавшие на людей подле энергетического колодца. Точно известно лишь одно — к тому моменту, как лазутчики пустились в обратный путь, инкогнито Принцессы Крови было раскрыто. Объявившийся Ноктикорум знал о ее присутствии наверняка. Ему было легко выбрать подходящее место для нападения, учитывая маршрут группы до Трансталла. Он не торопился, обставив свой выход красиво и обстоятельно. Ему требовался театральный эффект. В пользу этого говорит факт, что он не убил никого из лазутчиков, хотя мог испепелить их мгновенно. Скорее всего, расправившись с Принцессой Крови он отпустил бы ее спутников восвояси — рассказать обо всем в Ардариании. Весть о гибели императрицы от рук демона критически подорвет моральный дух людей и позволит векстрам быстрее сломить их сопротивление. И все бы получилось, если бы Ноктикорум не наткнулся на Ульмаарандора.

Версия люмеанина не вызвала ни у кого нареканий. Все,

включая фею, нашли ее вполне логичной и объясняющей разные нюансы. Оставался лишь один вопрос: зачем Ульм все это сказал, если не считать банального разбора полетов? Было очевидно, что он к чему-то вел, а вот к чему — никто пока не понимал.
— А разве не ясно? — усмехнулся люмеанин. — Допускаю, что Принцессу Крови опознали по жестам, по голосу и по манере себя вести. Не сразу, но опознали — для этого у векстров хватило времени и соглядатаев. Но кто передал им эти важные сведения? Кто так подробно описал императрицу? Кто сообщил о Дин'Юлемионе и том, что фея и Принцесса Крови, вероятно, собрались в преисподнюю?
— Ты намекаешь на то, что среди нас завелся шпион?! — оторопела Илиана. — Но это невозможно! Я бы почувствовала предательство!
— Разумеется, — кивнул Ульм. — Но только не в том случае, если речь идет об открытом враге, которому и притворяться не надо. Тогда твое чутье не играет никакой роли.
— Манипуляторы? Дегонис? Но я бы их обнаружила! Они и близко ко мне не подойдут! — недоумевала императрица.
— Этому врагу и не надо к тебе подходить, ибо он уже находился рядом с тобой. Находился достаточно долго, чтобы неплохо тебя изучить и узнать массу ценной информации, — неторопливо произнес люмеанин. — Только одно существо обладает необходимым доступом к Принцессе Крови и только одно способно известить векстров так, как никто другой. Обычно вы зовете его сокращенно, поскольку для людей у него труднопроизносимое имя. Очень хорошо знакомое вам имя Зильбердрейнуаг-рен-Дег.
Лица присутствующих вытянулись, и особенно у Илианы. Слова Ульма прозвучали для нее подобно грохоту горного обвала среди бескрайних песков пустыни. С растерянным выражением она оглянулась на Сирелину с Арадорой.
— Это невозможно! — заявила старшая чародейка, поняв немой вопрос императрицы. — Допускаю, что бес наболтал всякого своим сородичам, когда мы отпускали его у Серых гор. Но с тех пор он не покидал дворец в Тал-Амине. Его узилище надежно запечатано. Ничто из внешнего мира туда не пройдет, и ничто не выйдет. Таким образом, он не мог никому рассказать про появление ее светозарности и планах императрицы посетить преисподнюю. О последних, кстати, он и сам не знал!
— Ой ли? — усмехнулся Ульм.
Арадора было нахмурилась, уязвленная недоверием к своим речам, но тут же опомнилась, сообразив, что говорит с архангелом, который всяко знает побольше, чем она. Проглотив готовую со-

рваться реплику, она попросила люмеанина объясниться.
— Не серчайте, если мои слова покажутся вам обидными, но ваша уверенность в том, что вы полностью контролируете векстра по меньшей мере наивна, — мягко сказал Ульм. — Бес все-таки высшее существо, хоть и самый младший из демонов. У него в арсенале найдется немало таких штучек, о которых вы даже не догадываетесь. И для высшего существа, обладающего совсем другим мышлением и познаниями, достаточно нескольких случайно оброненных реплик, мимики и недомолвок, чтобы о чем-нибудь догадаться. Охотно верю, что никто из посетителей Зильбердрейнуаг-рен-Дега не выкладывал ему жизненно-важные тайны, в особенности Дин'Юлемиона и императрица. Но могут ли они присягнуть, что ни словом, ни жестом не дали бесу пищу для размышлений? Учитывая, что ее у него было предостаточно, с учетом самого появления феи.
Илиана и Дина озадаченно переглянулись. Их уверенность в собственной непогрешимости касательно рогатого пленника как-то сразу пошатнулась. Будь на месте Ульма кто-нибудь другой, они бы, как и Арадора, нашли что ему возразить, но спорить с высшим люмеанином по части векстров было довольно самонадеянно. Даже для Дин'Юлемионы.
— То есть ты хочешь сказать, что бес раскусил наши намерения? Сообразил, что мы планируем наведаться в преисподнюю искать Таунсторма? — как бы уточняя для самой себя, протянула императрица.
— Про Таунсторма не уверен, а насчет преисподней — да, — кивнул Ульм. — Ты же сама неоднократно повторяла, что демонам верить нельзя, что бы там ни болтал Зильбердрейнуаг-рен-Дег, и что ты затеяла опасную игру. Однако ты считала, что она стоит свеч, и ты ее контролируешь. Теперь возникает вопрос кто кого переиграл.
— Хорошо, допустим ты прав! Допустим, я невольно выдала бесу важные сведения! Но каким образом он их кому-то сообщил?! — воскликнула Илиана. — Он не покидал запечатанного помещения!
— Я, кажется, только что упоминал — ваша уверенность в его надежности сама по себе таковую не означает, — заметил люмеанин.
— У вас такая богатая практика по части удержания векстров? Физическую оболочку вы до известной степени пленили — факт. Векстры всегда были уязвимы из-за своей приверженности плоти. А энергетическую?
— Вот даже я тебя не понимаю! — поджала губки Дин'Юлемиона.
— Векстр может покинуть это узилище только в одном направлении. Избавившись от телесного воплощения, он отправится пря-

миком в преисподнюю, со всеми вытекающими.
— Он его и не покидал, — покачал головой Ульм. — Ох, ваша светозарность, в области живой природы вы удивительная мастерица, но вот с векстрами чувствуется недостаток опыта. Но я тебя не упрекаю — откуда бы ему взяться? Ты же не воин, и с ними тет-а-тет регулярно не сталкивалась.
— Сказал бы уже толком, в чем дело, а не ходил вокруг да около! — надулась фея, скрестив руки на груди. — Выставляешь меня перед Илей какой-то идиоткой.
— И в мыслях не было, — смутился люмеанин. — Но ты права! Я слишком разболтался. Пожалуй, чем я буду болтать и дальше, лучше устроить вам наглядную демонстрацию. Если моя догадка окажется неверна, я обещаю выполнить любое твое желание, в пределах разумного, — тут же добавил он твердым тоном.
— Валяй! — смилостивилась враз оживившаяся Дин'Юлемиона.
Несколько секунд Ульм сосредоточенно разглядывал всех присутствующих. Затем сделал плавное движение рукой.

Императрица с вице-королевой и феей моргнуть не успели, как очутились в Тал-Амине. Для Дин'Юлемионы такие штучки были в порядке вещей, а вот обе венценосные особы аж глаза округлили. Остальных люмеанин переместил в Фортумагум, сославшись на правило Трансталлов, не позволявших входить в новый пространственный канал пока не выйдешь через предыдущий. Талару же он изначально забрал из имперской столицы, поэтому и вернул ее обратно. Ульм, разумеется, мог в мгновение ока сгонять еще разок в Фортумагум, но он уже прихватил во дворец всех, кого счел необходимым. Куда именно — спрашивать не приходилось. Озиравшаяся троица тут же признала коридор, выходивший к узилищу беса.

Завидев вышедшую из-за угла императрицу, охрана вытянулась по струнке, а дежурные ведьма и чародейка сделали реверанс. Ульм специально не перенес троицу непосредственно под очи страже, чтобы у той не появились вполне естественные вопросы. По той же причине не перенес он ее и в апартаменты демона, находившиеся под круглосуточным присмотром.
— Зачем пожаловали? — осведомился Зильбердрейнуаг-рен-Дег, узрев вошедших к нему посетителей.
Отложив книгу, он окинул их оценивающим взглядом. Такое внимание он проявлял только к Принцессе Крови и фее, а всех остальных удостаивал подчеркнутым презрением и без необходимости никак не реагировал. Исключая, разве что, вице-королеву, по причине требования императрицы, но та заглядывала к нему крайне редко. Глаза беса остановились на воине, сопровождавшем

ее величество, и Илиана неожиданно ощутила всплеск злобы и страха. Настолько мощный, что он, казалось, воплотился в плотную физическую волну. Зильбердрейнуаг-рен-Дег люто ненавидел того, к кому был прикован его взор, но одновременно и боялся прямо-таки панически.
— Он знает кто ты! — ошеломленно выпалила императрица.
— В то время как откуда бы ему это знать, если о моей истинной сущности сейчас осведомлены только члены нашей группы, да векстры в преисподней, — усмехнулся Ульм. — Не так ли, дружок? — куда жестче добавил он, неторопливо подходя к бесу.
— О чем это вы? — просипел тот, пытаясь сохранить самообладание. — Что за ерунду вы несете?
— Тебя ведь уже известили кто скрывается под маской простого воина из охраны Принцессы Крови? Не ради твоей жалкой шкуры, конечно, а чтобы ты держал ухо востро как ценный шпион, — улыбнулся Ульм, но в его голосе звучала сталь.
— Скалья, признавайся, это опять твои штучки? — выдавил Зильбердрейнуаг-рен-Дег, стараясь не смотреть на стоявшую перед ним фигуру.
Зазвенел вынимаемый из ножен меч. Секунда — и он уже коснулся беса, отпрянувшего от лезвия с истошным визгом.
— Чего же ты так боишься, если не в курсе о чем речь? — осведомился Ульм.
Стальной клинок озарился белым светом, мягко заструившимся от его поверхности. Физиономия демона перекосилась.
— Что тебе надо, люмеанин?! — взвыл он, не сводя глаз со страшного для него свечения.
— Как давно ты в прямом контакте с преисподней? — грозно вопросил Ульм. — Дай угадаю — со дня возвращения из Серых гор?
— Не понимаю о чем ты! — крайне неубедительно воскликнул бес.
— Неужели? — прищурился Ульм. — А где же тогда вопросы в духе "что я здесь вообще делаю" и "почему вмешиваюсь"? Я тебе скажу. Тебе уже известен ответ, данный мной Ноктикоруму. И если ты продолжишь прикидываться идиотом, я заговорю с тобой по-другому! Мой меч надолго отправит тебя в небытие!
Бес заляскал зубами. Угроза архангела была более чем реальной, но он также страшился и гнева Арферона.
— Чтоб ты провалился, Ульмаарандор! — прохрипел он, откровенно боясь бросить в лицо высшему люмеанину грубость посерьезнее.
— Иля, дитя мое, подержи его, — продолжая смотреть на векстра, обратился Ульм к императрице.
Сейчас он мог себе позволить сказать именно так. Во-первых, по-

тому что приходился Принцессе Крови родным дедом, о чем та ныне знала, а сам при этом был архангелом. Во-вторых, свидетелей этой сцены не имелось. Илиана заранее приказала охране снаружи не смотреть и не слушать происходящее внутри, а люмеанин на всякий случай создал невидимую, но непроницаемую завесу. В-третьих, эти слова окончательно выбили из колеи и без того трясшегося беса. Близость между высшим люмеанином и Принцессой Крови откровенно вгоняла его в дрожь. Императрица сразу поняла о чем речь. Доля секунды — и вот уже Зильбердрейнуаг-рен-Дег утратил контроль над своим телом, захваченный ее волей. Усаженный на край стола, он не шевелился, и лишь оранжевое пламя лизало его надбровные дуги, вырываясь из глазниц.

— Отлично! — одобрительно заключил Ульм, убедившись, что бес застыл как статуя. — Сколь удивителен дар Илианы, способной проделать такое с векстром! Все-таки я не хочу лишать вас отличного экземпляра для опытов, а он мог некстати дернуться и напороться на мой клинок.

— Что ты задумал? — спросила сгоравшая от любопытства фея, кружа у плеча люмеанина.

— Сейчас увидишь, — отозвался Ульм.

Перехватив меч в руке, он вдруг протянул его острие к туловищу беса и сделал глубокий надрез снизу вверх, как делает мясник, когда вспарывает тушу по всей брюшине. Демон при этом испытал те еще ощущения, не зайдясь воплем только потому, что был лишен голоса Принцессой Крови. Однако оружие люмеанина его не убило. Оно хирургически точно вскрыло телесную оболочку, не уничтожив ее существование в целом. Внутри младшего демона полыхнуло пламя, плеснувшись за края разреза и оглаживая их насыщенными языками. Но на сей раз рана не затягивалась, нанесенная первозданным светом. Ульм чуть двинул мечом, и рассеченная плоть разошлась еще дальше, явив взору нечто круглое и красное. В этом образовании, диаметром с фут, просматривались далекие очертания какого-то странного места, объятого огнем. Сфера в брюшине беса, окруженная пламенем и наполненная видением пламени, напоминала сквозной проход в другую реальность.

— Это же!..

— Спату-Фенеструм! — закончил за фею люмеанин. — Все, что слышал Зильбердрейнуаг-рен-Дег, видели и слышали с той стороны. Каждый звук и каждое слово. Бес, оставшийся в одиночестве и бормотавший якобы себе под нос, на деле докладывал куда-то туда, и оттуда же получал тихие, слышимые только ему одному указания.

— Но бес не в состоянии создать отсюда такую штуку самостоятельно! И тем более поддерживать ее открытой! У него не хватит энергии! — воскликнула Дин'Юлемиона.
— Разумеется, — кивнул Ульм. — Спату-Фенеструм поместили ему в брюхо во время путешествия в Серых горах. Учитывая качественный уровень содеянного, его сотворил кто-то из старших векстров. Одними усилиями беса столь мощный инструмент действительно слишком долго не протянет, но его энергию регулярно пополняет Принцесса Крови, даже не догадываясь, куда ее девает Зильбердрейнуаг-рен-Дег. Когда она вернулась из Последнего Приюта, бес вывел Спату-Фенеструм из режима ожидания и с тех пор находится на прямой связи с преисподней, подпитываясь от ничего не подозревающей императрицы. Полагаю, я не ошибусь, если предположу, что этот векстр стал потреблять заметно больше энергии с тех пор, как ты навестила его после путешествия в Сунастийские пределы?
— Да! — отозвалась потрясенная Илиана, поскольку вопрос адресовался ей. — Я не могла такое не заметить, но этот паршивец наплел мне, что изменения в окружающем мире сказываются на нем неблагоприятным образом. Я же не знала, что…
— Не вини себя чрезмерно, — мягко сказал Ульм. — Коварную затею врага проморгала даже Дин'Юлемиона. Но все же это тебе урок на будущее, дитя мое — никогда не недооценивай векстров! Они хитры, лживы и всегда преследуют свои интересы. Если ты получаешь от них желаемое, это означает, что их такое обстоятельство устраивает. И стоит задуматься почему.
— Лучше бы я свернула ему шею! — в сердцах воскликнула расстроенная императрица.
Рука люмеанина легла ей на плечо, и девушка тут же почувствовала себя гораздо легче и спокойнее. Она сама так воздействовала на людей и теперь вдруг по-настоящему осознала откуда у нее этот дар.
— Ну, у тебя были основания затеять с бесом такую игру. Все-таки по-своему он оказался вам очень полезен, — утешил ее Ульм. — Просто с непривычки вы за ним недоглядели. И сейчас я исправлю вашу ошибку.
Сказав так, люмеанин посмотрел прямо в Спату-Фенеструм, где объявились чьи-то злобные оранжевые глаза.
— Канал закрыт, ребятки. Представление окончено! — усмехнулся он.
И вонзил острие струившегося светом меча в центр красной сферы. Оттуда послышался чей-то злобный рев и тут же оборвался. Творение демонов, не выдержав удара люмеанина, распалось,

овеяв брюхо беса сполохами воплощенного в огне экспфернума. Глаз в преисподнюю исчез. От такого обращения Зильбердрейнуаг-рен-Дег едва и сам не разлетелся на атомы, но Ульм быстро выдернул меч, не желая лишать заклинательниц, фею и собственную внучку ценного экземпляра. Обезвреженный, бес пока не представлял опасности. А дальше и видно будет.

— Что теперь? — спросила помалкивавшая доселе Талара, предоставляя спутникам заниматься привычными им материями.

По всему выходило, что среди присутствующих только она была обычным человеком. Поглощенная невероятными событиями, девушка одновременно чувствовала некоторую неловкость, словно оказалась случайным свидетелем на важной встрече существ другого порядка. Ведь не считая беса, остальные в той или иной степени относились к созданиям Света. Илиана, будто угадав мысли подруги, послала ей ободряющую улыбку, как бы давая понять, что Талару прихватили отнюдь не для мебели. Кому как не второму лицу в империи знать обо всех ее тайнах? В голове у вице-королевы прозвучала фраза архангела, выразившегося в космическом храме более чем ясно: "Этот мир принадлежит людям. Людям своей судьбой и управлять". А еще он сказал "Пойдем со мной. Долг зовет", когда появился из ниоткуда и перенес ее к Илиане, прежде чем Талара успела опомниться. При воспоминании об этих словах ощущение неловкости сразу же испарилось. Вице-королева была на своем месте — там, где ей и надлежало быть.

— А теперь мы зададим векстру несколько вопросов. И лучше бы ему на них ответить, — ровным голосом произнес Ульм, глянув на младшего демона залитыми белым светом глазами.

Тот с радостью провалился бы сквозь землю, но сбежать от высшего люмеанина простому бесу было в любом случае невозможно.

Версия Ульмаарандора подтвердилась. Зильбердрейнуаг-рен-Дег, окопавшись под боком у императрицы, успешно передавал все добытые сведения старшим векстрам. Он сразу же сообщил о возвращении Принцессы Крови из Последнего Приюта и о прибытии феи, что стало для демонов неприятным сюрпризом. Он же регулярно докладывал им свои наблюдения, поскольку на той стороне могли только слышать, но не видеть. Таким образом, помимо прочего векстры вычислили планы императрицы и ее покровительницы заглянуть в край вечного огня. Для этого у них и впрямь хватило внимания и логики, сопоставляя обрывки фраз, случайно оброненные слова, поведение посетителей Зильбердрейнуаг-рен-Дега и предполагаемые цели этих посещений. Различные вопросы о преисподней, порой едва заметно выбивавшиеся из общего контекста беседы, окончательно уверили беса и его хозяев, что Прин-

цесса Крови и впрямь собралась к ним домой вместе с Дин'Юлемионой. Однако оставалось неизвестно когда и как она это сделает, отчего векстры и вели себя описанным Ульмаарандором образом.

Заштопав беса, гости покинули его узилище, предоставив пленнику возможность насладиться сознанием разоблачения. Плохо, что наступило оно поздновато. Зильбердрейнуаг-рен-Дег успел передать своим хозяевам слишком много важной информации, способной погубить реальный шанс остановить вторжение. Оттого Илиане хотелось разнести поганца в клочья, а не приводить его в порядок. Ведь заштопывать пленника пришлось именно ей. Люмеанин и фея могли разложить физическую оболочку младшего демона на атомы, но не восстановить. Это было доступно лишь Принцессе Крови, обладавшей поистине уникальным даром воздействия на векстров. Обычно демоны быстро заживляли свои тела самостоятельно, если те повреждены не слишком критично, но не от ран нанесенных люмеанами. Илиана обработала края разреза и склеила бесу брюшину, оставив на ней рубцеватый шрам. Плоть, обожженная клинком Ульмаарандора, затянулась, а шрам образовался как напоминание о первозданном свете. Императрице пришлось себя пересилить, чтобы подлечить отродье преисподней, но кроме нее было просто некому. Она испытала не самые приятные чувства и забыла о них только тогда, когда Ульм снова перенес всех в Фортумагум.

Известие о шпионаже через Спату-Фенеструм экспедиционный отряд воспринял стоически. Как говорится, что сделано, то сделано. Вопрос заключался в том, что делать дальше, с учетом серьезно изменившихся обстоятельств. А вот здесь, по мнению Ульмаарандора, оставалась некая неопределенность. Из допроса беса, вертевшегося как юла, так и не удалось установить, догадались векстры, зачем к ним приходили Принцесса Крови с Дин'Юлемионой, или нет. Спрашивать в лоб было ни в коем случае нельзя, а отвлеченные разговоры ни к чему не привели. Людям, посвященным в замысел с Таунстормом, причина экспедиции в преисподнюю казалась очевидной. Но так ли однозначно все выглядело со стороны? По факту императрица поддерживала существование феи, пытавшейся определить где находится бывший губернатор Асталийской провинции. Векстры же могли решить, что дело обстояло с точностью до наоборот — это Дин'Юлемиона защищала Илиану, имевшую какой-то умысел. Преисподняя была набита опасностями, но со стражем в лице феи они существенно уменьшались, позволяя подумывать о таком, на что одна Принцесса Крови никогда бы не решилась. А решиться она могла на

многое, учитывая ее считавшееся невозможным воздействие на векстров. Если уж императрице удалось подчинить себе беса, то отчего бы не попробовать взять под контроль другую демоническую плоть? Например, Фумаролу. Специфика ее дара была доселе неизвестна и оттого непредсказуема, поэтому никто не знает наверняка что произойдет, когда Принцесса Крови установит контакт с Кордраторусом. Даже сам Арферон. А ну как она выжмет оттуда то, чего у демонов нет ни малейшего желания ей рассказывать? Ее сущность не подвержена отраве скверны, и расплачиваться за добытые знания не придется. Арферон сам провернул с Таунстормом основанный на этом финт, но тогда он контролировал ситуацию, всучив только то, что собирался. Иными словами, приди к Кордраторусу кто угодно, демоны дадут ему не больше, чем сами захотят. Только как бы теперь не вышло так, что Принцесса Крови возьмет что пожелает. Возьмет без всякого спроса и в ответ покажет здоровенную фигу. А тут ее еще и к энергетической скважине занесло, что на упомянутом фоне выглядит отнюдь не однозначно.

— Теория, конечно, любопытная, — согласилась императрица, хорошенько обдумав слова Ульма. — Но я не думаю, что векстры настолько наивны. Вряд ли они всерьез об этом беспокоятся.

— Почему? — невозмутимо спросил люмеанин. — Версия вполне правдоподобная. Я вот тоже без понятия что будет, если ты попробуешь овладеть Кордраторусом.

Илиана некоторое время хлопала на него глазами, силясь уразуметь услышанное. Затем на ее лице отобразилось глубочайшее ошеломление.

— Как?! — выдохнула она. — Ты хочешь сказать, что у меня может такое получиться?!

— Твой случай беспрецедентный, поэтому ничего нельзя утверждать наверняка, — кивнул Ульм.

— Невероятно! А мне такое и в голову не приходило! — воскликнула императрица.

— И хорошо, что не приходило! — строго произнес Ульм. — Вот что я тебе скажу, дорогая — с меня достаточно твоего отца! Еще не хватало, чтобы моя внучка стала одной из повелительниц преисподней!

— Ты это серьезно?! — вытаращила глаза Дин'Юлемиона.

— Вполне! — заявил люмеанин. — Если вдруг выяснится, что Илиана способна практически неограниченно черпать сведения из Кордраторуса, ее возможности станут непредсказуемыми. И такой же станет ситуация. Что ей после этого придет в голову и как она себя поведет — остается только гадать. Но не менее важно как по-

ведут себя векстры. Часть из них, кроме шуток, запросто может переметнуться к новому центру силы. Ведь под началом Принцессы Крови перед ними откроются доселе невозможные перспективы, а демоны очень расчетливы и практичны. Легионы преисподней во главе с шаадами и группой старших векстров, явившиеся не убить императрицу, а просить ее возглавить их — вполне вероятная реальность. А Илиана, чего доброго, надумает воспользоваться этим обстоятельством в своих целях. Вроде как на благо, но мы-то знаем, куда заводит все, что касается преисподней. И оглянуться не успеем, как наша Принцесса Крови, на которую мы все возлагаем такие большие надежды, превратится в сущий кошмар не только для людей, но и для люмеан. К Арферону все уже привыкли, а вот на что окажется способна набирающая мощь Принцесса Крови, подчинившая себе сначала часть преисподней, а потом не исключено что и ее всю, лучше даже не размышлять.

Вокруг послышались возбужденные голоса. Люди до сих пор не рассматривали таланты своей императрицы в таком ракурсе, и идея подобного развития событий вызвала у них нездоровый всплеск воображения.

— Слушай меня внимательно, дитя мое! Про такое и думать забудь! Чтобы никаких идей насчет опробовать свои таланты на преисподней у тебя и в мыслях не было! — сурово отчеканил Ульмаарандор, вперив взор в сиреневые глаза девушки.

— Тогда зачем ты мне все это сейчас сказал? — недоуменно спросила та, чувствуя, как у нее голова идет кругом.

— По двум причинам, — ответил люмеанин. — Во-первых, рано или поздно ты наткнулась бы на такое соображение сама. И соблазн попробовать что у тебя получится был бы очень велик. Кто предупрежден, тот вооружен. Во-вторых, мы говорили о том, знают ли векстры зачем ты приходила в преисподнюю. И я только что красочно объяснил насколько все неоднозначно. Прозвучало, конечно, пугающе. Я вижу, какое произвел на всех впечатление. Но в этом как раз и заключается хорошая сторона медали. Нам сейчас это очень на руку, поскольку те же чувства почти наверняка испытывает и Арферон. Его гложут сомнения. Он понятия не имеет чего ожидать от Принцессы Крови. Способна ли ты осуществить расписанное мной или нет, не знаю даже я, а у властелина преисподней своя специфика мышления. Он скорее заподозрит тебя в желании обрести невероятное могущество, нежели поймет, что ты всего лишь ищешь Таунсторма. Между прочим, ничего надуманного в моем предположении нет. Один мой отпрыск уже воспользовался дарованной ему силой, чтобы получить огромную власть. Так с чего бы другому не пойти дальше и не заграбастать

себе половину вселенной?
Воцарилась тишина. Эбби обустроил в Фортумагуме отличный зал для совещаний, практически изолированный от внешней среды, поэтому в него не проникали шумы кипевших жизнью колдовских подземелий. Здесь можно было без помех обсуждать секретные дела, не опасаясь, что тебя кто-нибудь отвлечет или услышит. В случае чего находящихся внутри вызывали по внутренней связи, да и Эбби периодически поглядывал на колдовские индикаторы, убеждавшие его, что все в порядке. Он понатыкал хитроумных датчиков по всему Фортумагуму, включая окрестности Абериджа, так что если в одной из наблюдаемых зон поднимут тревогу, ему об этом немедленно станет известно. Индикаторы горели ровным зеленым светом, и лишь несколько из них имели желтый оттенок. Волноваться было не о чем — часть производственных помещений регулярно переходила на особый режим, соблюдая меры безопасности. Таким образом, Ульмаарандор спокойно выкладывал экспедиционному отряду свои соображения, не боясь разоблачения, а собравшиеся внимали ему во все уши. И сейчас пребывали под сильнейшим впечатлением, представив императрицу во главе объединенной армии людей и демонов. В том числе сама императрица.
— Илиана так никогда не поступит! — решительно заявила опомнившаяся первой Талара. — Я в этом не сомневаюсь!
— Я тоже так думаю! — вступилась за воспитанницу Сирелина. — Илиана не пойдет по такому ужасному пути!
— Надеюсь, Иля меня простит, если я подтвержу, что у Ульмаарандора есть основания так говорить, — поколебавшись, сказала Дин'Юлемиона. — Как ее покровительница я постоянно бывала в императорском дворце Сангвитории, где многое видела и слышала. В том числе Властелина Крови. Он очень любил свою дочь и строил на нее грандиозные планы, о чем часто ей же и говорил, качая малютку на руках. Он видел ее своей преемницей на престоле огромной империи. Империи, простирающейся далеко за границы Ардариании. Империи, простирающейся в Сунастийские пределы…
Эбби тихо свистнул.
— Илиана — дочь своего отца, — продолжила фея. — Принцесса Крови, обладающая недоступными тому возможностями. Способная на такое, о чем Повелителю Крови приходилось только мечтать. Поэтому я считаю, что Ульмаарандор прав — Арферон вполне может увидеть опасность совсем не там, откуда она исходит, и принять совсем не те меры, которые следовало бы. И наш план все еще осуществим!

У присутствующих, успевших вообразить довольно неприглядные вещи, вырвался невольный вздох облегчения.
— Эк ты завернула! Я уж испугалась, что ты во мне разуверилась! — перевела дух Илиана.
— Ну что ты! Никогда я в тебе не сомневалась! — улыбнулась фея, и сноп золотых искорок щелкнул императрицу по носу.
— Обещаю, что я сделаю все для защиты Ардарианнии! — громко произнесла императрица, вставая, и обводя собравшихся твердым взглядом. — Можете на меня положиться! Сделаю что угодно, но на сей раз империя не падет от рук демонов!
Ее слова были встречены одобрением, однако по челу Ульма пробежало легкое облачко. Фраза звучала несколько двусмысленно, особенно для той, у кого, как он знал, всегда было что-то на уме.
— Что ж, тогда за работу! — воскликнул Эбби. — Мне еще с Трансталлом возиться, а вам готовиться к вылазке! Полагаю, у ее величества тоже хватает дел. Сейчас мне нужны все мои ведьмы и чародейки, а так же ее светозарность Дин'Юлемиона, которая из-за небольшого форс-мажора до сих пор не сообщила куда мы, собственно, отправляемся.
Люди тут же оживились. Повскакав с мест, они деятельно стали распределять обязанности. Затем покинули зал заседаний и направились кто куда в соответствии с полученной задачей.

— Слушай, Иля, я хотела тебя спросить, — улучив минутку, сказала воспитаннице Сирелина. — Извини, если для тебя это тяжело, но имя, которое упоминал Ульм… Теория Меландигоры имеет к нему какое-то отношение?
— Самое прямое, — кивнула Илиана. — Так Ульмаарандор увековечил ее память. Сделал так, чтобы ее работы не прошли впустую и попали в научное сообщество под именем автора.
— Ох как… — только и произнесла чародейка.
Кажется, она хотела узнать у девушки что-то еще, но так и не решилась, припомнив наказ Дин'Юлемионы. А та как раз закончила наставлять чародея, когда через Конту-Фенеструм пришел срочный вызов из ставки Ад-Сейдина. Пламенеющие легионы перешли в мощное наступление на южном направлении, создав угрозу глубокого прорыва.

* * *

В причине неожиданной активизации векстров Ульмаарандор и Дин'Юлемиона, не сговариваясь, усмотрели недавний инцидент с Ноктикорумом. У врага появилась богатая пища для размышлений. Вероятно, он решил усилить натиск, чтобы посмотреть

как поведут себя Принцесса Крови и ее могущественный родственник. Оттого пламенеющие легионы и бросились в наступление, хотя оно по всем признакам ожидалось гораздо позднее. Из-за недостаточной подготовки демоны несли большие потери, но они уже привыкли с ними не считаться. Сейчас Арферону было важно не столько добиться какого-то локального успеха, сколько спровоцировать противника на некие ответные действия. Кроме того, усилив и без того непрерывный натиск, верховный архидемон автоматически приковывал внимание императрицы к фронту, что уменьшало время на реализацию ее замыслов касательно преисподней. Замыслов, о которых он пока не имел внятного представления. Ну, если верить предположению Ульмаарандора. А оно пока находило все больше косвенных подтверждений. До сих пор Арферон относился к Принцессе Крови свысока, представляя ее хоть и необычным, но все же человеком, а значит априори не способным ему противостоять. Он был абсолютно уверен в успехе вторжения, считая его лишь вопросом времени. Теперь же вдруг выяснилось, что на стороне Принцессы Крови объявился высший люмеанин, которому она, ни много ни мало, приходится прямой родственницей. Сюрприз, прямо скажем, пренеприятнейший, особенно с учетом докладов беса о ее растущей власти над демонической плотью. Арферон имел все основания пересмотреть свои взгляды на ту, кого до сих пор считал недостойным противником. Пересмотреть очень серьезно, пока пренебрежение императрицей людей не вышло ему боком. Ввиду всего этого Илиана предложила властелина преисподней не разочаровывать и поддержать в нем надлежащую иллюзию.

Ульму не слишком понравилось, как именно она решила это сделать. Люмеанин ворчал, что он не ездовая лошадь и вмешиваться ни во что не собирался, однако перенес императрицу прямиком в командный шатер ад-Сейдина. Так обходиться с человеческими телами не умела даже фея, но как раз на нее Илиана и предложила все свалить. В отличие от архангела, о ее присутствии возле императрицы уже знали по всей Ардариании. Нынешние люди не слишком осведомлены о различиях в возможностях детей света, поэтому на Дин'Юлемиону можно списать что угодно. Она ведь все равно постоянно находится при Илиане, а на сопровождающего их воина никто и не подумает. Никто, кроме векстров, а те как раз заметят изменения в действиях Принцессы Крови, что и требуется.

— Ваше величество! — изумленно воскликнул хан, узрев перед собой невесть каким образом появившуюся императрицу. — Вы же сейчас были в Фортумагуме! Как такое возможно?!

Чародейка и ведьма, присутствовавшие в командном составе Южного фронта, аж остолбенели от материализации Рубистеллы, как и все прочие.
— Ее светозарность Дин'Юлемиона и не на такое способна, — нарочито невозмутимо отозвалась Илиана, кивнув на крылатое создание. — Теперь я могу мгновенно перемещаться по всей Ардариании и собираюсь пользоваться этим максимально плодотворно. Докладывайте обстановку!
Как и ожидалось, никто не обратил внимания на воина из личной охраны императрицы, прибывшего вместе с ней. В том числе на то, как он вздохнул при словах повелительницы. Ульмаарандор никак не рассчитывал, что после открыто выраженного желания оставить все как есть, предприимчивая внучка первым же делом приступит к эксплуатации деда. Люмеанин надеялся по-прежнему оберегать ее от опасностей — и только, а вот он уже возит ее туда-сюда, причем, судя по реплике, отныне это становится регулярным. Он бы и воспротивился, да Илиана уж больно ловко подвела базу под его же собственную теорию. Мол, давайте покажем Арферону пару новых трюков, отвлекая его внимание от поисков Таунсторма. Укоряя себя за излишнюю податливость, Ульм краем уха слушал, как императрица обсуждает с командным составом создавшееся положение, и начал подозревать, что сюрпризы для него еще не кончились. Так оно и вышло. Разобравшись в диспозиции, Илиана отдала несколько приказов, не оставлявших никаких сомнений в ее намерениях. Она собиралась лично возглавить оборону, превратив ее в контрнаступление.

Весть о том, что Рубистелла решила лично выйти на передовую мигом разнеслась по всем армейским подразделениям. В войне с пламенеющими легионами до сих пор такого не случалось. Солдаты ликовали, в том числе солдаты Красной Саламандры. Они прекрасно помнили особенности северной кампании, и иметь на своей стороне Рубистеллу как союзника, а не неприятеля, их очень даже воодушевляло. Заклинательницы пребывали в недоумении. Прежде императрицу держали подальше от фронта, имея на то веские основания. Теперь же она вдруг лезет прямиком в пекло, рискуя пасть жертвой коварного нападения врага. Ульм хмурился. По его мнению, Илиана им злоупотребляла, поскольку не знай она кто ее защищает, ни за что бы в гущу схватки не совалась.
— Дитя мое, а тебе не кажется, что ты несколько зарываешься? — тихо шепнул люмеанин таким образом, чтобы его слышали только посвященные. — Разве ты бы поступила так, как поступаешь, не рассчитывай ты на мою помощь?
— Если только немножко, — отозвалась императрица. — Меня за-

щищает Дина, которая была согласна на это с самого начала. Она выдержала экспедицию в преисподнюю и появление Ноктикорума. Значит, здесь она меня никому в обиду не даст, так что тебе и делать ничего не придется. Если, конечно, не объявится какой-нибудь архидемон, что действительно вероятно. Но мы же хотим произвести на Арферона впечатление, не так ли?
— Я не говорю, что ты не права. Но меня беспокоит как ты все поворачиваешь, выставляя в удобном для себя свете, — помолчав, сказал Ульм.
— Сейчас я собираюсь повернуть все так, чтобы властелин преисподней понял, как непросто ему будет сломить Вторую Ардарианскую империю, — решительно заявила Принцесса Крови. — Надеюсь, ты ничего не имеешь против?

Нечто подобное уже происходило. Илиана хорошо это помнила, хоть и не присутствовала лично, когда ее отец возглавлял войска, овевая их жизненной энергией. Тогда его едва не достал Неомольф, но император не располагал феей-покровительницей. И архангелом. У императрицы, его дочери, они были.

Командная небесная крепость возвышалась по центру оборонительных позиций. Пламенеющие легионы давили, заставляя людей отступать, но по приказу Рубистеллы армейские резервы перестраивались, готовясь не уйти в глухую оборону, а ударить в полчища врага. Воздушные звенья ведьм и чародеек собирались подле императрицы. Нереймиты, осуществлявшие поддержку солдат, концентрировались на участке грядущей атаки. Полки Нируангмов и големов, управляемые заклинательницами, ждали команды броситься в пекло. А пекло было самое что ни на есть настоящее. Императрица, ни много ни мало, нацеливалась в гущу наступавших демонов, где их концентрация прямо-таки зашкаливала. Более того, она нарочно отозвала небесных всадниц и воздушные платформы, чтобы враг набрал еще большую плотность. Выстроившаяся армия, удерживая напор рогатых чудовищ, верила в свою императрицу, начиная от северян и заканчивая солдатами ад-Сейдина. Верила, что та не ошиблась в выбранной тактике, иначе все сделанные перестроения приведут к разгрому Южного фронта людей.

Сигнал к атаке был виден за множество миль. Его вообще было сложно не увидеть, поскольку сначала на вершине командной небесной крепости разгорелась алая звезда, а затем оттуда ударили широкие рукава алого света. Дин'Юлемиона однажды наблюдала нечто подобное. Правда не лично, а через Конту-Фенеструмы, но зрелище в исполнении Юстелия Ардарианского было незабываемым. И даже ее впечатлило исходящее от Илианы излучение, а

солдаты императрицы и вовсе ошалели от воодушевления и восторга. Алый свет расходился далеко в стороны, овевая воздушные звенья заклинательниц, насыщая жизненной энергией воинов и клериков. Эта энергия не просто била ключом — ее уровень зашкаливал, заставляя высвобождать поистине чудовищные силы. Над линией соприкосновения пронесся громогласный боевой клич, известный еще со времен северной кампании. А теперь к нему присоединились и войска Красной Саламандры.

— Рубистелла! — ревели бывшие противники в унисон, заставляя содрогаться все окружающее пространство.

Стоя на вершине командной крепости, императрица направляла алые потоки как широкие реки, в считанные секунды заливая людей запредельной мощью. И те неистово бросались в бой, обрушивая на врага все дарованное им могущество. Ближайших демонов смели в мгновение ока, практически изрубив их на куски. А в дальних рядах врагов, уже неистовствовали заклинательницы, высвобождая колоссальный избыток энергии. Вздымались смерчи и ураганы, земля перемешивалась с небом, звенела и выла лютая пурга, а рядом грохотал шквал выпущенных тучами молний. Нереймиты, управляемые чародейками, уничтожали Опустошителей с одного удара и то, если последние им доставались. Ведь демонов выкашивало направо и налево, и кто не успевал сгинуть от колдовских разрывов, падал иссеченный зачарованной сталью. В считанные минуты в рядах врага образовалась громадная брешь, продолжавшая непрерывно расширяться. Командная крепость и соседние форты уверенно двигались над наступавшими имперскими войсками, включая големов и Нируангмов. Демонов, не ожидавших подобного напора, практически перемалывало в труху. Когда-то такую мощь придавал своей верной армии Повелитель Крови, превращая солдат и заклинателей в неудержимый каток, сметавший все на своем пути. Но у него было больше боевых машин, воинов и колдовства, равно как небесных крепостей и прочего вооружения. Несравнимо больше. Илиана старалась изо всех сил, но она не располагала ресурсами отца, даже если бы превзошла его способностями. Ее успех, несомненно, потрясал. Потрясал даже Дин'Юлемиону, наблюдавшую за ходом противостояния, но он носил исключительно локальный характер. В пятимильной зоне демоны несли ужасающие потери, однако линия фронта была несравнимо длиннее и на всех остальных участках ситуация грозила вылиться в противоположный результат. Войска, наступавшие под личным командованием императрицы, не могли забираться слишком далеко вперед, чтобы не расстроить шеренги. При этом подразделения, находившиеся за пределами алых рука-

вов, не обладали таким же запредельным энергетическим потенциалом. Казалось, переступить чисто физические границы дозволенного недоступно никому, и Принцесса Крови при всех ее талантах не в силах охватить всех и вся.

— Точка номер два! — скомандовала вдруг императрица.

И исчезла, как ее и не было, вместе с феей и сопровождавшим их воином. Но исчезла не насовсем, а чтобы мгновенно появиться в другом месте. И вот уже в пяти милях к западу в пространство ударили яркие алые лучи, охватывавшие соединения солдат и заклинателей. А потом, спустя всего несколько минут, характерное сияние озарило окрестности восточнее командной крепости. И стало рывками перемещаться по всей линии Южного фронта. Едва оно гасло в одном секторе, как тут же загоралось в другом, непрерывно изливая на имперские войска потоки жизненной энергии. Да, Принцесса Крови не располагала армией своего отца, но зато она могла охватить всю свою армию, объявляясь из ниоткуда там, где ее присутствие требовалось больше всего. То, что доселе казалось абсолютно невозможным, воплощалось в реальность на глазах сотен тысяч людей, придавая им воодушевления едва ли не больше, чем алый свет императрицы.

Векстры могли ожидать, что Принцесса Крови усилит свои легионы на каком-то отдельном участке и не слишком этого опасались. На их стороне был численный перевес, в любом случае нивелировавший временный успех императрицы. Ее мгновенное перемещение по всей линии фронта внесло в тактический расклад существенные коррективы. Издали перескакивание Принцессы Крови с одного участка сражения на другой выглядело настоящей алой звездой, вспыхивающей то здесь, то там, и испускающей длинные извилистые рукава света. И расстояние, на котором она это делала, не поддавалось никаким ограничениям. За пять минут императрица успевала материализоваться в паре десятков мест, насыщая имперские войска невероятным уровнем энергии. Насыщая, в известном смысле, везде и сразу. Ошеломительное наступление, начатое от командной небесной крепости, вскоре перекинулось на весь Южный фронт. Демонам было решительно нечего противопоставить сокрушительному натиску удесятеренных сил имперской армии. Воздушные звенья ведьм и чародеек сеяли в их рядах невообразимый хаос и разрушения. Нереймиты, налитые энергией своих повелительниц, стали практически неуязвимы. Они выдерживали любые удары и при этом сами били так, что проделывали зияющие бреши в телах даже самых огромных демонов. Никакие всплески экспфернума им были нипочем. Пламя, вздымавшееся в рост, не причиняло Каменным Стражам вреда, и

прежние опасности гиганты преодолевали не сложнее детей, переступающих через песчаные куличики. Нируангмы и големы, подчиняясь командам заклинательниц, обретали невиданные прежде боевые качества, при этом кратно улучая защитные свойства. Теперь големы не рассыпались от всплесков демонической энергии, и не обращались в прах от прикосновений огненный мечей. Нируангмы же и вовсе показывали чудеса боевых возможностей, словно в каждого из них вселился берсеркер. Не отставали и клерики. В первые секунды их брала оторопь, когда они наблюдали длинные потоки света, исторгаемые собственными руками. Однако новоявленное могущество, пусть и обретенное на короткое время, быстро вызвало у них не только эйфорию, но и привыкание. В воздухе возникали ослепительные вспышки, испепелявшие любую нечисть. Со всех небесных платформ на врага обрушивались потоки света, достававшие рогатых тварей на поистине невиданном расстоянии. Соборные клерики, придя в экстаз, затянули какой-то боевой гимн, под ритм которого выдавали в демонов залп за залпом. Весь Южный фронт превратился в нечто невообразимое, сыпавшее заклинаниями и снарядами, рубившее демонов в капусту, сжигавшее их на месте и стиравшее в порошок. Угроза прорыва врага не только миновала — теперь сам враг срочно перестраивался, чтобы не допустить стремительного и непоправимого разгрома. Перестраивался в тылах, поскольку на переднем крае перегруппировывать было уже нечего.

Отдельного упоминания заслуживал кавалерийский корпус дю Бренталя. В соответствии с изначальным замыслом, он проносился неудержимой лавиной, двигаясь по невообразимой траектории. Прежде никто из всадников не понимал в чем смысл таких перемещений. На штабной карте они выглядели, мягко говоря, нелогично, а заодно и чрезвычайно опасно. Однако солдаты, следуя приказу своего командира, попросту доверились великой императрице. И уже в бою убедились насколько точно та рассчитала их ударную мощь, а заодно и свою. Перемещаясь вдоль сдвигавшейся линии фронта, Принцесса Крови периодически оказывалась неподалеку от тяжелой кавалерии, продолжая овевать ее жизненной энергией. Всадники и кони прямо-таки подсвечивались алым. Налитые чудотворным светом, они даже ненадолго обрели собственную регенерацию, устранявшую умеренные повреждения. Лошади неслись с головокружительной скоростью, а воины рубили врага так, что их контуры аж смазывались, напоминая быстро вращающиеся крылья мельницы. Заклинательницам, сопровождавшим кавалерию, также доставалась чрезмерная доза излучения Рубистеллы, что напрямую выражалось в качественных свой-

ствах подразделения. Они выкладывались на полную, благо что Принцесса Крови наделяла их для этого всем необходимым, и выкладывались так, как никогда в жизни. Дю Бренталю казалось, что он летит над землей, проносящейся в дыму и пламени где-то под копытами коня. И среди всех этих стихийных взрывов, среди ледяных торосов и заснеженных сугробов он устилал вокруг себя землю изрубленными телами врагов. Во главе своих людей он вихрем врезался в толпы демонов, расшвыривая как кегли даже Опустошителей. Вражеская плоть ломтями сыпалась на землю, зияющие ямы заполнялись поверженной нечистью. Тяжелая кавалерия и прежде была головной болью для рогатых тварей, а теперь она превратилась в карающую булаву, громящую все на своем пути вне зависимости от плотности и численности противника. Видя вокруг себя алое свечение, ощущая, как в жилах закипает кровь, а доспехи и оружие аж гудят от переполнявшей их мощи, герцог смело направлял всадников в гущу исполинских демонов и врезался в них как таран в стог сена. Те чудовища, кого не рассекали на ходу, попросту разлетались в стороны, а кому везло свалиться обратно на всадников падали словно на тысячи ножей бешено крутящейся мясорубки. И вот уже при виде несущейся бронированной лавины рогатые твари стали разбегаться кто куда, стараясь не попадаться под мечи и копыта. Хаос, вносимый кавалерийским корпусом дю Бренталя в ряды врага, увеличился многократно. А на маркиза и его людей все лилось и лилось алое сияние, овеивая теплыми, могучими рукавами восхитительной жизненной энергии. Энергии, делавшей коня поистине сказочным существом, а его наездника сверхчеловеком.

Никто точно не считал сколько продолжалось побоище. До самого конца императрица в нем не участвовала. У нее попросту не хватило на это сил. Она отдала себя войскам практически до капли, после чего перенеслась в шатер командования Южным фронтом, расположенным на одной из воздушных платформ. Там ей уже не салютовали — ей скорее поклонялись. На глазах людей, даже более-менее привыкших к сверхъестественным возможностям Рубистеллы, происходило нечто прежде невиданное. И неслыханное.

— Враг бежит, ваше величество! — сообщил ад-Сейдин, приложив руку к груди. — Вся линия соприкосновения быстро сдвигается на север.

Он позволил себе склонить голову не столь надолго, как все остальные, но в его глазах, обращенных на императрицу, читалось глубочайшее уважение, смешанное с благоговением. Могущественный хан, едва не покоривший всю Гелиондару, был готов вы-

полнить любой приказ этой мифической полубогини.
— Проследите, чтобы наши войска не теряли голову. Отступление демонов может быть уловкой — вам известно, что обычно они просто так позиции не сдают. В случае развития успеха солдаты выходят на самый дальний рубеж из всех запланированных и закрепляются на нем. Дальше — ни шагу! — велела Илиана, стараясь, чтобы ее голос звучал твердо, а сама она выглядела уверенно.
Девушка едва держалась на ногах, и теперь откровенно начала побаиваться, что грохнется на пол, прежде чем покинет шатер как полагается.
— Все ваши приказы исполняются в точности, ваше величество! — отчеканил хан, и присутствующие выразили полнейшее согласие соответствующими репликами.
— Отлично! В таком случае я удаляюсь! — кивнула императрица. — Мое участие в сражении закончено. Теперь армия должна справиться и без меня. Да, отдельно проследите за дю Бренталем. Его кавалерийский корпус не должен переходить обозначенные рубежи, что бы не случилось! Боевой раж, в который пришли всадники, меня несколько беспокоит.
— Разумеется, ваше величество! Я пригляжу за этим лично! — кивнул ад-Сейдин, и сам заинтересованный в сохранении будущего зятя.
Кажется, Илиана хотела добавить что-то еще, но будто не успела. Хан и все находившиеся в командном шатре ловили каждое ее слово, но больше никаких высказываний не последовало. Императрица исчезла вместе с феей и сопровождавшим ее воином. Никто уже не видел, что появилась она в своих личных покоях дворца в Тал-Амине. Появилась прямо над кроватью, куда и рухнула практически плашмя, засыпая быстрее, чем успевала это осознать.
— Спит, — констатировал Ульмаарандор, даже не удосужившись дотронуться до девушки. — Выложилась до последней капли.
Чтобы делать такие выводы ему физический контакт с внучкой не требовался.
— Что это вообще было? — спросила Дин'Юлемиона, поправляя под воспитанницей подушки и заботливо накидывая на нее легкое одеяло.
— Всплеск растущего могущества. Кажется, вытаскивая Илиану из Последнего Приюта, я слегка перестарался, когда придавал ей жизненных сил. С другой стороны, у меня не было выбора, — пояснил люмеанин. — Теперь Илиана в некоторых возможностях превосходит Повелителя Крови, а кое-каких так он и вовсе не имел.

— Это я и хотела сказать. Прежде я наблюдала такое только у ее отца. Когда он лично возглавлял войска и едва не погиб от руки Неомольфа, — сообщила фея. — Но я не ожидала увидеть нечто подобное от Или. Во всяком случае, так скоро.
— Ее сила продолжает расти. Я лишь ускорил этот процесс, так или иначе. Ускорил ли я его там, в Последнем Приюте, либо же это произошло когда Илиана осознала кто она — точно не знаю. В ней пробудилась сущность первозданного света, доставшаяся в наследство сама знаешь от кого. Теперь, глядя на меня, она видит не простого воина, а люмеанина в образе воина, а ведь даже у тебя так не получается, — как бы размышляя вслух, неторопливо произнес Ульмаарандор. — При этом сущность первозданного света смешана в ней с человеческой природой, но не простой, а Повелителей Крови. Поистине гремучая смесь, если учесть, что она так же обладает непредсказуемой властью и над плотью демонов.
— Что теперь? — обдумав его слова, осведомилась Дин'Юлемиона.
— Вон у нее спроси, когда проснется. Я вообще не собирался делать больше того, что уже делал, а и глазом не успел моргнуть, как эта расчетливая девчонка взяла меня в оборот! — сердито ответил высший люмеанин, кивнув на спящую девушку.
Фея звонко рассмеялась, не боясь разбудить воспитанницу. Ту сейчас и из пушки не разбудишь, даже если даст полный залп целая небесная крепость.
— Если ты про мгновенные перемещения человеческих тел — кстати, делаю реверанс и склоняю голову! — то она, признай, все-таки хорошо их обосновала. Да, это несколько выходит за рамки тобой желаемого, но не так уж критично. Все-таки воюет она сама, как и ее армия, а мы лишь облегчаем им задачу — и не более. Мы с тобой, как и прежде, заботимся в основном об Илиане, — лукаво заметила Дина. — А вообще я даже горда, что моей девочке удалось тебя уболтать. Смышленая она у меня выросла. Поэтому не делай такой кислый вид — ты почти не вмешивался.
— Ага, как же, — проворчал Ульмаарандор. — Думаешь, те три огненных метеора сами собой развеялись?
— Какие три метеора?! — озадаченно спросила Дин'Юлемиона.
— Такие! — фыркнул люмеанин. — В тылу у векстров был Разлом. Предполагаю, что они прилетели оттуда. И это очень плохо, если векстры начнут обстреливать людей издали таким вот прицельным образом. Я не стал выяснять что произойдет, когда метеоры врежутся в крепость, где была Илиана. Равно как и выдержат ли твои способности. На всякий случай я эти метеоры уничтожил, вызвав интенсивные вспышки света. По ходу боя этого никто даже не заметил, поскольку вокруг непрерывно что-то рвалось и

сверкало. Видимо, даже ты.
— Я была занята ближней перспективой! — враз озаботилась фея. — За помощь спасибо, но ты прав — выглядит тревожно!
— Поживем — увидим, — флегматично отозвался Ульм в своей привычной манере. — Только у меня к тебе просьба. Поговори с Илианой, чтобы она не наседала на новоявленного деда. Мне очень непросто ей отказать, а ввязываться в эту войну я тоже не горю желанием. У каждого из нас свой путь и свои задачи. Если уж я решил быть телохранителем Илианы, это все же не означает, что я стану ее придворным чародеем.
— Признаться, я вообще удивлена твоему появлению дальше некуда. Хотя, конечно, это многое объясняет, — тихо сказала фея. — Правда, зато мне представилась редчайшая возможность свести дружбу с одним из высших люмеан. Прежде я бы и не решилась к тебе подойти по какому-нибудь вопросу. Вы же обычно заняты какими-то заботами вселенского масштаба, — задорно добавила она, закружив вокруг воина Света и осыпая его золотистыми искорками.
Да, воина Света, которым он однажды так назвал себя Илиане и которым оказался на самом деле.

Проснувшись, императрица сразу же осведомилась о положении на Южном фронте. Она проспала двое суток и откровенно опасалась дурных вестей. Таковых не последовало. Кажется, демоны всерьез призадумались о причинах новоявленных возможностей Принцессы Крови. Потерпев сокрушительное поражение на юге, они продолжали отступать, стягивая силы к крупным Разломам. Рогатые чудовища оставили почти весь регион, однако войска, получив твердый приказ императрицы, закрепились на дальних рубежах, не сделав за них ни единого шагу. Воздушных звеньев заклинательниц само собой это не касалось. Они активно патрулировали оставленную врагом область, уничтожая мелкие группировки и периодически атакуя периметр крупных. Демоны особо не огрызались, словно избегали боя. Казалось, ничего странного в их поведении нет. Столкнувшись с натиском имперских войск, непредвиденно усиленных перемещавшейся в пространстве Принцессой Крови, они анализировали ситуацию, стараясь правильно ее оценить. Вот только происходило это по всей линии соприкосновения. Рогатые твари отступали по всем фронтам, покидая захваченные территории и стягиваясь к опорным Разломам. А вот на сей счет приказов от императрицы не было. Командующие фронтами слали запросы в Тал-Амин, но Илиана спала, а Талара проявила осторожность. Она велела армиям стоять там, где те и стояли, пока ведьмы с чародейками бдительно изучают с воз-

духа перемещение демонов. Илиана, придя в себя, одобрила решение вице-королевы. Ведь изначально идея заключалась лишь в том, чтобы устроить врагу небольшое представление и заставить его хорошенько призадуматься о планах и возможностях Принцессы Крови. А та несколько переоценила свои силы. Их хватило довести замысел до конца, но она едва успела покинуть поле боя. Демоны же этого не знали. Не знали, что императрица выжала себя до последней капли и на двое суток выбыла из игры. Именно поэтому они могли нанести какой-нибудь непредвиденный удар на другом фронте. Например, досрочно призвать архидемона и посмотреть что из этого выйдет. К счастью, представление явно удалось. Арферон, сообразив, каким именно образом Принцесса Крови обрела способность мгновенно перемещаться, не стал рисковать пламенеющими легионами, выясняя, чего еще сделает архангел. Он объявил всеобщее отступление, чтобы выиграть время и составить новый план, учитывающий изменившиеся реалии. А реалии, если вдуматься, изменились-то не сильно. Успех на Южном фронте без сомнения впечатлял, но одними лишь стараниями Принцессы Крови войну не выиграешь. Вторжение по-прежнему требовалось остановить в самой своей основе, поэтому Илиане как можно быстрее следовало вернуться в край вечного огня. Но не затем, зачем мог подумать Арферон. И лучше бы это подольше доходило до властелина преисподней.

– 11 –

Теперь Илиана знала, как некогда выглядели Серые горы и вообще все то, что называлось Мертвый Конец. Когда-то здесь расстилались густые леса и пышные поля Асталийской провинции. На месте бездонных ущелий текли полноводные реки, а нагромождения скал торчали из ушедших в прошлое глубоких чистых озер. Зеленые луга шелестели сочными травами там, где ныне возвышались мрачные пики. И эти же пики погребли под собой города и селения высокоразвитой цивилизации, не оставив от них даже воспоминания. Глядя на унылый горный хребет трудно было представить, что тут кипела жизнь. По мощеным дорогам круглосуточно перемещались всадники и повозки, пахари возделывали пашни, а в лесах водилось столько дичи, что ее хватило бы на всю Ардарианскую империю. Водные просторы бороздили суда, а населенные пункты удивляли красотой и архитектурным исполнением. Теперь здесь кипела только лава, стекавшая по дымящимся склонам и булькавшая промеж потрескавшихся от жара камней. В небе больше не реяли птицы и сказочные существа. Вместо них

там кружила копоть, поднимавшаяся с пламенеющих вершин, да серый пепел, порожденный враждебным миром. Воздух, некогда такой упоительно свежий, отравили ядовитые пары, сочившиеся из каждой трещины. Рай на земле превратился в настоящий ад, истекавший из жерл извергавшихся вулканов. Особенного самого первого и самого главного, образовавшегося на месте великого и гордого Руандаля. Недаром Асталийской провинцией заправлял последний Повелитель Крови, если не считать венценосной четы из Сангвитории. Эта провинция была подлинной жемчужиной Ардарианской империи, уступая лишь вотчине самого императора. И ее богатство заключалось даже не в золоте и драгоценных каменьях, не в домах, набитых достижениями цивилизации, и не в башнях, до отказа наполненных колдовскими премудростями. Оно заключалось в самой земле, плодоносной и цветущей, способной породить практически любую жизнь, лишь бы падал на нее благодатный свет. Но однажды вместо света пришел огонь. Пришел и разверз филиал ада. Синее небо застлали тяжелые свинцовые тучи. Серый пепел засыпал безразличный ко всему базальт, а вокруг распространился резкий запах химии. Пепел убил все живое. Все, что не убили огонь и высокие температуры, не растоптали и не уничтожили рогатые чудовища, явившиеся прямиком из преисподней. Солнце больше не озаряло эти прекрасные края. Вместо него они освещались багровыми отблесками пламенеющих круч.

Илиану опять охватило чувство двойственности, испытанное ей в Последнем Приюте. В своей нынешней ипостаси она никогда не была в Асталийской провинции, но теперь, глядя на окружающий пейзаж, видела одновременно и нынешние горы и все, на месте чего они образовались. Чужая память, поведавшая дочери императора печаль минувших дней, читалась в сознании ничуть не хуже собственной. Вон там стоял величественный храм, увитый изумительной зеленью, а вон там был гигантский транспортный узел, куда причаливали корабли и воздушные платформы. И высокая инородная гора погребла чудесное поселение, состоявшее из живых, разросшихся по каркасу деревьев. Лиственные исполины, тянувшие кроны к синему небу, содержали в себе целый поселок, где полноценно проживали тысячи людей. Проживали в полной гармонии с окружающим миром. Что от него осталось? Только воспоминания в Последнем Приюте. Ну и у тех троих в сегодняшнем отряде, из которых лишь один был человеком, и то наполовину. Очнувшись от раздумий, Илиана бросила взгляд на означенных спутников. Ульм, как всегда, хранил полнейшую невозмутимость, порой становившуюся просто раздражающей. Вряд ли архангела можно было назвать бесчувственным. Скорее, на своем

веку он повидал столько всего, что просто перестал волноваться из-за всякой мелочи. Ведь для того, в чьей власти озарять светом миры и уберегать от столкновения галактики, подобные деяния векстров действительно мелочь. Архангел ценил любую жизнь, но при этом к событиям в массе относился без особого трепета. А вот Дин'Юлемиона откровенно печалилась, глядя на преображенные сады и рощи. Как дочь света, она была ближе ко всему растительному и цветущему, поэтому и воспринимала ужасную трансформацию куда ближе к сердцу, чем высший люмеанин. Что же касалось остальных спутников, то их реакция проявлялась по-разному. Чародейки в составе Сирелины, Арадоры, Алеады и Каролайны, в основном разделяли грусть феи. Ведьмы же испытывали чисто научный интерес, относясь к окружающему гораздо практичнее. Как ни странно, именно им, считавшимся носительницами темных искусств, лучше удавалось возвращать отравленным землям их первозданный вид. Дар ведьм шел от окружающей природы, и по-своему они обращались с ней значительно эффективнее чародеек — потомков дочерей света. Ведь кто как не адепт темных искусств лучше в них разбирается, а также более умело нивелирует их пагубное действие, обращая процесс вспять. Обращая, пока это возможно. Озираясь по сторонам, ведьмы не печалились об утрате никогда не виденных ими земель и не ужасались распространению скверны. Они воспринимали ее как вызов. После падения Ардарианской империи никому так и не удалось сокрушить Серые горы. А они попробуют. У них есть Рубистелла — могущественная императрица и Принцесса Крови, развивающая способности людей на запредельные высоты. И с древними знаниями Фортумагума нынешние ведьмы эти горы своротят, в прямом и переносном смысле слова.

Реакция у Бэйла была попроще. Он хмуро оглядывался, выискивая опасность, хотя нутром понимал, что толку от него около нуля. Пока императрицу защищают фея и архангел, прочие спутники, посвященные в тайну Ульма, здесь постольку поскольку. Вероятно, это понимали и заклинатели стихий, о чем-то шептавшиеся с послушницами. Флея, Лада и Ашира по особому настоянию императрицы присоединились к сегодняшнему походу. Из девушек, долгое время черпавших энергию Принцессы Крови, быстро росли могущественные чародейки, поэтому та и брала их в разные экспедиции, исключая, разве что, преисподнюю. Это же относилось и к ведьмам, представленным Уной и Жозефиной. Илиана не окружала себя исключительно любимчиками — для этого она была слишком практична. Просто те, кто дольше всего жил подле нее и испытывал на себе всю глубину ее чувств автоматически входил в

число самых одаренных людей на свете. Исключение составляла разве что Талара. Вот она, как лучшая подруга Илианы, действительно была ее любимицей, но именно поэтому императрица все эти годы растила себе достойную помощницу. И вырастила. И та сейчас стояла рядом, обуреваемая множеством эмоций. Ведь было от чего. Отряд обосновался на вершине одной из гор, откуда можно было разглядеть огонь извергавшихся у горизонта вулканов.

Демоны уже не нападали. Их первая реакция выглядела вполне естественно. Завидев обнаглевших людишек, они ринулись к ним со всех сторон и тут же стали исчезать в волнах ослепительного света. Ульмаарандор тут был не при чем. Старались чародейки, а на ближних подступах потрудилась и фея, отплачивая ненавистным векстрам за уничтоженные цветы и деревья. Когда громадные стаи лапургов осыпались в прах, а несколько тысяч демонов отправились обратно в преисподнюю, враг применил средство посерьезнее. Из свинцовых туч вынырнуло сразу пять Кошмаров, а в гору двинулись соединения Опустошителей вкупе с Собирателями. Ничем хорошим для демонов это не кончилось. Двух громадных летучих чудовищ уничтожили чародейки, дав по ним жгучие залпы. Змееподобные твари рухнули на камни грудой дымящейся плоти. Трех других испепелила Дин'Юлемиона. Здесь была не преисподняя, и ей не противостоял архидемон, зато рядом стояла Принцесса Крови, овевавшая ее первозданным светом. В памяти феи хорошо сохранилось видение пылающих рощ, подожженных реющими в небе Кошмарами. Три яростных вспышки одновременно ударили в снижавшихся демонов, и в какой-то миг от них осталась лишь горстка пепла. Световая волна, исторгнутая маскировавшимся под женщину существом, обратила в прах всех подступавших рогатых тварей. Вспышки и волна несколько отличались от тех, что испускали чародейки. В них отчетливо проглядывали очертания цветов и животных, пенящиеся гребни озерных просторов и колышущиеся травы. Семиалостапилона воплощала жизнь, но для обитателей преисподней она несла погибель. Тут-то до демонов и дошло, что дело неладно. Откуда-то из вышины выпорхнула группа Гангронов. Фея, войдя в раж, поднатужилась и отправила одного из них прямой дорогой в преисподнюю. Того, что имел неосторожность очутиться слишком близко от людей. Остальные живо отлетели подальше и издали протяжные трубные звуки. Демоны немедленно отступили, окружив гору, но не делая вверх по ее склону ни шагу. Летучие твари так же мельтешили поодаль, не осмеливаясь приближаться. Гангроны, действительно появившиеся с очередной фазой вторжения, сообразили кто пожаловал в Серые горы, признав Принцессу Крови и ее спутников.

В особенности фею и высшего люмеанина. Соваться к этой компании было равносильно массовому самоубийству. С другой стороны, сама компания ни на кого первой не нападала, словно изучая обстановку. Гангроны приняли единственно верное в такой ситуации решение — прекратив бессмысленную атаку, они сами стали изучать опасную троицу. Перебить все пламенеющие легионы у визитеров все равно не получится, равно как и закрыть пылающие кратеры Разломов. Так с чего бы пламенеющим легионам лезть на них в лоб и бесполезно выбывать из строя? Гораздо важнее выяснить, зачем сюда явилась императрица и ее светоносные сопровождающие. А для этого, пока они наблюдают за окрестностями, следует наблюдать за ними.

— Как думаешь, долго они будут там топтаться? — осведомилась Талара, кивнув на подножье горы, где численность демонов продолжала расти.

— Чем дольше, тем лучше, — отозвалась императрица. — Глядишь, додумаются пригласить тяжелую артиллерию. Этого и ждем. А заодно осматриваемся, чтобы рассказать нашим как тут обстоят дела. Патрули-то к эпицентру вторжения уже давно не залетают.

— А если не пригласят? — озаботилась вице-королева.

— Тогда мы их вынудим. Наших намерений они не знают. Так пусть и вообразят что-нибудь совсем отличное от того, что мы задумали, — усмехнулась Илиана.

— Это каким же образом? — живо навострила уши Талара, почуяв очередную авантюру, до которых у нее была неистребимая охота.

— Скоро сама увидишь, — улыбнулась императрица, почувствовав резкое изменение в эмоциональном фоне подруги.

Она вообще держала под контролем всю ситуацию. Помимо прочего, люди не могли долго дышать настолько отравленным воздухом. Скверны здесь было куда меньше, чем в преисподней, зато и яд поражал биологические тела, продолжавшие жить обычной жизнью. Вблизи от Руандаля концентрацию отравы не выдерживала даже защита чародеек. Принцесса Крови полностью нивелировала в спутниках пагубные эффекты, не позволяя поражать ни ткани, ни разум.

— А нас-то ты зачем позвала? — подал голос Бэйл. — Вам троим, по идее, больше никто не нужен.

— Вот и демоны думают точно так же, отчего и ломают сейчас голову что я замышляю, — терпеливо объяснила Илиана. Она не боялась быть подслушанной — фея окружила группу непроницаемым для речи барьером, в том числе искажавшим движения губ. — Но для нас самих, между прочим, ничего не изменилось. Как сказал Ульм — это наш мир, нам своей судьбой и управлять. В том числе

и тебе. Так что гляди в оба, чтобы однажды не прозевать опасность для Сирелины. Ведьмы с чародейками вон не теряют ни единой секунды — на пяток томов уже заметок сделали.
— А что если мы спустимся вниз и пойдем прямо в толпу демонов? — вступил в разговор Алдар, безмерно гордый от выпавшей ему чести сопровождать Илиану в такой невероятной вылазке.
— Полагаю, они расступятся и дадут нам дорогу, — ответила за воспитанницу Дин'Юлемиона. — Условной смертью их особо не напугаешь, но и просто так выбывать из строя векстры не хотят. Оттого и перестали штурмовать гору, не видя в этом ни малейшего смысла.
— Жаль. Я бы снесла парочку голов, — воинственно сообщила Талара, явно не удовлетворенная одним-единственным Многоликим. Впрочем, ей было чем гордиться, ибо из ныне живущих никто кроме нее этого демона еще не сражал.
— Не исключено, что тебе представится такая возможность, — заметила Илиана.
И больше не добавила ни слова, как изумленная подруга не допытывалась что сие означает.

В какой-то момент Ульм что-то почувствовал. Что-то мимолетное и очень специфическое, ибо оно укрылось даже от феи. О своем наблюдении люмеанин сообщил императрице. А поскольку ощущение не повторялось, у него возникли подозрения, что расшевелить векстров не удастся. Если отряд ничего не сделает, те так и станут торчать вокруг горы, не двигаясь ни туда, ни сюда. Илиана считала точно так же. Демоны, когда надо — ребята расторопные. Если за битый час, что люди обосновались на вершине, они так ничего и не предприняли, то уже и не предпримут. Стало быть, следует придать им энтузиазма.
— Отправляемся в точку R, — заявила императрица подчеркнуто командным тоном.
В ответ донеслось тихое ворчание Ульма. По его мнению, такие выходки были по отношению к нему откровенным нахальством. Ведь внучка ни за что бы не сунулась туда, куда намеревалась, не знай она заранее, что могущественный родственник защитит ее от любой угрозы. Может, преподать ей наглядный урок, чтобы эта девчонка губу-то особо не раскатывала? Но подобные демонстративные выходки не в обычаях люмеан. Кроме того, Ульмаарандор достаточно привязался к своему получеловеческому отпрыску, чтобы тот возымел над ним некоторое влияние из-за этой маленькой слабости. Да и любая намеренно допущенная ситуация могла обернуться очень плачевно, ибо векстры вряд ли упустят подходящий случай добраться до Принцессы Крови. А добраться, опло-

шай Ульм хоть на мгновение, они смогут еще как, ибо точка R означала Руандаль.

Первые секунды все замерли в ужасе, очутившись на краю извергавшегося вулкана. Все, включая Дин'Юлемиону и за исключением все того же Ульма. Вокруг, переливаясь через изломанные зубья кратера, бурлил жидкий огонь. Он был повсюду, выплескиваясь из недр исполинского Разлома. Люди очутились на одном из больших выступов, возвышавшихся над общим уровнем пламени, а вокруг них клокотал настоящий ад. Исторгнутый из вулкана, огонь преисподней постепенно обретал внятную форму, превращаясь в обыкновенную лаву, сползавшую по склонам. Лаву, отравленную запредельным уровнем скверны и прочими прелестями чужеродного мира. Внутри же кратера кипело озеро пламени, возникшее на месте некогда величественного и прекрасного города. И из этого пламени постоянно вылезали полчища демонов. Жар стоял ужасающий, но защита созданий света исправно удерживала любой урон, позволяя находиться практически в эпицентре извержения. Рогатым же тварям, порожденным океаном вечного огня, он был нипочем. И они находились повсюду. Над головой темнело не только от сизых туч и вздымавшейся копоти, но и от стай лапургов, исчислявшихся миллионами. И там, среди них, кружили Кошмары и Гангроны. Вокруг же, либо расположившись на соседних выступах, либо ступая по стекавшему жидкому пламени, неторопливо перемещались орды исчадий преисподней. Большие и малые, спокойные и свирепые, младшие и старшие. При появлении людей они сначала оторопели, и пока незваные гости таращились на огненную вакханалию и полчища врага, тот точно так же округлял глаза на них. Затем те и другие пришли в себя. Что тут началось… На скалу, где кучкой теснились люди, обрушились потоки пламени и раскаленной лавы. Воздух ревел от звуков, издаваемых и глотками демонов, и тем, что они воплощали своим экспфернумом. Огненные мечи и копья, пылающие сферы и целые столбы, горячий град и метеоритный дождь — скалу прямо-таки накрыл чудовищный шквал, скрывший ее под собой. Ничто живое было не в состоянии выдержать подобный натиск, поэтому демоны, несколько угомонившись, ждали когда спадет огненная завеса и стечет взбудораженная магма. И когда это произошло, их глазам представились все те же люди, стоявшие там, где и стояли. Вид у большинства из них был на грани обморока, но что в том толку, если они уцелели в таком немыслимом пекле? Демоны взревели с новой силой, но они уже догадались кто пожаловал к ним в гости. К скале приблизилось несколько Молотов и попробовало сокрушить наглецов ударами. Безрезультатно. Кулаки, способные раз-

бить огромный замок, натыкались на невидимую преграду, отсвечивавшую ненавистным светом. Рогатая нечисть поднатужилась, испустив все, что умела, но вновь без малейшего эффекта. Атаки не достигли цели, а люди словно бы и не реагировали, не иначе как издеваясь над хозяевами преисподней. На самом деле большинство из них просто боялось пошевелиться, но враги этого не знали и бесновались пуще прежнего. Скалу под ногами незваных гостей они рушить не хотели, чтобы не ломать собственный вулкан ключевого Разлома. К тому же, если те уже выдержали столь ужасающий обстрел, в этом не было никакого смысла. Следовало придумать что-нибудь другое, чтобы достать наглецов. И оно не заставило себя ждать. Из кратера, всегда интенсивно обстреливавшего любых чужаков, взвились метеоры. Прочертив почти вертикальную траекторию высоко вверх, они чуть сместились и понеслись обратно точно в направлении целевой скалы. И грянулись об нее со всего маху, исторгнув концентрированный экспфернум. Взрыв был настолько ужасающим, что заглушил собой и рев демонов, и извержение самого вулкана. До сих пор эти метеоры поражали любую цель, и некогда пробили защиту даже небесных крепостей Ардарианской империи, считавшихся неуязвимыми. Сладили бы они с Колоссами или нет — осталось загадкой истории, но до сих пор никто и ничто не могло противостоять плотно сжатой энергии преисподней. Однако пламя опало, разлетевшись раскаленными клочьями, улеглись колдовские вихри, а незваные гости по-прежнему торчали посреди безжизненного камня, только что не дымившегося от высокой температуры. Демонам это очень не понравилось. Враг находился в самом сердце их вторжения, а у них ничего не получалось с ним поделать. Снова и снова вздымались метеоры, осыпаясь на окаянную скалу, и снова и снова их жуткая мощь не оказывала ни малейшего эффекта.

— Я сейчас умру со страху, — шепнула Сирелина, вцепившись пальцами в руку Илианы.

— Мне, знаешь ли, тоже не по себе, — также тихо сказала фея. — Одной меня бы не хватило так долго выдерживать столь кошмарный натиск. Собственно, я бы никогда сюда Илю и не потащила, а она и сама бы не полезла. Глядите в оба! Глядите и запоминайте! Сегодняшний случай из ряда вон. Векстры не скоро его забудут, если вообще забудут.

Люди сбились вплотную друг к другу не только потому, что так детям света становилось удобнее их защищать. Им было очень не по себе, если не сказать страшно. Когда скалу накрыл шквал огня, они фактически оказались под его плотным колпаком, словно их опустили в некоем пузыре на дно извергающегося вулкана. Тут у

кого хочешь нервы не выдержат. Спокоен был только Ульмаарандор. Убийственно спокоен. Взяв на себя оберегающие барьеры, он ловил малейшее изменение в пространстве, отслеживая поведение векстров. А те вроде бы угомонились, соображая что к чему. Принцесса Крови с феей и архангелом их не трогали, но и сами оставались неуязвимы. Неуязвимы со всеми этими людишками, которых они зачем-то прихватили с собой. И вот хорошо бы, помимо прочего, знать зачем.

— Мне, кстати, тоже не по себе, — сообщил Ульм. — Моя защита распространялась только на Илиану. Это была ее идея перенестись сюда, и она умудрилась убедить меня в ее целесообразности. Я до последнего надеялся, что до Руандаля не дойдет, но тщетно. Теперь я прикрываю всех вас, ибо не могу никого бросить на растерзание огню только потому, что мой отпрыск намеренно создал подобную ситуацию. Надеюсь, план Илианы сработает, иначе впредь я не стану потакать ее капризам.

— О, еще как сработает! — со стальной интонацией заявила императрица. — Не трогайте того, кто сейчас подойдет. Не трогайте ни в коем случае, если не хотите все испортить! Это касается всех!

Спутники невольно переглянулись, пытаясь сообразить о чем толкует их предводительница.

— Приказываю подойти ко мне! Немедленно! — вдруг изрекла та жестким властным голосом.

Благодаря устройству, позаимствованному у Эбби, эхо ее слов было слышно далеко вокруг, будто раскаты орудийного грома. Никто не понял к чему раздались эти слова, как вдруг один из Опустошителей, маячивших в относительной близости от скалы, мерно двинулся вперед. Демоны по соседству недоуменно таращились на собрата, соображая, куда и зачем его понесло. А тот шел и шел, пока не достиг того возвышения, где стояли люди, и где вперед выступила Илиана.

— Преклони колено перед Принцессой Крови! — велела та очутившемуся напротив демону. — Признай мою власть и мое могущество!

И на глазах ошеломленных свидетелей по обе непримиримые стороны могучий Опустошитель стал на колено, будто вассал склонялся перед сувереном. Демоны оторопели, если не сказать больше. По их бесчисленным рядам пробежал приглушенный гул. Люди не понимали их речь, исключая созданий света и императрицу, но и без того было ясно, что рогатые чудовища пребывают в глубоком ошеломлении.

— Я не сплю? — тихо выдавила Дин'Юлемиона. — Ущипните меня кто-нибудь.

— Это в самом деле происходит? — разинула рот Уна.
— Векстр с ней явно не в сговоре, если вы об этом. И его сородичи это прекрасно понимают, — изрек Ульмаарандор, впечатленный едва ли меньше других.
— Встань, мой слуга! Встань и обернись против своих прежних соратников! — воззвала императрица, повелительно протянув длань.
Опустошитель поднялся, сделал оборот через плечо и грузно двинулся от скалы прямиком к толпившимся демонам. Долго идти ему не пришлось. Полыхнул огненный меч. Еще несколько шагов — и с хрустом разлетелись в стороны бесы, подвернувшиеся под копыта взбесившегося Опустошителя, а его пылающий клинок скрестился с клинками собратьев. Демоны вновь взревели от недоумения и ярости одновременно. Происходило нечто поистине немыслимое. Все ближайшие ряды накинулись на изменника, силясь разорвать его в клочья. Быстрее всех среагировал один из Гангронов. Метнувшись к земле, он подхватил Опустошителя, взмыл с ним в воздух и сбросил брыкавшегося демона в жерло вулкана. Короткая яростная вспышка — и пламя преисподней сожгло предавшую его плоть.
— Ничего, это был лишь второй мой слуга! Вас еще миллиарды миллиардов! У вас еще будет время склониться перед своей владычицей! — все также громогласно изрекла Илиана. — Ну, кто из вас хочет быть следующим?!
Ей изначально не требовалось приказывать демону вслух. Свою речь она усиливала намеренно, создавая необходимый театральный эффект. И этот эффект превзошел все ожидания. Демоны вконец рассвирепели и растерялись одновременно, плохо понимая как им вообще следует реагировать. Склоны вулкана содрогнулись. Они и без того постоянно дрожали ввиду не прекращавшегося извержения и сходивших пламенеющих легионов, но на сей раз это было нечто другое. Даже люди каким-то чутьем ощутили, что из глубины Разлома лезет нечто поистине огромное. Гул и дрожь становились все ближе, и вдруг поверхностью кипевшего озера пламени взметнулись невероятно длинные и плотные огненные языки. Затем еще и еще, и вот над краем жерла показалась исполинская голова, чьи горящие провалы глаз были подобны домнам. Она поднималась все выше и выше, вздымаясь над широченными плечами, откуда вились сотканные из огня руки, увенчанные множественными хлыстами. Корпус чудовища будто вырастал из клокотавшего жерла, являя миру его ужасающую мощь.
— Деаморх, — холодно констатировал Ульм, окинув прищуренным взором исполинского демона. — Что ж, Иля, поздравляю, ты дож-

далась тяжелой артиллерии.

Нельзя было утверждать наверняка, явилась ли громадина непосредственно сейчас, призванная вмешаться в происходящее, либо уже скрывалась в глубинах вулкана, дожидаясь своего часа. Как бы там ни было, глазам небольшого отряда действительно предстал Деаморх — бич множества миров, столкнувшихся с векстрами. Даже армия Властелина Крови с трудом противостояла этим кошмарным демонам, при их появлении каждый раз неся заметные потери. Нынешним имперским войскам отражать натиск исполина до сих пор было особо нечем. К нападению Деаморха готовились заранее, но выступи он на передовую прямо сейчас — и последствия станут непредсказуемыми. Люди на скале, успевшие немного попривыкнуть к окружающим реалиям, оцепенели. Отнюдь не все из них путешествовали в преисподнюю, а те, кто там побывал, видели чудовище только издали. Даже архидемон Ноктикорум производил не столь устрашающее впечатление.

Поднявшись в половину роста, Деаморх издал низкий протяжный звук, продолжая пожирать глазами скалу с Принцессой Крови и ее спутниками. Глазами, состоявшими из чистого оранжевого пламени. Фея уже объясняла отчего демоны вторжения существенно меньше в размерах от своих истинных габаритов, но и то, что восстало из Разлома, поражало воображение. Молот в сравнении с Деаморхом выглядел ребенком, а про Опустошителей не шло и речи. Молот смахивал на собор. Деаморху они едва ли доходили до колена. Расправив плечи, чудовище гулко рыкнуло, угрожающе взмахнув хлыстами. Оно еще не нападало. Вероятно, оценивало ситуацию. А та была очень и очень неоднозначной. Если высший люмеанин отразил нападение самого Ноктикорума, да еще в преисподней, Деаморху, конечно, тягаться с ним бесполезно. Но именно с ним. Вопрос заключался в том, что именно люмеанин предпримет, а также насколько эффективной окажется его защита на людях. В отличие от других векстров, Деаморхи обладали своей особенностью — они не столько разрушали грубой силой, сколько рассекали саму материю и колдовские связи. Оттого-то их руки и выглядели огненными хлыстами, предназначенными расщеплять структуру вещества, а не бить. Оттого-то стандартные небесные крепости и не выдерживали, когда их стегало такое вот гороподобное чудовище. Все же небольшие объекты и вовсе рассыпались на атомы. Взмах огненной плети — и полка Нируангмов как не бывало.

Императрица храбрилась, чувствуя небывалый подъем. Все то время, что люди подвергались атакам, она внимательно прощупывала векстров, сознавая всплеск собственных возможностей. А

они продвинулись далеко вперед с тех пор, как она сперва захватила беса, а затем побывала в Последнем Приюте и преисподней. На предыдущей горе Илиана явственно ощутила, что теперь ей вполне по силам попробовать себя на ком-то кроме Пожирателей. Решив переместиться к Руандалю, она, помимо прочего, рассчитывала нащупать подходящую цель и устроить представление. И это у нее действительно вышло, однако теперь, глядя на исполинского демона, императрица подумала, не слишком ли далеко она зашла. Архангел архангелом, а меру тоже нужно знать. Мысль была мимолетна, и Илиана отбросила ее как слабовольную. Она перестала храбриться и ощутила полную уверенность. Ее сиреневые глаза, подернувшись алой дымкой, твердо вперились в домны-глазницы Деаморха. А тот уже начинал характерное раскручивание рукой-плетью, готовясь нанести первый удар.

— Иля, ты точно знаешь что делаешь? — тихо спросила фея.

— Сейчас и выясним, — не слишком ободряюще ответил за нее Ульмаарандор.

Похоже, не знали этого и векстры. Они прекратили всякую агрессию и теперь таращились на происходящее, ожидая исхода столкновения исполина с императрицей и ее окружением.

— Не советую! — прогремела Принцесса Крови.

Прогремела на языке векстров. Рука Деаморха едва заметно дрогнула. Ему уже успели сообщить о порабощении Опустошителя. Илиана, хоть и не могла справиться с новоявленным врагом, тем не менее пробивалась в его сущность, улавливая исходивший фон. И в этом фоне, к ее величайшей радости, промелькнули некоторые сомнения. Мимолетные, но все же! Да и сам факт того, что она начинает проникать в эту громаду, императрицу прямо-таки окрылял. Однако следовало ожидать, что Деаморх ее все же не послушает. Исполинская рука ринулась к цели. Огненные хлысты стегнули по скале, полыхнув гудящим пламенем. Храня людей, ярко сверкнула белая сфера, вокруг которой плеснулись и растеклись крупные капли жидкого огня. Капли размером с ведро. Хлысты прошли по скале не причинив никому вреда. Отняв руку, демон изготовился для новой атаки.

— Повторяю — я не советую тебе этого делать! — снова громыхнула императрица.

И вот все те же мимолетные сомнения в сознании чудовища. Его первая попытка не принесла никакого результата, что автоматически снизило его уверенность. Однако Деаморх замахнулся вновь, и вновь огненные плети поразили скалу, шлепнув по ней длинными красно-оранжевыми рукавами. Защитная сфера озарилась еще ярче, а воздух внутри слегка нагрелся, но тут же остыл. В

стороны от непроницаемого барьера разошлись волны вихрящегося пламени. Демон вторично распрямился, изготавливаясь для третьей попытки. Векстры, судя по всему, были готовы проверять детей света на прочность сколько угодно, а вот людям такая идея совсем не нравилась.

— Тот, кто посмеет напасть на меня, будет уничтожаться! Ты испытываешь мое терпение, векстр! — громогласно заявила Илиана.

Ох, как было отрадно улавливать неуверенность, постепенно растущую где-то в душе этого исчадия преисподней! При условии, конечно, если у него вообще была какая-никакая душа. Теперь колебания Деаморха улавливались невооруженным взглядом. К третьей атаке он готовился куда тщательнее. И вот опять взметнулась исполинская плеть, и опять хлестко обрушилась на скалу, только на сей раз она не разошлась в стороны, а охватила светящуюся сферу, оплетя ее словно толстыми канатами. Касаясь светового контура, огонь злобно грохотал как пар, выбрасываемый под напором из широкой трубы. В столкновении демонического пламени с барьером люмеанина искажалась сама реальность, колеблясь будто мираж. Сфера дрожала, как дрожала и объявшая ее стихия. От извивавшихся плетей-канатов расходились огненные выбросы. Казалось, горел сам воздух. Деаморх, опутав непроницаемый щит рукой, изо всех сил тянул его на себя, пытаясь не столько сорвать световой барьер с каменного выступа, сколько сдернуть его из реальности. Атмосфера в точках соприкосновения противоборствующих энергий распадалась на атомы, переходя в состояние плазмы. Вокруг светозарной сферы взвилась огненная буря. Нет, настоящий шквал, охвативший все окружающее пространство. И вот уже над ней вздыбился целый столб раскаленной материи, принадлежащий сразу обоим мирам. Скала, на которой стояли люди, держалась только потому, что ее держали сами демоны. А внутри защитного барьера потихоньку становилось все теплее.

— Иля! Вы все-таки живые люди! Ты хочешь узнать, как долго я могу противостоять натиску ничего не делая? — спокойно осведомился Ульмаарандор.

— Ну так и сделай! — твердо ответила та. — Я не прошу тебя его сражать — просто рубани эти пальчики! Они ведь пытаются сломать защиту, которой ты меня прикрываешь?

Люмеанин нахмурился. Какое-то время он колебался, обдумывая услышанное. Видимо, затея внучки нравилась ему все меньше. Однако же он принял решение. Вытянув из ножен меч, Ульмаарандор обратил сталь в ровный белый свет. И вдруг увеличился в размерах, одновременно становясь бесплотным и расправляя кры-

лья. Короткий замах — и клинок прошел по дуге, рубанув вдоль периметра сферы. В ответ послышался такой рев, что содрогнулись камни. Огненное безумие прекратилось. Несколько отсеченных плетей упали у скалы и яростно горели, обращаясь в ничто. Столб и волны плазмы исчезли, как исчезла и сотканная из света фигура, вернувшая себе облик простого воина. Деаморх отдернул поврежденную руку, разом лишившись половины ее хлыстов. Часть структуры быстро восстановилась, подпитанная энергией преисподней, но прежний вид конечность так и не обрела.

— Я тебя предупреждала! — громыхнула императрица. — Никто, напавший на Принцессу Крови, не останется безнаказанным!

Исполинский демон ревел, раскачиваясь и размахивая плетьми, но о следующей атаке явно не помышлял. Его фон стремительно менялся. Векстрам не ведом страх, но то, что сейчас излучало чудовище, Илиану очень даже устраивало.

— Я читаю тебя! — заявила она во всеуслышание. — Я читаю всех вас! Кто еще ничего не понял — это его проблемы! Я могла бы убить тебя! Могла бы захватить! Но еще слишком рано! Я не хочу лишаться полезного слуги! Один Деаморх стоит целого миллиарда бесов!

В эмоциональном фоне исполинского демона разрасталось смятение. Это же смятение отчетливо исходило и от всех ближайших векстров в поле досягаемости Илианы. Она блефовала, заявляя о захвате и прочих вещах, но враги-то этого не знали. У них на глазах и без того происходило невесть что, поэтому сейчас они способны проглотить практически любую ложь. Пару минут слышалось только бушевание гиганта, осаженного столь решительным и наглядным образом. Остальные векстры едва ли не безмолвствовали. Гангроны, перемещавшиеся в небе, застыли как вкопанные. Это же касалось и Кошмаров, объявившихся вокруг Руандаля десятками тысяч. Продолжали кружить только туповатые лапурги, поскольку они относились не к демонам, а скорее к натасканным псам.

— Чего ты хочешь?! — вдруг прорычал Деаморх, и его голос был подобен раскатам сошедшей с гор лавины.

Он впервые заговорил с людьми, отчего остолбенела даже фея, ибо это что-то да означало.

— Я хочу, чтобы ты поразмыслил над моими словами! Ты и все остальные! — неторопливо выговаривая каждое слово, гремела императрица. — Отныне все будет по-другому! Отныне все будет по-моему! Вы еще этого не поняли! Но поймете! Я дам вам время все обдумать! Я буду становиться все сильнее! И сокрушу всех, кто не подчинится моей воле! Помни — я читаю тебя! Читаю всех вас!

Подумайте об этом!
И протянув руку вперед, она звонко щелкнула пальцами. В то же мгновение группа на скале исчезла.

Трудно было сказать, кто находился под большим впечатлением — векстры или люди. Ульмаарандор, среагировав на заранее условленный жест, перенес всю компанию в Фортумагум. Теперь императрица и ее спутники оказались в защищенном зале, где последние немедленно уставились на девушку с сиреневыми глазами. В их взорах читалось нечто новое. Илиана, оглянувшись, почувствовала откровенный испуг.
— Повелительница преисподней?.. — тихо произнесла Арадора, не сводя взор с Принцессы Крови. — А так ли уж ошибался архангел в своих предположениях?
Поймав на себе обеспокоенный взгляд Дин'Юлемионы, Илиана посмотрела ей прямо в глаза и легонько подмигнула. К счастью, фея правильно поняла эту мимику и тут же расслабилась, ответив воспитаннице облегченной улыбкой.
— Эй, народ, вы себе что вообще вообразили?! — сердито заявила императрица.
Кажется, представление удалось на славу, поскольку в него, похоже, поверила даже ее собственная свита. И поскольку эта свита по-прежнему пребывала в полнейшем душевном смятении, Илиана была вынуждена дать обстоятельные объяснения.

Когда она закончила, лица присутствующих заметно прояснились. Просветлел даже Ульм, поскольку он давно уже хмурился, искоса поглядывая на собственного отпрыска.
— Ну что, еще кто-нибудь думает, что я и впрямь собралась стать повелительницей преисподней? — усмехнулась императрица.
— Честно говоря, ты сама заставила нас так думать и предоставила крайне убедительные доказательства, — отозвалась Сирелина.
— Это точно! — поддакнула Уна. — Когда ты захватила Опустошителя и натравила его на других демонов, мы вообще потеряли дар речи. А затем эта сцена с Деаморхом… У меня слов нет!
— А мне было все равно! — заявил Ювион. — Мы с Алдаром последуем за ее величеством куда бы та не пошла и что бы ни случилось!
— Это потому, ребятки, что вы думаете совсем не о том, о чем следовало бы! — наставительно изрек Бэйл. — Ведь ни для кого не секрет на чем основана ваша ей преданность!
Заклинатели стихий покраснели. Порозовела даже императрица, но быстро взяла себя в руки.
— Уф, Иля, в следующий раз ты не могла бы нас предупредить о своей затее, а? У меня аж мурашки по коже пошли! — рассмеялась

Талара, вернувшая себе душевное равновесие.
Принцесса Железных земель была согласна идти рука об руку с Принцессой Крови. Быть вице-королевой у повелительницы преисподней она не подписывалась.
— Я специально не посвятила вас в свой план. Я собиралась произвести впечатление на демонов, а на вас хотела проверить реакцию. Но я не думала, что все так далеко зайдет, — пояснила Илиана.
Она и впрямь мало что рассказала спутникам о грядущей вылазке в Серые горы, уговорившись о необходимом только с Ульмаарандором и Дин'Юлемионой. По правде говоря, Принцесса Крови и сама не знала насколько выросли ее возможности в контроле над векстрами. Она чувствовала в себе изменения и что-то такое подозревала, отчего, помимо прочего, и задумала визит к Руандалю. Обращение Опустошителя стало не то чтобы спонтанным, но все же не запланированным инцидентом, равно как и последующий эпизод с Деаморхом. У Илианы хватило сил поработить Опустошителя, но одного. Про группу пока не шло и речи. Однако выяснилось, что она начинает читать даже Деаморха, что, несомненно, воодушевляло. Фактически все произошедшее было сродни театральной постановке, где актеры на сцене импровизируют, реагируя на развитие ситуации и поведение публики. Императрица с самого начала собиралась спровоцировать векстров, но точно не знала, с чем именно ей придется столкнуться. Векстры находились в таком же положении, не имея ни малейшего понятия о возможностях Принцессы Крови. И часть из них она им сейчас убедительно преподнесла. А над брошенным во всеуслышание блефом им теперь хорошенько придется поломать голову.
— Кстати, любая ложь хороша, если она приправлена истиной! Такими темпами — кто знает, авось и впрямь доберусь до Деаморха. То-то векстры у меня попляшут! — закончила свое повествование императрица. — Но у нас, конечно, нет на это времени. У нас другие задачи! — быстро добавила она, заметив каким взглядом одарил ее Ульмаарандор.
— А почему ты его пощадила? Пощадила Деаморха, — потерев нос, решила уточнить Сирелина. — Вот уж не ожидала. Он же явится убивать людей!
— Я его не щадила, — покачала головой Илиана.
Уход со сцены требовалось обставить так, чтобы векстры очутились в подвешенном состоянии. Уничтожить Деаморха императрица не пыталась, поскольку на это вряд ли пошел бы люмеанин со своей политикой невмешательства. Кроме того, устранение такого врага было бы не столь эффективно, как его устрашение. То,

что Ульмаарандор способен сразить даже архидемона, последним и так прекрасно известно. Оттого они сами и не появлялись, решив подослать к Принцессе Крови фигуру серьезную, но поменьше. Они хотели выяснить что произойдет, и Илиана им наглядно это показала. Получив серьезный отпор, Деаморх находился в смятении, и императрица закинула ему правдоподобную ложь, нахально блефуя при всем честном рогатом народе. Фраза, которую исполинский демон изрек под конец, означает самую настоящую победу. После этого, произнеся заключительную речь, Илиана решила удалиться, поскольку лучшего момента и не придумаешь. Деаморх не был повержен, и одновременно Принцесса Крови не подвергла его унижению, заставив убраться в вулкан на глазах миллионов векстров. Последнее он вряд ли бы стерпел, отчего все почти наверняка кончилось первым. Что, несомненно, значительно ухудшало достигнутый результат. Следовало исчезнуть именно в тот самый момент, когда это и сделала Илиана. Теперь предположение, выдвинутое Ульмаарандором насчет повелительницы преисподней, быстро превращается из догадки в действительность. Во всяком случае, для векстров. А это и требуется, пока Эбби в поте лица сооружает Трансталл к Таунсторму. Что же касается Деаморха, то он еще не скоро отправится на передовую. Раны от люмеан так быстро не залечиваются. Придется громадному демону посидеть в недрах вулкана, зализывая поврежденную конечность. Там у него будет достаточно времени поразмыслить что к чему, равно как и у всех, кто стал свидетелем сегодняшнего представления. И у тех, кому они об этом поведают.

— Пугающая изобретательность. Я бы даже сказала, дьявольская. Под стать этим тварям, — прокомментировала Каролайна, внимательно выслушав императрицу. — Ты, дорогая, несомненно права, и это огромный успех, если все обстоит именно так, как ты сказала. Но упаси нас небо, если слова архангела воплотятся в реальность! Твоя власть над людьми беспокоила меня и раньше — прости, что говорю об этом открыто, но здесь все свои. Только до сих пор о власти над демонами не шло и речи. Ты уж не подведи нас и не ступи на кривую дорожку.

— Вообще эту идею мне подкинул Ульм, хотя он явно не ожидал, как я ей воспользуюсь. Так что я лишь ее развила и вжилась в роль. Но вам беспокоиться не о чем. Я же обещала, — ничуть не рассердившись, спокойно ответила императрица.

Эбби никто не отвлекал. Илиана все пересказала ему сама, когда группа покинула зал для секретных совещаний и направилась туда, где чародей трудился над новым Трансталлом. Собственно, именно поэтому императрица и не взяла его с собой в Се-

рые горы, не став соблазнять незаменимого мастера и снимать с основной задачи. Однако же она не желала держать в неведении одного из самых значимых людей в империи, а посему ввела его в курс дела. Остальные, все еще находясь под впечатлением, осмеливались вставлять реплики и расписывать свои впечатления, хотя обычно ее величество никто не перебивал. Люмеанин с феей устроились чуть в сторонке, чтобы не мешать остальным заниматься делами и обмениваться мнениями.
— Ты знал, что сегодня произойдет? — тихо шепнула Дина.
— Нет, — также негромко отозвался Ульм. — Мое дитя продолжает преподносить сюрпризы. Меня беспокоит как она меня использовала, но черт меня дери, если план Илианы не исполнился в точности! Причем так, что даже у меня нет оснований ее отчитывать. По правде говоря, это тревожит. Та чародейка, Каролайна, права. У моей внучки просто дьявольская изобретательность вкупе с умением манипулировать. Теперь, видимо, уже не только людьми.
— А почему тревожит? Ты же не хочешь сказать, что она… что она действительно… — фея не договорила, запнувшись и бросив взгляд на беседовавшую с Эбби Принцессу Крови.
— Я хоть и архангел, как меня здесь называют, но не ясновидящий. Во всяком случае, настолько. Поэтому я отвечу тебе то, что думаю на самом деле. Может ли блеф, подкрепленный действительностью, и в самом деле стать действительностью? Как далеко способна зайти Илиана и чем все это кончится? Не знаю, Дина, не знаю, — отозвался Ульмаарандор.

Эбби управился с Трансталлом за неделю. Это было и быстро и медленно одновременно — смотря как посмотреть. С одной стороны, чародей умел обращаться с такими вещами очень оперативно. С другой, на сей раз требовался особый подход, связанный с максимальной осторожностью и незаметностью. Ведь демоны уже осведомлены о том, кто приходит к ним в гости. Стало быть, новый канал на ту сторону требуется открыть так, чтобы никто из них ничего не заметил, иначе встречать лазутчиков будут отнюдь не с корзинами цветов. Эбби чуть не свихнулся налаживать колдовскую Дверь ловя и оттачивая заданные координаты практически вслепую. А ведь на нем еще был весь Фортумагум. Толковые помощницы сняли с него часть задач, успев набраться необходимого опыта, но все же гигантской чародейской фабрике пока еще требовался постоянный присмотр хозяина. Эбби ни за что не управился бы в настолько сжатые сроки, но теперь он работал практически круглосуточно, регулярно подпитываемый императрицей. С помощью Ульма она то и дело перемещалась в Фортумагум, до отказа наполняя чародея жизненной энергией. И тот пока-

зывал настоящие чудеса мастерства. Стараясь снизить заметность экспериментов к минимуму, Эбби не открывал полноценные Трансталлы. Он проделывал крошечный мимолетный канал, куда отправлял зонд и тут же вытаскивал его обратно. Канал схлопывался, будто его и не было, а чародей внимательно анализировал полученные данные. Такая методика требовала на порядок больше усилий, чем обычно. Удержать в стабильном состоянии только формирующуюся Дверь, просунуть через нее материальный объект и выдернуть его обратно — это было непросто даже для Вертория ван Грааса. Тут помощь Принцессы Крови оказалась как нельзя кстати, что напрямую повлияло на скорость достижения результата. Что же касалось демонов, то даже если кто-то из них успевал что-нибудь заметить, то у него не хватало времени сосредоточить внимание. Со стороны преисподней опыты Эбби выглядели как маленькое, в несколько футов диаметром искажение пространства. Из его раздавшегося эпицентра, где еще вроде бы виднелась окружающая местность, выныривал странный металлический предмет, утыканный всякой всячиной. Фута полтора, не больше. Выныривал, и тут же исчезал, как исчезало и искажение. В отличие от предварительной подготовки, в активной фазе на все про все у Эбби уходило несколько секунд. За них зонд успевал передать в Фортумагум основные данные об окружающей среде, чего чародею было вполне достаточно. Он понимал куда попал и после каждого опыта заносил полученные сведения в особый атлас, сводя все воедино. Эксперименты продвигали его все ближе к цели, позволяя более точно отлаживать конечные координаты. Казалось, до желанной цели оставалось рукой подать, однако Эбби отчего-то все больше хмурился, озадаченно глядя в свои записи и объемную модель, выстраиваемую на основе показаний зонда. Эх, увидеть бы живое изображение, чтобы навести полную ясность, но увы. Отправить Кристалл Памяти или еще какой-нибудь сложный колдовской инструмент чародей не мог — все данные стирались при выходе из преисподней. Зонд фиксировал наблюдения непосредственно на металлическую пластину, делая на ней насечки. А этот метод основательно хромал по части информативности, из-за чего Эбби и хмурился, наблюдая, как в конечном счете складывается довольно странная картина.

Императрица явилась на зов чародея незамедлительно. Мгновенное перемещение в пространстве открывало перед ней поистине грандиозные возможности. К тому же половину государственных забот Илиана свалила на Талару, отлично справлявшуюся с возложенным на нее бременем.

— Что случилось? Ты какой-то взволнованный! — с беспокойством

сказала императрица, вглядываясь в лицо хозяина Фортумагума.
— Идемте со мной. Лучше один раз самим увидеть, — отозвался тот, чем вызвал у венценосной собеседницы еще большее волнение.
Тем не менее, та понимала, что просто так специалист вроде Эбби подобных оговорок делать не будет, и без лишних слов последовала за ним в экспериментальный зал. Войдя в него, Илиана невольно сдержала шаг, удивленно оглядевшись по сторонам. Всего за сутки здесь произошли специфические изменения, не заметить которые было совершенно невозможно. Область для Трансталлов находилась по центру северной стены. Вдоль противоположной громоздилось несколько могучих конструкций, обыкновенно устанавливаемых на небесных крепостях.
— А это что здесь делает?! — изумленно спросила императрица.
— Тяжелые пушечные установки, — пояснил Эбби. — Каждая по девять стволов. Восемь комплексов, по четыре в ряду под разными углами.
— Я не спросила что это. Я спросила — на кой их тут поставили? — заметила Илиана.
— По-моему, очевидно, — пожал плечами чародей. — Мы собрались в преисподнюю, где нас, вполне вероятно, уже ждут. Кто и в каком количестве — я без понятия, равно как и что произойдет, если мы попадем в засаду. Эти пушечки позволят встретить дорогих гостей как полагается, если те надумают заглянуть с визитом в Фортумагум. Говорят, что демоны через наши Трансталлы пройти не могут. Возможно, это так, хотя за последнее время я слишком часто наблюдаю, как прежде невозможное вдруг становится обыденным. Даже для архангела. Но ведь у демонов есть тузы в рукаве, и их там гораздо больше, чем полагается колоде. Я до сих пор не могу забыть ту прожорливую башку, что сунулась ко мне в гости.
— Какую башку? — живо обеспокоилась императрица.
Эбби с досады крякнул, припомнив, что никого не посвящал в опасные будни своих экспериментов, и перевел тему. Это не составило особого труда, поскольку перевел он ее на то, ради чего и позвал Принцессу Крови.

Трансталл чародей открывал издали. Здоровенные пушечные жерла сурово таращились в центр воплощавшегося канала, готовясь исторгнуть содержимое стволов. Предосторожность оказалась напрасной. Залпа не последовало, и никто по ту сторону так и не изъявил желания посетить колдовскую крепость. Впрочем, Эбби этого ожидал, поскольку позвал императрицу действительно не просто так. С той стороны просто некому было лезть в простран-

ственный проход. Трансталл открылся в пустоту.

Первой реакцией присутствующих было недоумение. Фея, стараясь не отлетать слишком далеко от Принцессы Крови, позволила себе высунуть нос за пределы расплывчатой границы и оглядеть открывшиеся просторы. Там была сплошная чернота, если не считать океана вечного огня. Вместе с Дин'Юлемионой, соблюдая все меры безопасности, в Трансталл заглянули и все остальные, включая Илиану.

— Можете не всматриваться — там ничего нет, — заявил Эбби. — Нет ничего кроме пустоты.

— Должно быть, ты просто ошибся! — обернулась на него фея.

— Я проверил все десять раз. Это та самая точка. Я в этом абсолютно уверен. И здесь ничего нет! — категорично ответил чародей.

Под самый конец своих опытов Эбби уже понял к чему они ведут. Атлас, составляемый на основе полученных данных, показывал вполне красноречивую картину. В части нижней полусферы чародей порой попадал в соседние оскольтратумы, либо малые объекты. Все остальное приходилось в пустоту. Верхняя же полусфера оказалась в пустоте вся. В итоге и складывалась модель, что в центре этой условной геометрической фигуры также находится пустота, если не произойдет чуда и там не спрятан какой-нибудь малогабаритный объект. Увы, чуда не произошло. Кругом, сколько хватало измерений колдовских инструментов, было лишь одно сплошное ничто. Настолько далеко, что даже не открой Эбби проход в точности туда, куда говорила Дин'Юлемиона, он все равно попал бы в никуда.

— Этого не может быть! — воскликнула фея. — Я чувствовала искру света абсолютно точно! Таунсторм должен быть здесь! Нет, он просто ОБЯЗАН быть здесь!

— Но его здесь нет, — ткнул чародей пальцем в черноту. — Если только я не выкрал его и не запер в подвалах Фортумагума. Но тогда ее величество в момент меня бы раскусила. Я работаю с фактами, ваша светозарность. Трансталл открыт туда, куда ты велела. И тут пусто.

Дин'Юлемиона уставилась на чародея как удав на кролика. С одной стороны, она ему верила. С другой — себе тоже. Так кто из них ошибался? Покружив туда-сюда в глубоком раздумье, фея не придумала ничего лучше, как вылезти из Трансталла на разведку, благо что опасаться с той стороны было явно нечего. Одна она в преисподнюю по-прежнему сунуться не могла, поэтому вылазка предполагала развитие ситуации по уже существовавшему сценарию. На специальных страховочных тросах Принцессу Крови и ее покровительницу потихоньку выпускают в преисподнюю, где фея,

удалившись от Трансталла, отслеживает Таунсторма. Прежде такая операция считалась рискованной, но с тех пор кое-что изменилось.
— Это что же? — с нескрываемым подозрением осведомился Ульм.
— Сам-то как думаешь? — лукаво подмигнула ему Дин'Юлемиона.
— Ну нет, барышни, это уже ни в какие ворота не лезет! — возмутился люмеанин.
Фея, не иначе как заразившись коварством от собственной воспитанницы, доходчиво объяснила Ульмаарандору, что ничего особенного от него не требуется. Ведь Илиана с Диной и прежде помышляли о такой вылазке, но на тот момент было решено от нее отказаться. Сейчас другого выхода не наблюдается. Поэтому они все равно полезли бы на ту сторону. И разве Ульм, сохраняй он все еще инкогнито, не последовал бы за своей императрицей? Конечно последовал бы! Так в чем же тогда загвоздка?
— Два сапога пара, — покачал головой люмеанин, переводя взгляд с феи на своего отпрыска.
Однако оспорить предъявленную аргументацию у него не получилось. Конечно, он мог бы при желании найти довод отказаться от этой затеи, но ведь Илиана и Дина наверняка отправятся в пустоту, а бросать внучку без присмотра Ульмаарандор не собирался. В итоге дело кончилось тем, к чему и шло. Надежно опутанные лучшими колдовскими тросами, фея и Принцесса Крови вышли в преисподнюю, будто спускались в недра глубочайшего колодца. Ульм летел рядом, не нуждаясь в подобных приспособлениях и более не имея необходимости маскироваться. Барабаны давным-давно готовых установок неторопливо разматывали четыре основных фала, вокруг которых ведьмы и чародейки накрутили несколько дополнительных страховочных веревок.

Путешествие не затянулось. На отметке около полумили фея уловила знакомое излучение и быстро определила откуда оно шло. Тут ей пришлось окончательно поверить, что Эбби действительно оказался не при чем. Только вот и на себя грешить не приходилось. Трансталл был открыт точно в указанные координаты, а вместо Таунсторма или хоть какой-нибудь материи вокруг расстилалось сплошное ничто. Пульсация искры света теперь доносилась совсем из другого места. Дернув за контрольный фал, Дина одновременно послала световой сигнал, а сама глубоко призадумалась. Получалась какая-то ерунда. Как же она могла так ошибиться? И даже когда их втянули обратно в Фортумагум, она продолжала морщить лоб, что у такой крошки выглядело довольно забавно.

Хочешь не хочешь, а приходилось все начинать сначала. Получив новые координаты, Эбби рьяно взялся за дело. А что ему

еще оставалось? Теоретические выкладки он предоставил фее и остальным, а сам занялся исключительно практической работой, которую кроме него никому было сделать не под силу. И вновь превзошел сам себя. Следующий Трансталл открылся ровно в середине ноября, через пять дней после предыдущего.

Илиана и припомнить не могла когда она видела на лице своей любимой Дины такое выражение. Взгляд феи растерянно блуждал, не сосредотачиваясь на чем-нибудь одном, по лбу прочертились складки, а маленькие жемчужные зубки закусили губу поджатого ротика. Дин'Юлемиона откровенно не понимала что происходит. В точности координат она не сомневалась, однако пространственная Дверь опять привела явно не туда, куда следовало. На сей раз далеко в черноте виднелись границы какого-то оскольтратума, а в диаметрально противоположной стороне начинал образовываться новый. Само собой, океан вечного огня никуда не делся, неизменно пребывая там, где и обычно, пусть и не всегда был виден. Только легче от созерцания несколько изменившегося пейзажа не становилось. Таунсторм отсутствовал, как отсутствовало и какое-либо внятное его узилище. Не найдя иного выхода, фея предприняла еще одну вылазку и снова уловила отчетливое излучение искры света. Она вслушивалась в пространство так, как никогда в жизни, и была готова присягнуть на чем угодно, что не ошибается. Никаких искажений, никакого обмана! Это, несомненно, Таунсторм! Если прямо сейчас Дин'Юлемиона переместилась бы туда, она либо узрела бы Повелителя Крови, либо повесила крылышки на гвоздь и отправилась торговать капустой в какой-нибудь заштатный городишко. Ибо в последнем случае ее пора списывать на покой — заниматься чем попроще. К сожалению, оперативно перескочить из одной пространственной точки в другую фея не могла. Даже сама по себе, поскольку эти точки находились в чуждой для нее преисподней, а уж с Принцессой Крови и подавно. Приходилось уповать на Эбби, а тот был физически неспособен по щелчку пальцев распахивать Трансталлы в любую точку бесконечной вселенной. Это только в сказках волшебники просто так мгновенно скачут куда захотят и когда захотят без какой-либо предварительной подготовки. В жизни все куда сложнее, тем более что в данном случае речь шла о простых людях, к которым, как ни крути, относился и Эбби, пусть он и был очень одаренным чародеем. Поэтому он при всем желании не мог соорудить новый Трансталл в ту же минуту, как Дин'Юлемиона сообщила ему очередные координаты.

К тому времени, как чародей справился с очередной задачей демоны вновь перешли в масштабное наступление. Империя вос-

пользовалась дарованной ей передышкой, укрепив позиции и подтянув новые ресурсы. К сожалению, это же касалось и пламенеющих легионов. Поднакопившись числом, они лавиной ринулись в атаку. Теперь Илиана избрала точечную тактику. Она регулярно перемещалась по разным фронтам, овевая людей энергией там, где это требовалось больше всего. Система Конту-Фенеструмов, основанная на Фреймбриджах, благодаря Фортумагуму уверенно росла. В Тал-Амин и лично к императрице стекалась масса донесений в реальном времени, что позволяло ей держать руку на пульсе как всей Ардариании, так и ходе противостояния с векстрами. Передав вице-королеве большую часть управленческих забот, императрица переключилась на сдерживание врага и поддержку колдовских кругов. С ее помощью клерики производили неимоверные объемы святой воды, отправляя ее прямиком на головы демонов и в пламенеющие Разломы. Фиксировался резкий рост возможностей колдунов Запада, что отлично сказывалось на производстве зачарованной продукции. Не отставали и ведьмы с чародейками. Строительство небесных крепостей и прочих стратегических сооружений существенно ускорилось, а они требовались фронту все больше и больше. Кто-то из ведьм умудрился откопать в Фортумагуме записи о так называемых Разрядниках, и первые экспериментальные образцы, сделанные на скорую руку, показали интересные результаты. Разрядник теоретически мог иметь любую форму, но заклинательницы придали ему очертания башни. Помещенная на небольшую воздушную платформу, эта башня была абсолютно необитаема и сама по себе в пространстве слишком долго не держалась, если бы не одно но. Когда вокруг нее сталкивались мощные выбросы энергии, она накапливала заряд, а затем испускала его в пространство, поражая всех кто подвернется. Сброшенные в область сражения, Разрядники как бы вторично использовали высвобожденные стихии, уже гулявшие по позициям демонов. Плюсами таких летающих башен были их безлюдность и автономность. Минусами — выстрелы лишь по мере накопления энергии, поскольку собственных запасов Разрядники почти не имели, да и демоны их быстро сбивали, если сооружение оказывалось совсем без прикрытия. Ставить защитные орудия смысла не имело, ибо тогда башни начинали превращаться в те же форты, утрачивая плюсы. Тем не менее, Разрядники выглядели полезным подспорьем в зоне наиболее серьезных боев, поэтому эксперименты над ними продолжались. Кстати, изначально эта штуковина предназначалась совсем для иных целей. Чародеи прошлого запускали такие конструкции в область мощных грозовых штормов, собирая дармовую природную энергию. Небольшая модификация

— и вот уже Разрядник превратился в самостоятельную боевую единицу поддержки.

Не отставали по части технических новинок и Альмирстал с Гексенсталем. Они постоянно что-то усовершенствовали, осваивая и внедряя как почерпнутые в Фортумагуме технологии, так и придумывая новые, полученные на опыте сражения с демонами. Одним словом, никто в Ардариании без дела не сидел, и Эбби мог по праву гордиться тем, какой мощный технологический прорыв инициировал переродившийся Верторий ван Граас. Хотя, скорее, не прорыв, а возвращение доли былого могущества. Правда сейчас чародей если чем и действительно гордился, так это своим умением оперативно сооружать проходы в иные миры, и в частности в преисподнюю. Третий по счету Трансталл к Таунсторму не заставил себя ждать. Увы, результат уже особо не удивлял. Никакого Повелителя Крови в обозримой перспективе не наблюдалось. Вместо долгожданного результата наконец-то заговорили пушки. Меры предосторожности Эбби оказались весьма не лишними. Формально Дин'Юлемиона и Ульмаарандор были способны отразить любую угрозу, но это если они находились рядом. И даже тогда что-нибудь могло пойти не так. Когда имеешь дело с преисподней следует подстраховываться от любой случайности. Не успела пространственная Дверь закончить формирование, как с той стороны в область пересечения миров сунулись какие-то прыткие твари. Они напоминали полупрозрачных змей, но ползущих одновременно в нескольких плоскостях вокруг своей оси, и внутри них словно пульсировал красный газ. Их светящиеся красным же спектром тела, увенчанные длинными желеобразными гребнями, колебались как при дуновении свежего ветра. На месте голов у странных существ располагалось нечто похожее на воронку, обращенную внутрь длинного, в сотни ярдов туловища. Хвосты, выглядевшие подобно щупальцам медуз, оставляли расплывчатый шлейф. Никто в Фортумагуме не стал выяснять, что это за твари и чего им, собственно, надобно. В преисподней милых и пушистых не водится. Шанс убить какое-нибудь безвинное создание стремился к абсолютному нулю, и то за счет случайно подвернувшегося другого путешественника. Залповые установки сработали безотказно. По ту сторону условного тамбура шарахнуло так, что всех ближайших космических странников разнесло на молекулы. Остальные тут же ретировались. Получив вдогонку второй залп, они отлетели подальше и принялись вальяжно курсировать в зоне видимости. Следовало отдать Эбби должное — внутрь Фортумагума ударная волна не проникла и никаких бед не причинила. Талим Сунастийских пределов отлично разбирался по части переплетения миров,

и модифицировал пушечные заряды так, что их энергия, достигая реальности людей, рассеивалась по контуру Трансталла.
— Ну, теперь здесь вся округа в курсе нашего появления! — скептически заметила Уна.
— Да и черт ты с ней! Таунсторма-то все равно нет! — хмуро заявила Дин'Юлемиона.
В устах феи и архангела выраженьица про ад, чертей и прочие чисто человеческие наименования преисподней и ее обитателей звучали довольно забавно, вызывая у присутствующих невольную улыбку. Поскольку больше никто в Трансталл не лез, группа в экспериментальном зале приблизилась к пространственному переходу и обстоятельно изучила открывшийся пейзаж. Светящиеся существа продолжали кружить поодаль, делая вид, что им до людей нет ровно никакого дела, однако же и не улетали. Вокруг их шныряло около сотни, но куда большие группы виднелись подле различных объектов. Эти объекты смахивали на формировавшийся оскольтратум, только как-то необычно. Крупные фрагменты материи выглядели будто сыр с крупными дырочками, а малые так и вовсе походили на бесформенные куски плоти. Невооруженным глазом были видны остатки чудо-флоры преисподней и прочие прелести, которые и во сне-то бы видеть не хотелось. При этом метеориты и бурлившие огнем лже-звезды отсутствовали. В космическом пространстве на фоне неизменного океана пламени плавали разрозненные участки демонического материка.
— А это что за твари вообще? В наших бестиариях ничего похожего не значится, — осведомилась Флея, которую вместе с двумя неизменными подругами пригласили набираться полезного опыта.
— Понятия не имею! — искренне заявил Эбби, что делал, следовало отдать ему должное, весьма нечасто. — Я вообще никогда такого не видал. Спросите у ее светозарности.
Тут выяснилось, что по части открывшегося зрелища была не в курсе и Дин'Юлемиона. Она лишь пожала плечами, куда больше озабоченная очередным отсутствием Повелителя Крови, а не тем, как вся эта гнусная дыра называется.
— Ульм? — мурлыкнула императрица.
— Чего? — кисло осведомился люмеанин.
— Просвети нас. Вряд ли обладая этим знанием мы нарушим ход истории вселенной, — попросила Илиана, одарив воина Света мерцанием сиреневых глаз.
— Знание знанию рознь. Тоже мне юные натуралисты, — проворчал Ульмаарандор.
Тем не менее, он снизошел до объяснений. Представшее взорам людей было огромной редкостью, поскольку о нем не знала даже

фея. Иногда, очень-очень редко, векстры по разным причинам ликвидировали какой-нибудь оскольтратум, вне зависимости от его возраста. То ли перестраивали внутренние структуры, то ли еще зачем — люмеанам это было так же интересно, как спрашивать у навозных червей на кой ляд они передумали ползти в куче помета в одну сторону и повернули в другую. Вокруг сейчас расстилались остатки такого вот оскольтратума, которые поглощали Плазинархи — полуматериальные чистильщики междумирья. Собственно, именно последнее обстоятельство и позволило им сунуться в область Трансталла. Оно же давало им возможность вести существование несколько отличное от типичных обитателей преисподней. Это были неразумные существа. Скорее, просто сгустки раскаленного газа, питающегося плотью расформированного оскольтратума и растущего за счет него же. Опасность они представляли огромную, поскольку проедали любое препятствие насквозь, просеивая сквозь себя неживую материю и усваивая органику. Шлейф, оставляемый этими тварями, как раз и образовывали выбросы ненужных им частичек вещества. Однако если не соваться на рожон, Плазинархи никого специально преследовать не станут, поскольку у них нет задачи сожрать кого-то определенного. Вскоре они потеряют к Трансталлу интерес и отправятся пировать куда и собирались.

Так оно и вышло. Пока Ульмаарандор читал свою познавательную лекцию из мира векстров, светящиеся полупризрачные существа развернулись и расплылись кто куда. Осмелев, люди стали выходить за пределы Фортумагума, пользуясь оперативно сконструированным новшеством. Из экспериментального зала в Трансталл выдвигалось нечто вроде телескопического моста, способного растянуться на пару сотен ярдов. Прежде в такой штуковине никто не усматривал надобности, однако все приходит с опытом. После двух Дверей в пустоту третью снабдили подходящим случаю приспособлением. Теперь оно позволяло прогуляться в черноту на своих двоих, не прибегая к услугам левитации и не боясь кувырнуться в бездну. Мост надежно защищали наведенные чары, создававшие вокруг него эдакий незримый туннель. Фея с Илианой в сопровождении Ульма тут же отправились на другой конец колдовской дорожки. Там Дин'Юлемиона надеялась уловить где сейчас находится Таунсторм, хотя толку от этого знания становилось все меньше. Следом вышли и остальные, стараясь слишком не разбредаться. Они изучали окружающее пространство, занося в память как можно больше деталей, чтобы потом занести их в соответствующие архивы. Каждый был занят своим делом. Все-таки путешествие в преисподнюю — не увеселительная прогулка.

Впрочем, послушницы больше глазели, чем записывали. Оно и понятно — девушки переступили порог края вечного огня впервые.
— Вы ничего особенного не замечаете? — спросила вдруг Флея, жадно обозревая окрестности запретного чужого мира.
Поводив пальцем туда-сюда, она обратила внимание спутников на одно странное явление. Все фрагменты оскольтратума висели неподвижно кроме тех, кто как будто находился на одной линии. Если мысленно прочертить условную траекторию, то все выглядело так, будто там проходила невидимая ось, вызывавшая соответствующее возмущение.
— Да, действительно, — согласилась Уна, как и остальные проследив взглядом согласно комментариям послушницы. — Но нам-то что с того? Мало ли что тут и как вращается.
— Просто любопытно, не находите? Похоже на то, как бывает в метеоритном поясе. Каменные глыбы летят себе и летят, пока их не заденет случайный гость. И все, что оказалось у него на пути, теряет привычное состояние, начиная вертеться в разные стороны. При этом остальные объекты выглядят как и прежде, — пояснила Флея.
Ее замечание так и осталось бы без особого внимания, если бы его не услышала Дин'Юлемиона. Некоторое время она, повернувшись к послушнице, хлопала на нее глазами. Затем потащила к Флее Илиану, поскольку расстояние между ними было ярдов пятьдесят, а в преисподней ее светозарность сама не летала.
— Что ты сказала?! Повтори! — воскликнула фея, едва удерживаясь, чтобы не потянуть ручками за пряди рыжих волос.
Удивленная послушница выполнила ее пожелание, указав на свое наблюдение и вновь упомянув метеориты, да и вообще движение различных небесных тел. Дин'Юлемиона охнула, схватившись за голову.
— Дина, ты в порядке? — озаботилась императрица.
— Ну конечно! — воскликнула вдруг та, настолько звонко шлепнув себя по лбу, что звук разнесся по всему мосту, и его даже услышал Эбби, осторожно выглядывавший из Фортумагума. — Не устаю себе повторять какая же я дура! А еще над людьми постоянно подтруниваю!
Всем тут же стало интересно, с чего это вдруг фея надумала высказываться о себе столь самокритичным образом. Выяснилось, что ее соображение действительно заслуживало того, чтобы его выслушали.

Узилище Таунсторма, чем бы оно ни являлось, не стояло на месте — оно двигалось. И двигалось, судя по добытым Диной координатам, довольно быстро даже по меркам преисподней. У феи

было достаточно времени прокрутить в голове все полученные цифры то так, то эдак, и расстояние между ними вырисовывалось о-го-го! Наблюдение Флеи имеет под собой чрезвычайно важную основу. Исходя из него, можно грубо прикинуть размер пролетавшего тут объекта, и он также выглядит не с кокосовый орех. Если это именно то, на чем перемещался Повелитель Крови, то о нем теперь появляется хоть какое-то представление. А оно, между прочим, вписывается во все предыдущие опыты. В том числе полноценные вылазки в преисподнюю, где Дин'Юлемиона старалась определить местонахождение искры света. Ее еще тогда немного удивляло, отчего предполагаемые значения координат несколько разнились между первой экспедицией, третьей и четвертой, если второй считать инцидент с Таларой. Похоже, дело здесь было не только в искажениях ввиду различных препятствий. Просто каждый раз Таунсторм действительно оказывался в другой точке, чего фея, продолжавшая, что называется, сужать круги, до поры не замечала. Вычисления вписывались в погрешность, помноженную на невероятно огромное расстояние. Что ж, вот вам и объяснение, отчего заветная цель отсутствовала там, где Дин'Юлемиона рассчитывала ее найти. Она переместилась. И продолжала перемещаться, видимо, непрерывно. Таким образом, каждый раз фея правильно определяла расположение Повелителя Крови. Да вот пока Эбби открывал туда Трансталл, эта информация безнадежно устаревала. Дин'Юлемиона, конечно, не была на сто процентов уверена в своей версии, но она звучала достаточно правдоподобно и объясняла все имеющиеся факты и аномалии.

По зрелому размышлению, посвященные лица выразили полное согласие с теорией ее светозарности. Сначала все обрадовались, посчитав, что загадка наконец-то раскрыта. Разумное толкование необъяснимому отсутствию Таунсторма принесло немалое облегчение. Ведь хуже и не придумаешь гадать, отклонился ли ты от курса, допустив какую-нибудь ошибку, или вовсе движешься по неверному пути. Потом пришло отрезвление, подобное холодному душу. А как, собственно, прикажете выкручиваться? Ситуация начинала складываться, мягко говоря, так себе. Эта игра в догонялки грозила стать бесконечной. Задержка в открытии Трансталла автоматически сводит все усилия Дин'Юлемионы на нет. Фея получает новые координаты, а пока ими удается воспользоваться, они безнадежно устаревают. И так будет повторяться снова и снова, без каких либо очевидных изменений. Зато лазутчики рискуют рано или поздно напороться на какой-нибудь неприятный сюрприз, в сравнении с которым Плазиархи покажутся прогулкой в зоопарк. Эбби, конечно, может наловчиться откры-

вать пространственные Двери быстрее, и в этом никто, включая самого чародея, не сомневался. Беда в том, что задержка более чем в сутки обнуляла шансы застать Повелителя Крови в пределах видимости, не говоря уже о досягаемости. Ну, если учитывать предполагаемую скорость, с которой двигалось его узилище, а для этого фея располагала какими-никакими цифрами.

Чародей выглядел расстроенным. По всему получалось, что умей он вовремя выполнять указания Дин'Юлемионы — и проблема решалась сама собой. А так от него никакого толку.

— Не говори ерунды! — воскликнула фея. — К тебе вообще никаких претензий! Ты и так стараешься на грани возможного. Эх, какая жалость, что я сама не могу перемещаться в преисподней так же, как в большинстве других миров. Я умею делать это не хуже Ульма, но мир векстров для меня закрыт. Я и так туда попала только благодаря Иле и вашим колдовским Трансталлам. Совместными усилиями мы делаем то, что прежде считалось неосуществимым. Однако если даже у меня, дочери света, есть ограничения, то как вы, люди, можете себя винить что не прыгаете выше головы?

Эбби немного успокоился, но только немного. Его деятельный ум тут же включился в задачу, а он пока не имел ни малейшего представления как ее решать. Чародей в свойственной ему юношеской манере только что по стенам не ходил, лохматя и без того взъерошенные волосы да выкидывая различные чудачества. К чудачествам все давно привыкли, поэтому поведение хозяина Фортумагума ни у кого вопросов не вызывало. Вопросы вызывала перспектива. Фея на сей счет тут же ответила, что попробует отследить траекторию движения Таунсторма в надежде уловить его направление или какую-нибудь закономерность. Исходя из этого, Эбби станет готовить сразу несколько пространственных Дверей рядом с предполагаемой областью полета Повелителя Крови, чередуя их на некотором удалении от заданной оси. Сейчас в первую очередь требуется хотя бы увидеть целевой объект и определить что это такое. Тогда полученные наблюдения с неплохой вероятностью позволят вычислить куда и как он направляется, чтобы перехватить упреждающим Трансталлом.

Идея всем понравилась. Во всяком случае, она выглядела более-менее осуществимой, а это уж куда лучше, чем сидеть без дела в ожидании неизвестности. Все тут же рьяно принялись за работу. Эбби для его серии Трансталлов передали в помощь часть ведьм и чародеек Фортумагума, сняв их с других задач. Дин'Юлемиона принялась вычислять потенциальные траектории движения предполагаемого узилища Таунсторма. А пока крылатое создание лома-

ло голову над проблемой космического масштаба, императрица продолжала организовывать достойный отпор демонам, не забывая играть новую роль. Этому удивительному тандему одно другому не мешало. Сидя у Илианы на плече, фея творила в воздухе какие-то объемные фигуры, смахивавшие на движущиеся звездные системы, а императрица в это время занималась своими делами. Для сложнейших вычислений Дине не требовались никакие дополнительные ресурсы. Она сама себе была научным центром, выстраивая в уме недоступные простым смертным вещи. Ее модели отдаленно походили на движение небесных тел с напрочь нарушенными законами привычной людям астрофизики. Собственно, так оно и было, учитывая, что Дин'Юлемиона оперировала многомерными мирами и особенностями преисподней. Расспросами Илиана ей не мешала, да и вообще старалась не докучать. Фея сворачивала свои изыскания лишь тогда, когда отдыхала или помогала воспитаннице. Последнее, помимо прочего, касалось визитов в места присутствия демонов. Им следовало регулярно о себе напоминать, чтобы среди рогатых чудовищ ползли и множились слухи, наверняка беспокоившие Арферона. Вылазка, совершенная в начале декабря, это подтвердила.

Императрица специально не стала появляться где-нибудь в оживленном районе, на радость пламенеющим легионам. Те неизменно приходили в нездоровое оживление, узрев промеж своих рядов Принцессу Крови. Для задуманного эксперимента избыток свидетелей был Илиане как раз таки ни к чему. Выбрав тихий участок на периферии вторжения, она стала осматриваться, выискивая подходящую сцену. Окружающий пейзаж удручал. Полностью привыкнуть к происходившей метаморфозе было невозможно. Вдали виднелись нетронутые отравой деревья. Промеж плакучих ив в лучах заходящего солнца золотилось небольшое озерцо, а вокруг него раскинулись зеленеющие луга, усыпанные полевыми цветами. В розовеющем небе кружили птицы, ловя крыльями налетавший ветер, а над ними неторопливо плыли облака, окрашенные в цвета заката. Однако вскоре вся природная красота сходила на нет. Налет серого пепла, убивавший все живое, начинал расти, и вот уже вместо лиственных крон торчат в небо мертвые ветви. От кустов остались только ломкие острые прутья, напоминавшие иглы дикобраза, а землю полностью скрывал ядовитый покров. Пушистые облака сменяли свинцовые тучи. Вместо озерной свежести в воздухе стоял удушливый запах химии, и всей жизни вокруг были только порождения преисподней. Но как раз они-то и были нужны императрице, выжидавшей подходящий момент. И вот он, наконец, настал. Неподалеку от охот-

ничьей заимки, ныне превратившейся в серый холмик пепла с торчавшими оттуда балками, Илиана заметила полдюжины демонов — поровну бесов и Пожирателей, то ли дозорных, то ли просто шатавшихся без особого занятия. Илиана появилась у них позади. Появилась лишь с феей и люмеанином, чтобы почем зря не отвлекать других приближенных от важных дел. Уна и Сирелина вместе с остальными в поте лица помогали Эбби, отдавая этой работе все свои силы.

— Стойте на месте, векстры! — вдруг послышался за спиной у рогатых чудовищ властный голос императрицы. — Не убегайте и не подходите! Я желаю с вами говорить!

Растерянность, охватившая демонов, не укрылась от глаз необычной троицы. Развернувшись, они уставились на девушку и ее спутников, обмениваясь озабоченными репликами. Признав Принцессу Крови, возникшую из ниоткуда в сорока футах от них, враги не бежали и не нападали, что и требовалось. Впрочем, с некоторого времени желающих напасть на императрицу вообще особо не находилось. Наглядный опыт возле Руандаля, где потерпел фиаско сам Деаморх, включало у демонов попроще простую логику, что им-то и вовсе ничего не светит. Точнее, именно что светит — схлопотать порцию первозданного света и выйти из строя очень и очень надолго даже по меркам преисподней.

— Не вынуждайте меня убивать вас! Не вынуждайте меня заставлять вас! — тут же громыхнула Илиана пока шестеро младших демонов соображали как им следует поступить.

— Чего ты хочешь? — спросил, наконец, один из Пожирателей, хорошенько обдумав услышанное.

Похоже, никто из демонов не считал подобное зазорным, после того как эти же слова произнес Деаморх.

— Хочу кое-что спросить, — твердо сказала Илиана. — И рассчитываю получить ответ.

— А если не получишь? — проскрипел мелкий бес, от непривычного волнения перетаптывавшийся с копыта на копыто.

Илиана холодно улыбнулась. Прелюдии было достаточно, чтобы она овладела ситуацией. Ее глаза налились алым. В следующее мгновение она овладела и шестью демонами. Императрица оставила им голос, вследствие чего услышала целый набор звуков из глоток смятенных врагов.

— Я не буду заставлять вас мне кланяться, — жестко сказала Илиана. — Я заставлю вас пройти в таком виде к сородичам. Вы знаете, что они с вами сделают, если выяснят, что вы побывали в моей власти. Сейчас я отпущу вас и предлагаю ответить на мои вопросы по-хорошему.

— Смотря что за вопросы. Есть такие вещи, что уж лучше пасть от руки Арферона, — хмуро ответил рослый Пожиратель, почувствовав, как спали узы чужой воли, доселе ему неведомой. — Или вон даже его, — добавил он, кивнув на Ульма в образе простого воина.
— О, ничего, что заставит вас сделать такой нелегкий выбор, — нарочито певуче изрекла императрица. — Я желаю знать что векстры думают о моих словах. Я набираю силу. И мне нужны верные слуги.
Демоны переглянулись. Илиана внимательно прощупывала их фон и заметила, что этот вброс не вызвал у них резко выраженного изумления. Отсюда следовал простой вывод — похоже, векстры и впрямь допускали, что Принцесса Крови это вполне всерьез. Более того, он не вызвал у них и неприятия — мол, какой-то там человечишка осмеливается предлагать им стать его вассалами. Стало быть, демоны как минимум теоретически обдумывали возможное развитие событий.
— Твои слова не соответствуют действительности. С тобой высший люмеанин. Одно исключает другое, — после некоторой паузы ответил, наконец, Пожиратель.
— Это здесь. В мире людей. Вам прекрасно известно, что люмеане обычно не вмешиваются. Ныне случай особый — моя ЛИЧНАЯ империя под защитой. За пределами Ардариании все может быть иначе, — отчеканила девушка.
Внутренне она почувствовала реакцию Ульмаарандора. Тому было не слишком приятно слышать подобные утверждения, если не сказать больше, но он стоически терпел, пока считал, что все это искусная актерская игра. Векстры снова переглянулись. Они бы ни за что не поверили Принцессе Крови, но все происходящее полностью вываливалось из привычного уклада вещей. Их одолевали сомнения.
— Тогда пусть он сейчас сам нам об этом скажет! — резонно заметил демон.
— Придет время — скажет. Никто не выкладывает сразу все карты на стол. Вам ли этого не знать, порождениям вечного огня? — усмехнулась императрица.
Люмеанин подозревал внучку в хитром использовании его политики невмешательства. Он никогда бы не опустился до лжи векстрам, но заявить им сейчас, что все сказанное императрицей — ложь, означало бы серьезно повлиять на происходящее. То есть вмешаться самым категоричным образом.
— Что ж, пусть так, — подумав, кивнул демон уже с куда меньшим напряжением. — Но идет вторжение. Мы намереваемся захватить этот мир. Арферон собирается захватить. Даже если он

передумает, он связан обязательствами.
— Он связан, а я нет. Зачем вам разбиваться здесь волна за волной, когда стоит обратить взор туда, куда вы прежде даже не осмеливались заглядывать? Нам нет смысла воевать. Я могу повести вас в края, где вы никогда не бывали, ибо я могу поддерживать существование ваших тел. Дать то, чего никогда не даст никто из ваших архидемонов, — парировала Илиана, отметив про себя уточнение про Арферона.
Пожиратель, вольно или невольно, сделал оговорку, отделив себя от него.
— Ты намереваешься бросить вызов властелину преисподней? — с непередаваемой интонацией спросил демон.
В ней читалось и удивление, и недоверие и… да, пожалуй, даже нечто похожее на почтительное уважение.
— Я уже его бросила! — стальным тоном заявила Илиана. — Я Принцесса Крови, дочь Властелина Крови и внучка высшего люмеанина. Я имею власть над существами из плоти и крови, над созданиями света и порождениями преисподней. Можете ли вы назвать кого-то еще, кто обладал бы такими возможностями? Ваш Арферон способен на такое?
Векстры, безусловно, находились под впечатлением. Все, что сейчас говорила им императрица людей, чьи глаза горели алым, не было пустой болтовней. Оно находило подтверждение в фактах. В ее власти над собой демоны только что убедились лично. А о появлении скальи в преисподней уже и так ходило множество разговоров. Да, тут было о чем призадуматься. Если Принцесса Крови действительно способна объединить возможности сразу нескольких прежде несовместимых миров и сущностей, ее не убивать надо, а заключать с ней выгодную сделку.
— Арферон тебе не подчинится, — сказал, наконец, Пожиратель, о чем-то посовещавшись со своей рогатой братией. — Он будет продолжать вторжение.
В сознании векстров, похоже, окончательно наступили изменения. Они больше не видели в Принцессе Крови человека. Они видели силу и перспективу. Ни жестом, ни интонацией обитатели преисподней не выказывали ей своей неудовольствие. Теперь они, пожалуй, даже избегали это делать.
— Давайте так. Вы продолжайте думать, а я продолжу действовать. Если вам нужны более убедительные доказательства моей силы — вы их получите! И я хочу, чтобы тогда вы были готовы принять правильное решение! — неторопливо изрекла императрица. — Такое предложение вас устраивает?
— Да, — поколебавшись, ответил рослый Пожиратель.

— Хорошо, — кивнула Илиана. — Тогда пока все. Рассказывать о нашей встрече другим или нет — дело ваше. Я не знаю как отнесется к этому ваш Арферон, а подставлять своих потенциальных слуг не в моих правилах.
— Мы можем рассказать. Твои слова возле Руандаля теперь обсуждают многие, — отозвался демон.
— И вас за это никто не наказывает? — ровным голосом осведомилась императрица, стараясь не выдать эмоций и довести игру до конца.
— Нет. Арферон позволяет нам говорить о тебе и обсуждать твои действия. Если он начнет запрещать и применит силу, это будет означать, что он тебя боится. А такое для нашего лидера недопустимо. В особенности для властелина преисподней, — пояснил Пожиратель. — Вот ты его, похоже, и впрямь не боишься. Мы это ценим.
— Что ж, рада слышать. Тогда передайте наш разговор кому пожелаете. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся при других обстоятельствах, — сказала Илиана.
Кивнув векстрам, она сделала плавное движение рукой. И исчезла вместе со спутниками, хранившими молчание в процессе всей невероятной встречи.

На этом эпизоде императрица не остановилась. Его следовало подкрепить делом, поэтому сразу по прибытию в Фортумагум она велела Эбби открыть один из законсервированных Трансталлов в преисподнюю. Им пользовался еще Ормунделл, и он выводил неподалеку от скопления Кордраторусов. Регион был совсем другим, не имевшим ничего общего с Тризианиумом, но Илиане последний и не требовался. Лишь бы оскольтратум представлял ценность для опытного демонолога, да имелись в наличии подходящие Фумаролы. Дин'Юлемиона с Ульмом и опомниться не успели, а Илиана уже потащила их в следующую авантюру. От незамедлительного визита в преисподнюю фее стало совсем не по себе. Если бы не доверие к девушке, создания света вообще не выдержали бы крамолы услышанной беседы. Союз с векстрами был для них противоестественным и таким же возможным, как прилипающие друг к другу одинаковые полюса магнита. Однако дети света обладали достаточно богатой фантазией, чтобы в красках представить себе все расписанное Илианой, и с трудом переводили дух.
— Иля, дорогая, ты не переигрываешь? — тихонько спросила Дина, сидя на плече у воспитанницы.
Прятаться не было никакого смысла. Скорее наоборот — теперь их все должны видеть и узнавать. Илиана по-прежнему носила мантию, созданную Семиалостапилоной, но лишь для того, чтобы к

ней сразу не сбегалась вся преисподняя. Голова у нее была не покрыта, и Дин'Юлемиона под капюшоном не пряталась. Что же касалось Ульма, то он, конечно, мог принять любой облик, но оставался в прежнем, чтобы его всегда и везде примечали векстры.
— Надо ковать железо пока горячо, — ответила императрица.
Похоже, Ульм был полностью прав, о чем свидетельствовал только что состоявшийся разговор с демонами. Среди них уже посеяны сомнения. В меру своего мышления они всерьез предположили именно то развитие событий, какое расписал люмеанин, и следовало подбрасывать им все новую пищу для размышлений, продолжая исполнять взятую на себя роль. Путешествие к Кордраторусам — лучший способ наглядно доказать амбициозные намерения.
— Но Иля, тебе же не позволят до них добраться! — озабоченно заметила Дина на пороге Трансталла. — Ульм справился с Нокти-корумом, но ведь к нам сбежится вся преисподняя! Ты хочешь, чтобы один люмеанин вступил в схватку со всеми старшими векстрами?
— Так вот и хорошо, что не позволят! — ответила Илиана. — Будет куда хуже, если я до Кордраторусов дойду. Тогда мне обязательно придется что-то предпринять. А Ульм сам меня прибьет, если я войду с ними в контакт. А не войду — векстры могут сообразить, что я блефую. Нам требуется создавать напряжение, а не обходить его.
Фея, подумав, согласилась с логикой воспитанницы. Илиана, конечно, держала созданий света в курсе своих планов, однако без расписывания подробностей. Кроме того, она очень часто импровизировала исходя из текущей ситуации, что порой выглядело неоднозначно. Покрепче ухватившись за девушку, Дин'Юлемиона пересекла с ней Трансталл и встретила очередной натиск концентрированной скверны преисподней.

Принцессу Крови узнали довольно быстро. Похоже, вести о ней разлетелись по всем оскольтратумам, и векстрам было приказано докладывать о ее появлении незамедлительно. Императрица была рада, что их маленькому отряду не пришлось далеко заходить. Она ведь и впрямь не собиралась испытывать архангела на прочность. Если по ее душу явятся все архидемоны, включая Арферона, ему-то они вряд ли навредят, а вот до нее может и доберутся. Выяснять это не хотелось ни ей, ни Дин'Юлемионе, ни самому Ульмаарандору. Таким образом, здесь мнения всех троих полностью совпадали. Едва люмеанин почувствовал характерное возмущение, как тут же подхватил Илиану с Диной и в мгновение ока вынес их к подножию Трансталла. Тот был открыт на камени-

стом возвышении, устланном чем-то похожим на гранитные плиты. Вокруг торчали разрозненные отвесные скалы, напоминавшие гладкие столбы. Промеж них виднелось нечто убийственно смахивающее на человеческие постройки, включая мощеные дорожки, небольшие храмы и фасады домов. Высоко в небе неторопливо кружили крупные образования мертвой плоти, поднятой какими-то восходящими потоками. На их боках, к удивлению неискушенного путешественника, порой можно было рассмотреть очертания человеческих лиц. Эбби просил его не расспрашивать об этом месте. Оно предназначалось для жутких обрядов демонологов, где адепты приносили кровавые жертвы. Собственно, именно поэтому сами векстры создали для них необходимую атмосферу. Для людей так было привычнее и удобнее, а демонам годилось все, что усиливало получаемую от них пользу.

— Они здесь, — сказал Ульм, положив ладонь на рукоять меча. — Шестеро точно.

К кому относилась его реплика — спрашивать не приходилось. В трех сотнях ярдов вокруг Трансталла взвилась стена гудящего пламени. В нем показались чьи-то большие и малые контуры. Малых было очень много. Больших — шестеро. Они принадлежали архидемонам, прибывшим к месту появления Принцессы Крови. Уловив их приближение, люмеанин и перенес императрицу обратно к пространственной Двери. Там, на междумирье, возможности хозяев преисподней существенно снижались. Его же собственные наоборот росли. Именно поэтому огненная стена вздыбилась поодаль, и именно поэтому векстры оттуда не выходили, предпочитая обозначивать свое присутствие пламенеющими силуэтами. Была прямая причина, отчего Ульм не внес Илиану и Дину сразу в Фортумагум. Сделав шаг вперед, императрица обвела взглядом пылающую преграду.

— Вы не сможете препятствовать мне всегда! — во всеуслышание заявила она с подчеркнутым вызовом в голосе. — Однажды я своего добьюсь! Не в этот раз, так в следующий!

В ответ не раздалось ни слова, ни рыка. Лишь пламя гудело как в кузнечной печи, заглушая все прочие звуки.

— Однажды я получу то, зачем пришла! Я возьму столько, сколько захочу! А затем решу что сделать с теми, кто пойдет против меня и моих солдат! — прогремела Илиана, испустив сноп алого сияния.

Последнее требовалось исключительно для пущего эффекта, но фея неожиданно ощутила как влияние преисподней, похожее на давившую толщу воды, здорово ослабло. Расправив крылышки, она почувствовала прилив бодрости и даже засветилась, сыпанув пальчиками золотистые искорки. С бодростью пришел и задор,

присущий скорее неугомонной Таларе. Оглядывая силуэты в стене огня, Дина поймала себя на мысли, что больше не хочет избегать конфликта, а с удовольствием примет участие в заварушке, если архидемоны полезут в бутылку. Так сказывался мощный приток энергии от Илианы, помноженный на нивелирование воздействия скверны. Векстры по-прежнему молчали. Возможно, даже к лучшему. Нападать на Принцессу Крови, то бишь на высшего люмеанина в неблагоприятных условиях они явно не хотели. Диалог же тоже не начинали. А начни они его — императрица могла оказаться в затруднительном положении. Это вам не рядовые демоны. Речь пойдет совсем на другом уровне. Ей следовало уходить со сцены, пока спектакль не начал развиваться по чужому сценарию. На сей счет у Илианы был припасен подходящий жест. Повседневно она перчаток не носила, исключая торжественные приемы и прочие официальные мероприятия. Сегодня выдался особый случай. Неторопливо стянув с пальцев белый шелк, императрица движением кисти сделала небрежный, но подчеркнутый жест. Векстрам наплевать на обычаи людей, но они должны хорошо знать значение этого действия. Развернувшись, Илиана неторопливо прошла в Трансталл и вместе со спутниками скрылась в Фортумагуме. Пространственная Дверь захлопнулась, а белая перчатка осталась лежать там, куда ее бросила Принцесса Крови.

* * *

Стратегия Дин'Юлемионы себя оправдала. В середине декабря титанические усилия Эбби и его команды принесли плоды. Правда, они скорее были основаны на случайном успехе, но главное результат. Расположение оскольтратумов и пространственные искажения позволили засечь желанный объект, прежде неуловимо ускользавший от всех попыток себя обнаружить. Обнаружить совсем ненадолго, буквально на краю видимости, но все же. Он выглядел крошечной точкой, исчезавшей в космическом пространстве преисподней, однако Дин'Юлемиона сумела определить его природу. Это был планетоид. Планетоид даже не из мертвой плоти, а камня и металлов, судя по спектральному излучению. С того места, откуда фея наконец-то его нашла, нечего было и думать добраться до несущегося сквозь пространство небесного тела. Требовалось открыть упреждающий Трансталл, а здесь-то в означенной стратегии и нашлось уязвимое место. Она оправдалась лишь частично. Дин'Юлемионе и Эбби вообще повезло, что они сумели оказаться хотя бы в такой близости от планетоида. У феи никак не получалось вывести точную траекторию его движения. Даже те-

перь, когда она знала с чем имеет дело. А приблизительная больше смахивала на тыканье пальцем в небо. Наконец-то угадав один раз, Дина обычно попадала в молоко, промахиваясь не просто сильно, а очень сильно. Планетоид упорно ей не давался. Все расчеты выходили таким образом, что они каждый раз объясняли его движение постфактум, а прогнозы смахивали на шаманские предсказания. Эбби по этому поводу даже мрачно пошутил насчет трактатов по экономике. Там все уже случившееся разжевано и разложено по полочкам, при этом каждое новое серьезное событие ни один из них предвидеть не в состоянии. А чародею с феей нельзя быть сильными задним умом — им следует думать наперед! Только вот с этим дело упорно не ладилось… Они не теряли надежды, раз уж до желанной цели, казалось, было рукой подать, однако время шло, а результат оставался неизменным. Дина бодрилась, обещая, что обязательно вычислит точный курс планетоида. Эбби же соорудил для Трансталлов аж два дополнительных зала, чтобы иметь под рукой больше точек потенциального выхода в преисподнюю. Для чародея, кстати говоря, такие эксперименты давно бы закончились плачевно как из-за чрезмерной нагрузки, так и чудовищного воздействия скверны. Принцесса Крови, регулярно посещая Фортумагум, держала Вертория ван Грааса в идеальной форме, придавая ему поистине сверхчеловеческие возможности. В том числе поэтому она могла лично оценить плоды всех усилий и находила их не столь оптимистичными, как остальные. С каждым днем Илиана все больше хмурилась. Однажды, когда уставшая Дина завалилась спать в обнимку с Шуей, она окликнула Ульма и поманила его за собой.

Прослушать разговоры в кабинете императрицы было невозможно. Это подтверждала даже фея, добавившая к творению ведьм и чародеек кое-что от себя. Однако Илиана попросила Ульма перенести их куда-нибудь туда, где они переговорят без свидетелей.

— Подозреваю, ты хочешь меня о чем-то спросить, — сказал люмеанин.

В следующее мгновение они уже летели в космических просторах. У Илианы аж дух захватило, когда она поняла, что сидит на передке кабриолета сотканного из звездного света, а сам кабриолет запряжен в комету. Ее пышный хвост оставлял длинный искрящийся шлейф, а каждое движение двух пар вожжей, для вертикали и горизонтали, отклоняло ядро в желаемом направлении.

— По правде говоря, я немного завидовал Дине, когда она катала тебя маленькую на облачном экипаже, — пояснил Ульмаарандор, встретив изумленный взгляд девушки. — Теперь я позволил себе

немного наверстать упущенное. Такого ведь фея все-таки не может.
Взмахнув вожжами, Илиана пустила комету во всю прыть, и некоторое время, забыв обо всем на свете, восторженно наслаждалась полетом через туманность. Затем, когда первое впечатление прошло, несколько успокоилось. Продолжая направлять космический транспорт, она пролетела неподалеку от голубого гиганта, заложила крутой вираж и начала разговор.
— Что ты об этом думаешь? — спросила она люмеанина, оставляя звезду за кормой.
— О чем? — пожелал уточнить Ульмаарандор.
— Ты знаешь о чем, — отозвалась девушка. — Давай начистоту. Поэтому я и попросила переговорить наедине. Если хочешь — все, что ты мне сейчас скажешь, не пойдет дальше меня. Но сама я должна знать. План Дины осуществим?
— В теории — да, — помолчав, ответил люмеанин.
— А на практике? — также после паузы произнесла Илиана. — Ульм, я же заметила твою молчаливость. Обычно ты вставляешь хоть какие-нибудь реплики — вспомни историю нашего знакомства. Периодически что-нибудь говорил, порой ко всеобщему удивлению. А тут как в рот воды набрал. Ни совета, ни привета. Это что-то да значит.
— Так может, мне нечего добавить? — пожал плечами люмеанин. — Может, вы и так на верном пути?
— Или же ты не хочешь говорить нам, что наши усилия тщетны. Исходя из того, что я успела узнать о люмеанах, вы никогда не отнимете ни у кого надежду, — веско изрекла императрица. — Отсюда и мой вопрос. И я прошу тебя на него ответить. Ответить честно и без уловок. Ты никогда не лгал — факт. Люмеане не лгут. Просто ты сплошь и рядом говорил иносказательно или о чем-то умалчивал.
Ульм уже понял, к чему ведет его внучка, и пробовал уклониться от разговора, но та проявила настойчивость. Сказать ей решительное "нет" у него язык не повернулся, а ложь была действительно противоестественна его природе.
— Пожалей хоть Дину! Она ведь из кожи вон лезет, не обращаясь к тебе за советом и стараясь справиться сама! — сердито заявила Илиана. — Остальные, кстати, тоже. Ты успешно внушил им, что надо полагаться лишь на себя. Они и полагаются. Но мне тяжело думать о том, что все их усилия, возможно, бесполезны. И это подозрение растет во мне с каждым днем.
— Они не то чтобы бесполезны, — вздохнув, ответил Ульмаарандор. — Боюсь, у них на это просто не хватит времени.

Крайне неохотно, но все же сдавшись под давлением настырной внучки он изложил ей складывавшуюся ситуацию.

Арферону действительно не требовалось караулить Таунсторма огромной армией, несмотря на всю его значимость. Властелин преисподней поступил куда проще и эффективнее. Он поместил Повелителя Крови на планетоид, а этот планетоид пустил в бесконечное странствие вокруг преисподней. Узилище для пленника получилось просто гениальным. Дин'Юлемиона была права, когда говорила, что небесное тело состоит из камней и металла без примеси мертвой плоти. Материя преисподней плохо переносит контакт с излучением первозданного света, чья частичка есть и любом Повелителе Крови. Илиана не в счет, учитывая ее способности поддерживать жизнь в самих векстрах. Фея же пряталась под мантией Семиалостапилоны. Люмеанин, принявший облик воина, в принципе ничего не излучал, если сам того не хотел. Планетоид Таунсторма — простая неорганическая материя. На этом безжизненном шарике он несется сквозь пространство сотни тысяч лет, и Арферон явно рассчитывает, что так будет продолжаться и впредь. На то у него имеются веские основания. У Дин'Юлемионы никогда не получится точно рассчитать траекторию узилища Повелителя Крови. Это вам не корабль, плывущий через океан, и не метеорит, летящий мимо звездных систем. Вероятно, какой-то принцип движения у планетоида действительно есть, но он следует вдоль необъятной преисподней, продолжающей расти и расти. С того момента, как планетоид отправился в путь, он вряд ли сделал хоть один круг. Да, он огибает преисподнюю по периферии, ныряя между соседними оскольтратумами и регулярно проплывая над ними, но край вечного огня — сложное многомерное пространство. Даже обладай фея точным атласом всего мира векстров, она бы и то не смогла однозначно вычислить желаемый маршрут. Он задавался самим Арфероном, и наверняка задавался не по принципу "пнул и покатилось по инерции". Планетоид способен в любой момент резко изменить курс, и почему он это сделал в лучшем случае станет ясно лишь спустя время. Арферон придал ему условную стабильность, чтобы планетоид выглядел обычным куском материи, но при этом снабдил элементом непредсказуемости. Он создал для Таунсторма идеальную тюрьму, не нуждающуюся в охране. Люди физически не могут открыть туда Трансталл, ибо она все время перемещается. А ведь они даже не знают куда его вообще открывать. Создания света вроде Дин'Юлемионы способны вычислить нужные координаты, но неспособны по ним переместиться. Не говоря уже о том, что их присутствие в преисподней до сих пор считалось невозможным. А люмеанам до быв-

шего губернатора Асталийской провинции нет никакого дела. Они и так не заглядывают в преисподнюю, а уж если зачем-то и надумают, то уж точно не ради падшего Повелителя Крови. Вот и выходит, что с одной стороны план феи оправдан, и усилия людей носят логический смысл, но с другой от этого очень мало толку, если не сказать почти нет. Как максимум, Дин'Юлемиона будет периодически наблюдать ускользающий планетоид и иногда даже оказываться от него еще ближе, чем раньше. Однажды, вероятно, совместные усилия феи и обитателей Фортумагума увенчаются успехом. В отдаленной перспективе им, наверное, удастся оказаться в достаточной близости от узилища Таунсторма, чтобы попробовать на него попасть. Но против них играет время, на что, в том числе, и рассчитывал Арферон. Любой, кто станет искать Таунсторма, столкнется с таким набором препятствий, что все его усилия в конечном счете ни к чему не приведут. Возможно, жизни, отведенной Эбби, и хватит на осуществление замысла, особенно под влиянием Принцессы Крови, но вот Ардарианию за этот срок уж точно не устоит.

Когда Ульмаарандор закончил, воцарилось долгое молчание. Илиана, внешне совершенно спокойная, шевелила поводьями, направляя комету среди звезд. Люмеанин хмурился. Ему было очень непросто сказать внучке то, что он сказал. Вообще все вокруг становилось как-то совсем непросто даже для архангела. Оперировать задачами высшего порядка оказалось легче, чем брать на себя ответственность за жизнь отдельных существ, начав выделять их в общей массе. Ульмаарандор не жалел, что прилетел к своему потомку и остался подле него. Но он уже понял, что это труднее, чем казалось изначально. Илиана была права — люмеане никогда ни у кого не отнимут надежду. Сейчас Ульмаарандор ее вроде бы тоже не отнял. Только не означал ли его монолог, что ее никогда и не было?

— Что посоветуешь? — спросила, наконец, императрица, продолжая глядеть вперед.

— Бороться дальше, и ни в коем случае не сдаваться, — неторопливо ответил люмеанин. — Шанс все-таки есть. Ваша судьба — в ваших руках. Она милостива к тем, кто бросает ей вызов; кто сопротивляется до последнего. Если Трансталл окажется в достаточной близости от планетоида, Дина сумеет перенести относительно небольшую группу. Конечно не так, как я, но все же сумеет. Там и видно будет.

— Ты сам-то в это веришь? — посмотрела ему в глаза Илиана.

Ульмаарандор промолчал, ответив ей долгим печальным взглядом.

К концу декабря демоны заметно усилили натиск. У империи

попросту не хватало ресурсов сдерживать их по всему периметру соприкосновения. Благодаря промышленным поставкам на фронт, росту колдовских возможностей и личному участию императрицы положение удавалось поддерживать в стабильном состоянии. Увы, отвоевав часть провинций, включая два восточных государства, имперские войска вновь стали отступать. Демоны лезли с каким-то остервенением, словно решили испытать людей на прочность. Илиана усматривала в этом скрытую подоплеку. В пламенеющих легионах ходили о ней всякие разговоры. Арферон, как сообщил тот Пожиратель, опасался их пресекать. Его лучшим оружием была красноречивая демонстрация силы в противовес слабости императрицы. Прочие же векстры так или иначе ориентировались на ситуацию. Яростно нападая на людей, они как бы провоцировали Принцессу Крови доказать свое могущество. Яви, мол, нам что обещала, тогда и поглядим. А не можешь — значит и разговаривать не о чем. В итоге и получалось, что натиск демонов станет только расти, если императрица не предпримет каких-нибудь шагов, способных убедить их пересмотреть свои взгляды на вторжение. Чтобы часть демонов действительно приняла сторону Принцессы Крови, той следует убедить их, что игра стоит свеч. Что новая владычица не просто перессорит векстров между собой, а действительно способна свергнуть Арферона, что до сих пор не удавалось никому из архидемонов. Следовательно, Илиане срочно требовалось совершить нечто из ряда вон. Нечто такое, чего до сих пор никто от нее не ожидал. И она это совершила.

Тридцатого декабря императрица вновь осталась с Ульмом наедине. Позвав его в свой кабинет, она заперла дверь. Затем под удивленным взглядом люмеанина достала какую-то странную конструкцию и закрепила ее вокруг своей шеи подобно брыжам.

— Что за штуковина? — осведомился Ульмаарандор.

— Видишь эту кнопку? — ответила вопросом на вопрос Илиана, держа в руках маленькую коробочку.

Люмеанин кивнул.

— Если я ее нажму, механизм внутри этого воротника сомкнется подобно диафрагме. Плазма прижжет разрез, а впрыснутые жидкий азот и цианид затормозят регенерацию, забрав у нее часть восстановительного потенциала, — неторопливо сообщила императрица, словно читала инструкцию по применению.

— Но это же тебя убьет! — воскликнул Ульмаарандор, теряя обычную невозмутимость. — Иля, что за игры?! Снимай сейчас же, пока эта штука и впрямь не снесла тебе голову! Тогда даже я не смогу вернуть тебя к жизни!

— Для того я ее и надела, — ужасающе спокойным тоном изрекла

Илиана.
— Иля, ты с ума сошла?! — остолбенел люмеанин.
— Нет. Я очень хорошо сознаю что делаю. Ты выполнишь то, о чем я тебя попрошу. Если откажешься — мы с тобой сейчас разговариваем в последний раз, — твердо отчеканила Принцесса Крови.

– 12 –

Спровадить люмеанина на поверку оказалось легче, чем это выглядело изначально. Натуры старших детей света, как и натуры векстров, имели свои сильные и слабые стороны. Ульмаарандор, при всем своем могуществе, избегал лишать кого-либо жизни. Если против демонов он без угрызений совести обнажал меч, то к людям это не относилось. И тем более к таким существам, в чьих жилах струился первозданный свет. Иными словами, архангел был не в состоянии обрушить свой гнев на Ардарианскую империю и ее предводительницу. Покарать своего потомка у него рука не поднялась. Между выбором сразить собственную внучку, наполовину человека, наполовину дочь света, или покинуть мир людей, предоставив их своей судьбе, Ульмаарандор выбрал последнее. Для него это был тяжелый удар. Внучка действительно во всем превзошла сына — Юстелию Ардарианскому и не снилось как его наследница научилась манипулировать не только людьми, но и высшими существами других миров. Он, вероятно, пришел бы в бурный восторг, наслаждаясь триумфом дочери. Властелин Крови помышлял о Сунастийских пределах, но планы подчинить себе преисподнюю не приходили ему даже в самых смелых мечтах. Принцесса Крови протянула свою длань далеко за пределы Ардариании. Ульмаарандор был в ужасе. Он возлагал на Илиану большие надежды, поэтому удар пришелся ему в самое чувствительное место. Уходя, он поклялся больше никогда не возвращаться. Теперь если судьба и сведет его с внучкой, то только по разные стороны противостояния, если она со своими легионами начнет вторжение во вселенную. И уж в открытом бою ей лучше люмеанину не попадаться. А то, что это когда-нибудь произойдет, не выглядело такой уж фантастикой. Однажды выбрав свой путь, Принцесса Крови уже не могла с него сойти, какими бы помыслами она изначально не руководствовалась.

Многие векстры, взвесив все за и против, решили поддержать новую владычицу. Они уже не считали ее низшей формой жизни. Сущность люмеан, текущая в ее венах и лично подтвержденная самим Ульмаарандором, хоть и делала императрицу людей полукровкой, но полукровкой высшего уровня. Ее же собст-

венные качества, полученные в результате невероятных генетических смешений и исторических парадоксов, превращали ее в абсолютно уникальное создание. Настолько уникальное, что векстры не считали зазорным принять власть нового центра силы, способного на то, что неподвластно архидемонам. Векстры поступили исключительно практично. Они ненавидели люмеан, но их отпрыск, взявший дар силы света, но выбравший преисподнюю, рогатых чудовищ вполне устраивал. Как устраивало их и то, что этот отпрыск мог им дать. Да, сама по себе Принцесса Крови уязвима. Ее можно убить. Пойди на нее демоны большой толпой из младших и старших, получеловеку либо пришлось бы бежать, либо умереть. Но зачем же это делать, заведомо лишая себя заманчивых перспектив? Новая владычица дарует своим вассалам прежде недоступные для них возможности. Некогда Арферон, пусть и хитростью заполучив власть над преисподней, действительно существенно упрочил ее позиции. Преданность векстров основана на могуществе и перспективах. Если пришло время сменить одного повелителя на другого — так тому и быть. И какая разница кто он такой, если при нем преисподняя шагнет вперед так, как ей никогда и не снилось? Рассудив подобным образом, часть векстров тут же вышла из повиновения Арферону. Не просто часть — внушительное множество, возглавляемое двумя архидемонами. В него входили не только соединения пламенеющих легионов, но и оскультратумы. Их шаады объявили, что отныне Принцесса Крови на их территории желанный гость. Она может брать что пожелает, а тамошние векстры обязуются ее защищать от любой угрозы.

У Арферона все еще был шанс подавить мятеж в самом его зародыше, но он не рискнул немедленно бросить лояльных подданных на предателей. В том числе потому, что предательство в преисподней было естественным делом, когда речь шла между выбором сильнейшего лидера. Арферон надеялся договориться со старшими векстрами по-хорошему, убеждая их завершить вторжение. Вторжение, которым он был связан из-за договора с Повелителем Крови, и которое существенно осложняло его положение. И упустил время. К тому моменту, как Арферон понял, что вопрос придется решать исключительно силой, он утратил контроль почти над половиной пламенеющих легионов. Не вся эта половина перешла под знамена мятежников. Демоны заняли выжидательную позицию. Оно отказались продолжать вторжение в мир людей, предложив своим лидерам для начала разобраться между собой, а потом уже отдавать им приказы. Войска Ардарианской империи с удивлением наблюдали, как часть демонов разворачивается и уходит, причем если к кому и выражает враждебность, то к ос-

тавшейся части, пытавшейся их остановить. Приказ императрицы, объявленный по всей стране, прозвучал как удар грома: демонов, поднявших имперские флаги, не трогать! Отныне они обязуются не нападать на мир людей и не причинять ему ни малейшего беспокойства. Все остальные демоны подлежат полному уничтожению. Граждане Ардариании не могли поверить, что такое вообще возможно. Тем не менее, факты были налицо. Отступившие враги действительно стали огромными лагерями под знаменами Принцессы Крови и фактически вступили в противостояние со своими сородичами. Имперские полководцы протирали глаза, когда видели, что с одной стороны демоны воюют с их солдатами, а с тыла или фланга — с другими демонами. Вторжение Арферона в считанные часы потерпело крах. Пламенеющие легионы, утратив половину ударного потенциала, были физически не в состоянии продолжать успешную войну. Более того, они оказались меж двух огней, ибо согласно договоренности с Принцессой Крови мятежники отходили к Серым горам, где автоматически сталкивались с лояльными Арферону силами. А договоренность была таковой, что векстры навсегда оставляют Ардарианию — личную вотчину своей новой владычицы. Взамен та поведет их в другие края и одарит своими возможностями. Векстры также потребовали прояснить позицию люмеанина Ульмаарандора, из-за чего Принцессе Крови и пришлось объявить ему ультиматум. Люмеанин, жестоко шантажированный собственной внучкой, не принял ее идеи и покинул мир людей, но обитателей преисподней это вполне устраивало. Свою новую владычицу они и сами как-нибудь защитят, если Арферон попробует до нее добраться.

Вторжение фактически прекратилось. Имперская армия вышвырнула демонов обратно к Серым горам и громила вблизи последних Разломов. Тех рогатых чудовищ, кто собирался там же, но с отличительными знаками Принцессы Крови ее войска не трогали, следуя не только приказу, но и вполне очевидно соблюдаемому демонами соглашению. А вскоре стало некого и громить. Противостояние перекинулось на преисподнюю, и Арферону стало откровенно не до Ардариании. Некогда заключенный договор с одной стороны обязывал его продолжать вторжение, но с другой велел делать это оптимальным образом. А оптимальнее всего сейчас было сохранить контроль над преисподней, иначе выполнение обязательств вообще станет неосуществимым. Оставшись без поддержки, лояльные Арферону пламенеющие легионы выбросили белый флаг. Они прекратили сражаться и стали организованно уходить в Разломы, к тому времени уже работавшие в обе стороны. Часть демонов, перешедших на сторону Принцессы Крови, осталась, но

лишь для того, чтобы не допустить возвращения сородичей. Она окружила Разломы в Серых горах и контролировала все перемещения туда и обратно. Все остальные каналы в преисподнюю были сданы имперским войскам, и те принялись закрывать их один за другим. Фактически, Ардарианию была освобождена, исключая окрестности Руандаля, где располагались недавние враги, а ныне союзники. Война перекинулась в край вечного огня.

На стороне Арферона по-прежнему было больше сил. Мятежники уступали числом, но многие векстры заняли нейтральную позицию, дожидаясь куда качнется чаша весов. И Принцесса Крови приложила все силы для того, чтобы она качнулась в ее пользу. Мятежные архидемоны выполнили первую часть своих обязательств. Вторжение в Ардарианию прекратилось, ибо императрица людей была не в состоянии воевать на два фронта. Теперь они требовали ее прибытия в преисподнюю и обещанной поддержки. Та не замедлила себя ждать. Принцесса Крови прибыла в сопровождении преданного ей окружения, взявшего на себя заботы обо всех нуждах ее величества, и с ходу вступила в бой. К моменту ее появления войска Арферона теснили мятежников, занимая взбунтовавшиеся оскольтратумы. Без личного присутствия новой владычицы война наверняка закончилась бы не в пользу восставших, но ее вмешательство резко все изменило. Алая звезда зажглась над океаном вечного огня. Старшие демоны, включая Деаморхов, почувствовали, как растет, множится их могущество. Они с легкостью преодолевали нападки противника и сами стали наносить невероятно сокрушительный урон. Пламя неприятеля гасло. Огонь, вызванный сторонниками Принцессы Крови, взвивался до небес. Оскольтратум, практически потерянный под давлением превосходящих сил, был быстро отвоеван обратно. Векстры Принцессы Крови практически смели войска Арферона. Их плоть восстанавливалась быстрее, чем ей успевали причинить ущерб. Сами же они разносили всех вокруг в пух и прах, выдавая невиданную прежде мощь. Деаморх, овеянный алыми рукавами, без труда сокрушал двух других. Архидемон, насыщенный энергией императрицы, превращался в машину смерти.

Следовало отметить, что в преисподней дальнобойность способностей Принцессы Крови невероятно возрастала. Там действовали свои законы. Новая владычица и сама не ожидала какую она обретет силу. Испускаемый ей свет волнами проносился над пламенеющими легионами. Исполинских векстров она доставала за десятки миль. Любой из них, находясь под ее непрерывной поддержкой, становился практически неуязвим. Два архидемона, рискнувшие первыми признать нового лидера, громили всех, кто по-

падался им на пути, включая полководцев противостоящей им армии. И в следующем оскольтратуме их было уже трое.

Принцесса Крови не могла сама перемещаться по преисподней, но эту заботу взяли на себя старшие векстры. Они же обеспечивали ей защиту, чтобы какой-нибудь Ноктикорум не добрался до их новой владычицы. А попытки добраться были, и они неизменно терпели фиаско, благо что окружение Принцессы Крови черпало неимоверную силу в ее энергии. Когда первый оскольтратум был возвращен под управление мятежников, Алую звезду тут же перенесли в другой, где она немедленно включилась в кипевшее там сражение. Результат не заставил себя ждать. Легионы Арферона потерпели поражение и были вынуждены отступить, сохраняя остатки боевых ресурсов. В третьем оскольтратуме на стороне мятежников числилось уже четверо архидемонов. Количество старших векстров, встававших под знамена новой владычицы, стремительно росло. Если бы Арферон изначально пытался захватить все мятежные оскольтратумы сразу, он, возможно, добился бы успеха. Решив сконцентрировать силы на нескольких направлениях, он обрек себя на поражение. Принцессе Крови было проще направлять пламенеющие легионы всего в нескольких местах, а в не сотнях одновременно. Давя превосходящими силами, Арферон не успел совсем немного, но шедшая в руки победа обернулась полным провалом. Три отбитых мятежниками оскольтратума — не такая уж большая потеря. К несчастью для Арферона, они стали знаковой вехой, подчеркнувшей могущество Принцессы Крови. Убедившись, на что она способна, колеблющиеся векстры стали массово переходить на ее сторону. Власть Арферона пошатнулась настолько критично, что ему перестал повиноваться даже Ноктикорум. Он не видел смысла уничтожать перспективный центр силы, о чем и заявил тому, кто все еще носил титул ее властелина. Если Арферон не способен справиться с Принцессой Крови, то он, Ноктикорум, не такой дурак, чтобы собственноручно препятствовать восхождению более могущественного лидера. Арферона обуял величайший гнев, но бросать вызов Ноктикоруму было не самой удачной идеей. Архидемон-одиночка неважно воевал в составе пламенеющих легионов, зато один на один был крайне нежелательным противником. Потерпев поражение от высшего люмеанина, он наверняка захочет отыграться в чем-нибудь еще, и лучше не наживать в его лице врага. Пусть лучше Ноктикорум умоет руки, нежели явится за самим Арфероном по приказу Принцессы Крови. А все, глядишь, к тому и шло. Преисподняя сотрясалась от боевых действий, разделившись примерно поровну. И баланс сил постепенно склонялся не в пользу ее власте-

лина. Он вроде бы контролировал ее энергетические ресурсы, да вся беда как раз и заключалась в том, что Принцесса Крови обладала своими. Не просто ему неподвластными, а принципиально иными. Пока она подпитывала преданных ей векстров, тем было на все нахчать. Демоны, овеянные могуществом своей повелительницы, получили возможность появляться где угодно, куда раньше не могли попасть без подходящих условий. Таким образом, Арферон изначально лишился своего самого главного рычага влияния — энергетического шантажа. А Жнецы уже вовсю перебегали к Принцессе Крови. Усиленные ее алым светом, они начали творить такие чудеса в преобразовании энергетических потоков, что их собратья горели черной завистью. Концентрированный экспфернум, полученный в результате невиданного прежде воздействия, превосходил все мыслимые показатели. Векстры, имевшие доступ к его источнику, кратно увеличивали свои способности и обретали новые. Когда весть об этом разнеслась на всю преисподнюю, свержение Арферона стало вопросом времени. И у него не осталось иного выбора, кроме как собрать ударный кулак, оставив большинство стратегических ресурсов без надзора, и атаковать ставку Принцессы Крови.

Арферон все еще был силен и преисподнюю знал всяко лучше своей соперницы. Владычице помогали советники из числа самых высокопоставленных векстров, но все же собственный ум императрицы еще не владел всей полнотой информации. Из-за этого она уступала тактически, сглаживая этот минус энергетическим влиянием. Таким образом, ее векстры действовали не столь эффективно как могли бы, знай их предводительница всю подноготную, но зато превосходили противника в ударной и защитной мощи. Сошедшиеся армии сотрясли всю преисподнюю до основания. Сражение затронуло сразу несколько оскольтратумов, зацепив и периферию в пустоте. Описать его не хватило бы никаких слов, поскольку человеческий взор просто не улавливал и половины происходящего. Рождались и исчезали гигантские фрагменты материи. Яростные вспышки аннигиляции размером с планету выглядели настолько же обыденно, как уличные фонари. Вечный огонь, взвиваясь тут и там, бушевал по обе стороны, нейтральный сам по себе, но используемый его порождениями друг против друга.

Несколько дней сражение продолжалось с переменным успехом, но в какой-то момент армия Принцессы Крови наконец-то стала теснить Арферона. К тому часу два оскольтратума были разнесены в клочья, а из их обломков частично образовалось подобие нового. Решающий перелом наступил тогда, когда векстры Принцессы Крови начали занимать оставленные Арфероном стратеги-

ческие ресурсы, обращая их себе на пользу. Власть прежнего властелина преисподней быстро обращалась в прах. Он не успел задавить внучку люмеанина блиц-кригом и теперь расплачивался за это. Армия новой владычицы, почувствовав резкий рост своего превосходства, остервенело ринулась в атаку. Боевая мощь Арферона таяла на глазах, а лояльные ему векстры оказались перед угрозой уничтожения. И тут Принцесса Крови неожиданно остановила сражение, приказав своим войскам отойти. Она желала говорить с векстрами Арферона. Выступив на нейтральную территорию под защитой старших демонов, императрица фактически обращалась ко всей преисподней. Она заявила, что не желает взаимного уничтожения пламенеющих легионов. Чем уполовинивать свой потенциал, векстрам следует вновь объединиться. Их ждет могущество, а не поражение, будущее, а не прошлое. Арферон проиграл, но Принцесса Крови — не одна из векстров, поэтому не поступит так, как обычно поступают они. Она согласна, что править преисподней должен наиболее сильный, и сейчас сила на ее стороне. Но она не желает сокрушать прежнего властелина в ничто, как принято в краю вечного огня. Ей достаточно, чтобы Арферон уступил условную корону. Сам он останется одним из высших векстров и продолжит заниматься тем, что у него всегда отлично получалось — добычей энергией и ее распределением. Он может отказаться и тогда будет изгнан на границу миров, но его войска вольны сами выбирать кого они хотят видеть повелителем. И пусть выбирают прямо сейчас — хотят ли они пошатнуть власть преисподней или пойти к грядущему величию.

Это было ново. Но ново было все, что сейчас происходило. Никогда еще векстры не подчинялись кому-то не из своей среды, и уж тем более не сходились в такой ожесточенной схватке. Арферону было непросто признать поражение и уступить лидерство Принцессе Крови, но поражение в любом случае уже произошло. А другие векстры не хотели тонуть вместе с ним. Идея новой владычицы старшим демонам понравилась. Посовещавшись, они принялись уговаривать Арферона согласиться на поставленные условия — стать равным среди прочих архидемонов, но более великим в грядущей преисподней. Посредником неожиданно выступил Ноктикорум. Выслушав императрицу, он пообещал стать гарантом договора. Если Принцесса Крови несправедливо осудит и уничтожит Арферона — он явится за ней. Если Арферон нанесет подлый удар против интересов всей преисподней — Ноктикорум заставит его понести заслуженное наказание. Таким образом для обоих сторон устранение друг друга станет техническим самоубийством.

Старшие векстры, выслушав Ноктикорума, поддержали его

предложение. Следом их поддержали шаады всех оскольтратумов, включая тех, что все еще сохраняли лояльность прежнему властелину. Междоусобная война всем решительно разонравилась. Принцесса Крови уже доказала свои способности, поэтому если она столь великодушна, что хочет решить дело миром — так тому и быть! В конце концов, Арферон действительно чрезвычайно полезен преисподней, а если Принцесса Крови не оправдает надежд — он всегда может занять прежнее место. Илиана, выслушав речи старших демонов, согласилась с их доводами. После этого ни у кого из векстров уже не осталось к ней никаких претензий. Они единогласно перешли на ее сторону и ждали решения судьбы Арферона. Тот вышел вперед и стал напротив своей соперницы, которую некогда видел совсем юной девчонкой. Теперь она сияла алым, а за ее спиной стояла вся некогда принадлежавшая ему мощь пламенеющих легионов. Сделав над собой невероятное усилие, Арферон склонил голову. В то же мгновение вся преисподняя признала Принцессу Крови своей повелительницей.

Мир людей был освобожден и восстанавливался после разрушения, причем в его восстановлении участвовали сами векстры. Они самостоятельно нивелировали уровень скверны, помогая очищать зараженные земли. Тем, кто появлялся в Ардариании, она больше не требовалась — их существование поддерживала императрица. В качестве единственного очага преисподней оставался Разлом Руандаля. Через него векстрам было проще приходить и уходить, но как вассалам Принцессы Крови, а не ее врагам. Граждан Ардариании это вполне устраивало. Человечество вообще привыкает к чему угодно. Даже к тому, что рогатые демоны уже не убивают их направо и налево, а преданно служат его повелителю. Последнего это автоматически возносило на недосягаемую высоту. Казалось, люди не переварят мысль, что Рубистелла станет владычицей преисподней. На деле все вышло иначе. Слишком многим польстила мысль, что их императрица настолько могущественна, что держит в кулаке всех демонов вместе взятых. Ведь отныне Ардариания объявлялась неприкосновенным миром, и ее гражданам более нечего бояться за свои жизни и имущество. Воевать во внешние миры их никто насильно не гнал, а что может быть лучше процветающего дома? Большинство приняло новые идеи, поэтому вид архидемона-посланника, всегда находившегося при дворце в Тал-Амине, вскоре никого уже не удивлял. Конечно нашлись и те, кто не принял изменения мирового порядка. Клерики наотрез отказались иметь дело с демонами, но их никто и не заставлял, как не заставлял и чародеек. Клериков лишь предупредили, что если они рискнут предать императрицу анафеме, то их

судьба тотчас будет решена. Чародейкам обещали не привлекать их к решению проблем в других мирах. Демоны не лезут в заботы людей, люди не лезут в заботы демонов. Чародейкам такой расклад решительно не нравился, но выбора у них особо не было. Их отношения с Принцессой Крови перешли в вынужденно нейтральный характер. Сестры Альмирстала занимались делами Ардарианнии и ни на йоту больше. Дочери света не могли встать бок о бок с векстрами, однако Илиана этого и не требовала. Она была императрицей мира людей и владычицей преисподней одновременно, при этом мир людей оставляла людям, а векстрами управляла самостоятельно. Это почти всех устраивало, а кого нет, тот вынужден был замолчать перед лицом неизмеримого большинства.

Разумеется нашлись и те, кто с воодушевлением последовал за Принцессой Крови в ее фантастических начинаниях. Чародеек среди них не было. Даже Сирелины. Она ушла из Тал-Амина вместе с Бэйлом, чтобы посвятить себя людям. Зато Уна и множество других ведьм, соблазненных вселенскими просторами, вторично присягнули императрице на верность с учетом ее нового статуса повелительницы преисподней. Последняя их не слишком интересовала, зато те края, куда Принцесса Крови собиралась, манили их чрезвычайно.

Да, ступив на эту дорожку, Илиана уже не могла остановиться. Она прекратила вторжение, обезопасив Ардарианию, но и возглавляла она преисподнюю ровно до тех пор, пока это устраивало векстров. Ведь по сути извечный постулат, звучащий как предупреждение, никуда не делся. Если демоны позволяют вам что-то от них получить, значит, это устраивает самих демонов. Став повелительницей преисподней, Принцесса Крови была вынуждена следовать своему титулу. Она, безусловно, привнесла с собой много новшеств, но общий курс пламенеющих легионов от этого не менялся. Они признали власть новой владычицы не для того, чтобы та свернула их деятельность и жила в своем мирке. Они желали чтобы она вела их во вселенную! И обратной дороги у нее уже не было.

Хуже всего приходилось бедняжке Дине. Она до последнего цеплялась за воспитанницу, отказываясь поверить в происходящее, и все еще на что-то надеясь. Освобождение Ардарианнии от скверны позволило ей находиться в Тал-Амине без постоянного присутствия императрицы. Но фея едва удерживалась от того, чтобы не последовать за Ульмаарандором. Дина пробовала увещевать Илиану, пытаясь хоть как-то образумить. Императрица относилась к словам покровительницы терпеливо и никогда с ней не ругалась. При этом продолжала гнуть свою линию, действуя ис-

ключительно по собственному усмотрению.
— Ульмаарандор отказался спасать мой народ. Я же избавила Ардарианию от вторжения. Теперь людям ничто не угрожает. Так что же такого плохого я сделала? — парировала Принцесса Крови на все речи Дин'Юлемионы.
Та старалась без необходимости не покидать личных покоев Илианы, в том числе чтобы не встречаться с архидемоном посланником. Ведь с некоторых пор преисподняя завела в столице свою постоянную резиденцию и была представлена там так же, как ведьмы, чародейки и прочие влиятельные структуры. Фея по большей части тосковала в личной оранжерее Илианы или лежала, сжавшись с маленький комочек.
— Но какой ценой ты это сделала? Ты променяла счастье и безопасность своих людей на горе и беды для миллиардов живых существ! — взывала Дина, все еще рассчитывая достучаться до воспитанницы.
— Повторяю — люмеанин отказался мне помочь, предпочитая наблюдать как гибнут граждане Ардарианнии. Я же на это смотреть не могла, — снова и снова отвечала императрица. — Это был непростой выбор, но я его сделала. Ульмаарандор предпочел умыть руки, а у меня хватило решимости взять на себя ответственность!
— Ты может и спасла свой мир, да сколько погубишь других! — ужасалась фея. — Векстры признают тебя только пока ты ими правишь как того желает сама преисподняя. И они требуют обещанной им экспансии.
— Жертвы будут, — сурово соглашалась Илиана. — Но такова цена, которую мне приходиться платить. Однако всему свое время. В преисподней я тоже произведу некоторые перемены. Я уже их произвожу. Со временем все станет иначе.
— Возглавив векстров, ты одновременно стала их заложником. Они тут же отрекутся от тебя, едва ты перестанешь их устраивать. Вернет себе власть Арферон или нет — неизвестно, зато вернуться в Ардарианию векстры еще как могут, если окажутся с тобой на ножах, — пыталась образумить воспитанницу Дин'Юлемиона. — Ты обрела огромное могущество, но могущество на крови, и плата за него будет только множиться.
— Я это прекрасно понимаю, — соглашалась Принцесса Крови. — Именно поэтому у меня есть свой план. Его осуществление требует времени, и цена, конечно, будет высока. Но если того требовало спасение моих людей и, в дальнейшем, многих других, пусть и ценой множества жизней — так тому и быть.
И тут же принималась в очередной раз разжевывать фее свои грандиозные замыслы.

Демонам придется дать то, что они хотят. Это уже начинается. Пламенеющие легионы отправляются в такие уголки мироздания, где прежде их никогда не было. Для проникновения в другие миры и реальности им больше не требуются Разломы и достаточный уровень скверны. Во всяком случае, изначально. Принцесса Крови проводит их через Трансталлы и наделяет необходимой энергией для создания плацдарма. После этого демоны быстро наращивают присутствие и начинают полномасштабное освоение новых территорий. В том числе сражаясь с местными формами жизни, если таковые есть и оказывают сопротивление.

Первыми жертвами экспансии Принцесса Крови наметила такие миры и их обитателей, с кем у людей меньше всего шансов нормально сосуществовать или договориться. Гипотетического противника особо не жалко, так что пусть тот и имеет дело с векстрами. Касаемо других миров императрица изначально обдумывала политику двойственности. Она желала их подчинять, а не уничтожать полностью. Вся вселенная из мертвой плоти оскольтратумов — это никуда не годится. Принявшие власть Принцессы Крови делятся только частью ресурсов с преисподней. Сами же вступают в растущую империю Рубистеллы, в том числе армейскими подразделениями. А вот здесь-то Принцесса Крови и начнет свою хитрую игру. По мере роста числа завоеванных миров каждый из них автоматически станет делать сильнее все предыдущие. Полученные знания, технологии и ресурсы, распределенные между всеми провинциями вселенской империи, будут поднимать эти провинции на все новый уровень. И постепенно императрица сформирует несколько центров силы, подчиненных лично ей и одновременно способных конкурировать друг с другом. Таким образом, если изначально альтернативы пламенеющим легионам у Принцессы Крови нет, то со временем они перестанут быть единственным ударным кулаком, равно как и рычагом влияния. Иными словами, созданные императрицей центры силы вместе будут способны нивелировать влияние какого-то одного. Набрав, развив и вооружив армии из иных миров, она получит возможность диктовать демонам свою уже ничем не ограниченную волю. В том числе принимая непопулярные у них решения. Отказавшись ее выполнять, векстры могут лишиться своей могущественной владычицы и при этом остаться с носом, поскольку у той хватает и альтернативной поддержки. Объединенные армии вселенской империи способны держать преисподнюю в узде, если та передумает подчиняться Принцессе Крови. И такое вполне вероятно, ибо Илиана не желает видеть мироздание целиком из мертвой плоти и вечного огня. Возглавив векстров, она действительно поведет их

во вселенную, как те того и хотят, но со своими целями и уж обязательно под своим контролем. Сейчас его можно достичь только предлагая демонам более заманчивые жертвы, нежели те, которые они собирались получить самостоятельно. В будущем преисподней придется считаться со своей владычицей совсем по другим причинам. А уж императрица постарается сделать так, чтобы к тому времени, когда это произойдет, мир демонов уже не был прежним. И чтобы его обитатели лояльно восприняли те изменения, на которые сейчас не согласятся ни за какие обещания.

Дине, выслушивавшей все эти идеи вселенского масштаба, легче ничуть не становилось. Даже если Илиане удастся их воплотить, количество грядущих жертв даже навскидку выглядело совершенно неизмеримым. Пусть она и сможет взять векстров под полный контроль, когда выстроит свою космическую империю в соответствии с замыслом — все равно это ужасно. Ведь она выстроит ее исключительно по своему видению. Видению одного человека, который решает что хорошо и что плохо сразу для множества миров и народов. Решает кому жить, а кому умереть, кем можно пожертвовать, а кого перевести на новый уровень развития. Этого старались избегать люмеане, но как раз нечто подобного желали добиться векстры. Именно последние мечтали подчинить себе все мироздание и привести его в соответствие со своим о нем представлением. Принцесса Крови де-факто намеревается сделать то же самое, пусть и по альтернативному сценарию. Желая спасти одни народы, она превратится в сущий кошмар для других. Сохранив часть миров и реальностей, императрица обратит в прах все прочие, либо же изменит их до неузнаваемости. Благословляемая миллионами, она будет проклята миллиардами.

— Надеюсь, однажды ты согласишься, что я была права, — ничуть не раздражаясь, отвечала Илиана. — Я не хочу, чтобы ты уходила. Этого не требуют даже в преисподней. Оставайся со мной, и ты сама все увидишь. Увидишь расцвет невиданной прежде империи. Увидишь, как преисподняя из страшной угрозы всему живому перестанет быть таковой. Пусть не сразу, но перестанет. Мои способности растут. К тому времени, как я создам разные центры силы, векстры уже не смогут перечить моей воле. Солдаты Ардариании и пламенеющие легионы окажутся на равных. Мои войска, сформированные на основе разных миров, обретут возможность поставить на место любого, кто осмелится бросить вызов устоям империи. Да таковых уже и не будет.

— Будут! — упрямилась Дин'Юлемиона. — Люмеане никогда не примут твою новую империю! Это будет империя зла, даже если она не видится тебе таковой. И однажды они станут вынуждены

вступить с ней в противостояние, хотите вы с ними того или нет.
— Но это будет их выбор! — жестко заявляла Принцесса Крови. В такие и только такие моменты она утрачивала мягкость и спокойствие, обыкновенно присущие ей в разговорах с любимой наставницей. — Как обычно, это будет ТОЛЬКО ИХ выбор. Выбор, который они постоянно избегали делать, пуская все на самотек. Выбор, который я просила их сделать раньше, и который они в очередной раз проигнорировали, предпочитая самоустраниться. Я не хочу с ними воевать, но если они сами решатся выступить против меня и моей империи — пусть так!
Дин'Юлемиона в ужасе замолкала, не желая представлять, как ее воспитанница идет войной на детей света во главе несметных легионов из разных миров. Илиана, не желая давить на маленькое существо, оставляла ее в покое, давая возможность передохнуть в зелени оранжереи или под крылышком Шуи. Ничего, все еще утрясется. Главное, что Дина по-прежнему оставалась в Тал-Амине. Переживет, привыкнет. Увидит, что Илиана права. Будущее все расставит на свои места. В отличие от феи, Принцесса Крови не была бессмертной, но ощущала как меняется ее жизненный цикл. Прежде она могла рассчитывать на сотни тысяч лет. Теперь, благодаря секретам из преисподней, счет уже шел на миллионы. А уж векстры всяко не допустят, чтобы их владычица безвременно почила от какой-нибудь случайности. Вот и хорошо. Пусть думают, что их намерения совпадают. В общем-то, так оно и будет, только Принцесса Крови постепенно подменит интересы демонов своими. А последним лучше отнестись к ним лояльно, иначе обитатели преисподней однажды окажутся на обочине нового мира.

Присутствие Дин'Юлемионы действительно никому не мешало, включая архидемонов. В конце концов, скалья — не высший люмеанин. Могут же быть у владычицы свои маленькие слабости? Пусть возится с феей как с домашней зверюшкой. Особого вреда та причинить не может, в мировые процессы не вмешивается, а значит и проблем никаких. Об этом сообщал Зильбердрейнуаг-рен-Дег, ставший первым среди нового поколения демонов и заодно личным бесом Принцессы Крови. Теперь это не было огромным позором — с некоторых пор сие почиталось за величайшую честь, поскольку та стала повелительницей преисподней. Зильбердрейнуаг-рен-Дег носил на плече изображение капли крови — отличительный знак принадлежности к императрице. С этим знаком перед ним открывались любые двери, а уста беса величаво изрекали "по приказу ее величества". Теперь его слушали решительно все. Зильбердрейнуаг-рен-Дег, прежде и не мечтавший произвести хоть какое-то впечатление даже на шаада, считался высокой пер-

соной у самих архидемонов. Он свел тесную дружбу с шаадой Гдорстонхорстума — тем суккубом, что одной из первых столкнулась с Принцессой Крови. Во время мятежа эта шаада сразу приняла сторону новой владычицы, и она же вместе с бесом успела сформировать костяк приближенных векстров. Императрице была нужна надежная опора в непривычном для нее мире, и бес с шаадой не без выгоды для себя устроили все лучшим образом. По своему влиянию шаада сравнялась с архидемонами, а Зильбердрейнуаг-рен-Дег и вовсе стал притчей во языцех для всего края вечного огня. Он был живым примером могущества императрицы, наделившей его даром существования в разных мирах. На этой основе, под бдительным присмотром той же шаады и прочих заинтересованных лиц, в преисподней началось создание нового поколения демонов. Демонов, вбиравших в себя самые сильные качества разных существ, начиная с людей и заканчивая детьми света, чью искру носила в себе Принцесса Крови. Первые же результаты производили очень убедительное впечатление, вызывая к владычице еще большую преданность. Старшие векстры конкурировали за право быть в числе тех, кого она переводила на иной уровень развития. Теперь уже мало кто сомневался в реальности ее амбициозных замыслов. И даже если люмеане однажды осмелятся вступить с новой вселенской империей в войну, то победа будет за ее легионами.

Это была поистине страшная сцена. Ульмаарандор, возглавляющий люмеан, сошелся в прямом противостоянии с собственной внучкой. Та же, во главе различных существ и окруженная непроницаемым вечным огнем, направляла свои армии на детей света. Внучка и ее дед, кому надлежало быть вместе, олицетворяли вселенскую вражду и вселенскую же катастрофу. Некогда высший люмеанин защитил Принцессу Крови от Ноктикорума, не позволив ему забрать жизнь своего потомка. Теперь ему приходилось пробиваться к ней для того, чтобы самому нанести им же отведенный удар. Но было слишком поздно. Могущества Ульмаарандора больше не хватало чтобы превозмочь силы монстров, порожденных и взращенных вселенской императрицей. Эти гибриды, заполонявшие мироздание как саранча, обладали лучшими качествами некогда несовместимых сущностей. В том числе сущностью света, ужасно извращенной, но все же присутствовавшей в их полуматериальных телах. И все они следовали воле Принцессы Крови, повинуясь ей безоговорочно. Излучение Алой звезды достигло поистине космических масштабов, ибо она и сияла как настоящая звезда, охватывая своими лучами межпланетные просторы. Под этим светом ее поданные становились практически неуязвимы.

Даже для люмеан. Ульмаарандору не пришлось оказываться перед мучительным выбором. Выбором, который приходил к нему в кошмарах с тех самых пор, как внучка жестоко его шантажировала. Тогда люмеанин не нанес ей роковой удар и неизвестно нанес ли бы он его даже сейчас. Илиана была продолжением его собственного я, и в глубине души Ульмаарандор продолжал ее любить даже такой. Ведь он был созданием света, а не презренным векстром, и видел мир иначе. Увы, иначе его видела и Илиана. Однако Ульмаарандору так и не пришлось выбирать — к своему падшему потомку он не пробился.

Изгнание люмеан пошатнуло все основы мироздания. Дети света отказались подчиниться вселенской императрице, но она этого ожидала. Старших его созданий она изгнала в вечное ничто с правом вернуться, если те передумают. Младших, включая фей и других существ, она не трогала, если эти создания не посягали на ее империю и граждан. Им была предоставлена возможность заниматься своим прямым делом — заботиться о садах, ручьях и различных формах жизни без всякой политики. Нарушителей ждало изгнание. Злостных нарушителей — навечное стирание из реальности. Однако мироздание — куда более сложная система, нежели оно представлялось даже Принцессе Крови, подмявшей под себя все сущее. Без уравновешивающих сил, без естественного баланса, без чистого первозданного света которому служили люмеане оно начало разваливаться. На смену извечному укладу вещей шло нечто новое. Нечто из забвения, никогда не существовавшее, но пробуждающееся из-за расколотой реальности. Нечто такое, что грозило навсегда погубить все известные формы жизни. Вселенная не достигла стабильности под властью одного суверена, диктующего всем и вся свою волю. Она содрогалась от вызванного им невидимого прибоя, быстро превращавшегося в гигантское цунами.

С тихим жалобным писком Дин'Юлемиона вихрем метнулась к Илиане, надеясь удержать ее от рокового шага. Возможно, еще не поздно! Возможно, все еще можно повернуть вспять! Ведь всегда есть хоть какая-то надежда! Приземлившись на подушку рядом с императрицей, Дина коснулась рукой ее щеки и всмотрелась в спящее лицо. Безмятежное, спокойное, не обремененное никакими заботами и уж тем более теми ужасами, что сейчас обуревали фею. Похлопав золотистыми ресницами, Дин'Юлемиона встряхнула головой, силясь отогнать нахлынувшие на нее видения. Она представляла Илиану одновременно в разных ипостасях, включая ту, где воспитанница приводит вселенную к катастрофе. Однако будить императрицу из-за этого прямо сейчас явно не

стоило. Опомнившись, фея сообразила, что в мирной, залитой лунным светом спальне никаких ужасов не произошло. Дина только что грохнулась из своей кроватки едва ли не на Илиану, которую чуть не схватила за грудки из-за всех этих ужасов, грозивших погубить все сущее. Кроватка из живых растений, подвешенная в изголовье императрицы, все еще качалась, потревоженная падением феи. Илиана же мирно спала, не услышав ни единого звука. Наставница, собиравшаяся вцепиться в нее мертвой хваткой, вовремя пришла в себя и теперь переводила дух, обводя окружающую обстановку беспокойным взором.

Ульм неизменно стоял на часах подле спальни ее величества. Ему было необязательно находиться внутри, чтобы обеспечивать внучке надежную защиту, поэтому он не хотел ее попусту смущать, постоянно находясь в поле видимости. У молодой женщины должно быть свое личное пространство. Исчезнув с подушки императрицы, Дин'Юлемиона объявилась подле круглосуточно бодрствующего люмеанина.

— Что, не спится? — тихо просил тот, окинув взбудораженную фею спокойным взглядом.

— Ну спасибо, дорогой! Спасибо за красочно расписанную альтернативную реальность! — прошипела Дин, мечтая дать Ульму по носу. — Мне теперь такие кошмары снятся, что любо-дорого! Сейчас я чуть Илю не разбудила, чтобы она не изгоняла люмеан в вечное ничто!

— Я лишь показал тебе к чему все может привести, — качнул головой Ульмаарандор. — Это не обязательно случится. Я не ясновидящей вроде вашей Галаны. У люмеан свое видение будущего. То, что я тебе явил — в известном смысле уже произошло, просто не здесь и не сейчас. Не с этими нами, и не с этой Илианой. Конкретно наша с тобой задача — не допустить подобного развития событий.

— Устроив мне столь увлекательный аттракцион, ты забыл об одном, дорогой архангел — о моих чувствах! — продолжала сердиться фея. — Твое альтернативное будущее, в отличие от пророчеств Галаны, слишком правдоподобно, отчего мне теперь покоя не дает! Еще бы мне не снились настолько реалистичные кошмары, если по факту они действительно часть реальности! Я тебя покусать готова!

— Извини. Но так было надо, — отозвался Ульмаарандор. — После того, перед каким выбором поставила меня Илиана, я решил дать наглядный урок вероятного развития событий. Если она и дальше продолжит в том же духе, за последствия я не ручаюсь.

— Я не думаю, что она бы это сделала, — покачала головой Дина.

— Иля, конечно, иногда перегибает палку, но не настолько.
— А вот здесь ты ошибаешься, — спокойно отозвался люмеанин. — В том и проблема, что она это как раз таки СДЕЛАЛА. Нажала ту проклятую кнопку. Понятное дело, что я не дал механизму сработать, но выбор был произведен. И ей и мной.
— Ты этого не говорил! — ахнула фея.
— Я бы и не сказал, не обвини ты меня сейчас попусту в своих кошмарах. Лучше увидеть их во сне, нежели наяву, — наставительно произнес Ульмаарандор. — Поэтому убедительно прошу тебя повлиять на Илиану, чтобы она больше не поступала со мной столь неприемлемым образом.
— Я вообще не понимаю откуда она взяла эту жуткую штуковину?! — всплеснула руками Дин'Юлемиона. — Ее ведь кто-то изготовил! Не сама же Иля ее сконструировала!
— А то ты не знаешь, что Иля умна и расчетлива, — грустно улыбнулся люмеанин. — Я навел справки. Заказ выполнили доверенные ведьмы. Им она сказала, что это на крайний случай. Чтобы не попасть в плен к векстрам. И попросила молчать, чтобы не огорчать ни чародеек, ни близких ей людей, а заодно избежать всяких неприглядных слухов. Ведьмы выполнили заказ императрицы без малейших подозрений. Она ведь им даже не солгала — Иля до сих пор предпочитает не лгать. Просто умолчала о дополнительном назначении устройства.
— Так ты сделаешь то, о чем она тебя просила? — помолчав, осведомилась фея.
— Я дал слово, — вздохнул люмеанин. — Я не могу допустить ее гибели — слишком к ней привязан. Теперь Иля это знает. Но вот как бы это и не привело ее на кривую дорожку.
О той острой и неприглядной сцене были осведомлены лишь трое, из которых двое принимали в ней непосредственное участие. Илиана рассказала о своей выходке только Дине, поскольку не держала от нее секретов. Правда, воспитанница частенько пренебрегала деталями, но фея неизменно оставалась в курсе всех событий, хотя последнее время это начинало происходить постфактум. Люмеанин решился раскрыть некоторые подробности инцидента, когда Дин'Юлемиона обратилась к нему с вопросами. Илиана сообщила наставнице основу осуществленного ей шантажа, однако не упомянула несколько важных нюансов. В частности, что она все-таки нажала ту кнопку, и только на этом драматический эпизод не закончился.

Ульмаарандор не позволил внучке снести себе голову. Архангел он, в конце концов, или нет, чтобы бесстрастно наблюдать за таким безобразием да еще не иметь контроля над каким-то пусть

и хитрым механизмом. Илиана, непривычно бледная от решимости, сняла самоубийственную штуковину, когда выяснила ее бесполезность. И тут же огорошила Ульма парочкой неприятных утверждений. Мол, ему не удастся всегда и во всем ей препятствовать. Либо он помогает, либо, так или иначе, столкнется с последствиями своего отказа. Ибо отказываясь помогать в малом, он собственноручно толкает Принцессу Крови на путь повелительницы преисподней. Она будет вынуждена пойти на риск использования Кордраторусов, и никто не знает, к чему это приведет. Для защиты своего народа императрица готова на все. Если она не в состоянии демонов перехитрить, она попробует их подчинить. А там уж как получится. Люмеанину, понятное дело, такие речи пришлись отнюдь не по душе, но Илиана заявила, что если он намерен ее остановить, то пусть делает это прямо сейчас. В частности, не мешает нажать кнопку. Оставаться в стороне императрица ему не позволит.
— Ужасы какие, — вздрогнула Дин'Юлемиона, слушая Ульма. — Я не верю, что она это всерьез.
— Я тоже был почти уверен, что Иля блефовала, — неторопливо изрек люмеанин. — Но вот это "почти" — довольно значительное допущение. Нашу любимицу лучше не недооценивать. Она чувствует на себе груз огромной ответственности. Кто знает, на что она способна ради того, что считает общим благом. Ты же не понаслышке знаешь, куда обычно заводят благие намерения…
— Значит, ты все-таки уступил ее требованиям, а не согласился добровольно, — заметила фея.
— Не совсем так, — мотнул головой Ульмаарандор. — Я бы никогда ничего не сделал против своей совести. Но ситуация была непростой и я бы даже сказал тревожной. Иля ведь открытым текстом заявила, что мне проще покончить с ней сейчас, если я не стану ей помогать и при этом воспрепятствую в самостоятельном выборе пути. Она, мол, не хочет ворошить осиное гнездо, но своим отказом я не оставлю ей выбора.
Да, эти наиболее неприглядные детали Илиана преподнесла Дине совсем в другом свете. Фактически императрица дала Ульму понять, что если тот ей не поможет, тогда ему, вероятно, впоследствии захочется ее остановить, а чем дожидаться стольких хлопот, проще сделать это прямо сейчас и не устраивать комедию. Принцесса Крови не пойдет обниматься с Арфероном или другими архидемонами, однако и сложа руки сидеть не станет. Если Ульм не согласится на ее просьбу, она попробует получить то же самое от Кордраторусов. А если не получится, то через них же попытается узнать как остановить вторжение. И так далее, и так далее. Кого

это не устраивает, тот либо помогает, либо может прямо сейчас ее убить, ибо Илиана оставляет за собой право действовать по своему усмотрению.
— Она же понимает, что ты можешь не давать ей поступать как вздумается? — осторожно спросила Дин'Юлемиона.
— Конечно, — мрачно усмехнулся люмеанин. — Удержав ту фигуральную кнопку, я способен удерживать ее всегда и везде. Но при этом мы с ней оба понимаем особенность такой ситуации. Она не маленький ребенок, чтобы я ходил за ней хвостом и не давал совать пальцы куда не следует. Ее авторитет тут же будет уничтожен когда выяснится, что верный страж императрицы на деле контролирует что она может делать, а что нет. Не давая ей поступать по-своему, я автоматически нарушаю политику невмешательства самым дурным образом и ставлю под удар всю государственную власть в Ардарианской империи. А если народ усомнится в могуществе своей повелительницы — пиши пропало. Страна и так держится на волоске, чтобы я своими руками этот волосок еще и перерезал…
— Тогда я тебя не понимаю, — развела руками фея.
— Я согласился, но на этот раз. Согласился, потому что просьба все-таки не такая уж и крамольная. Иля ведь не потребовала чтобы я сражался во главе ее армии или что-нибудь еще из ряда вон. Однако она может войти во вкус, — объяснил Ульмаарандор. — Подумает: один раз сработало — сработает и еще раз. Постепенно она начнет повышать планку своих требований, превращая меня в личного чародея. И однажды я буду вынужден ее покинуть, когда Иля окончательно перейдет черту, а произойдет это скорее раньше, нежели позже, особенно если вы не преуспеете в противостоянии с векстрами. Тогда… Я показал тебе альтернативную реальность. Поэтому я и прошу тебя с ней переговорить. Тебя она скорее послушает, чем меня. Убеди ее, что так нельзя, пока не дошло до беды. Между прочим, вот тебе одна из наглядных причин отчего я предпочитал хранить инкогнито. Узнав кто я, Илиана вольно или невольно начнет меня использовать, привлекая к изменению хода истории, чего я всячески старался избегать.
— Хорошо, я поговорю с ней, — сказала фея, поежившись при воспоминании о той, другой Илиане.
Илиане, которая продолжала ее слушать, но которая упрямо поступала по своему. Илиане, ставшей повелительницей преисподней. Дин'Юлемиона не верила, что ее воспитанница способна принести вселенной такие ужасы. Однако все делается не сразу. Мало-помалу, под давлением обстоятельств, будут постепенно рушиться прежде непереходимые границы. Это, в свою очередь, ме-

няет мировоззрение и устанавливает новые. А ну как вероятное будущее Ульмаарандора ближе, чем кажется? Дина не переживет, если ее воспитанница и впрямь станет самой страшной владычицей в истории.

Эбби продолжал работать над Трансталлами, поддерживая с императрицей прямую связь. Он и Дин'Юлемиона следовали прежнему плану, изо всех сил пытаясь достичь неуловимой цели. Чародей не знал, что императрица внесла в него свои коррективы, как не знал об этом и никто другой. Фея помалкивала, не желая посвящать посторонних в отношения люмеанина и Принцессы Крови, а та и тем более никому не рассказывала. Таким образом, формально ничего не изменилось, однако Дина, Илиана и Ульмаарандор дожидались совсем не того, чего все остальные. Впрочем, дожидалась в основном Илиана. Люмеанин хранил обычное спокойствие. У феи же хватало забот с вычислениями, от которых у нее только что голова не пухла. Императрица старалась ее не отвлекать, но Дина нет-нет, да и ловила на себе внимательные взгляды, словно спрашивающие "ну, долго еще?" Ответа на этот вопрос не было. Как назло, прогноз Ульма подтверждался самым неприглядным образом. Планетоид продолжал ускользать по заумной траектории, поддающейся внятному толкованию в основном постфактум. Тут уже и сама фея начала подозревать, какое длительное время у нее займет погоня за этим небесным телом. Эбби же и вовсе не мог ей помочь, занимаясь исключительно технической стороной дела. Он готовил Трансталлы в указанные точки, но не больше. Илиана, сперва воспрявшая духом, снова начинала хмуриться. Время шло, а планетоид упорно не показывался. Наоборот, словно в насмешку над императрицей он вел себя все более непредсказуемо. Дин'Юлемиона постоянно попадала в молоко, удаляясь от желанного объекта, а отнюдь не приближаясь. Планетоид будто обладал даром предвидения и в ответ на меры, принятые Принцессой Крови, организовал собственные. Теперь Илиане было достаточно, чтобы фея повторила свой первый успех, но ничего подобного упорно не происходило. С точки зрения люмеанина, вид на планетоид способен открыться из Трансталла в любой момент, при этом произойти это могло как завтра, так и через год. Но года в распоряжении императрицы не было. Демоны продолжали давить, практически вернув себе оставленные территории. Илиана прилагала максимум фантазии, стараясь водить их за нос, однако идеи у нее иссякали. Захват небольших групп, натравливание их друг на друга, расспросы, показательные вылазки и прочие полумеры утрачивали эффективность. К этому векстры начинали привыкать, а ничего кардинально нового от императрицы не

поступало. Ее возможности, безусловно, впечатляли, но их было явно недостаточно для серьезного разброда и шатания в стане врага. Вот если Принцесса Крови овладеет Кордраторусом и вторгнется в нервную систему преисподней — вот тогда да! Тогда векстрам будет о чем призадуматься. Однако до тех пор ее воздействие выглядело не слишком значительно, чтобы считаться с ним всерьез. Локальное порабощение малой толики пламенеющих легионов не такое уж светопреставление, хоть и происходило впервые в истории. Вот безнаказанный контроль над информационными каналами, пусть хотя бы частично — совсем другое дело. Проблема заключалась в том, что Илиана к Кордраторусам отнюдь не рвалась. Получится у нее что-нибудь или нет — и в том и в другом случае события пойдут по непредсказуемому сценарию, грозившему критической эскалацией. Императрица лишь создавала для векстров видимость своих замыслов, грозя наложить руку на ресурсы преисподней. Это была ширма для реального плана добраться до Таунсторма. Плана, который грозил пойти прахом, если демоны сообразят, что в действительности задумала Принцесса Крови. Тогда Таунсторм наверняка станет для нее недосягаем. И шансы на то продолжали расти, пока векстры не получали убедительных доказательств, а Дин'Юлемиона никак не могла выйти на планетоид. Илиана, томясь ожиданием, отводила душу на передовой, регулярно наведываясь в Фортумагум и преисподнюю. С каким-то остервенением она отдавала свою энергию до капли, делая небольшие паузы лишь перед экспериментами Эбби. Экспериментами, которые никак не приносили желанного результата. Время шло, положение Ардариании становилось все хуже, а Принцесса Крови, как ни старалась, была не в состоянии переломить складывавшееся положение. Она крепилась, понимая, что отчаиваться нельзя; что ее настрой немедленно передастся остальным, и тогда империя рухнет. Но душевные силы императрицы иссякали, как иссякала и ее вера в успех. Она уже едва держалась, когда в конце февраля наконец-то произошло долгожданное событие. Фея, пройдясь с Илианой по выдвижному мосту в пустоту, с радостным возгласом указала на быстро удалявшуюся точку.

Никто сразу не понял что произошло затем, включая Эбби с Сирелиной. Вот только что императрица и ее покровительница находились рядом, а вот их уже нет. Перед глазами ошеломленных спутников возникло какое-то слабое смазанное свечение. Оно же протянулось куда-то в направлении планетоида и исчезло из виду. Протянулось настолько стремительно, что выглядело скорее мимолетной галлюцинацией, нежели каким-то реальным явлением. Однако долго гадать, куда подевалась императрица, не пришлось. На

мосту, у ног всполошившихся людей, возникли крупные переливающиеся буквы, выполненные колдовскими письменами. "Мы на планетоиде. Ждите меня здесь!" — гласила надпись, представшая округлившимся глазам экспедиционного отряда. Сохраняя свою вылазку в тайне, Илиана никого не известила, что собирается к Таунсторму одна, в сопровождении лишь Ульмаарандора и Дин'Юлемионы. Последнюю ей в любом случае требовалось взять с собой, поскольку оставлять фею одну было равносильно ее изгнанию не только из преисподней, но и Ардариании. Люмеанин же осуществил перемещение на планетоид. Ведь именно это и потребовала от него императрица, когда угрожала самоубийством — доставить ее в узилище Таунсторма.

Формально перенести на это небесное тело несколько человек могла и Дин'Юлемиона. Не мгновенно, разумеется, а пролетев в пустоте определенный путь. Однако в этом и заключалась проблема. В отличие от архангела, доступное фее расстояние измерялось совсем другими величинами, равно как и скорость его преодоления. Иными словами, Трансталл должен находиться в непосредственной близости от планетоида и с упреждением его курса. Однажды, как и предсказывал Ульмаарандор, такое обязательно бы произошло, но время работало против людей. Илиана решила не ждать у моря погоды. Она не стала играть с теорией вероятности в лотерею и захотела, чтобы люмеанин сыграл роль того самого счастливого случая. Раз уж он вообще возможен, будем считать, что Дина и Эбби все-таки открыли подходящий Трансталл, и фея отправила Илиану на планетоид. Ведь это могло случиться завтра? Могло. Значит, архангел не совершит нечто принципиально неосуществимое, если подменит собой вероятность и сделает то, что по силам и фее, просто здесь и сейчас, а не абы когда. Ульмаарандору, само собой, такие рассуждения не слишком понравились, но в итоге он уступил. В словах внучки содержалась известная логика, хотя способ убеждения, к которому она прибегла, был на грани фола.

— Я выполнил твою просьбу, дитя мое, — сказал люмеанин. — Теперь все в твоих руках, ибо большего я тебе не обещал.

Оглянувшись, императрица поняла, что стоит на том самом планетоиде, несущемся сквозь пространство вокруг преисподней. И тут же почувствовала как Дин'Юлемиона сжала ее плечо. Посмотрев, куда указывала фея, девушка увидела впереди оранжевое свечение.

Окружающий пейзаж был довольно унылым. Из невзрачного камня, испещренного прожилками различных металлов, кое-где возвышались небольшие скалы, где-то зубчатые как пасть кроко-

дила, где-то покатые, будто обточенные тысячелетними ветрами. На планетоиде не было видно ни травинки, ни даже малейшего фрагмента органики. Его фиолетовые, красные, серые и серебристые тона, смешивавшиеся в странной гамме, не содержали признаков жизни. Отсутствовала даже мертвая плоть преисподней. Вокруг, сколько хватало глаз, не было заметно и векстров. Никто не бродил по планетоиду, и никто не парил над ним в пустоте. Даже вечный огонь, обретавший форму колдовского пламени или кипящей лавы, не озарял безразличные ко всему камни, не плавил металл и не вздымался раскаленными гейзерами. Однако имелось кое-что в этом холодном космическом пейзаже и отличительное. На одном участке, вблизи от которого очутилась Илиана, скалы расступались, освобождая довольно широкое пространство. Там, среди угнетающего однообразия планетоида, возвышалось несколько построек, бросавшихся в глаза чисто человеческой архитектурой. Вряд ли их возвели руки мастеровых из числа людей, но сам вид этих строений говорил, что созданы они отнюдь не для демонов. Очевидным центром небольшого комплекса была пятиэтажная башня с высоким шпилем из какого-то странного материала. Возле нее располагалось несколько других построек разного вида и формы, промеж которых виднелось нечто похожее на сад с кустами и низенькими деревьями. Оттуда же, поражая слух в абсолютной тишине, доносилось тихое журчание не иначе как от фонтанов или ручьев. Комплекс окружал слабо светившийся оранжевым купол, практически прозрачный, но все же отчетливо различимый. Судя по всему, он питался от шпиля на вершине центральной башни, откуда в зенит его полусферы вздымался плотный столб какой-то субстанции. Что находилось под этим куполом догадаться было нетрудно. Ульмаарандор не просто перенес Илиану на планетоид. Он доставил ее прямиком туда, где находился Таунсторм. Сообразив, что она видит, императрица направилась к невысоким зданиям, видневшимся в какой-то полумиле. Направилась прежде, чем ее подхватила фея и вихрем переместила к странному куполу.

Дальше пути не было. Илиана уткнулась в препятствие и, как ни старалась, не могла пересечь плавно изгибавшуюся пограничную черту. Дин'Юлемиона силилась пробить в куполе брешь или хотя бы раздвинуть его в стороны, но у нее ничего не выходило. Ульм, поймав на себе взгляды обеих, только покачал головой. Допытываться в чем тут дело императрица не стала. Точнее, не успела. На ее внутреннем сонаре вдруг вспыхнула, засияла яркая точка, знакомая по детским воспоминаниям. Ошибки быть не могло — такое жизненное излучение принадлежало только Повелителям

Крови.
— Таунсторм! — крикнула Илиана что есть мочи, забыв о всякой предосторожности. — Таунсторм, подойди ко мне! Я хочу тебя видеть!
Точка не отреагировала. Она по-прежнему оставалась там, где и была. Возможно, бывший губернатор Асталийской провинции ничего не слышал, либо же по какой-то причине не покидал своего местопребывания. Охваченная целой бурей чувств, императрица схватила устройство Эбби и выкрутила его на максимум. Голос девушки разнесся над планетоидом подобно грохоту лавины, сошедшей со склонов гор.
— Таунсторм! Прислужник векстров! Трусливый мерзавец! Предатель рода человеческого! Приди сейчас же и посмотри в глаза той, кто сражается с последствиями твоих злодеяний! Найди в себе мужество хоть раз поступить правильно! — гремела Илиана, распаляясь по мере собственного крика.
Заветная цель была так близка, а она никак не могла преодолеть последние разделявшие их ярды.
— Иля, заклинаю тебя, тише! Твои крики услышат во всех соседних оскольтратумах! — заволновалась Дин'Юлемиона, желая унять расходившуюся от гнева девушку. — Мы что-нибудь придумаем!
— Я слишком долго пыталась добраться до этого негодяя, чтобы прождать еще хотя бы час! — разорялась императрица. — Таунсторм, черт тебя дери! Неужели ты настолько продался векстрам, что даже не осмеливаешься показаться?!
Фея никогда не видела воспитанницу в таком гневе. Сиреневые глаза яростно сверкали, будто намеревались прожечь в оранжевом куполе дыру и испепелить бывшего вассала ее отца. Пальцы левой руки сжались в кулак, которым девушка потрясала перед неподдающимся препятствием. Судя по ряду признаков, она собиралась перейти от угрожающих воззваний к менее цензурной лексике, как вдруг на очередной тираде осеклась. Точка пришла в движение. Словно встрепенувшись от векового сна, она закружила на месте, а затем быстро сместилась в сторону. Похлопав ресницами, императрица увидела, как от одного из строений в ее сторону бежит человеческая фигура.

Да, это был Таунсторм. Илиана хорошо запомнила его внешность не столько из детских воспоминаний, сколько из видений Последнего Приюта. Аристократические черты смуглого лица, чуть вьющиеся темные волосы, средний рост и прищуренные карие глаза, в которых таились ум и хитрость. А вот и примечательная родинка на левой щеке, которая стала видна лишь вблизи. Тогда, когда Таунсторм добежал до оранжевого купола и остановился на-

против Илианы.
— Я узнаю тебя! — ошарашено воскликнул он, проводя рукой по лицу так, будто стряхивал наваждение. — Ты не призрак и не галлюцинация! Ты — дочь Юстелия Ардарианского, императора и Властелина Крови!
— А ты — гнусный предатель, из-за которого Ардарианию оказалась на краю гибели! — зло заявила императрица, впившись в собеседника горящим взглядом.
Величайшее изумление на лице Таунсторма тут же сменилось выражением глубочайшей скорби. В нем как будто задули ту искру, что сейчас оживила все его существо.
— С тех пор не прошло и дня, как я горько пожалел о содеянном, — ответил он, понурив голову. — У тебя есть все основания меня ненавидеть. Увы, я слишком поздно осознал что натворил. Здесь, в этой тюрьме, я был обречен вечно терзаться мыслями о гибели всей Ардариании!
— Ардарианию жива и сопротивляется! — заявила Илиана. — Пока еще сопротивляется! Но это ненадолго, если мы не придумаем как остановить вторжение!
— Как?! — воскликнул, вновь оживая, Таунсторм. — Моя родина уцелела?!
— Не благодаря тебе, подлый мерзавец! — свирепо отозвалась императрица. — Благодаря тебе ее пожирает огонь, как некогда пожрал Асталийскую провинцию. Спустя сотни тысяч лет векстры вернулись и теперь пытаются довести начатое до конца!
— Прошу тебя! Умоляю! Расскажи мне обо всем! — воскликнул Повелитель Крови, протягивая руки к девушке. — Я был заперт здесь все это время! Что тогда случилось?! Что происходит сейчас?! Как ты вообще здесь оказалась?!
— Спрашивать буду я! И ты расскажешь мне все, что я хочу знать! — жестко произнесла Илиана. — А я хочу знать каждое слово твоего договора с Арфероном!
— Я отвечу на все твои вопросы — клянусь! — истово заверил Таунсторм. — Но сначала ответь на мои. Сотни тысяч лет моя душа страдала от сознания того, что я принес гибель нашему миру. И вдруг появилась ты и говоришь, что он все еще сражается с врагом! О, облегчи мои страдания! Воскреси его в моих мыслях! Подари мне счастье услышать о нем вновь!
— Нам некогда болтать! Демоны могут появиться в любой момент! — воскликнула императрица.
— О, я бы об этом не беспокоился, — усмехнулся бывший губернатор. — Они уже давно здесь не показываются. Меня иногда навещает лишь сам Арферон, чтобы взять мою кровь для своих нечес-

тивых экспериментов.
— Ты будешь говорить или нет?! — грозно изрекла Илиана, пытаясь проникнуть в сущность собеседника.
— Да, но только после того, как ты расскажешь мне обо всем, что случилось вплоть до твоего появления здесь! — твердо заявил Таунсторм. — Не пытайся меня заставить — я ведь тоже Повелитель Крови, пусть и не такой могущественный как ты. У тебя нет надо мной власти. Я знаю, что мне нет оправдания, а вина моя не измерима никаким мерилом. Но я прошу лишь даровать мне утешение. Потом я сделаю для тебя все, что в моих силах. Прошу — окажи мне это последнее и единственное одолжение.
— Я окажу его когда пробьюсь через этот барьер и сверну тебе шею! — гневно выпалила императрица.
— Не выйдет, — подал вдруг голос Ульмаарандор. — Видишь тот энергетический стержень, что питает купол? Арферон пропустил через него часть энергии преисподней. Теперь мне окончательно ясно отчего он даже не потрудился выставить на планетоиде хоть какую-то охрану. Чтобы пробиться внутрь даже у меня уйдут годы, если не десятилетия.
— Верно, — подтвердил Таунсторм, с удивлением воззрившись на воина. — Арферон часто мне этим похвалялся, чтобы лишить всякой надежды на освобождение. Первое время ему доставляло особое удовольствие терзать мою душу, рассказывая о своих замыслах. Правда потом он отчего-то перестал это делать. Видимо, архидемону это надоело. Но откуда обычный воин может такое знать? Я ведь не чувствую в нем ничего особенного. Ее светозарность Дин'Юлемиона мне знакома, а вот кто он?
— Арферону не наскучило над тобой издеваться. Просто его вторжение тогда заглохло, в чем он, разумеется, не признался. А воин этот непростой. Перед тобой стоит высший люмеанин по имени Ульмаарандор и мой родной дед, ибо он отец моего отца, — сообщила, чеканя слова, Илиана.
— Архангел!.. — прошептал Таунсторм, выпучив глаза на спутника императорской дочери. — Силы небесные, так вот откуда у Юстелия было такое могущество!..
— Не твоими бы устами небеса поминать! — холодно прищурилась девушка.
— Я знаю, — снова понурился Повелитель Крови. — Ты можешь мне не верить, но я бы сделал что угодно, чтобы исправить тогдашнюю ошибку. Лучше тысячу раз умереть, чем стать причиной стольких бедствий. И я готов умереть! Но умереть с сознанием того, что моя прекрасная Ардарианиа все еще существует!
— У меня предостаточно оснований сомневаться в твоей искрен-

ности. Ты умел прятать чувства от моего отца. Я не знаю, способен ли ты спрятать их от меня, — процедила императрица, смерив бывшего губернатора недобрым взглядом.
— Я говорю правду. Я не могу этого доказать, но это так, — тихо отозвался Таунсторм.
Илиана почувствовала как фея легонько ущипнула ее за шею. Это могло означать только одно. Вздохнув, императрица обуяла бурлившие в груди эмоции, постаравшись взять себя в руки.
— Хорошо, я удовлетворю твою просьбу, — сказала она, пристально глядя на собеседника. — Но горе тебе, если ты взамен не сделаешь все, что я потребую! Тогда я лично попрошу Арферона превратить твое существование в бесконечный ад, при мысли о котором будет содрогаться вся вселенная!
— Даю слово! — поднял руку Таунсторм, положив другую на сердце.
— Договорились, — помолчав, ответила императрица. — Итак, что ты хочешь знать?
— Все! — жадно воскликнул Повелитель Крови.

Даже Ульмаарандор не мог припомнить столь необычного разговора. Обстановка, обстоятельства и действующие лица по совокупности выходили за все мыслимые рамки, представляясь уникальной исторической вехой. Императрица, стараясь не затягивать, но и не пренебрегая деталями, излагала бывшему губернатору Асталийской провинции всю череду событий с тех пор, как тот исчез из Руандаля, погибшего в огне сразу вслед за этим. Период между двумя Ардарианскими империями Илиана упомянула вкратце, как бы объясняя воцарившийся упадок и подводя черту под нынешнюю эпоху, зато последние двадцать лет расписала довольно тщательно. И было отчего. Прошлое Таунсторм и сам неплохо знал. Там ему лишь требовалось обрисовать некоторые факты, что Илиана и сделала. Перипетии нынешнего времени были ему полностью неизвестны, хоть и уходили корнями в прежние дни. У императрицы имелись основания сообщать Повелителю Крови определенные подробности. Она рассчитывала получить ответы на остававшиеся вопросы, если Таунсторм сдержит данное ей слово. По мере своего повествования Илиана остыла и успела хорошенько поразмыслить. До нее вдруг дошло, что если бывший губернатор вздумает заупрямиться, рычагов давления на него у нее попросту нет. Стало быть, с ним следует договориться по-хорошему, иначе в последнем дюйме от успеха весь план рискует полететь к чертям. При мысли об этом Принцесса Крови едва вновь не взъярилась, поскольку Ардариания опять зависела от прихоти этого человека. Тем не менее, ей удалось сдержаться. Ка-

жется, Таунсторм был настроен доброжелательно. Он покорно сносил все нападки и выглядел настолько удрученно, что в душе у удивленной девушки шевельнулось участие. Она встретила его пылая гневом и презрением, но мало-помалу эти чувства улеглись, уступив место жалости и сочувствию. Объяснялось сие очень просто. Илиана не могла подчинить своей воле другого Повелителя Крови, но читать его она читала. И то, что творилось у него в душе, невольно смягчило ее отнюдь не злое сердце. Кажется, бывший губернатор все-таки был искренен и не прятал свои подлинные переживания. Последующий рассказ самого Таунсторма окончательно заставил императрицу проникнуться к нему если и не симпатией, то уж точно не ненавистью. Как и у Эбби, у Таунсторма было время хорошенько обдумать что он натворил. Сотни тысяч лет одиночного заключения — это вам не шутки. Они не перекуют дьявола, но вполне способны изменить человека. Особенно того, кто не родился со злом в душе и лишь совершил в своей жизни череду ужасных ошибок.

Когда Илиана закончила свое повествование, Таунсторм уже давно не пытался скрыть навернувшиеся слезы. Он плакал от облегчения и горя одновременно. Он был счастлив, что Ардарианния живет и процветает, пусть и не так, как раньше. Однако знание о том, что она вновь оказалась на краю гибели сжимало его сердце всколыхнувшейся болью. Каждый день приносил все новые жертвы, и виноват в этом был всеми забытый узник демонического планетоида.

— На один твой вопрос я отвечу немедленно. Вопрос, который ты даже не задавала, — сказал Таунсторм, утирая мокрое лицо. — Твое появление в Нирелине не случайно. Тот шейх, Арбах ан-Бакир — глава племени Хранителей Липкого огня. Старик и сам забыл откуда в его народе взялась эта древняя тайна, которую жители оазиса поклялись оберегать от всего света.

И тут удивленная Илиана услышала историю возникновения своей приемной семьи.

Невероятно, но факт — когда-то группу Хранителей создал сам Таунсторм. Этой группе был доверен великий секрет, полученный столь неприглядным образом от самого Арферона. Хранители не были обременены скверной и не расплачивались за опасное знание. Они лишь владели им в полной мере, как владели и технологией изготовления снарядов для адской смеси. Император, убедившись в эффективности нового оружия, пожелал заполучить копии всех данных, не желая оставлять их во власти своего потенциального противника. Таунсторм подчинился требованию Властелина Крови. Его тогдашним планам это ничуть не мешало.

Император не стал изобретать колесо. Он сформировал свою группу на основе специалистов из Руандаля и убедился, что она в полной мере владеет ценным секретом. Затем он оставил все как есть, позволив Таунсторму заниматься Липким огнем, но только до тех пор, пока не разразилась катастрофа. Дальше положение императора стало щекотливым. Он не хотел, чтобы его причастность к этому делу была предана огласке. Хорошенько обдумав сложившуюся ситуацию, Юстелий Ардарианский призвал к себе Хранителей и велел им удалиться в уединенное поселение. Там группе посвященных надлежало хранить тайну Липкого огня до тех пор, пока однажды их не освободят от принесенной клятвы. И сделать это мог лишь сам император либо его наследники. Хранители поклялись и отправились в своеобразное изгнание, растянувшееся в итоге на сотни тысяч лет. Их костяк составляли как люди Властелина Крови, так и самого Таунсторма. И тех и других объединяло общее дело на благо империи, и они с честью пронесли его сквозь века. Разумеется, сам Таунсторм уже не мог этого знать, исчезнув в вихре пламени до того, как огонь пожрал Руандаль. Об этом ему рассказал Арферон, наведываясь к жертве своего обмана. Властелин преисподней всегда знал, где находятся носители тайны Липкого огня. Огня, придуманного в океане вечного пламени. По приказу императора они удалились в ничем не примечательную деревушку под названием Нирелин. Там они и остались, сокрытые от всех, ибо даже Властелин Крови пожелал не знать, где обосновались Хранители. Пламенеющие легионы, уничтожая все на своем пути, обошли деревушку стороной, обтекая ее как река скалу. Тому была причина. Арферон не хотел уничтожать посвященных в тайну из самой преисподней, усматривая в этом некую крамолу. Люди, владеющие секретом изготовления адской смеси, способны пригодиться, если и не в Ардариании, так за ее пределами. Ведь коварный и разрушительный Липкий огонь архидемон сумел передать в мир людей лишь при помощи Повелителя Крови. Второго такого шанса может и не быть. В итоге Хранители уцелели. Поклявшись не покидать свои жилища, они лишь наблюдали как мимо шествуют рогатые чудовища, а окрестности пожирает огонь, не пересекавший границу их поселения. Судя по всему, там они и остались, поколениями пройдя сквозь тысячелетия. Потерпев необъяснимое поражение в уничтоженной Сангвитории, Арферон перестал сообщать Таунсторму новости из Ардариании. Во всяком случае такие, что заставили бы Повелителя Крови не считать ее погибшей. Лишь теперь, узнав от Принцессы Крови ошеломительные новости, Таунсторм свел все концы воедино. Оазис носил имя той деревушки, на месте которой и располагался. Нынешние по-

томки Хранителей пронесли свой секрет через сотни тысяч лет, и сами позабыв откуда взялся он и откуда произошли они. Род Хранителей с честью выполнил свой долг, и он же, судя по всему, послужил катализатором возвращения императорской дочери из Контура Забвения. Караванщики оказались в развалинах дворца не случайно. Арферон, вновь пытаясь захватить Ардарианию с участием Липкого огня, невольно пробудил энергию из вечного ничто. Он использовал кровь Таунсторма, чтобы создать не разрушаемых скверной демонологов. И этим демонологам архидемон собрался вручить тайну, некогда дальновидно сохраненную им в мире людей. Но ничего не проходит бесследно. Одно всегда тянет за собой другое. Взаимосвязанные процессы пришли в действие. В то время как Дегонис окучивал хана Гийюра, внушая ему соблазнительные мысли о Липком огне и великих завоеваниях, караванщики из Нирелина, убегая от невиданного шторма, наткнулись на развалины дворца из импрезитореума и нашли в них юную Принцессу Крови.

Когда Таунсторм умолк, Илиана также не говорила ни слова, собираясь с мыслями и раскладывая неожиданную информацию по полочкам.

— Скажи, Таунсторм… Одного из первых Хранителей случайно звали не Отремиан? — помедлив, спросила фея.

— Да! Откуда вы об этом знаете? — удивился бывший губернатор.

— Да так, беседовали, было дело, — усмехнулась Дина, обменявшись с воспитанницей понимающим взглядом. — Похоже, император не покарал его, а заставил искупать свою вину. Вероятно, благодаря Тринионе. Что ж, следует признать, что Отремиан выплатил свой долг до конца. Это же объясняет, откуда в роду Арбаха ан-Бакира всегда были мудрые старцы. Чародеи, в отличие от чародеек, не могут передавать свой дар по наследству, но их потомки частенько отличаются немалыми умственными способностями. Даже молодые, вроде Меландигоры.

Тут Дин'Юлемиона прикусила язык и виновато посмотрела сначала на Илиану, а потом на Ульмаарандора. Оба ответили ей слабой улыбкой — мол, все нормально, не переживай. Таунсторм, не осведомленный о матери Властелина Крови, навострил было уши, но императрица не дала его мыслям пуститься не в том направлении.

— Ты говорил, что Арферон использовал твою кровь. Использовал, чтобы создать неподдающихся скверне демонологов, — заметила она. — Я хочу знать подробности.

— Да что там знать, — вздохнул Таунсторм. — Ни для кого не секрет, что скверна разрушает людей, как тело, так и душу. Векстрам, разумеется, всегда было на это глубоко наплевать за исклю-

чением одного — когда разрушение касалось их полезных марионеток. Архидемоны, при всем своем могуществе, никак не могли повлиять на этот процесс, как бы им ни хотелось. Однажды Арферону пришла в голову светлая мысль, что дар Повелителей Крови, способных нивелировать воздействие отравы, можно использовать в своих целях. А один из них был прямо у него под рукой. Архидемон пришел ко мне, прочитал очередную издевательскую лекцию и взял у меня образец. Ему удалось это отнюдь не сразу. Чтобы удержать кровь такого как я требуется нечто большее, чем простое желание, даже от Арферона. Сначала ему пришлось изобретать способ, с помощью которого он мог изъять у меня хотя бы несколько капель. И лишь затем, когда спустя тысячи лет архидемону это удалось, он приступил к экспериментам. Вероятно, однажды те увенчались успехом, раз властелину преисподней удалось создать Дегониса и его Манипуляторов. Воздействие скверны существенно затормозилось. Правда, отпечаток дыхания архидемона наложил на снадобье побочные эффекты — ведь не случайно ваш Дегонис стал таким красавчиком, — однако главная цель была достигнута. Арферон заполучил достаточное количество марионеток, не разрушавшихся такими же темпами, как все прежние демонологи. С того-то момента он и привел в действие свой новый план по захвату Ардариании, невольно вернувший из Контура Забвения Принцессу Крови.

— А ты-то откуда про меня помнишь, если я была в Контуре? Ты же узнал меня при встрече! — с нескрываемым подозрением спросила Илиана.

— У тебя слишком примечательные глаза, — печально улыбнулся Таунсторм. — Арферон мнит себя вселенским гением, а теперь выясняется, что он как последний дурак минимум дважды смотрел прямо в них через Око и не увидел дочь Властелина Крови. С чем его и поздравляю. Признаться, от мысли о том, как опростоволосился мой мучитель мне аж на душе светлее.

— Это не ответ, — заметила императрица.

— Так ведь я даже не понял, что не помнил о тебе. Твое исчезновение в Контуре Забвения прошло вне моего восприятия. Все это время я был здесь. Когда ты неожиданно появилась у моей тюрьмы, я даже не знал что забывал о твоем существовании, — объяснил Таунсторм. — Кстати, прошу меня простить, что я не отозвался на твой зов сразу. Признаться, я думал, что мне просто мерещится. Мне давно уже мерещится всякое. Я полагал, что это очередные голоса в моей голове, и лишь твои громогласные гневные призывы вернули меня к действительности. Вернули и подсказали, что эти гневные речи — не плод моего воображения. Тогда, по-

раженный осознанием этой мысли, я со всех ног кинулся на их источник.

Арферон не хотел, чтобы его пленник лишился рассудка. Тот все-таки был человеком, и длительное одиночное заключение грозило именно таким пагубным эффектом. Чтобы сгладить возможные последствия, архидемон и создал этот небольшой жилой комплекс на планетоиде, в виде исключения наполнив его иллюзиями чуждой ему жизни. Властелин преисподней не мог воплотить настоящие растения и воду, но он мастерски наводил колдовские копии. Дома и их убранство были подлинными, а вот сад, ручьи и фонтаны — творением злого гения. Этот же гений окружил Таунсторма и несуществующими спутниками. Они выглядели как живые люди, умели разговаривать, отвечать и даже вести чрезвычайно правдоподобные беседы. Однако на самом деле их не существовало. Поэтому Принцесса Крови и не видела их на своем внутреннем сонаре. Поэтому Таунсторм и не сразу отреагировал на ее призыв, воображая, что он исходит от дьявольских иллюзий. Бывший губернатор уже давно разговаривал сам с собой или месяцами не выходил из ступора, сидя или лежа совершенно неподвижно. В преисподней ему ведь не нужно было в обязательном порядке пить, есть, спать и прочее в том же духе. Все биологические процессы останавливались. В перспективе это грозило необратимыми изменениями, как грозило и в Последнем Приюте. Сунастийские пределы диктовали свои законы. Однако, как и в Последнем Приюте, в своих владениях архидемон мог поддерживать любую жизнь подобно архангелу Ульмаарандору, вдохнувшему энергию в Илиану. Скверна, безусловно, разрушала людей, но Повелителя Крови это не касалось. Таким образом и выходило, что существование Таунсторма превратилось в бесконечный кошмар одиночества, наполненного тяжкими раздумьями. Исключение составляли лишь визиты Арферона, но вряд ли их можно было назвать долгожданным развлечением. Архидемон всегда находил способ доставить своему узнику новые мучения. И поделать со своим положением Таунсторм ничего не мог. В отличие от Принцессы Крови, он не обладал никакой властью над векстрами. Впрочем, не обладал ей и никто другой.

— Все что ты мне рассказала — просто поразительно! — твердил бывший губернатор. — Нет, это по-настоящему уникально! Поддерживать устойчивое существование феи в преисподней! Подчинять своей воле Опустошителей! На месте Арферона я бы начал тебя бояться, ибо если твоя сила станет расти, кто знает к чему это приведет!

— Он и так если и не боится, то опасается. В этом и смысл моего

замысла, — пояснила императрица. — Пока властелин преисподней ожидает, что я стану покушаться на его власть, я пробралась к тебе. Пробралась, рассчитывая получить ответы. Вторжение надо остановить, и силой тут не возьмешь. Даже мой отец потерпел поражение, а он владел несравнимо большими ресурсами, чем я. Чего стоили одни Колоссы! Тем не менее, Асталийскую провинцию пожрали Серые горы, Великий Архипелаг погиб, Сангвитория была уничтожена, а от Ардарианской империи не осталось даже воспоминаний. Мы с Диной полагаем, что в твоем договоре с Арфероном можно отыскать нечто такое, что позволит побить архидемона на его же поле. Он явно обманул тебя, какой-то хитростью добившись непрекращающегося вторжения, которое никогда не завершится. Мы также надеемся отыскать в нем какую-нибудь зацепку, способную разрушить замысел властелина преисподней. Для этого я прибыла сюда. Прибыла благодаря Дин'Юлемионе и Ульмаарандору. И я прошу тебя о помощи!
— Просишь? — удивился Таунсторм. — Я думал, ты хочешь ее из меня вытрясти.
— Мы оба понимаем, что это невозможно. Пока ты за этим куполом, ты для меня в недосягаемости. Если ты откажешься помогать, я ничего не смогу с этим поделать. Но я рассчитываю на данное тобой слово. Рассчитываю, что ты раскаялся в содеянном и был искренен, когда обещал сделать для меня все, — неторопливо изрекла императрица. — Иначе наша Ардариания погибнет. На сей раз окончательно и бесповоротно. А ты останешься жить с этой мыслью вечно.
— Этому не бывать! — горячо воскликнул Повелитель Крови. — Я выполню то, что обещал, чего бы мне это ни стоило! Если пришло время платить по счетам — я готов!
— Тогда расскажи все без утайки! Сообщи точный текст договора и поведай как ты здесь оказался! — воскликнула Илиана, аж задрожав от волнения.
Тут выяснилось, что ее просьба неосуществима. Точнее, не осуществима в полной мере. Строчки договора не сохранялись ни на одном документе и не подлежали обычному восприятию. Начертанные меж звезд, они записывались в ткани самого мироздания. Передать их примитивным человеческим языком было попросту невозможно, о чем, впрочем, императрицу предупреждала еще Дин'Юлемиона. С другой стороны, сам Таунсторм мог наиболее точно передать содержание, адаптируя его к пониманию собеседницы.
— Одно проистекает из другого, — отозвался бывший губернатор, пускаясь в обстоятельный пересказ.

Арферон обязался уничтожить всех Повелителей Крови, кроме того, с кем заключал соглашение. Фея была абсолютно права в своем предположении, когда указывала на множество нюансов в перечислении потенциальных жертв. Заведомо избегая разночтений, архидемон прибег к наиболее лаконичной формулировке, взяв общее целое и исключив из него одну-единственную частность. Жизнь самого Таунсторма он поклялся оберегать, используя для этого все доступные ему возможности. А вот здесь как раз и крылась ловушка, подстроенная властелином преисподней. Принимая во внимание возможные меры со стороны Властелина Крови, архидемон убедил губернатора в необходимости обеспечения его безопасности. "В случае возникновения прямой угрозы жизни Таунсторма Арферон обязуется немедленно доставить его в безопасное место по своему усмотрению, где эта жизнь будет сохраняться в неприкосновенности. Пока Таунсторм жив и невредим, исходный канал между мирами останется открытым, чтобы вернуть его в Ардарианию для последующего восшествия на престол" — так звучали злополучные строки. Губернатор Асталийской провинции не усмотрел в них ничего дурного. Арферон проявлял известную заботу не столько о Повелителе Крови, сколько о себе. Лишившись Таунсторма, властелин преисподней автоматически утрачивал основу выполнения договора, что его явно не устраивало. Ведь он давал обязательства ЖИВОМУ человеку, и давал таким образом, чтобы тот оставался жив на момент их исполнения. Таунсторм желал избежать гибели от руки Властелина Крови, ради чего и пошел на сделку с архидемоном. Ему мертвому эти обязательства были попросту не нужны. Таунсторм получал гарантию сохранения собственной жизни, столь ясным образом прописанную в соглашении. К сожалению, он упустил из виду важный нюанс. Арферон ни словом не обмолвился, когда именно он собирается вернуть Таунсторма обратно.

— Архидемон здорово меня надул, — заключил Повелитель Крови, подытоживая свой рассказ. — Канал, как я понимаю, действительно остается открытым. Разлом на месте моего несчастного Руандаля вам самим не закрыть — его существование прописано в самой ткани мироздания. Ведь именно он был исходным каналом между мирами, а отнюдь не тот, что сотворил Арферон, забрав меня в преисподнюю. Забрав от угрозы, которую сам же и создал, "спасая" меня от Липкого огня. С тех пор я здесь. О, властелин преисподней не солгал — он бережет мою жизнь как зеницу ока! Надежнее этого страшного узилища ничего и не придумаешь! Да, тут я в полной безопасности. В безопасности до тех самых пор, пока он не вернет меня в Ардарианию. Проблема заключается в

том, что он явно не собирается меня возвращать, ибо он обязался это сделать, но не уточнил когда. В итоге моя жизнь, служившая залогом договора, стала для меня карой и узилищем.
— И Арферон получил возможность продолжать вторжение бесконечно… — закончила за него мрачная как туча Дин'Юлемиона.
— Именно так, — кивнул Таунсторм. — Демоны не лгали, когда говорили, что смерть Принцессы Крови ничего не изменит. Арферон обязан ее убить — факт. Он обязан уничтожить всех Повелителей Крови, кроме меня — так велит ему договор. Дочь императора — последняя в этом списке, которым он не может пренебречь, даже если по каким-то причинам передумает. Архидемон все равно должен лишить ее жизни. Но вторжение это, увы, не остановит. Разлом в Руандале останется открытым, давая мне возможность вернуться обратно невредимым. Но Арферон не вернет меня никогда, даже захватив наш мир и сделав его частью преисподней. Уж он найдет мне применение…

Отнюдь не сразу до императрицы дошла суть всего услышанного. Некоторое время она размышляла, пока Таунсторм, выговорившись, хранил молчание. Теперь, узнав точное содержание сделки, Илиана и Дин'Юлемиона изо всех сил старались отыскать лазейку, способную расстроить коварный замысел Арферона. Искали и не находили. Мало-помалу на их лицах появилась растерянность, постепенно перераставшая в тревогу с примесью отчаяния. Неужели все было зря?! Неужели проделав весь этот невероятный путь, они наконец-то добрались до заветной цели только для того, чтобы узнать об изначальной бесполезности своего плана?! Не может такого быть! Наверняка можно хоть что-нибудь придумать! Но что?! Цели Арферона обозначены абсолютно четко, и подкопаться под них нереально. Архидемон будет продолжать вторжение до тех пор, пока со всеми Повелителями Крови не будет покончено. Пока Принцесса Крови не перестанет существовать. Но как только это произойдет, станет в миллион раз хуже. Погибнув или убив себя, императрица развяжет властелину преисподней руки. Разлом останется, а цель, к которой он обязан следовать, исчезнет. И тогда Арферон направит свои легионы куда пожелает.
— Ульм, ты можешь что-нибудь сделать?! — воскликнула Илиана, обращаясь к люмеанину.
— Вы сейчас знаете ровно столько, сколько и я, — ответил тот. — Вы все услышали что хотели. Самое время решить, как с этим поступить. Все в ваших руках. Боюсь, здесь я ничем не могу вам помочь.
— Нашел время говорить такие вещи! — возмутилась императри-

ца. — Так и скажи, что не хочешь! Горите, мол, синим пламенем, а я умываю руки!
— Ты не права, дитя мое, и речи твои обидны, — спокойно отозвался Ульмаарандор. — Я именно не могу. Арферон хорошо постарался, защищая объект своих интересов. Мне через этот купол не пробиться. Точнее, к тому моменту как мне это удастся, сюда сбежится вся преисподняя. И это не говоря о том, что архидемон в любой момент сможет перенести Таунсторма в другое место. Тюрьма сконструирована великолепно и может просуществовать вечность, храня жизнь своего ценного узника. Она надежно защищает его даже от меня.
— Так-то люмеане не отнимают надежду?! — воскликнула, изменившись в лице, Илиана.
— Я ее и не отнимал. Я лишь ответил на твой вопрос. Ты спросила, могу ли я помочь, и я честно сказал нет, — пожал плечами Ульмаарандор.
Некоторое время императрица молча смотрела на него горящим взором, будто пыталась проникнуть в мысли архангела.
— В такие минуты я тебя просто ненавижу! — заявила она, смерив светоносного родственника гневным взглядом.
— Мне было бы очень больно, будь это так. К счастью, я чувствую твои эмоции, ибо мы с тобой близки, и знаю, что это лишь слова, продиктованные преходящей злостью, — вздохнул Ульмаарандор.
— Хорошо, пусть не ненавижу! Но с каким бы наслаждением я тебя сейчас поколотила! — сверкнула глазами девушка. — Как записки в сумочки подбрасывать — это мы мастера, а как что попросишь, так сразу одна и та же шарманка про невмешательство!
— Дитя мое, ты напрасно разоряешься, полагая, что от меня сейчас что-то зависит, — мягко заметил люмеанин. — Позволь дать тебе совет, в которых, между прочим, я никогда не отказывал. Ты сейчас обращаешься за ответом не к тому, к кому следовало бы.
Илиана осеклась. Очередная гневная тирада замерла у нее на устах. Ульмаарандор никогда ничего не говорил просто так, поэтому его слова что-то да значили. Озадаченно нахмурив лоб, девушка размышляла над услышанным.
— О чем это ты? — наконец осведомилась она менее экспрессивно.
— Ты спросила, могу ли я что-нибудь сделать, но задала вопрос не тому. Задай его Таунсторму, — ответил люмеанин, кивнув в сторону стоявшего за барьером человека.
От удивления императрица подняла брови вверх, отчего у нее на лбу пролегли складки. Повернувшись к Повелителю Крови, она окинула его озадаченным взглядом.

— Ты действительно можешь как-то помочь? Можешь что-то сделать? — взволнованно осведомилась Илиана.
— Да, — лаконично отозвался тот.
— А почему молчал?! — с жаром воскликнула императрица.
— Потому что позвать свою смерть оказалось несколько труднее, чем я думал, — грустно улыбнулся Таунсторм. — Даже к такому существованию как мое все-таки привыкаешь. Инстинкт самосохранения никто не отменял. Одно дело — думать о смерти, и совсем другое — протянуть ей руку.
Илиана почувствовала, как у нее голова идет кругом. На секунду ей показалось, что все вокруг над ней откровенно издеваются, выбирая наиболее раздражающие слова и формулировки. В том числе Дина, сохранявшая упорное молчание.
— Прошу тебя, говори толком! Я устала разгадывать ребусы! — попросила императрица.
— Так все проще простого, — тихо отозвался Повелитель Крови. — Арферон действительно хранит мою жизнь самым тщательным образом. Если она прервется, наш с ним договор утратит изначальную силу. Его хитрая формулировка обратится в ничто.
— И тогда Разлом в Руандале можно будет закрыть как и все прочие! — воскликнула фея, от волнения сыпанув золотистыми искорками.
— Именно так, — кивнул Таунсторм. — Вам нужно меня убить, ибо сам я покончить с собой не способен. Потому я и просил Принцессу Крови рассказать мне об Ардариании — чтобы умереть с легкостью на душе, измученной мыслями о ее гибели.

Идея, озвученная узником демонического планетоида, была чрезвычайна проста. Его смерть наносила по договору с Арфероном сокрушительный удар, нивелируя саму основу. Именно поэтому архидемон запрятал своего заложника куда подальше, но именно поэтому такая мысль не пришла Илиане и фее сразу. Несмотря на кажущуюся простоту предложения, как прикажете его осуществлять? Пробиться под защитный купол никто из пришедших не может, равно как и самому Таунсторму из-под него не выбраться. Убить себя бывший губернатор также не в состоянии, иначе он давно бы это сделал. Во-первых, он был Повелителем Крови, и ему требовалось нечто изощренное, чтобы лишить себя жизни. Нечто такое, чего Арферон ему уж точно не предоставил. Во-вторых, биологическое существование как таковое в преисподней замирало, что осложняло и без того непростую задачу дальше некуда. Жизненная сила Таунсторма по-прежнему восстанавливала его тело, и оно становилось еще более живучим, чем обычно. Ловушка, в которой очутился Повелитель Крови, выглядела

идеальной, и решения предложенной задачи откровенно не наблюдалось. Именно об этом и сообщила собеседнику императрица.
— Арферон думал точно так же, создавая это узилище, — печально улыбнулся Таунсторм. — Однако он все же кое-чего не учел. Он не учел тебя. Не учел того, что ты окажешься здесь в такой удивительной компании. Твои спутники не могут пробиться за этот купол, но ты можешь. Ты не способна перешагнуть барьер, но для того, чтобы остановить мое сердце этого и не требуется. Купол не в силах воспрепятствовать дару Повелителей Крови!
— Но это невозможно! — воскликнула, распахнув глаза, Илиана. — Невозможно остановить то, что не бьется! Будь мы в Ардариании, тогда другое дело. Но мы же в преисподней!
— Как ты считаешь, каким образом Арферон поддерживает во мне жизнь? Как он берет у меня живую кровь? — произнес Таунсторм. — Он ненадолго запускает мое тело, обнуляя пребывание в Сунастийских пределах и одновременно получая биологически активные клетки. Поверь, для высшего существа такое вполне возможно. Спроси своего могущественного деда. Ведь он без труда перемещает тебя в пространстве. Полагаю, он также способен вдохнуть в тебя жизнь, если та не успеет прерваться.
— Он говорит правду, — подтвердил Ульмаарандор. — Именно это я и сделал в Последнем Приюте. Но здесь мне это неподвластно. Сперва мне требуется разрушить купол.
— Но не требуется мне, — прошептала Дин'Юлемиона, сообразив, куда клонит Повелитель Крови. — Семиалостапилону этим барьером не остановить. Дар феи не может создать такую сложную жизнь…
— …но может ненадолго всколыхнуть уже существующую, — закончил за нее Таунсторм.
— Постой-постой! — воскликнула Илиана, начиная понимать что к чему. — Но отчего ты тогда сам не остановил свое сердце, когда Арферон оживлял твое тело?!
— Потому что, как бы парадоксально это ни звучало, я Повелитель Крови, — вздохнул Таунсторм. — Я могу преодолеть инстинкты и прекратить его биение. Но ведь это не приведет к мгновенной смерти. Когда я потеряю сознание, жизненная сила Повелителей Крови запустит сердце вновь. И так будет продолжаться бесконечно. Если только кто-нибудь не остановит его вместо меня и не удержит в таком состоянии достаточно долго.
Воцарилось молчание. Ошеломленная императрица хорошенько обдумала слова Таунсторма. Затем обменялась несколькими едва слышными фразами с Дин'Юлемионой.
— Ты и правда это сделаешь? — наконец тихо спросила она, по-

раженно глядя на человека по ту сторону барьера. — Ты правда хочешь умереть?
— Я отдал бы жизнь за то, чтобы допущенные мной ошибки никогда не произошли! Чтобы Руандаль никогда не сгорал! Чтобы Ардарианию не познала тех ужасов, на которые я ее обрек! — твердо заявил Повелитель Крови. — К сожалению, это невозможно. Но я хотя бы могу отдать ее за то, чтобы избежать новых жертв. Пришло время платить по счетам. И я готов заплатить самую высокую цену.
Некоторое время Илиана смотрела ему прямо в глаза. В ее взоре больше не было ни осуждения, ни гнева. Теперь в нем читалось сострадание. Затем она сделала знак Дин'Юлемионе.

И вот вокруг феи заструился белый свет. Растекаясь в стороны, он касался безжизненной поверхности планетоида и там, поднимаясь от камней и металлов, показались призрачные силуэты растений. Тянулись к несуществующему небу высокие травы; чашечки цветов, набухая на вершинах бесплотных стеблей, распускали свои трепетные лепестки. На резных листочках проступала влага, по бутонам покатились капельки росы. С каждой секундой чудесный ковер вокруг феи нарастал, быстро расширяясь в диаметре. И вот уже он достиг пределов демонического барьера. Семиалостапилона не ведала границ. Дочери света могли творить жизнь даже в таких чужеродных условиях. Пусть хрупкую, пусть ненадолго, но все-таки могли. И этого было вполне достаточно. Купол Арферона не удержал колдовство Дин'Юлемионы. Колдовство, дарованное ей первозданным светом. Едва белоснежный ковер достиг ног Таунсторма, как Илиана ощутила биение его сердца. В жилах бывшего губернатора заструилась кровь, а грудь стала дышать настоящим воздухом. Воздухом, который архидемон закачал под охранный барьер, поскольку сам иногда оживлял Таунсторма. Жизнь в своем теле ощутила и императрица, но ее бдительно хранили фея и люмеанин. Повелители Крови вновь встретились глазами. Печальные карие, хранившие печать неизмеримого горя, сошлись в последний раз с глубокими сиреневыми, наполненными жалостью. Таунсторм чуть кивнул. В следующее мгновение его лицо перекосилось. Схватившись за грудь, он принялся хватать воздух ртом. Во всем его теле отразилась жесточайшая борьба. Инстинкт самосохранения пытался оказать сопротивление, но Таунсторм изо всех сил его подавлял, позволяя Принцессе Крови сжимать свое сердце железными тисками. Зашатавшись, он упал на колено, опершись рукой в белый чудесный ковер. Его губы посинели, глаза закатились. Обмякнув, бывший губернатор Асталийской провинции завалился на бок и остался лежать без

движения.

Говорят, человека можно реанимировать в пределах десяти минут после остановки кровообращения. Илиана использовала свою силу всего шесть. Использовала, глядя на того, кого она лишала жизни. Его сердце трепетало, пытаясь запуститься вновь, но воля императрицы не позволяла ему возобновить свой живительный ритм. Белый сказочный ковер исчез. Волшебные цветы растворились в пространстве, так и не воплотившись в реальность. Фея не могла поддерживать свое колдовство слишком долго, но это уже было и не нужно. Тело, возвращенное к естественному существованию, умирало. Перевернутое Илианой на спину, оно лежало лицом вверх со сложенными у груди руками. Лицом, обретавшим выражение покоя. Илиана не хотела, чтобы тело Таунсторма так и осталось валяться на камнях в скрюченной позе. Такой конец был недостоин Повелителя Крови. Придать ему благородную позу — это то немногое, что могла для него сделать императрица. И спустя шесть минут воля Илианы покинула бренную оболочку. Таунсторм продолжал лежать неподвижно. Казалось, он просто спит, и впервые за долгое время его наконец-то оставили все горести и печали, муки совести и боль понесенной утраты. Его лица коснулась печать полного умиротворения, которую уже никто не в силах был потревожить. Воля Принцессы Крови не могла управлять трупами. Таунсторм, бывший губернатор Асталийской провинции, был мертв.

Вздохнув, Илиана отступила на шаг, давая понять, что все кончено. Фея понимающе сжала ее плечо пальчиками, стараясь поддержать воспитанницу. Девушке приходилось убивать людей. Неоднократно, порой очень жестоко. Но так — никогда. Гасить чью-то жизнь, упорно сопротивлявшуюся смерти, долгими минутами задувать ее пламя, сжимать последнюю искру теплящегося фитиля — не самое приятное ощущение. Особенно когда ты испытываешь к жертве подлинное сострадание. А Илиана его испытывала. Гнев к Таунсторму прошел. Она больше не видела перед собой преступника, обрекшего родной мир на гибель. Она видела глубоко раскаявшегося человека, терзавшего себе душу на протяжении сотен тысяч лет. Человека мечтавшего искупить содеянное любой ценой. Человека заслужившего прощение и долгожданный покой. И теперь он наконец-то его обрел, покинув узилище властелина преисподней. Покинув навсегда.

Неожиданно в пространстве повеяло странным напряжением, похожим на то, какое бывает перед грозой. Воздух потяжелел. Казалось, он стал сухим и упругим, будто его физические характеристики изменились. При этом меняться было попросту нечему.

Вокруг планетоида, служившего узилищем Повелителю Крови и ставшего ему склепом, царил вакуум. Вздрогнув, Илиана беспокойно посмотрела по сторонам. И тут до ее слуха донесся необъяснимый звук. Вокруг вроде бы стояла тишина, не нарушаемая ни единым дуновением, но при этом в голове отчетливо послышался далекий протяжный рев. В его раскатах одновременно читались ярость, изумление и злоба.
— Кажется, Арферон только что понял как его надули, — изрек Ульмаарандор, внимательно ловя незримые колебания излучений преисподней. — Я бы рекомендовал здесь больше не задерживаться.
— Поддерживаю! — тут же сказала Дин'Юлемиона, испытывая сильное беспокойство. — Иля, я понимаю твои чувства, но нам пора уходить. Здесь наша миссия окончена.
Императрица снова шагнула вперед. Положив руку на оранжевый купол, девушка посмотрела долгим взором на лежавшее тело. Тело того, кто был старше, чем она. Того, кто был современником ее отца и видел Ардарианскую империю в самом ее расцвете. Последний Повелитель Крови, не считая самой Илианы. Теперь здесь находилась лишь его бренная оболочка, все еще сохранявшая черты живого человека. Повелитель Крови ушел в вечность.
— Прощай Таунсторм, — ровным голосом сказала Илиана. — Ты причинил немало горя, но твое раскаяние было подлинным. Ты искупил свою вину. Я бы похоронила тебя достойно, но купол, оберегавший твою жизнь, теперь оберегает твою смерть. Я обещаю, что тебя не забудут. Отныне тебя будут помнить не только как злодея. В истории останутся не только твои дурные дела, но и то, как ты умер во имя будущего. Добровольно отдал свою жизнь, хотя мог бы жить почти вечно. Не знаю, простят ли тебя другие, но я тебя прощаю. Прощаю за всю боль, причиненную Ардарианнии. Ты заплатил за нее сполна. Покойся с миром.
— Иля, прошу тебя, скорее! — тревожно воскликнула фея.
Возле оранжевого купола показалось пламя. Илиана сделала знак Ульмаарандору. В следующее мгновение пространство озарил мимолетный вихрь света. Планетоид опустел.

На мосту императрица задержалась. Задержалась у самого входа в Трансталл, глядя туда, где узилище Повелителя Крови продолжало свой бесконечный бег, унося прочь безжизненное тело. Планетоид сыграл свою роль, став бесполезным куском материи, но его создатель все еще не был побежден. Илиана стояла не просто так. Она ждала. Ждала, когда властелин преисподней соизволит явиться, чтобы выразить ей свое неудовольствие. И вот вокруг моста полыхнул огонь. Подавляя защитные барьеры чародеек, он

плавил колдовской металл, не способный сопротивляться натиску верховного архидемона. Мост практически испарился в вихре могуче взвившегося пламени. Уцелела лишь малая часть у самого Трансталла, где стояла императрица, ибо ее защищал архангел. Не сдвинувшись с места, Илиана посмотрела в эпицентр бушевавшей стихии. Туда, где проявился чей-то силуэт и зажглись огромные глаза. Они казались чистым огнем, бьющим в разные стороны оранжевыми потоками. Эти бесплотные глаза были наполнены поистине вселенской злобой и ненавистью.

— Твой узник обрел свободу, Арферон, — ровным голосом изрекла Принцесса Крови. — Ты лишился своего главного козыря.

В ответ раздался яростный гул огня, напоминавший низкое протяжное рычание.

— Прекрати вторжение. Отзови свои легионы, — продолжила императрица. — Тебе не захватить Ардарианию, не сломить ее людей. В своей гордыне ты постоянно забываешь, что и ты не всесилен. Мы всегда найдем способ переиграть тебя и вышвырнуть обратно в преисподнюю. Не жертвуй своими подданными, как я не хочу жертвовать своими.

— Никогда! — свирепо громыхнул голос. — Никогда тебе не победить меня, люмеанское отродье!

— Ошибаешься. Я уже тебя побеждаю. Просто хочу избежать ненужных жертв, — с ледяным спокойствием произнесла Илиана. — И предлагаю закончить все по-хорошему. Закончить здесь и сейчас. Ты уже не обязан исполнять договор, ибо того, кто заключал его с тобой больше нет в живых. Твои обязательства утратили силу.

— Пусть так! Но мои легионы все еще в твоем мире! Мы никуда не уйдем! Мы сожжем его, не оставив даже травинки! Заберем все его жизни до последней! Ты никогда не одержишь надо мной верх, ибо я стократ могущественнее тебя! И даже этот люмеанин тебе не поможет! — прогремел голос, обретавший форму прямо-таки физической ненависти.

— Вот именно поэтому вы всегда и будете проигрывать. Из-за своей гордыни, упертости и веры в свое могущество, — усмехнулась императрица. — Что ж, увидимся на поле боя.

Сказав так, она развернулась и шагнула к Трансталлу.

— Я видел тебя! — произнес вдруг голос совсем другим тоном. — Я видел тебя там, на этом поле боя! Я видел твое будущее!

Илиана сдержала шаг. Не оборачиваясь, она стояла совершенно неподвижно, храня молчание.

— Ты падешь от моей руки, Принцесса Крови! Поэтому я не верю — я ЗНАЮ, что ты меня не победишь! Твой люмеанин тебе не го-

ворил? Это свершится! И этот час уже близко! — изрек голос.
Императрица все так же недвижно постояла. Затем, по-прежнему не произнося ни слова, скрылась в Фортумагуме.

– 13 –

Весть о том, что миссия Илианы увенчалась успехом, невероятно воодушевляла. К сожалению, воодушевлять она могла лишь немногих посвященных. Рассказать о ней всем и каждому из жителей Ардариании было невозможно. Императрице очень хотелось подбодрить людей, придать им новых сил, вселить в них веру в будущее. Увы, секрет демонического планетоида был для ее подданных пустым звуком. Чтобы объяснить чего смогла добиться Принцесса Крови, пришлось бы сообщить слишком много таких подробностей, каких им знать ни в коем случае не следовало. В результате среди простых граждан никто так и не узнал, какой сокрушительный удар был нанесен по вторжению врага. Однако поползли слухи. Слухи о том, что в противостоянии с демонами была пройдена некая критически важная веха и теперь захватчики неминуемо потерпят поражение. Передаваемые из уст в уста, они росли и множились, охватывая всю Ардарианию. Источниками слухов называлось колдовское окружение императрицы. Мол, ее величество не может озвучить истину во всеуслышание, поскольку она связана с важными государственными тайнами. Но отныне враг стал уязвим и будет обязательно изгнан обратно в ад. Илиана не пресекала эти слухи и не наказывала за их распространение. Она сама их инициировала по совету Дины и Эбби, немало сдружившихся за время работы над Трансталлами в преисподнюю. Основу заложили ведьмы и чародейки. В разных обликах и по разным каналам они мастерски бросали семена некоего тайного знания, быстро дававшего богатые всходы. Люди шептались, обсуждая загадочную весть, строили различные предположения о ее происхождении. Даже солдаты, собираясь в минуты затишья, выдвигали догадки о чем могла идти речь. И эти же солдаты первыми почувствовали что слухи, похоже, основаны на действительности. Демоны дали слабину. Их численность перестала нарастать прежними темпами, а поведение изменилось. Казалось, рогатые чудовища утратили часть энергии, из-за чего атаковали и оборонялись заметно хуже, чем раньше. Первые же крупные контратаки наглядно доказали смещение в расстановке сил. Армия всегда верила в свою императрицу, но хорошо когда вера подкрепляется делами. Затяжные бои, продолжавшиеся долгие месяцы, малопомалу подтачивали мораль воинов, вынужденных отдавать врагу

свои земли пядь за пядью, милю за милей. Когда Рубистелла стала появляться на передовой и овевать войска своим алым светом, солдаты здорово приободрились. Результат был налицо и захватчиков удалось серьезно отбросить назад. Потом демоны вновь стали давить, возвращая себе оставленные территории. Армия не то чтобы впала в уныние, но боевой задор прошел, уступив место прежним суровым будням. Какое-то время все продолжалось без особых изменений, и вот вдруг демоны начали сдавать по всем фронтам. Сдавать как раз тогда, когда поползли слухи о неком важном событии, сулившем кардинальный перелом в войне. Убедившись воочию, что они, похоже, имеют под собой реальную основу, армия воодушевилась чрезвычайно. Во все концы Ардарианнии полетели фронтовые письма, где воины сообщали о переменах в ходе не прекращавшихся боев. Читая эти строки, люди начинали верить, что победа над чудовищным захватчиком не за горами. Войска больше не пятятся — они бьют демонов и уверенно отбирают захваченную ими землю.

Так оно и было. Арферон, допустив столь непростительную промашку с Таунстормом, утратил немалую долю возможностей, позволявших ему осуществлять вторжение через Разломы. Фактически, договор с Повелителем Крови после его смерти превратился в формальность. Архидемон все еще мог и желал его выполнить, но он лишился мощного плацдарма в самой основе. Ткань мироздания больше не играла ему на руку, и вторжение теперь зависело исключительно от успехов самих демонов. А они серьезно пошатнулись, поскольку через Разломы стало поступать значительно меньше необходимого им экспфернума. Погибший Руандаль до сих пор служил неиссякаемым источником энергии, огромным не закрываемым каналом в преисподнюю. И этот канал теперь превратился в обычный вулканический Разлом, просто очень большой. Стал уязвим, как стало уязвимо и все, что с ним было связано. Достигнутый уровень скверны никуда не делся, но приток новой значительно замедлился. Интенсивность извержения вулканов снизилась. Концентрация свинцовых туч, засыпавших Ардарианию серым пеплом, также начала уменьшаться. Небо на периферии пораженных областей прояснялось, а это автоматически ухудшало боевые возможности рогатых чудовищ, и без того ослабших в результате дефицита экспфернума. Прежде пламенеющие легионы неуклонно наращивали свои возможности. Появление Гангронов было тому прямым свидетельством. Прибытие Деаморхов становилось вопросом времени. Теперь же демоны едва сохраняли достигнутое, лишившись немалой доли энергетических ресурсов. Открывать новые Разломы стало неимоверно трудно.

Поддержание уже имеющихся также вызывало куда большие сложности. Уровень защиты каналов в преисподнюю заметно упал. Прежде к большим погибшим городам, объятым неугасимым пламенем, люди даже не могли подступиться. Теперь, когда они вдруг выяснили, что тамошняя оборона пошатнулась, для рогатых чудовищ наступили скверные деньки. Чародейки, и прежде изрядно досаждавшие, превратились для опорных пунктов демонов в настоящую головную боль. Малые же Разломы на периферии люди закрывали один за другим, заставляя пламенеющие легионы оттягиваться к более крупным. Потери среди исчадий преисподней значительно возросли. Люди, почувствовав свою силу, вели себя куда увереннее, осмеливаясь на такие операции, которые прежде не проводили из-за высокого риска. Их воздушные платформы начинали наглеть, забираясь захватчикам в глубокий тыл и осуществляя там разрушительные бомбардировки. Небесные форты и крепости стали еще менее уязвимы, поскольку атакующий потенциал демонов пошатнулся. Вся Ардарианния, получив доказательства, что волнующие слухи явно основаны на какой-то загадочной, но победоносной истине, воспряла духом и окончательно сплотилась перед лицом смертельного врага. На фронт прибывало все больше подкреплений и добровольцев. Убедившись, что имперские войска наконец-то переломили ход противостояния, в сражение вступили последние остававшиеся в стороне страны Пардионики. До сих пор они не присылали на помощь свои армейские части, а теперь спешили наверстать упущенное. Со всех концов света на фронт поступали различные пожертвования, что в нынешних обстоятельствах играло не меньшую роль, чем формирование новых полков. Несмотря на достигнутые успехи, невзирая на произошедший перелом по-прежнему была важна каждая мелочь. Императрица, прервав жизнь Таунсторма, сделала победу над демонами реальной, но эту победу еще следовало завоевать. Ведь на деле все обстояло не столь радужно, как могло показаться.

Вторая Ардарианская империя уже больше года вела войну на уничтожение, и эта война продолжалась, грозя затянуться на неопределенный срок. Экономика, первые месяцы достойно выдерживавшая испытание, начала сдавать. Сказывалось сразу множество факторов. Тут была и потеря огромных территорий со всеми их сырьевыми источниками и промышленностью, и вынужденное перераспределение стратегических ресурсов, и приоритетное обеспечение нужд фронта взамен всех остальных. Почти все крупные стройки остановились. Гражданское производство и социальные программы замораживались. Колдовские круги вместо

работы на благо общества теперь отдавали все силы на его защиту. Ведьмы и чародейки были вынуждены посвящать себя исключительно противостоянию с врагом, снизив свой вклад в развитие мировой цивилизации до минимума. Стояли недостроенными порты, зарастали травой незаконченные речные каналы, большие мощеные дороги уходили в никуда. Внедрение технологических новинок застопорилось. Рост городов прекратился, новые шахты не закладывались, немалая часть полей пустовала. В известном смысле промышленный бум продолжался, поскольку экономика перестроилась на военные рельсы. В рабочих местах недостатка не ощущалось. Проблема заключалась как раз в обратном. Их становилось больше, чем трудоспособного населения. Люди продолжали гибнуть. В отличие от демонов, граждане империи обладали заведомо ограниченным человеческим ресурсом. Всех, кого можно было призвать на защиту родного мира, уже призвали. Все, кто не воевал в действующей армии, выполняли свой долг на вспомогательных службах. В городской страже появилось немало женщин, ибо большинство мужчин ушло на фронт. Поля также засевали и убирали чьи-то матери, жены, сестры и дочери. Они же стояли у станков, они же взяли на себя большинство производственных задач. Каждый житель Гелиондары вносил свой вклад в единое противостояние, однако бесконечно долго люди не могли выжимать себя до последней капли. На месте уничтоженного демона быстро появлялся новый. Погибшего же солдата заменить было некому. Материальное обеспечение империи также не обладало бесконечным запасом прочности. Финансовое положение становилось угрожающим. Стратегические запасы таяли. В некоторых провинциях была введена распределительная продовольственная система. Технические коммуникации едва поддерживались Скромфами и все чаще выходили из строя. Если бы Илиана не преуспела на планетоиде, Ардарианию ждала неминуемая гибель. Демоны дожали бы ее не мытьем, так катаньем; не победами на поле боя, так экономическим упадком. Теперь у империи появился реальный шанс покончить с жестоким захватчиком, однако на это попрежнему требовались силы и ресурсы. Те, что неумолимо снижались с каждым днем. Именно поэтому помощь из Пардионики оказалась дороже золота. Обозы с товарами, продовольственные посылки и денежные перечисления существенно облегчали снабжение фронтовых частей. Собравшись с духом, вторая Ардарианская империя нанесла демонам несколько сокрушительных ударов, отбросив их сразу по всем фронтам и освободив пять обширных регионов.

Арферон ответил единственным доступным ему образом. Ут-

ратив возможность неограниченно наращивать уровень вторжения, он стал наращивать концентрацию самих векстров. Слабость каждого из них властелин преисподней решил компенсировать количеством. Прежде он предпочитал использовать излишки экспфернума для поражения земель Ардариании, увеличения уровня скверны и призыва все более могущественных демонов. Теперь же Арферон сосредоточился на использовании уже имеющихся. Появление кого-нибудь из архидемонов стало непозволительной роскошью. Вместо этого Арферон бросал на людей миллионы новых Опустошителей. Слабость Разломов он перекрывал численностью проходивших через них пламенеющих легионов. Властелин преисподней явно не собирался сдаваться и отзывать своих подданных. Причин на то у него имелось предостаточно. Во-первых, его гордыня не позволяла стерпеть такой позор. Во-вторых, он уже ударил в грязь лицом, потеряв заказчика договора. То, как он с этим заказчиком поступал на протяжении сотен тысяч лет, в данном случае было не важно. Важно было то, что создавался опасный прецедент, когда властелин преисподней ставил под сомнение выполнение выданных обязательств. А это было скверно для его репутации. В следующий раз какой-нибудь другой Таунсторм может и не захотеть иметь дело с теми, кто не в состоянии обеспечить завершение контракта. В-третьих, Арферон не желал отказываться от мира людей. Единожды наложив на него лапу, успев вкусить его крови он жаждал заполучить все. Все до последней капли. Благодаря человеческим смертям, благодаря забираемым жизням преисподняя получала неимоверное количество энергии. Получала до недавнего времени. Теперь, из-за разрушения основных связей, она тратила гораздо больше, чем брала. Огромные дивиденды быстро превращались в серьезный убыток. Арферон, заведуя распределением энергии в краю вечного огня, мог себе позволить продолжать вторжение за свой счет, растрачивая ее, а не получая. Но только в том случае, если затраты окупятся сторицей. Ардариания представляла собой лакомый кусок, однако этот кусок сперва еще следовало прожевать, а он начинал застревать в горле. Векстры пока не роптали, выполняя приказы своего властелина, но если тот не предоставит им обещанное, у подданных появятся основания выразить ему свое неудовольствие. Особенно на фоне Принцессы Крови, с которой некоторые из них не слишком-то хотели воевать, предпочитая как-нибудь договориться и получить на том куда больше выгоды. Возможно, будь на месте Арферона кто-нибудь другой, он прекратил бы переставшее быть выгодным вторжение. Вторжение, лишившееся гарантии на успех. Властелин векстров отступать не желал. Все три означенных обстоятель-

ства заставляли его упорствовать, посылая пламенеющие легионы волна за волной. Посылая в прямой ущерб преисподней. Посылая в надежде измотать людей и взять свое если уж и не так, как задумывалось, то хотя бы как получится. Трудно сказать, стал бы Арферон наседать, знай он заранее обо всей бесполезности натиска. Вероятно, да. Менталитет архидемона, его убеждения о роли векстров в мире и извечное противостояние с силами света вполне могли заставить его поступать нерационально. Это и подразумевала Илиана, когда заявила ему в лицо, почему векстры всегда обречены проигрывать. Она утвердилась в этой мысли сама, хотя изначально услышала ее от феи и люмеанина. Однако Арферон действительно был уверен в успехе вторжения, несмотря на изменившиеся обстоятельства. Ведь то, что он сказал Принцессе Крови в ответ, было не пустым бахвальством и не примитивным запугиванием.

Императрица старалась трезво оценивать ситуацию. Ей удалось предотвратить развитие событий по худшему сценарию. К сожалению, и самый оптимистичный также не реализовался. История потекла по некоему среднему руслу. Демоны не ушли. Их следовало выпроводить обратно, но по щелчку пальцев этого не сделаешь. Да, они стали уязвимы и положение людей резко улучшилось. У них появилась надежда. Не просто надежда — реальный шанс на победу. Только до этой победы еще следовало дожить. Изучая доклады о состоянии дел в империи, Илиана прикидывала в уме, на сколько еще хватит Ардариании, чтобы уверенно сражаться с демонами. Даже ослабнув, пламенеющие легионы представляли смертельную угрозу. Навязав затяжные бои, они вполне могут одержать "сидячую победу", когда выдохшаяся империя попросту развалится изнутри. Люди, безусловно, ведут себя мужественно и жертвуют очень многим во имя родного дома, но всему есть предел. Если начнется голод, патриотизм перестанет играть какую-либо роль. Не потому, что он иссякнет из-за лишения материальных благ. Просто умершие его не испытывают. Кусок хлеба так же важен, как и вера в победу, теплое одеяло играет не меньшее значение, чем снаряды для колдовских пушек. Семьи, теряющие кормильцев, не ропщут, ибо знают во имя чего пали их близкие. Государство не оставит их без средств к существованию. Проблема в том, что если падет слишком много воинов, государство попросту некому будет защищать. Несколько сотен чародеек с послушницами плюс тысячи ведьм все-таки не в состоянии заменить многомиллионную армию. Без армейских корпусов колдовские круги не удержат демонов и неделю. А армейские корпуса потихоньку таяли. Не то чтобы угрожающим образом, но импера-

рица предпочитала глядеть в будущее и называть вещи своими именами. Оттого она и подсчитывала, долго ли еще продержится Ардариания при текущем развитии событий. Ведь это будущее продолжало ее тревожить, и на то у нее имелись основания. Дождавшись появления Арферона, Илиана рассчитывала вытянуть у него какую-нибудь полезную информацию, которую разгневанный, потерявший самообладание властелин преисподней вполне был способен выдать. Вот только то, что услышала Принцесса Крови, ей совсем не понравилось.

— Он говорил правду? — спросила как-то Илиана у люмеанина.

Со дня драмы на планетоиде прошел почти месяц. Близилась весна. Северные земли по-прежнему утопали в снегах, но на юге ее дыхание уже ощущалось в полной мере. Зацветали субтропические растения. С Дарнейского океана тянуло теплыми ветрами, быстро поднимавшими среднесуточную температуру. Императрица гуляла по саду, разбитому прямо на крыше дворца. У нее было много дел, но на отдыхе настаивало все окружение ее величества. Илиана регулярно отдавала себя до капли войскам и простым гражданам. Физическое истощение Принцессе Крови не грозило, а вот душевное — очень даже. Прогулка в чудесном саду, наполненном прекрасными растениями, скульптурами и фонтанами действовала на нее благотворно. Фея лично приложила к нему свой дар, расстаравшись для любимой воспитанницы, поэтому сад превратился в один из самых великолепных уголков во всей Ардариании.

— Смотря что под этим подразумевать, — отозвался Ульмаарандор.

Они еще ни разу не заговаривали о том, что сказал тогда Арферон, однако архангел сразу понял, о чем его спрашивает внучка.

— Ульм, прошу тебя, давай без этих твоих заумных рассуждений. Ты прекрасно понял мой вопрос, и я хотела бы услышать ясный ответ, — слегка нахмурилась императрица.

— Поверь, дитя мое, я не желаю вводить тебя в заблуждение. Но именно поэтому мне и непросто изложить все в двух словах, — пояснил люмеанин.

— Почему ты так говоришь? Выходит, Арферон был прав? — стараясь выглядеть спокойной, уточнила Илиана. — Выходит, ты видел то же, что и он?

— Да, видел, — помедлив, подтвердил Ульмаарандор. — Я же все-таки архангел. У твоей Галаны свой дар, у меня свой. Но вопрос заключается в том, что именно я видел. Это — вероятное будущее. Одно из многих. Оно не обязательно произойдет. Поэтому я не заострял на нем внимание и не считал обязательным к свершению. Но то я. Что же касается Арферона, то он в нем уверен. Из всех

возможных воплощений реальности архидемон, разумеется, предпочел утвердиться в той, где он одерживает над тобой верх. Я бы удивился, если бы он выбрал какую-нибудь другую. Таким образом, исходя из своей точки зрения Арферон действительно не солгал. Но не солгать и сказать истину — не одно и то же.

Ульмаарандору не пришлось долго стараться, чтобы донести до внучки свою мысль. Будущее вариативно, и не архидемону выбирать какое именно воплощение оно получит. Правдивы ли слова Арферона? Безусловно. Люмеанин солгал бы, попытайся он заверить Илиану в обратном. То, о чем говорил властелин преисподней все еще возможно. Противостояние не завершено. Но это не означает, что все произойдет именно так, как представляется архидемону. Каждый вносит в будущее свой вклад, хочет он того или нет. Вот если Илиана станет сидеть сложа руки — тогда она действительно максимально приблизит реальность по версии Арферона. Но ведь этого не происходит. Она добросовестно отдает себя Ардариании. Стало быть, сама вершит свою судьбу, и никакие архидемоны ей в этом помешать не в состоянии.

— Твоя судьба только в твоих руках, дитя мое, — наставительно заключил Ульмаарандор. — Помни об этом!

— Я понимаю, о чем ты, — ответила, поразмыслив, императрица. — Надеюсь, мне хватит сил выдержать это испытание до конца.

Освобождение восточных границ империи ознаменовалось большим праздником. Вообще всякие торжества были отменены. Людей, конечно, не лишали маленьких радостей, но на государственном уровне все масштабные гуляния и расходы не проводились ввиду тяжелого военного положения. Однако на этот раз выдался особый случай. Безжалостный захватчик был отброшен прочь за имперские земли. Отброшен уверенно и далеко. Инженерные части вовсю восстанавливали пограничные столбы. Восстанавливали исключительно ради показательной акции, чтобы дать понять и демонам и всему миру — Вторая Ардарианская империя побеждает. Иного смысла эти гербовые столбы не несли, ибо разделять им было решительно нечего. Восточные государства, захваченные пламенеющими легионами, уже присягнули на верность Рубистелле. Если имперская армия их освободит, эти государства автоматически становятся частью единой Ардариании. Восточные страны ужасно пострадали от рогатой нечисти. Пострадали больше всех, ибо уцелели только их северные регионы. К счастью, львиную долю населения удалось вовремя эвакуировать, а Альмирстал и Гексенсталь обещали восстановить пораженные земли. В отличие от Серых гор и Диртленда, они пробыли под демонами не так много времени, чтобы идущие там процессы приняли плачевный

характер. Правда, возвращать восточным странам их прежний облик придется долгие годы, но то было все еще возможно. И единственную благодарность, которую могли за это выразить их народы и суверены — это присягнуть на верность своим избавителям. Имперская армия концентрировалась на восстановленной границе, готовясь гнать врага дальше на восток. Но пока она собиралась с силами, день освобождения империи был объявлен праздником. По всей стране гремели салюты. Ставились палатки и навесы, открывались погреба, и как в старые добрые времена выставлялось бесплатное угощение. Империи было непросто пойти на такие расходы, но людей требовалось подбодрить. И когда еще это делать, как не в день освобождения их огромной родины? Очень помогли северяне, воевавшие плечом к плечу вместе с южанами. Вторжение не затронуло их края, поэтому они ухитрились прислать Рубистелле тройную норму припасов. На целых два дня империя забыла об ужасах войны. Ну, не то чтобы забыла, а хотя бы ненадолго от них отвлеклась. Отвлеклась даже на передовой, поскольку демоны, получив сокрушительный удар, не атаковали, перестраивая пламенеющие легионы. Арферон больше не располагал неограниченно восстанавливающимися ресурсами, поэтому был вынужден прекратить непрерывный натиск. Теперь война принимала позиционный характер, чередуя дни жарких боев с днями затишья. Вероятно, властелину преисподней такая тактика чрезвычайно не нравилась. Он привык давить силой, а не маневрами, играя в полководцев с низшими существами. Увы, реальность диктовала ему свои условия. Арферону требовалось продолжать вторжение, а безостановочно посылая в лоб свои легионы он растрачивал их попусту, не успевая восполнять их численность. Хочешь не хочешь, приходилось подстраиваться под обстоятельства. Верховный архидемон формировал возле погибших городов мощные плацдармы, откуда отправлял на людей огромные волны векстров. Прекратив распылять силы, он наносил концентрированные удары, подготавливая их с пренебрегаемой прежде тщательностью. Это приносило свои плоды. Имперская армия несла немалые потери, отражая натиск врага. Каждая волна фактически проверяла ее на прочность. Продвижение на восток останавливалось, пока шли тяжелые бои на каких-то крупных участках. Порой демонам даже удавалось потеснить людей и заставить их отступить, однако на сей раз это отступление носило совершенно иной характер. Демоны больше не устремлялись в прорыв. Добившись временного превосходства, они отступали сами, оттягиваясь к созданным плацдармам. Захват потерянных регионов не давал им практически ничего, зато растянув свои ряды рогатые чудовища

рисковали потерпеть очередное поражение. Арферон был вряд ли в восторге от такого положения вещей, но он достигал главного — развитие успеха имперской армии существенно замедлялось. Ей приходилось платить за освобождение земель высокую цену, поливая их своей кровью. Но все же успех было налицо. Люди возвращали себе свой мир, и демоны неуклонно отползали в направлении Серых гор. Только хватит ли у Ардариании сил довести освобождение до конца? Арферон превращал территории восточных государств в зоны смерти, переходя от наступления к обороне. Закрытие тамошних Разломов затормозилось из-за чрезмерной опасности для воздушных платформ. Верховное имперское командование, изучая оперативную карту, разрабатывало планы по ликвидации вражеских очагов, стараясь обойтись наименьшими жертвами. Несмотря на все достигнутые успехи, напряжение продолжало расти, а обстановка оставаться тяжелой. Однако империя праздновала. Праздновала свое освобождение от смертельного врага, окончательно уверившись в грядущей победе. Теперь ее войскам предстоял непростой путь на восток, ибо лишь достигнув Руандаля они смогут раз и навсегда покончить с вторжением демонов. Но в праздничные два дня, пришедшиеся на середину марта, об этом никто не думал. На эти два дня люди ненадолго отложили все тяготы войны и отдались радостному свету надежды. Надежды, воплощавшейся в реальность.

Окружению императрицы было не до праздника. Он касался простых людей и даже солдат, но только не тех, на чьих заботах лежали наиболее ответственные процессы в государстве. Министерства в Тал-Амине работали без выходных. Огни Альмирстала и Гексенсталя не гасли ни на секунду. Фортумагум не прекращал интенсивную работу с тех пор, как Эбби вдохнул в него новую жизнь. Продолжая расширяться, огромная подземная крепость становилась все больше по мере того, как искусный чародей автоматизировал один процесс за другим. Идеи сыпались из него как из рога изобилия. Длительное заключение в Эруанском контуре, новое молодое тело и влияние Принцессы Крови вызвали бурный всплеск его неутомимой мысли. Чудаковатый чародей работал с одаренностью гения, вспоминая старые навыки и быстро усваивая новые. Ему ведь тоже было у кого поучиться. Дин'Юлемиона, покончив с вычислениями планетоида, нашла себе другое занятие. Вместе с Эбби она начала придумывать как насолить векстрам невиданным прежде способом. Благодаря Принцессе Крови для этого у феи открывались широкие перспективы, ибо она могла себе позволить нечто принципиально новое. И первым, что привлекло ее деятельное внимание, были пушечные установки для залпо-

вого огня. Эбби разместил их в экспериментальных залах для подстраховки, и прежде Дин'Юлемиона воспринимала орудия как должное. Теперь же она решила, что пушечкам можно найти более достойное применение.
— Послушай-ка, Эбби, а почему бы нам не шарахнуть этими штуковинами по преисподней? — спросила как-то она, кружа вокруг тяжелых колдовских орудий. — Чего им тут попусту пропадать?
— Я уже об этом думал, — ответил Эбби, ковыряясь с очередным Трансталлом. На сей раз не в преисподнюю, а в гораздо более приятное место. — Это почти без толку. Во-первых, преисподняя большая. Для демонов наши выстрелы будут еще менее заметны, чем киту пиявочные укусы. Во-вторых, эффективность атаки нивелируется особенностями Трансталла из нашего мира в мир вечного огня. Неслучайно мои пушки хорошо бьют только в области междумирья, то бишь в некоем тамбуре между здесь и там. Мы не в состоянии полноценно выстрелить в преисподнюю так же, как и они не в силах достать нас оттуда.
— Это если оставить все так, как сейчас, — заметила фея, состроив хитрую мордочку. — Но кто сказал, что Трансталлы следует открывать именно отсюда? И что стрелять надо абы куда?
— Фортумагум — наиболее подходящее для них место, уж пусть не обижаются на меня сестры Альмирстала, — пожал плечами чародей. — Лучше моих подземелий пока ничего нет.
— Да неужели? — лукаво осведомилась Дин'Юлемиона. — А тебе не приходило в голову, что Трансталл можно открыть из Сунастийских пределов?
— Это не имеет смысла. Ты же лучше меня знаешь, что нельзя использовать новый Трансталл не вернувшись через предыдущий. Во всяком случае, для нас, простых смертных, — ответил, подумав, Эбби.
Однако он все же прервал свое занятие и внимательно воззрился на фею, прекрасно понимая, что дочь света ничего просто так говорить не станет. И оказался абсолютно прав. Дин'Юлемиона задорно рассмеялась, прыгая по пушкам как ребенок по детской площадке. Они с Эбби отлично друг другу подходили, учитывая юношеские повадки чародея.
— Это для живых существ! — воскликнула она, шурша крылышками над могучими орудиями.
— Не вижу разницы! — озадаченно потер лоб Эбби. — Неодушевленных объектов это тоже касается! Мы не можем взять хотя бы вот этот ящик с боеприпасами и доставить его через два Трансталла куда-то в третий мир.
— А этого и не требуется, голова ты садовая! — рассмеялась фея.

— Допустим, мы с тобой уходим в Сунастийские пределы и там разворачиваем вот эти пушечки. Затем ты открываешь Трансталл в преисподнюю. Смекаешь, к чему я веду? Открываешь его, уже находясь в Сунастийских пределах! А затем…
— А затем — шиш с маслом! — перебил ее чародей. — Пушечный выстрел в такой Трансталл ни к чему не приведет! Ни к чему кроме взрыва на границе миров, который если кому и доставит неприятности, так это нам самим.
— Но только не в том случае, если боеприпасы для пушек будут изготовлены уже внутри Сунастийских пределов! — торжествующе воскликнула Дин'Юлемиона, делая в воздухе радостный кульбит.
Эбби, разинув рот, уставился на порхавшую крошку так, будто видел ее впервые. Постепенно на его лице начало разливаться понимание.
— Постой-постой! — воскликнул он, вскидывая руки. — То есть ты хочешь сказать, что если снаряды для орудий мы изготовим за первым Трансталлом, то они беспрепятственно проникнут за второй?! Да чтоб меня на куски разорвало! А ведь ты права!
— Ага! И тогда мы получим совсем другие условия на границе миров. А векстры, соответственно, получат хороший гостинчик, отведывать который им до сих пор не доводилось! — подтвердила фея, закружив вокруг чародея со шлейфом золотистых искорок.
Осыпаясь к полу, они производили мелодичный перезвон, будто кто-то играл на серебряных колокольчиках.
— Ничего не выйдет! — вдруг помрачнел Эбби. — Я не умею открывать такие сложные вложенные Трансталлы в преисподнюю. Не уверен, что это вообще возможно.
— Я тебя научу! — враз посерьезнев, сказала Дин'Юлемиона, вплотную подлетая к чародею. — Благодаря Иле я уже неоднократно бывала в мире векстров и знаю, как подкорректировать твои Трансталлы, чтобы они срабатывали из Сунастийских пределов.
Эбби аж задохнулся от волнения, пожирая горящими глазами светозарную малютку.
— Кажется, теперь до меня окончательно дошло, что ты задумала! — воскликнул он, резким жестом взлохматив себе волосы. — Когда заговорят наши пушки, мы не будем стрелять из них абы куда. Уж мы найдем какое-нибудь подходящее место!
— В точку! — заявила Дина, похлопав его по плечу. — А теперь давай завязывай со своей ерундой, с которой ты там копался! У нас опять много работы!

Илиана, разумеется, была в курсе что затеяла Дин'Юлемиона. Во-первых фея все еще не могла находиться слишком далеко от

Принцессы Крови, хотя обстановка в Ардариании начинала меняться к лучшему. Таким образом, Илиана обычно сразу узнавала обо всех проделках Дины. Во-вторых, у них не было друг от друга секретов. Даже Сирелине императрица рассказывала не все, чтобы почем зря ее не расстраивать. К примеру, о том, что предсказание Арферона вполне способно воплотиться в действительность, она умолчала. Пусть чародейка, как и остальные, считает его пустым бахвальством архидемона. Так будет лучше для всех. Сирелина по-прежнему оставалась наставницей Илианы наравне с Диной, но виделись они теперь в основном когда императрица прибывала в Фортумагум. Чародейка трудилась там не покладая рук, помогая Эбби и перенимая от него массу полезных знаний и навыков. Помимо прочего, она внесла существенный вклад в серию Трансталлов к планетоиду. Теперь, уяснив, что задумала фея, Сирелина желала принять участие в столь уникальном эксперименте. Илиана, в общем-то, была бы только рада, и с удовольствием поддержала кандидатуру любимой фири, если бы не одно но. Но, которое всплыло совершенно неожиданно, когда Сирелина жадно выпытывала у Дин'Юлемионы нюансы нового замысла. Энергия промежуточных Трансталлов вкупе с влиянием Сунастийских пределов могла оказать специфическое воздействие на ее здоровье, чего Илиана допустить никак не могла.

— Извини, Сирелина, но придется тебе побыть в Фортумагуме. К двойным Трансталлам ты ни ногой! Эбби за этим проследит, если не хочет огрести от меня неприятностей! — заявила, подходя, императрица, но каким-то не приказным, а странно мягким тоном.

— Это еще почему?! — обиделась Сирелина. — Иля, разве я давала повод во мне усомниться?! Хоть раз давала основания считать, что я не справлюсь?!

— Конечно нет! — подняла руку Илиана. — Просто тебе теперь следует заботиться о своем здоровье, а энергетические поля вложенных Трансталлов — штука непростая. Кроме того, в Сунастийских пределах биологические процессы идут несколько иначе. Они не замирают полностью, как на границе с Эруанскими, вроде Последнего Приюта или преисподней, но любое специфическое воздействие в твоем положении строжайше не рекомендуется.

— Я отлично себя чувствую! — воскликнула чародейка. — Твоими стараниями у меня ни одной хвори не бывает! С чего тебя вдруг стало заботить мое здоровье?!

— С того, что оно теперь не только твое. С того, что вас теперь трое, — улыбнулась императрица.

— Кого — трое? — озадаченно спросила Сирелина, оглянувшись на маячившего рядом Бэйла.

В ее подсчетах, видимо, она и гладиатор образовывали двоих, и кто выходил третьим, чародейке было невдомек. Все еще не понимая о чем речь, она посмотрела на Илиану с явно читавшимся недоумением. Та, продолжая улыбаться, опустила взор, задержав его на животе Сирелины, а затем неторопливо подняла обратно. В сиреневых глазах императрицы появились задорные искорки. Лицо чародейки преобразилось. На нем неожиданно промелькнуло осознание, сменившееся поистине неописуемым выражением.
— Как?! — задохнулась Сирелина, схватившись рукой за живот и посмотрев на него так, будто пыталась пронзить взором насквозь.
— У тебя будет двойня, мальчик и девочка. Оба унаследовали твой дар. Она станет могущественной чародейкой, еще более сильной, чем ты. А Эбби теперь не самый последний чародей в Ардариании. Я это чувствую очень отчетливо. Все-таки я Принцесса Крови, — ласково изрекла Илиана. — Поздравляю, Бэйл, ты скоро станешь отцом!
У гладиатора отвисла челюсть. Впрочем, не у него одного. Все находившиеся в зале изумленно умолкли, сообразив, что сейчас сказала императрица.
— Силы небесные, это что, правда?! — первым возопил Эбби. — Да что б меня черти жарили! Сирелина, разреши первым принести тебе поздравления!
И тут же полез обниматься с растерявшейся чародейкой.
— Нашел время когда чертей поминать! — сердито проворчала фея, но к поздравлениям присоединилась.
Следом подскочили Уна, Арадора, Флея с подругами и все остальные, кто присутствовал при этой сцене. Сирелина вконец смутилась, как смутился и Бэйл, поскольку и на его долю досталось дружеских похлопываний и объятий. В том числе от Ульма. Подойдя к гладиатору, тот положил ему ладонь на плечо и улыбнулся, на мгновение сверкнув глазами, а затем пожал руку. Да, не каждый удостаивается такого жеста внимания от архангела.

Событие казалось бы хоть и милым, но рядовым — сколько семей каждый день узнают о грядущем пополнении, — если бы не одно но. Это был первый официально подтвержденный случай, когда чародейка вновь готовилась произвести на свет потомство наследующее дар детей света.
— Ну, теперь понимаешь, отчего тебе нельзя в Сунастийские пределы? — спросила императрица, когда Сирелину более-менее перестали тормошить.
— Но я же хочу быть полезной! — ответила та, не зная что и сказать.
— Ты и будешь. Просто в Фортумагуме. А в Трансталлы ни шагу! И

на фронт тоже! — пояснила императрица. — Договорились?
— Договорились! — ответил за Сирелину Эбби. — Даю слово — я лично за этим прослежу!
Поскольку все остальные поддержали заботливый энтузиазм чародея, Сирелине пришлось смириться и пообещать беречь себя, выполняя наказ Принцессы Крови. Спасибо и на том, что Арадоре не дали утащить ее в Альмирстал и запереть там на полном пансионе вплоть до счастливого разрешения от бремени.
— Когда? — только и спросила Сирелина.
— Точно пока не скажу, — подумав, ответила Илиана. — Пусть все идет своим чередом. Точно знаю, что оба они здоровы и не имеют никаких изъянов, поэтому спокойно жди, когда природа скажет свое торжественное слово.
Тут императрица немного смутилась, хотя никто так и не понял почему. Она вдруг вспомнила, как ее собственные родители вдруг ощутили биение ее жизни. И теперь она сама практически один в один повторяла слова отца. Улучив минутку, Ульм что-то шепнул на ухо гладиатору. Тот кивнул, а затем попросил тишины. И когда установилось всеобщее молчание, при всех попросил руки своей обожаемой подруги. И на сей раз Сирелина не смогла ему отказать, махнув рукой на все прежние препятствия, которые всегда мешали чародейкам завести семью.
— Полагаю, ее величество захочет сыграть вашу свадьбу в Тал-Амине, но от имени Высшего Совета чародеек я также объявляю, что ваш брак будет официально зарегистрирован в Альмирстале, — торжественно сказала Арадора. — В обители наступает новая эра. Теперь семейные узы становятся для сестер одним из важных приоритетов, а к их избранникам перестанут относиться как к нежелательному мимолетному приключению.
— Да будет так! — величественно заявила Принцесса Крови, от охвативших ее чувств невольно озарившись алым.
— Так, ладно, чего расслабились?! — весело воскликнула фея, сделав в воздухе замысловатый кульбит. — У нас еще дел два поезда, вагон и маленькая тележка! Тележку, так и быть, возьму на себя, а все остальное милостиво навешу в приказном порядке на назначенных мной добровольцев. Эбби, где ты там?!. Давай выбирать место для пушечной батареи!

Имелись идеи и у Талары. Пользуясь праздничными днями, она наведалась на фронт к отцу и жениху. Оба были очень рады ее видеть, поскольку общение через Конту-Фенеструмы это одно, а живая встреча — совсем другое. К сожалению, слишком долго вице-королева задерживаться не могла, поэтому постаралась провести время с пользой, совместив приятное с полезным. Побыв на-

едине с дю Бренталем, она пригласила отца прогуляться и вместе с ним отправилась обходить пределы лагеря. Неискушенному наблюдателю он показался бы чем-то фантастическим. Минули деньки, когда кроме костров, палаток, да сложенных в козлы пик и смотреть было не на что. Нынче все выглядело иначе. Палаток, разумеется, хватало, но среди них сплошь и рядом возвышались внушительные конструкции. Воздушные платформы придавали мобильности ранее исключительно стационарным объектам. Госпиталь, арсенал, склады и прочие составляющие действующей армии теперь имели прочное каменное воплощение. Над землей, отбрасывая тени на расквартированные войска, парили огромные форты и еще более исполинские крепости. Внушительные пушечные жерла, выглядывавшие с их многочисленных бастионов, производили неизгладимое впечатление. Также в воздухе виднелись и отдельные башни, выполнявшие различные функции — от охраны периметра до диверсионных операций. Боевые орудия всех мастей располагались на больших и малых платформах. Часть из них стояла на земле, чтобы попусту не тратить колдовскую энергию, часть прибывала в расположение лагеря, а часть наоборот — выдвигалась на позиции. Платформами совершалась и ротация воинских подразделений. Учитывая состояние местности после вторжения демонов, обычные дороги оставляли желать лучшего, и их использовали только для вторичных задач, не требующих оперативного исполнения. Повсюду реяли многочисленные флаги и вымпелы, не столько для красоты, сколько для визуального разграничения войск и элементов лагеря. Талара, прогуливаясь с отцом, не особо смотрела по сторонам, но хан бдительным оком оглядывал все ли в порядке. Вон поодаль его солдаты наслаждаются купанием в искусственных водопадах. Водопадах, низвергавшихся с громадной воздушной платформы, служившей водохранилищем и предназначенной для обеспечения различных потребностей армии. Хорошо, очень хорошо! Подарить людям ощущение такой незабываемой свежести прямо на фронте — отличная идея. Война штука жестокая, но если можно смягчить ее условия — это пойдет солдатам только во благо. Оттого же неподалеку виднелись живые рощи, вступавшие в резкий контраст с выжженной землей, а промеж палаток расположились спортивные площадки. Ведьмы и чародейки использовали часть платформ для передвижных парков. Попробуйте побыть среди огня и пепла несколько месяцев — и даже самый суровый воин будет мечтать отдохнуть в сени исполинского дерева, развалившись на самой обыкновенной травке. Что же касалось спорта, то возможность поиграть в мяч или помахать ракеткой приносила не меньше радостей, поскольку теперь

это позволяли затишья в сражениях с демонами. Конечно на всех одновременно зон отдыха не хватало, но командиры составляли списки для поощрений и бдительно следили за очередностью. К тому же единовременно отдыхала только часть солдат, пока другая несла боевое дежурство, поэтому острого дефицита в средствах для досуга не ощущалось. Ад-Сейдин был очень удовлетворен заботой о его людях. Жаловаться им решительно не на что. С другой стороны, он понимал, насколько тяжело приходится простым гражданам, вынужденным многим жертвовать для фронта, но тут уж ничего не поделаешь. Хан полностью поддерживал все меры, введенные императрицей. Военное положение обязывало. Он поступил бы так же. Оттого ад-Сейдин не сразу и понял, к чему дочь завела разговор про Солтенстил. Он полагал, что это как-то связано с гражданами столицы или очередным законом, о котором Талара хотела с ним посоветоваться, поэтому был вынужден переспросить, когда речь зашла об их родовом дворце и его подвалах.

— Откуда такой интерес, дочь моя? — удивленно спросил хан, сообразив, что не ослышался.

Талара, оглянувшись по сторонам, только что спросила, не остались ли у отца потайные ходы в Нижние подземелья, не известные чародейкам. Со времен Дегониса и его Манипуляторов Нижние подземелья были очищены от всякой погани, но их оборудование, не представлявшее угрозы самим своим наличием, оставалось на местах. Порой там проходили наглядную практику слушательницы Запретного чертога, послушницы и ведьмы. Чародейки закрыли туда доступ всем посторонним, против чего хан ничуть не возражал. Воспоминание о тех днях причиняли ему муки совести, и если уж сестры Альмирстала не выжгли логово злодеев каленым железом, а приспособили под свои нужды — да на здоровье.

— Мне нужно туда попасть, — тихо ответила Талара.

Она не боялась, что кто-то из охраны, следовавшей за ней на почтительном расстоянии, занимается шпионажем. Илиана до такого не опускалась. Во всяком случае, по отношению к лучшей подруге. Просто случайно услышанное слово могло вызвать нежелательные последствия.

— Я тебя не понимаю, Тали. Ты же вице-королева. Второе лицо в империи. Нет таких дверей, которые не открылись бы перед тобой, — недоумевал ад-Сейдин. — Да их перед тобой и не закрывали, насколько мне известно. Ты в любой момент можешь спуститься в Нижние подземелья когда пожелаешь. Как-никак, это твой родовой дворец.

— Спуститься-то могу, но не сделать что захочу, — еще тише пояснила Талара. — Для того мне и требуется проникнуть туда тай-

но, чтобы о моем присутствии никто не знал. Для того я и спрашиваю, не осталось ли у тебя каких-то потайных ходов, оставшихся без присмотра?
— Тали, чего это ты задумала? — обеспокоился хан, внимательно посмотрев дочери в глаза. — Я тебя знаю! Тебе как вожжа под хвост попадет — только и держись! В Нижних подземельях нет ничего хорошего, чем можно воспользоваться не опасаясь последствий. Неслучайно чародейки закрыли туда доступ. Признавайся зачем тебе понадобилось пробираться туда тайком!
Талара, еще раз украдкой оглянувшись, что-то прошептала ему на ухо.
— А. Ну если так, тогда ладно, — отозвался, подумав, хан. — Что ж, кажется, один ход должен был уцелеть. О нем не знал даже Дегонис. Я же не мог совсем оставить его без надзора. Увы, я пренебрегал бдительностью и допустил... Впрочем, то дело былое, как сказала сама императрица. Мой ключ откроет для тебя тайный ход. Ты знаешь, где его взять, дочка. Там же, где ты всегда его брала в мое отсутствие.
Талара порозовела, вспомнив свои проделки юности. Хан, улыбнувшись, приблизил ее к себе и тихонько рассказал как найти секретную дверь.

Дворец в Солтенстиле не пустовал. Во-первых, там размещались министерские кабинеты, и вельможи по-прежнему занимались делами Железных земель. Во-вторых, Талара настояла, чтобы ее мать, Сантара, перебралась с младшим братом, сестрами и родственниками из Зелистана в родовое гнездо. Будет еще время отдохнуть в имении на берегу Идлиса. Сейчас страна требовала усилий от каждого своего гражданина. А кому как не Сантаре, хорошо осведомленной о делах родной страны, принимать в них участие? Кому как не зелистанским родственникам, включая хана Хусейна аль-Харуддина и наследного принца Тамира, решать вопросы устройства и благополучия своих подданных, нашедших приют в Железных землях? Уцелевшие войска Зелистана передали под командование ад-Сейдина, зато гражданские лица оставались в прямом ведении имперского правительства. Талара, навестив родных, уделила им пару часов из своего плотного графика. Затем, сославшись на дела, удалилась, но не из дворца, а в свои комнаты. Оттуда она пробралась в покои отца и добыла заветный ключ, лежавший на хорошо знакомом месте. У Талары, разумеется, был свой, но он не отпирал те двери, о которых забыл упомянуть ад-Сейдин.

Найти потайной ход оказалось несложно. Во всяком случае, тому, кто уже о нем знал. Скульптурная композиция бесшумно ра-

зошлась в стороны, открыв свой незримый секрет. Талара машинально отметила, что две наяды, прежде касавшиеся руками, теперь как бы приглашали ее войти. Включив колдовской фонарь, вице-королева ступила в узкий темный коридор. Обернувшись, она поманила за собой трех спутниц. Те не принадлежали к личной охране вице-королевы. Это были молодые ведьмы Гексенсталя. Вместе с ними Талара очутилась на запыленной, давно не используемой винтовой лестнице и начала спускаться по каменным ступенькам, крадучись как мышь под носом у кота.

Ужасы Нижних подземелий вице-королеву не интересовали. Жертвенники, проклятые колдовские инструменты, носители скверны и прочие неприглядные вещи ей и даром не сдались. Собственно, именно поэтому ад-Сейдин и открыл дочери существование тайного прохода, о котором, признаться, и сам уже позабыл. Помимо прочего, этот проход выводил по соседству с тем залом, куда некогда заглядывал и сам хан. Не напрямую, а через боковой коридор, но конечный путь заканчивался у приметной двери. Двери, которую чародейки не охраняли, уверенные, что добраться до нее, минуя наружные посты, ни у кого не получится. Талара, чувствуя, как сильно бьется ее сердце, снова использовала ключ, и дверная створка бесшумно отворилась. Уф! Кажется, ей удалось достичь цели незамеченной. Несмотря на обходной путь и отсутствие стражи существовала вероятность, что кто-нибудь из дежурных чародеек заметит ее и ведьм на колдовской карте. Такой, какой пользовалась Сирелина, исследуя Нижние подземелья и пытаясь освободить Хранителей. К счастью, сестры Альмирстала прибегали к ним достаточно редко из-за низкой отдачи. Несмотря на потрясающий рост способностей чародеек, эффективность колдовских карт практически не изменилась. Их дальность все так же оставляла желать лучшего, равно как и принцип выставления меток. Энергетические затраты обычно не соответствовали конечной пользе, поэтому чародейки предпочитали другие инструменты, прибегая к картам только в особых случаях. Фея на этот счет пошутила, что у мироздания свои взгляды на разные типы заклинаний. Мол, оно явно не желает, чтобы все живые существа оказались у кого-нибудь под колпаком.

Внутри стояла гробовая тишина. В зал, теперь по большей части пустой, не проникали никакие звуки. Сестры Альмирстала разобрали оставшуюся от Дегониса гнусь, не тронув только вещи не представлявшие зло сами по себе. Талара не просто надеялась, что предмет ее интереса уцелел — она это знала. Ее шаги, легко прошуршавшие по каменным плитам, замерли в центре зала, где находилось круглое сооружение, похожее на большой фонтан с

бассейном. Ведьмы произнесли несколько слов на чародейском наречии, и вот все вокруг осветилось колдовскими огнями. Поднявшись в воздух, они замерцали, заискрились и стали переливаться в элементах обширной конструкции, производя завораживающую иллюминацию. И было отчего. Ведь конструкция оказалась прямо-таки насыщена кристаллами различного размера и формы, поскольку целью тайного визита Талары было не что иное, как Кристальный Каскад.

Ведьм вице-королева прихватила с собой не случайно. Найти сообщников в среде чародеек было сложнее, чем отыскать золотую песчинку на дне океана. Ведьмы, правда, также особого доверия не вызывали, но среди их молодежи Талара сумела заручиться помощью амбициозной и любознательной троицы. Ведь сама принцесса Железных земель была неспособна пробудить могущественный колдовской инструмент. Для этого требовались очень одаренные заклинатели, и отнюдь не обязательно черные колдуны. Молодые ведьмы из нового, взращенного Принцессой Крови поколения, очень даже годились. И как раз ради Принцессы Крови они были готовы нарушить запрет и принять участие в затее вице-королевы. Эта затея им очень понравилась. Когда еще представится провести столь уникальный опыт? Молодые ведьмы не обладали необходимой практикой, но успели изучить все доступные им теоретические материалы, просмотреть уйму записей из Кристаллов Памяти и словно невзначай расспросить старших. В итоге они вооружились достаточным набором знаний и заверили Талару, что у них все получится. Тогда-то последняя и предприняла вылазку в Нижние подземелья, найдя лазейку во время свидания с отцом.

Сам по себе Кристальный Каскад зла не представлял, скверны не излучал и вообще никаких неприятностей не сулил. Вместо Дегониса, мастерски управлявшегося со столь сложным колдовским инструментом, над ним теперь хлопотали сразу три ведьмы, компенсировавшие недостаток опыта могуществом и численностью. Талара, стоя подле пробуждавшегося Каскада, теперь напоминала своего отца, некогда здесь же искавшего видения будущего. Тогда вся история с Принцессой Крови только начиналась. Вице-королева хотела знать чем она закончится.

Игра света мало-помалу охватила весь Каскад. Ад-Сейдин наблюдал такое не единожды. Талару происходящее заворожило, поскольку она видела его впервые. В зале воцарился полумрак. Теперь сиял лишь уникальный комплекс, переливаясь разноцветными огнями. Колдовской туман, заполонив бассейн, клубился в нем таинственной дымкой, скрывавшей от глаз перипетии грядущего. Вице-королева, взирая на сверкавшее, искрившееся действо рас-

ширенными глазами, дрожала от волнения, готовясь задать терзавший ее вопрос. И вот момент настал. Когда ведьмы подали знак, Талара шагнула к бассейну, наполненному колдовским туманом, и бросила туда свою имперскую печать, лично врученную ей Илианой.

— Я хочу знать судьбу той, кто дал мне эту печать и наделил властью! Я хочу знать как закончится противостояние архидемона Арферона и Принцессы Крови! — заявила вице-королева, чей голос едва предательски не дрогнул.

В последнюю минуту она изменила вопрос. Талара вдруг поняла, что не желает видеть последние минуты своей подруги. Ведь скажи она "хочу узнать, чем закончится судьба Принцессы Крови" — и скорее всего именно это представится ее глазам. Нет уж, пусть вопрос прозвучит именно так, как его сейчас задала Талара. Едва стихли звуки ее голоса, она впилась глазами в колдовской туман, желая и страшась увидеть ответ.

Ведьмы не подкачали. Все-таки в Гексенстале растили новое поколение на совесть, а императрица повышала его способности смолоду, выводя на запредельный уровень. Знаний у троицы заговорщиц вполне хватило, чтобы подчинить себе сложный колдовской инструмент. Кристальный Каскад, озарившись очередной порцией огней, отреагировал. Туман забурлил, будто в него сыпанули лошадиную порцию сухого льда, а затем, помедлив, стал раздаваться в стороны. И вот уже перед взором Талары раскрывается долгожданное видение. Настолько реальное, что, казалось, протяни руку — и она станет частью происходящего. Затаив дыхание, вице-королева следила за колдовской иллюзией, воплощавшейся на месте Кристального Каскада. Скрывшись за красочным видением, теперь он весь словно представлял проход в грядущее. Еще не произошедшее, но уже разворачивавшееся в глазах немногочисленных наблюдателей.

Выжженная, подернутая серым пеплом земля. Огромные воронки хранили следы ужасающих разрывов, раскладывавших на атомы любую материю. Где-то под пеплом угадывались останки погибшей растительности, еще не успевшей смениться уродливой флорой преисподней. На полмили в одну сторону и полмили в другую не было видно ни единой живой души. Как разграничительная линия, эта полоса протянулась от горизонта до горизонта, будто некая нейтральная межа. За ней, как с запада, так и с востока, расположились несметные воинства. Пламенеющие легионы, собравшись неимоверным числом, пристально следили за происходящим. В воздухе, помахивая крыльями, парили Гангроны. Поодаль чернели стаи лапургов. Неторопливо реяли Кошмары. Дым

струился из-под копыт сотен тысяч Опустошителей. Пожирателям с бесами и вовсе не было числа. Казалось, здесь собралась вся армия вторжения, заняв позиции у безжизненной межи.

В миле к западу выстроились армейские корпуса империи. Полки Нируангмов сияли в лучах пробивавшегося солнца колдовскими доспехами. Теснились ряды големов. Могучие Нереймиты, расправив плечи, возвышались горными кручами. Развивались флаги и вымпелы. Стройные подразделения ардарианских солдат растянулись плотными шеренгами. Над ними, рассредоточившись на разной высоте, застыли в воздухе небесные форты и крепости. Жерла их исполинских орудий угрожающе ощерились в сторону демонов, готовясь в любой момент исторгнуть ужасающий залп. Промеж них виднелись звенья ведьм и чародеек на миаласах и мавригалах, а рядом с ними кружили суровые подразделения химер и горгулий.

Учитывая численность собравшихся, тишина пугала. Ни та, ни другая сторона не вела речей и вообще не издавала ни единого намеренного звука. Взгляды обеих армий были прикованы к центру разграничительной полосы, где виднелись какие-то фигуры. Одной из них был объятый пламенем демон, воплотившийся в габариты очень рослого человека. Другой — женская фигура, в которой легко угадывалась Принцесса Крови. Она стояла совсем близко от своего смертельного врага. Настолько близко, что тот мог без труда достать до нее своим огненным мечом. С замиранием сердца Талара наблюдала за разворачивавшейся сценой. Уверенность, с которой вела себя императрица, должна была внушать спокойствие, однако вице-королева чувствовала нараставшую тревогу. Что-то в этой сцене пугало, что-то заставляло подозревать неладное. Талара практически перестала дышать, пожирая глазами стоявшие в нейтральной зоне фигуры. Слов она не слышала, и лишь по жестам и прочим выразительным движениям пыталась определить суть происходящего. Сделать это издали было крайне затруднительно, но Кристальный Каскад, словно угадав желание вице-королевы, приблизил картинку. Взяв демона и Принцессу Крови крупным планом, он принялся поворачивать изображение то так, то эдак, давая возможность хорошенько все рассмотреть. И Талара рассмотрела. Хищно полыхнул огонь, вспыхнуло и угасло алое сияние. В следующее мгновение зал огласил громкий, отчаянный крик. Кристальный Каскад, озарившись ослепительной вспышкой, погас. Талара, схватившись за сердце, лишилась чувств и рухнула на пол.

* * *

На сей раз маскировка была ни к чему. Это существенно облегчало задачу, поскольку прежде Эбби тратил львиную долю усилий не столько на настройку Трансталлов, сколько на их незаметность. Чародей подыскал отличное место в прериях из голубой травы. Эти прерии расстилались вокруг одной из библиотек Фортумагума, укрытой в Сунастийских пределах. Облюбовав подходящий холм, Эбби при помощи своих верных помощниц возвел там внушительный форт, набив его таким количеством орудий, что аж страшно становилось. Правда оборонительная стена у этого форта была всего одна — лицевая, зато вся она была утыкана пушками в несколько рядов. Эбби решил не тратить время на возведение полноценной замкнутой конструкции. Ведь никто не обойдет форт со стороны, и никто не атакует его с тыла. Стало быть, периметр условно замыкается простой оградой, очерчивая внутреннюю зону для различных конструкций хозяйственного назначения. Там хранились боеприпасы и инструменты, а также располагался обслуживающий персонал. Вот на тяжелые пушки Эбби не поскупился. Их общая численность равнялась трем сотням. Само собой как грибы они не росли и в лесу под деревьями не собирались. Чтобы обеспечить форт вооружением, чародею предоставили экстренную поставку, отложив введение в строй очередной небесной крепости. Эбби поклялся компенсировать задержку сторицей и по многу часов хлопотал возле уникального сооружения. Уникального тем, для чего оно было предназначено. Впервые в истории люди готовились осуществить прямую бомбардировку преисподней.

Эбби в присущей ему манере назвал свое творение Фириотус, скомбинировав слова "фири" — фея, и "отус" — приветствие. С языка Первой Ардарианской империи это переводилось примерно как "Привет от феи". Дин'Юлемиону такое название позабавило, но оно же и польстило одновременно. Появляясь среди голубых трав вместе с Илианой, крылатая крошка деятельно инспектировала объект и давала различные ценные указания. Наибольшее внимание она уделяла особой конструкции, располагавшейся в сотне ярдов от лицевой стороны форта. Она выглядела как футбольные ворота, но очень-очень большие, плюс к верхней перекладине у них имелась и нижняя, чуть выдававшаяся над землей. Предназначались эти ворота для Трансталлов. Открывать их можно было и в пустом пространстве, но физическая рама существенно облегчала процесс. Все-таки Эбби не обладал возможностями чародеек Великого Архипелага, да и обширные, свободно парящие пересечения миров в задачу не входили. Каркас для Трансталлов

Эбби изготовил под руководством феи, и под ее же бдительным присмотром долго и упорно оплетал его заклинаниями. Конечный результат казался фиолетовым монолитом, но на деле он состоял из множества сложнейших элементов, переплетавшихся друг с другом в дюжине раздельных контуров. Колдовские письмена, выгравированные на хитроумном сплаве, издали казались шероховатостью. Под словами и символами скрывались различные элементы, начиная от светоносных кристаллов и заканчивая Эмбринусами. Дина лично втолковывала Эбби, что и как увязывать, если и не в прериях, то через Конту-Фенеструм. Чародей, жадно ловя каждое слово, в поте лица реализовал инструкции на практике и, судя по удовлетворенной реакции феи, реализовал успешно.

Также Дин'Юлемиона не забывала проверять и другие важные составляющие боевого сооружения. Фириотус обладал двумя здоровенными Кристаллами Плетения, обеспечивавшими его защиту, а также собственной энергетической установкой, основанной на расщеплении вещества из одного мира в условиях другого. Внутри форта, в обширном служебном помещении, изготавливались орудийные боеприпасы. Эбби выбрал голубые прерии не просто так. В этой части Пределов имелись необходимые ресурсы, успешно добываемые и используемые компанией драддов. Вместе с ними над пушечными зарядами трудились две чародейки и отряд клериков. Для последних путешествие в Сунастийские пределы стало поистине грандиозным событием. Литореус лично отобрал наиболее достойных братьев. Пройдя курс подготовки от Эбби и несколько сеансов восприятия от императрицы, клерики довольно быстро освоились в удивительных просторах иного мира и целиком отдавали себя порученной им задаче. Арсенал форта быстро наполнялся. В начале апреля, спустя три недели после освобождения восточных границ империи, Эбби объявил, что Фириотус готов к бою.

Для первого раза выбрали цель попроще. Дин'Юлемиона облюбовала один из малых Разломов на периферии вторжения. Форт, само собой, был не в состоянии обстрелять его традиционным образом. Вся идея в том и заключалась, что он собирался это сделать принципиально иначе, не по области сожженного поселения, а совсем в другом месте. Ведь Разлом имел две точки входа-выхода. Одна из них находилась в Ардариании, а другая располагалась в Преисподней. Где именно — фея понятия не имела, но для определения координат она прибегла к испытанному методу. Приблизившись к Разлому, воздушные звенья заклинательниц сбросили на него несколько десятков маленьких сфер. Каждая из них не могла причинить вреда демоническому каналу, но этого и

не требовалось. Большинство рогатые чудовища уничтожили на подлете, но количество снарядов компенсировало потери. Сферы, наведенные на Разлом, лавировали, стараясь избежать поражающего воздействия врага, и несколько из них сумело достичь цели. А именно нырнуть в пламенеющую бездну и взорваться в ее неведомой глубине. Детонация такого маленького снаряда никак не влияла на стабильность прохода между мирами, но испуская световые вспышки, сферы играли роль маячков. И эти маячки чутко отслеживала Дин'Юлемиона, выглядывая из контрольного Трансталла в преисподнюю. В отличие от Повелителя Крови, обнаружить, где находится мимолетный источник света, к которому она сама же и приложила руку, ей оказалось куда проще. Ведь Таунсторма Арферон надежно запрятал, придав ему постоянное и изменчивое движение, а световое излучение сфер возникало вполне себе неприкрыто и из одного места. Фее не понадобилось много времени, чтобы сообщить Эбби точные координаты. Чародей немедленно взялся за дело, а поскольку маскировка не требовалась, он управился с Трансталлом в кратчайшие сроки. Не прошло и трех часов, как фиолетовая рама напротив Фириотуса засветилась, покрывшись сеточкой огней. Там, где только что колыхалась голубая трава, возник зловещий пейзаж преисподней.

В мире векстров Разлом напоминал широкий огненный столб, уходивший ввысь и растворявшийся в ней там, где пересекались реальности. Вокруг него трещали разряды миллионов змеившихся молний, производимых сталкивавшимися энергетическими потоками. В стороны расползалось некое подобие туч, сотканных из невесомой распадавшейся материи. Длинными вереницами к нему поодиночке и группами непрерывно шли демоны. Подходя к сквозному каналу, они ступали внутрь столба пламени и тут же уносились вверх, отправляясь в Ардарианию. Мертвая плоть, испещренная зигзагами краснеющих трещин, дымилась под их копытами, дрожа от могучей вибрации Разлома. Эбби удалось правильно угадать направление Трансталла. Правда, он несколько промахнулся с расстоянием, но дальнобойные пушки форта вполне доставали оттуда, откуда открылось столь жутковатое зрелище.

Ворон считать явно не стоило. Или векстров, поскольку ближайшие из них немедленно проявили нездоровый интерес к Трансталлу.

— Пли! — звонко крикнула Дин'Юлемиона, которой Эбби предоставил честь первого залпа.

Обычно феям не свойственно принимать участие в сражениях. Им чужд боевой раж, и они стараются избегать насилия. Тот, кто создает жизнь, не любит ее отнимать. Однако на сей раз случай был

исключительный. Дин'Юлемиона не отличалась мстительностью, но воспоминания о сожженных рощах были слишком свежи в ее вечной памяти. Через эти Разломы векстры уничтожали все, что было ей дорого. Теперь фея получила возможность вернуть им должок. С ужасающим грохотом триста тяжелых пушек изрыгнули голубое колдовское пламя, под цвет окружающих прерий. Снаряды, изготовленные непосредственно внутри форта, беспрепятственно проникли в Трансталл и унеслись в направлении столба пламени. Орудия наводились быстро и обладали практически абсолютной точностью, поэтому векстры и опомниться не успели, как гостинец из Фириотуса достиг цели. Три сотни боеприпасов детонировали в основании Разлома практически одновременно. В следующую секунду раздался такой чудовищный взрыв, что на его фоне грохот пушек показался комариным писком. Люди в прериях едва не оглохли, спасенные защитными контурами. В подножии Разлома возник ослепительный шар, состоящий из раскаленной плазмы. Плазмы из вещества и энергии, принадлежавших разным мирам, которая вообще не должна была существовать. Несколько мгновений эта плазма продержалась в неустойчивом состоянии, а затем ее разнесло в абстрактные клочья. Разнесло с такой колоссальной аннигиляцией, которая некогда уничтожила Великий Архипелаг. Столб пламени распался. Со скоростью урагана он ринулся разом во все стороны, сметая на своем пути все подряд. В том числе векстров, смахиваемых как соломинки. В мгновение ока он достиг Трансталла, но не успел в него ворваться, как запредельный выброс энергии развеял проход в преисподнюю. Фиолетовая рама опустела. Сквозь нее теперь были видны лишь уходившие вдаль голубые прерии.

Новшество произвело настоящий фурор. До такого не смогли додуматься даже в древней Ардариании. Тогдашние заклинатели умели открывать сложные Трансталлы, но вычислить внутренние координаты Разломов возможным не представлялось. Учитывая размеры преисподней, никто не знал, где они находятся, а чутьем детей света люди не обладают. В ту пору о такой дерзкой затее не помышляла и сама Дин'Юлемиона. Она проникла в мир векстров только с помощью Илианы, открыв для себя принципиально недоступные прежде возможности. И теперь эти возможности привели к созданию боевого форта в Сунастийских пределах. Дина и Эбби принимали заслуженные поздравления, а в Фортумагуме тем временем изготавливался целый рой Светляков, как прозвали сферы-маячки. Императрица наконец-то оживилась. Последние недели ее, казалось, тяготили какие-то раздумья. Успешный эксперимент с артобстрелом Разлома прояснил чело Принцессы Кро-

ви. Доклад разведчиков из зоны вторжения подтверждал полное закрытие канала в преисподнюю и смятение находившихся в округе демонов. К сожалению, построить целый комплекс фортов было невозможно — на это банально не хватало обученных заклинателей. Сама численность ведьм и чародеек оставляла желать лучшего, а колдуны Запада еще не успели развиться на необходимый уровень. Оценив стратегические перспективы, императрица велела повторить опыт на двух малых Разломах, чтобы отточить технологию, а затем приступать к целям покрупнее.

Демонов ждал неприятный сюрприз. Когда имперская армия пошла в крупное наступление, один из ключевых Разломов неожиданно подвергся мощной атаке изнутри. Опорная точка, вокруг которой концентрировались рогатые чудовища, превратилась в обычное пепелище. Результат не заставил себя ждать. Войска людей смяли векстров, ворвавшись на их позиции. Прорыв быстро увеличивался, вырастая как в глубину, так и в ширину. Очутившись перед угрозой тяжелого поражения, Арферон приказал пламенеющим легионам отступать, сдав людям два других Разлома, которые изначально не собирался терять в такие ничтожные сроки. Имперская армия дальше не пошла, справедливо опасаясь растянуть фронт и пострадать от контратаки демонов. Воздушные платформы осуществили массированную бомбардировку лишенных защиты Разломов и закрыли их без каких-либо потерь. Сияющая императрица крепко обняла Дину, Эбби и всех кто им помогал. И тут же велела переходить к следующей цели. На сей раз она наметила кое-что покрупнее. Исключая Серые горы, самым мощным оплотом векстров была столица Зелистана Ольдингъюрт. От него давно уж не осталось и пепла, но то, что образовалось на месте этого огромного города, служило демонам не просто опорной точкой, а вторым по значимости плацдармом вторжения, исключая Руандаль. Ольдингъюрт представлял собой ад на земле. Концентрация скверны там не слишком отличалась от самой преисподней. Огненные метеоры, вырывавшиеся из пламенеющих недр, не позволяли приблизиться даже самым защищенным объектам. Светляки получились исключением. Сброшенные с огромной высоты многими тысячами, они не вписывались в выстроенную демонами оборону, и малая их толика все же достигала Разлома, ныряя в его глубину. Демоны ведь не рассчитывали сбивать столь незначительные юркие цели, не способные причинить им заметного вреда. Маячки исправно сработали, позволив фее определить искомые координаты. К сожалению, на этом успехи закончились.

Векстры довольно быстро сообразили, откуда ветер дует. Их возможности серьезно ограничивались в других мирах, где они

пускались на всяческие ухищрения, но в своем собственном рогатые чудовища властвовали безраздельно. Простой бес, конечно, был не в состоянии закрыть мощный и старательно наведенный канал между мирами, но какой-нибудь Гангрон — запросто. А Гангронов вокруг больших Разломов хватало. Трансталл не открывался мгновенно. В противном случае, гипотетически, можно было бы в любой момент безнаказанно выстрелить в любую точку вселенной. Его появление зависело от ряда факторов, но даже в случае успеха канал устанавливался определенное время, за которое происходили визуальные и волновые искажения пространства. Прежде демоны просто не обращали на них внимания, однако уяснив, что из больших Трансталлов по ним стали бить колдовские пушки Ардариании, приняли меры. Эбби едва не угробил собственный форт. Когда в проеме показался Разлом Ольдингъюрта, орудия дали залп, но в тот краткий миг пока их жерла выплевывали огонь, векстры оперативно развеяли Дверь. Снаряды, не улетев в прерии, но и не попав в преисподнюю, рванули в буферной зоне междумирья. Три сотни мощных зарядов — это вам не шутки. К счастью, начиненные святой водой и светом, они предназначались для поражения демонической сущности, отчего их разрушительный эффект снизился на порядок. Тем не менее, пересечение энергетических потоков и молекулярный хаос, творившийся в области закрывавшегося Трансталла, вызвали разрушение вещества. Форт основательно тряхануло. Всего лишь тряхануло только потому, что его защищали могучие Тексенумы, предусмотрительно размещенные чародеем. В противном случае его бы разнесло на куски, как разнесло часть холма с фиолетовым контуром. Сам контур, также защищенный колдовством, уцелел, но здорово накренился из-за образовавшейся ямы. Голубая трава выгорела на сотню ярдов в радиусе.

Контур Эбби починил быстро. Яму тоже засыпали вполне себе оперативно, а Дин'Юлемиона восстановила поврежденный земной покров и растительность, ибо как фея она не могла спокойно взирать на такое безобразие. Затем начались главные трудности. Догадавшись о причинах неудачи, гарнизон форта пришел к выводу, что дальше так продолжаться не может. Артобстрел был отложен до тех пор, пока чародей не внедрит некоторые конструктивные новшества. Ему предстояло окружить контур надежной зачарованной плитой, способной выдержать очередной взрыв, а заодно установить дополнительные средства защиты. Кликнув огромную ватагу драддов, Эбби принялся за работу, пока его помощницы тащили из Фортумагума новые Кристаллы Плетения.

Колдовство феи, перекликаясь с колдовством людей, прида-

вало Трансталлам дополнительную устойчивость. Векстрам приходилось затрачивать куда больше усилий, чтобы развеять такой канал, грозивший им очередным артобстрелом. Судя по всему, они начали выставлять вокруг Разломов многочисленные посты, теперь не только в Ардариании, но и в преисподней. Все окрестное пространство патрулировали демоны как минимум среднего ранга, способные своевременно вмешаться в происходящее. Опустошители и иже с ними — грубая сила. Арферон был вынужден задействовать кого постарше, начиная от Гангронов и заканчивая Деаморхами. Исполинские векстры, подойдя к изнанке Ольдингъюрта, надежно охраняли периметр. Один взмах огненного кнута многомильной длани — и вот уже Трансталл развеян, не успев воплотиться. Суккубы, кружившие неподалеку, бдительно примечали каждую мелочь, подавая сигнал тревоги и стремительно кидаясь на перехват. Эбби чертыхался, честя демонов на все корки, но поделать ничего не мог. Во всяком случае, имеющимися средствами. Хватаясь за голову, чародей лихорадочно придумывал методы противодействия. И пока он это делал, императрица велела ему заняться целями попроще. Уна была в восторге, когда Эбби переложил на нее командование Фириотусом. Сам же, до зубов вооружившись колдовскими инструментами, все с теми же драддами стал возводить поистине грандиозную конструкцию.

Идея чародея заключалась в создании такого числа формирующихся Трансталлов, какое собьет демонов с толку самим своим появлением. Увы, на малой дистанции от цели толк от означенного метода отсутствовал. Демоны станут щелкать их как орешки. Эбби был вынужден значительно увеличить расстояние от Двери до Разлома, переориентировав угол обстрела орудий. Он нарастил дальнобойность пушек, пожертвовав рядом характеристик, зато получил возможность бомбардировать Разломы издали. Трансталлы, открываемые разом в нескольких местах, увеличивали шанс на успешный залп, пока демоны стараются развеять все точки проникновения.

Определенного прогресса Эбби действительно достиг. Его инженерная мысль и впрямь начинала граничить с гениальностью. Чародей соорудил мультиконтур, способный брать исходные координаты и располагать дюжину Трансталлов по сферообразному периметру выходом к центру этой условной сферы. Они приходили в действие одновременно и на значительном удалении друг от друга, что осложняло векстрам задачу по их обезвреживанию. Форту же было без разницы куда стрелять. Ему годился любой устойчивый канал, чтобы в него успели проникнуть выпущенные снаряды. Ведь все Трансталлы всегда смотрели на одну и ту же

целевую точку, где, в частности, находился какой-нибудь Разлом. Смышленый Эбби сконструировал мультиконтур таким образом, что он открывал Двери одновременно друг за другом. Правда, растянулся этот мультиконтур на добрых полмили, зато фактически он представлял собой двенадцать попыток разом. Во время залпа происходило следующее. Снаряды устремлялись к первому Трансталлу. Если тот успевал развеяться, они летели сквозь него ко второму. А затем к третьему, четвертому и далее по прямой до последнего. Если хотя бы один из Трансталлов на пути оставался открытым, пушечный залп успешно проникал в преисподнюю и направлялся к цели. Закрытие промежуточных Дверей на качество залпа почти не влияло. Энергетические вихри на месте исчезнувшего канала поглощались самим мультиконтуром, подключенным к энергетической установке по принципу обратной связи. Она и так работала на схожем принципе расщепления, а тут ей фактически доставался дармовой источник энергии. Подобная сложнейшая конструкция была бы людям не по зубам, не помогай чародею Дин'Юлемиона. Кроме того, фея вовсю подозревала, что здесь не обошлось без Ульмаарандора. Жители Ардариании такими технологиями не владели. Ими не владели даже чародейки Великого Архипелага. Либо гениальность Эбби зашкаливала, рождая умопомрачительные идеи, либо ему кто-то подсказал. Подсказал незаметно для самого конструктора. Определить влияние высшего люмеанина было невозможно, а на одних подозрениях далеко не уедешь. Дина украдкой косилась на Ульмаарандора, неотступно следовавшего за Илианой, но расспрашивать его не решилась.

На малых Разломах модернизированный форт стал работать практически безотказно. Вероятно, демоны просто не видели смысла выстраивать вокруг них серьезную защиту. Люди и так регулярно закрывали их со стороны Ардариании, так какая разница? Вот со средними дело приняло переменный характер. Там началась настоящая война. Векстры окружили их распределенной обороной в несколько эшелонов. Суккубы создавали в зоне вокруг себя энергетически помехи, осложнявшие людям наведение на цель. Патрули Гангронов высматривали появление Трансталлов. Деаморхи неторопливо вышагивали по периметру. Как только в пространстве начинались приметные завихрения, тут же объявлялась тревога, и все защитники Разлома начинали действовать в соответствии с распределенными ролями. Если какой-то канал не успевали развеять, в ход вступали векстры воздушного заслона. Они выстреливали в направлении пушечного залпа мощными потоками огня и энергетическими разрядами чистого экспфернума. Здесь увеличенное расстояние до цели играло против Эбби. Зна-

чительную долю снарядов демонам удавалось поразить, а то и вообще все. Но порой что-то все-таки долетало до Разлома. Иногда очень даже серьезно. И нет-нет, да какой-нибудь из каналов между мирами с ужасающим грохотом взрывался, разнося на атомы не только мертвую плоть в огромном радиусе, но и всех, кто подворачивался под вспышку безразличной ко всему аннигиляции. Это оказывало имперским войскам неплохое подспорье. Конечно, не такое, какое виделось людям изначально, но все же. К сожалению, с особо крупными Разломами номер не проходил. Редко когда до них долетало хоть что-нибудь, и этого было, мягко говоря, недостаточно. Что же касалось Ольдингъюрта, то к нему и вовсе ни разу не удалось пробиться. Формально Арферон мог вообще закрыть Разломы непроницаемыми куполами, сродни установленному на планетоиде Таунсторма, либо же выставить иные защитные барьеры. Разумное объяснение их отсутствию было одно — властелин преисподней не считал такие энергетические затраты оправданными. Овчинка явно не стоила выделки. Векстры и так более-менее успешно противостояли новой тактике людей, неизвестно как до нее додумавшихся, а вторжение уже отнимало у Арферона слишком много ресурсов. Кроме того, рогатые чудовища начали контратаковать, чего не ожидал Эбби. Все чаще они намеренно не закрывали какой-нибудь Трансталл, инициируя ответный обстрел. Поскольку дело происходило не в Фортумагуме, а в Сунастийских пределах, ответ с их стороны выглядел отнюдь не безвредным. Демоны по-прежнему не могли проникнуть через пространственные Двери, но их экспфернум обрел в области Трансталлов ограниченный радиус поражения. В один прекрасный момент Фириотус подвергся мощному встречному залпу врага, после чего Эбби, осматривая дымившиеся Тексенумы, вновь приостановил бомбардировки для наведения контрмер.

Подытоживая деятельность не только форта среди голубых прерий, но всего Фортумагума, Альмирстала, Гексенсталя и имперской армии следовало отметить очевидный прогресс. Люди теснили векстров, освобождая свои земли и находя новые средства борьбы. Однако их продвижение на восток давалось все с большим трудом. Они полностью освободили два восточных государства, собирались отвоевать еще два и громили демонов глубоко в тылу, но все эти успехи развивались гораздо медленнее, чем хотелось бы императрице. Войска продолжали нести потери. Простым людям также приходилось несладко. Многие поля стояли неубранными. Снабжение между городами нарушалось, техника и различные коммуникации все чаще выходили из строя, а чинить их было особо некому. Масштабные проекты полностью заглохли. Ра-

бочих рук не хватало, а колдовские круги были не в состоянии помочь простым гражданам, полностью посвящая себя фронтовым задачам. Вторая Ардарианская империя не располагала такой же численностью заклинателей, как Первая. При этом натиск на демонов, перераспределив человеческие и материальные ресурсы, ослаблять было ни в коем случае нельзя. Пламенеющие легионы тут же воспользуются слабиной и снова начнут захватывать территории, что в конечном счете только усугубит ситуацию. Империя была вынуждена давить врага до победного конца, отдавая этому процессу все силы, которых с каждым днем становилось все меньше. Пока что события развивались более-менее благоприятно, но Принцесса Крови всегда смотрела в будущее. А будущее вырисовывалось довольно мрачным. Имперская армия приближалась к Зелистану — последнему оплоту демонов на пути к Диртленду и Серым горам, но этот оплот внушал справедливую тревогу. Там творилось нечто поистине неописуемое. Арферон и прежде натворил в восточном ханстве немало ужасов, а теперь, явно готовясь к жестокому противостоянию, превратил половину Зелистана в филиал преисподней. Даже если имперские войска сумеют разгромить врага и изгнать его за сожженные степи, им еще предстояло добраться до Серых гор, где их ждало самое тяжелое испытание. В том, что Зелистан в итоге удастся освободить, императрица не сомневалась. Увы, цена, которую за это придется заплатить, представлялась непомерно высокой. Вкупе же со всеми последующими потерями она навеивала чрезвычайно тяжкие размышления. Теперь Илиана не относилась к подданным как к сухим столбикам цифр. После возвращения из Последнего Приюта императрица иначе взглянула на доверенные ей жизни. Люди умирали миллионами, по-прежнему веря в свою Алую звезду, а та продолжала посылать их на смерть, заведомо зная, что выживет в лучшем случае каждый второй. И что уберегая ведьм и чародеек от излишнего риска, она автоматически обрекает на гибель больше простых солдат. Сестер Альмирстала было катастрофически мало, ведьм также не очень много, поэтому логика верховного правителя требовала поступать с жестокой практичностью. Вот и надежды на форт в Сунастийских пределах пока не оправдывались как бы того хотелось. Даже если империя устоит, она получит такой чудовищный демографический удар, от которого оправится очень и очень нескоро. Великий Упадок, некогда коснувшийся колдовских кругов, грозил перекинуться на всю Ардарианию. С каждым днем Илиане становилось все тяжелее. Прилюдно она старалась не хмуриться и выглядеть уверенно, но приближенные не могли не заметить, что их императрица чем-то серьезно озабочена. Скорее даже не озабо-

чена, а удручена.

Однажды Илиана заглянула к Таларе и застала ту врасплох. Теребя свою роскошную косу возле большого трюмо, вице-королева о чем-то думала и при виде подруги по ее лицу разлилась нездоровая бледность. Заметно нервничая, Талара отводила глаза и вела себя так, будто ее застали за чем-то неподобающим. От Илианы не укрылось, что со дня освобождения империи принцесса Железных земель стала как сама не своя. Возможно, ее терзали те же мысли, что и императрицу, в которых она никому не осмеливалась признаться, но нет. Кажется, душевное смятение вице-королевы, отлично читаемое Принцессой Крови, было связано именно с ней. Ибо именно при виде нее каждый раз ощущался всплеск тревожных эмоций, и только в присутствии подруги поведение Талары несколько выбивалось из привычной колеи. Илиана была не в состоянии регулярно разговаривать по душам со всеми и каждым, но на сей раз она решила выяснить, в чем тут дело.

— Тали, расскажи мне, что тебя тревожит, — мягко предложила императрица, взяв вице-королеву за руку.

Та вздрогнула так, будто ее дернуло током, что окончательно уверило Илиану в необходимости доверительной беседы.

Талара понимала, что отпираться бесполезно. Подруга ясно чувствует ее эмоциональный фон, и все попытки уйти от ответа заведомо обречены на провал. Тем не менее, тяготившие вице-королеву мысли заставляли сопротивляться просьбам выложить все начистоту. Ведь эти мысли вращались вокруг той, кто и задавал вопрос. Вопрос, казавшийся очень простым, но на который так тяжело было дать ответ. Илиана не давила. Она ласково увещевала, стараясь обходиться без своих обычных изощренных штучек. Императрице не хотелось выжимать из подруги сокровенные думы ни силой, ни хитростью. Правда и отступиться она уже не могла, поэтому продолжала уговаривать, овевая вице-королеву теплом и покоем. В конце концов Талара сдалась.

— Я использовала Кристальный Каскад, — сказала она, стараясь не смотреть на Илиану. — Тот, что в Нижних подземельях моего дворца.

— Ну, это не преступление, — улыбнулась императрица, однако улыбка получилась неискренней.

По всему было видно, что подругу беспокоил отнюдь не сам факт нарушения запрета на доступ к колдовскому инструменту, а нечто куда более серьезное.

— Я спросила его о твоем будущем, — помедлив, добавила Талара.

— О чем-то конкретном? — помолчав, осведомилась Илиана.

Вздох и сопение. Вице-королева никак не могла решиться сказать

главное. Императрица ее не торопила. Она даже не касалась Талары, поскольку эти прикосновения почему-то вызывали у той душевную боль.
— Я видела, чем закончится твое противостояние с Арфероном! — сделав над собой великое усилие, воскликнула принцесса Железных земель.
Тут шлюзы наконец-то прорвались. Талара, всегда такая самоуверенная, смелая и напористая, разревелась, дав волю эмоциям. Их глубина потрясла Илиану разверзшейся бездной горя и отчаяния.
— Ну-ну, Тали, успокойся, — ласково приговаривала императрица, заключив подругу в объятия.
Теперь ее касания вновь приносили положительный эффект, сглаживая бурлившие переживания. Пока слезы текли ручьем, Илиана воздерживалась от продолжения столь драматической беседы. Она аккуратно ее возобновила лишь когда Талара более-менее пришла в себя. Шмыгая носом и утирая слезинки, вице-королева окончательно сдалась и поведала о том, как пробралась к Кристальному Каскаду и что она там увидела.

Выговорившись, Таларе стало значительно легче. Ее страхи никуда не делись, но ей больше не приходилось терзаться ими в одиночестве. Разделив с подругой тяготившую ее тайну, вице-королева жаждала утешения. И оно действительно последовало.
— Эх ты, недотепа. Вот тебе и наглядный пример, почему чародейки закрыли доступ к этой штуковине и сами избегали ее использовать. Дина же не просто так велела мне держаться от нее подальше, хотя и меня порой обуревали те еще соблазны, — без малейшего намека на осуждение сказала императрица.
— Я не утерпела, — вздохнула Талара. — К тому же я не нашла в этом ничего плохого. Я знаю, что видения в Каскаде можно истолковать совсем не так, как следовало бы. Что он способен ввести в заблуждение, хотя всегда показывает истину. Яркий пример тому — мой отец. Но я решила рискнуть.
— Формально ничего плохого и не случилось. Однако посмотри, как видение на тебя подействовало! На то и расчет, — наставительно заметила Илиана.
— Какой расчет? — удивилась вице-королева.
— Ульм? Не объяснишь? Я же в курсе, что ты здесь и подслушиваешь, — произнесла императрица, чуть повернув голову.
— И вовсе не подслушиваю. Я рядом, потому что тебя охраняю, — отозвался люмеанин, появляясь из-за двери.
— Расскажи Таларе, почему иллюзии из Каскада не стоит верить, — предложила Илиана.
— Все дело в присутствии векстров, — с готовностью сообщил Уль-

маарандор, будто только и ждал этого приглашения. — То, что вы называете Кристальным Каскадом, изначально работает таким образом, что не дает всей ясности. Обычно Каскад действительно не лжет. Он читает из ткани мироздания, показывая наиболее вероятную перспективу. Однако показывает ее не в соответствии с человеческим восприятием, откуда и возникают серьезные разночтения. Ты как бы смотришь в формирующиеся волны грядущего, еще не наступившего, но уже обретающего внятные очертания. И интерпретируешь их по-своему. Поясню: увидев одну и ту же картинку, мы с тобой, скорее всего, придем к разным выводам.
— Да к каким тут еще можно прийти выводам?! — сердито засопела Талара. — То, что я видела, было яснее ясного! Тут двух мнений и быть не может! Или ты способен доказать обратное?
— Еще как способен, — кивнул Ульм. — Ты и сама не знаешь то, что ты видела. Это во-первых. Глаза вас обманывают сплошь и рядом. У любой даже самой очевидной сцены порой обнаруживается совершенно неожиданная подоплека, и в конечном счете все обстоит иначе, чем казалось.
— Да неужели?! — возмутилась вице-королева. — Ульм, я видела, как Арферон сразил Илиану! Как еще это можно понять?!
— Ты спросила, чем закончится их противостояние. Каскад ответил, ни больше, ни меньше. Выводов он не делал — их сочинила ты сама, — терпеливо объяснил люмеанин. — Это было во-первых. И ты не дослушала что я хотел сказать во-вторых. Дай угадаю: искать видения будущего тебя сподвигла выразительная речь Арферона, которую он произнес после возвращения Принцессы Крови с планетоида.
— Разве есть разница? — пожала плечами Талара.
— Еще какая! — наставительно изрек Ульмаарандор. — Типичное оружие демонов — сеять раздор, сомнения и страх! Внушив тебе неуверенность, пошатнув надежду, они автоматически подтачивают твои душевные силы, снижают желание бороться, лишают жизненной энергии.
— А при чем тут Кристальный Каскад? — потерла нос Талара.
— При том, что из-за появления векстров этот колдовской инструмент утратил всякое доверие, — перешел к главному люмеанин. — Влияние преисподней способно отражаться на его беспристрастности, поскольку скверна, просочившись в ваш мир, оказывает на него воздействие. То, что ты видела в Каскаде, могло быть навеяно Арфероном. И посмотри на себя — до какого состояния тебя довели эти иллюзии! А ты вице-королева, второе лицо в огромном государстве и верная опора Илианы! Опора, которая поверила в победу архидемона! Потому чародейки и запретили использовать

все Каскады. Еще не хватало, чтобы жители Ардариании начали видеть в нем всякие ужасы, о которых, разумеется, станут болтать направо и налево! Люди передают дурные вести куда быстрее и охотнее, чем хорошие. Оттого и Дин'Юлемиона настоятельно рекомендовала Илиане даже не помышлять о визите к этому колдовскому инструменту. Он и без того обманчив, а с учетом влияния векстров и вовсе непредсказуем.

Услышав объяснения архангела, Талара заметно приободрилась. Предчувствие беды, угнетавшее ее все последние недели, отступало. Ей стало настолько легче, что вице-королева наконец-то улыбнулась.

— Значит, Арферон не победит? — спросила она, блеснув глазами, в которых быстро высыхала влага.

— Даже не сомневайся! — ответила Илиана.

Талара расцвела, обретая прежнюю живость. Давивший ее груз окончательно спал, и она ощутила себя так, будто сперва думала, что совершила нечто ужасное, а потом все это оказалось дурным сном. Психологическая разгрузка сыграла в обратную сторону. Талару пробило на болтливость, и Илиана позволила себе провести в обществе подруги целый час, обсуждая планы на будущее.

Императрица вернулась в свои покои оставив вице-королеву в прекрасном расположении духа. Эмоциональный фон Талары напоминал чистое небо, где беззаботно сияло теплое весеннее солнце. Лишь где-то у горизонта еще маячили низкие сизые тучи, но они продолжали рассеиваться, уползая восвояси. Опершись о перила любимого балкона, императрица глядела невидящим взором на правительственный квартал. Вышколенные горгульи не шелохнулись, традиционно изображая истуканов. Только Шуя, приоткрыв глаз, ухнула тихое приветствие и вновь задремала, дожидаясь наступления сумерек. Илиана ответила ей ласковым импульсом, заставившим сову распушиться от удовольствия, но мысли ее были далеко. Тучи Талары перекочевали к императрице, а на ее собственном небосводе и без того давно уже не ладилось. Там назревала гроза. Фронт, пришедший от вице-королевы, привнес заметное напряжение, а в нем и без того не ощущалось недостатка. Солнце еще сияло, но в оставшейся части неба, пока что незатронутой непогодой. Так бывает в поле, когда где-то там, на другом берегу реки, еще светло и трава колышется в ниспадающих золотых лучах. А вокруг уже вовсю темнеет. Серые облака, густыми хлопьями нависавшие над головой, постепенно сменяются иссиня-черной завесой. Вокруг ни дуновения, но это чувство обманчиво. Там, наверху, гуляет шквальный ветер, и его мощь постоянно нарастает. Именно он пригнал эти тучи, и он продолжает их

гнать, замышляя недоброе. Это не просто ветер — это ураган, способный срывать кровли домов и переворачивать повозки. И вот ему навстречу двинулся другой. Два грозовых фронта приближаются друг к другу встречным курсом. Приближаются не для того, чтобы обменяться приветствием, перекинуться о том, о сем, и разойтись кто куда. Их столкновение предвещает могучий шторм, который, если ветер не изменится, под оглушительные раскаты грома и неукротимую ярость молний исторгнет ужасающий тропический ливень. Такой шторм смывает прибрежные города и топит непобедимые флотилии. Чего уж говорить об одном человеке, на свою беду подвернувшегося ему в чистом поле. Илиана освободила Талару от тяжкой ноши. Она взяла ее на себя.

С тихим хлопком объявилась Дин'Юлемиона. В пределах дворца фея чувствовала себя отлично, безбоязненно перемещаясь куда пожелает. Пока императрица общалась с вице-королевой, ее светозарность не теряла времени даром. Она успела побывать в министерстве чародеек, заглянула к ведьмам и клерикам, навестила Верховное командование и выслушала массу докладов со всех концов Ардариании. Затем устроила сеанс связи с Эбби и провела за ним более получаса, слушая как обстоят дела в Фириотусе и давая ценные указания. Одним словом, Дина деятельно помогала своей воспитаннице, умудряясь поспевать решительно повсюду. Теперь, очутившись возле Илианы, фея наскоро пересказала ей важные новости и поведала об отданных ей распоряжениях. Слушая крылатое создание, говорившее о серьезных вещах и при этом игравшее с раскрывавшимся цветочным бутоном, подбрасываемым вместо меча, императрица машинально кивала. Когда очередная реплика девушки пришлась совсем невпопад, Дина прекратила свое занятие и окинула ее внимательным взглядом.

— О чем призадумалась? — осведомилась она, подлетая к Илиане и зависая перед ее лицом.

Императрица, встрепенувшись, поведала наставнице о том, что произошло с лучшей подругой.

— Вот я же говорила не совать нос в Каскад! — строго изрекла фея. — Жаль у меня ума не хватило втолковать то же самое Таларе. Я должна была предвидеть, что эту непоседу потянет куда не следует! Ее инициативы регулярно приносят огромную пользу — факт, но она та еще мастерица влезть в неприятности. Надеюсь, ты довела до нее идею, что слушать векстров и обращаться к сомнительным источникам информации ни в коем случае нельзя?

— Разумеется, — кивнула Илиана. — Ульм мне помог.

— Вот и хорошо! — одобрительно заявила Дина. — Я с ней попозже еще сама поговорю. Пусть выкинет из головы это зловещее

предсказание будущего. Оно не наступит никогда!
Принцесса Крови промолчала, что фея сочла за полное согласие. Ей даже в голову не пришло, что Илиана ее уверенности отнюдь не разделяла.

В начале мая, когда имперские войска с тяжелыми боями вплотную подступили к Зелистану, к императрице вихрем прибежала Сирелина. Обычно чародейка проводила время в Фортумагуме, где регулярно и виделась с воспитанницей к их взаимному удовольствию. На сей раз она с разрешения императрицы лично летала на фронт, чтобы проверить одно полезное изобретение, и на обратном пути наткнулась на новый очаг чудовищ. Такие последнее время стали появляться в разных местах, оставленных отступавшими демонами. Никто не ожидал, что на освобожденных землях спустя несколько недель объявятся полчища кровожадных тварей, вылезавших словно из-под земли. В известном смысле, так оно и было. Чья-то злая рука оставила под слоем отравленной почвы Овумусы. Много Овумусов. ОЧЕНЬ много Овумусов. Самые большие очаги насчитывали тысячи различных тварей, расползавшихся по округе как саранча. Кого там только не было! Асмиксы, сизги, умбратексы… Привычные вроде бы Лешие представлялись настоящим кошмаром, поскольку злое колдовство воплотило их на основе погибшей, насыщенной ядом преисподней растительности. И этот кошмар крайне некстати разгуливал на свободе, когда первые отряды возвращавшихся беженцев прибыли расчищать родные края от последствий демонического вторжения. Ведьмы и чародейки, извещенные о происходящем, были вынуждены снять несколько боевых звеньев с фронта и отправить их на уничтожение нечисти. Сложность заключалась в том, что воевать с демонами было куда проще, чем гоняться за неразумными чудовищами, разбежавшимся по обширным регионам. Львиную их долю всадницы на миаласах и мавригалах истребляли довольно быстро, но оставшиеся представляли для людей смертельную опасность. На помощь пришли клерики. Они и прежде недурно управлялись с такой напастью, а по нынешним временам их возможности благодаря императрице и союзу с Альмирсталом существенно возросли. Литореус прислал дополнительные отряды братьев, взявших на себя труд досконально прочесывать местность, выслеживая нечисть. Не остались в стороне и колдуны. Охота на гнусных чудовищ была им вполне по плечу, поэтому в пораженные регионы посланники Мехисфена прибывали большими группами и сходу приступали к работе, помимо прочего обеспечивая охрану переселенцев.

Выслушав взволнованную Сирелину, императрица призаду-

малась. Она не спешила отдавать срочные приказы, поскольку в этом отсутствовала необходимость. Чародейка уже известила кого следует, и к очагу оперативно стягивались группы заклинателей, стремясь уничтожить злобных тварей пока те не разбежались.
— Иля, это он, точно тебе говорю! — с жаром твердила Сирелина, гневно сверкая глазами. — Надо что-то делать!
Уточнять, кого она подразумевала, не требовалось. Из всех черных колдунов не обезвреженным оставался только Дегонис. Остальные либо затаились, либо были пойманы. Во всяком случае, со времен ликвидации группы Баратиса никаких явных диверсий в Ардариании не происходило. Логика чародейки была проста. Сами демоны нечисть вроде умбратексов не плодили, да и вообще до человеческого колдовства не опускались. Однако это не мешало им использовать своих марионеток. Пользуясь могуществом так называемых Покровителей, Дегонис мог создавать Овумусы многими тысячами. И зарывать их в подходящих местах, чтобы те вылуплялись когда задумано. Таким образом, уходя, демоны оставляли за собой настоящее минное поле, нейтрализовать которое представлялось весьма нетривиальной задачей. Определить, где проявится очередной очаг, в нынешних обстоятельствах было практически невозможно. Овумусы способны лежать в надежном укрытии и месяцы и годы. Где-нибудь в темном овраге, засыпанные землей и жухлыми листьями, они могут сохраняться очень длительный период. Их содержимое, дожидаясь своего часа, вылупится в срок, заданный демонологом, либо при наступлении других условий. Покончив с векстрами, ведьмы и чародейки без сомнения справятся с этой напастью и обезопасят освобожденные территории. К сожалению, продолжавшееся вторжение не позволяло им заняться поиском и уничтожением зловещих кладок.
— Пожалуй, ты права. Так продолжаться не может, — сказала, вставая, императрица. — Помнится, я тогда не закончила с Дегонисом в Аяз Моле. Пришло время встретиться с ним еще раз.
— Я с тобой! — воскликнула Сирелина. — У меня с этим исчадием ада свои счеты, — добавила она, поймав взгляд Илианы. — Если помнишь, я несколько раз ему проигрывала и теперь тоже хочу довести дело до конца.
У императрицы были основания сомневаться в благоразумности такой просьбы. Учитывая интересное положение Сирелины, она и на фронт-то ее отпустила не дальше расположения имперской армии, предусмотрительно исключая всякие столкновения с демонами. Охота же на предводителя Манипуляторов представлялась задачей совсем другого уровня.
— Ладно, так и быть. В моем присутствии твоему здоровью ничего

не угрожает, да и Дина, если что, о тебе позаботится, — смилостивилась Илиана, сдавшись при воспоминаниях детства.
Она не забыла, как чародейка пыталась ее освободить и как они вместе проводили время на секретном чердаке. А потом опять вмешался Дегонис…
— Отправляемся через двадцать минут! — заявила императрица обрадованной Сирелине. — Это дело действительно надо довести до конца, — тихо добавила она, когда чародейка убежала. — Потом может быть поздно.

Илиана никогда не забывала про злого колдуна, едва не погубившего всю Ардарианию. Не самостоятельно, разумеется, а стараниями Арферона, но сути дела это не меняло. У императрицы к нему имелся очень длинный счет, куда она вписала не только личные долги, но и все отнятые и разрушенные жизни, сожженные города и сломанные судьбы. Впрочем, и одно воспоминание о захвате Нирелина заставляло ее сердце болезненно сжиматься. При этом ди-Орта, непосредственно командовавшего нападением на оазис, она давно простила. Военачальник выполнял приказ, специально никого не казнил и не преследовал. А приказ ему отдал ад-Сейдин, которого науськивал черный колдун. На войне как на войне, но если бы не Дегонис, ни хан Гийюр, ни его полководцы не натворили бы и половины тех ужасов, что ураганом пронеслись по землям Гелиондары. И уж точно не тронули бы Нирелин. Принцесса Крови помнила все преступления верховного демонолога. Ненависть была чужда ее сердцу, отмеченному первозданным светом, но всепрощение девушка не практиковала. Правосудие должно свершиться. Дегонис был заочно осужден не только ее личным судом, но также судами империи, Железных земель и ряда северных государств. Если до сих пор Принцесса Крови позволяла черному колдуну разгуливать на свободе, то лишь потому, что у нее хватало иных забот. Однако теперь настало время заняться прислужником Арферона вплотную.

До недавних пор обнаружить Дегониса представлялось едва ли возможным. Поди выследи одного демонолога, умеющего к тому же мастерски скрываться, на столь огромной территории, набитой векстрами. Никто и понятия не имел, где он шатается и чего поделывает. И даже если каким-то чудом местонахождение злодея было бы установлено, схватить его под носом у рогатых чудовищ выглядело еще менее реальным. В крайнем случае, Дегонис наверняка удерет в преисподнюю, и помешать ему способна только Принцесса Крови. А у нее имелись задачи поважнее, нежели с риском для жизни неделями кружить над тысячами миль захваченной врагом территории. Но так было прежде. Ныне импера-

рица находилась под такой защитой, которую были не в силах пробить даже архидемоны. Возможности ее передвижения также смахивали на чудо. Сверхбыстрое перемещение в пространстве оставалось недостижимой мечтой для людей, но не для феи и архангела, распространявших его на Илиану. Фактически само это перемещение представлялось настолько мощным средством, что даже не обладай Принцесса Крови своими уникальными способностями, оно наделило бы ее фантастической властью. И теперь Илиана собиралась объединить эти два фактора воедино, чтобы отыскать верховного демонолога, продолжавшего творить черные дела. Впрочем, не два, а три. Ведь даже с защитой и уникальным передвижением наткнуться на Дегониса можно было только случайно, а императрица не собиралась полагаться на удачу.

Ульмаарандор обеспечивал охрану. Все заботы о транспортировке людей взяла на себя Дин'Юлемиона. Надрываться ей не приходилось, поскольку этими людьми были только Илиана и Сирелина. Создав облачный экипаж из белоснежных облачков, она усадила на него императрицу с чародейкой, после чего рванула с места в карьер. Полет проходил с поистине головокружительной скоростью. Илиана невольно вспомнила детство, когда на волшебной черепахе они проделывали с Диной тысячи миль за четверть часа. Сирелина же была в диком восторге, вновь почувствовав себя маленькой, открывающей чудеса колдовства послушницей. Облачный экипаж метеором несся над землей, оставаясь незаметным для посторонних глаз. Фея привычно позаботилась о безопасности, хотя в присутствии люмеанина им все равно ничего не грозило. Расправив крылья, он невозмутимо летел рядом, видимый только для спутников. Чародейка посматривала на него расширенными глазами. Она уже более-менее свыклась с мыслью, что этот казавшийся обычным воин на самом деле архангел, но видеть его в таком облике приходилось нечасто. Подлинное же воплощение Ульмаарандора и вовсе не нуждалось в физической форме. Он был частью первозданного света, чистой энергией разума. Крылья были скорее условными атрибутами сродни наряду феи, а материальное тело люмеанин обретал исключительно для удобства восприятия людей. Тем куда проще общаться с кем-то себе подобным, нежели с безликой субстанцией или какой-либо говорящей абстракцией.

Илиана по сторонам не глазела. Во-первых, когда они достигли пораженных демонами земель, смотреть там было особо не на что. Во-вторых, она внимательно прислушивалась к своему внутреннему сонару. Полет носил отнюдь не увеселительный характер. Императрица выслеживала Дегониса. Наметив с Диной маршрут,

она вверила облачный экипаж заботам феи. Сама же, опустив ресницы, прощупывала одной ей доступное пространство. Следовало отметить, что на такой бешеной скорости даже Принцесса Крови была не в состоянии распознать всех и каждого. Что люди, что демоны превращались для нее в одну неразличимую массу. Чтобы выделить в ней отдельные жизни требовалось значительно снизить скорость полета, что в свою очередь кратно увеличивало гипотетическую продолжительность поисков. Таким образом, охота на Дегониса грозила затянуться на недели без всякой гарантии успеха, если бы не одно обстоятельство. Илиана пыталась выявить злодея несколько нетрадиционным способом. На этот способ ее натолкнуло услышанное от Таунсторма. Подозрения Ульмаарандора подтвердились. Арферон использовал его уникальную кровь для изготовления какого-то средства, тормозящего воздействие скверны. Средство он вручил Дегонису, и тот потчевал им Манипуляторов, сохраняя сей факт в секрете. Даже от Баратиса. Только это объясняло, отчего ни он, ни Манипуляторы не знали о его существовании, равно как и о том, что некогда приняли означенное снадобье. Ведь черных колдунов допрашивала Принцесса Крови, а укрыть от нее что-либо невозможно. Это средство защищало демонологов от яда преисподней, тормозя его разрушительное действие, но оно же теперь и должно сыграть против Дегониса. Метеором пролетая над областью вторжения, Илиана искала не черного колдуна — она искала Таунсторма. Ту крошечную его частичку, что наверняка сохранялась где-то в теле давнего врага, иначе хитроумное снадобье Арферона не имело бы силы. Она обязана присутствовать во всех Манипуляторах. Раньше императрица не различала ее в общей пульсации их сущностей, не зная, что искать. Специфический фон черный колдунов она воспринимала как есть. Теперь, когда Илиана столь драматическим образом лишила Таунсторма жизни, ее характерный отпечаток навсегда врезался в память девушки. Именно его она сейчас рассчитывала уловить. На сонаре Принцессы Крови частичка Таунсторма, Повелителя Крови, блеснет лучистой искоркой в проносившейся внизу неразборчивой массе.

Стопроцентной уверенности не было. Императрица уже начала сомневаться в своем предположении, когда спустя целых шесть часов наконец-то сверкнула заветная точка. За это время облачный экипаж успел проделать столько тысяч миль, что их хватило бы облететь всю Ардарианию. Возглас Илианы тут же вернул фею к действительности. Следуя заранее определенному маршруту, та коротала время за тихой беседой с Сирелиной. Посмотрев, куда указывала императрица, Дин'Юлемиона снизила скорость и

заложила вираж. Ей недолго пришлось кружить, постепенно сужая радиус поисков. Единожды поймав маленький огонек, Илиана уже не упускала его из виду. И вскоре совершенно точно определила откуда он исходит.

Дегонис был очень занят. Он как раз колдовал над очередной партией Овумусов, укладывая их в траншею промеж погибших деревьев, когда его внимание привлекло странное изменение в поведении Покровителей. Подняв голову, Дегонис удивленно воззрился на ближайших демонов. Затем, почуяв неладное, резко обернулся. В десяти ярдах за его спиной стояли какие-то люди. Он слишком хорошо знал как выглядит Принцесса Крови, чтобы не узнать ее с первого же взгляда. Страх сковал черное сердце давно проклятого колдуна. Несмотря на свою отталкивающую внешность и порабощение скверной в основе он все еще оставался человеком, со всеми присущими тому чертами. Судя по реакции векстров, императрицу опасались даже они, так чего уж говорить про их прислужника. Дегонис решил не искушать судьбу, намереваясь спастись в преисподней. Но было поздно. Он понял, что тело ему уже не повинуется. В Аяз Моле он сумел ускользнуть из хватки Принцессы Крови. Теперь рассчитывать на нечто подобное не приходилось. Демоническая часть сущности черного колдуна больше не была препятствием для девушки с сиреневыми глазами. Она подчинила ее своей воли так же, как и человеческую сторону Дегониса. Так же, как теперь подчиняла себе как людей, так и векстров.

— Твои Покровители тебе не помогут, — холодно сказала Илиана, когда черный колдун попытался позвать ближайших демонов. — Они знают, что я могу с ними сделать, поэтому предпочтут не вмешиваться.

— Ты такая смелая, потому что с тобой архангел! — прохрипел Дегонис, силясь сохранить присутствие духа.

Его страх напоминал вязкую болотную жижу, охватывавшую всю прогнившую душу получеловека-полумонстра. Но он пытался храбриться, надеясь на помощь преисподней, которой все еще был полезен. Разумеется, Дегонис знал кто сопровождает Принцессу Крови. Вид люмеанина, казавшегося обычным воином, не доставлял злодею ни малейшего удовольствия, как и присутствие миниатюрного крылатого создания. Однако императорскую дочь он боялся больше. Дети света, при всем их могуществе, колдуна не контролировали. Они могли его убить, но не принудить к чему угодно по собственному усмотрению. Полукровка же была способна на такое, чему начинали завидовать даже демоны.

— Я такая смелая, потому что все здесь в моей власти! — жестко

заявила императрица. — Думаешь, от твоих Покровителей меня защищает Ульмаарандор? Они сами не в состоянии мне перечить!
Конечно, она слегка блефовала, но об этом не знали даже векстры, не говоря уже о черном колдуне.
— Эй вы! Меня интересует только этот человек! Кроме него я никого не трону, если меня не вынуждать! А ну живо отступите на сто ярдов! Иначе я заставлю вас это сделать! — велела Принцесса Крови, ни к кому особенно не обращаясь.
Демоны были осведомлены о возможностях императрицы людей. И пока она их не вынуждала сопротивляться хотя бы из принципа, не видели ни малейшей необходимости с ней связываться. Если Принцесса Крови с ними не связывается, то и с ней лучше не связываться. Тем более из-за какого-то там колдуна. Рассудив таким прагматичным образом, демоны отошли на указанное расстояние, где и остались. Им было по-своему интересно, чем все закончится.
— Мне не нужна помощь, чтобы покончить с таким, как ты, — усмехнулась Илиана. — Я сама могу разорвать тебя в клочья. Или это сделают твои Покровители, следуя моей воле. Хочешь умереть от руки кого-нибудь из Опустошителей? Могу устроить.
Все, что Дегонис слышал и видел, ему чрезвычайно не нравилось. Еще в Аяз Моле он понимал бесполезность открытой схватки с Принцессой Крови, но тогда у него хотя бы имелись средства к отступлению. Теперь же дело оборачивалось кошмаром наяву.
— Помнится, однажды ты грозил мне легионами Арферона, — ледяным тоном продолжила Илиана, тоже апеллируя к городу-крепости. — Что ж, твое предсказание сбылось. Но лишь наполовину. Как видишь, эти легионы не очень-то хотят иметь со мной дело, хотя формально обязаны. Я ведь могу приказать сейчас всем, кто толпится вокруг, напасть не только на тебя, но и на своих сородичей. Оттого векстры и предпочитают не мешать мне, нежели стать рабами моей воли. Ведь для них это худшее унижение.
— Так значит, это все-таки правда, — прошептал ужаснувшийся Дегонис.
Поведение демонов не оставляло ему надежды. Если уж они избегают столкновения с императрицей, то уж самому колдуну и вовсе ничего не светит.
— Ты даже не представляешь насколько! — блеснула глазами Принцесса Крови.
— Тогда покончи со мной быстрее! Чего тянешь?! — прорычал демонолог. — Или тебе хочется насладиться издевками?!
— Легко тебе не отделаться, — улыбнулась Илиана, и от этой улыб-

ки колдуна аж затрясло. — Ты заплатишь за все свои преступления, но не так, как надеешься! Смерть еще надо заслужить…
Со страху Дегонис разразился потоками сквернословия. И от бессилия. Колдовская речь в его устах была пустым звуком. Принцесса Крови лишила врага возможности творить чары, поэтому он стал мышкой в лапах кошки. Мышкой, которой позволяют делать ровно столько, сколько этого хочет кошка. Только хуже. Жертву от хищницы могла спасти какая-нибудь случайность. В сцене с Дегонисом вразумительных случайностей не предвиделось.
— Позволь мне с ним сразиться! — неожиданно заявила, выступая вперед, Сирелина. — За мной должок, и я хотела бы его вернуть!
— Надеешься на своих могущественных друзей, чародейка? — прошипел Дегонис. — Напрасно! Если бы не они, уж с тобой-то я бы управился в два счета!
— Со времени нашей встречи в Солтенстиле все изменилось, мерзавец! Теперь мне не страшна и дюжина таких, как ты! — процедила Сирелина, смерив врага презрительным взглядом.
Императрица ожидала подобной просьбы от наставницы. Иначе с чего бы той напрашиваться в поход? Если с Дегонисом покончит кто-то другой, чародейке будет непросто это принять. Память о тогдашнем поражении не жгла Сирелину непременным желанием отомстить, но одержать верх над верховным колдуном становилось вопросом чести. А раз Илиана ожидала этой просьбы и взяла наставницу с собой, значит, она заранее все решила. Здоровье Сирелины находилось под ее полным контролем, да и фея не позволит повредить близнецам.
— Хорошо, пусть будет так, — кивнула императрица, почувствовав всплеск удивления и радости от чародейки. — Дегонис, ты принимаешь вызов или только на словах такой храбрый?
— Вызов? — невольно удивился и черный колдун.
— Да. Я позволю вам сразиться. Только имей в виду — не пытайся бежать. Я отслеживаю каждое твое движение, каждую мысль. Я поймаю тебя до того, как ты нырнешь в преисподнюю, и тогда уж пеняй на себя, — неторопливо пояснила Илиана.
— Какой мне смысл в этой дуэли? Я в жизни не поверю, что ты позволишь причинить ей вред, — подумав, отозвался демонолог.
— Ты прав — не позволю, — согласилась императрица. — Но если ты одержишь верх — на этот раз я тебя отпущу. Проиграть поединок можно по-разному.
— Отпустишь?! — только что не хором воскликнули колдун и чародейка.
— Да! Даю слово! — твердо заявила Принцесса Крови. — Итак, условие назначено. Если все согласны, так тому и быть. Дегонис, ес-

ли выиграет, получит свободу. Сирелина в этом случае не пострадает, но я буду вынуждена сдержать данное обещание. Данное даже такому, как Дегонис.
Черного колдуна это вполне устроило. При отсутствии каких-либо шансов ему годилась любая надежда. А слово императрицы при скоплении векстров чего-то да значило. Чародейка сперва опешила, но затем, поколебавшись, согласилась. Она была уверена в себе. Впрочем, в ней были уверены и Дин'Юлемиона с Ульмаарандором. Создания света опасались какой-либо каверзы со стороны Дегониса, но Принцесса Крови на сей счет не беспокоилась, как не беспокоилась и о проигрыше Сирелины. В могуществе наставницы она давно уже не сомневалась.

Поединок устроили здесь же. Люмеанин отказался переносить участников в космические просторы. Он не распространял свои возможности на таких, как насыщенный скверной черный колдун. Однако он пошел навстречу внучке и обеспечил надлежащие условия. Световой барьер очертил круглую площадку двести ярдов в диаметре. Тот, кто выбывал за ее пределы, считался проигравшим. На всякий случай барьер проходил не только по периметру, но также стелился под слоем безжизненной почвы, а заодно прикрывал площадку сверху. Мало ли чего удумают векстры. Впрочем, те явно не горели желанием связываться с высшим люмеанином, да и вообще со всей этой компанией. Столпившись у слабо светившейся преграды, они наблюдали за неожиданной потехой. Барьер был непроницаем для какого-либо колдовства, поэтому демоны не беспокоились, что и на их долю чего-нибудь перепадет. Ульмаарандор поймал себя на мысли, что впервые участвует в таком невероятном представлении. Принцесса Крови выступает арбитром на дуэли чародейки и преступного колдуна, зрителями служат векстры, а он, люмеанин, обеспечивает подходящую арену. Светопреставление!
— Дитя мое, ты из меня сделала какого-то балаганщика при векстрах, — шепнул Ульм, не слишком довольный происходящим. — Я их развлекать не нанимался.
— Я все это затеяла ради Сирелины. Чтобы она смело смотрела в будущее и вспоминала меня добрым словом. Сам же отказался переносить нас в другое место. Теперь потерпи уж, пожалуйста, — столь же тихо отозвалась императрица.
Ульм вздохнул и стал молча созерцать происходящее, стараясь не обращать внимания на скопления демонов. Странный акцент в неоднозначных словах Илианы он истолковал по-своему.

Поединок надолго не затянулся. Императрица почти ничем не рисковала, позволив Сирелине схватиться с Дегонисом даже на

условиях освобождения последнего. Черный колдун серьезно переоценил свои силы, пусть и кратно выросшие благодаря векстрам. Уровень чародейки, приближенной Принцессы Крови, превосходил его несравнимо. А месяцы, проведенные в тесном общении с Эбби и Дин'Юлемионой, основательно расширили ее и без того заоблачные умения. Дегонис попытался сокрушить чародейку быстрым могучим напором, обрушив на нее все доступное ему колдовство. Но ни ярость огня, ни клубы тьмы, ни что-либо еще было не способно пробиться за мощную защиту служительницы Гексенхаммера. Ее иммунитет с легкостью подавлял все нападки Дегониса, нивелируя их до комариных укусов. Колдовские барьеры Сирелины оставались нерушимыми для атак врага. Рев вздымавшегося пламени, ледяной мрак, моровые тучи, корни, молнии, вздымавшаяся земля и прочие напасти оказались не в силах добраться до одной из самых могущественных сестер Альмирстала. Бесплотные удары Дегониса, при других обстоятельствах раскидавшие бы целую роту тяжело вооруженных стражников, не принесли никакого результата. Упругие потоки воздуха с гулом обтекали чародейку, остававшуюся неуязвимой для всех потуг черного колдуна. Искажение — злое заклятье Манипуляторов, на которое те всегда делали ставку и на которое так рассчитывал Дегонис, не совладало со служительницей Гексенхаммера. Зато ее ответные заклинания быстро дали себя знать. Изначально Сирелина для подстраховки сосредоточилась на обороне. Уверенное сопротивление Дегонису позволило ей определить потенциал врага и внутренне над ним посмеяться. Чародейка сражалась с его Покровителями, повергая их целыми толпами, и не боялась заглядывать в преисподнюю. Какой-то демонолог, пусть даже сильный и самоуверенный, ей просто не соперник. Колдовских уродцев Дегониса она развеяла в прах. Только что к ней со всех сторон ползли и летели какие-то невообразимые твари, а вот от них не осталось и следа. Сирелина не использовала посох. Для чародеек оружие и прежде было лишь дополнительным способом извлечения стихий, а не их необходимая основа. Дегонис на себе ощутил, какова сила света сестер Альмирстала. Чародейка могла бы сжечь его дотла, но она понимала всю важность пленника. Поэтому она не стерла его в порошок. Поэтому давила постепенно, сжимая колдовство врага словно в стальном кулаке. Сперва она испепелила всю абстрактную нечисть, включая змей, давно уже не представлявших для нее угрозы. Затем Сирелина развеяла атакующие ее стихии, испытывавшие защитные барьеры на прочность. После этого в направлении Дегониса сформировался мощный фронт противодействия, блокировавший любое его колдовство. Теперь демонолог уже не доставал

до ближнего радиуса чародейки — он пытался преодолеть ползущий к нему рубеж. И проигрывал. Вспышки света, испускаемые Сирелиной, уничтожали его темные заклинания на корню. Ее стихии, сталкиваясь со стихиями Дегониса, одерживали очевидный верх. И вот уже демонолог пытается защититься плотным кольцом огня, чтобы уберечься от жгучего белого сияния. Но могущество прислужника Арферона уже не могло противостоять таким, как Сирелина. Без особого труда она подавила демонические барьеры врага. Подбросив его в воздух Восходящим потоком, она сокрушительным напором развеяла колдовское пламя в клочья, сдув и клубы дыма. Затем вокруг Дегониса образовался вихрь, поднимавший его все выше и выше. Этот вихрь срывал с колдуна последние оберегающие чары, которые тот поддерживал из последних сил. Трещали молнии, сыпавшиеся из вздымавшейся воронки. Столкновение противоборствующих энергий насыщало пространство грозовыми разрядами. Дегонис уже понял что проиграл. Он понял это тогда, когда так и не сумел поразить Сирелину, а та, словно играючи, перешла в контратаку. Теперь он лишь надеялся, что чародейка перестарается и вышедшие из-под контроля стихии устроят невообразимый хаос, а под хороший взрыв глядишь и удастся удрать в преисподнюю. Но Сирелина отлично владела ситуацией. В тот самый момент, когда воронка готовилась сомкнуться, разложив все внутри на молекулы, чародейка двойным могучим потоком разметала энергетический вихрь и вышвырнула Дегониса прочь. Вышвырнула далеко за пределы окруженной светом площадки, полностью игнорируя его собственное Искажение, наложенное как защита. Черный колдун непременно разбился бы насмерть, не поймай его та же Сирелина чарами левитации. Ожесточенно трепыхаясь, Дегонис был позорно доставлен обратно и повержен возле ног той, кого однажды поверг сам, но упустил из-за нелепой случайности. Векстры, взирая на происходящее, даже и не подумали вмешаться в судьбу колдуна.

— Вот мы и квиты! — заявила Сирелина, одержав верх над давним врагом. — Мне только жаль, что со дня нашей последней встречи прошло столько времени. Скольких жертв удалось бы избежать!

— О, не спеши торжествовать! — злобно расхохотался Дегонис. Терять ему было нечего, поэтому он позволил себе выпад обреченного. — Со мной вы, может, и покончили, да поздно! Умрут еще очень и очень многие! Еще прольются реки крови! Еще не один народ исчезнет бесследно! Пусть вы побеждаете, но цена, которую за это придется отдать, заставит вас расплачиваться вечно!

— О чем ты, мерзавец? — нахмурилась Сирелина.

— А ты спроси у своей императрицы! — хохотнул верховный демонолог. — Когда я хотел захватить мир, и то жертв было бы меньше! Мне были нужны живые рабы, ибо какой толк от крови мертвецов? Неужели вы и впрямь думаете, что вам так просто совладать с самим Арфероном?! Победа, которую вы одержите, заставит вас жалеть о ней до скончания веков! Ибо от ее последствий вам не оправиться никогда!
— Довольно! — велела Илиана, заткнув рот Дегонису.
Черный колдун вновь утратил над собой контроль, превратившись в управляемую куклу.

Через пять минут кладка Овумусов была уничтожена. Подхватив демонолога левитацией, Сирелина летела с ним на отдельном облачке, созданном феей. Сама Дина предпочитала держаться подле Илианы, а Ульм по-прежнему перемещался самостоятельно. На месте необычного поединка осталась лишь потревоженная земля, хранившая следы воздействия различных стихий. Векстры разбрелись кто куда, словно ничего и не произошло. А что им еще оставалось? С Принцессой Крови и ее спутниками не справился даже Деаморх, не говоря уж о Ноктикоруме. Расставаться со своим физическим воплощением и торчать в океане вечного огня миллионы лет из-за кого-то падшего колдуна рядовым демонам уж точно не хотелось.

Илиана молчала. С расспросами к ней никто не приставал. Дело было сделано, и теперь следовало как можно быстрее допросить Дегониса, доставив его в подходящее место. Вряд ли тот сам на себя наложил убийственную печать молчания, так что пускай рассказывает, где спрятал зловещие кладки Овумусов. А заодно и все остальное, что вообще знает. Главное — задавать правильные вопросы, чтобы вытянуть из злодея каждую мелочь до последней капли. Поглядывая на императрицу, ее спутники полагали, что та планирует предстоящий допрос, предвещавший раскрыть немало важных сведений. Ведь о чем еще сейчас может говорить глубокая задумчивость, обосновавшаяся на лице Принцессы Крови? Победа одержана, осталось воспользоваться ее плодами. Однако они ошибались. Илиана размышляла о последних словах Дегониса.

– 14 –

Первое наступление на Зелистан не принесло какого-либо заметного успеха. Демоны оказывали ожесточенное сопротивление. Сломить его с наскока можно было лишь ценой большой крови. А ее и так лилось слишком много. К границе восточного ханства имперская армия подошла к концу июня. Тяжелые бои, сопровож-

давшие ее продвижение, основательно вымотали и без того уставших солдат. Принцесса Крови, при всех ее возможностях, была не в состоянии мгновенно вернуть бодрость многомиллионному личному составу. Она поступила проще, исключительно традиционным образом. Закрепившись на рубежах, войска отдыхали целую неделю, восстанавливая силы за счет сна, легкого досуга и удвоенного питания. Контратаки демонов отбивались при помощи подошедших резервов и эшелонированной колдовской обороны. Небесные форты и крепости твердо удерживали позиции, не подпуская рогатую нечисть. Дальше зоны разграничения они не совались, при этом слишком далеко не забредали и демоны. Даже имея возможность пробить линию фронта на каком-нибудь отдельном, недостаточно защищенном участке они этого не делали. Риск попасть к имперской армии в клещи был слишком велик, а полководцы преисподней давно уже предпочитали не лезть на рожон. Их контратаки носили сдерживающий характер. Демоны заставляли людей нести потери, а не строили планы по захвату потерянных земель. Нынешняя плотность пламенеющих легионов как раз и позволяла удерживать контролируемые ими области как можно дольше. Рассредоточься они по всей прежней территории вторжения — и люди смели бы демонов в считанные недели. Уходя в несвойственную им глухую оборону, векстры кратно повышали собственную живучесть, в то время как люди несли гораздо большие потери, нежели во времена полномасштабного наступления исчадий преисподней.

Демоны не возводили крепостей и не строили рукотворные фортификационные заграждения. К низменным чисто человеческим приемам они никогда не прибегали. У них имелись свои способы защищаться, и следовало отметить, что в недостатке эффективности их упрекать не приходилось. Объединяясь значительной массой возле какого-нибудь Разлома, векстры воздвигали защитные купола, и чем ближе каждое рогатое чудовище находилось к оплоту, тем тяжелее было его поразить. Оттого пламенеющие легионы и избегали переходить в глубокие контратаки, ибо значительно повышали свою уязвимость. Потому людям и приходилось буквально прорубаться сквозь их позиции, ибо площадь поражения заклинаний существенно снижалась. Свой атакующий потенциал демоны перевели в оборонительный. Огонь, который они прежде обрушивали на позиции имперских войск, теперь служил им отличным убежищем. Раньше они нападали, убивая людей и вынуждая тех отступать. Теперь векстры заставляли нападать на себя и умирать при попытке изгнать их прочь. Перестав оголтело лезть на оборонительные рубежи Ардариании, захватчики утрати-

ли инициативу, но начали губить куда больше имперских солдат. Арферон не стал изобретать колесо. Огненные метеоры, вылетавшие из Разломов, представляли собой концентрированный экспфернум. Обращенный против мира людей, он взрывался с ужасающей силой, однако в родной среде использовался совершенно иначе. Не мудрствуя лукаво, векстры подпитывали свои энергетические купола напрямую из каналов в преисподнюю, получая посылки от Жнецов. Если же требовалось произвести выстрел в людей, купол раздавался, освобождая проход, и тут же смыкался вновь. Людям было очень непросто пробиться под его оранжевые своды. Роль простых солдат резко повысилась, ибо их проникновению энергетический барьер векстров не препятствовал. Зато шторма, грозы, Бесплотные удары и прочие колдовские атаки он выдерживал очень эффективно, пасуя лишь перед чарами света. Но последних требовалось очень много, а чародеек было мало. Они, безусловно, вносили свой бесценный вклад в сражение, нанося концентрированные залпы по ключевым точкам, но и Арферон не дремал. Слабой стороной демонической защиты был огромный расход энергии. Все новые и новые метеоры взмывали из Разломов, чтобы питать оранжевые купола. Однако на недостаток ресурсов преисподняя пока не жаловалась. Как результат, потери среди простых солдат значительно возрастали, поскольку именно им приходилось штурмовать вражеский периметр и подавлять его защитную мощь. Уничтожая опорных векстров, воины нарушали распределение энергетических потоков, снижали уровень защиты врага и в конечном счете заставляли его отступить. Расплачивались они за это своими жизнями. Нереймиты, Нируангмы и големы существенно снижали человеческие потери, но полностью избавить от них не могли. За каждого Собирателя, обычно выступавшего в роли опорной точки купола, проливалась кровь. А их было много. Очень много.

Обстрелы из Разломов доставляли все больше головной боли по мере приближения к их пламенеющим провалам. Небесные форты и крепости подвергались серьезной опасности, когда оказывались на пути огромного демонического снаряда. Лучшим способом избежать катастрофических последствий было непрерывное лавирование. Траектория метеора вычислялась ведьмами и чародейками в режиме реального времени, после чего командир воздушного объекта получал приказ куда следует переместиться. Это же касалось и наземных войск. Падение адской субстанции с последующим взрывом запросто могло уничтожить целый армейский корпус. Воздушные звенья заклинательниц немедленно подсвечивали зону поражения колдовскими огнями. Чтобы солдаты лучше

понимали куда следует отступать, они расчерчивали опасную область кругами с разной цветовой интенсивностью и стрелками направления движения. Все это требовало усилий и отнимало время от основных задач, зато обычно позволяло избегать наиболее тяжелых последствий.

К сожалению, одними защитными куполами векстры не ограничивались. Арферон не мог выстраивать такие же непроницаемые барьеры, какой он соорудил на планетоиде с Повелителем Крови. Для этого у него элементарно не хватало текущего уровня вторжения, критически ослабшего после смерти Таунсторма. Архидемон комбинировал различные средства, пускаясь на хитрости. Векстры начали сооружать огромные ловушки, заманивая в них людей. Прежде рогатые чудовища регулярно попадали в искусно расставленные западни, заранее подготовленные защитниками оборонительных рубежей империи. Теперь они вовсю использовали их сами. В разгар атаки воинское подразделение могло ухнуть в разверзшуюся под ним пропасть. Раздаваясь, земля неожиданно обнажала пламенеющую яму или огромный, наполненный отравой овраг. Самые большие провалы достигали полторы мили в ширину, а демоны для пущей убедительности занимали там позиции и какое-то время вели бой, дожидаясь рукопашной схватки с людьми. Сами они при этом не страдали. Пламя не причиняло исчадиям преисподней вреда, в то время как люди гибли, ибо заклинатели были не в силах защитить всегда и всех. Гибли, разумеется, не поголовно, поскольку воздушные звенья и штатные ведьмы тут же подхватывали воинов чарами левитации и окружали колдовскими щитами. Но эпицентр ловушки обычно губил всех. Также демонам полюбились земляные взрывы. Создав в глубине отравленной почвы запредельное давление, они дожидались пока люди пойдут в наступление и просто снимали сдерживающие контуры. Выброс породы напоминал грязевой гейзер, против которого обычные колдовские средства не помогали. Ведь они могли остановить стихию вроде огня или молний, отраву или ураган, но никак не толчок физической субстанции колоссальной массы. Такой импульс следовало гасить только не менее мощным противодействием, могущественным встречным колдовством, а откуда бы ему взяться всегда и всюду, да еще по щелчку пальцев. Результат обычно получался одинаковым. Попавшее в ловушку подразделение зашвыривало в небо, где на него набрасывались лапурги и Кошмары. Воздушные звенья заклинательниц, прекращая атаку, старались спасти всех, до кого удавалось дотянуться, но зачастую без особого успеха. Не потому, что не успевали или не получалось, а потому что чудовищная перегрузка сплошь и рядом убивала лю-

дей до того, как их подхватывало колдовство. Чародейкам и ведьмам пришлось спешно осваивать новый метод борьбы, а именно упреждающую бомбардировку местности, ставящую своей задачей не поражение векстров, а вскрытие губительных очагов. К сожалению, этому активно препятствовали защитные купола врага, из-за чего солдаты то и дело были вынуждены атаковать наобум, постоянно подвергаясь риску угодить в очередную ловушку.

В итоге первое наступление на Зелистан провалилось. Демоны понесли существенные потери, но для пламенеющих легионов, отправлявшихся восстанавливаться в край вечного огня, то была капля в море. Люди же расплачивались жизнями необратимо, и Ардариания не обладала бесконечным запасом прочности. Арферон крепко вцепился в Зелистан. Он прекрасно понимал, что если люди выбьют его из этих земель, ему придется откатываться до Серых гор, ибо Диртленд несравнимо уступал восточному ханству в мощности и количестве Разломов. Да, люди истекут кровью пока дойдут до Руандаля, но лучше хорошенько ослабить их еще до того, как само вторжение окажется под угрозой исчезновения. А для этого все средства хороши. Рассуждая таким образом, Арферон продолжал гнать из преисподней волны векстров, и те все еще не роптали, вкушая взамен человеческой плоти и крови. Вне всяких сомнений, верховный архидемон теперь делал ставку на изматывание людей. Они обрели возможность прекратить вторжение и закрыть все Разломы, но хватит ли у них сил? Арферон старался сделать так, чтобы империя выдохлась прежде, чем нанесет решающий удар. Таким образом, ситуация все еще могла измениться в его пользу, что слишком хорошо понимала Принцесса Крови.

Второе наступление на Зелистан готовилось очень тщательно. Две ударные армии должны были выступить одновременно. Первая шла с запада на восток, возвращаясь тем же путем, которым некогда отступала. Вторая, под командованием ад-Сейдина, заходила с юга, намереваясь отсечь крупный регион с векстрами, взять их в клещи и уничтожить. В случае успеха имперских войск Арферон лишится не менее тридцати процентов всего контингента пламенеющих легионов, дислоцированных в Зелистане. Третья армия играла роль десантной. Перемещаясь на воздушных платформах, она станет высаживаться на критически важных участках и переходить в неожиданное наступление, осложняя врагу оборону. Империя стянула к восточному ханству практически все доступные ей силы. Утром десятого июля над границей Зелистана прокатились из края в край протяжные звуки многочисленных горнов, подхваченные сигнальными трубами небесных фортов и крепостей. Единая армия Ардариании ринулась в атаку.

Бои шли на протяжении недели. Они практически не прерывались. На смену потрепанным, измотанным подразделениям подходили свежие части, с марша вступавшие в сражение. Перемещенные в тыл солдаты валились с ног и засыпали, едва коснувшись головой походной кровати. Заклинательницы и вовсе не ведали сна. Устав до крайности, они направлялись к центрам сбора, где их регулярно навещала императрица. Она восстанавливала ведьмам и чародейкам энергию, освежая их и полностью обновляя ресурсы организма. Клерикам и колдунам от нее доставалось меньше, поскольку их самих было больше, а роль ведьм и чародеек считалась приоритетной. Остальное приходилось на долю солдат и раненых. Принцесса Крови перемещалась в пространстве мгновенно. Это позволяло ей охватывать своим влиянием весь фронт, подзаряжая заклинателей, придавая сил воинам и спасая от смерти множество жизней. Учитывая площадь наступления и задействованные ресурсы, возвращать в строй всех и каждого императрица была не в состоянии. Она исцеляла самых безнадежных и облегчала положение тяжелораненых, после чего тех переводили на традиционное лечение. Госпитали наполнялись пострадавшими, но не умирающими. Принцесса Крови намеревалась вылечить их после сражения, а пока предоставляла заботам врачей и медсестер. Сама же кидалась в наиболее горячие точки, и алые рукава ее света простирались на многие мили во всех регионах сражения. К сожалению, Илиане нельзя было действовать с прежним напором, отдавая себя целиком какому-то одному сектору. Там от демонов не останется и пепла, но как быть с другими областями, где требуется ее помощь? Императрица берегла силы, тратя их по мере необходимости. Но даже для нее существовал известный предел. Каждые сутки она на четыре часа погружалась в глубокий сон, бдительно хранимый Ульмом и Диной. Принцесса Крови спала в сердце командной крепости, и на период ее отсутствия фронту доставались самые тяжкие испытания. Численность погибших резко увеличивалась; ведьмы и чародейки экономили энергию, поскольку восполнять ее было некому. Проснувшись, императрица первым делом отправлялась в центр сбора заклинателей, а затем в госпиталь — спасать тех, кому посчастливилось дождаться ее возвращения. Мысль о том, что она проспала человеческие жизни давила на Илиану неимоверно, но выбора у нее не было. Либо эти четыре часа, либо более продолжительный период беспамятства, грозивший обернуться несравнимыми по численности жертвами.

За отсутствие императрицу никто не упрекал. Все знали, что она старается на износ, а поспевать всегда и всюду, даже при ее уникальном перемещении в пространстве, Рубистелла не в состоя-

нии. Воины платили своей повелительнице беззаветной верой и в свою очередь жертвовали собой до последней капли крови. Они храбро шли в атаку даже зная, что сейчас никакой помощи от алого света не будет. Шли, потому что воевали за свою родину, уничтожая посягнувших на нее врагов. Шли, ибо знали, что кроме них никто не прогонит чудовищ, явившихся из самых глубин ада. Арферон недооценил людей. Воодушевленные своей императрицей, сплоченные дочерьми света они бились насмерть, не отступая даже перед лицом неминуемой гибели. И громили демонов, несмотря ни на что. Несмотря на все усилия, которые прилагал властелин преисподней, чтобы удержать занимаемые позиции. Но люди смертны. И за свой героизм они платили огромную цену.

Снабжение войск на передовой осуществлялось поездами. Через освобожденные регионы чародейки проложили рельсы, над которыми носились колдовские составы. Рельсы изготовили драдды, присылая их из Фортумагума огромными партиями. Вагоны сделали в Солтенстиле. Новый путь носил временный характер. В Первой Ардарианской империи подобный транспорт был не в ходу. Тогдашние заклинатели обеспечивали быстрое и масштабное перемещение грузов и людей по воздуху. По нынешним же временам, с учетом дефицита колдовских кругов, поезда пришлись очень кстати. Скоростная дорога, созданная по инициативе Уны и Эбби, существенно облегчала доставку грузов к постоянно сдвигавшейся линии фронта. Послушницы и молодые ведьмы, задействованные в управлении транспортировочными воздушными платформами, высвобождались, переходя на более важные задачи. Эта дорога серьезно помогала и во время боев. Инженерные части оперативно укладывали рельсы по мере продвижения войск. Поезда тут же подвозили боеприпасы, помогали в ротации частей и забирали раненых. Оценив преимущества новых путей сообщения, в Тал-Амине уже вовсю прикидывали их разветвленную сеть, охватывающую всю Ардарианию. Но до тех пор еще следовало дожить. Пока что рельсы вели исключительно с запада на восток, соединяя глубокий и не затронутый вторжением тыл с линией фронта. И благодаря этому не прекращавшемуся снабжению, разгружавшему личный состав ведьм и чародеек, имперская армия получала дополнительные преимущества.

За безопасность путей беспокоиться особо не приходилось. Их бдительно охраняли звенья горгулий, а техническим обслуживанием занимались скромфы. Последние заботились обо всех боевых механизмах, подвергаясь опасности наравне с воинами. Что же касалось горгулий, то их роль в противостоянии с демонами также заслуживала всяческого уважения. Со времен сражения за

Данерхейм Изабелла уже несколько раз призывала на помощь горгулью-матриарха. Исполинская царица колдовского народа неизменно являлась, бросая подданных на бой с исчадиями преисподней, которых горгульи ненавидели всем своим существом. Между ними, как выяснилось из рассказов Дин'Юлемионы, хватало давних счетов. Векстры захватили несколько миров, где обитали горгульи, и последние не отказывали себе в удовольствии всыпать исконному врагу. Впрочем, во вселенной мало кто относился к демонам с симпатией, поэтому люди Ардариании находили отклик у самых разных народов Сунастийских пределов. Драдды практически бесплатно работали сотнями тысяч. Скромфы приходили целыми поселениями, желая внести свой вклад в победу над разрушителями всего и вся. Различные удивительные создания вновь стали появляться из Трансталлов Фортумагума, помогая людям справиться с вторжением. К великому ошеломлению Дин'Юлемионы, в крепость Вертория ван Грааса явились два антремина. Всего два, но их появление на фронте стало знаковой вехой. Людей поражали эти величественные светоносные создания, в то время как демонам радоваться не приходилось. Дина подозревала, что антреминов направил кто-то из фей, поскольку только им сейчас было по плечу сделать такой подарок Ардариании. Одного отдали Изабелле, и Настоятельница лично возглавляла атаки чародеек. Другой достался Немезии. На старости лет заведующая Запретным чертогом обрела полную силу, громя демонов многими тысячами. Она ушла в зените славы, уничтожив важную опорную точку врага. Ушла навсегда, погибнув в чудовищном взрыве, пожравшим большой Разлом. Немезия успела прикрыть своих подчиненных, приняв удар на себя. Арферон, сообразив, что вот-вот потеряет ключевой стратегический плацдарм, открыл по области Разлома шквальный огонь. Все ближайшие демонические каналы фактически стали стрелять по собственным позициям, не заботясь о возникающем перенапряжении. Людям, штурмовавшим сожженный город, грозила неминуемая гибель. Воздушные звенья заклинательниц, непосредственно атаковавшие Разлом, могли разделить их судьбу. Немезия намеренно замкнула на себя все энергетические потоки, очутившись в эпицентре противоборствующих сил света и преисподней. Опытная чародейка знала что делала. Ударная волна, порожденная начинавшейся аннигиляцией, зашвырнула ее сестер высоко в небо, спасая от смерти. Сама же Немезия спикировала к основанию кратера, увлекая за собой расщеплявшие материю потоки. Она не сотворила чудо — это Арферон перестарался, создав в области Разлома энергетический кошмар, искавший выхода. Старшая чародейка лишь вос-

пользовалась сложившейся ситуацией, направив взбесившуюся энергию в нужное русло. Впрочем, чудо она все же совершила. Пожертвовала собой, чтобы спасти множество жизней, а заодно и разнести Разлом в клочья. Ключевой вражеский плацдарм на пути двух имперский армий был уничтожен. Западный и южный фронты начали соединяться, открывая дорогу на Ольдингъюрт.

К сожалению, жертва Немезии была не единственной из тех, кого близко знала Илиана. В яростном бою за соседний Разлом погиб Ювион. Возглавляя колдунов Запада, он командовал небесным фортом, шедшим во главе атакующего клина. Его пушки исторгали залп за залпом, уничтожая пламенеющие легионы. Ледяные шторма, поднимаемые заклинателем стихий, пробивались даже сквозь оранжевые демонические купола. Могучие Опустошители обращались в неподвижные статуи. Бесов и Пожирателей сметало снежной лавиной. Победа была близка, когда форт Ювиона погубила случайность. Разрывы огненных метеоров отбросили его в сторону, а там вздыбился огромный земляной столб. Он не пробил защитные чары, но практически перевернул всю конструкцию мощным ударом снизу. А вот это нарушило устойчивую работу оборонительных колдовских контуров. Пролети еще один огненный метеор мимо — и форт успел бы принять боевое положение, восстановив защитный потенциал. Увы, то был несчастливый день. Выстрел из Разлома поразил воздушную платформу наихудшим образом. Разваливаясь на куски, форт рухнул на землю. Часть его защитников выжила, выбравшись из-под обломков. Ювион остался лежать там, где упал. Его пронзил осколок взорвавшегося Тексенума. Он же и сохранил жизнь заклинателя стихий до прибытия императрицы. Морозный шторм, создаваемый Ювионом, пожирал его изнутри. Он превращался в ледяную статую, и лишь кусочек Кристалла Плетения, пробивший его грудь, каким-то образом тормозил процесс. Но процесс необратимый. Ювион, с легкостью повелевавший холодом и замораживавший врагов, теперь замерзал сам. Его кожа покрылась коркой инея, конечности отказывались ему служить. Вокруг вертелась, сыпала снежинками пурга, становившаяся последним воплощением могучей силы колдуна. Илиана, заслышав о крушении форта, появилась среди обломков и сразу нашла Ювиона. Увы, смерть было уже не остановить. Даже Принцессе Крови. Она вливала в заклинателя стихий целый шквал алого света, но тот лишь оттягивал неизбежное. Ювион попросил отпустить его, чтобы императрица почем зря не растрачивала энергию на обреченного. Он сказал, что для него смерти лучше и не придумаешь, чем на руках у той, кого он любил с тех пор, как увидел. Илиане пришлось проявить всю свою

волю, чтобы выполнить его последнюю просьбу. И едва алое сияние угасло, как губы Ювиона, наконец-то обретшего желанный поцелуй, навечно сковала ледяная печать молчания.

Бесследно исчезли Лада и Ашира, верные подруги Флеи и одни из любимиц Сирелины. Они выполняли грузовой рейс между наступавшими войсками и тылом, и не вернулись. В районе их полетов были отмечены эпизодические бомбардировки огненными метеорами, залетавшими с передовой, а также вылазки Кошмаров. Пропавших послушниц высматривали вспомогательные отряды. Напрасно. Девушки как в воду канули. К сожалению, это были не первые потери среди молодых заклинательниц. В немалой степени страдали ведьмы. Недостаток опыта среди юных учениц Гексенсталя приводил к различным несчастьям даже вне области горячих точек. Демоны, научившись различать кто есть кто, лишний раз старались не связываться с опытными колдуньями, но не упускали случая атаковать неофиток. А тех, хочешь не хочешь, приходилось задействовать хотя бы во втором эшелоне войск, поскольку сил у империи откровенно не хватало.

Илиана, вытирая слезы, еще не до конца осознала смерть Ювиона, как пришла ужасная весть о гибели дю Бренталя. У императрицы чуть сердце не остановилось. В мгновение ока Ульмаарандор перенес ее к тяжелой кавалерии, где девушка опрометью бросилась к телу наследника Фолькона. К ее величайшему облегчению, герцог Шеронский дышал. Его успела откачать ближайшая ведьма с хорошими врачебными навыками, поэтому императрице ошибочно сообщили о его смерти. В отличие от бедняги Ювиона, чьи замерзающие, обращенные на нее глаза стояли перед внутренним взором Илианы, ей удалось спасти дю Бренталя. В противном случае она бы даже не знала как вынести взгляд Талары. Тяжелая кавалерия, закованная в колдовскую броню и окруженная всевозможной защитой, отлично подходила для столкновения с демонами в чистом поле, но штурм укрепрайонов грозил ей большими трудностями. Дю Бренталь, следуя полученным приказам, прорывал оборону врага в строго намеченных местах, проникая под оранжевые купола и рубя рогатых чудовищ в капусту. Увы, один из таких куполов оказался ловушкой. Кажется, векстры нарочно ее соорудили, рассчитывая наконец-то подловить ненавистных им всадников. Заподозрив неладное, герцог успел совершить маневр, уведя большинство своих людей, но сам выбраться не успел. По периметру купол просел глубоким кружным оврагом, откуда вырвалось ревущее пламя, в то время как центр вздыбился столбом земли. Дю Бренталя забросило на огромную вышину, где он столкнулся с пролетавшим там Кошмаром. Раненый рыцарь,

едва видя сквозь кровавую пелену, умудрился рубануть чудовище в основание шеи. Летающий демон, взревев, закатил глаза и рухнул вниз, увлекая за собой потерявшего сознание герцога. Тот разбился бы на смерть, не подхвати его одна из чародеек. Став свидетелем этой жуткой сцены, она бросилась дю Бренталю на выручку, в то время как другие заклинательницы старались сберечь остальных рыцарей. Тело герцога было скрыто за падавшим Кошмаром, поэтому чародейка, подлетев вплотную, перепрыгнула на демона, порхнула вокруг него, подхватила воина и отлетела прочь. Вскочив на кружившего рядом миаласа, она спикировала к земле и кликнула помощь. Жизнь покидала дю Бренталя, поэтому буквально через пару минут его уже сочли мертвым, и если бы не та искусная ведьма…

Убедившись, что после ее вмешательства жениху Талары ничего не угрожает, императрица приказала отвезти его в госпиталь. Она специально не стала лечить королевского сына до конца, чтобы тот не вернулся в седло. Командование тяжелой кавалерией она поручила одному из полковников дю Бренталя, хорошо зарекомендовавшему себя офицеру.

Пострадал даже ад-Сейдин. К счастью легко, отделавшись сломанной рукой. Командование южным фронтом располагалось на небесной крепости, возглавлявшей наступление по центру позиций. В какой-то момент серия взрывов достала воздушное укрепление ударной волной. Крепость основательно тряхануло, ее курс сбился, и командир не успел вовремя совершить маневр, уклоняясь от огненного метеора. Попадание было скользящим, поэтому крепость отделалась умеренными повреждениями. Тем не менее, обрушилась одна башня и два пушечных ряда. Обломки башни и несколько орудий рухнули на обзорную площадку, где находились навесы для командного состава. Ведьмы из охраны успели остановить львиную долю сыпавшихся обломков, но ад-Сейдина кувырнуло через стол на каменные плиты, где один камень все-таки его достал. Стараясь не морщиться от боли, он самостоятельно поднялся и стоически терпел, пока ему оказывали первую помощь. Спустя четверть часа объявилась императрица и тут же привела его в порядок, приложив свою руку к его пострадавшей конечности и окутывая ее алым светом. До сих пор ад-Сейдин не испытывал на себе чудодейственную силу Принцессы Крови. Это было поистине нечто сверхъестественное — вот рука висит плетью с расколотой костью, а вот она уже целехонька, будто ничего и не было. Илиана сообщила хану о ранении дю Бренталя. Сообщила с конца, чтобы попусту не выбивать из колеи командующего Южным фронтом. Герцог, мол, прекрасно себя чув-

ствует в госпитале, но в бой он больше не пойдет, поскольку едва не сложил там голову. Ад-Сейдин оценил тактичность императрицы и пообещал поместить дю Бренталя под арест, если тот сбежит от врачей и надумает вернуться в строй.

В жарком бою за один из больших Разломов погибла Ия — старшая ведьма, управлявшая Гексенсталем наравне с Уной и Жозефиной, а также временно входившая в Совет чародеек. Уна, свирепая как дьяволица, умудрилась уцелеть, хотя раз двадцать могла погибнуть, суясь в самое пекло. Вокруг нее грохотал гром и сверкали молнии. Ярость ее ураганов пугала даже чародеек. Его свистящие кольца зашвыривали в небо здоровенных Опустошителей и напрочь дезориентировали неповоротливых Молотов. Жозефине повезло меньше. Она воевала на пару с Каролайной, став с ней не разлей вода. Вместе эти двое нанесли рогатым тварям сокрушительный урон, но и сами в конце концов не избежали разящего удара. Обе выжили лишь благодаря усилиям Принцессы Крови, вовремя объявившейся подле умирающих. Еще бы минута и… Каролайна, вторично спасенная Илианой, призвала на ее голову всяческие благословения и обещала позаботиться о подруге-ведьме. Та была в коме. Императрица восстановила ее тело, но разум продолжал пребывать в потемках. При наличии свободного времени и должном воздействии Илиана с большой вероятностью сумела бы вернуть Жозефину обратно, но сейчас она не могла себе позволить растрачивать слишком много энергии на кого-то одного. Передав ведьму под опеку чародейки, Принцесса Крови поспешила дальше.

Векстры оборонялись с таким ожесточением, что под их экспфернумом порой рассыпались даже Нереймиты. Впрочем, Каменные Стражи специально принимали на себя самые мощные удары врага, прикрывая людей и служа своеобразными таранами. К счастью, благодаря своему развитию чародейки давно уже увеличили численность Нереймитов до тысячи, поэтому потеря двух десятков не играла заметной роли. Доставалось и горгульям. Воинство их матриарха несло потери, но со своей задачей справилось. Оранжевые купола векстров против созданий из Сунастийских пределов срабатывали так себе. Один из больших Разломов рассвирепевшие горгульи разгромили почти самостоятельно, закидав его сферами со святой водой. Крылатые воины, войдя в боевой раж, хватали демонов и поднимали их на огромную высоту, откуда скидывали навстречу физической смерти. Они наседали на Собирателей, заставляя тех терять концентрацию и ослаблять купола, доводили до исступления Молотов, от бешенства крушивших все вокруг, где больше подворачивалось своих, чем чужих. Ма-

ленькие скромфы — и те наловчились воевать, подменяя орудийные расчеты. Ловко снуя вокруг пушек, они наводили и перезаряжали их не хуже заправских стрелков, высвобождая людям лишние пары рук. Драдды, никогда особо не сражавшиеся, били демонов из колдовских арбалетов, для которых лично ковали рамы, тетивы и стрелы. Бойницы небесных крепостей регулярно исторгали во врага залп за залпом, неизменно находивший свои цели.

К рассвету седьмого дня имперская армия окончательно сломила сопротивление пламенеющих легионов в намеченном регионе, взяла в окружение юго-западную часть Зелистана и перешла к уничтожению блокированных демонов. Через сутки от них осталось одно воспоминание. Все тамошние Разломы были закрыты. Трупы рогатых чудовищ громоздились огромными холмами, которые сжигали имперские похоронные команды. Арферон лишился всех промежуточных плацдармов, защищавших столицу восточного ханства. Дорога на Ольдингъюрт была открыта. Однако имперские войска остановились. Они достигли поставленной задачи, но понесли такие потери, что о немедленном продолжении наступления не могло быть и речи. Спешно закрепляясь на завоеванных рубежах, они подтягивали резервы и выстраивали эшелонированную оборону на случай, если демоны пойдут в контратаку. Инженерные войска в поте лица ремонтировали орудия и воздушные сооружения. Госпитали были переполнены ранеными. Ведьмы и чародейки пребывали в трауре, подсчитывая своих погибших.

Кому-то цена этой несомненно важной победы могла показаться приемлемой. Когда-то, до возвращения из Последнего Приюта, она показалась бы приемлемой и Илиане. Но не теперь. Императрицей, которой она была, владел холодный расчет, ориентированный на общее благо, однако практически исключавший индивидуальности. Ныне, под влиянием воспоминаний, феи и люмеанина она совершенно иначе смотрела на чужие страдания, не могла равнодушно наблюдать как гибнут люди. Особенно дорогие ей люди. Она старалась никому не отдавать предпочтения, но смерть Ювиона стала для нее тяжким ударом, равно как и гибель хорошо знакомых ведьм и чародеек. Она чувствовала груз вины, будто лично отвечала за пролитую кровь, за каждую потерянную жизнь. Императрица боялась прочесть в глазах окружающих немой укор, хотя на деле если кто-то ее в чем-то и винил, то это она сама. Остальные находили действия ее величества достойными самой высокой оценки. Литореус лично приходил поблагодарить Рубистеллу за спасенных клериков, почитавших за честь воевать в лучах алого света. Мехисфен, чьи колдуны прошли боевое креще-

ние и обзавелись бесценным опытом, докладывал о росте их возможностей и выражал императрице живейшую признательность за поддержку. В госпиталях вставали на ноги раненые, значительная часть из которых без императрицы отправилась бы прямиком в братские могилы. Потерь среди ведьм и чародеек было бы на порядок больше, не вытаскивай их с того света Принцесса Крови. Да, имперские войска серьезно потрепало в семидневном сражении, но боевой дух людей, окрыленных превосходством над демонами, не снижался. Погибших оплакивали, обещая за них отомстить, и никто уже не сомневался, что эта месть не за горами. По мере освобождения земель вера в окончательную победу крепла с каждым днем. Императрицу сердечно поблагодарила и Талара, узнавшая о ранении дю Бренталя и едва не задушившая подругу в объятиях. Даже Дин'Юлемиона с Ульмаарандором находили, что их Илиана вела себя очень достойно. Фея, занимавшаяся исцелением и защитой колдовских существ вроде миаласов и мавригалов, всю жаркую неделю овевала воспитанницу живительной свежестью Семиалостапилоны. Люмеанин незаметно подпитывал внучку энергией, когда она, доведя себя до изнеможения, грозила упасть в продолжительный обморок. И та и другой заверяли Илиану, что она была молодцом. Оттого никто и не мог понять, почему чело императрицы омрачено печалью, будто войска Ардариании не одержали победу, а потерпели поражение.

Верховное командование напряженно планировало штурм Ольдингъюрта. Имперской армии предстояло самое серьезное испытание за все время противостояния с демонами. Разлом, возникший на месте огромного города, было не уничтожить простыми бомбардировками ни сверху, ни из Сунастийских пределов. Фириотус, внеся немалый вклад в минувшее сражение, против защиты Ольдингъюрта был практически бесполезен. Векстры стянули к нему такие силы, что понадобилось бы десятка два подобных фортов, чтобы наносить им вменяемый ущерб. Эбби из кожи вон лез, соображая как обойти оборону врага. Прикладывали неимоверные усилия и ведьмы с чародейками, заканчивая строительство очередной партии небесных фортов и крепостей. Полководцы верховного командования стягивали к фронту абсолютно все резервы, включая армейские корпуса из Пардионики. Всем были абсолютно ясны две вещи. Потеряв Ольдингъюрт, демоны потеряют и Зелистан, поскольку их оборона будет окончательно расстроена. Таким образом, взяв столицу восточного ханства, люди автоматически выбьют врага со всех его земель, ибо удержаться там Арферон уже не сумеет. Проблема заключалась в том, что брать Ольдингъюрт следовало с первой попытки. С первой попыт-

ки потому, что второй могло уже и не быть. Семидневное сражение основательно вымотало имперскую армию, подточив ее силы и лишив немалой доли боевых средств. Новые форты и крепости, пушки, арбалеты, доспехи и тому подобные вещи восполнят понесенный урон, но лишь восполнят. И только потому, что их изготовление уже подходило к концу. В случае поражения промышленность не сможет столь же оперативно обеспечить фронт всем необходимым, поскольку производственные циклы окажутся в самом начале. Иными словами, поражение серьезно ослабит имперскую армию, лишив ее не только наступательного потенциала, но и оборонительного. Чем это закончится — никто не знал. Если демоны воспользуются ситуацией и вновь пойдут в контратаку, людям, скорее всего, придется отступать. И сдать завоеванную часть Зелистана обратно. Завоеванную ценой большой крови, и отнюдь не для того, чтобы демоны опять открыли Разломы. Перспектива, мягко говоря, вырисовывалась неприглядной, и это не принимая во внимание тот факт, что человеческий ресурс, в отличие от материального, являлся невосполнимым. Новые небесные крепости рано или поздно прибудут, очередную партию пушек доставят скоростные поезда и драдды пришлют гору высококачественных колдовских доспехов. Только кто их будет надевать?.. Империя выжимала себя досуха. Приходилось признать, что если бы не помощь Пардионики, то у нее уже не хватило бы людей успевать все и всюду. Теперь все боеспособное население огромного государства, так или иначе, было задействовано на фронте. Его внутренние задачи решались с помощью добровольцев и дружественных воинских частей, еще не готовых сражаться с демонами, но способных поддерживать порядок в регионах. И все чаще наравне с ними действовали женские батальоны. Более того, в расположение регулярных армейских частей прибывали добровольцы женского пола, желавшие воевать наравне со своими отцами, мужьями и братьями. Сперва Верховное командование им отказывало, предлагая взамен службу в безопасных провинциях. В дальнейшем ситуация начала складываться таким образом, что армии годилась любая помощь. С одобрения императрицы новые армейские корпуса создавались под личным командованием Талары. Они состояли целиком из женщин-добровольцев. В гущу сражения их, естественно, не посылали, однако применение им очень даже нашлось, и не только по части лопат и полевых кухонь. Женские подразделения учили обращаться с колдовскими пушками, стрелять из баллист и катапульт. Из них формировали часть гарнизонов воздушных платформ, их командировали в помощь ведьмам и чародейкам. Гражданки Второй Ардарианской империи давно за-

видовали тем, кто имел отношение к Альмирсталу и Гексенсталю. По человеческим меркам ведьмы и чародейки находились на недосягаемой высоте. Императрица решила, что взаимодействие обычных женщин с колдуньями пойдет всем на пользу. И была права. Грань между теми, кого считали небожительницами и простыми обывателями стиралась. Наводились мосты нормального социального общения, способствующие еще большей сплоченности людей. Верховное командование, оценив пользу от новых армейских корпусов, уже не воротило нос от добровольцев женского пола, а охотно задействовало их вне горячих точек. Ввиду предстоящего штурма Ольдингъюрта имперская армия принимала любой вклад в общее дело, от кого бы он ни исходил. Высший командный состав практически не покидал зала совещаний, находясь на постоянной связи с Альмирсталом и Гексенсталем. Стараниями Эбби этот зал теперь напоминал тот, где некогда побывала маленькая Илиана, когда погиб Великий Архипелаг. Ряды Конту-Фенеструмов информировали Верховное командование обо всех событиях в империи. В режиме реального времени старшие офицеры наблюдали за позициями демонов и ротацией войск. Там же появлялись гонцы, спешившие сообщить важные новости. Через эти же Окна члены Верховного командования сами связывались со всеми концами Ардариании.

Обо всех изменениях в плане генерального наступления немедленно докладывали императрице. А докладывали часто, поскольку командование никак не могло прийти к единому мнению. Старшие офицеры, уполномоченные ведьмы, чародейки, а с некоторых пор еще и клерики с колдунами бурно обсуждали все возможные варианты взятия Ольдингъюрта. Они не выясняли кто из них умнее, поэтому никакого накала страстей не происходило. Просто задача вырисовывалась настолько сложной, что любая ошибка грозила обернуться катастрофой. Оттого-то весь командный состав и проводил долгие часы в жарких обсуждениях, тщательно просчитывая каждую мелочь. Часы, выливавшиеся в дни. Императрица, регулярно появлявшаяся в зале, выслушивала идеи и высказывала свои пожелания. Однако с каждым разом она все больше мрачнела, а из ее уст все реже срывались какие-нибудь рекомендации. В конце концов, несколько офицеров осмелились спросить императрицу что вызывает ее недовольство.

— Потери. Слишком много потерь, — ответила Илиана.

— Увы, ваше величество, — развели руками офицеры. — Задача трудная. Кому-то придется принимать удар на себя, кому-то надо идти на прорыв. Больших жертв не избежать.

— Это как сказать, — глухо отозвалась императрица и ушла, не

произнеся больше ни слова.
Верховное командование восприняло ее заявление буквально. Переглянувшись, его члены стали соображать, как бы заведомо уменьшить человеческие потери, явно не устраивающие ее величество. Навскидку выходило так себе. Планов лезть на рожон никто не строил, но все попытки излишне оберегать личный состав приводили к серьезным стратегическим проблемам. Было просто невозможно и ежа проглотить и колючками не уколоться. Однако мнение императрицы слишком уважали, чтобы вот так запросто от него отмахнуться. Именно поэтому Верховное командование стало обсуждать возможные варианты снижения числа жертв. Обсуждать если уж и не для того, чтобы применить их на практике, то хотя бы для представления развернутого доклада ее величеству. Ведь никто, даже самые мудрые чародейки не знали способа, как овладеть Ольдингъюртом не пролив реки крови. Заявление императрицы выглядело как прилив добросердечного человеколюбия, которым, увы, придется поступиться ради достижения цели. Однако Принцесса Крови никогда слов на ветер не бросала. Ведь ей был известен по крайней мере один верный способ избежать грядущей бойни. Удалившись в свои покои, она велела приближенный выйти, оставив одного только Ульма. Оставив не просто так, а поманив его за собой в кабинет. Заперев двери, императрица некоторое время молчала, собираясь с мыслями. Ей было непросто начать давно назревавший разговор.
— Ульм, у меня к тебе есть еще одна просьба. Я хочу, чтобы ты сделал мне еще одно одолжение. Последнее одолжение, — произнесла, наконец, Илиана, сделав над собой усилие.
— Мне не нравится, как это звучит, — насупился Ульмаарандор. — Если ты опять намерена меня шантажировать, я категорически против! Я не позволю тебе умереть, что бы ты ни задумала, но ни на йоту больше! И хватит об этом!
— Я не прошу не дать мне умереть. Я прошу, чтобы ты помог мне умереть, — тихо сказала Принцесса Крови.

* * *

Сложнее всего было донести свое решение до близких. Рассказать только люмеанину — это одно, а посвятить в свой замысел Дину, Талару, Сирелину, Уну, Бэйла, Флею, Алдара и всех друзей из Абериджа было куда тяжелее. Не меньше сложностей вызывал и разговор с Эбби. В моральном плане нелегко было сообщить непростую весть и остальным, как отдельным людям, так и целым структурам. Альмирсталу и Гексенсталю следовало знать что к че-

му, как следовало это знать дю Бренталю, Литореусу, Мехисфену и ад-Сейдину. Но наибольшим кошмаром представлялось свидание с ан-Бакиром. Предполагаемая реакция старого шейха заставляла сердце болезненно сжиматься и всячески оттягивать скорбный день.

Все предварительные хлопоты взяла на себя Дин'Юлемиона. Она первой сообщала людям из списка дурную весть, подготавливая их перед тяжким ударом. Бедняжка в жизни не выполняла такого ужасного задания. Она чувствовала себя так, будто организует похороны еще живого человека. Того, кто теперь стал ей дороже всех цветущих рощ вместе взятых. Впрочем, это практически так и было. Фея не сразу смирилась с решением Илианы. Услышав от люмеанина что задумала воспитанница, Дина сначала упала в обморок как самый обычный человек. Затем, придя в себя, ворвалась к воспитаннице и устроила бурную сцену. Илиана стоически переносила все упреки и возражения феи, а та, окончательно осознав, что девушка это всерьез, пришла в неописуемое состояние. От уговоров она переключилась на угрозы, а затем и вовсе разрыдалась, и каждая ее упавшая слезинка прорастала цветочным бутоном. Илиана была непреклонна. Она уже все обдумала и взвесила. И рассчитывала на помощь близких, чтобы довести дело до конца; поставить точку в ужасах войны и прекратить кровопролитие. Ей очень нужна была эта помощь. Твердая поддержка всех, кто ее любит, а не попытки любым способом воспрепятствовать.

— Ульмаарандор не мог на это согласиться! Я не верю! — восклицала фея, проливая ручейки слез.

— Как раз только он и мог, — мягко отвечала Илиана. — На то он и архангел. На одной чаше весов моя жизнь, на другой — половины всех людей Ардариании, включая исковерканные судьбы выживших и их неясное будущее. Сам он не может принимать такие судьбоносные решения, и теперь я хорошо понимаю почему. Понимаю, отчего люмеане стараются не вмешиваться. Но я могу. У меня есть на это священное право, поэтому Ульмаарандор не смог мне в нем отказать. Не смог отказать именно как люмеанин.

Плач феи терзал душу Илианы, поэтому она долгое время молчала, прижимая крошку к груди. Но ее решимость оставалась непоколебимой. Это поняла и Дина, когда затихли ее жалобные всхлипывания. Если она действительно любила свою воспитанницу, ей следовало поддержать Илиану в столь трудный час, а не размазывать розовые сопли. Сжав кулачки, фея в конце концов пообещала сделать все от нее зависящее.

Дин'Юлемиона встречалась со всеми по отдельности. Она

подготавливала людей к непростому разговору с Илианой. И лишь когда те были готовы услышать ужасную истину из уст самой императрицы, та беседовала с ними тет-а-тет. Для каждого у нее находились свои слова. Ведь все живые существа разные, и каждое из них по-своему уникально. То, что убеждало Сирелину, было неспособно произвести впечатление на Бэйла или Уну. Слова, западавшие в душу Флее ничего не значили для Талары. С последней пришлось тяжелее всего, исключая ан-Бакира. Лишь совсем недавно Илиана сама ее успокоила, развеяв все опасения, а тут вдруг такая убийственная новость. У Талары, обычно такой сильной и самоуверенной, начался настоящий психоз, грозивший помешательством. Илиане пришлось успокаивать вице-королеву с помощью феи. Талара, как и Дина, прошла все стадии эмоционального взрыва, начиная от угроз и заканчивая обмороком. В конце концов, принцесса Железных земель смирилась с решением Принцессы Крови, хотя на имперскую корону, которая фактически шла ей в руки, она смотрела едва ли не с ненавистью. Талара уже не мыслила своего существования без лучшей подруги, приравняв ее к другим дорогим ей людям — матери и отцу. Ну и дю Бренталю, который, узнав ошеломительную весть, с воинской прямотой сообщил, что поступок императрицы достоин рыцарей из легенд. И поклялся учредить особый рыцарский орден, который станет оберегать заветы Рубистеллы пока существует Ардарианния. Примерно таким же образом отреагировал и ад-Сейдин. Он сказал, что благодарен судьбе за ее повороты. Благодарен за то, что та позволила ему превратиться из врага Принцессы Крови в ее верного полководца. И его древний род сделает все во благо новой империи.

Хан Гийюр, действительно начинавший свое знакомство с Илианой каким-то злодеем, был одним из немногих, кто удостоился знания о ее происхождении. И отнесся к нему достаточно спокойно. Он не то чтобы нечто подобное и подозревал, но в целом был не слишком удивлен, заметив, что это, в общем-то, закрывает все вопросы о Принцессе Крови. Совершенно иначе реагировал Литореус. Илиане требовались надежные гарантии, что после нее вся Пардионика поддержит следующую императрицу. Клерики должны были послужить одним из самых преданных центров силы, выполнявших наказ Рубистеллы. Узрев архангела и осознав, кем он приходится Принцессе Крови, Литореус впал в благоговейный экстаз, отчего чуть умом не тронулся. Фею клерики еще пережили, но архангел!.. Разумеется он поклялся оберегать империю до последнего вздоха и служить тому, кто займет императорский трон. Займет после той, чьи деяния клерики станут воспевать в

веках, и чьи наказы станут для них такими же обязательными к исполнению, как и уже существующие догмы. Литореус известил несколько самых значимых прелатов, и те, так же едва не свихнувшись от оглушительного знания, доказанного более чем наглядным образом, присоединились к священной клятве. Не просто присоединились, а обещали передавать ее из одного поколения клериков в другое.

Алдар, недавно потерявший друга, грозил перерезать себе глотку, если Илиана сделает то, что собралась. Он пребывал на грани нервного срыва, и действительно был готов осуществить обещанное. Императрица, не без труда успокоив его мятущийся дух, сумела добиться обещания не натворить глупостей. Могущественный заклинатель стихий должен служить империи и ее народу, а не преподносить векстрам очередной подарок. Алдар, скрепя сердце, согласился жить во имя того, ради чего уходила Илиана. Только так он мог по-настоящему выразить ей свои чувства.

Тяжелее всего Илиане пришлось с ан-Бакиром. Она прогостила в оазисе целую неделю, благо что Ульм позволял ей ненадолго отлучаться куда угодно. Это был единственный раз, когда дурную весть сообщил сам люмеанин, представ перед стариком в своем истинном виде. Ан-Бакиру рассказали все. Все об истории Нирелина, о происхождении первых Хранителей и откуда взялась хранимая ими тайна Липкого огня. Старый шейх имел право знать. Секрет его рода и его роль в мировой истории должны вновь воскреснуть в летописях оазиса, наследуемых от старших к младшим. Илиана сама поведала ему обо всем, когда Ульмаарандор подготовил ан-Бакира. И мягко объяснила, почему именно она теперь должна поставить во всем точку. Старик держался мужественно. Он стоически принял убийственную весть и благословил приемную внучку, оказавшуюся родной внучкой архангела. Но совсем сдержать слез не смог, и каждая из них падала на сердце Илианы многопудовой гирей. Она провела рядом с шейхом столько, сколько вообще смогла себе позволить в складывающихся обстоятельствах, и на целых пять дней оба словно забыли обо всем на свете. И в особенности о том, что произойдет вскоре по истечении этого счастливого времени.

Один день Илиана посвятила Абериджу. Абериджу и своим друзьям, с которыми когда-то познакомилась в подземельях Солтенстила. Им ведь тоже полагалось узнать обо всем. Илиана не решилась уходить, оставляя их в неведении. Если уж они и должны от кого-то все услышать, так именно от нее. Вот Буса она не расстраивала. Кошачья колония жила и процветала в обществе новоявленных воспитанников Абериджа. Кот, скучавший по де-

вушке с сиреневыми глазами, блаженно грелся у нее на коленях, пока она разговаривала с окружающими. Гладя полосатую бочку, Илиана невольно вспоминала Дирха — кота из своего детства, спасшего ее от клинка солдата Красной саламандры. Его она огорчить уже не могла. Три года назад он отошел в мир иной, достигнув очень преклонного возраста. Благодаря Принцессе Крови Дирх и так прожил гораздо больше сверх обычного срока. Он упокоился под большой пальмой невдалеке от того места, где когда-то играл с девочкой на берегу озера, и о его могиле старый шейх заботился лично. Окружив Илиану, ее друзья старались поддерживать непринужденную беседу, что давалось им с немалым трудом. Но они держались. Держались, используя каждый миг этого драгоценного дня, запечатлевая его в своей памяти.

Не забыла Илиана и про Талару. С ней она также провела целый день, отдельно от Абериджа, где вице-королева, само собой, присутствовала. Как и в детстве подруги гуляли по дворцовому парку, плавали в канале, катались на лодке, играли в мяч и баловались с фехтованием. В конце концов Талара все же разревелась, не выдержав эмоционального испытания, но вскоре взяла себя в руки. Отравлять подруге последние счастливые дни было ни в коем случае нельзя.

Сирелина долго отказывалась верить в происходящее. Она рассчитывала, что Илиана окажет покровительство ее детям, а по всему выходило так, что это она, чародейка, станет беречь все ее свершения и накажет это своим потомкам. Сирелина даже потребовала от архангела, чтобы тот вмешался и закрыл Разлом в Руандале, если он хоть капельку любит Илиану. Ульмаарандор, испытывая те еще чувства, сообщил, что не может этого сделать. Точнее, может, но последствия будут несравнимо хуже, чем те, которых и старалась избежать Принцесса Крови. Даже теперь запечатать Руандаль не вызвав искажений в ткани мироздания было не в его власти. Разлом открыло столкновение совсем других сил, и Ульмаарандор рисковал расколоть историю, если использует свое могущество; породить две разные, одновременно существующие Ардариании, что приведет к непредсказуемым последствиям. То, что было доступно Илиане оказывалось неподвластно высшему люмеанину. Собственно, именно Сирелине пришлось дольше всего объяснять все то, что Принцесса Крови изначально изложила архангелу, когда попросила сделать ей последнее одолжение.

Смотреть, как гибнут люди, Илиана уже не могла. Смотреть именно тогда, когда она знала, что в состоянии это предотвратить. Прежде от нее ничего не зависело, и даже хорошо, что императрица не осмелилась на самопожертвование. Как выяснилось

при разговоре с Таунстормом, от этого стало бы только хуже. Но не теперь. Теперь этот шаг одним махом разрубал весь змеиный узел, освобождая мир от постигшего его бедствия. Ведь единственным основанием для пребывания легионов Арферона в Ардариании была жизнь Принцессы Крови. Жизнь, которую властелин преисподней обещал забрать, пусть и того, кому он дал это обещание, уже самого не было в живых. Без этого основания у демонов не получится продолжать вторжение. Уровень их присутствия недостаточен для самостоятельного завоевания мира людей. Собственно, своим хитрым договором с Таунстормом Арферон и рассчитывал развить вторжение до такой степени, что Ардарианию поглотит влияние преисподней, и она навечно войдет в ее состав уже без всяких условностей, соглашений и правил. Именно для этого ему требовался постоянный канал и живой Таунсторм. Смерть Принцессы Крови ничего не решала. Потеряв Таунсторма, верховный архидемон автоматически попал в зависимость от Илианы. Все его вторжение перешло в фазу противостояния именно с ней. Если прежде Арферон не отказался бы покончить с императрицей побыстрее как с назойливой, мешающей его планам мухой, то теперь ему следовало бы оберегать ее пуще всякого сокровища. Но он не мог. Рядовые демоны имели право не трогать Принцессу Крови, однако их властелин, давший соответствующее обещание, был обязан убить девушку, хотел он того или нет. Проблема, неожиданно обрисовавшаяся перед Арфероном, приобрела крайне неоднозначный характер. С одной стороны, он не желал уходить из Ардариании, по-прежнему рассчитывая ее захватить. С другой, одержи он верх слишком рано, захват обернется полным провалом. У архидемона оставался только один эффективный путь — воевать с людьми так, чтобы взять их измором, постепенно заполонить весь их мир и только тогда, когда присутствие векстров станет необратимым, покончить с Принцессой Крови. В противном случае вторжение, так или иначе, прекращалось. Арферон, вне всяких сомнений, мечтал устранить опасного потомка высшего люмеанина, но сделать это в нужный час. Будущее, в котором он видел себя, сражавшего императрицу, его полностью устраивало. Однако архидемон, исходя из своего менталитета, вряд ли предвидел и еще один вариант развития событий, схожий с им увиденным, но отличный по смыслу. Принцесса Крови не хуже него способна уяснить сложившуюся ситуацию. Она не станет отсиживаться за спинами своих подданных и отдаст жизнь во имя освобождения Ардариании. Только ее одну, а не многие миллионы, которые продолжают отдавать и еще отдадут солдаты, ведьмы и чародейки. Отдадут за штурм Ольдингъюрта, сложат головы за

освобождение Серых гор, потушат своей кровью главный Разлом в Руандале. На одной чаше весов была Принцесса Крови. На другой — десятки миллионов простых людей, сломанные судьбы выживших, неясное будущее их семей. И не только. Отравленные земли следовало восстановить как можно быстрее, чтобы они не превратились в подобие Калихари и Диртленда. Ведь даже одержав победу, люди рисковали понести такой колоссальный ущерб, от которого еще долго не сумеют оправиться. Их развитие затормозится, цивилизация пойдет по другому пути. И все это укладывалось на означенные фигуральные весы, уравновешиваемые одной-единственной жизнью Принцессы Крови.

Илиану согревала мысль, что большинство граждан Ардарианнии не поддержат ее жертву. Что беззаветно преданные ей воины предпочтут погибнуть сами, но не отдать архидемону Рубистеллу. Что империя, начиная с Альмирстала и заканчивая клериками, не согласится позорно сдать врагу свою императрицу в обмен на собственное благополучие. Только принять это Принцесса Крови уже не могла. Она все решила. Нормально жить с мыслью о том, какой ценой была куплена эта жизнь у Илианы уже не выйдет. Впрочем, как раз именно боязнь того, что однажды все-таки выйдет окончательно утвердила девушку в своем решении. Ведь кем она станет за миллионы лет своего правления?..

Илиана помнила, как начала относиться к людям до начала вторжения. Как оперировала судьбами миллионов, передвигая их будто фигуры на шахматной доске. Перед ее внутренним взором не было семей из отцов, матерей, жен, мужей и детей. Там стояли сухие цифры статистики, где одна стратегическая необходимость преобладала над другой. Императрица повелевала подданными так, как считала нужным во их же благо. Благо если и не всех, то подавляющего большинства. Но благо основанного на ее собственном видении. Так некогда поступал ее отец, Юстелий Ардарианский, Властелин Крови. И так никогда не поступали люмеане. Даже архангел не может навязывать народам свою волю. То, что он станет делать ради их же счастья и процветания со временем фактически превратится в тиранию света. Оттого люмеане и не вмешивались в чужие жизни. Народы вправе сами выбирать свой путь, уж какой он у них получится. Никто не смеет указывать им как жить и что думать. Ни одно существо во вселенной не вправе решать за миллиарды. Даже такое, как Ульмаарандор. Тем более решать на протяжении многих лет. Тот, кто слишком долго находится у власти, рано или поздно становится преступником. Власть Принцессы Крови будет расти, как будут расти и соблазны. Она вновь перестанет различать отдельные жизни и начнет опериро-

вать безликими массами. Илиане придется это сделать, иначе ей не удастся принять ни одного масштабного решения. Абсолютизм, уже присущий императрице даже в нынешнее время, выродится в гипертрофированный кошмар. События не обязательно разовьются именно так, как видел их высший люмеанин в своей предсказанной реальности. Но однажды воля Принцессы Крови распространится далеко за пределы родного мира, охватит Сунастийские пределы и подчинит себе векстров. Подчинит, вполне вероятно, ради благой цели — остановить их пагубное распространение. Но это лишь разные теоретические обоснования одного и того же конца. Принцесса Крови, занимая трон миллионы лет, в один прекрасный день превратится во владычицу преисподней. Вселенная не должна зависеть от воли одного человека. Придя к такой абсолютной власти во имя добра, он автоматически станет ее самым большим злом. Решив принести себя в жертву, Илиана не только останавливала вторжение Арферона. Она останавливала себя. Именно это услышал от нее архангел Ульмаарандор. И он склонил голову перед выбором своего потомка.

Сирелина продолжала упрямиться. Умом она уже поняла, о чем говорит ее любимая воспитанница, но принять это сердцем была не готова. Выслушав императрицу, она засыпала ее возражениями. Засыпала так же, как засыпала Талара, Эбби, друзья из Абериджа и все остальные, исключая ад-Сейдина и ан-Бакира. Мол, она не верит, что Илиана превратится в такое чудовище. С ней же всегда будут Дин'Юлемиона и Ульмаарандор. Они не дадут ей свернуть на кривую дорожку. С ней будет и сама Сирелина, в том числе после того как уйдет в Последний Приют. Они по-прежнему будут видеться, особенно когда Принцесса Крови начнет ходить туда так же свободно, как в свой дворец.

— Это не имеет значения, — грустно улыбалась в ответ Илиана. — Даже если я не стану чудовищем, я все равно не могу принять те жертвы, на которые сейчас идет Ардариания. Кровь этих людей будет вечно на моих руках. Именно на моих, а не Арферона. Арферон — он кто? Архидемон. Это его натура. Я же способна все это остановить. И не стану платить человеческими жизнями за свое восхождение на вселенский престол. Иначе, если я сочту приемлемой гибель своих подданных, тогда… Вот тогда, скорее всего, я и превращусь в чудовище. Одно исключает другое, понимаешь? Потому Ульмаарандор и согласился исполнить мою последнюю волю.

— Но Ардариания! Подумай, сколько пользы ты ей принесешь! — восклицала Сирелина.

— Ардариания, освобожденная от демонов, прекрасно проживет и

без меня. Проживет и разовьется, — парировала императрица. — Да, на каком-то этапе ее истории Повелители Крови играли свою роль. Теперь пришло время идти вперед самостоятельно. Колдовские круги получили новый толчок в развитии. Поверь, это очень надолго. Потомки нынешних ведьм и чародеек, колдунов и даже простых воинов унаследуют могущество своих родителей. А к тому времени как начнется новый Великий Упадок Ардарианиа достигнет такого могущества, что никакая Принцесса Крови ей станет не нужна. Поэтому не произойдет никакого второго Великого Упадка. Людей Ардариании ждет их сияющее будущее, написанное их собственными руками. Но этого будущего может не быть, если я позволю демонам погубить половину ее жителей и уничтожить множество плодородных земель.

— Должен быть другой выход! — упрямилась Сирелина, отказываясь мириться с удручающей реальностью. — Дина однажды спрятала тебя в Контур Забвения — пусть сделает это снова! Демоны уйдут, потом ты появишься, а они уже не вернутся!

— Нельзя, — качала головой Илиана. — Полагаешь, я об этом не думала? Вторичное использование Контура с таким маленьким временным промежутком после первого вычеркнет меня из реальности. Навсегда. А вместе со мной исчезнет и Дина. Так зачем же жертвовать нами двумя, когда можно обойтись всего одной мной?

Чародейка, заламывая руки, металась как тигрица в клетке, силясь отыскать хоть какую-нибудь альтернативу самоубийственному решению воспитанницы. И не находила. Ее попросту не было. Точнее, все альтернативные пути вели к такому развитию событий, какое не принимала уже сама Илиана.

— Прошу тебя, не разрывай мне сердце. Прими мое решение и подержи его. Ибо мне сейчас так нужна поддержка всех близких людей, — просила императрица, заключая Сирелину в объятия.

Чародейка рыдала в них как ребенок, да и кто бы сумел сдержать слезы в такой ситуации? И, в конце концов, сдалась, смирившись с неизбежным. Илиана, как обычно, все равно поступит по-своему. Так не надо отравлять ей последние дни своим упрямством и стенаниями. Лучше помочь пройти выбранный путь до конца.

А путь был уже определен и обратный отсчет запущен. Принцесса Крови отнюдь не попусту терзала душу тем, кому была дорога, основываясь исключительно на своих фантазиях. Чего бы стоили все ее слова и рассуждения о жертвах и испытаниях, если бы за ними ничего не стояло. Уговор уже был заключен. Уговор, а не договор. Он ни к чему не обязывал и в ткани мироздания не прописывался. Это было соглашение сторон выполнить взятые на

себя обязательства. Курьером послужил Зильбердрейнуаг-рен-Дег. Со дня своего разоблачения он пребывал в весьма удрученном состоянии, размышляя о своей незавидной судьбе. Визит императрицы не доставил ему особого удовольствия, однако то, что она сказала, заставило беса встрепенуться. Он согласился взять на себя роль гонца, тем более что выбора у него особо и не имелось. Принцесса Крови просила его по-хорошему, но могла заставить и по-плохому. К тому же бесу требовалось хоть как-то поправить свое положение в глазах сородичей. Обдумав предложение, младший демон согласился. Его доставили в Фортумагум, где императрица провела рогатого пленника через Трансталл — да, она обладала такой возможностью, оказывая свое уникальное воздействие на демоническую плоть. Зильбердрейнуаг-рен-Дег, отпущенный на свободу, отправился исполнять поручение. Отпущенный, надо сказать, весьма примечательным образом. Дин'Юлемиона, не удержавшись, напоследок чисто по-человечески отвесила бесу хорошего пинка, и тот, пролетев ярдов так сто, пропахал носом еще добрую сотню.

Второй Трансталл был открыт в назначенное время в назначенном месте. Ступив в преисподнюю, Илиана встретила там шааду Гдорстонхорстума. Бес был слишком мелкой сошкой, чтобы сыграть столь важную роль, архидемоны императрице для разговора не подходили, а никого из крупных фигур кроме этого суккуба она в преисподней лично не встречала. Шаада, узнав, зачем ее желала видеть Принцесса Крови, оценила всю важность услышанного и пообещала все в точности передать кому следует. И передала. Для нее это была неплохая миссия, возвышающая старшего суккуба среди других векстров. Не каждый день становишься посредником в таких переговорах.

Третий Трансталл был открыт в том же месте ровно через сутки.

— Он согласен, — коротко сообщила шаада, окинув императрицу людей задумчивым взором оранжевых глаз. — По правде говоря, мне жаль, — добавила вдруг она, когда Илиана, кивнув, собралась уходить. — Кое-кто из нас возлагал на тебя большие надежды.

— Вот в том числе поэтому, — отозвалась Принцесса Крови.

Арферон, сгорая от злобы и ярости, был вынужден принять предложение внучки люмеанина. Илиана предоставила ему выбирать — с позором быть изгнанным из Ардариании или же формально достичь успеха. Принцесса Крови обменивала свою жизнь на прекращение вторжения. Точка, поставленная в договоре между Арфероном и Таунстормом, в глазах пламенеющих легионов засчитывалась в пользу верховного архидемона, хоть автоматически

и освобождала Ардарианию. Арферон получал шанс отступиться не потеряв лицо. Конечно он мог и отвергнуть столь неожиданный вариант. Однако тогда Принцесса Крови прервет свою жизнь иным способом, и никаких преференций властелин преисподней с этого уже не получит. Правда, не было гарантии, что все демоны тут же исчезнут, но именно для того Илиана и просила о помощи Ульмаарандора. Именно для того она обращалась к самому Арферону. А ему было крайне затруднительно увильнуть от ее предложения, учитывая, что договор с Таунстормом, еще не до конца утративший силу, обязывал его покончить со всеми Повелителями Крови. К тому же Принцесса Крови начинала представлять для него реальную опасность. Многие векстры уже поговаривали, что с ней лучше не воевать, а заключить какой-нибудь выгодный договор. И кто знает, до чего они еще додумаются. В глазах шаады Гдорстонхорстума Арферон прочел то, что ему совсем не понравилось. Как бы Принцесса Крови и впрямь не посягнула на власть Арферона, если он опрометчиво упустит возможность с ней покончить. Предпосылок к этому вполне хватает. Верховный архидемон ведь тоже был не дурак, хоть и мыслил исключительно своими категориями. Будущее, расписанное Илианой перед близкими, представлялось и ему, пускай и в иной вариации. Таким образом, взвесив все за и против, Арферон, скрежеща зубами, велел шааде передать, что принимает предложение Принцессы Крови. Через две недели они встретятся в условленном месте в назначенный час.

Эти две недели Илиана и использовала для общения с близкими, прощаясь с ними должным образом. Она провела их вполне спокойно, поскольку дела империи не требовали ее срочного вмешательства. Согласно уговору, демоны прекратили все нападки, не высовываясь дальше своих оборонительных позиций. Имперская армия, также получив приказ не атаковать, долго не могла взять в толк, с чего вдруг у рогатых чудовищ наступило столь необъяснимое затишье. Оно и позволило императрице прожить целых пять дней в Нирелине. Оно дало возможность навестить Аберидж, дворец в Солтенстиле и разделить с друзьями свои последние дни.

Илиана рассчитывала не предавать дело широкой огласке. Но шило в мешке не утаишь. Вряд ли проболтался кто-то один. Скорее, источником ошеломительной вести стали сразу многие. Ведьмы Гексенсталя, чародейки и послушницы Альмирстала, высшие лица империи, прелаты клериков, офицеры Верховного командования… Печать молчания, всегда сковывавшая уста из преданности к императрице, теперь из-за той же преданности и развязала

людям языки. Они явно не желали, чтобы такая жертва осталась безвестной. Армия, прознав о том, что задумала ее Алая звезда, загудела как потревоженный улей. Поведению демонов наконец-то нашлось внятное объяснение и солдаты, устав от слухов, пожелали узнать, соответствуют ли они истине. Илиана была вынуждена выступить перед своими верными воинами и объявить, что все это правда. Объявить, что она намерена положить конец войне, обменяв себя на мир для Ардариании. Кто бы сомневался, что ее заявление вызовет у солдат бурю эмоций. Они во весь голос кричали, что не допустят такой жертвы. Кричали везде, где слышали Илиану, поскольку она появлялась перед собравшимися людьми в разных местах. Солдаты и офицеры, как и ожидала императрица, были готовы умереть сами, но не отдать свою Рубистеллу демону. Илиана напомнила им о присяге. Напомнила, что они поклялись повиноваться любому ее приказу. И ее приказ — возвращаться домой к семьям сразу после того, как она перестанет быть императрицей. И верно служить тому, кто займет ее место. Вышколенные воины не могли пойти против воинского долга. Когда-то они возвели Рубистеллу на трон, чтобы сохранить мир для людей. Теперь императрица жертвовала собой во имя той же цели. Не принять ее последнюю волю означало нарушить долг чести и совести. И армия приняла решение своей императрицы.

Принял его и Ульмаарандор. На его долю выпадало самое суровое испытание. Он должен был находиться возле внучки до конца. И снять с нее свою защиту, когда наступит роковой миг. Люмеанин становился участником договора и его гарантом. Если Арферон каким-либо образом ухитрится найти лазейку, Ульмаарандор немедленно и с полным правом обрушит на пламенеющие легионы всю свою мощь, о чем властелина преисподней заранее предупредили. Но как же тяжело было архангелу согласиться на столь ужасную роль, пообещать родной внучке то, что он в итоге пообещал. Только поступить иначе Ульмаарандор не мог. Он был люмеанином, и решение Принцессы Крови было достойно люмеан.

* * *

В тот день, двенадцатого августа, возле нейтральной полосы собрались две несметные армии непримиримых врагов. Врагов, замерших в ожидании драматической развязки. Заняв позиции в противоположных сторонах, они стояли с такой плотностью, что выглядели покрывалом, устилающим истерзанную войной землю. Между ними простиралась с севера на юг миля выжженной территории, присыпанной серым пеплом и хранившей на себе отпе-

чатки интенсивных боев. На эту территорию, словно огороженную невидимой преградой, никто не заходил, зато вдоль нее творилось нечто поистине неописуемое.

На востоке до самого горизонта толпились пламенеющие легионы. Они явились бы и без зова Арферона, привлеченные столь знаковым событием. В огненных доспехах стояли могучие Опустошители. Впервые за все время своего появления эти демоны не источали неуемную агрессию и не стремились объять все вокруг кольцами ревущего пламени. Они равномерно рассредоточились на позициях, в отдельных местах кучно собравшись в подразделения. Промеж них выделялись неповоротливые Собиратели. Их очертания слегка подсвечивались оранжевым. Эта разновидность векстров была готова навести защитные купола в любой момент, но не выказывала никаких поползновений это сделать, ибо пришла сюда совсем для другого. Горами плоти возвышались Молоты. Обычно обуянные яростью, они вели себя на удивление спокойно, изредка перетаптываясь с ноги на ногу. Бить, крушить, таранить и давить, сопровождая эти занятия утробным ревом — вот что они умели лучше всего, но оказалось, что и молча наблюдать за происходящим они тоже вполне способны. Над пешими векстрами зависли в воздухе Гангроны, неторопливо помахивая крыльями. Сегодня эти демоны не призывали всякую абстрактную нечисть, не наводили дурманящие чары и вообще не творили невесть что. Также как и остальные, они прибыли наблюдать за особым событием, интересовавшим всех векстров вторжения. Как офицеры они заодно следили за порядком, готовые пресечь любую выходку подчиненных. Но в этом отсутствовала необходимость. Векстры не то чтобы славились железной дисциплиной, но приказам подчинялись. А явились они сюда совсем не для того, чтобы воевать и устраивать провокации. Любой, кто нарушил бы сейчас общее единение, тут же был бы разорван сородичами. Оттого к линии разграничения не пускали лапургов. Туповатые существа, являвшиеся не векстрами, а скорее цепными псами, кружили далеко в тылу, сбившись в громадные, застилающие небо стаи. Кроме Гангронов над позициями пламенеющих легионов медленно парили лишь Кошмары. Земля вокруг каждого пешего демона была подернута маленькими язычками пламени, способного в секунду взвиться во весь рост, но усмиряемого своими хозяевами. Из-под копыт миллионов Пожирателей струился дым, порожденный тлевшими угольками вечного огня. Словно на угольках несметным числом стояли и бесы. Обычно быстрые как гепарды и ловкие будто архары, они выглядели вполне смирно и лишь их глаза горели неугасимым пламенем преисподней. Абсолютно все демоны молчали, не

издавая привычного рыка. Разговорам, крикам и выражениям кипевших страстей сегодня было не место. Их огненное оружие было опущено к земле. К небу, очищенному от свинцовых туч, не вздымалось ни единого выстрела.

На западе выстроились длинные шеренги армии Второй Ардарианской империи. Нируангмов и големов не было — только живые люди, пришедшие отдать дань уважения своей Алой звезде. Их полки также расположились от горизонта до горизонта, сверкая начищенными доспехами. На древках и пиках вздымались сотнями тысяч флаги и вымпелы, реявшие в порывах налетавшего ветра. Приспущенные флаги и приспущенные вымпелы. Солдаты явились при полном параде, но то был день траура. Они стояли плечом к плечу, и на лицах суровых, вышколенных воинов не дрожал ни единый мускул. Лишь маленькие светлые дорожки нет-нет, да и прочерчивали едва заметные изгибы на чьем-нибудь чуть присыпанном пеплом лице. Над солдатами, скрывая от солнца проявление их чувств, горели в великом множестве сигнальные и габаритные огни. Там, над землей, отбрасывая густые тени, застыли небесные форты и крепости. Их стянули со всего фронта, выстроив грозными рядами в несколько ярусов. Они ощерились таким количеством пушечных стволов, что дай те сейчас дружный залп — и по ту сторону нейтральной мили разверзнется настоящий ад даже для тех, кто сам явился из ада. Но пушки молчали. Приказ императрицы соблюдался свято. Во избежание трагических случайностей на всех боевых орудиях лежала колдовская печать, не позволявшая их использовать без прямого приказа. Гарнизоны небесных фортов и крепостей столпились у лицевой стороны, обратив взоры к нейтральной полосе. Среди них были не только люди. Там стояли и драдды, держа в руках зачарованные арбалеты, там же толпились маленькие скромфы. Жители Сунастийских пределов не меньше людей переживали происходящее, поскольку хорошо понимали, на какой шаг отважилась императрица Ардариании ради своего народа, защищая его от векстров. Поодиночке и группами замерли клерики. Их уста, обычно произносившие нараспев какой-нибудь речитатив, молчали, не нарушая святость момента. Лишь ладони их сложенных рук окутывало мягкое свечение, подчеркивая душевное состояние. Они также не отрывали глаз от разграничительной зоны, куда смотрели и воздушные звенья заклинательниц, прилетевших в полном составе. Здесь были все — чародейки, послушницы, ведьмы. История еще не знала случая, когда Альмирстал полностью опустел. Никто из сестер и послушниц, даже самых юных, не остался равнодушен к тому, что должно было произойти. У линии разграничения собралась вся

имперская армия во всем своем многообразии. Литореус вместе с группой старших прелатов стоял подле Мехисфена, которого сопровождали лидеры всех колдовских кланов. Стоял так, будто и не было за плечами никакой тысячелетней вражды, а клерики и колдуны никогда не расходились по разные стороны баррикад. Их подчеркнутое единение выражало верность клятве, принесенной владычице Ардариании и Принцессе Крови, Алой звезде и родному потомку настоящего архангела.

Отдельно выделялась особая воздушная платформа, предназначенная для близких Илианы. Они находились там все. Пришли проводить свою подругу и императрицу, дорогого человека и повелительницу. В том числе Эбби, заявивший, что он скорее сожжет Фортумагум, нежели не придет поддержать свою спасительницу, оставаясь с ней до последней секунды. Описать, что там происходило, человеческий язык неспособен. Он слишком беден, чтобы выразить сотрясавшие людей эмоции, точно передать выражения их глаз, душевные порывы и чувственность объятий.

Когда от этой платформы отделилась небольшая площадка и неторопливо полетела к центру разделительной полосы, западная ее сторона содрогнулась от звона. Вся армия дружно вытащила клинки из ножен и вскинула их в торжественном салюте. Совсем как тогда, когда она провозгласила Илиану королевой. Все воины физически не могли стоять в первых рядах, но ведьмы и чародейки заранее расположили над ними большие Конту-Фенеструмы, показывавшие происходящее. Солдаты и офицеры желали быть со своей Алой звездой до конца.

— Да здравствует императрица Рубистелла! — грянули миллионы голосов.

— Да здравствует императрица Рубистелла! — подхватили этот клич все присутствующие.

— Да здравствует императрица Рубистелла! — гремело, раскатывалось от горизонта до горизонта громогласное приветствие единой Ардарианской армии.

Последнее приветствие, отдававшее дань своей обожаемой повелительнице. Оно громыхало и громыхало, звучало все то время, пока небольшая платформа неторопливо следовала к концу своего пути. И векстры, толпившиеся на востоке, беспокойно вздрагивали. В этот миг они осознали, что если что-то пойдет не так, эти люди будут яростно сражаться с ними до последней капли крови. Сломав мечи, станут рвать зубами, но воевать пока жив хоть один воин Ардариании.

Платформа опустилась и замерла. Принцесса Крови в императорском облачении и короне с большим рубином ступила в вы-

ровненный, очищенный от пепла круг. Следом за ней, держась в нескольких шагах позади, сошел одинокий воин, рядом с которым летело маленькое крылатое создание. Это были Ульмаарандор и Дин'Юлемиона. Илиана не взяла бы и их, но того требовала необходимость. Люмеанин обеспечивал взятую на себя страшную роль, а фея просто не могла существовать в таких условиях вдали от любимой воспитанницы. Да и все равно она бы наотрез отказалась покидать ее в столь тяжкую минуту. Едва императрица покинула платформу, люди смокли, и только эхо продолжало разносить слова их приветствия. "Да здравствует" — не смотря ни на что! "Да здравствует" — наперекор судьбе и тому, что сейчас должно было произойти! Армия не желала мириться с действительностью. Для нее Алая звезда будет жить вечно. А когда смолкло и эхо, в противоположной части круглой площадки полыхнуло пламя. Полыхнуло без особых театральных эффектов, просто поднявшись от земли и опустившись без следа. В его столбе, подобно люмеанину, из ниоткуда возникла темно-красная фигура восемь футов высотой. Она напоминала очень рослого, плечистого человека с узлами мускулов и широкой, как у пловца, грудью. Но у человека не бывает такого крупного черепа, увенчанного изогнутыми, волнистыми рогами, и в его глазницах не плещется оранжевое пламя — частичка океана вечного огня. Арферон, властелин преисподней, явился за своей жертвой. Он не стал принимать форму великана, окутываясь пламенеющими реками и вращая огненными метеорами. В сравнении с фигурой молодой женщины архидемон в такой эпической ипостаси выглядел бы гротескно смешным. А верховный векстр предпочитал сохранять лицо, ради чего и пошел на эту не слишком-то выгодную для него сделку.

Илиана, стараясь не дать слабину в самый ответственный момент, сделала несколько шагов навстречу врагу. Врагу всего человечества. Сделала несколько шагов навстречу своей судьбе. Она видела это будущее. Про него говорил сам Арферон, его предсказывала Галана, это показывал Таларе Кристальный Каскад. Но то был не рок и не участь. То был выбор самой Принцессы Крови. Будущее, которое она приняла добровольно ради того, чтобы это будущее было у других. Арферон также двинулся ей навстречу. Он не издевался над императрицей в духе "я же говорил, что это произойдет". Он отлично понимал, что все происходит совсем не таким образом, как ему представлялось и как ему хотелось. Но лучше все-таки так, чем возможные альтернативы. Архидемон не считал себя проигравшим, но и победителем, даже при всем своем вселенском эго, признать не мог. Это было некое статус-кво ценой жертвы, которую он согласился принять. И у него не было жела-

ния ни глумиться, ни бахвалиться. За ним наблюдали пламенеющие легионы, а они прекрасно понимали, что властелин преисподней забирает жизнь Принцессы Крови только потому, что та сама это позволяет. Векстрам была чужда доблесть и у них были свои понятия о чести, но они уважали силу. А Принцесса Крови была силой, которая вполне могла свергнуть Арферона, реши она пойти по другому пути. Часть демонов на полном серьезе сожалела об упущенных возможностях, поэтому их предводителю не стоило устраивать представление сверх необходимого. Он возьмет свое — и этого достаточно.

Принцесса Крови и властелин преисподней остановились друг напротив друга. Теперь их разделяло каких-то шесть футов. Сиреневые глаза встретились с черными ромбовидными зрачками в обрамлении оранжевого пламени.

— Я пришла, Арферон! — твердо произнесла Илиана, изо всех сил стараясь держаться как подобает. — Не будем терять времени! Ты знаешь, зачем мы здесь. Давай обойдемся без лишних слов.

— Да будет так! — глухо ответил верховный архидемон.

Слова действительно были ни к чему. Все уже было передумано и сказано. Принцесса Крови и властелин преисподней полностью сознавали происходящее. Илиана отдавала жизнь за Ардарианию, искупляя также ошибки двух других Повелителей Крови — Таунсторма и своего родного отца. Арферон принимал жертву и удалялся вместе со всеми легионами демонов, прекращая вторжение. В противном случае на него тут же обрушится вся мощь света высшего люмеанина и, как знать, возможно и других люмеан.

Взвился огненный меч. Отведя мускулистую руку, архидемон призвал свое оружие, способное сразить любого, кроме подобных Ульмаарандору. Лицо Илианы оставалось спокойным, словно в ее сиреневых глазах и не отражались сполохи направленного на нее пылающего клинка. Говорят, в таких случаях в сознании человека проносится вся его жизнь. Перед внутренним взором девушки проносилось будущее, которое она открывала для Ардариании.

— Империя возродится, — беззвучно прошептали ее губы. — Принцессы Крови в нем нет.

Огненный меч, полыхнув в роковом выпаде, пронзил Илиану насквозь.

Не было ни крика, ни стона. Тело девушки не окуталось алым сиянием, сопротивлявшимся неизбежному. Она не упала на землю и не лежала у ног врага, угасая навсегда. Ее кровь не струилась из раны, нанесенной огненным мечом, и не остывала под взором торжествующего архидемона. Неожиданно сверкнула вспышка белого света. Сверкнула в том месте, где клинок Арферона поразил грудь

Принцессы Крови. Озарив всю фигуру девушки, она резко раздалась в стороны, скрывая ее ослепительной пеленой. Перед взором Илианы возник Ульмаарандор. Возник в пустоте, залитой лишь сплошным белым свечением. Оно было везде и нигде, у него отсутствовал источник, и оно шло одновременно отовсюду. Вероятно, то и была смерть. То, что находилось за ее порогом. Ведь девушка больше не чувствовала своего тела. Оно стало каким-то другим. Физическая тягость плоти исчезла. Вместо нее пришло ощущение удивительной легкости. Сознание, прежде ограниченное человеческим восприятием, вдруг расширилось до неимоверных пределов. Страха больше не было. Илиана достойно держалась до конца, но все же она боялась смерти. Боялась того, что произойдет. И вот оно произошло. Теперь все осталось позади. Ушли прочь все суетные желания, бесследно исчезли тяготившие душу заботы. Прежняя жизнь показалась длинной лентой чьей-то истории. Вроде бы своей, но вдруг ставшей какой-то далекой и словно бы прожитой совсем другим человеком. Удивленно прислушиваясь к новым ощущениям, Илиана подняла глаза на люмеанина. Прежде сиреневые, теперь они заполнялись чистым белым светом. Ульмаарандор улыбнулся, но улыбка его отчего-то выглядела очень грустной. Точнее, грустной и радостной одновременно, если такое вообще возможно. Архангел был чему-то рад, но при этом испытывал глубокую печаль. И тут Илиана услышала его голос. Уста Ульмаарандора не произнесли ни слова, однако девушка слышала его также отчетливо, будто он говорил вслух. Она слышала его не ушами — она слышала его разумом.

— Нет, дитя мое, это не конец. Для тебя это новое начало, — сказал Ульмаарандор.

— Я не понимаю, — ответила девушка и сама удивилась как это сделала.

Она не издала ни звука. Ее речь просто наполнила пространство тихим мелодичным переливом, проникая напрямую в сознание люмеанина.

— Ты повела себя достойно, дитя мое, — ласково произнес Ульмаарандор. — Ты могла бы жить почти вечно, повелевать народами, обрести абсолютную власть и вселенское могущество. Целые миры поднимались бы по одному твоему слову, и даже векстры склонились бы перед твоей волей. Но ты отдала все это ради своей страны. Ради Ардарианнии и ее народов. Принесла в жертву себя, чтобы жили другие. Отказалась от своего будущего ради будущего многих. Это деяние достойное люмеан. И люмеане никогда не остаются к такому безучастными.

— О чем ты говоришь? — недоумевала Илиана.

Она протянула руку к архангелу и увидела, что та стала полупрозрачной, будто сотканной из нитей чистого света.
— Я счастлив, что мой потомок проявил себя столь прекрасным образом, — с глубоким чувством продолжил Ульмаарандор. — И во имя моей возлюбленной Меландигоры ее род не угаснет, пока на небосводе мироздания сияет твоя звезда. Прощай, дитя мое! Мое время на исходе. Мы больше никогда не увидимся. К сожалению, мне не дано увидеть твоих свершений, но я верю, что сделал правильный выбор. Что эти свершения будут достойны детей света. Прощай, дитя мое! Прощай навсегда!
Ульмаарандор исчез. Он исчез в тот миг, когда огненный клинок архидемона коснулся Илианы, и лишь время, остановленное им ради последних слов своей внучке, сокрыло от людей и векстров их последний разговор.

На месте Принцессы Крови полыхнула бурная вспышка белоснежного света. Казалось, будто там зажглась настоящая звезда, но звезда необычная, а созданная из чего-то совершенно светлого и бесконечно удивительного. Она не слепила глаза солдат, ведьм и чародеек, не пугала миаласов и мавригалов и не опаляла народы Сунастийских пределов. Однако к демонам это не относилось. Арферон страшно взревел, закрываясь ладонью от жгучего сияния. Оно пронзало его насквозь, вторгалось в огненную плоть, проникало в самую сущность властелина преисподней. Клинок из пламени испарился в долю секунды. Наливаясь невиданной мощью, белая звезда росла, заставляя верховного архидемона пятиться. Испускаемые ей лучи протянулись далеко в стороны, овевая людей теплом, но вызывая у демонов невыносимую боль. Пламенеющие легионы, пораженные невесть откуда взявшимся светом, жутко ревели, отводя глаза и стараясь укрыться от него руками. Но укрыться было невозможно. Свет проходил через них как через прозрачное стекло. Бесплотный и невесомый, он бил по ним тяжелее кузнечного молота, жег сильнее разбушевавшейся плазмы. И вот уже Арферон стал утрачивать физическую оболочку. Ее словно сдувало порывом неудержимого урагана. Лучи, тянувшиеся от белой звезды, выбивали из демонического тела длинные струйки материи, будто властелин преисподней рассыпался как песчаная статуя. Его будто смазывало в пространстве, стирало из мира, сносило прочь этими тонкими черточками из собственной плоти. То же самое происходило и с остальными демонами, сгоравшими точно таким же образом, как и их предводитель. Им не помогал ни огонь, ни оранжевые купола, ни весь их экспфернум вместе взятый. Здесь у них не было власти. Пламенеющие легионы не выдерживали могущества первозданного света. Звезда все лучилась

и лучилась, нарастая и заливая все вокруг своим чистым белым сиянием. А затем взорвалась. В мгновение ока ослепительная волна пронеслась через позиции демонов и обратила их в прах. Пронеслась до самого горизонта и ушла далеко за его пределы. Она летела над всей территорией вторжения, испаряя демоническую плоть без следа. Развеялись несметные стаи лапургов. Пропали крылатые Гангроны и огромные Кошмары. Бесы и Пожиратели исчезали несметными миллионами. Опустошители и Собиратели обращались в пыль, едва их касалось неудержимое цунами белоснежного света. Прокатываясь из края в край, оно не оставляло от демонов даже песчинки, хотя его мощь не затрагивала ничто иное. Не дрогнула ни одна ветка, и ни одно строение, уцелевшее за время вторжения, не ощутило на себе лучезарной волны, как не ощутил ее никто кроме векстров и прочих порождений вечного огня. Свет изгонял демонов прочь, гасил пламя преисподней, заполонял пылающие Разломы. И Разломы гасли, словно свеча, погруженная в воду. Гасли в мгновение ока, не в силах противостоять всемогущей первозданной стихии. И вот уже свет, оставив далеко позади Зелистан, залил весь Диртленд, покончив с тамошними демонами и очагами вторжения. Он не снижал ни плотности, ни скорости. Он шел неумолимой лавиной, остановить которую векстры были не в состоянии. Достигнув Серых гор, эта лавина плеснулась промеж них бурными гребнями, поднялась до самых вершин отравленного скверной камня и уничтожила яд преисподней. А затем ринулась к извергавшимся вулканам, продолжавшим выбрасывать в небо столбы огня и пепла. Подступив к их склонам, огромная волна белого света взмыла вверх и накрыла огнедышащие жерла. Разломы, доселе остававшиеся в недосягаемости, не смогли устоять перед обрушившейся на них мощью. Вулканы, окружавшие главный оплот демонов, с чудовищным грохотом взорвались один за другим. Их гигантские обломки рассыпались далеко окрест, падая на землю самыми обычными, лишенными всякой демонической природы камнями. Лава, клокотавшая на склонах, немедленно потухла. Дым и огонь развеялись в мгновение ока, как развеялись и свинцовые тучи, наполненные серым пеплом. И вот уже солнце озарило жерло самого первого, самого страшного вулкана, возникшего на месте Руандаля. Свет вливался в него густыми потоками, обращая в ничто метавшихся в ужасе демонов. Озеро огня на месте исполинского кратера исчезало, сменяясь ровным белым сиянием. Проникнув в демонический канал, это сияние окончательно поглотило клокотавшее там пламя преисподней. На тысячи миль земля содрогнулась от столкновения первозданного света и вечного пламени. И вечное пламя отступи-

ло. Стены жерла сошлись, подчиняясь сотрясшей их силе, закрывавшей Разлом в самой ткани мироздания. Склоны огнедышащей горы осыпались. Свет не мог вернуть обратно прекрасный Руандаль, но он навсегда уничтожил его кошмарное воплощение. На месте давно погибшего города образовалась каменистая долина, которая отныне будет носить имя Долина Руандаля. И как только упала последняя гранитная глыба, как только затих самый слабый гул, вызванный смыкающимися недрами междумирья, развеялся и белый свет, не оставивший от пламенеющих легионов ни следа. Ардариания была свободна. Армия демонов исчезла. Вместе с ней исчезла и женская фигура, все еще стоявшая в центре круга. Фигура, будто сотканная из лучей той звезды, которая смела без остатка все исчадия преисподней. Люди видели ее всего одно мгновение. Затем ее унес поднявшийся к небу столб света.

ЭПИЛОГ

Прошло пять лет. День, выпавший на знаменательную годовщину, обещал быть ясным. Какую-то другую погоду в столь священную для них дату жители Ардариании восприняли бы как оскорбление. Да, весь континент не мог быть свободен от ненастья, но ведьмы и чародейки расчищали небо везде, где проходили празднования. И у них едва хватало на это рук, поскольку праздновали повсюду. Каждый крупный город украшали флаги и гирлянды цветов, в воздух взмывали разноцветные шары, а все шпили и башни сияли огнями. Каждая деревушка с раннего утра и до позднего вечера устраивала народные гуляния, погружаясь в беззаботное веселье. В этот день была лишь одна печальная, торжественная минута. Та минута, когда люди чтили память своей Алой звезды. Но они не предавались горю остальное время. Алая звезда ушла, чтобы они жили и радовались жизни. И лучшее, что могли сделать граждане Ардариании — это не позволить императрице пожертвовать собой напрасно. До самой ночи они будут распевать песни, танцевать, угощаться различными яствами и ежечасно устраивать всякие забавы. В какой-то момент придет время и для историй. Обычно ближе к сумеркам, когда многие люди, отяжелев от еды и питья, перейдут к более спокойному отдыху. Каждый захочет рассказать или услышать что-нибудь такое, что относилось к периоду правления Рубистеллы. Торговцы и промышленники станут говорить о небывалом экономическом подъеме. Простые горожане и сельские жители не преминут упомянуть о чудесных технических новинках, ныне вошедших в повседневный обиход. И те и другие начнут беседовать о небывалом повороте истории, при-

несшем столько всего удивительного. Однако центром внимания всегда будут солдаты и офицеры. Особенно те, что с первого дня воевали под началом Алой звезды и те, что провозгласили ее королевой. Их всегда будут слушать разинув рты и жадно ловя каждое слово, даже если эти истории станут повторяться из года в год по многу раз. И повторяясь, обрастать все новыми, не существовавшими прежде подробностями, передаваясь из поколения в поколение. Так рождаются легенды.

Талара, слушая сказочные небылицы, всегда улыбалась им уголками глаз. Ей ведь лучше других были известны все обстоятельства не только прошлого, но и нынешнего. Тридцатилетняя императрица достойно носила возложенную на нее рубиновую корону. Под ее руководством Вторая Ардарианская империя стремительно возрождалась, открывая новые горизонты. В душе Талара все еще оставалась той непоседливой, энергичной девчонкой, что некогда утянула свою подружку Илиану в Аберидж. Однако положение обязывало, накладывая свой отпечаток на высшее лицо в огромном государстве. Императрица лишь изредка позволяла себе отвлечься, устраивая какое-нибудь приключение. Большинство же дней в году она проводила за напряженной работой, полностью отдаваясь взятым на себя обязательствам.

Ей было чем гордиться. За эти пять лет, прошедшие со дня изгнания пламенеющих легионов, Ардариания шагнула далеко вперед. Разрушенные города и селения были отстроены заново, став еще больше и красивее прежних. Провинции империи соединили нити новых путей сообщения, по которым носились скоростные поезда. Наполнялись водой многочисленные каналы, орошавшие плодородные поля, дававшие богатый урожай. В небе над жилыми районами сновали воздушные платформы и всадники на чудесных животных из Сунастийских пределов. Речные и океанские волны бороздили корабли, способные преодолевать огромное расстояние за несколько дней, перевозя неподъемные прежде грузы. Промышленность процветала, едва успевая обеспечивать потребности растущего населения. Семьи, воссоединившиеся после окончания страшной войны, обзавелись теми детьми, которых никогда бы не появилось, если бы не жертва Принцессы Крови. Империя избежала демографической ямы. Наоборот — вместо нее произошел детский бум, спровоцированный полной ликвидацией голода, строительством жилья и новыми достижениями цивилизации. Этот бум затронул и колдовские круги. Альмирстал вступал в новую эпоху. Списки клериков, переданные сестрам без малейшей утайки, помогли собрать со всей Пардионики тех девочек и девушек, что носили в себе дар дочерей света. Они ведь и сами были

полноправными дочерьми света, неся миру свою удивительную благодать. Но только этим дело не ограничилось. Чародейки обзаводились семьями. В обители на пике Эрминдхайм зазвучали младенческий плач и детский смех. Для малышей и их родителей возводились новые чертоги, посвященные исключительно материнству и радостям детства. Чародейкам, занятым на государственной службе, охотно помогали как ведьмы, так и простые женщины, бравшие на себя заботу о крохах, пока их матери помогали строить великое будущее. Случилось чудо. Не иначе как благодаря влиянию Принцессы Крови, у сестер Альмирстала рождались исключительно наследующие дар света потомки. Вероятно, так будет не всегда, но численность будущих чародеек и чародеев росла семимильными шагами. И первыми среди нового поколения стали дети Сирелины. Мальчика она назвала Ульм. Девочку Илиана. В этом, собственно, никто даже не сомневался, поэтому чародейку, Бэйла и их малышей засыпали памятными подарками с заранее выведенными на них правильными именами. Не осталась в стороне и сама Талара. В том смысле, что и у нее родилась малышка. Талара не слишком долго размышляла над именем дочери. Наследницу имперского престола нарекли Меландигора. Арман дю Бренталь, супруг ее императорского величества и главнокомандующий всеми войсками, настойчиво уговаривал жену увеличить численность потомства, пополнив его новыми дочерьми и обязательно сыновьями. В этом его активно поддерживал Гийюр ад-Сейдин, вновь ставший полноправным ханом Железных земель под началом собственной дочери, а также полководцем у своего зятя. Само собой, этого же хотела и Сантара, вместе с младшим сыном не покидавшая мужа. Талара не отказывалась, но и не спешила. Просто доверилась природе, решив, чтобы все шло своим чередом. Это избавляло ее от необходимости целенаправленно выбирать между делами семейными и делами государственными. А судьба уж выразит свою всемогущую волю.

И она ее выражала сполна. Историческое объединение Гелиондары и Пардионики состоялось. Ардарианская империя вновь охватывала весь континент, и для ее граждан не делали разницу по национальности или полу. Образование и медицина резко пошли в гору. Больше никто не притеснял ведьм просто потому, что они ведьмы, и клерики трудились бок о бок с колдунами. Конечно, как и в любом обществе, всегда находились и свои злодеи, как простолюдины, так и из колдовских кругов, но их насчитывалось незначительное меньшинство. Меньшинство, которое было не в состоянии причинить подлинного зла, подобного тому, что некогда сотрясало Ардарианию. И остатки этого зла совместными усилия-

ми успешно вычищались. Бывшие восточные государства, включая Зелистан, уверенно восстанавливали свой цветущий облик. Их земли были полностью избавлены от скверны. Чародейки и в особенности ведьмы успешно трудились в Диртленде, делая неприветливый край гораздо лучше, чем он был до недавнего вторжения демонов. Большие отряды ведьм уже вовсю работали в Серых горах. Их возглавляла Жозефина, на пару с Уной решившая избавить Ардарианию от чужеродного хребта. Мертвый Конец должен исчезнуть с лица земли. Во всяком случае, перестать быть мертвым. Дело двигалось медленно, ибо работы, учитывая масштабы гор, там хватило бы и великанам, но Жозефина с Уной верили в успех, и мало-помалу достигали воодушевляющих результатов.

В этом им помогали не только люди, но и существа из Сунастийских пределов, все больше приходивших в Ардарианию. В небе снова порой видели антреминов, а на чердаках уже никого не удивляли селившиеся там свиристоли. Возле мастеровых цехов уже никто не обращал внимания на драддов. Крошка скромф, с донельзя серьезным видом вручавший заказчику миниатюрные механические часы, стал совершенно обыденным явлением. Однако Талара знала, что не так давно случилось событие и поважнее, оставшееся незамеченным для большинства жителей империи. В Ардарианию вернулись русалки. Пока еще небольшим числом, но все же. То была особая история. Одна из них приплыла на зов Принцессы Крови. Незадолго до своего последнего дня Илиана попросила Дину отвезти ее на коралловый риф из детства. И там, безо всякой надежды, она нажала на каплевидный рубин своего белого медальона. Согласно сделанному подарку, русалки должны были явиться к ней на помощь, буде в этом случится нужда. И вдруг русалка действительно появилась, несмотря на присутствие векстров. То ли наложенные чары были сильнее, чем препятствие, то ли сказывалось влияние Принцессы Крови, носившей в себе дар детей света. И тогда Илиана действительно попросила удивительное создание о помощи. Попросила не забывать Ардарианию и вернуться, когда с векстрами будет покончено. Русалка сдержала обещание. Она и ее подруги однажды приплыли на риф и дали о себе знать чародейкам, а те сообщили Таларе. С того самого дня русалки вновь стали заботиться об океане и его обитателях. С того же дня в Таларе загорелась надежда, что в Ардарианию вернутся и феи. Причем надежда отнюдь не беспочвенная.

Самые могущественные чародейки уже несколько раз возвращались из Последнего Приюта, и никто там не остался. Более того, оттуда вернулся и Эбби, побывавший в заповедном краю вместе с Сирелиной. Прямо-таки ворвавшись к императрице, эти

двое протянули ей запечатанное письмо. Запечатанное могуществом Рефендари. Вскрыв его, Талара к своему изумлению и радости прочла колдовские строки, адресованные ей Дин'Юлемионой. Фея не забыла про лучшую подругу своей любимой воспитанницы. Именно поэтому она изыскала возможность поведать ей такое, отчего Талара, несмотря на свой высокий статус и подобающие ему манеры, с громкими радостными воплями долго носилась по всему дворцу и еще несколько дней не могла успокоиться. С тех пор в ее душе поселилось ощущение долгожданного покоя. Ведь Дина рассказала ей то, что на самом деле случилось в тот роковой день, когда Принцесса Крови навсегда перестала существовать.

Илиана не умерла. Да, пророчество Галаны сбылось, как сбылось и видение из Кристального Каскада. Однако, как и предупреждал Ульмаарандор, увиденное глазами может не соответствовать истинной подоплеке. Договор с Таунстормом, равно как и соглашение с самой Илианой, отдавали Арферону Принцессу Крови — не меньше, но и не больше. Архидемон получил в жертву только человеческую часть девушки. Ту часть, которая была Принцессой Крови. Но Илиана, дочь двух Повелителей Крови, отмеченных светом люмеан, и родная внучка архангела, сама была наполовину люмеанином. Никто ведь не заметил каким образом Ульмаарандор умудрился перенести ее из того космического храма в нарушение всех законов перемещения через другие миры. И продолжал нарушать то, что считалось непреодолимым принципом Трансталлов. Это происходило отнюдь не потому, что он был могущественным созданием света. Просто такое позволяла сама двойственная сущность Илианы. Эта же двойственность и позволила уберечь ее от смерти. Спасая родную внучку, архангел совершил самопожертвование. По достоинству оценив жертву девушки, он принес свою собственную. Лишившись воплощения Принцессы Крови, Илиана не могла существовать наполовину, и Ульмараандор, используя родственные узы, отдал ей половину себя. Своей властью вновь сделал из нее единое целое. Но существовать наполовину не мог и он. В тот краткий миг, когда свершилось неизбежное, он остановил время, чтобы попрощаться с Илианой. Ибо высший люмеанин — вечное, бессмертное творение света, наделенное невероятным могуществом, — добровольно отдавал свою жизнь той, кого по-настоящему полюбил. Отдавал, уходя в вечное ничто, чтобы уже никогда оттуда не вернуться. И демоны бегут, когда ангел жертвует собой.

Илиана осталась жива, хотя и не была собой прежней. Та Илиана, рожденная в семье смертных людей, ушла навсегда. Принцессы Крови, последней из Повелителей Крови, действитель-

но больше не существовало. У Илианы сохранились все ее воспоминания, мысли и чувства. Ее разум помнил ее прежнюю, и все лучшее, что только было в девушке с сиреневыми глазами перешло в ее новое воплощение. После световой волны, порожденной уходившим Ульмаарандором, Илиана исчезла не потому, что погибла. Ее призвал Свет. Ее звали в Эруанских пределах. Звали те, кем был ее дед, и кем теперь стала она сама. Ибо отныне она была люмеанином.

Талара поняла, что сообщать такую весть всем и каждому не стоит. Люди не поймут. Неслучайно фея запечатала письмо могуществом Рефендари, чтобы оно не попало не в те руки. Эбби и Сирелине, само собой, Дин'Юлемиона рассказала обо всем, взяв с них обет молчания. С кем же еще поделиться удивительной тайной фея оставляла на усмотрение новой императрицы. И та, разумеется, сообщила ее самым близким Илиане людям. Увы, за неимением одного — того, кого ей следовало бы известить в первую очередь. Арбаха ан-Бакира уже не было в живых. Три года назад он скончался на вершине той самой башенки, где некогда ожидал возвращения караванщиков, нашедших в пустыне маленькую Илиану. Казалось, он все ждал, что чудо произойдет вновь и что однажды его приемная внучка вновь войдет под сень раскидистых пальм Нирелина. Там, под навесом, глядя в далекие пески, он тихо отошел в мир иной, и лицо его было таким светлым, будто старик и впрямь увидел свое любимое дитя.

Талара поведала содержание письма тем, кому наверняка открыла бы его сама Илиана. Поведала ребятам из Абериджа, ставшим совсем взрослыми, Уне, Бэйлу, Флее, Арадоре, Алеаде, Жозефине и Каролайне. Они иногда собирались в личных покоях той, кого именовали Принцесса Крови, чтобы вспоминать о ней добрым словом. В иных случаях в эти покои никто не заходил. Талара, занявшая императорский дворец в Тал-Амине, хотела, чтобы в них все сохранялось так, как и было при жизни ее лучшей подруги. Там же она обсуждала с этими близкими людьми будущее Ардариании, рассказывала о своих планах и делилась надеждами на тот счастливый день, когда в их мире вновь появятся феи. Вероятно, это событие находилось уже не за горами. От Дин'Юлемионы продолжали приходить весточки, где светозарная крошка туманно намекала на такую возможность.

Именно потому, что на личные покои Илианы было наложено табу, Талара сердито нахмурилась, обнаружив, что дверь в них приоткрыта. Сегодня календарь показывал особенную дату — пять лет с того самого дня. Талара специально пришла к заветному порогу с утра пораньше, чтобы постоять немного в одиночестве на

любимом балконе подруги. А тут на тебе! Форменное безобразие! Еще и почетный караул куда-то подевался! Ну императрица им задаст! Открыв дверь, Талара прошла внутрь, подозревая, не зашел ли кто-нибудь туда без спроса. С этих оголтелых станется! В Ардариании Илиану почитали вплоть до фанатизма, так что кто-нибудь вполне мог проникнуть в святая святых без всякого дурного умысла. Окинув взором гостиную, Талара уже хотела было строго окликнуть потенциального нарушителя, как вдруг ее внимание привлек хорошо знакомый звук. Это был шелест занавески, бьющейся об открытую балконную дверь. Ну вот, так и есть! Кто-то, воспользовавшись отсутствием стражи, явился в покои Алой звезды, да еще и обосновался там, где хотела побыть сама Талара. Вконец рассердившись, императрица быстрым шагом проследовала в направлении шума и шагнула на балкон, готовясь задать кому-то хорошую взбучку. И остолбенела. Там, у перил, поглаживая распушившуюся, пребывавшую на вершине блаженства Шую, стояла хорошо знакомая ей фигура. Знакомая настолько, что Талара была не в состоянии ее с кем-либо спутать. Издав тихий возглас, императрица схватилась за сердце. Грудь затрепетала, голова пошла кругом. Девушка у перил медленно повернулась, и у Талары перехватило дыхание.

— Здравствуй, Тали, — сказала эта девушка, таинственно мерцая бездонными сиреневыми глазами, от которых мягко лучились волны белого света. — Давай попробуем сделать этот мир лучше.

К О Н Е Ц